Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

ФДР–человек и политик
Загадка Пёрл-Харбора

Н.Н.ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Н.Н.ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Н.Н.ЯКОВЛЕВ

ФДР—человек и политик
Загадка Пёрл-Харбора

Москва
"Международные отношения"
1988

ББК 66.4 (0)
Я 47

Яковлев Н. Н.

Я 47 ФДР – человек и политик. Загадка Пёрл-Харбора: Избранные произведения. – М.: Междунар. отношения, 1988. – ...с.

ISBN 5-7133-0122-2

Книги, включенные в этот том, посвящены жизнн н деятельности выдающегося американского государственного деятеля Франклина Д. Рузвельта (ФДР). На годы его президиетства (1933 – 1945 гг.) падают эпохальные событня в мире. ФДР по праву считается создателем современной американской государствениости. Он укрепил традиционную двухпартийную систему правлеиия в США. Нередко нменовавшийся "лев н лнсица", ФДР прибегал к самым нзощренным методам ведеиия полнтики, особенно виешней. Книга "Загадка Пёрл-Харбора" (выходившая н под названием "Пёрл-Харбор. 7 декабря 1941. Быль и небыль") как бы через увеличительное стекло показывает действия ФДР в канун вступления США в войну. При подготовке зтого издания учтеиы иовейшие нсследования амернканской нсториографии.

Для широкого круга читателей.

Я $\frac{0805000000 - 045}{003\ (01) - 88}$ Без объявл. ББК 66.4 (0)

ISBN 5-7133-0122-2

ФДР-человек и политик

ОТ АВТОРА

Когда в середине 30-х годов Эмиль Людвиг начал работать над биографией Франклина Д. Рузвельта, он встретился с президентом. Писатель сказал ему: «Для меня это новая и трудная задача. Мне было легче написать биографии Наполеона, Бисмарка, Гете и Боливара. Вас труднее оценить – вы живете». Рузвельт горячо схватил руку Людвига и рассмеялся. «В таком случае, – заметил он, – я предлагаю: подождите сто лет!» В США от книг о ФДР ломятся библиотечные полки. Поток литературы не ослабевает, в подстрочных примечаниях указаны только некоторые, по-видимому, самые важные. Предлагаются различные интерпретации жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта, по-разному пытаются адаптировать его духовное наследие к нуждам сегодняшнего дня, что уже само по себе – повод для большого исследования.

«Нет, сэр, с меня довольно. Она похожа на все остальные. Биографии обычно написаны так, что они не только вводят в заблуждение, но просто лживы. Автор книги «Жизнь Бёрке» превращает его в удивительнейшего героя. Он преувеличивает его достоинства и умалчивает о недостатках. Автор столь усерден, расточает такие похвалы каждому его поступку, что почти приходится поверить: Бёрке не совершил ни одной ошибки, не потерпел ни одной неудачи в жизни. Билли, меня удивляет, почему издатели и книготорговцы еще не догадались завести биографии-бланки, которые в случае необходимости будут под рукой. Тогда по смерти того или иного человека его наследники или друзья, желающие увековечить память покойного, купят уже написанную биографию-бланк. Они заполнят по своему усмотрению оставленные заранее места высокопарными, хвалебными фразами. И это будет уместно, ибо в большинстве случаев биографии увековечивают ложь, не давая возможности потомкам узнать правду».

А. ЛИНКОЛЬН – У. ХЕРНДОНУ

КТО ОНИ, РУЗВЕЛЬТЫ?

I

Президент обычно известен американскому народу. Он — конституционное олицетворение страны. Франклин Делано Рузвельт, четыре раза принимавший присягу президента, уже по одной этой причине вызывал жгучий интерес соотечественников. Они хотели знать все: почему он пришел в Белый дом, что он знал, умел и, конечно, откуда родом. О многом газеты и радио рассказали уже в его первую избирательную кампанию в 1932 году, но интерес не ослабевал. По мере роста популярности президента отдельные группы в Соединенных Штатах, связанные деловыми, религиозными или национальными узами, объявляли, что ФДР, как по принятой в Америке манере сокращали его имя и фамилию, — "наш".

В 1935 году взволновалась американская еврейская община — разнесся слух, что президент из евреев. Редактор еврейского органа "Джуиш кроникл", что в Детройте, Ф. Словович направил запрос Ф. Рузвельту. Президент не замедлил с ответом; письмо редактора датировано 4 марта 1935 г., ответ Рузвельтом написан 7 марта.

Он сообщил Словомичу: "Благодарю вас за интересное письмо от 4 марта. Я не имею ни малейшего представления об источнике сведений, которые, как вы сообщаете, исходят от моего старого друга Чейза Осборна. Мои познания о происхождении семьи Рузвельтов в Соединенных Штатах ограничиваются тем, что все ее ветви, очевидно, восходят к Клаусу Мартенсену ван Рузвельту, который приехал из Голландии незадолго до 1643 года — я даже не знаю точно года. Я не имею ни малейшего понятия, где он жил в Голландии и кто его родители.

Всего тридцать — сорок лет назад на одном из островов у берегов Голландии проживала семья, носившая эту фамилию, а несколько таких семей обитало в самой Голландии. Однако, откровенно говоря, у меня никогда не было ни времени, ни желания проследить генеалогию нашей семьи по ту сторону Атлантики до ее отъезда сюда, то есть примерно триста лет назад.

Пусть в отдаленном прошлом Рузвельты были евреями или католиками, или протестантами, меня больше интересует не это, а были ли они хорошими гражданами и верили ли в бога. Надеюсь, что это так"[1].

Тем и исчерпывались познания Ф. Рузвельта о своей родословной, по крайней мере высказанные публично. Впрочем, американский президент — символ единства нации, а Соединенные Штаты — тигель национальностей. Носил же Рузвельт титул "почетного индейца" и появлялся в бытность президентом на людях в пышном головном уборе из орлиных перьев.

Американские историки, в том числе биографы Ф. Рузвельта, следуют его примеру и рассказывают о предках президента только с того момента, когда первый ван Рузвельт ступил на берег Америки в Новом Амстердаме в 40-х годах XVII столетия. Клаус и его сын Николас мало известны, за исключением того, что доподлинно установлено их существование и что они являлись общими предками двух ветвей рода Рузвельтов, одна из которых дала в XX веке президента Теодора Рузвельта, а другая — Франклина Рузвельта. Старший сын Николаса — Иоанн был родоначальником первой, младший — Иаков (1692—1776 гг.) — второй. От сына Иакова, Исаака, родившегося в 1726 году, пошла династия предприимчивых дельцов и в общем посредственных людей. В некрологах каждый мужской представитель семьи последовательно именовался "джентльменом старой школы", имена старших сыновей на протяжении нескольких поколений выбирались с вызывающим консерватизмом — Исаак (1726—1796 гг.), Джеймс, Исаак, Джеймс, и, наконец, только в конце XIX века традиция была сломлена — на свет появился не Исаак, а Франклин.

"Мой сын Франклин — из рода Делано, а совсем не из рода Рузвельтов", — говаривала его мать Сара Делано. Быть может, в какой-то мере ее увлечение генеалогией семьи — Делано любили прослеживать свое происхождение от Вильгельма Завоевателя! — сказалось на отказе от традиционного чередования имен в семье. Каковы бы ни были претензии Делано на знатность происхождения, путь этого рода в Америке немногим отличался от пути Рузвельтов. И те и другие любили говорить о врожденном аристократизме. Пусть так, если иметь в виду аристократизм денежного мешка.

Первый Исаак Рузвельт основал сахарный завод, находившийся в районе нынешней Уолл-стрит в Нью-Йорке. Чтобы вести прибыльно дело в тогдашней колониальной Америке, нужно было обходить различные ограничения, установленные английскими властями. Значительный капитал, нажитый Исааком, положивший начало состоянию Рузвельтов, — критерий соблюдения им законов метрополии и его революционности, каковой они гордились.

Франклин Рузвельт отлично понимал мотивы, по которым Исаак оказался среди пламенных революционеров, поднявшихся на войну за независимость в конце XVIII века. Когда в 1939 году американские газеты указали на историческую связь семьи Рузвельтов с Англией и Францией, Ф. Рузвельт счел необходимым исправить создавшееся впечатление. Он заметил по поводу статьи Э. Линдли, в которой проводилась эта точка зрения: "Если бы автор более основательно изучил вопрос о "семейных узах", он бы понял, что семья Рузвельтов, торгуя сахаром с Вест-Индией, была вынуждена на протяжении многих лет бороться с английскими и французскими интересами на этих островах и из-за этого они в большей степени стали революционерами в 1776 году, а не по причине недовольства тори"[2]. Современный маститый биограф Ф. Рузвельта Ф. Фрейдль уместно замечает: "ФДР добавил французов просто ради красного словца; нет сомнений, что Исаак извлек наибольшие барыши из контрабандной торговли с ними". Как бы то ни было, революционность Исаака принесла немалые дивиденды: он был избран в состав первого сената штата Нью-Йорк и голосовал за ратификацию конституции. Исаак-"патриот" закончил свой жизненный путь президентом первого банка Нью-Йорка[3].

Джеймс Рузвельт (1760—1847 гг.), его сын, продолжил дело отца уже с дипломом Принстона. Иссак был непримиримым лишь в денежных вопросах; принадлежность его друга Абрама Уолтона к тори не помешала Джеймсу жениться на дочери этого закоснелого роялиста. Джеймс, пробыв один срок членом легислатуры штата Нью-Йорк, разочаровался в политике и посвятил свою жизнь наследственному делу сахарозаводчика, а также занялся коневодством и спекуляциями земельными участками. Второй Исаак Рузвельт (1790—1863 гг.) был доволен собой, браком с богатой женщиной, был поглощен ботаникой и разведением лошадей.

Отец Франклина — Джеймс Рузвельт родился в 1828 году. Бо́льшая часть его жизни прошла в доме семьи в Гайд-парке, на реке Гудзон, на полпути между Нью-Йорком и Олбани. Он был известен в местном кругу как спокойный джентльмен, озабоченный главным образом поддержанием уютного и теплого домашнего очага. Отдавая дань буржуазной респектабельности в Гайд-парке, Джеймс Рузвельт был совершенно иным в деловом мире Нью-Йорка, где он был не из последних если не по капиталу, то по предприимчивости. От матери он унаследовал прочные доходы в ряде угольных и транспортных компаний, где он был президентом или вице-президентом.

Джеймс Рузвельт — среди тех, кто стоял у колыбели американского монополистического капитала. Тогда где же сказочное

состояние? Американские историки, указав – в конце жизни он имел 300 тыс. долл., с редким единодушием говорят: Джеймс был эксцентричным человеком. Его интересовали не конечные результаты – деньги, а процесс их приобретения. Материальные стремления Джеймса будто бы не шли дальше обеспечения безбедного существования обитателей дорогого дома в Гайд-парке. Если так, то хлопоты Джеймса просто необъяснимы.

Всю жизнь он носился с обширными проектами. Вскоре после гражданской войны Джеймс вместе с несколькими дельцами создал крупнейшую в США монополию по добыче битуминозного угля "Консолидейтед коул компани", а в 1868 году он стал ее президентом. Кризис 1873 года подорвал дела компании, и разгневанные держатели акций в 1875 году вывели Джеймса из состава правления. Новые руководители концерна вскоре обеспечили обещанные высокие прибыли. Неудача не обескуражила Джеймса: с 1872 года он – президент Компании железных дорог Юга. С друзьями он решил монополизировать железнодорожную сеть юго-востока страны. Они были почти у цели, все линии находились в руках компании, но очередной кризис уничтожил даже проблески надежды на прибыли. Компания обанкротилась.

В 80-х годах Дж. Рузвельт со своими неутомимыми друзьями затевает еще более грандиозное предприятие. Лессепс тогда руководил прорытием канала между Атлантическим и Тихим океанами. Джеймс Рузвельт выступает его соперником. В 1887 году возникает Компания морского канала Никарагуа, которая получает концессию у правительства крошечной республики. В 1889 году Дж. Рузвельт становится ее президентом и добивается принятия конгрессом закона об инкорпорации компании. Его друг президент Кливленд охотно подписал закон. С капиталом в 6 млн. долл. компания приступила к предварительным работам. Зная предшествующие предприятия, связанные с именем Джеймса, итог ясен – кризис 1893 года уничтожил все.

В Соединенных Штатах поговаривали, что неудачи отца создали стойкое предубеждение у Франклина Рузвельта против биржевых и иных спекуляций. Судить об этом трудно, ничто в жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта не подтверждает этого: он уживается с мультимиллионерами. Но он люто ненавидел экономические кризисы, которые приносили столько бедствий и навсегда закрыли перед отцом дверь в общество избранных принцев экономики.

Опыт по материнской линии не мог не подтвердить в глазах Франклина правильности этого. Отец его матери – Уоррен Делано многие годы занимался торговлей с Китаем. Уже на склоне лет, в 40-х годах, Ф. Рузвельт как-то рассказывал: "Мы друзья с

Китаем мно-о-о-гие годы. Часть этих добрых чувств я отношу за счет мнссnонеров. Я лично связан с Китаем, мой дед бывал там — в Сватоу н Кантоне в 1829 году н даже заезжал в Ханькоу. Он сделал то, о чем мечтал тогда каждый амернканец, — миллнон долларов, а когда вернулся на родину, то вложил его в железные дорогн Запада. За восемь последующих лет он потерял все, вплоть до последнего доллара. Ха-ха-ха! В 1856 году он опять отправился в Китай, оставался там на протяжении всей войны (гражданской войны в США. — *Н. Я.*) н заработал еще миллнон. На этот раз он вложил его в угольные копн, и первые дивиденды были выплачены через два года после его смерти. Ха-ха-ха!.."[4]. Это правда: У. Делано в Гонконге заннмался опиумной торговлей. В Соединенных Штатах тогда шла гражданская война н госпнтали остро нуждались в опиуме. Достойное оправдание недостойной практнки!

Слов нет: Уоррен Делано был дельцом крутой закваскн, хозяином дела н собственной семьн, насчитывавшей одиннадцать детей. Сара Делано выросла в нзысканной роскоши, но под строгнм надзором отца. В 1880 году в доме Теодора Рузвельта в Нью-Йорке она встретила Джеймса Рузвельта. Ей было 26, Джеймсу — 52. Она хорошо знала светскую жизнь людей своего круга, он отвечал ее представлениям о джентльмене.

Отец Сары уважал Джеймса Рузвельта, был партнером в делах н соседом — его дом был недалеко от Гайд-парка и рекн Гудзон. Уоррен Делано был республиканцем, он говорил: "Я не настаиваю, что все демократы — конокрады, но, по-видимому, все конокрады — демократы". Совместные деловые предприятия с демократом Джеймсом прнтупили партийную предубежденность Уоррена, но предрассудки не моглн не ожить, когда было замечено, что Джеймс бывает в доме, собственно говоря, ради Сары.

Не только партийная прнверженность, но н здравый смысл говорил: Джеймсу 52 года, он вдовец, от покойной первой жены Ревеккн Хоуленд у него был сын, родившийся в 1854 году, в тот год, когда увидела свет Сара. "Нет н еще раз нет", — попробовал сказать Уоррен. Сара была послушна, как всегда, но кротко напомнила, что отец много раз отказывал тем, кто предлагал ей руку и сердце, а 26 лет — уже возраст для женщины. В октябре 1880 года Джеймс н Сара вступили в брак. В прнданное она принесла около миллиона долларов.

30 января 1882 г. в жизнн семьн свершилось велнкое событие — родился мальчик, названный Франклином, нменем, которое носил скончавшийся незадолго перед этим сын брата Сары.

II

Франклин Делано Рузвельт родился в то время, когда хозяевам Америки прогресс представлялся синонимом капитализма и ему не предвиделось конца. В очаровательной долине Гудзона лучшие земли у реки занимали тринадцать имений, каждое в среднем по двести гектаров, среди них Гайд-парк Рузвельтов. Их хозяева вели размеренную жизнь, напоминавшую быт английских помещиков средней руки. Занимались сельским хозяйством, и не ради забавы — с полей снимался обильный урожай, а скот был отличной породы. Но интересы мужской половины поглощали не эти в конечном счете пустяки — в ста с небольшим километрах к востоку кипел громадный Нью-Йорк, на Уолл-стрит вершились судьбы Америки. Все вращалось в замкнутом кругу: когда отец Франклина отправлялся на работу, он ехал на Уолл-стрит, когда возвращался домой, он приезжал в Гайд-парк, где соседями были все те же люди; недалеко от Рузвельтов жили Вандербильды и Асторы, Роджерсы и Огдены — цвет делового мира, неслыханные богачи.

С первых шагов в большом мире мать и отец не уставали твердить сыну, что он принадлежит к избранным, элите американского общества. Особых наставлений не требовалось: вещи и окружавшие люди самим своим существованием каждодневно напоминали маленькому Франклину об этом: хорошо обжитой просторный дом в Гайд-парке, тогда к нему еще не были пристроены оба крыла с узкой верандой, вокруг громадные, отлично сформированные деревья — вязы, клены, каштаны, буки. На всю жизнь в память Франклина запали эти деревья — неотъемлемая принадлежность Гайд-парка. Дальше, за лужайками, простирались обработанные поля, аккуратные пастбища для скота. Почти все, что можно было увидеть из окна детской на втором этаже дома по эту сторону реки, принадлежало Рузвельтам.

Отец очень рано объяснил сыну, что красота — не дикие заросли, а исправленный руками человека пейзаж. Человек живет плодами земли, но и имеет обязанности перед ней. Закопченный город не укладывался в педагогическую схему. Скорее это напоминало повторение постулатов джефферсоновской демократии. Аграрная идиллия... Т. Джефферсон, однако, был рабовладельцем.

Уже маленький мальчик без труда установил, что в мире существует социальная иерархия. Он, отец, мать незримыми, но четко осязаемыми границами отделялись от гувернанток, те, в свою очередь, отличались положением от поваров и слуг в

доме, а последние не желали иметь ничего общего с кучерами и сельскохозяйственными рабочими. Когда чета Рузвельтов скользила зимой по заснеженным дорогам в щегольских русских санях (сделанных первоначально для Наполеона III и вывезенных Джеймсом из Парижа в 1862 г.), сомнений быть не могло: они принадлежали к высшему свету.

В Америке все трудились, но вознаграждались по-разному. Во всяком случае, Франклин привык не видеть ничего необычного в том, что труды отца давали возможность содержать Гайд-парк. Если семья ехала куда-нибудь, то покупались не билеты, а брался салон-вагон, независимо от того, шла ли речь об отдыхе или деловой поездке. Джеймс Рузвельт, выезжая по делам, иногда брал с собой мальчика. Мягкий перестук колес, слабое покачивание салон-вагона, объясняющий все и вся старик отец оставили неизгладимое впечатление у Франклина. Езда в поезде со скоростью, редко превышавшей 50 *км* в час, станет одним из любимых видов отдыха президента Соединенных Штатов.

В детстве Франклин мало бывал со сверстниками, его жизнь в основном проходила среди взрослых. Брат был старше на 28 лет и питал к нему отцовские чувства, престарелый отец не чаял души в сыне и с болезненной ревностью следил, чтобы Франклин не делил свои привязанности с кем-нибудь еще. Джеймс Рузвельт мог служить образцом джентльмена в понимании своего класса. С изысканными манерами, приветливым взглядом глубоких голубых глаз и всегда имеющий под рукой пятьсот золотых долларов, Джеймс не мог не привлекать к себе мальчика. Деловые занятия отца, естественно, лежали вне круга семейных интересов. Франклин знал отца дома. Джеймс со значительным уважением к личности маленького собеседника объяснил ему, что приличествует джентльмену: тактичное поведение в обществе и обязательно спорт (летом – верховая езда, велосипед; зимой – коньки и буер на льду Гудзона).

Мать боготворила мальчика. Она завела дневник и на протяжении двадцати лет записывала мельчайшие подробности о каждом его поступке, чуть ли не о каждом шаге и жесте.

Велик соблазн уже тогда найти в крошечном мальчике, одетом по тогдашней моде в юбочку, черты гениальности или по крайней мере объявить, что родители чуть ли не с пеленок готовили сына к выдающейся политической деятельности. Все это, конечно, вздор. Франклин рос обыкновенным мальчиком, а политика в глазах дельцов была малопочтенным занятием. Как-то отец привез пятилетнего сына в Белый дом и представил президенту Г. Кливленду. Президент выглядел усталым и измученным. Положив руку на голову мальчика, он сказал: "Мой

маленький мужчина. Я выскажу тебе странное пожелание. Пусть ты никогда не будешь президентом Соединенных Штатов".

После выборов 1932 года Сару Делано Рузвельт спросили, думали ли когда-либо в семье, что Франклин станет президентом. Она с горячностью воскликнула: "Никогда, никогда! Последнее, о чем я могла когда-либо подумать, — это то, что мой сын будет занят политикой!" Наверное, она была искренна. Профессия государственных деятелей и все, что связано с государством, не выглядели привлекательно в глазах буржуа. Подростком Франклин объявил отцу, что станет военным моряком и поедет в военно-морскую академию в Аннаполисе. Джеймс Рузвельт сначала пришел в ужас, а затем яркими красками нарисовал бедность жизни офицера в блестящем мундире по сравнению с достатком бизнесмена в скромном сюртуке. Нетрудно сделать выбор.

Когда Франклину было около семи лет, мать энергично взялась за его обучение. До четырнадцати лет он получал домашнее образование. В его жизни царил строгий режим, установленный родителями: подъем в семь, завтрак в восемь, до полудня два-три часа уроков. Отдых с двенадцати до второго завтрака в час и вновь занятия до четырех часов дня. Руководящим принципом воспитания была не мелочная опека, а культивирование чувства ответственности и уверенности в себе.

Маленький Франклин безумно любил животных. Хорошо. Он получил от родителей в подарок шотландского пони и породистого сеттера. Радость мальчика была безграничной, но ему ласково сообщили, что оба животных отныне полностью вверены его попечению, на нем лежит и уход за пони. "Безумно трудная работа", — признался взрослый Франклин Д. Рузвельт.

Джеймс и Сара тщательно охраняли маленький мирок сына от треволнений большого мира, которые дети в Америке знают чуть ли не с пеленок. Кто-то язвительно заметил, что знакомство Франклина с Гекльберри Финном не пошло дальше рукопожатия с Марком Твеном. О жизни и быте простого люда он знал только понаслышке. Однако усвоил — им нужно повелевать, что распространил на детей, игравших с ним. Мать упрекнула: "Зачем приказывать!" "Но если я не буду приказывать, ничего не сделают", — возразил сын.

Рейнхардт, первая гувернантка Франклина, довольно успешно обучила Франклина немецкому языку и дала начальные школьные знания. Занятия с Рейнхардт прервались, она отправилась в психиатрическую больницу. Ее место заняла мадемуазель Сандоц, приехавшая из Швейцарии учить юных американцев из состоятельных семей. У нее были смутные представления о социаль-

ной справедливости и твердое знание родного французского языка, которому она изрядно научила своего питомца.

Несмотря на все усилия матери, Франклин оказал успешное сопротивление ее попыткам идеального воспитания в стиле маленького лорда Фаунтлероя. Его так и не смогли научить играть на пианино и рисовать. Мальчик проявил незаурядную изобретательность, изыскивая предлоги, чтобы избежать ненавистных уроков музыки. Эксплуатация родительских чувств зашла далеко: перспектива посещения церкви, особенно в холодные зимние дни, вызывала у него недомогание, и правдивый сын сообщал об этом маме еще с вечера. К двенадцати годам приступы болезни стали столь регулярными, что Сара поставила диагноз — "воскресная головная боль". Маленьким американцам по сей день ставят в пример хрестоматийную религиозность Рузвельта еще с детства.

Когда наступало лето, семья обязательно отправлялась в Европу. Они были космополитами, Рузвельты. В три года сын познакомился с Европой. Очень скоро Париж, Лондон, Германия, на курортах которой отец постоянно лечил сердце, стали не менее знакомы Франклину, чем Нью-Йорк. Быть может, даже больше. Во время одной из поездок в Германию, когда Франклину было десять лет, родители для усовершенствования в немецком языке отдали Франклина на шесть недель в народную школу. Он был на год старше одноклассников. Мать нашла саму мысль поучиться в немецкой школе забавной, хотя и сомневалась, выучится ли он там чему-нибудь. Франклину необычайно понравилось ходить в школу с толпой, как он выразился, "обезьянок", учить там все по-немецки.

В Гайд-парке была школа, но у Джеймса и Сары никогда даже не возникало мысли о том, что их сын может учиться в ней вместе с детьми простого люда. Четырнадцати лет вместе со своим учителем он совершил поездку на велосипедах вдоль Рейна. В 1939 году Франклин Рузвельт говорил: "Мальчиком я знал Германию значительно лучше, чем Францию и Англию. Во всяком случае, я относился с большей теплотой к более известной мне Германии, чем к Англии и Франции".

Не нужно упускать: он знал только высший свет европейских столиц, где Рузвельты чувствовали себя среди равных. Пытливый мальчик вплотную рассмотрел министров и герцогов, адмиралов и титулованную знать. Не в деле, конечно, а на светских раутах, охоте, курортах. Говорили там чаще по-французски, Франклин бойко отвечал, когда спрашивали. Даже в 1944 году Рузвельт произнес речь по-французски на церемонии передачи эсминца Франции. Было отмечено хорошее произношение.

Основательное знание двух иностранных языков отличало Рузвельта от американских политиков.

Он много читал. Ему не было еще и десяти лет, когда четко определились интересы: в первую очередь Франклин читал и перечитывал все, что относилось к морю. Мать с недоумением следила за тем, как сын брался за серьезные книги. С девяти лет всем журналам Франклин предпочитал "Сайнтифик американ", едва ли увлекательный для подавляющего большинства его сверстников. Как-то в дождливый день Сара застала его за чтением словаря. Способность Франклина запоминать прочитанное была поразительна. Однажды мать читала сыну вслух книгу, в то время как он разбирал свою коллекцию марок – с десяти лет он стал самозабвенным коллекционером. Видимое невнимание Франклина вызвало у нее резкое замечание. Сын немедленно повторил последние фразы, добавив с очевидным оттенком высокомерия: "Мне было бы стыдно, если бы я не мог делать двух дел одновременно". Близкие всегда не переставали удивляться тому, как Ф. Рузвельт буквально проглатывал книги.

Не только удовлетворение ненасытного книжного голода питало любовь к морю. Вскоре после рождения Франклина родители купили небольшой участок земли (около двух гектаров) на полюбившемся им канадском островке Кампобелло в заливе Фанди, вблизи Ист-порта, штат Мэн. Здесь, на берегу холодного бурного океана, они построили летний домик. Девятилетний Франклин был вне себя от радости, когда отец купил семнадцатиметровую яхту "Хаф мун", первую в серии яхт, носивших это название. Его нельзя было никакими силами заставить покинуть суденышко. Когда голова Франклина начала возвышаться над штурвалом, он многие часы проводил на борту яхты, а мать была единственным пассажиром.

Шестнадцати лет Франклин стал владельцем собственного судна – семиметровой яхты "Нью мун". На ней, иногда один, иногда с друзьями, Франклин многие годы детально исследовал бесчисленные бухточки, узнал капризные течения, приливы и отливы опасных вод залива Фанди. Море осталось его страстью до смерти.

ГРОТОН, ГАРВАРД, ЭЛЕОНОРА И ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

I

Эндикот Пибоди принадлежал к одной из богатейших семей Новой Англии, компаньонов дома Морганов. Его отец представлял интересы концерна в Англии. Эндикот Пибоди получил образование в этой стране, завершив его в Кембридже. Там на него произвели глубокое впечатление английская система образования избранных для служения избранным, реформистская деятельность тори и каноны англиканской церкви. По возвращении в Соединенные Штаты молодой Пибоди объявил семье, что решил не переступать порога контор менял, а предпочитает кафедру. Он стал священником, но, проведя полгода в городке горняков в штате Аризона, понял, что его поймут только избранные.

В 1883 году в маленьком городке Гротон, в шестидесяти километрах от Бостона, он основал школу, дабы готовить в ней молодых людей "в основном христианского склада". Земельный участок для школьных зданий предоставил богач Дж. Лоуренс, за что был включен в наблюдательный совет вместе с Дж. П. Морганом и другими представителями денежных интересов. Очень скоро о Гротоне разнеслась слава как о наиболее привилегированной школе Соединенных Штатов. Срок обучения был установлен шесть лет. Принимались двенадцатилетние мальчики и выпускались восемнадцатилетние юноши.

. Четырнадцатилетний Франклин переступил порог школы и был принят сразу в третий класс. В 1934 году Франклин Рузвельт говорил: "Пока я жив, влияние доктора и миссис Пибоди означает и будет означать для меня больше, чем влияние любых других людей, за исключением отца и матери". Президент был далек от того, чтобы отдать простой долг вежливости. Он старался, чтобы все торжественные религиозные церемонии в Белом доме отправлялись Эндикотом Пибоди. В чем секрет успеха ректора у ученика Франклина?

Превыше всего Пибоди ставил служение стране, понимая его в духе либеральствующего тори конца XIX века. В бесчисленных горячих простых проповедях, хорошо гармонировавших с его наружностью сильного человека из народа, он настаи-

вал иа том, что политика в Америке должна быть очищеиа от скверны, а гротоицы в жизни иикогда ие должны идти иа компромисс со Злом. То было провозглашеиие абстрактно прекрасных истин христианства, ио ректор, хотя ежедневио и пожимал перед сиом руку каждому из 110 воспитанников, как-то забывал сообщить им поодиночке или всем вместе, как претворить в жизнь заманчивые принципы.

Слабая связь школы с жизиью привела к тому, что к 1936 году из тысячи выпускииков Гротоиа лишь десять иашли себя в политике (среди иих Ф. Рузвельт, С. Уэллес, Дж. Грю, А. Гарриман, Д. Ачесон). Успеху иа политическом поприще мало способствовала привычка, по словам одного гротоица, приобретенная в школе, "во время разговора с малозиакомым человеком пристально смотреть иа два дюйма выше головы собеседника". С большим трудом Франклин избавился от манеры гротоица, определенно излишней для политика.

Жизнь учеиика в школе иапоминала ту, которую Пибоди видел в колледжах Кембриджа и Оксфорда. Каждый воспитаиник получал небольшую клетушку в два иа три метра, в которой стояли койка, стол, стул, а вместо шкафа – крючки иа стеие. Подчеркнуто простой быт, частично спартанский – холодный душ по утрам и умывание ледяиой водой, дополиялся правилом: к ужину являться в вечерием костюме, в рубашке с крахмальиым воротничком и в лакированных туфлях.

Пибоди чистосердечно полагал, что введеиие системы старшинства среди учеников, принятой в английских колледжах, создаст в Гротоие подобие большой семьи. Система принесла иеизбежные результаты: безмерную тиранию старших над младшими. Отпрыски приличных семей проявили иезаурядную изобретательиость: иовичков "дисциплинировали", заставляя гнуться в три погибели, и в таком виде запирали в тумбочках для обуви. Это был обычный метод воздействия. Если же старшие учеиики иаходили, что тот или иной мальчик ие подходит к "тоиу" школы, ои подвергался "иакачиванию": иесчастного тащили в ближайший туалет, запрокидывали голову над раковиной и иаливали в рот воду до тех пор, пока жертва ие начинала захлебываться.

К Франклину эти воспитательиые меры иикогда ие примеиялись. Напротив, очеиь скоро ои стал отиоситься к иеудачникам с плохо скрытым презреиием. В письме домой ои сообщает: "Сын Биддлов просто сумасшедший, иовичок и глупец. Его уже иесколько раз запирали в тумбочку и неоднократио грозили иакачать".

С первых шагов в школе Франклин инстинктивно взял правильный тон с товарищами, что как раз для него было нелегкой задачей. Он пришел в класс шестнадцатым на третий год обучения, когда отстоялись симпатии и антипатии. Однако он быстро схватил основное в школьной жизни – не выделяться – и счел разумным во всех случаях быть на стороне большинства, не примыкая к считанным бунтовщикам.

В первые месяцы Франклин горячо взялся за дело и стал одним из лучших учеников. Вскоре он обнаружил, что это вернейший путь пасть в глазах товарищей. В конце года, получив наконец первую двойку, он торжествовал. Расчетливый мальчишка отписал домой: "Сегодня заслужил первый неуд и очень рад этому, так как до сих пор считалось, что у меня нет чувства школьной корпорации. Старая психопатка Барбаросса влепила мне двойку за болтовню в классе". Отныне табель Франклина украшали тщательно дозированные неуды, но не в таком количестве, чтобы открыть перед ним двери кабинета ректора для назидательной беседы – для этого требовалось шесть двоек. Он учился, имея средний балл Б (соответствует четверке).

Система педагогических воззрений Пибоди не отличалась большой сложностью (перечисляются в порядке важности): религия, формирование характера, спорт и науки. Франклин приложил большие усилия к тому, чтобы стать футболистом. Поздно развившийся юноша оказался слабым и не достиг сколь-нибудь заметных успехов. Он остался вне коллектива – славу приносил только спорт.

Программа Гротона была не только своеобразна, но и архаична. Пибоди мечтал о том, чтобы готовить пополнение для правящей Америкой элиты. На его взгляд, было необходимо ввести в круг консервных и цинковых королей, магнатов железа и маргарина отлично образованных людей. Поэтому гротонцев усердно учили латинскому и древнегреческому, французскому и немецкому языкам. В наши дни идеологи американской буржуазии настаивают на том, что их страна прошла незаурядный путь; в конце XIX века Пибоди был куда более трезвым – ученики получали основательные знания истории почти исключительно европейских стран.

Пибоди стремился насаждать конформизм, выпускники должны были быть связанными единством взглядов. Он повторял: "Мне не нравятся юноши, которые думают слишком много. Множество людей думают о множестве вещей, без которых мы можем обойтись"[1]. Следовательно, прежде всего и превыше всего – церковь, посещением ее начинался и заканчивался каждый день. Франклин с годами приобретал все больший интерес к рели-

гии. По-видимому, сама обстановка школы — все четыре года, несмотря на кажущуюся общительность, он был, в сущности, одинок — толкала его на это. Плюс влияние Пибоди. Едва ли Франклин поддержал бы суждение Аверелла Гарримана, который как-то заметил отцу о Пибоди: "Знаешь, ректор был бы просто очарователен, если бы не был таким ужасным христианином". Франклин без особых настояний ректора принимал участие в церковной работе в окрестных деревушках и посвящал часть своих каникул занятиям с детьми бедняков. Пибоди организовал для них лагерь вблизи Гротона.

В Гротоне Франклин приобрел некоторое умение вести полемику. В последний год его пребывания в школе учебные диспуты были далеки от академизма. С начала 1897 года в Соединенных Штатах поднялась волна шовинизма — готовилась война против Испании. Успех предстоящих сражений должен был решить флот. Франклин к этому времени основательно изучил работы адмирала А. Мэхэна, теоретика примата морской мощи, что-де и обеспечивает статус мировой державы.

Франклин оказался необычайно активным в школьных диспутах: "Решено, что США должны увеличить военно-морской флот", "Решено, что США должны немедленно аннексировать Гавайские острова" и на другие ура-империалистические темы.

Героем Франклина был Теодор Рузвельт. Весной 1897 года он пишет родителям: "Кузен Теодор прочитал нам отличную лекцию о своих приключениях, когда он был в полицейском управлении. Больше часа он держал весь зал в напряжении, рассказывая, как полиция убивает, о ее свершениях в Нью-Йорке". Быстрый на расправу Теодор восхитил юношу, а коль скоро Франклин почитал его за пример, вероятно, уже тогда у него начало складываться убеждение: государство немыслимо без сильных карательных органов.

В июне 1899 года семнадцатилетний Франклин окончил Гротон. Рассудительный юноша вступал в жизнь. Незадолго перед выпуском он надел пенсне, найдя, что оно идет ему больше, чем очки, а мужественность подчеркивала сигарета. Памятный подарок — сорокатомное собрание сочинений Шекспира. Расставаясь с Франклином, Пибоди записал в его аттестате: "Он был честным учеником и весьма удовлетворительным членом коллектива на протяжении всей учебы".

Когда в 1932 году, сразу же после избрания президентом, Ф. Рузвельт оказался в лучах прожектора прессы, неукротимый ректор публично заявил: "Сейчас порядочно написано о том, что за мальчик был Франклин Рузвельт в Гротоне. Я считаю, что написано больше, чем стоило бы, учитывая впечатление, которое

он оставил в школе. Он был тихим, обыкновенным мальчиком, иесколько способиее своих товарищей, был заметеи в своем классе, ио отнюдь не был блестящим учеником. Физически он был слаб и поэтому не мог достичь успеха в спорте. Нам всем он нравился".

II

Гарвардский университет находится в Кембридже, недалеко от Бостона, по ту сторону Чарлз-ривер. Хотя университет гордится своими традициями, ои иеотделим от жизии и истории Бостоиа, "Афин Америки", или "пупа земли", как зовут свой город бостоицы. В стеиах Гарварда встречались выпускиики привилегированных школ со всех концов страны. Среди принятых осеиью 1900 года были и гротонцы, в том числе Франклин Рузвельт.

Уииверситет бурлил кипучей жизнью, но в ией ие растворялся кружок тех, кто пришел из закрытых, частных школ. Они были связаны больше с наиболее респектабельными семьями Бостоиа, чем с пестрым по социальиому происхождению студенчеством. Недаром иедовольные имеиовали Бостои "социальиой пиявкой" Гарварда. Строгая диффереициация поддерживалась системой студеических клубов для избранных, через которые юноши вступали в высший свет города.

Франклин поселился с приятелем-гротоицем Л. Брауном в трехкомнатной квартире, расположенной в Уэстморли-корт, райоие дорогих пансиоиов и фешеиебельных клубов, прозваиом "золотым берегом". Нарочитая простота быта Гротона позади — мать позаботилась о том, чтобы изысканно обставить квартиру.

Сара Делано могла уделять все свое время сыну — 7 декабря 1900 г. скончался 72-летний отец. Сара переехала в Бостон. Разумная женщина, оиа только искала духовиой близости, а жила в нескольких кварталах от квартиры Франклина. С годами в ее характере развилась властиость, а убеждение Сары, что иа ее долю выпало осуществить волю Джеймса — воспитать сына для той же жизии и карьеры, что проделал отец, поставило перед Франклином трудную проблему. Ои с честью решил ее: без ущерба для материнских чувств юиоша закрыл свою душу перед Сарой. Ои принимал в доме матери вереиицы гостей и бывал в других домах, танцевал, обедал, ужинал, веселился иа пикииках, ио учтиво менял разговор, стоило Саре обратиться к излюбленной теме — месте Рузвельтов в жизни. Мать, естествеиио, не испытывала удовлетвореиия, приходилось радоваться хотя бы тому, что

путь борьбы за душу сына не закрывался. Она упорно вела ее до глубокой старости, даже в бытность Франклина президентом.

Университет принес новые заботы — Гарвард не Гротон — и усугубил знакомые юноше трудности: как жить и быть с товарищами, можно ли достичь успехов в спорте. Ему не удалось занять сколько-нибудь видного положения в спортивной элите, хотя он честно зарабатывал синяки в жарких футбольных схватках. Самый респектабельный клуб Гарварда "Порцеллиан" по неизвестным причинам закрыл двери перед ним, пришлось довольствоваться менее известным — "Флай клаб". Неудача не просто обескуражила Франклина, а оставила кровоточащую рану.

Франклин записался на множество курсов, в первую очередь в области гуманитарных наук: английская и французская литература, латинский язык и геология, палеонтология и ораторское искусство, прослушал около дюжины курсов по истории. Немало усилий затратил юноша, вникая в государственное право и экономику.

В 30-х годах Ф. Рузвельт заметил по поводу курса госправа: "Он был похож на электрическую лампу, только без шнура". Что касается экономики, то Рузвельт имел обыкновение говорить: "Четыре года я зубрил экономику в университете, и все, чему меня научили, оказалось неверным". Рузвельт заслужил славу мыслящего политического деятеля, быть может, потому, что студентом перестал посещать лекции по философии через три недели.

Сохранившиеся курсовые работы Рузвельта пронизаны здраво консервативными взглядами. Он сокрушался, когда Теодор Рузвельт в 1902 году вмешался в забастовку горняков, ибо это означало, писал студент, "усиление исполнительной власти в ущерб конгрессу, что прискорбно". Озорной поступок, когда Франклин вместе со всей группой сбежал из аудитории по пожарной лестнице во время лекции близорукого профессора-историка, был исключением, а не правилом его поведения, отмеченного конформизмом.

Он в поте лица заслужил свой средний балл успеваемости "чуть лучше посредственного". Преподаватели единодушно считали, что студент никак не тянул на четверку с минусом. Когда ему пришлось распроститься с мечтой о лаврах спортсмена, Франклин решил отличиться на второстепенном по университетским представлениям, но все же достойном поприще — в журналистике.

В Гарварде издавалась студенческая газета "Кримсон". С осени 1900 года он стал сотрудничать в ней и очень быстро выделился из шестидесяти восьми студентов, пробовавших отда-

ться древнейшему ремеслу. Стал почти профессионалом. Неписаная этика "Кримсона" строжайшим образом запрещала обращение к ректору университета за интервью. Перед президентскими выборами 1900 года Франклин добился невозможного. В 1913 году Ф. Рузвельт подробно рассказал репортеру, как это произошло:

— Кто вы? — спросил ректор.

Я ответил и без проволочек задал вопрос.

— Я пришел спросить вас, г-н ректор, за кого вы собираетесь голосовать: за Маккинли или Брайана?

Только тогда я понял, в какое положение попал, и вознес пламенную молитву, чтобы дверь открылась сама собой и укрыла меня в спасительной темноте. Но я пришел за ответом и остался в кабинете, а г-н Элиот снова и снова пристально разглядывал меня.

— Зачем вам это нужно? — наконец промолвил он.

— Мне нужно ваше сообщение для "Кримсона", — ответил я.

Элиот сдался, сообщив сенсационную новость: он собирается голосовать за республиканцев — У. Маккинли в президенты и Т. Рузвельта в вице-президенты. "Нью-Йорк телеграф" напечатала интервью ФДР 30 ноября 1913 г. Шли годы. Когда в 1945 году увидело свет популярное прекрасно иллюстрированное издание "Истинный ФДР", то этот эпизод нашел место в разделе "Редактор-крестоносец", где было сказано: "Еще первокурсником он пробился к ректору Гарварда Элиоту и спросил его, как же он будет голосовать за Маккинли и империализм"[2].

Однако в 1931 году в частном письме Ф. Рузвельт писал: "Каким-то образом случилось так, что мне в течение ряда лет приписывают честь получения интервью у ректора Элиота, как он будет голосовать осенью 1900 года. В действительности интервью добился Альберт У. Деруд, ныне юрист, работающий в Нью-Йорке, и по праву честь должна принадлежать ему, а не мне"[3]. Поразительные курьезы памяти. В 1931 году Ф. Рузвельт лучше помнил события 1900 года, чем в 1913 году! Но наверняка он всегда помнил — в те годы Франклин жил в тени Теодора Рузвельта, гордился этим и неизменно приглашал других разделить радость по поводу того, что сам происходит из прославленной в США семьи.

Начало журналистской известности Франклина положило именно его умение обращаться с вице-президентом, а затем президентом Теодором Рузвельтом. Весной 1901 года, вспоминал как-то Ф. Рузвельт, «я позвонил дяде, чтобы узнать, когда я могу повидать его. "Не приезжай, — ответил он. — Я встречусь с тобой, когда буду у вас с лекцией по курсу государственного пра-

ва профессора Лоузлла"». Дядя по-родственному сообщил племяннику точный день н час лекции. Об этом Франклин первым в университете оповестил со страниц «Кримсоиа». Летом 1901 года он был избраи одним из пяти редакторов газеты.

Весной 1902 года в Гарварде побывали двое буров – Англия тогда вела войну в Южной Африке. Оии рассказали о страданиях женщин и детей своего иарода. Франклин с двумя товарищами поспешили на помощь далеким борцам. Они учредили «Фонд помощи бурам» и в мае 1902 года отослали в Кейптаун 336 долл. Бостонские газеты с большой теплотой описали отзывчивое сердце одного из редакторов «Кримсоиа».

В 1903 году Франклин иа круглые тройки окончил университет и торжественно прошествовал в шапочке и мантии вместе с другими выпускниками в Сандерс-театр, где состоялась церемония вручения дипломов. Итак, бакалавр. Куда идти учиться дальше? Аспирантура или юридическая школа? Франклин предпочел первую, хотя всерьез никогда не рассчитывал получить ученую степень магистра искусств. Выбор решили привходящие обстоятельства: летом 1903 года его избрали главным редактором «Крнмсоиа» и ои остался еще на год при университете.

Из-под пера главиого редактора вышли все передовицы. ФДР объяснял первокурсникам: нужно серьезио относиться «к обязанностям, университету, своей группе и самому себе. Чтобы быть на высоте, нужно быть всегда активным. Возможности почти не ограничены: спорт – дюжина видов его – и руководство спортом, литературная работа в газете университета и прессе вообще, филантропическая и религиозная деятельиость и многое, многое другое». Об учебе в пространном перечне ни слова.

Возможно, близость Л. Брауна, теперь капитана футбольиой команды Гарварда, а быть может, точный учет интересов известной Франклину группы студентов придали газете сезонноспортивный характер с футбольным уклоном. После одного из матчей «Кримсон» сокрушался – болельщики из университета «не поддерживали надлежащими криками свою команду». На следующем состязании главный редактор сам подавал пример, отметнв в пнсьме матерн: «Я чувствовал себя круглым идиотом, размахивал рукамн и ногами на глазах тысяч хохочущих зрителей».

Франклин знал, чего добиваться. По доброй воле он проходил школу коиформизма. Дядя Тедди подавал пример. Став президентом после убийства Маккинли, Теодор Рузвельт в 1903 году наставлял выпускников Гротона: «Мы даем вам много и позтому имеем право многого требовать от вас». Эти мыс-

ли были созвучны настроениям молодого Франклина. Размышляя об истории своей семьи, он открыл в курсовой работе: «Основная причина жизнеспособности Рузвельтов — их демократический дух. Они никогда не думали, что, родившись в состоятельной семье, могут засунуть руки в карманы и наслаждаться жизнью. Напротив, они считали, что, появившись на свет в обеспеченной семье, они не имели никаких оправданий не выполнить свой долг перед обществом. Эта мысль внушалась им с раннего детства, и Рузвельты оказывались хорошими гражданами». Хотя нельзя не признать своеобразной трактовку понятия «демократия», идеи Франклина ясны: он не собирался сидеть сложа руки, а был полон решимости добиться места под солнцем. Какого?

Рексфорд Тагвелл многие годы работал под руководством президента Ф. Рузвельта, его имя для Тагвелла свято. В обстоятельной биографии ФДР, увидевшей свет в 1957 году, Тагвелл отмечает: «Нельзя не заключить о Франклине уже во время пребывания в Гарварде, что еще более верно в отношении президента Рузвельта: он никому не позволял проникать в свою внутреннюю жизнь. Это относилось к его матери — Саре Делано, Элеоноре, равно как и к другим — Латропу Брауну, приятелю еще с Гротона, жившему вместе с ним в Гарварде и оставшемуся другом в Вашингтоне. Часто говорят, что скрытность — характерная черта скромного англичанина. Обучение Франклина в детские и юношеские годы, в котором принимали участие отец, наставники, Пибоди и его друзья, вело именно к этому. Нельзя проявлять эмоции, могущие выдать душевное волнение. Он выносил боль, трудности и неудачи с завидным стоицизмом, рано научился не преисполняться энтузиазмом, но и не впадать в отчаяние. Однако его скрытность далеко превосходила ту, которая является результатом воспитания... К моменту окончания Гарварда его скрытность стала поистине безграничной»[4].

Давно замечено, что наиболее искусно маскируют свои истинные устремления те, кто внешне безгранично откровенен, покладист. Американский исследователь внешней политики президента Ф. Рузвельта поражался его ловкости, качествам изощренного дипломата не в похвальном смысле. Доискиваясь причин, как и почему сложились такие черты у ФДР, он дошел до лет ученичества — Гарварда, о которых написал: «Ясно, что за маской доброжелательности и конформизма, которые проявлялись на важнейших этапах его карьеры, крылся импульс несогласного, стремящегося порвать с принятыми нормами, что проявилось в экспериментах нового курса»[5].

Стране это еще предстояло познать, а первой испытала качества Франклина мать. Хотя Франклин как-то избегал следовать советам матери в отношении учебы и она это заметила, Сара Делано безгранично верила, что знает душу нежного и любящего мальчика и заранее будет знать имя его избранницы. Властная мать полагала, что будет не только присутствовать, но и принимать участие в выборе сына. Она серьезно заблуждалась.

III

Франклин давно знал Элеонору. Двухлетняя Элеонора получала неизъяснимое удовольствие, разъезжая на спине пятилетнего Франклина по детской в Гайд-парке. По-видимому, то был момент наибольшей близости за все годы, предшествовавшие брачному союзу двух отдаленных родственников рода Рузвельтов — она приходилась ему кузиной в пятом колене. Детство Элеоноры, дочери Эллиота, младшего брата Теодора Рузвельта, было прямой противоположностью безмятежным юным годам Франклина. Мальчик царствовал в семье, девочка была парией.

Отец без памяти любил дочь, но когда Элеоноре было всего шесть лет, он перестал жить с семьей. Очень красивый мужчина, спортсмен, Эллиот был горьким пьяницей. Люди, знавшие семью, полагали, что догадывались о причине, по которой Эллиот погряз в отвратительном пороке, — характер жены. Анна Холл, внешне прелестная женщина, была нелегким человеком. Она на свой лад воспитывала дочь. Элеонора в раннем детстве была отправлена в школу при монастыре. Там она как-то невинно солгала и была с позором изгнана. В глазах матери крошечная девочка была закоренелой преступницей.

Мать изощрялась в выдумывании прозвищ Элеоноре, наконец, закрепилось «бабуся». «Какой смешной ребенок, — показывала мать гостям на дочь, — она так старообразна». Анна сурово наказывала Элеонору за малейший проступок, внушая девочке, что она постоянно позорит мать. Это подрывало уверенность в себе и без того застенчивого ребенка. Элеонора твердо была убеждена, что она, как и каждая нехорошая девочка, дурнушка.

В этой обстановке образ существующего, но незримого отца вырос до гигантских размеров. При редчайших встречах с дочерью, своей «маленькой, златокудрой Нелл», он весь светился радостью и счастьем. Девочка страстно, болезненно тянулась к отцу. Он властвовал над всеми ее помыслами. «Когда бы я ни мечтала, — говорила на склоне лет Элеонора, — случалось как-то

так, что мы были вместе. Я жаждала остаться в мире грез, в котором я была героиней, а он героем».

В восемь лет Элеонора потеряла мать, умершую от дифтерии. Но она не очень скорбела: «Все затмевало одно – вернется отец, и очень скоро я буду с ним». Анна предусмотрела такую возможность: перед смертью она распорядилась, чтобы дочь и сын были отданы на попечение бабушки. Спустя два года Элеонора узнала, что отец умер. Она осталась сиротой в жизни, но в мечтах отец был по-прежнему рядом. Только взрослой перед ней открылась истина – отец был разнузданным кутилой. Открылась и роль Т. Рузвельта, который в хлопотах о будущем Элеоноры пригрозил по суду признать его невменяемость и заставил перевести состояние на ее имя. Понятно, что мать не слишком любила дочь такого человека...

Пятнадцати лет ее отправили учиться в Англию в школу под руководством француженки мадемуазель Сувестр. Три года пролетели, как один день, диковатая американка превратилась в веселую европейскую девушку. По возвращении в Соединенные Штаты милая Элеонора попала в дом родственников своей матери. Имение семьи Холлов Тиволи было расположено, как и подобает, в бассейне Гудзона, чуть выше по реке от Гайд-парка. Обитавшая в нем семейка вызывала, несомненно, патологический интерес, но жизнь в ней была невероятно тяжела для молодой девушки.

Развеселый дядюшка Вэли был пьян до изумления днем и ночью, проявляя склонность к буйству во хмелю. Другой дядя – Эдди был немногим лучше. В нью-йоркском доме Холлов жила тетушка Пусси, дама зрелого возраста, все еще имевшая бесчисленных любовников. Она не замедлила заверить Элеонору, что девушка – первая дурнушка среди женщин в роде Холлов – несомненно останется старой девой, и бурно переживала при племяннице удачи и неудачи своих многочисленных любовных связей. Холлы были блестящими светскими людьми, жившими далеко не по средствам, все поведение которых вызывало у Элеоноры жгучий страх перед будущим.

Обстановка в доме, призналась много лет спустя Элеонора, «закалила меня, как закаливают сталь». Она определила младшего брата в Гротон, а сама зачастила в филантропические общества, коими изобиловал Нью-Йорк.

Весной 1902 года Франклин встретил ее в поезде. Они ехали в свои загородные дома. Франклин нашел, что Элеонора прекрасная собеседница, а люди, знавшие ее в юности, считали, что ни одна фотография не дает настоящего представления о прелестной девушке. Они начали регулярно встречаться.

Франклин влюбился в Элеонору, она ответила взаимностью. В нем и его семье, объясняла Элеонора, «я обрела такое чувство уверенности, какого никогда у меня не было раньше». Он предложил ей руку, она с благодарностью приняла. Осенью 1903 года Франклин рассказал матери все.

Она была потрясена. Впрочем, сопоставив факты, Сара поняла, что все произошло на ее глазах. Оставалось лишь поражаться коварству двадцатидвухлетнего Франклина и девятнадцатилетней Элеоноры. Мать все же пыталась расстроить брак. Она напомнила сыну, что его отец женился первый раз тридцати трех лет, когда он «стал человеком, сделавшим имя и добившимся положения, и мог кое-что предложить женщине».

Письмо сына матери проливает свет на некоторые особенности его характера: «Любимая мамочка, — писал он, — я понимаю, какую боль я причинил тебе, и ты знаешь, что я никогда бы не сделал этого, если бы мог поступить иначе!.. Я знаю себя, знаю давно, и я знаю, что не могу иначе думать. Результат: сейчас я самый счастливый и удачливый человек в мире. Дорогая мамочка, знай, что ничто и никогда не может изменить то, чем мы всегда были друг для друга. Только теперь у тебя двое любимых и любящих детей»[6]. Мать сначала не поддалась рассчитанному красноречию сына, однако «по этому важнейшему вопросу ее послушный сын, который в течение многих лет делал все, чтобы удовлетворить ее желания, выставил свой подбородок из рода Делано и проявил больше упорства, чем она»[7]. После длительной борьбы Сара признала себя побежденной.

Растущая привязанность к Элеоноре, в дополнение ко многим другим обязанностям, подвела черту под занятиями в Гарварде. Франклин не получил степени магистра искусств и осенью 1904 года, распрощавшись с Гарвардом, поступил в юридическую школу Колумбийского университета в Нью-Йорке. Повторилась знакомая история. В среднем тройки, пара провалов на экзаменах на первом году обучения. Он не испытывал ни малейшего увлечения правовыми науками. Куда интереснее было слушать дядю Тедди, теперь президента США, в Белом доме. Франклин при каждом удобном случае наносил родственные визиты, почтительно набираясь мудрости у говорливого президента.

17 марта 1905 г. Теодор Рузвельт приехал в Нью-Йорк, чтобы принять парад в день св. Патрика и выдать замуж племянницу Элеонору. Влюбленная пара выбрала для бракосочетания удобный для президента день. Величественный Теодор доминировал на церемонии, хотя невеста была на голову выше своего дяди. Семьдесят пять полицейских, охранявших президента, внушительно дополняли толпу приглашенных.

Глядя иа Теодора Рузвельта, торжественно шествовавшего под руку с Элеоиорой, один из родственников ие мог ие съязвить: «Когда ои идет иа свадьбу, то ои хочет быть иевестой, а когда он присутствует иа похороиах, то ои хочет быть трупом». Да, казалось, что гости собрались для встречи с президеитом, а ие иа бракосочетание, мастерски проведенное Э. Пибоди, приехавшим из Гротоиа. Приданое невесты составило 100 тыс. долл.[8]

Отблеск величия президента лег на молодую пару, и во время трехмесячной поездки по Европе они буквально купались в отраженных лучах его славы. В явном расчете, что его слова дойдут до ушей дяди, Франклин пишет матери: «Все только н говорят о дяде Теодоре как о самом выдающемся деятеле современиой истории, в результате относятся к США очеиь уважительио и почти с любовью».

В Англии их позиакомили с Сиднеем и Беатрисой Узббами; Франклин обсуждал с Сиднеем методы обучения в Гарварде, а Элеоиора рассмотрела с Беатрнсой проблему слуг. Молодоженов поразила Венеция. Она нашла, что юбкн дамских купальников коротковаты. Он телеграфировал матерн: «Между прочим, можно купить примерно за 60 тыс. долл. обстановку, деревянную отделку и мозаичные полы старого дворца. Если хочешь приобрести, телеграфируй». Ои надеялся иайти примеиеиие мозаике н старому дереву прн перестройке дома в Гайд-парке. Сара высмеяла идею.

Осеиью онн вернулись в Нью-Йорк. Через два года, когда Сара закончила постройку двух домов, стоявших рядом иа 65-й улице, молодые супруги въехали в свой дом. Пошли дети: первой родилась Анна в мае 1906 года, в последующие десять лет пять сыновей, один из иих умер грудным. Семейную традицию восстановили — первеица изавали Джеймсом. Навериое, вздохнули, что имя отца Франклин, а не Исаак. Сара занялась домом сына, рассматривая детей как своих, а потом уже Элеоноры. Попытки молодой матерн поднять бунт против свекровисамодержицы успеха не имели. Франклин, проводивший мало времени дома, не видел в зтом ничего странного.

Элеоиора пыталась, как умела, быть ближе к мужу. Она взялась учиться управлять маленьким «фордом» н разбила машину о столб. Не лучше пошли дела н с верховой ездой. Миого времеии молодая жеищина употребила иа обучеиие игре в гольф. Наконец оиа решилась выйти на зеленую лужайку с мужем. Франклин, понаблюдав за ней несколько минут, тепло посоветовал навсегда бросить праздное занятие. Она послушалась.

Элеонора была образцом тогдашнего воспитания дочерей богатых родителей. Ей никогда не пришлось нянчить своих детей

или готовить пищу. Она ие представляла дома по крайней мере без пяти слуг, ие умела одеться без горничной, а без повара молодые супруги, иаверное, умерли бы с голоду. При всем том оиа была ужасающе иевежественна. Даже через сорок лет Элеоиора испытывала чувство неловкости, припоминая, как во время медового месяца оиа не смогла объяснить любозиательиому англичанину разницу между федеральными и местными властями в США.

Однажды Элеонора сидела перед туалетом, выбранным для нее Сарой, н горько рыдала. «Мой пораженный молодой муж спросил, что же случилось со мной. Я ответила, что мне не иравится жить в доме, который не был частью меня, для которого я ничего не сделала и который не такой, как я себе его представляла»[9]. Франклин пожал плечами. Он просто ие поиимал. Дома он оказался душевно близоруким н не проявил острой иаблюдательности, какую показал в политике. Франклин просто разграничил семейную жизнь и игру в покер в клубе, где обычно пропадал до глубокой ночи. Всему свое время.

IV

В 1907 году Ф. Рузвельт завершил учебу в юридической школе. Он так и не получил диплома юриста – просто решил не держать зкзаменов, ограничившись нспытаниями в нью-йоркской коллегии юрнстов. Ои поступил младшим клерком-практикантом в почтенную юридическую фирму «Картер, Ледиард н Мелбури», помещавшуюся в Нью-Йорке, Уолл-стрит, 54. Условия были обычными: в первый год практикант ие получал жалованья, со второго года ему положили очеиь скромное содержание. Франклин спокойно относился к тому, что ие получил диплома юриста. Ректор Колумбийского университета много лет спустя взялся дразиить Рузвельта: «Вы никогда не сможете назвать себя интеллигентом, если не вериетесь в Колумбийский универснтет н не сдадите зкзамеиов по праву». На зто Рузвельт ответил со смехом: «Мой пример показывает, что юриспруденция, в сущности, не имеет значения»[10].

Гражданское право при ближайшем зиакомстве оказалось крайне скучным делом, нмевшим мало общего с великими юридическими принципами, о которых Франклин наслышался в университете. Абстрактные схемы не будили мысль. ФДР положительно возненавидел работу за письменным столом в конторе, но очень охотно вел дела в суде, встречался с истцами, ответчиками, свидетелями. Хотя юридическая фирма «Картер, Ледиард

и Мелбурн» обслуживала крупнейшие корпорации, младшему клерку Рузвельту давались дела по силам. Он сталкивался с людьми, которых просто не могло быть ни в Гайд-парке, ни в Гротоне, ни в Гарварде, вплотную увидел нужду и бедность.

Ему часто приходилось вести дела по искам отдельных лиц к крупным корпорациям. Однажды в зале суда его противником оказался коллега по юридической школе. Он взялся вести дело женщины, вчинившей иск о возмещении ущерба на 300 долл. крупной корпорации. Иск был плохо обоснован, действительный ущерб едва ли превышал 18 долл., но адвокат вел дело из расчета того, что 50 процентов выигранной суммы будет передано ему в качестве гонорара. В связи с ведением дела Рузвельт отправился на квартиру адвоката. Его не было дома, бедность смотрела из углов, а жена адвоката высказала Франклину все, что думала о нем. Он ушел, оставив предложение поладить на 35 долл. и чек на 150 долл. в долг. Юридические познания Ф. Рузвельта не увеличивались, но он глубже познавал собственную страну.

Хотя адвокат Ф. Рузвельт и не снискал особых лавров, некоторые дела он выиграл остроумно. Дело было так. Противник Франклина, необычайно опытный адвокат, славился редким умением убеждать присяжных заседателей. Рузвельт, слушавший его речь, увидел, что собственные шансы на успех равны нулю. Но он заметил тактическую ошибку противника – речь затянулась более чем на час. Присяжные поглядывали на часы. Ведь им предстояло еще выслушать речь Рузвельта. Он встал и произнес: «Господа! Вы знаете материалы дела. Вы также выслушали моего коллегу, выдающегося адвоката. Если вы верите ему и не верите материалам дела, тогда вы должны решить в его пользу. Больше мне нечего сказать». Присяжные удалились и через пять минут вынесли вердикт в пользу клиента Рузвельта. Франклин выиграл, сосредоточив внимание на форме и полностью игнорируя существо. Прием небесполезный в политике.

Он жил, как в тумане, скорее автоматически выполнял работу, постоянно думая о другом. О чем? Как-то он открылся клеркам в конторе – уйду в политику: сначала член легислатуры штата, затем заместитель морского министра, оттуда в губернаторы штата Нью-Йорк. «Любой, кто занимает этот пост, – наставительно произнес Франклин, – если ему повезет, имеет хорошие шансы стать президентом». Эта крутая дорога в свое время привела Теодора Рузвельта в Белый дом. Тогда ФДР подражал ему во всем.

В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЛЗУНКАХ

I

В начале 1910 года Дж. Мак, прокурор округа Датчес, штат Нью-Йорк, заехал в контору «Картер, Ледиард н Мелбурн» подписать бумаги. Между ннм и Франклином завязалась беседа. Горячий приверженец демократической партнн, Мак предложил юному юрнсту выставить свою кандидатуру на выборах в легислатуру штата Нью-Йорк. Ф. Рузвельт, не раздумывая, согласился. Через несколько дней он съездил в город Пугкипси, где был представлен местным лидерам демократов. ФДР в общем понравился: политическне дельцы учли обаянне фамилии Рузвельтов, а также сообразилн, что у Франклина можно выудить в партнйный фонд изрядную по масштабам провинциальной органнзации сумму.

Партийная принадлежность для Франклина в то время была, в сущности, безразличной. В 1898 году, когда республиканец Т. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, Франклин пнсал из Гротона домой: «Мы днко обрадовались, узнав об избрании Тедди». В 1900 году Франклин — член гарвардского клуба республиканцев, активный участник факельного шествия в поддержку кандидатур республнканской партии на президентских выборах — Маккинли н Рузвельта. В 1904 году, первый раз пряннмая участне в выборах, Франклнн отдал голос за дядю Теддн. Не высокне мотивы, а порядок поступления предложеннй — первой оказалась демократическая партия — определил партийное лнцо Ф. Рузвельта. Он стал демократом.

Приготовления к кампании не были сложными, разве что пришлось сначала умнротворить дядюшку Теддн. Отныне безработный государственный деятель Т. Рузвельт мог одной неуместной фразой уничтожить политическое будущее Франклина. Теодор обещал промолчать о племяннике в политических выступлениях, хотя н не одобрил выбора им партии. Когда в округе стала известна кандидатура демократов, местная газета «Пугкипси игл» 11 октября 1910 г. заметила: «Демократы сделали новое и ценное открытне — они сыскали Франклина Д. Рузвельта... Мнстер Рузвельт окончил Гарвардский уннверснтет н делает первый шаг в политике. Полагают, что его вклад в нзбнрательную кам-

панию значительно превышает четырехзначную цифру, отсюда ценность открытия... Мы уверены, что сенатор Шлоссер не будет обеспокоен выдвижением мистера Рузвельта». Ф. Рузвельт передал в избирательный фонд 2500 долл.

Он всегда ассоциировал себя с силами прогресса. В кампании 1910 года прогресс олицетворял единственный в округе ядовито-красный автомобиль фирмы «Максвелл» без ветрового стекла, с исполинскими медными фарами. Франклин взял его напрокат. Ретрограды, лишь взглянув на машину, уверенно предсказали жалкий конец всего предприятия: автомобиль перепугает лошадей, и фермеры, а они составляли большинство избирателей, в отместку провалят Рузвельта на выборах. Франклин, однако, верил в прогресс.

Он украсил автомобиль флагами, сел в него и отважно двинулся навстречу судьбе. С какой скоростью? Биографы расходятся в показаниях по этому важному для потомства пункту. А. Шлезингер консервативно считает, что автомобиль «передвигался со скоростью двадцать миль в час». Ф. Фрейдль, как и надлежит глубокому знатоку жизни ФДР, придерживается золотой середины: «Они могли покрывать двадцать две мили в час». А Барнс в своей книге, признанной в США лучшей политической биографией Рузвельта, утверждает: машина «ехала со скоростью двадцать пять миль в час и привлекала большое внимание»[1].

Биографы точно установили одно обстоятельство: когда поблизости оказывалась группа фермеров с лошадьми, «максвелл» уместно отказывал. Приходилось запрягать лошадей, чтобы вызволить кандидата в сенат из беды. Дело не обходилось без шуток. Избиратели воочию убеждались, что будущий сенатор в их руках, и до конца использовали возможность указать непрактичному горожанину на преимущество лошади перед автомобилем. Рузвельт неизменно оказывался внимательным и вежливым слушателем.

То была деревенская идиллия, сельская пастораль. Стояло нежаркое бабье лето, окрасившее в яркие цвета рощи по обочинам дорог. Выезжали из Гайд-парка рано поутру и весь день проводили среди избирателей. Короткие речи на перекрестках, в ригах и просто перед зеваками. Рузвельт быстро приобретал навыки американского политика: автоматическая улыбка до ушей, крепкое рукопожатие. «Зови меня запросто — Франклин, а я тебя буду звать...» Том, Джон, Билл и т. д. Или: «Я не оратор, конечно, но мои друзья...» На одном из собраний, будучи представленным, Франклин начал: «Я не Тедди...» Естественно, смех. «Вчера плутоватый мальчишка сказал мне: он знает, я не Тедди.

Я спросил его — почему? Он ответил: "Потому, что вы не показываете зубов"». Всеобщее лнкование толпы. Прн всем этом Франклин действительно оказался нз рук вон плохим оратором. Элеоиора под конец кампаннн решилась послушать политнческую речь мужа. Ои говорил с громадными паузами, н любящая женщина с ужасом думала о том, что раз прерванная речь больше не возобиовнтся.

Содержанне выступлений Рузвельта не отлнчалось большой глубиной. Он обрушился на «босснзм» (захват властн кучкой продажных полнтнкаиов) в органах управления штата. Один из них, Л. Пэн, в округе Чатэм впнсывал нмеиа умерших в нзбнрательиые списки. Когда обман раскрылся, он объяснил, что не видит в этом ничего худого: ведь он знал, как бы онн проголосовалн, будучи живымн. Рузвельт не подчеркнвал партнйных граней, настаивая, что в борьбе за «чнстые» нравы в политике он ищет поддержкн «хороших» республнканцев.

Город Пугкипсн проблемы ие представлял — в нем всегда побеждали демократы; камнем преткновения былн сельскне округа площадью 25 тыс. кв. миль. Фермерам, обычно голосовавшнм за республнканцев, н уделил осиовиое вннманне Рузвельт, затеяв свое автомобильное турие. Республнканцы, сначала сбросившне со счетов молодого кандидата, спохватились поздно. Лишь в конце кампании они выдвинулн протнв Франклина обвниение в том, что ои служит в юридической фнрме Уолл-стрнта, обслуживающей гигантскне корпорации. «Ну и что, — рассудила коисервативная часть избирателей-республиканцев, — тогда этот молодой демократ не нспорчеи идеями Брайана н ближе к нам, чем к своей партии».

Хотя злые языки утверждали, что Рузвельт победил только потому, что в день выборов шел дождь и многне нзбирателифермеры поленилнсь съездить на участкн, его успех отражал наступление демократической партии по всей стране. Теперь ей прннадлежало почтн трн пятых мандатов в палате представнтелей, большинство в обеих палатах легислатуры штата Нью-Йорк, а В. Вильсон был избран губернатором штата Нью-Джерсн. Рузвельт победил Шлоссера 15 708 голосами против 14 568 (в 1908 г. Шлоссер имел большинство в 2070 голосов).

Друзья Рузвельта высоко оценили его успех: лишь второй раз со времеи гражданской войны в округе нзбирался кандидат от демократической партии. Коллегн Франклина на Уолл-стрите с поинмающей улыбкой слушали о том, что двадцатнвосьмилетний политик собнрается схватиться со столетннм драконом коррупции властей штата. Один нз них лукаво напнсал ФДР: «Если поздравленне от «бнржевой клнки» не ранит вашн нежные поли-

тические чувства, тогда я шлю вам мои сердечные поздравления», на что Франклин ответил: «Уолл-стрит в целом вовсе не так плох, как я выяснил за четыре года пребывания там».

II

Легислатура штата Нью-Йорк работала в крошечном городке — Олбани, столице штата. Депутаты — сенаторы и члены палаты представителей штата — получали скромное вознаграждение — 1500 долл. в год. По этой и другим причинам законодатели не жили в Олбани, а съезжались лишь на время сессии, снимая недорогие комнаты. Жены и дети оставались дома. В январе 1911 года Рузвельты всей семьей переехали в Олбани, Франклин за 400 долл. в месяц арендовал трехэтажный дом. ФДР был доволен новым жильем. С характерным для него в те годы снобизмом он заметил: «Приятно жить в трехэтажном, а не шестиэтажном доме».

Случая отличиться на политическом поприще долго искать не пришлось. В те годы сенаторы от штата Нью-Йорк выбирались не населением, а членами легислатуры. Партийная машина организации демократической партии в городе Нью-Йорке — Таммани — предложила кандидатуру У. Шихана. Этот делец с довольно темным прошлым сам напросился в кандидаты, щедро оплатив будущие услуги Таммани. Честолюбивый Шихан считал, что пребывание в «клубе миллионеров», как еще называли в те годы сенат, очистит его от скверны сомнительных сделок и превратит в респектабельного престарелого джентльмена.

Кандидатура Шихана по разным мотивам вызвала оппозицию среди группы депутатов-демократов легислатуры от сельских округов. Франклин оказался среди них; он прекрасно понимал, что выступление против Таммани придется по сердцу избирателям его округа, в большинстве своем республиканцам. Франклин обрушился с горячими филиппиками на Шихана и партийного босса Таммани Ч. Мэрфи. Отважный, но отнюдь не опрометчивый шаг — Таммани не контролировала избирательный округ Ф. Рузвельта.

Оппозиционеры нашли дом Рузвельтов удобным для совещаний, и хозяин очень быстро вышел в лидеры группы. Репутация дома Рузвельтов как гнезда заговорщиков закрепила за ним это положение, да и газетчикам было удобно брать интервью — адрес был известен. Правда, сигарный дым из библиотеки — там-то и дислоцировалась штаб-квартира борцов за правду в рядах демократической партии — заставил перевести детские со

второго этажа на третий. Но домашние неудобства были ничто по сравнению с политическим опытом, который стремительно набирал Франклин. Элеонора досыта наслушалась политических споров: гости засиживались далеко за полночь, н хозяйке, естественно, приходилось подкреплять их силы.

Титаническая битва вылилась в яростную брань. Юный сенатор оказался на высоте; что до существа спора, начатого на словах как «чистая политика» против «боссизма», то «вместо великого сражения противоположных сил борьба стала напоминать войну в изображении Льва Толстого — запутанные схваткн людей н отдельных групп»[2]. Исход десятинедельного сражения оказался плачевным: оппозиционеры сошлись на кандидатуре судьи Дж. О'Гормана, куда более тесно связанного с Таммани, чем Шихан. Обе стороны торжествовали победу.

Подводя итоги, Ф. Рузвельт сообщил нзбнрателям: «Есть только одно средство. Ч. Мзрфн н ему подобных нужно выкорчевать с корнем, как вредные сорняки... Тем из вас, кто любит охоту, больше не надо ездить в скалистые горы Канады или джунгли Афрнки, в штате Нью-Йорк охота получше... И она идет, хищники уже начинают падать. Американский гражданин вновь сражается за свою свободу». Таммани не замедлила с ответом. Доверенный агеит Мзрфи поставил в нзвестность газеты, что речь идет о «глупеньком хвастовстве ограниченного и самодовольного парня.., который столь же равен политику, как равна цирку зеленая горошина». Кое-кто нз членов оппознционной группы, имевших денежные интересы в пределах досягаемости Таммани — в городе Нью-Йорке, порядком поплатился за свободомыслие. Ф. Рузвельт записал в актив известность далеко за пределами штата.

Черту под борьбой против Шихана подвел президент Франклин Д. Рузвельт, который, рассказав о ней министру труда Фрэнсис Перкинс, закончил: «Теперь и вы знаете, каким отвратительно низким парнем я был, когда впервые вступил в мир политики»[3].

Современники не рассмотрели неприглядных качеств в сенаторе Ф. Рузвельте, онн находили его разве что ужасающе арнстократичным для поборника прогресса. Франклина считали высокомерным, в газетах обычно помещалась единственная фотография ФДР — в цилиндре, пенсне, с кнслой, презрительной миной. На самом деле облик сверхуверенного политикана скрывал очень честолюбивого, легкоранимого и застенчивого молодого человека. Он нскренне иной раз отклонял приглашения выступить с речью, ссылаясь на свое неуменне складно говорить на людях.

Как обычно случается с такими людьми, он был излишне настойчив по пустякам в словесных дуэлях в сенате. Председательствующий, выслушав его какой-то очередной горячий призыв к чему-то, свирепо закричал: «Ладно, сенатор Рузвельт добился своего. Ему нужен всего-навсего заголовок в газетах, а теперь займемся делом».

Политический облик Ф. Рузвельта во время двухлетнего пребывания в сенате остался неопределенным. После некоторых колебаний он высказался за предоставление права голоса женщинам, боролся за качество молока для детей в бедных семьях и лучшее обслуживание иностранных моряков в порту Нью-Йорка, решительно выступил против профессионального бокса и состязаний по бейсболу по воскресеньям. Он был даже против ограничения рабочей недели для юношей от 16 до 21 года 54 часами. Франклин настаивал, что профсоюзы не должны прибегать к бойкоту в трудовых конфликтах, и считал закономерным подавление стачек силой. В то время стал ощущаться недостаток в людях для национальной гвардии. Она использовалась для разгрома стачек, и оказалось очень трудным пополнить ее ряды. Желающих служить в организации, запятнавшей себя карательными функциями, было немного. Франклин оказался среди тех, кто поддержал в легислатуре предложение в стиле дяди Тедди об учреждении специальных подразделений полиции штата для борьбы с рабочим движением.

Каким образом такой послужной список мог закрепить за Ф. Рузвельтом репутацию прогрессивного сенатора? Все зависит от места и времени, а главное — он быстро изменял свои взгляды в соответствии с обстановкой. То было время стремительного роста левых настроений в Соединенных Штатах, подъема борьбы против засилья монополий. Что правящие классы должны были считаться с этим, вне всякого сомнения, доказывает принятие антитрестовского законодательства. По крайней мере на словах конгресс был против отвратительных злоупотреблений баронов-разбойников монополистического капитала. Иначе поступить было нельзя — Америка бурлила. Происходившее в США не было изолированным феноменом, а отражало кризис капитализма во всем мире. В те годы по всей планете распространялось убеждение — нельзя больше терпеть наглую капиталистическую эксплуатацию.

Джек Лондон, создавший в 1907 году «Железную пяту», а в 1910 году — «Революцию», воспевал классовую борьбу и единство пролетариата. Бунтарские идеи будоражили духовный мир Америки, сметая старый консерватизм и наивный провинциализм. Дело явно шло к поляризации сил на политической

арене Соединенных Штатов, и, хотя марксизм был очевидно слаб в Новом Свете, бурное возрождение хотя бы джэксонианства и деятельность «разгребателей грязи» от Л. Стеффенса до Т. Драйзера прогремели очищающей бурей в психологическом климате американского общества. На подступах к избирательной кампании 1912 года социалисты набирали силу. На всю страну звучали пламенные речи лидера американских социалистов Ю. Дебса, влияние боевых элементов в рабочем движении США стремительно нарастало. Имена Уильяма Д. Хейвуда, Чарлза Е. Рутенберга, Уильяма З. Фостера и др. стали хорошо известными. Владимир Ильич Ленин в статье «Успехи американских рабочих», написанной в 1912 году, отметил такой факт: тираж американской социалистической газеты «Призыв к разуму» достиг миллиона экземпляров. «Эта цифра, — подчеркнул В. И. Ленин, — миллион экземпляров социалистической газеты, которую бесстыдно травят и преследуют американские суды и которая растет и крепнет под огнем преследований, — показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке»[4].

Руководители как демократической, так и республиканской партий чувствовали знамение времени. В. Вильсон летом 1912 года говорил: «Существует громадное скрытое недовольство, которое способно найти выход. Республиканцы выставят Тафта, и, если демократы не выставят кандидата, который сможет быть принят народом как выразитель его протеста, возникнет радикальная третья партия, и в результате выборов мы будем недалеки от революции»[5]. Дядюшка Тедди не мог тягаться в тонком политическом анализе с В. Вильсоном, совсем недавно сменившим кафедру истории в Принстонском университете на губернаторское кресло, но он давно понял, что рано ушел с политического поприща. Т. Рузвельт открыл кампанию по выборам себя в президенты. «Мы за свободу, — кричал он на митингах, — но мы за свободу угнетенных...» Выстрел фанатика, взбудораженного решимостью Т. Рузвельта сломать традицию — никогда еще президент не выбирался на третий срок, — не остановил его. С пулей в груди он прохрипел: «Я произнесу эту речь или умру». Тедди произнес эту речь, но, появившись в качестве кандидата в кампании 1912 года, фатально расколол республиканскую партию — теперь от нее выступали два кандидата.

Спор политических исполинов по американской мерке, разумеется, был близок Франклину — он уже присмотрелся к В. Вильсону. Сильнейшее брожение умов также не обошло его стороной, звон идейного оружия раздавался по стране. Хотя

оружие было совсем некачественным, гром стоял от океана до океана. Франклин внес свою лепту. 1912 год отмечен его первым выступлением политико-философского характера, в котором он пытался объяснить причины широкого недовольства и расцвета, хотя и позднего, радикальных идей в Америке.

Выступая 3 марта 1912 г. в Трое, штат Нью-Йорк, он отметил, что «конкуренция полезна лишь до определенного момента, ныне мы должны добиваться сотрудничества, которое начинается там, где кончается конкуренция». ФДР, тщательно избегая социалистических терминов, предпочел назвать сотрудничество скорее «борьбой за свободу общества, чем за свободу индивидуума». В этой элегантной терминологии Ф. Рузвельт и представил глубокий конфликт между монополиями и народом, что марксистам известно как противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения продуктов труда.

Опасаясь возможных упреков в радикализме, он тут же объяснил, что «сотрудничество» применительно к монополистической практике выглядит следующим образом: «Если мы назовем этот метод регулированием, люди воздenут руки в ужасе и закричат: «антиамериканизм» или «опасно», но если мы назовем тот же процесс сотрудничеством, те же мудрецы заявят: «прекрасно сделано». Сотрудничество в этом виде делает монополию несовременной. Теперь мы понимаем, что не размеры треста сами по себе являются злом. Трест – зло, поскольку он монополизирует в интересах немногих и до тех пор, пока это продолжается; общество должно изменить эту практику». Подобную философию радушно встретила бы Национальная ассоциация промышленников.

Теория Рузвельта подкреплялась практикой. Важнейшей частью «сотрудничества» в интересах общества он считал сохранение естественных ресурсов. В речи в Трое он указал: «Если мы можем предсказать сегодня, что государство (иными словами, народ в целом) скоро будет диктовать данному человеку, сколько деревьев он может вырубить, тогда почему мы не можем, не став радикалами, заявить, что настанет время, когда государство будет заставлять фермера возделывать посевы, выращивать скот или лошадей? Ведь если я, допустим, имею ферму в сто акров и она у меня не используется и зарастает травой, разве я не уничтожаю свободу общества (под которой мы имеем в виду счастье и благосостояние) в такой же мере, как это делает сильный мужчина, болтающийся без дела и отказывающийся работать»[6].

Под знаком сохранения естественных ресурсов в доступных ему масштабах штата Нью-Йорк прошла деятельность сенатора Рузвельта в 1912 году. Он пригласил главного лесничего США Г. Пинчо, который прочитал лекцию легислатуре о необходимости сохранения лесов. Пинчо показал старую китайскую картину, относившуюся к 1500 году. Очаровательная зеленая долина, к которой только прикоснулся топор лесоруба, и современный фотоснимок той же долины. Раскаленные солнцем камни, безжизненные холмы и песок, гонимый ветром.

Настояния Рузвельта провести широкие меры по сохранению естественных ресурсов, в первую очередь лесов, в штате Нью-Йорк в общем оказались не слишком успешными: могущественные лесные и деревообделочные компании выступили против. «Я не могу понять, — огорчался Франклин, — почему люди, которые имеют денежные интересы в том или ином деле, никогда не видят дальше шести дюймов под собственным носом».

Людские ресурсы входят в понятие естественных ресурсов, и поворот Рузвельта в сторону поддержки социального законодательства объясняется именно этим, хотя толчком к нему явилось широкое недовольство трудящихся. В конце двухлетнего пребывания в сенате он поддержал многие законопроекты, улучшавшие условия труда. Теперь Ф. Рузвельт был за 54-часовую неделю для юношей. На заключительной стадии обсуждения перед голосованием не хватало кворума: сенатор — сторонник этого билля — спокойно спал дома. За ним послали, а чтобы предотвратить закрытие заседания, что означало бы провал законопроекта, Франклин взял слово.

Он прибег к типичной обструкции: начал читать подробную лекцию по орнитологии. Жизнь птиц ФДР изучил с детства и знал предмет превосходно. Раздраженное замечание одного из присутствующих, что это не имеет отношения к биллю, Франклин отвел, заявив: «Я пытаюсь доказать, что сама природа требует меньшего рабочего дня». Тем временем заспанный сенатор появился в зале заседания, и законопроект был принят.

В эти годы, преодолев упорное сопротивление Сары, желавшей видеть Гайд-парк таким же, как при жизни мужа, Франклин прикупил земли и начал ежегодно засаживать склоны от дома к реке деревьями — от тысячи до четырех тысяч ежегодно. В основном тополь и сосна. Друзья не связывали это с его теоретическими воззрениями, а рассматривали увлечение посадками как проявление заботы о земле, обычной в аристократических семьях.

III

В 1910 году Вудро Вильсона избрали губернатором штата Нью-Джерси усилиями полковника Дж. Харви, близкого к дому Морганов. Мультимиллионеры возвели консервативного профессора истории на первую ступень лестницы в Белый дом. Считается, однако, что к 1912 году монополисты разочаровались в ершистом политике и двигали в президенты более покладистого деятеля. Ф. Рузвельт душой и сердцем был с В. Вильсоном, получившим славу самого прогрессивного губернатора в Соединенных Штатах. Осенью 1911 года он совершил паломничество к Вильсону и обещал сделать все, чтобы обеспечить ему поддержку в штате Нью-Йорк. Если учесть отношения Франклина со всемогущей Таммани, то обещание было самонадеянным.

В конце июня 1912 года демократы наводнили Балтимор, там собрался их конвент, чтобы «назначить будущего президента». Франклин сколотил небольшую, но очень шумную фракцию в делегации штата Нью-Йорк. Мэрфи, контролировавший большинство представителей штата, игнорировал ее. Несколько дней в громадном зале, арендованном для конвента, бушевали страсти. Первоначально в качестве кандидата лидировал Ч. Кларк из штата Миссури. Но сторонники Вильсона вели громадную работу, выбросив лозунг: «Выдвинуть Вильсона, и все тут!» Голосование сменялось голосованием без решающего результата. Агенты Кларка наняли около двух с половиной тысяч человек, которые заполнили галереи зала. Их усилия — вопли и свист в пользу Кларка в течение часа — были оплачены. Привратники, стоявшие у дверей, были подкуплены: в зал не допускались лица, не носившие значка сторонников Кларка.

Ф. Рузвельт проявил прекрасное знание тонкостей американской политической борьбы и распорядительность. В решающий день — проводилось уже 46-е голосование, оказавшееся последним, — он провел своих людей в зал. У каждого красовался на груди жетон с именем Кларка. Не успели еще произнести с трибуны имя В. Вильсона, как дико завывавшая толпа ринулась вперед, призывая голосовать за него. Впереди шествовал приплясывающий Франклин, размахивая громадным плакатом «Штат Нью-Йорк!» Мэрфи и его единомышленники остались на местах, они-то знали, что демонстранты не представляют партийной машины штата. В колонне неизвестных лиц, заполнивших проходы, были видны рассыльные в ливреях из отелей, поспешно завербованные самозванцами. Вильсон был выдвинут на пост президента от демократической партии.

Теперь предстояло подумать о собственных делах. Избрание В. Внльсона президентом было все же преблематичным – за право занять кресло в Белом доме боролись Тафт, добивавшийся перензбрания, Теодор Рузвельт н Юджин Дебс. Нужно было застраховать себя на случай неудачи В. Вильсона. Франклин начал кампанию за переизбранне в сеиат штата Нью-Йорк. Она оказалась полной противоположностью прошлой, Франклин заболел брюшным тифом н мог воздействовать на нзбирателей лишь пламеннымн обращениями с ложа страданий.

Отсутствие кандидата на митингах, однако, с лихвой компенснровала кнпучая деятельность его нового друга и горячего обожателя. В жнзнь Ф. Рузвельта в 1911 году прочно вошел 40-летний Луи Хоу, сохранивший до самой смерти (1936 г.) горячую привязанность Франклина.

Л. Хоу в те годы был корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд» в Олбани. Низкорослый, на редкость уродливый, он был неудачнником, хотя мечтал о большой политнке. Он свято верил в миссню велнкого человека в истории. Обладающий незаурядным, едкнм умом, Л. Хоу давно понял, что он сам не достигнет успеха на полнтическом попрнще, н на том утешился. Он стал вызывающе подчеркнвать свое уродство: «Я один нз четырех самых безобразных людей в штате Нью-Йорк, еслн можно назвать человеком то, что осталось от меня. Я высох и скрючен, как герон Днккенса. Мон глаза выпучены, нбо я много видел. Когда дети встречают меня на улице, онн в страхе убегают». Нет ничего уднвнтельного в том, что, когда Хоу, как злой тролль нз сказки, с вечной сигаретой, торчавшей нз саркастически сжатого рта, появился в доме Рузвельтов, Элеонора была шокирована. Она возненавидела его неопрятный костюм, маслянистый блеск глаз, отвратительные манеры н не могла понять, что может быть общего у мужа с ннм.

Франклин, однако, быстро разглядел драгоценные качества Лун: гибкий ум, проницательность, дьявольскую работоспособность н полную неприспособленность к жизнн. Рузвельт доверил ему веденне своей избирательной кампании. Хоу был в восторге: наконец нашелся великий человек, ради которого стоило жить н трудиться. В обожании Хоу, однако, проскальзывал сарказм.

Хоу с блеском провел избирательную кампанию Рузвельта, серьезно считая, что отныне ему предстоит лепить президента. Каждый фермер – нзбиратель Рузвельта получил от него личное письмо, они былн отпечатаны на ротаторе, но так, что выглядели написанными на пишущей машинке. Сенатор спрашивал мнение фермера, какой именно закон следует провестн в легнслатуре

в целях охраны интересов производителей. Рыбаки на реке Гудзон также получили личные послания кандидата. Хоу наводнил избирательный округ различными обещаниями, посылая соответствующие объявления Рузвельту с припиской: «Поскольку вы дали эти обещания, я думаю, что вам следует, хотя бы от случая к случаю, знать, в какие дела я вас втянул», а именно введение стандартной бочки в качестве меры для яблок и слив и т. д.

5 ноября 1912 г. на выборах победил В. Вильсон, а в штате Нью-Йорк прошел сенатор Ф. Рузвельт. Президент взял его заместителем морского министра. Его сторонники в штате Нью-Йорк недоумевали: не проведя обещанного закона о стандартной бочке для яблок, прогрессивный сенатор променял Олбани на Вашингтон. «Это — козни врагов ваших прогрессивных идей. Прошу вас, останьтесь в старом штате Нью-Йорк. Вы нам нужны», — заклинал избиратель-фермер.

Вновь назначенный министр морского флота Дж. Дэниэлс решил навести справки о своем заместителе у сенаторов от штата Нью-Йорк. Сенатор Э. Рут поджал губы: «Вы что, не знаете Рузвельтов? Где бы один из них ни правил, он желает быть первым».

I

В 20-х годах подавляющее большиниство американских историков, писавших книги об админнстрации Вильсоиа, вообще ие упоминали о заместителе морского министра. Курсы нстории США совершенно не пострадали от зтого пропуска. В наши днн картина, естественно, иная: професснональные нсторики склонны заново переоцеиить события, н Ф. Рузвельт своими позднейшими заслугами отвоевал весьма заметное место среди деятелей администрации В. Вильсона, оттеснив даже тех, кто в 1913–1920 годах занимал более высокие посты.

Итак, в марте 1913 года Франклин, которому едва минуло тридцать лет, занял пост заместителя морского министра. Ои уселся за тот же стол, за которым пятнадцать лет иазад другой Рузвельт – воинственный Теодор планировал иачальные кампании испано-американской войны. Параллель между жизненным путем дяди и племянника иапрашивалась сама собой, и Франклин был не из тех, кто упустил бы возможность подчеркнуть зто. Через пару дией после вступлеиия в должность, воспользовавшись отсутствнем в Вашингтоие министра, он созвал в кабинет журналнстов. Сияющий государственный деятель бросил: «Теперь делом занялся один из Рузвельтов. Вы помните, что случилось в прошлый раз, когда один нз них был иа зтом посту?» Рузвельты сняли в Вашингтоне «малеиький Белый дом», то самое зданне, в котором жил Теодор, дожидаясь, пока семья убитого президента Маккинли освободит Белый дом.

На первый взгляд, Рузвельты были очень богаты – годовой доход Франклина и Элеоноры достигал 27 тыс. долл. Из них 5 тыс. долл. – жалованье заместителя морского министра и 7,5 тыс. долл. – доход от выгодно размещенного приданого Элеоноры. Для большого дома – оии жили иа широкую иогу – 27 тыс. едва хватало. Приходилось поддерживать реноме семьн в светском обществе Вашингтоиа и держать иногда до десяти слуг. Франклин знал, где и что тратить, к зтому времеии Сара иаучила сыиа бережливости, и ои экономил иа себе. Он предпочитал обедать дома, так выходило дешевле, по нескольку лет ио-

сил один и тот же костюм, ездил на трамваях — расходы на такси представлялись ему излишними. Семья приобретала только подержанные автомобили. И это была не показная скромность — Рузвельты действительно едва сводили концы с концами.

Многие в Вашингтоне, знавшие Франклина, предрекали, что его карьера в морском министерстве долго не продлится. Дж. Дэниэлс был человеком совершенно иного склада: ровно на двадцать лет старше Франклина, он был его полной противоположностью. За плечами Дэниэлса было трудное восхождение по политической лестнице. Он начал с редактора газеты в маленьком провинциальном городке. Внешне бесхитростный, старомодно одетый, Дэниэлс имел славу пацифиста, сторонника «сухого закона» и горячего поклонника аграрного радикала Дж. Брайана, ставшего в правительстве Вильсона государственным секретарем. Адмиралы с первого взгляда невзлюбили унылого пуританина-министра.

Франклин нашел его «самым забавным деревенским парнем» и на первых порах обращался к Дэниэлсу с изумительно бестактными записками. Дэниэлс прекрасно видел все, что проделывал заместитель. Но Франклин был его любовью с первого взгляда, и старый политик, отлично знавший людей, смотрел в будущее: Дэниэлс умел ладить с конгрессом, ФДР понимал флот. Что до честолюбивых надежд заместителя, то министр всегда сумеет направить их в нужную сторону. И хотя Франклин бывал иной раз чрезмерно инициативен, они отлично сработались с Дэниэлсом. На протяжении семи с половиной лет совместной работы в морском министерстве между ними не было серьезных конфликтов.

Дэниэлс мягко подшучивал над честолюбием заместителя, а Франклин с годами привязался к старику. Как-то раз они сфотографировались вместе на балконе здания морского министерства, выходившего фасадом к Белому дому. Когда принесли карточки, Дэниэлс спросил:

— Франклин, почему вы улыбаетесь от уха до уха, выглядите столь удовлетворенным, как будто весь мир принадлежит вам, в то время как я стою спокойный и счастливый, но на моем лице нет такой улыбки?

Франклин ответил, что он не видит особой причины, ему хотелось пристойно выглядеть перед объективом.

— Тогда я скажу, — лукаво закончил Дэниэлс. — Мы оба смотрим на Белый дом, и вы, происходя из Нью-Йорка, говорите себе: «Когда-нибудь и я буду жить в этом доме», а мне, южанину, приходится довольствоваться тем, что есть[1].

Расхохоталнсь и разошлись. С годами их отношения стали напоминать те, которые существуют между отцом и сыном. До смерти Ф. Рузвельта (Дж. Дэниэлс пережил его на три года) они оставались друзьями, часто встречались и вели оживленную переписку.

Оказавшись в морском министерстве, ФДР был безмерно счастлив. С детства он любил море и флот, вся его предшествующая жизнь оказалась подготовкой к теперешней работе. В свое время он с головой окунулся в политические дела в сенате штата Нью-Йорк, однако штат не располагал флотом. Теперь под его началом практически оказались военно-морские силы США, а тогда флот и морская пехота доминировали над небольшой армией. Ф. Рузвельт выступал за еще больший флот. Он был воспитан на теории морской мощи Мэхэна и в практической деятельности призывал пойти дальше, чем рекомендовал сам теоретик.

В январе 1914 года Ф. Рузвельт поучал соотечественников: «Наша национальная оборона должна охватывать все Западное полушарие, ее зона должна выходить на тысячу миль в открытое море, включать Филиппины и все моря, где только бывают американские торговые суда. Для удержания Панамского канала, Аляски, американского Самоа, Гуама, Пуэрто-Рико, морской базы Гуантанамо и Филиппинских островов мы должны располагать линкорами. Флот нам нужен не только для защиты собственных берегов и владений, но для охраны наших торговых судов в случае войны, где бы они ни находились»[2]. Между тем в США ужасались размерами флота и морской пехоты. Они насчитывали 65 тыс. личного состава и обходились налогоплательщикам в 144 млн. долл. в год. Даже Дэниэлс, не говоря уже о Брайане, считал, что флот чудовищно раздут.

Наиболее влиятельная организация, ратовавшая за большой флот, – Морская лига США – горячо приветствовала молодого заместителя морского министра. Лига, собственно, представляла интересы магнатов стали и судостроительной промышленности, королей финансов, ибо флот был тогда крупнейшей кормушкой государственных заказов. С ними у Рузвельта наладились сердечные отношения. Его пригласили председательствовать на ежегодном собрании лиги, а ее планы обсуждались в кабинете заместителя морского министра.

В 1914 году Соединенные Штаты напали на Мексику, американские войска высадились в Веракрусе. Ф. Рузвельт счел возможным публично заявить: «Я не хочу войны, но я не знаю, как избежать ее. Рано или поздно Соединенным Штатам придется вмешаться и разобраться в политической неразберихе в Мекси-

ке. Я считаю, что нужно сделать это немедлеиио». Такие заявления могли бы звучать в устах главнокомандующего, каковым по коиституции является президент. Тем ие меиее ии В. Вильсон, ин Дж. Дэииэлс ие сочли иеобходимым одернуть заместителя морского министра, предлагавшего пойти столь далеко. Почему?

Р. Тагвелл объясняет: «Трудно сказать — то ли этого буйного Рузвельта, использовавшего любую возможность для письменных и устных выступлеиий в целях всестороннего развития полной империалистической доктрины, для осуществлеиия которой был иеобходим «флот, ие имеющий равных», просто выслушивала иебольшая аудитория, разделявшая его взгляды (а в этом случае ои едва лн создавал серьезные затруднения для вышестоящих), или ему сознательио давалась воля, ибо Вильсои ие возражал, чтобы и эта точка зреиия выражалась свободно иаряду с более пацифистскими взглядами Дэинэлса. Президеиты часто прибегают к таким приемам. Сам заместитель морского мииистра, когда ои стал президеитом, вне всякого сомиеиия, ие имел соперииков в искусстве запускать чужими руками пробные шары»[3]. Если так, а Р. Тагвеллу иельзя отказать ии в любви к Ф. Рузвельту, ии в зиании его, тогда оппозиция заместителя морского министра к ведеиию дел администрацией Вильсоиа предстает в ином свете. Скорее, ои был не только дисциплинированным, ио и понятливым служакой.

Ф. Рузвельт столкнулся с проблемой, которой ие зиал раньше, — оргаиизованным рабочим движеиием. Ои вел дела военной судостроительиой и судоремоитиой промышленности, насчитывавшей перед первой мировой войной 50 тыс. рабочих, многие из которых входили в цеховые профсоюзы АФТ. Рузвельт очень быстро иаучился ладить с лидерами профсоюзов и добился того, что за время его пребывания в министерстве иа верфях ие случилось ин одной серьезиой забастовки.

Споры с поставщиками ие моглн ие укрепить репутацию Ф. Рузвельта как прогрессивиого деятеля, причем оиа возрастала прямо пропорциоиальио его усилиям в пользу большого флота. Ои хотел больше кораблей, ио рамки расходов определялись ассигиоваииями коигресса. Необходимость получить иаибольшую отдачу с каждого доллара приводила к тому, что заместитель морского министра яростно сопротивлялся моиополистической практике взвиичивания цеи. Политически это было иетрудно объяснить иными мотивами — якобы врожденной иеприязнью ФДР к трестам. Добытую славу не приходилось делить ии с кем: в отличие от других миинстерств, в морском был только один заместитель министра.

В Вашингтоне вплоть до второй мировой войны вспоминали, что, используя свой пост, Рузвельт заставил флот покупать очень плохой уголь из шахт, в которых имели денежные интересы его родственники. Он объяснял расширение круга поставщиков, которое действительно имело место, необходимостью сбить абсурдные монопольные цены на уголь. Биографы Рузвельта с негодованием отрицают эти инсинуации, ссылаясь на то, что, как только Рузвельту доложили о плохом качестве угля, он немедленно приостановил действие соответствующих контрактов.

Рузвельт назначил Хоу помощником и все семь с половиной лет получал от него квалифицированную помощь и здравые советы, в первую очередь в вопросах труда. Он оказался просто неоценимым в политическом лабиринте Вашингтона. Хоу учил способного администратора искусству возможного, а главное — умению выжидать и не связывать себя участием в непопулярных мероприятиях.

Пуританин Дж. Дэниэлс усердно служил богу своему и посему, а также в интересах укрепления воинской дисциплины запретил употреблять спиртные напитки даже в офицерских кают-компаниях на кораблях. Моряки расценивали это как неслыханное покушение на святые традиции флота, иные даже утверждали, что выбита сама основа морского боевого духа. Когда был отдан приказ, Рузвельт оказался в уместной командировке. Язвительный Хоу сообщал ему из Вашингтона: «Я знаю, как вы сожалеете о том, что не находитесь на месте и не можете разделить славу (приказа). Конечно, я сообщу корреспондентам только следующее: вы не в Вашингтоне и, естественно, ничего не знаете».

Адмиралы предпочитали иметь дело с заместителем, а не с самим министром. Рузвельт тешил себя иллюзией, что он с большей легкостью нашел с ними общий язык, чем Дэниэлс, лукавые царедворцы поддерживали его в счастливом заблуждении — обычно они задерживали представление различного рода раздутых требований, пока Дэниэлс был в Вашингтоне. Стоило ему уехать, как толпа просителей осаждала исполняющего обязанности министра — Ф. Рузвельта. Он же серьезно считал себя флотоводцем. Когда выяснилось, что заместитель морского министра не имел флага (президент и министр имели), Ф. Рузвельт немедленно приказал по собственному рисунку изготовить таковой. Отныне, стоило ему ступить на палубу военного корабля, гремел салют из 17 орудийных залпов, а на мачте взвивался личный флаг. И все же заместитель морского министра не был всесилен, ему так и не удалось заставить моряков принимать приказы от Хоу.

«Знаете, что случится, если Хоу появится на корабле? — заявил Рузвельту какой-то капитан, которому он сообщил о намерении послать Хоу с инспекционной поездкой. — Как только он ступит на борт, его схватят, разденут и отмоют с песком и мылом». Хоу был равнодушен к оценке моряков: военные не имели голоса на выборах, между тем организованное рабочее движение — сила в политике. С его лидерами Хоу считался.

Рузвельт вызывал профессиональное уважение. Он неоднократно брал командование военными кораблями и показал умение проводить быстроходные эсминцы в тяжелых водах. Молодой ФДР хорошо узнал на флоте молодых офицеров — Уильяма Д. Легн, Уильяма Ф. Хэлси, Гарольда Р. Старка и Хасбенда Э. Киммеля; все они (за исключением Киммеля, опозорившего свои седины в Пёрл-Харборе) вели в бой американский флот в годы второй мировой войны.

Наконец, Рузвельт хорошо понял значение флота во внутренней политике как средства рекламы. С 1913 года в день национального праздника 4 июля военный корабль ежегодно бросал якорь на Гудзоне, около Гайд-парка и города Пугкипси. В том же 1913 году новый линкор «Норс Дакота» получил приказ отметить день 4 июля у города Истпорт, штат Мэн. Офицеры корабля проклинали мудрецов, оторвавших их от семей в праздник, — они обычно оставались в этот день на базе. Однако поблизости от Истпорта на островке Кампобелло находился заместитель морского министра.

В палящий летний зной офицер с линкора в парадном мундире с эполетами, придерживая палаш, шел по улице Истпорта. Он должен был доложить ФДР о прибытии линкора. Навстречу бежал парень в открытой рубашке и широких фланелевых брюках. Искренне позавидовав ему, офицер закричал: «Эй, ты, как найти этого типа Рузвельта?» Парень оказался ФДР. Он просил передать капитану, что поднимется на борт и произведет смотр экипажа. И хотя он не одет должным образом, следует произвести салют в честь заместителя морского министра. Обывателей порадует грохот орудий.

Когда на корабле вспыхнули молнии холостых орудийных выстрелов, они убедились в мощи флота США и всемогуществе заместителя морского министра.

II

Среди благ, которые несет с собой в Соединенных Штатах занятие крупного поста в системе федерального правительства, участие в руководстве «разделом добычи» дает возможность возна-

градить за вериость старых единомышленников и приобрести новых друзей. Победившая партия проводит раздачу постов в системе федеральных властей.

Просителей из родного штата оказалось великое множество, и их обуревал такой завистливый голод власти, что Рузвельту пришлось использовать хорошие отношеиия и с министром почт А. Бюрлсоном, и с министром финансов У. Мак-Аду. Боссы Таммани очень быстро разглядели за готовностью Рузвельта хлопотать по таким делам отнюдь не наивное желание прослыть благодетелем, а хорошо рассчитанный план — выдвигать своих людей, готовить почву для себя. Таммани заподозрила недоброе — возникновение соперничающей политической организации под контролем Рузвельта.

Тут в штате разразился скандал, весьма заурядный для американской политической жизни. «Простачок Билли» — У. Сульцер, проведенный Таммани в губернаторы, взбунтовался. Еще недавно послушное орудие в борьбе против сенатора Рузвельта, «простачок Билли», переименовав здание ратуши в «народный дом», обрушился на Ч. Мэрфи и его присных. Рузвельт из-за кулис поощрял свободомыслящего губернатора, но Сульцер переоценил силы. Таммани без большого труда доказала, что губернатор пустил средства из избирательного фонда в спекуляции на бирже. Дело обернулось худо для Сульцера, и он бросился за защитой к Рузвельту, прося, чтобы тот ходатайствовал перед Вильсоном о заступничестве. Хоу стоял на страже интересов ФДР, и «простачок Билли» получил от заместителя морского министра изящный и бессодержательный ответ (a nice pussy-footed answer). Сульцер был отстранен от должности и привлечен к уголовной ответственности.

Конечный результат скандала оказался неожиданным. Добрые граждане штата преисполнились отвращения к грязным махинациям не только Таммани, но и демократов вообще. Падение Мэрфи и торжество республиканцев представлялись неизбежными.

Рузвельт решил, что пробил его час, и попросил Вильсона поручить ему восстановить пошатнувшийся престиж демократической партии в штате. Вильсону было нетрудно понять, куда метил не по годам бойкий ФДР — стать губернатором ключевого штата.

Ободренный кажущейся поддержкой президента, ФДР инспирировал слухи о том, что он будет выдвинут губернатором штата Нью-Йорк. Скоро об этом заговорили газеты. Рузвельт надеялся достичь губернаторского кресла на волне негодования по поводу продажности клики Мэрфи. Таммани, однако, собрала силы. 23 июля 1914 г. председатель важнейшего комитета по

ассигнованиям палаты представителей Дж. Фицджеральд, выступая по поручению двадцати конгрессменов, представлявших город Нью-Йорк, негодовал: «Клеветники, заявляющие, что они говорят от имени администрации, изображают нас как наймитов жуликов, грабителей и авантюристов». Вильсон, давно простивший Таммани Балтимор, отчетливо усмотрел дилемму – двадцать голосов в палате представителей или один честолюбивый заместитель морского министра.

На следующий день американцы прочли в «Нью-Йорк таймс» заявление Вильсона: «Я питаю самые добрые чувства к мистеру Фицджеральду и никогда не одобрял характеристики конгрессменов от Таммани как наймитов жуликов, грабителей и авантюристов». С надеждами на пост губернатора пришлось расстаться. ФДР сделал мину при плохой игре, опубликовав негодующее опровержение распространившихся слухов о том, что собирался когда-либо баллотироваться на эту должность.

Несмотря на уроки Хоу, Ф. Рузвельт все еще был зеленым политиком. Воспользовавшись отъездом в отпуск своего наставника, Франклин по горячим следам за опровержением выступил с заявлением, что намеревается выставить свою кандидатуру в качестве сенатора от штата Нью-Йорк. Луи он послал телеграмму. Извиняясь, Франклин сослался на то, что «еще не научился владеть собой», а также сообщил, что этого требуют «важные политические соображения». Под ними он вновь имел в виду поддержку Вильсона, который пообещал исправиться и на этот раз быть за Рузвельта.

Хотя Хоу томили тяжкие предчувствия, ФДР удержу не знал: он открыл энергичную кампанию в демократической организации штата. Боссы Таммани сохранили каменное спокойствие и, поразмыслив, выдвинули свою кандидатуру – посла США в Германии Дж. Герарда. Защита им интересов американских граждан в Европе в связи с начавшейся первой мировой войной получила самую широкую известность в Соединенных Штатах. Герард, естественно, не мог покинуть Берлин и через государственный департамент справился у президента, стоит ли ему соглашаться. Из Вашингтона ответили утвердительно.

Франклин так и не разобрался в создавшемся положении. Он с азартом задавал своему сопернику риторические вопросы: если Герарда изберут, будет ли он подчиняться Мэрфи, или, если война затянется, где сенатор сочтет необходимым исполнять свои обязанности – в Вашингтоне или в Берлине. Посольство США в Германии отмалчивалось. «Трудно вести кампанию против кротов», – жаловался Франклин на митингах. По совету Мэрфи его кандидаты «отказываются вылезти из нор и изложить

свои принципы в соответствии с духом открытой избирательной кампании». ФДР пытался изобразить себя кандидатом, одобренным администрацией. Он прибегал к бесстыдной лести в адрес правительства. «Между мэрфизированным Олбани и вильсонизированным Вашингтоном разница столь же велика, как между долиной и горными пиками»[4], — сообщал он. Все напрасно.

Он проиграл. Герард получил на первичных выборах в октябре 210 765 голосов, Рузвельт — 76 888 голосов. Все идет своей чередой, на выборах в сенат в ноябре республиканец нанес поражение Герарду.

Руководство партии проучило Ф. Рузвельта, ему указали на его место. Урок пошел впрок. Он понял, что без Таммани далеко не уйти, боссы Таммани, в свою очередь, пригляделись к ФДР в действии. Ставка на него не сулила крупного проигрыша. В кампании против Герарда, проведенной в одиночку, он выглядел совсем неплохо.

III

В канун той мировой войны правители Соединенных Штатов не уставали напоминать Старому Свету, что заокеанская республика достигла статуса великой державы.

Теодор Рузвельт в бытность президентом постарался пробудить мир к пониманию вновь обретенной мощи США. В 1907—1909 годах американский флот по его приказу совершил кругосветное плавание. Шестнадцать линкоров в громе орудийных салютов показали звездное знамя на всех океанах земного шара. Демонстрацией «белого флота» — линкоры сияли белой эмалевой краской — Т. Рузвельт гордился до конца своих дней. Администрация Вильсона, хотя и в меньших масштабах, продолжала его дело.

25 октября 1913 г. Ф. Рузвельт напутствовал участников очередной воинственной вылазки американцев — девять линкоров отправлялись в шестинедельное плавание по Средиземному морю: «Посылая вас представителями нынешнего флота США, мы надеемся показать Старому Свету, что достижения и традиции прошлого сохраняются и развиваются в интересах блестящего будущего». Отправка эскадры сопровождалась оглушительной риторикой самолюбования. Лишь немногие газеты высмеивали самодовольных организаторов плавания. Как заметила газета «Ньюс» (город Галвстон), «если эти линкоры и символизируют что-нибудь мыслящему человеку, то ему ясно одно: мы, как и большинство других наций, придерживаемся средневековых

убеждений — необходимыми средствами решения международных споров являются все еще убийство и разрушение. На наш взгляд, просто издевательство демонстрировать линкоры перед другими народами как доказательство нашей доброй воли». Столичный житель Франклин Д. Рузвельт не мог разделять мнение редактора провинциальной газеты.

День начала войны в Европе — 1 августа 1914 г. — застиг ФДР за обычным занятием — пропагандой большого флота, хотя и в несколько необычных обстоятельствах. Конгрессмен Дж. Ротермел раздобыл для своего городка Ридинга старый якорь с линкора «Мэн». Местные патриоты водрузили якорь на площади как символ мощи американского флота. Тут подоспели выборы, и его противник нагло заявил, что якорь вовсе не с линкора, а привезен бог знает откуда. Оскорбленный в лучших чувствах (переизбрание повисло на волоске) конгрессмен вызвал на помощь Ф. Рузвельта. Заместитель морского министра откликнулся на зов и в горячей речи заверил жителей городка в подлинности якоря: «Как вы могли подумать, что правительство славных Соединенных Штатов способно передать вам поддельный якорь», — и подчеркнул необходимость крепить морскую мощь США.

Исполнив свой патриотический долг (правда, конгрессмена так и не переизбрали), ФДР отправился в обратный путь в Вашингтон. В поезде он и узнал о гигантском пожаре в Европе. Горя желанием действовать, он прибыл в морское министерство, погруженное в сонную дремоту, — было время летних отпусков. Он с отвращением пишет Элеоноре: «Эти добряки, подобные У. Дж. Б. (Брайану. — *Н. Я.*) и Д. Д. (Дэниэлсу. — *Н. Я.*), понимают столько же, что означает всеобщая война в Европе, сколько Эллиот (сын Рузвельта четырех лет. — *Н. Я.*) разбирается в высшей математике». И далее: «Мистер Дэниэлс опечален главным образом потому, что его вере в человеческую натуру, цивилизацию и прочему идеалистическому вздору нанесен ужасающий удар. Поэтому мне приходится в одиночку браться за дело и готовить планы, что надлежит делать флоту»[5].

По мнению американских историков, с первых дней войны в Европе Ф. Рузвельт творил просто чудеса в Вашингтоне, в то время как Дэниэлс и другие пребывали в прострации. Два дела способному человеку не помеха: с середины августа до самого конца сентября он был занят известной нам кампанией по выборам себя в сенат США и неотлучно находился в штате Нью-Йорк. Биографы, однако, так и не объяснили, почему он был готов пожертвовать любимым флотом ради места в сенате.

Лишь Р. Тагвелл, на правах старого соратника, берет на себя смелость предположить: «Он витал в облаках и просто не мог

отказаться от борьбы за место в сенате. Даже его любовь к флоту не была помехой. Он оставил бы его без сожаления ради того, что считал политическим повышеиием — шагом вверх»[6]. Поражение в штате Нью-Йорк побудило ФДР глубокой осенью 1914 года заняться своими прямыми обязанностями в министерстве.

Симпатии Рузвельта всецело были на стороне держав Антанты. В самом начале войны он сообщил Дэниэлсу свой прогноз: «Вместо длительной борьбы, я надеюсь, Англия примет в ней участие и вместе с Францией и Россией продиктует мир в Берлине!» Ошибся не один Рузвельт, конца войне не было видно. Хотя Соединенные Штаты объявили о своем нейтралитете, он рано стал ратовать за усиленную военную подготовку страны. Между тем Вильсон требовал от соотечественников быть нейтральными не только в действиях, но и в мыслях. Публично было трудно отстаивать дело Антанты — американская плутократия была преисполнена решимости пока набивать карманы, ожидая истощения сторон; что же касается вступления США в войну — будущее покажет.

Возможности Рузвельта не шли далее его функций заместителя морского министра. Он мог вносить предложения Вильсону — создать совет национальной обороны, ввести всеобщую воинскую повинность, Дэниэлсу — немедленно приступить к строительству большого флота. Его не слушали. В начале 1915 года Франклин жаловался жене: «Я точно знаю, что совершу ужасно антинейтральный поступок». Он стал афишировать связи с английским послом Спринг-Рисом и атташе французского посольства Ла Буле. Заместитель морского министра пошел на рискованный шаг: злоупотребляя служебным положением, передал секретную информацию о состоянии американского флота сенатору Г. Лоджу и другим республиканцам, яростным критикам администрации Вильсона. Так он надеялся продвинуть морскую программу.

Германская подводная лодка 7 мая 1915 г. потопила «Лузитанию». Погибли 1200 человек, в том числе 124 американца. Инцидент решительно укрепил позиции Рузвельта. Государственный секретарь Брайан ушел в отставку. Шовинистическая пропаганда в США набрала силу. Предложение об увеличении флота и создании совета национальной обороны стало теперь исходить от Белого дома. Когда этот орган в августе 1916 года был учрежден, Рузвельт имел основание считать, что он внес свою лепту.

В рамках морского министерства Рузвельт не смог сделать много — его усилиями летом 1916 года был создан морской резерв в 50 тыс. человек, а группа резервистов приняла участие в маневрах флота. Рузвельт с трудом убедил командование флота

взять на борт этих лиц, и, имея в виду преодоление препятствия, он любил говорить об организованном им учебном плавании, что повысило боевую готовность военно-морских сил. Газеты, приведя поименные списки — группа была невелика, доказали: на военных кораблях проветрились богатые друзья Ф. Рузвельта, его коллеги по яхт-клубам.

Фигура Ф. Рузвельта вырастала главным образом благодаря его речам и статьям, посвященным подготовке флота. Он стыдил американцев — на жевательную резинку они тратят в год больше, чем на армию, а автомобильные покрышки ежегодно обходятся дороже флота. Воинственный заместитель морского министра, впрочем, шел в ногу с политикой администрации: 14 июня 1916 г. по улицам Вашингтона среди участников «парада подготовки» промаршировал сам В. Вильсон. В связи с событиями в Мексике — Панчо Вилла одержал новые успехи — президент приказал частям национальной гвардии занять позиции вдоль мексиканской границы.

Рузвельт, выступая на обеде морских резервистов в Нью-Йорке, заявил, что и они могут потребоваться на границе, хотя обедавшим так и осталось непонятно, что будут делать моряки на суше. Они покрыли одобрительным ревом тост организатора банкета, обращенный к Ф. Рузвельту: «Я надеюсь, что присутствующие не обидятся, если слово «заместитель»... будет вычеркнуто перед титулом этого человека». Газеты серьезно писали, что из Рузвельта получится лучший морской министр, чем Дэниэлс.

Конфликт между министром и его заместителем был в значительной степени создан газетчиками. «Мы должны вступить в войну», — часто возглашал Франклин, переступив порог кабинета Дэниэлса для доклада. «Надеюсь, что этого не случится», — спокойно отвечал министр из-за стола. Обменявшись этими приветствиями, оба погружались в текущую работу.

Война в Европе не отменила календаря американской политики — в 1916 году происходили очередные президентские выборы. Демократическая партия вела их под лозунгом: «Он (Вильсон. — *Н. Я.*) удержал нас от вступления в войну». Соответственно говорил Рузвельт, искренне призывая к военной подготовке и неискренне превознося необходимость нейтралитета. Внутренняя коллизия во взглядах между администрацией и им определила необычайный интерес Рузвельта к истории. В одной из речей, обосновывая невступление в войну, он прочитал яркий отрывок из исторического сочинения, в котором содержались яростные нападки на В... Он объяснил, что цитата взята из памфлета Томаса Пейна, критиковавшего Джорджа Вашингтона за нейтралитет во время войны Англии и Франции в конце XVIII века.

Ф. Рузвельт раздобыл где-то рукопись меморандума Дж. Монро, написанного в 1814 году, в котором доказывалась необходимость участия США в европейских войнах. Заместитель морского министра направил рукопись президенту. Дорожа местом, он не осмеливался иначе выразить свои взгляды.

Оживление страстей в связи с избирательной кампанией помогло личной политической судьбе Ф. Рузвельта. Еще в 1915 году, поняв, что его борьба с Таммани была донкихотством, Франклин прилагает усилия к примирению. Началось с пустяков. Сыновья тщеславного конгрессмена Дж. Фицджеральда получили почетные места среди зрителей при закладке линкора «Калифорния» на Бруклинской верфи в Нью-Йорке. Ф. Рузвельт стал поддерживать проведение на различные посты в штате кандидатов Таммани. Во время кампании 1916 года Франклин уже открыто выступил заодно с лидерами Таммани.

Победил В. Вильсон: он был переизбран, получив 9 129 606 голосов против 8 538 221, отданного кандидату республиканцев Ч. Юзу. Успех сплотил демократическую партию: 4 июля 1917 г. Рузвельт — основной оратор на собрании, созванном Таммани в Нью-Йорке по поводу 141-й годовщины независимости Соединенных Штатов. Сара была встревожена, она заклинала сына не иметь ничего общего с грязными политиканами. Разве не он поносил их много лет? «Не беспокойся по поводу речи 4 июля, — ответил сын матери, — ведь каждый в штате Нью-Йорк знает мою позицию». А чтобы не было сомнений, Франклин сфотографировался с боссами Таммани — Ч. Мэрфи и Дж. Вурисом. Пенсне и галстук бабочкой заместителя морского министра отлично гармонировали с шутовскими регалиями, надевавшимися вожаками Таммани по торжественным случаям.

IV

Морское министерство в те годы помимо своих прямых обязанностей отвечало за администрацию в заморских владениях США, а также везде, где высаживалась американская морская пехота. Возникали различные проблемы, которые офицеры разрешали с военной прямотой. Губернатор командор Т. Мур, например, посланный на Самоа, в 1907 году издал распоряжение № 6, отменившее «языческий и варварский обычай» лишения невест девственности их отцами. Эти и иные проблемы унаследовал Ф. Рузвельт.

Когда в 1915 году возникли новые трудности на Самоа, заместитель морского министра со свойственной ему проницатель-

ностью объяснил: флот должен следить за тем, чтобы «губернатором всегда назначался скромный и здравомыслящий человек». Он указал, что основная цель американских аннексий — оборона Соединенных Штатов, которые, в свою очередь, должны вооружаться, чтобы защищать свои заморские владения, дабы агрессор не мог помешать «великому гуманному делу, почти завершенному в Панаме на наши деньги в интересах всего человечества». Это в равной степени верно в отношении «Гавайских островов, Пуэрто-Рико и стран Центральной и Южной Америки, которые мы рассматриваем как придерживающихся тех же идеалов свободы, что и США».

Ф. Рузвельт стоял за расширение американских владений в этом районе. Поскольку Гуантанамо на Кубе было трудно оборонять с суши, он настаивал на захвате новых островов. Именно в эти годы США купили у Голландии острова, переименованные в Виргинские. Рузвельт был необычайно доволен и собрался быть первым американским государственным деятелем, посетившим новое владение США, чтобы поднять там американский флаг. ФДР настаивал на все новых захватах[7].

Летом 1915 года американская морская пехота высадилась на Гаити. Хотя в стране сохранились президент и правительство, она была низведена до уровня протектората США. Всем правило из Вашингтона морское министерство, на заседаниях кабинета Дэниэлса шутливо-серьезно приветствовали: «Слава королю Гаити!» Оккупация породила массу проблем, которые было трудно решить из Вашингтона, и в январе 1917 года Рузвельт выехал туда с инспекционной поездкой.

По пути он остановился на Кубе, где в Гаване встретился с президентом М. Менокалом. Местный руководитель произвел на проезжего американца глубокое впечатление. «Он, очевидно, джентльмен, бизнесмен прогрессивного типа, и не один противник не поставит под сомнение его честность... Кубе, на мой взгляд, необходимо продолжение "упорядоченного прогресса", а не радикализм». Удовлетворенный, Рузвельт продолжил свой путь, а на Кубе через несколько дней разразилась революция. Обвинив германских агентов и в интересах спасения «упорядоченного прогресса», США направили на Кубу морскую пехоту, которая оккупировала остров до 1922 года.

На Гаити Рузвельт завоевал популярность правящей верхушки острова. Он упорно именовал свое посещение «визитом вежливости», хотя в заливе Порт-о-Пренс стояло около 50 американских военных кораблей, и старательно поддерживал фикцию «суверенитета» президента Дартиженава. Американские военные власти на острове получили урок от молодого замести-

теля морского министра. Президент и он должны были сесть в автомобиль для поездки по острову. Дартиженав первый ступил на подножку. Командующий американскими войсками на острове генерал-майор С. Батлер схватил его за шиворот и оттащил, чтобы дать дорогу Рузвельту. Он, однако, остановил старательного вояку, освободил дрожавшего президента и пропустил его вперед.

На острове Рузвельт интересовался главным образом «прогрессом», достигнутым под водительством морской пехоты. Он, как должное, выслушал сообщения о кровавых расправах американской солдатни над местным населением, принял петиции об освобождении, но не освободил заключенных, а по возвращении в Вашингтон принял активное участие в составлении конституции для Гаити. Ее основной чертой было разрешение иностранцам владеть землей. Впоследствии поразительный документ прозвали «конституцией Рузвельта». Правда, ФДР всегда отрицал, что это положение было внесено по настоянию «Нэшнл сити бэнк».

Морская пехота успешно провела «плебисцит» на Гаити: в пользу конституции – 69 377, против – 355.

V

1 февраля 1917 г. Германия объявила неограниченную подводную войну. Искомый повод для вступления Соединенных Штатов в войну был под рукой. Ф. Рузвельт полагал, что время выжидания прошло. В 1939 году он рассказывал: «Была первая неделя марта... Я явился к президенту и сказал: "Президент Вильсон, разрешите вернуть флот из Гуантанамо, направить корабли в доки Нью-Йорка, с тем чтобы подготовить их к участию в войне после нашего вступления в нее". Президент ответил: "Мне очень жаль, мистер Рузвельт, но я не могу разрешить этого". Я продолжал настаивать, он без объяснения причин отказал, заявив: "Нет, я не хочу, чтобы флот переводился на Север". Я служил во флоте, поэтому отчеканил: "Так точно, сэр" – и направился к двери. В дверях он вернул меня, заявив: "Я хочу объяснить вам то, что не желаю говорить публично. Я не хочу чего-либо... в области военной подготовки, что было бы определенно истолковано будущими историками как недружественный акт в отношении центральных держав"»[8].

Впоследствии Рузвельт неоднократно подчеркивал, что в последние месяцы перед объявлением войны Германии (с 3 февраля 1917 г., когда США разорвали дипломатические отношения

с ней) он готовил американскнй флот только иа свой страх н риск. Однако он не делал ничего без санкций президента н морского министра. Битва с администрацией была выдумана самим Рузвельтом много лет спустя. Заявлеиия Рузвельта такого типа: «С 6 февраля по 4 марта мы на флоте совершили такие поступкн, за которые иас можно было н все еще можно заключить на 999 лет в тюрьму» — иельзя принимать всерьез. Серьезио другое — ФДР совещался в то время с критиками правительства Дж. П. Морганом, Т. Рузвельтом н др., обсуждая, как бы подтолкнуть его к решительным действиям, а зтн люди могли многое.

18 марта 1917 г. пришлн сообщения о потоплеиии германскими подводными лодками еще трех американских судов. 20 марта кабинет решил вступить в войну с Германней. 6 апреля конгресс объявил о том, что Соединенные Штаты находятся в состоянин войны с Германией.

Объем работы морского миннстерства решительно возрос — личный состав флота во много раз увеличился, достигнув к концу войны 497 тыс. человек. ФДР оказался среди военных руководителей громадного ведомства, что позволило ему неизмернмо пополнить опыт администратора. Хотя он н ие избегал ответственности, а был только рад расширению функций министерства, Франклин попытался заговорить о вступленин в действующую армию. Вильсон н Дзииэлс наотрез отказали: частично потому, что он был иужен на своем посту, а главным образом ие желая способствовать дальиейшему росту популяриости ФДР. С его речами, рассчитанными на завоевание национальной известности, администрация уже примирилась, в коиечном счете, афншируя себя, ои поднимал и престиж демократической партии. Но допустить повтореиия карьеры Теодора Рузвельта, который во время американо-испанской войны был в действующей армин, онн не хотелн. Военная слава в свое время прямо вывела Теодора Рузвельта в президенты.

У Фраиклина хватило здравого смысла отклонить предложенне Морской лиги — открыть кампанию за смещение Дзиизлса н назначение его морским министром. В то же время Рузвельт подстрекнул близкого к Вильсону журиалиста У. Черчилля довести до сведеиия Белого дома о бюрократизме морского министерства. У. Черчилль выполнил поручение, присовокупив: если дела в министерстве не будут делаться быстрее, им займутся газеты н республиканцы. Это возымело действне: Вильсои приказал Дзниэлсу быть эиергичнее.

Своим величайшим достиженнем в годы первой мировой войны Рузвельт считал установку минного заграждеиия через Севериое море — от Англин до Норвегин, преграждавшего выход

германским подводным лодкам в Атлантику. Полмиллиона мин, стоимость — 500 млн. долл. Рузвельту пришлось преодолеть многочисленные препятствия не только специалистов-моряков. Английский министр иностранных дел Бальфур указал, что вторжение в норвежские территориальные воды поднимет деликатные вопросы, регулируемые международным правом. Рузвельт возразил: «Если Норвегия не может выполнять свои обязанности по предотвращению прохода германских лодок через узкую полосу вдоль своего побережья.., тогда представляется совершенно справедливым выполнить этот долг за нее». Несомненно, очень вольная трактовка международного права.

Работа началась лишь в августе 1918 года; до конца войны было установлено 70 тыс. мин, что обошлось в 80 млн. долл. Заграждение не успело сыграть сколько-нибудь значительной роли; скорее, введение системы конвоирования, улучшение приборов обнаружения подводных лодок и конструкций глубинных бомб имели куда большее значение, чем экстравагантный план заместителя морского министра. ФДР придерживался иной точки зрения. Много лет спустя с высоты трехэтажного Белого дома он считал, что «недовольство в германском подводном флоте стало возникать в начале октября 1918 года, оно перешло на крейсеры и линкоры и оказало громадное воздействие на мятеж всего германского флота. Не будет преувеличением поэтому заявить, что заграждение в Северном море, начатое установкой мин американским флотом и буквально навязанное британскому флоту, внесло определенный вклад в мятеж германского флота, затем в восстание в германский армии и, наконец, в окончание мировой войны»[9]. Историки иначе объясняют эти события.

В военные годы Рузвельту пришлось много заниматься трудовыми конфликтами. Он был в составе правительственного комитета, решившего не повышать заработную плату более чем на 10 процентов. АФТ приняла обязательство придерживаться «открытого цеха» на время войны. Но профсоюз плотников, работавших на предприятиях, выполнявших заказы флота, выступил за «закрытый цех». Рузвельт пригрозил, что в таком случае он обратится к лицам, занятым на гражданской службе. Рузвельт вообще считал, что на время войны следует принять чрезвычайные меры. «Всеобщая повинность должна применяться ко всем мужчинам и женщинам, а не только к мобилизованным в армию и флот. Чем скорее поймут этот принцип, тем лучше», — писал он в 1917 году. Сам Рузвельт, как видно, не понимал, что означало бы претворение в жизнь указанного «принципа».

В апреле 1917 года журнал «Эра» писал, имея в виду его многочисленные выступления на этот счет: «Когда я читаю

глупые и претенциозные суждения мистера Такого-то, который с гипертрофированным патриотическим пылом требует обязательной воинской службы для всех американских юношей, я вижу вдохновляющую наивность! Какой прекрасной проверкой тезиса было бы, если бы мистер Такой-то со своими пятью сыновьями вскарабкались по грязным ступенькам вербовочного пункта... и завербовались в армию. После года службы пусть они придут и скажут, что за преимущества они приобрели». ФДР немедленно направил статью помощнику генерального прокурора с пожеланием «запереть писаку и всю его банду в тюрьму в Атланте до конца их дней». Министерство юстиции официально ответило: нет закона, по которому можно привлечь к ответственности за подобного рода статьи.

В 1916 году Рузвельт, в пику Дэниэлсу, сообщил комитету по военно-морским делам палаты представителей: «Я не думаю, что правительственные предприятия должны производить все для флота, исключив частные фирмы». В январе 1917 года министр и заместитель заняли противоположные позиции, давая показания в том же комитете по вопросу о чрезмерных прибылях судостроительных фирм. Рузвельт вовсе не считал прибыли из ряда вон выходящими. Хотя Дэниэлс с цифрами в руках доказывал выгодность государственного строительства, Франклин сделал все, чтобы воспрепятствовать расширению производственных мощностей на государственных заводах и верфях, выдавая заказы монополиям.

Он настаивал: функция государственных предприятий в войну — дополнять частную промышленность, а в мирное время — служить сверх прямого назначения своего рода лабораторией, в которой определяются издержки производства, с тем чтобы не переплачивать. Если так, тогда следующим логическим шагом было бы выступление против гигантских трестов в пользу свободной конкуренции среди поставщиков. Практика ФДР была противоположной. Морское министерство щедро раздавало заказы тем корпорациям, руководители которых знали Рузвельта. Возникавшие скандалы не были слишком заметными в оргии военной наживы, захлестнувшей Вашингтон. Один из знавших систему распределения контрактов морским министерством заметил: Рузвельт — «находка для любого, кто учился с ним раньше. Богатство или высокое социальное положение давали вес человеку».

Конечно, он был занят до предела. Но Рузвельт был молод, а война бешено ускорила темп жизни. Хотелось успеть все, и в лихорадочной атмосфере «войны за окончание всех войн» расцвел роман Франклина с Люси Мерсер. В 1913 году Элеонора пригла-

сила 22-летнюю Люсн работать своим секретарем. Женщина редкой красоты н такта быстро вошла в семью заместителя морского миннстра. К ужасу матери н глубокой скорбн жены было замечено, что Франклин н Люсн полюбилн друг друга отнюдь не платоническн. Семейная жизнь вошла в полосу суровых штормов. Летом 1917 года Элеонора, забрав детей, уехала в Кампобелло.

Она прнслала пнсьмо Франклину, жалуясь, что больше не нужна. «Глупая девочка, — ответил муж, — как ты можешь думать илн у тебя возникает даже тень мыслн о том, что я не хочу, чтобы ты была здесь, ведь ты знаешь, что я хочу этого! Но честно говоря, сейчас тебе нужно провестн безвыездно шесть недель в Кампобелло». Тем летом Франклин, вероятно, был готов порвать с Элеонорой. Но возниклн многочисленные препятствия: соображения карьеры, сильнейшее вмешательство матерн. Она категорическн заявила сыну: «Я стою за старые традиции н в семейной жизни», — добавив самое убедительное: еслн Франклин не порвет с Люсн, она прекратит денежные дотацин ему. Наконец, сама Люсн. Для нее, убежденной католичкн, было немыслимым связать себя в лоне церквн с разведенным мужчиной, отцом пятн детей.

Семейная пропасть была как-то ликвиднрована. Франклин, казалось, навсегда порвал с Люсн. В 1920 году она сочеталась браком с У. Рутерфердом, на тридцать лет старше ее, принадлежавшим к нзбранным семьям Нью-Йорка. Но дружба Франклина н Люсн не прервалась. Обо всем этом зналн немногне. Элеонора до последних дней жизнн ФДР питала крайнее озлобленне к Люсн[10]. Не простила она н Франклина. Собственно, с того момента, когда Элеонора обнаружила доказательство — любовные пнсьма в почте мужа, она начинает нскать самостоятельный путь в жизнн, помимо семьн[11]

VI

Все же война доминировала над всем, хотя н была далеко от Вашингтона. Самые пылкне американскне юношн уже былн на пути к кровавым траншеям Франции; ФДР носил револьвер, выданный ему в 1917 году секретной службой. Пронесся слух, что германскне агенты готовят покушения на руководящих американских деятелей. Еслн так, тогда жизнь заместителя морского министра была под угрозой.

ФДР доказывал свое мужество. Отправив летом в Кампобелло Элеонору с детьмн, он, по собственным словам, конечно,

в глухом одиночестве коротал ночи в опустевшем доме. И вот как-то ночью на первом зтаже послышался подозрительный шум... На следующнй день ФДР отчнтывался в пнсьме жене: «Мне показалось, что в дом забралнсь. Я с полчаса сидел в ожиданнн на верху лестницы с револьвером в руке. Внновником оказался кот»[12].

Франклин Д. Рузвельт всей душой рвался прннять участне в настоящих боях н сражениях. Радн зтого он пожертвовал почтн бесспорной возможностью теперь быть избранным губернатором штата Нью-Йорк. Отношения с Таммани наладилнсь. Вильсон считал, что Рузвельту не следует отклонять предложенне выставить свою кандидатуру на выборах губернатора. Франклин не хотел н слышать об зтом. «Он остро чувствовал, что в его политнческой карьере недоставало чрезвычайно важного злемента. В то время как сотнн тысяч амернканцев былн в форме, он был в штатском. Он даже не побывал за океаном»[13]. Летом 1918 года ФДР настоял на выезде со специальной миссней в Европу — инспектировать амернканский флот в европейских водах, обсудить с правительствамн держав Антанты различные вопросы.

Хотя можно было отправиться на комфортабельном транспорте, война требовала жертв. 9 июля 1918 г. ФДР поднялся на борт нового зсминца «Даер». Капитан уступил свою каюту высокопоставленному гостю, на мачте взвился флаг заместителя морского миннстра, н двадцать первое путешествне Франклина через Атлантнку началось. Шлн в составе конвоя, пернодическн меняя курс; очень часто объявлялась тревога: подводные лодкн. Еслн сигнал тревогн звучал ночью, на мостике зсминца неизменно появлялся ФДР в пижаме, готовый лично вестн корабль в бой. Днем он разгуливал по кораблю в форме собственного нзобретения — защнтного цвета бриджах н кожаной куртке. Плаванне в конвое не принесло особых тревог, кроме ложных. Правда, как-то на зсминце случайно выстрелилн нз четырехдюймового орудия н снаряд просвнстел над самыми головамн стоявших на мостике.

Ужасы войны ожидалн «Даер» у Азорских островов, куда зсминец, отделившнсь от конвоя, зашел за топлнвом. Вблнзн островов нспортилась машина, н около часа, пока ее чинилн, зсминец дрейфовал. По прибытнн в порт капитану сообщили, что получена радиограмма с судна в 50 милях, преследуемого подводной лодкой. Рузвельт сослался на зтот факт в докладе Дзниэлсу как на доказательство необходимостн прнслать на базу на Азорских островах «охотников» за подводнымн лодкамн. И все. Элеоноре он напнсал, что «подводная лодка была поблнзостн от порта, но не решилась атаковать!»

Чем дальше уходил памятный день, тем ближе, по словам ФДР, оказывалась к «Даеру» зловещая субмарина. Уже осенью 1918 года он утверждал, что с лодки видели «Даер», но не напали, побоявшись связываться с эсминцем. В 1920 году со слов ФДР история описывалась в газетах так: «Даер» превратился в линкор, «германская подводная лодка появилась у одного его борта, затем исчезла. Потом ее увидели с другого борта, и она окончательно скрылась из виду». Газеты были склонны усматривать в этом эпизоде боевое крещение заместителя морского министра. Дабы запечатлеть навек исторический день, ФДР нанял художника, написавшего картину «Американский эсминец «Даер», флагман заместителя морского министра, в гавани Понта-дель-Гада, Азорские о-ва, июль 1918 года». Картину повесили на видном месте в доме в Гайд-парке.

В конце июля Рузвельт прибыл в Англию, где провел переговоры в адмиралтействе о координации действий флотов США и Англии. 29 июля его принял король, и в тот же день он впервые встретился на обеде с У. Черчиллем, тогда морским министром Англии. Расставшись, оба начисто забыли о встрече, и лишь в годы второй мировой войны им напомнили, что они лично знакомы. Ллойд Джордж в беседе с ФДР пожаловался на то, что стачки затрудняют военное производство. Рузвельт заверил собеседника, что «английские профсоюзы не возбудят симпатий у нашей АФТ, а твердая политика английского правительства встретит самое горячее одобрение со стороны США».

Он «обозрел» заботу о раненых, в том числе американцах, в Англии. С большой похвалой отозвался о семье Асторов, устроивших у себя госпиталь на 1100 коек, который «сейчас заполнен едва на четверть, но, конечно, пополнится с прибытием новой партии... Они превратили свой итальянский садик в прекрасное маленькое кладбище для американцев, умирающих в госпитале». Заметки вскользь визитера из-за океана с завидными нервами и абсолютным присутствием духа. Что поделать, война!

31 июля ФДР оказался наконец у фронта во Франции. 4 августа он побывал на позициях американской 155-миллиметровой батареи. Оглушительный взрыв заставил некоторых из группы броситься на землю, но то был только выстрел хорошо замаскированного орудия рядом.

Боевой день запал в память ФДР на всю жизнь. 11 декабря 1944 г. он продиктовал воспоминания о нем: «Посмеявшись вместе с расчетом, мы подошли к орудию. Офицер-артиллерист нацелил его на французскую железнодорожную станцию в 12 милях. Я дергал шнур: самолет-корректировщик сообщил, что

в первый раз был недолет, а другой снаряд угодил прямо на станцию, вызвав большое смятение. Я никогда не узнал, сколько убил гуннов!» Поездка по следам недавних боев — изрытые поля, расщепленные деревья, разрушенные деревни — очень взволновала ФДР. Он хотел видеть все, и сопровождавшим офицерам пришлось приложить немалые усилия, чтобы он не попал под вражеский огонь. Адъютант, пытавшийся водить его по спокойным местам, впал в немилость у ФДР и едва не был уволен с флота.

Из Франции ФДР отправился в Италию, где необычайно расхвалил успехи англичан в борьбе с немецкими подводными лодками в Атлантике. Он предложил перенять их методы, а главное — взять английского адмирала командовать на Средиземном море. Получился дипломатический конфликт, дошедший до Вашингтона. 10 сентября Вильсон приказал Дэнизлсу впредь заранее сообщать имена лиц, отбывших в Европу, ибо «ездит их без счета и они берут на себя смелость говорить от имени правительства».

Перед возвращением на родину Ф. Рузвельт побывал в Сен-Назере, где инспектировал американскую сверхтяжелую батарею: 14-дюймовые морские орудия устанавливались на железнодорожные платформы. Батарея захватила воображение Франклина: ее обслуживали моряки, она должна была принять участие в боях — орудия стреляли на 40 *км*. ФДР договорился с командиром, что он сможет рассчитывать на зачисление в батарею в чине капитан-лейтенанта. Намерение, по-видимому, было серьезным.

Вмешалась болезнь. На обратном пути Франклин свалился в инфлюэнце, осложненной воспалением легких. 19 сентября его на носилках снесли с корабля в Нью-Йорке и поместили в госпиталь. Только в середине октября он смог вернуться к работе. Первым делом ФДР бросился к Вильсону просить о зачислении в действующую армию. Президент лаконично объяснил: он опоздал — уже получено обращение Макса Баденского о заключении перемирия. 11 ноября 1918 г. первая мировая война окончилась.

В июне 1921 года, прослышав, что в Гротоне составляется список выпускников школы — участников войны, который будет выбит на специальной доске в здании школы, Рузвельт писал ответственным за это дело: «Хотя я и не носил форму, мое имя следует поместить в первом разделе среди тех, кто «служил», в первую очередь потому, что я служил по ту сторону Атлантики, меня пощадили торпеды и снаряды и я, по существу, руководил боевыми делами флота в Европе, пока находил-

ся там». Он также подал заявление о вступлении в «американский легион».

VII

ФДР не пропустил грандиозного спектакля — Парижской мирной конференции. Он буквально вырвал у Дэниэлса согласие на новую поездку в Европу, на этот раз с Элеонорой, формально для наблюдения за демобилизацией и отправкой в США личного состава флота и морской пехоты. Отдав дань Парижу, увидев или познакомившись с руководителями конференции, ФДР объездил Францию и побывал на Рейне, где стояли американские части. С полей сражения он увез груды трофеев — каски, корпуса снарядов и т. д. Ликвидация американского имущества во Франции повлекла за собой отчаянный торг с французами. Хотя они не взыскивали плату за землю под могилами американских солдат, как сплетничали в Вашингтоне, ФДР пришлось немало потрудиться, улаживая имущественные споры.

О больших политических вопросах, обсуждавшихся в Париже, ФДР знал только как наблюдатель со стороны. Его просто не пустили бы в высшие советы конференции, даже если бы он и захотел. Проницательный ФДР понял, что пугало до синевы миротворцев в Париже: революционный подъем во всем мире, Октябрьская революция и Советская власть в России. О происходившем в действительности в нашей стране ФДР, несомненно, имел самое предвзятое и смутное представление. Он охотно выслушивал басни о «зверствах» большевиков; российских контрреволюционеров тогда было множество в Париже. В письме ФДР Элеонора сокрушалась: нужно было бы назначить друга Т. Рузвельта генерала Л. Вуда «командовать в Сибири» вместо генерала У. Грэвса[14].

По возвращении в США (вместе с Вильсоном в конце февраля 1919 г.) ФДР счел возможным в речи 1 марта даже заявить, что в Советской России проводится «национализация женщин в аморальных целях». Некто Э. Франк писала Ф. Рузвельту после его леденящего кровь выступления: «На завтраке в честь Лиги Наций в прошлую субботу вы с презрением отозвались о тех, кто не верит, что русские солдаты национализировали женщин. Если это правда, давайте говорить об этом с прискорбием, а не акцентируя внимание, — примерно так, как мы бы говорили об обычном случае линчевания у нас»[15].

1 февраля 1919 г. миллионер Э. Доэени рассказал журналистам, что величайшая опасность грозит Америке — социализм,

коммунизм и большевизм. «Большинство профессоров в США, — указал он, — учат социализму и большевизму... Уильям Бойс Томпсон учит большевизму, и он еще может обратить Ламонта из дома Дж. П. Моргана. Вандерлип — большевик, Г. Кран — также... Генри Форд — еще один большевик (речь идет о крупнейших монополистах. — *Н. Я.*), они же составляют большинство среди сотни профессоров-историков, которых Вильсон брал с собой за границу». Доген был просто глуп, но революционный подъем в Соединенных Штатах, порожденный внутренними причинами, был налицо.

В войну американцев призывали жертвовать во имя великой миссии «спасения демократии», но по ее завершении народ воочию увидел, что защищалось, в сущности, право богачей наживаться и бедняков — влачить жалкое существование. В 1914—1918 годах в стране появилось несколько десятков тысяч новых миллионеров, в то время как 90 процентов трудящихся не имели прожиточного минимума. Между тем волнующие вести приходили из других стран: в России власть взял трудовой народ; Европа бурлила; в Азии поднималось национально-освободительное движение. Народы, прошедшие войну, требовали лучшей жизни.

Соединенные Штаты не остались в стороне от этого процесса — в 1919 году волна стачечного движения охватила страну. Бастовал каждый пятый рабочий. 31 августа — 1 сентября 1919 г. была основана Коммунистическая партия США. Усилились протесты против политики Вильсона, принявшего участие в вооруженной интервенции в Советской России.

В те дни перехода от войны к миру, как никогда раньше, социалисты страстно говорили и яростно боролись за лучшее будущее. Победоносная Советская Россия олицетворяла весну человечества. Иные нетерпеливые в Соединенных Штатах были уже готовы, засучив рукава, приняться без промедления за строительство советской Америки. Монополистический капитализм не замедлил с ответом: искусно раздуваемый великий «красный страх» заползал в дома обывателей. Бюро расследований министерства юстиции, военная контрразведка, полиция, толпы «добровольцев» обрушились на инакомыслящих.

Заподозренных в прогрессивных взглядах хватали повсюду, заточали в тюрьмы, депортировали. «В Америке, — говорил В. И. Ленин, — в этой стране, что раньше называлась самой свободной страной, — социалистами переполнены тюрьмы»[16]. Выступая с речью в ноябре 1918 года, В. И. Ленин подчеркивал: «Не забывайте, что в Америке мы имеем самую свободную республику, самую демократическую, но это нисколько не мешает

тому, что империализм там действует так же зверски, что там не только линчуют интернационалистов, но что толпа вытаскивает их на улицу, раздевает донага, обливает смолой и зажигает»[17]. Эти преступления были не выходками отдельных озверевших громил, а государственной политикой правительства США, стремившегося в корне уничтожить «большевистскую заразу». Они вошли в американскую историю как «пальмеровские облавы» — по имени тогдашнего министра юстиции США М. Пальмера.

Хорошим тоном в буржуазной Америке были признаны бешеные нападки на коммунизм. ФДР был отменно воспитан и всегда считался со взглядами своего круга. Он не шел, да и не хотел идти наперекор течению, однако его не захлестнула волна истерии. Рузвельт полагал, что борьбу с левыми идеями не следует вести методами кавалерийской атаки, а ответом на них должно служить укрепление государства сверху донизу в рамках американского образа правления.

Выступая перед членами реакционнейшей организации «Рыцари Колумба» в августе 1919 года, ФДР сказал: «Ныне во всем мире существует беспокойство, в других странах куда больше, чем в нашей. В этом беспокойстве есть элемент стремления получить что-то за ничто». Что делать? ФДР указал, что необходимо приучать людей делать сбережения или приобретать акции, тогда все беды капитализма исчезнут сами по себе. Или, говоря его словами, «если бы каждая семья имела хотя бы стодолларовую облигацию США или акцию на эту сумму в любой законной корпорации, тогда разговоры о большевизме тотчас же прекратились и мы походя более демократически решили бы все наши проблемы». Оратор, однако, не объяснил, на что американец приобретет указанные облигации или акции.

Методы борьбы с радикализмом, широко применявшиеся тогда в США, не пришлись по сердцу ФДР. В декабре 1919 года, в то время, когда легислатура штата Нью-Йорк незаконно исключила из состава депутатов пять социалистов, директор государственного судостроительного завода в Бостоне обратился к Рузвельту с просьбой санкционировать увольнение четырех механиков «по соображениям безопасности». Заместитель морского министра, ознакомившись с делом, ответил в отношении трех из них: «Ни вы, ни я не можем выгнать человека с работы только за то, что он является социалистом. Случилось так, что социалистическая партия находится в официальном списке партий, допущенных к выборам почти во всех штатах». Что касается четвертого, то «утверждают, что он распространял революционную литературу на заводе, в которой пропагандировалась

советская форма правления, что, по моему мнению, является ударом по нашей системе правления. Это совсем другое дело»[18]. Механик был выброшен за ворота завода.

Дабы навести порядок, ФДР неустанно требовал коренных изменений в системе правления США.

Изумленному комитету конгресса ФДР сообщил: хотя правительство и является крупнейшим бизнесменом в стране, «конгресс ведет свои дела так, что, по критериям частного предпринимательства, он бы обанкротился в одну неделю... Эта система по сравнению с нынешними условиями в Америке устарела по крайней мере на сто лет». Он призывал немедленно реорганизовать и органы исполнительной власти, а именно иметь меньше чиновников, но платить им больше, что с лихвой окупит себя. Из 10 тысяч служащих в системе морского министерства «2 тысячам следовало бы быть либо в госпитале, либо в могиле, а я законом вынужден использовать их», — сокрушался Рузвельт.

Неотъемлемой частью реорганизованных по рузвельтовскому рецепту Соединенных Штатов должна была стать всеобщая воинская повинность. «Она нужна нам, — восклицал ФДР, — против анархии и большевизма, против классовой ненависти, против снобизма; она создает дисциплину, хорошее товарищество, порядок и более широкий американизм». Используя свое положение заместителя морского министра, Рузвельт стремился, устраивая бесконечные парады, довести до сознания американцев обаяние военной службы. Это нанесло порядочный урон его политической репутации, но ФДР просто ничего не мог поделать с собой — ему милы были медь военных оркестров и колонны марширующих солдат, даже когда в апреле 1919 года у Белого дома он принимал парад, проходивший без привычного грохота сапог, — демонстрировал свою готовность женский вспомогательный батальон флота. «Я твердо стою на том, — говорил Рузвельт 26 февраля 1920 г., — что, если мы не наведем порядка в нашем собственном доме и американскими конституционными средствами не сделаем собственное правительство столь же эффективным, как наши частные компании, ... распространятся доктрины, с помощью которых стремятся добиться изменений неконституционными методами».

ФДР не только говорил, но и действовал в рамках своих прерогатив заместителя морского министра. В конце первой мировой войны в США еще не было коммерческого радиовещания, флот контролировал 85 процентов всех имевшихся радиостанций. ФДР вместе с Дэниэлсом попытался провести через конгресс закон о том, что все радиовещание должно находиться в руках государства. Это не удалось, станции были проданы

частной компании. Безуспешными оказались усилия ФДР подчинить новый вид вооруженных сил — авиацию — флоту. В апреле 1919 года Рузвельт представил государственному департаменту пространный план организации управления совместного планирования из представителей военного, морского министерств и госдепартамента для разработки национальной политики США. Орган, сходный по функциям с предлагавшимся Рузвельтом, был учрежден в США в 1947 году (Национальный совет безопасности). В 1919 году его письмо по ошибке заслали в отдел латиноамериканских стран госдепартамента и непрочитанным сдали в архив.

В 1917 году Дэниэлс улучшил содержание заключенных в военно-морской тюрьме в Портсмуте. В 1919 году Рузвельт назначил комиссию для устранения аморальных явлений — гомосексуализма в центре военно-морских сил в Ньюпорте. Обе реформы, начатые с благими намерениями, вылились в грандиозный скандал: ФДР был прямо обвинен в конгрессе, что тюрьма больше не исправляет, нераскаявшиеся преступники идут служить на флот, а члены назначенной им комиссии в ходе работы предоставляют себя, в провокационных целях или нет, в распоряжение лиц с указанными аморальными склонностями, о чем знает заместитель морского министра.

По завершении всестороннего расследования сенатским подкомитетом, где в большинстве были республиканцы, 20 июля 1920 г. «Нью-Йорк таймс» вышла с аршинным заголовком: «Вина за скандал во флоте возложена на Ф. Рузвельта. Подробности не годятся для печати». Негодующий ФДР отверг возводимые на него поклепы. Он объявил монументальное творение подкомитета плодом межпартийной борьбы, а друзьям в совершенно необычном для него тоне сообщил: «Тем, кто позорит меня, полностью воздастся по заслугам за грязные дела, когда после смерти они перейдут в другой мир». Большего он не мог сделать в американских политических джунглях.

Подоспели другие осложнения — конгресс перевоевывал выигранную войну. Морское министерство обвиняли во многих промахах. Внимание расследователей, впрочем, привлекало не прошлое, а будущее — наживался политический капитал для выборов. Как бы то ни было, Дэниэлс пометил в своем дневнике: «ФДР больше не persona grata у Вильсона». Президент, однако, теперь не имел большого веса.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРИУМФ ПО ВОЗМОЖНОСТИ

I

В 1919 – 1920 годах демократическая партия находилась в разброде. Ее кумир – Вудро Вильсон, еще недавно национальный лидер не только по должности, но и в духовной жизни, – был низвергнут с пьедестала и разбит параличом. В спальне Белого дома доживал последние месяцы тяжело больной старик, общавшийся с внешним миром через жену и врача – адмирала Грейсона. На его совести были непростительные деяния, и хотя в них были повинны правители США в целом, тем не менее они связывались с именем В. Вильсона.

Выступая с широковещательными декларациями о том, что в войне США ищут укрепления демократии, Вильсон оказался соучастником удушения прогрессивных движений во всем мире. Он послал американских солдат в нашу страну воевать против советских людей, и народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин с полным основанием в то время писал в ноте на имя В. Вильсона: "Мы имели дело с президентом архангельского набега и сибирского вторжения"[1].

В самих Соединенных Штатах администрация Вильсона запятнала себя гнусными "пальмеровскими облавами". В первый день нового, 1920 года в США было схвачено полицией 6 тыс. человек. Подобного полицейского произвола страна еще не знала. Хотя стопроцентные патриоты кричали, что только так можно спастись от "большевизма", а М. Пальмер даже полагал, что сыскная работа обеспечит ему президентское кресло в Белом доме, американский народ с нараставшим отвращением относился к запятнавшей себя демократической партии.

Люди искали выхода, который, в соответствии с традициями двухпартийной системы, им с готовностью указала республиканская партия. Правящие круги США считали, что на Парижской мирной конференции державы Антанты обделили Соединенные Штаты, а Вильсон якобы по своей профессорской близорукости, ослепленный мечтой об "американском веке", способствовал этому.

В конце 1919 года сенат отверг ратификацию Версальского мирного договора. Вильсон объявил, что президентские выборы 1920 года явятся "торжественным референдумом" по поводу ратификации. Он по-прежнему настаивал на вступлении США в Лигу Наций. Республиканцы — против. Разгорелась словесная дуэль. ФДР, внимательно следивший за развитием событий, не тешил себя надеждами, что его партия преуспеет. Тем не менее он был верен ей.

Выступая в 1919 году на банкете национального комитета демократической партии в Чикаго, он произнес, по существу, свою первую большую политическую речь. Рузвельт попытался внести в межпартийную борьбу дух, созвучный времени. Он не стал тратить время на экскурс в область международных дел, а объявил, что республиканцы — "любимчики крошечной группы предпринимателей" и пекутся только о том, чтобы "облегчить участь тех несчастных, кто получает в год свыше миллиона долларов". Между тем "в условиях нынешнего кризиса демократическая партия остается партией... либерализма, идеализма, здравого смысла, созидания, прогресса и всего остального".

Усилия ФДР не пропали даром, о нем заговорили как о восходящей звезде, но он не мог изменить крен избирательной платформы демократов в сторону внешней политики. ФДР попытался выправить дело, взяв кандидатом в президенты от демократической партии Г. Гувера, который публично выступил за то, чтобы не делать Версальский договор предметом партийной борьбы, ратифицировав его с оговорками. К этому времени Гувер был широко известен в США как организатор американской помощи Европе. "Он просто чудо, и мне бы хотелось, чтобы его сделали президентом США. Лучшего президента не сыскать", — отзывался ФДР о Гувере. Гувер, однако, наотрез отказался.

Теперь Рузвельт очень мрачно смотрел на исход выборов и в начале 1920 года не собирался принимать сколько-нибудь заметного участия в них. Он писал одному из своих обожателей: "Откровенно говоря, грядущей осенью я не хочу превращаться в раннего христианского мученика в год, который несет успех республиканской партии". Решение оказалось преждевременным.

В конце июня 1920 года конвент демократической партии собрался в Сан-Франциско. В числе делегатов был Рузвельт. С первого же дня он оказался в центре внимания. Во время хорошо подготовленной стихийной демонстрации в зале в честь Вильсона делегация штата Нью-Йорк осталась на месте. Демонстранты, заполнившие проходы, стыдили ньюйоркцев, но, послушные воле Таммани, те оставались на местах.

ФДР бросился к судье Дж. Махоии, державшему знамя штата, и схватился за древко. Судья крепко держал зиамя, но где пожилому толстяку было совладать с мускулистым ФДР. В иачавшейся потасовке обоим бойцам подоспело подкрепление; судья н заместитель морского министра обменялись крепкими тумаками. ФДР, изрядно помятый, выбрался с трофеем и торжественно понес знамя штата. С тех пор историческая реликвия с надлежащей надписью красуется в кабинете дома в Гайд-парке. Эпизод этот ие повредил отношениям с Ч. Мэрфн, ФДР иа коивенте сидел рядом с иим, ведя дружеские беседы.

Только иа 44-м туре голосования был избран кандидат в президенты — губериатор штата Огайо Дж. Кокс. Делегаты устали, и им, собственно, было безразлично, кто будет предложеи иа пост вице-президента. Коксу иазвали несколько фамилий, среди иих Ф. Рузвельта. Хотя Кокс лично не зиал ФДР, он остановил выбор на нем, исходя главным образом из того, что кандидат был из штата Нью-Йорк. Перед тем как представить кандидатуру конвенту, Кокс все же посоветовался с Ч. Мэрфн. Последний отлично поиимал, что шансы иа успех демократов невелики, и заявил посланцу Кокса: "Я ие люблю Рузвельта. Его не слишком хорошо зиают в стране, однако в первый раз кандидат в президенты от демократической партии оказался вежливым в отношеиии меия. Поэтому я готов поддержать и дьявола, если этого хочет Кокс. Скажите Коксу, что мы проведем Рузвельта прн первом же голосованин"[2].

Перед закрытием коивента ФДР был утвержден кандидатом в вице-президенты. Ои был выдвинут в зиачительиой степеин случайно и, возвратившись в Гайд-парк, сказал правду: "Я лично не имел никакого представлеиия о том, что буду выдвинут, за тридцать секунд до этого".

Оставалось завершить дела в морском министерстве. Это отняло около месяца, а затем короткий отдых в Кампобелло. ФДР отправился туда из Бостоиа на эсминце "Хатфилд" н сам провел его через опасиые воды. ФДР гордился рекордно коротким рейсом, запамятовав, что предвыборная кампания уже иачалась. Херстовская газета "Нью-Йорк джорнзл" оповестила, что кандидат в вице-президенты использовал военный корабль как собственную яхту и, чтобы доставить 165 фунтов своего живого веса в Кампобелло, сжег столько угля, сколько нужно для отоплеиия домов 50 семей в течеиие целой зимы. ФДР не мог не вспомнить в этой связн Дэиизлса: старик неоднократно порицал его за использование служебиого положения. Члены семьн Рузвельта привыкли быть бесплатными пассажирамн на военных кораблях.

В начале августа 1920 года перед входом в морское министерство собралось свыше 2 тыс. служащих. Они были свидетелями трогательного прощания ФДР с Дэниэлсом. Работники министерства преподнесли уходившему в отставку Рузвельту памятную серебряную чашу. ФДР сердечно поблагодарил Дэниэлса за то, что тот "мудро учил его ходить по земле, в то время как он стремился взлететь к небесам".

9 августа речью со ступенек дома в Гайд-парке перед толпой соседей ФДР открыл свою избирательную кампанию. Он требовал, чтобы Соединенные Штаты не отгораживались стеной от остального мира, в области политики внутренней — "золотое правило для государственного служащего — работать с той же или даже большей заинтересованностью и эффективностью, чем он занимается своими личными делами. Нет никаких оснований для того, чтобы эффективность федерального правительства по крайней мере не соответствовала эффективности хорошо организованной частной корпорации".

Основным лозунгом республиканской партии на выборах 1920 года, выдвинувшей кандидатом в президенты сенатора от штата Огайо У. Гардинга, был призыв вернуться к "нормальным временам". На это ФДР сказал: "Некоторые люди теперь говорят: "Мы устали от прогресса, мы хотим вернуться назад, заниматься только собственными делами, восстановить нормальные времена". Они ошибаются. Америка не хочет этого. Мы не можем вернуться назад". После речи — в дорогу, в трехмесячную поездку по Соединенным Штатам.

Он дважды пересек страну от океана до океана, иногда выступая больше десяти раз в день. Всего — около тысячи речей. ФДР лично познакомился со всеми руководителями демократической партии на местах. Поездка проходила с большим комфортом: Ф. Рузвельт путешествовал в основном в салон-вагоне. С ним неотлучно были С. Эрли и М. Макинтайр, профессиональные журналисты, помогавшие в подготовке речей, Л. Хоу остался в Вашингтоне — ему пришлось задержаться в морском министерстве. Хотя Франклин много и энергично выступал, Макинтайр считал, что кандидат в вице-президенты относился к делу не слишком серьезно, скорее как спортсмен, а не как политик. ФДР иногда отдавал предпочтение партии в покер очередному выступлению.

Одним из основных аргументов республиканцев против вступления США в Лигу Наций было то, что Соединенные Штаты, выступая в одиночестве, будут просто "заголосованы" в ней. Англия вместе со своими доминионами имела шесть мандатов в Лиге против одного американского. Рузвельт взял быка за рога. В речи 18 августа он заявил: "США имеют значи-

тельно больше, чем шесть английских голосов, которые будут с нами в любом споре. Можно ли, например, вообразить, чтобы Куба, Гаити, Сан-Доминго, Панама, Никарагуа и другие государства Центральной Америки голосовали по-другому, чем Соединенные Штаты?" Он оторвался от подготовленного текста и заверил потрясенных слушателей: "Вы знаете, что мне пришлось иметь дело с руководством двух маленьких республик. Дело в том, что я сам написал конституцию для Гаити, и если я признаюсь в этом, то, на мой взгляд, она прекрасная конституция".

Гардинг немедленно использовал промах ФДР. Он заявил, что после избрания президентом он не будет "уполномочивать заместителя морского министра составлять конституцию для беспомощных соседей в Вест-Индии и пропихивать ее в их глотку острием штыков американской морской пехоты".

Запахло скандалом. ФДР не осознал еще ущерба, нанесенного не только своей партии, но и Соединенным Штатам. 23 августа в Сан-Франциско он повторил: "Ну и что, я правил Гаити или Сан-Доминго все прошлые семь лет". Поразительные признания совпали с кампанией либерального журнала "Нэйшн", который вот уже несколько месяцев публиковал статьи, разоблачавшие бесчинства, в том числе бессмысленные убийства мирных жителей американской солдатней на Гаити. Дэниэлс попытался помочь Рузвельту, поручив провести расследование основательности обвинений "Нэйшн". Генерал морской пехоты, занявшийся расследованием, подтвердил правоту журнала. Рузвельт был вынужден выступить с опровержением, заявив, что его речь о Гаити была не так понята. На том он и стоял в дальнейшем[3].

Чем дальше Рузвельт отъезжал от Новой Англии, тем больше в выборе тем для выступлений он полагался на местных политиков. Это завело его далеко. Примерно за год до того, как салон-вагон Рузвельта вкатился на вокзал города Сентрейлия, штат Вашингтон, он был потрясен кровавым преступлением. Громилы из "американского легиона" напали на клуб профсоюза рабочих лесной промышленности. В стычке были убитые с обеих сторон; бывший фронтовик У. Эверест был схвачен полицией и посажен в тюрьму.

Ночью толпа линчевателей вытащила Эвереста из тюрьмы, кастрировала его и повесила на мосту. Еще живой Эверест пытался схватиться за край моста, ему каблуками раздробили пальцы, а затем он был освещен прожекторами и расстрелян. Суд, естественно, нашел виновными в кровопролитии профсоюзных руководителей в Сентрейлии. Они были осуждены на различные сроки тюремного заключения – от 25 до 40 лет

каждый. Бесчинства легионеров в маленьком городке вызвали гневную реакцию. Ряд профсоюзов, включая крупнейший объединенный профсоюз горняков, в знак протеста исключили легионеров из своих рядов.

В конце августа 1920 года, выступая в Сентрейлии, ФДР указал, что рассматривает приезд в этот город как "паломничество к могилам героев-мучеников "американского легиона", отдавших свои жизни за святое дело американизма". С большим пафосом ФДР заявил: "Их жертва приковала внимание нации к ужасающей внутренней угрозе американским институтам. Их смерть не напрасна, ибо она подняла патриотов великой нации на борьбу за то, чтобы очистить страну от чужеземных анархистов, преступных синдикалистов и тому подобных антиамериканцев. Здесь, в присутствии покойных, почитаемых вами, я клянусь перед нацией, что мы преисполнены решимости продолжить эту патриотическую работу, чтобы от края до края наша земля горела под ногами тех, кто пытается силой уничтожить конституцию и американские институты".

Как бы ни реагировали местные убийцы, сентенции ФДР вызывали, мягко говоря, недоумение.

Вновь и вновь на протяжении своего турне ФДР обращался к Лиге Наций. Он объяснял, просвещал и прямо требовал голосовать за демократов, дабы США могли вступить в Лигу. Лига, говорил ФДР, необходима для того, чтобы обеспечить Соединенным Штатам руководство миром. Без США Лига может превратиться в "священный союз", направленный против Соединенных Штатов. С США она будет служить "бастионом против распространения революционных идей из России", она даст возможность избегнуть "красного флага". Пытаясь довести до сознания обывателей значение создания Лиги Наций, ФДР сравнивал ее с пожарной командой. "Но команде нужен начальник, и США будут им".

Усилия Ф. Рузвельта в кампании 1920 года пропали даром для партии. Избиратели охотно приветствовали его лично, он определенно нравился, особенно женщинам, впервые в истории США получившим право голоса и принявшим участие в выборах. Но 6 ноября 1920 г. Гардинг получил 16 152 220 голосов против 9 147 533, отданных Коксу.

ФДР не впал в отчаяние, сообщив С. Эрли: "Благодарение богу, мы еще сравнительно молоды!" Одному из своих друзей, Л. Велу, Ф. Рузвельт писал после выборов: "Я боюсь лишь одного: старая реакционная клика так поведет дело, что многие либералы станут радикалами и это громадное большинство

приведет к крайнему смятению в стране. Мы можем лишь надеяться, что этого не случится"[4]. ФДР оказался более проницательным, чем толпы республиканских лидеров, заполнивших Вашингтон. Другому своему стороннику, Т. Лингу, ФДР загадочно заметил: "Том, нашим годом будет 1932 год". Вероятнее всего, то были слова утешения в дополнение к золотым запонкам со своими инициалами, которые ФДР преподнес каждому из ближайших соратников в память о минувшей избирательной кампании. Больше он ничем не мог вознаградить их. ФДР стал частным лицом.

II

Отечество из рук Дэниэлса вознаградило Рузвельта серебряной чашей. Благодарность Уолл-стрита была более ощутимой: коллега по яхт-клубу бостонский миллионер Ван-Лир Блэк предложил ФДР занять место вице-президента и директора нью-йоркского отделения "Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд", Бродвей, 120. Эта третья по величине в США финансовая корпорация занималась обеспечением поручительств при выпуске акций: она проверяла платежеспособность клиентов, их надежность и т. д. Последующие восемь лет, вплоть до избрания губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт занимал этот пост с окладом 25 тыс. долл. в год, что ровно в пять раз превышало его содержание в бытность заместителем морского министра.

Одновременно вместе с Т. Эмметом и Л. Марвином ФДР учредил юридическую фирму, разместившуюся в доме № 52 по Уолл-стрит. "Я рад вновь вернуться к настоящей работе,— пишет он Ф. Франкфуртеру. — Оба вида деятельности, по-видимому, прекрасно дополняют друг друга". Уже в конце ноября 1920 года служащие морского министерства изумленно поднимали брови, встретив в коридоре Рузвельта. Он явился в министерство по делам нефтяной компании "Ингланд ойл корпорейшн". Всего за год перед этим заместитель морского министра Франклин Д. Рузвельт добился подписания крупных контрактов на поставку нефти флоту этой компанией, обещавшей более низкие цены. В действительности нефть стала продаваться флоту даже дороже, чем другими поставщиками. Дэниэлс послал Франклина объясниться с новым заместителем морского министра Вудбери, который куда как нелюбезно обошелся со своим предшественником. В министерстве знали, что, домогаясь контракта для "Ингланд ойл корпорейшн", ФДР хлопотал за своих друзей,

да и сам, хотя точные данные иа этот счет отсутствуют, был материально заинтересован в ее преуспевании. Беседа с Вудбери не удовлетворила ФДР. Ои коротко выругался после иее в адрес преемника: "Мошеииик и тупица!"

7 января 1921 г. Ф. Рузвельта удостоили высшей чести иа Уолл-стрите. Был дан приветствеиный банкет, отмечавший вступление "молодого капиталиста", как теперь именовал себя ФДР, в круг избранных финансовых тузов. Основную речь держал президент федеральиой резервиой системы У. Гардинг. На обеде были издатель "Нью-Йорк таймс" А. Огс, один из руководителей "Юнайтед Стейтс стил" Э. Стеттиниус, президеит "Джеиерал злектрик" О. Юнг, В. Виллард из "Пенсилвания рейлроуд" и прочие некоронованные короли Америки.

В новом качестве Ф. Рузвельт укрепил свое положение в различных организациях и получил приглашеиие занять иовые посты. Он был члеиом наблюдательиого совета Гарвардского университета, президеитом морского клуба, председателем клуба бойскаутов Большого Нью-Йорка, находился среди основателей Фоида Вудро Вильсоиа, вошел в комитет помощи странам Ближнего Востока, был избран члеиом совета Американского географического общества и т. д.

Не была забыта и политика — он уже давно утратил славу "бунтаря" в партийной организации демократов в штате Нью-Йорк. Теперь он проповедовал: в единстве — сила, разумеется, под руководством Ч. Мэрфи. Ф. Рузвельт определенно готовился выставить иа выборах 1922 года свою кандидатуру в сеиат от штата Нью-Йорк.

III

В иачале августа 1921 года Блэк предложил Рузвельтам отвезти их на своей яхте в Кампобелло. В густом тумане Франклин мастерски привел яхту к цели, но был крайне истощеи трудным плаванием. На следующий деиь ловили рыбу с яхты. Франклин потерял равновесие и упал в воду. Хотя он пробыл в воде несколько мгновеиий, страшный парализующий холод сковал тело. Его быстро вытащили, но он долго не мог прийти в себя, сотрясаясь от иепроизвольной дрожи.

С утра 10 августа Франклин со старшими сыновьями катался по заливу в своей малеиькой яхте "Вирео". Оии заметили лесной пожар на одном из островков и сошли на берег, чтобы потушить его. Несколько часов в дыму, задыхаясь и кашляя, Франклин с сыиовьями боролись с огнем. Накоиец ои был погашен. Поша-

тываясь от усталости, почерневшие от дыма, с ожогами и ссадинами, они стояли на пожарище. ФДР тут же заявил, что лучший способ восстановить силы — купание в холодной воде. Сказано — сделано, а затем в мокрых купальных костюмах — домой. Там ждала свежая почта. Франклин настолько устал, что не захотел переодеться, а уселся за газеты. Он чувствовал сильное недомогание и после раннего ужина отправился спать. На другой день состояние ухудшилось. Франклин с трудом встал, волоча левую ногу. Поднялась температура. Встревоженная Элеонора вызвала доктора, тот поставил диагноз — сильная простуда — и уложил в постель.

12 августа Франклин уже не мог встать. Болело все тело, к вечеру отказались служить ноги. Он был парализован по грудь и даже не мог взять в руку карандаш. Срочно приехал Хоу, он нашел Франклина в тяжелой депрессии. Едва сдерживая слезы, Луи сидел на кровати больного, массируя его ноги и спину, а Франклин механически повторял все одну и ту же фразу: "Я не знаю, что со мной случилось, Луи, просто не знаю". Элеонора и Хоу стали искать опытного врача, оказалось, что поблизости отдыхал знаменитый диагност д-р У. Кин из Филадельфии.

Почтенный седовласый врач осмотрел больного и нашел тромбоз сосудов нижней части туловища. Он порекомендовал усиленный массаж, а через два дня прислал счет за визит — 600 долларов! Массаж причинял Франклину невыносимые страдания и лишь ухудшил течение болезни. Много лет спустя ФДР признался своим близким, что в первые дни болезни он был на грани отчаяния: бог покинул его. Наконец он утешился мыслью о том, что провидение нанесло удар, но оставило его в живых для неизвестной цели. 25 августа другой врач поставил диагноз — детский паралич, полиомиелит.

Сара приехала из Европы и 1 сентября навестила сына. На другой день она писала брату: "Я немедленно прошла к мужественному, улыбающемуся, прекрасному сыну. Он сказал: "Я рад видеть тебя, мамочка, и подготовился к встрече". Он сам побрился и, кажется, полон интереса к жизни. Ниже пояса вообще не может двигаться. Его ноги нужно все время передвигать, так как они болят, если находятся долго в одном положении. Он и Элеонора решили сохранять бодрость, в доме царит атмосфера довольства, я последовала их достойному примеру..."

Луи Хоу в первую очередь думал о том, как бы заболевание ФДР не отразилось на его политической карьере. Франклин разделял тревогу Хоу и даже в самые тяжелые недели болезни

продолжал политическую переписку, как будто ничего не произошло. Но больного нужно было перевезти в Нью-Йорк. Хоу сумел так погрузить носилки с Франклином в поезд через окно, что толпа, собравшаяся проводить ФДР, смогла найти его, когда он уже удобно устроился у окна. Зеваки собственными глазами убедились, что больной вовсе не плох. В Нью-Йорке ФДР поместили в больницу, а Хоу передал в печать сообщение, что легкий паралич лишил подвижности ноги Франклина до колен. Между тем как раз в это время врачи серьезно опасались, что ФДР никогда не сможет даже сидеть.

Упрямец Хоу делал это не потому, что хотел поддержать больного, читавшего газеты. Хоу ни за что не хотел расстаться со своей мечтой – видеть ФДР президентом США. Он отклонил предложение занять высокооплачиваемый пост в частной фирме и посвятил себя целиком заботе об инвалиде. "Будь я проклят, но Франклин будет президентом, с ногами или без ног", – твердил он.

Мать, потрясенная болезнью сына, предприняла решительную попытку овладеть своим сокровищем. Беспомощность Франклина влила в энергичную женщину новые силы. Сначала мягкими уговорами, а затем хитроумнейшими маневрами она пыталась вырвать Франклина из опостылевшего ей политического Нью-Йорка и запрятать в тихом Гайд-парке. Она знала, что сын любит родной дом. Сара не уставала повторять, что уже сделала уступки: еще в 1915 году перестроила дом в Гайд-парке по желанию сына.

Тогда Франклин очень гордился тем, что сам был архитектором. Дом почти удвоился в размерах, к его южной части была пристроена библиотека, наполненная любимыми вещами Франклина. В числе реликвий стоял стол, за которым В. Вильсон составлял различные проекты Лиги Наций. Все, что собрал и чем дорожил Франклин – книги, старые рукописи, касавшиеся флота, картины маринистов и коллекция марок, – находилось в Гайд-парке. Сара постоянно напоминала об этом. Наконец, она пыталась уверить Франклина, что пора кончать с "демократизмом" – водиться с политиканами без роду и племени, а нужно вернуться в круг, где достойно прожил и спокойно закончил жизнь незабвенный отец.

Бороться с Сарой было трудно, и едва ли Хоу один справился бы с ней, если бы не Элеонора. Они противопоставили Саре единый фронт, считая, что с уходом от дел Франклин уйдет из жизни. Хоу и Элеонора трепетно верили, что работа – лучшее лекарство против недуга. Усилия Сары выжить Хоу из дома ФДР успеха не имели. А она сделала все, даже убедила 15-летнюю

Анну, что несправедливо ей, девушке, занимать небольшую комнату на четвертом этаже, в то время как отвратительный Хоу обосновался в отличном помещении на третьем с ванной, которая ему вовсе ни к чему. Попытка Анны объясниться с матерью кончилась только слезами дочери. Несчастье с Франклином сблизило Хоу и Элеонору. Теперь и она разглядела его драгоценные качества, в первую очередь беспредельную преданность Ф. Рузвельту.

Хотя Хоу и были присущи лучшие человеческие качества, он все же рассматривал семью Рузвельтов под углом зрения своей основной цели – сделать ФДР президентом. Если временно возможности Франклина как политика ограничены, тогда почему не попробовать на этом поприще Элеонору, чтобы имя Рузвельтов никогда не исчезало с политического горизонта, размышлял Хоу. И он взялся делать политика из Элеоноры. Под руководством Хоу с ней произошла удивительная метаморфоза, хотя ученичество под его порой деспотической рукой было вовсе не легким.

Еще в 1917 году она впервые вышла за рамки семейных дел, занявшись организацией столовых для солдат. Зимой 1920/21 года Элеонора начала изучать стенографию, училась печатать на машинке и водить автомобиль, а также компенсировала недостатки прошлого воспитания – она стала готовить. Хоу приучал ее появляться на людях, в президиумах различных собраний организаций демократической партии штата Нью-Йорк и, наконец, публично выступать. Хоу обычно садился за спиной Элеоноры. После первых выступлений Хоу говорил ей в своей дружески грубоватой манере: "Вы были ужасны. Ведь не было ничего смешного, тогда почему вы хихикали? Говорите ровнее, и, ради бога, прекратите глупое хихиканье!"

Элеонора поначалу плохо владела собой на трибуне, иной раз заливалась, истерическим смехом перед аудиторией. К 1924 году, однако, ее обучение вчерне завершилось: она заняла видное место в кругах женщин-избирательниц, поддерживавших демократическую партию. Стратегически маневр Хоу был блестящим: через Элеонору Франклин стал известен половине избирателей – женщинам; как подступиться к ним – политические будды Америки точно не знали, ведь женщины только-только получили право голоса.

В эти годы вокруг ФДР сложился кружок доверенных помощников, в котором верховодил, разумеется, Хоу. Элеонора постепенно становилась глазами и ушами ФДР, рассматривая это как служение делу, но никак не проявление супружеских чувств. С 1918 года супруги спали в разных комнатах. Она не

могла простить. С. Эрли и М. Макинтайр, сопровождавшие Рузвельта в предвыборной кампании 1920 года, были по-прежнему привязаны к нему. Хоу, чтобы подбодрить больного, организовал "Клуб золотых запонок" в память о подарке, преподнесенном ФДР своим сотрудникам в 1920 году. Они ежегодно собирались в доме Рузвельтов в день его рождения.

И совершенно незаменимой оказалась Мисси, Марджери Лихэнд, привлекательная женщина, ставшая личным секретарем Ф. Рузвельта. Она была на двадцать лет моложе ФДР.

IV

Франклин очень скоро осознал, что его поразил тяжкий недуг, справиться с ним можно, только мобилизовав всю волю. Доктор Р. Макинтайр, впоследствии врач в Белом доме, говорил: "Никто никогда не видел, чтобы он распускался". В феврале 1922 года ФДР наложили на ноги от бедра до ступни стальные ортопедические приборы весом примерно по два с половиной килограмма каждый. С ними, опираясь на костыли, он пытался заново научиться ходить. Жалкое, душераздирающее зрелище: он мог стоять только с посторонней помощью.

Во дворе около дома были сделаны поручни, и Франклин часами тренировался. Опираясь на руки и волоча ноги, он кое-как передвигался. Нетерпение сжигало его, усиленные упражнения грозили причинить больным ногам больше вреда, чем пользы. Правда, бесконечные физические тренировки необычайно развили грудь и руки. ФДР стал выглядеть выше пояса настоящим атлетом.

Врачи настоятельно рекомендовали для восстановления подвижности плавание. И он многие часы проводил в воде, повторяя: "Вода вовлекла меня в это дело, вода выведет меня из него". В Гайд-парке был сооружен бассейн. ФДР каждодневно обследовал ноги, пытаясь найти в них хоть искру жизни. Теперь он превосходно изучил анатомию, мог часами объяснять роль каждого мускула и испытывал громадную радость, когда, как ему казалось, он ощущал легкую дрожь в кончиках пальцев. Хотя он теперь не мог играть в гольф, своим друзьям каждый год ФДР обещал и, наверное, верил, что "на следующий год" обыграет их. О некогда любимом Кампобелло ФДР больше не упоминал и побывал там вновь лишь в середине 30-х годов.

При каждом удобном случае он пытался показать, что справился с болезнью. Но то, что наполняло законной гордостью сердце больного, а ФДР был таковым, вызывало уважение, сме-

шанное с очевидным ужасом, здоровых людей. Жеиа одного из зиакомых Рузвельтов оставила правдивое описание успехов ФДР в борьбе с болезиью: "По два-три часа ои передвигался, опираясь иа поручни, устаиовленные во дворе. Ои налегал на поручеиь, рука иа руку, говорил, смеялся, волоча за собой ноги... Как-то вечером Франклин и Элеоиора иавестили иас. Двое мужчин виесли его в кресле и подвинули к столу. Ои попросил их ие возвращаться раньше 9.30. Мы решили, что ои проведет вечер, сидя в столовой. Когда обед окончился, Франклин отодвинулся с креслом и сказал: "Смотрите, как я переберусь в другую комнату". Ои опустился иа пол и иа четвереиьках стал передвигаться, опираясь иа руки и колеии. Ои сам забрался в другое кресло".

Целебным свойствам солнца ФДР верил больше, чем бесконечным патеитованным средствам, которыми пичкали его врачи и которые рекомеидовали доброжелатели. В 1923 году из Англии ФДР прислали еще один "чудодейственный зликсир". Франклин нашел, что с него достаточно. Он пишет одному из своих врачей: "Быть может, зликсир сделан из гланд обезьяны или высушеииых глаз вымершего трехпалого иосорога. Вы, доктора, иесомненно, имеете воображеиие! Но почему вы еще ие догадались дистиллировать останки фараоиа Тутанхамоиа? Такая сыворотка поможет некоторым иашим общим друзьям восстановить свои силы! А я еду во Флориду, и пусть мною займется природа, старая мать-природа!" Сиачала на своей яхте, а затем иа большой яхте "Ларуко", куплеииой иа паях с Дж. Лоуреисом, также страдавшим болезиью ног, ФДР предпринимает длительные летние путешествия по Мексиканскому заливу.

Три года подряд, с 1924 по 1926, "Ларуко" летом бороздила теплые воды у берегов Флориды. На борту яхты был установлен морской ритуал, "адмирал" Ф. Рузвельт вел судовой журиал и т. д. Он обычно избегал курортов, особенно Майами, предпочитая приставать в безлюдных местах. На яхте иеделями проводили время гости, среди них бывали и колоритиые фигуры. Президент АФТ У. Грин, "очаровательиая пара", как назвал их ФДР, — сэр Освальд и леди Мосли из Англии. В те годы Мосли еще не был лидером британских фашистов. Франклин поддерживал веселье на борту, ио ему стоило громадных трудов казаться беспечным и счастливым. По словам Мисси, бывали дни, когда Франклин только к полудню, преодолев приступ депрессии, выползал иа палубу с широкой вынужденной улыбкой.

Толпа гостей иа борту яхты — вежливая тогда уловка друзей, а позднее биографов ФДР. По большей части оии были иа

борту вдвоем — Франклин н Мнссн. В 1925—1928 годах ФДР из 208 недель 116 не жил дома. Из последних — 4 недели он был с Элеонорой, 2 — с матерью, а 110 — в обществе Мнсси. В них входит плаванне на яхте. Более двух лет, тяжелых, когда он размышлял, как быть, мучительно старался стать на ноги. Она была больше чем только любовница — добрый друг[5].

"Ларуко" требовала денег, н ФДР понял, что содержать яхту ему не по средствам. Продать ее не удавалось. Проблему разрешил свирепый ураган в сентябре 1926 года — яхта была сорвана с якоря н обрела вечную стоянку в сосновом лесу в нескольких милях от берега.

Сочетание воды, солнца н Миссн принесло пользу. Уже летом 1924 года Франклин мог стоять без посторонней помощи по плечи в воде. Осенью 1924 года Дж. Пнбоди обратил его вниманне на заброшенный курорт — Уорм-Спрингс (Горячие Ключи) на юге США, в штате Джорджия, принадлежавший семье Пибоди. Там, на склоне холма поблизости от Сосновой Горы, били горячие минеральные нсточникн, наполнявшие небольшой бассейн. Франклин приехал в Уорм-Спрингс. Местечко оказалось запущенным: полуразвалившаяся гостиница, несколько домишек. Ни одного медика в округе. Вода действительно оказалась чудесной. Насыщенная минеральными солями, она легко поддерживала тело, придавала необычайную бодрость. Уже через месяц лечения по собственной системе — миогочасовые купания и солнечные ванны — ФДР заметно поздоровел, впервые с августа 1921 года он почувствовал ступнн ног.

Досужие газетчики, прослышав об нсцелении, роем слетелнсь в Уорм-Спрингс и опубликовали подробные статьн, в которых со значительными преувеличениямн рассказывалось, как Рузвельт "выплавывает себе здоровье" в теплом бассейне. Ранней весной 1925 года ФДР вновь прнехал в Уорм-Спрингс. Безлюдного местечка как не бывало — десятки парализованных людей, мужчин и женщин, заполняли естественный бассейн. ФДР, по существу первый нсследователь целебных вод, принял живейшее участие в их устройстве н лечении. Он охотно показывал больным упражнения в воде, разработанные нм самим, и больные послушно следовали его указаниям. Уорм-Спрингс ожил. В 1926 году по инициативе ФДР группа врачей-специалнстов тщательно изучила пригодность Уорм-Спрингса как курорта для больных, перенесших полиомиелит, н вынесла положительное заключенне.

В Уорм-Спрингсе закипела работа. ФДР не только взял на себя функции "главного врача", под его руководством местечко быстро преображалось. "Я даю бесплатные советы, — пнсал он, —

архитектору и инженеру-планировщику по поводу переноса строений, сооружения дорог, посадки деревьев и модернизации отеля. Мы (т. е. компания плюс ФДР.– *Н. Я.*) разрабатываем новую систему водоснабжения, планы посадок, устройство пруда для рыбной ловли, а завтра проводим организационное собрание клуба Сосновой Горы, который объединит танцевальный зал, зал для чаепития, местечки для пикников и гольфа и различных видов спорта как в помещении, так и на свежем воздухе".

ФДР переполнял энтузиазм по поводу возможностей Уорм-Спрингса, и он начал переговоры о приобретении источников с прилегавшим участком земли. Требовалось около 200 тыс. долл. Хотя в 1927 году ФДР унаследовал от двоюродного брата 100 тыс. долл., покупка требовала большей части его личного состояния. В первый и единственный раз в жизни Элеонора заговорила с Франклином о деньгах. Она боялась, что на этой покупке он может потерять все и они не сумеют дать сыновьям образование. Франклин заверил жену, что Уорм-Спрингс – перспективное дело, а если их и постигнет банкротство, "то мамочка наверняка позаботится о детях". 1 февраля 1927 г. Уорм-Спрингс перешел в руки "Джорджия Уорм-Спрингс фаундейшн", организованной ФДР. Был подобран медицинский персонал курорта, устроена лечебница, и уже до конца года там прошли курс 150 больных.

Уорм-Спрингс стал вторым домом Ф. Рузвельта. Он прикупил ферму в районе Сосновой Горы, имевшую около 600 гектаров. Там ФДР занялся разведением скота и любимым делом – лесопосадками. В 1932 году был закончен новый дом семьи Рузвельтов, потом получивший название "маленького Белого дома". ФДР горячо полюбил Уорм-Спрингс и в последующие годы провел в нем много времени. Он находил здесь отдых и обретал душевное равновесие, однако его заветная мечта – научиться вновь ходить – так и не осуществилась. Лечебные свойства источников оказались небезграничными.

Болезнь произвела глубокие изменения в психическом складе Ф. Рузвельта. Нельзя сказать, чтобы он стал другим человеком, но как сильно развившиеся руки в какой-то степени компенсировали немощь ног, так и физическая неподвижность дала могучий толчок интеллекту. Один из ранних биографов ФДР, Э. Линдли, по-видимому, схватил суть проблемы. Еще в 1931 году Э. Линдли писал: "Он вскоре обнаружил, что неспособность передвигаться таит в себе и выгоды, которые со временем стали необычайно ценными. Он раньше всегда беспокойно работал – часто вскакивал с места, метался туда и сюда

просто из-за избытка физической энергии. Он всегда любил энергичные физическне движения и, наделенный необыкновенными жизненными силами, редко уставал. Теперь, когда он был прикован к месту, вся энергия по необходимости сосредоточилась на работе, которой он занимался. Частично освобожденный от суеты, он полностью избавился от многих мелких раздражителей и нервного напряжения, что больше всего изматывает в городской жизни. Он имел отличный предлог не делать того, чего ему не хотелось, н в то же время не мог прибегнуть к обычной человеческой уловке — бежать от трудной проблемы. Приходили к нему, он не тратил сил на посещение различных совещаний"[6].

В зти годы ФДР много читал, особенно книгн по истории Америки. Элеонора взяла на себя труд подбирать необходимую литературу. Результаты оказались поразительными. Если книга по-настоящему заинтересовывала мужа, она отыскивала автора н приглашала домой. Беседы с авторами проясняли их идеи, н, по-видимому, ФДР черпал у них многое. По поводу зтого сложилась легенда — ФДР-де много размышлял н в зти годы стал чуть ли не политическим философом. Большое упрощенне. Прав американский историк Р. Хофштадтер, высмеявший мнф о ФДР-философе, сострадавшем униженным н оскорбленным. Хофштадтер заключил: "Для любого с происхождением и характером Рузвельта обращение к серьезным занятиям социальными наукамн или неортодоксальным взглядам было бы невероятно... Он мыслил эмпирически, жил змоциями и был прагматнком". Это подтвердило неудачное знакомство ФДР с богиней истории Клио.

В середине 20-х годов он решил напнсать обширный трактат — историю Соединенных Штатов. Франклин находил, что все прочитанные им исторические сочинения страдали главным недостатком — в них не было центральной идеи, не освещалась зволюция американской нации, которая двигалась в определенном, пока неясном для него направлении.

ФДР начал писать. Времени ушло масса. Он не продвинулся дальше первых исследователей Американского континента. К своему разочарованию, он обнаружил, что совершенно не имеет писательского дара, и разумно остановился на четырнадцатой странице. Сохранившийся отрывок, испещренный бесчисленными исправлениями, — доказательство большой работоспособности и прискорбное свидетельство неспособности к связному рассказу.

Хотя ФДР стал инвалидом, Ван-Лир Блэк и не помышлял о том, чтобы он ушел с поста директора нью-йоркского отделения "Фиделити энд депозит компани оф Мэриленд". В первые месяцы болезни Рузвельт, естественно, вообще не работал, затем постепенно стал уделять все большее и большее внимание своим прямым обязанностям, дававшим ему 25 тыс. долл. в год. Сначала он регулярно появлялся в конторе фирмы два раза в неделю, затем три и, наконец, четыре. Существуют значительные разногласия в оценке степени пользы ФДР для фирмы и в том, оправдал ли он доверие Блэка, но несомненно одно — Рузвельт успешно использовал свои многочисленные знакомства для расширения ее клиентуры.

Он сумел привлечь в число клиентов компании У. Мак-Аду. "Фиделити энд депозит" в результате усилий ФДР и Л. Хоу стала держателем значительной части ценных бумаг штата Нью-Йорк. Используя свое давнее знакомство с лидерами АФТ, Рузвельт добился для своей компании ведения части дел этой организации. ФДР проявил поразительную гибкость. Ему удалось сделать клиентом компании Э. Догени — магната нефтяной промышленности. В деловой переписке Ф. Рузвельт отзывался о нем "как о хорошем друге". Вскоре после этого лестного отзыва Догени получил редкую "национальную известность" как изобличенный в даче взятки министру внутренних дел, участник многих афер при администрации Гардинга.

В 1928 году ФДР не без гордости сообщал, что за предшествующие пять лет годовой оборот нью-йоркского отделения увеличился с двух до четырех миллионов долларов. Трудно сказать, было ли это следствием общей спекулятивной конъюнктуры или личных успехов ФДР. Не были забыты и некоторые специальные интересы: сыновья руководителей Таммани получили выгодные должности в компании.

С 1920 года ФДР сотрудничал в юридической фирме с Т. Эмметом и Л. Марвином. Работа в ней — оформление всякого рода документов — не удовлетворяла Франклина. Он находил ее скучной, не дававшей простора для захватывающих дух операций и вообще "надоевшей до смерти", а Л. Марвин находил, что "бóльшую часть времени Франклин отдавал политическим делам, написанию различных писем, связанных с ними. Я не помню, чтобы он активно занимался юриспруденцией". В 1924 году ФДР решил выйти из фирмы. Большинству знакомых и друзей он объяснил, что ему надоело возиться с бумагами. Он жаловался также, что не мог попасть в служебное

помещение фирмы иа Уолл-стрит, 52, куда вели крутые ступеии, а ФДР ие желал, чтобы кто-иибудь видел, как его виосят иа руках. В письме к Блэку ФДР помимо указанных аргументов привел еще один: "Я не извлекаю ни одного цента от сотрудиичества с иими".

В декабре 1924 года ФДР основал юридическую фирму, изавание которой "Ф. Рузвельт и О'Коииор" "иачиналось с моего имеии, а ие коичалось им", как прежнее. Его коитора разместилась в том же здании, что и "Фиделити энд депозит", Бродвей, 120. О'Коннор гарантировал ФДР доход ие меиее 10 тыс. долл. в год.

В 20-х годах Соединеииые Штаты охватила лихорадка спекуляций. В погоне за иаживой возиикали, молниеносио вырастали и также стремительио терпели банкротство самые разнообразные компании, акциоиерные общества и т. д., и т. п. Ловкачи набивали карманы, мелкие вкладчики-простаки разорялись. Хотя ФДР уже занимал два солидных поста, дававших ему 35 тыс. долл. в год, ои с иаследственной страстью дельца бросился в спекулятивиые операции.

В связи с американскими займами Германии деиежный рыиок США иаводнили германские ценные бумаги. Марку лихорадило, чудовищная инфляция, казалось, открыла безграничные возможиости умелым дельцам для иаживы. В это время возникла канадская корпорация "Юиайтед эуропиан инвесторс", скупившая акции 19 германских предприятий — эиергетики, взрывчатых веществ, машиностроительиых заводов и т. д. Президеитом ее с окладом 10 тыс. долл. в год стал Рузвельт. Корпорация действовала два года в период самой острой инфляции в Германии. Когда курс марки стабилизировался, ФДР продал свою долю — свыше тысячи акций — по 10 тыс. марок[7].

В 1927 году Ф. Рузвельт вошел в состав правлеиия "Интернэшнл германик траст компани", созданиой для объедииеиия американского и иемецкого капиталов. Осиовиая цель компании формулировалась так: "Обслуживать интересы лиц, поощряющих промышленное развитие Германии". Первое заседание правлеиия состоялось в служебиом кабинете ФДР. Далеко дело не пошло. Через полгода Ф. Рузвельт вовремя вышел из правлеиия, честолюбивое предприятие вскоре обанкротилось.

Рузвельт вступал в многочисленные финансовые объедиеиия — "Компо Бонд корпорейшн", "Ассошиэйтед банкерс корпорейшн", и промышленные компании — "Моитокал ойл компани", иеудачно искавшую иефть, "Хадсои иавигейшн

корпорейшн"— эта компания поставила цель организовать транспортировку грузов от Нью-Йорка до Чикаго через систему каналов и Великие озера. Вместе с О. Юнгом и бывшим заместителем военного министра Б. Кроувеллом ФДР в 1923 году основал серьезное предприятие "Дженерал эр сервис". Они надеялись наладить сообщение на дирижаблях между Нью-Йорком и Чикаго. Результаты оказались самыми плачевными — дирижабли не выдержали конкуренцию самолетов. Обанкротилась блестящая, на первый взгляд, идея — продавать место для объявлений в такси, автобусах и трамваях. Рухнули планы создать сеть курортов в США, объединенных одной компанией. Хотя бо́льшая часть предприятий ФДР, не успев расцвести, терпела крах, некоторые из них приносили прибыль, не превышавшую несколько тысяч долларов в каждом случае, что, однако, не охлаждало его пыла дельца.

Лихое вторжение Франклина Д. Рузвельта в бизнес вызывало некоторую тревогу в респектабельных кругах финансистов. В конечном счете его главным вкладом было звонкое имя, которое использовали спекулянты, а их в США в те годы развелось великое множество. Эта тенденция ФДР подрывала самую базу ведения операций, основанных на доверии. Когда летом 1923 года ФДР связал себя с особенно сомнительным предприятием, генеральный секретарь Общества по распространению финансовой информации Ф. Андре писал Ф. Рузвельту: "Я заметил с большим огорчением, что Ваше имя используется при продаже новых выпусков акций, что хотя и преследует честные намерения, тем не менее является необычно рискованным с деловой точки зрения. Я не знаю, обращено ли Ваше внимание на то обстоятельство, что эти акции предлагаются публике по подписке как очень "надежные"... Чрезвычайно прискорбно, что Ваше славное и почитаемое имя стало использоваться для коммерческих сделок подобного рода". Рузвельт ответил: "Вы должны знать, как трудно для человека, занимавшегося той или иной общественной деятельностью, избежать, чтобы его имя не использовалось без его ведома в различных предприятиях, однако попытаюсь быть бдительным в этих делах"[8]. То были пустые обещания.

В Нью-Йорке богачи лакомились омарами, о чем знал Франклин по личному опыту. Он решил стать монополистом по поставке омаров. Расчет был, на первый взгляд, безупречен — монопольная компания ловит омаров, придерживает их на складе, а затем, когда цены подскочат, загребает барыши. Первая часть плана удалась, омары были изловлены и отправлены на склад. Труднее оказалось претворить в жизнь вторую часть

блестящего плана. Недостаток омаров в меню не привел к повышению спроса на них н к соответствующему увеличению цен. Посетители фешенебельных ресторанов прекрасно обходнлись без блюд из омаров. Итог — 26 тыс. долл. чистого убытка для Рузвельта, самая большая потеря за все годы его занятия бнзнесом. Он был нзрядно наказан, а зловредный Хоу был не нз тех, кто легко забывал. Отныне стоило ФДР заикнуться об участии в очередном сомнительном деле, как Лун немедленно серьезно советовал поддержать благое начинанне, инвестировав акцин обанкротившейся компании по ловле н продаже омаров.

Омары нзрядно подъелн оборотный капнтал ФДР, в другом предприятни он расточил толнку своего политического капитала. В 1928 году Ф. Рузвельт с Г. Моргентау-старшим создали компанию магазинов-автоматов "Камко", а с Г. Моргентау-младшим — компанию "Фотоматон", установившую фотоавтоматы в магазинах, на железнодорожных станциях н в иных людных местах. Онн нскренне верили, что идут в ногу с технической революцией, что подтверждал неплохой доход от автоматов С наступлением кризиса в 1929 году обе компании оказались на грани банкротства. И хотя Ф. Рузвельт с нзбраннем губернатором штата Нью-Йорк ушел нз директоров "Камко" и "Фотоматон", обвинение в том, что автоматы заменилн людей н усугубили безработицу, не миновало его.

Больше того, президент Ф. Рузвельт в 1934 году обрушился "на зтн несчастливые десять лет, характернзующнеся сумасшедшей гонкой за незаработанными сокровищамн". Газета "Чикаго трибюн" злорадно осветила текущие дела "Камко": "В свое время, чтобы прнвлечь неискушенных вкладчиков, компания обещала громадные прнбыли. Ее акции котировалнсь по 18 долл. Ныне можно купить пару ее акций за 25 центов, и компання проснт о реорганнзации за счет своих кредиторов... В 1928 году в числе ее днректоров был Франклин Д. Рузвельт". Заслуженный упрек тому, кто не первый среди равных в деловом мире. Капнтализм не терпит неудачников.

ФДР нспытал все прелестн равенства возможностей в стране "бога н моей", как именуют Соединенные Штаты те, кому там жить хорошо. О размерах извлечениого опыта судить невозможно. В январе 1925 года бизнесмен Ф. Рузвельт распродал с аукциона часть любимых картин художников-мариннстов. Выручка — меньше 1 тыс. долл. "Я, — говорила Элеонора, — не нмела никакого представления о его личном доходе". Франклин, в свою очередь, не знал ничего о денежных делах своей матерн и не интересовался финансовыми возможностямн жены, нмевшей личное состояние. Придерживался этикн дельцов н в семейных отношениях.

VI

Успешный делец или иет, ФДР оставался прежде всего политиком. И хотя в 1921–1928 годах ои ие добивался и ие занимал какого-либо политического поста, имя Франклина Д. Рузвельта никогда ие забывалось, иапротив, с годами оно приобретало все больший вес и известность. Ои охотно давал возможность использовать свое имя в различных кампаниях, местных и национальных, по самым разиообразиым поводам – от председателя комитета по сбору средств для издания фотографий старинных домов в штате Нью-Йорк до председателя фоида "американского легиоиа". Все это сопровождалось тем, что в США изывают "паблисити", – упоминанием о ФДР на первых страницах газет, публикацией его различных высказываний, даже самых банальных.

Так, Ф. Рузвельт, несмотря иа болезиь, остался руководителем организации бойскаутов штата Нью-Йорк. Ои призывал ветеранов войны идти работать со скаутами, требуя, чтобы организация штата насчитывала по крайней мере 100 тыс. членов. Пребывание в рядах скаутов, объяснял ФДР, учит быть лучшими гражданами и готовит к защите родины. Стопроцентные патриоты развили тезис дальше, предложив принимать в скауты только выходцев из "коренных" американских семей, иа что ФДР возразил: "Тысячи и тысячи скаутов – американцы во втором поколеиии". Из иих-то и нужно отштамповать стопроцентных американцев.

Президентство в американском строительиом совете прииесло ФДР два титула – "царя" и "диктатора" строительиой промышленности. То было громадное преувеличение. Ф. Рузвельт, естествеино, не мог оказывать сколько-нибудь зиачительного влияиия на дела строительства, его функции сводились к даче советов, имевших больше политическое, чем деловое зиачеиие. Ои был президентом совета с 1922 года и в последующие шесть лет пребывания иа этом посту пытался выполнить одну задачу: ввести зачатки плаиирования в хаос строительиого бума 20-х годов. Его усилия заручиться поддержкой правительства иатолкиулись иа ледяиой прием министра торговли Г. Гувера.

Республиканская администрация свято блюла традицию "меиьше правительства в бизиесе и больше бизиеса в правительстве". Кое-кто заговорил даже о "социалистических идеях" ФДР, грозящих поставить частную инициативу под контроль вашингтонских бюрократов. Это было слишком. Рузвельт объяснил, что ои выступает за частную инициативу, ио упорядо-

ченную, что создаст равномерную занятость в строительной промышленности, а с ней связаны в той или иной степени 11 млн. человек, работающих по найму. Нельзя, говорил он, действовать по принципу "каждый заботится о себе, а дьявол позаботится об остальных". ФДР стремился доказать, что реальный труд — а не банковские и биржевые махинации — создал благополучие Соединенных Штатов.

Несколько заявлений: "Наша великая республика была буквально создана руками предков. Если бы пуритане, отцы-основатели, расселились на плимутском берегу и открыли бы конторы по купле-продаже недвижимой собственности, бюро по планированию застройки городов и иные теоретические учреждения, вместо того чтобы рубить лес и носить воду, я убежден, что наш прогресс как нации значительно замедлился бы". Или: "Я считаю, что мы должны сделать все для того, чтобы возродить (я назову так за неимением лучшего термина) дух гильдий. Несомненно, что удивительное мастерство в период расцвета гильдий объяснялось всеобщим признанием высокого места в обществе мастера. Как же мы можем ожидать ныне, что способные юноши станут заниматься производительным трудом, если мы сами считаем, что клерк, зарабатывающий в неделю 10 долл., стоит выше на социальной лестнице, чем квалифицированный рабочий, получающий 60 долл.?.. Надеюсь, что нам удастся убедить колледжи привить юношам понимание: нужно больше ума, чтобы управлять двухтонным механическим молотом, чем механически складывать колонки цифр в конторских книгах".

Результаты подобного рода увещеваний были близки к нулю для бизнеса, но политически они являлись неоценимым вкладом для укрепления репутации ФДР как человека, озабоченного национальными судьбами. Он делал политику на бизнесе.

В 20-х годах Ф. Рузвельт выступает в поддержку известного в демократической партии Альфреда Смита. Католик по вероисповеданию и "мокрый" по убеждению (т. е. сторонник отмены "сухого закона"), он стремительно восходил на политическом горизонте США. ФДР прочно приковал себя к его колеснице и уже в 1922 году был среди тех, кто горячо ратовал за переизбрание Смита губернатором штата Нью-Йорк, что и было достигнуто беспрецедентным большинством голосов. ФДР много говорил о том, что "дорогой Ал" — его друг чуть ли не со времен битвы против Шихана, да и в 1918 году он приложил руку, чтобы Смит в первый раз прошел губернатором штата Нью-Йорк. В действительности в 1918 году ФДР вместе с Хоу заняли крайне

уклончивую позицию. Однако в начале 20-х годов Смит, шедший от успеха к успеху, охотно верил "дорогому Франку".

С приближением выборов 1924 года ФДР стал крайне необходим Смиту. В этот год в США возникла сильная третья партия Лафоллета, сенатора от штата Висконсин. Партия называла себя прогрессистской и вела несколько миллионов недовольных. Хотя это движение окончательно подорвало слабые шансы на успех демократов, ФДР с готовностью взял на себя функции руководителя кампании по выдвижению Смита кандидатом в президенты. ФДР домогался еще большей известности, состязание с Лафоллетом давало возможность потрясать нацию самыми прогрессивными речами. Помимо того, ФДР становился незаменимым партийным организатором, по крайней мере в штате Нью-Йорк. Ч. Мэрфи умер незадолго до выборов 1924 года, и Таммани остро нуждалась в вожаке.

Таким образом ФДР оказался в авангарде избирательной кампании демократов. Современники усматривали в его неустанной работе на пользу А. Смита самопожертвование "дорогого Франка дорогому Алу", ибо болезнь лишала ФДР надежд на собственную политическую карьеру. Замечание ФДР в частных беседах: "Если бы не эти костыли, я бы сам принял участие в деле" — приводилось как доказательство вышеупомянутого верного служения. А если кто еще сомневался, тогда приводились отказы ФДР баллотироваться в сенат или даже в вице-президенты. Ответил же ФДР Л. Стивенсону: "Не хочу быть вице-президентом. Председательствовать четыре года при нынешнем составе сената — неблагодарная и совершенно бесполезная работа". Биографы ФДР судят о нем несколько по-иному. Взвесивший все "за" и "против", Ф. Фрейдель замечает: "Эта кампания была повторением его маневра 1922 года. Тогда он поддерживал Смита в собственных целях — восстановить себя в качестве ведущего политического деятеля штата. В 1924 году Смит дал ему возможность сделать это в масштабах страны"[9].

Появление мужественного Франклина Д. Рузвельта на костылях на трибуне конвента демократической партии вызвало неистовый восторг. Несколько минут бушевала овация. Когда она стихла, ФДР сильным, звучным голосом рассказал о достоинствах А. Смита, этого "счастливого воителя" политических битв (термин заимствован у американского поэта У. Уордсворта), которого любят за прогрессивные убеждения "все и вся в нашей стране". ФДР убедил конвент в том, что он прекрасный оратор, но Смит так и не был одобрен кандидатом. После почти ста туров голосования он поручил ФДР снять его кандидатуру.

Демократы выдвинули другого кандидата. На выборах в ноябре 1924 года переизбрали республиканца К. Кулиджа, президента с 1923 года после смерти У. Гардинга.

Хотя выборы 1924 года воссоздали ФДР как активного политика – выступление на конвенте было первой его большой речью после болезни, – он был далеко не удовлетворен только личным триумфом. Его успехи лишь подчеркивали плачевное положение демократической партии. В 1924–1928 годах он упорно доискивается причин, по которым она не могла завоевать большинство.

В декабре 1924 года ФДР писал: "В 1920 году, когда нас прокатили на выборах, я сказал друзьям, что, на мой взгляд, нация не изберет демократа до тех пор, пока республиканцы не ввергнут нас в серьезную депрессию с большой безработицей. Я думаю, что этот анализ верен и сейчас". В 1926 году ФДР говорил в одной из своих речей: "Наше так называемое процветание со времен мировой войны случилось вопреки, а не в результате усилий политиков. Мы держим бо́льшую часть мирового золотого запаса, что обеспечило нам легкий, слишком легкий кредит. Строительство, улучшение транспорта, увеличение всех видов производства стали настоятельно необходимыми из-за износа в военные годы. Добавьте к этому новые потребности: дешевые автомобили, радио, различные электроприборы, рост производства электроэнерии, распространение хороших дорог и последнее по счету, но не по значению – увеличение покупательной способности расширением кредита, и тогда станет ясно, что республиканская партия, стоящая у власти, повинна в том, что она пытается присвоить под лживыми предлогами достояние, принадлежащее другим, в данном случае – американскому народу".

Экономического кризиса руководству партии не следует ожидать сложа руки. ФДР носился с планами ее решительной реорганизации. Разномыслие павших духом лидеров партии пугало ФДР. Он полагал, что она воспрянет, апеллируя к теням ее основателей – Т. Джефферсона и Э. Джексона.

ФДР считал, что восстановление принципов Т. Джефферсона внесет спасительные улучшения в американскую жизнь. В декабре 1925 года Ф. Рузвельт писал: "Нам будет трудно внести раскол в ряды республиканцев, пока продолжается период материального процветания. Они поставили все на экономический бум, который, однако, является не следствием их усилий, а объясняется экономической обстановкой послевоенного мира. Мы приближаемся к временам, аналогичным периоду 1790–1800 годов, когда Александр Гамильтон вел дела феде-

рального правительства прежде всего в интересах торговых палат, спекулянтов и узкого кружка внутри национального правительства. Он свято верил в аристократию богатства и власти — Джефферсон вернул власть в руки рядового избирателя, настаивая на основных принципах и просвещении массы избирателей. Нам сейчас нужна такая же кампания просвещения, и, возможно, мы найдем другого Джефферсона".

Если ФДР думал так, а приведенные и многие другие его суждения не оставляют сомнения в том, что его убеждение в призрачности "процветания" было искренним, тогда он был суровым реалистом. Именно в эти годы американская компартия указывала, что "процветание" строится на песке. "Небо было безоблачно, — писал У. Фостер, — и лишь немногочисленные недовольные и потерявшие доверие коммунисты заявили, что "процветание" — это карточный домик, построенный на развалинах, оставленных первой мировой войной"[10].

Рузвельт не читал изданий компартии. Он взывал к принципам Т. Джефферсона и настаивал на том, чтобы подготовить демократическую партию к тем критическим временам, когда "процветание" рухнет. Вся риторика ФДР, уместно умалчивавшего о том, что Т. Джефферсон был рабовладельцем, отражала его глубокую тревогу, как бы в грядущее черное море краха "просперити" не рухнула генеральная американская политическая традиция — святость частной собственности, на чем и зиждется там государственность.

Когда после неудачи движения Лафоллета на выборах 1924 года к Ф. Рузвельту обратились с просьбой продумать, не следует ли сторонникам Лафоллета вступить в блок с демократической партией, он категорически отклонил идею. ФДР писал: "Демократическая партия — единственная прогрессивная партия страны, но она не является и, надеюсь, никогда не будет радикальной партией в США, что совсем иное дело". И далее: "Мы, конечно, не можем развиваться, если каждый новый шаг не делается по твердой и испытанной почве. Слепо ринуться по пути, который некоторые наши радикальные друзья называют большой дорогой к Утопии, означало бы, что мы безнадежно погрузимся в зыбучие пески неразумных политических теорий и непрактичных доктрин правления. Это вовсе не будет прогрессом, а повлечет за собой лишь деморализацию. В результате мы добьемся только одного — столь же громадных страданий и несчастий для собственной страны, какие мы видели в некоторых других государствах, где были применены чисто теоретические концепции правления, прежде чем были проверены их разумность и возможность претворения в жизнь"[11].

В зтих воззрениях, и только в них, следует искать разгадку так называемого либерализма и прогрессивных убеждеиий Франклина Д. Рузвельта. Он горой стоял за незыблемость института частной собственности как основы американской государственности. Его преимущество перед толпой заурядных буржуазных политиков было в том, что ои чутко реагировал на происходившее вокруг и своевременно приходил к четким выводам в интересах своего класса в целом. Что до прогрессивиых взглядов, то как могло быть иначе?[12] XX век стал тем времеием, когда кондовые истины капитализма подверглись сокрушительиым ударам со всех сторон.

ФДР прекрасно поиимал, что противиться наступлению сил прогресса не только трудно, но просто невозможно. Он видел свою задачу в другом — попытаться оседлать гребень волны вместе с демократической партией, а чтобы удержаться там — реорганизовать ее.

Ф. Рузвельт писал: "Следует крепко запомнить, что без какой-то формы политической организации нельзя многого достигнуть"[13]. Во второй половине 20-х годов весь платный штат национального комитета демократической партии состоял из двух приятных дам, работавших в одной комнате. Рузвельт стремился разъяснить руководству демократической партии, что зто нетерпимо.

С помощью Хоу ФДР подготовил и разослал циркулярное письмо активным работникам партии. Он предлагал: национальный комитет должен работать постоянно, а не от одной избирательной кампании до другой, установить тесную связь комитета с местными организациями, проводить частые встречи активистов партии и, наконец, добиться ее прочного финансового положения. Когда стали поступать положительные отклики иа письмо, ФДР попытался двинуть дело дальше — созвать в 1925 году национальную конференцию демократической партии. Ввиду острого соперничества между отдельными лидерами идея не материализовалась.

ФДР заслужил репутацию политика политиков. Водители партийной машины демократов, пропустив его проекты мимо ушей как нереальные, взамен составили, как им казалось, реальный проект — провести ФДР в сенат, соблазняя его перспективой отстаивать дело партии на национальном форуме. ФДР отказался, частично боясь, что избрание в сенат не даст ему возможиости долечиться, а главным образом не желая ввязываться в межпартийные распри в хорошо видном всем Капитолии. Хоу горячо одобрил поведеиие Франклина. В 1926 году, накануне конференции демократической организации штата

Нью-Йорк, он пишет Франклину: "Я разузнал, что составлен план. Вас попросят произнести речь, а затем потребуют согласиться на выдвижение кандидатом в сенат единодушным воплем "Хотим Франклина!" Это, конечно, лишь возможность, но я надеюсь, что вы сумеете убедить их, что еще два года вы будете стоять на пороге смерти. Постарайтесь выглядеть бледным, усталым и издерганным, выступая на конференции, с тем чтобы не составило труда отделаться от них заявлением: по состоянию здоровья вы по крайней мере еще два года не сможете участвовать в выборах". Так ФДР и поступил.

Лето 1928 года. Конвент демократической партии. Вновь ФДР предложил кандидатуру А. Смита, которая на этот раз была одобрена. Появление Ф. Рузвельта на конвенте резко отличалось от прошлого, в 1924 году. Тогда он едва передвигался на костылях, теперь относительно легко шел, опираясь на трость и руку сына. После конвента ФДР уехал в Уорм-Спрингс, а партийные боссы стали готовить его выдвижение в губернаторы штата Нью-Йорк. В сентябре ФДР получил первые тревожные телеграммы от Хоу, который требовал не соглашаться. Элеонора разделяла мнение Хоу. Франклин признал, что они правы. Изворотливые партийные деятели подключили к делу дочь Анну. Она телеграфировала: "Вперед — и соглашайся". ФДР отвечает: "Тебя следует выпороть. Любящий отец". Смит бомбардирует Уорм-Спрингс телеграммами. Хоу комментирует: "Бойся данайцев, дары приносящих". И в другой телеграмме: "Если они ищут козла отпущения, то пусть сенатор Вагнер принесет себя в жертву". Франклин прибег к испытанному аргументу — здоровье не позволяет. Смит вызвал ФДР к телефону, в разговоре выяснилось, что Рузвельт обеспокоен и финансовыми делами — он по уши погряз в "Уорм-Спрингс фаундейшн", а избрание губернатором сократит его личные доходы.

Если паралич ног был неизлечим, то финансовые затруднения поддавались исцелению. Смит переговорил с Дж. Раскобом, одним из богатейших людей США, близким к Дюпонам, руководителем концерна "Дженерал моторз". Раскоб в 1923 году щедро финансировал избирательную кампанию демократов. Что произошло дальше, описывает Э. Линдли[14]. 1 октября Раскоб позвонил Рузвельту в Уорм-Спрингс. "Мягкий голос Раскоба звучал в трубке отчетливо, как колокольчик. Он просил его согласиться на выдвижение, чтобы помочь партии в национальном масштабе. Рузвельт: «Нужно заботиться об "Уорм-Спрингс фаундейшн"».''К черту "Фаундейшн", — бросил Раскоб. — Мы берем ее на себя. Сколько?" Рузвельт назвал цифру — 250 тыс. долл. Трубку взял Смит, просивший ФДР оказать ему "лич-

ную услугу" — баллотироваться. Рузвельт нехотя согласился. На следующий день случились два события: он получил чек от Раскоба на 250 тыс. долл.[15], а в Нью-Йорке конференция демократической партии выдвинула его в губернаторы штата. "Я не знаю человека, который принес бы бо́льшую жертву партии, придя ей на помощь", — написал Раскоб Рузвельту.

Узнав о внезапном решении своего подшефного, Хоу ничего не оставалось делать, как воздеть руки к небу и отправить ФДР телеграмму: "В качестве поздравления раскопайте телеграмму, посланную мною, когда вы участвовали в первичных выборах на место сенатора" от штата Нью-Йорк в 1914 году. Слухн о выдвнжении Рузвельта распространилнсь с быстротой молнии.

Республиканскне газеты указали, что Смит в ненасытной жажде власти, которой ему, впрочем, не видать, как своих ушей, бросает в огонь политической борьбы последний резерв — несчастного инвалида Рузвельта. Корреспонденты со ссылкой на друзей ФДР сообщали, что все, кто любит его, будут голосовать протнв, ибо не хотят, чтобы достойный человек нашел смерть под бременем губернаторства. Заботясь о "просвещенин" нзбирателей, республиканцы распространили слух, что ФДР не может передвигаться и страдает вовсе не нз-за полиомиелита, а от последствий снфилиса[16].

Смит парнровал: "Губернатору не нужно быть акробатом. Мы выбираем его не за уменне делать двойное сальто назад илн ходить на руках".

"ПОЛУПРОЦЕНТНЫЙ" ГУБЕРНАТОР ИМПЕРСКОГО ШТАТА

I

В первом штате страны — Нью-Йорке — все грандиозно, включая название "имперский штат". Здесь подлинная столица Соединенных Штатов, финансово-промышленный мозг республики. Губернатор штата — весьма вероятный претендент на президентское кресло. Из шестнадцати президентов после гражданской войны 1861—1865 годов девять были губернаторами Нью-Йорка. За этот пост и вступил в борьбу ФДР в середине октября, хотя отчетливо понимал, что 1928 год сулит новую победу республиканцам в национальном масштабе.

Г. Гувер, кандидат в президенты от республиканской партии, ссылался на беспрецедентное процветание в минувшие годы, сулил американцу цыпленка в супе каждый день, а в гараже — пару автомобилей. С помощью бога и на путях традиционной политики республиканцев Гувер обещал "скоро изгнать бедность из страны".

В первые три дня 1300-мильной поездки по штату Ф. Рузвельт выступал с общими заявлениями, нападая на республиканцев и превознося достоинства А. Смита. ФДР считал особенно важным подчеркнуть, что религиозные вопросы — Смит был католиком — не должны подменять партийную борьбу. К вечеру третьего дня руководство партии спустило Рузвельта с небес федеральной политики на землю штата Нью-Йорк. Помощники ФДР получили телеграмму национального комитета партии: "Скажите кандидату — он баллотируется не в президенты, а в губернаторы. Пусть он ограничит свои выступления делами штата".

Рузвельт обратил оружие против своего прямого противника А. Оттингера, опытного политика, выдвинутого республиканской партией. Оттингер умело вел кампанию, не забывая, что Нью-Йорк — тигель национальностей с сильным еврейским электоратом. ФДР было нетрудно доказать, что в национальном вопросе обе партии одинаково беспристрастны — на пост заместителя губернатора демократы проводили еврея Г. Лимена, банкира, оказавшего значительную материальную поддержку А. Смиту.

Значит, «ограничить свои выступления делами штата». В подготовке тематически нацеленных речей Ф. Рузвельт нашел неоценимого помощника в лице 32-летнего Самуила Розенмана, рекомендованного Смитом. Юрист и необычайно пунктуальный человек, Розенман подобрал объемистые досье по всем вопросам, касавшимся штата: трудовому законодательству, сельскому хозяйству, финансам и т. д. Начало их сотрудничества было тривиальным. «Сэм, — сказал Ф. Рузвельт,— я сейчас бегу, мне нужно повидать кое-кого из местных политических братцев. Боюсь, что буду занят весь вечер. Сделаем так: вы набросаете, что, по вашему мнению, я должен сказать завтра вечером, и утром дадите мне. Затем мы просмотрим проект вместе». Увидав изумление на лице Розенмана, Рузвельт подбодрил его улыбкой и кликнул слугу, который мигом увез кандидата в кресле.

Розенман скрупулезно выполнил задание, написал речь. Подсунув рукопись под дверь спальни Рузвельта, Розенман отправился спать, далеко не убежденнный в успехе. Наутро ФДР нашел материал превосходным, хотя и суховатым. Он «оживил» речь. Вечером произнес. Аплодисменты. «Прекрасно, Сэм, хорошо сделано»,— заметил после митинга ФДР. Так и пошло.

Они ездили по штату: впереди легковая машина кандидата, следом два автобуса. В одном корреспонденты, в другом помощники ФДР. Розенман неустанно трудился, подготавливая проекты речей, Рузвельт бегло читал их, подправлял и произносил. Избиратели тепло встречали Ф. Рузвельта. Почему? О чем он говорил?

«"Вы знаете,— сказал ФДР задумчиво,— обстановка сегодня не слишком отличается от тех дней, когда я был в сенате в 1911 и 1912 годах. Альфред Смит, Боб Вагнер, Джим Фоли и я боролись за социальное и рабочее законодательство. Я помню, что нас именовали социалистами и радикалами в то время. Я помню, как была взбешена моя бедная мамочка, решив, что ее сын стал социалистом". Эти рассуждения стали его излюбленной темой, как бы его позднейшие программы ни именовались: социалистическими или коммунистическими. Что было «социализмом» в 1911 году, стало неоспоримым американизмом в 1928 году. Равным образом бо́льшая часть коммунистического и радикального нового курса 1933 года стала частью республиканской платформы 1944 года» [1] ,— писал С. Розенман.

Ссылаясь на прошлую деятельность губернатора А. Смита, Рузвельт говорил: «Если его программа сокращения рабочей недели женщин и детей является социалистической, тогда мы все социалисты; если его программа улучшения больниц и

тюрем штата является социалистической, тогда мы все социалисты. И еслн его программа заботы о здравоохранении, его громадная помощь народному образованию являются социалистическимн, тогда мы все социалисты н с гордостью говорим об этом... Любого человека в общественной жизни, кто идет вперед н отстанвает улучшения, зовут радикалом. Демократическая партия в этом штате шла вперед и отстаивала улучшения, н она заслужила названне радикальной здесь н в других штатах».

ФДР теперь стал отличным оратором. Его выступления были удачными не только по содержанию, но н по форме. Заканчивая, он неизменно просил обратить вннмание на то, как он выглядит. Пуще всего он боялся, чтобы его принялн за инвалида. В одном городке зал, арендованный для митинга, не имел входа на сцену — чтобы попасть на нее, нужно было пройти через центральный проход между рядами кресел. ФДР не хотел вызывать сочувствия, он взобрался по пожарной лестнице снаружн здания и так проннк на сцену. Карабкаться по лестннце было мучнтельно трудно. Франклин мог нспользовать только рукн. Никто в зале нн о чем не догадался.

Успешная кампания ФДР в штате не могла спасти положенне партии в национальном масштабе. Г. Гувер уверенно вел за собой страну. А. Смит, избравший в качестве основного лозунга кампании еще большее процветанне, мог давать только обещания, республиканцы опнрались на факты. При аналогичном подходе партий к матернальным вопросам можно было бы провести различие в духовной сфере, акцентируя вниманне на «прогрессе», как поступил Рузвельт. Смит не сделал этого. В результате кампания, не развнвшись, деградировала, и споры велись вокруг религнн (республиканцы со всей серьезностью заявилн, что, если католик Смит будет президентом, все бракн протестантов США окажутся недействительными, дети от них будут признаны незаконными, а папа римский станет верховным арбитром страны) н «сухого закона» (республиканцы кричали, что демократы положат конец «благородному эксперименту» — запрещению употребления спнртных напитков в США, введенному 18-й поправкой к конституцин в 1920 г., н тем самым погрузят морально чистых американцев в пьяное болото остального мира).

Предвыборная кампания демократов заходила в тупик. Оставалось только шутить. ФДР в письме к другу: «Благодарю тебя за присланное ужасное фото моей лучшей половины. Она, очевидно, рассматривает муху на потолке, стараясь выяснить, можно ли одновременно быть "мокрой и сухой"». Элеонора

со вновь выработанным ригоризмом была «сухой» и начисто изгнала спиртные напитки из своего дома, что изрядно досаждало Франклину, умеренному любителю коктейлей.

Он со значительной тревогой наблюдал и за действиями Раскоба, теперь председателя национального комитета демократической партии. Появление миллионера на этом посту было трудно совместить с утверждениями, что демократы — партия «прогресса». Раскоб говорил слишком много, чтобы исправить складывавшееся неблагоприятное впечатление. ФДР обратился к другому миллионеру — Б. Баруху. Раскоб и Барух внесли самые крупные взносы в кассу демократической партии. В отличие от Раскоба, Барух, еврей из штата Южная Каролина, лучше понимал значение идей. Именно он отчеканил накануне кампании фразу: «Миру нужно выбрать между конструктивным радикализмом Вудро Вильсона и разрушительным радикализмом Ленина»[2]. Усилия ФДР и Баруха не привели к заметным результатам.

6 ноября состоялись выборы. Хотя демократы затратили на кампанию 7 млн. долл., всего на 2 млн. меньше, чем республиканцы, деньги были выброшены на ветер. Уже к середине дня выяснилось, что демократы проигрывают по всей стране. Что касается выборов губернатора штата Нью-Йорк, то стало запаздывать поступление данных от ряда округов. ФДР и его советники хорошо знали американскую политическую жизнь и недолго гадали о причинах задержки: на местах ожидали окончательного национального вердикта, чтобы «подправить» собственные результаты. Тогда Рузвельт пошел на крайнюю меру, по существу, блеф. Он связался по телефону с шерифами округов, откуда не поступали сообщения об итогах голосования.

«У телефона Франклин Рузвельт,— говорил он.— Я слежу за голосованием из отеля «Билтмор» в Нью-Йорке. Данные из вашего округа запаздывают, и мне это не нравится. Если это будет продолжаться, я займусь вами, вы лично отвечаете за то, чтобы не было мошенничества при подсчетах. Если вам нужно поддержать порядок или обеспечить правильный подсчет, сообщите мне сюда, и я попрошу санкции губернатора штата на использование частей национальной гвардии, чтобы помочь вам». Дополнительно шерифам было сообщено, что «сто юристов» выедут в округа для проверки правильности выборов (что потом и было сделано, злоупотребления оказались незначительными). Помогло!

Ф. Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк, получив 2 130 193 голоса против 2 104 629 голосов, отданных Оттингеру. Смит в том же штате получил на 100 тыс. голосов

меньше Гувера, по всей стране преобладание республиканцев было громадным. Успех Ф. Рузвельта был исключением на выборах 1928 года, личной, а не партийиой победой. Большинство в 25 тыс. голосов было ничтожным.

ФДР имел разумиые основания в последующие два года шутливо имеиовать себя «полупроцеитным» губериатором.

II

«Он не проживет и года»,— заметил А. Смит о ФДР. Смит, четыре раза избиравшийся на зтот пост, знал, что говорил. Исполнеиие обязанностей в Олбани, где находилась резиденция губериатора, требовало не только интеллектуальиого, ио и большого физического напряжеиия. Населеиие имперского штата уже тогда превышало 12 млн., а административиая машина была крайне неуклюжей и требовала каждодневного присмотра. Легислатура находилась многие годы в руках республикаицев, ие говоря уже о Таммани, проводившей собственную политику в Нью-Йорк-Сити.

Смит снял иомер в одном из отелей Олбани, дабы руководить новым губериатором, и порекомеидовал ему ие производить никаких перемещеиий среди руководителей штата.

ФДР согласился с ним, а затем уволил двоих, на которых опирался Смит, — секретаря губериатора Б. Московиц и секретаря штата Р. Мозеса. Первая третировала ФДР в кампанию 1928 года, второй имел с иим столкиовеиия. Взбешеиный Смит расценил поступки Рузвельта как черную неблагодариость, но так и ие поиял, что иеверно оцеиил личность своего преемника. Раскоб пригласил Смита занять место управляющего «Эмпайр стейт билдинг" в Нью-Йорке. ФДР остался в Олбани один.

В губернаторский дворец вселился новый хозяин, сорокашестилетний Ф. Рузвельт. К зтому времени он давно сформировался как политик, приобрел те черты, которые отличали его и в бытность президеитом. Окружающие по-прежнему были склонны видеть главиым образом его чрезмерный оптимизм, бьющую через край жизнерадостность, он порой походил иа бойскаута-переростка. Тяжкие испытания болезни, казалось, не подорвали его бодрости, хотя до коица жизии ои ие смог самостоятельно передвигаться.

Рузвельт не мог без посторонней помощи встать. Хоу ввел железное правило: ФДР никогда не переиосили на людях, ио, когда не было посторонних, его всегда иосили, как ребенка. С мучительным трудом опираясь на чью-либо руку и на тяжелую

трость, он мог в редчайших случаях сделать несколько шагов.

Родственник Рузвельта рассказывал: однажды в Гайд-парке «его мать и я стояли на веранде, смотря, как сын Эллиот и телохранитель Гас Генерин снесли его по ступенькам и посадили в автомобиль. Стоило им повернуться и отойти, он потерял равновесие — могучий торс был тяжелее парализованных ног — и упал с сиденья машины. Сомневаюсь, чтобы хоть один из тысячи таких же инвалидов, зависящих от других, не сделал бы упрека, пусть мягкого, тем, кто по небрежности бросил его. Но Франклин, лежа на спине и размахивая в воздухе сильными руками, только смеялся».

Ничто не могло вывести Рузвельта из себя, даже слабый намек на сочувствие к нему как инвалиду. «Без соплей!» — почти свирепо обрывал он сердобольного. «Чепуха, — говорил он, — взрослый человек может справиться с детской болезнью». Близкие находили, что после болезни ФДР как бы вторично родился, утратив свои прошлые неприятные качества — зазнайство и плохо скрытое высокомерие. Он стал человечнее. Раньше ФДР разбрасывался, теперь научился сосредоточиваться. Встречавшиеся с ним поражались обширным познаниям Франклина в самых различных областях. Он объяснял: «Вы, ходящие на двух ногах, проводите свободное время, играя в гольф, стреляете уток и т. д., в то время как все мои упражнения ограничиваются книгами».

Победа на выборах в глазах ФДР была победой и над болезнью. Он твердо считал, хотя обычно и избегал разговоров на эту тему, что судьба готовила его к некоей миссии. Глубоко верующий ФДР был убежден, что действует по предначертанию провидения. Надо думать, что ему, калеке, доставляло громадное внутреннее удовлетворение одерживать победы над пышущими здоровьем людьми. Избранник судьбы?

«Под внешней оболочкой, — пишет А. Шлезингер, — скрывался другой человек: более сильный, более твердый, более честолюбивый, более мелкий, более злой, более злопамятный, более глубокий, более сложный, более интересный. Лишь самые близкие друзья видели эти стороны характера Рузвельта и то усматривали лишь их отдельные, иногда устрашающие проявления. Его глаза дружественные, но непроницаемые, улыбка приветливая, но ни к чему не обязывающая, манеры открытые, которые, однако, нельзя было разгадать, — все это говорило о его недоступности. Он любил людей, но очень редко открывался перед ними. Душевное равнодушие даровало ему мастерство в политике и расчетах, иногда даже в жестокости в отношении к людям. Тех, кто любил его больше всех, он терзал особенно

безжалостно. Почти каждым он мог пожертвовать. Поскольку он мог быть беззаботным н неглубокнм интеллектуально, он мог быть коварным н скользкнм морально. Внешне он казался мягким и услужливым, однако в действительности был ужасающе тверд»[3].

В окружавших его людях ФДР ценил только верность. По этому принципу, а затем уже по деловым качествам он подобрал себе помощников в Олбанн. С. Розенман, знавший ФДР всего несколько месяцев, был очень удивлен, получив назначенне советнником губернатора. Рузвельт откровенно сказал ему: «Я быстро распознаю людей н довольно хорошо понимаю их. Иногда инстинкт оказывается полезнее, чем длнтельное н всестороннее изученне». Г. Моргентау-младший был назначен председателем совещательного комнтета по вопросам сельского хозяйства. Семья Моргентау всегда щедро финансировала политическне предприятия ФДР. Секретарем штата стал Э. Флинн, профессиональный полнтнк из Бронкса, воспитанный в традициях Таммани. Тем самым ФДР отдал должное н этой организации. Комиссаром по вопросам промышленности была назначена Фрэнснс Перкинс. Впервые в нстории штата женщина заняла ответственный пост. Выдвнженне ее, в глазах ФДР, было необходимо, дабы показать избирательницам равноправие женщин.

Ф. Рузвельт не оставил ни малейших сомнений у своих сотрудников, что ключевые решения будут приниматься только им, а помощнннки имеют право совещательного голоса. «Я должен быть губернатором штата Нью-Йорк, н я буду им сам»,— напутствовал он Ф. Перкинс, прнступившую к нсполнению своих обязанностей. Очень скоро выявилась и другая черта ФДР — нетерпимость к кронтике. «Франклин,— пишет Р. Тагвелл,— уже тогда имел тенденцию, хотя публично н сохранял хорошую мину, рассматривать крнтику в лучшем случае как недружественный акт, а в худшем — вредительство. Он решительно не терпел даже попыткн поставить под сомненне его намерения нлн выяснить его мотнвы... Он считал, что обладает привилегией иммунитета от критнкн. Те, кто не прнзнавал этого и не предоставлял ему необходимого нммунитета, запечатлевались в его памяти. У него была поистине способность слона запоминать тех, кто причинил ему вред. В один прекрасный день виновный удивлялся, что не получил тех или иных благ. В конце концов таких лнц оказалось много. Ннкакне мольбы не могли нзменить их положенне н допустнть их в кружок доверенных сотрудников. Что касается Франклина, он на веки вечные подверг их остракизму»[4].

Даже зная или догадываясь об этих качествах ФДР, все равно работать с ним было необычайно трудно. Кроме того, лаконично замечает Дж. Бирнс, «Франклин Рузвельт никогда не был одинаков с двумя любыми людьми»[5]. О его намерениях даже близкие могли только догадываться.

III

В Олбани Ф. Рузвельт взял старт, намереваясь финишировать в Белом доме, в Вашингтоне. В связи со вступлением в должность 1 января 1929 г. Рузвельт обратился с посланием к легислатуре, в котором сформулировал свою программу: сбалансированный бюджет штата, помощь фермерам, улучшение парков, упорядочение работы судов и т. д. В обстановке «просперити» в стране, по-видимому, большего предложить было нельзя. С первых дней в Олбании ФДР почувствовал тяжесть работы, выпавшей на плечи губернатора, не желавшего передоверять ведение дел своим подчиненным. Он получал в день по 250 писем, на 50 из них приходилось отвечать лично. Стоимость недвижимого имущества, принадлежавшего штату, оценивалась в 1929 году примерно в 1 млрд. долл., а ежегодные ассигнования по бюджету штата на новое строительство превышали 80 млн. долл. ФДР стремился уследить за всем. Стены кабинета губернатора украсили схемы, на которых еженедельно отмечался ход строительства каждого из 150 возводившихся объектов. Если плановые сроки по любому из них нарушались, следовало личное вмешательство губернатора.

ФДР имел перед собой враждебную легислатуру, в которой большинство принадлежало республиканцам. Сердца ее членов, понаторевших в профессиональной политике, было просто невозможно растопить самыми убедительными речами, хотя все публичные выступления ФДР теперь готовились штатом квалифицированных сотрудников во главе с Розенманом. Легислатура была преисполнена решимости блокировать любые «прогрессивные» меры, квалифицируя их не как заботу о благе штата, а как попытку обеспечить партийные интересы. Укрепление аппарата демократической партии имело вдвойне важное значение — так можно было установить связь с рядовыми избирателями через головы законодателей. Главное — довести до сведения всех в штате титаническую борьбу губернатора с легислатурой, если когда-либо она разразится. «Наш моральный долг — распространять евангелие демократической партии», — поучал ФДР, поставив-

ший на службу высокой цели все средства современной массовой информации.

Уже в январе 1929 года в Олбани было учреждено пресс-бюро, демократическая организация отпустила для него на первый случай 100 тыс. долл. Все газеты штата затопил поток бесплатных материалов о трудах губернатора. ФДР указал: «Если пять лет назад девяносто пять процентов избирателей черпали свои сведения из газет, то теперь по крайней мере половина избирателей, сидя у камина, слушают выступления политических деятелей обеих партий и выносят свои суждения не из того, что прочитали, а из того, что услышали». Для начала демократическая партия купила час вещания в месяц у всех станций штата. С 3 апреля 1929 г. Ф. Рузвельт стал сам выступать со своими «беседами у камелька», тщательно подготовленными речами перед микрофоном. Возможности осветить предстоящую схватку с легислатурой были созданы, а она не заставила себя ждать.

Бюджет штата издавна служил для удовлетворения партийных потребностей. Не случайно он обсуждался на закрытых заседаниях комиссий легислатуры. При господстве республиканцев в комиссиях целевое назначение расходов было очевидно. ФДР предпринял решительную попытку сломать этот порядок. Во-первых, он наложил вето на бюджет; во-вторых, высказался за полную гласность обсуждения финансов штата. Последовала сложная борьба, в том числе в судах, спорной оказалась интерпретация прерогатив исполнительной и законодательной власти. ФДР стоял на том, что легислатура не имеет права вмешиваться в исполнение бюджета и что это всецело входит в круг обязанностей губернатора.

Спорили до хрипоты. В разгар разногласий с легислатурой Рузвельт в одном из писем родственникам извинялся за то, что пишет от руки, а не на машинке. Это, однако, невозможно «до тех пор, пока глупая старая республиканская легислатура не возьмет в толк, что пора разъехаться по домам и оставить меня в покое, чтобы я мог заниматься делами штата». В конечном счете суды высказались за ФДР. Противники были посрамлены — юридическая власть поддержала незыблемость функций власти исполнительной.

ФДР обнаружил, что губернатор мог использовать небольшую речную яхту «Инспектор». Летом 1929 года вместе с семьей и многочисленными помощниками он отправился по каналам в поездку по штату. Зрелище было презабавным: толпа людей на палубе, яблоку негде упасть, среди них выделялась внушительная фигура губернатора, а по ближайшей дороге параллельно каналу с черепашьей скоростью передвигался торжественный

кортеж — машина губернатора, многочисленные полицейские на мотоциклах. ФДР инспектировал школы, больницы, тюрьмы, приюты и т. д. Элеонору посылали на разведку. В первые дни ее ответы на вопросы Франклина были анекдотичны. Например, она делала вывод о достаточном питании, ознакомившись с меню, или думала, что помещения не переполнены, так как кроватей было немного. «Глупышка! — восклицал Франклин. — Нужно было посмотреть, не сложены ли кровати в кладовках или не спрятаны ли за дверью, и заглянуть в кастрюли». К чести Элеоноры, она очень быстро научилась устанавливать истинное положение вещей.

Губернатор очаровал многих. После обстоятельных бесед с ним местные профессиональные политики возвращались преисполненными сознания своей важности. ФДР умел вести разговор так, что собеседник невольно понимал: перед ним хозяин штата. Несомненно льстило, как рачительный ФДР обсуждал с ними на равной ноге местные дела: состояние посевов, дороги, лесонасаждения, положение в школах и благотворительных учреждениях.

Его энергичные усилия, очевидно, направленные на достижение выдающейся национальной известности, не на шутку встревожили республиканскую партию. Хотя Рузвельт неоднократно публично заверял, что не имеет в виду президентство, ни один здравомыслящий политик не верил этому. Недоброжелатели ФДР не щадили усилий, чтобы безнадежно подорвать его репутацию. Они решили нанести удар по самому уязвимому — отношениям губернатора с Таммани.

Республиканским стратегам нельзя было отказать в дьявольской изобретательности. Коррупция Таммани вошла в пословицу, даже «Нью-Йорк таймс» отзывалась о ней так: «Первая в войне, первая в мире и первая в карманах сограждан». Поэтому, когда осенью 1929 года республиканцы внезапно потребовали положить конец злодействам Таммани в Нью-Йорке, они не сделали открытия. Новым было, однако, то, что республиканцы истерически настаивали, чтобы губернатор Рузвельт назначил расследование. Это с головой выдавало подлинные цели борцов за чистоту нравов.

Их замысел был прост и в то же время сложен. Дальнейшее политическое продвижение ФДР зависело от его деятельности в Олбани. Он просто не смог бы вынести провал на выборах 1930 года. Однако успех на них мог быть обеспечен только поддержкой Таммани. Любое глубокое расследование дел организации неизбежно сводило шансы на выборах 1930 года к нулю. Отказ заняться расследованием преступной деятельности

Таммани давал веские основания представить губернатора Рузвельта соучастником грязных дел боссов Нью-Йорка.

Обстановка сложилась серьезная. В конце 1929 года происходили выборы мэра Нью-Йорка. Тогдашний мэр Дж. Уокер, пьяница и развратник, пользовался скандальной известностью. Один его соперник на выборах, Ф. Ла Гардиа, прямо обвинял мэра в том, что полиция не расследовала должным образом убийство известного гангстера Ротштейна. Другой соперник, социалист Н. Томас, указал, что судья в Бронксе получил от Ротштейна взятку в 20 тыс. долл. Как Ла Гардиа, так и Томас громко обвиняли Рузвельта в бездеятельности. Но ему нужен был еще по крайней мере год. ФДР официально заявил, что может начать расследование лишь в том случае, если ему будут представлены точные факты. Как можно добыть их, не проведя расследования, он не объяснил. Своим ближайшим помощникам ФДР сказал: в случае необходимости он вызовет Ла Гардиа и иных обвинителей и «в присутствии стенографа заявит, чтобы они подкрепили свои требования фактами, если их нет — они будут выглядеть идиотами».

Естественно, что к этой процедуре прибегнуть не пришлось. Уокера переизбрали мэром, но 175 тыс. голосов, собранных Н. Томасом, показали степень недовольства ньюйоркцев. Роль ФДР была явно неблаговидной и вызвала серьезную тревогу честных людей. Не говоря о статьях, пронизанных духом партийных распрей, общественное мнение все же склонялось к тому, что банде Таммани вольготно живется в штате Нью-Йорк. Тогда ФДР избрал поразительный путь: он стал всячески пропагандировать себя как ревностного защитника американской демократии!

Одному из своих друзей, на которого не произвела впечатления эта аргументация, ФДР писал: речь идет вовсе не об отношениях между Таммани и губернатором, «все сводится к разнице между сохранением конституционного правления и политической кампанией. Более того, речь идет об охране конституционного правления»[6]. Применение крупнокалиберной артиллерии из политического арсенала по мелкой, на первый взгляд, цели — критерий важности, которую придавал ФДР кампании против коррупции Таммани.

Рузвельт всегда учил своих единомышленников не принимать боя на позициях, предложенных противником. Если недруги били по чувствительным местам, лучше умолчать об этих ударах, как бы болезненны они ни были, а проявлять инициативу в других вопросах. Требования расследования коррупции Таммани, отравлявшие жизнь ФДР все годы пре-

бывания в Олбани, были дополнительным аргументом в его глазах в пользу смелого проведения прогрессивной программы в делах штата. Только так можно было укрепить плацдарм для штурма Белого дома и парализовать вполне обоснованные обвинения в потворстве преступникам Таммани. Короче говоря, цель оправдывала средства. Так думал он.

IV

Не личные усилия Ф. Рузвельта, а обстановка в Соединенных Штатах в 1929—1932 годах определила громкое звучание его дел в штате. Он начал работать под безмятежным небом «просперити», выдвинув обычные либеральные пожелания — улучшить там-то, обратить внимание на то-то и т. д. Единственным обширным проектом было предложение об использовании энергетических ресурсов реки Святого Лаврентия, по которой проходит граница штата. Хотя проблема, на первый взгляд, была чисто техническая, ФДР рассматривал ее как необычайно важную социально. На последнее обстоятельство, по-видимому, впервые обратил его внимание профессор Гарвардского университета Ф. Франкфуртер, впоследствии один из наиболее влиятельных советников Рузвельта. Монополии, снабжавшие страну электроэнергией, жесточайшим образом грабили потребителей, установив абсурдные тарифы.

Рузвельт предложил использовать энергетические ресурсы реки Святого Лаврентия так: гидростанция принадлежит государству, а передачу и отпуск электроэнергии производят частные компании. «Одним из наиболее веских аргументов в пользу развития ресурсов федеральными властями или штатом,— говорил он,— является то, что в этом случае всегда будет критерий для определения стоимости производства электроэнергии». Рузвельт напомнил, что государству принадлежали всего три крупных источника, где можно было вырабатывать гидроэнергию, — река Святого Лаврентия, Маскл-Шоалз и Болдер Дэм. «Если мы в Соединенных Штатах утратим полностью контроль над энергией, тогда последует наступление на другие свободы».

Предвидя неизбежные обвинения в «неамериканском» образе мыслей, ФДР счел необходимым подчеркнуть: тех, кто выступает за развитие энергетики государством, «не следует поносить как большевиков или опасных радикалов, в конце концов они стремятся лишь вернуться к древнейшим принципам и защитить разумные потребности обычного человека». Усилия ФДР не увенчались успехом — монополии горой встали против

его проекта. Трудности нарастали с каждым днем. Ни губернатор, ни президент Рузвельт так и не смог сдвинуть дело с мертвой точки. Лишь в 1954 году началось практическое использование гидроэнергии реки Святого Лаврентия, разумеется, совершенно по-иному, чем планировал Рузвельт.

Борьба ФДР по этому специальному вопросу полностью соответствовала его давним взглядам на необходимость всемерного сохранения естественных ресурсов страны. «В широком плане, — говорил Ф. Рузвельт в 1931 году, — задача сохранения и защиты наших подлинных богатств — будь то материальные ценности, здоровье людей или их счастье — настолько обширна, что целиком и полностью должна поглощать функции правительства». В Олбани Рузвельт пытался быть губернатором-строителем. Он сумел провести через легислатуру очень ограниченный закон, дававший возможность штату за небольшую плату продавать участки земли городским беднякам. Цель этой утопической меры, давшей ничтожные результаты, заключалась в том, чтобы выселить бедноту из города.

В 1931 году он добился поправки к конституции штата — ассигновывалось 19 млн. долл. на приобретение властями штата истощенных и заброшенных земель для лесопосадок. Разумные начинания не могли не укрепить репутацию ФДР как рачительного хозяина вверенной ему собственности штата. Тем не менее ему на каждом шагу приходилось отводить обвинения в «опасном радикализме».

За несколько дней до вступления в должность губернатора, в конце декабря 1928 года, Рузвельт внушал на пресс-конференции: «Я считаю, что в будущем государство — а когда я говорю «государство», я не имею в виду только штат Нью-Йорк, — будет играть значительно бо́льшую роль в жизни граждан. Здравоохранение, на мой взгляд, является заботой государства, и я думаю, что его деятельность будет расширяться в интересах обеспечения всеобщего блага. Государство несет ответственность за обучение детей своих граждан. Тогда почему не делать это хорошо? Некоторые заявят, что это социализм. Мой ответ им — это социальные, но не социалистические меры».

Обычно не принято говорить о философских воззрениях Ф. Рузвельта, он, естественно, не был философом в академическом смысле, но совокупность его взглядов, высказанных к концу 20-х годов, говорит о довольно стройной концепции, центральное место в которой занимало соотношение эволюции и революции. Еще в 1926 году в лекции в академии Милтона он настаивал, что изменения неизбежны в любом обществе, беспокойство в нем — «признак здоровья», а социальные беспоряд-

ки вызываются в равной степени «теми, кто боится изменений, и теми, кто стремится к революции». Опасность для США заключалась не в радикализме, а в «слишком длительном периоде бездействия или в господстве реакции».

Речь по случаю национального праздника 4 июля 1929 г. Ф. Рузвельт посвятил тогдашнему состоянию Соединенных Штатов. Республиканцы, не предвидя близкого исхода «просперити», на все лады превозносили благодеяния большого бизнеса. ФДР был настроен не только скептически. «Есть все основания спросить, — говорил он, — не находимся ли мы перед лицом опасности возвращения к временам троглодитов, возникновения новой феодальной системы, создания такого высокоцентрализованного контроля со стороны промышленников, что нам потребуется принять новую декларацию независимости?» Если американцы, подобно их предкам в период войны за независимость, не поднимутся против «нового экономического феодализма», то в конечном счете собственность сосредоточится в руках немногих, а «преобладающее большинство народа окажется рабами». К счастью, добавил ФДР, народ США имеет возможность отстаивать свои права «скорее избирательными бюллетенями, чем мушкетами». Речь получила очень большой резонанс в стране, на нее неоднократно ссылались ораторы-демократы если не как на евангелие партии, то, во всяком случае, как на символ веры ФДР.

Когда в середине 1930 года один конгрессмен в публичном выступлении вновь обратился к этой речи, ФДР в письме к нему разъяснил: «Нет никакого сомнения.., что коммунистические идеи наберут силу по всей стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии. Я знаю, что вы согласитесь со мной в том, что в США перед нами стоит не только опасность коммунизма, но равная опасность концентрации всей экономической и политической власти в руках тех, кого древние греки называли олигархией»[7].

Пока продолжались «нормальные времена» — беспрецедентный рост американской экономики 20-х годов, ФДР мог только взывать к совести монополистов. Но то был глас вопиющего в пустыне.

V

Несмотря на многочисленные предсказания Ф. Рузвельта о неизбежности краха спекулятивного бума, он, как и другие, был захвачен врасплох, когда разразился кризис 1929—1933 го-

дов. Слова политика ФДР в адрес ростовщиков и менял всегда были жесткими, но дела губернатора Рузвельта далеко не соответствовали им. Из Олбани никогда не выходило официальных предостережений против бесчестных махинаций Уоллстрита, власти штата не сделали ничего, чтобы обуздать разгул спекуляции на нью-йоркской бирже, хотя регулирование дел денежного рынка прямо входило в компетенцию штата.

В середине октября 1929 года резко упал курс акций на нью-йоркской бирже. 24 октября, в «черный четверг», было продано за день 12,9 млн. акций, крах был отсрочен на несколько дней поспешно созданным пулом крупнейших финансистов во главе с Морганом, но во вторник, 29 октября, на бирже было продано 16 млн. акций. За месяц стоимость акций уменьшилась почти на 16 млрд. долл., что повлекло разорение многих тысяч мелких и средних вкладчиков, втянутых в спекуляции.

Вместе с другими американскими лидерами Ф. Рузвельт далеко не сразу понял размах катастрофы. Он, как и Г. Гувер, полагал, что происходит временный спад, вызванный безрассудными спекуляциями. На следующий день после «черного четверга» ФДР телеграфировал нью-йоркской газете из Уорм-Спрингса: «Я не знаю подробностей, но твердо убежден, что промышленность и торговля в основном здоровы». Кризис все же нарастал, по всей стране закрывались предприятия, увеличивалось число безработных. ФДР, однако, не усматривал в этом чрезвычайного положения. В ответ на призыв Г. Гувера в конце ноября к губернаторам расширить общественные работы он сообщал, что в штате Нью-Йорк осуществляется программа строительства больниц и тюрем, «размеры ее ограничиваются только возможными поступлениями без увеличения налогов». И все.

Принимая бразды правления, Г. Гувер обещал покончить с бедностью в стране. Зимой 1929/30 года наступил второй год «ликвидации бедности» — свыше 4 млн. американцев оказались без работы.

В то время в Соединенных Штатах не было никакого социального законодательства. Безработный мог рассчитывать только на себя. Тысячи и тысячи обездоленных людей безуспешно искали работу, а занятые зачастую неполную неделю с ужасом думали о будущем. Ежедневно новые отряды пополняли ряды безработных. Частная благотворительность, подачки богачей были каплей в море, они скорее раздражали, приводили в бешенство.

Правительство пока шло по самому легкому, как представлялось в Вашингтоне, пути: не понимая причин кризиса и не видя возможностей преодолеть его, министры чуть ли не каждую

неделю коллективио или индивидуальио выступали с успокаивающими заявлеииями. Оии уподоблялись средневековым астрологам, точность предсказаний которых опровергалась жизиью.

Весиой 1930 года появились первые грозиые призиаки всеобщего иедовольства. 6 марта с лозунгами компартии иа улицы городов вышло почти 1,5 млн. демоистрантов, требовавших работы и хлеба. Полиция жесточайшим образом расправилась с иимн. Нью-Йорк, штат прогрессивиого губериатора Ф. Рузвельта, ие был нсключеиием. Здесь 35 тыс. демоистраитов выслушали речи ораторов-коммунистов иа Юиион-сквер. У. Фостер призвал их пойтн к городской ратуше. Демоистрация двинулась, и в зтот момеит полиция обрушилась иа иее. Корреспондеит «Нью-Йорк таймс» писал: полицейские действовали дубинками н кистеиями, «раздавались вопли мужчин и жеицин с окровавленными лицами н головами. Полицеские избивали десятки людей, сбитых с иог».

Полиция очистила улицы от демоистрантов, ио причины иедовольства нельзя было устранить дубинками и кистенями. Белый дом оцеиивал падеиие занятости к весие 1930 года в 9 процеитов, в Олбани твердо зиали, что зто фальсификация. Данные, собранные Ф. Перкинс по поручеиию ФДР, показали — 15 процеитов. Количество лиц, обращавшихся за помощью, возросло в два раза, тысячи бездомных переполняли иочлежные дома, громадные очереди выстраивались за бесплатиой тарелкой супа в благотворительиых учреждеииях. Власти города разрешили бездомным иочевать на баржах, швартовавшихся в ньо-йоркском порту. Росла нищета, а вместе с ией отчаяние. Через полгода после иачала кризиса ФДР был иастроеи по-иному, чем осеиью 1929 года. «Обстановка серьезиая, — призиал ои в коице марта 1930 года, — для иас пришло время хладнокровио и конструктивио подойтн к иеи, подобио учеиому, разглядывающему пробирку со смертоиосиыми бактериями, стремящемуся поняъ, во-первых, их характер, соотиошеиие причин и следствий и, накоиец, пути победы иад иими и технику предотвращения приносимых ими иесчастий».

Губериатор Рузвельт был все еще склоиеи рассматривать несчастье, обрушившееся иа страну, как сезонное колебание. Ои отдал указаиие властям штата всеми мерами способствовать повышеиию занятости, упорядочить помощь, а также создал первую в США комиссию в целях изучеиия методов ликвидации сезонных колебаний в занятости. Через легислатуру был проведеи закои, ограничивающий вмешательство судов в трудовые коифликты, и одобреиы иекоторые меры, смягчавшие зксплуатацию. Ои публично выступил за введеиие пособий по безработи-

це. В совокупности все это было очень скромно, но губернатор Рузвельт действовал, в то время как подавляющее большинство лидеров пребывало в прострации. Штат Нью-Йорк становился примером для страны.

Политические комментаторы подчеркивали, что перед демократами открылись блистательные возможности. Но, как писал трезвый публицист Уильям Аллен Уайт, считавшийся совестью либералов, «для вас, демократы, наступили великие дни, однако не будьте слишком уверены. Если старый бриг выровняется на следующий год либо в результате искусного управления, либо из-за изменения ветров и волн, народ забудет, что он когда-то лежал на боку. Но я боюсь одного: если корабль не выпрямится, экипаж выскочит и выбросит за борт всю офицерскую толпу в расшитых мундирах — демократов, республиканцев, решительно всех». ФДР целиком и полностью был согласен с этим анализом.

Одному ортодоксальному экономисту, который дал губернатору Рузвельту академически бесстрастный совет: единственная надежда побудить страну к изменениям — подождать, пока государственный корабль прочно сядет на мель, — ФДР холодно ответил: «Люди не скоты, вы должны это знать!» В личной переписке в конце 1930 года он откровенно признал: «У меня нет никаких сомнений в том, что для страны пришло время на целое поколение стать радикальной. История показывает, что там, где это случается, нации избавлены от революции».

Радикализм губернатора имперского штата возрастал прямо пропорционально развитию кризиса. Все чаще и чаще он обрушивается публично на недостатки американской экономической системы, к пониманию которых пробудил кризис. Его выступления были созвучны настроениям масс, а политически были просто необходимы. ФДР отвоевывал себе не иллюзорную славу трибуна, а преследовал реальную цель — переизбрание его губернатором. Обращение к общим экономическим проблемам было чрезвычайно важно также и потому, что на выборах 1930 года республиканцы сосредоточили все внимание на коррупции в Нью-Йорк-Сити.

Их кандидат в губернаторы — прокурор южного района города Ч. Таттл, собственно, и прославил себя борьбой со взяточниками и казнокрадами. По мере развертывания кампании Таттл делал все новые открытия. Оказалось, что Таммани открыто торговала должностями судей. Один из нью-йоркских судей получил из неизвестного источника 190 тыс. долл., другой получил взятку в 30 тыс. долл. от гангстера, третий, когда занялись им, таинственно исчез и никогда не был найден и т. д.,

и т. п. Таттл гневно вопрошал: «Почему бездействует губернатор, почему он вооружает расследователей только деревянным мечом?»

Рузвельт сначала вел кампанию так, как будто коррупции не существовало. По мере того как нарастали всецело обоснованные обвинения, ФДР сообщил: «Я дам мистеру Таттлу время рассказать ньюйоркцам все, что он знает о Таммани. Я сам либерал. Возможно, для рассказа ему потребуется два часа. Я даю ему две недели. К тому времени, я уверен, штат будет готов выслушать, что действительно стоит в центре кампании».

Тем временем ФДР умело пропагандировал свои достижения как губернатора. Одной из первых звуковых кинокартин, выпущенных в США, был фильм «Что сделал Рузвельт», где с кинематографическими преувеличениями рассказывалось о его трудах на благо штата Нью-Йорк. Летом 1930 года фильм вышел на экраны. ФДР все чаще выступал по радио. В начале октября представители 22 страховых компаний присутствовали на обследовании врачами физического состояния ФДР. В 48 лет Рузвельт был здоров, как 30-летний мужчина, страховые компании выдали ему полисы на 560 тыс. долл., а если бы он захотел — были готовы увеличить сумму до 1 млн. долл. Обычно страховые полисы одному лицу не превышали 50 тыс. долл. В Вашингтоне по достоинству оценили его силы. В штат Нью-Йорк отправились государственный секретарь Г. Стимсон, заместитель министра финансов О. Миллс и военный министр П. Харли. Президент поручил им сокрушить губернатора. Пилигримы из Вашингтона поддержали кампанию Таттла по обвинению ФДР в потворстве коррупции Таммани.

1 ноября ФДР в речи в Карнеги-холл нанес решительный удар. Момент был чрезвычайно уместным — в президиуме собрания находилось все руководство Таммани, что не могло не подогревать пыла ФДР на трибуне. Он начал с того, что обвинил правительство в попытке скрыть неудачи собственной внутренней политики, представив в извращенном свете обстановку в Нью-Йорке. Больше того, Вашингтон стремился уверить жителей города, что нельзя доверять большей части из 220 судей. «Если есть нечестные судьи в наших судах, — заверил ФДР, — они будут уволены. Они будут уволены... не судом печати, а судом закона».

Рузвельт издевательски отозвался о вашингтонском трио, явившемся в Нью-Йорк, не зная проблем штата. «Однако они и их партия, нынешняя национальная администрация, два года назад просили голоса жителей штата, давая различные обещания. Они изображали себя создателями благополучия

в стране... При них благосостояние всегда было и будет. Бедность — на пути к уничтожению. Мне нет необходимости говорить вам, насколько лживыми оказались их обещания и предсказания. Нет необходимости указывать вам на то, что, к сожалению, испытали каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок в стране. Я говорю этим джентльменам: мы будем благодарны вам, если вы вернетесь к своим делам в Вашингтоне и посвятите свои усилия разрешению проблем, терзающих всю страну при вашей администрации. Будьте уверены, мы-то в имперском штате сумеем сами позаботиться о себе»[8].

Гром аплодисментов. Особенно неистовствовали лидеры Таммани. ФДР оправдал их самые смелые надежды.

Выборы 1930 года явились крупной вехой в политической истории штата — Ф. Рузвельт был переизбран большинством в 725 тыс. голосов. Хотя республиканцы понесли серьезное поражение по всей стране, их поражение в имперском штате было катастрофой.

«НОВЫЙ КУРС» — КРАТЧАЙШАЯ ДОРОГА В БЕЛЫЙ ДОМ

I

Холодной кризисной зимой 1930/31 года положение становилось отчаянным: безработных до десяти миллионов, а за каждым — семья. В эти времена прилагательное «безработный» обрело плоть и превратилось в существительное. Десятки миллионов обездоленных людей. Нет слов, чтобы описать их бедствия. Послушаем сверхреспектабельного в США историка А. Шлезингера, который едва ли заинтересован в сгущении красок: «И вот поиски работы — сначала энергичные и с надеждой, затем мрачные, потом отчаянные. Длинные очереди перед конторами по найму, глаза, напряженно ищущие слов надежды на меловых досках, бесконечный обход предприятий, ожидание целыми ночами, чтобы первому получить работу, если она будет утром. И неумолимые слова, короткие, безликие, скрывающие страх: «Рабочие не нужны...», «Нам не нужен никто...», «Проходи, Мак, проходи...»

Поиски продолжаются, одежда превращается в лохмотья, обувь расползается. Газета под рубашкой спасает от мороза, картон утепляет стельку, рогожа, намотанная на ступни, облегчает долгие часы стояния у фабричных ворот. А тем временем сбережения семьи тают. Отец растерял свою бодрость, он многие часы проводит дома, раздраженный, виноватый... Мясо исчезает со стола, лярд заменяет масло, отец выходит на улицу все реже, он ужасно тих... Тени сгущаются в темных, холодных комнатах, отец зол, беспомощен и полон стыда, исхудавшие дети все чаще болеют, а мать, бодрящаяся днем, тихо льет слезы в подушку по ночам»[1].

На окраинах городов вырастали ужасающие поселки—"гувервилли". В жалких лачугах, построенных из ящиков и всякого хлама, в кузовах старых автомашин ютились безработные с семьями. Их согревали «одеяла Гувера» — кипы старых газет, они носили за плечами котомки — «сумки Гувера», вывернутые пустые карманы — «флаги Гувера». Изможденные люди рылись на свалках и в мусорных ящиках, с затаенным гневом или безучастно просили подаяние. Пойманные на краже продо-

вольствия, цедили сквозь зубы: «Мы — свиньи Гувера». Иной раз бездомные толпились у ворот тюрем, умоляя о ночлеге. Дети падали в обморок на уроках от недоедания, отчаявшиеся кончали жизнь самоубийством. Для усопших по собственной воле тогда был изобретен термин «самоубийство из альтруизма», они не хотели быть бременем для общества.

И бок о бок с голодающей Америкой жило другое общество — по-прежнему по улицам проносились сверкающие машины, магазины ломились от товаров. Бизнес, конечно, не процветал, газеты были полны сообщениями о банкротствах, но имущие классы не несли сокрушительных тягот. Они не испытывали материальных лишений, хотя страх заползал и в дома правящей элиты. Страна погрузилась в мрачное ожидание. Правительство бездействовало, «великий инженер» Г. Гувер явно потерпел банкротство.

Губернатор Ф. Рузвельт в первый день вторичного вступления в должность начал действовать. Он отказался от обычной помпы, сопровождавшей избрание, — иллюминации, плакатов и т. д. Церемония обошлась в 3500 долл. вместо 21 тыс. долл. Сэкономленные деньги были переданы на общественные работы. Все органы штата получили строжайшее указание ФДР — экономить. Но то была только капля в море.

2 марта 1931 г. колонна безработных, участников «голодного похода», вступила в Олбани. Это были не законопослушные, абстрактные американцы, поклоняющиеся великим теням отцов-основателей республики. В столицу штата пришел народ. Оборванные, голодные люди не просили, а требовали. Они прорвались в здание легислатуры и заявили: немедленно работы и хлеба. Впервые под сводами старинного зала звучали голоса простого люда. Оторопевшие сначала власти штата быстро опомнились — полиция набросилась на демонстрантов, избивая людей направо и налево. Многие были задержаны, 18 раненых отправлены в больницу.

Поход на Олбани был одним из многих. Столицы штатов и сам Вашингтон становились ареной «голодных походов». Массы, очевидно, теряли терпение. Уильям Аллен Уайт несомненно был прав с классовой позиции буржуа, когда в 1931 году писал: «Эффективная помощь властей безработным — единственный способ избежать баррикад и применения силы будущей зимой, что озлобит рабочих Америки и сделает их революционными на целое поколение». ФДР, несомненно, разделял такую точку зрения. Он часто повторял известное изречение Маколея: «Если вы хотите уцелеть — проводите реформы». Движение безработных, приобретавшее постепенно организованный характер

и выходившее за рамки буржуазиой закоииости, подсказывало, где должны быть проведеиы реформы.

В коице марта 1931 года ФДР рекомеидовал легислатуре создать комиссию по изучению вопроса о введении страхования по безработице. Вновь на Рузвельта посыпались обвинеиия в социализме.

28 августа 1931 г. легислатура собралась иа чрезвычайную сессию. ФДР огласил иа ией послаиие, тщательио подготовлявшееся несколько месяцев. В ием излагались основы его социальной философии, практически вся аргумеитация, которой пользовался президеит Ф. Рузвельт, обосиовывая иеобходимость реформ. «Что представляет собой государство? — говорил ФДР. — Это должным образом учрежденный орган, представляющий организованиое общество человеческих существ, созданное ими для взаимной защиты и благосостояиия. «Государство» или «правительство» — это только аппарат, посредством которого достигается такая взаимиая помощь и защита. Пещерный человек боролся за существование в таких условиях, когда другие люди не только не помогали ему, ио даже выступали против иего. Однако теперь самый скромный граждании нашего государства находится под защитой всей мощи и силы своего правительства... Долг государства по отношению к гражданам является долгом слуги по отношению к своему хозяину...

Одна из обязанностей государства заключается в заботе о гражданах, оказавшихся жертвами неблагоприятных обстоятельств, лишивших их возможности получить даже самое иеобходимое для существования без помощи других. Эта обязаниость призиается в каждой цивилизованиой стране...

Помощь этим несчастным гражданам должна быть предоставлеиа правительством ие в форме милостыни, а в порядке выполнения общественного долга»[2].

Ф. Рузвельт предложил создать времеиную чрезвычайную администрацию помощи в штате Нью-Йорк, ассигиовав на нее 20 млн. долл. Средства изыскивались повышением на 50 процентов подоходного налога в штате. Предложения ФДР были приняты, и возиикла TERA (сокращеиио от английского Temporary Emergency Relief Administration). Первым председателем TERA был назиачен Дж. Страус, а когда ои вскоре ушел в отставку, организацию возглавил Г. Гопкинс, его заместитель. Гопкинс проявил громадную инициативу, TERA работала гладко, а главиое — Гопкинс быстро разглядел основные черты руководства ФДР: подчиненный получал задачу, ио при выполнении ее ему предоставлялась почти иеограниченная самостоятельность.

Названне TERA замелькало на страницах газет. Скоро почтн 10 процентов населения штата Нью-Йорк получали от нее помощь. Конечно, она была мизерной — в среднем по 23 долл. на семью в месяц, но эти деньгн спасали от голодной смерти. И все познается в сравнении — благотворнтельные органнзацин в других штатах выделялн на семью 2–3 долл. в месяц. Ньюйоркцы моглн почитать себя богачамн среди нищих. В последующне шесть лет TERA оказала помощь 5 млн. жителей штата, нстратив 1155 млн. долл.

Шнрокая, по крнзнсной мерке, помощь в штате Нью-Йорк, оглушительная реклама, которую постарался создать ей ФДР, властно действовали на умы Америкн. Рядовой человек не мог не протнвопоставить распорядительность губернатора бездействию федеральных властей. Рузвельт тем временем повторял, что помощь нужна в масштабах всей страны. Он выступал на совещаниях губернаторов штатов, перед корреспондентами н просто беседовал с прнезжавшими в Олбанн. Если штат Нью-Йорк не стал Меккой социального законодательства, то по крайней мере прнобрел репутацию нсследовательской лабораторнн.

II

Ф. Рузвельт сохранял загадочность сфинкса, стоило завести речь о выдвнженнн его кандидатом в президенты. Но с января 1931 года во всю снлу н по всей стране развернулась кампания в его пользу. Внешне дело представлялось так, что об этом хлопочут почитателн н обожателн ФДР, в действнтельностн он сам нз-за кулнс руководил стихийной волной энтузназма, цепко держа в руках рычагн добровольной кампании. Чтобы не встревожить преждевременно политических завнстннков н конкурентов, ФДР указывал, что остается в силе его заявленне в конце 1930 года: «Я нн о чем не думаю, кроме исполнения обязанностей губернатора. Я повторяю это, с тем чтобы не было ннкаких недоразуменнй. Это относится к выдвнжению меня любым кандидатом — национальным илн иным на выборах 1932 года». Поверилн почтн все, даже нскушенные редакторы «Нью-Йорк таймс».

Тем временем по всей стране, как по мановению волшебного жезла, сталн возникать совершенно новые в американской политнческой жнзнн органнзацин — «Друзья Рузвельта». Их члены страстно пропагандировалн деяния губернатора штата Нью-Йорк, требуя выбрать его президентом. Штаб-квартнра бескорыстных добровольцев поместилась на седьмом этаже

дома № 331 по Мэдисон-авеию в Нью-Йорке. Помещеиие снял Л. Хоу, который организовал здесь центр по агитации за любимого ФДР. Нанятые служащие, в осиовном жеищины, трепетали при виде Хоу. Он рвал и метал, установив в конторе потогонную систему работы: страну должен иаводнить поток материалов о ФДР. По миению Хоу, даже сам ФДР был недостаточно активеи, он позволял себе иногда отдыхать. Потрясеииые сотрудницы слышали, как Луи орал по телефону губернатору, собиравшемуся ехать купаться: «Езжай, проклятый! И молю бога, чтобы ты утонул!»

Энтузиазм, как известно, требует резкого иапряжения сил и без возиаграждеиия быстро спадает. «Друзья Рузвельта» требовали денег и деиег. Помощники ФДР ие видели в этом ничего необычного, политическое рвение в Соединенных Штатах обычно хорошо оплачено, а тот, кто платит, не филантроп, а инвестор, ожидающий сорвать жирный куш с вложенной суммы. Миогие представители большого бизиеса щедро финансировали «Друзей Рузвельта». Среди тех, кто дал свыше 2 тыс. долл., были Дж. Герард, Дж. Кеннеди, Г. Лимен, Г. Моргеитау-старший, Л. Штейнгардт, Ф. Уокер, У. Вудин. Эти имена иеразрывно связаны с администрацией Ф. Рузвельта...

Помимо Хоу организационные функции взяли на себя Дж. Фарли и Э. Флинн. Они добились поддержки Рузвельта бывшими членами правительства В. Вильсоиа. Престарелый полковник Хауз был очарован губернатором штата Нью-Йорк и употребил свое значительное влияние для вербовки новых сторонников. К марту 1931 года от штата Массачусетс до штата Вашингтои иасчитывалось около 50 клубов «Друзей Рузвельта». Летом 1931 года Фарли объездил почти всю страну, выясияя, что нужно еще сделать для дальнейшей популяризации магического имеии Рузвельта. Он нашел, что буквально повсюду политический климат благоприятен. Народ недоволен Гувером, местиые демократические организации, уставшие проигрывать национальные выборы, трепетно надеются, что Рузвельт принесет победу, а с ней и выгоды правящей партии. Завершая поездку, Фарли коифидеициально сообщил ФДР: по возвращении в Нью-Йорк он готов сделать столь восторженное заявление, что «те, кто прочитает его, решат, что я кандидат в сумасшедший дом». Заявлеиие по понятным причинам не появилось — без того хлопот хватало.

Взбунтовался А. Смит. Он давио с завистью следил за ростом своего преемника в Олбани. В 1931 году, когда попытались прозондировать его отношение к ФДР, Смит взорвался. Он вскочил и, топая иогами, закричал: «Черт возьми, с тех пор

как он стал губернатором, он не консультировался со мной! Он следовал дурным советам нз враждебных мне источников. Он игнорнровал меня!..» Кульминационным пунктом враждебности Смита было его заявление, что он собирается выдвинуть свою кандидатуру в президенты. Хотя после провала в 1928 году он не нмел шансов на успех, тем не менее раскол голосов на конвенте партии был бы возможен. Сторонники Смита, а их оставалось немало, открыли злобную кампанию под лозунгом «Остановить Рузвельта!»

На рубеже 1931 н 1932 годов могущественный газетный король У. Херст высказался за нзбрание президентом того, кто во главу угла поставнт: «Америка прежде всего!» Херстовскне газеты напомнилн, что Ф. Рузвельт в 1919–1920 годах ратовал за вступленне в Лнгу Наций н поэтому не подходнт как кандидат в президенты. Еслн Смитом двигалн главным образом личные мотивы н его все же можно было победить на конвенте, то бороться с Херстом было значительно труднее. Он считался принадлежащим к демократической партии. Его газеты читалн миллионы амернканцев: в бесчисленных статьях херстовская печать доказывала, что тяжесть кризиса объясняется тем, что должннкн США — державы Антанты периода первой мировой войны — не платят долгов Соединенным Штатам. ФДР не мог больше молчать, нужно было высказаться. В случае промедления вся подготовительная работа пойдет прахом.

22 января 1932 г. Ф. Рузвельт официально заявил, что он выставляет свою кандидатуру на пост президента. И сразу сталн нагромождаться трудностн.

III

В конце января 1932 года Ф. Рузвельт через посредника попытался убедить У. Херста поддержать его. Он доверительно сообщил газетному магнату, что теперь стоит против любой связн Соединенных Штатов с Лигой Наций. 31 января херстовская «Нью-Йорк америкэн» опубликовала ответ: «Если мистер Рузвельт хочет сделать заявленне, что н он не интернационалист, то должен сказать это всем публично, а не частным образом только мне... Он должен публично заявить, что изменил свое мнение н теперь стоит за сохранение нашей национальной независнмости, завоеванной нашнми предками, что теперь он против вступления в Лигу Наций илн Международный Суд... Если он не хочет публично высказать свое мненне, потому что боится нанестн вред своей кандидатуре, тогда, конечно, он не нмеет

мужества, в то же время если частным порядком он хочет быть хорошим — и нашим и вашим, точнее, хорошим для одних и Иудой для других, — тогда, конечно, он недостоин ни общественного, ни личного доверия»[3]. Херст указал, что в президенты годится Дж. Гарнер, уроженец Юга, лидер демократов в палате представителей.

Примерно в это время за ФДР взялся и У. Липпман. Он напечатал в «Нью-Йорк геральд трибюн» серию статей, выразив настроения либералов. По мнению видного публициста, ФДР достаточно доказал умение уклоняться от точных заявлений, ибо он «принадлежит к новой, послевоенной школе политиков, которые не считают необходимым формулировать свои взгляды, если только их к этому не вынудят». Куда склонялся ФДР — влево или вправо, честно сознался Липпман, он определить не мог. «Дело в том, — извинялся публицист, — что Франклин Д. Рузвельт в высшей степени импульсивный деятель, без твердой хватки в государственных делах и без глубоких убеждений... Он приятный человек, со склонностью к филантропии, однако вовсе не опасный враг чего-либо. Он слишком любит быть приятным... Франклин Д. Рузвельт вовсе не крестоносец. Он не народный трибун. Он не враг людей богатства. Он просто приятный человек, который, не имея на то данных, очень хотел бы стать президентом»[4].

Выступления партийного коллеги Херста и собрата либерала Липпмана были очень неприятны. ФДР не мог ничего придумать. Газетам вольно писать все, что вздумается! Фарли дал конструктивный совет: не читать гадких статей Липпмана по утрам, чтобы не портить настроения на весь день, а оставлять их на вечер. Рузвельт сознался, что он своим умом уже дошел до этого, «в результате сегодня утром я встал разбитым, всю ночь не смог сомкнуть глаз». Для прессы Херста домашние средства не подходили. Впервые с 1920 года ФДР пришлось обратиться к внешней политике.

2 февраля, выступая в Нью-Йорке, Рузвельт ответил Херсту. Он со всех точек зрения проанализировал деятельность Лиги, которая «стала местом для политического обсуждения исключительно европейских национальных трудностей. В этих обсуждениях США не должны принимать участие... Я против вступления Америки в Лигу Наций». Коснувшись проблемы союзнических долгов (в связи с кризисом европейские должники прекратили выплату долгов США), ФДР строго заметил: «Европа должна нам. Мы ей не должны. Поэтому мы должны созвать конференцию должников у нас, а не в Европе и потребовать соглашения». В заключение своей речи он сказал: «Высший

идеал Америки требует, чтобы в строгом соответствии с принципами Вашингтона мы сохранили нашу свободу на международной арене и в то же время предложили руководство бедствующему человечеству»[5].

Перемена фронта вызвала небольшую бурю среди интернационалистов и уже немногочисленных почитателей В. Вильсона. Они не были очень опасны. Куда более важным было то, что Херст отныне поддерживал его кандидатуру. Внимание избирателей всецело занимало собственное бедственное положение, и Ф. Рузвельт решил вообще не касаться проблем внешней политики, если не считать общих фраз и обсуждения тарифов. Республиканцы также тщательно избегали затрагивать внешнюю политику. Лидеры обеих партий молчаливо соглашались, что заниматься внешними делами, когда налицо кризис, — непозволительная роскошь.

IV

Аналитическое мышление юриста Розенмана было бесконечно ценно для Рузвельта. Розенман тщательно взвесил все. Получалось неважно. Советники ФДР, работавшие в Олбани, неплохо разбирались в делах штата. Но предстояло завоевывать всю страну. Нужен был иной подход, если не качественный, то количественный, более широкий взгляд на национальные проблемы, а не со специфической точки зрения ньюйоркцев. Кандидату требовались обширные познания. Розенман не переоценивал ни себя, ни своих коллег. Конечно, они были опытными юристами-крючкотворами, владели софистикой, но что аргументировать, в чем суть? Собственное бессилие подсказало выход.

Как-то вечером он затеял необычный разговор с Рузвельтом. «Пришло вемя, — сказал Розенман, — собрать последние данные о бедах нашей экономики и выяснить, что делать с ней. Если бы вас выдвинули кандидатом завтра, а через десяток дней вам предстояло отправиться в предвыборное турне, положение оказалось бы необычайно трудным. У вас не было бы хорошо выработанной и продуманной положительной программы». ФДР не мог не согласиться, но кто может помочь советом?

Розенман решительно отверг промышленников, финансистов и политиков. «Все они, — убеждал он ФДР, — не смогли придумать ничего конструктивного, чтобы разобраться в нынешнем бедственном положении. Я думаю так: почему бы нам не обратиться в университеты? Вы уже получили немало полезного от профессоров. Я думаю, что они не испугаются наметить

иовые пути только потому, что эти пути иовы. Оии ие связаны рутиниым образом мышлеиия, а это, иа мой взгляд, самое важное»[6]. Итак, нужна иаука в лице ее коикретных иосителей — учеиых.

Рузвельт горячо ухватился за идею. Оии договорились о том, что профессоров предупредят о строжайшем соблюдеиии секретности; гласиость иа этом этапе может только повредить. Кроме того, им предстояло работать безвозмездно, едииствеииый побудительный мотив — быть свидетелем того, как любимые воздушные замки одеиутся в граиит, если ФДР будет избран. Для истиниого интеллектуала и ие нужно иного возиаграждеиия. Что касается выбора университета, то ближе всего был Колумбийский университет, куда и обратился Розеимаи, уже знавший там многих профессоров.

Организационную сторону работы группы взяли иа себя Розеиман и партнер ФДР по юридическим делам в 20-х годах О'Коннор. Интеллектуальным руководителем стал профессор уголовиого права и процесса Р. Моли, консервативный реалист по своим взглядам, ие упускавший ии одного случая, чтобы посмеяться иад сторонниками реформ — идеалистами. Моли иикогда не был способен оцеиить реализм идеалистов. Ои подобрал и остальиых члеиов группы. По проблемам сельского хозяйства советы давал профессор Р. Тагвелл; экспертом по денежному обращению и кредиту выступал профессор А. Берли. Эти пять человек, хотя оии постоянно привлекали и других специалистов, составили группу интеллектуальиых иаставииков кандидата. Сиачала оии шутливо именовали себя «тайным советом», затем за иими укрепилось название «мозгового треста», вошедшее в историю. Термин первоиачальио носил издевательский оттеиок. Его бросил Л. Хоу, крайие иеодобрительно отиосившийся к вторжеиию учеиых в жизнь дорогого подопечного.

Профессора Р. Тагвелл и А. Берли пришли в «мозговой трест» с относительио четкими идеями о причинах кризиса и способах их устранеиия. Тагвелл, которому в 1932 году шел сорок второй год, прошел обычную эволюцию либерала. В молодости ои верил в радикальиые идеи, в 20-х годах, оставив заблуждеиия юиости, стал присматриваться с позиций учеиого к функционированию американской промышленности и сельского хозяйства. Его возмущали хаос и бесплановость в экоиомике, единствениым светлым пятиом в истории ее был «социализм в Америке периода войиы», когда в 1917—1918 годах работало управлеиие воеииого производства. В 1927 году Тагвелл вместе с несколькими учеиыми-экоиомистами посетил Советский Союз. На иего произвела громадное впечатлеиие

советская плановая экономика. Сравнивая положение в СССР и США, он заключил: «Россия скорее осуществит цель — необходимое для всех, а не роскошь для немногих, чем наша собственная конкурентная система».

Он считал, что кризис в США — закономерный результат развития американской экономики, его нельзя смягчить, не внеся крутых изменений в методы правления в США. Будущее, писал он в 1932 году, за плановым хозяйством. «В России мы уже видим будущее, наше настоящее находится в жесточайшем контрасте с ним: американские политики, теоретики и богачи, кажется, нарочно сговорились спровоцировать бунт сверхтерпеливого народа». Он настаивал: «Мы можем приступить к экспериментам, и мы должны пойти на них, пока еще не поздно. В противном случае у нас наверняка разразится революция». Тагвелл был ее противником, подчеркивая: «Либералы хотят перестроить станции, не прекращая движения поездов. Радикалы хотят взорвать станции, остановив все движение, пока не будет сооружена новая транспортная система».

Если бы выбор стоял только так — коммунизм или свободное предпринимательство, писал он, «тогда экспериментатору решительно нечего было бы делать. К счастью, дело так не обстоит». Основным звеном в цепи реформ профессор считал восстановление покупательной способности, прежде всего фермеров, давно страдавших от «ножниц» цен между сельскохозяйственными и промышленными товарами. Все его рассуждения не выходили за рамки капиталистической системы, все его помыслы были направлены на то, чтобы укрепить ее. Иначе, понимал Тагвелл, капитализму не выстоять в соревновании с социализмом.

Тридцатишестилетний А. Берли усматривал главную беду Америки в чрезвычайно высокой концентрации в промышленности. По его подсчетам, 6 тыс. директоров различных компаний практически контролировали все производство в США. Это вело к застою: «система корпораций» немногим лучше феодализма, сковывавшего производительные силы общества. Берли сосредоточил внимание на социальных последствиях монополизации. По его мнению, крупные монополисты давно перестали заботиться только о выплате дивидендов и ведении хозяйства, они рвутся к власти, они «больше похожи на принцев и министров, чем на предпринимателей и торговцев». Их мотивы легче понять, изучая царствование Александра Македонского, чем экономические теории Адама Смита. Берли вовсе не был против крупного бизнеса как такового, но он считал, что князей экономики нужно поставить под контроль государства, ибо

бесконечная война в их среде, всех против всех, убийственная конкуренция ввергли страну в пучину кризиса.

Если не будут проведены эти реформы, писал Берли, «в течение сравнительно короткого времени, скажем, двадцати лет, американская и русская системы будут очень похожими друг на друга. Нет большой разницы, руководится ли вся экономика комитетом комиссаров или небольшой группой директоров». Он видел будущее для США в том, чтобы создать «чисто нейтральную технократию», ведущую экономику на основе «коллективизма без коммунизма». Только на этих путях капитализм может выжить в мире, где Советский Союз давал блистательный пример социалистических идей в действии.

С таким идейным багажом ученые явились в Олбани и разложили его перед ФДР. По нескольку раз в неделю в кабинете губернатора собирались члены «мозгового треста». Почти всегда засиживались до последнего поезда в Нью-Йорк, иногда за спорами пропускали поезд и оставались ночевать в Олбани. Процедура совещаний установилась как-то сама собой. Тагвелл и Берли выдвигали все новые и новые идеи. О'Коннор обрушивался на них с позиций здравого смысла. Розенман действовал в качестве адвоката дьявола, а Моли умело направлял дискуссию. Когда возникал какой-либо специальный вопрос, из Нью-Йорка привозили к обеду очередную жертву, и вот что происходило, по словам Р. Моли: «Беседа за столом была приятной, обычной и, как правило, бессодержательной. Но стоило нам перейти в кабинет рядом со столовой, как пустой болтовне приходил конец. Рузвельт, Сэм или я задавали вопрос приглашенному, и он подвергался тщательной (идейной) стрижке. Губернатор одновременно был учеником, прокурором и судьей. Он слушал гостя несколько минут с напряженным вниманием, а затем прерывал его вопросом, острота которого характерно маскировалась поистине анекдотичным согласием с точкой зрения говорившего. Конечно, спустя короткое время и мы все наседали на гостя. Однако точные вопросы Рузвельта были ударами вечернего метронома. Интервалы между ними все сокращались. Сами вопросы становились все более глубокими — верный показатель того, сколько он уже изучил на протяжении вечера. К полуночи, когда приходило время бежать на нью-йоркский поезд, Сэм, Док (О'Коннор) и я были в изнеможении, гость (который в большинстве случаев не понимал, что его выжали, как лимон) обычно выглядел порядочно измотанным, а губернатор, презрев дальнейшие вопросы, энергично высказывался по существу обсужденных проблем, резкими взмахами мундштука подчеркивал важнейшие положения»[7].

Члены «мозгового треста» были удовлетворены работой с Рузвельтом. Он оказался очень способным учеником, схватывал новые идеи на лету. Одно это уже достаточно вознаграждало профессоров за их самоотверженный труд. Им представлялось, что ФДР в целом разделяет высказанные ему мысли. Он быстро понял объяснения о разрыве между покупательной способностью масс и производительными способностями страны. Моли призывал положить конец «анархии концентрированной экономической власти, которая, подобно орудию, сорвавшемуся на фрегате во время бури, носится по палубе, сокрушая все на пути». ФДР согласился и с этим, как и с тем, что нельзя и думать о разукрупнении концернов. Однако, признает Тагвелл, «ткань политики, которую он разрабатывал, создавалась в соответствии с замыслом мастера, о котором мы не имели ни малейшего представления». «Мозговой трест» давал строительные материалы, архитектором оставался Ф. Рузвельт[8].

Боевое крещение идеи «мозгового треста», воспринятые Рузвельтом, получили в его речи по национальной радиосети 7 апреля 1932 г. Повод был малозначительным. Передачу организовала табачная фирма, рекламировавшая сигареты «Лаки страйк», но с годами эта десятиминутная речь стала знаменитой и вошла в хрестоматии: «Говорят, что Наполеон проиграл битву при Ватерлоо, ибо он забыл о своей пехоте — поставил все на более заметную, но менее важную кавалерию. Нынешняя администрация в Вашингтоне очень похожа на него. Она либо забыла, либо не хочет вспомнить о «пехоте» нашей экономической «армии». В переживаемые нами тяжелые времена нужны планы, базирующиеся на забытых, неорганизованных, но необходимых элементах экономической мощи, нужны планы, в которых возлагается надежда на забытого человека, находящегося в основе социальной пирамиды».

ФДР с громадной серьезностью предупредил: «Ни одна нация не может существовать, наполовину обанкротившись. Мейн-стрит, Бродвей, фабрики, рудники закроются, если половина покупателей не сможет покупать». Необходимо увеличить покупательную способность половины населения, особенно живущего в сельскохозяйственных районах; пресечь дальнейшее разорение и продажу с молотка ферм; расширить кредит фермам и мелким предпринимателям; снизить тарифы, чтобы сбывать излишки товаров в других странах. «Пришло время мужественно признать, что мы находимся в чрезвычайном положении, по крайней мере равном войне. Мобилизуемся, чтобы справиться с ним»[9].

Введение в американский политический лексикон термина «забытый человек» и апелляция к нему ФДР оказались мастер-

ским ударом. Пришел долгожданный национальный руководитель. Политические слепцы негодовали. «Я готов, — декларировал Смит, — бороться до последнего вздоха против кандидата, который демагогически призывает трудящиеся массы страны уничтожить ее, бросив класс против класса, богатых против бедных». Смит промахнулся, лишь немногие дубогрызы солидаризировались с ним.

Член национального комитета демократической партии А. Маллен писал ФДР 16 апреля: «Наши друзья, которые жалуются по поводу противопоставления класса классу, должны понять, что ныне настроение в стране таково, что против одного класса стоит вся масса народа. Те, кто думает, что южная часть Манхэттена (Уолл-стрит.— *Н. Я.*) может направлять политику Соединенных Штатов, превратно представляют настроение умов в наши дни. Простой человек в США считает, что так называемые капитаны промышленности несут главную ответственность за разразившуюся беду»[10].

V

Идейное обогащение кандидата шло в ногу с отлично поставленной организационной работой. О его поддержке на конвенте заявляли самые различные деятели партии — от крайне правых до либеральных. 60-летний К. Хэлл, сенатор от штата Теннесси, внес вклад, объединяя представителей южных штатов. Сенатор от штата Луизиана Х. Лонг, поклонявшийся идолу тоталитаризма, и отец Ч. Кофлин — священник-демагог из Детройта — превозносили появление сильного духом человека, в котором отчаянно нуждалась Америка. Как и следовало ожидать, Таммани колебалась, а ее босс Кэрн поддерживал Смита. Но ФДР мог полагаться на голоса делегатов северной части города, контролировавшиеся Флинном. На стороне Рузвельта твердо стояли те, кто считались «левыми» в конгрессе, — сенатор Б. Уиллер от штата Монтана, сенатор Дж. Норрис от штата Небраска, сенатор Р. Лафоллет от штата Висконсин, сенатор Э. Костиган и многие другие.

Деньги собирались из всех возможных источников, даже Сара Делано изъяла из основного капитала 5 тыс. долл. Она откровенно писала сыну: «Если тебя не выдвинут, я не запла́чу, но деньги будут истрачены зря!» Она не могла понять, что деньги нужны именно для того, чтобы добиться выдвижения на конвенте. Фарли и Хоу сильно издержались, первый рассылал бесчисленные письма, второй направлял каждому делегату конвента

подписанную Рузвельтом фотографию и пластинку «с обращением губернатора специально к вам». В Чикаго, где предстояло работать конвенту, Хоу и Фарли сняли помещение и начали там обработку делегатов. Фарли вывесил на стене большую карту США, на которой отмечал, кто и где стоит за ФДР; ее немедленно прозвали «картой фельдмаршала Фарли».

Делегаты поодиночке и группами приглашались Фарли на совещания. В комнате, где они происходили, были установлены микрофон и громкоговоритель; желающие могли связаться с ФДР. Он незримо был с ними. Рузвельт помнил многих по именам, справлялся об их здоровье и здоровье членов семьи и т. д., а также объяснял свою позицию по политическим проблемам. Неслыханное живое общение производило глубокое впечатление, особенно на приехавших из медвежьих углов.

27 июня конвент открылся. Была принята платформа демократической партии, написанная небезызвестным М. Пальмером при участии К. Хэлла и в соответствии со взглядами ФДР. В ней давались различные обещания, но делегаты не обсуждали ее долго, за исключением неистового одобрения той части, в которой предлагалось отменить «сухой закон». Они с нетерпением ждали 30 июня, на конвенте были выставлены кандидатуры 11 человек, в том числе Рузвельта, Смита, Гарнера, Бейкера. В 5 утра 1 июля начался первый тур голосования. ФДР получил 666 голосов, не добрав до двух третей немногим более 100 голосов. Последовали еще два тура, картина не изменилась. Хотя ближайший к нему кандидат — Смит имел всего 200 голосов, конвент оказался в тупике.

В 9 утра заседание закрылось. Фарли и Хоу в Чикаго, Розенман в Олбани были в отчаянии, ибо в таких случаях в США обычно появляется «темная лошадка» — компромиссный, бесцветный проходной кандидат. Казалось, что все погибло.

В Олбани Розенман был наполовину убежден, что время на составление речи, с которой ФДР намеревался выступить на конвенте, потрачено зря. Он провел ночь в губернаторском дворце. В маленькой комнате ни на минуту не выключалось радио, ФДР сидел рядом с телефоном, разговор с Чикаго почти не прерывался. Сара Делано и Элеонора также бодрствовали, в кресле крепко спал сын Эллиот Рузвельт, на диване дремали секретарши Мисси и Грейс Талли. В перерывах между телефонными звонками Рузвельт пытался написать концовку речи, ему это никак не удавалось. Да и сама речь была велика — она выходила за 30 минут, а ФДР к этому времени уже придерживался правила, которое до конца жизни почти не нарушал, не затруднять слушателей более получаса.

Измученный бессонной ночью Розенман ушел в другую комнату дописывать речь. В утомленном мозгу всплыли слова «новый курс»; Розенман написал последнюю фразу: «Я клянусь проводить новый курс для американского народа». Усталый ФДР, просмотрев заключительный абзац, одобрил его. «Я не имел ни малейшего представления, — пишет Розенман, — что эти слова получат такое распространение, как и губернатор, когда он прочитал и подправил написанное мной. Больше того, он не придал ни малейшего значения этим двум словам».

Американские историки провели тщательное исследование генезиса термина «новый курс». С большим разочарованием они констатировали, что он, скорее всего, заимствован из книги Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», которую хорошо знал и любил сам ФДР.

Утром 1 июля бледные и унылые ФДР и его близкие разошлись по спальням. Поспав несколько часов, они собрались у обеденного стола. Рузвельт попросил, чтобы стол отодвинули, иначе он не дотянется до телефона, не сменив свое обычное место. Внешне он ничем не выдавал волнения, спокойно объяснив, что не хочет «терять счастья, сев на другое место». Никто не поддержал шутки — семья и близкие хорошо знали: ФДР суеверен, придает значение многим приметам. Он, например, не любил, когда трое прикуривали сигареты от одной спички, положительно терялся, если видел тринадцать человек за столом, никогда не отправлялся в путь тринадцатого и т. д.

Зазвонил телефон. ФДР взял трубку, его лицо просветлело. «Прекрасно», — ответил он. Когда он повернулся к сидевшим за столом, перед ними был знакомый ФДР — веселый, бодрый. Мисси лукаво заметила: «ФД, вы похожи на кота, съевшего канарейку». Рузвельт улыбнулся и промолчал.

Фарли и Хоу в Чикаго выиграли отчаянный торг. Они добились от Херста, чтобы тот убедил Гарнера снять свою кандидатуру в пользу ФДР, взамен Гарнеру предложили пост вице-президента. Старый техасец Гарнер особенно и не рвался к власти, он любил председательствовать, с нетерпением ожидал отмены «сухого закона» и вовсе не стремился работать. Едва ли он когда-либо всерьез метил в президенты. Гарнер согласился, а ФДР просил передать: «Скажите губернатору, что босс — он, а мы все в случае необходимости пойдем за ним в ад, однако если он зайдет слишком далеко в осуществлении своих диких радикальных идей, из нас выпустят кишки».

Вечером 1 июля при четвертом голосовании Рузвельта одобрили в президенты от демократической партии 845 голосами, не единогласно только потому, что Смит так и не разрешил

подчинявшимся ему делегатам штата Нью-Йорк пойти в ногу с конвентом.

По давним американским политическим традициям кандидат в президенты еще 60 дней после конвента не должен был проявлять никакой инициативы. Лишь по истечении этого срока к нему являлась депутация от конвента, сообщавшая новость, которую он якобы не знал: его выдвинули в президенты. Рузвельт заранее решил сломать этот порядок. В 7.25 утра 2 июля трехмоторный самолет стартовал из Олбани в Чикаго. На борту — ФДР с женой, сыновьями Эллиотом и Джеймсом, Розенман, секретари и охрана. Впервые в истории США кандидат в президенты пользовался самолетом.

Встречный ветер задержал самолет на несколько часов, в Чикаго руководители конвента с трудом удерживали делегатов: в зале, не умолкая, гремели оркестры, выступали певцы. Наконец самолет прибыл в Чикаго. Восторженный прием, у ФДР в дружеских объятиях сбили шляпу и пенсне. Вот он на трибуне конвента. Речь была порядочно сокращена во время полета, когда выяснилось, что они запаздывают. Розенман сокрушался: «Многие жемчужные зерна были выброшены на пол самолета», — но все равно она прозвучала весьма неплохо.

«По всей стране мужчины и женщины, забытые в последние годы в политической философии правительства, ждут от нас руководства и более справедливого распределения национального богатства. На фермах, в больших городах, в городках и деревушках миллионы наших сограждан трепетно надеются, что их прежний уровень жизни и мышления не канул в прошлое. Эти миллионы не могут и не будут ждать напрасно.

Я клянусь вам, я клянусь себе проводить новый курс для американского народа. Пусть мы, собравшиеся здесь, станем пророками нового порядка, знания и мужества. Перед нами больше чем политическая кампания, это призыв к оружию. Помогите не только получить голоса, но и победить в крестовом походе — вернуть Америку собственному народу».

На другой день в одной из газет появилась карикатура: изможденный фермер, опирающийся на мотыгу, с надеждой смотрит на пролетающий самолет Рузвельта. На его крыле написано: «Новый курс». Звонкий лозунг в полете!

Рузвельт вместо Дж. Раскоба назначил Дж. Фарли председателем национального комитета партии. Ответственность между ним и Р. Моли была строго разграничена. Фарли заметил Моли: «Мое дело заполучить для него голоса, и все. Вы и он (Рузвельт. — *Н. Я.*) решите, что говорить, это меня не касается». В Нью-Йорке была развернута штаб-квартира, в созданной

в мгновение ока системе работало свыше 600 человек. ФДР и Фарли решили обойти инертные, как показал опыт, комитеты партии в штатах и округах и установить прямую, чуть ли не личную связь со 140 тыс. ее активистов, выявленных в предшествующие месяцы.

«Мозговой трест» засел за подготовку речей. Он пополнился 50-летним генералом Х. Джонсоном, рекомендованным Барухом. Джонсон, обладавший зычным голосом, прошел военную службу в вашингтонских канцеляриях, в войну представлял армию в управлении военного производства. Он разорился в годы кризиса и поэтому имел личные счеты с администрацией Гувера. Когда он впервые появился в губернаторском дворце, ФДР и его советников пленил лихой тон Джонсона, изобличавшего республиканцев. Один Моли, уже слышавший все это от него раньше, попытался отдохнуть, но и на втором этаже спасения не было: голос генерала гремел на весь дом. Джонсон энергично отстаивал тезис, близкий сердцу Тагвелла и Берли: «Основная предпосылка процветания — потребление, а это требует покупательной способности». Они нашли общий язык.

До открытия кампании ФДР нужно было закрыть застаревшую язву — заняться коррупцией Таммани. Республиканцы требовали этого по политическим мотивам, честные люди по всей стране видели в том, как губернатор справится с делом, пробный камень его нравственной пригодности к государственной деятельности.

Еще в середине 1931 года ФДР санкционировал расследование комиссией легислатуры судебных властей Нью-Йорка. Он надеялся, что расследование, проводившееся легислатурой, где большинство составляли республиканцы, отведет гнев Таммани от него. Надежды не оправдались, ему пришлось осенью 1931 года по представлению советника комиссии С. Сиберн освободить от должности одного шерифа — было доказано, что за семь лет шериф получил жалованье 87 тыс. долл., а внес в банк на свое имя 396 тыс. долл. К маю 1932 года неутомимый Сиберн добрался до мэра Нью-Йорка Уокера. Отцу города было предложено объяснить, как бухгалтер юридической фирмы Уокера, получавший 60 долл. в неделю, сумел положить в банк 961 тыс. долл., из которых оплачивал расходы мэра. Почему компания такси дала мэру 26 тыс. долл.? Почему один книгоиздатель выплатил ему 246 тыс. долл., хотя мэр не вложил в дело ни цента? Уокер невразумительно говорил о «щедрости» друзей.

Сиберн переслал губернатору без всяких рекомендаций обвинительные материалы, собранные против мэра. ФДР морально

оказался в чрезвычайно трудном положении: дело Уокера дамокловым мечом висело над ним. Бунт Смита, а следовательно, и Таммани на конвенте упростил проблему. 5 августа губернатор сообщил, что на 11 августа Уокер вызывается в Олбани для дачи показаний. Этот день республиканцы наметили для первой речи своего кандидата в президенты Г. Гувера.

В разгар предвыборной борьбы Рузвельт три недели провел в душной комнате в Олбани, лично допрашивая Уокера. Он вел дело с большим достоинством, с каждым днем процедура становилась все свирепее. Информация о расследовании в Олбани не сходила с первых страниц газет, комментаторы гадали о степени наказания для Уокера — увольнение или просто суровый выговор губернатора. ФДР не мог решиться. Внезапно пришла телеграмма. Уокер сам подал в отставку. ФДР вышел из трудной переделки с минимальными политическими издержками. Правдолюбие губернатора превозносилось печатью, не было объяснено только одно: как случилось, что член «мозгового треста» юрист О'Коннор представлял интересы Уокера во время расследования. Все без исключения американские биографы ФДР либо умалчивают об этом, либо только мимоходом упоминают этот факт...

Босс Таммани Кэри все же решил отомстить. Не осмелившись больше замахнуться на ФДР, он сорвал назначение Розенмана членом Верховного суда штата Нью-Йорк, что было давней мечтой Сэма. Рузвельт успокоил Розенмана: «Запомни, что у меня крепкая память и длинная рука для друзей». Менее чем через год Розенман занял желанное место, где оставался до 1943 года, а Кэри выбросили из руководства Таммани.

VI

Политические погоды в США в 1932 году определяли не закулисные интриги, а настроения масс, левевших с каждым месяцем кризиса. Миллионы стояли перед не проблемной, а совершенно реальной угрозой голодной смерти, в то время как по всей стране бездействовали заводы и фабрики, а фермеры задыхались от кризиса перепроизводства. Даже «Нью-Йорк таймс» писала: «Вызывающие беспокойство экономические явления не только превосходят эпизоды подобного рода, но и угрожают гибелью капиталистической системы».

В стране быстро росло движение безработных, а их тогда насчитывалось до 17 млн. человек — почти половина рабочего класса. Хотя стачечное движение было невелико, ибо занятые

в основном находились под цепким контролем профбюрократов, на предприятиях усиливались левые настроения. Обстановка в целом если еще не была революционной, то стремительно приближалась к таковой. На повестку дня ставилось само существование капиталистической системы. Американская компартия насчитывала тогда немногим больше 10 тыс. человек, коммунистическая лига профсоюзного единства, работавшая в профсоюзах, не могла тягаться по влиянию с АФТ, но страна представляла собой гигантский пороховой погреб.

Национальный совет безработных, созданный в 1930 году, все чаще и чаще выводил на улицы демонстрации, иногда до 500 тыс. человек. Их встречали полиция и войска, в возникавших стычках в 1929–1933 годах были убиты 23 безработных. 7 марта 1932 г. была расстреляна из пулемета трехтысячная демонстрация у ворот завода Форда в Дирборне. Похороны четверых убитых были грозными: они лежали под громадным флагом с портретом В.И. Ленина, оркестр играл русские революционные марши. Тысячи провожавших товарищей в последний путь, однако, молчали. Они знали – около сотни раненых, свезенных в больницы, были прикованы к постели. Власти были начеку.

Летом 1932 года со всей страны в Вашингтон собрались 25 тыс. ветеранов первой мировой войны. Они пришли требовать выплаты пособий. Поход бывших солдат в столицу был организован отнюдь не левыми. Руководители его установили жесткую дисциплину, двое ветеранов, заподозренных в «коммунизме», были зверски убиты. Самочинные суды приговаривали левых агитаторов к порке – 15 ударов солдатским ремнем по спине. Бюллетень участников похода, предостерегая против «коммунизма», выдвинул лозунг: «Смотреть прямо, не налево!» Ветераны свято верили, что, прокламируя «стопроцентный американизм», они сумеют добиться уступок. Около двух месяцев ветераны ждали в столице, устраивая время от времени с разрешения полиции законопослушные демонстрации. Правительство никак не могло найти предлог для разгона ветеранов, построивших из всякого хлама в болотистом предместье Вашингтона Анакостия-Флэтс жалкий поселок.

28 июля пришел долгожданный день: полицейские хладнокровно застрелили двух ветеранов и ранили еще нескольких. Немедленно правительство решило ввести в действие федеральные войска. Начальник штаба американской армии генерал Д. Макартур кликнул своего адъютанта майора Д. Эйзенхауэра, сел на боевую лошадь и лично повел войска. Танки, кавалерия, солдаты в стальных касках с примкнутыми штыками изгнали

из столицы ветеранов. Когда спустилась иочь, войска изготовились для решительиого штурма цитадели врага — хижин и палаток в Анакостия-Флэтсе. При свете прожекторов войска бросились на «неприятеля». Они действовали мужественно и решительно, забрасывая бомбами со слезоточивым газом обитателей лачуг, действуя штыком и прикладом против тех, кто медлил отступать. Семилетний мальчик, искавший в суматохе игрушку, получил штыковую рану, два младенца умерли от газа. Победа была полной — ветераны изгианы, поселок сожжеи.

Генерал Макартур торжествовал победу при Анакостия-Флэтсе, задним числом он утверждал, что «толпа» вдохновлялась «революционными идеями». Правительство выпустило заявление о том, что борьба идет против «преступников и коммунистов». Было иазначено большое жюри, чтобы доказать обвинение. Оно провалилось, в Вашингтон пришли только бывшие содаты, каждый пятый из них был ранен на войне. На всю Америку прозвучал рассказ ветерана Д. Анджело, который узнал в офицере, ведшем кавалерию в атаку, Д. Паттоиа. В 1918 году Анджело спас ему жизнь и получил за зто медаль. «Несомненно, зтот человек спас мою жизнь», — подтвердил Паттон.

На Среднем Западе летом 1932 года со скоростью степного пожара распространилось забастовочное движеиие фермеров. Оии требовали повысить цены иа сельскохозяйственные продукты, урезав басиословные прибыли посреднических фирм, выдачи пособий нуждающимся, прекращения продаж имущества разорившихся. Центром борьбы стал кукурузный пояс, прежде всего штат Айова. Фермеры прекратили поставку продовольствия в города, их пикеты возвращали машины, останавливали поезда. В стачку включались фермеры штатов Небраска, Миннесота, Висконсин, Иллинойс, Севериая и Южная Дакота. Безработные городов стали объединять свои усилия с фермерами, начали возникать комитеты действия. Террор властей ие дал ощутимых результатов. Как рассказывал очевидец комитету конгресса, фермер заявил ему: «Мы должны провести революцию, как в России». Движение удалось остановить заверениями провести реформы после президеитских выборов. Фермеры поверили на слово, но твердо заявили: если их обманут, весной 1933 года разразится национальная забастовка.

Два миллиоиа бездомных искали лучшей доли в других городах. Штат за штатом принимали меры, чтобы не допустить «бродяг». В Калифорнии создаются концентрационные лагеря, на дорогах заслоны. Дети кризиса — голодные школьники, «сонные на уроках». «Ты бы пошла домой поела», — говорит

учитель школьнице. «Не могу, сегодня очередь есть моей сестры». Голодные учителя, отрывающие от себя центы, чтобы накормить школьников. Волнения в самых различных частях страны, зачастую безысходные и стихийные, накладывали отпечаток на духовную жизнь.

В водовороте идей интеллигенции все более явственно проступало течение — не только симпатии, но и прямое одобрение коммунизма в теории и на практике. С. Олсоп, учившийся в те годы в Йельском университете, вспоминал: «Высшая логика марксизма делала все ясным в современной истории». Известный писатель и критик У. Фрэнк писал в 1932 году: «Мир на пороге кризиса, и нельзя терять времени. Революционное завтра должно готовиться сегодня. В противном случае оно может прийти слишком поздно, чтобы спасти человечество от гибели в капиталистической войне и, что еще хуже, от морального сифилиса капиталистического мира». Э. Нильсон настаивал: «Советский Союз является моральной вершиной мира, где никогда не меркнет свет». Уильям Аллен Уайт признал, что Россия — «самое интересное место на земле». Еще бы, подтверждал У. Роджерс, «у них великолепные идеи. Подумайте, в их стране каждый имеет работу!» Так говорили и писали американские интеллигенты, за которыми прежде не замечалось пристрастия к коммунизму. Теперь они были согласны со старым другом Советского Союза Л. Стеффенсом, заявившим на пятнадцатитысячном митинге в Сан-Франциско: «В наши дни все дороги ведут в Москву».

В октябре 1932 года группа выдающихся деятелей культуры и науки заявила о поддержке коммунистической партии. Они выпустили идейный манифест, названный «Культура и кризис». В нем говорилось: «Как ответственные интеллектуальные работники мы заявляем о том, что стоим на стороне откровенно революционной коммунистической партии, партии рабочих». Если все буржуазные партии бессильны справиться с кризисом, писали они, то коммунисты предлагают единственное реальное решение — «свергнуть систему, несущую ответственность за все кризисы». Это и есть идеал, «практический и реализуемый, что доказано в Советском Союзе». «Капитализм, — заключал манифест, — разрушитель культуры, а коммунизм стремится спасти цивилизацию и ее культурное наследие от бездны, в которую низвергает ее мировой кризис». Манифест подписали Т. Драйзер, Ш. Андерсон, Дж. Дос Пассос, Э. Колдуэлл, У. Фрэнк, критики Э. Вильсон, Н. Арвин, М. Коули, Г. Хикс, профессора С. Хук, Ф. Шуман, журналисты Л. Стеффенс, М. Джозефсон, Э. Винтер (упомянуты только наиболее известные из числа поставивших свою подпись).

Реакция собирала силы. В конце 1931 года «американский легион» принял резолюцию: кризис не может быть «быстро и эффективно разрешен имеющимися политическими методами». Куда метило командование легиона, не составляло секрета. Консервативный экономист В. Джордан суммировал настроения делового мира после очередного съезда Торговой палаты в конце 1931 года: «Всего через несколько месяцев экономический Муссолини может заставить их маршировать в красно-бело-синих рубашках, приветствуя какой-либо новый символ». Сенатор Д. Рид: «Я не часто завидую другим странам и их образу правления, но я говорю: если наша страна когда-либо нуждалась в Муссолини, то час пришел». Эти люди, очевидно, завидовали итальянскому фашизму.

Однако богатая буржуазная республика могла обойтись собственной, а не импортной идеологией. Ссылка на Муссолини лишь показывала, куда были устремлены помыслы многих имущих. Они были готовы в случае необходимости установить в стране тоталитарные порядки. Откуда взялись бы вожди? Переговорив в августе 1932 года с сенатором Х. Лонгом по телефону и выслушав поток брани по поводу связей с крупным бизнесом, ФДР повесил трубку и серьезно сказал сидевшим в его кабинете: «Смешно, но Хью один из двух самых опасных людей в Соединенных Штатах сегодня. Нам придется заняться им». «А кто другой?» — спросил Тагвелл. «Дуглас Макартур», — ответил ФДР. Х. Лонг вел разнузданную демагогическую пропаганду, заявляя, что он объединит радикалов обеих партий — демократической и республиканской — и заставит богачей расстаться со своими сокровищами. Д. Макартур носил лавровый венок победителя при Анакостия-Флэтсе, имущие видели в нем человека дела.

VII

Опасность для традиционного образа правления в Соединенных Штатах, как видели ее ФДР и лица, разделявшие его взгляды, таилась и слева, и справа. Где выход? В июле 1932 года губернатор штата Северная Каролина М. Герднер, отнюдь не радикал, писал Рузвельту: ни в коем случае не отвергать необходимость изменений, ибо если не признавать, что время созрело для них, тогда на повестке дня встанет «яростная социальная и политическая революция. Американский народ против нынешнего порядка вещей. Мы окажемся более чем слепыми, если решим, что народ держится за статус-кво... Если бы я был Рузвельтом,

я бы стал еще бо́льшим либералом. Я бы шел с массами, нбо они находятся в движении, и еслн нам суждено спасти страну, то средство для зтого — лнберальная инерпретация идей, властвующих над умами людей». Душой н сердцем ФДР был согласен с зтой точкой зрения. Другие губернаторы шли дальше. Т.Билбо (штат Мнссисипи): «Я сам стал розовым». Ф. Олсон (Миннесота) сказал некоему вашингтонцу: «Скажите им там, в столнце, что Олсон больше не берет в национальную гвардию никого, кто не красный! Миннесота — левый штат».

Все предвыборные выступления ФДР пронизывала мысль: необходимы изменения, однако для того, чтобы сделать Амернку еще более американской, поддержать пошатнувшнеся устои капиталнзма. Как обычно, Рузвельт обращался к «прогресснстам», не проводя партийных различий, нбо все они, по его словам, былн за нзменения. Он подчеркивал, что борется не против республиканской партии, а открыл огонь по ее руководству, ответственному за кризнс. Отклик среди республиканцев вознаградил Рузвельта: в сентябре возникла национальная прогресснвная лига под руководством сенатора Норриса. В ней активно работали Г. Икес, Дж. Ричберг и Г. Уоллес. «Прогресснвные республиканцы» оказали ФДР неоценимую услугу, ведя кампанию для него в западных штатах. Государственный секретарь Г. Стимсон, памятуя о событиях 1930 года, твердо отклонил предложенне Гувера выступить против Рузвельта, сохранив дружественный нейтралитет.

В ходе кампании Рузвельт пронзнес шестнадцать больших речей, подготовленных «мозговым трестом». Нанболее выпукло его полнтическая философия (точнее, Берлн, написавшего речь) была нзложена 23 сентября в Сан-Франциско. Он начал речь на высотах риторикн: «Америка нова. Она находится в процессе изменения н развития. У нее громадный потенциал юности». Вызвав в памятн слушателей приятные воспоминания о громадном росте страны в прошлом, ФДР обратился к тогдашнему ее положению. «Даже прн беглом взгляде видно, что равенства возможностей, как мы знали его, больше не существует. Наша промышленность построена, проблема теперь заключается в том, не слишком ли мы настроили много заводов. Наша последняя граница давным-давно достигнута, и мы не нмеем больше свободных земель. Более половины нашего населения больше не живет на фермах н не может существовать за счет возделывания собственной землн. Больше нет предохранительного клапана в виде прерий на Западе, где моглн начать новую жизнь выброшенные зкономической машиной Востока. Наш народ теперь живет плохо... Независимый предприниматель

нсчезает... Если этот процесс будет идти в том же темпе, к концу столетия дюжина корпораций будет контролировать всю американскую экономику, а, пожалуй, сейчас всего сотня людей руководит ею. Просто-напросто мы неуклонно идем к экономической олигархни, еслн она не существует уже сегодня».

После столь душераздирающего описания положения вещей в США можно было бы ожидать угроз н проклятий в адрес монополий. Их не было; в профессорско-менторском тоне ФДР продолжил: «Наша задача ныне – не открытне н использованне новых ресурсов или пронзводство все большего колнчества товаров. Речь идет о будничной, отнюдь не драматической работе по обеспечению использования нмеющихся ресурсов н предприятий, восстановлению внешних рынков для наших нзбыточных продуктов, решению проблемы недопотребления, приведению производства в соответствне с потребленнем, более справедливому распределению богатств н товаров, прнспособлению существующей экономической органнзации к нуждам народа».

Как конкретно будет претворяться замечательная философия в жизнь? ФДР давал различные н уклончивые ответы. В речи в Портленде он сообщил, что отныне будет введено федеральное регулнрованне финансовых операций банков и компаний (в годы кризнса тысячн мелких вкладчиков потерялн все в результате банкротства финансовых учреждений, которым они доверяли свои сбережения). В Солт-Лейк-Сити он обещал улучшить веденне дел железнодорожными компаниями. В Топеке он говорил, что фермеры получат облегченне планнрованнем посевных площадей и финансовой помощью. В Детройте ФДР прнзвал к ликвидацин бедности, однако, поскольку речь произносилась в воскресенье, оратор не сообщил, как нменно зто будет достигнуто, нбо по воскресеньям он не любил углубляться в политнку.

Коротко говоря, желающий мог вложить в выступления ФДР тот смысл, который был ему ближе.

Как заметил «доброжелатель» Э. Дэвис, «ни одно из его общих положений нельзя было оспорить. Но что они означалн, если в ннх вообще был смысл, было ведомо телько Франклину Д. Рузвельту н богу». «Хамелеон на полосатом пледе», – злобно н горестно комментировал выступления своего противннка Г. Гувер.

Промахов в нзбнрательных обещаниях демократов было сколько угодно. Так, напрнмер, представителн объединенного профсоюза горняков обратилн вннманне ФДР на то, что в платформе демократнческой партии не упоминалось о коллективных договорах, в то время как республиканцы подчеркивали, что

они стоят за этот принцип. Ф. Рузвельт сообщил им, что он, конечно, поддерживает коллективные договоры и скажет об этом. Он начисто забыл об обещании, единственный раз коснувшись трудового законодательства: в одной из речей кандидат высказался за сокращение рабочей недели.

Первоклассной ошибкой оказалась речь в Питтсбурге 19 октября. На ней настоял Х. Джонсон, прочитавший проект речи Рузвельту с таким ораторским пылом, что ФДР, по-видимому, потрясенный формой, не понял, что влекло за собой ее содержание: 25 процентов сокращения расходов федерального правительства, сбалансированный бюджет. В Питтсбурге ФДР драматически восклицал: «Нам не нужно искать козлов отпущения за границей. Мы сами рванулись в экономическую стратосферу, поднялись высоко на крыльях новых неортодоксальных теорий президента Гувера 1928 года, полный провал которых принес кризис в 1931 году». ФДР обещал покончить с дефицитным бюджетом раз и навсегда[11].

Специальный поезд из шести вагонов колесил по США. На каждой станции и полустанке поезд останавливался на минуту-другую. Собравшиеся устремлялись к последнему вагону. На площадку выходил Рузвельт под руку с сыном Джеймсом. Сцена была хорошо отрепетирована и повторялась сотни раз без малейших изменений. Он улыбался и говорил: «Как приятно приехать в... (следует название города.– *Н. Я.*) .– Я приехал к вам смотреть, учиться и слушать».

Он представлял также двух приятных блондинок – невестку Бетси Кашинг и дочь Анну. Затем поворачивался к Джеймсу: «А это мой маленький сыночек Джеймс, у меня больше волос, чем у него», – и заразительно смеялся. (Джеймс преждевременно облысел; Р. Моли заметил, что с каждой милей пути он мрачнел.) ФДР произносил несколько фраз из очередной речи, машинист давал свисток, и поезд трогался. С площадки все улыбался и улыбался Рузвельт.

Он и агитировал за себя. «Я видел лица тысяч американцев,– говорил Рузвельт другу, – на них выражение отчаяния, какое бывает у заблудившихся детей». ФДР серьезно считал, что отеческое внушение и улыбки помогут нации. По-иному был настроен Гувер. Издерганный, усталый, он сухим, трескучим голосом предрекал беды, если страна пойдет за Рузвельтом. Демократическая партия, гремел он, руководствуется «той же философией правления, что отравила всю Европу... Пламя этого дьявольского котла бушует в России». Это «партия толпы, черни», но, закатывал глаза Гувер, «благодарение богу, еще имеется правительство в Вашингтоне, которое умеет справляться с чернью».

Вовсе иет, парировал ФДР, вопрос нё в зтом. В речи перед республиканцами — его стороиниками в самый кануи выборов Рузвельт процитировал К. Кулиджа, президеита США в 1923—1928 годах. Кулидж говорил: «По тем или иным причинам даже партия, имеющая мудрое руководство, в случае длительиого пребывания у власти в конце концов перестает выражать волю иарода, а если она больше ие выражает волю иарода, оиа уже не является зффективным инструментом правлеиия. Значительно лучше для такой политической партии и, коиечно, лучше для государства, чтобы ей была предоставлена роль критика, а оппозициоиная политическая партия взяла бразды правления». ФДР добавил: «Я согласеи с каждым его словом». Итак, он считал иеобходимым выступить апостолом двухпартийной системы в 1932 году.

Позднее, оказавшись президеитом, ФДР думал совершеино по-иному. Выпуская в свет первый том официальиого издания своих речей в 1938 году, ФДР исключил указанную цитату Кулиджа, замеиив ее отточием[12]. Партия в лоие власти предпочитает забыть о своих еретических заблуждениях в оппозиции.

Рузвельт и руководство демократической партии были абсолютно уверены в исходе выборов. В Детройте Гувера «приветствовали» десятки тысяч человек, скандируя: «Гувера вздернуть!» Американцы иаверняка проголосуют против Гувера, следовательио, за Рузвельта. ФДР обещал, машина демократической партии проделала громадную работу. Дж. Фарли разослал свыше 1,7 млн. зкземпляров различных циркуляров, агитациоиные материалы вышли тиражом свыше 42 млн. экземпляров. Демократы распространиили в стране более 10 млн. памятиых жетоиов и булавок с инициалами или портретом ФДР. Они истратили иа избирательную кампанию 2,5 мли. долл. (республиканцы — 2,9 млн. долл.). Хотя демократическая партия иастаивала, что оиа представляет «забытого человека», львиную долю средств дал крупный бизнес. Самые большие взносы сделали Б. Барух, У. Вудин, В. Астор, Дж. Раскоб, У. Херст, П. Дюпои, Дж. Герард, Дж. Кеннеди. Они не скупились, только Кеннеди дал 65 тыс. долл. «и, возможно, вложил косвенно еще многие тысячи»[13].

Спустя тридцать лет Дж. Кеннеди просто объясиил свою щедрость в 1932 году: «Задолго до краха иа бирже, в разгар бума, когда Джоиу (будущему президенту США.— *Н. Я.*) было девять или десять лет, я положил на имя каждого из моих детей по миллиону долларов. После иачала кризиса я стал задумываться, будет ли миллиои стоить полушку. Я был глубоко обеспокоеи. Я зиал, что в иашу зкономическую систему иужно

внести большие, крутые изменения, н считал, что только Рузвельт был способен провестн их. Я хотел, чтобы он попал в Белый дом ради моей безопасности, ради моих детей, и был готов сделать все, чтобы помочь его избранию». Мультимиллионер Дж. Кеннеди был готов на многое. Как он заметил, «в те дни я считал н говорил об зтом: готов расстаться с половнной моего состояния, чтобы в условиях закона н порядка удержать вторую половину». Из зтих высоких соображеннй иные представители крупного капнтала встали за ФДР.

Выборы 8 ноября 1932 г. принеслн блистательный триумф Ф. Рузвельту. Он получил 22,8 млн. голосов, Г. Гувер — 15,7 млн. Остальные партии, вместе взятые, собрали 1160 тыс. голосов. В штаб-квартиру в Нью-Йорке, где ФДР ожидал результатов голосования, бросилнсь поздравляющие. ФДР радостно встречал их, рядом стояли агенты секретной службы — отныне его неизменные спутникн до самой смерти. Он представил двонх, кто больше, чем кто-либо другой в Соединенных Штатах, ответствен за велнкую победу, — Л. Хоу н Дж. Фарли. Луи Хоу принес бутылку вина, он оставил ее на храненне двадцать лет назад, поклявшнсь не открывать до нзбрания Франклина президентом. Поздно ночью ФДР вернулся в свой дом в Нью-Йорке. На пороге ждала мать. Он обнял ее. «Пришел величайший день моей жизни», — признался Рузвельт.

VIII

Тогда в США президент, избранный в ноябре, вступал в должность 4 марта следующего года. Еще четыре месяца ФДР предстояло оставаться частным гражданином. Между тем положенне ухудшалось с каждой неделей. Амернканский журнал «Сатердей ивнинг пост» задал вопрос виднейшему английскому зкономисту М. Кейнсу: было ли что-нибудь подобное в истории человечества. «Да, — ответил он.— То были темные века, н они длились четыреста лет». ФДР пообещал выход, но пока...

Г. Гувер был склонен усматривать во всем кризнс доверия народа к правительству. Он несколько раз пытался побудить ФДР выступить с совместнымн заявлениями. Рузвельт отказался.

Его осмотрительность была полностью оправдана. Гувер настаивал, например, чтобы ФДР дал заверения, что не будет инфляции н бюджет останется сбалансированным, правительство не возьмет на себя финансированне просроченных закладных фермеров, не будет давать займов муннципалитетам на общественные работы. Прочитав очередное послание Гувера, ФДР

выругался: «Нахальство!» Он был прав. Гувер признался в частном письме: «Если вновь избранный президент сделает эти заявления, он ратифицирует основную программу республиканской администрации и 90 процентов так называемого нового курса будет отброшено».

ФДР вел обширную переписку, принимал множество людей. Он счел возможным выслушать делегацию коммунистической партии. Но когда один из ее членов заметил: «Мы хотим, чтобы вы сказали президенту Гуверу, что федеральное правительство должно...»,— Рузвельт прервал говорившего: «Я не могу просить президента сделать что-либо. В отношении федерального правительства я всего-навсего частное лицо». Х. Лонг, осаждавший Рузвельта в эти месяцы различными проектами, жаловался: «Когда я говорю с ним, он отвечает: «Отлично! отлично! отлично!», но какой-нибудь Джо Робинсон является к нему на следующий день и также слышит: «Отлично! отлично! отлично!» Наверное, он говорит «отлично» каждому». Действительно, Рузвельт избегал конкретного обсуждения дел.

«Давайте сосредоточим наши усилия на одном — спасти страну и народ, и если для этого нам придется дважды в день менять свои взгляды, пойдем и на это», — говорил он своим советникам. Когда Тагвелл заметил, что экономическое положение катастрофично, ФДР с готовностью согласился: «Да, я знаю, но нам не остается ничего другого, как каждый день пытаться справляться с проблемами, существующими в данное время. Какие мучительно трудные решения нам придется принимать! И иногда мы будем ошибаться!» Корреспонденты все же старались допытаться, как ФДР собирается разрешить тяжкие проблемы кризиса. Он отшучивался: «Это не мой ребенок».

Обездоленным было не до шуток. 5 декабря 1932 г. около 2,5 тыс. человек собрались у Капитолия, где открывалась сессия конгресса. Они кричали: «Голодных накормить, налог на богатых!» Полиция окружила их, выгнала в чистое поле на снег и продержала двое суток без пищи и воды. Когда их отпустили, они разошлись, полные гнева и решимости. В Линкольне, штат Небраска, 4 тыс. человек заняли здание легислатуры, 5 тыс. учителей в Чикаго штурмовали банки, в Оклахома-Сити, Миннеаполисе и других городах захватывались продовольственные магазины. Полки мигом очищались. Декан факультета бизнеса Гарвардского университета заявил: «Капитализм перед судом, и от исхода суда зависит вся западная цивилизация»[14].

В середине 1932 года ФДР планировал по завершении выборов посетить Европу. По зрелом размышлении он не покинул

страну. Он провел несколько недель в Уорм-Спрингсе, отдыхал на яхте В. Астора и побывал в бассейне реки Теннесси, где предполагалось построить гидростанции.

15 февраля 1933 г. ФДР посетил Майами, штат Флорида. Он произнес речь, сидя на спинке заднего сиденья автомобиля. Когда Рузвельт кончил, его окружили журналисты, поблизости был мэр Чикаго Чермак. Внезапно раздались выстрелы. Стоя на ящике метрах в двадцати от Рузвельта, небольшой смуглый человек стрелял в него из револьвера. Чермак был смертельно ранен, еще четыре человека получили ранения. Рузвельт остался невредим. В панике, охватившей толпу, слышался его звонкий голос: «Я цел, я цел!» Люди, близко знавшие Рузвельта, поразились его спокойствию в момент смертельной опасности. Он заботился только об умирающем Чермаке. Камердинер ФДР Макдаффи говорил: «Он был фаталистом. Он считал: чему быть, того не миновать. Он никогда серьезно не беспокоился по поводу того, что кануло в прошлое. Все прошло, и ладно».

Покушавшимся оказался Джузеппе Зангара — безработный каменщик, итальянец по происхождению. Он купил револьвер за 8 долл. в магазине в Майами. Зангара объяснил, что страдает язвой желудка и ненавидит «богачей и правителей... Я надеялся, что на этот раз мне повезет больше, чем десять лет назад в Италии, когда я купил пистолет, чтобы убить короля Эммануила. Я не питаю ненависти лично к Рузвельту, но я ненавижу всех президентов, где бы они ни правили, ненавижу всех чиновников и вообще богачей». Зангара признался, что первоначально собирался убить Гувера и только опасение вредного воздействия «холодного климата» севера страны на его язву желудка остановило выполнение плана. Он решил поджидать жертву в Майами.

Что это, случай или первый выстрел в вооруженной борьбе за власть? — вопрос не праздный в тогдашней до предела наэлектризованной атмосфере. «США не Россия, — возгласил сенатор Дж. Робинсон, — ни один фанатик, мошенник, революционер или любое их число не могут помешать законной передаче власти». Дикие слухи, однако, распространялись. Р. Моли, опытный криминалист, вызвался принять участие в допросах Зангары. Узнав поближе потенциального убийцу президента, он передал в печать заявление: «У него нет политических убеждений, он не социалист»[15].

Чудесное избавление Рузвельта от смерти укрепило уверенность религиозных людей и, вероятно, потенциальной жертвы в том, что он отмечен провидением, щадящим его для выполнения предначертанного свыше. 20 марта 1933 г. Зангара был казнен на электрическом стуле.

Тем временем в стране разразилась неслыханная финансовая катастрофа: американцы, с отчаянием наблюдавшие за банкротством банков — к 1933 году закрылось свыше 5 тыс. банков, — бросились в оставшиеся, изымая свои сбережения. Потеряв веру в незыблемость этих твердынь капитала, они предпочитали держать деньги на руках или переводить за границу. Банки не могли удовлетворить всех, требовавших звонкой монеты, в первую очередь золотых долларов. Вклады составляли 41 млрд. долл., а денежная наличность — 6 млрд. долл. 14 февраля губернатор Мичигана закрыл банки штата, положив начало цепной реакции. К концу февраля большинство банков в США закрыли свои двери. 27 февраля Морган информировал Рузвельта, что «возникло чрезвычайное положение». Уолл-стрит требовал, чтобы правительство немедленно оказало финансовую помощь банкам. Сложилась забавная ситуация: банкиры, яростно возражавшие против помощи безработным и фермерам, просили помощи себе!

Финансовый кризис, приведший к тому, что в начале марта все без исключения банки оказались закрытыми окончательно, поверг в панику финансово-промышленных магнатов США. Представляемая ими система частного предпринимательства была скомпрометирована. Дж. Кеннеди, сам составивший громадное состояние на биржевых спекуляциях, признавал: «Вера в то, что контролирующие корпорации в Америке руководствуются честными мотивами и высокими идеалами, потрясена до основания». Ему вторил У. Липпман: «В минувшие пять лет промышленные и финансовые лидеры Америки были низвергнуты с высочайших позиций влияния и власти в глубокую пропасть». Они были вынуждены признать свое банкротство, ни один из магнатов монополистического капитала не мог предложить мер выхода из кризиса.

1 марта 1933 г. властитель дум поколения американской интеллигенции профессор Р. Нибур публикует статью «После капитализма — что?». Он взялся за перо, убежденный, что «капитализм умирает и должен умереть». Но, значительно подчеркнул профессор, «ничто в истории не подтверждает, что правящий класс когда-либо уступает свои позиции и привилегии в обществе только потому, что его правление отмечено неспособностью и несправедливостью». Р. Нибур адресовал свои проникновенные слова читающей и думающей публике; другие в США были более откровенными. Они прямо говорили: страна стоит на пороге революции. Новый мэр Нью-Йорка, вступая в должность, заверил имущих: «У вас решительный мэр, я спасу город от Красной Армии».

В комитете сената У. Грин, профбюрократ, имевший за плечами десятки лет предательства интересов рабочего класса, пригрозил «всеобщей забастовкой», если не будет улучшено положение трудящихся. «Это будет означать классовую войну?» — осведомился сенатор Г. Блэк. «Как бы вы ее ни назвали, она будет...— ответил У. Грин. — Единственный язык, который понимает большинство предпринимателей, — язык силы». В сенате сенатор Т. Коннели спросил военного министра П. Харли, почему войска сосредоточиваются вокруг крупных городов. «Военный министр с выражением страха в глазах, — вспоминал Т. Коннели, — сослался на красных и возможных коммунистов, действующих в стране». «Да, революция будет, — заявил банкир из Лос-Анджелеса, — если, конечно, Рузвельт не сделает чего-нибудь»[16]. Надежды растерявшейся властвующей элиты сосредоточились на Франклине Д. Рузвельте. Культ личности в стране, кичащейся перед неосведомленными иностранцами вековым неуважением к властям — сверху донизу?

Думать так — глубочайшее заблуждение. Р. Шервуд с мастерством профессионального удачливого драматурга осветил проблему: «Мы, американцы, преклоняемся перед героями в гораздо большей степени, чем англичане или французы. Мы любим персонифицировать наши идеалы и цели. ...В нашем сознании глубоко укоренилось убеждение, что великий президент появится в «любое время, когда мы будем в нем нуждаться». В 1929—1933 годах постоянно и с опаской задавался вопрос: «Где он теперь?»

Вероятно, никакой драматург не мог бы лучше подготовить сцену для появления нового президента — или нового диктатора, или нового мессии, — чем та, какая была подготовлена для Франклина Рузвельта. Ирония заключается в том, что сцена была столь хорошо подготовлена для него не его друзьями или сторонниками, которые были тогда сравнительно незаметными людьми, но теми, кто впоследствии стал его злейшими врагами. Выражаясь языком актеров, Герберта Гувера можно было бы назвать плохим актером, после которого любой следующий актер показался бы превосходным. Рузвельт появился не на белом коне, а в кресле на колесах. Однако барабанный бой и раскаты грома, встретившие его, были определенно вагнеровскими, и это служило не только эмоциональным стимулом, но также предостережением о том, что может случиться с американской демократией, если окажется, что новый президент обладает какими-либо качествами Гитлера или хотя бы Хью Лонга»[17].

Понимал ли это Франклин Д. Рузвельт? По-видимому, да. Говорят, что в марте 1933 года он заметил: «Если я окажусь плохим президентом, вероятно, я буду последним президентом...»[18].

«СТО ДНЕЙ»

I

День 4 марта 1933 г. выдался ветреиым и холодным. Сильиый северо-восточный ветер, низкие давящие тучи, дождь. Вашингтои выглядел мрачным. К полудню, к началу церемонии вступления в должность нового президента, около 100 тыс. человек собрались у Капитолия. Люди усеяли площадь, взобрались на крыши домов, некоторые вскарабкались на голые деревья, гнувшиеся от ветра. На всем лежала печать уныния. В толпе почти ие разговаривали. Подняв воротники пальто, люди зябко ежились от холода. Молчаливыми квадратами стояли войска, выстроенные для парада. Командующий парадом генерал Д. Макартур приказал скрытно установить пулеметы в «стратегических пунктах» столицы.

Около полудня у выхода из Капитолия толпа оживилась, через иее, зиергично работая локтями, пробирались новый вице-президеит Гариер, члены семьи Рузвельта, министры. В черном цилиндре вышел председатель Верховиого суда Ч. Юз. Ему предстояло принять присягу президеита. Он взобрался на трибуну, ветер нещадно трепал белую бороду и черную мантию старика. Проход от Капитолия к трибуне очистили. Ровио в двеиадцать появился Ф. Рузвельт. Бледный, чрезвычайно серьезный, ои медленио шел под руку с Джеймсом к трибуне. Раздались жидкие аплодисменты, редкие возгласы приветствия. Грохот встречного марша оркестра морской пехоты заглушил все. «Обстановку, сопровождавшую смену правительства в Соединенных Штатах, — писал А. Крок, — можно сравнить с атмосферой, царившей в осажденной столице во время войны».

Оркестр смолк. Юз громко и внятно прочитал присягу. Вместо обычного короткого «клянусь» ФДР повторил ее целиком слово в слово. Перед ним лежала старинная семейная Библия, привезенная из Гайд-парка. Оиа открыта на 13-й главе первого послания апостола Павла к коринфянам: «Если я говорю

языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я — ничто». Библия и пулеметы...

Присяга принята, и президент Соединенных Штатов Франклин Д. Рузвельт обратился с речью к народу. Громкоговорители разносили его размеренный и твердый голос по площади, а десятки миллионов американцев собрались у радиоприемников. «Сегодня день национального посвящения, — торжественно и сурово произнес Рузвельт. — Пришло время сказать правду, и всю правду... Единственное, чего нам следует бояться, — самого страха, безрассудного, безликого, неоправданного ужаса, который парализует необходимые усилия по превращению отступления в наступление». В энергичных выражениях президент обрушился на виновников кризиса — руководителей обмена товарами. Они «провалились из-за собственного упрямства, своей неспособности, признали свой провал и бежали... Они не имеют воображения, а когда его нет, народ погибает. Ростовщики бежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации». Первые аплодисменты.

Президент призвал действовать, и действовать быстро. «Мы должны идти вперед, как обученная и верная армия, готовые нести жертвы ради общей дисциплины, ибо без дисциплины невозможен прогресс, а никакое руководство не может быть эффективным». Он предупредил: если конгресс не примет необходимого законодательства, а кризис будет продолжаться, «я обращусь к конгрессу за единственным орудием для борьбы с кризисом — широкими полномочиями, столь же большими, какие бы потребовались нам в случае настоящей войны с вторгшимся врагом». Рузвельт драматически закончил свою речь: «Народ просил меня ввести дисциплину и указать путь под моим руководством. Народ сделал меня инструментом своей воли. Как дар я принимаю его... Мы смиренно просим благословения бога. Пусть он защитит каждого и всякого среди нас. И пусть он ведет меня в грядущие дни».

А. Крок написал: выражение лица ФДР было «столь мрачным, что казалось незнакомым даже давно знавшим его». Г. Стимсон пометил в дневнике: «Я был перепуган». Не зафиксирована реакция Люси Рутерферд, занимавшей почетное место на церемонии.

Рев кавалерийских труб, возвестивший о начале парада, последовал за речью президента. В радиоприемниках сигнал к прохождению войск прозвучал, как трубный глас. Американцы ус-

лышали голос вождя. По возвращении с церемонии в Белый дом газетчики окружили Элеонору Рузвельт, прося первую даму республики поделиться впечатлениямн. «Было очень, очень торжественно и немножко страшно, — сказала она. — Собралась громадная толпа, и было ясно, что она готова сделать все, если только кто-нибудь подскажет ей, что делать». Фашистская печать Германин и Италии усмотрела в первой речи президента США новое доказательство бесполезности парламентаризма и демократин. Критиканствующий «Нью рипаблик» подчеркнул, что нз сказанного Рузвельтом «наиболее ярко вырисовывается одно — преддверне диктатуры».

В день вступления в должность Ф. Рузвельт собрал членов назначенного им кабинета. Утро они посвятилн молитве в церквн поблнзости от Белого дома. Служил Э. Пибоди, прнехавшнй из Гротона. В Овальном кабннете Белого дома нх скопом привелн к присяге. Рухнула еще одна традиция. Никогда раньше министры не прнсягалн в Белом доме, да еще хором.

Кабинет Рузвельта был весьма разнородным, при подборе его ФДР жаждал, как объяснил он Херсту, сформировать «радикальное» правительство, «в нем не будет нн одного, кто бы знал дорогу на Уолл-стрит, 23 (резиденцию Моргана. — *Н.Я.*). Не будет ни одного, кто был бы связан каким-лнбо образом с магнатамн США или с международнымн банкнрамн». Слова звучалн громко и не очень нскренне. Руководящнм принципом подбора кабинета был FRBC — «за Рузвельта до конвента в Чикаго» (for Roosevelt before Chicago), то есть вознаграждались верные. Ни один из колебавшихся на конвенте не получил заметного поста.

Государственный секретарь — К. Хэлл. Изысканные манеры, прнятный голос, постоянно опущенные глаза и внешняя мягкость старнка скрывалн за собой закаленного политического бойца. Хэлл был сторонником снижения тарифов н специалистом в областн внешней торговли. Он мог послужить прекрасным связующим звеном с консерватнвнымн сенаторамн. Хэлл провел многие годы в Капитолии, представляя в сенате штат Теннесси. Министр фннансов — У. Вудин, глава крупной промышленной компании. Он долгие годы крупно финансировал демократическую партию, теперь расходы окупились сторнцей. Вудин отлично подходил под категорию тех, кого ФДР бнчевал как «ростовщиков» н «менял». И, конечно, он никогда не был радикалом. Д. Ропер, личный друг Рузвельта, получил портфель министра торговлн. Эксцентричный Г. Уоллес, сын министра сельского хозяйства в республнканской админнстрации, сел в кресло отца. Несмотря на протесты руководства АФТ,

Рузвельт впервые в американской истории назначил женщину в состав кабинета — Ф. Перкинс стала министром труда. ФДР просил Г. Икеса стать министром внутренних дел. Престарелый либерал из Чикаго удивился, Рузвельт заверил его: мы «говорим на одном языке вот уже двадцать лет». Дж. Фарли стал министром почт.

Члены «мозгового треста» получили правительственные назначения: Р. Моли — заместителем государственного секретаря, Р. Тагвелл — заместителем министра сельского хозяйства, А. Берли сначала работал в финансовой корпорации реконструкции, а позднее стал заместителем государственного секретаря. Розенман, да и другие члены «мозгового треста» считали, что назначение их на административные посты — ошибка. Успех «мозгового треста» и был достигнут тем, что профессора работали вместе, свободные в мире идей и не связанные определенными должностями. Рузвельт превратил их в чиновников, не говоря уже о том, что непосредственные начальники Моли, Тагвелла и Берли с плохо скрытым раздражением смотрели на то, что их подчиненные имели свободный доступ к президенту.

Понятие «мозговой трест» объединяло всех, кто в то или иное время был близок к президенту: Г. Гопкинс, Д. Ачесон, Т. Коркоран, У. Вудин, Дж. Кеннеди, Ф. Франкфуртер и др. Л. Хоу был назначен секретарем президента, его помощниками — С. Эрли и М. Макинтайр.

II

Президент — личность историческая и ведет личный дневник, решил ФДР. Первые два дня президентства он заполнял дневник. На третий день бросил навсегда. Поэтому то, что делал Рузвельт 4—5 марта, известно из первоисточника.

Утром 5 марта Франклин проснулся раньше обычного в еще незнакомой спальне в Белом доме. В постели он позавтракал, оделся, и камердинер отвез его в кабинет. Он остался один. Гувер выехал накануне, пустой кабинет, голые стены — картины вешались по вкусу президента. На блестевшем лаком столе чисто: ни клочка бумаги, ни карандаша. Он выдвинул ящики — один, другой — пусты. Поискал кнопку звонка, не нашел. Гувер распорядился снять и забрать все, даже телефоны. Несколько минут он сидел в оцепенении, в душу невольно закрадывался страх. Калека на вершине власти громадного государства.

Он часто много лет спустя с содроганием вспоминал (на ум пришла аналогия): пораженный полиомиелитом президент

во главе парализованной нации. На мгновение встало видение: президент не может двинуть ни рукой, ни ногой, страна без руководства из центра распадается. Возникают необычные движения, другие люди берут власть. Дурной сон.

Рузвельт откинулся на спинку кресла и отчаянно закричал. Звук собственного голоса и появление секретарей — Мисси Лихэнд и М. Макинтайра — вернули в реальный мир. Начинались трудовые будни.

Все банки закрыты. Нигде, даже в Вашингтоне, невозможно получить по чеку. Катастрофа. Политический художник Рузвельт изобразил меры, принятые до него директорами банков, как увертюру «нового курса». Президент издал прокламацию о закрытии банков до 9 марта. На этот день была созвана чрезвычайная сессия конгресса. По стране разнеслась волнующая весть — президент повелел закрыть банки.

9 марта конгрессмены и сенаторы, готовые вотировать любой закон, собрались в Капитолии. Сенаторы Лафоллет и Костиган посетили накануне вечером президента, пытаясь внушить ему, что необходимо национализировать банковскую систему. «Не надо, — ответил ФДР, — банкиры заявили о своей готовности сотрудничать». Конгрессу был предложен «чрезвычайный закон о банках»: федеральная резервная система предоставляла займы банкам, министр финансов мог предотвращать массовое изъятие вкладов, банки будут открыты только тогда, когда их состояние будет признано «здоровым». Экспорт золота запрещался.

Обсуждение в палате представителей не продолжалось и сорока минут. Крики: «Голосовать! Голосовать!» Единогласно; через несколько часов сенат 73 голосами против 7 одобрил его. Оппозиции не существовало, лидер республиканцев в сенате Бирнс заявил: «Дом горит, президент Соединенных Штатов говорит, что так мы потушим огонь». В Капитолии не цеплялись даже за положение закона — конгресс одобряет все будущие меры президента в этой области.

Вечером 9 марта Рузвельт подписал закон. «Ростовщики» и «менялы» вздохнули с облегчением — грозу пронесло. Рузвельт, несмотря на досадные, с их точки зрения, левые речи, на деле оказался здравомыслящим человеком: укрепил банки государственными субсидиями. Министерство финансов стало их родным домом. Отделались испугом, хотя и значительным.

По закону лица, прячущие деньги в кубышку, наказывались тюрьмой; а как быть с теми, кто успел изъять свои вклады? Было объявлено, что имена тех, кто взял золото в банках после 1 февраля, пропечатают в газетах. Подействовало! Они понесли деньги обратно. Кредит покоится на доверии. Решительный за-

кон успокоил страну. Через несколько дней банки стали открываться. Вкладчики больше не штурмовали обитые бронзовыми листами двери. Свыше 2 тыс. банков не получили разрешения продолжить свою деятельность — они не были признаны «здоровыми». Обанкротившихся никто не жалел, если не считать вкладчиков, потерявших сбережения. В мире капитала выживает сильный и чрезвычайно изворотливый. Затем последовало распоряжение президента, отменявшее свободное хождение золотой валюты. Под страхом тюремного заключения на 10 лет и штрафа в 100 тыс. долл. было предложено обменять золото на бумажные банкноты.

Чрезвычайное мартовское законодательство расширил и закрепил закон Гласса — Стигала о банках, вступивший в силу 16 июня 1933 г. Инвестиционные и коммерческие банки разъединялись, что положило конец наглым спекуляциям типа практиковавшихся в 20-х годах — банкиры пускали в рискованные предприятия доверенные им деньги. Была создана федеральная корпорация, страховавшая вклады в банках до 5 тыс. долл. Предполагалось, что это даст возможность навсегда избегнуть острой паники, подобной возникшей в конце февраля 1933 года.

Рузвельт собирался распустить конгресс сразу же после принятия закона о банках. Первый успех окрылил его, и он начал бомбардировать конгресс законопроектами. 10 марта президент рекомендовал резкое снижение заработной платы федеральным служащим, членам конгресса и пенсий ветеранам. «Священная корова конгрессменов-политиканов — управление ветеранов — получила тяжелый удар»[1]. Всего предполагалось экономить 750 млн. долл. ежегодно, из них 300 млн. долл. на ветеранах. Билль почти вызвал бунт и прошел в палате представителей 206 голосами против 138, а также встретил резкое сопротивление в сенате. Однако 20 марта закон все же был принят.

Свободомыслие конгресса пришлось не по душе ФДР. Он полагался на то, что при значительном большинстве в обеих палатах сумеет без проволочек проводить все. В сенате было 65 демократов против 30 республиканцев, в палате представителей — соответственно 310 и 117. Закон был одобрен только потому, что 69 конгрессменов-республиканцев голосовали «за», но 90 демократов подали свои голоса «против».

Рузвельт, не откладывая дела в долгий ящик, дисциплинировал депутатов-демократов. Был учрежден неслыханный в истории конгресса комитет. Страна разбивалась на 15 округов; конгрессмены-демократы каждого округа выбирали представителя в комитет, а последний зорко наблюдал за тем, кто как голосует. Чтобы никто не сомневался, что и президент не дрем-

лет, демократическую фракцию информировали: «Когда экземпляр «Конгрешнл рекорд» (стенографического отчета о заседаниях. – *Н. Я.*) поступает на стол президента Рузвельта утром, он просматривает итоги нашего голосования и вновь избранные среди вас предупреждаются: поберегитесь, если вы окажетесь не там, где надо»[2]. В ответ раздались горестные вздохи, но урок пошел впрок. Посты «американского легиона», славшие телеграммы с проклятиями, были далеко, а президент рядом.

Рузвельт разрядил тягостную обстановку. Окончив ужин во второе воскресенье своего президентства, ФДР заметил: «Пришло время для пивка». Луи извлек избирательную платформу демократов, написали короткое – семьдесят два слова – горячее послание о разрешении продажи пива и 13 марта отправили в конгресс. В обстановке всеобщего ликования законодателей и мужской половины страны в Соединенных Штатах к концу года было разрешено употребление спиртных напитков, а одновременно введен порядочный налог на их продажу. Гангстеры, наладившие незаконное производство и ввоз спиртных напитков в страну, переключились в другие сферы – кривая ограблений, похищений детей и т.п. пошла вверх.

Управление по борьбе с нарушителями «сухого закона», ныне излишнее, вошло в Бюро расследований Э. Гувера, которое с 1935 года стало именоваться Федеральным бюро расследований (ФБР). Это отразило резко возросшие функции внутреннего сыска. Уже с 1933 года стремительно создается культ ФБР. В прессе, по радио, в кино пропагандируются дела «джи-менов» – агентов ФБР, по официальной мифологии, защитников слабых и грозы гангстеров. Для создания их экранизированного эпоса ФБР открыло с 1934 года архивы сценаристам. В считанные годы происходит поразительная метаморфоза: нация, почитавшая себя демократической, буквально молится на ФБР. Расцвет внутреннего сыска (о нем пока говорили как о борце с уголовным миром!) полностью отвечал воззрениям Рузвельта на роль карательных органов в современном государстве. Президент прямо поощрял неслыханную рекламу и саморекламу ФБР.

Пожалуй, наиболее личной из всех реформ «нового курса» было учреждение Гражданского корпуса сохранения ресурсов – ССС (Civil Conservation Corps). ФДР очень давно вынашивал эту идею, и она была особенно близка его сердцу. 21 марта 1933 г. он предложил конгрессу направить безработных городских юношей на работу в лесные районы. Тем самым, считал президент, удастся улучшить естественные ресурсы страны, укрепить здо-

ровье молодежи, а главиое, о чем ФДР, естественно, умалчивал, убрать из городов горючий материал. Внутри кабинета знали истинную цель ССС. Как писала Ф. Перкинс, «речь шла о том, чтобы привлечь в иего безработных, иежелательных лиц из больших городов».

В мае 1933 года ветераны устроили второй поход иа Вашингтон. Их ожидал совершенио иной прием, чем при Гувере. Рузвельт предоставил в их распоряжение военный лагерь, распорядился кормить трижды в день, ие ограничивать в потреблении кофе, а для совещаний руководителей похода отвели громадную палату, где они иаговорились вдоволь. Военный оркестр развлекал ветеранов, военные врачи бесплатно лечили больных. Накоиец Э. Рузвельт вместе с Луи Хоу явились к ним в лагерь. Скептик Луи остался дремать в машиие, зиергичная Элеоиора месила грязь по щиколотку в лагере, а затем дирижировала хоровым пением участников похода. Контраст был очевиден: Гувер выслал против них армию, ФДР прислал жену. Президент тепло принимал делегации ветеранов, сердечно беседовал с ними, и ие прошло двух недель, как подавляющее большинство участников похода записалось в ССС. Белый дом ликовал. Хоу в иесколько иеобычном для иего романтическом духе рисовал картину массового исхода безработных (разумеется, с оркестрами и знамеиами) в дремучие леса. Идея, однако, получила чисто практическое воплощение в жизнь.

Уже в иачале лета были созданы лагеря иа 250 тыс. молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет из семей, получающих помощь, а также безработных ветеранов. Там они имели бесплатное питание, кров, форму и доллар в день. Работы проводились под иаблюдением инженерно-технического персоиала, во всем остальиом юиоши подчинялись офицерам, мобилизованным из резерва американских вооруженных сил. В лагерях вводилась почти воииская дисциплиив, включая строевые занятия. ССС дал допризывную подготовку миллионам юиошей. В ССС отличился полковник Дж. Маршалл, руководивший организацией 17 лагерей.

Профсоюзы резко осудили ССС, заявляя, что идет милитаризация труда и сбивается заработная плата. У. Грин сообщил объединенному комитету конгресса: «От идеи попахивает фашизмом, гитлеризмом». Масла в огонь подлило заявление заместителя военного министра Г. Вудриив, который в 1934 году указал: «Лагеря ССС – предвестники великих грандиозных армий труда будущего. Я считаю, что их следует расширять, полностью поставить под контроль армии» и превратить ССС вместе с ветеранами войны и безработными в «экономических

штурмовиков». Белый дом был вынужден опровергнуть заявление Вудрина.

ССС превзошел ожидания Рузвельта и оказался очень популярным. К 1935 году лагеря были расширены вдвое — до 500 тыс. человек, а всего до второй мировой войны, когда Гражданский корпус сохранения ресурсов был распущен, в них побывало около 3 млн. человек. ССС проделал основательную работу: лесонасаждения, чистка лесов, мелиорация, рытье прудов, улучшение парков, мостов, дорог и многое другое.

ФДР постоянно следил за ССС, был поразительно осведомлен о мельчайших деталях его деятельности. ФДР в середине 30-х годов предложил устроить лесозащитную полосу по 100-му меридиану от границы Канады до города Абилена, штат Техас. Консерваторы протестовали, указывая, в частности, что если бог не захотел выращивать деревья на великих равнинах, то и «новый курс» окажется бессильным. ССС доказал обратное, высадив свыше 200 млн. деревьев.

III

Весной 1933 года никогда не прекращавшееся движение фермеров пробудилось с новой силой. Мелкий собственник вставал горой на защиту своего заложенного и перезаложенного имущества — фермерская задолженность оценивалась почти в 12 млрд. долл. Он стоял перед реальной угрозой потери достояния семьи, накопленного своим трудом, сокрушающей силы работой отца и деда. Над миллионами ферм вот-вот должен был опуститься беспощадный молоток аукционера.

Консервативные фермерские организации видели выход в подъеме цен на сельскохозяйственные продукты. Отсюда требование «дешевых денег» как средства разрешения кризиса деревни. Они указывали, что в 1932 году доход от сельского хозяйства составил около трети от 1929 года, а соотношение цен промышленных товаров и продовольствия упало до 55 против 89 в 1929 году (1910—1914 гг. = 100).

Часть фермеров, в первую очередь объединенных в фермерскую стачечную ассоциацию во главе с М. Рено, громко призывали к насильственным действиям. Они взывали к старой американской доктрине святости частной собственности и были готовы, если понадобится, отстаивать ее с оружием в руках — свои фермы, во всяком случае. Вековая борьба банкиров Новой Англии и фермерского Запада возродилась. Ничего нового для знаю-

щих амернканскую историю. Но совершенно иеобычным был высокий накал страстей. Среди фермеров все громче раздавались голоса, чтобы правнтельство рефинансировало с низкнм процентом фермерскую задолженность, провело нифляцию н тем самым подняло цеиы.

Рузвельт 16 марта предложил конгрессу компромиссиый план. В целях восстановления покупательиой способности фермеров н поддержания цеи на сельскохозяйствеиные продукты посевные площади сокращаются, правительство гарантирует выплату процеитов с фермерской задолженностн иа сумму не свыше 2 млрд. долл. На компании, перерабатывающие сельскохозяйствеииые продукты, устанавливается иалог для выплаты компеисации фермерам за сокращение посевных площадей. Плаи вызвал распри в конгрессе. В палате представнтелей Ф. Бриттен восклицал: «Закоиопроект, находящийся иа рассмотрении коигресса, является более большевнстскнм, чем любой закои, существующий в Советской России». Да, подтвердил другой конгрессмеи, Дж. Мартии: «Мы иаходимся на дороге в Москву». Обсуждение затянулось.

Пока закоиодателн взвешивали все «за» н «протнв», вмешалась жнзиь. Фермеры перешли от слов к делу, события лета 1932 года повторились в куда более угрожающей форме. 27 апреля в малеиьком городе Ле-Марс, штат Айова, более пятнсот фермеров ворвались в здание суда, где ретивый судья охотно выносил решения об отчуждении собственности за долги. Судья обратил внимание толпы на то, что в здании суда не иосят шляп и ие курят. В ответ ему разъяснили, что «здание суда ие его. Мы, фермеры, оплатилн его иалогами». Судью вытащилн иа улицу. Приiесли веревку, поставили его иа колени и предложилн помолнться перед смертью. В конце концов фермеры смилостивилнсь и ушли, оставив в дорожиой грязи нзбнтого до полусмерти блюстителя закоиа.

Когда в другом округе в штате Айова толпа фермеров разогиала агентов, явившихся продавать за долги ферму соседа, губернатор ввел воеииое положение в дюжиие округов. Солдаты национальиой гвардии наводнили округ, около полутораста человек арестовалн. Во миогих штатах попытки продать ферму с молотка проваливались: вооруженные фермеры являлнсь на аукцион и назначали смехотворную цену за имущество. Когда вокруг стояли мрачные, решительные люди, язык покупателя прилипал к гортани, ои прекрасно видел веревочную петлю, небрежио свнсавшую где-либо поблизости. Выкупленное за гроши имущество тут же возвращалось владельцу. Аукционы повсеместно прекратились. Фермерская стачечная ассоциация, пер-

воначально наметившая национальную забастовку на 3 мая, установила крайним сроком 13 мая.

Бунт фермеров следовал традициям буржуазной республики: они восставали в защиту частной собственности. За день до начала всеобщей фермерской забастовки конгресс принял закон о регулировании сельского хозяйства — ААА (Agricultural Adjustment Act). В его первой части подробно излагались меры по сокращению посевных площадей и поголовья скота в интересах восстановления цен. Во второй — предусматривались чрезвычайные меры по рефинансированию государством фермерской задолженности, и в третьей объявлялось о том, что доллар больше не привязан к золоту.

Президент Рузвельт встал на путь инфляции.

Если подход к делу президента полностью отвечал концепциям Уолл-стрита, когда имелось в виду ортодоксальными мерами восстановить финансовую стабильность в США, то ААА и в первую очередь его положения, предусматривавшие инфляцию, вызвали почти панику. Директор бюджетного бюро Л. Дуглас, назначенный ФДР, восхищавшийся новым президентом, теперь воскликнул: «Конец западной цивилизации!»[3]. Рузвельт сверг с пьедестала идола Дугласа и финансистов старой школы — золотой доллар.

Проведением ААА занялось министерство сельского хозяйства. Вновь созданная фермерская кредитная ассоциация во главе с Г. Моргентау-младшим уже до конца года открыла фермерам кредиты на 100 млн. долл. Продажа с аукционов почти прекратилась, закладные продлевались. Банкиры негодовали: вторжение правительства привело к тому, что вместо 16 процентов и больше с суммы займа они могли получать 5 процентов.

IV

Рузвельт-кандидат обещал американцам работу. Весной 1933 года мало что изменилось в стране, безработные нуждались в срочной помощи. 21 марта президент энергично потребовал создания Чрезвычайной федеральной администрации помощи — FERA (Federal Emergency Relief Administration), на которую следовало ассигновать 500 млн. долл. на прямые дотации штатам. Они распределят средства среди нуждающихся, на доллар федеральной дотации штат добавит три своих.

Предложения Рузвельта вызвали обычный прием у староверов в Капитолии. Сенатор Р. Люс заявил: «Это социализм, хотя я затрудняюсь сказать, не коммунизм ли это». Другой сена-

тор, Ч. Бнди: «Господи! Спаси американский народ»[4]. То было мнение твердолобого меньшинства, конгресс вотировал закон. FERA строилась по принципу TERA штата Нью-Йорк. Рузвельт вызвал в Вашингтон Г. Гопкинса, который 22 мая стал администратором FERA и, не дожидаясь, пока его стол передвинут из коридора в кабинет, приступил к работе. Он понимал, что нельзя терять и дня, от голода продолжали умирать. Умник принес ему некий план, который окажется полезным «в конечном счете». Гопкинс отрезал: «Люди не едят в конечном счете, они едят каждый день»[5].

Раздача пособий облегчала положение прозябавших в нищете, но не подвигала ни на шаг к решению проблемы занятости. ФДР и его советники понимали временный характер FERA. Проблема, как вновь пустить в ход колеса американской промышленности, оставалась нерешенной. Они соглашались в одном: во всем повинен хаос, вызванный конкуренцией, — но не могли прийти к единым выводам относительно путей его преодоления. Получили большое распространение различные планы «распределения работы» — сенат даже принял 6 апреля закон об ограничении рабочей недели 30 часами, чтобы повысить занятость. ФДР нашел его непрактичным: а «как быть, если приходится устанавливать рабочий день в соответствии с циклом дойки коров?» — поинтересовался он. Инициатива сената внесла еще большую сумятицу.

Крупный капитал давно добивался укрепления промышленных ассоциаций, разделения рынков между ними и прекращения действия антитрестовского законодательства. Эти идеи пропагандировались Национальной ассоциацией промышленников и Торговой палатой, за них и ухватился Рузвельт. Он высказался за совместное «планирование» правительства и предпринимателей, иными словами, отстаивал укрепление государственно-монополистического капитализма. Р. Моли осторожно указал президенту, что это идет вразрез с главными догматами свободного предпринимательства и основной философией американского капитализма, на что ФДР резонно возразил: «Если бы эта философия не потерпела банкротства, сегодня здесь сидел бы Герберт Гувер».

Закон о восстановлении национальной промышленности — NIRA (National Industrial Recovery Act), вступивший в силу 16 июня 1933 г., как в зеркале отразил смятение умов администрации по поводу путей оживления экономической деятельности. В первой части закона, названной «Восстановление промышленности», заявлялось, что в стране — чрезвычайное положение, справиться с которым необходимо путем сотрудничества

правительства и промышленников. Во всех отраслях промышленности предлагалось ввести «кодексы честной конкуренции», то есть обязательные правила относительно объема производства, применения равных технологических процессов, техники безопасности и т.д. Кодексы запрещали детский труд, устанавливали минимальную заработную плату и максимальную рабочую неделю. Каждый кодекс подлежал утверждению президентом. В разделе 7А провозглашалось право рабочих на коллективный договор и организацию профсоюзов. Раздел 7А несомненно являлся уступкой трудящимся.

Вторая часть закона — «Общественные работы и строительные объекты» — предусматривала ассигнование невероятной по тем временам суммы — 3,3 млрд. долл. — на государственные работы, от постройки новых военных кораблей до расчистки трущоб и ремонта дорог. Ни одно строительство, однако, не должно было начинаться без утверждения его военным ведомством. ФДР смотрел очень далеко. В то же время предполагалось, что ассигнованные миллиарды долларов решат непосредственные проблемы: повысится занятость, и взлетят вверх индексы экономической жизни.

NIRA вводился на два года; все меры, проводимые в соответствии с ним, изымались из действия антитрестовского законодательства. Крупный капитал, собственно и настоявший на NIRA, был удовлетворен: «кодексы честной конкуренции» — применение равных правил к неравным по своему оснащению предприятиям — дали возможность подавить слабейших конкурентов, а отмена антитрестовского законодательства сулила ускорение процесса монополизации. Иные крупные бизнесмены теперь уверенно смотрели в будущее, полагая, что NIRA, необычайно похожий на систему корпоративного государства Муссолини, сотворит на американской почве те же «чудеса», что и в Италии. Аналогия между NIRA и организацией хозяйства по типу фашистской Италии в кризисные годы не пугала руководителей Америки.

Американский историк Д. Фримен в 1939 году попросил секретаря Рузвельта М. Макинтайра конфиденциально выяснить у президента, каких взглядов на фашизм он придерживался до 1933 года. ФДР ответил: «Следует помнить, что в то время Муссолини еще сохранял видимость парламентарного правления и многие, включая меня, надеялись, что, восстановив порядок и мораль в Италии, он по доброй воле пойдет к восстановлению демократических институтов». Коротко говоря, суммировал Рузвельт, фашизм до 1933 года «был еще в стадии эксперимента»[6]. Рузвельт был прирожденным экспериментатором.

Организованное рабочее движение сказало спасибо президенту за раздел 7А NIRA, однако не питало необоснованных надежд на то, что теперь все пойдет на лад. Право на коллективный договор и профсоюз можно было осуществить только борьбой: закон устанавливал лишь принцип. Суть NIRA коротко охарактеризовал совет безработных Нью-Йорка — «святой союз предпринимателей, правительства и чиновников АФТ».

Рузвельт оптимистически указал: «История отметит закон о восстановлении национальной промышленности как наиболее важный и далеко идущий, когда-либо принятый американским конгрессом». Генерал Джонсон, душа подготовки NIRA, не сомневался, что ему поручат проводить закон в жизнь. Президент, однако, поближе познакомился с генералом, чья самоуверенность не всегда равнялась деловым качествам. Хотя ФДР уже заверил Джонсона: «Хью, тебе придется сделать зту работу», — он сделал генерала только руководителем Национальной администрации восстановления (NIRA), а тратил 3,3 млрд. долл. Г. Икес. Администрация общественных работ — PWA (Public Work Administration) подчинялась министру внутренних дел.

Негодованию Джонсона не было пределов. Он предрекал, что зкономика с одним легким — NIRA — задохнется. Генерал так и не уразумел, что ФДР хотел держать все нити в своих руках.

V

В горячке первых месяцев президентства ФДР действовал под влиянием событий. Законы, принятые по его инициативе, имели в виду оборону — укрепить американский капитализм и предотвратить социальные последствня кризиса. Чрезвычайное законодательство, порожденное чрезвычайными обстоятельствами.

Единственное исключение — создание Управления долины реки Теннесси — TVA (Tennessee Valley Authority), в котором воплотились мечты Рузвельта-строителя о лучшей Америке. TVA было предметом его особой гордости до самой смерти.

Бассейн реки Теннесси охватывает семь южных штатов страны. В первой половине прошлого столетия то были земли процветающего хлопководства. Беспощадная зксплуатация земли истощила почвы, хищническая вырубка лесов после гражданской войны усилила начавшуюся зрозию. Грязевые потоки, вызывавшиеся частыми дождями, стали бичом земледельцев. В начале века долина реки Теннесси являла пример того, к чему приводит бездушное расточительство естественных ресур-

сов. В 20-х годах доход семьи здесь не достигал и половины среднего дохода в США.

Во время первой мировой войны в южных штатах было намечено развернуть производство нитритов для взрывчатых веществ. У маленького городка Маскл-Шоалз в штате Алабама приступили к постройке крупной плотины, получившей имя Вильсона. Война окончилась. Недостроенные плотина Вильсона, еще четыре плотины и заводы остались памятниками военных усилий США. Гидростанций у этих плотин так и не успели соорудить.

В 20-х годах вопрос об использовании гидроресурсов Теннесси отнял больше всего времени в конгрессе. Монополии были не прочь взять на себя «развитие» ресурсов реки, планируя на основе дешевой электроэнергии наладить производство химических удобрений. Сенатор Д. Норрис, сплотивший вокруг себя либералов, блокировал их попытки: в 1928 и в 1931 годах ему удалось провести через конгресс закон об использовании ресурсов Теннесси федеральными властями. Президенты Кулидж и Гувер последовательно наложили вето на закон как на вводящий «социализм» в благословенной стране частного предпринимательства. Закон Норриса, заявил Гувер, «отрицает самые основы нашей цивилизации».

Хотя неотложные дела выматывали силы президента, он 10 апреля направил конгрессу специальное послание, предлагая создать в бассейне реки Теннесси «правительственную корпорацию, обладающую гибкостью и инициативой частного предприятия». Послание президента, романтически взволнованное, звало сенаторов и конгрессменов «возродить дух и чаяния первых пионеров». ФДР обещал, что вслед за учреждением TVA последуют «аналогичные проекты для развития других наших районов». По мысли Рузвельта, TVA предстояло наладить производство электроэнергии, бороться против эрозии, сделать лесопосадки, контролировать промышленность, получающую электроэнергию Теннесси, и помочь бедствующим фермерам.

Раздались исступленные вопли рыцарей наживы, в их авангарде шел У. Уилки, президент «Коммонуэлс энд Сауэерн» — компании, контролировавшей энергетику Юга. На выборах 1932 года У. Уилки голосовал за ФДР, теперь он напал на президента. «Забрать наш рынок (сбыта электроэнергии. — *Н. Я.*) — значит лишить нас собственности», — утверждал Уилки. Пусть правительство, если желает, производит электроэнергию на Теннесси, но передачу и отпуск ее должны производить частные компании. Печать вне всякой меры распропагандировала Уилки, что подбодрило его, и он понес явную несуразицу: электроэнер-

гия просто ие ийдет потребителя, деньги налогоплательщиков истратят зря, а производство удобрений — чистейшая химера. В палате представителей конгрессмеи Дж. Мартин заявлял: TVA «точно строится по образу и подобию советских планов». Конгрессмен Ч. Итон вторил: «Этот закои и аналогичные ему являются попыткой виедрить в американскую систему русские идеи». Оппозиция проиграла, в палате представителей учреждение TVA было одобреио 306 голосами против 91, в сеиате — 63 против 20. 18 мая 1933 г. Ф. Рузвельт подписал закои.

В океане свободного предпринимательства возникло TVA, деятельность которого затронула в той или иной степени 640 тыс. кв. миль. В последующие годы TVA преобразило лицо этого еще недавно забытого и запущенного района. К пяти плотинам на Теннесси было добавлено двадцать — река стала судоходной. Значительно улучшено земледелие, остановлена эрозия, поднялись молодые леса. Показателем успеха был резкий рост доходов населения бассейна Теииесси. Соревиование между TVA и частными компаниями кончилось их поражением. «Без TVA, еще одного озарения ста дней, две атомные бомбы, завершившие вторую мировую войну, никогда не могли быть созданы»[7].

Опыт TVA — комплексиого развития экоиомического райоиа — больше ие был повторен нигде в Соединенных Штатах. Рузвельту часто бросали обвинение в том, что TVA — «социализм», и упорно допытывались, какими соображениями, собственно, он руководствовался, настояв на учреждении этой организации. Он отвечал: «Называйте TVA хоть рыбой, хоть мясом, но оно удивительио вкусио для жителей долины Теннесси». Так ФДР говорил публично. Философия все же существовала. В 1934 году его восхитил рассказ американца, приехавшего из Австрии, о том, что социалисты, владеющие клочком земли, не поддерживают своих воинственных городских партийных товарищей. «Эта флегматичность, — заметил ФДР, — объясняется тем, что они землевладельцы». Его идея заключалась в том, чтобы «предотвратить возникновение пролетарской психологии в Америке, дав заводскому рабочему землю», что и практиковало TVA. «Могут называть новый курс социализмом, — добавил он, — но цель нового курса — увеличить число держателей акций. Разве это социализм?»[8] — и первый разразился смехом.

Теперь, когда песок десятилетий засыпал пропасти разногласий, возникших в 30-х годах между сторонниками «свободиого» и государствеино-монополистического капитализма, в Соединенных Штатах больше не ставятся под сомнение мотивы ФДР. Как писал к исходу 50-х годов историк профессор Дж. Вудс, «Рузвельт, хотя иа него и нападали капиталисты, был спасителем

капитализма. Ему никогда ие приходило в голову подорвать основную структуру американской системы, которая при нем ие потерпела ущерба, а поздоровела. Ои сопротивлялся соблазну ввести принцип общественной собственности в уже сложившиеся секторы экоиомики. Он не думал о иационализации банков, когда их двери были закрыты, или железных дорог, в большинстве своем обанкротившихся. Однако ои учредил Управление долины рекн Теннесси с целью разрешить проблемы, которые были ие под силу частиому предпринимательству»[9].

VI

16 июня 1933 г. конгресс разъехался на каникулы. «Сто дней» Франклина Д. Рузвельта подошли к концу. Можно было подвести итоги.

Экономика страны заметно оживилась, хотя подъем был вызван не столько реальными факторами, сколько следствием оптимистических надежд, возникших с приходом ФДР. Официальный индекс промышленного производства вырос с 56 в марте до 101 в июле, цены на сельскохозяйственные продукты поднялись с 55 до 83 пунктов, розничные цены на продовольствие подскочили на 10 пунктов. Каждая хозяйка, отправлявшаяся в магазин, живо ощущала цену «восстановления». Однако занятость в июле на 4 млн. человек превысила мартовский уровень, 300 тыс. юношей выехали в лагеря ССС, а стремительное расширение системы федеральной помощи явилось проблеском надежды для безработных.

Хотя в Вашингтоне знали, что хозяйственная конъюнктура взвинчена чрезвычайными мерами, обстановка разрядилась. «Не будет преувеличением сказать, – писал Р. Тагвелл, – что 4 марта мы стояли перед выбором: либо упорядоченная революция – мирный и быстрый отход от прошлых концепций, либо насильственное свержение всего капиталистического строя». Никто не может сказать, заметил Х. Джонсон, «насколько близко мы были к краху и революции. Диктатору у нас было появиться легче, чем в Германии». Популярный журнал «Коллиерз» написал о «ста днях» в редакционной статье: «У нас произошла наша революция, и она нам понравилась».

Говоря о конце начала – итогах «ста дней» ФДР, Ф. Фрейдель суммировал: «Великий спор, продолжавшийся в Америке до конца пребывания Рузвельта в Белом доме и еще почти десять лет, касался не того, зашел ли он слишком далеко, а достаточно ли далеко он пошел»[10].

Деловой мир, за небольшими пока исключениями, благословлял Франклина Д. Рузвельта, иные даже считали, что он сделал больше, чем Христос. Сам ФДР, по-видимому, не претендовал на заоблачные выси, гиперболизм сравнения разве что позволяет измерить глубины отчаяния и страха имущих в канун прихода к власти новой администрации.

В 1936 году на закрытой пресс-конференции он провел аналогию между Францией Народного фронта и Соединенными Штатами: «Вообразите на мгновение, что братец Гувер остался бы президентом до апреля 1936 года, продолжая свою политику четырех предшествовавших лет, не сделал бы никаких шагов в направлении социального обеспечения или помощи фермерам, или ликвидации детского труда и сокращения рабочего дня, введения пенсий по старости. Если бы это случилось, в апреле нынешнего года положение в нашей стране весьма напоминало бы обстановку, которую нашел Блюм, придя к власти. Французы двадцать пять или тридцать лет ничего не делали в области социального законодательства. Блюм взялся за него, ибо получил всеобщую забастовку уже в первую неделю пребывания у власти. Забастовщики потребовали 48-часовой рабочей недели... Блюм провел закон, сокращавший рабочий день. Они потребовали оплачиваемого выходного дня в неделю, затем они потребовали немедленно создать комиссию для подготовки плана обеспечения пенсиями престарелых. Блюм сделал все это, но разве это не было слишком поздно?»[11].

Попытки приклеить ярлыки к его программе ФДР просто-напросто высмеивал. Выступая в июне 1934 года с речью по радио, он сказал: «Некоторые робкие люди, боящиеся прогресса, попытаются дать новые и незнакомые названия тому, что мы делаем. Иногда они назовут это «фашизмом», иногда «коммунизмом», иногда «регламентацией», иногда «социализмом». Поступая так, они пытаются запутать все и превратить в теоретическое нечто самые простые и практические дела. Я верю в практические объяснения и практическую политику. Я считаю, что то, что мы делаем теперь, является необходимым выполнением неизменной миссии американцев — претворения в жизнь старых и проверенных идей американизма»[12].

В 1944 году, выставив свою кандидатуру на пост президента в четвертый раз, Ф. Рузвельт был еще откровеннее. На массовом митинге в Бостоне ФДР с удовлетворением оглянулся на пройденный путь: «Если когда-нибудь было время, когда духовные силы нашего народа были подвергнуты испытанию, то это было во время великой депрессии, как именовали американский кризис 1929–1933 годов. Тогда могло случиться, что наш

народ обратится к чужеземным ндеологиям – вроде коммунизма или фашизма. Однако наша демократическая вера была достаточно прочной. В 1933 году амернканский народ требовал не урезывания демократии, а ее расширения. Именно этого он добился»[13].

Разумеется, «демократии» в понимании класса, к которому принадлежал президент. Не одними словами, но и делами Рузвельт сумел мобилизовать веру н гордость за свою страну у американцев, умело пробудив хрестоматийные воспоминания о тех временах, когда юные Соединенные Штаты с азартом бросали вызов тиранам Старого Света. Он предложил очистить амернканское наследие от наслоений монополий. Ему поверили.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «СИНЕГО ОРЛА»

I

Рузвельты заполнили Белый дом, как будто вернулнсь в родной очаг. Франклнн н Элеонора зналн резиденцию президента с дней юности, для детей просторный дом не был непривычным – они выросли в громадных комнатах Гайд-парка. Со времен Теодора Рузвельта Белый дом ие видел такого оживления, с тех пор в нем никогда ие резвилнсь дети. Гнетущая атмосфера царила прн Гувере, который страдал на торжественных обедах, уставал на прнемах и иеиавндел концерты. Теперь все преобразилось: мрачный склеп, где говорилн вполголоса, превратился в жилнще большой семьи.

Белый дом наводнилн шумные н энергнчные Рузвельты – сыновья Франк н Джеймс проводилн здесь каникулы, младшие Джнмми и Эллиот не моглн усидеть иа месте. К родителям после развода вериулась Анна с двумя детьмн. Всюду толклись родствеиники, двоюродные и троюродные братья и сестры. Летом, когда вваливались приглашеиные на каникулы студенты нз Гарварда, спалеи ие хватало. Офнциальные лнца в иедоуменнн пожимали плечами: везде громкне голоса, топот ног по лестницам н даже – о ужас! – лай собак! Потом прнвыклн.

На всех, кто встречался с ним, а презндент прнинмал людей в среднем каждые пятнадцать минут, ФДР пронзводил впечатление демократического лндера, готового рассмеяться удачной шутке и шутившего прн каждом удобном случае. Его хоббн были широко известны: игра в покер, чтение детективных романов, коктейлн и коллекционирование марок (в середине 30-х годов 25 тыс. в 40 альбомах). Выяснилось, что президент начисто лишеи сколько-нибудь глубокого понимания нскусства и вкуса к иему. Он не мог отлнчить хорошей картины от дурной, художествеииой скульптуры от безвкусной подделкн, а музыку просто не понимал. Критикн нового хозяина Белого дома злорадно подметили н это, не замедлнв оповестнть со страниц газет о заурядном человеке – презнденте. Кое-кто посмеивался иад страстью ФДР к сентиментальным нсториям.

Вашингтоиские ханжи никогда не моглн простить вторжение Рузвельтов в Белый дом. Аитипатия к ним росла с годами по мере развертывания «иового курса», а открытый быт семьи служил пищей для бескоиечных сплетеи и пересудов высшего света столицы. Хотя Рузвельты не могли изменить обстановку на первом этаже жилища президеита — здесь все находилось под наблюдением государствеиной комиссии изящных искусств, второй н третий этажи преобразились, в первую очередь кабииет президеита и его спальия.

Сплетники лицемерно ужасались, передавая из уст в уста: чииовник явился к президеиту с делом необычайиой важности. ФДР, ие задумываясь, отдал указание, а затем стал советоваться: где повесить хвост любимого рысака его отца — в спальие или в кабинете? Не известно, что ответил чииовник. Хвост украсил угол спальни президента. Оиа была больше, чем кабииет, и трудно сказать, какое из помещений выглядело более рабочим, — обе комиаты наводняли книги и бумаги. На стеиах — любимые картииы президеита, везде сувениры.

Рузвельты былн очень гостеприимны. Это нмело свои последствия — гости уносили нз дома мелкие вещи в качестве сувениров. Чтобы пресечь разграбление, ФДР распорядился написать иа спичечных коробках: «Украдено у Рузвельтов». Элеонора имела свои представления об уюте. Друзья Рузвельтов привыкли к хаосу и беспорядку в доме. Не только чопорных гостей, но и близких шокировало многое. Комиаты для гостей в Белом доме были поразительно неуютны, а кровати, замечает С. Розенман, — «конечно, зто неблагодарность, но я должен сказать — все кровати былн одинаково неудобны». Только в 1939 году в связи с посещением США королем Георгом и королевой Елизаветой была сделана безуспешиая попытка привести Белый дом в порядок.

Элеонора в соответствни с провозглашенной правительством зкономией готовила мужу завтрак стонмостью 19 центов. ФДР с суровой решимостью съедал его. Это было в конце концов личным делом президеита, но обеды! Миссис Несбит, повар, приглашенная нз Гайд-парка, считала простую пищу н по-простому приготовлеиную самой здоровой, ио гости ие были склонны разделять ее вкуса. Дурные обеды в Белом доме сталн притчей во языцех. Тагвелл находил пищу «ужасающей», Икес, отнюдь ие гурман, отплевываясь после зваиого обеда у президента, возгласил: «Второй случай в моей жизни, когда я пил такое дрянное шампаиское». ФДР, зиавший толк в еде, молча мучился, ои зиал возможиости Элеоноры как хозяйки. Насмешливые рассказы, циркулировавшие по Вашиигтону, о том, что самый

могущественный человек не может получить приличный обед, не были преувеличением. Не показная скромность, а заурядная бесхозяйственность.

Президент получал в год 100 тыс. долл., а тратил 175 тыс. долл. Много уходило на представительство, по обычаю Рузвельты кормили за свой счет штат Белого дома — 90 человек. Нужно было содержать Гайд-парк, Кампобелло и Уорм-Спрингс. Приходилось поэтому экономить, в доме президента в Уорм-Спрингсе так и не был установлен электрический холодильник.

Образ жизни президента в 1933—1945 годах был излюбленной мишенью для нападок. Снобы смеялись и удивлялись, а простому люду западала в душу мысль, что президент — «свой парень». Как объясняет Тагвелл, высший свет «с необычайной легкостью пришел к убеждению: стоит привлечь внимание к тому, что ни он, ни его семья не подходят Белому дому, как будет что-то сделано. Их негодование должны разделить все. Эти слухи, распространявшиеся на званых обедах в Вашингтоне или на ужинах в темных, чопорных комнатах старых домов, лишь укрепляли положение Рузвельтов, чего реакционеры не могли никогда понять. Франклину очень помогло то, что печать, обозреватели и радиокомментаторы по большой части злобно обрушивались на него. Его счастьем было и то, что собственный «класс» рассматривал Рузвельта предателем. Избирателям хотелось лишь одного, чтобы газеты Маккормика — Скриппса — Говарда — Херста говорили о ком-то как о враге делового мира. И простые люди чувствовали себя в родстве с Рузвельтами, которых «общество» подвергало остракизму, а к последнему истинные демократы всегда относились с подозрением и презрением»[1].

ФДР был очень прост. Однажды Икеса пригласили рано утром к президенту. Он нашел ФДР в ванной, по соседству со спальней. Президента брили. Заметив, что старику министру неудобно докладывать стоя, он радушно предложил сесть на туалетный стульчик. И они продолжили обсуждение дел большой государственной важности. «Меня вновь потрясли, — записывал Икес в дневнике, — неподдельная простота и большое обаяние этого человека».

В середине 30-х годов на Бродвее пользовалась большой популярностью музыкальная комедия «Мне хотелось бы быть правым», где в юмористических красках изображался ФДР «ста дней». Актер, изображавший Рузвельта, внушительно диктовал стенографу законы, вместо того чтобы посылать законопроекты в конгресс. Рузвельт сам не видел спектакля, но услышал о нем от друзей, высоко оценил остроумие драматурга.

Особенно полюбилась ему фраза, с которой актер, игравший ФДР, обращался к стенографу: «Мак (имелся в виду Макинтайр. — *Н. Я.*), запиши закон!» Отныне на деловых заседаниях ФДР часто обращался к Грейс Талли: «Грейс, запиши закон!» — и диктовал различные распоряжения.

Иллюзорная доступность ФДР являлась непреодолимым препятствием для тех, кто пытался разгадать, что таилось за маской демократа-весельчака. Быть может, неупорядоченный быт семьи давал ключ: Рузвельт жил политикой, ничто, помимо нее, глубоко не затрагивало его. Он неизменно был ровен и спокоен, никогда не выходил из себя и почти не показывал раздражения. Утомление не лишало его собранности, лишь резче обозначались синяки под глазами и начинали дрожать руки. «Это наша фамильная черта, — говаривал ФДР, — у моих мальчишек точно так дрожат руки». Врачи отмечали поразительное физическое здоровье президента. «Он весь сила, — сказал д-р С. Юнг, осмотрев Рузвельта в 1936 году, — он человек высшего, однако непроницаемого ума, совершенно беспощадный, чрезвычайно гибкий интеллект, решения его нельзя предвидеть».

Он всегда был готов действовать, как актер на сцене. Никому и никогда не удавалось застать ФДР врасплох, входившего встречал «невинный взор дьявольски умных глаз... великого актера», как заметил один из близких президента. «Я никогда не знал, что у него на душе», — жаловался Р. Шервуд, а он провел многие годы бок о бок с Рузвельтом. Могли ли знать те, кто открывал душу перед благожелательным слушателем в Белом доме, наставительно напишет Р. Никсон спустя почти полвека, что «первым президентом, записывавшим свои беседы, был Франклин Рузвельт. Микрофон был вмонтирован в настольную лампу в Овальном кабинете»[2].

Рузвельт иной раз гордился своим актерским дарованием. Просмотрев киножурнал о себе, он удовлетворенно заметил: «Во мне есть что-то от Гарбо». Вероятно, он нашел себя столь же обаятельным, как прославленная красотой кинозвезда.

Икес, Моргентау, Ричберг, Джонсон и многие другие сходились в одном: Рузвельт недоступен, никогда нельзя понять его внутренних мотивов. А как Элеонора? ФДР всегда отзывался о жене с величайшим уважением. Члены кабинета часто слышали от него, писала Грейс Талли, «длиннейшие рассуждения, основывавшиеся на том, что моя жена сказала мне то-то и то-то». При всем том Элеонора оставалась в неведении о мотивах важнейших решений ФДР.

Она, например, узнала, что муж выставляет свою кандидатуру в президенты, не от него, а от Луи Хоу. «Франклин, — писа-

ла она, — очень немного говорил о своей работе за столом и в кругу семьи»[3]. Тагвелл с большой симпатией отзывался об Элеоноре: «Она разделяла с Франклином то, что ей разрешалось разделять, и полностью раскрыла свое верное сердце, удовлетворяя его желания и нужды. Однако Франклин сам не имел ключа к своей подсознательной сдержанности и далеко не отвечал взаимностью... Когда он стал президентом, она знала о помыслах мужа немногим больше, чем остальные окружавшие его»[4].

Он был безразличен к собственной безопасности. Охрана президента намучилась со своим подопечным. Он любил разъезжать в открытом автомобиле или медленно идущем поезде. «Ничто так не веселило моего мужа в Гайд-парке или Уорм-Спрингсе, — говорила Элеонора, — как удрать от автомобиля с агентами секретной службы. Когда начальник охраны предложил отменить одну из поездок в 1934 году (ходили слухи, что готовится покушение), ФДР назвал меру предосторожности абсурдом». «Каждое появление главы правительства на людях таит в себе элемент риска, — печально заключил он, — и если кто-либо хочет убить меня, нет решительно никакой возможности помешать этому, разве только предотвратить второй выстрел».

В первый год президентства Хоу, поселившись в Белом доме, оставался доверенным советником Рузвельта. Он быстро дряхлел, напряженная кампания 1932 года добила его. Он буквально таял на глазах, хотя был по-прежнему неукротим духом. Как-то камердинер ФДР Макдаффи принес Луи записку президента. Луи бешено заорал на посланца: «Скажи президенту, пусть убирается ко всем чертям». Макдаффи ужаснулся и не осмелился передать послание. Его жена, горничная в Белом доме, взяла на себя деликатную миссию: «Господин президент, — сказала она, — господин Хоу говорит, что придется чертовски много поработать». Рузвельт понимающе рассмеялся: «Хоу не то сказал, Лиззи. Он посоветовал мне убраться ко всем чертям». ФДР по-прежнему был привязан к Луи и ценил его мнение, особенно при назначении людей.

В конце 1934 года Хоу тяжело заболел, но он ни за что не хотел покидать Белый дом. Каждый день президента привозили в его комнату. Пластом лежавший высохший Хоу походил на ребенка. Он продолжал давать советы и ругаться слабеющим голосом. Когда Луи стал совсем плох, его перевезли в военный госпиталь. Была устроена прямая телефонная линия из палаты больного в кабинет президента, ФДР каждую неделю навещал его.

Жизнь течет быстро у здоровых, и советы смертельно больного Хоу, видевшего лишь стены палаты, становились все менее

уместными. Рузвельт не дал ему почувствовать этого. 18 апреля 1936 г. Хоу не стало. За несколько дней до смерти он пробормотал: «Теперь Франклин будет делать все по-своему». Из жизни президента США ушел единственный человек, который мог противоречить и яростно отстаивать свою точку зрения. Никто не мог занять его место в сердце Франклина. После смерти Луи, свидетельствует Элеонора, «по тем или иным причинам никто не мог заполнить пустоту, которую он инстинктивно пытался заполнить, и каждый из вновь приходивших поочередно исчезал, иногда с озлоблением, которое я понимала».

Все новые и новые лица мелькали в окружении президента. Их рекрутировал из голодных демократов, нахлынувших в Вашингтон после победы на выборах, профессор Ф. Франкфуртер, назначенный Рузвельтом заместителем министра юстиции. Иммигрант, еврей из Вены, Франкфуртер был любимцем либеральной интеллигенции, и из ее среды «мозговой трест» получил солидное подкрепление, хотя выделиться кое-кому помог случай.

Однажды вечер в Белом доме выдался скучным, президент и собравшиеся у него не знали, куда себя девать. Мисси Лихэнд предложила позвать протеже Франкфуртера некоего Тома Коркорана, прекрасно игравшего на аккордеоне. Через полчаса Том приехал с инструментом, он не только играл, но был в ударе и развеселил общество. ФДР пришел в восторг, Коркоран стал частым гостем. «Скоро Рузвельт с радостью обнаружил, что новый «шут» — талантливый юрист. Столь веселый человек, как Томми, да еще мыслящий, казалось, был ниспослан богом, и Рузвельт приблизил его. Так пришли «ньюдилеры» (от английского New Deal. — *Н. Я.*) в дополнение к «мозговому тресту». Томми был их авангардом»[5].

«Ньюдилеры», кружок думающих и озорных молодых людей, сняли дом в Вашингтоне, назвали его «маленьким красным домом», поселились вместе и решили, что Рузвельт — подходящее орудие для переделки мира. Они занимали ответственные посты и служили неиссякаемым источником идей для президента.

Проведение «нового курса» потребовало создания различных ведомств, их руководители иной раз имели больше обязанностей, чем члены кабинета. Президенту пришлось иметь дело с громадным количеством людей, и он вовсю проявил недюжинный талант администратора. Работа новых ведомств лишь укрепила старый американский конституционный принцип — ответственность за конечные решения несет единолично президент. Чтобы контролировать все и вся, в июле 1933 года ФДР создал Исполнительный совет, куда входили министры и главы ве-

домств «нового курса». В ноябре 1933 года был учрежден Национальный чрезвычайный совет, который вскоре поглотил Исполнительный совет. Рузвельт надеялся, что Национальный чрезвычайный совет упростит управление страной. Главой его был назначен Д. Ричберг.

Орган оказался очень громоздким, его состав расширился до 33 человек. Газеты много писали о Национальном чрезвычайном совете и о Ричберге, характеризуя его как заместителя президента. ФДР болезненно реагировал на то, что расценивал как попытку подорвать прерогативы президента. Когда «Нью-Йорк таймс» заявила, что Ричберг стоит над кабинетом, ФДР решил, что с него достаточно. «Свяжитесь с Кроком, — сказал он С. Эрли, — и скажите ему, что их утверждения не простая ложь, а сознательный обман. Продолжается прежнее вранье: уже появились заголовки, твердившие, что Моли руководит правительством, затем — что Барух и. о. президента, потом говорили, что Джонсон держит власть, после этого — Франкфуртер стоит над кабинетом и теперь — что Ричберг выше кабинета... Все это ерунда и показывает, почему народ все меньше и меньше верит так называемым новостям, сообщаемым газетами». Раздосадованным членам кабинета Рузвельт объяснил, что Ричберг — «экзальтированный мальчишка на побегушках».

По-видимому, по этим причинам Рузвельт положил конец экспериментированию с высшими органами исполнительной власти. С отставкой в конце 1935 года Ричберга Национальный чрезвычайный совет сошел на нет. Рузвельт ни с кем не хотел делить власть, даже в наивном представлении газетчиков.

Он любил, чтобы его называли папой, не в римско-католическом смысле, разумеется. Часто после пресс-конференции или выступления ФДР обращался с вопросом: «Ну, каков был сегодня папа?» Или подчиненным: «Если будут трудности, приходите к папе». С Рузвельтом можно было спорить, конечно, в рамках, по деловым вопросам. Но он был способен переговорить любого. Опытный собеседник У. Херст пожаловался после встречи с президентом: «Он не дал мне вставить слова, все время говорил сам». ФДР шутливо-серьезно заметил одному посетителю: «Слова — прекрасное препятствие, нужно только уметь использовать их».

Но если предстояло вынести решение, ФДР холодно обрывал любого. Вице-президент Гарнер попытался как-то побудить Рузвельта поступить иначе, чем хотел президент. ФДР резко ответил: «Занимайтесь вашими делами, а я займусь своими». Иногда он снисходил до объяснения. Своему помощнику Дж. Роу Рузвельт сказал: «Я не сделаю так, как вы предлагаете, и вот почему. Де-

ло в том, что, хотя американский народ, возможно, сделал ошибку, он выбрал президентом меня, а не вас».

Споры иа высших совещаниях в Вашингтоие прекращались в тот самый момеит, когда ФДР вместо привычного «я думаю» или «я полагаю» менял тон. Громадный веснушчатый кулак опускался на стол, и он произиосил: «Президент считает...» Это полностью соответствовало манере сильиого президента в американской истории. Известно, что А. Линкольи находил заседания правительства бесполезиыми, избегал их и как-то заявил кабинету: «Семеро "против", одии "за", решение принято».

Члеиы правительства иадолго запомнили день летом 1933 года, когда разгневанный Рузвельт собрал кабинет и, не стесняясь в выражениях, объяснил: капитан — он. Кому ие угодно, может в любой момеит сойти с корабля. Президент выпытывал, кто виновеи в утечке иинформации. «Самое смешиое, — вспоминал очевидец, — каждый думал, что президент имеет в виду его. Поэтому все сидели, как провинившиеся школьники». ФДР ничего ие стоило в. случае иеобходнмости вызвать главу какого-либо ведомства, положить перед ним решение, относившееся к его компетенции и совершенио иеизвестное вызванному, и коротко приказать: «Подписать!» Редких смельчаков, пытавшихся спорить, ждала иезавидная участь.

Рузвельт работал очеиь четко. «Я научился одной штуке у Вильсоиа, — говорил ФДР, — он сказал мне в назидание: «Если вы хотите, чтобы вашу докладную прочитали, напишите ее на одной странице». Поэтому, как только я вступил в должность, я издал такой декрет, если можно именовать его так. Однако люди, работающие рядом со мной, утверждают, что даже при соблюдении декрета мие приходится пропускать через себя в сотни раз больше бумаг, чем моим предшественникам». Действительио, «иовый курс» необычайио расширил круг обязанностей президеита. Плюс личные особениости: более ста человек имели право прямой телефонной связи с президеитом. Почта Белого дома составляла 5—8 тыс. писем в день. ФДР требовал, чтобы ему систематически давали сводку содержания писем.

Как все же принимались важнейшие государственные решения при Рузвельте? Зиавшие его говорят в один голос: о коллегиальности ие могло быть и речи. «Подавляющее большииство людей, работавших с ним, были мальчиками на побегушках», — говорил Э. Флинн. «Неоспоримым является то, — писал Г. Икес, — что по важиейшим вопросам редко спрашивают иашего совета. Мы никогда всесторонне не обсуждаем политику правительства или политическую стратегию. Президент сам принимает все свои решения. Я даже никогда и ие помышлял вы-

нести серьезные дела моего министерства на заседание кабинета». Придя к прискорбному выводу, Икес обычно дремал на заседаниях, не очень заботясь о том, видит ли это президент.

ФДР поощрял разногласия между министерствами и ведомствами и даже находил полезным дублирование в их работе. «Знаете, — ликовал он, — небольшие конфликты оказывают стимулирующее действие. Каждый старается доказать, что он лучше других. Это заставляет также быть честным. Мы тратим громадные деньги. И тот факт, что в данной области есть другой, который знает, чем вы занимаетесь, заставляет быть скрупулезно честным».

Иногда делались попытки объяснить политику Франклина Д. Рузвельта некими научными теориями, которых он будто бы придерживался. Соблазн особенно велик при интерпретации «нового курса» — манипуляций с бюджетом, инфляцией и т.д. Особенно часто указывали, что ФДР следовал советам английского экономиста Дж. Кейнса. Аналогия между тем, что писал Кейнс (правительство должно предотвращать депрессию, увеличивая ассигнования в моменты спада), и тем, что делал ФДР, напрашивается, но Рузвельт все же не руководствовался его экономическими теориями. «Рузвельт совершенно не знал экономических трудов Кейнса»[6], — свидетельствует Ф. Перкинс. В этом Кейнс убедился лично.

В 1934 году он приехал в США и прочитал в Белом доме президенту основательную лекцию. ФДР вежливо выслушал, затем съязвил Перкинсу: «Видел вашего дружка Кейнса. Он засыпал меня цифрами. Ему бы быть математиком, а не политэкономом». Кейнс, в свою очередь, изъявил недовольство: «Я думал, что президент экономически должен быть более грамотным»[7]. В глубине души президент-практик понимал блага просвещения, но все же считал, что если на 100 процентов следовать советам ученых — добра не жди.

Он писал в 1940 году Дж. Дэнизлсу в юмористическом духе, припоминая свои отношения с профессорами: «Лет пятнадцать назад я побывал на одном из прославленных завтраков в капище «Нью-Йорк таймс» — том зале, отделанном красным деревом во французском стиле. В царившей изысканной атмосфере помазанников учености я чувствовал себя непросвещенным червем под микроскопом. Но Америка сытых и довольных собой профессоров не выживет, а ваша и моя Америка будет жить»[8]. Но вновь возникает сомнение, насколько он был искренен даже перед Дэнизлсом.

«Никогда не допускайте, чтобы ваша левая рука знала, что делает правая», — поучал ФДР своего любимца Г. Моргентау-

младшего. «Какая я ваша рука?» — спросил Моргентау. «Правая, но левую я держу под столом», — невозмутимо отозвался президент. Моргентау именно так и чувствовал себя на ответственном посту. В 1934 году Вудин заболел, и он стал министром финансов. В другой раз президент разучивал вслух речь, один абзац он прочитал в стиле Теодора Рузвельта. Коркоран, сидевший в комнате, льстиво произнес: «Господин президент, различие между вами и ТР в том, что вы никогда не плутуете». ФДР насмешливо взглянул на него: «Что ты, Том! Иногда я плут, и изрядный!»

— Вы чудесный человек, но самый трудный из тех, с кем мне приходилось работать, — бросил после очередной стычки в лицо Рузвельту разгневанный Икес.

— Потому что я слишком суров? — осведомился президент.

— Вовсе нет, — ответил министр, — вы никогда не бываете чрезмерно суровы, но вы никогда не говорите откровенно с людьми, верными вам и в верности которых вы сами убеждены. Вы крепко прижимаете свои карты к животу и никогда не выкладываете их на стол.

Двоедушие, возмущавшее прямого Икеса, представлялось закономерным изощренным умам «ньюдилеров». «Просто не хватает времени, — находил Т. Коркоран, — объяснять все каждому, обхаживать каждого, уговаривать каждого, разъяснять каждому, почему нужно поступать так, а не иначе. Если бы президент попытался действовать так, у него ни на что не осталось бы времени. Поэтому он должен обманывать, говорить неискренне, оставлять ложное впечатление и иногда даже лгать, компенсируя все это личным обаянием и верой в него... Великий человек не может быть хорошим человеком!»

II

Как консервативное, так и либеральное крыло сторонников Рузвельта с почти религиозным трепетом разделяло концепцию национализма. Моли считал, что «новый курс» предполагает «значительную изоляцию нашей национальной экономики от остального мира». Ричберг заявлял: «Мы проводим прежде всего политику национального самообеспечения». Аналогичные мысли высказывал Джонсон.

Барух пустил в обиход обтекаемый лозунг: «Я за то, чтобы каждая нация сделала сначала все для себя, а затем пусть посмотрят, что они могут сделать друг для друга». Пророки национализма заходили далеко. Липпман сам верил и учил других: «Если

нам суждено организовать, планировать и руководить нашей экономической системой, отсюда неизбежно следует, что ее нужно защищать от внешних сил, не поддающихся контролю. Это означает экономический национализм». Соединенные Штаты поэтому «отвергают свободу международной торговли, ибо они сосредоточили свои усилия на создании значительно более разумно управляемого экономического общества»[9].

Ранний «новый курс» дал могучий толчок «изоляционизму» именно тогда, когда на международной арене начало складываться опасное для судеб человечества положение. На Дальнем Востоке Япония, захватив в 1931 году Маньчжурию, вела агрессивную политику, поставив целью захват Китая и стран Южных морей. 30 января 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты. Гитлеровское руководство не скрывало, что оно стремится к установлению «нового порядка» во всем мире. Агрессоры делали ставку на разобщенность народов, их тактика сводилась к старому принципу «разделяй и властвуй».

Соединенные Штаты действовали именно так, как ожидали в Берлине, Риме и Токио. Рузвельт подчеркнул нежелание США связывать себя какими-либо обязательствами с другими державами. 10 мая 1933 г. президент указал: «Мы никоим образом не связываем руки Соединенных Штатов... Мы вовсе — подчеркиваю! вовсе — не ограничиваем своего права определять наши действия». Когда стало ясно, что Германия уходит с конференции по разоружению, Рузвельт 16 мая выступил с платоническим призывом к миру между народами. Одновременно американский представитель на конференции Н. Дэвис и государственный секретарь К. Хэлл уточнили, что их страна не будет принимать участие в каких-либо коллективных санкциях. «В историю вошло, — пишет Ч. Бирд, — что президент Рузвельт не одобрял любого плана, обязывавшего Соединенные Штаты присоединиться к другим странам в определении агрессора и принятии надлежащих мер, в случае необходимости вооруженных, против него»[10].

12 июня 1933 г. в Лондоне собрались представители 66 стран, чтобы попытаться упорядочить проблемы международных экономических связей и финансовых расчетов, совершенно расстроенных кризисом. Все надежды возлагались на Соединенные Штаты. Делегации руководящих держав на конференции, в первую очередь Англии и Франции, ожидали, что Соединенные Штаты пойдут на стабилизацию валют и откажутся от политики инфляции. К. Хэлл и представители США в Лондоне глубоко увязли в этих переговорах.

В Вашингтоие Моли с возраставшей тревогой следил за развитисм событий на коиференции. Ему не терпелось, чтобы 65 стран узрелн спасительный свет идей «иового курса». Однако это можно было сделать только с разрешения ФДР. Президеит, окончив труды «ста дней», отправился отдыхать на пятнадцатиметровой яхте «Амберджак». Рузвельт у штурвала прнстальио всматривался вперед, командуя экипажем — сыновьями. Казалось, вернулись счастливые, полузабытые дни. Яхта бороздила зиакомые воды, впервые с 1921 года зашли в Кампобелло. Все выглядело безмятежным, однако взгляд за корму — и иллюзия исчезла. За крошечной яхтой на почтительиом расстоянии неотступно следовал президеитский зскорт — два военных корабля, на палубах поблескивали линзы сильных биноклей: журналисты жадно ловили каждое движение ФДР.

Жизнь напомнила о себе. На борт карабкается Моли, сжимая тоикие губы, в руках — неизменный портфель. На военном самолете он прилетел на ближайший к месту плавания «Амберджака» аэродром, пересел на эсминец, доставивший его к яхте президента. «Если можно утверждать, что у Франклина Рузвельта была какая-нибудь философия вообще, — писал Моли, — то она сводилась к тому, что успех совместных международных действий в пользу восстановления предполагает начало их в стране. Он не верил, что наша депрессия может быть побеждеиа международными мерами. Он, конечно, не считал, что сокращение долгов или даже частичное открытие каналов международной торговли может нсцелить иас»[11]. Сидя иа залитой солнцем палубе, Моли и ФДР договорились в общих чертах о том, что профессор выедет в Лондон, где попытается направить коиференцию на истинный путь. Президент иеожиданно, по-видимому, согласился со стабилизацией доллара, хотя подчеркивал иеобходимость повышения цеи как вериого пути к восстаиовлению. Выслушав туманные рассуждения ФДР, Моли отправился в Англию, а президент продолжил свой отдых.

Коиференция в Лондоие приостановила работу в ожидании Моли. Считалось, что он везет сверхважные инструкции президеита. Хэлл был в бешенстве, его до глубины души уязвило значение, придававшееся бойкому профессору. В Вашингтоие о Моли отзывались: «О, Моли, Моли, Моли, всемогущий боже!», а когда ои прибыл в Лондон, к иегодованию государственного секретаря, профессору оказали почести повыше королевских. Моли быстро достиг кое-какой договоренности, в первую очередь с англичаиами. Ои нскренне считал, что выполняет желание президеита.

Но 3 июля была получена телеграмма президента, адресованная конференции. Рузвельт поучающе заметил, что конференция занялась не своим делом — фиксацией курса валют, в то время как было необходимо исцелить «основные экономические язвы». Коротко говоря, «когда в мире будут проводиться согласованные в большинстве стран меры, направленные на сбалансирование бюджетов, и эти государства будут жить по средствам», тогда можно заняться второстепенным — курсами валют. Послание президента было единодушно расценено как «взрыв» конференции.

Моли не сразу разобрался в причинах провала и послал ФДР телеграмму, упрекая во всем Хэлла. «Доброжелатели» профессора показали ее копию государственному секретарю. С Хэлла как ветром сдуло респектабельность. Он носился по номеру в отеле, изрыгая проклятия: «Этот з... Моли терся у моих ног, как собака, я гладил его по голове, а он укусил меня в зад!» Хэлл категорически потребовал от ФДР убрать Моли из госдепартамента, что и было сделано. Журналист подвел итоги: «Изможденный вид Хэлла и опущенные вниз глаза могут тронуть до слез, если не помнить о стилете, торчащем из-за спины Моли».

Позднее ФДР часто высказывал сожаление, что сорвал конференцию, считая это одной из своих крупных ошибок. Впрочем, он утешился, заверив Моргентау: в любом случае европейские лидеры — «кучка ублюдков». Как пишет Хэлл, «провал Международной экономической конференции в Лондоне имел трагические результаты двоякого характера. Во-первых, значительно замедлилось экономическое восстановление всех стран. Во-вторых, он был на руку таким диктаторским странам, как Германия, Италия и Япония... В Лондоне самая ожесточенная борьба развернулась между США, Англией и Францией. Диктаторские нации занимали места в первом ряду, наблюдая за великолепной потасовкой. С этого времени они могли действовать уверенно: в военной сфере — вооружаться в относительной безопасности, в экономической — сооружать стены самообеспеченности в интересах подготовки к войне. Конференция была первой и, по существу, последней возможностью приостановить сползание к конфликту»[12]. Не последней, конечно. США официально уходили на задний план, а кто же будет противодействовать явственно обозначившейся тенденции международного разбоя?

III

Вашингтон отклонял международное сотрудничество, ссылаясь на занятость внутренними делами. Однако там не могли не по-

нимать, что обстановка в мире ухудшается усилиями Японии и Германии.

Уже на втором заседании правительства Рузвельта обсуждались перспективы схватки с Японией. Зная о громадной зависимости Японии от торговли с США, сидевшие в Овальном кабинете согласились: «Мы можем нанести ей поражение голодной смертью»[13]. Никаких шагов, однако, Рузвельт не предпринял. Хотя новая администрация солидаризировалась с «доктриной Стимсона» 1932 года — доктриной непризнания японских захватов, Соединенные Штаты внешне сохраняли нормальные отношения с Токио. Рузвельт не был сторонником лобового натиска.

На протяжении всей истории Соединенные Штаты обеспечивали свое благополучие умелым использованием противоречий между другими державами, извлекая баснословные барыши из конфликтов в Старом Свете. Собственно, к проведению такой политики и звал Дж. Вашингтон, первый президент США. Теоретики международных отношений называют этот образ действий политикой «баланса сил»: двое дерутся — третий радуется. Необходимость проведения «нового курса» давала новейшие аргументы в пользу поседевшей политики. Значит, нужно найти противовес Японии и Германии, защитить американские интересы руками других.

Взоры Рузвельта обращаются к Советскому Союзу. Москва была неизменно идеологическим центром борьбы против сил реакции и фашизма, а военная мощь Советского Союза подкрепляла моральное осуждение агрессоров и их союзников. В 1933 году только СССР был искренним противником международного разбоя, в то время как правящие круги Англии и Франции были готовы пойти на сговор с фашистами, надеясь толкнуть их против Советской страны и тем самым отвести беду от себя.

Принципиальная позиция Советского государства как нельзя лучше соответствовала видам Рузвельта-моралиста, в глубине души возмущенного международным беззаконием, которое нес с собой фашизм. Как сообщал неофициальный представитель СССР в США 17 октября 1933 г. в Москву, «действия японцев и немцев подгоняют американцев к установлению отношений с нами»[14]. Рузвельт решил признать Советский Союз, покончив с политикой предшествовавших 16 лет. Хэлл поддержал ФДР, заметив: «Россия и мы были традиционными друзьями до конца мировой войны. В целом Россия — миролюбивая страна. Мир вступает в опасный период как в Европе, так и в Азии. Россия со временем может оказать значительную помощь в стабилизации обстановки, по мере того как мир все больше будет под уг-

розой». Президеит, ни минуты ие колеблясь, ответил: «Я полностью согласеи», — а затем добавил: «Два великих иарода — Америка и Россия — должны поддерживать нормальные отношения. Восстановление дипломатических отношений выгодно для обеих стран»[15]. На заседании кабииета ФДР привел еще аргументы: призиание «очень поиравится американскому иароду.., в результате мы сможем получить 150 млн. долл. долга (царского и Временного правительств. — *Н. Я.*)»[16].

В признании США отказывали Советскому Союзу иа том основании, что в иашей стране существует советский строй. ФДР призиал банкротство иадежд добиться таким образом измеиения нашего строя. Ои полагал, что, наоборот, призиание — лучший путь достижения зтого. Как именно, ФДР ие уточнял, разве только носился с планами соорудить иа возвышениости, о которой ои слышал, иад Москвой здание американского посольства в стиле дома Т. Джефферсоиа в Монтичелло. «Мие иравится идея пересадить Томаса Джефферсона в Москву»[17].

Хотя в избирательиой кампании 1932 года лидеры обеих партий ие уделяли никакого внимания признанию Советского Союза, общественное миение было за нормализацию американо-советских отношений. Если для ФДР главными были политические соображения — попытаться противопоставить Советский Союз Германии и Японии в высоких целях защиты демократии и конкретных иитересов американского империализма, то для народа США, исстрадавшегося в годы кризиса, осиовными были иасущные потребиости: ожидалось, что вслед за признанием оживится торговля между двумя страиами, а пользу от этого получат и трудящиеся, и моиополии.

Отсюда широкий фроит борцов за призиание — от руководителей «Джеиерал моторз», «Дюпои де Немур», «Стандард ойл К°», «Геири Форд» и других моиополий, Торговой палаты США до истиниого выразителя коренных иитересов американских трудящихся — славиой Коммунистической партии США. М.М. Литвинов, представитель СССР на Международной зкоиомической коиференции в Лондоие, заявил, что Советское правительство готово разместить в других страиах, в том числе в США, заказов иа 1 млрд. долл. Цифра произвела впечатление.

Когда, как заметил известный в те годы публицист У. Роджерс, «Соединенные Штаты, вероятно, призиали бы самого дьявола, если бы только могли продавать ему вилы», тогда оппозиция Рузвельту ие могла бы выдвинуть сколько-нибудь веских возражений. Противники призиания СССР, естественно, были и в самом иепосредственном окружении президеита. Мать Сара Делано старалась всячески отговорить сына. Тагвелл с иекото-

рым замешательством рассказывает, как старуха, загнав его в угол в Гайд-парке, зловещим шепотом пыталась убедить повлиять на сына[18].

Назойливым до омерзения оказался министр сельского хозяйства Уоллес. Глубоко верующий человек, он создал религиозно-мистическую картину мира и доказывал, что с коммунистами нельзя иметь никаких дел, ибо они не верят в бога. Было бы полбеды, если бы религия оставалась его личным делом. Но Уоллес со свойственным религиозным фанатикам упрямством мучил Рузвельта и Хэлла малопонятными рассуждениями и записками, настаивая на том, что признать СССР означает накликать неслыханные беды на богопослушные Соединенные Штаты. Кликуша связался с белоэмигрантами и содействовал сомнительным предприятиям, от которых отдавало антисоветским душком. Он затеял вместе с белогвардейцами подготовку к экспедиции в пустыню Гоби за устойчивыми против засухи травами и в поисках признаков второго пришествия, а на деле — вести антисоветскую работу.

«Пылающий», как именовал ФДР Уоллес в своих религиозно-экзальтированных письмах к нему, был порядком раздосадован. Вторжение Уоллеса в область внешней политики положительно возмущало его, а почему признание СССР — несчастье, ФДР никак не мог постичь. То, что Уоллес именовал Советский Союз «тигром», — ладно, но президент затруднялся вникнуть в смысл его официальных записок, где министр сельского хозяйства, например, твердил: «Г-н президент, следует предотвратить беду (признание СССР. — *Н. Я.*), о которой я говорил с вами в минувший вторник, прежде чем мы вступим в эру торжества чистого духа».

Реалист Рузвельт квалифицировал эти упражнения в словесности как «своего рода мистицизм» и строго ограничил темы бесед с Уоллесом вопросами сельского хозяйства. Тем Рузвельт и спасся. О сроках посевов, сборе урожая и пр. Уоллес всегда давал здравые советы[19].

В совокупности аргументы и действия противников признания Советского Союза были не только абсурдными, но и смехотворными. ФДР любил рассказывать: «В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться с просьбой к президенту Калинину прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений».

10 октября 1933 г. Ф. Рузвельт направил Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину официальное предложение об открытии переговоров об установлении дипломатических отношений между США и СССР. Переговоры в Вашингтоне с Ф. Рузвельтом вел М.М. Литвинов. Они оказались трудными. Рузвельт настаивал на том, чтобы в обмен на признание СССР отказался от известной политики в отношении религии. Литвинов сообщал в Москву: «...Президент предлагает мне взять на себя обязательства, которые изменяют и дополняют наше законодательство о религии. Это превышает мою компетенцию и наши возможности. Капитуляции даже в восточных странах отходят в область предания, тем менее я мог ожидать от президента попытки навязать нашей стране что-либо подобное. Наша страна крепнет, и мы не видим оснований принимать теперь то, что отвергали даже десять лет назад»[20]. Что и было растолковано Рузвельту, посему он, между прочим, не счел нужным информировать госдепартамент о существе переговоров. Авторитет должен быть сохранен в чиновном мире Вашингтона!

Для сведения членов правительства Рузвельт сочинил колоритную версию беседы с Литвиновым. Он-де наставлял собеседника так: «Знаешь, каждый в глубине сердца убежден – бог есть. Помнишь, Макс, твои добрые папа и мама, набожные евреи, всегда молились. Я знаю, они научили тебя молиться... К этому времени Макс покраснел как свекла, а я продолжал: ты думаешь, что ты атеист, но, Макс, когда тебе придет время умирать, ты вспомнишь, чему научили тебя отец и мать. Макс краснел и отдувался, но я прижал его. Я убежден: по выражению его лица и его движениям он знал, что я имел в виду, и он знал, что я прав». Надо думать, присутствовавшие с угодливыми минами выслушали откровения хозяина. Тогда, вероятно, они еще не поняли того, что узнали позднее: Рузвельт сообщал членам правительства только то, что им надлежало знать. Никак не больше[21].

Пришлось дать отпор и домогательствам Рузвельта заставить СССР заплатить долги Временного правительства России. Требование было беспримерным: эти миллионы ушли на финансирование белогвардейцев. Тем не менее советская сторона согласилась во имя развития отношений с США рассмотреть этот вопрос. Но при одном непременном условии – предоставлении Советскому Союзу займа. Рузвельт согласился. Больше того, чтобы облегчить предстоявшие сложные переговоры, СССР отказался от претензий за участие США в антисоветской интервенции 1918–1920 годов.

16 ноября 1933 г. дипломатические отношения между СССР и США были установлены. В тот же день М.М. Литвинов обме-

нялся нотами с Ф. Рузвельтом: СССР и США взаимно обязались «воздерживаться от вмешательства каким-либо образом во внутренние дела, ...от какой-либо агитации или пропаганды, имеющих целью... насильственное изменение политического или общественного строя» друг друга; не разрешать создания или пребывания на своих территориях организаций или групп, преследующих эти цели, равно как не субсидировать их. Особо выделялось — не допускать организаций или групп, имеющих своей целью вооруженную борьбу. Эти обязательства, под которыми стоит подпись Франклина Д. Рузвельта, сохраняют свою силу по сей день. Он заявил: «Отношения, ныне установленные между нашими народами, смогут навсегда оставаться нормальными и дружественными, и наши народы смогут впредь сотрудничать ради своей взаимной пользы и ради сохранения мира во всем мире».

Рузвельт подкрепил это, помимо прочего, символической церемонией в Белом доме. В самом начале своего президентства ФДР помиловал богатого бизнесмена, отбывавшего тюремное заключение за уклонение от уплаты налогов. В тюрьме узника охранял некий Ч. Уорд, сидевший за убийство. ФДР помиловал и его. Бизнесмен вскоре умер, оставив большое наследство Уорду. Тот решил отблагодарить благодетеля памятным подарком, каковой обнаружил в коллекции большого друга СССР А. Хаммера. В 20-х годах Хаммер в числе прочего купил в Москве модель волжского парохода 60 сантиметров длиной, изготовленную в свое время ювелиром К. Фаберже для цесаревича Алексея. Уорд купил модель, сделанную из золота, платины и серебра, за 25 тыс. долл., что составляло, заверил продавец, четверть стоимости. Эту модель он и вручил ФДР в присутствии Литвинова, что, разъясняет биограф Хаммера, «помимо горькой и очевидной связи между президентским прощением и изделием Фаберже, отражало счастливую мысль об укреплении нового согласия с Советским Союзом»[22].

Послом в Советский Союз поехал У. Буллит, побывавший в 1918 году по поручению В. Вильсона у В.И. Ленина. Буллит считался либералом вильсоновского толка, одно время был женат на вдове Дж. Рида. В Вашингтоне считали, что он — фигура весьма подходящая для проведения личной политики президента. Буллит был давним другом Рузвельтов, часто бывал у них, хотя Элеонора и находила его лукавым. Во всяком случае, он знал, почему ФДР признал Советский Союз. В секретных донесениях из Москвы в государственный департамент он выражал надежду, что СССР «станет объектом нападения из Европы и Дальнего Востока» и поэтому не сумеет вырасти в «величайшую силу

в мире». «Если между Японией и СССР вспыхнет война, — рекомендовал он, — мы не должны вмешиваться, а использовать свое влияние и силу к концу ее, чтобы она закончилась без победы и равновесие между Японией и СССР не было нарушено»[23].

В письме к автору специального исследования о генезисе американо-советских отношений Буллит в начале 50-х годов писал: «Основная причина (решения Рузвельта признать СССР. — *Н. Я.*) — предотвратить развязывание войны Гитлером»[24]. Если так, тогда почему правительство Соединенных Штатов вплоть до второй мировой войны упорно отклоняло все без исключения предложения Советского Союза об организации системы коллективной безопасности? Почетная задача «предотвращения» указанной войны возлагалась на плечи только СССР. Несомненно, это свидетельствует о высокой оценке ФДР мощи Советской страны и ее решимости защищать демократию во всем мире. Но где тогда различие между политикой США и умиротворением фашистских агрессоров, что было целью мюнхенцев в Англии и Франции: «канализировать» гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. Моральный парадокс, однако легко разъясняемый с точки зрения политики «баланса сил».

Признание Советского Союза возбудило надежды на расширение экономических связей с нашей страной. Был учрежден специальный Экспортно-импортный банк для кредитования американо-советской торговли. Но в 1934 году был принят закон Джонсона, запрещавший предоставление кредитов странам, не платящим США долгов первой мировой войны. Вопрос о кредитах отпал. Вплоть до второй мировой войны ежегодный товарооборот между СССР и США не намного превысил половину уровня 1930 года, хотя резко увеличился по сравнению с минимумом — 1933 годом.

Полпред СССР в США А.А. Трояновский в письме в Наркоминдел от 7 февраля 1935 г. подвел итог беседам с ФДР: «...Президент дал нам твердое обещание о займе и теперь старается это забыть и замазать, распространяя... слухи о том, что все это — вранье, что никакого займа он не обещал, он должен изобретать теперь способы потопить вопрос в разных трюках и резких действиях против нас». Но почему? Трояновский объяснял 6 июня 1935 г.: «Позиция Буллита все время была позицией против всяких уступок. Он с самого начала хотел показать, что он все может сделать в Москве, что наше положение очень тяжелое и мы ждем войны с Японией с минуты на минуту, что мы готовы на все и стоит на нас нажать, постучать, может быть, кулаком по столу, и мы подпишем самые выгодные для американцев усло-

вия. Он соответствующим образом информировал президента...»[25]. Не только его одного и через призму распространенных в США предрассудков.

Когда планы Белого дома «нажать» на СССР рухнули, Буллит нашел «объяснение» в антисемитизме[26]. Буллит был не одинок в рассуждениях такого рода. Макартур, объехав примерно в это время Европу, сделал доклад в Вашингтоне, напичканный антисемитскими выпадами в адрес высшего командного состава Красной Арии[27]. Антисемитизм влиятельных сил США порождал эти дикие суждения, что отнюдь не помогало развитию отношений между нашими странами. Вероятно, и эта точка зрения принималась в расчет Рузвельтом в отношениях с нашей страной.

Отношения между США и СССР не получили большого развития, и посему замысел ФДР построить посольство в Москве в стиле дома Джефферсона не материализовался.

IV

Если в отношении Европы и Азии приход новой администрации ничего не изменил, то в Западном полушарии ФДР показал, что на деле означает политика «доброго соседа», прокламированная им в речи 4 марта 1933 г. в отношении всего мира. Он видел рост возмущения южных соседей Соединенными Штатами и понимал, что необходимы драматические меры, чтобы обеспечить тыл США. Уже 7 августа 1933 г. было подписано соглашение между США и Гаити о том, что к октябрю 1934 года американские войска будут выведены с острова. Многолетней американской оккупации был положен конец.

На Кубе в 1933 году революционное движение достигло большого размаха. 12 августа диктатор Мачадо бежал из страны. Посол США на Кубе С. Уэллес потребовал присылки американских военных кораблей, что и было сделано. Но народный гнев смел и другого ставленника США. 5 сентября на Кубе было сформировано буржуазно-либеральное правительство Грау Сан Мартина. Уэллес квалифицировал его как «ультрарадикальное» и рекомендовал Вашингтону вооруженную интервенцию. Рузвельт и Хэлл отказались, ограничившись посылкой новых кораблей в кубинские воды. Но Рузвельт не признал правительства Грау Сан Мартина. В течение четырех месяцев его пребывания у власти американская дипломатия плела интриги против Грау Сан Мартина. Еще бы! Он пытался затронуть интересы могущественных американских монополий на острове. США сделали

ставку на Батисту, и 18 января 1934 г. под их давлением Грау Сан Мартин был вынужден уйти. «Отказ правительства США признать его был определенным фактором в этом исходе»[28], — подчеркивается в американской публикации.

Рузвельт немедленно признал новый режим, американские корабли были по большей части отозваны от острова. 29 мая 1934 г. США подписали с Кубой соглашение, отменявшее «поправку Платта» к американо-кубинскому договору 1903 года, в соответствии с которой за США закреплялось право вооруженной интервенции против Кубы. Однако они сохранили за собой военную базу Гуантанамо и все права, вытекавшие из прежних соглашений. Вслед за этим было заключено торговое соглашение с Кубой, увеличившее квоту кубинского сахара на американском рынке, на его ввоз снижались тарифы. Пропагандисты «нового курса» указывали на соглашение как на яркое доказательство выгодности политики «доброго соседа» для Кубы.

О том, кто действительно выиграл, сказал конгрессмен Дирксен в июне 1934 года в палате представителей. Его разоблачения были вызваны желанием защитить интересы американских фермеров. «Большей частью кубинской экономики, — говорил Дирксен, — владеют «Чейз нэшнл» и «Нэшнл сити бэнк», в которых имеют большие вложения Чадборн, Астор, Рокфеллер, Вудин и многие другие, поэтому большая часть сахара и мелассы, приобретаемых нами на Кубе, дает прибыль таким гражданам, как Астор, Чадборн, Рокфеллер, Морган, и другим, прямо или косвенно связанным с ними... Теперь становится ясно, почему воплями о «мозговом тресте», «радикализме» и «социализме» запугивают народ. На мой взгляд, это просто дымовая завеса, чтобы скрыть действия монополистов сахара, мелассы и алкоголя. По мне, Тагвелл такой же радикал, как старая шляпа Эзекиля (М. Эзекиль — один из руководителей ААА. — *Н. Я.*), такой же радикал и Дж. П. Морган, Берли такой же «левый», как П. Рокфеллер. Если эти джентльмены — радикалы «мозгового треста», тогда Дж. Д. Рокфеллер — родной брат Муссолини. Боюсь, что эти люди надувают как американский народ, так и президента Рузвельта»[29]. Для рядового конгрессмена президент находился высоко, но ФДР руководил политикой.

Политика «доброго соседа» выдержала первое крещение огнем. Она стала основой подхода администрации Рузвельта к странам Латинской Америки — упорядочение эксплуатации южных соседей без драматических военных эксцессов.

V

Когда был принят ААА, на юге страны уже посеяли хлопок — 40 млн. акров. «Новый курс» продолжил весенние работы: в июне — июле было перепахано 10 млн. акров засеянных полей. Противниками политики Рузвельта оказались мулы: никакие понукания не могли заставить упрямых животных топтать посевы. Выручила техника — тракторы. Уничтожение четверти посевов поддержало цены, а правительство компенсировало фермеров. В ознаменование первого успеха «нового курса» Рузвельт в Белом доме торжественно вручил медаль фермеру-негру: энтузиаст перепахал свое поле выше установленной квоты.

В сентябре последовал второй шаг — забой 6 млн. свиней, чтобы сократить поголовье, мясо в основном переработано на удобрения. С точки зрения здравого смысла — безумие. ФДР, по-видимому, испытывал неловкость. На заседании Исполнительного совета он пытался шутить: «Ну, как идет массовое убийство свиней?» — спросил он руководителя программы ААА Дж. Пика. Тот заверил, что все в порядке. «Не лучше ли установить контроль над рождаемостью?» — осведомился президент. «Нет», — последовал ответ. Воцарилось тягостное молчание.

Запасы пшеницы покрывали потребности на три с половиной года, и снова ожидался хороший урожай. Министерство сельского хозяйства в панике подписало множество контрактов, предусматривающих резкое сокращение посевных площадей. И в то же время миллионы людей голодали.

Правительство изыскивало все новые и новые пути разрешения проблемы «излишков». Дж. Пик попытался пойти по пути расширения продажи сельскохозяйственных продуктов за рубежом по демпинговым ценам, что повлекло за собой субсидирование экспорта. Тагвелл пресек его эксперимент, решительно указав, что сбыт продуктов за границей по ценам ниже внутренних подорвет всю внешнюю торговлю США и вызовет ответные меры. По настоянию Тагвелла и Уоллеса ФДР дал Пику отставку. Пик заявил: «Основная политика в области сельского хозяйства и внешней торговли находится в руках людей, которые никогда не зарабатывали себе на жизнь в промышленности, финансах или в сельском хозяйстве». Уоллес ответил: «Сельское хозяйство в капиталистическом обществе не может выжить как филантропическое предприятие».

К осени 1933 года ААА не сотворил чуда, если не считать уничтожения продовольствия. Выгоды от мер ААА получили крупные и средние фермеры, им было что сокращать. Мелкие

фермеры были недовольны. Неутомимый М. Рено пытался вновь поднять их на борьбу, потребовав большей помощи. Уоллес стал предметом насмешек среди фермеров. К нему пристала издевательская характеристика: «Генри такой парень, что не поймешь, собирается ли он произнести проповедь или помочиться в постель». Рено, перефразируя слова президента, провозглашал: «Мы забыли о господине Уоллесе. И мы забудем о человеке в Белом доме, если он забудет нас». ФДР заметил Г. Моргентау о Рено: «Я не люблю, когда мне приставляют пистолет к голове и требуют, чтобы я сделал то-то». Дело было, однако, не в одном Рено.

Поток писем фермеров обрушился на Белый дом. Вот одно из типичных тогдашних обращений к президенту: «Я фермер, всю жизнь работал ради своей фермы в 200 акров. У меня 1200 долл. долга, но я могу продержаться дольше, чем 90 процентов фермеров. Минувшей весной я верил, что вы действительно собирались кое-что сделать для страны. Теперь я отчаялся. Отныне я навеки проклинаю финансовых баронов и сделаю все, что могу, чтобы установился коммунизм». Это уже не был вопль отчаяния. Он ответил фермеру: «Единственно, о чем я прошу вас, — верить, что мы честно делаем все, чтобы улучшить положение». А чтобы у фермера не осталось сомнений, что и президенту трудно, ФДР сослался на плачевное состояние собственной животноводческой фермы в штате Джорджия.

Глубокой осенью 1933 года Уоллес отправился в поездку по сельскохозяйственным районам. Он не только обещал, представители его министерства буквально умоляли фермеров подписать контракты на 1934 год, предоставляя без задержки денежную компенсацию за сокращение посевов и поголовья скота в будущем году. Девальвация доллара способствовала повышению цен. Займы фермерской кредитной ассоциации также помогли фермерам. Неизвестно, как бы обернулось дело в 1934 году, если бы администрация Рузвельта не получила неожиданного «союзника» — погоду.

Весной 1934 года Соединенные Штаты поразила самая жесточайшая засуха за всю их историю. В штатах Среднего Запада в мае начались страшные песчаные бури. Пришло возмездие за многие десятилетия эксплуатации земли в нарушение элементарных правил агротехники: были распаханы громадные массивы, не проводилось никаких мер по защите почв. Теперь, когда темные облака пыли повисли над центральной частью страны и даже в Новой Англии небо выглядело угрожающе серым, фермеры могли винить только свой способ ведения хозяйства.

Если на фермах царило отчаяние: песок проникал везде и всюду, во все щели домов, остановилось движение на дорогах, закрылись школы, – то в Вашингтоне чуть ли не ликовали. Нуждающимся быстро подбросили семена и продовольствие с государственных складов, а статистики подсчитали: средний урожай пшеницы в 1929–1932 годах составил 864 млн. бушелей в год, а в 1933–1935 годах – 567 млн. бушелей. Примерно на 20 млн. бушелей производство сократила система ААА, остальное доделала природа.

Стихийное бедствие улучшило положение. К 1936 году средние доходы фермеров увеличились на 50 процентов, соотношение цен на промышленные и продовольственные товары достигло 90 против 55 в 1932 году. Задолженность фермеров была рефинансирована правительством более чем на миллиард долларов. Товарное фермерское хозяйство встало на ноги. На займы ААА крупные и средние фермеры приобретали машины, что сократило потребность в сезонных рабочих. Рузвельта превозносили спасителем.

Шестьсот тысяч фермеров, или 10 процентов всех фермеров, знали лучше. Они потеряли свои фермы за время действия ААА, то есть примерно за три года, а США с 1936 года стали импортировать пшеницу. Снова в выигрыше остались монополии.

VI

Закон о восстановлении национальной промышленности стремительно претворялся в жизнь. Во многом это было следствием личных методов руководства генерала Джонсона. На военном самолете он летал из города в город, произносил речи, призывал, запугивал. ФДР очень скоро потерял надежду разобраться в хаосе лихорадочной деятельности генерала. Джонсон десятками и сотнями подготовлял кодексы «честной конкуренции». Однажды он ворвался в пальто в кабинет президента и бросил ему на стол три кодекса. Когда Рузвельт подписывал последний, Джонсон взглянул на часы, заявил, что у него осталось всего пять минут, чтобы поспеть на самолет, сунул кодексы в карман и исчез. «С тех пор его не видели», – говорил Рузвельт правительству. Но президент определенно был доволен оперативностью руководителя NIRA.

Джонсон был и автором эмблемы NIRA – «синего орла». Изображение птицы могли ставить на своих товарах только предприниматели, принимавшие участие в осуществлении закона, а потребителям разъяснили: не покупать товаров, не облагоро-

женных эмблемой. Их выпускают саботажники дела восстановления Америки. Рузвельт восторгался простой идеей Джонсона, хотя в ней был несомненный привкус саморекламы. «Во время войны, — говорил президент, — при ночных атаках солдаты носят белый значок на плече, чтобы не перестрелять друг друга. По этому принципу участвующие в программе NIRA должны узнавать своих с первого взгляда». «Синий орел» летел над страной, смотрел из витрин магазинов, с обложек журналов и с костюмов — вернее с того, что оставалось от них, — девиц в мюзик-холлах.

Реклама «синего орла», а точнее, NIRA была поставлена с размахом. Митинги, парады, радиопрограммы. В начале сентября 1933 года Нью-Йорк увидел парад в честь «синего орла» — самую большую демонстрацию в истории города. По Пятой авеню с утра до поздней ночи топали демонстранты, свыше 250 тыс. С тротуаров их приветствовало более полутора миллионов ньюйоркцев. На трибуне стояли Х. Джонсон, губернатор и А. Гарриман, руководители NIRA в штате. Генерал махал рукой, безуспешно стараясь, чтобы его жесты не походили на фашистское приветствие Муссолини.

В первые месяцы существования NIRA крупный капитал с подчеркнутым энтузиазмом участвовал в программе. А. Гарриман благочестиво объяснял: «Предприниматель, который удерживается в конкурентной системе только эксплуатацией женщин и детей, установив им длинный день и выплачивая мизерную заработную плату, не имеет права на существование. NIRA дает ясный мандат — положить конец конкуренции за счет рабочих». Действительно, прекратилось соревнование между капиталистами, дабы выяснить, какой предельно нищенский уровень может выдержать рабочий. ФДР очень высоко ценил положения NIRA, отменявшие детский труд. «Это принесло мне лично больше удовлетворения из всего, что я сделал после прихода в Вашингтон», — говорил он.

Очень скоро выяснилось, что монополии отлично использовали кодексы «честной конкуренции» и отмену антитрестовского законодательства. Получился не крутой подъем производства, а раздел рынков между ними и высокие цены на промышленные товары. Между тем ФДР надеялся на то, что NIRA приведет к увеличению производства и, следовательно, занятости. Собственно, ради этого он пошел на сделку с крупным капиталом: отменил антитрестовское законодательство в обмен на ожидавшееся расширение производства и увеличение занятости.

ФДР несколько раз выступил с достаточно жесткими предостережениями в адрес предпринимателей. В ответ руководители

крупного бизнеса взвалили вину на правительство. Даже У. Липпман резко заметил: «Чрезмерная централизация и диктаторский дух вызывают отвращение к бюрократическому контролю над американской экономикой». У. Херст предложил расшифровать NIRA как «не разрешено восстановление» (No Recovery Allowed). Многие представители монополий теперь предлагали вообще ликвидировать всю систему NIRA.

Юные «ньюдилеры» в это время, в 1934 году, оказали ФДР медвежью услугу: в их кружок затесался некто Вирт, забавный старик, инспектор школ из штата Индиана. Вирт посидел несколько вечеров у «ньюдилеров», которые среди своих распускали языки, что было особенно приятно с отменой «сухого закона». По-видимому, чтобы подразнить старика, они серьезно сообщили ему, что на Рузвельта возложена роль Керенского, еще продолжается переходный период, а настоящая революция — впереди.

Перепуганный насмерть Вирт обратился к американскому народу с торжественным предупреждением: в Вашингтоне заговорщики во главе с президентом осуществляют дьявольские замыслы. Его пригласили для дачи показаний в комитет конгресса, где вызванные «ньюдилеры» высмеяли Вирта, объявив, что они рассказывали ему о Рузвельте-Керенском, чтобы посмеяться. Подавляющее большинство газет, однако, не пожелало увидеть смешную сторону во всем эпизоде, а очень серьезно писало о кознях «красных».

Крупный капитал был недоволен и применением раздела 7А NIRA. Профсоюзы, ссылаясь на него, начали массовую кампанию вовлечения неорганизованных рабочих в свои ряды. Кампания обычно проходила под лозунгом: «Президент хочет, чтобы ты вступил в союз. Отказ вступить непатриотичен. Вот наш союз! Вступай!» Но претворение в жизнь туманных пожеланий раздела 7А NIRA наталкивалось на отчаянное сопротивление предпринимателей. В результате вспыхивали забастовки, даже всеобщие, а их не видели в США с 1919 года. В 1934—1935 годах состоялись четыре всеобщие забастовки: в Сан-Франциско и на Тихоокеанском побережье, в текстильной промышленности, в Терри-Хот и в угольной промышленности. Монополии люто расправлялись с забастовщиками. В 1933—1934 годах были убиты 88 бастовавших. В 1934 году губернаторы 19 штатов вызывали национальную гвардию для разгона стачечников. Рузвельт, писал Перкинс, неустанно пытался разъяснить предпринимателям: профсоюзы «вовсе не хотят руководить бизнесом. Вы, по-видимому, лучше наладите производство и будете значительно более спокойны, если у вас будут хорошие профсоюзы и хорошие коллективные договоры». «Хорошими» профсою-

зами ФДР, разумеется, считал шедших под испытанным руководством профбюрократии. Между лидерами АФТ и президентом наметилось глубокое взаимопонимание. Когда, например, владельцы шахт в штате Алабама отказались подписать кодекс, руководитель объединенного профсоюза горняков Дж. Льюис заявил: «Если так, тогда наш профсоюз готов в течение пятнадцати дней предоставить в распоряжение президента двадцать армейских дивизий, чтобы заставить их выполнить закон». Сотрудничество президента и верхушки профбюрократии было направлено на то, чтобы «дисциплинировать» рабочих.

На протяжении всей своей политической деятельности ФДР гордился тем, что никогда не отдавал приказов об использовании национальной гвардии в трудовых конфликтах. Так было во время его губернаторства в штате Нью-Йорк, равно как во время пребывания на посту президента. Это верно, но вооруженную силу применяли другие во исполнение его политики.

К концу 1934 года хозяйственная конъюнктура в Соединенных Штатах несколько улучшилась, и предприниматели стали определенно тяготиться чрезмерным вмешательством NIRA и AAA в свои дела. В суды поступали бесконечные жалобы на бюрократов в этих организациях. В сентябре 1934 года ФДР был вынужден уволить Джонсона, ставшего центром обвинений. Генерал ушел и постепенно превратился в ожесточенного критика «нового курса». 20 февраля 1935 г. Рузвельт обратился к конгрессу — продлить NIRA еще на два года. Президент предупредил, что регулирование промышленности будет направлено на то, чтобы не допустить под флагом ликвидации несправедливой конкуренции «установления монополистических цен в различных отраслях промышленности». Крупный капитал понял, что его предали. Ему обещали «партнерство», а теперь Вашингтон собирался диктовать.

В мае 1935 года Верховный суд признал неконституционность NIRA. Суд указал, что установление минимальной заработной платы и максимальной рабочей недели противоречит конституции, ибо связывается один из элементов стоимости производства, следующий шаг — введение полного правительственного контроля. В январе 1936 года Верховный суд ликвидировал и AAA, ссылаясь на то, что налог на фирмы, перерабатывающие сельскохозяйственные продукты, противоречит конституции.

Американский капитализм признал нетерпимым прямое вмешательство государства в дела экономики. Первый этап «нового курса» пришел к концу.

Рузвельт оказался на распутье. Он подвергался значительному давлению слева н справа. Выборы 1934 года в конгресс, когда демократы увеличили свое представнтельство, показывали, что народ ратифицировал его политику.

В послании новому конгрессу ФДР писал: «Наше населеиие страдает от старых несправедливостей, которые лишь немного изменены прошлыми спорадическими мерами. Несмотря на все наши усилия н все наши разговоры, мы не выпололи пользующихся чрезмерными привилегиямн и эффективно не помогли тем, у кого нет привилегий... Однако мы получили ясный мандат... Американцы должны навсегда покончить с той концепцией приобретения богатств, которая в результате чрезмерных прибылей устанавливает несоразмерно полную власть над собственными делами и, к нашему несчастью, над делами общества. Выполняя зту задачу, мы вовсе не стремимся уничтожить честолюбие или разделить наши богатства на равные доли. Мы продолжаем признавать способность одних зарабатывать больше, чем другие. Однако мы утверждаем, что желание индивидуума иметь должное обеспечение, достойный досуг, приличный уровень жизни следует поставить выше, чем страсть к большему богатству и большей власти»[30].

Как отмечал один из лидеров Компартии США Г. Грин, «важно и несомненно то, что Рузвельт не только произносил боевые речи, но и действительно двигался влево. Эти шаги Рузвельта делают ему честь. Он стоял перед альтернативой: или уступить давлению «большого бнзнеса» и возглавить антирабочее правительство крайней реакции, или пойти навстречу требованиям масс о более эффективных мерах для борьбы с депрессией. Он нзбрал второе»[31]. Впрочем, у ФДР не было большой свободы выбора: массы властно требовали коренных улучшений.

Американская зкономика находилась в депрессии, многие миллионы людей по-прежнему оставались без работы. Гопкинс, руководитель FERA, видел, что принятые нм меры помощи, очевидно, недостаточны. Кроме того, как он, так и ФДР считали, что выдача пособий подрывает моральный дух отчаявшихся людей. Им нужны не подачки, а работа.

Зимой 1933/34 года Гопкинс предложил Рузвельту создать Администрацию гражданских работ — CWA (Civil Work Administration). Это была чрезвычайная организация, занявшая свыше 4 млн. безработных. В отличие от программы FERA, деятельность CWA прямо контролировалась правительством.

За небольшой период своего существования – три с половиной месяца – CWA построила или улучшила 500 тыс. миль дорог второго класса, 50 тыс. школьных зданий, построила около 500 аэродромов и т.д. Расходы на нее достигли 1,5 млрд. долл. Гопкинс постоянно подчеркивал, что важна срочность. Когда ему указывали, что необходимо подумать над выбором того или иного объекта, он нетерпеливо прерывал: «Голод – не тема для обсуждений». Цель CWA – дать работу изголодавшимся людям.

За счет фондов CWA оплачивались свыше 50 тыс. учителей и многие тысячи других работников умственного труда. Критикам Гопкинс отвечал: «Черт возьми! Они тоже должны есть, как и другие!» Нарекания на то, что кормят «бесполезных» интеллигентов, которые и рук-то не хотят запачкать физическим трудом, продолжались. На пресс-конференции Гопкинс высказался подробнее: «Я слышу, как кто-то с усмешкой говорит: «Отремонтируйте все улицы». Это все, о чем они думают: деньги на ремонт улиц. Мне кажется, что в жизни есть не только это. У нас есть проекты составления еврейского словаря. Есть раввины, которым не на что жить, и они значатся в списках получающих помощь. 150 программ касаются чистой науки. Ну и что? Это нужно в жизни. Это важно в жизни. Мы не отступимся ни от одной из этих программ. Пусть смеются, если хотят, над этими работниками умственного труда и специалистами. Я не собираюсь этого делать. Могут сказать: пусть они возьмут лом и лопату и займутся ремонтом улиц, если это нужно городу. Каждая из этих программ исследовательских работ – хорошая программа. Не нам извиняться».

Программы помощи, в основном CWA, зимой 1934 года поддерживали жизнь 20 млн. американцев (считая с семьями). Ф. Уоркер, старый друг ФДР, которого президент послал проверить справедливость обвинений в коррупции в CWA, убедился, что они обоснованны. Но, несмотря на это, он докладывал президенту: «У вас есть все основания гордиться CWA и ее руководителями. Я убежден в том, что она предотвратила один из самых серьезных кризисов в нашей истории. Неприятно говорить о революции, однако я думаю, что над нами по меньшей мере нависла угроза революции».

Против CWA единым фронтом выступили предприниматели, заявившие, что почасовой минимум заработной платы на ее работах – 30 центов – подрывает их дела, а конкуренция CWA становится невыносимой. Многое в этих утверждениях было надуманным, однако давление на Рузвельта оказалось очень сильным. Ближайшие сотрудники президента, в первую очередь

Л. Дуглас, указывали, что CWA гарантирует работу. Как вернуть привыкших к «государственной службе» на частные предприятия с улучшением хозяйственной конъюнктуры?

С этими доводами ФДР согласился и в начале весны 1934 года приказал Гопкинсу немедленно ликвидировать CWA. В отличие от других администраторов «нового курса», которые в таких случаях возражали или даже уходили в отставку, Гопкинс безропотно согласился. Свертывание CWA вызвало массовые протесты: в одну неделю Белый дом получил 60 тыс. телеграмм и писем с требованиями продолжить программу. Состоялись многочисленные демонстрации и забастовки. Президент и Гопкинс были непреклонны.

Друзья Гопкинса положительно недоумевали: ведь он сам считал работу в области социального обеспечения чуть ли не делом жизни! Это так, но, по характеристике Дж. Дэвиса, Гопкинс «обладал чистотой Франциска Ассизского и хитростью маклера на скачках». Он сделал верную ставку: президент превыше всего ставил послушание и дисциплину. Отныне Гопкинс стал стремительно расти в окружении президента.

ФДР, по-видимому, какое-то время полагал, что операции под руководством Икеса полностью компенсируют прекращение деятельности CWA. Но он очень скоро увидел, что ошибся. Миллионы безработных, перебившиеся в голодную зиму благодаря CWA, с мая вновь оказались без дела и средств к существованию. Нарастало недовольство. Отражением его явился 54-й ежегодный съезд АФТ, который высказался за восстановление общественных работ типа CWA. Это было значительным шагом вперед в развитии американского организованного рабочего движения: раньше оно неизменно было против такого рода государственных программ, чтобы не ухудшать общих условий занятости.

Популярнейший лозунг 1934–1935 годов – принятие федерального закона о социальном страховании. Другое важное требование, имевшее массовую поддержку, – признание «закрытого цеха» и запрещение компанейских союзов. Издевательски используя раздел 7А NIRA, предприниматели насаждали компанейские союзы. К середине 30-х годов в них состояло до 2,5 млн. человек, что представляло серьезную угрозу профсоюзам. На рассмотрение конгресса поступил законопроект сенатора Вагнера, предусматривающий «закрытый цех». В апреле 1935 года состоялась чрезвычайная конференция, созванная АФТ, в поддержку билля Вагнера. Отмена NIRA Верховным судом сделала принятие его совершенно неотложным.

В напряженной атмосфере громко зазвучали голоса демагогов, рвавшихся к власти и веривших, что вернейший путь к ней — расточать обещания. Самым крупным н влиятельным среди них был Х. Лонг. Не преувеличение: тогда Лонг — второй по популярности деятель в США после Рузвельта. Хотя он оказывал помощь ФДР в кампании 1932 года, президент ничем не отплатил ему, напротив, Лонг чувствовал неприязнь Белого дома. Лонг с 1934 года открыл бешеную кампанию против администрации. С трибуны сената он клеймил ФДР как «принца Франклина, рыцаря Нурмахала» (название яхты Асторов, на которой президент нногда отдыхал), презрительно говорил о «лорде Уоллесе-кукурузнике» или «чикагском лесном клопе» Икесе. Лонг выдвинул программу «разделения богатств». Его требования: минимальный доход 2 тыс. долл. на семью, дешевая еда, бесплатное обучение — звучалн. Обездоленные жадно внимали. Еще бы! Лонг провозгласил, что каждый человек — «сам себе король».

Союзником Лонга выступил отец Кофлин, который также сожалел о том, что в прошлом поддерживал Рузвельта. В проповедях по радио Кофлин призывал к национализации банков, естественных ресурсов, обеспечению всем приличного жизненного уровня. Что касается Рузвельта, то Кофлин терпеливо разъяснял миллионам своих слушателей: президент в одном ряду с «безбожными капиталистами, евреями, коммунистами, международными банкнрами и плутократами». Влияние Кофлина нельзя было недооценивать — в неделю он получал до 80 тыс. писем. Радиослушатели слали и деньги — сыше 500 тыс. долл. в год.

В Калифорнии не покладал рук благожелательный идеалист Ф. Таунсенд. Врач по профессии, он начал с того, что как-то утром выглянул в окно. Три старухи рылись на помойке в поисках еды. Врач стал непрнстойно ругаться, жена попыталась пристыдить его — соседи услышат. "Пусть! — заорал Таунсенд. — Пусть Всемогущий услышит меня! Я буду кричать, пока не услышит вся страна!" Таунсенд основал движение, которое в считанные недели собрало сотни тысяч сторонников[32]. Он выдвинул поразительный по простоте проект: каждый гражданин США по достижении 60 лет имеет право на пенсию в 200 долл., но должен нстратить ее в течение тридцати дней. Люди получат обеспеченную старость, а страна — платежеспособный спрос. В самом деле, почему нет? К началу 1935 года в США существовало более 2 тыс. «клубов Таунсенда».

Еще в 1932 году Гувер санкционировал расследование комнссией конгресса методов ведения дел на бирже. Он полагал, что отсутствие деловой этики в сделках — одна из прнчин крн-

зиса. Расследование продолжалось прн Рузвельте. Вскрылнсь потрясающие по цинизму и наглости проделки финансовых королей страны. Выяснилось, например, что в 20-х годах банк Моргана покупал оптом и в розницу лиц, занимавших видное положение. Были названы фамилии К. Кулиджа, Дж. Дэвнса, Б. Баруха, У. Мак-Аду, Дж. Раскоба, национальных героев геиерала Першинга и летчика Ч. Линдберга и, наконец, министра финансов в кабинете Рузвельта У. Вудина. ФДР отнесся философскн к разоблачениям, заметив: «Многие из нас до 1929 года совершали поступки, о которых ныне мы ие можем и помыслить, наши зтическне нормы нзменились».

Деловой мир по-нному взглянул на расследование. Как отозвался один крупный банкнр о Рузвельте, «он коммунист наихудшего сорта... Кто, за нсключением коммунистов, может осмелиться подвергнуть расследованию дела г-д Моргана н Меллона?» Слепые реакционеры ие видели, что расследования прн Рузвельте имели в виду в первую очередь укрепить биржу н американский денежный рынок вообще. Крайне правые заговорили о иеобходимости остановить Рузвельта. Лидеры республнканцев, деморализованные выборами 1932 и 1934 годов, не могли противопоставить «новому курсу» какие-лнбо идеи. Бесснлие национального комитета партии показывали его пропагандистские публикации. Один из шедевров иосил название «Тори, жулики, дохлые коты, шарлатаны, разрушители банков, предатели». Таким оружием не поразить «новый курс».

Оппознция Рузвельту свила гнездо в руководстве самой демократической партии. В 1934 году была основана Лига американской свободы. Под зтим претенциозным названием сплотились старые ненавистникн ФДР н новые враги президента. В нее вошли А. Смит, Дж. Дэвис, Дж. Раскоб, Б. Колби, семья Дюпонов, А. Слоан, У. Надсен (руководитель «Джеиерал моторз») н многие другие представители крупнейших монополий. Лига свободы разъясняла, что Рузвельт предал джефферсоновскую демократию, суть которой, в интерпретации лнги, сводилась к защите прав штатов и пресечении чрезмериого расширения прерогатив федерального правительства. Объявленная цель лиги заключалась в том, чтобы научить уважать индивидуальную свободу, собственность, а правительство заставить уважать право частного предпринимательства.

Д. Лоуренс, нздатель журнала «Юиайтед Стейтс ньюс», заявил, что основание лиги — «призыв к оружию». А. Смит объявил: «Я стою за возвращение к условиям, которые сделают возможным деловое руководство... Кто такой Икес? Кто такой Уоллес? Кто такой Гопкинс и, во нмя всех святых, кто такой Тагвелл

и откуда он вылез? Разве Ла Гардиа демократ? Если это так, тогда я — наголо остриженный китаец». Архиреакционеры в демократической партии протянули руку себе подобным в республиканской. Они солидаризировались с заявлением лидера республиканцев в палате представителей Б. Снелла, который открыл: «Цель администрации Рузвельта — не исцеление наших экономических ран, а уничтожение нашей экономической системы... в интересах введения русифицированной формы правления».

Ф. Рузвельт сохранял внешнюю пассивность и спокойствие. Он верил, что преодолеет трудности, включая бунт в собственной партии. «Нет никакого сомнения, что обстановка серьезна, — писал ФДР полковнику Хаузу, — но, когда дойдет до драки, эти парни не смогут спать вместе и, вне всякого сомнения, передерутся между собой». Но пока еще дело дойдет до этого, а Кофлин и Лонг уже вступили в союз. Они определенно договаривались о совместных действиях. В речи 4 марта 1935 г. генерал X. Джонсон просветил национальную аудиторию — «великий демагог из Луизианы и политиканствующий падре» ведут дело к тому, чтобы «американский Гитлер въехал в Вашингтон во главе войск». Он воззвал сплотиться вокруг Рузвельта, ибо «в нем наша единственная надежда». ФДР, конечно, не дремал: за Лонгом и Кофлином было установлено негласное наблюдение.

Что касается Лиги американской свободы, то далеко не все сильные делового мира разделяли ее ненависть к Рузвельту. «Одна из моих главных задач, — писал Рузвельт в ноябре 1934 года, — не допустить, чтобы банкиры и бизнесмены пошли на самоубийство»[33]. Здесь было достаточно терпеливой разъяснительной работы. Она дала плоды. Как понял это М. Перкинс, предприниматель из штата Техас, поспешивший сообщить в журнале «Нэйшн», «капиталистическую систему можно более эффективно уничтожить, поручив ее защиту богачам, чем импортом миллиона «красных» из Москвы для штурма ее... Вся система частной собственности терпит крах как система, неспособная удовлетворить насущные нужды нашего народа».

Рузвельт не уставал просвещать не только словом, но и делом. Некоторые мультимиллионеры имели решающее влияние в ведомствах, проводивших «новый курс». Дж. Кеннеди, например, в 1933—1934 годах возглавлял комиссию по ценным бумагам и бирже. Он поставил дело и ушел в отставку. ФДР, однако, не оставил его в покое, предложив возглавить комиссию по делам торгового флота. Кеннеди запротестовал: «Г-н президент! Я только что разделался с председательством в комиссии по ценным бумагам и бирже, делом, обходившимся мне лично в 100 тыс. долл. в год, ибо, будучи в этой должности, я не мог

совершать сделки на бирже. Если вам все равно, пусть лямку потянет другой патриот, я же сыт по горло. Ради смены впечатлений мне бы хотелось побыть в обществе жены и девяти детей. Кроме того, на бирже можно заработать кучу денег, я хочу снять свою долю прибыли». Не помогло. ФДР разъяснил биржевику благо службы государству даже ценой личного финансового ущерба. Кеннеди принял новый пост[34].

О левых критиках ФДР хладнокровно говорил единомышленникам: «Мы должны приручить этих парней и сделать их полезными для нас»[35]. Помянутую левизну определяли только и исключительно по ватерпасу Белого дома.

VIII

Но как быть с генералом Д. Макартуром и сенатором Х. Лонгом, которых крепко опасался Ф. Рузвельт? На то были основательные причины, особенно на подступах к выборам 1936 года. Начальник штаба армии США Макартур не подавал никаких поводов, чтобы заподозрить его в политических амбициях. Он поставил ССС, гордость «нового курса», скрупулезно выполнил предначертания президента. Но служака, импозантный генерал выглядел в глазах тех политиков, кто тосковал по «порядку», человеком, способным ввести его. Он по праву аристократии крови мог быть на равных с Ф. Рузвельтом — они происходили от общей прабабки американки Сары Белчер. К ней восходила родословная и У. Черчилля.

Итак, Макартур воплощал респектабельность. Но весной 1934 года ему вдруг пришлось защищать репутацию судебным порядком. Публицисты Д. Пирсон и А. Уайт в книге «Вашингтонская карусель» напомнили о том, как Макартур расправился с ветеранами, собравшимися в Вашингтоне в 1932 году. Генерал, писали они, действовал «необоснованно, без какой-либо необходимости, произвольно, зверски», и вообще он человек «с диктаторскими замашками, недисциплинированный, неверный, мятежный». Генерал оценил ущерб своей репутации в 1750 тыс. долл., на каковую сумму вчинил иск писакам. Они как-то сумели разыскать любовницу генерала, с которой он пребывал в ссоре, и уведомили — она выступит свидетельницей на процессе. Макартур отрядил верного адъютанта Д. Эйзенхауэра разыскать озлобленную даму. Эйзенхауэр либо не проявил должной расторопности, либо ее хорошо спрятали. Макартур отказался от иска, но пришлось все же откупиться от несостоявшейся свидетельницы.

Надо думать, в Белом доме немало посмеялись над огненными страстями генерала, давно разменявшего шестой десяток. При этом наверняка отметили, что бравый военный теряет голову от крошечных волевых женщин. Тут Макартур вступил в резкий конфликт с Рузвельтом по поводу строительства армии. Начальник штаба находил, что США далеко не делают нужного. Тосковавшие по милитаризму горой стояли за Макартура. Во время одного из объяснений в Белом доме генерал вспылил и бросил в лицо президенту: «Когда мы проиграем следующую войну и американский юноша с вражеским штыком в животе и ногой врага на хрипящей глотке выплюнет последнее проклятие, я хочу, чтобы он назвал Рузвельта, но не Макартура!» Побагровевший Рузвельт крикнул: «Не сметь так говорить с президентом!» Макартур понял, что его служба окончена, и на месте предложил свою отставку.

Не так рассудил ФДР. К концу 1934 года истекал четырехлетний срок пребывания Макартура в должности начальника штаба армии. Он уходил в отставку, а там генерала уже поджидали крайне правые и очень богатые противники Рузвельта. Они могли без труда выдвинуть обиженного военачальника в президенты или подтолкнуть его на какие-нибудь действия. ФДР по-доброму решил не отрывать генерала от любимого дела. С уходом в отставку он получил назначение на Филиппины — начальником американской военной миссии, строить по своему разумению местную армию. Перед отъездом Рузвельт вручил ему медаль за отличную службу и с большим чувством просил: «Дуглас, если грянет война, не жди приказа вернуться на родину! Добирайся до США на чем угодно! Я хочу, чтобы ты командовал моими армиями!»[36].

В середине 1935 года обласканный и бормочущий проклятия Макартур отбыл на Филиппины. Там, вдали от Вашингтона, он утешился, главная забота — ублажать женщину примерно на тридцать лет моложе. С ней, американкой, он познакомился удивительно своевременно — на пароходе, увозившем расстроенного генерала к новому месту службы. Она была богата, во вкусе Макартура — доходила ему чуть выше пояса, обладала стальными нервами. На ней он не замедлил жениться.

Устроилось, хотя и неприятным образом, опасное дело с Х. Лонгом. К середине 1935 года сенатор от Луизианы осатанел. Его нападки на администрацию приобрели безобразный характер, но иные речи безудержно говорливого сенатора собирали миллионов по двадцать пять радиослушателей. Наверняка немало из них уже прикидывали, сколько получат на душу при «разделении богатств». Страна покрывалась сетью клубов под

этим прельстительным названием, а от них до основания национальной политической организации — рукой подать.

В Луизиане Лонг затеял сомнительные по критериям Рузвельта эксперименты, пуская федеральные средства на социально-демагогические проекты. Он определенно примеривался приспособить «новый курс» в масштабах штата к собственным целям. В основательном американском исследовании Т. Вильямса о Лонге сказано: «Рузвельт никогда не отзывался с похвалой о политическом искусстве Лонга. Но президент видел ловкость своего соперника и в избранном кружке признавал, что боится его. Как-то весной 1935 года, обсуждая с самыми ближайшими советниками расширение влияния Лонга, Рузвельт потряс их сообщением: возможно, ему придется выдать за свои некоторые идеи Лонга, чтобы, как он выразился, «похитить громы и молнии Лонга». Правда, президент еще не был настолько напуган, чтобы пойти на это, и никогда бы этого не сделал, если бы смог изыскать какой-нибудь способ уничтожить Лонга. Весной и летом он все больше раздумывал над тем, к каким методам обратиться».

По наущению ФДР федеральные ведомства как могли досаждали Лонгу в собственном штате, парализуя его начинания. Открытая травля сенатора шла псами с федеральной псарни под улюлюканье загонщиков — расторопных газетчиков. Лонг не замедлил объясниться никак не меньше, чем с трибуны Капитолия. 5 августа 1935 г. в речи в сенате он огласил стенограмму сборища его противников, сговорившихся не допустить его переизбрания в 1936 году. Некоторые участники были названы по имени. Заговорщики сошлись во мнении, что против Лонга нужно использовать отнюдь не политические средства, а попросту прикончить его. Некто сказал: «Я не сомневаюсь, что Рузвельт простит любого, кто убьет Лонга». Договорились, что кинут жребий, кому убивать, что нужно сделать на месте — в штате Луизиана. Сенаторы выслушали речь Лонга без комментариев.

Лонг метил куда выше, чем в сенат. К выборам 1936 года он готовил новую партию «разделения богатств». Сам Лонг или назначенный им кандидат будет претендовать на избрание президентом. Он не верил в успех, но раскол голосов на выборах приведет к победе республиканцев. Те не смогут маневрировать, как ФДР, и в 1940 году победа Лонга обеспечена! Дж. Фарли провел секретное исследование возможностей Лонга. Результат оказался страшным — Лонг или его кандидат на выборах 1936 года соберет до 6 млн. голосов. А если больше? Сам Лонг, сокрушавшийся по поводу предстоявших затрат, изумился — к нему тайком явились ходоки от ряда крупных банков и моно-

полий. Они предложили 2 млн. долл., а если нужно, то и больше, чтобы свалить ФДР. Лонг напомнил, что он «радикальнее» Рузвельта; а «мы и не за тебя», — отрезали тайные посетители. Он согласился взять деньги.

Вечером 8 сентября 1935 г. Лонг приехал в резиденцию губернатора Луизианы в город Батон-Руж. В коридоре к нему стремительно подошел молодой человек, выхватил крошечный пистолет и выстрелил. Только одна пуля и поразила Лонга, на покушавшегося набросились охранники, он сделал еще выстрел — и дрянной пистолет заклинило. Его же изрешетили на месте — на трупе насчитали свыше 60 ранений. Сенатора, не перестававшего причитать: «Почему он стрелял в меня, кто он», — доставили в больницу. Неопытный хирург не смог сделать операцию. Смерть.

Установили личность убийцы — 29-летний, очень интеллигентный местный врач К. Вайс. О мотивах убийства можно только гадать, никто, включая близких, ничего не знал. Несколько спустя появилась версия, что Вайс не стрелял, а Лонга прикончил охранник. Кто знает! Расследование не проводилось.

За несколько дней до смерти Лонг закончил книгу «Мои первые дни в Белом доме», в которой описывал, как будет править. Она вышла сразу после его убийства. Он, оказывается, намеревался учредить «федеральную корпорацию разделения наших богатств», ввести уравниловку и пр., а правительство составить по принципу «кабинет талантов». Место морского министра Лонг резервировал за знатоком флота — Франклином Рузвельтом[37].

Известие об убийстве Лонга пришло к президенту во время завтрака в Белом доме. Он сидел за столом с «отцом» Кофлином и Дж. Кеннеди, через которого пытался воздействовать на исступленного радиопопа. Президент выразил ужас, большой ужас по поводу насильственной смерти. Кофлин остеклевевшими глазами уставился на президента, со скорбной миной пережевывавшего бекон с яйцами.

КАК ОСТАЛИСЬ ЗЕЛЕНЫ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА

I

«Новый курс, — сообщил ФДР на митинге в штате Висконсин летом 1934 года, — стремится сцементировать наше общество, богатых и бедных, работников физического и умственного труда в добровольное братство свободных людей, строящих вместе, работающих вместе на благо всех». Через несколько месяцев на собрании банкиров Ф. Рузвельт объяснил: правительство — «выразитель единства и руководитель всех групп в стране», а обязанность президента — «найти среди многих противоречивых элементов единство цели, наилучшим образом устраивающей всю нацию». Подняв этот идеологический штандарт, ФДР выступил в поход в знаменательном 1935 году.

В январе он доверился конгрессу: «федеральное правительство должно покончить со всем этим делом предоставления помощи» нуждающимся, — предложив заменить ее планом обеспечения работой, на что пойдет 4,9 млрд. долл. Астрономическая сумма не достигала и половины минимальных потребностей. Сославшись на то, что в списках получавших помощь значилось до 5 млн. человек, ФДР заявил: «Я не хочу допустить, чтобы жизненные силы нашего народа еще больше подрывались выдачей пособий наличными деньгами, продовольственными пакетами или предоставлением на несколько часов в неделю работы по уходу за газонами, сгребанию листьев или уборке мусора в общественных парках. Мы должны спасти рабочих не только физически, мы должны также сохранить их уважение к себе, мужество и решимость». Смысл плана: не подачки, а обеспечение работой.

Обычные вопли в конгрессе, и Администрация по обеспечению работой — WPA (Work Progress Administration) учреждена сенатом 67 голосами против 13 и палатой представителей — 317 против 70. По настоянию сенатора Бора была внесена поправка: «Ассигнования... не используются на боеприпасы, военные корабли или военные и военно-морские материалы». По указанию Рузвельта PWA уже истратила миллионы долларов на военные цели, в том числе на достройку авианосцев «Энтерпрайз» и «Йорктаун». Спустя семь лет этим боевым кораблям

было суждено повернуть течение войны на Тихом океане... Поправка Бора была выстрелом в пустоту; как PWA, так и WPA служили дополнительным источником для обеспечения нужд вооруженных сил.

Руководителем WPA Рузвельт назначил Гопкинса, свернувшего FERA. Икес был взбешен, вновь две параллельные организации — теперь WPA и PWA. Разницу между ними было невозможно установить, если не считать различных подходов обоих руководителей. Икес стоял на позициях либерального буржуа: повысить покупательную способность населения, оказав помощь частным предприятиям, чем и занималась PWA. Гопкинс, отнюдь не ортодокс, считал, что его задача — побыстрее занять побольше людей. ФДР солидаризировался с Гопкинсом. Самостоятельное существование PWA в конце концов объяснялось нежеланием Рузвельта обидеть Икеса.

ФДР не хотел мешать самоуслаждению министра внутренних дел, руководителя PWA. Как замечает Р. Шервуд, если бы PWA влилась в WPA, что вообще было бы логично, «Икес, несомненно, ушел бы в отставку, подняв большой шум, а Рузвельт был всегда готов сделать все, чтобы предотвратить отставку кого-либо из близких к нему по службе людей... Он был очень мягок по отношению к тем членам правительства, которые были бездеятельны или даже непокорны, или безнадежно неспособны, но все-таки лояльны».

WPA в разгар своей деятельности заняла свыше 3 млн. человек. Ей были подчинены вновь созданная Администрация по переселению, которая делала попытки создать коллективные фермы для обанкротившихся фермеров, а также Администрация по электрификации сельских районов. Если успех первой был незначителен (переселенный на коллективную ферму в штате Арканзас фермер, например, признал, что ему живется хорошо, но, заявил он, «здесь стоит поработать пять-шесть лет, скопить денег и купить в другом месте собственную ферму»), то вторая много сделала для электрификации сельского хозяйства. В 1930 году менее 10 процентов ферм имели электричество, к 1945 году в США было электрифицировано свыше половины всех ферм.

Гопкинсу пришлось ставить дело WPA с большими трудностями, он подвергался ожесточенным нападкам справа. Большой гласности было предано заявление, приписанное Гопкинсу: «Правительство будет тратить, тратить и избираться, избираться». «Чикаго трибюн» в хлесткой статье под заголовком «Изгнать мошенников» писала: «Гопкинс — упрямый человек, завоевавший высокое положение в период нового курса своей спо-

собиостью тратить больше денег в более короткий срок и на более абсурдные дела, чем мог придумать какой-нибудь другой злой шутник в Вашингтоне». Частично эти нападки объяснялись межпартийиыми распрями: республиканцы видели в WPA мощное орудие для поднятия престижа ФДР. Так оно и было. Гопкинс любил цитировать слова некой женщины, с гордостью заявившей: «Мы больше не получаем пособия. Мой муж работает иа правительство».

В мае 1935 года, когда Верховный суд ликвидировал NIRA, надеждам ФДР добиться улучшения зкономической конъюнктуры прямым вмешательством в бизнес был нанесен тяжкий удар. Монополии торжествовали, рабочий класс лишился ограниченных прав, обещанных ему разделом 7A NIRA. Но движение трудящихся находилось на подъеме, отмена NIRA совпала с угрозой иациональной забастовки шахтеров, которую собирались поддержать рабочие других отраслей промышленности. ФДР не примкнул к ликующим монополистам, а употребил свое влияние в поддержку законопроекта Вагнера, который проходил заключительную стадию обсуждения в конгрессе. 16 мая сенат принял его 63 голосами против 12.

Еще недавно, в лучезарную зпоху успехов NIRA, Рузвельт ие придавал большого значения кардинальной проблеме организоваииого рабочего движения — праву на коллективный договор и ведение переговоров с предприиимателями подлинными представителями рабочих. В мае 1934 года на пресс-конференции президент, не скрывая раздражения, бросил, что рабочим вольно выбирать в качестве своих представителей кого угодно: «короля Ахнуда Сватского или Королевское географическое общество, или профсоюз, или кронпринца Таиланда». Прошел год, и ФДР был вынужден серьезно подойти к требованиям рабочего движения.

31 мая 1935 г. приглашенные на очередную пресс-конференцию заполнили Овальный кабинет. За столом восседал торжественно собранный Рузвельт. Перед ним с одной стороны лежало решение Верховного суда об отмене NIRA, с другой — гора телеграмм протеста. В стороне сидела Элеонора, она вязала синий носок. Президент, как обычно, осведомился у газетчиков, какие новости. Те — контрвопрос: как президент оценивает отмену NIRA четыре дня назад? Рузвельт закурил и произнес полуторачасовой монолог.

Он говорил как человек, оскорбленный в лучших помыслах: то были отнюдь не слова разгневанного либерала, а государственные суждения президента, не преуспевшего в налаживании сотрудничества бизнеса и труда. Одну за одной с надлежащими

внушительными паузами президент читал телеграммы протеста, «трогательные призывы», как он назвал их, от владельцев аптек в штате Индиана, торговца кондитерскими изделиями в штате Массачусетс, бизнесмена из штата Джорджия и т.д. Отнюдь не от рабочих.

Выводы президента клонились к тому, что решение Верховного суда делает невозможной национальную политику помощи всем, в том числе бизнесу. Открылось, что водораздел между ФДР и стариками-судьями проходил по старой американской границе – прерогативы федерального правительства против прав штатов. Точнее, к интерпретации понятия «межштатная торговля»: имеет ли право Вашингтон регулировать дела в штатах. Генезис этого конституционного конфликта восходил к отцам-основателям.

С известным оттенком пренебрежения квалифицировав правовые концепции Верховного суда как относящиеся ко временам «лошади и коляски», Рузвельт задал вопрос: «Суждено ли Соединенным Штатам принимать решения, суждено ли народу нашей страны считать, что его федеральное правительство в будущем не будет иметь юридической власти решать национальные экономические проблемы, а их должны разрешать только штаты?» ФДР указал, что невозможно добиться улучшения положения страны, если передоверить это дело сорока восьми легислатурам. ФДР серьезно предупредил: «Не называйте нашу политику правой или левой, это достойно мышления первокурсника. Она не правая и не левая...»

Начались вторые «сто дней» (точнее, 177 дней) Франклина Д. Рузвельта – поток законопроектов обрушился на конгресс. Разница между первым и вторым периодами «ста дней» заключалась в том, что если в 1933 году ФДР был инициатором и архитектором, то в 1935 году он работал на основе уже имевшихся материалов, был просто строителем.

Рузвельт теперь не просил, а требовал. Все средства нажима, которыми может воспользоваться президент, были пущены в ход: он действовал через лидеров конгресса, вызывал к себе сенаторов и конгрессменов, убеждал и прямо грозил. Законопроект Вагнера прошел палату представителей без голосования. 5 июля 1935 г. ФДР подписал его. Этот закон явился вершиной завоеваний организованного рабочего движения в годы «нового курса». Философия его составителей отчетливо видна из преамбулы: «Отказ предпринимателей признать право рабочих на организацию профсоюза и согласиться с коллективными договорами ведет к стачкам и другим формам борьбы и смуте в промыш-

ленности.., что усугубляет повторяющиеся экоиомическне кризисы» Президеит и коигресс отступили.

Закои Вагнера ие открыл каких-либо новых возможностей профсоюзам, ои лишь подтвердил их права в усиленной формулировке прежнего раздела 7A NIRA, завоеванные десятилетиями тяжелой борьбы. Предпринимателям, правда, запрещалось создавать компанейские профсоюзы, ставнть препятствия при возникновении рабочих профсоюзов, отказываться заключать коллективные договоры. Однако в случае возникиовения трудовых конфликтов они должны были рассматриваться сначала в созданном по закону иациоиальиом управлении трудовых отношений, а затем — в судах. Как н прежде, завоевания профсоюзов завнсели в каждом отдельиом случае от конкретного соотношения классовых сил.

У. Липпман был иедалек от истииы, когда заметил: «Закои говорит рабочим: отправляйтесь в суд и посмотрите, что вам дадут. Мы благословляем вас. Но будьте любезны избавить иас от иепрнятного дела определять конкретно права и обязанности капитала н труда. Хотя мы — закоиодатели, мы предпочитаем ие составлять законы, мы прнглашаем вас сутяжничать, но если вы ие получите от судов всего, что мы, как кажется, обещаем вам, тогда вините суды, а не коигресс Соединенных Штатов» Важнейшим орудием классовой борьбы американского пролетарната остались стачки, а не закон Вагнера.

19 июня президент потребовал от конгресса снизить ставкн налогов на небольшие доходы н увеличить нх для крупных. Он объяснил, что «богатство ныне не является результатом индивидуальных усилий» Денежная элнта реагировала очень болезиенно: президеит замахнулся на святая святых — их карман. На деле нзмеиения оказались незиачительными для крупного капитала: для лиц с доходом 50 тыс. долл. налог увеличивался на 1 процент, имеющих 100 тыс. долл. — на 6 процентов н с 3,5 млн. долл. — на 7 процеитов. Налог иа иаследство максимально увеличивался иа 7 процеитов.

Президент с большим чувством юмора рекомендовал обратить собранные средства на погашение государственного долга. Финансовая община чуть ие задохнулась от бешенства: президента постоянно поносили за громадный рост государственного долга. Монополистам, держателям государственных бумаг и самым ожесточенным критикам дефицитного бюджета предоставлялась возможиость за свой счет сократить долг, к чему они давио призывали!

Пришел черед и социального обеспечения. С ним нельзя было больше медлить. ФДР понимал, что голос против прозвучал

бы резким диссонансом в национальном хоре. По этой причине, а также потому, что Рузвельт считал себя сердобольным, он заявил: «Не вижу причин, по которым каждый ребенок со дня своего рождения не должен быть членом системы социального обеспечения. Когда он подрастет, он должен знать, что будет иметь обеспечение в старости от системы, к которой принадлежал всю свою жизнь. Если он не работает, он должен получать пособие. Если он болен или стал инвалидом, он также должен иметь пособие». Человек должен быть обеспечен «от колыбели до могилы». Это противоречило прежним американским стандартам: каждый заботится о себе, а об остальных печется дьявол. Во время обсуждения законопроекта в комитете конгресса из зала выскочила женщина и, прервав Перкинс, дававшую показания, закричала: закон слово в слово списан «со страницы 18-й «Коммунистического манифеста», который я держу в руке». Но сокрушительное большинство «за» в конгрессе — в сенате и палате представителей (соответственно 76 против 6 и 372 против 33) — было знамением времени.

Закон о социальном обеспечении вступил в силу 14 августа 1935 г. Система пенсий и пособий оказалась очень сложной, и в различных штатах они выплачивались по-разному, но принцип — забота, хотя и ограниченная, государства о гражданах — был установлен. Реакционерам всех мастей и оттенков представлялось, что попраны священные основы американизма. Они так и высказывались, горестно оплакивая конец «свободного предпринимательства». Федеральное правительство, по их словам, вторгалось даже в семейные очаги.

Рузвельт ответил в речи 24 августа 1935 г. перед молодыми демократами. Президент честно признался, что тридцать лет назад никто в США не думал, что когда-нибудь «мрачный призрак необеспеченности» будет бродить по стране, и он сам крепко верил в это. «Тогда я не знал об отсутствии возможностей, недостатке образования и отсутствии многих важнейших благ цивилизации для миллионов американцев». Кризис 1929—1933 годов научил Соединенные Штаты, что они не пользуются «иммунитетом». Отсюда потребность в новых способах в экономической, социальной и политической жизни для обеспечения народа. При всем том ФДР подчеркнул: «Я не верю в то, что необходимо отказаться от системы частного предпринимательства».

Развитие ФДР шло гигантскими шагами. Он объективно признал невыносимо тяжелое положение народных масс и сделал практические выводы, что выразилось в рабочем и социальном законодательстве 1935 года. Свой курс в это время он име-

новал «немного левее центра», однако то были действия руководителя капиталистического государства в целях укрепления капиталистических порядков. Г. Грин глубоко прав, предложив емкую формулу: «Говоря о сдвиге политического курса Рузвельта «влево», мы пользуемся этим термином не в абсолютном смысле, а лишь по отношению к расстановке политических сил в Соединенных Штатах. Сдвиг «влево» в данном случае не означал превращения президента в противника капитализма и сторонника социализма»[1]. Тем не менее иные монополисты и их идеологи считали, что ФДР подрывает основы капитализма.

В сентябре 1935 года Р. Говард, глава газетного концерна Скриппс — Говард, обратился к ФДР с письмом, в котором утверждал, что предприниматели рассматривают все законодательство вторых «ста дней» как крайне враждебное им. Говард от имени бизнеса заклинал президента прекратить «эксперименты» и дать «передышку». ФДР воспользовался письмом Говарда, чтобы еще раз объяснить свою политику. Он указал, что новые законы исчерпывают все цели правительства на этом этапе. «Программа налогообложения, о которой вы пишете, имеет в виду широкие и справедливые социальные задачи. Нет необходимости говорить, что речь идет не об уничтожении богатых, а о создании более широких возможностей, ограничении нездорового и бесцельного накопления и о более рациональном распределении финансового бремени правительства». По существу, объяснял ФДР, администрация отказалась от прямого вторжения в бизнес, что практиковалось NIRA или AAA и другими мерами первых «ста дней», и выступала в роли мощного резерва бизнеса. Ее усилия направлены к тому, чтобы оздоровить конкуренцию, но не ликвидировать ее.

В своем письме ФДР заверял: «Если вы хотите передышки, то она действительно уже наступила». Комментируя этот документ, Тагвелл замечает: «Программа полностью соответствовала теориям laissez faire, за что бились бизнесмены. Им предлагалось, конечно, согласиться на уменьшение их доходов, необходимое для поддержания покупательной способности (и, между прочим, благосостояния народа), и принять регулирование, необходимое для успеха конкуренции. Однако незачем было волноваться: программа отнюдь не была революционной. С позиций самого сурового реализма она была реакционной. Это был шаг назад. Им бы следовало поддержать ее, а не выступать против»[2]. Уровень просвещения и понимания экономических проблем в деловом мире, однако, был куда ниже, чем у профессора Тагвелла. Борьба против ФДР продолжалась, хотя он сам протянул руку примирения и говорил о «передышке».

Наконец, основное соображение, без учета которого невозможно удовлетворительное понимание политики Рузвельта. Объем и серьезность уступок администрации объяснялись не только и не столько накалом классовой борьбы в США. К середине 30-х годов воочию стали видны исполинские силы социализма. Успехи Советского Союза представлялись еще более разительными на фоне застоя, царившего в Соединенных Штатах после «великой депрессии» 1929–1933 годов. Прогрессивные силы устанавливали прямую зависимость между постоянными триумфами СССР и социальным законодательством США в 1935 году. Американский писатель Теодор Драйзер по поводу появления социального законодательства в США в 30-х годах говорил: «За это я благодарю Маркса и красную Россию».

II

Ведение дел Ф. Рузвельтом вызывало широкий резонанс во всем мире. Он был президентом первого по экономической мощи капиталистического государства. В 30-х годах, когда лагерь капитала стоял на перепутье, сотрясаемый классовыми боями, демагогией фашистов, а гроздья гнева зрели в самих Соединенных Штатах, направление политики ФДР внимательно изучалось.

В 1933 году Гитлер вынес вердикт: «Мне нравится президент Рузвельт, ибо он прямо идет к своей цели, не считаясь с конгрессом, лобби и упрямыми бюрократами». В Риме ФДР ходил в героях. «Рузвельт со сдержанным восхищением относился к Муссолини, и диктатор отвечал добрыми словами в адрес президента и нового курса»[3], — свидетельствует Дж. Барнс. Исходя не только из принципа: «скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты» (ни Гитлер, ни Муссолини никогда не были друзьями Рузвельта!), на основе поверхностного анализа и соблазнительных аналогий иные были склонны видеть в ФДР человека с замашками диктаторского толка.

Даже в Соединенных Штатах, в том числе некоторые руководители Американской компартии, в 1933–1934 годах не раз клеймили ФДР сторонником тоталитаризма или фашизма. Доказательства усматривались в ССС, NIRA и рузвельтовских методах руководства вообще. Потребовался разбор этих концепций на форуме международного коммунистического движения — VII конгрессе Коминтерна, чтобы положить им конец.

В докладе на конгрессе Г. Димитров указал: «Но и сейчас еще имеются остатки схематического подхода к фашизму. Разве не проявлением такого подхода является утверждение от-

дельных товарищей, что «новый порядок» Рузвельта представляет собой еще более ясную, острую форму развития буржуазии в сторону фашизма... Нужна значительная доля схематизма, чтобы не видеть, что самые реакционные круги американского финансового капитала, атакующие Рузвельта, как раз прежде всего представляют ту силу, которая стимулирует и организует фашистское движение в Соединенных Штатах. Не видеть за лицемерными фразами о «защите демократических прав американских граждан» таких кругов зарождающегося в Соединенных Штатах действительного фашизма — это значит дезориентировать рабочий класс в борьбе против его заклятого врага»[4].

Анализ Г. Димитрова уточнил политическое место ФДР. Были даны и соответствующие оценки его деятельности. «Хозяин, — обратился к ФДР его старый друг во время вторых «ста дней», — вы читали сегодняшнюю «Таймс»? Не о чем больше беспокоиться. Коммунистическая партия решила поддержать вас». Рузвельт рассмеялся. Он не ждал и не искал поддержки ни от Компартии США, ни от социалистов. Реакционное крыло демократической партии тем не менее старательно ассоциировало ФДР с социализмом. Выступая в Нью-Йорке, А. Смит сообщил о великом открытии. «Ньюдилеры» застигли социалистов в момент, когда они купались. Они «стащили их платья, оделись в них и проповедуют классовую борьбу». Очень несерьезно.

ФДР как огня боялся ярлыков, и в то время, когда вокруг него ломались копья в идеологических схватках, а его действия интерпретировались в рамках той или иной концепции, он подчеркивал сугубо прагматические цели своей политики. Он не теоретизировал, а просто говорил: «Дело создания программы для нации в некоторых отношениях напоминает постройку корабля. В различных портах нашего побережья, где мне приходилось бывать, стоят большие океанские суда. Когда такой корабль стоит на верфи и установлены стальные конструкции на киле, для человека, не знающего судостроения, трудно сказать, какой вид приобретет корабль, когда со стапеля он выйдет в открытое море».

Друзья и единомышленники Рузвельта были положительно в отчаянии: почему президент упускает возможность внести свою лепту в теоретическое обсуждение, в конечном счете его политика интерпретировалась и справа, и слева. Отвечая на письмо профессора Р. Бейкера, биографа В. Вильсона, ФДР в середине 1935 года высказался на этот счет с исчерпывающей полнотой. «Психология масс такова, — утверждал он, — что из-за обычной

человеческой слабости они не могут выдержать в течение длительного периода постоянное повторение высоких идеалов... Люди устают каждый день видеть одно и то же имя в заголовках газет и ежедневно слышать все тот же голос по радио. Пусть выговорятся другие, а я буду готов к новому стимулированию американского действия в иадлежащий момеит». ФДР имел в виду нзбирательную кампанию 1936 года.

Завершив дела вторых «ста дней», Рузвельт в сеитябре 1935 года отправился в месячное плавание на крейсере «Хьюстои», оставив коигресс, по словам одного сеиатора, «усталым, больным и в смятении». С собой ФДР взял двух соперников — Икеса и Гопкииса. На борту корабля царила непринужденная атмосфера. Мало сожалели о Ф. Перкиис, ее отсутствие позволило зиергично выражаться (иа заседаниях кабинета министры иной раз придерживалн язык, памятуя, что среди них женщина, выбрасывавшая слова со скоростью авиационного пулемета). На корабле издавалась газета «Синяя шляпа», н, сочетая шутку с серьезиым, ФДР пытался примирить Икеса и Гопкинса. Он писал в заметке, опубликованной в газете, под названием «Похоронена в море»: «Сегодня были устроены торжественные похороны ссоры между Гопкинсом и Икесом. Флаги были приспущены... Президент присутствовал на торжественной церемонии, которая, как мы иадеемся, иавсегда устранит имена зтих двух парней с первых страниц газет. Гопкинс, как всегда, был одет в синие, коричневые и белые тона, и его красивая фигура выглядела великолепио на фоие залитого луной моря. Икес, как всегда, был в сером, улыбался улыбкой Джоконды, и при нем была его коллекция марок... Гопкинс выразил сожаление по поводу неприятиых вещей, которые Икес говорил о нем, а Икес, со своей стороиы, обещал выражаться еще крепче, как только он сможет получить стеиографа, который тут же будет записывать его слова. Президент дружески похлопал их по спиие, толкая обоих в море. «Полиый вперед!» — приказал президеит».

Шуткам иа борту ие было коица, ФДР весь искрился весельем, заражая ворчливого Икеса н сумрачного Гопкииса. Фраиклии ие оставлял в покое никого из своего окружения. Игра в покер до полуночи, рыбная ловля, обставлениая шутливо-торжественным церемониалом, бескоиечные аиекдоты н сплетни и т.д., и т.п. Прослышав, что его адъютант «папаша» Уотсои и адмирал Грейсои услаждают друг друга охотничьими рассказами, безбожно хвастаясь количеством убитых фазаиов, ФДР серьезио напомнил, что он ие только президеит, ио н главиокомандующий вооружеиными силами США. Оба подчииеиы ему и ои решит их спор.

ФДР торжественно составил правила проверки достоверности охотничьих рассказов: привязать обоих к деревьям на расстоянии ста метров, «вооружить каждого луком и стрелами, завязать глаза, потребовать, чтобы они кудахтали, как фазаны, тогда пусть стреляют». В безмятежном плавании на «Хьюстоне» ФДР проявлял лучшие качества невинного профессионального шутника, мало соответствовавшие мрачному понятию «диктатор».

Дела, однако, звали президента. Если внутренние проблемы, зависевшие от ФДР, были хоть на время разрешены, он не был властен над международными событиями. На борт «Хьюстона» поступили известия о нападении Италии на Эфиопию. Из Вашингтона сообщили, что государственный департамент задерживает издание прокламации президента о нейтралитете Соединенных Штатов в ожидании решения Лиги Наций. Президент был крайне раздосадован и, не вставая из-за обеденного стола, набросал указание Хэллу немедленно опубликовать прокламацию. «Они сбрасывают бомбы на Эфиопию, а это война. Зачем ждать, пока Муссолини объявит об этом?» – заявил ФДР. Что за прокламация и почему торопился президент?

III

В первое президентство Ф. Рузвельт «почти полностью доверил ведение внешних дел»[5] К. Хэллу и профессиональному дипломатическому аппарату Соединенных Штатов. На то были основательные причины. Он не хотел растрачивать нажитый с таким трудом политический капитал в бесконечных спорах по вопросам внешней политики. Обращение к иностранным делам могло легко подорвать репутацию ФДР как политика, озабоченного прежде всего судьбами собственной страны. Помимо того, международная обстановка была очень сложной. В частном письме в 1934 году ФДР признался: «При нынешнем положении дел в Европе я чувствую себя человеком, пытающимся найти дверь в глухой стене. Обстановка может проясниться, и тогда мы сможем осуществить хоть какое-то руководство».

Единственной крупной инициативой правительства в области внешней политики явилось принятие закона о торговле. Хэлл считал, что в кризисе повинна в известной степени внешнеторговая политика США, отгородившихся от остального мира абсурдно высокими тарифами. Рузвельт разделял его мнение и 2 марта 1934 г. предложил конгрессу принять закон, предусматривавший при подписании торговых договоров взаимное сниже-

ние тарифов на 50 процентов по усмотрению президента «в интересах американской промышленности и сельского хозяйства». Его противники в конгрессе, несомненно, видели преимущества расширения экспорта США для целей «нового курса», однако они ожесточенно атаковали ФДР за то, что он стремился сузить возможности конгресса во внешних делах. «Это предложение, — заявил сенатор А. Ванденберг, — является фашистским по своей философии и фашистским по своим целям, в Америку пришла экономическая диктатура».

Однако подавляющее большинство законодателей уразумело цель президента — увеличить экспорт, открыть для США иностранные рынки — и вотировало закон, вступивший в силу 12 июня 1934 г. Закон был революционной мерой в самой протекционистской стране и дал через несколько лет ощутимые выгоды для США. К концу 1935 года соответствующие торговые соглашения были подписаны с 14 странами, а к 1945 году — с 29 странами. С 1934 по 1939 год ежегодный американский экспорт вырос почти на миллиард долларов, а импорт — только на 700 млн. долл. Превышение экспорта товаров над импортом, составлявшее 477 млн. долл. в 1934 году, достигло в среднем миллиарда долларов в год в 1938—1939 годах. Тенденция превращения США в международного кредитора, ясно обозначившаяся уже в 20-х годах, продолжала развиваться. В этом смысле закон имел противоположный результат, чем тот, о котором говорили его инициаторы, — выравнивание условий внешней торговли. В канун второй мировой войны программа взаимного снижения тарифов приобрела политический оттенок и использовалась ФДР в экономической борьбе с блоком фашистских держав.

В 1934—1935 годах в Соединенных Штатах окреп «изоляционизм», набравший силы еще в кризисные годы. Сторонники его утверждали, что Соединенные Штаты претерпели неслыханные беды в 1929—1933 годах из-за бывших союзников по первой мировой войне. «Эти европейцы» по собственному недомыслию затеяли войну, не смогли выпутаться из нее, заняли у американцев деньги, а потом пригласили США принять в ней участие. Простодушные янки миллионами повалили через океан. Они воевали, победили, но прожженные циники Старого Света не только забыли о благодеяниях Америки, но даже не платят долгов. «Поскольку козлы отпущения всегда полезны в нашем мире, — заключил историк Д. Перкинс, — было легко поверить, как тому верил президент Гувер, что Америка легче вышла бы из экономического кризиса 1931 года, если бы враждующие нации Старого Света не усугубили собственных экономических

трудностей политическими распрями, если бы они не увеличили собственные несчастья глупостью и политикой силы. Все это венчало убеждение, существовавшее тогда и существующее поныне: политическая и экономическая структура Соединенных Штатов уникальна, и только вредоносное заражение может последовать от тесных связей с испорченным миром, лежащим за пределами американских границ»[6].

Бессмысленная империалистическая бойня — первая мировая война оставила глубокий след в памяти народной. Отвращение к войне вообще охватило самые широкие круги американского общества. Уже в 20-х годах прозвучали гневные слова мастеров культуры в адрес тех, кто бросил человечество в кровавую трясину войны. «Прощай, оружие!» Э. Хэмингуэя, увидевшая свет в 1929 году, была лучшей, но отнюдь не единственной книгой, в которой клеймилась война. «Изоляционисты» умело использовали направление умов, возникшее в результате войны 1914—1918 годов. Исподволь стал разрабатываться тезис, что США совершили ошибку, вступив в первую мировую войну, ибо конфликт в Европе якобы не затрагивал их интересов. Способные историки профессора С. Фей и Г. Барнс в красноречивых книгах показали, что не вся ответственность за войну лежит на кайзеровской Германии. Дальше — больше. К 1934 году «ревизионистское» направление в американской исторической науке с достаточной для обывателя степенью вероятности доказало, что целомудренные Соединенные Штаты были «втянуты» в войну.

В марте 1934 года журнал «Форчун» в сенсационной статье «Люди и оружие» рассказал о торговцах оружием, главным образом в Европе, а в книге «Фабриканты смерти» вопрос ставился ребром — только правительство может поставить их под контроль. Виновники были названы. «Изоляционисты» добились создания специального сенатского комитета для выяснения ответственности промышленников оружия за вступление США в войну.

Нетрудную задачу — подтвердить правильность подозрений — взял на себя суровый молодой карьерист сенатор Дж. Най. Представление поставили в отделанном белоснежным мрамором зале Капитолия. Морально чистые члены комитета, преисполненные негодования, восседали за длинным столом, а перед ними дефилировала вереница нечистых — фабрикантов смерти. Руководители концернов вооружений, припертые к стене фактами, каялись в смертных грехах: подкуп политиков, уклонение от налогов, а главное — всемерное развитие военной экономики страны в интересах пошлой наживы. Вздохи и ропот негодования на скамье зрителей. Расследование велось публично.

Свирепые слова Дж. Ная, членов комитета, столпов «изоляционизма» сенаторов А. Ванденберга, Б. Кларка, Х. Бона усиливались рупором печати и радио и звучали на всю Америку, вызывая могучее эхо: «Это не должно повториться!» Возникали общества защиты мира, студенческая молодежь шла в необычные организации «ветеранов будущих войн». Юноши считали, что правительство должно выплатить им пособия немедленно, еще до того, как они падут героями на полях сражений. Поскольку, вне всяких сомнений, было доказано, что «торговцы смертью» заинтересованы в войне, поднялось сильное движение за запрет экспорта вооружения и военных материалов нечестивым, осмелившимся на войну.

Народ выступал за это, исходя из простых соображений: война — зло, а «изоляционисты» — по более сложным причинам: обеспечить Соединенным Штатам свободу рук на международной арене. В середине 30-х годов в мире сильно пахло порохом. Фашисты в Германии и Италии, милитаристы в Японии наглели. Они не скрывали своих намерений — пойти войной во имя установления «нового порядка», расправившись в первую очередь с Советским Союзом. Эту цель — вооруженное нашествие на первое в мире государство рабочих и крестьян — всецело одобряла международная реакция. Лондон и Париж лишь заботились о том, чтобы не возникло препятствий на пути "крестового похода" против коммунизма. Отсюда известная политика «невмешательства» западных держав Европы.

Курс американских «изоляционистов» объективно не расходился с политикой Англии и Франции и был на руку агрессорам. Единственное различие состояло в том, что «изоляционисты» стремились обеспечить полную самостоятельность американской внешней политики даже от своих английских и французских единомышленников.

Где был Рузвельт? Он не мог не считаться с подъемом «изоляционистских» настроений в Соединенных Штатах. Президент шел за «изоляционистами», не забывая в частных беседах отмежеваться от их образа действий. А на деле? Дж. Най никогда бы не смог сделать свои сенсационные разоблачения, если бы правительство любезно не открыло перед его комитетом двери самых секретных архивов. Известно, что ФДР с первых месяцев своего президентства стоял за укрепление вооруженных сил США, в основном флота. Но когда в 1934 году поступили предложения провести неделю национальной обороны в стране, ФДР отверг их без объяснений. В ежегодном послании конгрессу 4 января 1935 г. ФДР высказался без обиняков: «Среди наших

целей я ставлю на первое место безопасность мужчин, женщин и детей нашей страны».

Летом 1935 года стало очевидным, что фашистская Италия готовится проглотить Эфиопию. По инициативе «изоляционистов» конгресс почти единодушно принял объединенную резолюцию, предусматривавшую, что в случае возникновения войны между двумя другими государствами президент, объявив об этом прокламацией, запрещает экспорт вооружения и боеприпасов из США в эти страны. Американским судам запрещается доставлять вооружение и военные материалы в их порты, а гражданам США — использовать суда воюющих сторон. Объединенная резолюция не делала различий между агрессором и его жертвой. Цель объединенной резолюции, заметил ФДР, — «уменьшить возможные поводы для конфликта с воюющими странами» и тем самым свести на нет риск вовлечения в войну США.

31 августа 1935 г. Рузвельт подписал объединенную резолюцию сроком на полгода. Поговаривали, что ФДР сделал это довольно неохотно. Послу США в Италии Б. Лонгу он пишет 19 сентября 1935 г. в связи с планами Муссолини напасть на Эфиопию: «Какой свет все это бросает на то, что мы считаем нашей современной и прекрасной цивилизацией? Вы и Додд (посол США в Германии. — *Н. Я.*) были значительно более правы в своих пессимистических оценках, чем все мои другие друзья в Европе. В любом случае я думаю, что наша американская позиция неуязвима, и поэтому считаю возможным, даже если начнутся военные действия, отправиться в плавание» (на «Хьюстоне»). Додд, принявший было горестные причитания Рузвельта за искренние чувства, сообщил ему, что объединенная резолюция — «явное зло». Президент ответил, что он не согласен и стоит за расширение законодательства о «нейтралитете», включив в эмбарго и военные материалы.

Рузвельт подтвердил в речи в Сан-Диего 2 октября 1935 г.: «Американский народ имеет лишь одну заботу, выражает лишь одно чувство: что бы ни случилось на континентах за морем, Соединенные Штаты Америки будут и должны, как о том давным-давно молились отцы-основатели страны, оставаться не связанными ни с кем и сохранять свободу рук... Мы не только искренне стремимся к миру, нами движет твердая решимость избежать тех опасностей, которые могут поставить под угрозу наши мирные отношения с остальными странами». Остальное известно. 3 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Эфиопию. 5 октября была опубликована прокламация президента США о «нейтралитете». Ни Англия, ни Франция не приняли никаких мер по оказанию помощи жертве агрессии, а амери-

канский «нейтралитет» оказался выгодным Италии. Она не нуждалась в вооружении и боеприпасах, но объем ее закупок в США стратегических материалов, в первую очередь нефти, резко возрос. Правнтельство США не ограничило ее импорт.

Франклин Д. Рузвельт полагал, что эта политика наилучшим образом отвечала национальным ннтересам н его собственным политическим видам: «изоляционистские» настроения-де особенно сильны на Западе н Среднем Западе США, а с зтими штатами нужно считаться в предстоявшей нзбирательной кампании. Личная крупная цель удобно рационализнровала неизбежный результат взятого курса — воцарение на международной арене нравов джунглей, наглого разбоя агрессоров.

Между тем был другой путь, встать на который Советский Союз неустанно звал мир. В Соединенных Штатах ответом на осложнение международной обстановки был взрыв «нзоляционистских» настроений, в Советском Союзе ЦК ВКП(б) еще 12 декабря 1933 г. принял решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность. Правительство Рузвельта видело выход в том, чтобы вывести нз-под огня только собственную страну, объективно разжигая аппетиты агрессоров. Советское правительство сформулировало доктрину — «мир неделим», предлагая остановить сползание к войне коллективными действиями против агрессоров. Как говорил М. М. Литвинов в 1934 году, все пограничные столбы на всех границах «являются опорамн мира н удаление хотя бы одного такого столба повлечет за собой падение всего здания мира». Соединенные Штаты отнюдь не стремились вступить на путь, на котором настаивал Советский Союз. Больше того. Как подчеркивал советский полпред в США А.А. Трояновский, «я, разумеется, следую строго данным мне указаниям и указываю только в разговорах и речах, что американская политика нейтралитета и нзоляционизма в настоящее время возможна только благодаря мощи Красной Армии, которая противостоит агрессивным намерениям фашистских государств»[7]. ФДР не мог не понимать зтого и наверняка прикидывал, как пустить в ход механизм «баланса сил», но гласно не желал ничем связывать себя.

В ежегодном послании конгрессу 3 января 1936 г. президент указал: «Остальной мир, увы! Вот где зарыта собака. Если бы мне пришлось сегодня обращаться к американскому народу с посланием по случаю вступления на пост президента, я не мог бы ограничиться одним абзацем, посвященным международным делам. С большим сожалением я был бы вынужден посвятить большую часть послания международным отношениям. Начиная с лета 1933 года события развернулись так,

что создалось положение, когда народы Америки должны принять во внимание рост недобрых чувств, явную тенденцию к агрессии, увеличение вооружений, нетерпимость. В этой обстановке уже присутствуют многие элементы, которые ведут к трагедии всеобщей войны». Выводы? Никаких.

IV

Пришел 1936 год, и снова выборы. Позади три года «нового курса» В актив записано немало, но в стране 9 млн. безработных. Многие представители крупного капитала поносили президента, 85 процентов газет выступало против ФДР. Реакционеры кричали на всех перекрестках, что коммунисты двигают «новый курс» Эти утверждения, как выяснилось позднее, отражали взгляды близоруких, привилегированного меньшинства.

Народ в целом одобрял сделанное президентом. Девять миллиардов долларов, истраченных через PWA, WPA и другие федеральные и местные органы помощи, оставили ощутимый след. Закон о социальном обеспечении и закон Вагнера сбили волну недовольства.

В 1935 году ряд профсоюзов во главе с объединенным профсоюзом горняков Дж. Льюиса резко порвал с АФТ. Их руководители звали к организации производственных профсоюзов, объединяющих рабочих не по «цехам» (профессиям), как было в узкокастовой системе АФТ, а в масштабах предприятий и целых отраслей промышленности. Это предвещало большую сплоченность американского рабочего движения. Комитет по организации производственных профсоюзов (КПП) начал активную кампанию, связывая ее успех с переизбранием ФДР. КПП основал рабочую беспартийную лигу, призывавшую голосовать за Рузвельта.

То, что самой логикой борьбы труда и капитала американское рабочее движение пошло по дороге производственных профсоюзов, подтвердило правоту коммунистов. Со дней основания коммунистической партии они боролись за это, указывая, что гигантским трестам необходимо противопоставить единые, сильные профсоюзы в монополизированных отраслях промышленности. Компартия сыграла выдающуюся роль в трансформации американского организованного рабочего движения, начавшейся в 1935 году. Рост производственных профсоюзов был бы невозможен без деятельности коммунистов, в свою очередь коммунисты возглавили мощное левое кры-

ло КПП. Коммунистическое движение в США стремительно развивалось, к 1938 году партия достигла максимума своей численности — около 80 тыс. членов, и еще 20 тыс. человек объединял комсомол.

Компартия США добилась известных успехов в проведении тактики «народного фронта» в американских условиях. Даже в высшей степени консервативный историк Э. Робинсон нашел: «Естественно, что многие, думавшие о новой Утопии, в которой американцы смогут опять достигнуть равенства, видели возможных союзников в коммунистах, а в государственной форме — в России. Главный аргумент тех, кто чувствовал, если прямо не думал о необходимости открытой революции, заключался в том, что никто не был уверен в завтрашнем дне. Безусловно, следует отыскать новую дорогу в будущее. Некоторые доктрины коммунизма в этих условиях легко одобрялись и принимались, а тактика «народного фронта» сделала возможным для американских радикалов утверждение, что коммунизм является естественным развитием демократии»[8]. Деятельность КПП считалась в США коммунистической, хотя это было основательным преувеличением.

Рузвельт очень серьезно относился к этим тенденциям. В кампании 1936 года он приложил большие усилия, чтобы доказать, что не имеет ничего общего с коммунистическими целями, как обвиняли президента правые критики. Дж. Льюис никогда не был коммунистом, но печать уже создала соответствующую репутацию возглавлявшемуся им КПП. В начале избирательной кампании он явился в Белый дом с чеком на 250 тыс. долл. в фонд демократической партии и с фотографом, дабы запечатлеть исторический момент: посланец рабочего движения передает трудовые доллары на избирательные нужды ФДР.

Рузвельт сиял, благодарил, жал руку, шутил, улыбался, а чек не взял. «Нет, Джон, — убедил он Льюиса, — оставь деньги у себя, я обращусь к тебе, если понадобится покрыть кое-какие мелкие траты» Льюис ушел ни с чем, бормоча, что его обвели вокруг пальца. Так и случилось. В кампанию 1936 года помощники ФДР выудили 500 тыс. долл. из касс профсоюзов КПП. Льюис безуспешно пытался получить письменную просьбу президента. Рузвельт ограничился телефонными разговорами, по большей части шутливыми.

В августе — сентябре 1936 года Рузвельт провел три сверхсекретных совещания с К. Хэллом и директором Федерального бюро расследований Э. Гувером. Помимо внимательного наблюдения за фашистскими организациями президент приказал установить слежку за коммунистической партией. Э. Гувер, не

видя ничего удивительного в этом, попросил только письменного распоряжения ФДР. Президент отказался. Он предложил иную процедуру: документ, написанный лично им, будет храниться в сейфе Белого дома. В нем будет указано, что в соответствии со старым законом, по которому ФБР подчиняется государственному департаменту, он отдал указание К. Хэллу распорядиться об установлении слежки за компартией. Старик Хэлл вызвался написать такой приказ Гуверу. Рузвельт, однако, запретил, настаивая, что об этом должны знать лишь они трое. В директиве Федерального бюро расследований, вменявшей своим агентам в обязанность следить за коммунистами, указывалось: «По понятным причинам вести работу самым незаметным образом и в строжайшей тайне». Политический сыск в США расправлял крылья!

Об административных восторгах президента страна, естественно, не знала, но в первой же речи во время президентской кампании в Сиракузах в конце сентября 1936 года ФДР заявил: «Я не искал, я не ищу, я отвергаю поддержку любого сторонника коммунизма или любого чужого «изма», стремящегося честными путями или обманом изменить нашу американскую демократию. На том я стою. На том я стоял. На том я буду стоять». Президент также сообщил, что «новый курс» спас страну от «угрозы коммунизма», созданной социальным и экономическим крушением 1932 года. Однако ФДР отверг советы некоторых из своих помощников обрушиться в речи на центр международного коммунистического движения — Советский Союз[9]. Он мыслил по-государственному.

Еще в 1932 году, сразу после избрания президентом, Ф. Рузвельт заверил единомышленников либерального толка: «Нам предстоит пробыть в Вашингтоне восемь лет. К концу их демократической партии может уже не быть, а будет существовать какая-то прогрессивная партия». По глубокому убеждению ФДР, президентство не было только административной должностью. «Это прежде всего место, откуда исходит моральное руководство. Все наши великие президенты были лидерами в духовной области». Выборы 1936 года явились прелюдией к давним планам ФДР (которые так и не осуществились) реорганизовать политическую жизнь США, создав новую, крепкую партию. Он-де выступил как кандидат всего народа. «В этой кампании лишь один вопрос, — заявил ФДР Р. Моли, — народ должен быть либо за меня, либо против меня»[10]. Противники президента самой логикой ФДР зачислялись в разряд врагов народа.

Старый прием Рузвельта — обращаться к народу, а не только к сторонникам демократической партии — определил стратегию

его избирательной кампании. Да иначе и поступить было нельзя. Лига американской свободы просто неистовствовала. В нее к середине 1936 года входили представители корпораций с совокупными активами в 37 млрд. долл. О единстве демократической партии не приходилось н говорить.

На зтих выборах Рузвельт создал очень широкую коалицию. Он как-то заметил на пресс-конференции: «Я пытаюсь пробить идею: когда нам попадаются подходящие люди, их партийная принадлежность не нмеет большого значения». В 1936 году в поддержку ФДР выступил вновь созданный прогрессивный национальный комнтет под руководством Лафоллета, сенатора Дж. Норрнса, Ф. Ла Гардиа, избранного мзром Нью-Йорка в 1933 году, Дж. Льюиса, С. Хилмена н др. Они боролись за переизбрание Рузвельта, а не за демократическую партию.

Во время предвыборной поездки по стране ФДР в штате Небраска поддержал кандидатуру в сенат Дж. Норриса против кандидата, выставленного организацией демократической партии. Республиканец сенатор Норрис, заявил ФДР, — «один нз наших лучших сторонников». В Нью-Йорке Рузвельт помог созданию амерндканской рабочей партии, поддерживавшей его. Дж. Фарлн, руководитель национальной партийной машины демократов, по уши погрязший в политических интригах, не понимал, куда клонил президент. Фарлн заботился только об укреплении партии, полагая, что в 1936 году основная задача — «сделать» президентом ФДР, а на выборах 1940 года опять провести президентом демократа, но отнюдь не Рузвельта, ибо никто никогда в США не выбнрался на третий срок. Профессионал-политик Фарли ие видел, что в 1936 году ФДР выступал как представнтель «сил прогресса», а не как кандидат демократической партии.

ФДР поручил подготовить свою речь на конвенте двум группам помощников; каждая из них сначала не догадывалась, что кто-то еще работает над речью. Первая (С. Розенман, С. Хай и У. Буллит) составила свой проект, вторая (по существу, Р. Моли единолично) — свой. ФДР собрал обе группы в Гайд-парке. Началось сравнение проектов речей. Моли стоял за умеренность. ФДР резко возразил и язвительно осведомился у профессора о его виовь приобретенном консерватизме и влиянии «новых, богатых друзей» на направление журнала, основанного Моли («Тудей», финансировавшийся Асторами, предшественник еженедельника «Ньюсуик»). Журнал выступал против «иового курса».

Молн взял под защиту свое детище, бесцеремонно напомнив Рузвельту, что «неспособность выноснть критику влечет его по

ложному пути». По мнению Моли, президент «вставил в речь положения, рассчитанные на возбуждение классовой борьбы и резких антагонизмов». Рузвельт вспылил, и, по словам Розенмана, «единственный раз в моей жизни я видел, как президент забыл о том, что он джентльмен». Не считаясь с тем, что Моли был гостем, Рузвельт осыпал его площадной бранью, профессор не остался в долгу.

Тягостной сценой завершилось сотрудничество ФДР с Моли, последний скоро оказался в авангарде злейших противников Рузвельта. Со временем к ним присоединились и некоторые другие советники ФДР. Моли и иные обнаруживали отвратительные качества президента после разрыва с ним.

Вечером 27 июня 1936 г. на стадионе в Филадельфии по завершении конвента демократической партии, вновь выдвинувшего Рузвельта в президенты, состоялось грандиозное театрализованное представление: более 100 тыс. человек собрались, чтобы выслушать речь кандидата. К приезду президента дождь прекратился, вызвездило. Когда большой черный лимузин въехал на стадион, шум стих. Ждали появления оратора на освещенной прожекторами трибуне. Там за кулисами Франклин, опираясь на руку сына, начал мучительно трудное для него восхождение по довольно крутым ступеням трапа.

Он увидел знакомого среди толпившихся людей, потянулся пожать ему руку, потерял равновесие и упал. Небольшое замешательство — и охрана поставила президента на ноги. Злой, бледный и потрясенный, он приказал: «Отряхните меня». Спустя несколько секунд, когда он появился на трибуне, зрители увидели знакомого ФДР — улыбающегося и бодрого, хотя он больно ударился при падении.

Уверенным тоном и твердым голосом Рузвельт перечислил успехи администрации, достигнутые не партийной политикой, а «всеми нами». В Филадельфии 4 июля 1977 г. была уничтожена политическая тирания, теперь пришло время покончить с экономической тиранией. Президент огласил суровое обвинительное заключение в адрес «экономических роялистов» (термин предложил С. Хай). «Эти привилегированные принцы новых экономических династий, — гремел голос президента в репродукторах, — жаждущие власти, стремятся поставить под контроль само правительство. Они создали новый деспотизм, освятив его законом... Экономические роялисты жалуются, что мы хотим опрокинуть американские институты. В действительности они жалуются на то, что мы стремимся взять у них власть».

Президент отлично играл своим голосом, то громко и отчетливо произносил фразы, то доверительно, вполголоса сообщал:

«Жизнь людей следует таинственному циклу. Некоторым поколениям многое дано, от других многое требуется. Нынешнее поколение американцев встретилось со своей судьбой (фразу предложил Т. Коркоран. – *Н. Я.*)». Рузвельт торжествующе закончил речь: «Я принимаю ваше посвящение. Я с вами. Я призван на всю войну».

Президент, как популярный актер, приветствующий зрителей, поднял над головой сжатые руки, обнял кандидата в вице-президенты Дж. Гарнера. Под неистовые вопли дважды в автомобиле объехал стадион. Избирательная борьба началась.

Республиканская партия выдвинула своим кандидатом в президенты бесцветного губернатора штата Канзас А. Ландона. Республиканцы слепо обрушились на все меры «нового курса» только потому, что их провел Рузвельт. Они даже высказались против социального обеспечения. Раз надев идеологические шоры, они ничего не видели и не слышали, даже предостережений из собственной среды. Сенатор Бора пытался внушить лидерам своей партии: «Движущая сила в политике в нашей стране в грядущие годы – рабочие, мелкий бизнесмен и миллионы тех, кто без вины лишился своих накоплений и возможностей в жизни. Им предлагают конституцию, но народ не ест конституцию»[11]. Безуспешно!

Именно это отлично понимал ФДР.

Он распорядился подготовить и напечатать большим тиражом книгу «Жизнеописание губернатора Ландона», в которой подчеркивалось, как губернатор умолял федеральное правительство о помощи нуждающимся в его штате. Следуя своей обычной манере, ФДР не называл во время кампании имени противника, чтобы не создавать ему излишней популярности. Когда Дж. Фарли в одной из речей отозвался о Ландоне как о губернаторе «типичного степного штата», президент одернул его, указав: нужно говорить «одного из этих прекрасных степных штатов», слово «типичный» в устах ньюйоркца послужит пищей для противников.

«Отец» Кофлин, Таунсенд и преемник Лонга Смит сплотили силы, образовав партию «Союз» с кандидатом-конгрессменом У. Лемке. На их истерику ФДР почти не обращал внимания. Ими занимались органы юстиции. Таунсенда посадили «за оскорбление» – отказ дать показание в комитете конгресса. ФДР простил его. Смит угодил в тюрьму за убийство и сквернословие в Новом Орлеане. Все уместно случилось в разгар выборов.

Рузвельт едко высмеивал своих главных противников: «Летом 1933 года приятный старый джентльмен в шелковой шляпе, – говорил он в Сиракузах, – упал в воду с мола. Он не

умел плавать. Друг прыгнул с мола и вытащил его, но волна унесла шелковую шляпу. Когда старого джентльмена привели в чувство, он просто рассыпался в благодарностях. Сегодня, спустя три года, старый джентльмен бранит друга за то, что его шелковая шляпа была потеряна». В речи в Чикаго: «Некоторые из этих людей забыли о своей тяжелой болезни. Но я знаю, насколько больны они были. Я держал их температурные листы. Я знаю, как годами дрожали колени у всех наших грубых индивидуалистов и как екали их сердца. Они громадными толпами сбежались в Вашингтон. Тогда Вашингтон не представлялся им опасной бюрократией. О, нет! Он выглядел скорее как пункт скорой помощи. Все эти достойные пациенты хотели двух вещей — немедленного укола, чтобы снять боль, и курса лечения, чтобы исцелиться. Они просили сделать и то и другое, мы сделали. А теперь большинство пациентов очень здоровы. Некоторые из них уже настолько поправились, что швыряют костыли в доктора».

Он обрушил могучие словесные удары на традиционную цель американских «прогрессистов» — большой бизнес и монополии, — которую в свое время разили Брайан и Вильсон, Теодор Рузвельт и Лафоллет. На митингах горячо аплодировали ФДР, который, как Георгий Победоносец, схватился с драконом денежного мешка. В экстазе как-то забывалось, что все прошлые "крестовые походы" указанных лиц против названных злодеев заканчивались тем, что монополии набирали силы и вновь полнокровными ожидали очередного "крестоносца".

В заключительной речи кампании 29 октября 1936 г. Рузвельт сказал: «Никогда на протяжении всей нашей истории эти силы не были так объединены, как сегодня. Они единодушны в своей ненависти ко мне, и я приветствую их ненависть. Мне бы хотелось указать, что во время моей первой администрации силы эгоизма и жаждущие власти встретили равного по силе противника. Мне хочется сказать о моей второй администрации что во время ее они встретят своего хозяина (разрядка моя. — *Н. Я.*)». ФДР брал на себя ни много ни мало, как задачу обуздать монополистический капитал! «Тем, кто, умалчивая о собственных планах, спрашивает, каковы наши цели, мы отвечаем. Конечно, мы будем стремиться улучшить условия труда рабочих Америки — сократим рабочий день, повысим заработную плату, ныне обрекающую на голодную смерть, — положим конец детскому труду, уничтожим потогонную систему. Конечно, мы будем всеми силами бороться с монополиями в бизнесе, поддерживать коллективные договоры, прекратим несправедливую конкуренцию, покончим с постыдными приемами в тор-

говле. За все это мы только начинаем бороться (разрядка моя. – *Н. Я.*)».

Предвыборная кампания Ф. Рузвельта превратилась в триумф. Он зажег сердца верой в светлое будущее, и миллионы людей стекались на пути следования президента, чтобы бросить хоть мимолетный взгляд на пророка грядущих славных дней, рыцаря борьбы с несправедливостью, исцелителя униженных и задавленных нуждой. В Нью-Йорке на пятидесятикилометровом пути по улицам города не было ни одного квартала, где бы тротуары не были забиты народом. В Бостоне встретить его собрались 150 тыс. человек. Растроганный Рузвельт рассказывал Икесу, что слышал возгласы: «Он дал мне работу», «Он спас мой дом» и подобные.

Лидер американских социалистов Н. Томас, наблюдавший кампанию ФДР, с нескрываемой завистью заметил: «Его лозунг не был социалистическим – «Рабочие мира, соединяйтесь!», он кричал: «Рабочие и мелкие вкладчики, соединяйтесь, чтобы очистить Уолл-стрит!» Этот лозунг восходил по крайней мере к Эндрю Джексону. Что мистер Рузвельт, его «мозговой трест» и политические советники проделали со списанными ими ближайшими социалистическими требованиями, просто-напросто показывает: если вы хотите правильно воспитать ребенка, оставьте его у родителей, а не вверяйте незнакомым людям». Ну что могли поделать, даже если и хотели, республиканцы перед таким проворством. Председатель национального комитета их партии Дж. Гамильтон говорил по радио: в случае победы ФДР каждому американцу повесят на шею собачью бирку с номером. «Вот такую я держу в руках!» Иначе, заверили ораторы-республиканцы, как же различить людей, только по номерам в списках социального обеспечения. Итак, вместо имен и фамилий каждому номер! 20 октября на воротах многих предприятий вывесили плакаты: «Вас приговаривают к пожизненным вычетам из зарплаты. Вам придется отбывать это наказание, если вы не поможете отменить его 3 ноября. Рузвельт прикажет снять у всех отпечатки пальцев». И т.д.

В начале ноября 1936 года ФДР вернулся в Гайд-парк ожидать исхода выборов. В старом доме собрались его семья, ближайшие друзья и помощники, сопровождавшие президента в поездке по стране. Все они были уверены в победе и спорили лишь о размерах большинства при переизбрании ФДР. Розенман, Хай, Коркоран, Коген, готовившие речи президента в эту кампанию, с удовлетворением подводили итоги; ничего не забыто, не допущено грубых промахов. Вспоминали трудные и веселые эпизоды кампании. Даже на близких производило громадное

впечатление, когда во время поездки по стране Франклин Д. Рузвельт возвращался с митингов в свой поезд. Вид инвалида, карабкающегося по специальному трапу в вагон, заставлял замолкать толпу провожающих. Недруги не могли не отдать должного выносливости президента.

ФДР был в отличном расположении духа. «Знаете, мальчики, — сказал он своим помощникам, — прошлым вечером мне пришла в голову веселая мысль. Я подумал: вот было бы смешно, если бы мне пришлось баллотироваться против Франклина Д. Рузвельта. Не знаю, побил бы я его, но уверен, что ему пришлось бы значительно труднее, чем с Ландоном. Во-первых, я отмежевался бы от Херста! Затем я бы отмежевался от Дюпонов и всего, за что они стоят. Потом я бы сказал: «Я за социальное обеспечение, помощь работой и т.д. и т.п. Но демократам нельзя доверить претворение в жизнь этих отличных идей». Я бы цитировал положения закона о WPA и разглагольствовал о ее неэффективности. Знаете, там масса ошибок, которые неизбежны в такой громадной, чрезвычайной программе». Немного подумав, Рузвельт добавил почти серьезно: «Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что смог бы победить себя»[12].

Едва ли. В кампании 1936 года он полагался не только на лозунги, но и на политический сыск, доставлявший ему сведения о замыслах противников. Дж. Гамильтон рассказал в 70-х годах: в помещении национального комитета республиканской партии ФБР установило подслушивающую аппаратуру. Специалисты обнаружили ее, но «мы не подняли шума, а использовали ее, чтобы пичкать демократов ложной информацией». Видимо, аппаратуры было много больше, чем предполагал Гамильтон, ибо Рузвельт знал о каждом шаге соперников. Остается добавить: приказ о подслушивании отдал Г. Икес, питавший пристрастие к тайным делам[13].

Ноябрьские выборы 1936 года дали неслыханное большинство Ф.Рузвельту. За него было подано 27 752 309 голосов. Ландон собрал 16 682 524 голоса. Партия «Союз» получила около 1 млн., социалисты — 200 тыс. и коммунисты — 80 тыс. голосов. С 1820 года, когда в США существовала «эра доброго согласия» — практически однопартийная система, ни один президент не имел такого большинства — 60,8 процента. ФДР победил в 46 штатах, получил 523 выборщика, и только 8 выборщиков были против.

Стратегия Ф. Рузвельта, объявившего себя избранником народа, тем, кто приведет его к желанным целям, оправдала себя. В речи по радио накануне выборов ФДР сказал: «Кто бы ни был избран, завтра он будет президентом всего народа». Итоги выбо-

ров давали осиование верить, что избиратели в подавляющем большинстве ратифицировали программу, как оиа была изложена ФДР[14].

Вечером в день выборов иесколько сот человек, соседи ФДР, с духовым оркестром и факелами пришли к дому в Гайд-парке поздравить президента. Услышав треск барабана и нестройные звуки труб музыкантов-любителей, ФДР застегнул иа иогах ортопедические приборы и появился иа крыльце поблагодарить собравшихся перед домом.

Красноватый, иеверный свет факелов, лица внуков, поднятых с постели шумом и прильнувших к стеклам окои, одетый по-домашнему в старый мятый костюм президент придавали сцеие, повторявшейся в 1940 и 1944 годах, какой-то провинциальиый характер. Соседи поздравляли соседа в округе, который только в 1930 году голосовал за демократов. Позднее президенту никогда ие удавалось повести округ за своей партией. Том Коркоран, примостившись иа ступеньках крыльца, играл иа аккордеоие.

V

«Я похож на кота, — говаривал Ф. Рузвельт, — молниеиосный прыжок — и притаюсь». Борясь за голоса в 1936 году, ои ни на минуту ие забывал о Верховиом суде, хотя публично ие сказал о нем ни слова. 20 января 1937 г. Рузвельт под проливным дождем принимал присягу президента. Промокший и продрогший до костей председатель Верховиого суда Юз читал присягу. Когда он дошел до слов «и обязуюсь поддерживать конституцию Соединенных Штатов», дрожавшему от холода Рузвельту, по собственному призианию, хотелось закричать во весь голос: «Да, но конституцию, как я понимаю, достаточно гибкую, чтобы разрешать новые и любые проблемы демократии, а не коиституцию, которую ваш суд использует в качестве барьера для прогресса и демократии».

Ои ие крикнул, а внушительио прочитал послание в связи со вторым вступлением в должность. Ни одии другой докумеит за время своей государствениой деятельиости ФДР ие готовил столь тщательио. Президент нарисовал тяжелую картину повседневиой жизни в Соединенных Штатах.

«Я вижу десятки миллиоиов людей, зиачительную часть всего населения, лишенную в иашн дни того, что даже по самым низким современным требованиям, именуется первостепенными жизиенными потребиостями.

Я вижу миллионы семей, живущих на столь скудные доходы, что семейная катастрофа каждодневно висит над ними.

Я вижу миллионы, чья каждодневная жизнь в городе и на фермах была бы названа неприличной так называемым приличным обществом пятьдесят лет назад.

Я вижу миллионы лишенных образования, отдыха и возможности улучшить свою судьбу и участь своих детей.

Я вижу миллионы не имеющих средств, чтобы купить промышленные товары или продовольствие, и бедность которых не дает возможности заработать на жизнь еще многим миллионам.

Я вижу треть нации, живущую в плохих домах, плохо одетую и плохо питающуюся.

Принимая вновь присягу президента, я торжественно клянусь вести американский народ по избранной им дороге».

За драматическим посланием наступила пауза. Президент заперся в Белом доме. Он в тайне готовил новую программу. Чего ожидать? Полпред СССР в США А.А. Трояновский писал в Наркоминдел 1 декабря 1936 г.: «Рузвельт был поддержан всеми прогрессивными элементами, включая рабочие организации. Казалось бы, что эта победа Рузвельта смогла бы заставить его непременно пойти по прогрессивной линии в сторону социальных реформ. Но в настоящее время он чувствует себя довольно свободно и независимо, так как ни одна группа населения не поможет сказать, что только благодаря ее помощи он был переизбран. Его собственная психология либерала также не развивает левых тенденций в его политике. Так что скорее всего надо ожидать его колебаний между правыми и левыми элементами»[15].

Доброжелатели ФДР в США не считали себя смелыми, сопоставляя размах грядущих предложений с мандатом, выданным на выборах. Даже для самых доверенных советников тайное стало явным лишь в самом конце января, всего за несколько дней до того, как новая программа стала достоянием страны. 30 января С. Розенмана пригласили в Белый дом на день рождения ФДР. Там его впервые ввели в «Клуб золотых запонок». Обычные развлечения, доминировал именинник с полным собранием своих древних анекдотов и смешных, на его взгляд, историй. Рузвельт с большим вкусом рассказывал их, нисколько не заботясь о том, что некоторые из присутствовавших слышали их по двадцать раз и более.

Еще в бытность ФДР губернатором штата Нью-Йорк в Бостоне случилось убийство. Заподозренных двух китайцев арестовали в Нью-Йорке. Губернатор штата Массачусетс потребовал их

выдачи бостоиской полиции. Едииствеииый свидетель опозиал в задержанных обоих убийц, которых он мельком видел иа месте преступления. Тогда защитник попросил свидетеля удалиться и пригласил в комиату еще двадцать китайцев. Свидетелю предложили вновь указать на убийц в толпе, чего он не смог сделать. В свое время Розенман сам разбирал зто дело и рассказал о нем Рузвельту. Теперь Розенмаи с удивлением узнал, что расследование проводил ие он, а лично Рузвельт, причем президент приукрасил историю явио вымышленными деталями. Розенман перемигнулся с Мисси и Грейс. Он только диву давался фантазии ФДР. Впрочем, всем нм предстояло выслушать эту нсторию еще много-много раз.

Любимое развлечеиие президеита – игра в покер, затягивавшаяся в те годы до четырех часов утра. К его величайшему сожалению, врачи сократили сроки игры сиачала до двух часов, а затем до двеиадцати часов иочи. Он жаловался н просил еще «чуть-чуть» поиграть, ио под тяжелым взглядом врача партнеры вставалн н откланивались, оставляя вкоиец расстроенного президента наедине с картами. Так по-обычному прошел праздничный вечер, за исключением одного – президент открылся друзьям, что замышляет реформу Верховного суда. Пришло время расправиться с девятью упрямыми стариками, срывавшими «иовый курс».

Вот ведь как обстоят дела, с большим воодушевлеиием говорил Рузвельт. Упрямейший старец член Верховного суда Дж. Макрейиольдс в свое время, в 1913 году, отлично понимал: засилье в судах людей в больших годах – зло. Тогда он сам был министром юстиции н подготовил законопроект: назначать иового судью на место судьи со стажем не менее десяти лет, достигшего семидесяти лет и отказывающегося уйти в отставку. Теперь Макрейнольдс смотрит на все по-иному, намертво вцепившись в свое кресло.

Президент прочитал уже подготовленный проект послания конгрессу: во всех федеральных судах сверху донизу вводился описанный принцип. Осиовной целью, конечно, был Верховиый суд. Предусматривалось еще расширить его состав до пятиадцати членов.

Реформа обосновывалась тем, что суды завалены делами и из-за преклонного возраста судей не справляются с работой. Указав, что за минувший год Верховный суд отказался рассмотреть 717 дел из 867, представленных ему, ФДР заключил: «Современная сложная жизнь требует постоянного притока свежей крови в суды, равно как в правнтельственные ведомства и частные организации. Сниженные умственные или физические воз-

можности заставляют людей избегать углубляться в сложные дела. Постепенно старые очки искажают новые факты, ибо очки подбирались для нужд другого поколения. Старики, считающие, что все обстоит по-прежнему, перестают изучать и ставить под сомнение настоящее и будущее». Аргументация могла убедить лишь поверхностные умы.

Советники президента испытывали серьезные опасения по поводу исхода его затеи и рекомендовали, если ФДР горит желанием «прижать» Верховный суд, избрать путь поправки к конституции. Он отмахнулся: «Дайте мне десять миллионов долларов, и я провалю любую поправку». Рузвельт, несомненно, отлично понимал соотношение власти денег и государственных институтов в США. 5 февраля конгресс получил послание президента. Обнародование предложений ФДР произвело впечатление взрыва бомбы. Противники ФДР тут же объяснили, что истинный мотив президента не забота о «свежей крови», а удовлетворение ненасытного голода власти. Диктаторские замашки президента не вызывают сомнений.

ФДР понял, что допустил ошибку. В ряде речей он попытался подправить аргументацию. Выступая в начале марта, ФДР сказал: «Если в плуг впряжены три лошади, то поле можно вспахать только при их дружной работе. Стоит одной из лошадей лечь или потянуть в другую сторону — и работа сорвана». Он добавил: «В ноябре прошлого года мы предупредили, что только начинаем сражаться. Некоторые люди считают, что мы в действительности не собирались делать этого. Но мы намерены сражаться». Самые злорадные газеты подхватили эти слова и с заметным удовлетворением припомнили: они были правы, в канун выборов 1936 года печатая предостережения: «Осталось только 25 дней (или 10, или 5) для спасения американского образа жизни».

Против Рузвельта выступило большинство сенаторов и конгрессменов от демократической партии. Даже горячие приверженцы ФДР — Г. Лимен, Ф. Франкфуртер и Дж. Норрис — оказались в лагере оппозиции. В сенате борьбу возглавили два выдающихся «прогрессиста», еще недавно азартно поддерживавших «новый курс», — сенаторы Б. Уиллер и Х. Джонсон. Сенатор-демократ К. Гласс заметил, что «конгресс может совершить самоубийство, если желает президент», однако никак не может пойти на реформу Верховного суда. Республиканцы получили редкую возможность оставаться зрителями яростного конфликта среди демократов.

Рузвельт был разъярен: непонимание даже среди ближайших соратников. Журналисты настигли его в Гайд-парке и сар-

кастически спросили, что он думает о высказываниях Лимеиа. Он нахмурился и цыкнул: «Не цитировать!» И с иескрываемой злобой бросил: «Что можно еще ожидать от еврея!»[16].

Масла в огоиь подлило опубликование доклада комиссии, назиачеииой президеитом еще в марте 1936 года для изучения работы правительства и рекомендации улучшений методов управления. Ее предложения: расширить штат Белого дома, укрепить более 100 существовавших к тому времени управлений, созданных приказами президеита главным образом в интересах проведения «иового курса», образовать два новых министерства — социального обеспечения и общественных работ, иепосредственно подчинить многие управления президеиту и т.д. Эти предложения ие шли дальше давно выдвигавшихся пожеланий упростить громоздкую государственную машину.

Однако в сочетании с реформой Верховного суда они производили впечатление, будто Ф. Рузвельт исполиеи решимости получить безраздельную власть. Действительио, ФДР, уставший от сопротивления Верховиого суда, стремился устранить препятствия с пути дальиейших реформ. Если он собирался расширить «иовый курс», тогда следовало бы обратиться прямо к иароду. Ои ие сделал этого и застрял в тенетах системы балаисов и противовесов американского государственного устройства, в свое время созданной творцами американской коиституции.

Пока политики спорили, старики судьи зашевелились. С 1933 года по 1936 год Верховный суд 12 раз аннулировал принятые законы (за всю предшествовавшую историю США было 60 таких решений). С марта 1937 года в течение иескольких месяцев важнейшие законы вторых «ста дней» были призианы коиституционными: закои о минимальиой заработной плате в штате Вашингтон, закон Вагиера, закои о социальном обеспечении. Измеиение позиции суда выбило почву из-под ног споривших сторон. Судьи, по-видимому, поняли, что «иовый курс» — отнюдь не посягательство на осиовы осиов капиталистической системы. Они отметили и различный подход ФДР во время первых и вторых «ста дней».

В своем решении о поддержке закона о минимальной заработной плате в штате Вашингтон Верховный суд записал: «Эксплуатация рабочих, находящихся в неравиом положении при договоре об условиях труда и, следовательио, относительно беззащитных, когда их лишают прожиточного минимума.., возлагает прямое бремя иа общество содержать их. Налогоплательщик вынужден доплачивать недополученную ими заработную плату». Цель закоиа, указал суд, сократить расходы на помощь, которая «продолжает возрастать в устрашающих размерах».

С этим не могли не согласиться и заклятые враги «нового курса».

Так у значительной части буржуазии – а Верховный суд был зеркалом ее интересов – наметилось понимание смысла политики Рузвельта. Было отброшено то, что не подходило, – NIRA и ААА с прямым вмешательством государства в дела экономики, но одобрены методы вторых «ста дней». Однако стремление Рузвельта подчинить юридическую власть исполнительной, исходившее из той же философии управления, которая выражалась в NIRA и ААА, было пресечено. 22 июня 1937 г. конгресс принял закон, вводивший незначительные изменения в судебную систему Соединенных Штатов. О реформе Верховного суда в нем не было ни слова, предусматривалось только, что любой судья, прослуживший свыше десяти лет по достижении 70-летнего возраста, «может сохранить свой пост, но уходит от активных дел» с сохранением оклада[17].

Рузвельт потерпел крупнейшее поражение в своей государственной деятельности. Тем не менее ФДР любил говорить в последующие годы, что он, проиграв сражение, выиграл войну.

До 1945 года Верховный суд лишь в одном случае, и то по второстепенному делу, бросил вызов правительству. К 1945 году из девяти судей семеро были назначены ФДР, средний возраст членов суда снизился с 72 лет в 1937 году до 57 лет в 1945 году. Об отныне послушных судьях ФДР с плохо скрытой насмешкой выразился: «довольно наивно» отрицать связь между его предложениями об увеличении состава суда и одобрением им законодательства «нового курса».

Публицист У. Манчестер заметил с позиций 70-х годов: «Долговременные последствия провала реформы суда трудно оценить. Президент достиг своих непосредственных целей. Интерпретация понятия межштатной торговли была резко расширена, а коль скоро девять стариков были действительно стары, смерть и отставка вскоре позволили Рузвельту выбирать Верховного судью и восемь членов по своему усмотрению. Цена же оказалась непомерной, и на это правильно указал молодой конгрессмен Линдон Джонсон, избранный в том году. Промах ФДР, рассудил Джонсон, привел к образованию коалиции демократов-южан и республиканцев – крест, который впоследствии несли все президенты-демократы, включая Джонсона»[18].

Да, во время битвы с Верховным судом ФДР растерял многих друзей и приобрел только Джонсона. В 1937 году на место умершего конгрессмена от штата Техас среди десяти кандидатов баллотировался 29-летний демократ Линдон Джонсон. К этому времени Л. Джонсон был неплохо известен в штате как

активный организатор администрации молодежи, созданной в рамках «нового курса» и давшей работу 33 тыс. юношей. Элеонора Рузвельт, посетив штат Техас, с большой похвалой отозвалась об энергичном работнике. В кампании 1936 года его заметил ФДР: Л. Джонсон выстроил у Далласа юношей, работавших в организации администрации молодежи. Они приветствовали кандидата в президенты по-военному, держа лопаты на караул. ФДР рассмеялся.

Выдвинув свою кандидатуру в 1937 году, Л. Джонсон безоговорочно поддерживал «новый курс», включая реформу Верховного суда. Более опытные деятели сочли бы этот шаг политическим самоубийством. Взгляды Джонсона находились в резком противоречии со взглядами другого техасца — вице-президента Гарнера, нападавшего на предложения ФДР. Хотя бы по этой причине Рузвельт с симпатией следил за молодым политиком.

После успеха Л. Джонсона на выборах Рузвельт пригласил его к себе на яхту. Конгрессмен произвел самое благоприятное впечатление на президента и, несмотря на большую разницу в летах между ними, стал другом ФДР. Рузвельт привез его в Вашингтон в президентском поезде. К удивлению Джонсона, ФДР дал ему личный телефон могущественного Т. Коркорана, а по прибытии в столицу молодой конгрессмен обнаружил, что он уже включен в комитет по морским делам палаты представителей. Джонсон в меру своих возможностей внес лепту в «новый курс».

VI

Идя к своему второму президентству, Ф. Рузвельт в речи 29 сентября 1936 г. настаивал, что между обеими партиями нет различий в отношении к коммунистической системе, однако между ними громадная разница в политических методах перед лицом коммунизма. «Республиканцы, пустив «дела на самотек», в 20-х годах допустили такое ухудшение экономических условий, когда радикализм стал угрозой. В начале кампании 1932 года я сказал: «Встречать реакцией опасность радикализма означает собственными руками подготовить катастрофу. Реакция не служит препятствием для радикала, она вызов, провокация. Эту опасность нужно встречать реальной программой реконструкции... Мы встретили чрезвычайное положение чрезвычайными мерами. Значительно более важным было то, что мы добрались до корней проблемы и занялись причинами кризиса. Мы

против революции. Поэтому мы объявили войну тем условиям, из которых вырастают революции».

Во время сражения с Верховиым судом дискутировались административно-юридические концепции, но, предостерег раздраженный сопротивлением Рузвельт в речи 4 марта 1937 г., речь шла совершенно о другом: «Если у нас ие хватит мужества вести американский народ по дороге, по которой ои хочет идти, его поведут другие». Хотя Верховиый суд, напуганный президентом, склонил голову, а у Рузвельта остались глубокие политические шрамы от ран, полученных в схватке, борьба в верхах в общем оказалась вие основиого потока американской жизни во второй половине 30-х годов.

Свнрепое единоборство Рузвельта с девятью старнками ие разрешало насущных проблем. Действня нсполнительиой власти в отношении юридической объективно были бездействием в разрешении социальных проблем. Рузвельт, обещавший в 1936 году «встречу с судьбой», уклонился от выполиения своих посулов. И иарод, недавно вернувший ФДР громадным большинством в Белый дом, стал добиваться улучшения своей жизни помимо администрации. В результате главным образом зтого, а не поражения ФДР в борьбе с Верховным судом случился обвал его престижа с середины 1937 года.

Натиск народных масс — но ие политика Рузвельта — обеспечил дальнейшие успехи американских трудящихся. Поражение ФДР нмело те последствия для демократических сил, что они получили большую самостоятельность в своих действиях. Исторический парадокс. Реакция, связавшая свободу маневра чрезвычайно подвижного ФДР, развязала зиергию народных масс!

1937 год. Новые победы организованного рабочего движения. Комитет по организации пронзводственных профсоюзов, закончив подготовку, вторгся в высокомоиополизированные отрасли промышленности — автомобильную, сталелитейную, химическую н др., где тогда практически не существовало профсоюзов. Впервые в нстории страны в ответ на террор предпринимателей рабочие широко прибегли к «итальянским забастовкам», водружая на воротах предприятий плакаты «Они не пройдут!» Стачечная борьба была упорной и изобиловала острыми схватками. 30 мая в Чикаго полиция расстреляла мирную демонстрацию, убив 10 рабочих и ранив 160. Удалось снять докуменгальиые кадры расправы — избнение забастовщиков, расползающиеся люди, выплевывающие кровь, а по их спинам молотят полицейскне дубинкн. Демоистрировать зти кадры запретили, дабы-де не подстрекать к бесчинствам. Как будто мало проливается крови на зкранах США в гангстерских лентах!

Моиополии были вынуждены призиать возникавшие мощные производственные профсоюзы с сильным левым крылом, возглавлявшимся коммунистами. Без них громадные успехи рабочего движения были бы иевозможными. Комитет по организации производствеиных профсоюзов, переимеиованный в 1938 году в Коигресс производственных профсоюзов, объединял в своих рядах до 4 млн. члеиов профсоюзов. Примерио такой же численности к этому времени достигла и АФТ. К иачалу второй мировой войны американские профсоюзы почти утроили свою численность по сравнению с 1933 годом и иасчитывали около 9 млн. члеиов.

В то время, когда рабочие, ослепляемые слезоточивым газом, под пулями полиции и охранников компаний бились за осуществление злементариого права — права иа союз и коллективный договор, ФДР занял иейтральиую позицию. Моиополии требовали, чтобы против забастовщиков были брошены федеральные войска. ФДР отказал. Председатель КПП Дж. Льюис страстно изобличал Рузвельта как предателя интересов рабочих, бессовестиого растратчика собранных по грошам и врученных президенту в 1936 году профсоюзных средств. КПП выдвинул серьезиое обвииение: Рузвельт и Гопкиис срывают попытки вовлечь в профсоюзы рабочих, занятых WPA и PWA. Президеит накоиец отреагировал на обращения справа и слева броской фразой: «Чума иа оба ваших дома!» Льюис образио ответил: «Мало приличествует тому, кто ел у стола рабочих, кому давали приют в рабочем доме, проклинать с равиой горячностью и прекрасной беспристрастиостью рабочих и их противников, сошедшихся в смертельиой схватке». ФДР виес поправку — ои имел в виду зкстремистов с обеих сторои. Как ие любил ои брать свои слова обратно, тут пришлось! Объективио Рузвельт выступал против того, чтобы рабочее движение заняло подобающее ему по силе место в демократической коалиции, иа которую опирался и чья поддержка обеспечила его переизбрание в 1936 году. Именно зтим, а ие тем, что Джоиа Льюиса считали за неукротимый ирав «Хью Лоигом рабочего движения», объяснялись иараставшие трения между президеитом и КПП. Ни однн представитель трудящихся ие занял поста ни в кабинете, ни в ведомствах «нового курса».

ФДР оказался далеким от иейтралитета, когда коифликт труда и капитала стал решаться иа путях «итальяиских забастовок». В разгар борьбы рабочих автомобильиой промышленности в 1937 году ои с иескрываемым высокомерием бросил: уровеиь их созиания «детский», а «итальянские забастовки, вие всякого сомиения, являются иезаконными». Президент взял иа себя

смелость говорить от имени всей страны: «Итальянские забастовки чертовски непопулярны, и в конечном счете лидеры рабочего движения поймут, что рабочие не смогут достигнуть многого, если они сейчас станут непопулярными в глазах громадного большинства населения страны. Для этого, возможно, потребуется года два». В 1939 году Верховный суд запретил «итальянские забастовки» как противоречащие американской конституции.

Ожесточенные сражения на фронте труда и капитала совпали с новым экономическим кризисом осенью 1937 года. К лету 1938 года производство сократилось на треть, количество безработных увеличилось с 4,9 млн. в 1937 году до 9,6 млн. к лету 1938 года. Упал доход фермеров, подскочило число заявок о предоставлении пособий. Кризис опрокинул надежды «ньюдилеров», что они на верном пути. Еще в 1935 году, выступая в Чарлстоне, Рузвельт заверял: «Да, мы стоим на правильной дороге, не случайно избранной, мои друзья, не в результате поворота цикла, а мы сознательно избрали это направление. И пусть никто не говорит вам иного». Теперь республиканцы издевались над пророчествами ФДР. Внешне он был невозмутим. Когда на очередной пресс-конференции осторожно напомнили эти слова, президент спокойно ответил: «Меры, принятые нами тогда и сводившиеся главным образом к фискальной политике и заправке насоса (росту государственных расходов. — *Н.Я.*), совершенно очевидно принесли ожидавшиеся результаты».

В узком правительственном кругу ФДР не смог скрыть крайнюю растерянность. Почва уходила из-под ног. Вице-президент Гарнер бестактно напомнил Рузвельту, что в кампании 1936 года он обещал сбалансировать бюджет в ближайшие годы. «Я пятьдесят раз говорил, — почти истерически закричал ФДР, — что в 1938 финансовом году бюджет будет сбалансирован. Если вы хотите, чтобы я повторил это, я могу сказать то же самое еще раз или пятьдесят раз!» Конгресс был настроен враждебно. Все главное, что предложил Рузвельт в 1937 году, было отвергнуто: помощь сельскому хозяйству, введение максимальной рабочей недели и минимальной заработной платы в промышленности. Пустили под откос грандиозный план ФДР — создать семь новых региональных управлений для развития и использования естественных ресурсов по типу TVA.

Нанеся поражение президенту, довольные сенаторы и конгрессмены летом 1937 года разъехались на каникулы. Взбешенный ФДР в речи 17 сентября указал: правительство руководствуется идеалом, который «делает понятными требования рабочих о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы,

требования фермеров получать стабильные доходы, требования громадного большинства бизнесменов избавить их от разрушительной конкуренции, требования всех покончить с таким порядком, часто ошибочно именуемым «свободой», который дает возможность горстке населения извлекать более чем терпимую долю у остального населения». Ранней осенью он совершил поездку по стране, обращаясь непосредственно к избирателям.

Рузвельт сообщил, что на 12 ноября он созывает чрезвычайную сессию конгресса, чтобы преодолеть тупик.

Он верил, что народ сумеет за оставшееся время оказать воздействие на конгресс. «Я, как Антей, собираюсь с силами, встречаясь с народом», — изрекал ФДР. В частном письме он писал в это время: «Как вы знаете, газеты жирных котов (так в США зовут монополистов. — *Н.Я.*), то есть 85 процентов всей печати, ожесточенно выступали против всех мер администрации. Обстановку уместнее всего характеризовать так: кампания весны, лета и осени 1936 года активно продолжается весь 1937 год. Однако избиратели и сегодня с нами, как были прошлой осенью». 12 октября, ровно за месяц до начала чрезвычайной сессии конгресса, Рузвельт выступил с очередной «беседой у камелька» — речью по радио. Он указал, что собирается просить конгресс принять отвергнутое им законодательство. Речь ФДР тепло встретили радиослушатели, но она не произвела ни малейшего впечатления на законодателей.

Чрезвычайная сессия конгресса отклонила без исключения все предложенное Ф. Рузвельтом.

VII

На рубеже 1937 и 1938 годов Вашингтон лихорадило. Бесчисленные совещания в правительственных ведомствах, конференции представителей крупного и мелкого бизнеса. В январе 1938 года по приглашению правительства в столице проводилось совещание мелких бизнесменов. Они никак не могли договориться о том, что надлежит сделать для выхода из кризиса. Пришлось вызвать полицию, чтобы умерить страсти.

Прозаседались и первосвященники «нового курса». Среди них теперь первое место занимал Гопкинс, который стал самым близким к Рузвельту человеком, постоянным гостем Белого дома. Весной 1938 года Гопкинс серьезно считал, а ФДР поддерживал его в счастливом убеждении, что он будет преемником ФДР на посту президента. Система взглядов Гопкинса на способы преодоления кризиса была проста: усилить «заправку насо-

са» – расширить общественные работы. По-видимому, с Гопкинсом солидаризировались как старые деятели «нового курса» – Икес, Уоллес, Перкинс, Коркоран, так и новые звезды в избранном кружке – руководитель федеральной резервной системы М. Экклз, М. Эзекиль, Л. Гендерсон, У. Дуглас. Среди них получала все большее распространение идея, что необходимо обуздать эксцессы монополий. Крупные капиталисты со своей слепой жаждой наживы – виновники кризиса. Икес горячо говорил, что зло свило гнездо в «шестидесяти семьях», контролирующих американскую экономику.

Рузвельт смотрел на вещи со специфической точки зрения. Членам правительства он просто сказал: «Если мы не добьемся экономического восстановления, в 1940 году никто из нас не будет переизбран». Кое-кто пытался подсказать президенту научные методы выхода из кризиса. Выяснилось, однако, что заставить президента выслушать научные доводы практически невозможно.

Экклз добился обещания президента отвести час во время завтрака для беседы с ним на экономические темы. Редкая привилегия, ее домогались месяцами! Он вступил в кабинет президента, перегруженный идеями. Там, оказывается, уже сидел сенатор от штата Калифорния старик Мак-Аду. Рузвельт вежливо намекнул, что собирается позавтракать с Экклзом. Сенатор радостно согласился: «Вы, ребята, кушайте на здоровье, а я тем временем закончу». Начался мучительный завтрак под аккомпанемент поучений сенатора: президенту при назначении федеральных судей в штате нужно считаться не с таким-то «сукиным сыном», а с ним, Мак-Аду, и т.д. Наконец сенатор ушел, официант выкатил столик с посудой.

Можно было бы приступить к беседе, но, когда официант открыл дверь, в кабинет с радостным лаем ворвалась собака президента Фала. Рузвельт достал из стола мячик и поиграл с Фалой – пес исправно приносил в зубах мячик, заброшенный в самый дальний угол кабинета. Экклз выдавил из себя похвалу смышленому животному. «Хватит, Фала, – сказал наконец Рузвельт, – нам нужно работать». Экклз, собравшись с мыслями, заговорил. Вскоре он заметил, что его слова не доходят до собеседника. «Будь я проклят, – закричал Рузвельт. – Экклз, посмотрите, что я вижу!» Фала напачкала на ковер. Вызвали охранника, ткнули пса носом в место «преступления», отчитали и с позором изгнали. Но и время Экклза истекло. По возвращении в свое ведомство он мог сообщить подчиненным только о делах в штате Калифорния и невоспитанности собаки.

Из Англии в Белый дом пришло длинное послание, датированное 1 февраля 1938 г. Дж. Кейнс, давая обстоятельный анализ политики администрации Рузвельта, видел выход из кризиса в новых ассигнованиях на общественные работы. ФДР пробежал послание и поручил Моргентау подготовить формальный ответ, который подписал, не читая. На Рузвельта не произвел впечатления экскурс в область «чистой» теории.

В конце 1937 – начале 1938 года открылась малоизвестная страница государственной деятельности Ф. Рузвельта – он бесконечно и негласно советовался с представителями крупнейших монополий.

Спустя более чем десять лет, в 1950 году, «Вашингтон таймс геральд» писала: «В 1937 году, когда новый курс оказался перед лицом депрессии, президент Рузвельт стал приглашать дельцов с Уолл-стрита на секретные совещания. Именно в это время Томас Ламонт, сменивший Моргана в качестве главы «Дж. П. Морган и К°», стал посещать Белый дом. Как-то раз Моргана случайно встретили при выходе из Белого дома вместе с Мироном Тейлором, тогда возглавлявшим «Юнайтед Стейтс стил», контролировавшийся Морганом. Оба с улыбкой признали, что имели сорокапятиминутную беседу с президентом, о которой Белый дом не объявлял. Когда их спросили о целях посещения, они ответили, что речь шла о светском визите. "Поэтому вы понимаете, что я не могу рассказать о том, что говорилось в доме президента"»[19], – сказал Морган.

Об итогах этих совещаний почти ничего не известно: на заседании правительства Рузвельт пожаловался членам кабинета: «Организованное богатство, которое до сих пор контролировало **правительство** (выделено мной. – *Н.Я.*), пользуется случаем, чтобы решить, следует ли продолжить контроль над правительством или устраниться». В это время влиятельный юрист, обслуживавший корпорации, открыл на Уолл-стрите кампанию по сбору крупного фонда, который, будет передан ФДР при условии, что он в течение пяти месяцев подаст в отставку. По-видимому, то была крайняя точка зрения представителей крупного бизнеса; их основная часть, сообщил Рузвельт кабинету, не хочет «неограниченного сельскохозяйственного производства, стоит за закон об установлении максимальной рабочей недели и минимальной заработной платы, считает необходимой какую-то форму социального законодательства. Однако все это они говорят в частном порядке, и никто из них не поддержит такие предложения публично»[20]. Единомыслие президента и крупного капитала, достигнутое за кулисами, и определило успех последней вспышки законодательства «нового курса» в 1938 году.

Если не принять этого объяснения, тогда совершенно невозможно понять крутой поворот конгресса от его непримиримой позиции 1937 года.

Первопричина этих изменений «в верхах» — массовое движение трудящихся, развернувшееся зимой 1937/38 года. Новый кризис вызвал новый подъем демократических сил. И на этот раз они были значительно более сплоченными, чем в 1929—1933 годах. Профсоюзы КПП только что сломили сопротивление монополий в ведущих отраслях экономики. Коммунистическая партия превратилась во внушительную силу. Соединенные Штаты стояли на пороге острых классовых битв.

16 февраля 1938 г. конгресс вотировал закон о сельском хозяйстве. Отныне правительством ежегодно устанавливались квоты производства для основных сельскохозяйственных продуктов. Затем проводился референдум среди фермеров. Если две трети их соглашались, тогда квоты становились обязательными. Соответственно проводились выплаты фермерам за сокращение посевов. Для поддержания цен излишки фермерской продукции скупались правительством. В отличие от ААА, регулирование было менее мелочным. Закон 1938 года определил подход правительства США к проблемам сельского хозяйства в грядущие годы.

25 июня 1938 г. Рузвельт подписал закон о справедливой регламентации труда, установивший минимальную заработную плату в 25 центов в час с повышением в последующие семь лет до 40 центов и максимальную рабочую неделю в 44 часа с сокращением в следующие три года до 40 часов. Закон касался только рабочих, занятых на предприятиях «межштатной торговли», то есть национального значения.

Наконец 14 апреля 1938 г. Рузвельт направил конгрессу предложения о «стимулировании дальнейшего восстановления» — истратить 3 млрд. долл. по каналам WPA, ССС и т.д. Чтобы лидеры конгресса не сомневались в его намерениях, он шутливо-серьезно предостерег их: в случае сокращения сенатом и палатой представителей просимых ассигнований президент распорядится поставить перед Белым домом большой плакат с надписью «По вопросам WPA обращаться не сюда». Большая стрела будет указывать куда — в сторону конгресса. Массовая безработица и требования расширить ассигнования на общественные работы вынудили законодателей проголосовать "за". В 1938 году президент не изобрел пороха: он дал стране большую дозу лекарства, выписанного по рецепту 1933 года. Но если тогда Рузвельт был уверен в исцелении, то теперь знал — возможно лишь временное улучшение.

Накопленный опыт доказывал, что исцеление на уже испытанных путях «нового курса» невозможно. Как быть? 14 ноября 1937 г. в речи по радио ФДР сказал: «Безработица — одна из тяжелых и страшных проблем, стоящих перед человечеством... Эта проблема существует в каждой цивилизованной стране, не только в нашей. В некоторых странах ее разрешили, приступив к выполнению чудовищных программ вооружений, однако мы, американцы, не хотим решать ее таким путем». Спустя семь месяцев ФДР в публичном выступлении вновь вернулся к этой теме: «Ни одна страна не разрешила удовлетворительным образом проблему, как дать народу работу во время депрессии. Единственный метод, разработанный до сих пор, который, повидимому, обеспечивает сто процентов восстановления или около этого, заключается в переходе на военную экономику». На этот раз президент не оговорил, что указанный путь заказан для Америки. Но чтобы следовать по нему, требовалось ослабить подлинных борцов за демократию, в первую очередь тех, кто шел с коммунистами или за ними. Фактов против не было, значит, нужно вести кампанию травли, выдвигая фантастические и необоснованные объяснения. Но как создать иммунитет для клеветников? Иски по американским законам нельзя вчинять тем, кто выступает в конгрессе или его комитетах. Там можно говорить все, что угодно, не утруждая себя доказательствами. Остальное доделает пресса — безответственные заявления украсят первые страницы газет, войдут в общественное сознание. А опровержения? Их просто не напечатают.

В 1938 году в палате представителей был создан комитет по расследованию антиамериканской деятельности под председательством М. Дайса. Он забил тревогу по поводу «коммунистической» угрозы, будто бы нависшей над США. Побочный продукт — собравшиеся в комитете ненавистники «нового курса» обливали грязью правительство, особенно обвиняя Икеса, Гопкинса и Перкинс в «коммунистической деятельности». В феврале 1939 года Икес с отвращением записывал в дневнике: «Я считаю, что сложилась в высшей степени опасная обстановка. Я не могу забыть, как Муссолини пришел к власти в Италии в результате травли «коммунистов», то же самое проделал Гитлер в Германии; Япония вторглась в Китай для разгрома «коммунизма»; Англия ползает на брюхе перед Гитлером, боясь «коммунизма». Дайс может действовать таким же образом. Вовсе не невероятно, что в результате его усилий в нашей стране будет раздута антикоммунистическая истерия, за этим появится некий человек на коне, дабы «защитить» нас от выдуманной угрозы. И тогда в Соединенных Штатах воцарится фашизм»[21].

Икес попытался обратить внимание на растущую угрозу, подготовил большую речь против Дайса и его комитета. Видимо, он не понимал тактики президента... ФДР категорически заявил: «Ради бога! Не делайте этого!» А комитет в разрекламированных слушаниях шельмовал «антиамериканцами» сотни людей. Публично, за исключением одного случая, ФДР не осуждал комитет, как-то раз квалифицировал обвинения Дайса в том, что Белый дом не сотрудничает с ним, как «чепуху»[22]. Очень темная история, имевшая одну светлую сторону для ФДР – на фоне истериков из комитета было легко выглядеть великим «прогрессистом».

Постепенно отстоялись критерии «антиамериканизма» в представлении комитета Дайса: «вера в полное социальное и расовое равенство», «замена общественной собственности частной», «забота правительства о народе» и т.д.[23]

VIII

Рузвельт крайне болезненно ощущал падение своего престижа. Нападки на президента множились со всех сторон, принявшие обещания ФДР на веру в кампании 1936 года были глубоко разочарованы. Печать, как обычно, обвиняла лично президента в неблаговидных делах. Громадное распространение получила сплетня: некий филателист принес в Белый дом свои лучшие марки и показал их Рузвельту, а когда восторженный коллекционер на мгновение отвернулся, президент Соединенных Штатов стащил несколько марок из альбома. Элеонора расплатилась с филателистом за мужа.

Сплетни, распространявшиеся о ФДР, – отражение морали сытых того общества. «Конечно, – значительно говорили они друг другу, – каждый в Вашингтоне знает: этот Тип подцепил гонорею от «Эл-а-нор» (ее заразил негр). Франклин Д. помирает от венерической болезни, поэтому «Эл-а-нор» курицей скачет по стране, после его смерти она передаст США русским... Тот Тип пытается уничтожить американский образ жизни... Улыбка того Типа – результат пластической операции, он и гроша не заработал за жизнь, живет на деньги мамаши, конечно, он еврей, происходит от голландских менял, всего-навсего нью-йоркский жид»[24].

Рузвельт обычно не реагировал. Редкое исключение – пресс-конференция в 1937 году. В «семейном кругу», как выразился президент среди журналистов, он горько пожаловался на информационное агентство Макклюра, рассылавшее бюллетени для

270 газет. ФДР зачитал два таких бюллетеия. 1) «В конце прошлого месяца м-р Рузвельт был найден без созиания за своим рабочим столом. Врачи обиаружили у иего иа шее сыпь, что является симптомом тяжелого заболевания. Немедлеино началось в строжайшей тайие лечение силами лучших специалистов с отстранением от работы. Этим объясияется поездка на юг без журиалистов под усиленным эскортом военных кораблей». 2) «Недавио на частном банкете в Нью-Йорке представитель компании «Америкэи синамид» в крайией форме выразил озлобление к администрации, что типично для личного отиошения миогих правых лидеров промышлеиного н фииаисового мира. Упомянутый человек миогословио развивал тезис о том, что «параиоидный тип» в Белом доме ведет страну к гибели, наилучшее средство лечения — две меткие пули, и, если зто случится, он первый купит бутылку шампанского, чтобы отпраздновать радостное событие»...

Вопрос: Вы заиялись агеитством?

Президент: Коиечно, нет.

Вопрос: Разве за второй бюллетень нельзя привлечь к суду?

Президент: Как вы знаете, зто бессмысленно. Президент США не вчиняет исков за клевету, а министерство юстиции не ведет таких дел.

Тем дело н кончилось, ФДР нзлил душу и успокоился. Судиться пришлось бы со многими. Владелец книжного магазина в Бостоне ответил иа предложение продавать сборник речей президента: только в том случае, «если книга будет в переплете из его кожи». Таковы давние политические традиции в США. Некнй американский острослов заметил, что в его страие строят триумфальные арки нз кирпича, чтобы иметь под рукой иеобходимые метательные предметы, когда покажется герой.

Семья Рузвельтов жила под стеклянным колпаком. Многочисленные браки н разводы их детей смаковались иа первых полосах газет. Джеймс, назначенный Рузвельтом в штат Белого дома, был партиером страховой компании. Не мытьем, так катаньем он побуждал фирмы, желавшие получить что-то у правительства, страховаться в его компании. По данным «Сатердей ивнинг пост», только на зтих операциях Джеймс нажил до миллиона долларов. Эллиот пытался пробиться в деловом мире, широко используя имя отца. ФДР, иапример, коротко разъяснил владельцу «Атлаитик знд пасифик компани» Дж. Хартфорду, что заем 200 тыс. долл. Эллиоту «будет оценен». Хартфорд дал просимую сумму и «был снят с крючка» — дело шло к увеличению налогов с его фирмы. В обеспечение ему дали акции

радиокорпорации. Затем акции пришлось вернуть Эллиоту, а их стоимость Хартфорд вычел из своего подоходного иалога. Стоимость акций радиокомпании поднялась до миллиоиа долларов. Президеит передал их второй жене Эллиота при разводе. Все это и многое другое служило пищей для бескоиечных толков и пересудов.

Обозрев барометр общественного миения, Рузвельт в 1938 году пошел на необычные шаги, чтобы поднять свое реноме. За кулисами ои плодотворио совещался с представителями моиополий, на авансцене под лучами прожекторов печати Рузвельт выступал в ослепительных доспехах борца против крупиого капитала. В апреле 1938 года он создал временную иациоиальную экоиомическую комиссию для расследования моиополизации в американской промышленности. Президент требовал, чтобы комиссия приняла рекомендации по обузданию злоупотреблений крупного капитала.

Указав, что доходы 1,5 процента населения США равны доходам 47 процентов, Рузвельт привел слова американского деятеля XIX столетия Д. Вебстера: «Самое свободное государство на свете не может долго просуществовать, еслн законы имеют тендеицию создавать быстрое накопление богатств в немногих руках, оставляя бóльшую часть населения в нищете». Рузвельт, как всегда, стремился показать преемственность своей политикн в рамках духовного наследия Америки. Но дальше Вебстер говорил: «В таком случае народ должен ударить по привилегиям богатства; иначе влияние богатства ограничит н поставит под контроль изъявление народной воли». Этих слов Д. Вебстера ФДР не привел, хотя первый был деятелем буржуазной партии вигов, а второй именовал себя «прогрессистом».

Комиссия с большой помпой приступила к работе. Почти одновременно в том же 1938 году по злосчастному совпадению Франклин Рузвельт-младший женился на Этель Дюпон. Свадьба была отпразднована с королевской роскошью. В громадном особняке отца Этель — «совином гнезде» собрался весь клан Дюпоиов. ФДР и Элеонора сидели рядом с теми, кого клеймил президент. Как водилось в семье ФДР, браки его сыновей ие были долговечными, иедолгим оказался семейный союз Франклина-младшего и Этель Дюпон, но еще долго появление президеита на нх бракосочетании приводилось как критерий его нскренности.

Печать была не очеиь далека от нстины. ФДР никогда ие порывал со своим классом. Конечно, он был снобом, поддерживал тесные отношения с Асторами н Вандербильдами. Назиачал на ответственные посты мультимиллиоиеров — припомним

М. Тейлора, Э. Стеттиниуса, Н. Рокфеллера, А. Гарримана. Он любил отдыхать на борту роскошной яхты Асторов, доказывая, что отнюдь не является «предателем своего класса», как утверждали правые.

Труды временной национальной экономической комиссии продолжались до апреля 1941 года. Были исписаны горы бумаги, но принятые рекомендации не оправдывали своего названия. Комиссия высказала благие пожелания — уменьшить злоупотребления монополистов, ограничивающих свободную конкуренцию, а якорь спасения — помощь правительства бизнесу.

К 1938 году Рузвельт обнаружил, что поставлен конгрессом в жесткие рамки. Его чары рассеялись. Он предпринял отчаянную попытку вернуть свободу действий. Если он не убедил противников, — тогда убрать их! Необходимо провести «чистку». В марте 1938 года ФДР эффективно уладил разногласия с руководителем TVA А. Морганом, уволив его в отставку. «Это увольнение усилило патологический страх перед президентской диктатурой»[25]. В конгрессе продолжалось затянувшееся обсуждение предложений Рузвельта о реформе органов исполнительной власти, печать окрестила их «диктаторским законопроектом». Конгресс отверг его. Рузвельт рвал и метал.

На пресс-конференции в Белом доме журналисты обратили внимание на ятаган, лежавший на столе президента. ФДР гордо сообщил, что он может метнуть его на тридцать шагов так, что острие ятагана вонзится в стену. Ядовитый вопрос: «А как далеко вы можете забросить его по Пенсильвания-авеню (в конце ее находится Капитолий. — *Н. Я.*)?» Президент рассмеялся. Он не собирался никому мстить. Вскоре в Уорм-Спрингсе новая пресс-конференция. Рузвельт огласил следующее заявление.

«А. Я не имею никаких наклонностей стать диктатором.

В. У меня нет качеств, необходимых для хорошего диктатора.

С. Я слишком хорошо знаю историю и нынешние диктатуры, чтобы испытывать какое-либо желание заменить любой формой диктатуры существующую демократию в Соединенных Штатах».

Рузвельт с большой насмешкой отнесся к новой партии — национальных прогрессистов Америки, — возглавленной Ф. Лафоллетом. Они взяли себе эмблему — крест в круге. ФДР предложил добавить приветствие, «ибо только этого одного недостает партии. Я предлагаю: воздеть обе руки к небесам и поклониться. По крайней мере, это хорошо скажется на комплекции ее членов!»

Нет, ФДР не метил в диктаторы, он просто решил лично изгнать неугодных ему депутатов из конгресса — благо в 1938 году проводились очередные выборы.

Рузвельт занялся беспрецедентным делом: поехал по Соединенным Штатам, агитируя против тех, кого, по его мнению, не нужно было избирать. Рузвельт обрушился на «медянок», применив термин, которым именовали в 1861—1865 годах противников А. Линкольна. Турне Рузвельта озадачило избирателей.

Накануне выборов Рузвельт подчеркнул: «Сегодня фашизм, коммунизм и старый республиканизм тори не угрожают продолжению существования нашей формы правления. Однако я рискну сделать смелое сравнение: если американская демократия перестанет развиваться.., тогда фашизм и коммунизм при поддержке, возможно неосознанной, со стороны старого республиканизма тори усилятся в нашей стране». Разъяснения ФДР оказались излишними: за исключением одного случая, всех кандидатов, против которых агитировал Рузвельт, избрали в конгресс. Представительство республиканцев в палате представителей удвоилось, они отвоевали и семь мест в сенате. «Новый курс», очевидно, утрачивал ценность в глазах избирателей. Итоги выборов глубоко потрясли Рузвельта: унизительно чувство бессилия.

На людях он сохранял бодрость духа. В декабре 1938 года, выступая перед студентами, он не знал меры шуткам: «Вы, видящие меня в первый раз, читали в газетах и слышали по радио, что я по меньшей мере людоед — сговариваюсь с коммунистами, уничтожаю богачей, разрушаю древние традиции. Иные из вас, быть может, думают, что я изобрел экономических роялистов, зловредные компании, ростовщиков. Шесть лет вы слышите, что я только и хлопочу, чтобы сбросить страну в войну, послать вас и ваших младших братьев на кровавые поля сражений в Европу, веду страну к банкротству и завтракаю каждый день жареным миллионером на блюде. На деле я умерен во всем — стою за мир в стране и за рубежом, верю в капиталистическую систему, а на завтрак ем яйца всмятку».

Но когда он снимал политический грим, а такого ФДР видели считанные, перед ними представал глубоко разочарованный и усталый человек.

Свою популярность, по крайней мере в кругах читающей публики, ФДР сумел точно измерить в 1937—1938 годах. С Розенманом он затеял многотомное издание своих речей и государственных документов. Они уже договорились — прибыль поровну! Издатель Б. Серф был полон скептицизма. Он напомнил, что способный заплатить 15 долл. за первые пять томов собра-

ния сочинений ФДР, скорее всего, в лагере противников президента. Кроме того, литература такого рода не очень популярна. Удалось продать, например, только 1700 экземпляров аналогичного издания Г. Гувера. «Ну, если Гувер продал 1700 экземпляров, я продам миллион», – воскликнул Рузвельт. Доводы издателя о том, что в Вашингтоне собрали всего 334 заказа, а в ряде штатов книг вообще не покупают, на ФДР не подействовали. Он распорядился отпечатать собрание своих сочинений тиражом 25 тыс. экземпляров, разошлось – менее 4 тыс. Подождав довольно долго, издатель уценил их. Президент разъярился и отомстил: Серфу запретили показываться на глаза ФДР. Мелкий укол по самолюбию президента. В эти годы их было множество.

По-видимому, им овладело уныние. В декабре 1938 года ФДР назначил Гопкинса министром торговли. Гопкинс и другие считали, что президент заблаговременно поднимает популярность будущего кандидата от демократической партии на выборах 1940 года. Рузвельт не отрицал. Наверное, он с внутренней усмешкой следил за разговорами о будущем президенте – Г. Гопкинсе. Он давным-давно приказал ФБР установить подслушивающую аппаратуру даже на домашних телефонах Г. Гопкинса, Т. Коркорана и других высших советников. ФБР докладывало записи, представлявшие интерес для президента[26]. Наверное, так он чувствовал себя увереннее.

IX

«Президент, – писал С. Розенман, – испытал длинную серию неудач во внутренней политике за истекшие полтора года. Его престиж в стране и за рубежом серьезно пострадал. Я не знаю, какую дорогу он избрал бы в 1938 году, если бы события не приковали его внимание к международным делам. Я знаю, что он был разочарован в проведении дальнейших реформ. Я знаю, что коренным решением вопроса он считал не создание третьей либеральной партии, а объединение либеральных сил обеих партий. Могло бы случиться, что, если бы международные дела не отвлекли его внимание, он бы провел реорганизацию обеих партий до истечения своего второго президентства»[27].

Тагвелл высказывает аналогичное суждение: «В 1939 году правительство не могло добиться никаких успехов. Нельзя было даже предложить новые законопроекты... Впереди лежало открытое море до того дня, когда в Польшу вторгся Гитлер, туман мог развеять только могучий ветер войны, любые иные ме-

ры во власти Рузвельта не принесли бы никаких результатов». Выход во внутренней политике, по мнению Тагвелла, лежал в реорганизации партий в США. «Если бы Рузвельт дожил до того времени, когда он выставил свою кандидатуру на президентских выборах в пятый раз, он выступил бы не демократом, а «прогрессистом». Если бы не война, это случилось бы уже в 1940 году»[28].

Очень возможно. Но нужно считаться с тем, что произошло. Перестройка партий так и осталась возможностью, суровой действительностью было то, что только война позволила Рузвельту продолжить успешную политическую деятельность. В Соединенных Штатах не прекращаются споры вокруг ФДР, оценки достижений великого президента противоречивы, его сторонники и противники проявляют редкое согласие только в этом пункте.

Несмотря на все усилия ФДР, «новый курс» не принес коренных улучшений. В стране насчитывалось около 10 млн. безработных. «Заправка насоса» создала для них искусственную занятость. За это пришлось расплатиться чудовищным ростом государственного долга, достигшим 34,7 млрд. долл. в 1938 году против 18,7 млрд. долл. в 1932 году. В 1939 году Соединенные Штаты занимали 17-е место среди 18 основных капиталистических государств по восстановлению уровня производства 1929 года. А ведь только в США претворялся в жизнь «новый курс».

В Вашингтоне больше не тешили себя надеждой, что удалось ввести экономическую жизнь в нормальную колею чрезвычайными мерами. Когда несколько влиятельных деятелей-демократов предложили ФДР в декабре 1938 года в интересах сплочения партии отказаться от WPA и PWA, президент холодно ответил: «В этом случае придется обратиться к федеральным войскам для поддержания порядка. Это даже может привести к революции или к попытке совершить революцию»[29]. Не ново. За шесть лет до этого, в 1932 году, мэр Чикаго А. Чермак на предложение легислатуры прекратить помощь 600 тыс. безработных ответил: «Вызывайте солдат, перед тем как закрыть пункты по выдаче пособий». Так что же изменилось в США?

На путях внутренней политики было невозможно вывести страну из кризиса, а продолжение его, вопреки всем усилиям Рузвельта, ставило под сомнение жизнеспособность капиталистической системы.

ФДР неизбежно платил цену за то, что «новый курс» не изменил основную структуру США. К 1938 году с 1933 года дивиденды возросли на 40 процентов, стоимость акций увеличилась

в два — четыре раза, налогообложение богачей и сверхбогачей оставалось умеренным. Они реально ничего не потеряли при ФДР, если не считать надежд на более высокие прибыли. Это недополучение, помимо прочего, и было причиной ненависти многих в верхушке высшего класса к ФДР. Очень неглупый публицист М. Чалдс в серии статей в 1936—1938 годах пытался дойти до истоков ненависти этих, как он называл, 2 процентов американцев, но отказался вынести вердикт. Он сказал только: «Будущий историк будет не только озадачен, но станет в тупик». В одном он был твердо уверен: «Только одно может изменить позицию класса-ненавистника, и это, естественно, война... Не случайно те, кто с особой яростью накидывается на внутреннюю политику Рузвельта, снисходительно одобряют внешнюю политику президента». Острым классовым чутьем они понимали — ФДР ведет дело к войне.

Однако исследование его деятельности в сфере внешних дел куда более сложная задача, чем даже рассмотрение «нового курса» внутри страны, по многим причинам. Громадная фигура главнокомандующего американскими вооруженными силами в 1941—1945 годах оставляет в глубокой тени президента США кануна второй мировой войны. Во главе воевавших Соединенных Штатов он преодолел многие трудности в схватке с державами «оси», но иные из этих трудностей — дело рук самого президента США в 1936—1939 годах.

У. Лангер и С. Глисон, авторы почитающегося в США классическим официального исследования американской внешней политики в 1937—1941 годах, открывают его ясным заявлением: «Бывшие члены кабинета, близкие к г-ну Рузвельту, как, например, мисс Перкинс и г-н Моргентау, характеризовали его как необычайно сложного человека, находившегося во власти ошеломляюще противоречивых мотивов. Если так, то тогда будущие биографы покойного президента найдут свою задачу не поддающейся решению, в то время как для нас обоих, не знавших лично г-на Рузвельта, было бы опрометчивым попытаться сделать больше, чем коротко охарактеризовать этого сложного человека. Достаточно заметить, поскольку это важно для внешней политики, что президент, несмотря на кажущуюся общительность, веселый и даже фривольный нрав, был очень сдержанным и замкнутым человеком... Покойный президент оставил относительно немного записок, дневников или воспоминаний, а ближайшие советники признают, что они были в неведении о его сокровенных замыслах, поэтому, по всей вероятности, никогда не будет получено надежных и подробных сведений о мотивах его внешней политики»[30].

Сообщив об указанных прискорбных обстоятельствах, У. Лангер и С. Глисон — а их мнение разделяет вся академическая община американской исторической науки — написали два тома о четырех критических годах, предшествовавших вступлению США в войну. Более 1700 страниц убористой печати!

Подлинные мотивы ФДР в области внешней политики, натурально, установить необычайно трудно. После смерти Луи Хоу Рузвельт никого не посвящал в свои мысли, не исключая самого близкого к нему человека в последние годы жизни — Гопкинса. На совещаниях кабинета внешние дела не подвергались серьезному коллективному обсуждению, хотя бы из опасения утечки информации, не говоря уже о том, что ФДР запретил вести протоколы. Рузвельт часто предпочитал действовать в обход государственного департамента и через голову Хэлла. Зачастую он в большей степени полагался на суждения заместителя государственного секретаря — «великого молчальника» гротонца С. Уэллеса. Частные совещания с различными лицами по вопросам внешних дел затрагивали не существо политики, а ее тактику. В конце 1935 года Рузвельт написал Баруху: «Международные проблемы волнуют меня куда больше, чем внутренние, включая выборы». Редчайшее признание, проливающее свет на сокровенные мысли президента. Есть, однако, объективный критерий — то, что делал или не делал Вашингтон, достаточно вскрывает мотивы действий президента.

В июле 1936 года в Испании вспыхнул фашистский мятеж. На стороне Франко открыто выступили Германия и Италия, законное правительство поддерживали демократические силы мира, в первую очередь Советский Союз. Англия и Франция, проводя политику невмешательства, пособничали агрессорам. Американский народ осудил вылазку фашизма на Пиренейском полуострове.

Правительство оказалось в затруднительном положении — объединенная резолюция конгресса о «нейтралитете» не предусматривала случая гражданской войны. Юридически Вашингтон не мог воспрепятствовать оказанию материальной помощи республике. Испанское правительство произвело небольшие закупки вооружения и военных материалов и в США. Государственный департамент объявил о введении «морального эмбарго» на торговлю с республиканской Испанией. Но именно моральные соображения двигали чистыми идеалистами, отправившимися из США воевать за испанскую и международную демократию в конце 1936 года. Они пробирались в Испанию, где составили прославленную интернациональную бригаду имени

А. Линкольна. Из ее 3 тыс. человек 1800 героев сложили головы на испанской земле.

Эти и другие благородные люди олицетворяли рассвет мировой борьбы против фашизма, который, однако, не состоялся. ФДР был среди тех, кто жестко локализовал борьбу демократии против фашизма пределами Пиренейского полуострова. «Стремясь не допустить превращения конфликта в широкую войну, — замечает Р. Даллек, — Рузвельт был готов игнорировать международную практику, позволявшую торговать и посылать оружие республиканскому правительству Испании. Он не был заинтересован в то время в спасении Испании. Он только хотел, чтобы конфликт не вылился в общую войну в Европе»[31].

Первым актом вновь открывшейся сессии конгресса 6 января 1937 г. было распространение объединенной резолюции о «нейтралитете» на гражданскую войну в Испании, причем ей была придана обратная сила! ФДР подписал резолюцию 8 января. Франко комментировал: «Президент Рузвельт поступил, как настоящий джентльмен. Его закон о нейтралитете, приостанавливающий экспорт военного снаряжения обеим сторонам, быстрота, с которой он принят и проводится в жизнь, являются жестом, который мы, националисты, никогда не забудем».

В июле 1937 года Япония напала на Китай. Боевые действия развернулись на громадных пространствах. Но президент «не нашел» состояния войны, и закон о «нейтралитете» не был применен к японской агрессии на Дальнем Востоке. Япония в громадной степени зависела от импорта из США, эмбарго на поставку стратегических материалов привело бы к прекращению японской агрессии (а она рассматривалась на Западе как прелюдия к войне против СССР) и одновременно обострило бы ее отношения с Соединенными Штатами. Чего и стремился избежать ФДР, надеявшийся отвести японскую угрозу от США и защитить американские интересы на Дальнем Востоке и Тихом океане руками других.

Позиция Вашингтона оказалась на руку японским милитаристам. Министр иностранных дел Японии Хирота заявил: «Отношение Америки к китайскому инциденту справедливо и правильно».

Напряженность в мире нарастала с каждым месяцем. В 1936—1937 годах агрессоры объединили свои силы, заключив «антикоминтерновский пакт». Советский Союз неустанно звал правительства и народы встать на путь коллективной безопасности, ибо только единый фронт мог остановить сползание к войне. Советское правительство считало, что особенно важны совместные действия СССР и США в рамках системы коллек-

С отцом

С матерью

Море!

Супруги вернулись из Европы, 1919 год

На конвенте демократической партии, 1924 год

Парад победы флота США, 1918 год

«Голодный марш» безработных перед Капитолием

На банкете, 1932 год

Рузвельт с секретарями Лихэид, Макиитайром, Талли

Перед вступлением в Белый дом. Элеонора, ФДР, Джеймс

Президент США

Люси Рутерферд.
Портрет работы Е. Шуматовой

Пасьянс

Рыбалка

Марки

На борту американского военного корабля. Капитан встречает президента. 1933 год

В лагере ССС, 1934 год

Г. Гопкинс и Г. Икес

Посол США Дж. Кеннеди с жеиой

Семейиая библия

Атлантическая конференция, 1941 год

Безоговорочная капитуляция Касабланка

Тегеран

Президент на авиацнонном заводе

Медаль
Эйзенхауэру
из рук президента

С Макартуром и Нимецем на Гавайях, 1944 год

Главы трех правительств. Ялта

Гайд-парк

Виуки и виучки, 1945 год

тивной безопасности. Еще в декабре 1933 года СССР предложил заключить пакт о ненападении между Советским Союзом, США, Китаем и Японией. ФДР ответил, что США готовы оказать СССР «моральную поддержку». Американские деятели с неописуемой наивностью верили, как писал Буллит Рузвельту, что «Советское правительство бесконечно оценит моральную поддержку США в деле предотвращения войны с Японией и мы практически сможем потребовать и получить все, что хотим»[32]. Они там, в дипломатическом ведомстве США, напрочь рехнулись!

После начала японской агрессии в Китае советская дипломатия вновь поставила перед Рузвельтом вопрос о Тихоокеанском пакте. На что ФДР ответил советскому полпреду Трояновскому: «Пакты не дают никакой гарантии, им нет веры... Главная гарантия — сильный флот... Посмотрим, как выдержат японцы морское соревнование»[33]. Он не желал брать на себя какие-либо обязательства.

В частных беседах ФДР уже с 1935 года крепко высказывался в адрес фашистских заговорщиков. Допущенные в Белый дом выслушивали рассуждения ФДР: «Этому должен быть положен конец. Почему миролюбивые народы не могут объединиться и послать агрессоров в сумасшедший дом? Должен быть найден способ запереть их так, чтобы они не причиняли вреда. Нужен санитарный кордон, такой же карантин, какой устанавливается против эпидемии заразной болезни»[34].

Однако ни политика США, ни публичные высказывания самого ФДР в канун второй мировой войны не отражали этой точки зрения, за исключением речи Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г. Он избрал этот город специально — здесь находился оплот «изоляционистов». Рузвельт в сильных выражениях охарактеризовал «нынешнее царство террора и международного беззакония», когда «мир, свобода и безопасность 90 процентов человечества находятся под угрозой со стороны остальных 10 процентов». ФДР указал, что ни один народ не может считать себя изолированным от остального мира. «К сожалению, эпидемия беззакония распространяется. Когда вспыхивает эпидемия заразной болезни, общество объединяется и устанавливает карантин больных, с тем чтобы предохранить себя от болезни... Война — зараза, независимо от того, является ли она объявленной или нет».

Речь Рузвельта в Чикаго, получившая название «карантинной речи» (ФДР использовал излюбленное выражение Икеса), вызвала самые оживленные отклики. На следующий день на пресс-конференции под градом точных вопросов ФДР показал свои незаурядные дипломатические способности.

«Вопрос: В своей речи вы, по-видимому, имели в виду нечто большее, чем моральное негодование. Что это, подготовка к сотрудничеству?

Президент: К чему?

Вопрос: Что-то предполагается? Вы изменили свою позицию?

Президент: Нет, всего-навсего произнесена речь.

Вопрос: Хорошо, но как же примирить все это? Согласны ли вы, что речь идет об отказе от нейтралитета?

Президент: Ни в коем случае, нейтралитет может быть расширен».

Экономические санкции? ФДР категорически отрицал. «Быть может, речь идет о совместных действиях миролюбивых народов?» ФДР: «Мы изыскиваем пути к миру». *Новый вопрос:* «Не будет ли созвана конференция?» *Ответ:* «Нет. Конференции бесполезны».

«Вопрос: Не будет ли почти неизбежным, если выработают любую программу, что наш нынешний закон о нейтралитете будет изменен?

Президент: Не обязательно. Это интересно.

Вопрос: Да, действительно интересно! Вы говорите, что нет противоречия между вашей речью и законом о нейтралитете. На мой взгляд, речь и закон противоречат друг другу, а ваши объяснения не удовлетворяют меня.

Президент: Подумайте, Эрнст (Линдли).

Вопрос: Я думаю уже несколько лет и уверен, что речь идет о совершенно противоречивых вещах. Как можно быть нейтральным, если вы стоите на стороне одной группы стран?

Президент: Что вы имеете в виду «стоять на стороне»? Вы говорите о договоре?

Вопрос: Вовсе нет. Я имею в виду действия миролюбивых народов.

Президент: Есть еще множество методов, которые никогда не были испробованы.

Вопрос: Но по крайней мере выражения «карантин агрессоров» и «другие народы мира» вовсе не показывают нейтральной позиции.

Президент: Я не могу дать вам ключ к этому. Вы должны думать сами. У меня есть одна мысль»[35].

Большего ни журналисты, ни страна не добились от своего президента, он остался единоличным владельцем сокровища — некоей сверхценной «мысли».

Хэлл был поражен личным творчеством президента: в тексте речи, предварительно просмотренном в госдепартаменте, упоми-

нания о «карантине» не было. «Президент лично несет ответственность за эту вставку», — вспоминал Хэлл в 1948 году.

Рузвельт считал, что его речь встретила враждебный прием. «Ужасно, — заметил он Розенману, — оглянуться назад, когда вы пытаетесь вести вперед, и обнаружить, что за вами никто не следует». То было явное преувеличение: несмотря на исступленную кампанию «изоляционистов», заявивших, что, выступая в Чикаго, ФДР хотел отвлечь внимание народа от провала «нового курса», страна в целом весьма положительно оценила «карантинную речь». Если бы ФДР пошел дальше, отстаивая коллективную безопасность, он, несомненно, имел бы национальную поддержку.

Упражнения в ораторском искусстве в Чикаго были предназначены не для внутреннего потребления — мобилизовать общественное мнение в США, а чтобы подбодрить тех, на других континентах, кто наиболее активно выступал против агрессии. Через несколько дней после «карантинной речи» ФДР объявил, что США примут участие в конференции в Брюсселе, созванной Лигой Наций для обсуждения нарушения договоров Японией. На конференции, проходившей в ноябре 1937 года, Советский Союз настаивал на применении коллективных мер против агрессора в соответствии с уставом Лиги Наций. Представители западных держав, отклонив их, назойливо внушали советской делегации: почему бы СССР единолично не взяться за борьбу с Японией, не послать, например, эскадрильи на Токио, чтобы образумить японцев. Эти домогательства остались безрезультатными.

Анализируя американо-советские отношения, полпред СССР в США А.А. Трояновский 14 декабря 1937 г. отметил «прохладное отношение к нам». Что до перспектив, то, «даже если бы нам пришлось кооперировать в области международной политики, это будет брак по расчету, а не по любви, т. е. все будет делаться постольку поскольку... Я даже думаю, что если бы мы одни втянулись в военный конфликт с Японией, то сначала бы нас в этом отношении поддерживали, а в случае решительного разгрома японской армии симпатии быстро повернулись бы в сторону японцев, против нас, начались бы крики о красной опасности и выражение сочувствия бедным японцам»[36].

В Лондоне, Париже и Вашингтоне никак не хотели расстаться с надеждой толкнуть державы «оси» против СССР. Западные политики с огромным рвением и неистощимой изобретательностью упорствовали в достижении этой цели. Они шли на унизительные уступки державам «оси», надеясь откупиться от них за счет других народов.

В марте 1938 года Германия захватила Австрию. Советский Союз выступил за коллективные меры. Вашингтон ие ответил, ибо, замечает Хэлл, «отрицательиый ответ был предрешеи». Следующей жертвой Гитлер наметил Чехословакию. Советский Союз был готов прийти ей на помощь, даже если бы от Чехословакии отступилась ее союзница – Франция. Стоило правительству Беиеша оказать вооружениое сопротивление – и в начавшейся войне Германия при ее тогдашнем военном потенциале была бы быстро разгромлеиа; против иее выступили бы СССР, Франция и Англия, правительства которых едва ли могли игнорировать волю своих иародов.

Этого исхода, как огня, боялись правители Запада. Британский премьер Н. Чемберлен взял инициативу сговора с Гитлером. ФДР? В конце лета и в начале осени 1938 года он был занят «чисткой» коигресса, однако нашел время для участия в подготовке позориой сделки в Мюнхене. 26 сентября в посланиях Гитлеру, Беиешу, Даладье и Чемберлену ФДР выразил «горячее желание», чтобы они ие прерывали переговоров.

27 сентября ФДР обратился с посланием к Муссолини, предлагая ему взять инициативу созыва коиференции Германии, Италии, Англии и Франции для разрешения кризиса. Когда в Вашингтоие узиали, что Чемберлен принял приглашение Гитлера, ФДР направил ему лаконичное послание: «Молодец!» С этим напутствием из Вашингтоиа Чемберлен отправился в Мюнхеи, где 29–30 сеитября была решеиа судьба Чехословакии.

Мюнхенцы предотвратили войну и неизбежный крах гитлеровского режима. 5 октября Рузвельт пишет Чемберлену: «Я полиостью разделяю вашу иадежду, что иыне впервые за миогие годы существует величайшая возможность установить иовый порядок, основанный на справедливости и закоие. Официальио правительство США одобрило результаты Мюнхена. В начале октября 1938 года ФДР шутливо пишет другу: «Я провел две трудные иедели, ио морское путешествие (еще летом.– *Н. Я.*) дало мне возможность пережить их, если ие считать затянувшегося глупейшего насморка. Несколько дней назад я хотел убить Гитлера и отрезать собственный нос. Сегодня я дружески иастроеи к носу и ие испытываю больше желания умертвить фюрера».

Так-то оио так. Только кризис, завершившийся мюнхенским сговором, в США умышлению использовали для пробуждения в иароде понимания военной опасности. С 12 по 30 сентября девятая студия радиокомпании Си-би-эс провела 85 передач, по большей части прямых из Европы. Миллиоиы и миллионы у приемников ужасались истерическим речам Гитлера, рыку иацистских сборищ. Они остро ощущали свою беспомощность,

и чувство страха поползло по американским домам. Выводы: опрос журиала «Форчун» показал, что только 11,6 процента сочли мюнхеиское соглашение похвальным, 76,2 процента уверовали — США примут участие в войне в Европе (полтора года перед зтим — только 22 процеита). Си-би-эс удовлетворенно подтвердила итог: радио «теперь ие только распространяет новости, но и выступает как социальиая сила».

Группе артистов пришла в голову идея — проверить, как отреагирует радиоаудитория на тревожные сообщения. В конце октября они вышли в эфир с передачей «Войиа миров» по Г. Уэллсу, расписав вторжение марсиан в США. Передачу с места «вторжения» вел Орсон Уэллес. Голосом ФДР читалась прокламация о введении чреэвычайиого положения, репортаж о «наступлении» марсиан иа Нью-Йорк иа раэные голоса н пр. Дикая паника охватила США, миллионы людей снялись с мест. С трудом удалось убедить, что это только инсценировка романа. О. Уэллеса с приятелями едва не линчевали. Череэ иесколько дней Рузвельт зазвал его в Белый дом и проникиовенио произнес: «Знаете, Орсон, вы и я — два лучших актера в Америке». Как понять?

Хотя публично Ф. Рузвельт продолжал сохранять спокойствие, он ие мог не понимать, что не за горами война в Европе. Естественио, как и другие политики Запада, он ожидал, что новый военный конфликт иачнется с похода Германии на Восток — против Советского Союза. Это направление агрессии никоим образом не беспокоило Вашингтон, напротив, американские политики приветствовали бы германо-советскую войну. Отсюда равнодушие ФДР к отиошениям с СССР, как отмечал Временный Поверенный в делах СССР в США Уманский 11 ноября 1938 г. в письме иаркому иностранных дел СССР Литвинову: «Никаких признаков того, что сколько-нибудь существеиное оживление отиошений с нами входит в расчеты Рузвельта, за последнее время не было». 14 ноября нарком отвечает: «Пятилетие установления отношений мы отметим в печати весьма скромно. Трудно говорить о значении этого события, умалчивая о причииах отсутствия надлежащего политического эффекта»[37].

Но после Мюнхена ФДР был серьезно озабочеи возможностью дальиейших уступок западных держав Гитлеру, которые могли серьезно затронуть интересы Соединенных Штатов. 9 октября ФДР в беседе с Икесом сказал, что не исключены и такие события: «В интересах удовлетворения колониальных аппетитов Германии Англия может предложить ей Тринидад и уговорить Францию уступить немцам остров Мартинику. Германия получит сильные опорные пункты у иашего восточного побережья, равио как у побережья Центральной и Южной Америки.

Затем Соединенным Штатам будет предложеио согласиться на передачу зтих островов «в интересах международиого мира». Президеит решил, что, если зто случится, к островам будет немедленно направлен америкаиский флот, чтобы занять их»[38]. Тринидад не Чехословакия!

После Мюнхена Рузвельт исподволь готовит руководителей страны к мысли, что Англия и Франция — естественные союзники Соединенных Штатов. Р. Небергеру, влиятельному издателю, а впоследствии сеиатору, ФДР разъясняет: истинная граница обороны Соединенных Штатов лежит «в трех-четырех тысячах миль» от их побережья, то есть в Европе. Британские острова — американский бастион, а страны Западной Европы — буфер между США и Германией.

31 января 1939 г. Рузвельт провел секретное совещание с члеиами сенатского комитета по военным делам. Поводом для него послужила катастрофа иового бомбардировщика, среди погибших оказался французский офицер. «Изоляционисты» поднялн большой шум. На совещании ФДР подробно изложил свон взгляды на международную обстановку с точкн зрения американских интересов. Как бы ни началась войиа в Европе, заявил ФДР, с похода на Восток или на Запад, точно предсказать нельзя, ибо Гитлер — «безумец», ее исход без материальной помощи США, Англии и Франции, в первую очередь самолетами, приведет к торжеству держав «оси» в Европе. Далее: «Африка падет автоматическн. Это очевидно, ибо Африка на 95 процентов колония». «Но мы, — саркастически заметил Рузвельт, — мирные люди, и нас зто ие касается». Какие же последствия будет иметь победа держав «оси»в Старом Свете для Америкн?

«Следующая совершенно несомненная цель, предложенная братцем Гитлером во вчерашней речи (30 января 1930 г.— *Н. Я.*), — Центральная н Южная Америка. Гитлер будет господствовать в Европе и заявит Аргентине: «Приношу тысячу извинений, но мы не будем покупать вашу пшеницу, мясо или кукурузу, если вы не подпишете эту бумагу». А в бумаге будет сказано: «Во-первых, мы нрнобретаем вашу кукурузу в обмеи на наши товары, мы нрнобретаем ваш скот в обмен на наши товары, мы оплатим вашу пшеницу нашими товарами и сами выберем, какие товары давать вам. Во-вторых, вы должны вверить нашим офицерам вашу оборону н военную подготовку. Ах, да, чуть не забыл, вы можете сохранить свой флаг».

Так вот, если бы мы были аргентинцами, мы подписали бы зту бумагу, нбо запрет зкспорта нашего скота, пшеницы н кукурузы в Европу приведет к банкротству страны. Затем настанет черед Бразилии, где уже живут 250 тыс. иемцев...

Центральная Америка? При соответствующей подготовке и умении сыскать нужных людей революция в любой из стран Центральной Америки стоит от 1 млн. до 4 млн. долл. Иными словами, это только финансовый вопрос.

Все это вы должны помнить. Сколько от Юкатана до Нью-Орлеана и Хьюстона? Сколько от Тампико до Сент-Луиса или Канзас-Сити? Сколько?

Не говорите, что это химера, не говорите, что это выдумка. Мог ли кто-нибудь из вас шесть лет назад помыслить, когда этот Гитлер пришел к власти, а Германия была полнейшим банкротом, страна, задолжавшая всем, дезорганизованная, которую вообще нельзя было рассматривать как силу в мире, мог ли кто-нибудь вообразить, что через шесть лет она будет безраздельно доминировать в Европе? Именно поэтому мы не можем позволить себе роскошь рассиживаться здесь, воображая, что перед нами всего-навсего химера... Идет постепенное окружение Соединенных Штатов, уничтожается наша первая линия обороны. А она проходит в Европе и по Средиземному морю...

Кажется, Артур Крок заявил: «Разве это не против нейтралитета?» (в «Нью-Йорк таймс» в связи с катастрофой самолета.— *Н. Я.*). Можно сказать и так. Но я сделаю все возможное как главнокомандующий вооруженными силами и как глава правительства, чтобы не допустить отправки военных материалов в Германию, Италию или Японию. Почему? Потому что самозащита — часть американской политики. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить независимость других стран, предоставляя им все за наличный расчет, то есть примерно сорока или пятидесяти государствам. В этом и состоит внешняя политика Соединенных Штатов»[39].

Содержание речи покрытой дружными аплодисментами, сохранялось в тайне, в газеты проникла извращенная версия: президент якобы заявил, что «американская граница проходит по Рейну». Белый дом дал разгневанное опровержение.

Перед представителями печати Рузвельт выразился энергичнее: «Так мог сказать только болван».

X

Распри «изоляционистов» с администрацией касались методов достижения целей США, конфликт лежал главным образом в сфере идей. Поход к военной подготовке носил двухпартийный характер. ФДР, всегда выступавшему за укрепление вооруженных сил США, в первую очередь флота, не приходилось тратить

сверхчеловеческие усилия для доказательства этого. Конгресс понимал президента и поддерживал его в военных делах.

Хотя после второй мировой войны в Соединенных Штатах «изоляционистов» задним числом поносили за то, что они якобы подорвали военные возможности страны, упреки такого рода при ближайшем рассмотрении несостоятельны. В конечном счете Соединенные Штаты были посредственно подготовлены к войне. Это установлено вне всяких сомнений. Однако к какой войне? Никто в США, как, впрочем, и другие, не предвидел размаха вооруженной борьбы в 1939—1945 годах. Просчитались как «изоляционисты», так и правительство. Но в 30-х годах между ними не было разногласий о военных ассигнованиях, что в конечном счете определяло строительство вооруженных сил. Их размеры планировались, исходя из большой стратегии Вашингтона: США выжидают на первом этапе большой войны за океанами, если и когда она разразится.

С первого года своего президентства Ф. Рузвельт непосредственно занимался проблемами вооруженных сил. Ассигнования на строительство флота уже в 1934 году (238 млн. долл.) открыли новый тур гонки вооружений: ни одна другая страна в мире, включая агрессоров, не могла за год истратить такие средства. В январе 1938 года ФДР потребовал и в мае получил у конгресса 1 млрд. долл. для флота «двух океанов».

Не остались обделенными и наземные силы: при вступлении ФДР в должность в 1933 году они насчитывали 118 тыс. человек, а уже в 1935 году армия увеличилась до 165 тыс. человек. Численность сухопутных вооруженных сил отнюдь не являлась показателем размаха военных усилий страны. ФДР понимал, что будущая война — война моторов, состязание экономической мощи противников. Президент вплотную занялся вопросами военной экономики по крайней мере уже с 1937 года. В начале этого года по секретному указанию ФДР началось накопление стратегических материалов. Хаос капиталистической экономики известен, однако в 1938 году правительство приступило к распределению «учебных и экспериментальных» военных заказов на частных заводах.

В октябре 1938 года, сразу после Мюнхена, ФДР добился ассигнования 349 млн. долл. для материального обеспечения 4-миллионной армии. Ускорилось военно-морское строительство. В интервью 16 октября 1938 г. ФДР подчеркнул оборонительный характер этих мер: «Все знаки указывают — для нужд обороны родины». На секретном совещании с командованием вооруженных сил 14 ноября ФДР говорил другим языком: для обороны Западного полушария «от Северного до Южного полю-

сов» Соединенные Штаты должны иметь в строю 20 тыс. самолетов и строить ежегодно 24 тыс. самолетов. Германия, объяснял президент, производит в год 12 тыс. самолетов против 4,8 тыс. в Англии и 3,6 тыс. во Франции. Американская помощь компенсирует слабость англичан и французов в воздухе. Советское полпредство в Вашингтоне в эти дни лаконично информировало Москву: «Сейчас альфа и омега его (Рузвельта.– *Н. Я.*) политики – форсирование военного, морского и авиационного строительства, на которое он возлагает также преувеличенные надежды экономического оживления»[40].

В ежегодном послании конгрессу 4 января 1939 г. прозвучали непривычные для американцев нотки. Впервые, если не считать чикагской эскапады 1937 года, ФДР достаточно ясно изложил свое отношение к международным делам. Он с большой гордостью отозвался о «новом курсе», создавшем в социальной и экономической областях оборону, «столь же необходимую, как сами вооружения», ибо «мы ныне куда более мудрая и крепкая нация, чем были в 1929 или в 1932 году». Обозревая мир из Вашингтона, Рузвельт утверждал: «Вокруг нас везде бушуют необъявленные войны – настоящие и экономические. Везде вокруг нас существует угроза новых агрессий – военных и экономических... Приходят такие времена в жизни людей, когда они должны быть готовы защищать не только свои очаги, но самые основы веры и человечества, на которых стоят их храмы, их правительства и сама их цивилизация». За смелым вступлением прозвучали очень несмелые слова: «Есть много методов, за исключением войны, но значительно более сильных и эффективных, чем простые слова, донести до сознания правительств-агрессоров единую волю нашего народа». Какие? Президент походя указал: «Мы поняли на опыте, что, когда мы сознательно стремимся быть нейтральными, наши законы о нейтралитете могут быть несправедливыми – в действительности они могут оказывать помощь агрессору и лишать этой помощи жертву агрессии».

Президент недвусмысленно высказался против «диктатур» в мире. ФДР имел в виду и определенные круги в собственной стране. Своим ФДР объяснил фразеологию послания так: некоторые промышленники считают, что «мы можем иметь дело с Гитлером». Неверно. «Да, мы можем иметь дело с ним, но при этом мы утратим все, за что стоит Америка». 2 февраля 1939 г. ФДР рекомендовал сыну Джеймсу изучить коллективный труд либеральных экономистов. Там, между прочим, говорилось: «Существует опасность, что бизнесмены, разделяющие дьявольскую теорию правления, попытаются использовать свою эконо-

мическую власть для подавления демократии и установят вместо нее диктатуру в своих интересах... Такая диктатура поднимет экономическую активность, однако она будет во все возрастающей степени посвящать свои усилия производству орудий уничтожения, что рано или поздно погрузит страну в кровавую баню войны»[41].

В книге, в то время евангелии «ньюдилеров», развивались теории, близкие сердцу Рузвельта. Хотя бег времени ускорялся с каждым днем и контуры Армагеддона (по тогдашним масштабам!) были отчетливо видны, он по-прежнему считал, что путь тоталитаризма заказан для Соединенных Штатов. Вот на что надеялся президент: «Диктатура может использовать все силы регламентированной нации. Объединенную мощь демократической нации можно использовать только тогда, когда народ знает, по современным образовательным критериям, что происходит и куда он идет, когда он убежден, что получает достаточную, принадлежащую ему по праву долю в материальной и духовной областях». В этом ФДР усматривал различие между буржуазной демократией и фашизмом.

Его призыв «Нельзя выжить, если начать готовиться к войне после нападения!» отвечал тогдашней обстановке. Биографы ФДР своеобразно обращаются с его духовным наследием. Розенман, выпуская биографию Рузвельта в разгар американской агрессии в Корее, привел указанные извлечения из послания президента и заключил: «Эти заявления – аксиома в 1952 году, однако в начале 1939 года они были новы и их следовало постоянно повторять»[42]. И ныне в США постоянно повторяют этот прием Розенмана.

XI

Рузвельт говорил, опираясь на точное знание намерений гитлеровского руководства. По крайней мере с середины 30-х годов он был в курсе многих секретных решений Гитлера. Уже через месяц после сверхсекретного выступления Гитлера в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г., в котором фюрер изложил свою программу захватов, его текст был у ФДР. Президент распорядился после этого перевести из Праги в Берлин на ту же должность скромнейшего торгового атташе С. Вуда. Этот ас разведки докладывал непосредственно Рузвельту. Инженер по образованию, Вуд давал компетентные оценки военных возможностей Германии[43].

В США Рузвельт использовал для выполнения самых деликатных поручений давнего приятеля юриста с Уолл-стрит У. До-

нована. Он колесил по Европе – встречался с Гитлером (о чем говорил – неизвестно), с Муссолини (версии опубликованных бесед банальны). Донован был в штабах итальянской армии во время захвата Эфиопии, его радушно принимали франкисты в Испании, поднявшие мятеж против законного правительства. В его биографии туманно сказано: «Он разъезжал как частное лицо, но президент Рузвельт заранее знал о его выездах»[44].

Для ФДР политика кабинетов в Западной Европе была открытой книгой. Он был в курсе усилий мюнхенцев толкнуть агрессоров на Советский Союз. ФДР отличало от малодальновидных, правивших в Лондоне и Париже, понимание, что события могут пойти далеко не так, как считали ослепленные антикоммунизмом. Уравнение, которое пытался тогда решить Запад, имело много неизвестных, в первую очередь непредсказуемость намерений гитлеровского руководства. Куда будет нанесен первый удар – на Восток или на Запад? Мюнхенцы делали все, чтобы направить агрессию против СССР, но Гитлер и К^0 определенно не приручались, хотя и разглагольствовали о своей ненависти к коммунизму на каждом шагу.

Отсюда забота ФДР о всемерном расширении американской разведки. Вероятно, в это время он присмотрелся к У. Черчиллю, требовавшему в любом случае держать порох сухим в высших интересах Запада. Примерно на тех же ролях, на каких находился У. Донован при Рузвельте, в Англии был У. Стефенсон при находившемся не у власти Черчилле. Канадец-мультимиллионер Стефенсон постоянно посещал Германию, был принят высшими руководителями рейха. В назидание они подробно рассказывали ему, как именно расправятся с Советским Союзом. Это устраивало, но что случится, если мощь держав «оси» будет обращена против Запада? Эти проблемы негласно обсуждались Стефенсоном с Донованом, ФДР был в курсе происходившего. Он одобрил и оказал всяческую поддержку складывавшемуся совместному предприятию Стефенсона – Донована – работе по раскрытию секрета новинки – шифровальных машин потенциальных противников.

Едва ли Рузвельт по большому счету доверял правительству Чемберлена. Но Британские острова нельзя было никак упустить. ФДР находился в очень щекотливом положении, он никак не мог, да и не хотел преждевременно раскрывать свои карты, тем более впутываться в политические дрязги в Англии. Однако потенциал Интеллидженс сервис – что за приз! ФДР нашел выход. Летом 1939 года США посетила английская королевская чета. Рузвельт знал: как это ни отдавало средневековьем, английские спецслужбы формально подчинялись королю в интере-

сах преемственности правления. Президент откровенно поделился с Георгом VI «идеями на случай войны». Он рассказал об усилиях США по наращиванию военной мощи, развертыванию флота в Атлантике и прочем в том же роде. Все неофициально и без обязательств. В том же духе по возвращении короля в Англию командование английских спецслужб было уведомлено: Рузвельт — «свой» — и санкционировало негласное сотрудничество с американскими спецслужбами.

Эти серьезнейшие проблемы решались Рузвельтом под аккомпанемент шумной кампании в США. Конгрессмен Г. Фиш предрекал: Соединенные Штаты-де возвращаются на положение английской колонии. Другой умник из Капитолия — Г. Тинкхэм — утверждал: «Ныне зловещая тайная дипломатия руководит американской внешней политикой». А сенатор Бора предлагал президенту осведомиться у королевской четы, когда их величествам будет угодно вернуть долг США — 21 385 млн. долл. американских займов с процентами, взятых в первую мировую войну. Рузвельт посмеивался.

Он несомненно, даже подчеркнуто, выступал за укрепление американских вооруженных сил. Чтобы отбиться на худой конец от агрессоров. Так. На том этапе военная подготовка Рузвельта, однако, имела и ближайшие цели. Английский разведчик Ф. Винтерботтом провел 30-е годы в Германии, был принят высшими чинами рейха. Они, зная о его профессии, назойливо раскрывали перед ним для передачи в Лондон планы нападения на СССР и пр. В выпущенных спустя сорок лет мемуарах он написал о позиции Запада перед лицом фашистской Германии, решившейся на войну: «Так чего же мы в действительности хотели? Конечно, уничтожения двух самых разрушительных тоталитарных сил XX столетия — нацизма и коммунизма. Могли бы мы отвлечь «завоевательное безумие» Гитлера от Европы, если бы мы быстро расширили нашу истребительную авиацию, танковые войска, противотанковую оборону с орудиями типа немецкого 88 *мм*, с тем чтобы сорвать любой «блицкриг»? Могли бы мы и французы намекнуть, что сохраним нейтралитет, если Гитлер оставит Западную Европу в покое и пойдет на Восток? Французы были бы с нами в этом. Вопрос в том, взял бы Гитлер приманку и был бы достаточно удовлетворен, чтобы выполнять условия сделки. Я, знавший Гитлера лично, видевший его патологическую ненависть к коммунизму и фанатическую решимость уничтожить его, считаю, что это было бы возможно»[45]. Слова не дилетанта, автор — «выдающийся офицер разведки, его свершения монументальны», скажет о книге бывший директор ЦРУ Р. Хелмс.

Все сорвалось, сетует Внитерботтом, ибо правительство Чемберлена не удалось уговорить резко усилить военную мощь, с тем чтобы отвадить Гитлера от похода на Запад. «Умиротворение», не подкрепленное силой, навлекло беду на Англию и Францию. ФДР, вне всяких сомнений, уже тогда видел в этом слабость политики Лондона и Парижа. Он, как мог, попытался подкрепить ее в доступной сфере — военном строительстве США.

Миллиард шестьсот миллионов долларов, испрошенных и полученных Рузвельтом у конгресса на военные цели в 1939 году, яснее слов говорили о том, что он действовал соразмерно ухудшению обстановки в мире. (Военные расходы: в 1938 г.— 1,1 млрд. долл., в 1937–986 млн., в 1936–942 млн., в 1935—820 млн., в 1934 г.— 550 млн. долл.) Военные ассигнования Рузвельта укрепили мощь страны — армия увеличивалась до 220 тыс. человек, авиации надлежало иметь 8500 самолетов,— но не международный мир. Руководители «оси» не приняли их в расчет — до Америки далеко.

XII

Фашистские агрессоры, окрыленные Мюнхеном, весной 1939 года открыли карты. 15 марта Германия захватила оставшуюся часть Чехословакии. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Политика «умиротворения» Запада терпела банкротство. Однако Вашингтон все еще не расстался с иллюзиями. А. Берли 17 марта записывал в дневнике: «Президента не очень тревожит это (ликвидация независимости Чехословакии. — *Н. Я.*), возможно, подобно многим англичанам, он считает, что германское продвижение на Восток принесет по крайней мере облегчение европейским демократиям». Американский народ негодовал, правительство бездействовало.

Президенту после захвата Албании советовали по крайней мере заморозить итальянские активы в США. Моргентау развил идею: следует создать лигу «неагрессивных держав», которые ограничат экспорт стратегических материалов в страны фашистской «оси». ФДР 10 апреля отверг эти предложения, ибо в случае их принятия потребовалось бы сотрудничать с Советским Союзом. Моргентау оказался невнимательным, не рассмотрел последовательности американской политики. Признавая 1 апреля режим Франко де-юре, Соединенные Штаты делали это, по словам заведующего европейским отделом госдепартамента Моффе, «частично потому, что к этому времени только

мы и Советская Россия не признали неизбежное, что создавало крайне неудобиое для иас содружество».

Итак, никаких действий, могущих создать впечатление единой позиции Соединенных Штатов н СССР.

Понимал ли Рузвельт последствия всего этого? Коиечно, да! Еще в 1933 году ФДР согласился с Литвиновым о мировом значении сотрудничества с СССР, присовокупив, что «сознает важность вопроса, могущего означать разницу между войной н миром в 50 лет». Только выводы нз этого никак не устраивали Вашингтон. Буллит как-то обмолвился в беседе с Председателем Совета Народных Комиссаров: «Да, конечно, для вас самое главиое — это мир. 15 лет мира, и вы будете держать весь мир в руках»[46]. Итак, не дать социализму, оплотом которого был СССР, мира, в условиях которого могли быть продемоистрнрованы его преимущества.

Историческн американские деятели морализируют по любому поводу. Случившееся в Европе давало возможность прочитать европейцам отличную проповедь, не уступавшую даже Нагориой проповеди. Уоллес рванулся принять участие в словесной пробе сил. ФДР иаписал министру: «Оба сумасшедших (Гитлер и Муссолини.— *Н. Я.*) уважают силу, н только силу. Они попытаются третировать ваше заявление. Существует опасиость, что народы других стран и некоторые люди в США будут рассматривать ваши усилия как обращение с проповедью к бешеной собаке. Престиж вашего нмени настолько важен в мире, что, на мой взгляд, им нельзя сейчас рисковать. В настоящее время целесообразио нспользовать такне методы, которые дадут возможность вбить клин между двумя безумцами».

Президент проявил удивительную ясность ума: справедливо указал на значение «силы» для фашистских диктаторов, едко высмеял тех, кто обращается к ним со словами, тонко польстил самолюбивому министру, оберегая чистоту его имени. Отправив 14 апреля ответ Уоллесу, ФДР иа следующий день сделал то, что признал совершенно бесполезным в письме министру иакануне: сам обратился с лнчным посланием к Гитлеру и Муссолини. ФДР просил нх дать заверения, что в течение десяти лет они не нападут ни иа одну нз перечисленных стран Европы и Ближнего Востока. Если такие заверения будут даны, тогда Соединенные Штаты «с удовольствием» примут участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, снижении тарнфов.

ФДР перечислил упомянутые страны — получилось 31 государство. Лангер и Глисои, правда, замечают: «Психологи могут вывести иекоторые заключения нз того факта, что президент в

черновике послания случайно пропустил Советский Союз, который в окончательном тексте послания фигурирует как "Россия"»[47]. Фашистские разбойники не вникли в тонкости психологии.

16 апреля, когда в Риме получили послание Рузвельта, там находился Геринг. Он прочитал документ вместе с Муссолини. Немецкий гость заметил: послание свидетельствует о неизлечимой душевной болезни, дуче уточнил диагноз: прогрессирующий паралич. Муссолини объявил, что на него не производят впечатления «абсурдные» предложения и «мессианские послания».

Гитлер поначалу решил не отвечать «этому презренному», однако, поразмыслив, счел полезным принять участие в словесном состязании. В большой речи 28 апреля фюрер воскликнул: «Господин Рузвельт! Я целиком и полностью отдаю себе отчет в том, что громадные размеры и богатство вашей страны позволяют вам чувствовать себя ответственным за все человечество.., однако я, сэр, нахожусь в значительно более скромном положении». Гитлер обещал дать любой из перечисленных ФДР стран соответствующие заверения при условии, что эти страны сами обратятся с просьбой о них к Германии, а также заверил, что Германия никогда не нападет на США и государства Американского континента. Он сообщил также, что Германия уже опросила правительства всех стран, перечисленных ФДР, и ни одно из них не заявило Берлину, что нуждается в гарантиях, рекомендованных Рузвельтом. Что касается международной торговли, то, заметил фюрер, США могут первыми начать ее оживление, снизив собственные тарифы.

Американская печать по-спортивному признала, что Гитлер оказался более ловким словесным бойцом, чем Рузвельт. Сенатор Най сухо заметил: ФДР «сам напросился на это». Обиженный и высмеянный Рузвельт замолк. Старый гротонец выяснил, что Гитлер и Муссолини — дурно воспитанные люди со скверными манерами. «Впоследствии, — замечает Тагвелл, — мне казалось глупым, что я не почувствовал в то время глубину его антагонизма к Гитлеру». Личные симпатии и антипатии занимают заметное место и в жизни политиков.

Случившаяся трагикомическая история в который раз напомнила президенту о том, что его возможности небезграничны. ФДР по ногам и рукам связывал закон о «нейтралитете», унизительное фиаско с посланием усилило уже возникшее у него ранее побуждение атаковать закон в интересах миролюбивых народов и большей свободы действий для президента. Ведение внешних дел — конституционная прерогатива президента, и в

ближайшем окружении ФДР получила хождение теория, что закон, нарушающий конституцию, не обязателен для президента. Юридически аргументация не была безупречной, однако она произвела впечатление на ФДР, и он счел возможным осведомиться у генерального прокурора: «Насколько я могу игнорировать существующий закон о нейтралитете, хотя я и подписал его?» Генеральный прокурор предпочел не отвечать на антиюридический запрос.

С апреля 1939 года Рузвельт и Хэлл приложили значительные усилия, добиваясь отмены закона о «нейтралитете». ФДР считал, что теперь это безопасно — Франко победил в Испании. 19 мая ФДР созвал лидеров палаты представителей, которым объяснил мотивы администрации. Отмена эмбарго «сделает менее вероятной победу в войне держав, недружественно относящихся к США». Если закон останется в силе, тогда «шансы победы Германии и Италии 50 на 50». В результате их успехов «через очень небольшой промежуток времени мы окажемся в окружении враждебных государств. Затем Япония, любящая «играть с большими парнями», вероятно, войдет с ними в тесный союз. Объединенные флоты Германии и Италии равны нашему, а японский флот составляет 80 процентов нашего. Поэтому у них всех всегда будет соблазн попытаться провести молниеносную войну против нас».

29 мая проект объединенной резолюции, вводившей принцип «плати и вези», был внесен в конгресс. «Изоляционисты», естественно, восстали, избрав объектом критики предложение делегировать бóльшие полномочия президенту во внешних делах. Хотя комитет палаты представителей по иностранным делам высказался «за», республиканский «доклад меньшинства» звучал зловеще: «Резолюция под предлогом предотвращения провокационных актов со стороны американских граждан дает президенту дополнительные права не быть нейтральным... Ни один президент никогда раньше не имел таких прав».

30 июня 200 голосами против 188 палата представителей отвергла поправку. Сенатский комитет по иностранным делам 12 голосами против 11 отказался внести вопрос на рассмотрение сената. 18 июля Рузвельт и Хэлл созвали лидеров сената в Белый дом. Президент с постной миной возвел глаза к потолку кабинета, пригласив к молитве, ибо «от нашего решения зависит судьба не только американского народа, но и всего мира». Затем ФДР и Хэлл рассказали, что отмена эмбарго наполовину снизит риск возникновения войны в Европе. Престарелый сенатор Бора парировал: Германия к войне не готова, и нарисованная ими картина неверна. Хэлл рекомендовал Бора заглянуть

в госдепартамент, почитать донесения американских дипломатов из Европы. «У меня собственные источники информации, — высокомерно бросил Бора, — и в ряде случаев они оказались более надежными, чем источники госдепартамента».

Хэлл онемел от бешенства. Витавший, как обычно, в алкогольных парах, вице-президент Гарнер взял ведение совещания в свои руки и опросил присутствовавших. Почти радостно он повернулся к президенту: «Ну, капитан, глянем фактам в лицо. У тебя не хватает голосов. Тут и делу конец». ФДР согласился, заявив на прощание, что ответственность будет нести сенат. «Что совсем нетрудно», — отозвался с порога Бора.

Коль скоро среди самых упорных противников ФДР были сенаторы, которых он безуспешно пытался «вычистить» осенью 1938 года, а спорили по большей части вокруг прерогатив президента, тогда ясно, что ФДР сам неловким ходом умышленно или нет погубил дело. Форма, живо напоминавшая «диктаторские замашки» президента в 1937 году, отодвинула на задний план существо вопроса. Голосование как в палате представителей, так и в сенатском комитете по иностранным делам обнаружило: «изоляционисты» ходили по очень тонкому льду. Президент мог бы проломить его. У ФДР, если бы он хотел властно высказаться против угрозы фашистской агрессии, были громадные возможности помимо странствований в лабиринте конгресса.

С весны 1939 года шли англо-франко-советские переговоры. Советский Союз добивался заключения равноправного тройственного договора, который мог бы предотвратить возникновение войны. Партнеры СССР за столом переговоров вынашивали иные планы — добиться такого соглашения, которое дало бы возможность толкнуть СССР на войну с Германией, а самим остаться в стороне. Американская дипломатия была полностью в курсе интриг Лондона и Парижа. Как Буллит в Париже, так и Кеннеди в Лондоне непрерывно советовали Кэ д'Орсе и Форин оффис не вступать в равноправный союз с нашей страной.

Другое направление — Рузвельт лично взялся за то, чтобы побудить СССР таскать каштаны из огня в интересах Запада. Он вознамерился добиться того, чего не могли достигнуть английские и французские дипломаты. 30 июня он «пространно» внушал советскому полпреду для передачи в Москву, что заинтересован в благоприятном завершении московских переговоров. Разумеется, на условиях, надо понимать, выставленных Лондоном и Парижем. А чего ожидать от США? «Он делает все, что возможно при нынешнем составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам

агрессии»[48]. Слова и еще раз слова, к тому же весьма конфиденциально!

В критические месяцы Рузвельт не озаботился иметь посла в Москве! После отъезда Дж. Дэвиса в первой половине 1938 года Вашингтон больше года тянул с назначением нового посла. Только в десятых числах августа 1939 года преемник Дж. Дэвиса Л. Штейнгардт прибыл в Москву.

В Вашингтоне превосходно знали о том, что международная обстановка в высшей степени серьезна. Как пишут У. Лангер и С. Глисон, «едва ли какое-либо правительство в новейшее время имело больше разведывательной информации о положении дел за рубежом, чем американское правительство в этот критический период. Г-на Рузвельта и г-на Хэлла своевременно и полностью информировали. Едва ли будет преувеличением считать, что они находились в лучшем положении по сравнению с государственными деятелями других стран, зная все аспекты обстановки, и, если бы они сочли необходимым, они могли оказывать громадное влияние».

Так что же они делали? «К сожалению, — сетуют У. Лангер и С. Глисон, — нет достаточных сведений для реконструкции реакции и отношения президента и государственного департамента к этой важнейшей информации. Ввиду почти полного отсутствия записей совещаний в Белом доме или в государственном департаменте невероятно, чтобы когда-либо было найдено вполне удовлетворительное объяснение проблемы. Что было сказано работниками государственного департамента, или между Хэллом и Уэллесом, или президентом, или послам Кеннеди и Буллиту во время частных телефонных разговоров, вероятно, по большей части останется загадкой»[49].

Как трудно писать историю! В 1952 году Лангер и Глисон не смогли даже опросить живых Уэллеса, Буллита, Кеннеди и «работников государственного департамента»!

Дж. Дэвис, в 1939 году американский посол в Бельгии, по-видимому, не постиг тактику Вашингтона. Он был человеком, которого хорошо знали в Москве. Подводя итоги своей деятельности на посту посла США в СССР, Дэвис в июне 1938 года докладывал правительству: «Нет никаких сомнений в искренности и дружественности Советского Союза в отношении правительства США, и в значительно большей степени, чем к любой другой стране. Мой опыт пребывания здесь указывает, что, когда вопросы обсуждались между двумя странами в духе терпимости, взаимопонимания и дружбы, всегда был быстрый и великодушный ответ Советского правительства, если нужно было прийти к разумному соглашению»[50].

Дэвис счел, что все дело в личностях, и в апреле 1939 года предложил свои услуги: выехать в Москву, чтобы двинуть англо-франко-советские переговоры. «Ни Франция, ни Англия, — писал он Хэллу, — не могут установить личные контакты с самыми авторитетными советскими политическими деятелями. Я убежден, что мне удастся не только повидаться с ними, но они поверят в мою искренность и справедливость». Дэвис предупреждал: «Медлить нельзя». Президент отклонил инициативу Дэвиса.

Он не затруднился объяснением, ибо объяснять пришлось бы слишком многое. Уже в канун войны ФДР проводит внешнюю политику двояко: личные, неизменно тайные, акции президента и через государственный департамент — для всеобщего сведения. Рузвельт пристально следил за переговорами в Москве, получая информацию из первых рук — от работавшего на американцев ответственного сотрудника посольства Германии в СССР. К середине августа ФДР узнал, что Гитлер намеревается предложить СССР заключить пакт о ненападении. Вне всяких сомнений, это повергло ФДР в смятение, на глазах рвалась многослойная ткань интриг Запада. Он посчитал себя в силах круто повернуть развитие событий, поощрить СССР к немедленной схватке с Германией.

ФДР со специальным курьером направляет послание в Москву. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел с послом США в СССР 16 августа 1939 г. отчетливо видны методы ФДР, почитавшего себя тонким дипломатом: «Штейнгардт просит т. Молотова держать в секрете то, что будет им сегодня сказано. Рузвельт, начинает Штейнгардт, желал, чтобы все сказанное им Уманскому было бы достаточно ясно понято. То, что он хочет сообщить т. Молотову, представляет собой изложение личных объективных мыслей Рузвельта о современном международном положении. Штейнгардт подчеркивает, что изложение этих мыслей не является официальным заявлением Рузвельта, и еще раз напоминает о конфиденциальности беседы. Штейнгардт говорит, что эти взгляды Рузвельта не являются попыткой дать совет и они независимы от политики любой другой страны. Рузвельт не в состоянии принять на себя ответственность или дать уверения относительно шагов, которые намерены предпринять Англия и Франция в связи с переговорами с СССР. После этого введения Штейнгардт переходит к изложению взглядов Рузвельта. В случае войны в Европе и на Дальнем Востоке и возможной победы держав «оси» положение СССР и США безусловно и немедленно изменилось бы. В случае победы стран «оси» положение СССР, вследствие его географической близости к Германии,

изменилось бы быстрее, чем положение США. По этой причине Рузвельт чувствует, что если бы было достигнуто удовлетворительное соглашение против агрессии между любыми другими державами Европы, то оно оказало бы стабилизирующее действие в интересах всеобщего мира».

На это Штейнгардту для передачи Рузвельту было сказано: «Нас не интересуют декларативные заявления в переговорах, нас интересуют решения, которые имеют конкретный характер взаимных обязательств по противодействию возможной агрессии». Посла заверили, что Советское правительство проявит живейший интерес к заявлению Рузвельта. В заключение посол просил «не разглашать никаких посланий Рузвельта», которые он будет передавать в Москве[51]. Что ему и было обещано. Только посланий от ФДР больше не последовало.

Двойная игра Запада, стремившегося связать Советский Союз неравноправными обязательствами и втравить его в войну с Германией, была разгадана Советским правительством.

23 августа 1939 г. подписан договор о ненападении между Германией и СССР. ФДР получил телеграмму об этом на борту крейсера «Тускалусы» — президент ловил рыбу. Прочитав сообщение, Рузвельт нахмурился, но рыбачившие с ним не дождались комментариев от президента.

Пакт вывел Советский Союз из-под удара. Западная дипломатия потерпела провал, но правительства Чемберлена и Даладье попытались в последний момент договориться с Гитлером — организовать новый Мюнхен, на этот раз за счет Польши. Они обратились в Вашингтон за поддержкой: побудить Варшаву сдать позиции. Ну, конечно, горько усмехнулся Берли в кругу советников ФДР, американское обращение к полякам должно бы начинаться так: «Ввиду того что требуется ваше самоубийство, не откажите и т. д.» ФДР и не помышлял о таком ходе, но счел необходимым с прицелом на будущее (нельзя запятнать репутацию США!) направить 24 августа платонические призывы к Гитлеру и президенту Польши Мосцицкому воздержаться от применения силы. Лондону и Парижу одновременно было очень серьезно сказано, что США не считают больше необходимым способствовать умиротворению. Больше того, если Англия и Франция не объявят войну Германии в случае ее агрессии против Польши, они, в свою очередь, не смогут рассчитывать на американскую помощь. Как сказал после войны Кеннеди, «ни французы, ни англичане никогда бы не сделали Польшу причиной войны, если бы не постоянное подстрекательство Вашингтона... В телефонных разговорах летом 1939 года президент непрерывно

предлагал (Кеннеди.– *Н. Я.*) подложить горячих углей под зад Чемберлену»[52].

Дневник Икеса в этот период пестрит записями такого рода: члены правнтельства собралнсь вечером за картами н коктейлямн в Овальном кабинете Белого дома. Прннеслн телеграммы. Прочитав одну нз них, ФДР «поднял глаза н произнес: «Война будет объявлена в полдень завтра». Все были рады зтой перспективе не потому, что хотелн войны как таковой, а потому, что, считая ее неизбежной в конечном счете, мы полагалн, что для Англии н Франции будет лучше вступить в войну по возможности скорее»[53] (запись 9 августа 1939 г.). И все же откуда такая кровожадность? Соотечественникам лучше знать друт друга. Послушаем профессора Ч. Тензила. Его вердикт: «По-видимому, есть только одно логическое объяснение стремлению Рузвельта к миру во время Мюнхена н его давлению, чтобы Англия, Франция н Польша выступили против Геманни в 1939 году, что, как ему было известно, означало войну. Это объяснение заключается в следующем: президент вовсе не хотел, чтобы в Европе началась война, которая могла бы закончиться так быстро, что Соединенные Штаты не успелн бы вмешаться. В сентябре 1938 года против Гитлера могли бы выступить французская, английская, русская н чешская армии, которые разгромилн бы его довольно быстро. К лету 1939 года обстановка коренным образом изменилась: Россня заключила договор с Германией, а чешская армия нсчезла. Война, начавшаяся в 1939 году, могла бы бесконечно затянуться»[54].

Тензил принадлежал к «ревнзнонистскому» направлению, сложившемуся в нсторнческой науке США в конце 40-х годов. Сторонникн его иной раз страдалн праздномыслнем. Р. Моли никогда не был нсторнком зтого направления, но н он писал: «Поощрив англичан н французов отказаться от умиротворения в расчете на нашу активную поддержку, мы способствовалн развязыванию войны... И незавнснмо от того, хотелн мы илн нет, мы тем самым нгнорнровалн наши нерешенные внутренние проблемы»[55]. Антипатия автора к ФДР оказала ему дурную услугу: он правильно рассказал, как действовало правительство, но не сообразил, почему. Именно в ннтересах разрешения внутренних трудностей Вашингтон вел дело к развязыванию войны в Европе.

ПРЕРВАННАЯ ПАРТИЯ. МИР — НЕ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

I

Вскоре после двух часов ночи 1 сентября 1939 г. иастойчивый звоиок телефона иа столике у постели разбудил Рузвельта. Полусонный, он взял трубку. По закрытому каналу связн А-3 докладывал из Парижа америкаиский посол Буллит.

— Слушаю, Бнлл.

— Тоии Биддл только что дозвонился до меня нз Варшавы. Немецкие дивизии глубоко вторглнсь в Польшу. Идут тяжелые бои. Тоии сообщает, что иад Варшавой германскне самолеты. Затем связь прервалась...

— Прекрасно, Билл. Наконец свершилось. Да поможет нам бог.

Новый камердинер — негр Артур Преттимен, сменивший Макдаффи, застыл у постели. Он помог президенту надеть свитер и отправился за Хассеттом — секретарем Белого дома по связи с печатью. Тот прибежал босиком, в пижаме.

— Немедленно оповестите прессу, — распорядился президент. Он испытывал «странное знакомое чувство», как будто «возобновилась прерванная рутина». На память пришло морское министерство в 1917 году.

Телефонные разговоры с Хэллом, Уэллесом, морским и военным министрами. Ввести в действне планы, подготовленные на случай войны в Европе. В пять утра Франклин позвонил Элеоиоре в Гайд-парк. Оиа ахнула в трубку: молнией пронеслась мысль — сыновья были маленькими в 1917 году, теперь их ждет мундир.

Ранним утром Буллит и Кеннеди сообщили, что Франция и Англия объявят войну Германии, если она ие прекратит военных действий против Польши. Пошли сообщения: люфтваффе свирепо бомбят мирные польские города, гнбнут женщины, дети, старики. Взволнованный ФДР иаправляет Англии, Франции, Италии, Германии н Польше послание: «Беспощадные бомбардировки с воздуха мирных жителей... глубоко потрясли совесть человечества... Я обращаюсь к каждому правительству,

которое может принять участие в боевых действиях, публично подтвердить, что его вооруженные силы никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергнут бомбардировке с воздуха мирное население... Требую немедленного ответа. Президент США Франклин Делано Рузвельт».

3 сентября Кеннеди прокаркал в трубку из Лондона: через два часа Англия объявит войну Германии, «конец миру, конец всему». Когда состояние войны между Англией, Францией и Германией стало фактом, ФДР флегматично высказался по радио. Он оповестил о намерениях правительства: «Пусть никто неумышленно или лживо не говорит о том, что Америка когда-нибудь пошлет свои армии в Европу... Мы стремимся не допустить войны до наших очагов, не позволить ей прийти в Америку. В этом мы имеем исторический прецедент, восходящий к дням администрации Джорджа Вашингтона... Наша страна останется нейтральной, но я не могу требовать, чтобы каждый американец был нейтральным в своих мыслях. ...Я надеюсь, что США будут в стороне от этой войны. Я уверен, что так будет. И я заверяю вас, что все усилия вашего правительства будут направлены к этому».

5 сентября президент подписал прокламацию о нейтралитете Соединенных Штатов. Вывоз вооружения и военных материалов в воюющие страны запрещался. 7 сентября ФДР ввел в стране «ограниченное чрезвычайное положение». Даже юристы не понимали, что это значит, ключ, возможно, давало увеличение армии на 17 тыс. человек, национальной гвардии – на 35 тыс. человек и флота – на 60 тыс. человек.

ФДР пригласил лидеров конгресса в Белый дом, где сообщил им о своих планах: просить законодателей отменить закон о «нейтралитете». Предложение большого сопротивления не вызвало. Но руководители обеих партий в конгрессе настояли на компромиссе: эмбарго отменяется, однако вводится принцип «плати и вези» (т. е. покупатель платит наличными и доставляет вооружение и военные материалы на своих судах) и подтверждается запрет открывать кредиты воюющим сторонам.

21 сентября Рузвельт обратился к объединенному заседанию конгресса. Он признался: «Я сожалею, что конгресс принял этот закон. Я сожалею, что подписал его». Рузвельт рассказал о пагубных последствиях американского «нейтралитета»: в результате «сухопутная держава, грозившая войной, могла заранее быть уверенной в том, что любой потенциальный противник из числа морских держав будет ослаблен, так как он лишен древнего права приобретать что-либо где-либо. Так, четыре года назад мы стали предоставлять явные преимущества одной

воюющей стороне над другой, что случилось не из-за собственной мощи или географического положения данной стороны, а в результате позитивных действий Соединенных Штатов... Предлагаемые мною меры (отмена эмбарго.— *Н.Я.*) вернут Соединенные Штаты на прочное основание истинного и традиционного нейтралитета».

Теперь, когда поощрение агрессоров выровняло соотношение сил между воюющими сторонами, ФДР мимоходом признал ответственность правительства США за возникновение войны. В американской мифологии стремятся переложить вину на «изоляционистов» — они-де не ведали, что творили. Но вот что писал (правда, в 1949 г.) сенатор А. Ванденберг, входивший в 1939 году в тройку руководителей-«изоляционистов»: «Я считаю, что г-н Гитлер никогда бы не начал вторую мировую войну, если бы имел сколько-нибудь серьезные основания полагать, что столкнется с Соединенными Штатами. Его уверенность в том, что этого не произойдет, основывалась на нашем тогдашнем законе о нейтралитете»[1].

Короче говоря, закон о «нейтралитете» сделал свое дело и с началом войны в Европе он больше не был нужен. Сенатору К. Питтмену, внесшему предложение об изменении закона, нельзя отказать в купеческой логике: «Положение с промышленным производством и занятостью в нашей стране ныне столь плачевно, что дальнейшие препятствия на пути экспорта приведут к банкротству значительные промышленные районы США». Введение принципа «плати и вези», заключил он, даст нам возможность «без риска расширить бизнес». В речи Питтмена было сформулировано главное, остальные дебаты вылились в парламентское словоблудие с различной степенью лицемерия. На непостижимо неприступные высоты забрался сенатор Т. Коннели, который изрек: «Господин президент, наша цель, наша единственная цель — быть в стороне от этой ужасной войны. Мы не несем ответственности за нее. Бог тому свидетель — если бы американский народ мог оказать какое-либо влияние, она никогда бы не разразилась»[2].

3 ноября 1939 г. 55 голосами против 24 в сенате и 243 против 172 в палате представителей был введен принцип «плати и вези». Американским судам запрещалось плавать в зонах военных действий, каковыми были объявлены моря, омывающие Европу. Журналисты шутили: это было равносильно тому, как если бы весь торговый флот Соединенных Штатов был пущен ко дну.

Всю осень ФДР был озабочен, как направить ожидавшийся колоссальный поток заказов в правильное русло, чтобы не

внести расстройства в экономическую жизнь страны. В октябре 1939 года он объяснил Г. Моргентау: «Мы должны разработать такую финансовую политику, которая укрепляет, а не ослабляет основные институты нашей страны. Одна из опасностей для них — фискальная политика, игнорирующая интересы бедных слоев населения и в то же время позволяющая богатым достичь новых выгод. Мы должны помочь поддержать единство громадного большинства народа, ограничив чрезмерные страдания и чрезмерные прибыли»[3]. Испытанный принцип «заправки насоса», причем вместо правительства США деньги поступают от Англии и Франции.

Если в первую мировую войну заказчики имели дело непосредственно с монополиями, то правительство «нового курса» не допустило повторения этой практики. Под нажимом США Англия и Франция создали объединенную закупочную комиссию, которой надлежало действовать через вашингтонские власти. Комиссии вменялось представить США точные сведения, как Англия и Франция намеревались покрыть расходы. ФДР предложил англичанам и французам ради получения долларов продать Соединенным Штатам два лучших океанских лайнера — «Нормандию» и «Куин Мэри». Он был очень озадачен, получив отказ; еще более удивляло Вашингтон, подготовивший сейфы для приема золота, промедление с военными заказами из-за океана.

На 1 января 1940 г. Франция заказала 2095, Англия — 1450 самолетов. За первые пять месяцев войны экспорт из США увеличился на 30 процентов, а в Англию — лишь на 10 процентов. Ожидавшийся золотой дождь пока не пролился, напротив, продолжалась засуха. Это вызвало известное озлобление в Соединенных Штатах. Союзники определенно не воздали должное доброй воле американцев — еще в октябре 1939 года Институт общественного мнения Гэллапа сообщил, что 62 процента опрошенных высказываются за оказание помощи Англии и Франции «всеми средствами, кроме участия в войне».

С точки зрения Вашингтона, «странная война» в Европе выглядела забастовкой Англии и Франции. На Западном фронте определенно не хотели работать. Хотя основной мотив этого — желание Лондона и Парижа переключить войну на Советский Союз — не мог не радовать, факт оставался фактом — в Европе не полыхала большая война.

Как это ни было огорчительно, президент не терял надежды на конечную схватку с силами Зла. Он исподволь готовился к ней, принимая меры, ставшие известными — и, конечно, дале-

ко не полностью – спустя многие годы. Обстоятельства тогда властно повелевали Рузвельту окружить глубокой тайной свои подлинные намерения. Немало в правящей элите Англии, да и США по классовым соображеииям были готовы перекраситься в коричневые тона, а как первый шаг – не только рукоплескать, но и сотрудничать с «силами порядка», которые в их глазах олицетворяла гитлеровская Германиия. ФДР был убежден, что такие не видели дальше своего иоса. Но что толку в констатации! Оии заиимали иемаловажные позиции во всех сферах жизни Запада.

Рассуждая в суровых терминах воителя тайной войны, У. Стефеисои спустя десятилетия напишет: «Президент Рузвельт боялся, что Чемберлен пойдет на мировую. Президент ие мог сделать много для поддержки тех, кто оказывал сопротивлеиие как Гитлеру, так и Чемберлеиу. Американское общественное миеиие было целью иацистских пропагандистских орудий ие в меиьшей степени, чем Варшава была целью иацистских бомб. Оио было против нас». В Англии естественными союзиикам ФДР были тогда только Черчилль и его иемногочисленные сторонники. Ему, ставшему с иачалом войны морским министром Англии, втайне протянул руку Рузвельт.

11 сеитября 1939 г. президент США предложил морскому министру Англии вступить в секретную переписку. Беспримерно и беспрецедентио! Глава невоевавших США стал договариваться с тем, кто держал в руках флот воевавшей Англии. Корреспондеиты приняли величайшие меры предосторожности для сохранения в тайне своей связи. Рузвельт подписывался «Потус» (с некоторой долей воображеиия можно было предположить – президент США), Черчилль – просто «бывший военный моряк». Чемберлен и помыслить ие мог, что члеи его правительства иегласно обсуждает важнейшие дела с руководителем нейтральиой державы. Надо думать, что быстро установившееся единомыслие с ФДР немало укрепило Черчилля в своих силах и расширило его возможности. Незримая и могучая поддержка из-за океана в коиечном счете подняла Черчилля к вершине власти иа Британских островах. С окончанием «страниой войны».

А пока оии, эксперимеитируя, ошибаясь и сиова иащупывая путь, пытались выковать американо-аиглийскую стратегию в войне. Оба ие могли довольствоваться меиьшим, чем победа, и оба были согласны, что к ней нужно прийти с иаимеиьшими издержками. Следовательио, развить до отказа потеициал тайной войны. Отправная точка для ведеиия ее – зиание планов и

намерений общего врага. Оберегая тайну от собственного правительства, Черчилль патронирует работу по раскрытию принципов кодирования немецкими шифровальными машинами «Энигма». Успех в этом деле открывал захватывавшие дух перспективы — возможность читать все радиосообщения не только вермахта, но и политических и карательных ведомств нацистского рейха. По приказу Черчилля в неприметном местечке Блэчли были негласно собраны лингвисты, криптографы, математики, профессура по многим специальностям. Они бились над секретом «Энигмы», образец которой раздобыла разведка.

Аналогичная работа шла в США, где специалисты пытались постичь принципы действия японских шифровальных машин. Очень скоро была налажена координация усилий между спецслужбами США и Англии, очень многое было договорено между Рузвельтом и Черчиллем в томительные месяцы «странной войны» по самым деликатным аспектам тайной войны. Черчилль подталкивал своих единомышленников — вступать в контакт с теми в США, кому доверяет Рузвельт, просить их помощи. «Мы вручили судьбу Англии в руки Рузвельта, когда приняли это решение»[4], — лаконично сообщает Стефенсон. Он тогда держал в руках тайные контакты Черчилля с США.

В окружении Черчилля серьезно относились к возможности создания в гитлеровской Германии атомного оружия. Уже ранней осенью 1939 года Черчилль официально запрашивал министра авиации: «Умоляю сообщить, какова вероятность того, что атомные бомбы посыпятся на Лондон!». Дело шло не об удовлетворении праздного любопытства, а о практических мерах парирования эвентуальной атомной угрозы — срыве методами тайной войны возможных усилий нацистских ученых и одновременно обеспечении приоритета за Англией в разработке атомной бомбы[5]. Но она, естественно, не обладала нужными ресурсами для этого. Без США никак не обойтись. Стефенсон сумел пробудить тревогу у ФДР, использовав своего старого друга нью-йоркского банкира Сакса.

Обращение Сакса к президенту, который принял его 11 октября 1939 г., было отлично подготовлено. Логика тайной войны и данные науки сошлись в одной точке. Сакс объяснил, что знаком с некоторыми физиками, в том числе бежавшими от фашизма А. Эйнштейном и Э. Ферми. Они были серьезно озабочены возможностью того, что гитлеровская Германия может создать атомное оружие. Как предотвратить смертельную угрозу?

Он напомнил, что первые контакты физиков с правительственными ведомствами США весной 1939 года оказались обескураживающими. Вашингтонские деятели, пораженные бюро-

кратическим склерозом, нашли фантастической саму идею использования энергии не видимого глазу атома в военных целях. Да, за просителями тогда не было Черчилля. ФДР сначала слушал Сакса невнимательно и недоверчиво. Посетитель заметил, что приехал в Вашингтон за свой счет и не может отнести расходы по поездке на счет правительства. Поэтому пусть президент будет внимательнее.

Рузвельт выслушал научные доводы, подкрепленные вручением письма Эйнштейна на его имя. Сакс рассказал и о работе гитлеровских физиков. Президент понял.

— Алекс, ты не хочешь, чтобы нацисты взорвали нас?

— Именно этого, — подтвердил Сакс.

— Тогда нужно действовать.

Рузвельт тут же вызвал доверенного адъютанта Уотсона и поручил ему связать Сакса с нужными людьми в правительственных ведомствах. Был создан Совещательный комитет по урану, начавший предварительные исследования возможности создания атомного оружия. О чем ФДР уведомил Черчилля. Скептики, а их было немало, протестовали — президент заставляет заниматься чепухой. На это неизменно следовало твердое возражение Уотсона: «Так хочет Хозяин, работайте!»

Закладывалось начало «Манхэттенскому проекту» — созданию атомного оружия. ФДР определенно рисковал, истратив на свой страх 2 млрд. долл.: было трудно предсказать конечные итоги работы.

Перспективы овладения сверхоружием были отдаленными, а пока, осенью 1939 года, Ф. Рузвельт выслушивал эмиссаров воюющих сторон, которые то мягко, то настойчиво приглашали президента США взять на себя посредничество в установлении мира. ФДР отказывал всем. Иногда не сразу, но от этого отказ не был менее категоричен. Мультимиллионер У. Дэвис, тесно связанный с гитлеровцами, отправился в середине сентября в Берлин прямо по поручению ФДР. Рузвельт в ходе полуторачасовой беседы с ним сказал, на каких условиях США будут содействовать восстановлению мира в Европе. Хотя то была явная дезинформация, собеседник Дэвиса в Берлине Геринг, наверное, поверил и просил передать Рузвельту немецкие условия. Рузвельт больше не принял Дэвиса, но принял к сведению его информацию, как и то, что из Берлина Дэвис вернулся агентом немецкой разведки С-80[6]. Когда и Кеннеди ранней осенью высказался в пользу мира, Хэлл по указанию Рузвельта счел необходимым разъяснить, как-никак обращался посол: «По поручению президента только для вас и с условием, что вы будете руководствоваться этим, не разглашая никому,

передаю: пока сохранится нынешняя обстановка в Европе, наше правительство не видит ни возможности, ни повода для проявления президентом мирной иииципативы».

На том стоял Франклин Д. Рузвельт до зимы. А когда на землю упал снег, президент внезапно затосковал по прелестям мира. Огнн рождественских елок смягчили его ожесточившееся сердце, думали верующие.

II

«Крупный мужчина в измятом костюме испнсывает большие листы бумагн. В тишиие Овального кабинета два флага повислн на древках нз красного дерева, синий дымок сигареты поднимается с серебряной пепельницы. На его столе заголовки газет кричат о бомбардировках и битвах. Бнблия открыта на книге пророка Исаии: «Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши на ваших глазах съедают чужие...»

Крупный мужчина продолжает писать. Через высокое, до потолка, окно, выходящее на луг с жухлой травой, доносится слабый шум автомобилей — разъезжаются по домам с рождественскими подаркамн. А в тысячах миль солдаты в стальных касках щурятся в прицелы, бездомные семьи в отчаяннн бредут по снегу.

«Тогда придите, и рассудим, — говорит Господь. — Еслн будут грехи вашн, как багряное, — как снег убелю».

Лицо крупного мужчины каменеет, когда он пренсполнен решимости, рот печальный с опущенными уголкамн губ, когда он не улыбается. Он, не отрываясь, пишет, страницы заполняются словами, написанными его резким почерком. Он нажимает звонок, который буквально взрывается, как маленькая бомба, под столом Стнва Эрлн. Вдоль колоннады, которую называют «тропой президента», мимо плавательного бассейна, вверх в лифте — там ждут его бокал вина, рождественская елка, сверкающая шариками и мишурой, два пахнущих мылом внука — тепло н отдых от сокрушающей ответственности, от священного одиночества, удела американского президента при принятии знаменательного решения».

Так еженедельник «Тайм» 1 января 1940 г. описывал некий день в декабре 1939 года, когда ФДР принял «знаменательное решение». Президент США обратился с торжествеиио-прочувствованным посланием в пользу мира к религиозным лидерам. Строки послания звучали так, как, по-видимому, ФДР представлял себе откровения ранних хрнстиан:

«Мое сердце возрадовалось, когда я вспомнил, что в такие же времена Исаия пророчествовал — Христос родился. Тогда, за несколько столетий до Его прихода, обстановка в мире была похожа на нынешнюю. Тогда, как и сейчас, полыхал всеобщий пожар, народы шли опасной дорогой, освещаемой пламенем пожаров, зажженных ими.

Однако уже тогда предсказывали духовное возрождение — приход дня, который освободит узников и погубит завоевателей в раздутом ими пламени, и поднявшие меч от меча и погибнут...

Я пользуюсь редкой привилегией читать письма, в которых тысячи простых людей, живущих в десятках стран, поверяют мне свои сокровенные замыслы... Я знаю, что они и бесчисленное множество других в каждой стране ищут спасительного света. Мы знаем, что задолго до того, как об этом узнали лидеры, пастухи в горах увидели Рождественскую Звезду...

Я верю, что, в то время как государственные деятели рассматривают создание нового порядка в мире, он, очень может быть, уже у порога. Я верю, что его строят уже сейчас, молчаливо, но непреодолимо в сердцах масс, голоса которых не слышны, однако чья общая воля напишет в конце концов историю нашего времени. Они знают, что без веры в некий руководящий принцип и предначертание бога народы пребывают в темноте и люди гибнут...

Сейчас ни один духовный лидер, ни один гражданский лидер пока не могут выдвинуть конкретный план, как положить конец разрушениям и как приступить к новому строительству. Однако время для этого несомненно придет...»[7].

23 декабря 1939 г. ФДР направил свое несравненное сочинение папе Пию XII в Ватикан, президенту Федерального совета христианских церквей Америки д-ру А. Баттерику и президенту Еврейской теологической семинарии в США раввину К. Адлеру. Рузвельт испытывал такую радость от своего творчества, что серьезно вознамерился пригласить разделить ее патриарха православной церкви в Стамбуле и других патриархов, а также лидеров ислама. Экстравагантные планы президента взорвали чиновников госдепартамента. Они с профессиональной беспардонностью осведомились, к кому именно в мусульманском мире собирается обратиться президент: если к суннитам, тогда останутся недовольными Иран и Ирак, если к королю Ибн-Сауду, тогда посыплются протесты из Египта. ФДР неохотно согласился, но не успокоился.

В конце декабря Белый дом объявил, что президент назначил бывшего председателя «Юнайтед Стейтс стил» М. Тейлора своим личным представителем в Ватикане. С тех пор как в

1868 году сенат отказался оплачивать пост американского представителя прн Ватикане, Соедииенные Штаты не имелн официальных связей с главой католической церквн. Демократизм государственного устройства США, гласил американский политический фольклор, н в том, что Вашннгтон держнтся в стороне от «темных» сил католицизма. Узнав о решении презндента, организации протестантской церквн по всей стране разгневанно потребовалн Белый дом к ответу: на каком основаннн ФДР собнрается тратить деньгн налогоплательщиков для поддержания дипломатических отношений в неизвестных целях с Ватиканом? Пришлось разъяснить, что, хотя М. Тейлор поедет в ранге посла, он не будет получать жалованье н сам покроет расходы по своей мнссин. Протесты не стихалн, пришлось завестн для них специальные досье, которые скоро распухлн. А. Баттерик обратил вниманне президента на «опасения средн протестантов». ФДР прошел мимо них: он полагал, что высокая цель оправдывала моральные издержкн.

Так что же побудило президента вооружиться оливковой ветвью? В конце ноября 1939 года советско-финская войиа подняла на ногн всю международную реакцию, стремнвшуюся нспользовать ее как повод для замирения на Западе, а затем поднять знамена "крестового похода" протнв Советского Союза. Франция, Англия, Швеция н Италия оказалн значительную помощь Фннляндии, не осталнсь в стороне н США.

ФДР 1 декабря 1939 г. срочно вернулся из Уорм-Спрингса в Вашингтон «в разгар», как он сказал, «ужасающего насилия над Финляндней». 2 декабря ФДР публично предложил ввестн «моральное змбарго» на продажу авиацнонного оборудования Советскому Союзу. 4 декабря на заседании кабииета ФДР приказал Моргентау прекратить продажу молнбдена н алюминия СССР. На замечанне миннстра финансов, что зтн сделкн абсолютно законны, ФДР раздраженно бросил: «В прошлом ты проделывал куда худшие вещн». Фннский посланник в Вашингтоне повел переговоры о получеини американского займа. Уэллес предложил максимум 4 млн. долл. Президент лично распорядился дать 10 млн. долл. В начале 1940 года был открыт кредит еще на 20 млн. долл. Соедииенные Штаты передалн Финляндни 250 орудий н другое вооруженне. ФДР намеревался предоставить Финляндии по крайией мере 60 млн. долл. Не получилось, нбо, замечает бнограф ФДР, «требованне открыть большой кредит для прнобретения вооружения ожнвило бы обвинения, что он намеревался вовлечь страну в войну, подорвало бы его возможности оказывать ограниченную помощь Англнн н Франции и ослабило бы шансы на переизбранне в 1940 году»[8].

С конца 1939 года функции между Англией, Францией и Соединенными Штатами разделились: первые стали поспешно готовить экспедиционный корпус для отправки в Финляндию, вторые — действовать в пользу мира на Западе. Тогда и прозвучали пламенные речи ФДР о прелестях мира, хотя в Вашингтоне отлично знали, что не за горами расширение масштабов войны. Правительства Чемберлена и Даладье планировали вести военные действия против Советского Союза не только на севере, но собирались начать операции и на Черном море, нанести удар с юга. Вашингтон объявил, что выезд американских «добровольцев» в Финляндию не противоречит закону о «нейтралитете».

После внушительных выступлений в «пользу мира» в Европе США с начала 1940 года предприняли конкретные шаги в этом направлении. Белый дом подстегивали некоторые специальные соображения. Кеннеди, приехавший в США, 15 декабря в закрытом докладе перед командованием вооруженных сил США так оценил последствия бездействия союзников на фронте против Германии: «К концу этого года, если не раньше, народы Англии, Франции и всей Европы будут готовы к коммунизму».

8 января 1940 г. Хэлл объявил, что в США создан совещательный комитет по проблемам внешней политики для подготовки проектов мирного урегулирования. 27 января ФДР указал руководству госдепартамента: «Ныне (в конце января. — *Н. Я.*), возможно, наступит поворотный пункт... для неофициального рассмотрения возможности установления мира». 9 февраля президент заявил, что направляет заместителя государственного секретаря С. Уэллеса в Европу. Он объедет Рим, Берлин, Париж и Лондон, где встретится с руководителями соответствующих правительств. А как с посещением Москвы? Рузвельт заметил: «Визит в Москву не принесет пользы».

Цель миссии Уэллеса, как он сам писал, заключалась в том, чтобы выяснить «взгляды четырех правительств относительно существующих возможностей заключения справедливого и длительного мира»[9]. В середине февраля 1940 года С. Уэллес вместе с М. Тэйлором выехал в Европу. Говоря о посылке обоих эмиссаров президента, Р. Тагвелл отмечал: «Франклин провел две весьма двусмысленные меры. Историки будут всегда гадать, почему он пошел на это. И никто не сможет высказать ничего, кроме предположений, ибо он ни с кем не советовался и никогда не давалось объяснений, за исключением очень неубедительных и совершенно недостаточных». Тагвелл считал, что ФДР намеревался пригласить на нейтральную почву Гитлера, Муссолини, Чемберлена и провести с ними конференцию[10]

Каковы бы ии были точные планы Рузвельта, поступкн его и Хэлла в тот период иаводят на печальные размышления. В конце яиваря по распоряжеиию ФДР практически была прекращена торговля с СССР, советские органы ие могли больше фрахтовать американские суда. Хэлл отказался объясиить причины этого советскому полпреду Умаискому, заявив, что у него иет времени заииматься «мелкимн жалобами». По словам Уэллеса, советско-американские отношения к весие 1940 года «были только номинальиымн»[11].

В значительиой степени то была личная политика президеита, ие отражавшая иастроеиий в стране. 11 февраля ои выступил у стеи Белого дома, куда пришли участники конгресса американской молодежи, только что принявшего резолюцию протеста против помощи Финляндии. ФДР призиал, что раньше «питал большую симпатию к русскому иароду» н «в первые дин коммунизма» полагал, что ои даст лучшее будущее России. Но ныне, заявил ФДР, в Советском Союзе существует диктатура. «Утверждают, — сказал ои, — что иекоторые из вас являются коммунистами. В наши дни это очень непопуляриое слово». Речь президента не дошла до сердец слушателей, иапротив, аудитория освистала президеита. «Первый и, я думаю, единствениый случай, — писал Ч. Болеи, — когда [Рузвельта] освистали иа посту президента США»[12].

Икес 17 февраля записал в дневнике: «Совершенно очевидно, что ныиешнее правительство в Финляндии ие является демократическим. Аристократия и богачи в Англии и Франции используют Финляндию для наиесения максимальиого ущерба Советской Россин»[13]. ФДР ие мог ие зиать точки зреиия своего министра. Одиако стоило Маииергейму обратиться 1 марта к Рузвельту с просьбой срочно прислать 150 истребителей и 36 бомбардировщиков с экипажами из «добровольцев», как ФДР отдал приказ выполиить просьбу. С величайшим сожалением ои убедился, что ВВС США ие имели лишних самолетов, и был вынужден оставить обращеиие без последствий.

Какие бы планы иа будущее ии вынашивались, у Англии была на руках война с Германией, хотя практически без выстрелов. Этого иельзя было забывать. Весиой 1940 года Стефенсон в абсолютной тайне приехал в США посланцем Черчилля н встретился с ФДР. Результат бесед: между президеитом США и Черчиллем был установлеи канал связн через Интеллиджеис сервис и ФБР. Было договореио об обмеие информацией не только о военных делах, ио и о козиях проиацистских кругов в Англии н США. Рузвельт принял как должное, что английская контрразведка установила слежку за американским послом в

Англии Кеннеди, не скрывавшим своего восхищения нацистами.

Тем временем Уэллес странствовал по правительственным ведомствам Италии, Германии, Франции и Англии. В Берлине к рассуждениям американского "ангела мира" отнеслись так, жалуется официальная американская публикация, подготовленная по указанию ФДР, как «встретили бы в публичном доме продажу Библии»[14]. Но в Лондоне и Париже Уэллес нашел, что правительства Англии и Франции готовы пойти на мировую, а в Риме восторженно приветствовали возможность не только мира между четырьмя державами, но и их союза, что, как сказал фашистский министр иностранных дел Чиано Уэллесу, было бы «прекрасным оплотом против большевизма». Обо всем Уэллес аккуратно докладывал в Вашингтон.

Внезапно ФДР свернул миротворческую деятельность. 16 марта президент оповестил: «Сегодня мы ищем моральную основу для мира. Мир не может быть истинным без признания братства... Не может быть справедливого мира, если запрещено молиться богу», и т. д. ФДР, а вслед за ним Хэлл ясно дали понять, что Соединенные Штаты утратили интерес к восстановлению мира в Европе. Уэллес был отозван. Почему? 12 марта 1940 г. был подписан мир между СССР и Финляндией.

III

Наступила весна. События в Европе завертелись с головокружительной быстротой. В апреле Германия захватила Данию, вторглась в Норвегию. Англо-французские войска, подготовленные для отправки в Финляндию, были переброшены в Норвегию, где сразу же попали в тяжелое положение. 10 мая открылось гитлеровское наступление на континенте. Бронированные орды варваров XX века под оглушительный вой сирен пикирующих бомбардировщиков устремились на Запад. Была оккупирована Голландия, захвачена Бельгия. На французской земле союзные войска бежали куда глаза глядят.

Английский посол в Вашингтоне Ф. Лотиан в середине мая сообщал в Лондон: «Соединенные Штаты наконец глубоко потрясены и страшно перепуганы. Они надеялись остаться в стороне, считая, что союзники одни сдержат тигра»[15]. Успехи вермахта опровергли оценки американских штабов, совсем недавно докладывавших, что Германия не может победить, а они лежали в основе оптимизма Вашингтона. Ужасающий страх охватил Соединенные Штаты. Американцы почувствовали себя беззащитными: какая польза в экономическом потенциале

страны, если падет французская «линия Мажино» и пойдет ко дну британский флот? Военная подготовка США представлялась совершенно недостаточной — в марте 1940 года военные расходы достигли только 142 млн. долл. против 114 млн. долл. в августе 1939 года.

15 мая заместитель военного министра Джонсон, горячий поборник воздушной мощи, потребовал удвоить авиацию, строить 19 тыс. самолетов в год. Он считал, что выдвинул максимальные требования, умоляя президента «отнестись к проблеме воздушной мощи смело и бесстрашно». Рузвельт не нуждался в поучениях.

На следующий день он выступил на объединенном заседании конгресса. Чрезвычайно серьезный президент потребовал ассигновать более миллиарда долларов на авиацию. Соединенные Штаты должны иметь в строю 50 тыс. самолетов, американская промышленность должна производить в год 50 тыс. самолетов и 100 тыс. моторов. Притихший зал ознакомился с ужасающей статистикой. Воздушное нападение на Соединенные Штаты возможно: от Гренландии до Новой Англии пять часов полета, от Бермудских островов — три часа, от островов в бассейне Карибского моря до Флориды — двадцать минут, от западного побережья Африки до Бразилии — семь часов, от Аляски до Ванкувера, Сиэтла и Портленда — четыре-пять часов. ФДР было совершенно безразлично, что исходные пункты этих зловещих маршрутов не были в руках держав «оси», а расчеты полетного времени были отнюдь не точными. Он преследовал цель — поднять американский народ на ноги, припугнуть его. Цель была достигнута.

Лидер республиканцев в палате представителей, недавний враг администрации Дж. Мартин сказал после речи президента просто: «Мы за программу». Конгресс ассигновал больше, чем просил ФДР. Военные получили деньги на программу, которую ФДР не обсудил с ними. Несложный подсчет показал, что для ее осуществления потребуется около 3 млрд. долл. Проблема, однако, была не в финансах.

Жуткие вести с полей сражений во Франции. Танковые клинья гитлеровцев еще более заострялись в газетных сообщениях. 31 мая новое послание ФДР конгрессу: «Почти невероятные события двух последних недель войны в Европе, особенно в результате применения авиации и мотомеханизированных частей с учетом их дальнейшего совершенствования, требуют нового расширения нашей военной программы». В июне конгресс вотировал увеличение армии до 375 тыс. человек, ассигновав на военные цели еще 1,7 млрд. долл.

Из Парижа Буллит сообщал о гнетущей растерянности перед механизированным варварством, катившим по дорогам Франции. Премьер П. Рейно внушал американскому послу: Соединенные Штаты должны ради спасения самих себя немедленно объявить войну Германии либо заявить, что они не потерпят поражения Англии и Франции. «Единственная гарантия для Соединенных Штатов, что Гитлер не воцарится в Белом доме, — говорил 22 мая Рейно Буллиту, — объединение американского, английского и французского флотов». Буллит сообщил об этом президенту. Вслед от него же загадочная телеграмма: «Тезка Берли намеревается быть там, где вы находитесь сейчас, к рождеству». ФДР невольно улыбнулся — Берли звали Адольф.

26 мая президент предостерег Париж: «если наступит худшее», недопустимо, чтобы французский флот «закупорили в Средиземном море». Президент предлагал на этот случай: «Корабли в восточном Средиземноморье должны уйти через Суэцкий канал. Корабли в Тулоне, портах Алжира и Туниса — через Гибралтар». Флот немцам не сдавать. Даладье заметил Буллиту: «Будет печально, если мировая цивилизация падет потому, что великая страна с великим президентом ограничится только словами».

О настроениях в США в эти дни можно судить по опросу общественного мнения журналом «Форчун». Тридцать процентов еще верили в победу союзников, а 63 процента ждали, что Гитлер вслед за победой в Европе приступит к захватам в Западном полушарии.

Германское наступление на Западе наконец катапультировало У. Черчилля в кресло премьера. 15 мая 1940 г. «бывший военный моряк» просит Рузвельта, чтобы Соединенные Штаты объявили себя невоюющей стороной, предоставили Англии взаймы 40–50 эсминцев, передали несколько сот самолетов, направили в Ирландию и Сингапур американские эскадры. В противном случае «вы можете оказаться перед лицом полностью покоренной и фашизированной Европы». Рузвельт душевно заверил, что Соединенные Штаты будут помогать союзникам, и пожелал им «самой большой удачи».

28 мая американский поверенный в делах в Берлине Кирк посоветовал правительству выступить с предложением о заключении мира, при котором Германия остается «сильной и удовлетворенной в разумных пределах». Дело в том, рассуждал Кирк, что, «если и удастся нанести поражение Германии, для этого потребуется столь длительная и тяжелая война, что справедливый мир окажется невозможным и даже американская

социальная и политическая система может быть сметена мировой революцией»[16]. Если Гитлер отвергнет мирные предложения США, тогда они должны немедленно объявить войну Германии.

У Рузвельта был готов ответ: «С учетом ограничений, налагаемых положением страны, вся производительная мощь США находится в распоряжении союзников». Дальше он не шел.

Июнь принес развязку. Английская экспедиционная армия, согнанная к Дюнкерку, эвакуировалась на родные острова. 4 июня Черчилль в громовой речи по радио поклялся, что Англия будет сражаться до конца и что, даже если сами острова будут покорены, «наша заморская империя вооруженная и охраняемая английским флотом, продолжит борьбу до тех пор, пока, по воле бога, Новый Свет со всей своей силой и мощью выступит для освобождения и спасения Старого Света». В секретной переписке Черчилль не уповал на бога, а дал указание Лотиану по-деловому объяснить ФДР: падение Англии приведет к кошмарным последствиям для США. «Президент должен ясно осознать это, — писал Черчилль. — Вы должны говорить с ним в этом духе и таким образом рассеять беззаботное предположение Соединенных Штатов, что они сумеют в результате проводимой ими политики подобрать обломки Британской империи. Наоборот, они подвергаются страшному риску».

В шарлотвиллском выступлении 10 июня Рузвельт в сильных словах поддержал моральный дух союзников и впервые четко сформулировал программу США: «Сплотившись воедино, мы, американцы, будем проводить открыто и одновременно два курса: противникам силы мы предоставим материальную помощь из ресурсов нашей страны, в то же самое время мы так спланируем и ускорим использование этих ресурсов, дабы мы сами здесь, у себя в Америке, располагали достаточным количеством вооружения и обученных кадров, чтобы быть готовыми к любым случайностям и оборонительным действиям». ФДР официально связал Соединенные Штаты публичным обязательством оказывать помощь «противникам силы».

Робким душам, цепеневшим при мысли о последствиях, он сказал: «Некоторые все еще во власти теперь очевидного заблуждения, что мы в США можем позволить своей стране остаться одиноким островом в мире, где господствует философия силы. Такой остров, быть может, надежда тех, кто еще рассуждает и голосует, как «изоляционисты». Но этот остров представляется мне и большинству американцев страшным кошмаром, где голодные люди брошены в тюрьму со скованными руками и ногами и их кормят через прутья решетки презирающие их безжалостные господа других континентов.

Естественно, что мы должны спросить себя, как не допустить сооружения этой тюрьмы и как избежать заточения в ней».

Выступление Рузвельта состоялось через несколько часов после нападения Италии на Францию. Экспромтом ФДР произнес в своей речи громкую фразу: «Рука, державшая кинжал, вонзила его в спину соседа». Таких слов в адрес агрессоров публично он никогда еще не произносил.

На следующий день, 11 июня, около десятка английских судов вошли в залив у Раритана, штат Нью-Джерси, для погрузки с лихтеров вооружения и снаряжения, купленного за 41 млн. долл.: 615 тыс. винтовок, 86 тыс. пулеметов, 895 орудий, 212 танков и т. д. Бóльшая часть этого вооружения хранилась в арсеналах со времен первой мировой войны и не подходила американской армии, а некоторая часть была английского производства. В тогдашних условиях — Англия потеряла на континенте почти все тяжелое вооружение — это было подспорьем. Противники администрации яростно доказывали, что США сами беззащитны и вооружение попадет в руки немцев, которые используют его против американцев. Если при мобилизации выяснится, что орудий не хватает, заметил работник штаба армии, «все участники этой передачи могут быть уверены, что их повесят на фонарных столбах».

Президент хладнокровно отнесся к печальной перспективе, едва ли он верил в нее. Но когда союзники, ободренные его речью и первой практической помощью, возобновили мольбы о вступлении США в войну (Рейно по телефону даже осведомился, «не могли бы вы, господин президент, протянуть руку через океан, чтобы спасти цивилизацию»), Рузвельт уверил их в своем «глубочайшем сочувствии», а также сообщил, что в США «молятся» за успех союзников. Черчиллю, просившему опубликовать одно из посланий президента с заверениями в твердой поддержке США, ФДР ответил, что в Лондоне неверно поняли его: конституция запрещает президенту брать на себя какие-либо обязательства, помимо уже объявленной материальной помощи. Он от души посоветовал английскому правительству в случае вражеского вторжения отвести флот на базы в Ньюфаундленд, Аден, Кейптаун и Сингапур.

IV

В последние недели сражения на Европейском континенте ФДР посчитал, что обрел магическую формулу обеспечения американских интересов. Горячему стороннику решительных

действий Л. Дугласу президент написал в начале июня: «Я пришел к мнению, что чем больше вооружения мы перебросим через океан, тем больше будет уничтожено германского вооружения, тем самым в конечном счете это поможет американской обороне. Как видите, я делаю все возможное, хотя много об этом не говорю».

В Лондоне и особенно в Париже не могли взять в толк, что отныне ничто не могло отвратить ФДР от обдуманного избранного пути. Рейно все еще пытался повернуть сердца в Вашингтоне. В ночь на 14 июня в речи по радио он вызывал «тучи самолетов», чтобы спасти Францию. В послании Рузвельту от 14 июня он умолял: «Если Вы в ближайшие часы не дадите Франции уверенности, что Соединенные Штаты в самое ближайшее время вступят в войну, судьбы мира изменятся. Вы станете свидетелями, как Франция пойдет ко дну, подобно утопающему человеку, и исчезнет под водой, бросив взгляд в сторону страны свободы, от которой она ждала спасения».

На следующий день Черчилль, который, по-видимому, тешил себя надеждой, что знает нравы американских политиков, воззвал к их здравому смыслу и чувству самосохранения. Он пишет Рузвельту: «Заявление, что США в случае необходимости вступят в войну, может спасти Францию. Без этого французское сопротивление в считанные дни рухнет и мы останемся одни. Если нас разобьют, нынешнее правительство и я отошлем флот через океан, но борьба может достичь такой точки, когда теперешние министры не смогут контролировать события. В обмен на превращение Британских островов в вассала империи Гитлера могут быть получены очень легкие условия. Возникнет, конечно, прогерманское правительство, которое выставит потрясенной и оголодавшей нации почти неопровержимые аргументы в пользу полного подчинения воле нацистов». Точно описав, что будет означать включение Англии в фашистскую орбиту, Черчилль заметил почти в угрожающем тоне: «Если мы падем, Вы получите Соединенные Штаты Европы под нацистским руководством, имеющие больше населения, куда более сильные и несравненно лучше вооруженные, чем Новый Свет»[17]. Черчилль совершенно напрасно отрывал время от неотложных военных дел. Приведенные и даже более красноречивые его послания, писанные в эти дни, ФДР попросту игнорировал.

А Рейно 15 июня ФДР ответил: «Я хочу еще раз подчеркнуть все возрастающее восхищение, с которым американский народ и его правительство следят за несравненным мужеством, проявляемым французскими армиями в борьбе с захватчиками на родной земле... Я знаю, что Вы поймете, — эти заявления

не означают, что мы берем на себя какие-либо военные обязательства. Лишь конгресс может сделать это».

Вашингтон занимали проблемы, касавшиеся только интересов США. Вслед за теплым ответом Рейно сухо предупредили: если французский флот попадет к гитлеровцам, «французское правительство навсегда потеряет дружбу и доброе расположение Соединенных Штатов»[18]. 15 июня Рузвельт, убежденный предварительными исследованиями, отдал приказ о начале работы над атомным оружием. 17 июня правительство США заявило, что оно не признает перехода владений европейских держав в Западном полушарии в другие руки.

Франция капитулировала, Англия осталась в одиночестве. Это не поколебало убеждения американского правительства и высших штабов в необходимости продолжить оказание ей помощи. 24 июня начальник штаба армии докладывал президенту: «Если англичане покажут способность противостоять немцам и наша небольшая помощь позволит им продержаться до 1 января, тогда оказание ее желательно в интересах нашей обороны». Американские штабы рассчитали, что гитлеровцам потребуется шесть месяцев для овладения Англией и еще шесть месяцев для консолидации своих позиций. США выиграют год на подготовку.

Черчилль все же пытался побудить Вашингтон к активным действиям. Поняв, что Рузвельт избегает полемики лично с ним, он подключает посла. 28 июня он инструктирует Лотиана: «Не прекращайте попыток доказать президенту и другим, что, если вторжение в Англию окажется успешным и часть ее будет оккупирована после тяжелых боев, будет создано какое-то квислингское правительство, которое заключит мир на основе превращения Англии в германский протекторат... Действительное значение имеет лишь вопрос о том, станет ли Гитлер хозяином Англии через три месяца или нет. Я думаю, что нет. Однако это такое дело, о котором нельзя спорить заранее. Вы должны проявлять вежливость и хладнокровие. Здесь у нас никто не падает духом».

Рузвельт также не пал духом и не видел необходимости менять свой курс — оказание только материальной помощи. Такова была официальная позиция ФДР, но совсем иным он был в сфере дел тайных.

Президент США в эти критические для Англии месяцы негласно распоряжался на Британских островах как главнокомандующий, руководящий издалека гарнизоном своей осажденной крепости. Он укреплял ее бастионы и не забывал о мерах продолжения сопротивления врагу на случай ее сдачи. Посему

заблаговременно вывозилось в США все то, что могло бы укрепить мощь Германии. Англия добилась значительных по тем временам успехов в области атомных исследований, радиолокации, реактивных двигателей, химического оружия, средств противолодочной обороны и многого другого. Документация в оригинале или дубликатах, образцы, описание технологии и пр. летом 1940 года были доставлены в США, где могло быть налажено массовое производство надлежащей боевой техники. «Самый ценный груз, когда-либо прибывавший на наши берега», — заключило американское управление исследований и разработок, а газеты по обе стороны Атлантики умилялись великодушию США, принявших 32 тыс. детей из Англии, эвакуированных из-под германских бомб.

Под контролем президента оставалась работа над немецкими шифровальными машинами в Блэчли. Он распорядился направить английским и американским криптографам в Блэчли первые американские компьютеры. К осени 1940 года оказалось возможным дешифровать некоторые немецкие телеграммы, в США наметились сдвиги в овладении тайной японских шифров. Рузвельт и Черчилль постепенно узнавали из этих источников самые сокровенные тайны держав фашистской «оси». Дешифрованные немецкие материалы под грифом «ультра» докладывались практически только английскому премьер-министру и американскому президенту. Это усугубляло личный характер политики, проводившейся главами США и Англии. О принятии решений правительствами по коренным проблемам войны, а тем более «демократическом» правлении не могло быть и речи.

26 мая Рузвельт публично предупредил: «Мы знаем новые методы нападения. Троянский конь... Техника проста. Сначала сеются раздоры. Некая небольшая группа, может быть местная, расовая или политическая, поощряется использовать предрассудки фальшивыми лозунгами и эмоциональными призывами. Цель делающих ставку на такие группы — создать сумятицу, общественную нерешительность, политический паралич и в конечном счете панику. Здравую национальную политику начинают рассматривать с новым и необоснованным скептицизмом... Государственное единство может быть настолько подорвано, что страна утратит свою мощь». Как парировать эту угрозу?

Еще 6 сентября 1939 г. Рузвельт приказал, чтобы любая информация о «шпионаже, контршпионаже, саботаже, подрывной работе» передавалась ФБР. То было «единственное публичное признание в военные годы, что ФБР уполномочено вести сыскную работу». Эта директива вплоть до 1973 года служила основанием для ведения ФБР политического сыска[19].

В мае 1940 года Рузвельт распорядился, вопреки решениям Верховного суда, широко практиковать подслушиванне разговоров по телефону н в помещениях, вскрывать пнсьма тех, кто считался подозрительным. Сотни лнц, поддержавших Ч. Линдберга, становятся объектами расследования ФБР. Все в интересах борьбы с агентурой держав фашистской «осн». Правильно. Только в поле зрения политического сыска попадали все, кто не был в восторге от американской снстемы правления. Даже консерватнвный бнограф Рузвельта заметил в 1979 году: «Сомнительно, что он должным образом сдерживал себя, санкционнруя нарушение ФБР гражданских н политических прав»[20].

В нюне 1940 года вошел в силу закон о регнстрацин иностранцев (закон Смита). Диспозиция статей, определявших состав преступления — устная или пнсьменная агитация «за сверженне правительства силой», — такова, что можно без труда прнвлечь к ответственностн даже за деяния, не содержавшие умысла, который не нужно доказывать. Санкции по закону Смита устанавлнвалнсь суровые — до 10 лет тюрьмы и 10 тыс. долл. штрафа. Введенный в ответ на фашистскую угрозу закон Смита применялся в послевоенные годы только протнв коммуннстов. Внесенными в уголовный кодекс США положениями закона Смита по сей день устрашаются инакомыслящне в этой стране.

V

Итак, Франклин Д. Рузвельт энергично взялся крепить фронт — Британскне острова и тыл — Соединенные Штаты. Хотя он допускал худшее — вторженне вермахта через Ла-Манш, стратегический замысел ФДР сводился к тому, чтобы повернуть гнтлеровское нашествне в другую сторону. Он верил, что, еслн в Берлине взвесят трудности вторжения на Британскне острова, Германия откажется от него и, следовательно, обратится к выполнению главной декларированной цели гитлеровского руководства — походу на Восток, протнв Советского Союза.

Порукой тому, что так и случится, был в глазах ФДР животный антикоммунизм германского фашизма. Однако он не переоценнвал идеологического фактора, а учитывал его в контексте перспектнв вооруженной борьбы. Идеология для гитлеровцев, конечно, в то время не была самодовлеющей, а рационализнровала дальнейшие действия, когда им стало ясно: можно потерять немало зубов прн штурме Британских островов, крепость которых и размеры американской помощи им западная пропаганда основательно преувеличнвала. В конечном

счете, несомненно, рассудил Рузвельт, по канонам геополитики удар Гитлера на Запад — всего-навсего объезд на магистральном маршруте агрессии «Дранг нах Остен». Эти соображения, представлявшиеся умозрительными, стали на почву фактов по мере сдвигов в дешифровке вражеского радиообмена по стратегическим вопросам.

Успехи в этой области подтверждались самыми драматическими обстоятельствами. Через «ультра» узнали: 14 ноября люфтваффе совершат террористический налет на английский город Ковентри. Черчилль решил не предупреждать городские власти в интересах сохранения тайны источника сведений. В назначенный день город был так разбит, что в словарь войны вошел термин «ковентрировать». Рузвельт был в курсе мучительной дилеммы, перед которой стоял Черчилль. Он прокомментировал налет: «Война заставляет нас все чаще поступать, как боги. Я не знаю, что бы в таком случае сделал сам...» В этом случае наверное не знал, но в больших политических выводах, извлекаемых из данных «ультра», ФДР был предельно последователен.

Как глухо сказано в истории Британской службы координации безопасности (БСКБ), «перехваченные немецкие военные приказы подтверждали, что если бы (Британские. — *Н. Я.*) острова сопротивлялись и вторжение было бы либо отражено, либо отложено, Гитлер напал бы на Россию»[21]. Эти приказы немедленно докладывались ФДР, и он строил соответственно американскую политику. Гласно — призывая к помощи Англии и громко осуждая тех, кто противился ей. Отсюда все больший накал в словесной битве с «изоляционистами», на которых ФДР неизменно ссылался, когда, скажем, Черчилль на основании собственных заявлений ФДР просил президента ускорить участие США в борьбе с Германией. Нельзя и все тут — смысл ответов ФДР на эти обращения. Страна-де не поддержит, «изоляционисты» — тому свидетельство.

Опросы общественного мнения, однако, показывали: со второй половины лета 1940 года примерно 20 процентов американцев стояли за немедленное вступление США в войну. Так сказать, самостоятельно. Но тот самый «коэффициент фатализма» — США неизбежно будут воевать — фантастически возрос: 50 процентов в мае 1940 года, 59 процентов в декабре 1940, 82 процента в апреле 1941 года[22]. Иными словами, обращение к народу с призывом поднять оружие и вступить в войну получило бы массовую поддержку. ФДР и не помышлял об этом, демонстрируя противоположное — страна-де не пойдет за ним. Что он особо продемонстрировал на выборах 1940 года.

VI

Подходило к концу второе пребыванне Рузвельта в Белом доме, а в Соединенных Штатах существовал нсторический прецедент — ни один человек никогда не добивался выдвижения своей кандидатуры в президенты на третий срок подряд. По мере прнближения срока нстечения его полномочий в демократической партии началась грызня, усилнвалнсь закулисные махинации — подыскивали нового кандидата.

Рузвельт несколько раз категорическн отрицал намеренне баллотнроваться третнй раз. Еще летом 1939 года он объявил об этом председателю национального комитета демократической партнн Дж. Фарли. Фарлн, хотя н прожженный политнкан, понял Рузвельта буквально. Он счел себя потенциальным президентом н повел соответствующую работу. Не теряли временн даром н другне, метившие в преемникн Рузвельта. Вырнсовывалнсь фигуры соперников — Фарли, Гарнер, Хэлл.

На рубеже 1939 и 1940 годов Рузвельт часто поговаривал о том, что устал н жаждет вернуться к спокойной жизнн. В начале 1940 года в Гайд-парке завершилась постройка библиотекн. Ф. Перкинс вспоминала, как Рузвельт убедительно объяснял профсоюзному лидеру Табину, почему он не может баллотироваться в 1940 году: «Нет н еще раз нет, Дан. Мне необходимо избавиться от свищей (что было следствнем болезни. — *Н. Я.*). Я должен отдохнуть. Я хочу вернуться в Гайд-парк. Я хочу заняться своимн деревьямн. У меня там большне посадки, Дан. Я хочу сделать ферму рентабельной. Я хочу закончить постройку маленького дома на холме. Я хочу заняться нсторней. Нет, просто не могу». Было договорено, что Г. Гопкинс поселится в Гайд-парке н поможет с мемуарамн.

27 января 1940 г. Рузвельт подпнсал контракт с журналом «Коллнерз» — с января 1941 года он станет одним из редакторов с окладом 75 тыс. долл. в год и обязательством писать не менее 26 статей ежегодно. Срок действия контракта трн года. ФДР представил главного редактора журнала У. Ченерн в Белом доме как своего «будущего босса».

Решенне Рузвельта развязало рукн его соперникам в партии. Онн откровенно заговорилн о своих планах. ФДР смотрел со стороны. Впрочем, внимательные заключилн весной 1940 года, что Рузвельт все же похож на сфинкса. Он сказал, что не будет выдвигать свою кандидатуру, но не останавливал тех, кто считал, что Рузвельт должен остаться в Белом доме на третий срок. А среди них самым неутомимым был Г. Икес, считавший, что во время международного кризнса руль госу-

дарственного корабля должен быть в надежных рузвельтовских руках.

Окончательное решенне было принято лишь тогда, когда развернулся во всю силу гитлеровский «блицкриг». «Тем не менее, — пишет Розенман, — еслн бы Франция выстояла перед наступленнем Гитлера в мае 1940 года н еслн бы война превратилась в борьбу на нстощенне по типу первой мировой войны в 1915—1917 годах, я убежден, что Рузвельт не согласился бы на выдвиженне своей кандидатуры в июне 1940 года»[23]. Хотя ФДР пока не открыл карт, он начал действовать.

Чрезвычайные обстоятельства резко отличалн избирательную кампанию 1940 года от предшествовавших. Рузвельт уже после Мюнхена стал подумывать о созданнн коалиционного правительства. Сначала он намеревался пригласить в кабинет республиканских кандидатов в президенты и вице-президенты на выборах 1936 года А. Ландона н Ф. Нокса. Первый отпал, Нокс после длительных увещеванні ФДР согласился. 20 июня 1940 г. два видных республиканца, Г. Стимсон н Ф. Нокс, былн назначены военным н морским миннстрамн. Как раз в канун конвента республиканской партии.

Это вызвало шок у политических протнвников администрации — ФДР взял заложников из их среды! Стимсона и Нокса республиканцы сочли предателямн, однако то был первый шаг Рузвельта, чтобы показать: подлинный противник в кампании 1940 года — Гнтлер, которому нужно противопоставить национальное единство.

Делегаты республиканского конвента гневалнсь по поводу создания двухпартийного кабинета: «Грязная политика!» Рузвельт отмалчивался. Не разглядев его тактикн, руководство республиканской партнн решило вестн кампанию в традиционных тонах бешеных нападок на Рузвельта. Своим кандидатом республиканцы избрали У. Уилкн, закоренелого врага «нового курса», многне годы сражавшегося с Администрацией долины Теннесси. Он был юрнстом, связанным с домом Моргана. Было нетрудно проследить связь Уилкн с крупнейшимн корпорациями, что не замедлили сделать демократы.

В начале июля Дж. Фарли явился в Гайд-парк. Он был в отличном настроении, ожидая услышать от ФДР об отказе баллотироваться. Тогда почти автоматическн Фарлн надеялся на успех на конвенте. Хотя его мало знали в стране, Фарли многне годы крепко держал в руках партийный аппарат н был уверен, что сумеет побить других кандидатов в демократической партии.

— Джим, — начал Рузвельт, — я не хочу баллотироваться и собираюсь сказать об этом конвенту.

— Если вы так скажете, конвент не выдвинет вас, — отрезал Фарли и высмеял саму идею третьего срока.

— А что бы вы сделали на моем месте? — осведомился президент.

— Именно то, что сделал много лет назад Шерман, — выступил бы с заверением, что я отказываюсь баллотироваться, если меня выдвинут, и не буду исполнять свои обязанности, если меня изберут.

— Но, Джим, если меня все же выдвинут и изберут, я не могу в наши дни отказаться принести присягу, если бы даже я знал, что умру через месяц.

Оба разошлись, прекрасно поняв друг друга. Рузвельт теперь знал, что Фарли выставит свою кандидатуру, а Фарли понял, что ФДР не только собирается остаться в Белом доме, но и надеется, что будет выдвинут конвентом единодушно, без голосования. Фарли догадался обо всем этом слишком поздно, всего за неделю до начала конвента, назначенного на 15 июля в Чикаго. У него не оказалось времени составить политические комбинации.

В первый день работы конвента оказалось, что есть две штаб-квартиры: одна — Фарли, а другая — Гопкинса, представлявшего интересы Рузвельта. Сторонники ФДР пытались выяснить у него, как и когда следует выдвинуть его кандидатуру. Он ответил, что решит конвент, а «кандидата назовет бог». По поручению ФДР на конвенте огласили его короткое послание: «У меня нет сейчас и не было раньше никакого желания или намерения сохранить за собой после января следующего года пост президента или какую-нибудь другую государственную должность. Вы и все мои друзья знаете, что это простая и чистосердечная истина». Рузвельт, по-видимому, надеялся, что ответом на послание будет единодушный порыв делегатов: «Рузвельта в президенты!»

Голосование все же состоялось — сказалась опытная рука Фарли. За Рузвельта было отдано 946 голосов, за Фарли — 72, за Гарнера — 61. Бунт Фарли против ФДР явился его политической смертью. Он вскоре потерял свое место председателя национального комитета партии. Им стал Э. Флинн.

Когда дошла очередь до выдвижения в вице-президенты, конвент превратился в крикливый восточный базар. Словесная перепалка приобрела неприличный характер. Кандидатура Уоллеса, предложенная ФДР, вызвала неистовое сопротивление. Делегаты кричали, что Уоллес — мистик, республиканец-ренегат, политический невежда. Рузвельт, слушавший в Гайд-парке брань, несущуюся из радиоприемника, потерял выдержку. Он

составил обращение к конвенту, отклоняя выдвижение своей кандидатуры, ибо «нельзя потворствовать политическим нравам, подрывающим народы изнутри еще до удара врага извне». Г. Уоллес был в конце концов избран незначительным большинством, а Гопкинс, также явившийся объектом бесстыдных нападок, получил стойкое отвращение к конвентам.

Соглашаясь с выдвижением, Рузвельт заявил: «Я провел много ночей без сна и, лежа с открытыми глазами, спрашивал себя, имею ли право как главнокомандующий армией и флотом требовать службы стране от граждан или военной подготовки и в то же время самому отказываться служить стране в той должности, на которую призовет меня народ... Только народ может мобилизовать в президенты, и если я буду призван, тогда с величайшей простотой говорю вам: я буду с помощью бога служить, отдав все способности и силы». Мобилизованный таким образом, ФДР тут же объявил, что у него нет ни времени, ни желания вести избирательную кампанию, разве что он обратит внимание на «фальсификацию фактов» политическими противниками. У. Уилки получил пока полную свободу действий и до конца использовал ее.

Неглупый человек, он неплохо рассчитал. Перед страной Уилки предстал как невинная жертва вашингтонской бюрократии, побившей его в бизнесе, начиная от сражений с Администрацией долины реки Теннесси. Знакомая фигура предпринимателя-неудачника в стране свободного предпринимательства, падший ангел американской «демократии». Друзья Уилки — газетные магнаты Р. Говард и Г. Люс — сумели трогательно рассказать о его злоключениях под пятой «нового курса».

Уилки не был «изоляционистом». В июне 1940 года, накануне республиканского конвента, он заявил: «Тот, кто думает, что происходящее в Европе не касается его, — слеп и глуп». Эта позиция, собственно, и обеспечила выдвижение его кандидатуры. Стратегия Уилки в кампании заключалась в том, что он в основном поддерживал внутреннюю и внешнюю политику администрации. Его критика шла по трем линиям: ФДР ищет диктаторской власти, не обеспечил возвращения полного процветания, в военном отношении не подготовил страну.

Он объезжал страну, выступая с бесчисленными речами, и часто к концу их терял голос — тогда в репродукторах раздавался хриплый рык. Он обращал внимание на известные грехи ФДР — в первую очередь на его самонадеянность, забывая, что страна привыкла к ним, но пребывала в неведении относительно будущих добродетелей самого Уилки. Досталось и сыну ФДР Эллиоту, получившему чин капитана в военно-воздушных

силах. Республиканцы распространяли жетоны чудовищных размеров с надписью «Папочка, хочу быть капитаном!» Заверения Уилки о будущей политике звучали примерно так: «Я буду делать то же самое, но лучше». Ему немедленно наклеили ярлык: кандидат «я тоже». Потуги Уилки представить себя демократом большого успеха не имели, сторонники ФДР не уставали напоминать о его связях с крупнейшими корпорациями. Издевательский отзыв Г. Икеса об Уилки — «босоногий юрист с Уолл-стрита» — положительно преследовал его.

Пока Уилки произносил речи, Рузвельт работал, спокойно демонстрируя, что его главная забота — Гитлер, а не республиканский кандидат. Он вводил кампанию в русло, намеченное в речи в связи с выдвижением кандидатом: «Если правление в нашей стране в январе следующего года перейдет в другие руки — неопытные, неиспытанные руки, нам остается только надеяться и молиться, чтобы это правительство не пошло на умиротворение и компромисс с теми, кто стремится уничтожить везде демократию». Старый политик — кампания ФДР была девятой по счету, — конечно, не игнорировал избирательной борьбы, хотя прибег к непривычным методам.

Он предпринял многочисленные «неполитические» поездки, инспектируя военные лагеря, заводы, присутствовал на закладке и спуске кораблей на верфях. Пресса свободно допускалась на маневры, где был главнокомандующий. Маршруты поездок выбирались так, чтобы максимальное число людей могло увидеть озабоченного президента, спешившего по военным делам.

На пресс-конференции в Гайд-парке 20 августа президента спросили: «Когда вы начнете спор с Уэнделлом Уилки?» ФДР ответил: «Я советую вам напечатать этот вопрос и давать листок с ним каждое утро Билу (Хассетту. — *Н. Я.*)... Вы не хуже меня знаете обстановку. Я сказал народу, сказал конвенту.., что, нравится мне это или нет, я — президент стотридцатимиллионного народа Соединенных Штатов и их владений.., а обстановка в мире нынче такова, что совершенно очевидно — я не могу вести какие-либо политические кампании»[24].

В стране дискутировался старый вопрос о помощи Англии. Президент решал его, как мы видели, практически и в строжайшей тайне. В середине июля в Англию прибыл личный представитель ФДР Донован. Были приняты величайшие предосторожности, чтобы никто не знал о его миссии, особенно американский посол в Лондоне Кеннеди. Донован обсуждал самые важные вопросы в англо-американских отношениях, он сносился с Вашингтоном через каналы Интеллидженс сервис и ФБР. Он

убедился на месте, что германские войска могут успешно вторгнуться на Британские острова.

Донован настоятельно рекомендовал Рузвельту усилить и ускорить помощь Англии: «Здесь проходит первая линия нашей обороны. Если англичане дойдут до того, что будут вести только партизанские действия против нацистских оккупантов, то американцам потребуется поколение, чтобы хотя бы создать плацдарм в Европе. А из того, что я узнал здесь о нацистских методах использования пятой колонны, нам в Америке к тому времени уже будет поздно спасаться». Рузвельт очень серьезно относился к нацистской угрозе в США, координируя свои усилия в борьбе против нее с английскими спецслужбами.

С лета 1940 года представители Интеллидженс сервис и других спецслужб постепенно перебираются через океан и размещаются в Рокфеллер-центр в Нью-Йорке. Во главе их, объединенных конспиративным названием «Британская служба координации безопасности», становится Стефенсон. «Я ваш главный тайный агент»[25], — заверил Рузвельт Стефенсона. БСКБ ретиво взялась обучать американских коллег: под руководством Донована и за спиной официальных органов американской разведки и контрразведки — ФБР, Джи-2 и пр. — становилась на ноги личная секретная служба президента. Пока функции ее не определились, но цели, которых добивался ФДР, очевидны: не только и не столько разведка, сколько тайный инструмент политики. Не связанный никакими ограничениями, не дублирующий, а втайне стоящий выше государственного департамента и иных конституционных органов. Одна из основных задач — побуждать врага к действиям, в правильности которых он убежден, на деле несущих ему конечное поражение.

По сей день об этой стороне деятельности ФДР известно мало. Маскировка была многослойной, в том числе преданием гласности, казалось бы, очень деликатных аспектов американо-английских отношений. На них вслед за современниками сосредоточивали внимание историки. Как, например, на обмене американских эсминцев на базы в английских владениях.

15 июля правительство США дало первый ответ Лондону на обращение 15 мая о передаче 50 эсминцев, согласившись в принципе удовлетворить просьбу. Последовал негласный неприличный торг. ФДР понимал, что помощь Англии оказывать надо. «Если мы хотим держаться в стороне от этой войны, — заметил он Моргентау, — то чем больше мы будем поддерживать англичан, тем дольше мы не вступим в нее». Икес 2 августа сообщил президенту свое мнение: «Мы, американцы, похожи на домовладельца, отказывающегося дать взаймы или продать

огнетушитель соседу, у которого дом охвачен пламенем, а ветер дует в нашу сторону». Икес упрощал проблему — в Вашингтоне уже сложилось мнение, что англичанам помочь необходимо, однако за приличное вознаграждение.

13 августа ФДР познакомил Черчилля с американскими условиями: 1) новое заверение Англии, что, «если английский флот не сможет удержаться в отечественных водах, корабли не будут переданы немцам или потоплены, а уйдут в другие части империи для продолжения ее обороны»; 2) сдача США в аренду на 99 лет баз в английских владениях в Западном полушарии: на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, на островах Ямайка, Сент-Люсия, Тринидад и в Британской Гвиане. Черчилль попытался убедить ФДР не связывать передачу эсминцев с арендой баз. «Мы друзья, — аргументировал он, — а обмен эсминцев на базы внесет в сделку коммерческий душок». На это ФДР ответил, что конституция делает для него «совершенно невозможным» подарить эсминцы. 2 сентября сделка была оформлена на американских условиях. По-видимому, чтобы пристыдить Вашингтон, Черчилль отдал еще одну базу — на острове Антигуа.

В Соединенных Штатах, ставших после 2 сентября с точки зрения международного права «невоюющей стороной», соглашение не вызвало принципиальных возражений. Рузвельт в письме сенатору Уэлшу от 22 августа сообщил, что эсминцы постройки периода первой мировой войны «находятся при последнем издыхании» и предназначались для продажи на слом по 4–5 тыс. долл. за штуку. За 250 тыс. долл. США получили восемь баз в Западном полушарии. «Я надеюсь, — заключил президент, — что вы не выступите против сделки, которая, с точки зрения США, является самой выгодной за всю вашу или мою жизнь». Голосов против не прозвучало, даже Уилки не превратил соглашение в объект предвыборной борьбы.

Летом 1940 года было намечено иметь к январю 1942 года армию в 2 млн. человек. Конгресс ассигновал около 5 млрд. долл. на эти цели. ФДР указал, что «мы должны иметь тотальную оборону», но «мы не пошлем наших солдат воевать в европейских войнах». Выполнение программы было невозможно без введения воинской повинности. Рузвельт на протяжении всей своей государственной деятельности рассматривал ее как величайшее благо для страны. Летом 1940 года в беседе с Розенманом он вернулся к излюбленной теме. «Сама по себе военная подготовка, — говорил он, — принесет ребятам очень много хорошего, даже если им никогда не придется использовать ее. При нынешней международной обстановке мы должны обеспе-

чить каждому американцу военную подготовку в мирное время. Когда-нибудь, если мы не добьемся постоянного мира, я выступлю за это»[26]. Но публично помалкивал. Законопроект о введении выборочной воинской повинности внесли в конгресс сенатор — противник «нового курса» и конгрессмен-республиканец, а Уилки одобрил его; ФДР остался сторонним наблюдателем последовавших словесных битв в конгрессе.

«Изоляционисты» произнесли немало страшных слов, сенатор Уиллер даже заявил: «Введите воинскую повинность, и у нас больше не будет свободной страны — испуганный шепот заменит свободу речи, гражданин не сможет выразить свое несогласие с правительством. Тайные сборища в темных углах заменят свободу собраний, и все граждане будут закованы в цепи собственного изготовления. Принятие закона заткнет рот последней великой демократии и явится самой большой и дешевой победой Гитлера. На надгробном камне американской демократии он напишет: "Здесь покоится главная жертва войны нервов"». Закон тем не менее был принят. В конце октября 1940 года состоялась первая жеребьевка — предстояло определить 800 тыс. рекрутов. В Нью-Йорке церемонию открыл ФДР будничной и подчеркнуто деловой речью. Президент употребил слово «сбор», а не «вербовка» или «воинская повинность». Он взывал к патриотическим чувствам, заложенным еще со школьной скамьи: к войне за независимость, к Лексингтону и к Конкорду. Тогда фермеры с мушкетами спешили на «сбор», теперь, напоминал ФДР, «вы будете в армии, впервые созданной для завоевания независимости и некоторых основных прав для всех».

Страна в последние полгода перед выборами была свидетельницей разгрома Франции и «битвы за Англию». Сомнений в том, что военная подготовка необходима, не возникло; спор, подогреваемый избирательной кампанией, касался другого — куда пойдут вооруженные Соединенные Штаты. Широко распространенную точку зрения выразил генерал Х. Джонсон, к этому времени популярный радиокомментатор. Он уподоблял страну «беспомощному, беззубому, ревматическому льву, не имеющему когтей». Нечего и помышлять о войне, а необходимо вооружаться. В то же время «мы не должны снова оказаться дураками и послать хотя бы одного сына американской матери в жуликоватую Европу. Речь идет не об этом. Речь идет о том, как обжулить Европу, угрожающую нам. При наших силах и ресурсах мы можем создать такую оборону, которой никто не осмелится бросить вызов».

Поляризацию политических сил ознаменовало появление через два дня после американо-английского соглашения об

обмене эсминцев на базы комитета «Америка прежде всего», объединившего «изоляционнстов». В противовес ему был учрежден комитет «Защитим Америку оказаннем помощи союзникам» под руководством Уильяма Аллена Уайта. Симпатии ФДР былн на стороне комитета Уайта, которому он оказывал негласную поддержку. Удары, обрушенные на этот комитет, метили н в Белый дом. Ч. Кофлин, по-прежнему люто ненавидевший ФДР ие стеснялся в выражениях, отзываясь о комитете: «Эти людн, скрываясь подло н не по-американскн за ханжой н бюрократом по имени Уильям Аллен Уайт, образуют самую опасную пятую колонну, какая когда-лнбо существовала на иейтральной земле. Онн — квислинги Америкн. Они — иуды среди апостольской общины нашей нации. Они — змеи в траве, защищенные влияннем золота, правительства и иностранцев». Уайт и его сторонникн ие оставалнсь в долгу.

«Изоляционнсты», сплотившиеся вокруг комитета «Америка прежде всего», доказывали, что помощь Англии подорвет обороноспособность США. Известный американскнй летчик Ч. Линдберг, первейший оратор комитета, всяческн раздувал возможностн люфтваффе. Он назвал речь ФДР, в которой была поставлена задача нметь 50 тыс. самолетов, «нстерической болтовней». Комитет иикогда ие нспытывал иедостатка в средствах для массированной пропагандистской кампаннн. Г. Форд, Р. Янг, С. Мортои н ряд других мультимиллиоиеров финансировали его, а такне людн, как Дж. Кеннедн и Дж. Даллес, обеспечивали комитету респектабельность.

«Наиболее резким доводом изоляционистов, — пнсал Шервуд, — было глухо высказывавшееся обвиненне в том, что страна иаходится перед лицом еврейского заговора, участникн которого стремятся вовлечь иас в войну. В частности, Линдберг открыто заявлял об этом, указывая, что единственными лнцамн, благоприятно относящимися к американскому вмешательству в войну, являются члеиы семьи Рузвельтов, англичане и евреи. Совершенно очевидно, что еврейская община имела достаточно побудительных причин для антинацистских иастроений, ио в ее среде отнюдь ие было единодушия в оппозиции по отиошеиию к изоляционизму. Имелись евреи, главным образом в высших экономических слоях общества, поддерживавшие комитет «Америка прежде всего», потому, что их боязнь антисемитизма в Америке иамного превосходила их отвращенне к нацистскому варварству в Европе. Кроме того, имелнсь также еврен, готовые, как и любые другие, "делать дела с победоносным Гитлером"»[27].

Уилки не шел с «изоляционистами». Он стремился доказать лишь один тезис: переизбрание Рузвельта вовлечет страну в войну — и даже указывал сроки, чаще всего по каким-то ораторским соображениям, — апрель 1941 года. Он предъявил ФДР и обвинения касательно его предвоенной политики. «Ведь именно он был крестным отцом этой несчастной конференции в Мюнхене», — кричал он на митингах. Уилки предупреждал, что, если ФДР будет переизбран, «вы будете иметь американское тоталитарное правительство задолго до истечения третьего срока». Голоса, отданные за Рузвельта, настаивал он, обернутся деревянными крестами для отцов, мужей, братьев и женихов. Республиканцы напрашивались на ответ — нельзя было идти на выборы «поджигателем войны» и «диктатором».

18 октября «великий белый отец» (так иногда зовут в США президента) сообщил, что в пяти речах перед выборами он ответит на «злонамеренную фальсификацию фактов» республиканцами. Рузвельт предупредил, что не будет удаляться от столицы далее чем на 12 часов пути. Не очень далеко — секретная служба воспротивилась полетам. ФДР заявил, что вынужден принять участие в кампании, ибо его противники заявляют, «например, что президент Соединенных Штатов телефонировал Гитлеру и Муссолини и продал Чехословакию, что несчастные безработные в нашей стране будут загнаны в концентрационные лагеря, что правительство США не будет иметь страховых фондов к тому времени, когда рабочие состарятся и получат право на получение пенсий, или что переизбрание нынешней администрации принесет конец американской демократии в четыре года. Я думаю, что они знают, и я знаю, что все эти утверждения — ложь».

Вступление президента в кампанию было встречено с громадным энтузиазмом. Когда его поезд прибывал на ту или иную станцию, ему везде бывал обеспечен горячий прием. Шервуд отмечал, что «наибольшее воодушевление всегда проявляли рабочие и их семьи. Они выходили на железнодорожное полотно и бежали за поездом, восклицая: "Да благословит вас господь!"». Уилки, напротив, в рабочих кварталах встречал град гнилых яблок, тухлых яиц, иногда камней. Не без участия активистов демократической партии широко распространилось мнение, что он происходил из немцев, а в его родном городе якобы развешаны плакаты «Нет, никогда солнце не будет светить негру».

Уилки пытался повернуть симпатии масс, понося ФДР за то, что он баллотируется в третий раз. Рузвельт только раз намеком коснулся этой проблемы, заявив в Кливленде, что

через четыре года в стране «будет другой президент». Толпа начала скандировать: «Нет! Нет!» Речь транслировалась по радио, и ФДР сразу понял, что крики толпы будут истолкованы его противниками как намерение стать постоянным президентом. Он продолжил речь, приникнув губами к микрофону, чтобы заглушить вопли.

Рузвельт действительно только в пяти речах сумел дать отповедь многомесячной кампании республиканцев, использовал даже мельчайшие промахи своих противников. Внимание президента обратили на статью в «Нью-Йорк таймс», в которой А. Крок доброжелательно рекомендовал республиканской партии унять некоторых ее ревностных сторонников. Крок привел высказывание некоего судьи из Филадельфии: «Президента поддерживают лишь нищие, те, кто зарабатывает меньше 1200 долл. в год, хотя они и того не стоят, а также члены семьи Рузвельта». В 1940 году такой доход имела примерно половина населения страны.

Выступление филадельфийского судьи дало повод Рузвельту разразиться громовой речью в Бруклине. Рассказав о социальных завоеваниях «нового курса», он заключил: «„Нищие", недостойные даже потребляемой ими соли, — вот в чем выражаются подлинные чувства республиканского руководства в нынешнем благословенном году!.. Это прямой, порочный, антипатриотический призыв к классовой ненависти, к классовому презрению! Друзья мои, это как раз и есть то, против чего я борюсь со всей энергией. Я борюсь за свободную Америку, за страну, где все мужчины и женщины пользуются равными правами на свободу и справедливость». Избиратели не могли не согласиться с президентом — быстро рассасывающаяся в связи с мобилизацией экономики безработица, увеличение заработной платы служили доказательством того, что политика правительства несет благосостояние многим миллионам семей. Горячность ФДР в восхвалении социальных достижений «нового курса» подогревалась соображениями весьма прагматическими. Военные врачи отвергали по состоянию здоровья почти половину молодых людей, призывавшихся даже по выборочной воинской повинности. США расплачивались за голодные годы кризиса и жизнь впроголодь вплоть до начала войны.

Уилки поддержали крайне правые и крайне левые элементы, хотя руководствовались различными и даже противоположными мотивами. Среди них был и руководитель КПП Дж. Льюис, который никак не мог простить президенту неблагодарности после выборов 1936 года. Он поклялся, что покинет свой пост (и действительно покинул) в случае переизбрания Руз-

вельта. ФДР позабавило странное сочетание политических сил, стоявших за спиной Уилки. Он отплатил республиканцам их же монетой – разве не они много лет обвиняли Рузвельта в «социалистических» и «коммунистических» симпатиях? В бруклинской речи он окрестил аморфную коалицию «нечестивым союзом», разъяснив: «Мы знаем, что нет общей почвы, на которой они могли бы объединиться, если не считать их одинаковых стремлений к власти и их недовольства нормальными демократическими порядками, не позволяющими добиться сразу диктаторских целей, к чему стремится каждая группировка... Их задача заключается в том, чтобы помешать демократии стать сильной и целеустремленной. Но теперь у нас есть сила и целеустремленность, и мы намерены сохранить их»[28].

Да, он располагал «силой» весьма значительной и далекой от евангелия «демократии», которое тогда страстно проповедовал. На протяжении всей кампании 1940 года маячила угроза со стороны Дж. Кеннеди, который, хотя и находился в Англии, мог в любой момент бросить свой вес на политическую арену. О его намерениях ФДР отлично знал: посол был под неусыпным наблюдением английских спецслужб. На Кеннеди составили обширное досье, которое к исходу избирательной кампании представили Рузвельту. Посол похвалялся «бросить 25 млн. голосов католиков в пользу Уилки и вышвырнуть Рузвельта». За пять дней до выборов он намеревался опубликовать статью с обвинениями в адрес администрации Рузвельта и т. д. Помимо того, в досье была масса высказываний Кеннеди пронацистского толка.

Стефенсон рассказывал, как ФДР знакомился с досье: «Я сидел и смотрел на ФДР через его стол, заваленный бумагами. У него была манера, читая документ, покачивать лист из стороны в сторону. По мелким признакам вы могли заключить, что он сердится. Он все резче раскачивал бумагу, затем спокойно сложил ее, очень медленно порвал на мелкие клочки и бросил в корзину. Он продиктовал телеграмму Кеннеди: "Торговля спиртным в Бостоне отлична, девочки в Голливуде как нельзя привлекательны. Прибыть к субботе"». Кеннеди, как известно, нажил состояние на торговле алкоголем и в Голливуде.

27 октября Кеннеди прилетел в США и позвонил Рузвельту из Нью-Йорка. Присутствовавший при разговоре в кабинете ФДР Л. Джонсон рассказывал, что президент необычайно любезно поговорил с послом, повесил трубку и провел пальцем по шее, как бы перерезав глотку. Кеннеди встретился с президентом, а через два дня знавшие его с величайшим удивлением прочитали заявление посла в газетах. Оказывается, он всегда стоял горой за Рузвельта и никогда не поносил Англию! Чудо

из чудес! К нему – сухой комментарий Стефенсона: «Если бы Кеннеди был отозван раньше, он бы вел кампанию против ФДР со значительными шансами на успех. Мы задержали его в Лондоне, с тем чтобы он не смог нанести вреда в США»[29]. На этом не только дипломатическая, но и политическая карьера Кеннеди закончилась.

В заключение кампании Рузвельт еще раз вернулся к достижениям «нового курса», который является «вашим творением, американский народ». Он твердо заверил: никогда американцы не будут воевать в европейской войне. «Я даю вам, отцы и матери, еще одно заверение, – сказал он в Бостоне 30 октября, – я уже говорил это раньше и буду повторять вновь и вновь: ваши сыновья никогда не будут посланы для участия в иностранных войнах». Аналогичные посулы расточал и Уилки.

Вечером накануне выборов ФДР выступил с кратким обращением к народу. Он завершил его простой молитвой, которую запомнил с Гротона: «Осчастливь нашу страну достойным рвением, здравыми понятиями и хорошим поведением. Спаси нас от насилия разногласий и смуты, от гордости и высокомерия и от всего дурного». Республиканская партия передала по радио зловещее обращение к матерям Америки: «Если ваш сын будет умирать где-то на поле боя в Европе... и взывать в свой последний час: «Мама! Мама!» – не осуждайте Франклина Рузвельта за то, что он послал вашего сына на войну. Осуждайте себя, потому что вы возвратили Франклина Рузвельта в Белый дом!»

5 ноября 50 млн. американцев пошли на избирательные участки. С раннего утра Рузвельт уселся за обеденным столом в Гайд-парке. Перед ним лежали большие листы бумаги и остро отточенные карандаши – он сам подсчитывал результаты голосования, передававшиеся по радио. Сначала итоги были благоприятными, к полудню картина изменилась – кое-где лидировал Уилки. Охранник Рузвельта Майкл Рейли увидел, как крупный пот выступил на лбу президента. Внезапно Рузвельт резко бросил:

– Майкл, я не хочу никого здесь видеть.

– Включая вашу семью, господин президент?

– Я сказал – никого!

Рейли вышел из столовой, плотно притворив за собой двери. Он шепнул толпившимся в соседней комнате: президент утратил спокойствие. Дом притих. Но вскоре стал нарастать шум – приходили сообщения, что штат за штатом были за Рузвельта. Двери столовой распахнулись. Президент, без пиджака, в расстегнутой рубашке, солнечно улыбался: «Я всегда буду тем же Франклином Рузвельтом, которого вы всегда знали!».

Он получил 27 243 466 голосов, Уилки – 22 304 755.

VII

В 1940 году Франклину Д. Рузвельту минуло 58 лет. Он вступил в третье президентство, накопив громадный политический опыт. Война оттеснила на задний план внутренние проблемы, требовала быстрых решений и не терпела словопрений. Политические разногласия могли явиться лишь досадной помехой. Чрезвычайные обстоятельства, а быть может, и уверенность в будущем — еще срок в Белом доме — заметно изменили методы работы ФДР. Он не стал «диктатором», но много реже объяснял мотивы своих действий.

Некоторые сентенции президента, которые раньше отдавали мелким тщеславием, теперь стали выражать сущность человека. Вероятно, он сжился с мыслью, что является избранником судьбы. Корреспонденту лондонской «Таймс» Рузвельт спокойно признался: «В течение двадцати лет у меня было совершенно естественное и похвальное намерение стать президентом, и я был вынужден вести себя так, чтобы быть избранным». В разговоре с другом: «Разве бы ты не стал президентом, если бы мог?» Подумав, добавил: «Разве любому этого не хочется?» Он вплотную подошел к тому, чтобы уверовать в собственную непогрешимость: «Когда я сосредоточиваюсь на каком-либо вопросе в течение трех часов и прихожу к выводу, что я прав, я не изменю своего мнения, даже если мне придется заниматься им три года. Я знаю, что прав».

ФДР, победив в третий раз на выборах, по-видимому, верил, что отныне он знает больше и лучше других. Поэтому он не взял с собой в третье президентство тех, кто жил воспоминаниями о старых днях, о колебаниях президента. Советники, хотя и редко позволявшие себе оспаривать его суждения, становились излишними. Война призывала людей дела — промышленников, военных, практических экономистов, а не теоретиков, все еще оттачивавших философию «нового курса».

На рубеже второго и третьего президентства Рузвельта происходит значительная и последняя смена лиц в непосредственном окружении Ф. Рузвельта. В начале 1941 года ФДР предложил уйти двум оставшимся «ньюдилерам» — Т. Коркорану и Б. Когену. Они олицетворяли собой минувшее — словесные битвы с чудовищами монополистического капитала, осуждения «привилегий богатства» и т. д. «Первые "ньюдилеры" были с самого начала успешно изображены враждебной прессой как "красные", — замечает Тагвелл, — и эта клевета оказалась настолько убедительной, что Рузвельт был вынужден считаться с ней, уволив большинство из них»[30]. Коркоран и Коген одним своим

присутствием раздражали представителей крупного бизнеса, наводнявших Вашингтон по мере развертывания военной экономики.

Деловая печать без меры одобряла мудрого президента, приблизившего к себе вместо «теоретиков» «практиков». Заговорили о «мозговом тресте бизнеса» в Белом доме. В кабинет президента зачастил У. Кнудсен, назначенный генеральным директором управления промышленного производства. Имена всех пятерых его непосредственных подчиненных вселяли уверенность в круги лидеров американского монополистического капитала: Биггерс («Либи-Оуэнс — Форд глас компани»), Бант (концерн СКФ), Гарриман («Юнион пасифик рейлроуд»), Гаррисон («Америкен телефон энд телеграф компани»), Джонсон («Дженерал моторз»). Та самая капиталистическая печать, которая еще недавно поносила ФДР, теперь единодушно благословляла его выбор.

Рядом с президентом стали более заметными профессиональные политики, а не личные советники. Партийные машины Нью-Йорка и Чикаго в конечном счете обеспечили успех ФДР на выборах. Он помнил об этом, отблагодарил верных.

Единственным влиятельным советником Рузвельта остался Г. Гопкинс. В 1940 году он внешне занял вакантное место Л. Хоу. Гопкинс зарекомендовал себя как человек, беспредельно преданный президенту, обладавший редким качеством — он угадывал, и обычно правильно, намерения Рузвельта. 10 мая 1940 г. Гопкинс вечером пришел по делам в Белый дом. Он чувствовал себя очень плохо. Рузвельт предложил ему переночевать. Гопкинс остался и прожил в отведенном ему помещении — бывшем кабинете Линкольна в юго-восточном крыле здания — три с половиной года.

Отныне Гопкинса можно было всегда видеть в Белом доме. В августе 1940 года он ушел в отставку с поста министра торговли и состоял постоянно при президенте. Он стоял на страже ФДР, не допуская к нему чиновников с маловажными делами. Обычно Гопкинс говорил: «Президент не станет заниматься всей этой чепухой и пустяками, если я могу решить этот вопрос». Он не добавлял, однако, что всегда действовал на основании указаний президента. Когда Гопкинс в старом халате шел к президенту, казалось, что он идет к старому приятелю. На деле Гопкинс никогда не забывал, что ФДР — «босс». Люди, пытавшиеся сравнить Гопкинса с Хоу, забывали: Хоу возражал, а Гопкинс беспрекословно выполнял.

Помимо этого, Гопкинс умел льстить. Вот ведь какая атмосфера царила вблизи ФДР. Слагая обязанности министра торговли,

Гопкинс (уже постоянный жилец Белого дома!) в письменной форме изъяснялся в любви президенту, припоминая: «Я думаю о том, что годы, проведенные с Вами, — самые счастливые в моей жизни... Только, ради всего святого, забудьте об этих сигаретах в моем кармане [в 1935 г. Гопкинс по ошибке взял пачку сигарет со стола ФДР]. Вспомните тот день, когда мы заехали в тупик в горах в Неваде и Мак [секретарь ФДР Макинтайр] был готов пожертвовать своей жизнью? [Макинтайр на крутом повороте выскочил из машины и, напрягшись, держался за нее на случай, если автомобиль начнет сползать со склона.] И шампанское на Новый год, ведь только на праздновании его в Вашем доме подают шампанское. Или я ошибаюсь?... А пикники!»[31]. И так далее.

По мере того как неотложные дела превращали президента прежде всего в администратора, возрастала репутация Элеоноры Рузвельт — политика. Она разъезжала по стране, выступала на различных церемониях и митингах, вызывая своими либеральными взглядами большую ненависть правых, чем сам ФДР. Ее ежедневные статьи «Мой день» на злобу дня публиковало все большее число газет. Даже антирузвельтовские газеты помещали их — редакторы шли навстречу своим читателям. В 1940 году она подписала контракт на пять лет на публикацию этих статей, независимо от того, будет ли переизбран ФДР или нет.

С годами Рузвельт перестал скрывать свою склонность флиртовать с женщинами, а у Элеоноры вошло в привычку с иронией отзываться о «прекрасных дамах, молящихся у его алтаря». Президент часто подшучивал над женой: стоило появиться на приеме в Белом доме красивой женщине — он с деланым ужасом бормотал: «Не оставляйте меня наедине с ней». Иногда это относилось к просительницам, известным своей настойчивостью. Но, вспоминала дочь ФДР, «стоило отцу подружиться с женщиной — будь она принцессой или секретаршей, он всегда умел изловчиться и с дьявольским смехом дать ей шлепок пониже спины, одновременно рассказывая какую-нибудь веселую историю. Для матери же это было ужасно». Упорная привязанность ФДР к Люси Рутерферд отравляла жизнь Элеоноре. Супруги Рутерферды бывали гостями в Белом доме, Люси навещала Рузвельта в Уорм-Спрингсе. Она оставалась его тенью. Очень ограниченный круг лиц знал, что поезд президента во время поездок по стране останавливался на небольшом полустанке в штате Южная Каролина. Поезд долгими часами ожидал президента — он находился с визитом в Эйкене, зимней резиденции семьи Рутерфердов. Охрана слегка подшучивала над президентом — он, совершая автомобильные прогулки в окрестностях

столицы, иередко требовал остановить машину, чтобы подвезти «одну даму». В условленном месте Рузвельта поджидала, конечно, Люси. Час-другой она сидела в машине, безропотно выслушивая монолог ФДР обо всем и ни о чем.

Обе беспредельно преданные секретарши Мисси Лихэнд и Г. Талли по-прежнему скрашивали окружение президента. Роль мягкой и деловой Лихэнд трудно переоценить. Она вела себя как домоправительница президента, вмешивалась в его быт даже по мелочам, убеждала ФДР вести себя «прилично» в надлежащих случаях, определяла, кого следует пригласить на обед или прием в Белый дом, и т. д. Завоевание доброго расположения Лихэнд было кратчайшим путем к ФДР. Она выполняла значительную часть функций, которые в противном случае выпали бы на долю первой леди США — Элеоноры.

С подобающей вышколенному слуге сдержанностью бывший привратник Белого дома Дж. Вест заметил в своих мемуарах: «Мы никогда не видели Элеонору и Франклина Рузвельта с глазу на глаз в одной комнате. Я в жизни не видел такого раздельного быта супругов»[32].

Мисси следила за неукоснительным выполнением ФДР обязанностей президента. Например, за своевременной подготовкой ежегодного послания конгрессу о положении страны. Этот обычно объемистый документ президент направляет конгрессу в начале января. Примерно за месяц Мисси или по ее наущению Талли напоминали ФДР: пора за работу. В ответ неизменно раздавался вопль: «Как? Уже?» Бесстрастные лица секретарши гасили надежду на то, что удастся потянуть с началом тяжелой и малоинтересной работы. Горестно вздыхая, ФДР отдавал распоряжения о подготовке материалов и созывал советников.

С уходом «ньюдилеров» подготовка речей президента перешла в руки Г. Гопкинса и С. Розенмана. К ним летом 1940 года присоединился популярный драматург Р. Шервуд. Они втроем писали все речи Рузвельта до его смерти. Отныне в выступлениях президента теория оскудела, но красноречия и солн стало больше. Шервуд обладал изысканным стилем. «Битва за Англию» дала возможность Черчиллю произнести ряд звучных речей. Когда Гопкинс вернулся после первой поездки в Англию, ФДР встретил его вопросом: «Кто пишет речи Уинстону?» «Мне было чертовски неприятно, — сознался Гопкинс, — ответить: Уинстон пишет их сам». Иной раз Рузвельт сожалел, что не обладает даром слова Черчилля.

Впрочем, с 1941 года президент стал уделять меньше внимания публичным выступлениям. Гопкинс отмечал: «Рузвельт произнес много замечательных речей. Впрочем, некоторые из

них были отнюдь не столь хороши. Он не всегда тщательно работал над ними, потому что это ему порой надоедало. Президенту Соединенных Штатов часто приходится говорить на темы, которые его вовсе не интересуют. В таких случаях он предпочел бы читать книгу или пойти спать». Р. Шервуд, приведя эти слова Гопкинса, заключает: «Это было особенно верно в последние годы жизни Рузвельта, когда он стремился говорить как можно реже и еще реже, по-видимому, интересовался тем, что говорил. Дни борьбы, когда слова служили единственным оружием, наконец прошли, великие и страшные события говорили теперь сами за себя»[33].

Во время встреч в Белом доме президент был говорлив, как и раньше. Остановить поток речи ФДР было почти невозможно. Опытные люди прибегали к различным уловкам. Л. Гендерсон несколько раз преуспел: он добивался встречи с президентом во время ленча, говорил, пока рот Рузвельта был занят. Президент быстро разгадал маневр. Стоило Гендерсону начать говорить, как президент прерывал его: «Что с тобой, Леон, почему ты не ешь?» Словесный кордон, как всегда, охранял мысли ФДР.

Распорядок жизни в Белом доме не изменился. Как и прежде, день Рузвельта начинался первым завтраком в постели. В старом синем свитере или в голубой пелерине с вышитыми красными буквами Ф.Д.Р. он проглатывал невкусный завтрак и пробегал газеты. В спальню входили сотрудники его личного штата: Г. Гопкинс, С. Розенман, С. Эрли, М. Макинтайр, Б. Хассетт и др. Проводилось совещание, и они получали распоряжения на день. Личный врач Р. Макинтайр осматривал президента.

Вслед за этим следовал выезд президента на работу. Камердинер А. Преттимен вез его в кресле в кабинет. Рядом шли агенты секретной службы, один из них нес проволочную корзину с документами. «Этот выход на работу инвалида, — писал Шервуд, — представлял собой зрелище, какое могло бы зажечь самое вялое воображение. Здесь мы видели Рузвельта, которого знал народ: с высоко поднятой головой, с небрежно торчащим в углу рта мундштуком с сигаретой, с видом непоколебимой уверенности в том, что какие бы проблемы ни поставил день, он сумеет справиться с ними. И если эта уверенность не всегда была оправдана, она не становилась от этого менее величественной и внушительной».

Напряженный трудовой день в кабинете, куда подавался второй завтрак, заканчивался часам к шести. Затем лечебные процедуры — у ФДР не проходили свищи.

В 7.15 вечера в Овальном кабинете собирались на традиционный коктейль. Рузвельт не пил ни коньяка, ни виски, никаких

крепких напитков. Но он очень любил готовить коктейли, которые присутствующие почтительно получали из рук президента. О качестве мнения расходились. Обед подавался в кабинет в 7.45. Обычная невкусная еда. Вечер проходил заведенным порядком — беседы с друзьями, игра в покер. Президент пересказывал в который раз истории, которые находил смешными.

Никто не слышал от Рузвельта жалоб на дурное обслуживание. Но он с трудом мирился с теми сложностями, которые вносила в жизнь секретная служба. Как-то он печально сказал: «Я страшно люблю жареные фисташки. Но если бы кто-либо прислал мне пакет с фисташками, моя тайная полиция считала бы своей обязанностью просветить их рентгеновскими лучами, а министерство сельского хозяйства — очистить все орехи и произвести исследование, нет ли в них яда или взрывчатых веществ. А чтобы не возиться, они попросту выбросили бы пакет и никогда не сообщили бы мне об этом». Выслушав жалобу президента, Шервуд и Розенман купили большой пакет с фисташками и вручили его Рузвельту. Безмерно благодарный президент тайком съел содержимое.

Хотя Рузвельт приближался к своему шестидесятилетию, тирания матери не ослабевала. Если Сара бывала в доме, за обедом во главе стола сидела она, а не президент. Она достаточно громко отзывалась о гостях президента: «Они похожи на гангстеров!» Или за обедом спрашивала: «Кто этот ужасный человек, сидящий рядом с моим сыном?» У нее было преувеличенное представление о возможностях президента. Она смертельно обиделась на сына, отказавшегося послать линкор за ее сестрой, застигнутой в 1939 году войной в Европе. Ей было 82 года, а Рузвельту — 56, когда она заметила журналисту: «Завтра я не пущу Франклина в церковь, у него скопилась куча писем, на которые нужно ответить». Сара постоянно беспокоилась по поводу того, что президент с семьей живут не по средствам, стремясь внушить им необходимость экономии. Скуповатая старуха иногда, на радость газетчиков, конфузила сына.

Посетившие США в канун войны король и королева Англии останавливались и в Гайд-парке, подремонтированном по случаю высокого визита. Когда августейшая чета уехала, подрядчик предъявил счет за ремонт. Сара нашла его завышенным и отказалась платить. Подрядчик забрал новое оборудование санузла. Несколько недель в витрине его конторы красовался стульчак, снятый в Гайд-парке, с надписью «Король и Королева сидели здесь».

VIII

Победив на выборах, Рузвельт пребывал в отличном настроеннн. 2 декабря на крейсере «Тускалуса» он отправился в плаванне по Карнбскому морю. Информнрованный журиал «Юнайтед Стейтс ньюс» опнсывал его отъезд:

«Возраст: 58 лет 10 месяцев. Вес: 188 фунтов. Пульс: нормальный. Дыханне: нормальное. Цвет лица: бледный. ...Президент сохранил в строжайшей тайне деталн своей поездкн. Усмехаясь, наслаждаясь секретностью, которой окружен его вояж, он объявил: «Мы отправляемся на острова Рождества купить рождественскне открытки и на остров Пасхн купить пасхальных яиц».

Ои ступил на палубу «Тускалусы» в полдень во вторник в Майамн со всей флотской помпой н церемониями в сопровождении только своих ближайших адъютантов н советников: близкого друга Гаррн Гопкинса, секретаря н военного адъютанта майора Эдвина Уотсоиа [«папашн»], морского адъютанта капитана Дэниэла Д. Калгана, доктора Макинтайра и последнего прнбавления к любимчикам Рузвельта — чериого шотландского пса Фалы».

Хотя Белый дом официально сообщил, что президент собирается инспектировать новые американские базы в Карибском море, друзья ФДР отлично поиимали, что президеит отправился отдыхать. В заливе Гуантанамо пополнили запас кубинских сигар. Пришла телеграмма от Эриеста Хемингузя, указавшего лучшее место для рыбиой ловлн — пролив Моиа между Доминнканской Республикой н Пуэрто-Рико. Крейсер устремился в указанную точку, и президент попытался поймать рыбу способом, предпнсанным Э. Хемингуэм, — оперенным крючком с куском свиного сала. Ловля оказалась неудачной.

9 декабря у «Тускалусы» сел гидросамолет — из Вашингтона доставили очередную почту, среди прочих бумаг ФДР получил послание Черчилля, иапнсанное с учетом рекомендаций Стефенсоиа, объяснившего премьеру психологический склад адресата. Черчилль готовил зто обращение почтн месяц н считал его одним из самых важных документов, когда-либо иаписанных им. В драматических тонах описав положение Англии, он просил президента помочь в широких масштабах вооружеиием, судами, дать приказ американскому флоту конвонровать суда, шедшие через Атлантику, а для этого добиться у Ирландии разрешения на созданне американских баз иа ее западном побережье.

Черчилль ставил вопрос: каким образом Англия сумеет расплатиться с США? К этому времени английское правительство уже истратило иа закупкн в США 4,5 млрд. долл., золотые и

валютные резервы страны составляли всего 2 млрд. долл. «Близится момент, — сообщал Черчилль, — когда мы не сможем больше платить наличными за суда и другие поставки. Хотя мы будем прилагать все усилия и пойдем на всяческие жертвы, чтобы произвести платежи, я полагаю, что вы согласитесь, что было бы в принципе неверно и фактически взаимно невыгодно, если бы в разгар этой борьбы Великобритания лишилась всех своих активов и оказалась раздетой до нитки после того, как победа будет завоевана нашей кровью, цивилизация спасена и США выиграют время, для того чтобы вооружиться и подготовиться ко всяким случайностям».

Черчилль оставлял на усмотрение Вашингтона изыскать средства, которые «встретят одобрение и восхищение будущих поколений по обе стороны Атлантики».

ФДР размышлял несколько дней, не делясь ни с кем своими мыслями. Гопкинс, единственный человек на борту «Тускалусы», с которым президент мог бы посоветоваться, тактично молчал. Казалось, ФДР отдыхает, но Гопкинс, знавший своего шефа, безошибочно определил — президент «заправлялся горючим». А неунывающие «поджигатели войны», как окрестил Гопкинс Шервуда и иных, работавших в контакте с БСКБ, отчеканили: Черчилль предлагает США вступить с Англией в «гражданский брак». Конечно, рассмеялся Шервуд, не признанный конгрессом.

17 декабря, по возвращении в столицу, Рузвельт выступил на пресс-конференции и сообщил план, обдуманный на залитой солнцем палубе «Тускалусы». Он повторил уже известный тезис: «Наилучшая оборона Соединенных Штатов — успехи Англии в ее самообороне». Но как помочь англичанам? Президент сказал, что некоторые предлагают одолжить Англии деньги, а другие — передать вооружение и снаряжение в виде дара. Последнее утверждение было серьезным преувеличением — таких в США почти не было.

ФДР, однако, был заинтересован не в выяснении расстановки сил, а в новой демонстрации своих известных качеств — сторонника среднего курса. «Я пытаюсь теперь ликвидировать символ доллара... Освободиться от этого глупого старого символа доллара, — сказал Рузвельт и объяснил: — Представьте себе, что загорелся дом моего соседа, а у меня на расстоянии 400—500 футов от него есть садовый шланг. Если он сможет взять мой шланг и присоединить к своему насосу, то я смогу помочь ему потушить пожар. Что же я делаю? Я не говорю ему перед этой операцией: «Сосед, этот шланг стоил мне 15 долларов, тебе нужно заплатить за него 15 долларов». Нет! Какая же сдел-

ка совершается? Мне не нужны 15 долларов, мне нужно, чтобы он возвратил мой шланг после того, как закончится пожар».

Пресс-конференция побудила «изоляционистов» усилить протесты против вовлечения страны в «империалистическую войну». Они громко обвиняли Рузвельта в «англофильстве», капитуляции перед «английским империализмом». Однако теперь, имея перспективу пребывания в Белом доме по крайней мере еще четыре года, ФДР счел возможным назвать вещи своими именами.

29 декабря президент на «беседе у камелька» резко высказался против того, что с нацистами можно жить в мире. «Мы не можем избежать опасности или страха перед опасностью, укрывшись в постели и натянув одеяло на голову». В этой речи ФДР впервые употребил выражение «мы должны стать великим арсеналом демократии», имея в виду, что США в собственных интересах окажут материальную помощь противникам держав «оси».

Фраза эта — «арсенал демократии» — была впервые использована французским представителем в Вашингтоне Ж. Монне. Услышав ее, Ф. Франкфуртер оценил звучную формулировку. Он убедил вашингтонских политиков не использовать ее в своих выступлениях, ибо она лучше всего прозвучит в устах президента США. Так и было сделано, Гопкинс включил ее в проект речи.

Как же понимал ФДР роль «арсенала демократии»? «Если падет Великобритания, — поучал президент, — державы оси поставят под свой контроль континенты Европы, Азии, Африки, Австралии и моря, и они смогут обратить громадные военные и морские силы против нашего полушария... Думая о сегодняшнем и завтрашнем дне.., для США значительно меньше шансов оказаться в войне, если мы сделаем все, чтобы поддержать страны, защищающиеся против держав оси, чем если мы смиримся с их поражением, покоримся победам оси и будем ожидать своей очереди стать объектом нападения в следующей войне»[34].

Советники Рузвельта просили его сделать какое-нибудь оптимистическое заявление, чтобы поддержать «воюющих — англичан, греков, китайцев». ФДР пошел навстречу. «Вскидывая голову и надувая щеки, как он обычно делал, — пишет Шервуд, — президент декларировал: "Я убежден, что державы оси не выиграют эту войну. Мое убеждение основывается на самых последних и надежных данных"». Советники ФДР считали, что такими «данными» он не располагал. Они не знали, что к исходу 1940 года Рузвельту доложили о предстоящем нападении Германии на СССР. К этому времени была решена загадка

«Энигмы», ФДР мог ежедневно следить за развертыванием вермахта к походу на Восток.

Январь 1941 года ознаменовался решительными действиями Рузвельта. Он тщательно подготовил ежегодное послание стране, которое прочитал конгрессу 6 января. В нем ФДР высмеял представление о том, что США могут «укрыться за китайской стеной» от происходящих событий. Президент предложил идею «закона о помощи демократиям», известного в истории как ленд-лиз. Юристы разыскали в архивах подходящий закон, принятый в 1892 году, по которому военный министр мог передавать в аренду вооружение, если он считал это «в интересах государства». Законопроект о ленд-лизе, составленный на его основе, получил номер 1776. Президент напоминал о знаменательной дате в истории США — начале американской революции.

В «беседе у камелька» 29 декабря ФДР бесхитростно заявил, что ленд-лиз нужен, так как вооружение будет более полезно для обороны США «в руках Англии, чем на складах здесь». В послание от 6 января он включил куда более возвышенные мысли: США стремятся обеспечить во всем мире четыре «основные свободы для человека»: свободу слова, свободу вероисповедания, свободу от нужды, свободу от страха.

Экскурс в мессианском духе был предложен самим президентом. Когда он в своей обычной манере произнес, обращаясь к стенографистке: «Дороти, запиши закон!» — и продиктовал яркий абзац, постоянное повторение «во всем мире» резало слух.

— Но это затрагивает порядочную территорию, господин президент, — заметил Гопкинс. — Я не знаю, насколько американцы озабочены положением населения Явы.

— Боюсь, Гарри, что в один прекрасный день они будут вынуждены сделать это. Мир становится таким крошечным, что жители Явы становятся нашими соседями, — невозмутимо ответил президент.

Прослышав о ленд-лизе, руководители «изоляционистов» пришли в крайнее бешенство. Особенно отличился сенатор Б. Уиллер. Назвав предложение Рузвельта «идиотским», он в речи по радио утверждал, что президент требует от конгресса «нарушить международное право», а «программа ленд-лиза — ААА «нового курса» в области внешней политики — перепахать (plow under) каждого четвертого американского юношу».

Рузвельт на пресс-конференции 14 января объявил выступление Уиллера «самым лживым, самым подлым, самым антипатриотичным. Можете процитировать мои слова — это самое

подлое публичное заявление за всю жизнь моего поколения»[35]. Такая словесная увертюра открыла трудное прохождение законопроекта через конгресс.

В начале января Рузвельт направил в Англию Гопкинса, а по наущению Стефенсона попросил и У. Уилки посетить Лондон. Он согласился. Накануне отъезда Уилки зашел в Белый дом. Президент постарался принять его должным образом. «Окинув взглядом свой кабинет, — пишет Шервуд, — он заметил, что на его столе не было бумаг. Повернувшись к нам, он попросил нас дать ему кипу бумаг из корзины, стоявшей в другом конце той же комнаты. Мы спросили: "Какие именно бумаги вам нужны, господин президент?".

"Да это неважно, — ответил Рузвельт, — мне просто нужны бумаги на письменном столе, чтобы у меня был очень деловой вид, когда войдет Уилки"»[36].

Рузвельт вручил Уилки послание Черчиллю — набросал на листке из именного президентского блокнота строки Лонгфелло:

Плыви вперед, корабль державный!
Плыви, союз могучий, славный!
Связав навек с твоей судьбой
И страх и веру, род людской
Следит с надеждой за тобой!

Черчилль 9 февраля огласил при большом стечении народа «послание» Рузвельта и воскликнул: «Нам не нужны доблестные армии, которые ныне формируются в США... Я отвечаю... этому великому человеку..: дайте нам инструменты — и мы покончим с делом».

Вскоре в Соединенные Штаты был направлен английский посол Галифакс, преемник умершего Лотиана. Посол прибыл на новейшем английском линкоре. Рузвельт вышел в море встретить его также на линкоре новейшей постройки. То было внушительное зрелище. В штате Белого дома посмеивались — за высокой целью близко знавшие Рузвельта рассмотрели его желание человека, по-мальчишески влюбленного в море, получше ознакомиться с кораблем.

Тем временем билль о ленд-лизе подвергался скрупулезному изучению и мучительным испытаниям в комитетах и палатах конгресса, а за стенами Капитолия неистовствовала газетная буря. Противники Рузвельта указывали, что принятие и применение закона вовлечет Соединенные Штаты в войну, обернется дальнейшим ростом президентской власти внутри страны. Схема ленд-лиза — поддерживать других, оставаясь в стороне, — атаковывалась и по моральным соображениям. В комите-

те палаты представителей состоялся примечательный диалог между конгрессменом и военным министром Г. Стимсоном.

«*Вопрос.* Спрашиваю в лоб: если Англия – наша первая линия обороны, вы стоите за вступление в войну?

Стимсон. Я за помощь Англии, чтобы поддержать ее флот. В настоящее время она ведет войну и тем самым способствует защите Северной Атлантики, в чем мы жизненно заинтересованы.

Вопрос. Разве мы не ведем себя довольно трусливо – Англия воюет за нас, а мы не хотим участвовать в войне?

Ответ. Я не собираюсь вступать в спор такого рода. Закон не предусматривает это...»[37].

Нет, именно предусматривал! И выступления сторонников закона в конгрессе показали, что они отлично понимали его цели. Сенатор К. Пеппер: «Спрашивают, почему мы не объявляем войну Гитлеру? Отвечаем: "Потому что мы не идем на это, а если пойдем, то в момент, который мы сами изберем"». Конгрессмен В. Поаг: нужно принять закон, «чтобы потом не говорили, что мы не хотели использовать американские деньги и военные материалы сейчас, чтобы спасти жизни американцев позднее». Конгрессмен С. Янг: «Промышленная мощь Америки, которая придет на помощь английским людским ресурсам, позволит Англии избежать поражения без потери хоть одного американского солдата.., а тогда придет черед Америки выступить лидером и указать путь».

Ленд-лиз провозглашал принцип: оказание помощи любой стране, оборона которой «важна» для безопасности США. Отсюда следовало, что в случае вступления в войну СССР ему также может быть оказана американская помощь. Сама мысль о возможности такого сотрудничества была ненавистна дубогрызам в Капитолии. Были внесены поправки к закону, имевшие цель заранее исключить Советский Союз из числа получателей помощи по ленд-лизу. Они не прошли. Как заметил конгрессмен Джонсон, «мудро ли это, политично ли это, осторожно ли это – дать пощечину» Советскому Союзу? Другой, Мэгнюсон, сказал: «Будем практичны: Россия является нашим единственным буфером на Востоке против японской агрессии»[38].

11 марта 1941 г. Рузвельт подписал «Закон в интересах укрепления обороны Соединенных Штатов», или ленд-лиз, принятый после двухмесячных дебатов в конгрессе 60 голосами против 31 в сенате и 260 голосами против 165 в палате представителей. «Это решение, – сказал ФДР, – кладет конец всем попыткам умиротворения в нашей стране, всем призывам поладить с диктаторами, конец компромиссу с тиранией и силами угне-

тения». На первый раз конгресс нанес удар державам «оси» — ассигновал 7 млрд. долл., львиная доля которых пошла Англии. За счет ленд-лиза страны Британской империи в 1941 году покрыли 2,4 процента своих потребностей в вооружении, еще 9,1 процента было удовлетворено закупками в Соединенных Штатах.

29 марта на банкете по случаю дня Джексона ФДР еще раз подтвердил решимость противостоять фашистским агрессорам. С ними никто не может иметь дела, настаивал президент. «Мы видели, — воскликнул Рузвельт, — что случилось с крупными промышленниками Германии, поддержавшими нацистское движение и получившими вознаграждение в нацистских концентрационных лагерях».

Программой ленд-лиза руководил Гопкинс. Теперь он стал администратором большого размаха, напоминания о «новом курсе» вызывали у него раздражение. Его было не узнать, он грубо обрывал тех, кто пытался говорить о социальных проблемах, — шла война! Как-то Гопкинс вспылил: «Мне надоело выслушивать жалобы этих деятелей нового курса, черт бы их побрал!»

Гопкинс работал бок о бок с теми, кто раньше считал его своим врагом, — монополистами. Они легко нашли общий язык. Председатель правления «Стюарт Уормер корпорейшн» впоследствии писал: «Я разговаривал с Гопкинсом и не могу не прийти к убеждению, что из всех, кого я здесь (в Вашингтоне. — *Н. Я.*) встречал, у него самый ясный и здравый ум. Он излагает сложные проблемы в простых выражениях, и он дал направление моим мыслям. Я ничего не знаю о социальных планах или других идеях Гопкинса, но я только сожалею, что не встречался с ним чаще в Вашингтоне».

Времена «нового курса» канули в прошлое; в Вашингтоне набирала ход чудовищная машина крепко сколоченного государства...

Американская помощь Англии укрепляла ее в борьбе против европейских держав «оси». Формально США оставались невоюющей страной. Закон о ленд-лизе категорически запрещал плавание американских судов в зонах военных действий. Возможность инцидентов с фашистскими державами, а следовательно, вовлечения в войну была сведена к минимуму.

IX

Дебаты о ленд-лизе в Соединенных Штатах стали достоянием всего мира. Заявления Рузвельта о поддержке противников агрессоров вызвали злобную реакцию в Берлине и Риме. Фашист-

ская пропаганда клеймила ФДР «поджигателем войны». Крайние «изоляционисты», по существу, разделяли этот тезис. Президент Чикагского университета Р. Хатчинс заявил о ленд-лизе: «Американский народ собирается покончить самоубийством».

Ч. Линдберг лез из кожи вон, воюя с президентом. 23 апреля на тридцатитысячном митинге в Нью-Йорке он заявил: «Английское правительство имеет последний отчаянный план... — убедить нас послать в Европу новую экспедиционную армию, дабы разделить с Англией военное и финансовое фиаско в войне». 25 апреля Рузвельт заклеймил речь Линдберга как «пораженческую». Тогда Линдберг отказался от своего звания полковника резерва американских военно-воздушных сил, чтобы не быть ничем связанным в своей деятельности.

«Изоляционисты» обстреливали лишь видимую часть айсберга. Они о многом не догадывались. 29 января 1941 г. в Вашингтоне в глубокой тайне начались американо-английские штабные переговоры. Английские представители, приехавшие для участия в них, были засекречены, никто, за исключением посвященных, не знал, что высокопоставленные представители британского имперского генерального штаба ведут переговоры с американцами. Английские делегаты наседали на Стимсона, прося разъяснить, почему США медлят с вступлением в войну. Военный министр огрызнулся: «Спросите там, — кивнул он в сторону Белого дома, — там засел главный изоляционист». Термин допускал самые различные семантические толкования.

В то самое время, когда печать США затопляли обвинения «изоляционистов» в том, что Рузвельт тащился на поводу у Черчилля, американская делегация руководствовалась на переговорах следующими инструкциями, утвержденными президентом: «Мы не можем позволить себе вручить судьбу нашего государства английскому руководству, да и не нуждаемся в этом... Англичане никогда не упускают из виду свои послевоенные интересы — коммерческие и военные. И мы также должны в конечном счете заботиться о своих собственных интересах»[39].

Рузвельт просмотрел документ, в котором излагались основы американской стратегии в случае вступления США в войну. Он везде вычеркнул слово «союзные» державы, когда шла речь о совместных действиях с Англией, заменив его термином «соединившиеся» государства. Никаких союзнических обязательств!

Конечные выводы совещания, зафиксированные 27 марта в плане ABC-1: враг номер один — Германия, ей следует нанести поражение в первую очередь. На Дальнем Востоке до завершения

кампаний в Европе придется придерживаться стратегической обороиы. Доводы англичан, иастаивавших иа том, чтобы Соединенные Штаты сосредоточили значительиые силы на Тихом океане и помогли в случае необходимости удержать Сингапур, были отвергнуты. Плаи АВС-1 определил глобальную стратегию США и Англии иа всем протяжении войиы.

Президент виимательио изучил как план АВС-1, так и составленный иа его основе план «Рейнбоу-5» для американских вооруженных сил, но ие утвердил их. Но планы ие были отвергнуты, и подготовка пошла в соответствии с ними, с англичанами был иалажеи тесный коитакт по военной лииии. В Англии началась подготовка к строительству американских баз. Рузвельт оставил развязаииыми руки для вынесеиия решеиий о стратегии США, если и когда это потребуется.

Американские военные ие вдавались в тонкости политики, а судили по фактам, которые весной 1941 года представлялись зловещими. Германия господствовала в Западной Европе, вероятно, готовя вторжеиие иа Британские острова. Фашистские подводные лодки бесчинствовали в Атлантике, а Англия зависела от снабжеиия морем. Английский флот мог обеспечить защиту конвоев только иа четверти маршрута — ие хватало кораблей и баз. Немецкие подводные лодки, найдя иепосредственные подступы к Британским островам опасными, перенесли свои операции к западу, собирая обильную жатву.

Командование американского флота, буквальио поняв план АВС-1, один из разделов которого предусматривал эскортирование судов, иачало усиленно готовиться для выполнения этой задачи. 20 марта Ф. Нокс информировал Рузвельта, что иужно иаладить проводку английских судов иа всем протяжеиии пути от Америки до Англии. Для этого флот иаметил перебазирование иа Британские острова кораблей и самолетов[40]. Президент ие счел это своевремеиным.

Адмиралы ие могли знать, что президеит в это время думал о том, как бы связать Германию иа Востоке, отвлечь ее виимаиие и силы от Атлантики. По весие 1941 года Рузвельт и Черчилль проводят серьезную тайную акцию. Доиоваи объезжает Балканы — сиачала ои инспектирует английский фроит в Греции, затем появляется в Софии, где ведет переговоры с царем Борисом, и, накоиец, прибывает в Белград. Посланец Рузвельта изрекает сеитеиции о иеобходимости отпора державам «оси», дает возможность фашистским агентам обыскать его и обозреть иекие документы, сочиненные американо-английскими спецслужбами. Из иих следовало, что США-де поддерживают идею Лондоиа открыть иа Балканах фронт против Германии. Доиован сио-

сится с Рузвельтом шифром, заведомо известным гитлеровской разведке.

В Югославии Донован заявляет о поддержке США патриотических сил, которые отвергали диктат Берлина. По возвращении в США Донован совещается с Рузвельтом и 25 марта произносит речь, которой была придана самая широкая гласность. Речь была написана американскими экспертами "психологической войны". Цель миссии Донована заключалась в том, чтобы подтолкнуть Германию на агрессию против Югославии, погрузить ее в трясину неизбежной партизанской войны на Балканах и тем ослабить фашистский рейх. Действия Донована, замечает У. Стивенсон, «как и было рассчитано, вызвали у Гитлера припадок опасного и безрассудного гнева. Неделю спустя, 6 апреля, германские бомбардировщики обрушились на Белград, объявленный открытым городом. Война началась без объявления. Бомбежкой были уничтожены королевский дворец, университет, больницы, церкви, школы и бо́льшая часть жилых домов. После четырех дней, по германской терминологии, операции «наказание» из-под руин извлекли 24 тыс. трупов, а несчетное количество убитых так и не было найдено.

Эти разрушения явились результатом операции спецслужб, в которой непосредственные потери соизмерялись с долгосрочными выгодами. После войны Белград, хотя и отделенный железным занавесом между коммунистическим и капиталистическим миром, стал «побратимом» Ковентри. Официально заявлялось, что граждане этих пострадавших городов должны работать в мире, несмотря на политические различия, дабы избежать повторения таких бедствий в будущем. Истинное объяснение никогда не предавалось огласке — оба города претерпели бедствия, ибо нельзя было найти альтернатив тайной войне без человеческих жертв». Когда нападение Германии на Югославию и последующая кампания вермахта на Балканах стали явью, Черчилль с удовлетворением пишет Рузвельту: «Стефенсон и Донован выполнили величайшую тайную операцию второй мировой войны»[41]. На то время, разумеется.

Гитлеровский «блиц» на Балканах и успешные действия Роммеля против англичан в Северной Африке предвещали непосвященным новые ужасы: захват Ближнего и Среднего Востока с нефтяными источниками, удар в жизненно важный центр Британской империи. Английские войска терпели поражения. Командование американских вооруженных сил, которое не было в курсе, назовем ее, «восточной стратегии» Рузвельта, крайне серьезно оценило создавшееся положение. Адмирал Р. Тэрнер, выражая взгляды морского министерства, доложил пре

зиденту: к июню англичан изгонят из Средиземного моря, «германская армия направится по морю в Сирию, и тогда конец недалек». Что делать?

16 апреля генерал Маршалл созвал совещание, чтобы выработать единое мнение штаба армии и «разъяснить президенту истинную стратегическую обстановку». Штаб армии, хотя и признал, что страна еще не готова к войне, заключил: «Основываясь на разумном выводе, что рано или поздно Соединенные Штаты вступят в нынешнюю войну, оперативному управлению кажется весьма желательным, чтобы мы вступили достаточно быстро с целью не допустить потери Британских островов или такого существенного изменения в положении английского правительства, которое будет толкать его на умиротворение».

Один из участников совещания, полковник Макнерни, заявил: «Все, что способствует падению Британских островов, ведет к перекладыванию всей тяжести войны на Соединенные Штаты. Нам важно снижать способность Германии вести войну. У нас есть флот, и мы можем кое-что делать. Если мы будем выжидать, дело кончится тем, что мы останемся в одиночестве, и внутренние беспорядки могут привести к появлению коммунизма. Меня могут назвать задирой, но что-то надо делать»[42]. За исключением одного, все участники совещания высказались за раннее открытие боевых действий. Генерал Маршалл доложил мнение командования армии президенту.

Военные, как подобает, рвались в бой. ФДР не утратил хладнокровия. Правительство США ограничилось установлением 18 апреля демаркационной линии между Западным и Восточным полушариями по 26° з. д., примерно на полпути в Европу. Американский флот отныне патрулировал воды западнее этой линии. 21 апреля Рузвельт приказал, чтобы американские корабли, заметив немецкие или итальянские корабли или подводные лодки в пределах этой зоны, следовали за ними, передавая каждые четыре часа в эфир открытым текстом об их местонахождении. Легко представить дальнейшую судьбу любого фашистского пирата, сопровождавшегося таким образом. Атлантику бороздили английские поисковые группы.

В Лондоне ждали большего. В один и тот же день, 4 мая, Гитлер, опьяненный победами на Балканах, выступил с речью в рейхстаге, а Черчилль обратился с посланием к Рузвельту. Фюрер посвятил свою речь почти исключительно нападкам на английского премьера. Объявив его «самым кровожадным стратегом в истории», Гитлер признал за Черчиллем только одно качество — «лгать с благочестивым выражением лица». Фашистский диктатор высказал мнение, что за поражения «в другой стране Черчил-

ля предали бы полевому суду», и заключил: «Ненормальное состояние его рассудка можно объяснить только либо симптомами паралича, либо галлюцинациями алкоголика»[43].

Обращение Черчилля к Рузвельту 4 мая было если не мольбой, то криком души. «Единственное, — внушал он, — что может спасти положение, — немедленное присоединение к нам Соединенных Штатов в качестве воюющей державы... Я заклинаю вас, господин президент, не недооценивать серьезности последствий, к которым мог бы привести крах на Среднем Востоке. В этой войне каждый пост может сыграть роль в обеспечении победы, а сколько таких постов мы еще потеряем? ...Буду с глубоким волнением ждать вашего нового выступления по радио. Оно может явиться важнейшим поворотным пунктом».

Президент не высказался. Рузвельт бездействовал не потому, что не видел опасности, а потому, что знал больше других.

X

Для Черчилля война против Германии была вопросом жизни или смерти Англии, для Рузвельта — только важным эпизодом второй мировой войны, в которой пока не принимали участия три великие державы — США, Япония и СССР. Командование собственных вооруженных сил и Черчилль просили ФДР ускорить вступление Соединенных Штатов в войну. С точки зрения ФДР, было бы непростительным удовлетворить эти мольбы, безвозвратно связав свободу действий США.

Он ожидал нападения Германии на СССР. Сведения «ультра» позволяли уяснить развертывание вермахта, выходившего на исходные позиции. Но не только «ультра».

«Тихий американец» в Берлине С. Вуд сумел оправдать надежды президента. Уже в августе 1940 года он доложил ФДР: гитлеровское руководство на пороге войны против Советского Союза. Действительно, в конце июля 1940 года Гитлер на совещании в Бергхофе познакомил высшее командование германских вооруженных сил со своими планами. «Надежда Англии, — говорил он, — Россия и Америка. Если Россия будет уничтожена, тогда будет устранена со сцены и Америка, ибо уничтожение России чрезвычайно усилит мощь Японии на Дальнем Востоке... Решение: учитывая эти соображения, Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем раньше Россия будет разгромлена, тем лучше»[44]. В начале января 1941 года Вуд переслал в Вашингтон документ, который рассеял все сомнения, — директиву № 21 Гитлера от 18 декабря 1940 г. — «план Барба-

росса». Госдепартамент и ФБР доложили Рузвельту, что считают его аутентичным[45].

Отныне правительство США могло спокойно взирать на Атлантику — гитлеровское руководство, привыкшее бить противников поодиночке, в канун нападения на Советский Союз не ввяжется в конфликт с Соединенными Штатами. Здесь истоки оптимизма Франклина Д. Рузвельта в отношении как безопасности Соединенных Штатов, так и перспектив второй мировой войны в целом. Несомненное в ближайшем будущем нападение гитлеровской Германии на Советский Союз делало вдвойне несвоевременным в глазах Рузвельта вступление США в войну в Европе, как на том настаивали командование американских вооруженных сил и Черчилль.

К весне 1941 года Рузвельт занял моральную позицию противника держав «оси». Он стремился подкрепить ее вооруженной силой, но не Соединенных Штатов, а Советского Союза. Сразу же после того, как Рузвельт узнал о «плане Барбаросса», он предпринимает шаги к некоторой нормализации американо-советских отношений. 21 января 1941 г. Соединенные Штаты отменили «моральное эмбарго» на торговлю с Советским Союзом. Многозначительный признак, хотя практические последствия невелики.

Во время обсуждения ленд-лиза в конгрессе Рузвельт был против поправки о том, чтобы не оказывать помощь Советскому Союзу. «Некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое исключало бы Советский Союз. Однако он был тверд в этом пункте, поскольку уже тогда представлялось если не вероятным, то возможным, что и Россия подвергнется нападению Германии или Японии, а может быть и обеих вместе»[46].

Гитлеровская Германия весной 1941 года представлялась непобедимой, ее удары неизменно оказывались смертельными. В интересах Соединенных Штатов было ослабить и подорвать мощь Германии, следовательно, создать благоприятные условия для тех, кто сражался против вермахта. Эти соображения и побудили правительство США в марте 1941 года предупредить Советское правительство о готовившемся нападении Германии. Это решительно ничего не стоило Вашингтону, а моральное осуждение Рузвельтом нацистской агрессии, рассудил он, сольется с вооруженной борьбой советского народа против фашистского нашествия.

Этого мало. Вашингтон заботился о том, чтобы поход Гитлера на Восток не сорвался. С. Уэллес благочестиво предупреждал советского полпреда о предстоящем нападении Германии, а

американские спецслужбы тем временем снабжали германское посольство в Вашингтоне «стратегической» дезинформацией: «Из очень надежного источника стало известно, что СССР намеревается пойти на новую военную агрессию, как только Германия будет связана крупными военными операциями на Западе»[47]. Эта провокация не могла быть совершена без санкции правительства США.

Имея в перспективе германо-советскую войну, Рузвельт и предпринял известные нам действия в Атлантике. Он правильно рассчитал — со стороны Германии не последовало ответных действий. Гитлер, занятый подготовкой похода на Восток, пока оставил Соединенные Штаты в покое и запретил нападать на американские суда. 10 апреля произошло первое столкновение: американский эсминец безрезультатно сбросил глубинные бомбы на немецкую подводную лодку. Командование германского флота неоднократно просило Гитлера разрешить принять ответные меры. Гитлер ответил, что считает «позицию президента США все еще неопределенной. Нельзя допустить никаких инцидентов, которые могут повлечь за собой вступление США в войну».

С весны Рузвельт повел себя чрезвычайно загадочно. Он бросил немало резких слов в адрес держав фашистской «оси». Было бы разумным предположить, что за ними последуют дела. Однако Рузвельт не только замолчал, но никак не реагировал на внушения своих советников, что времена, когда было достаточно «любой помощи, за исключением войны», канули в прошлое.

На 14 мая падало традиционное выступление президента по случаю «панамериканского дня». Его напряженно ждали. Распространялись самые разнообразные слухи о том, что может сказать ФДР, — он молчал уже около двух месяцев. Накануне «панамериканского дня» С. Эрли от имени Рузвельта сообщил журналистам, что не следует придавать особого значения речи — предстоит рутинное выступление. Неожиданно Рузвельт отменил и его, сказавшись больным. Позволительно высказать догадку — нападение на Советский Союз по первоначальному варианту «плана Барбаросса» было назначено на 15 мая 1941 г...

«В эти дни середины мая, — вспоминал Р. Шервуд, — Рузвельт проводил много времени в постели и редко заглядывал в свой рабочий кабинет. Он сказал, что это одно из самых упорных простудных заболеваний, какие он когда-либо переносил. Однажды после долгой беседы с ним у него в спальне я вышел и сказал Мисси Лихэнд: «Мне кажется, что у президента хороший вид. Он не кашлял, не чихал и даже не сморкался ни разу, пока я был там, и выглядел прекрасно. Что с ним на самом деле?» Мис-

сн улыбнулась н сказала: «Больше всего он страдает от своей раздражительности...»

Мало кому разрешалось видеть президента в зти днн. В Вашингтоне многне высокопоставленные лица проявлялн нервозность, недоумевая о причинах такой недоступностн н задаваясь вопросом, какой курс возьмет президент, когда покончит со своим затворничеством. Те нз нас, кто в зто время находился в Белом доме, испытывалн на себе чрезвычайно лестное внимание должностных лиц, надеявшихся на то, что мы можем что-нибудь передать ему лнбо только обратить вниманне на какойннбудь меморандум, уже, видимо, лежавший в его корзине для входящих бумаг. Я докладывал Гопкинсу о просьбах, казавшихся мне наиболее важными, с которыми обращалнсь даже ко мне. Каждый раз он говорил мне: "Забудьте об зтом!"»[48].

Рузвельт ждал. А обстановка продолжала оставаться неопределенной. В Англию прилетел Гесс, английское правительство вело с ним какне-то переговоры. Немецкне парашютисты высадилнсь на Крите, возможно пробиваясь на Ближний Восток. 24 мая пришлн известия, что германский линкор «Бнсмарк», считавшийся самым мощным кораблем в мире, вырвался на просторы Атлантики. О целях его рейда строились самые сенсационные предположения. Не нсключалн появления линкора в Карибском море.

Президент мучительно обдумывал, что можно сделать. Он сидел в Овальном кабинете, размышляя вслух: еслн приказать американскому флоту потопить «Бнсмарк», то последует лн нмпичмент? В Белом доме со дня на день ожидалн, что Ч. Линдберг потребует открытого мятежа протнв правительства. 26 мая английские корабли обнаружилн н отправили на дно «Бнсмарк». Рузвельту немедленно сообщилн радостное известне. Он сказал об зтом сидевшим в кабинете, н «в его голосе не могло быть больше удовлетворения, как еслн бы он сам выпустил торпеду», заметил Розенман. Примерно через сорок лет стало известно, почему так радовался президент: «Бнсмарк» обнаружил н навел на него английские корабли патрульный самолет, пилотнруемый американским зкипажем.

Вечером 27 мая Рузвельт наконец произнес отложенную речь. Он занял место за маленьким столом, на котором стоялн микрофоны, в восточном зале Белого дома. На неудобных позолоченных стульях устроилнсь дипломаты с супругами — онн явнлнсь на прнем, а угощают длинной речью! Стояла удушающая жара, гости ерзалн и не выражалн заметного восторга — президент обращался не к ним, а к народам мира. Вокруг Белого дома в полумраке бродилн мрачные фигуры — «изоляционнсты» пике-

тировали резиденцию президента, вооруженные плакатами с призывами не допустить вступления в войну.

Речь 27 мая была примечательной во многих отношениях — ФДР не упомянул ни о Советском Союзе, ни о Японии. Раньше он широко пользовался словом «диктатура», теперь ограничился ссылками на «ось». Наконец из числа стран, упомянутых в проекте речи, над которыми, по словам президента, «опустилась ночь», была исключена в окончательном тексте Финляндия.

Президент заверил, что Соединенные Штаты окажут помощь всем, кто «силой оружия сопротивляется гитлеризму или его эквиваленту». Того требует национальная безопасность США. «Теперь, — говорил он, — мы знаем достаточно и понимаем, что было бы самоубийством ожидать появления нацистов на нашем парадном дворе. Если враг нападет на вас в танке или самолете, а вы не открываете огонь до тех пор, пока не различите цвета его глаз, вы не узнаете, кем убиты. Наш Банкер-Хилл (место под Бостоном, где в 1775 г. произошло сражение. — *Н. Я.*) завтра может оказаться в нескольких тысячах миль от Бостона».

Президент объявил о введении в США «неограниченного чрезвычайного положения».

Выслушав выступление президента, гости ринулись в сад. Рузвельт остался лицом к лицу с толпой кинооператоров. Вспыхнул ослепительный свет, вновь зазвучал его голос — он повторял наиболее внушительные фразы для кинохроники. Затем президент уединился с родственниками и немногими гостями. Популярный композитор И. Берлин развлекал их игрой на рояле и пел.

На следующий день на пресс-конференции ФДР небрежно отмахнулся от вопросов о том, собирается ли он изменить закон о «нейтралитете» и отдать приказ о конвоировании судов в Атлантике. Казалось, мелодии Берлина полностью изменили настроение президента. Он был легкомыслен и благодушен. Впечатление от сурового выступления начисто рассеялось. Гопкинс и другие не могли понять президента. Рузвельт знал, что страна горячо откликнулась на его речь 27 мая. Общественное мнение далеко обогнало президента. Никто не мог взять в толк, почему Рузвельт не подкрепляет слова делами.

В наши дни причины ясны. Как писал Р. Даллек в 1979 году, «хотя Рузвельт был готов бросать риторические вызовы Берлину — "мы не уступим и не собираемся уступать", он не желал делать ничего, что могло бы заставить поставить вопрос о войне внутри страны или изменить планы Гитлера напасть на Советский Союз»[49]. За непроницаемым фасадом Белого дома шла напряженная работа; уточнялась и согласовывалась политика США после нападения Германии на Советский Союз, шел обмен шиф-

рованными телеграммами с Лондоном. Государственный департамент сформулировал политику США в этом случае так: «А. Мы не предпримем никаких шагов к сближению с Советским Союзом. В. Если Советское правительство предпримет такие шаги, мы отнесемся к этому сдержанно... С. Наша политика заключается в том, чтобы не идти на уступки Советской России, которые она может предложить с целью улучшения американо-советских отношений. Если же мы пойдем на них, то потребуем компенсаций в полном объеме»[50]. 14 июня точка зрения госдепартамента была сообщена Лондону.

15 июня Черчилль пишет Рузвельту, что «в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию». Черчилль указывал, что Англия окажет «русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нужно разбить, — Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-советский конфликт не создаст для вас никаких затруднений». 21 июня госдепартамент доложил правительству: «Тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает защиту им борьбы за или согласие с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы»[51]. Руководители американской дипломатии крайне сдержанно отнеслись к возможности оказать материальную помощь СССР.

Однако голос профессиональной дипломатии не всегда учитывался ФДР. Президент вел дела в обход госдепартамента; Гопкинса стали называть «личным министерством иностранных дел Рузвельта». Переписка между Рузвельтом и Черчиллем шла через Гопкинса. Хэллу зачастую приходилось довольствоваться, хотя он никак не мог привыкнуть к этому, копиями документов с лаконичной пометкой Гопкинса «направляется для Вашего сведения». Внешняя политика стала в значительной степени личным делом президента.

Рузвельт не доверил телеграфу свой ответ Черчиллю, а вызвал американского посла в Англии Вайнанта, находившегося тогда в США, и приказал ему немедленно вылететь в Лондон. Рузвельт поручил послу передать Черчиллю, что немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника». Вайнант 20 июня вылетел в Лондон на бомбардировщике. Он считал поручение настолько срочным, что, когда в начале полета над Атлантическим океаном сдал один из моторов, приказал не поворачивать назад.

В этот же день Рузвельт направил послание конгрессу по поводу потопления немцами первого американского торгового суд-

на «Робин Мур» (ФДР не хотел выступать с речью). Он декларировал решимость США. К чему? Он вновь отклонил предложение нескольких членов правительства приступить к зскортированию судов в Атлантике.

21 июня адмирал Редер взывал к Гитлеру: «Твердые меры более эффективны, чем уступчивость». Гитлер в принципе согласился, однако указал: «До тех пор, пока успешно не развернутся операции по "плану Барбаросса", нужно избегать любых инцидентов с США. Обстановка прояснится через несколько недель». Германскому флоту и авиации подтвердили приказ не нападать на американские корабли.

XI

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на нас. Первая мысль Гопкинса: «Политика поддержки Великобритании президента окупила себя. Гитлер повернул налево». Так вот оно что! Вот и прояснился скрытый смысл заявлений Вашингтона, что Англия – первая линия обороны Соединенных Штатов!

Черчилль в тот же день выступил по радио с заявлением, что Англия поможет СССР, исходя из принципа, объясненного им накануне вечером доверенным: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин». Рузвельт также объяснил в письме бывшему послу в Москве Дж. Дэвису: «Ни я, ни вы не приемлем коммунизм, но чтобы перейти мост, я протяну руку дьяволу»[52].

В Вашингтоне 23 июня и. о. государственного секретаря С. Уэллес огласил правительственное заявление: «Для Соединенных Штатов принципы и доктрины коммунистической диктатуры столь же нетерпимы и чужды, как принципы и доктрины нацистской диктатуры...»

По мнению правительства США, «любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускоряет конец нынешних германских руководителей и тем самым способствует нашей собственной обороне и безопасности». Рузвельт, утвердивший заявление, приписал заключительную фразу: «Гитлеровские армии – сегодня главная опасность для Американского континента».

В тот же день, сообщает биограф Гопкинса, правовед О. Кокс, привлекавшийся Гопкинсом для дачи рекомендаций по самым сложным юридическим вопросам, представил ему «пространный меморандум, подчеркивая, что помощь России по ленд-лизу

соответствует закону, указывающему — помощь предоставляется «любой стране, оборону которой президент сочтет важной для обороны США». Помощь, следовательно, могла предоставляться России. Но оставался вопрос — будет ли это сделано»[53]. Пока не было сделано.

24 июня Франклин Д. Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что Соединенные Штаты окажут помощь СССР, однако приоритет в получении ее останется за Англией. Он отказался ответить на вопросы, является ли оборона СССР «важной» для США и будет ли распространен на него ленд-лиз.

Вооруженная схватка Германии с Советским Союзом вызвала всеобщее облегчение в США, хотя разные группировки извлекли из нее различные выводы.

«Изоляционисты» громогласно требовали, чтобы США остались целиком и полностью в стороне от германо-советской войны. Сенатор Кларк сообщил: «Речь идет всего-навсего о грызне собак.., нам нужно заниматься своими делами». У. Буллит предложил американцам рассматривать конфликт как битву «между Сатаной и Люцифером». «Бог мой! — восклицал сенатор Х. Джонсон с трибуны сената, — неужели мы падем так низко, что будем выбирать между двумя разбойниками?» В основе этой позиции лежал антикоммунизм. Сенатор Тафт откровенно заявил: «Победа коммунизма в мире более опасна для США, чем победа нацизма». 25 июня вашингтонская «Таймс геральд» цинично писала, что в случае победы Советского Союза «рухнет вся структура контролируемой Гитлером Европы и не останется ничего, что может сдержать коммунизм в пределах России».

Однако ведущие органы печати не разделяли эту точку зрения. 25 июня «Нью-Йорк таймс» указывала: «Нет никаких сомнений в том, что быстрая и полная победа Германии в России явится громадной катастрофой для Англии и Америки... США окажутся под угрозой с двух океанов». «Нью-Йорк геральд трибюн» 10 июля: «Если США останутся в стороне от германо-советской войны, то это будет выгодно только Гитлеру, ибо, провозглашая, что он руководствуется только антикоммунизмом, фашистский диктатор стремится вызвать "паралич воли" в США».

В капитальной работе «Слава и мечта» У. Манчестер в наши дни обратился к исследованию именно этого аспекта, заметив: Гитлер «полагал, что новое вторжение не будет непопулярным в США». Оно не было. Журнал «Тайм», вероятно, выразил отсутствие привязанностей у среднего американца, указав: «Подобно двум гигантским доисторическим чудовищам, выползшим из болота, подслеповатые и хищные, две великие тоталитарные дер-

жавы вцепились в глотку друг другу». Едва ли рядовой американец не испытывал «привязанностей», как на том настаивает У. Манчестер[54]. Опрос общественного мнения показал: 72 процента высказались за победу СССР, 4 процента — за победу Германии, 17 процентов не видели разницы, остальные промолчали. Мужественные защитники демократии — американские коммунисты 29 июня обратились к стране с заявлением: «Давайте защитим Америку оказанием всесторонней помощи Советскому Союзу, Великобритании и всем народам, сражающимся против Гитлера».

Но как же с практической политикой? В «Нью-Йорк таймс» 24 июня появилось заявление сенатора Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах». Отражало ли заявление эксцентричные взгляды сенатора или виды Вашингтона?

Ответ на этот вопрос дает анализ большой стратегии США. Только на этих путях можно понять мотивы политики Рузвельта в отношении Советского Союза с началом Великой Отечественной войны.

После 22 июня 1941 г. в войне оказались все великие державы мира, за исключением Соединенных Штатов и Японии. Официально сохранявшие нейтралитет США связывали свою судьбу с антигитлеровской коалицией, а Япония — с державами «оси». Сроки их вступления в войну прямо зависели от развития гигантского военного конфликта на востоке Европы. В Вашингтоне не питали ни малейших иллюзий относительно позиции Японии, руководители американского правительства знали и о том, что милитаристские группы в Токио торопили с открытием боевых действий, хотя так и не могли решить, какому направлению агрессии отдать предпочтение: против СССР или в сторону стран Южных морей. Конечное решение японских милитаристов зависело — и в этом ясно отдавал себе отчет Рузвельт — от результатов гитлеровского «блицкрига» против Советского Союза.

Американское правительство стремилось избегнуть вовлечения в боевые действия в Европе, чтобы иметь руки свободными. Ясное осознание этого в Токио должно было отбить охоту у японских милитаристов посягать на интересы США на Дальнем Востоке и Тихом океане. Агрессия Японии была бы направлена против других государств. В конечном счете все крупнейшие державы мира оказались бы ввергнутыми в войну, а Соединен-

ные Штаты остались бы вне военного пожара, оказывая помощь противникам держав «оси», но формально — нейтральной страной. Такой исход дал бы возможность продиктовать впоследствии лежащему в развалинах миру свою волю. Оставалось претворить заманчивые планы в жизнь, а для этого — четко определить политику в отношении войны в Европе и оценить ее вероятные последствия для Японии. Летом и осенью 1941 года в Вашингтоне разгорелся яростный спор.

Командование американских вооруженных сил, ожидавшее скорого поражения СССР, считало, что Соединенные Штаты не должны упускать драгоценное время, пока силы вермахта отвлечены на Восток, и без промедления вступить в войну. Не прошло и двух суток после нападения Германии на СССР, как к президенту явился главнокомандующий ВМС США адмирал Старк и потребовал санкции на эскортирование американскими кораблями судов, следующих в английские порты. Это, предупредил Старк, «наверняка вовлечет нас в войну, но я считаю каждый день проволочки с вступлением в нее опасным». Старка поддержал морской министр Нокс, который писал 24 июня президенту: «Гитлер нарушил собственное решение не воевать одновременно на двух фронтах. Наиболее компетентные люди считают, что Гитлеру понадобится от шести недель до двух месяцев, чтобы расправиться с Россией. На мой взгляд, мы не можем упустить этих трех месяцев, не нанеся сильнейшего удара, и чем быстрее, тем лучше». Не менее энергично высказался военный министр Стимсон, настаивавший: «Нам нужно действовать быстро и преодолеть первоначальные трудности, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины». Министр внутренних дел Икес предложил Рузвельту без промедления ввести эмбарго на вывоз нефти в Японию, что «даст возможность не только эффективно, но и легко вступить в эту войну... Если мы не сделаем этого сейчас, то, когда придет наш черед, мы не будем иметь в мире ни одного союзника». Все эти рекомендации были отвергнуты Белым домом.

С началом войны Германии против Советского Союза Рузвельт реализовал иные уже подготовленные планы. Калека, прикованный к креслу, гордился превосходством интеллекта над грубой силой. Глубокая вера в бога ФДР ставила суетную гордость на прочное библейское основание: вечен чистый разум и преходяща плоть. Пусть дерутся многомиллионные армии и реками течет кровь, врученная ему всевышним страна «бога и моя» не может и не должна пасть до их уровня. Американская стратегия в представлении ФДР состоит в том, чтобы формировать развитие событий в мире, а не следовать за ними, толкая

противников и поощряя союзников на действия в высших интересах Вашингтона. Речь шла куда о большем, чем о выигрыше войны чужими руками. То был первый этап, конечная цель заключалась в том, чтобы этими руками добыть для США первое и исключительное место в мире.

Гласность убила бы описанный образ действий. Тут проявилась вторая сторона натуры ФДР, удачно схваченная в заголовке книги Дж. Бариса: «Рузвельт: лев и лисица». Коротко говоря, сразу после нападения Германии на СССР ФДР оформил уже накопленный значительный потенциал для тайных операций, учредив 11 июля 1941 г. Управление координатора информации. Так возникла исполинская сверхтайная организация. Переименованная вскоре в Управление стратегических служб (УСС), она насчитывала в годы войны до 30 тыс. сотрудников. Он помнил о «мозговом тресте», интеллектуальном двигателе «нового курса». Тогда ученые внесли неоценимый вклад в политику. УСС и строилось как гигантская, если угодно, академия тайной войны. Лучшие умы в академическом мире США были привлечены в него. В результате «мозг» УСС занимал половину ее «туловища»: из 30 тыс. сотрудников 15 тыс. – ученые. Ни госдепартамент, ни Пентагон никогда не имели такого интеллектуального потенциала.

По приказу Рузвельта УСС, формально подчиненное комитету начальников штабов, должно было «собирать и анализировать стратегическую информацию, планировать и проводить тайные операции». Последние определялись так: «Любые меры.., предпринимаемые для того, чтобы навязать врагу нашу волю иными, не военными средствами». УСС было личным инструментом Ф. Рузвельта для достижения его целей методами, ведомыми только ему[55]. Как именно это делалось, по большей части неизвестно, вплоть до сегодняшнего дня, есть только случайные факты.

Война Германии против Советского Союза развязала руки американским спецслужбам в отношении нацистской агентуры. Период ограничения их деятельности пришел к концу. Длительное наблюдение дало доказательства, что американский нефтяной магнат У. Дэвис создал разветвленную сеть в Западном полушарии с целью снабжения немецких подводных лодок и даже подготовки баз для них и люфтваффе. Он получил из Германии значительные суммы на пропаганду, чтобы удержать США вне войны. Итог: «В расцвете сил, в возрасте 52 лет Уильям Родс Дэвис неожиданно скончался. Причина смерти – «внезапный сердечный приступ». ФБР пресекло расследование причин смерти»[56]. С рядовыми нацистскими агентами поступали проще – их

уничтожали без следствия и суда. Стандартное объяснение — «отбыл в Канаду». Рузвельт был хорошо осведомлен об этой практике.

9 июля 1941 г. Рузвельт отдал директиву изучить «немедленно общие производственные потребности, которые необходимы для нанесения поражения нашим потенциальным врагам». С июля по сентябрь высшие военные и гражданские ведомства в Вашингтоне занимались разработкой «Программы победы». Генералы доказывали, что Соединенным Штатам необходимо скорее поднять оружие против европейских держав «оси». В тщательно разработанных документах американские штабы указали, что силы Германии будут убывать в войне с СССР примерно до середины 1942 года, а затем СССР «станет практически бессильным». Тогда Германия, консолидировав свои захваты, усилится и к середине 1943 года будет непобедимой, возникнет смертельная угроза для Западного полушария. Американский генералитет считал, что без участия США в войне европейские противники Германии не смогут нанести ей поражение.

Формулируя окончательные выводы, генерал Маршалл и адмирал Старк 11 сентября доложили президенту: «Мы должны быть готовы воевать с Германией, вступив в боевое соприкосновение с ее силами, и решительным образом сломить ее волю к борьбе... Авиация и флот внесут свой важный вклад, однако для того, чтобы сблизиться с врагом и уничтожить его в собственной цитадели, нужны эффективные и достаточные вооруженные силы». Штабы предложили создать для этой цели восьмимиллионную армию, 215 дивизий, включая 61 танковую.

Предложения военных шли вразрез с планами Рузвельта, он не разделял пессимистических оценок относительно способности СССР выстоять перед лицом фашистского нашествия. «Ультра» вводили его в курс дела с позиций Берлина. Чтобы бросить на войну взгляд из Москвы, Рузвельт в конце июля 1941 года направил в СССР Гопкинса, который 30–31 июля вел переговоры с Советским правительством. Посланец Рузвельта убедился в громадных силах СССР. Во время переговоров решили провести в Москве трехстороннюю конференцию для уточнения вопросов взаимной помощи.

Гопкинс подтвердил то, во что уже верил президент, — Советский Союз удержит фронт. Поэтому ФДР вдвойне не видел необходимости бросаться в войну. Он, разумеется, не мог не разделять мнения Маршалла и Старка, изложенного 11 сентября: «Половинчатый мир между Германией и ее нынешними активными противниками, очевидно, дал бы Германии возможность реорганизовать континентальную Европу и пополнить свои силы.

Даже в том случае, если Британское содружество наций и Россия потерпели бы полное поражение, у Соединенных Штатов имелись бы серьезные основания продолжать войну против Германии, несмотря на значительно возрастающую трудность достижения полной победы». Однако конечные цели войны, предложенные генералитетом, не подходили. Маршалл и Старк считали, что США должны вести войну в интересах «создания в конечном счете в Европе и Азии баланса сил, который вернее всего обеспечит политическую стабильность в этих районах и будущую безопасность США».

С точки зрения Рузвельта, военные не могли выйти за жесткие рамки профессионального мышления. Они рассуждали в пределах привычных категорий. Рузвельт смотрел дальше и никак не мог согласиться с тем, что после войны мир, в сущности, останется прежним. Он мечтал о полном и неоспоримом торжестве Соединенных Штатов. Поэтому ни цели, ни методы, предложенные штабами, не устраивали президента. ФДР по очень понятным причинам не формулировал точно, к чему он стремился, однако избранный им образ действий — политика «арсенал демократии» — достаточно ясно указывает, куда были устремлены его помыслы в критический 1941 год.

Президент считал, что основная задача Соединенных Штатов — помощь вооружением и снаряжением противникам держав «оси», а не участие в войне. Поскольку на Советском Союзе лежало основное бремя военных усилий в коалиционной войне, постольку советско-германскому фронту следовало оказать поддержку. 30 августа Рузвельт отдал директиву военному министру: «Я считаю делом первостепенной важности для безопасности Америки, чтобы вся возможная в разумных размерах помощь была оказана России». И далее: «Ресурсы военной экономики США и их союзников в достаточной степени превосходят имеющиеся у держав оси, что само по себе обеспечивает поражение последних».

Директива Рузвельта вызвала значительное замешательство среди американских военных: исходя из «Программы победы», они уже рассчитали, что 80 процентов военного производства США пойдет на собственные нужды, а 20 процентов — на помощь другим государствам. Стало ясно, что американская армия не может быть развернута в предложенных размерах. Начальник оперативного управления штаба армии генерал Джероу не мог не излить своего раздражения. Он заметил по поводу директивы ФДР: «Было бы глупо предполагать, что мы можем побить Германию простым превышением продукции». Но не Джероу, а Рузвельт был главнокомандующим. 22 сентября на засе-

дании в Белом доме было решено начиная с марта 1942 года передавать бо́льшую часть вооружения, производимого в США, противникам гитлеровской Германии. Политика Рузвельта «арсенал демократии» восторжествовала. Он выполнил первую часть своего замысла — собирался воевать чужими руками.

Недовольный Стимсон поставил под сомнение тезис президента, что роль США в войне должна ограничиться «предоставлением вооружения, транспортных средств и помощи флотом». 23 сентября в меморандуме президенту он сослался на мнение командующих и вновь подчеркнул: «Если США не примут участия в войне, Англия и ее союзники не смогут нанести поражение Германии, а сопротивление Англии не будет бесконечным, какие бы усилия в области промышленного производства мы ни приложили»[57]. Новое обращение военного министра осталось без внимания.

Рузвельт, уже наметивший, как ему казалось, верный путь остаться в стороне от войны в Европе, полагал, что это решит и другую задачу — предотвратит вооруженное столкновение США с Японией.

XII

Отношения с Японией приобрели первостепенное значение в глазах Рузвельта не потому, что Империя Восходящего Солнца могла поставить под угрозу существование Соединенных Штатов, а потому, что японо-американская война неизбежно сорвала бы его замысел — остаться пока вообще в стороне от вооруженной борьбы. Короче говоря, речь шла не о предотвращении войны на Тихом океане, а о том, чтобы Соединенные Штаты получили возможность выждать во второй мировой войне.

То была необычайно трудная задача. Однако Рузвельт, по-видимому, не считал ее невыполнимой. В самом деле, победы держав «оси» в Европе привели к тому, что колониальные владения Франции и Голландии в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане остались без «хозяев». Англия не могла выделить сколько-нибудь значительных сил для защиты своих колоний. Японские милитаристы не встретили бы особых затруднений в своей агрессии против стран Южных морей. «Изоляционисты» настаивали, что это очень далеко от США. Сенатор Тафт выразил уверенность, что ни одна мать в Америке не хочет, чтобы ее сын умер «за какое-нибудь место с непроизносимым названием в Индокитае».

Пока силы СССР ие были скованы иа Западе, японские милитаристы проявлялн осмотрительиость. Токийскне политикн весной 1941 года ие вняли увещеваниям гнтлеровского руководства, предлагавшего им в общих интересах держав «оси» иаиести удар на юге, связав Соединенные Штаты н Англию иа Тихом океаие. Германо-советская война решительным образом измеиила положение Японии, н в Токио иачалась отнюдь не академическая дискуссия о том, где, когда и против кого открыть военные действия.

Тройственный пакт, подписанный Германней, Италией н Япоиией в сентябре 1940 года, окончательно определил ее место — в лагере держав «оси». Одиако японские милитаристы преследовали в агрессивиом союзе собственные целн: они хотели добиться большего с наименьшим риском. В коице июня 1941 года япоиское правительство, рассмотрев обстановку в мире, пришло к выводу, что следует захватить страны Южных морей, то есть пойти иа войну с США и Англией. Что касается давио подготавливавшегося похода на север, против Советского Союза, то в Токио отложили его до того момеита, когда военные пораження иа Западе ослабят СССР. Таково было принципиальиое решеиие правящей верхушкн страны. Пока в соответствии с ним завершалась воеиная подготовка, правительство Коноэ продолжало переговоры с Соединенными Штатами.

Все эти обстоятельства были отлично нзвестны Ф. Рузвельту. Америкаискне криптографы с августа 1940 года читали телеграммы из Токно дипломатическим представителям, аккредитоваиным в других странах. «К 1941 году, — отмечается в специальиом нсследовании, — материалы "чуда" (т. е. дешифрованные докумеиты) требовали иа самом высшем уровие. Этот нсточник стал постоянным н важным фактором в разработке американской политикн. Хэлл рассматривал "чудо" как "свидетеля, дающего показания против себя"»[58]. В интересах сохранеиия тайны был строго ограничеи круг получателей сверхсекретиой информации от «чуда»: президент, государственный секретарь, командование вооружеиных сил. Остальные члены кабинета не имели ии малейшего представлеиия о «чуде».

Зиая планы япоицев, Рузвельт мог с большей уверенностью рассчитывать свон шаги. С намереиием япоиского правительства вступить в войну ничего нельзя было поделать. Для Токио то был вопрос решенный. Однако Рузвельт ие считал иевозможным повернуть развитие событий так, чтобы Япоиия ие подняла оружие против Соединенных Штатов, а лнбо ввязалась в войну с Англией, либо, что предпочтительнее с точкн зрения классовых интересов, иапала на Советский Союз. Или скажем по-другому:

США билнсь за то, чтобы занять последнее место в очереди великих держав на войну. К этому н сводилнсь маневры амернканской внешней политнкн, а поскольку она находилась в руках президента, то была личная дипломатия Франклина Д. Рузвельта.

После нападения Германии на СССР он попытался добыть для США искомое последнее место, действуя и через Москву. С нзданием в 1984 году двухтомной публикацин МИД СССР о советско-американских отношениях в 1941–1945 годах прояснилнсь усилия ФДР в этом иаправлеиии. Уже 3 июля 1941 г. советский посол К.А. Уманский пришел к Уэллесу по "срочному вызову". США на основанни "достовериой информацнн" предупреждали о скором нападеннн Японнн на СССР. 8 июля Москва поручает послу: "Недавнее заявленне Уэллеса о желательностн избежания новых коифликтов в Тихом океаие не обязательно будет понято Японней как предупрежденне против конфликта в прилегающих к нам водах н на материке. Спросите Рузвельта, не считает лн он, что более явным н решнтельным заявлением, высказанным публично илн в дипломатическом порядке непосредственно японскому правительству, Рузвельт мог бы значительно уменьшить шансы выступления протнв Япоиин".

10 июля посол спросил. "Рузвельт, – доложил он в Москву, – нзбежал ответа по вопросу об американском предупреждеиии Японии". Но с большим воодушевленнем ФДР нарнсовал картину: "Я надеюсь, что ваша авиация выберет хороший, ветреный день н засыплет картонные города Японин доброй порцней зажигательных бомб... Не сомневаюсь в вашем воздушном превосходстве над японцамн". Еще президент сообщил о своем "преклонении перед героизмом наших бойцов", заверил, что США будут оказывать СССР помощь. Подвинуть Москву в опнсанном направлении нн тогда, нн позднее, естественно, не удалось, посему ФДР сосредоточил усилия на Токно.

Еще с коица 1940 года шлн секретные японо-американскне переговоры. Правительство Коноэ домогалось, чтобы Соединенные Штаты признали япоиское господство на Дальнем Востоке н в западной части Тихого океана. Непомерные требования Токно с самого начала обрекалн переговоры на неудачу. Тем ие менее Рузвельт продолжал их. Американская сторона приглашала Японию прнсоединиться к абстрактно прекрасным принципам международных отношений: уважать суверенитет всех стран, не вмешиваться в нх внутреннне дела, признать равенство экономических возможностей, не нзменять статус-кво на Тихом океане иначе как мирнымн средствамн. И это тогда, когда Япония уже четвертый год вела войну в Китае н постепенно заглатывала Индокитай!

Рузвельт имел под рукой очень сильное средство давления — экономические санкции. Япония располагала крайне ограниченной сырьевой базой, прекращение импорта стратегических материалов и нефти из США могло довольно быстро сорвать ее военные приготовления. Разумность снабжения Японии материалами для войны ставилась под сомнение еще с конца 30-х годов. Когда же разразилась вторая мировая война, продолжение этой политики представлялось абсурдным. Во всяком случае, так рассудил Икес.

В начале 1941 года министр получил еще один пост — главы управления по распределению горючего для целей национальной обороны. Икес, узнав, что в Японию отправляется нефть и бензин, возмутился. Во второй половине июня он своей властью ввел эмбарго на вывоз горючего в Японию из портов Атлантического побережья и Мексиканского залива. Рузвельт, отменив приказ, осведомился: будет ли он за эмбарго, если «введение его нарушит непрочное равновесие на чашах весов и побудит Японию выбирать между нападением на Россию и Голландскую Индию?» Министр не знал о «чуде» и не постиг логики президента. Верный своей обычной тактике в спорах с президентом, Икес послал ФДР прошение освободить его от забот по распределению горючего.

ФДР не принял отставки, туманно объяснив Икесу: «Речь идет не об экономии горючего, а о внешней политике, которой занимается президент и под его руководством — государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и совершенно секретны. Они неизвестны и не могут быть полностью известны вам или кому-нибудь другому, за исключением двух указанных лиц. Они оба — президент и государственный секретарь — полностью согласны в отношении экспорта нефти и других стратегических материалов, зная, что в настоящих условиях, как они им известны, данная политика наиболее выгодна Соединенным Штатам». Икес все еще ничего не понимал, тогда в новом письме ему от 1 июля ФДР приоткрыл, только немного, покров тайны.

«Мне кажется, — писал Рузвельт Икесу, — что вам будет интересно знать: последнюю неделю япошки дерутся между собой насмерть, пытаясь решить, на кого прыгнуть: на Россию, в сторону Южных морей (тем самым окончательно связав свою судьбу с Германией), или они будут продолжать «сидеть на заборе» и более дружественно относиться к нам. Никто не знает, какое решение будет принято в конечном счете, но, как вы понимаете, для контроля над Атлантикой нам крайне необходимо сохранить мир на Тихом океане. У меня просто не хватает флота, и

каждый небольшой инцидент на Тихом океане означает сокращение числа кораблей в Атлантике»[59].

Уступчивая позиция США в экономических вопросах поощряла японских милитаристов. Они становились все более дерзкими, расценивая политику США как трусость перед державами «оси». В двадцатых числах июля 1941 года японские войска полностью оккупировали Французский Индокитай. Это вызвало крайнее раздражение Рузвельта — японская агрессия развивалась не в том направлении, в котором ожидали в Вашингтоне. От Южного Индокитая рукой подать до американских владений.

25 июля ФДР объявил об эмбарго на торговлю с Японией и о замораживании ее активов в США. Внешне очень впечатляющий жест, однако речь шла не о полном прекращении торговли, а о сведении ее до уровня 1935—1936 годов. «Итак, — комментировал Икес в своем дневнике, — мы снова дурачим страну». Коноэ, однако, оробел и попытался вырвать у США уступки дипломатическим шантажом. Он предложил Рузвельту провести личную встречу.

Рузвельт спланировал совершенно другую встречу. К концу июля в вашингтонских кругах стали распространяться слухи о том, что президент страшно устал от дел. Он отдыхал, и корреспонденты своевременно информировали: проводил субботу и воскресенье в Гайд-парке. Там ничто не напоминало о войне, за исключением пары часовых у входа в усадьбу. В Гайд-парке президент днем проводил время с семьей и друзьями, вечерами читал детективы, играл с Фалой. 2 августа Белый дом сообщил, что Рузвельт отправился ловить рыбу на яхте «Потомак» на десять дней, а чтобы ему не надоедали, маршрут яхты сохраняется в тайне. Иные были склонны считать, что Рузвельт встретится с Коноэ.

3 августа яхта с ФДР на борту вышла из Нью-Лондона, штат Коннектикут, и исчезла в Атлантике. В газетах печатались полушутливые коммюнике о времяпрепровождении ФДР. Согласно им, он и экипаж яхты отдыхали, загорали, ловили рыбу, наслаждались морским воздухом. Чтобы окончательно сбить с толку любопытных, секретная служба устроила так, что яхта президента прошла через канал Кейп-Код. Целый день судно следовало по каналу, на палубе на видном месте сидел человек, похожий на ФДР и одетый, как он. В действительности же 4 августа в открытом море Рузвельт пересел на крейсер «Огаста», где к нему присоединились начальники штабов и С. Уэллес.

Утром 9 августа необычайное оживление царило в обычно тихом заливе Арджентия на Ньюфаундленде. Несколько крупных военных кораблей, среди них «Огаста», над головой рев мо-

торов — американские самолеты патрулнровалн воздух. На носу «Огасты» группа лиц. Впереди в кресле Рузвельт, за ним стояли воениые, в том числе его сыновья Эллиот н Франклин, единственный в штатском — Уэллес. Ждали Черчилля. Британский премьер прибывал иа новейшем линкоре «Принс оф Уэльс».

Вот в залив вошли один за другим шесть эсминцев под американскимн н канадскимн флагамн — почетный эскорт. За ними закамуфлированная громада линкора. В бинокль Рузвельт рассмотрел иа мостике характерную фигуру Черчилля. Президенту помогли подняться. Когда «Принс оф Уэльс» прнблизился, на «Огасте» оркестр грянул «Боже, храни короля», с англнйского линкора донеслись звукн «Звездного знамени». Соблюдались все морские церемоини, столь дорогие Рузвельту н Черчиллю.

В 11 утра адмиральский катер отплыл от «Принс оф Уэльс» н подошел к борту «Огасты». На палубе у трапа Рузвельт. Под звукн марша и звон оружия почетного караула Черчилль карабкался по длинному трапу — крейсер велик. «Можно подумать, что Уинстон возносится на небо для встречи с богом», — съязвил Гопкинс, прибывший вместе с Черчиллем на путн нз Советского Союза. Историческое рукопожатие лидеров англосаксонского мира, подарок каждому из 1500 моряков «Принс оф Уэльс» от президеита — апельсин, два яблока, 500 *г* сыра, 200 сигарет, н атлантическая конференция началась.

Обсуждение военных вопросов было производным от положения на советско-германском фронте. Гопкинс поделился московскими впечатлеииямн. Президент и премьер, зная, что на Востоке лежит осиовной действующий фронт в коалициоиной войне против держав «оси», подтвердилн свое решенне оказывать материальную помощь СССР, о чем сообщили в Москву совместной телеграммой. Попыткн Черчилля завязать дискуссию об англо-американской стратегии иикуда не привелн. Американцы иикак ие торопилнсь, участне Советского Союза в войне в их глазах оправдало разумность предшествовавшей политической линии США — выжидать, пока пламя пойны пожнрало Старый Свет.

Черчилль заикнулся было о том, что ои «предпочитает — пусть США объявят войну сейчас н ие оказывают помощи Англии полгода, чем удвоят поставкн, но ие объявят войну». ФДР, иадо думать, с внутреииней усмешкой разъяснил: ои будет воевать, не объявляя войны, и будет вести себя все более провокационно... Будет сделано все, чтобы создать «инцидент»... Он ищет «инцидента», который оправдает начало боевых действий[60]. Очень неопределеино. Не менее туманно — в отношении Японии.

Британский премьер предложил направить в Токио суровое предостереженне против дальнейших актов агрессии. ФДР отказался. Англичане пыталнсь побудить Соединенные Штаты провестн хотя бы штабное совещанне в Сингапуре и обсудить меры защиты Юго-Восточной Азии. Американцы отказались, напомнив своим собеседникам, что вовсе не желают играть роль «добрых дядюшек» в защите Британской империн. «Черчилль видит события не так, как вы н я, — говорил Рузвельт сотратннкам. — Он удивительно закоснел. Он хочет, чтобы эта война закончилась, как другне, — новым расширением империи. И он хочет, чтобы мы поддержалн его. Сейчас он очень обеспокоен Востоком — Гонконгом, Малайей, Индней н Бнрмой. Я был вынужден вновь н вновь отказывать в его настояниях припугнуть Японию, ибо я стараюсь сделать все, чтобы не дать японцам повода напасть на нас». Англичанам Рузвельт пообещал, что он «поводит за нос» японцев еще месяца трн.

Рузвельт н Черчилль, хотя и по различным мотивам, постаралнсь придать атлантической конференции характер грандиозной политической демонстрацин. Уже сама секретность встречи в Арджентин (о конференции стало известно спустя два дня после ее окончания) разожгла любопытство. Как результат трехдневного совещания Рузвельта и Черчилля человечеству была преподнесена «Атлантическая хартия» — документ, в котором президент США и премьер-миннстр Англии взялись определить «лучшее будущее для мира».

США н Англия заявлялн, что добиваются окончательного уничтожения нацистской тиранин, ие стремятся к территориальным н иным приобретениям, уважают право народов избирать форму правления по собственному выбору и т. д. Рузвельт н Черчилль заявлялн, что онн заботятся о том, чтобы обеспечить «для всех» более высокий уровень жизни и социальное обеспеченне, дать «всем людям во всех странах» жизнь без страха и нужды. Это словечко «все» пестрело с начала до конца хартнн, меньшими категориями президент н премьер не мыслили.

Документ был вызван к жизнн в первую очередь тем, что Советский Союз с вступлением в войну сформулировал ее освободительные, антнфашистскне цели. Ни английское правительство, нн правительство США пока не озаботились сказать о целях войны. В «Атлантической хартии» Рузвельт и Черчилль исправилн промах. Рузвельт отвел предложения Черчилля упомянуть о том, что после войны будет создана международная организация. ФДР на это заявил, что он «протнв создания новой ассамблеи Лигн Наций, по крайней мере до тех пор, пока не пройдет определенное время, в течение которого международные по-

лицейские силы, состоящие из войск США и Англии, ие проделают соответствующую работу». О Советском Союзе — ни слова. Хотя Рузвельт и Гопкинс верили в способиость СССР оказать сопротивление вермахту, оии скидывали со счетов нашу страну в послевоенном мире. Они, иесомненно, считали, что изиурительная война подорвет силы Советского Союза, откроет путь к преобладанию в мире Соединенных Штатов.

США не намеревались делить скипетр власти и с Англией. Об этом убедительио говорили пп. 4 и 7 хартии, в которых говорилось о «равном доступе» к торговле и мировым ресурсам и «свободе морей». Под зтими лозунгами всегда развивалась зкспансия Соединенных Штатов. Черчилль, естественно, с крайней иеохотой согласился иа иих, виеся ограничительную формулировку: «с учетом существующих обязательств». Впрочем, аигличан не слишком заботила словесиая оболочка. Представлялось куда важнее заполучить совместное заявление с Соединенными Штатами. В зтом и заключалась ценность хартии для Черчилля.

Громкие слова были произиесены, однако Рузвельт ие упустил из виду решающего обстоятельства — хартия связывала США моральио, ио ие юридически. Докумеит ие был подписан. Ои ие прошел обычной процедуры оформлеиия международных соглашеиий — «Атлантическую хартию» просто отпечатали иа ротаторе и передали прессе. Следовательио, хартию не нужно было представлять для ратификацин сеиату. Рузвельт и Черчилль высказали обуревавшие их мысли — и все тут.

Шервуд, вне всякого сомнеиия, прав, заметив по поводу коиференции в Арджентии: «Стало своего рода священной традицией, что, когда встречаются американский и аиглийский государствеиные деятели, первый должен быть простым, откровенным, практичным и даже абсолютио бесхитростным, а второй должеи быть хитрым, ловким, уклончивым и должеи в коице коицов восторжествовать. В отношеиии Рузвельта и Черчилля зта формула иесколько перепуталась. Если кого-нибудь из иих можно было изввать последователем Макиавелли, то скорее всего Рузвельта; если кто-иибудь из иих был «слоиом в посудной лавке», то зто Черчилль. Премьер-министр быстро поиял, что в лице президента ои имеет дело с чрезвычайно тоиким и скрытным человеком, умевшим искусио уклоняться, человеком, которого нельзя поймать иа определенных формулировках и иельзя было уговорить или подтолкнуть иа определенные обещаиия, противоречащие его суждеиию, воле или инстинкту»[61].

Юридически «Атлантическая хартия» решительио ни к чему не обязывала Соединенные Штаты. Одиако как ее формулировки, так и режиссерские иаходки Рузвельта во время встречи с

Черчиллем ие могли не произвести громадного впечатления. В Арджеитию ие были допущены корреспонденты, ио кинооператоров и фотографов привезли с избытком. Их напряженная работа дала свои плоды.

Американцы от штата Мэи до Калифориин просмотрели волнующий фильм, коронными кадрами которого было богослужение на палубе «Принс оф Уэльс» под сенью 14-дюймовых орудий. Кафедра украшеиа американскими и английскими флагами. Читается первая глава из книги Иисуса Навина: «Никто ие устоит перед тобой во все дни жизни твоей; и как Я был с Моисеем, так и буду с тобою; ие отступлю от тебя и ие оставлю тебя. Будь тверд и мужествен». Этим словам благочестиво внимают 1500 моряков «Принс оф Уэльс» и иесколько сот американцев. Стройный тысячный хор молодых голосов возиосит псалом «Вперед, воины Христа» к безоблачному иебу. «Аминь», — произносит президент. Ему вторит хорошо поставленным голосом Черчилль. Крупным планом: Рузвельт едва сдерживает слезы, Черчилль украдкой вытирает глаза.

Да, оии, иесомненно, чувствовали себя «воинами Христа», ибо, когда пелся этот псалом, признался Черчилль, «мы имели право считать себя служащими делу, к которому иас призвал трубный глас с иебес». Даже самый неисправимый скептик ие мог ие заключить: Франклин Д. Рузвельт отправлялся на войну. Порукой тому были мелькавшие на экране его сыиовья Эллиот и Франклин в офицерских мундирах с иголочки. А «Атлантическая хартия» святыня — смертные не подписали ее!

Так иачалось военное сотрудничество Рузвельта с Черчиллем. По подсчетам английского премьера, за время войны они провели 120 дней вместе на различных совещаниях. Едва они расстались на атлантической конференции, как стали одолевать своих окружающих вопросом: «Что ои подумал обо мне?» Оба, в душе актеры, терзались: хорошо ли сыграна роль? ФДР довольио говорил друзьям: «Во время конференции у меня было триидцать военных кораблей, а у Уинстона только два или три. Один из иих сломался, и я одолжил ему эсминец!» Черчилль чуть ие с первой встречи стал именовать себя скромно «первым лейтенантом» президента и взял за правило обращаться к нему «г-н президеит», на что в ответ неизменно слышал фамильярное «Уинстон».

14 августа, когда яхта «Потомак» бросила якорь у побережья США, толпы корреспондентов атаковали президента. Они изголодались по иовостям за его двенадцатидневную отлучку. ФДР держался загадочно, сообщив, что с Черчиллем достигиуты соглашения на любой случай, иа любом коитиненте. Его

спросили: «Не думаете ли вы, что мы ближе к войне?» Рузвельт ответил, что он так не считает[62].

17 августа в Вашингтоне ФДР пригласил японского посла Номуру и предупредил его, что, если Япония попытается установить свое господство над другими странами с помощью силы, США примут меры для защиты своих «законных прав и интересов». Он согласился встретиться в середине октября с Коноэ на Аляске, однако в качестве предварительного условия президент просил японское правительство «любезно сообщить более ясно, чем до сих пор, о своей нынешней позиции и интересах».

XIII

Пока Рузвельт занимался возвышенной риторикой на борту военных кораблей в Арджентии, конгресс продемонстрировал свои возможности. Закон о воинской повинности был продлен палатой представителей 12 августа большинством всего в один голос: 203 против 202. Логика противников продления закона была ясна. С началом германо-советской войны, замечает профессор Д. Перкинс, «опасность Соединенным Штатам была устранена. Почему бы двум тоталитарным колоссам не уничтожить друг друга? Разве не самый выигрышный исход — ослабленная Германия и ослабленный Кремль? То, что эта аргументация разделялась значительным количеством людей, показали действия конгресса при продлении срока службы»[63]. Английский министр Бивербрук заметил сенатору Ванденбергу: «Гитлер не пугал нас больше, чем ваша палата представителей, когда в ней было собрано 203 голоса против 202 за продление закона о воинской повинности».

Дабы пресечь эти настроения, ФДР поторопился показать — опасность на пороге. Еще 7 июля американские войска высадились в Исландии, и с тех пор военные корабли США постоянно курсировали в северо-западной Атлантике. 4 сентября германская подводная лодка выпустила пару торпед по американскому эсминцу «Гриер», а эсминец сбросил на нее глубинные бомбы. Обстоятельства инцидента были неясны. Командование флота доложило — нет доказательств, что на подводной лодке знали национальную принадлежность эсминца. Рузвельт поручил подготовить по поводу стычки горячую речь, которую наметил на 8 сентября.

7 сентября в Гайд-парке скончалась мать Ф. Рузвельта. Советники предложили ему передоверить речь Хэллу. Рузвельт счел достаточным трехдневный траур и уже 11 сентября был перед микрофоном.

Президент со всем своим авторитетом настаивал: немецкие подводники «безусловно» знали, что атакуют американский корабль. Речь идет не об изолированном инциденте, убеждал он, а о части гитлеровского плана установить контроль на море: «Когда вы видите гремучую змею, вы не ожидаете укуса, а убиваете ее. Нацистские подводные лодки и рейдеры — гремучие змеи в Атлантике... Отныне, если германские и итальянские военные суда входят в воды, которые необходимы для американской обороны, они делают это на свой страх и риск». Американские корабли стали официально конвоировать английские суда западнее 26° з. д., получив приказ атаковать без предупреждения[64].

Нацистская печать разразилась истерической бранью в адрес Рузвельта. Отныне его имя в германских газетах обычно упоминалось с эпитетом «поджигатель войны номер один». Однако нацисты не вышли за рамки пропаганды. 17 сентября адмирал Редер обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ответные меры, фюрер запретил, разъяснив: «Поскольку, по-видимому, в конце сентября обозначится решительный поворот в русской кампании, следует избегать инцидентов с торговыми судами до середины октября». Героическая борьба советского народа испепелила надежды гитлеровского руководства. «Поворота» не последовало ни в сентябре, ни позднее. Запрещение германским подводным лодкам нападать на американские суда осталось в силе.

Инциденты все же продолжались. 17 октября американский эсминец «Керни», атаковавший германскую подводную лодку, был торпедирован. Погибло 11 моряков. 31 октября потоплен эсминец «Рубен Джеймс», с ним пошли ко дну 115 человек экипажа из 145 человек. «На Америку напали, — внушительно сказал президент 27 октября, в День флота. — Мы хотели избежать стрельбы, но она началась. И история зафиксировала, кто первым выстрелил». Крепко отчитав нацистов за их захватнические планы в Западном полушарии, Рузвельт сообщил: «Наши торговые суда должны быть вооружены, чтобы защищаться против гремучих змей в Атлантике. Они должны иметь право доставлять американские товары в порты наших друзей. Наш флот должен защищать наши торговые суда».

Тем, кто считал, что США следует остаться в стороне от войны между Германией и СССР, Рузвельт напомнил: «Позавчера один сенатор попросил государственного секретаря США обосновать, почему мы должны оказывать помощь России. Ему ответили: "Это зависит от того, насколько данный человек желает остановить и обратить вспять поход Гитлера к мировому

господству. Если он хочет сокрушить Гитлера, ему безразлично, кто помогает ему в этом"».

Речи Рузвельта, действия американского флота, вне всяких сомнений, говорили о том, что между США и Германией идет необъявленная война. 3 ноября на пресс-конференции Рузвельта спросили: «Многие люди, которые думают о военных вопросах, как и вы, считают, что продолжать поддерживать дипломатические отношения с Германией бесчестно. Что вы скажете?» Рузвельт ответил: «Нет... Мы не хотим объявленной войны с Германией, потому что каждый наш шаг — оборона, самооборона. Разрыв дипломатических отношений не принесет никакой пользы. Я искренне считаю, что в этом нет ничего хорошего. Будет значительно полезнее сохранять их в нынешнем состоянии»[65].

14 ноября 50 голосами против 37 в сенате и 212 голосами против 194 в палате представителей закон о «нейтралитете» по настоянию Рузвельта был изменен. Вооруженные американские торговые суда могли отныне плавать в зонах военных действий. Риск вовлечения в войну с Германией оставался незначительным — гитлеровские армии глубоко увязли в войне с Советским Союзом. Берлин ограничивался бранью.

XIV

Единственным фронтом активной борьбы против держав «оси» осенью 1941 года был советско-германский. Здесь перемалывались силы гитлеровской Германии. В Вашингтоне не раз заверяли, что окажут помощь, однако не торопились с ней. Стимсон очень откровенно объяснил 29 июля 1941 г. советскому послу: "Мы должны знать точно и видеть собственными глазами, как используется наше вооружение. Вы же нам завязываете глаза: наш военный атташе не допущен на театр военных действий — это беспрецедентно в военной истории. Пока вы не снимете повязки с моих глаз и не позволите нам посмотреть события на месте американскими глазами, колеблюсь принять решение по некоторым частям находящейся у меня на рассмотрении советской заявки".

Стимсон пустился в воспоминания о том, как "прекрасно была принята американская военная миссия" — при Временном правительстве в 1917 году. Посол "на эту тираду Стимсона, высокомерную, враждебную по существу", ответил должным образом. Словесные препирательства, однако, мало помогали делу. Только когда в Вашингтоне убедились, что все сроки сокрушения СССР Германией прошли, а Красная Армия продолжала мужественную борьбу, дело материальной помощи советскому народу было наконец поставлено на практическую почву.

В конце сентября 1941 года в Москве состоялась тройственная конференция, определившая размеры взаимных поставок. Советский Союз расплачивался наличными за то небольшое количество военных материалов, которое поступало из Соединенных Штатов.

Рузвельт никак не мог отойти от формулы, согласованной летом. Тогда на заседании кабинета, записывал в дневнике Икес, «зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские. Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе»[66]. Проводить бесконечно эту политику было опасно с точки зрения тех же американских интересов. Английский представитель на конференции в Москве Бивербрук предупреждал Гопкинса: «Если мы не поможем русским сейчас, они могут потерпеть поражение. Тогда Гитлер, освобожденный наконец от беспокойства относительно Востока, сосредоточит против нас все силы на Западе».

На повестку дня вставало распространение ленд-лиза на Советский Союз. В октябре поднялась шумиха вокруг этого вопроса в палате представителей. Очередная поправка к закону о ленд-лизе, запрещавшая предоставлять его Советскому Союзу, не прошла, ее отвергли 162 голосами против 21. Голосовавшие против были похвально откровенными. Конгрессмен Спенс: «Куда лучше пустить воевать американские доллары, чем американскую молодежь». Конгрессмен Госсет: «Разве не лучше дать денег России, чем отдавать кровь Гитлеру?»

7 ноября Рузвельт объявил: «Сегодня я выяснил, что оборона Советского Союза важна для обороны Соединенных Штатов». Шел 140-й день Великой Отечественной войны. До конца года Соединенные Штаты поддержали вооруженную борьбу советского народа поставками по ленд-лизу на сумму 545 тыс. долл. СССР в 1941 году получил 0,1 процента всех поставок по ленд-лизу. Кроме того, с июня 1941 года Соединенные Штаты продали СССР товаров на 41 млн. долл.

Президент вынашивал обширные планы помощи СССР. К величайшему изумлению своих советников, в конце 1941 года он огласил план: скупить всю шерсть в нейтральных странах. «Он мыслил так: a) возможно, русские все же удержат немцев; b) если так, неизбежна зимняя кампания; c) зима всегда тяжела для армии, вторгшейся в Россию; d) немцам потребуется много шерсти для зимней формы одежды; e) не дать им возможности получить ее»[67]. Ничего не известно о реализации хитроумно-великодушного плана.

XV

Военные заботы поглощали все больше и больше времени, а то иемногое, что оставалось на личную жизнь, у ФДР заметно обесценилось. В конце июня после вечеринки, устроенной Рузвельтом для штата Белого дома, Мисси Лихэнд упала в обморок. Инсульт в 41 год! Левая половина тела парализована, язык не повиновался. Мисси с трудом произносила несколько односложных слов. Недуг приковал ее к постели.

Рузвельт, веривший в целебные свойства Уорм-Спрингса, поторопился отправить ее туда. Единственный результат — неудачиая попытка к самоубийству Мисси. Президент вернул ее в Белый дом, где она заняла свое прежнее помещение на третьем этаже. К Мисси прикомандировали трех медсестер. Каждый вечер президент, собравшись с духом, вкатывался в кресле в комнату Мисси с широчайшей улыбкой. Инвалид пытался приободрить инвалида, произнося длинный монолог о текущих делах. Единственная реакция — пристальный взгляд страдающих глаз. «Ну, до завтра!» — самым бодрым тоном восклицал Рузвельт, когда запас новостей иссякал.

Мисси неадекватно воспринимала происходившее. С трудом она иачала писать письма, в которых фигурировал иекто, любивший ее, фантазия о жизни, которую она не могла вести. Пришлось отправить Мисси к родным в Нью-Йорк. Оттуда Рузвельту приходили письма от Мисси, малопонятные, ио преданные. Ее лечили. Рузвельт знал, чего зто стоит, и изменил свое завещание: по его смерти Элеонора унаследует половину состояния ФДР, другая половина — иа лечение Мисси.

После смерти матери Рузвельта Элеонора попыталась было изменить обстановку в Гайд-парке, сделав ее уютной на свой вкус. Ои запретил, пусть дом будет музеем. Элеонора не без вызова жила в Гайд-парке в маленьком коттедже. В Белом доме помощники президента избегали обедов с ним, когда за столом вместо скупой на слова и мягкой Мисси говорила Элеонора. Она ие была наделена большим чувством юмора и долбила об обнаруженных несправедливостях с большой серьезностью и очень многословно. Даже дочь Аниа как-то заметила: «Мама, ты что, ие видишь, что портишь папе аппетит». ФДР нашел выход — на третьем зтаже Белого дома ему устроили персональную кухню, откуда и подавали еду. Тем самым ои избегал кулинарных шедевров иесравненной Несбитт, а она была в фаворе у Элеоноры. После зтой реформы президент без труда зазывал к своему столу собеседников.

И личная жизнь не терпит пустоты. Заметно участились встречи Рузвельта с Люси Рутерферд. Компетентный исследователь жизни ФДР рассуждал в 70-х годах: «Секретность этих встреч, обусловленная супругой и войной, родила домыслы, великое любопытство. Для Анны большинство посещений Люси не было секретом. Теперь, спустя много лет, она говорит о них с готовностью, заинтересованностью дочери, выросшей в атмосфере истории, с уважением к истине и истории, с осознанием, что несколько искаженная правда нанесла бы ущерб ее отцу. Она знала, тогда, вероятно, только она одна, что жизнеспособность отца угасала, он был одинок и в последние дни жизни возвращался к милым друзьям и дорогим воспоминаниям».

Анна немало беседовала в те времена с Люси, которая объясняла привязанность Рузвельта к ней главным образом тем, что он мог выговориться в ее обществе. Люси всегда была отменной слушательницей. «Все это было слишком поздно в его жизни»[68], — рассуждала Анна спустя десятилетия...

Да, бесцветной стала личная жизнь постаревшего Рузвельта. Нехватку эмоций, однако, с лихвой компенсировали грозные события в мире. Он пытался властвовать над ними.

XVI

На исходе осени 1941 года положение на советско-германском фронте серьезно осложнилось: гитлеровцы продвигались на ближних подступах к Москве, осаждали Ленинград, все еще наступали на юге. Рузвельт торопил с оказанием помощи Советскому Союзу. Он предложил ускорить отправку истребителей в СССР, послав авианосец в Персидский залив. Очень «значительная» помощь, умещавшаяся на авианосце! Морское министерство запротестовало, настаивая на перевозке истребителей на торговых судах. ФДР налагает резолюцию: «Гопкинсу. Хорошо. Но скажите им от меня: поскорее, поскорее, поскорее!»

Критическое, как представлялось в Вашингтоне, положение СССР в войне с Германией, несомненно, тревожило Рузвельта, но в то же время оно вселяло в него уверенность, что Соединенным Штатам удастся избежать вооруженного столкновения с Японией. Как сказал Рузвельт английскому послу Галифаксу, развитие нацистско-советского конфликта, а не «позиция США» довлеют над направлением японской политики. Смешно утверждать, что президент строил политику США только на основе «чуда» — японских дешифрованных телеграммах. Однако в совокупности с другими источниками, прежде всего профессиональными заключениями командования американских воору-

женных сил, материалы «чуда», по-видимому, считал ФДР, давали возможность Вашингтону предвидеть будущее.

Ход мысли Рузвельта, по всей вероятности, сводился к следующему. Японские милитаристы все еще колебались, в каком направлении нанести удар. Они приняли решение о том, что поход против СССР следует отложить до тех пор, когда Германия добьется внушительных успехов в войне против СССР. Глубокой осенью 1941 года положение Советского Союза представлялось очень трудным. Если так, тогда нападение Японии на Советский Союз неизбежно. В Вашингтоне знали и о том, что Германия торопила своих японских союзников встать под знамена «крестового похода» против коммунизма. Оставалось найти ту соломинку, которая сломает спину верблюда — окончательно убедит японских милитаристов в преимуществах похода на север. Те же рассуждения годом-полутора ранее определили помощь США Англии.

Тут случился неуместный набег военных на деликатную область политики. В разведывательном управлении штаба армий США располагали примерно той же информацией по стратегическим вопросам, что и в Белом доме. Руководители управления с глубокой тревогой следили за положением на основном театре боевых действий второй мировой войны — советско-германском фронте. Разумеется, их мало заботила судьба СССР сама по себе, но они не могли не видеть, что Красная Армия защищает и США. Все, что могло осложнить положение сражавшегося Советского Союза, неизбежно представляло угрозу и для Соединенных Штатов.

Исходя из этих не бог весть каких сложных соображений, руководители разведывательного управления сочли, что следует предостеречь Японию против нападения на СССР. 2 октября они доложили президенту: «Управление считает, что ни встреча лидеров (Рузвельта с Коноэ. — *Н. Я.*), ни экономические уступки в настоящее время не принесут ощутимой выгоды США, если Япония до этой встречи не даст твердого обязательства порвать с державами оси. Непосредственная цель США — любым путем ослабить Гитлера. Японская гарантия не нападать на Сибирь освободит Россию психологически и в военном отношении даст ей возможность оказывать более сильное сопротивление Гитлеру. Имея в виду указанное, обязательным предварительным условием предлагаемого совещания должен быть окончательный разрыв Японии с осью и гарантия, искренность которой должна быть бесспорной, не нападать на Россию в Сибири»[69].

Для ФДР совершенно неуместный совет! Линия президента была противоположной: демонстрируя твердость, отвадить

японских милитаристов от намерения напасть на американские владения. Разве не так он только что вынудил Германию повернуть «налево» — напасть на СССР? Рекомендации разведывательного управления, разумеется, не были приняты в расчет. В день их поступления ФДР сообщил Токио без объяснений, что отклоняет предложение о встрече с Коноэ. Он выжидал развития событий в Японии.

В середине октября 1941 года из Токио поступили, на первый взгляд, обнадеживающие известия. Правительство Коноэ пало. К власти пришел крайне агрессивный кабинет Тодзио. В Вашингтоне ошибочно расценили намерения нового правительства. Исходя из того что Тодзио был известен как сторонник северного направления агрессии, Рузвельт заключил: нападение Японии на СССР несомненно.

21 октября Белый дом получил новую докладную руководства разведывательного управления армии США. Рассмотрев последствия занятия Тодзио поста премьер-министра, разведчики настаивали: «В тот самый момент, когда Квантунская армия сочтет, что превосходит Сибирскую армию по силам 2 : 1, весьма вероятно, что она начнет наступление независимо от политики и намерений правительства в Токио. А если это соотношение станет 3 : 1, то вероятность превратится в неизбежность... В наших лучших интересах принять все возможные меры, чтобы сохранить нынешнее равновесие в силах русских и Квантунской армии»[70]. Как? Ответ давал меморандум военного министра Стимсона, поступивший в Белый дом в тот же день и составленный, вне всякого сомнения, по наущению настырных разведчиков.

Стимсон требовал сосредоточить мощные силы американской авиации на Филиппинах и Аляске. «Еще одна возможность, — писал он далее, — открывается в северо-западной части Тихого океана. Гавань и порт Владивостока — одно из трех ворот в Россию. Пропускная способность ворот через Персидский залив недостаточна. Близость Аляски к Сибири и Камчатке, возможности, которые там есть (хотя мы еще не удостоверились в них), открывают перспективу использовать эти бомбардировщики в дополнение к указанным действиям с юга. Этот район может послужить базой для северной клешни американского влияния и мощи, на этот раз не только для защиты против японской агрессии, но и для сохранения оборонительной мощи России в Европе... Контроль над западной частью Тихого океана, который будет таким образом установлен, едва ли не явится серьезнейшим предостережением Японии, равно как гарантией России»[71].

Рассуждения Стимсона о размещении американской авиа-

ции на территории не воевавшего на Дальнем Востоке Советского Союза были нереальными. Важно отметить другое — военный министр, убежденный в неизбежности войны США с Японией, предлагал пойти очень далеко, чтобы не допустить японской агрессии против СССР. Рузвельт, которому надоели рекомендации в этом духе, одернул и дисциплинировал военных. В отношении СССР на Дальнем Востоке они стали мыслить в унисон с Белым домом.

Последующие события в Вашингтоне до начала войны между Японией и США никогда не были удовлетворительно объяснены в американской историографии. По сей день остается открытым вопрос: почему оказалось внезапным японское нападение, если Рузвельт и Хэлл читали шифрованную переписку Токио? Загадочные обстоятельства начала войны на Тихом океане дали повод американским историкам Ч. Тэнзиллу, Ф. Санборну, А. Барнсу и др. утверждать, что Рузвельт якобы подставил под удар американский тихоокеанский флот в Пёрл-Харборе на Гавайских островах, чтобы спровоцировать «инцидент» и поднять на войну миролюбивые Соединенные Штаты.

Обвинения эти были выдвинуты во многих книгах, а основой для них послужили материалы нескольких комиссий, расследовавших в 1942—1946 годах японское нападение на Перл-Харбор. Ч. Тэнзилл, например, указал: «Трибунал по делу главных военных японских преступников, вполне возможно, судил не тех, кого следовало. Быть может, было бы лучше провести процесс в Вашингтоне»[72]. По всей вероятности, спор в США будет продолжаться еще многие годы, если вообще возможно прийти к каким-либо определенным выводам. Однако версия о злонамеренном заговорщике — Рузвельте, вне всяких сомнений, надуманна. Для ФДР Перл-Харбор явился такой же неожиданностью, как и для всей страны. Японский удар оказался внезапным для Соединенных Штатов не потому, что его злодейски подготовил ФДР, а потому, что президент промахнулся в затеянной им политической игре.

К середине ноября 1941 года Рузвельт отлично знал, что Япония вот-вот начнет войну, хотя, естественно, оперативные планы японского командования не могли быть ему известны. «Чудо» ввело в курс обмена телеграммами между Токио, Берлином и Римом. Гитлеровское руководство, видевшее, что его «блицкриг» на Востоке заходит в тупик, подчеркнуто заверило японское правительство, что, стóит Японии выступить на Тихом океане и Дальнем Востоке, оно выполнит свои обязательства по Тройственному пакту.

Против кого, собственно? Германия уже воевала с СССР и

Англией, следовательно, — против Соединенных Штатов. Рузвельт ставит на ноги спецслужбы, чтобы немедленно «просветить» Берлин о своих намерениях. В сотрудничестве с БСКБ уже была подготовлена ложная версия «Программы победы» на 350 страницах. Англо-американские эксперты "психологической войны" составили ее из обрывков подлинной информации, которая, как известно, достигла врага, добавив подробные «планы» вступления США в войну с Германией. Давались фантастические расчеты сил и средств для операций в Европе и Африке. Датой массированного вторжения американо-английских армий в Европу называлось 1 июля 1943 г. Политика США в Атлантике на исходе 1941 года придавала высокую правдоподобность фальшивке. Канал передачи ее гитлеровцам должен был рассеять последние сомнения в подлинности документа в Берлине.

Во второй половине ноября к сенатору Уиллеру явился молодой офицер, представившийся американским патриотом, горевшим желанием ради благополучия страны сорвать зловещий план президента и высшего командования ввергнуть США в войну. Как доказательство он передал сенатору описанную «Программу победы». Сенатор возблагодарил бога и офицера за своевременное вмешательство, подкинул часть материала антирузвельтовской и «изоляционистской» газете «Чикаго трибюн», которая истерически прокричала: «Рузвельт готов на "тотальную войну"». Фальшивка быстро достигла адресата — германского посольства в США. Верховное командование вермахта, получив эти данные по радио из посольства в Вашингтоне, оценило добычу фальшивки как «фантастический подвиг разведки». Высший генералитет Германии вздохнул с облегчением: когда еще придет 1 июля 1943 г. До тех пор реальной угрозы от США не предвидится, есть время завершить поход на Восток. Они мыслили параллельно. ФДР стремился внушить Берлину — пока Германии нечего опасаться США. Ни Рузвельт, ни германский генералитет, однако, не могли предугадать поступки Гитлера.

Тем временем американо-японские переговоры вступили в критическую фазу.

Самообольщение в Белом доме достигло гигантских размеров. Все сообщения о военных мерах Японии истолковывались как выдвижение орудий против Советского Союза. По-видимому, так думали и английские разведчики, засекреченная связь с которыми шла через сына ФДР — Джеймса. Неразбериха в военном и военно-морском ведомствах усугубила неверную оценку намерений Японии. Впрочем, командующие не могли не быть загипнотизированными каменным спокойствием президента, да и мыслимо ли возражать главнокомандующему?

Все были согласны, что Япония стоит на пороге войны. Но против кого?

Рузвельт не был бы Рузвельтом, если бы бездействовал в грозный час. Он возрождает старое предложение вашингтонских канцеляристов — личное обращение президента миролюбивых Соединенных Штатов к императору милитаристской Японии. Мастера политической прозы были тут же засажены за дело и сочинили возвышенный документ, долженствующий украсить правительственные публикации. Послание Рузвельта Хирохито было очень и очень внушительным. «События, совершающиеся на Тихом океане, грозят лишить наши народы и все человечество благ длительного мира между нашими народами», — проницательно замечал президент. Указав на подготовку Японии к войне, ФДР печально констатировал: «Совершенно понятно, что народы Филиппин, сотен островов Голландской Индии, Малайи и Таиланда задаются вопросом: не собираются ли японские войска нанести удар» по ним. Поскольку Токио оправдывал свои военные приготовления ссылками на безопасность Индокитая, Рузвельт давал заверение от имени США, что они не нападут на Индокитай, и брался получить аналогичные заверения от властей Голландской Индии, Малайи, правительств Таиланда и Китая. Перечисленные народы Азии, заключал ФДР, не могут «бесконечно сидеть на бочке с динамитом», и взывал к императору помочь «рассеять тучи войны».

Решительно обо всем позаботился президент США, даже об интересах Таиланда. Только перерабатывая сухой служебный документ разведки для употребления на людях, ФДР выкинул из него основное — указание на возможность японской агрессии против СССР. Рузвельт остался Рузвельтом. Послание президента в этот же день открытым текстом передали в Токио.

6 декабря Белый дом вынес еще одно решение. Ученые, занимавшиеся атомными исследованиями, доложили: пора строить заводы по переработке урана в плутоний. Закончив хлопоты, связанные с отправкой послания императору Японии, Рузвельт утвердил выделение крупных средств и ресурсов на создание атомной бомбы.

С острым любопытством ФДР ожидал реакции Токио на свое послание. Ожидание не затянулось. 7 декабря 1941 г. внезапно, без объявления войны японские вооруженные силы напали на американские и английские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане. Японское оперативное соединение нанесло удар по Пёрл-Харбору. Американский Тихоокеанский флот был разгромлен. Война на Тихом океане началась.

XVII

Во второй половине дня 7 декабря 1941 г. негодующие члены правительства и командующие вооруженными силами собрались в Белом доме. Они пришли обсудить неотложные меры отражения вероломного нападения. Некоторые, в первую очередь Стимсон, требовали объявить войну и Германии. ФДР счел это пока излишним.

Впоследствии участники совещания вспоминали, что все они испытывали облегчение. «Совещание собралось отнюдь не в напряженной атмосфере, – писал Гопкинс. – Все мы считали, что в конечном счете главным врагом был Гитлер и его можно было сокрушить только силой оружия. Рано или поздно мы должны вступить в войну, теперь Япония предоставила нам эту возможность»[73].

8 декабря Рузвельт выступил на объединенном заседании конгресса. Он взволнованно рассказал о вероломстве японцев и о том, какие благородные усилия прилагало правительство США, чтобы сохранить мир. Назвав 7 декабря «Днем позора», Франклин Д. Рузвельт попросил конгресс объявить войну Японии, что и было сделано.

В этот же день Рузвельт принял по случаю вручения верительных грамот нового советского посла М.М. Литвинова. "Рузвельт, – докладывал посол в Москву, – спросил, кто наш военный атташе в Вашингтоне, и, как бы рассуждая про себя, сказал, что нужно будет с ним обсудить вопрос, не могут ли американские бомбардировщики из Манилы сбросить бомбы над Японией, повернуть в сторону Владивостока, очевидно, чтобы там брать с собой новый запас бомб. Хотя, сказал он, американские бомбардировщики могут брать достаточное количество бомб из Манилы и вернуться туда, но в случае захода во Владивосток можно было бы брать больший груз"[74]. Поразительное предложение Рузвельта не могло получить развития.

В речи по радио 9 декабря президент США закрепил вину за японскими милитаристами. После выступления – никакого обмена мнениями в кабинете президента, он остался один. Дымя сигаретой, Рузвельт углубился в альбомы с марками. Открылась дверь – на пороге Розенман. Со щемящим чувством он отметил: «Совсем одинок. Если бы Мисси была здорова, она была бы с ним в этот вечер. Она была всегда рядом в трудные минуты».

Президент с печальной и усталой улыбкой промолвил: «Садись, хочешь – выпей». И замолчал.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ США

I

Рузвельт, иесомнеино, тяжело переживал случившееся — Япония сорвала его великий н великолепный замысел. Вероятно, он думал, что по крайней мере будет пока избавлен от войны с Германией. ФДР снова ошибся, ускорнв неизбежное, подбросив Гнтлеру всего за две недели до этого монументальное творение спецслужб — подложную «Программу победы». Фюрер не проник в рузвельтовскую логнку, иаложившую отпечаток на документ, — США только к середние 1943 года будут готовы, а сделал противоположный вывод: коль скоро они в любом случае обрушатся на Германию, ждать незачем. Лучше вступить с ннми в войну, пока они далеки от завершения подготовки, иа первый случай пресечь сиабжение морем Англии н в будущем СССР из Амернкн. Верность Тройственному пакту придаст рвения и Японии в войне против США.

Намереиие фюрера прнбавнть к длинному спнску врагов еще США привело в отчаяние правящую верхушку рейха. Фашнстскне главари, за нсключением Риббентропа, пытались отговорнть Гитлера от рокового шага. Он ие уступил, нбо, замечает У. Манчестер, «стал сдавать под давлением кампании в России. Ои во все возрастающей степени поддавался безудержному гневу н нитуитивным решениям»[1]. Самое парадоксальное: «Сеиатор Уиллер, крайний нзоляционист, стал орудием справедливости. Разгласив якобы секретный военный план, ои взорвал минное поле в уме Гитлера»[2]. Удовлетворение англнйского автора У. Стивеисоиа, иаписавшего зти строки, понятно. Англия Черчилля давно сгорала от иетерпения увндеть США союзником. Но Рузвельт-то определеино перехитрил самого себя, добился прямо противоположного результата. Ему ничего не оставалось делать, как надуть щекн и сохранять величествеииый внд всевндящего и всезнающего государственного деятеля, какнм н войти в американскую нсторнографию, трактующую об зтом годе.

11 декабря 1941 г. рептильиый германский рейхстаг собрался в Берлиие выслушать речь «фюрера германского иарода» — Гитлера. Хотя немецкне армии в зтн днн терпелн тяжкне пораже-

ния под Москвой, Гитлер посвятил два дня подготовке речи. Он объявил войну не на жизнь, а на смерть Рузвельту.

Фюрер, задавая тон нацистской пропаганде на годы вперед, сообщил: «только этот человек», Франклин Д. Рузвельт, виноват во второй мировой войне. «Разрешите мне, — внушал Гитлер, — определить мое отношение к этому другому миру, представленному этим человеком, который в то время, когда наши солдаты сражаются в снегах и льдах, очень уместно предпочитает произносить речи у теплого камелька... То, что он именует меня гангстером, интереса не представляет. В конце концов термин этот рожден в Америке, ибо, без сомнения, в Европе названных гангстеров нет. Рузвельт не может оскорбить меня, я считаю его таким же сумасшедшим, как и Вильсона... Сначала он разжигает войну, затем фальсифицирует ее причины, потом гнусно кутается в тогу христианского лицемерия и медленно, но верно ведет человечество к войне, не уставая призывать бога в свидетели чистоты помыслов его нападения».

Творцы тоталитарной философии обычно «знают» ответы на все. Гитлер не составлял исключения. Причина войны, открыл он рейхстагу, в провале внутренней политики Рузвельта: «Все рузвельтовское законодательство нового курса было ошибочным. Нет никакого сомнения в том, что продолжение этой экономической политики в мирное время привело бы к краху президента, несмотря на его дьявольское искусство». В любом другом государстве ФДР уже отдали бы под суд за «расточение национальных богатств. Он сообразил, что единственное спасение — отвлечь внимание народа от внутренней политики к внешней».

С прицелом на возбуждение ложной классовой ненависти фюрер разглагольствовал о жизни Рузвельта и своей. Он говорил: «Рузвельт происходит из богатой семьи и принадлежит к классу, чей путь гладок в демократических странах. Я, сын из маленькой бедной семьи, пробился в жизни собственным трудом и прилежанием. Когда разразилась Великая Война, Рузвельт на своем посту мог ощутить лишь ее приятные последствия — он был среди процветавших, в то время как другие истекали кровью. Я же разделил судьбу простых солдат, выполнявших приказы, и, естественно, вернулся с войны таким же бедняком, каким был осенью 1914 года. Моя судьба была судьбой миллионов, а Франклин Рузвельт был среди так называемых высших десяти тысяч семей. После войны Рузвельт занимался финансовыми спекуляциями. Он обогащался на инфляции, на несчастьях других, а я валялся по госпиталям»[3].

В таких красках фюрер изобразил причины войны между Германией и Соединенными Штатами, представляя ее как лич-

ный конфликт с Рузвельтом. Официальное объявление войны, состряпанное в германском министерстве иностранных дел, формулировалось в аналогичных терминах, чтобы немцы поняли: они вступают в вооруженную борьбу не с американцами, а с Франклином Д. Рузвельтом. Нацистов давно отмечало стремление лгать по-крупному.

В ответ на объявление войны Соединенным Штатам Германией и Италией 11 декабря Рузвельт попросил конгресс признать состояние войны с этими странами, подчеркнув: «Давно известное и долго ожидавшееся случилось. Силы, стремящиеся поработить мир, ныне двинулись на наше полушарие». Конгресс удовлетворил просьбу президента. Хотя сателлиты Гитлера, 12 декабря — Румыния, а 13 декабря Венгрия и Болгария, объявили войну США, ФДР отнесся к этому с известным чувством юмора. Только через полтора месяца, 31 января 1942 г., президент рекомендует Хэллу передать декларации этих стран в комитеты конгресса по иностранным делам «для информации». К деловому письму государственному секретарю президент присовокупил шутливую приписку: «Мой внучек Джонни добавил бы: „Ну и что из этого?"»[4].

Он знал — от Вашингтона до Европы далеко. Но в тучах фашистской саранчи, опустившейся на западные области СССР, были румынские, венгерские и финские солдаты. Вместе с вермахтом они сражались против СССР. Лишь 5 июня 1942 г. США объявили войну Румынии, Венгрии и Болгарии, а с Финляндией так и не разорвали дипломатических отношений.

Вступление Соединенных Штатов в войну не вызвало подъема, сходного хотя бы с тем, что было в 1917 году. «Изоляционисты» в своем большинстве немедленно сплотились вокруг правительства, о 1935—1941 годах теперь отзывались как о «лебединой песне изоляционизма»[5]. Но в стране не без их участия получил хождение тезис: Рузвельт «вовлек нас в войну, ибо не имел политической смелости вести нас». Парадов почти не устраивали, патриотических манифестаций было мало, да и флагами особенно не размахивали. Народ, естественно, негодовал по поводу Пёрл-Харбора, требовал отомстить военным лордам, Токио, но имел относительно смутное представление о целях вооруженной борьбы. Ф. Рузвельт предложил звучный лозунг: «Война за то, чтобы выжить». Заклятые враги президента в пику ему заявили, что уместнее назвать ее «моя (Рузвельта. — *Н. Я.*) война».

Один из ярких деятелей эпохи Рузвельта, Д. Ачесон, годы и годы спустя разъяснил: Гитлер совершил «неслыханную глупость», ибо «наконец враги с беспрецедентной глупостью разре-

шили иаши дилеммы, рассеяли наши сомнения и объединили наш иарод на долгой и трудной дороге, избрать которую требовал иациоиальный интерес»[6]. Если бы Рузвельт действительно имеино тогда имел в виду вступить в войну с Германией, для помяиутого «объедииения» не потребовались бы «враги», а оно было бы достигнуто к началу войны. Разброд в умах отразил зигзагообразный курс, по которому ФДР в коиечном счете ввел Соединенные Штаты в войну.

Опрос общественного мнеиия в самом начале 1942 года продемоистрировал смятение умов. 26 процеитов опрошенных дали ответ — война за освобождение мира, 14 — война за освобождеиие, 13 — войиа за свободу, 11 — война против диктаторов, 9 — войиа за человечество, 7 — солидарнзировалнсь с ФДР: «война за то, чтобы выжить», 6 — иародная война, 5 — аитифашистская войиа, 5 — тотальная война и 4 процента — освободительиая война[7]. Преобладали все же мессиаискне лозунги, большой части американцев страсть как хотелось видеть себя спасителями мира.

Враги в форме были пока далеки, под рукой былн те, кого средний американец считал союзником микадо, — японцы, проживавшие в США. Они жили в штатах, прилегавших к западному побережью, главным образом в Калифорнии, — всего 112 тыс. человек, нз них 71 тыс. имела американское гражданство. Уже в первые дни войны было арестовано 1266 япоицев как «подозрительиые». Тысяч восемь японцев попыталнсь было избежать печальиой участи н рассеялись по стране. Везде, где бы они ни появлялись, их преследовали. Губериаторы штатов прнзывали к лютой неиависти к ним. Губернатор Айдахо Ч. Кларк учил: «Япошки живут, как крысы, размножаются, как крысы, ведут себя, как крысы». В дверях ресторанов выставили объявления: «Здесь травят крыс н япошек», в парикмахерских: «Япошек бреют, за смерть не отвечают». Им отказывали в магазинах, о работе говорить ие приходилось. Бдительным патрнотам зтого казалось мало — оии шумно требовали репрессировать всех без исключения японцев.

В военном министерстве составили подробиые планы заключения их поголовно, включая женщин и детей, в концентрациоииые лагеря. Дело оставалось за саикцией президеита. Рузвельт, занятый по горло текущими военными делами, не имел времени рассматривать объемнстое досье. Он решил дело просто и оперативно: 11 февраля президеит по телефоиу отдал соответствующий приказ военному министру Стимсону. Судьба более 100 тыс. человек, из них свыше 60 тыс. жеищин н детей, была решена в ходе одного телефоиного разговора! В отдалеииых местностях

США были сооружены концентрационные лагеря, куда за колючую проволоку американские солдаты загнали несчастных людей. Включая тех, у кого была шестнадцатая часть японской крови[8]. 18 марта ФДР создал военную переселенческую администрацию для управления ими во главе с М. Эйзенхауэром. Патриоты вздохнули полной грудью: Америка спасена от внутренней угрозы.

Президент, однако, заботился о безопасности и аванпостов. Он выдвинул план — согнать более чем стотысячное японское население Гавайских островов на один островок или выслать его в США. Ближайшее ознакомление с проблемой показало, что план Рузвельта нереален: не было необходимого тоннажа, а на Гавайских островах требовались рабочие руки. Рузвельт неохотно отступил, только 2 тыс. «подозрительных» были высланы в США.

Эти технические трудности оказались непреодолимыми и в других случаях. Министр юстиции Ф. Биддл принес проект прокламации об интернировании немцев. «Сколько их?» — осведомился Рузвельт. Министр назвал цифру около 600 тыс. человек. Обсудив проблему, собеседники сошлись, что это физически невозможно. Об интернировании итальянцев ФДР не заботился. Он отмахнулся: «А, эти! Всего-навсего оперные певцы».

В начале мая 1942 года министерство юстиции представило президенту подробный доклад о результатах расследований в связи с депортацией японцев в концентрационные лагеря: конфисковано 2600 револьверов, 1500 радиоприемников, 3000 фотоаппаратов. Однако, указывалось в докладе, «мы не обнаружили в ходе операции каких-либо опасных лиц, о которых мы не могли узнать другими путями. Мы не считаем, что конфискованный динамит или порох предназначались для каких-либо диверсий. Мы не нашли ни одного пулемета или револьвера в таких обстоятельствах, которые заставили бы предположить, что данный револьвер будет использован на пользу врагу. Мы не обнаружили ни одного фотоаппарата, в отношении которого можно было бы заподозрить, что он предназначен для шпионских целей»[9].

Рузвельт ознакомился с докладом. Это не изменило судьбу заключенных. Всю войну они пытались жаловаться на свою печальную участь. Когда одна из жалоб достигла Верховного суда, его большинство в решении от 18 декабря 1944 г. записало: «Мы считаем несправедливым называть переселенческие центры концентрационными лагерями в мрачном смысле этого термина». Судья О. Робертс, оставшийся в меньшинстве, все же отметил: «Так называемые переселенческие центры — эвфемизм для кон-

центрационных лагерей». Франклин Д. Рузвельт считал расправу с японцами справедливой; «великая демократия» защищалась методами, соразмерными своей силе и величине вражеской угрозы, точнее ее представлению обо всем этом.

По-иному думали невинно репрессированные люди. В начале 1945 года 5766 американцев японского происхождения, доведенные до отчаяния издевательствами в одном из лагерей, демонстративно отказались от гражданства США. Об их бедах и вообще о том, как именно в действительности страна готовилась к войне, стало известно много спустя — одним из первых действий президента после Пёрл-Харбора было создание 19 декабря 1941 г. управления цензуры. Печать и радио попали под жесткий контроль. Вспыхнувшее не слишком сильное недовольство только позабавило президента.

В начале января 1942 года у Рузвельта собрались привлеченные для подготовки ежегодного послания конгрессу. Адъютант сообщил, что министр юстиции Биддл явился с каким-то докладом. Рузвельт улыбнулся и обратился к присутствующим: «Фрэнсис ужасно обеспокоен гражданскими правами, особенно теперь. Он буквально оседлал меня, требуя не ограничивать их. Не смейтесь, не выдавайте меня, а я проучу его».

Вошел Биддл. Президент серьезно, почти торжественно произнес:

— Фрэнсис, вы кстати. Мы как раз обсуждали вопрос о гражданских правах во время войны, и я решил издать прокламацию, текст которой надлежит подготовить вам, отменяющую в значительной степени свободу слова и печати в военное время. Жаль, конечно, но я убежден, что это абсолютно необходимо, и хочу объявить об этом в своем послании.

Биддл широко раскрытыми глазами оглядел присутствовавших. Все промолчали. Он вскочил и произнес горячую речь в защиту демократических свобод. Рузвельт дал ему выговориться и только затем сказал — шутка.

ФДР счел, что начавшаяся война — дело серьезное и игра в демократию в это время неуместна. Да, подтверждает его биограф Дж. Барнс, «в войну Белый дом отнюдь не был сильным и стабильным оплотом гражданских прав»[10]. Адмирал У. Леги, назначенный председателем комитета начальников штабов, доверительно довел до сведения американских командующих: президенту нравится титул «главнокомандующий вооруженными силами» и он не хочет, чтобы его именовали по-иному[11]. Правда, армейскому командованию стоило труда отучить ФДР говорить о флоте «мы», а об армии «они». Работавшие с Рузвельтом отлично разгадали его желание быть военным руково-

дителем. Гопкинс и другие, не имевшие воинских званий, сочли возможным обращаться к ФДР «г-н президент», но по имени — никогда.

II

Определение американской стратегии потребовало консультаций с Лондоном. Черчилль начисто ликвидировал мучительную процедуру обмена телеграммами. Во главе внушительной делегации 22 декабря он явился в Вашингтон. Премьер был радостно взволнован: наконец исполнилась его давняя мечта — Англия и США стояли плечом к плечу, как товарищи по оружию. Рузвельт оказал Черчиллю радушный прием, премьеру отвели комнату в Белом доме, дверь в дверь с помещением Гопкинса. Ветераны-англичане были преисполнены решимости наставлять американцев.

Честолюбивые намерения гостей хозяин походя разрушил. ФДР прочитал Черчиллю небольшую лекцию об отношении в США к Англии: «Американская традиция — недоверие, нелюбовь и даже ненависть к Британии, знаете, тут воспоминания о революции, войне 1812 года, Индии, войне с бурами и т. д. Конечно, американцы разные, но как страна, как народ мы против империализма, мы просто не выносим его»[12]. ФДР поставил гостей на место, а засим — переговоры.

Хотя война против европейских держав «оси» считалась коалиционной, только Советский Союз вел широкие боевые действия против гитлеровской Германии. Рузвельт и Черчилль договорились, что стратегия плана ABC-1 — Германия враг номер один — верна и основные усилия США и Англии сосредоточиваются на европейском театре войны. Каким же образом, по крайней мере, в ближайшем будущем?

ФДР согласился с оценкой Черчилля: гитлеровский «режим держался до сих пор благодаря своим успехам, достававшимся ему без труда, дешевой ценой. Теперь же вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы (над СССР. — *Н. Я.*) ему предстоит в течение всей зимы выдерживать кровопролитные бои, которые потребуют огромного количества вооружения и горючего. Ни Великобритании, ни Соединенным Штатам не придется играть какую-либо роль в этом деле, за исключением того, что мы должны обеспечить точную и своевременную отправку обещанных нами материалов». Итак, в обозримом будущем план ABC-1 предстояло выполнять Советскому Союзу.

28 декабря Рузвельт распорядился возобновить приостановленные 7 декабря после Пёрл-Харбора поставкн по ленд-лизу Советскому Союзу. Чтобы не возникло кривотолков, он разъяснил Стимсону: «Вся русская программа жизненно важна для наших интересов».

Руководящие прннципы стратегии США н Англии были зафиксированы так: «В 1942 году основные методы преодоления сопротивления Германии будут заключаться в следуюшем: a) во все усиливающихся бомбардировках английских н американских воздушных сил, b) в помощи наступлению русских всеми имеющимися в распоряжении средствами, c) в блокаде, d) в поддержании повстанческого духа в оккупированных странах и организации подрывных действий».

Рузвельт и Черчилль согласились, что Тихоокеанский театр являлся второстепенным по сравнению с Европой. Начальник оперативного управления штаба армии генерал Д. Эйзенхауэр докладывал: несмотря на то что «общая боевая мощь» Германии и ее сателлитов в Европе выше, чем мощь Японии, последняя все же «относительно сильнее их», ибо не ведет боевых действий против Советского Союза. Исходя из стратегической аксиомы о том, что необходимо сосредоточить все силы против ослабленного врага, США должны заняться в первую очередь Германией. Правительство н командование США не хотели вступать в решающую схватку с Японией, пока она не была обессилена другими.

Поползновения Рузвельта побудить СССР совершить такие действия, которые вовлеклн бы его в вооруженный конфликт с Японией, былн пресечены Советским правительством. В Москве разглядели, что крылось за настойчивыми предложениями Вашингтона послать на советский Дальний Восток «помощь» — соединения американской бомбардировочной авнации. Эти предложения повторялись н в дальнейшем, однако Вашингтону не удалось добиться своего. Безрезультатную переписку по зтому вопросу завершило послание И.В. Сталина Ф. Рузвельту 13 января 1943 г.: «Нам нужны не авиачасти, а самолеты без летчиков, так как своих собственных летчиков у нас более чем достаточно. Это во-первых. А во-вторых, нам нужна Ваша помощь самолетами не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на советско-германском фронте, где нужда в авиационной помощи особенно остра».

Война против держав фашистской «оси» развернулась так, что не все их противники велн борьбу одновременно против Германии, Италии и Японии. По зтой причине, а также чтобы подчеркнуть, что США ни перед кем не имеют сознических обя-

зательств, Рузвельт отчеканил термин «Объединенные Нации». ФДР очень гордился своей находкой: его осенило после вечера бесплодных споров с У. Черчиллем! Едва встав на следующий день, он горел желанием поделиться своим открытием. Камердинер Преттимен наскоро одел президента и покатил в кресле в комнату Черчилля. Он постучал. Никакого ответа. Тогда ФДР нагнулся в кресле и забарабанил обеими руками в дверь. Раздался приглушенный голос:

– Кто там?

– Я, Франклин.

– Входите.

Преттимен вкатил кресло с президентом в пустую комнату.

– Где ты, Уинстон?

– В ванне.

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Хорошо, входите.

Черчилль щурился под маской мыльной пены.

– Уинстон, – закричал ФДР, – «Объединенные Нации» подойдет?

Лицо Черчилля расплылось в улыбке, искаженной хлопьями мыльной пены.

– Отлично!

Термин был найден, а непринужденная беседа в ванной, вероятно, дала повод для анекдота тех лет: Рузвельта ввезли в комнату Черчилля, когда тот расхаживал голый, окутанный только сигарным дымом. Смущенный президент хотел было удалиться. Черчилль остановил его: «Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента США». Когда Шервуд спросил самого Черчилля, было ли так, тот энергично опроверг слухи – он никогда не беседовал с президентом, не завернувшись хотя бы в купальное полотенце. «Я не мог бы сделать такого заявления. Президент прекрасно бы понял, что это неправда», – добавил Черчилль. Они знали друг друга – премьер и президент!

1 января 1942 г. в Вашингтоне состоялось торжественное подписание Декларации Объединенных Наций. Ф. Рузвельт, поставивший первым свою подпись под документом, определил порядок церемонии, вслед за ним расписались У. Черчилль, затем – посол СССР в США М.М. Литвинов, потом – представитель Китая. Представители других государств были приглашены на следующий день в госдепартамент, где в алфавитном порядке начальных букв названия своих стран присоединились к декларации. 26 государств и составили Объединенные Нации.

Каждое правительство, говорилось в декларации, «обязуется употребнть все свон ресурсы, военные нлн зкономическне, протнв тех членов Тройственного пакта и прнсоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне». Участники Объединенных Наций заявляли о том, что онн будут сотрудничать друг с другом н не заключат сепаратного мира с врагом.

12 января 1942 г. Рузвельт растолковал советскому послу, как США намереваются взаимодействовать с СССР. ФДР, сообщил посол в Москву, предложил "дать нам незамерзающий порт на севере, где-нибудь в Норвегии, вроде Нарвнка" н коридор к зтому порту, зто "было бы весьма справедливо". Что до советско-германского фронта, то "он говорил даже о замене наших войск на Кавказе американскими войскамн, дабы наши моглн действовать н на других фронтах. Американцы моглн бы оттуда послать на Украину свон летные силы. То же самое, мол, можно было бы сделать в Мурманске, который амернканцы защищали бы против немцев и финнов, и освободить там наши войска".

В тогдашней суровой н страшной обстановке на фронтах рассуждения ФДР выглядели сущим ребячеством. Но коль скоро он хотел знать мненне Советского правнтельства, послу поручилн передать: у СССР нет никаких претензнй к Норвегии, н поэтому предложенне "о занятии Нарвика советскнмн войскамн" не может быть принято. "Предложенне Рузвельта о том, чтобы советские войска были уведены с Кавказа н нз Мурманска и заменены американскими войсками, не нмеет сейчас практического значення"[13].

Ход вооруженной борьбы в мире определялся Красной Армией, нбо сокрушающую тяжесть войны нес только Советский Союз. Рузвельт писал Макартуру в мае 1942 года: «С точкн зрения большой стратегии в наступающую весну н лето ясен простой факт: русскне армии убивают больше нацистов н уничтожают больше вражеского снаряжения, чем все остальные 25 Объединенных Наций, вместе взятые».

Соединенные Штаты также участвовали в войне. Белый дом, у входа в который встали часовые, подавал прнмер. С 7 декабря 1941 г. на протяжении трех с половиной последующих лет резнденция президента была затемнена, а ворота закрыты. Члены конгресса прн распределении дефицитных зенитных орудий «Эрликон» подняли скандал — они требовалн, чтобы орудия былн установлены для защиты Капитолия. Батарея уже была поставлена на дежурство — на крыше здания, прнмыкающего к Белому дому.

Охрана президента была доведена до абсурда. Он пользовался бронированным автомобилем, весившим без малого 4 *т*. Объ-

езжал страну в железнодорожном вагоне «Фердинанд Магеллан», вес — 120 т, трехдюймовая стальная броня. Организована тщательная защита всех резиденций ФДР, начиная с Белого дома и кончая Уорм-Спрннгсом. Подземный ход соединял Белый дом с обширным бомбоубежищем. В случае нападения президента надлежало вывезти в одно из десяти тайных укрытий в Вашингтоне, а если возникнет крайняя опасность, его ждал на аэродроме бомбардировщик, постоянно находившийся в готовности. Чтобы избежать диверсий, все пакеты, поступавшие в Белый дом, просвечивались рентгеновской установкой, а счетчиком Гейгера измерялась их радиоактивность. Поступавшее на стол президента тщательно проверялось, а когда ФДР выезжал, с собой брали запас воды и молока.

От мирной жизни остались лишь поездки на пять — десять дней каждые два-три месяца в Гайд-парк. ФДР резко отказал Элеоноре превратить родной дом в госпиталь и при каждом посещении старался жить местными интересами. Сплетни о соседях, преувеличенное внимание к своему хозяйству, заботы о сохранении инвентаря и пр. Небольшой штат — Г. Гопкинс, но чаще секретарь Б. Хассетт представлял на подпись государственные документы. Никаких формальностей, иногда Хассетт восседал на стульчаке в ванной, пока президент, плескавшийся в воде, совещался с ним. ФДР, разумеется, не упускал возможности серьезно напомнить Хассетту, садившемуся на стульчак, что он одет. Элеоноры в доме не было, иногда ездили к ней обедать в ее коттедж поблизости. После обеда Рузвельт отправлялся к себе, в «большой дом». Разумеется, цензура не пропускала сообщений о поездках ФДР в Гайд-парк. Предполагалось, что он в Белом доме.

III

С Тихого океана и Дальнего Востока приходили удручающие вести. Японцы били американские войска, захватывали аванпосты США, и было неизвестно, где и когда будет поставлен предел их продвижению. Поражения Соединенных Штатов вызывали гнев в стране, усиливались требования бросить все на Тихий океан. Опрос общественного мнения в феврале показал: 62 процента — за сосредоточение сил против Японии, 25 процентов — за нанесение поражения Гитлеру. Это ставило Ф. Рузвельта перед трудной задачей — разъяснить, кто главный враг.

6 января 1942 г. Рузвельт приехал в Капитолий, чтобы прочитать конгрессу ежегодное послание о положении страны. Его

появление на трибуне вызвало неслыханную овацию: аплодисменты не стихали несколько минут. Хотя ФДР не сослался на решения, принятые в беседе с Черчиллем, он изложил их суть. Рузвельт рассказал, как он понимает распределение ролей между участниками фашистского блока. Охарактеризовав его как «заговор», ФДР указал, что роль Японии в блоке — «не допустить наших поставок вооружения Англии, России и Китаю, того вооружения, которое ускоряет день падения Гитлера. Нападение Японии на Пёрл-Харбор преследовало цель ошеломить и запугать нас до такой степени, чтобы отвлечь наши экономические и военные ресурсы на Тихий океан или даже для обороны Американского континента».

Пока Рузвельт мог занести в свой актив только поражения, поэтому он предпочел сосредоточить внимание не на настоящем, а на будущем. ФДР огласил ошеломляющую программу военного производства США на 1942 — 1943 годы. Сообщенные им данные потрясли слушателей, особенно тех, кто знал истинное положение вещей, — президент взял многие цифры с потолка. Он заверил, что в 1942 — 1943 годах США произведут соответственно: самолетов — 60 тыс. и 125 тыс., танков — 25 тыс. и 75 тыс., зенитных орудий — 20 тыс. и 35 тыс., спустят на воду суда общим тоннажем 6 млн. *т* и 10 млн. *т*.

В послании было множество удачных словесных находок. Одна из фраз — «мир слишком мал, чтобы предоставить жизненное пространство Гитлеру и богу» — стала крылатым лозунгом американо-английской пропаганды. Рузвельт выразил уверенность в конечном торжестве над врагом, указал, что война будет вестись наступательно, и закончил: «Никакой компромисс не завершит этот конфликт. Никогда нельзя достигнуть удовлетворительного компромисса между Добром и Злом. Только тотальная победа может вознаградить сторонников терпимости и приличия, свободы и веры».

Послание Рузвельта произвело значительное впечатление на американский народ. Тот, кому оно было прямо адресовано, счел возможным скинуть со счетов Америку. 7 января 1942 г. Гитлер подробно рассказал своим лизоблюдам, почему он не верит в силу США: «У американцев нет будущего. На мой взгляд, эта страна находится в упадке. У них расовая проблема и проблема неравенства... Как можно ожидать, чтобы эта страна устояла, — 80 процентов ее доходов поступает из кармана народа, ведь в ней все построено на долларе!» Германской пропаганде Гитлер отдал указание — «по всем станциям возможно чаще говорить о пьянице Черчилле и преступнике Рузвельте»[14]. По Гитлеру, «преступление» ФДР заключалось в том, что США взяли сторону СССР.

Проходили недели, а волна японского наступления поднималась все выше, размывая, как замки из песка, американские и английские бастионы на Тихом океане. Тихоокеанский флот США был нейтрализован еще в Пёрл-Харборе, остатки азиатского флота вели отчаянные арьергардные бои в морях, омывающих Индонезию. На Филиппинах американские войска сдавали свои позиции. Острие японского наступления было направлено на Австралию. 15 февраля пал оплот английского могущества на Дальнем Востоке — Сингапур.

В Соединенных Штатах нарастало смятение. Тогда Рузвельт объявил, что в «беседе у камелька» он объяснит соотечественникам военную обстановку. Ее наметили на день рождения Дж. Вашингтона. Поскольку в 1942 году он падал на воскресенье, а ФДР давно отказался от выступлений по воскресным дням, чтобы не отвлекать верующих из храмов, — «беседа у камелька» была назначена на 23 февраля. Ударная бригада — Гопкинс, Шервуд и Розенман — села за подготовку речи.

Гопкинс сообщил основную идею: «Президент не хочет убаюкивать американский народ. Он хочет, чтобы люди поняли — идет война с отчаянными сукиными сынами, самыми жестокими ублюдками в мире. Он хочет, чтобы народ понял, с кем имеет дело». Трое составителей провели несколько бессонных ночей и сочинили нужную речь. Кухня Белого дома не жалела бутербродов, кока-колы, кофе и коньяка, а составители щедро оснастили речь разными эпитетами.

Вечером 23 февраля американцы услышали голос главнокомандующего. Он предложил им развернуть карту мира и взглянуть на нее (газеты получили указание напечатать карту в этот день). ФДР очень внимательно и спокойно подсчитывал расстояния, которые оказались виновными в том, что американцы не могли оказать должного сопротивления на Тихом океане, — до их баз было далеко.

Рузвельт напомнил, что во время войны за независимость в XVIII веке «восемь лет генерал Вашингтон и его армия стояли перед лицом значительно превосходившего их врага и несли непрерывные поражения». Он предложил черпать из прошлого уверенность в будущем. «В Берлине, Риме и Токио о нас говорят как о нации слабаков, «плейбоев», которые нанимают английских, русских и китайских солдат сражаться за нас.

Пусть повторят они это теперь!

Пусть скажут они это генералу Макартуру и его людям!

Пусть скажут они это ребятам в "летающих крепостях"!»

Но, предупредил ФДР в заключенне, «тнранню, так же как ад, победнть нелегко». Слова, написанные Томасом Пейном на барабане вместо письменного стола в 1776 году, а точнее, фольклорные сказания о войне за незавнснмость, уместно прозвучалн в суровый 1942 год[15].

Пока презндент беседовал перед микрофоном «у камелька» в затемненном Белом доме, у побережья Калифорнии, вблизн Санта-Барбары, всплыла японская подводная лодка. Японскне адмиралы прнказалн ознаменовать речь Рузвельта артиллернйскнм обстрелом побережья. Несколько снарядов попалн в скотоводческую ферму. Жертв не было. Следующей ночью в Лос-Анджелесе была объявлена воздушная тревога. Стрельба в чистое небо шла всю ночь. Истерия перебросилась н на столнцу: на третью ночь в Вашингтоне дважды звучалн снгналы воздушной тревоги, оказавшейся ложной. ФДР потребовал расследования. «С этого момента угроза с воздуха для континентальной части Соединенных Штатов уменьшилась», — съязвил Шервуд.

ФДР проявил необычайный ннтерес н вкус к делам, которые почтн не вошли в официальную нсторию войны. Он очень много занимался постановкой пропаганды, в том числе «черной» — дезинформацией противников, что входило в компетенцию УСС. В ряде речей, еще до вступления США в войну, он опирался на матерналы, добытые американской н английской разведкамн. Однако в них далеко не все удовлетворяло ФДР. В конце 1941 года ему доставилн сборник «Черная нсторня» — яростные антигерманскне речи лорда Р. Ванситтарта. ФДР передал его Доновану для возможного нспользования, предупредив: «Я полагаю, что, пытаясь нзобразить немцев варварами на протяжении тысячи лет, хватают через край. Следует подчеркивать несколько иное — внну германского народа за то, что он разрешает существованне крайне разрушительного руководства, и вину самого руководства».

Когда в речи 23 февраля ФДР обрушился на «шептунов и злостных сплетников в нашей среде», он пересказал секретные сводкн спецслужб. За речью президента последовала сосредоточенная ннспирнрованная кампания печати н радио против «пятой колонны». Общественное мнение было создано. Рядом прнказов пересылка по почте пропагандистских материалов недавних «изоляционистов» н лнц, снмпатизировавших державам «оси», была запрещена. Он ничего не забывал. Те, кто в канун войны был против его полнтикн, подверглнсь остракнзму. Как нн домогалнсь, напрнмер, Дж. Кеннеди н Ч. Лнндберг с вновь обретенной страстью получить военные назначения,

Рузвельт безоговорочно отказал. Были закрыты некоторые печатные органы, 33 их наиболее активных издателя сели на скамью подсудимых, осуждены и угодили за решетку. Пощадили только «отца» Ч. Кофлина: Рузвельт полагал, что судебное преследование его может вызвать неблагоприятную для правительства реакцию среди католиков в стране.

Поток специально подготовленных передач и статей обрушился на американцев. Они готовились в централизованном порядке Управлением военной информации, созданным в июне 1942 года под руководством Э. Дэвиса. Сам ФДР включал в свои выступления героические эпизоды: как «летающая крепость» отбилась от 18 японских истребителей, о подвигах экипажа подводной лодки «Сквалус». Он успешно использовал старый прием — множество рассказов об индивидуальном героизме создают нужное настроение. О достоверности их не заботились. Японский линкор «Харуна» не был потоплен американским летчиком, морские пехотинцы на Уэйке не радировали — «дайте нам еще японцев», а сдались, сражение в море у Борнео не было выиграно американцами и т. д. Правда или ложь не имели значения — опросы общественного мнения показали, что Рузвельт стоит на верном пути. Если 11 марта 1942 г. лишь 49 процентов опрошенных считали, что Англия делает все для ведения войны, то 23 апреля так ответили уже 65 процентов. Побед у западных союзников за шесть недель — ноль, лишь нарастала пропагандистская кампания, направлявшаяся президентом.

Наконец 18 апреля 1942 г. в интересах пропаганды ФДР нанес мастерский удар. По его приказу авианосец «Хорнет» скрытно подошел примерно на 1 тыс. *км* к Японским островам. 16 бомбардировщиков, стартовавших с авианосца, сбросили бомбы на Токио. Назад вернуться они не могли — авианосец не мог принять тяжелые машины. Экипажи получили туманные инструкции приземлиться где-нибудь в Китае, на территории, контролировавшейся гоминдановцами. Самолеты кое-как приземлились. Трое летчиков попали в плен к японцам и были казнены. Рузвельт был весьма удовлетворен набегом. На пресс-конференции у президента попытались выяснить, откуда вылетели бомбардировщики.

Он загадочно ответил: «Из Шангри-Ла»[16]. Больше от ФДР ничего не добились. Налет породил крайне преувеличенные слухи о возможностях Соединенных Штатов, чего, собственно, и добивался Рузвельт.

«Я всей душой готов вводить в заблуждение и говорить неправду, — доверился Рузвельт Моргентау весной 1942 года, — если это поможет выиграть войну».

Рузвельт поднимал боевой дух американцев искусственными средствами. Однако все его усилия пропали бы даром, если бы Красная Армия не только не остановила врага под Москвой, но и погнала его. Вести о победах советского народа были единственным светлым пятном на фоне бесконечных поражений США и Англии в войне с Японией.

В речи 23 февраля ФДР говорил о тяжких испытаниях на Тихом океане. И в этот же день с этого театра военных действий пришла в Москву телеграмма генерала Д. Макартура по случаю Дня Красной Армии. Генерал, загнанный японцами на крошечный островок Коррехидор в Манильском заливе, писал: «Мир возлагает свои надежды на доблестные знамена русской армии. За мою жизнь я принимал участие в ряде войн, был свидетелем других и подробно изучал кампании великих полководцев прошлого. Ни в одной из них я не видел такого прекрасного сопротивления тяжким ударам доселе непобедимого противника, за которым последовало сокрушительное контрнаступление, отбрасывающее врага к его собственной стране. Размах и величие этих усилий являются высочайшим военным достижением во всей истории».

Генерал Д. Макартур, испытавший горечь унизительных поражений, истово уверовал в то, что Красной Армии, сокрушившей вермахт у ворот Москвы, под силу вызволить его и американский гарнизон на Коррехидоре! Как пишет его биограф У. Манчестер, «именно в это время Макартур решил, что он должен умереть. Казалось, не было иного выхода. На один безумный миг он решил, что Сталин может спасти его. Он написал это цветистое послание (в Москву. — *Н. Я.*) ... и ждал. Он ждал.., но транспорты с войсками Красной Армии так и не появились у берегов Лусона». И не могли появиться, Советский Союз сражался один на один с Германией и ее европейскими сателлитами.

В Вашингтоне уже в конце 1941 года списали войска Макартура и его самого со счетов. «Знаете, — сказал Стимсон Черчиллю тогда, — бывают времена, когда нужно умереть». Рузвельт, конечно, не сообщал Макартуру об уготованной ему участи, а, напротив, слал послание за посланием с уверениями в скорой выручке. Тем и поддерживал боевой дух Макартура и его войска. Вероятно, он уже подсчитывал пропагандистские дивиденды, которые США извлекут из борьбы до последнего солдата на Филиппинах.

Прекрасный план осуществить не удалось. В США республиканская партия, «Нью-Йорк таймс», многие влиятельные лица

требовали вывезти полководца с Филиппин. В конгресс внесли билль о назначении Макартура командующим всеми американскими вооруженными силами. Правительство Австралии считало, что без Макартура не сумеет отбить врага. ФДР смирился, в начале марта 1942 года Макартур покинул войска и выехал с великими трудностями в Австралию. Он запомнил. Он скажет по поводу смерти ФДР: «Итак, Рузвельт мертв, человек, никогда не говоривший правды, если ложь могла служить его целям»[17].

В зиму 1941/42 года добрые вести приходили в США только с востока, где под Москвой загорались первые лучи солнца победы. Американцы заново изучали географию по названиям до тех пор им не известных населенных пунктов, освобождавшихся советскими войсками в мучительно трудном продвижении на запад. Солдат Красной Армии вырастал в исполинскую фигуру освободителя мира от нацистской чумы.

Уважение к подвигам советских людей быстро дополнялось чувствами симпатии. ФДР чутко следил за барометром общественного мнения. В большой речи 27 апреля он воздал должное «сокрушительному контрнаступлению великих русских армий против могучей германской армии. Русские войска уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов — солдат, самолетов, танков и орудий, чем все остальные Объединенные Нации, вместе взятые»[18].

Победы Советского Союза уже ранней весной 1942 года остро поставили вопрос о том, какую помощь и когда смогут оказать западные союзники советскому народу. Страна в целом, хотя и нехотя, согласилась с президентом в том, что основной враг — Германия, а Тихий океан — второстепенный театр военных действий. Следовательно, не туда отправится основная масса войск, обучавшихся в бесчисленных лагерях. Настоятельным требованием стало — янки не должны бездействовать, пока доблестный союзник схватился в единоборстве с силами, которые представляют — и это неоднократно подчеркивал сам ФДР — смертельную угрозу Америке.

Бездействие правительства побудило популярнейшего публициста Д. Пирсона выступить с едкой речью по радио, а его слушали по воскресным дням 15 млн. человек. Он не стал бросать упреков президенту, но заявил, что Хэлл стремится, чтобы СССР «истек кровью». Публичное обвинение Пирсона больно уязвило президента — публицист нанес удар по его официальной семье. ФДР сурово предупредил, что такие высказывания легко истолковать как оскорбление союзника. Но Пирсона, квакера

по убеждению н правдонскателя по собственному мнению, нельзя было остановнть.

Он дополнительно сообщил, что русскне знают «о последовательных антирусских убеждениях Хэлла», н разъяснил: «Поэтому мне нет необходимости говорнть им об этом. Однако, если президенту нужен козел отпущения, я охотно нм стану, н пусть сказанное мною поможет правнтельству доказать словами то, что не доказывают его дела». Пнрсон заказал множество плакатов, где он был изображен в профиль, с надписью: «Человек, которого президент назвал лжецом». В конечном счете Пирсон добивался популярностн, но если даже он, гангстер пера, счел подходящим для этого поводом упрекн правительству в бездействии, тогда нетрудно нзмерить силу широких требоваинй протянуть руку помощи СССР.

3 апреля 1942 г. Рузвельт предостерегает Черчилля: «Ваш н мой народы требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских. Наши народы не могут не видеть, что русскне убивают больше немцев н уничтожают больше вражеского снаряжеиия, чем США и Великобрнтания, вместе взятые»[19]. Это одна сторона дела, другая – руководнтелн США все еще опасались конечного поражения СССР в войне с Германней. Они считали, что успехи Красной Армии в значительной степенн были подготовлены «генералом Зима», и нспытывалн опасения по поводу исхода неизбежного летнего наступления гитлеровцев на советско-германском фронте.

Весной 1942 года американскне штабы подготовилн план вторжеиия на Европейский континент с запада, через Францию. 25 марта Рузвельт рассмотрел его. Он предложил было передать план Объединенному комитету начальников штабов. Но, по словам Стимсона, «Гопкиис принял мяч н убедительно доказал, что предмет этот (план вторжения. – *Н. Я.*) не должен попасть в руки этой организацин, там его просто-напросто раздерут в клочья н кастрнруют»[20]. ФДР согласился.

1 апреля план рассматривался на новом заседании в Белом доме. На 1 апреля 1943 г. предусматривалась высадка во Франции 48 дивизий прн поддержке 5800 самолетов. На случай, еслн советско-германский фронт окажется на грани «развала» илн резко ухудшится положение Германии, на сентябрь – октябрь 1942 года была запланирована чрезвычайная высадка на континент силами пяти дивнзий. Рузвельт одобрил план н даже перенес срок чрезвычайной высадкн на август. В какой мере он был нскренним – решить невозможно, но американскне командующие поверилн в серьезность намерений презндента. Поскольку эти операции должны были проводиться совместно с Ан-

глией, а базой войск вторжения были Британские острова, в Лондон отправились для переговоров Гопкинс, генерал Маршалл и адмирал Кинг.

8–14 апреля они объяснили английскому правительству план. Черчилль и его окружение впервые увидели Гопкинса в деле. Вероятно, именно тогда они окрестили его «лорд — корень вопроса». Как бы то ни было, английское правительство согласилось с планом. Однако то было неискреннее согласие, а Вашингтон, в свою очередь, превратил второй фронт в объект недостойной дипломатической игры в отношениях с СССР.

Еще в конце 1941 года Советское правительство поставило вопрос перед западными союзниками о признании ими границ СССР 1940 года. В Лондоне остро понимали необходимость укрепления союзнических отношений с СССР и решили пойти навстречу. Вашингтон резко выступил против. Но как объяснить это Советскому правительству? Рузвельт решил, что обещание второго фронта даст возможность избежать признания советских границ. Рузвельт пригласил в Вашингтон советскую делегацию.

11 апреля ФДР пишет в Москву: «Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с таким использованием наших вооруженных сил, которое облегчит критическое положение на вашем Западном фронте. Я придаю этому громадное значение». Официальный американский историк Г. Файс комментирует: «Здесь ключ к поспешному, преждевременному приглашению» советской делегации в Вашингтон. «Нужно было отвлечь Советское правительство от одного блага к более заманчивому и привлекательностью скорой военной помощи отвлечь его внимание от границ»[21].

В результате американского нажима на Лондон в советско-английском союзном договоре, подписанном 26 мая 1942 г., вопрос о западных границах СССР был опущен. Рузвельт добился своего. Оставалось сманеврировать так, чтобы отказаться от открытия второго фронта. Как? К. Люс как-то заметила о ФДР военных лет: «Каждый крупный руководитель имеет свой типичный жест — Гитлер выкидывает руку, Черчилль показывает пальцами V (победа), Рузвельт?» Она смочила указательный палец слюной и подняла его.

Итак, куда ветер дует...

В конце мая — начале июня 1942 года Рузвельт вел переговоры с советской делегацией. Он категорически заверил, что второй фронт будет открыт в 1942 году. Чтобы подчеркнуть деловой подход США к проблеме, ФДР указал, что США не смогут обеспечить обещанный объем поставок по ленд-лизу в СССР —

суда нужны для переброски войск и грузов на Британские острова для последующего вторжения на континент. Если за год, начиная с 1 июля 1942 г., первоначально намечалось отправить в СССР 8 млн. *т* грузов, то подготовка второго фронта заставила сократить это количество до 2,5 млн. *т*. Советское правительство согласилось.

11 июня в Вашингтоне было подписано американо-советское соглашение «о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии», регулировавшее расчеты по ленд-лизу. Соглашение это было аналогичным всем другим соглашениям, заключавшимся США со странами – получателями ленд-лиза. 12 июня из коммюнике, опубликованном в Москве и Вашингтоне, мир узнал: между США и СССР «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

А на южном крыле советско-германского фронта шли тяжелые бои, враг рвался к Волге и Кавказу. Рузвельт, внимательно следивший за ходом вооруженной борьбы, пришел к выводу, что «спасать» СССР, по всей вероятности, не придется. Тут высказался Черчилль, заявивший, что, пока вермахт не будет деморализован в войне с СССР, западные союзники не должны открывать крупных военных операций в Европе. Последовали сложные американо-английские переговоры. 24 июля ФДР согласился с Черчиллем. Они договорились осенью 1942 года провести высадку в Северной Африке.

Операцию задумали в недрах УСС. Донован еще до вступления США в войну в октябре 1941 года, докладывая ФДР первые наметки ее плана, подчеркивал: «То будет конкретная иллюстрация наших возможностей»[22]. УСС до отказа использовало сохранение дипломатических отношений США с режимом Виши. Французские владения в Северной Африке были наводнены агентурой УСС. Возглавлявший ее личный представитель Р. Мэрфи указывал: «Политика правительства США в отношении французской Северной Африки была личной политикой президента»[23].

Американское командование негодовало, не выходя за рамки военной дисциплины. Штаб армии докладывал президенту: «Если немцы схватят за горло русскую армию, то никакие булавочные уколы не отвлекут их от поставленной цели. И чем дальше от нацистской цитадели будут проводиться такого рода операции, тем меньшие результаты они дадут». Штаб подчеркивал, что успех вторжения будет зависеть от «готовности пойти на риск и жертвы, связанные с захватом плацдарма». Если эта аргументация была способна убедить ФДР, то только в том, что со

вторым фронтом торопнться не нужно. Он делал ставку на то, чтобы США сохранилн свон силы, а генералы, по его мнению, рвались расточать их. Едва лн онн осмелилнсь бы досаждать главнокоМандующему свонми меморандумамн, еслн бы знали не только об усилиях УСС, но хотя бы о популярной лекции по стратегии, которую презндент прочитал своему сыну Эллиоту в начале 1942 года. «Ты представь себе, — говорил ФДР сыну, — что это футбольный матч. А мы, скажем, резервные нгрокн, сидящне на скамье. В данный момент основные нгрокн — это русскне, китайцы н в меньшей степенн англнчане. Нам предназначена роль нгроков, которые вступят в нгру в решающий момент. Еще до того, как нашн форварды выдохнутся, мы вступим в нгру, чтобы забнть решающий гол. Мы придем со свежнмн силамн. Еслн мы правильно выберем момент... Я думаю, что момент будет выбран правильно»[24].

То была не семейная беседа отца с сыном. Строя амернканскую снстему разведкн, ФДР полагался только на абсолютно надежных людей. США наладилн авнафоторазведку с больших высот вражеской нлн оккупированной террнторнн. «Эллнот Рузвельт был назначен начальником ее в Европе. Сомнительно, чтобы остался хоть угол в Западной Европе и Северной Африке, который не был бы снят с воздуха. Со временем эти операцнн былн распространены на Тнхий океан н Юго-Восточную Азию»[25].

Что касается тогдашних военных действнй, то ФДР с добродушной улыбкой объяснил свонм командующим: обещания открыть второй фронт «нмелн целью лншь обнадежить Советское правнтельство». Стимсон н Маршалл не моглн поверить своим ушам. Терзаемые мрачнымн предчувствнямн по поводу нсхода немецкого наступлення в СССР, они уже виделн победоносную Германию, перебрасывающую силы на запад. Онн нашлн подход ФДР ко второму фронту в Европе в 1942 году «безответственным», а его объяснения — «фривольнымн, он вел себя как ребенок». Генералы терялнсь в догадках, нбо с военной точки зрения переключенне уснлий США в Северную Африку представлялось абсурдом.

По всей вероятности, после некоторого замешательства они сообразили, что в дело замешана высокая полнтика. Онн попыталнсь получить подтвержденне у ФДР, хотя бы уяснить положение для себя. Начальникн штабов обратились к Рузвельту с докладной, высказав предположенне: «Итак, советскне победы, а не неминуемое пораженне Советов, становятся решающей предпосылкой вторжения в 1943 году». ФДР никак не реагнровал.

12 августа в Москву приехал Черчилль. Он сообщил, что второй фронт не будет открыт в 1942 году. Прибывший с ннм

представитель Рузвельта А. Гарриман подтвердил — так и будет. Это поставнло Советский Союз, сражавшийся один на один с Германней н ее европейскимн сателлитами, в тяжелое положеиие — советское командоваине, планируя осеннюю н знмиюю кампаиии в 1942 году, рассчитывало, что на западе развериутся активиые операцин.

В Вашингтоне понималн, в какое неловкое положение поставили себя США и Англия, вероломно нарушив торжественные обязательства. 19 августа Ф. Рузвельт пишет И.В. Сталину: «Я весьма сожалею, что не смог принять участия с Вами и г-ном Черчиллем в совещаннях, которые недавио проносходилн в Москве... Соединеииые Штаты хорошо поннмают тот факт, что Советскнй Союз иесет основную тяжесть борьбы н самые большне потерн на протяжеиии 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены велнколепным сопротивленнем, которое продемонстрнровала Ваша страна. Мы придем Вам на помощь по возможности скорее и по возможностн большими силами, как только сможем зто сделать, н я надеюсь, что Вы верните мне, когда я сообщаю Вам об этом». Советское правительство приняло это посланне к сведенню.

Осенью 1942 года, когда иа советско-германском фронте шли особеиио тяжелые н кровопролнтные сражения, ФДР поддержал советский народ теплыми посланиямн на нмя И.В. Сталина.

5 октября: «Я посылаю Вам мон самые сердечные поздравлеиия с велнколепными победами советских армий н мон наилучшие пожелання Вам дальнейшего благополучия. Верьте мне, искренне Ваш Франклин Д. Рузвельт».

9 октября: «Доблестная обороиа Сталинграда глубоко взволиовала в Америке всех, н мы увереиы в ее успехе».

19 ноября: «Мне не приходится говорнть Вам о том, чтобы Вы продолжалн хорошую работу. Вы делаете это, и я искренне считаю, что дела везде выглядят в более благоприятном свете. С горячим приветом Рузвельт».

Советские люди иуждались прежде всего в военной помощн. ФДР заверял, что делается все, чтобы ускорить отправку вооружения н снаряжения. На деле, замечают американскне военные историки Р. Лейтон и Р. Коаклн, «когда решалась судьба велнкого сражения под Сталинградом, поставкн нз Соединенных Штатов далеко не достнглн обещанного по второму протоколу. К концу ноября 1942 года было отправлено 840 тыс. *т* грузов против 1 608 тыс. *т*, намеченных по плану». Осенью 1942 года, ссылаясь на трудностн, Англия и США прекратилн проводку конвоев н северные порты Советского Союза. Все это, естест-

венно, наложило отпечаток на американо-советские отношения.

ФДР тем не менее стал в позу. 28 октября он пишет Черчиллю: «Меня не особенно тревожат полученные нами ответы или отсутствие ответов из Москвы. Я решил, что они не пользуются даром речи для тех же целей, как мы... (он не заметил убийственной иронии в собственный адрес в этих словах. – *Н. Я.*). Я вполне убежден, что русские продержатся эту зиму и что нам следует решительно осуществлять наши планы как в смысле снабжения их, так и отправки военно-воздушных сил для участия в боевых действиях на их фронтах. Я хочу, чтобы мы имели возможность сказать г-ну Сталину, что мы выполнили наши обязательства на 100 процентов».

Логика президента имела мало общего с действительностью. Как можно совместить это заявление с тем, что действительно делали США летом и осенью 1942 года! Впрочем, стоит ли морализировать, послушаем компетентных людей. Д. Эйзенхауэр назвал день, когда было принято решение об отказе от вторжения в Европу, «самым мрачным в истории». Гопкинс никак не разделял предостережения Черчилля о том, что Ла-Манш станет «рекой крови».

Когда кончилась война, генерал Маршалл высказался прямо: «Нынешнее поколение американцев надолго запомнит мрачные дни 1942 года, когда японцы захватили Малайю, оккупировали Бирму, создали угрозу Индии, в то время как германские войска подошли к Волге и Суэцу. В то время Германия и Япония оказались настолько близки к завоеванию господства над миром, что мы до сих пор по-настоящему не осознали, насколько тонкой была нить, на которой держалась судьба Объединенных Наций. Ради справедливости следует сказать, что наша роль в предотвращении катастрофы в те дни не делает нам чести»[26].

Катастрофу отвратили русские солдаты, выдержавшие натиск врага в Сталинграде и предгорьях Кавказа с безграничным мужеством и тяжкими потерями.

V

Война потребовала крутой перестройки жизни в США. Развертывание вооруженных сил, мобилизация ресурсов необычайно расширили и усложнили работу правительства. ФДР не стал возлагать новые функции на старые ведомства, а приступил к организации дополнительных управлений, бюро и т. д. Вашингтон стал средоточием громадного количества органов, специально

созданных для обеспечения вооруженной борьбы. Перечень только некоторых из них, учрежденных в 1942 году, показывает, насколько удлинилась рука правительства и утолщился слой бюрократии.

12 января создано национальное управление по трудовым отношениям; 16 января — управление военного производства; 26 января — объединенное управление по сырью, управление по распределению заказов на боеприпасы, управление по контролю над судоходством; 7 февраля — военная администрация судоходства; 24 февраля — национальное агентство по жилью; 11 марта — управление держателя собственности чужеземцев; 7 апреля — управление рационирования ресурсов; 18 апреля — военная комиссия по людским ресурсам; 15 мая — вспомогательный женский корпус; 9 июня — объединенные управления по производству, ресурсам и продовольствию; 25 июля — военное управление помощи; 6 августа — управление по производству синтетического каучука; 3 октября — управление экономической стабилизации.

Хотя несколько лет назад эти меры ФДР были бы заклеймены имущими классами как «федеральный экстремизм» или какнибудь еще в этом роде, теперь особых протестов не заявлялось. Рузвельт на деле доказал: страхи крупного капитала по поводу того, что он использует войну, чтобы двинуть дальше реформы, начатые «новым курсом», совершенно необоснованны. А опасения эти были широко распространены — их испытывали, согласно опросу журнала «Форчун» в ноябре 1941 года, три четверти американских бизнесменов. Они быстро убедились: вашингтонские бюрократы — их верные союзники и первый из них — ФДР. Почти все ведомства, созданные для ведения войны, возглавляли представители крупного капитала. Они толпами нахлынули в Вашингтон, предлагая направо и налево свои услуги. Монополии и их друзья в конгрессе вызвали к жизни феномен, невиданный в американской истории, — «людей за доллар в год» (dollar-a-year men), получавших символическое вознаграждение — доллар в год.

С вступлением США в войну обнаружились различные недостатки в области мобилизации промышленности. Выяснилось, что до 7 декабря 1941 г., в сущности, было проделано очень немного. Автомобильная промышленность, несмотря на все увещевания правительства, продолжала выпускать главным образом легковые машины, не торопилась перейти на военные рельсы. Компетентность «людей за доллар в год» была поставлена под сомнение. Даже комитет сената под руководством сенатора Г. Трумэна, больше года расследовавший положение в военной

промышленности, на рубеже 1941 и 1942 годов пришел к выводу, что система руководства при помощи «людей за доллар в год» должна быть безусловно ликвидирована. Рекомендации комитета были представлены Рузвельту.

Президент ответил назначением в январе 1942 года на пост руководителя ключевого управления военного производства крупного монополиста Д. Нельсона. Он был наделен практически неограниченными правами. Трумэн, делавший карьеру под сенью Белого дома, почувствовал, куда дует ветер. Он сделал поворот на 180° и заявил, что сенатский комитет больше не возражает против системы «людей за доллар в год». К 1943 году свыше 800 ключевых постов были заняты ими.

Попытки организованного рабочего движения создать совместные советы (из представителей рабочих, промышленников и правительства) для управления военным хозяйством ФДР игнорировал. Почему? Исследователь вопроса Б. Каттон, в годы войны возглавлявший бюро информации управления военного производства, откровенно пишет: «Альтернативой системе «людей за доллар в год» были бы совершенно иные военные усилия. Почти неизбежно они оказались бы глубоко и постоянно революционными. Что-нибудь вроде плана Мэррея – создание во всей промышленности сверху донизу советов, ответственность в которых непосредственно несли бы рабочие, инженеры и управляющие. Конечно, контроль оказался бы более жестким, однако другого рода, который привел бы к утверждению права и обязанности федерального правительства игнорировать интересы крупного капитала во время кризиса. Принять решение против системы «людей за доллар в год» означало бы создать совершенно новую систему. Эту систему, возникшую в испепеляющем пламени войны, было бы трудно ликвидировать с ее окончанием»[27].

Рузвельт не вынес такого решения, а подтвердил авторитетом правительства право крупных монополий вести экономику. В засилье монополистов он не видел ничего из ряда вон выходящего. Когда Нудсен представил ему список руководителей управления военного производства, ФДР утвердил его, заметив: «В нем ошибка, Билл. Один из них демократ». На что Нудсен в тон президенту ответил: «Нет, г-н президент. Я проверил прошлое этого человека, в минувшем году он голосовал за Уилки».

Одновременно ФДР нажимал на рычаги государственного регулирования, чтобы упорядочить хозяйственную жизнь. В очень длинном послании конгрессу 27 апреля 1942 г. он потребовал в интересах борьбы с инфляцией «замораживания» цен, заработной платы, квартплаты, а также ограничения чистой при-

были отдельных лиц на время войны 25 тыс. долл. в год. Частично эти меры были проведены, но конгресс никак не прореагировал на предложения президента ограничить прибыли и цены на сельскохозяйственные продукты. В высших правительственных советах Вашингтона споры приобрели скандальный характер. В конце лета 1942 года ФДР пишет записку С. Роземану по поводу очередной схватки Г. Моргентау и руководителя бюро бюджета Г. Смита. «Запри Гарольда Смита, известного как «боевой Смит», в комнату с министром финансов, именуемым «моряком Моргентау», и выпусти того, кто останется в живых. ФДР». Шутка, очевидно, была горькой.

Советники Рузвельта пытались побудить его ввести нужные ограничения исполнительным приказом — на время войны президент получил все полномочия для этого. ФДР все же решил заставить действовать конгресс. 7 сентября 1942 г. он направил довольно резкое послание конгрессу, предупредив, что, если до 1 октября конгресс не вынесет решения, президент собственной властью проведет необходимые меры. Вечером 7 сентября ФДР в «беседе у камелька» разъяснил суть своих предложений.

Он рассказал печальный эпизод. Американский летчик, отправлявшийся бомбить японские авианосцы, сказал своим товарищам по эскадрилье: «Помните, наши соотечественники на родине рассчитывают на нас. Я попаду, даже если придется вместе с самолетом врезаться в полетную палубу вражеского авианосца». Летчик не вернулся на базу. «Он сказал, — продолжал ФДР, — что мы можем рассчитывать на него и его товарищей. Мы рассчитывали не напрасно. Однако имеют ли право эти ребята рассчитывать на нас? Что мы делаем здесь для победы? Ответ — мы не делаем достаточно... Войны не выигрываются солдатами, которые в первую очередь заботятся о собственной безопасности. И войны не выигрываются людьми, думающими прежде всего о своих удобствах и чековых книжках».

Конгресс вотировал меры по некоторому ограничению прибылей и цен на продукты сельского хозяйства. 3 октября Рузвельт назначил члена Верховного суда Дж. Бирнса руководителем управления экономической стабилизации. Его ведомство расположилось в восточном крыле Белого дома. Фактически он стал правой рукой президента по внутренним делам. Работы у Гопкинса поубавилось. ФДР считал назначение Бирнса удачей — он был связан с демократами южных штатов и обеспечивал президенту их поддержку.

Снова и снова ФДР подчеркивал — война не время для реформ. Когда ему предложили ограничить расовую сегрегацию, ФДР счел это «преждевременным», разъяснив: «Мы должны сна-

чала начать выигрывать войну.., прежде чем заниматься широким планированием на будущее... Нужно не уходить от реальностей войны. Я не убежден, что мы можем одновременно быть реалистами в войне и планировщиками на будущее». Ф. Перкинс, готовившую речь о внесении изменений в социальное обеспечение, Рузвельт просил помнить и выделить: «Это отнюдь не меры нового курса, как сочтут некоторые»[28]. Он не хотел дать даже повода помыслить, что правительство пойдет на какие-нибудь реформы, имеющие социальное звучание.

Хотя побед в войне не было, ФДР в предвидении очередных выборов в конгресс в речи 12 октября укреплял веру в военное командование. Он пытался доказать, что отказ от открытия второго фронта был разумным. «Я хочу сказать только одно о наших планах: они принимаются не чернильными стратегами, выражающими свои взгляды в печати и по радио. Один из величайших американских полководцев, Роберт Э. Ли, как-то заметил, что в войне в его дни все лучшие генералы, по-видимому, работали в газетах, а не в армии. Сказанное им, вероятно, верно для всех войн». Советники побудили ФДР исключить из речи следующее заявление: «Один кабинетный стратег или комментатор опаснее для дела победы демократической страны, чем десять „медных касок"» (так в США называют военщину). Они сочли, что осенью 1942 года это суждение принесет больше вреда, чем пользы.

Рузвельт делал все, чтобы не подорвать национальное «единство», всячески подавляя межпартийную борьбу. ФДР подал пример – в 1942 году происходили промежуточные выборы в конгресс. Он подчеркнуто не выступал с политическими речами. В сентябре президент выехал в двухнедельную поездку по стране, по условиям военного времени ее маршрут сохранялся в тайне. Он проехал почти 15 тыс. *км*, инспектировал военные объекты и ни разу не открыл рот по политическим вопросам! За неделю до выборов ФДР пишет американскому послу в Лондоне Вайнанту: «Когда придет время в следующий вторник, надеюсь, что страна забудет о политике на два года. То было бы, однако, почти невероятное чудо». Чуда, разумеется, не случилось. Республиканцы истосковались по власти и привилегиям.

3 ноября 1942 г. на выборах в конгресс демократов потеснили. ФДР отныне имел в конгрессе самое маленькое большинство за все время пребывания в Белом доме.

Война, хотя и носившая антифашистский характер, не ликвидировала социальных проблем США. Монополии наживались на войне, трудящиеся, разумеется, не несли тягот, сопоставимых с теми, которые выпали на долю народов Европы и Азии (в

1939—1945 гг. в США доход рабочих удвоился, фермеров — утроился), тем не менее они считали, что им не идет должная доля. Отсюда стачки. В 1940—1945 годах — более 23 тыс. с участием 11 млн. В разгар забастовки горняков 1 мая 1943 г. Рузвельт приказал войскам занять шахты. Конгресс принял закон Смита — Коннели, ограничивший право на забастовку во время войны. ФДР наложил на него вето, однако повторным голосованием 25 июня закон был принят. Влияние ФДР на внутренние дела было на ущербе. В каком смысле?

В войну Соединенные Штаты, как ни парадоксально, вернулись к «нормальным временам». Безработица рассосалась — с 10 млн. в 1940 году до 800 тыс. безработных в 1943 году. Те, кто материально связывал себя с «новым курсом», получили, с их точки зрения, сами работу.

Скорбные странники, описанные Дж. Стейнбеком в «Гроздьях гнева», обрели спокойствие где-нибудь на заводах, переведенных на военные рельсы, с полуторной оплатой сверхурочных работ. WPA изжила себя, конгресс, избранный в 1942 году, ликвидировав ее, констатировал лишь случившееся — ее смерть. В быстрой последовательности были аннулированы ССС и сходные чрезвычайные ведомства, оказывавшие прямую государственную помощь и раздававшие пособия. Конгрессмен Д. Табер торжествующе воскликнул: агентства «нового курса» должны быть «уничтожены не на время войны, а навсегда!» ФДР наверняка не считал это ересью. На пресс-конференции в декабре 1943 года Ф. Рузвельт признал то, что, вероятно, уже замечалось за ним: он больше не считал нужным продолжать политику, сформулированную в «новом курсе»...

«*Вопрос:* Г-н президент, ...стало известно, что вам больше не нравится термин «новый курс». Не расскажете ли вы нам, в чем дело?

Президент: Да, я ожидал, что кто-нибудь все же спросит об этом... Как родился новый курс? Он возник, потому что некий больной по имени США страдал от серьезного внутреннего расстройства... Послали за доктором. Потребовалось много времени, несколько лет.., прежде чем болезнь была излечена... Два года назад с тем же пациентом произошел несчастный случай, не внутреннее расстройство. Два года назад, 7 декабря, он попал в тяжелую переделку... И он стал предметом забот нового доктора. Старый доктор — Новый курс — не умеет лечить руки и ноги. Он хорошо знает терапию, но не знает хирургии. Поэтому он обратился к своему коллеге — доктору Выиграть войну, который и занялся лечением последствий несчастного случая...

Вопрос: ...Собираетесь ли вы отложить новый курс до окончания войны и вновь обратиться к социальным проблемам или вы полагаете, что пациент выздоровел?

Президент: Программа 1933 года... была программой для разрешения проблем 1933 года. Со временем будет новая программа, независимо от того, кто окажется у власти. Мы больше не говорим в терминах программы 1933 года. Мы почти выполнили ее»[29]. Ежегодное послание о положении страны в январе 1944 года: «В то время как большинство продолжает свою работу без жалоб, шумное меньшинство требует особых привилегий для особых групп. Тунеядцы гнездятся в кулуарах конгресса и барах Вашингтона, представляя эти специальные группы, в отличие от основных интересов нации в целом. Они стали рассматривать войну прежде всего как средство обогащения за счет своих соседей – обогащения деньгами, политическими или социальными привилегиями»[30].

Где выход? Рузвельт указал: «Индивидуальная свобода не может существовать без экономической обеспеченности и независимости. «Люди в нужде – не свободны». Голодные, безработные – вот материал, из которого возникают диктатуры. В наше время эти истины признаны самоочевидными. Мы приняли, так сказать, второй билль о правах, который устанавливает новую основу безопасности и процветания для всех, независимо от расы и вероисповедания». Он перечислил, что имелось в виду: право на работу, право на достаточную зарплату, право бизнесменов вести дела без господства монополий, право на образование и т. д. Дж. Барнс назвал это послание «самой радикальной речью за всю его жизнь... Никогда раньше он не связывал столь явно старый политический билль о правах, принятый против правительства, с новым биллем экономических прав, которые нужно осуществить усилиями правительства»[31].

Частично сказанное Рузвельтом нужно, безусловно, оценить как энергичное упражнение в политической риторике, настоятельно необходимое для здравия капитализма. ФДР, помнивший об уроках революционного подъема после первой мировой войны, ожидал, что вслед за антифашистской, освободительной войной последуют куда более серьезные потрясения в мире капитала. Он готовился к ним, стремясь ввести Соединенные Штаты в послевоенные годы сытыми и в той мере, в какой это возможно, довольными существующей системой правления. Пусть риторика, но заверения исходили с самого пика власти – от президента.

Как все это обернется в будущем, тогда, естественно, точно не представляли, но уже на исходе военных лет крупный капитал открыто возблагодарил ФДР за прозорливость в годы войны

Председатель Торговой палаты США Э. Джонсон в нашумевшей кннге «Амернка безгранична» в 1944 году утверждал: «Война доказала нам то, что было всегда, но что не всегда было видно, — сфера согласня превосходит сферы конфликтов». Джонсон обругал «доктрннерскую теорию свободного предпрннимательства» н воспел Америку Рузвельта: «Слава за самые велнкне свершения в производстве в основном прииадлежнт американскому капитализму, инициативе, изобретательности н способностн частиого бизнеса»[32]. В годы войны не кто другой, как ФДР, поддержав всей мощью государства монополии, создавал нм зту славу в США.

В мировой нсторнческой перспективе последствня проделанного Рузвельтом былн куда как серьезны. В США монополии становилнсь «забытым врагом».

VI

Хотя война была очень далеко от берегов США, секретная служба тщательно охраняла президента. Редкие поездкн Рузвельта по стране в ннтересах безопасности хранилнсь в тайне, его выступления во время нх не освещались ни печатью, нн радио. Вокруг ФДР теснилась многочисленная сверхбдительная охрана.

Во время посещения, например, верфн Кайзера осенью 1942 годà Рузвельт выступил на двадцатитысячном митинге рабочих. «Знаете, — шепнул он в микрофон, — знаете, предполагается, что меня здесь нет». Всеобщее оживление. Переждав несколько мгновений, ФДР продолжил: «Вы обладаете тайной, которую не знают даже газеты Соединенных Штатов».

С лета 1942 года и все последующие годы Ф. Рузвельт часто ускользал из столицы, обычно в конце недели, не только в Гайд-парк, но н в «нензвестиом направлении». В ста с небольшим кнлометрах к северу от Вашингтона находился в прошлом юношеский летиий лагерь. В войну он стал нспользоваться как центр для подготовки солдат морской пехоты. Эти бревенчатые домнки ФДР н нзбрал в качестве своей резиденции, окрестив убежнще от столичной суеты «Шангра-Ла».

До Шангра-Ла было всего два часа езды автомобилем от Вашингтона, с резиденцией ФДР был установлен прямой канал связн с Белым домом. Местонахождение Шангра-Ла хранилось в строжайшей тайне. Туда выезжалн на обычных автомобилях, номера которых перноднческн менялись. Бóльшую часть временн в Шангра-Ла ФДР отдыхал, а если прнходилось решать дела, то нз Вашингтона вызывались нужные люди. Рузвельта обслуживали

моряки с президентской яхты «Потомак», поставленной на прикол в целях экономии. Все побывавшие в Шангра-Ла соглашались, что, хотя обстановка домика была очень скромной[33], кормили президента куда лучше, чем в Белом доме.

Каждый отъезд в Шангра-Ла Рузвельт шутливо именовал «плаванием» и вел там «бортовой журнал», записывая имена спутников, отправившихся вместе с президентом. Хотя в жизни Рузвельта не было дня, чтобы он хоть несколько минут не посвятил своей коллекции марок, в Шангра-Ла он часами просиживал над альбомами. Президент занимался эскизами марок, присылавшимися ему министерством почт. Почти все новые выпуски марок в США в те годы так или иначе прошли через руки ФДР. К концу его жизни коллекция марок выросла до внушительных размеров: более 1250 тыс. Самые дорогие хранились в 150 альбомах, на каждой странице которых были пометки рукой ФДР. В 1946 году коллекция президента была продана с аукциона за 250 тыс. долл.

Другое развлечение, тайная страсть президента. Он лично надзирал за резко ужесточившимся в годы войны политическим сыском в стране, объектом которого были в первую очередь коммунисты и вообще «левые». Директор ФБР Э. Гувер умел скрашивать монотонность дней не только скучными сводками, но и колоритными доносами, изрядно веселя президента. Как-то он пожаловался Рузвельту, что агент ФБР был задержан в момент, когда он устанавливал подслушивающее устройство на телефоне левого профсоюзного лидера Г. Бриджеса. Рузвельт расцвел. Он покровительственно похлопал Гувера по спине и воскликнул: «Клянусь богом, Эдгар, тебя впервые застали со спущенными штанами!» Они очень подружились, президент США и директор ФБР.

Но все же Рузвельт не всегда поощрял рвение ФБР. Шпики выяснили, что С. Уэллес был, по-видимому, гомосексуалистом. По многим и этой причине Хэлл захотел избавиться от заместителя. Он взывал к ФДР сам, его поддержал министр юстиции Биддл. Рузвельт сначала отмалчивался, а затем спросил Биддла: «Разве он занимается этим в служебное время?» Естественно, отрицательный ответ. Уэллес остался на своем посту[34]. Терпимость президента, солидарность гротонца, а может быть, он знал, что глава бесподобного ФБР также страдал этим пороком? Тогда изобличение Уэллеса взял на себя его соперник в дипломатическом мире США У. Буллит. В сентябре 1943 года скомпрометированный Уэллес ушел в отставку.

Торжествующий Буллит явился к ФДР. Чего он ожидал — неизвестно; знали, что он неустанно сплетничал об Уэллесе. Руз-

вельт мрачно взглянул на него и, чеканя слова, произнес: «Уильям Буллит, стой, где стоишь. У врат рая апостол Петр. Подходит Самнер Уэллес, сознающийся в своей человеческой слабости. Апостол Петр впускает его в рай. Появляется Уильям Буллит. Апостол Петр говорит: „Уильям Буллит, ты предал человека. Отправляйся в ад"». Рузвельт помолчал и добавил, что не хочет больше никогда видеть Буллита.

В военные годы, какие бы неприятные и тяжелые вести ни шли с фронтов, президент сохранял спокойствие. Ничто не могло поколебать душевного равновесия Рузвельта, за исключением одного — нападок на его детей. В ноябре 1943 года Л. Джонсон в речи в палате представителей сообщил: «Чем больше мы узнаем о жизни и работе Рузвельта, тем большим уважением мы преисполнимся не только к его посту, но и к нему как к человеку»[35]. Л. Джонсон попросил включить в протоколы конгресса статью из журнала «Тайм» от 29 ноября 1943 г. В ней, между прочим, говорилось: «Рузвельт стал почти неуязвим для политической критики. Он редко, если вообще сердится, и это случается лишь тогда, когда кто-нибудь пытается уколоть президента, нападая на его детей. Тот факт, что четверо сыновей Рузвельта носят военные мундиры, помогает понять его крайнюю чувствительность к спискам потерь — о них он прежде всего спрашивает; когда приходит сообщение о сражении».

Журналист У. Уинчелл видел, как ФДР расплакался. Некий конгрессмен Ламбертсон со своими друзьями публично твердил, что сыновья ФДР избегают фронта. Уинчелл оказался в кабинете президента в то время, когда тот читал письмо одного из своих сыновей. «Папочка, — писал он, — иногда я мечтаю о том, чтобы кого-нибудь из нас убили, и тогда они, может быть, перестанут терзать остальную семью!» Президент отложил письмо, губы его задрожали, на глазах показались слезы.

Уинчелл случайно выяснил, что сын Ламбертсона только что отказался служить в армии, ссылаясь на свои убеждения. Журналист немедленно сообщил газетам об этом открытии, соответствующие заголовки запестрели на первых страницах. ФДР вызвал Уинчелла. На столе перед президентом лежали газеты со статьями о сыне Ламбертсона. Рузвельт постучал по ним мундштуком и произнес только одно слово: «Благодарю!»

VII

В ночь на 8 ноября 1942 г. американо-английские войска под командованием Д. Эйзенхауэра высадились в Северной Африке,

находившейся под контролем правительства Виши. Операция носила претенциозное название «Факел». Высадка прошла без больших боев. Представитель Рузвельта в Северной Африке Р. Мэрфи с удовлетворением вспоминал: «С военной точки зрения операция «Факел» частично была блефом. Союзные штабы считали, что для нее нужно, по крайней мере, полмиллиона человек»[36]. Высадилось 110 тыс., нехватку остальных компенсировали усилия УСС, сумевшего подготовить благоприятные условия для союзников. Французские войска через несколько дней прекратили сопротивление. Рассказывают, что, когда Стимсон позвонил Рузвельту доложить о результатах высадки, рука президента, державшая трубку, заметно дрожала. Он ответил: «Слава богу, слава богу. Поздравляю. Потери незначительны. Много ниже, чем вы предсказывали. Слава богу». Благодарить надо было УСС.

Рузвельт, которому прямо докладывал Мэрфи, санкционировал соглашение с адмиралом Дарланом, одним из активных деятелей режима Виши, оказавшимся тогда в Северной Африке.

Сделка вызвала очень бурную реакцию. Рузвельта обвиняли в том, что он способен делать дела с фашистскими режимами. Двое представителей де Голля явились к Рузвельту негодовать. Он раскричался: «Я имею дело с Дарланом, ибо он дал мне Алжир! Завтра я буду иметь дело с Лавалем, если он предложит мне Париж!» Да, политическое решение — сделка с Дарланом — позволило американским войскам избежать кампании в Алжире и Марокко. В то время, когда обвинения сыпались на ФДР со всех сторон, а Хэлл объявил их «идеологической», то есть «коммунистической», пропагандой, И.В. Сталин писал Черчиллю: «Мне кажется, что американцы умело использовали Дарлана для обеспечения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой».

Дарлан понимал, что он нужен американцам только на время. Его опасения подтвердило публичное заявление ФДР: соглашение «является только временной целесообразностью, оправдываемой лишь военной необходимостью». Узнав о заявлении Рузвельта, Дарлан пишет американским командующим: «Я только лимон, который американцы выбросят, когда выжмут до конца». Таинственное убийство Дарлана в конце декабря избавило Вашингтон от дальнейших хлопот.

Гитлеровцы быстро оправились. Они перебросили в Тунис несколько дивизий, которые не только остановили, но и отбросили американские войска. Предсказание генерала Маршалла на совещании у президента в начале ноября о том, что Тунис

будет заият «в две-три недели», не оправдалось. После поражения на Кассе-рингском перевале генерал Б. Смит из штаба Эйзенхаузра заметил: «Нужно было расквасить нам нос, чтобы выбить из нас иекоторое зазнайство». Стремительного наступления в Тунисе не получилось, предстояла затяжиая кампания в дождливую африкаискую зиму.

В начале 1943 года, когда америкаиские войска не могли справиться с полдюжиной вражеских дивизий, Красиая Армия, окружив крупную группировку врага под Сталинградом, продолжала победоносиое наступление на запад, сражаясь с сотнями вражеских дивизий. В ежегодном послании о положении страны, прочитанном коигрессу 7 января 1943 г., Рузвельт был вынуждеи указать, что «доблестная защита Сталинграда и... наступлеиие русских армий... являлись самыми большими, самыми важиыми событиями во всей стратегической обстаиовке в мире в 1943 году». Что до американских успехов, то, если отбросить пропагандистские рассказы, президент реалистически указал: вторжение в Северную Африку заставило Германию «отвлечь часть своих людских и материальных ресурсов на другой театр»; в войне против Японии «в прошлом году мы остановили японцев. В иынешнем году мы намереваемся наступать».

Победа на Волге положила начало коренному перелому в ходе войны. Это поставило Ф. Рузвельта и У. Черчилля перед необходимостью как-то объясииться с великим союзииком. ФДР задумал провести встречу с И.В. Сталиным. Вероятно, он рассчитывал вместе с Черчиллем утопить в потоке риторики очевидное — СССР по-прежнему один нес тяжкое бремя войны, а иного для нас в будущем Вашиигтон и Лондон не планировали. Рузвельт наверняка понимал, что позиция западных союзников шаткая, он несколько загадочно писал Черчиллю: «Предпочитаю для встречи спокойиый оазис, а не плот в Тильзите»[37].

Занятость Сталина военными делами «избавила, — замечает Гарриман, — от затруднительных объяснений лицом к лицу»[38]. Итак, состоялась очередная встреча Рузвельта и Черчилля, теперь в Касабланке, в Северной Африке. ФДР отправлялся туда, повидимому, просто потому, что ему захотелось посмотреть на театр воеиных действий.

Обычные меры предосторожности. Поезд президеита 9 января с закрашенными надписями покинул Вашингтон в северном направлении, как будто направлялся в Гайд-парк. Но в Балтиморе он повернул на юг и прибыл на крошечную станцию в штате Флорида, где был расформирован и спрятан. ФДР вылетел на самолете в Африку из Майами. В охрану президента включили исключительно сильного пловца на случай вынужденной посад-

ки в океане. На время перелета ФДР через Атлантику были запрещены все другие полеты. Рузвельт необычайно радовался перелету — он не летал с 1932 года, от Олбани до Чикаго. В Касабланке ФДР вызвал к себе подполковника Эллиота Рузвельта и лейтенанта флота Франклина Рузвельта. Американская печать, разумеется, злорадно отметила это. ФДР не обратил внимания и в дальнейшем при выезде из США на театры военных действий виделся со своими сыновьями.

Восьмидневная конференция была посвящена почти исключительно военным делам. Рузвельт согласился с доводами Черчилля о расширении операций в бассейне Средиземного моря. Было решено по завершении боев в Северной Африке овладеть островом Сицилия. Дальше президент заглядывать пока не захотел. Американские начальники штабов очень неохотно шли за президентом, следовавшим «черчиллиализму». Они указали, что сосредоточие усилий на Средиземном море сорвет вторжение в Европу в 1943 году. ФДР понимал, что второй фронт в Европе в этом году опять открыт не будет, Советскому Союзу снова придется вынести всю тяжесть борьбы с европейскими державами «оси».

Красная Армия возложила на алтарь победы Объединенных Наций десятки разбитых вражеских дивизий, президент США на пресс-конференции в предместье африканского городка Касабланки 24 января 1943 г. заявил: «Некоторые из вас, англичане, знают старую историю: у нас был генерал США Грант, его звали Юлиус Стимпсон (по-английски Ю. С. — США. — *Н. Я.*) Грант. В дни моей и премьер-министра молодости его прозвали «Безоговорочная капитуляция». Уничтожение военной мощи Германии, Италии и Японии означает их безоговорочную капитуляцию».

Рузвельт впоследствии говорил, что формула была найдена чисто случайно: «Вдруг эта пресс-конференция, — рассказывал он. — Уинстон и я не имели времени подготовиться к ней, и я вспомнил, что Гранта прозвали «Безоговорочной капитуляцией», и в следующий момент я сам произнес эту фразу». Президент был очень далек от искренности, в действительности формула была согласована в госдепартаменте еще в мае 1942 года и предложена вниманию президента. ФДР держал ее про запас, победы Красной Армии в зимней кампании побудили его сделать эффектный жест. Президент поддержал наступление Красной Армии декларацией о решимости США вести войну до победного конца[39].

Что до истинной стратегии США, то заявление адмирала Э. Кинга на штабном совещании в Касабланке отражало взгля-

ды Рузвельта на том этапе: «На европейском театре Россия, учитывая ее географическое положение и людские ресурсы, наиболее благоприятно расположена для борьбы с Германией, на Тихом океане Китай занимает аналогичное положение в отношении Японии. Наша основная политика должна заключаться в том, чтобы обеспечить людские ресурсы России и Китая соответствующим снаряжением, чтобы дать им возможность сражаться». Тем, кто за столом конференции возражал против помощи СССР, Кинг бросил: речь идет не о том, чтобы «ублаготворять Сталина», а о том, чтобы «использовать русских в наших собственных интересах».

Военные решения в Касабланке отражали политику США и Англии истощать СССР и Германию, а самим постепенно занимать исходные позиции для удара, когда гитлеровская военная машина будет разбита Красной Армией. Черчилль считал, что операции в Средиземном море должны иметь конечной целью выход в Восточную и Юго-Восточную Европу, с тем чтобы воспретить продвижение Красной Армии на запад и не допустить освобождения ею европейских народов. ФДР не вынес окончательного решения относительно того, как войска западных союзников придут в Европу — с юга или через Францию. Будущее покажет.

Политика США и Англии вела к кризису в отношениях с СССР. ФДР и Черчилль взялись перебросить мост через возникшую брешь перепиской с И.В. Сталиным. После Касабланки переписка приобрела характер, неслыханный в отношениях между союзниками. Ф. Рузвельт и У. Черчилль очень внимательно готовили свои послания, пытаясь в потоке слов утопить основное — новое вероломное нарушение своих обязательств. По завершении совещания в Касабланке Рузвельт и Черчилль направили в Москву совместное послание, в котором яркими красками описали размах военных усилий их стран и выразили уверенность, что Объединенные Нации «могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году».

30 января 1943 г. И.В. Сталин отвечает обоим: «Понимая принятые вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в 1943 году, я был бы вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях». 5 февраля Ф. Рузвельт поздравил СССР с «блестящей победой» у Сталинграда, отметив, что эта победа, которую «празднуют все американцы», явится «одной из самых прекрасных глав в этой войне народов, объединившихся против фашизма и его подражателей». Черчилль 9 февраля ответил, что форсирование Ла-Манша намечено на август или сентябрь 1943 го-

да. 14 февраля в послании в Москву он признается: «Цепь необыкновенных побед (Красной Армии. – *Н. Я.*) лишает меня возможности слова, чтобы выразить Вам восхищение и признательность, которую мы чувствуем по отношению к русскому оружию. Моим наиболее искренним желанием является сделать как можно больше, чтобы помочь вам».

В ответ Советское правительство 16 февраля указало, что ввиду приостановки операций США и Англии в Тунисе на советско-германский фронт переброшено 27 вражеских дивизий. 22 февраля Ф. Рузвельт объяснил, что сильные дожди в Тунисе сделали «поля и горы непроходимыми», и пожелал «героической Красной Армии дальнейших успехов, которые вдохновляют всех нас». На следующий день, 23 февраля, ФДР в очень красноречивом послании от имени американского народа выразил «глубокое восхищение ее (Красной Армии. – *Н. Я.*) великолепными, непревзойденными в истории победами... Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути окончательного поражения и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов». А 25 февраля У. Черчилль присовокупил: «То, что вы делаете, просто не поддается описанию».

Фарисейски восторженные послания в Москву, а в Вашингтоне непрерывные заседания. В марте 1943 года ФДР две недели совещался с министром иностранных дел Англии А. Иденом, приехавшим в Вашингтон. Он по-прежнему не соглашался с советскими границами 1940 года, однако, заметил президент, «к моменту падения Германии в прибалтийских государствах будут находиться русские армии, и никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда... Нам придется согласиться на это, но если мы и согласимся, то мы должны использовать наше согласие как козырь, чтобы вынудить Россию на другие уступки».

В центре внимания во время этих переговоров оказался вопрос, как предотвратить революционный подъем в Европе. Гопкинс записывал о заседании 17 марта: «Я сказал, что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия, что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии. Я сказал, что, по моему мнению, требуется какое-то официальное соглашение, что государственный департамент должен разработать с англичанами план и что этот план, согласованный между нами, должен затем быть обсужден с русскими. Президент согласился, что надо действовать таким образом. Дело, конечно, будет обстоять гораздо проще, если в момент кра-

ха Гермаиин серьезные силы английских и америкаиских войск будут иаходнться во Франции или в Германии, но мы должны разработать план на тот случай, если Германня падет до того, как мы окажемся во Франции»[40].

Оин обратилнсь к послевоениым отношенням с СССР. Оба соглашалнсь, что зто будет «частично зависеть» от того, как Москва оценнт «иамерения н возможности» США и Аиглии. ФДР выдвигал различные проекты, ие давая конечных ответов. «Просто волшебник, искусио жоиглнрующий кубнками дииамита» — такнм запомнил Иден ФДР в зтн днн. Во всяком случае, подчеркивать союзническое единство.

После Идена ФДР прнгласил на неделю в Белый дом журналиста Ф. Дэвнса, который вскоре напечатал статью «Великий Замысел Старнка». ФДР одобрил ее. Дэвнс подчеркивал, что Рузвельта заботят «не чаяния иа лучший мнр.., а какие средства — точные, реалнстическне — употребнть для достиження зтого... Речь идет о силе среди победителей. ...Россня будет единствеиной первоклассной военной державой на континенте (Европы)». Выводы? Делайте сами[41].

А тем временем весной 1943 года США н Англия снова прекратилн отправку коивоев в СССР северным путем. В мае 1943 года Ф. Рузвельт предложил И.В. Сталину провестн «встречу умов» где-ннбудь в районе Берингова пролнва. Ввнду подготовкн к отражению летиего наступления немцев на советско-германском фроите встреча не состоялась. Вместо нее новое совещание Рузвельта н Черчилля в Вашингтоне. Теперь они договорились, что нужно провестн вторжение во Фраицию, скорее всего, в мае 1944 года. Но как сообщнть об зтом в Москву? Оба знали, что предстонт сильиейшее наступление гнтлеровцев на советско-германском фронте.

Вот что напнсал бнограф ФДР Дж. Барнс, который, конечно, не заинтересован в подрыве реноме своего героя: «Мрачно они засели за составлеине письма своему товарищу по оружию. Многие часы они писалн н перепнсывали, отдавая испещренные поправками страницы на машинку, снова правили, пока черновнкн нельзя было прочитать. Двое самых одаренных логиков в мире превратились в занимающихся школьников, которым нужно признаться. В два ночи Черчилль к облегчеиию Рузвельта предложил взять с собой последний вариант, «почистнть его» н вериуть. Черчилль н Маршалл выехали на совещание с Эйзенхауэром в Алжир, Рузвельт согласился, чтобы начальник штаба летел с премьер-миинстром н поработал над посланием.

На следующий деиь иад Атлантикой Маршалл взял нсчеркаииые страницы н за два часа написал послание, вызвавшее

восхищение Черчилля. Он и Рузвельт одобрили его без изменений. Президент придержал его еще неделю и отправил. То было подробное изложение глобальной англо-американской стратегии, в предпоследнем абзаце таилась роковая фраза — "второго фронта в 1943 году не будет"»[42].

Послание Рузвельта получили в Москве 4 июня; 11 июня — ответ И.В. Сталина. Он перечислил обещания западных союзников об открытии второго фронта и заключил: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Красную Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим силам почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом». И.В. Сталин указал, что отказ от второго фронта произведет «тяжелое и отрицательное впечатление» в СССР. Советское правительство «не находит возможным присоединиться к такому решению».

5 июля 1943 г. началось немецкое наступление под Курском. В тяжелых боях советские войска отбили удар 50 отборных гитлеровских дивизий и перешли в наступление, неудержимо продвигаясь на запад. Победы Красной Армии выглядели особенно внушительно на фоне более чем скромных действий американо-английских войск, которые, высадившись на Сицилии, никак не могли сломить сопротивление двух немецких дивизий.

Пропагандистская машина, созданная ФДР, пока работала без сбоев. В результате американцы в массе превратно представляли вклад каждого из союзников в войну. Опрос общественного мнения летом 1943 года в США дал понятные результаты. На вопрос, кто больше делает для победы, 55 процентов ответили — США, 32 — Россия, 9 — Англия и 4 процента — Китай. (Соответственные данные опроса в Англии: 50 процентов — Россия, 42 — Англия, 5 — Китай и 3 процента — США.)[43] Это, конечно, обеспечивало значительную свободу рук администрации Рузвельта, но так бесконечно продолжаться не могло.

Американские штабы в конце июля — начале августа 1943 года доложили президенту, что тянуть с открытием второго фронта больше нельзя. Попытки развить операции на Балканах приведут лишь к тому, что войска западных союзников завязнут там, а Красная Армия тем временем, пройдя Европу, освободит не только Германию, но и Францию. 10 августа 1943 г. Стимсон обратил внимание ФДР на последствия тогдашней политики США: «В свете послевоенных проблем, перед которыми мы встанем, наша позиция... представляется крайне опасной. Мы, как и Великобритания, дали ясное обязательство открыть вто-

рой фронт. Не следует думать, что хоть одна из наших операций, являющихся булавочными уколами, может обмануть Сталина и заставить его поверить, что мы верны своим обязательствам». Рузвельт ответил Стимсону, что он «выразил выводы», к которым пришел сам президент[44].

В августе 1943 года в Квебеке срочно встретились Рузвельт и Черчилль. УСС сунулось было с прожектом, «как обратить против Советского Союза мощь еще сильной Германии». По всей вероятности имелась в виду Германия без Гитлера, о заговоре против которого знали в УСС. Реакция ФДР неизвестна, скорее всего, он не ловил журавля в небе, а ходил по земле. На совещании 23 августа ФДР подчеркнул: «Войска Объединенных Наций... должны быть готовы вступить в Берлин не позднее русских». Следовательно, подтверждалось решение о вторжении во Францию к лету 1944 года.

В это время Италия шла к капитуляции. Оба лидера подробно обсудили последствия ее выхода из войны. Рузвельт, хотя и не соглашался с «балканским вариантом» Черчилля во всем объеме, заметил: «Операции на Балканах зависят от обстоятельств.., воспользоваться ими мы должны быть готовы». Вот если немцы «отступят к Дунаю», размечтался ФДР, «я очень хотел бы, чтобы созданные нами дивизии, особенно греческие и югославские, действовали в своих странах». До этого, как известно, дело не дошло.

Собеседники снова и снова возвращались к отношениям с Советским Союзом. В Квебеке Рузвельт и Черчилль серьезно обсуждали перспективы, которые откроет перед США и Англией создание атомного оружия. Черчилль, в свое время приказавший передать США результаты английских исследований в области атомной энергии, теперь пытался договориться о равных правах США и Англии в разработке атомного оружия. «Россия сможет победить в атомной гонке, — шантажировал он ФДР, — если мы не будем работать вместе». Тщетно! Рузвельт не желал нарушить американскую монополию. По-видимому, ради утешения английского премьера ФДР подписал с ним 19 августа секретное соглашение: США и Англия не будут применять атомное оружие друг против друга, а против третьих стран — без взаимного согласия. «Хотя Рузвельт заключил это соглашение частично для сохранения военного единства с Англией, он также имел в виду, что это сможет сдержать мощь России после войны»[45]. Итак, еще эвентуальная атомная бомба — уже средство политики!

Это в будущем, а пока американская делегация огласила на конференции документ, исходивший от «весьма высокопостав-

ленного военного стратега США», озаглавленный «Позиция России». Документ гласил: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не остается ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки.

Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав оси, еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией.

Наконец, наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными»[46]. Под «стратегом» имелся в виду американский комитет начальников штабов.

Ранней осенью 1943 года в Вашингтоне осознали крайне неприятный для себя факт: американские политические возможности были производными от военных возможностей. Если в квебекском документе эта мысль была выражена не слишком отчетливо, то в процессе подготовки к Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Англии она была уточнена. 18 сентября 1943 г. комитет начальников штабов утвердил инструкции генералу Дину, главе военной миссии при делегации США, отправлявшейся в Москву. Основная функция генерала Дина, указывалось в инструкциях, — подчеркивать главе делегации Хэллу «неразрывную связь между политическими предложениями и политическими возможностями».

Командованию американских вооруженных сил роль Советского Союза в ходе и исходе коалиционной войны представлялась следующим образом: «...После разгрома Германии могучая советская военная машина будет господствовать к востоку от Рейна и Адриатического моря, и Советский Союз сможет осуществить любые желательные ему территориальные изменения

в Центральной Европе н на Балканах. В то же время продолжение полного сотрудничества СССР в войне против Германии было кардинально важно для достижения основных стратегических целей США — скорейшего разгрома Германии. Еслн бы Советский Союз вышел нз войны, а германская военная машина осталась в основном в сохранности, англо-американскне операцин на континенте оказались бы неосуществнмыми н уснлия в войне против Германии должны былн бы ограничиться лншь воздушным наступлением. В равной степени полное участие СССР в войне против Японии после поражения Германии нмело величайшее значение, чтобы добиться быстрого н решнтельного сокрушення Японии меньшей ценой для США н Англии»[47].

Отсюда — согласованные решения на Московской конференции мннистров нностранных дел СССР, США и Англии в октябре 1943 года. Рузвельт, политическнй реалнст до мозга костей, поннмал, что иного, кроме как сотрудничества с СССР, для Соединенных Штатов не дано.

Как нменно будет осуществляться сотрудничество со стороны США? Хэлл немало говорил в Москве на эту тему. Его переводчик Ч. Болен после одной нэ речей усомнился, правильно лн он передал смысл. «Она была рассчитана на то, чтобы быть столь же прозрачной, как грязь»[48], — ответил Хэлл.

В довершение всего УСС проводит в это время одну нз самых загадочных тайных операций войны, зашифрованную Донованом как "операция М". 5 октября 1943 г. к немецкому послу в Турции фон Папену, в прошлом крупному государственному деятелю Германии, явился американский эмиссар Т. Морде. Он вручил Папену условня мирного урегулирования с Германией, дав ясно понять — онн нсходят от президента США. В документе говорилось:

"1. Признается принцип, что Германия будет доминировать в полнтике, экономических н аграрных делах Центральной Европы со всеми вытекающими последствиями. Союзникн благожелательно относятся к тому, что Берлин станет местопребыванием парламента, представляющего федеральные штаты Европы. Союзннкн благожелательно относятся к предложению, чтобы границы Германии были пересмотрены с включеннем немецких меньшинств в Польше, Судетах, Австрии н т.д.

2. Германия, Великобрнтания и США будут "тремя велнкнми державами". Германия — в континентальной Европе, США — на Американском континенте, Великобритания — в своей нмперии н Африке (континентальная Европа включает Польшу, Прнбалтику и Украину)...

4. Помощь по леид-лизу и прямая помощь России прекращается...

5. США и Великобритания гарантируют, что Россия иикогда ие вторгнется иа гермаискую территорию, и окажут помощь Германии, включая в случае иеобходимости вооружеиную, против зкоиомического или политического вмешательства России в дела иовой, послевоенной Европы".

Таковы были зти предложения, тайно передаииые из Вашиигтоиа, являвшиеся, по словам историка А. Брауна, впервые сказавшего о иих в книге в 1982 году, "невиданным предательством и циничным игиорироваиием соглашеиий западных союзииков с Советским Союзом". В обмен Т. Морде требовал от Папеиа оргаиизовать убийство Гитлера или захват фюрера и доставку его самолетом иа территорию, коитролируемую США и Аиглией. Папен согласился. Последовали еще встречи Папеиа и Морде. Американский змиссар вериулся в Вашиигтои, представил отчет о переговорах с Папеиом Рузвельту. В сопроводительиой записке к отчету Доиован писал ФДР: "Прошу вас прочесть документ виимательио. В ием изложеиа идея, которой вы с вашим искусством и воображением можете воспользоваться. Если план удастся, если вииовиики (Гитлер и его сообщники. – *Н. Я.*) будут доставлены должным образом, судимы и казиены, если последует безоговорочная капитуляция, тогда укрепятся ваши моральиые позиции за столом переговоров".

Всю зту документацию А. Браун нашел в секретиых архивах в Гайд-парке – спустя десятилетия после миссии Т. Морде и его доклада Ф. Рузвельту. Браун не взялся объясиить полностью мотивы коитакта с Папеном в октябре 1943 года, а высказал "предположение". Дело, должно быть, состояло в том, что "среди ультраправых америкаицев росла тревога по мере иовых поражеиий Германии и еще большая по поводу иаступления на Запад Красиой Армии. Разгром иемцев под Сталииградом в феврале 1943 года и еще большее иемецкое пораженние под Курском в 1943 году продемоистрировали мощь Красиой Армии, предвещая вступление русских в Восточную и Цеитральную Европу. Этого, иесомнеиио, было достаточно, чтобы перепутать иекоторых западных геополитиков. Больше того, такая группа могла бы облегчить миссию Морде"[49].

Все зто ие больше чем "предположеиия", факты состоят в том, что Морде ездил как представитель УСС, отчитывавшийся перед президентом и Доиоваиом. Цели миссии унесли в могилу ее организаторы и исполнители. На коистатации зтого и приходится закоичить рассказ об зтом зпизоде тайиой войны.

VIII

13 ноября 1943 г. на линкоре «Айова» Ф. Рузвельт покинул США. Он отправился на конференцию с И.В. Сталиным и У. Черчиллем, созывавшуюся в Тегеране. На длительном пути, отнявшем почти три недели, президент совещался с начальниками штабов и своими советниками. На этих встречах под впечатлением побед Красной Армии были высказаны некоторые довольно трезвые мысли. Американский посол в Англии Вайнант 22 ноября 1943 г. указал, что, по мнению Черчилля и Идена, «интерес СССР к открытию второго фронта не столь велик, как раньше». Генерал Дин 24 ноября подчеркнул: «Советы ныне рассматривают второй фронт скорее как желательную страховку, а не как непосредственную необходимость».

19 ноября под председательством Ф. Рузвельта на борту «Айовы» состоялось очередное совещание. Американские военные уже отвергли доводы Черчилля о расширении операций на Балканах. Рузвельт согласился с ними, объяснив: «Советы ныне только в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют Буг, что они могут проделать в ближайшие две недели, Красная Армия окажется на пороге Румынии».

Вновь и вновь Рузвельт обращается к своей излюбленной теме — США должны употребить все усилия, чтобы вместе с Англией занять бóльшую часть Европы. «США, — говорил он, — должны взять Северо-Западную Германию. Мы должны доставить наши войска в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в Норвегию и Данию. Мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы берут территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты». На чем основывались эти планы Ф. Рузвельта? Ведь они были в кричащем противоречии с профессиональными оценками генералитета относительно перспектив в войне с Германией: их войска отнюдь не отличала воинская доблесть.

Рузвельт, по всей вероятности, надеялся на внезапную капитуляцию Германии в результате краха гитлеровского руководства. Откуда сие? Вероятно, информация УСС, погрязшего в психологической войне против Германии. Оптимизм президента, судя по протокольной записи, побудил американских руководителей совершить приятную прогулку в Утопию:

«Президент сказал, что он ожидает вторжения в Германию по железным дорогам с небольшими боями или вообще без них.

Генерал Маршалл заметил, что железнодорожных вагонов

не будет хватать и поэтому придется использовать главным образом автомобильный транспорт.

Г-н Гопкинс предложил, чтобы мы были готовы высадить авиадесантную девизию в Берлине через несколько часов после капитуляции Германии.

Адмирал Леги: во Франции, вероятно, развернется гражданская война. Пусть с ней справляются англичане. Для США будет значительно проще заняться осуществлением контроля в Германии. С немцами легче иметь дело, чем с французами, в той хаотической обстановке, которую следует ожидать во Франции.

Президент сказал, что мы, вне всяких сомнений, должны оставить несколько дивизий во Франции. Он считал, что Голландия не представляла собой проблемы: вернется королева — и все тут. Другое дело — Бельгия, население которой говорит на двух языках»[50].

Планы были составлены, дело оставалось за малым — добиться разгрома гитлеровской Германии, что зависело, однако, не столько от США и Англии, сколько от Советского Союза.

Рузвельт наслаждался плаванием, а капитан, чтобы потешить президента, устраивал учения. ФДР, сидя в кресле на палубе корабля, наблюдал. Не обошлось без инцидента: один из эскортирующих эсминцев случайно выпустил торпеду по «Айове». Линкор сманеврировал, чтобы уклониться от нее. Командир эсминца не знал, что за пассажиры были на «Айове». Не знал об этом и матрос, ошибочно выстреливший из торпедного аппарата. На всякий случай его предали военному суду.

В Оране Рузвельта перенесли в личный самолет президента «Священная корова», и на нем он проследовал дальше. По пути ФДР осмотрел места боев в Тунисе, поинтересовался, где стоял Карфаген, и высказал некоторые соображения о стратегии Пунических войн. Одновременно ФДР присмотрелся к генералу Д. Эйзенхауэру, дававшему пояснения. В Каире Рузвельт побывал у пирамид и обсудил проблемы помощи Китаю.

28 ноября — 1 декабря в Тегеране состоялась конференция И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. В целях безопасности президент разместился в особняке на территории советского посольства. За столом конференции ФДР, сославшись на то, что он — «самый молодой из присутствующих здесь глав правительств», попросил разрешения высказаться первым. «Мы, — продолжал Рузвельт, — очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть сил с германского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение».

Советская делегация разъяснила, что наилучший путь — вторжение во Францию. Участники конференции договорились о том, что западные союзники в мае — июне 1944 года произведут вторжение в северо-западной Франции, а Красная Армия приурочит к нему новое наступление.

На конференции ФДР стоял за расчленение Германии после войны на пять государств. Советская делегация не поддержала это предложение. Рузвельт развил план создания после войны международной организации и собственноручно начертил ее схему, возложив особую ответственность за поддержание мира на четыре великие державы, или «четырех полицейских», как он называл их. Рузвельт с глубокой признательностью встретил сообщение И.В. Сталина о том, что СССР по завершении боевых действий в Европе вступит в войну с Японией.

В Тегеране Рузвельт вел переговоры с главами правительств СССР и Англии с позиций политического реализма, что привело к принятию согласованных решений. Когда Черчилль пытался оживить свою балканскую стратегию, ФДР выступил против. Своим советникам Рузвельт раздраженно заметил: «У Уинстона выработалась привычка произносить длинные речи, являющиеся повторением длинных речей, с которыми он уже выступал раньше».

Соглашения, достигнутые в Тегеране, зафиксировали единство СССР, США и Англии. В Декларации трех держав, опубликованной по завершении конференции, они заявили: «Мы уверены, что существующее между нами соглашение обеспечит прочный мир... Мы приехали сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели».

На Тегеранской конференции ФДР в значительной степени проводил личную дипломатию. Президент мягко, но упорно отстранял Хэлла от решения важнейших вопросов внешней политики. В привычку у президента вошло не брать Хэлла на основные международные конференции.

Рузвельт вернулся в США 17 декабря. В выступлениях по радио он высоко оценил достигнутое согласие. В одном из них, в канун Нового года, ФДР сказал: «Мы собирались говорить друг с другом через стол в Каире и Тегеране, однако мы быстро выяснили, что сидим по одну сторону стола. Мы приехали на конференцию с верой друг в друга. Но нам был нужен личный контакт. И мы дополнили веру твердым знанием».

Поездка Рузвельта в Тегеран подорвала его силы. Он выглядел больным. Гопкинса поездка уложила в постель, он приступил к работе только летом 1944 года. ФДР сначала остро ощу-

щал его отсутствие, потом привык. В зто время у ФДР появился новый помощник — дочь Анна. Оиа стала принимать участие в написании речей.

IX

В коалиционной войне против держав «оси» основное бремя сухопутных операций иес Советский Союз, американская армия была развернута в сравнительно небольших размерах — 89 дивизий. До 40 процентов американского военного производства шло на авиацию. Однако только со второй половины 1943 года ВВС США стали принимать участие в иалетах на Германию. Бомбардировочное наступление в конечном счете не оправдало возлагавшихся на него надежд. Военное производство в Германии продолжало возрастать.

Исход войны мог быть решеи только иаземиыми действиями. Аигло-американские армии, сосредоточенные на Средиземном море, не добились сколько-иибудь заметных успехов. Хотя в сентябре 1943 года Италия капитулировала, операции на Апеннинском полуострове развивались очень вяло, а немцы имели в Италии меньше 20 дивизий. Лишь летом 1944 года союзиым войскам удалось овладеть Римом. Основные силы Германии к маю 1944 года — 228 дивизий и 23 бригады — находились на советско-германском фронте, в Западной Европе дислоцировалось только 59 гитлеровских дивизий, в большинстве своем ослабленных, находившихся на переформировании или восстановлении. Красная Армия, сломавшая хребет вермахту, создала исключительно благоприятные условия для вторжения во Францию.

Предстоявшая кампания в Западной Европе в этих условиях, по всей вероятности, создала преувеличенное представление в Вашингтоне относительно американских возможностей. Поэтому комитет начальииков штабов 16 мая 1944 г. в рекомеидациях Хэллу счел необходимым подчеркнуть жизиеииую важность для США сотрудничества с СССР. В рекомендациях коистатировались «революционные изменения в соответственной военной силе государств», вызванные «феноменальиым ростом» мощи Советского Союза. Комитет предупреждал, что конфликтовать с СССР нельзя, ибо после войны в мире останутся только три великие державы — США, Англия и СССР. В случае, если первые две доведут дело до вооруженного столкновеиия с Советским Союзом, «мы сможем успешно защитить Великобританию, однако мы не сможем нанести поражения

России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую нельзя выиграть»[51]. Эту точку зрения не мог не разделять Рузвельт.

С начала 1944 года противники ФДР в США подняли голову. Военный кризис миновал, победа была не за горами, и обычная политическая жизнь возобновилась. В частном письме в зто время ФДР, вспомнив о поездке в Тегеран, вздохнул: «Проезжая по тем странам, я осознал: они ужасающе нецивилизованны, но теперь, по возвращении, я не убежден, в какой мере цивилизована Terra Americana».

Идет война, а в политике все те же дрязги. Возник довольно резкий конфликт ФДР и конгресса. Зимнюю сессию конгресса в 1944 году можно сравнить только с сессией 1937 года. ФДР предварил свои предложения на 1944 год, посланные на Капитолийский холм, реалистическим предостережением: «Один великий американский промышленник, – писал он в ежегодном послании о положении страны в январе, – человек, оказавший громадные услуги стране во время зтого кризиса, недавно подчеркнул серьезную опасность «правящей реакции» в США. Все трезво мыслящие бизнесмены разделяют его озабоченность. В самом деле, если зта реакция разовьется, если истории суждено повториться и мы вернемся к так называемым «нормальным временам» 20-х годов, тогда очевидно, что, даже сокрушив врагов на поле брани, мы отступим перед духом фашизма в стране».

Он напоминал – США в войне. Безуспешно. Попытка ФДР ввести трудовую повинность на время войны провалилась. В свою очередь, ФДР наложил вето на законы, принятые конгрессом, которые неизбежно привели бы к росту стоимости жизни. Накладывая 22 февраля вето на закон о налогах, ФДР подчеркнул: «Это не закон о налогах, а закон о предоставлении помощи не нуждающимся, а алчным»[52]. Повторным голосованием конгресс обошел вето президента. Рузвельт сказал Икесу: «Для нас было бы прекрасно, если бы немцы сбросили несколько бомб на США». Напомнили бы о том, что идет война.

Развернувшаяся борьба, как и до войны, происходила в традиционных рамках системы правления. ФДР бдительно стоял на страже двухпартийной политики. С начала 1943 года резко усилилась антикоммунистическая кампания. Если ФБР, контрразведка, комитет по расследованию антиамериканской деятельности действовали по долгу службы, то ФДР предпочитал оставаться в тени. На авансцену выступила Э. Рузвельт.

В речи 16 февраля 1943 г. она воздала должное советскому народу и обрушилась с ожесточенными нападками на Компартию США. «Коммунисты пытаются заставить нас делать то, чего

мы не хотим делать», — открыто призналась жена президента. В мае 1943 года Э. Рузвельт обратилась к национальной конференции студенческого союза, собравшейся в Нью-Йорке. Она призывала студентов всеми силами бороться против «коммунистического влияния». Одновременно в Компартии США возник правооппортунистический уклон, генеральный секретарь партии Э. Браудер занялся ревизией коренных положений марксистско-ленинского учения. В годы войны ФДР поддерживал контакт с Э. Браудером. Президент и главнокомандующий вооруженными силами США находил время для того, чтобы около 40 раз в 1942—1945 годах принимать тайно некую Д. Адамс, являвшуюся посредницей между ФДР и Браудером. Адамс сообщала ФДР взгляды Браудера по политическим вопросам[53].

Свои ревизионистские взгляды Браудер изложил в ряде работ. В одной из них, увидевшей свет в конце 1943 года, он писал: «Если Джон П. Морган поддерживает англо-советскую коалицию и готов с ней солидаризироваться, я, как коммунист, готов в этом пункте протянуть ему руку и бороться совместно с ним». Браудер практически сказал то, что проповедовал Рузвельт. «Одно из главных устремлений Рузвельта, — отмечал У. Фостер, — заключалось в том, чтобы предотвратить самостоятельные политические действия рабочего класса, и в войну, с благословения Браудера, он весьма преуспел в этом»[54]. Хотя профсоюзы выросли — к 1945 году в АФТ и КПП насчитывалось около 14 млн. человек, усилиями ревизионистов была ликвидирована компартия как самостоятельная организация.

Браудеристы в «интересах национального единства» в мае 1944 года распустили Компартию США, превратив ее в политико-образовательную ассоциацию. Между тем в этот момент численность партии достигла 90 тыс. членов, и были все основания ожидать, что она вышла бы из войны «крепкой организацией, насчитывающей, по крайней мере, 150 тыс. членов»[55].

В разгар антифашистской войны монополистическая буржуазия и ее агентура обезглавили рабочее движение в США. Лозунги классовой борьбы усилиями браудеристов подменялись призывами к «национальному единству». Так велась своего рода морально-политическая подготовка в США накануне вступления американских войск во Францию.

На рассвете 6 июня 1944 г. американские солдаты высадились на побережье Нормандии и наконец вступили в бой с фашизмом. Вероятно, многие из них верили, что вооруженный народ сражается с диктаторами, отстаивает демократию — то дело, за которое вот уже три года боролись советские люди.

В тот час, когда солдаты головного эшелона десанта зацепилнсь за побережье, Франклин Д. Рузвельт выступил по национальной радиосети. Он произнес не речь, а прочитал молитву, написанную вместе с дочерью Анной. «О, всемогущий Боже, — читал президент, — наши сыновья, гордость Нации, сегодня совершают великий подвнг за сохранение нашей Республикн, нашей релнгии, нашей цивилизации. Им нужно Твое благословение... Некоторые нз них никогда не вернутся. Обними тех, Отец, и прнми их, твонх героических слуг, в твое царство... О, Боже, дай нам веру, дай нам веру в Тебя, веру в наших сыновей, веру друг в друга, веру в наш единый крестовый поход... С Твонм благословеннем мы возобладаем над нечестивыми силами врага... Аминь».

Антифашнстскую войну Рузвельт в соответствин со своими убеждениями квалифицировал крестовым походом. Командующий союзными войсками Д. Эйзенхауэр, выпуская после войны свон мемуары, так и озаглавил их: «Крестовый поход в Европу».

Главнокомандующий вооруженными силами США Рузвельт верил, что американские солдаты в Европе выполняют великую миссию. В том же 1944 году он говорил: «Мы не вступим в сделку с нацистскнми заговорщиками, не оставим им и тени контроля, тайного илн открытого, над властью. Мы не оставим нм никакой военной мощн или потенциальной военной мощи... Германский народ не будет порабощен. Объединенные Нацин не занимаются такнмн делами. Но немцам придется заслужить место среди миролюбнвых и законопослушных наций. И прн нх восхождении по крутой дороге мы позаботнмся, чтобы нм не помешал вес оружия. Мы надеемся, что они навсегда будут освобождены от этого бремени».

Для выполнения хотя бы части этой программы требовалось время, а третье президентство ФДР нстекало в январе 1945 года.

11 июля 1944 г. Ф. Рузвельт сообщил, что, хотя он хотел бы вернуться к частной жизни, он готов, «как хороший солдат», остаться на своем посту, еслн «так прикажет главнокомандующий всемн намн — суверенный народ Соединенных Штатов». Гитлер, понукая своих командующих отбнть вторженне во Францню, видел в этом, помнмо прочего, средство не допустить перензбрания ФДР, который «прн удаче кончит где-нибудь в тюрьме».

X

С зимы здоровье Рузвельта медленно, но неуклонно ухудшалось. Он таял на глазах, нсхудал, все чаще н чаще на лнце появлялось

выражение отрешенности. Поток дел не приносил ему прежней радости. О беспощадном времени напоминали близкие люди. В декабре 1943 года умер С. Макинтайр. Мисси Лихэнд боролась с недугом в Нью-Йорке. Гопкинс, вышедший из госпиталя, очень ослабел и мог работать лишь два-три часа в день. Брешь в кружке советников в какой-то мере заполнил С. Розенман, с 1943 года он оставил свою должность в суде в Нью-Йорке и неотлучно находился при ФДР. Дочь Анна также постоянно работала с отцом.

Но здоровье! Никто, включая президента, не понимал, что сокрушающие обязанности, которые он выполнял с величайшим прилежанием, подтачивали его силы. В преддверии избирательной кампании личный врач Рузвельта Макинтайр передал в печать заявление. «Его вес — на восемь-девять фунтов меньше оптимального. Откровенно говоря, я бы хотел, чтобы он набрал несколько фунтов. Со времени Квебека он не бывал в бассейне, но теперь возобновит плавание. Он великолепный пловец, и вода придаст ему бодрости. В результате он сможет ходить, а в воде — делать нужные упражнения. У него нет никакого органического заболевания. Он в отличной форме, выполняет за день гигантский объем работы. Слухи о его скверном здоровье понятны во времена выборов, однако они неверны».

Кто мог оспаривать мнение личного врача, тем более возведенного во время войны в ранг вице-адмирала. Но все же... Иной раз Рузвельт засыпал во время разговора, как-то задремал, подписывая документ, перо покатилось по бумаге. Порой терял нить разговора. Макинтайр был всего-навсего отоларинголог. В конце марта на семейном совете постановили запереть ФДР в госпиталь, где он сроду не бывал, и провести обследование специалистами. Он кротко повиновался. Кардиолог Г. Брюн был потрясен — сердце увеличено, высокое давление. Сердечно-сосудистая система в угрожающем состоянии. Сократить курение — с двух пачек сигарет он уже дошел до полутора, теперь лимит — не более пяти-шести сигарет в день. Коктейль только за обедом и никак не вечером. И отдых. На что Рузвельт охотно согласился, не без задней мысли.

С 8 апреля по 7 мая Ф. Рузвельт отдыхал в великолепном имении Б. Баруха в Южной Каролине. Там, полностью отрезанный от мира — в доме, где жил ФДР, не было даже телефона, — он немного восстановил свои силы. Люси была неподалеку и навещала президента, отрывая время от находившегося при смерти престарелого мужа (он скончался в середине 1944 г.). Элеонора, как обычно, пребывала в неведении о визитах Люси. Она на день заехала к Рузвельту, нашла, что «Франклин выбрал самое лучшее

место для отдыха», и стремглав – в Вашингтон. За гостеприимство Баруха пришлось пострадать – он почти весь месяц был в имении, досаждая президенту разговорами. Правда, финансовый магнат обладал житейской сметкой и сделал все, чтобы принимать должным образом Люси.

Пока президент находился в отпуске, вашингтонская печать распространяла дикие слухи о состоянии его здоровья. Одни газеты утверждали, что президент перенес инсульт, другие – что он впал в слабоумие. Из «надежных» источников сообщали: среди врачей, пользовавших президента, два психиатра. Республиканцы заявляли. «62-летнему инвалиду нельзя вверять функции президента». От себя они выставили энергичного 42-летнего губернатора штата Нью-Йорк Т. Дьюи.

Летом 1944 года ФДР втайне завязал сношения с У. Уилки. Розенману, действовавшему в качестве посредника между ними, президент сказал: «Я думаю, что пришло время для демократической партии избавиться от реакционных элементов с Юга и привлечь к себе либералов из республиканской партии, а Уилки – лидер этих либералов». Рузвельт предполагал завершить реорганизацию партии к 1948 году. Ибо, заключил он, «нет никакого сомнения, что реакционеры в нашей партии охотятся за моим скальпом». Уилки согласился[56]. Оба решили вернуться к вопросу после выборов. Уилки до них не дожил.

ФДР не собирался продолжать после войны «новый курс», поэтому предлагать переизбрать Г. Уоллеса представлялось ему неуместным. Рузвельт остановил свой выбор на сенаторе Г. Трумэне, известном своим «практицизмом» и консервативными взглядами. Его Рузвельт негласно одобрил кандидатом в вице-президенты.

Боссы партийной машины горячо одобрили выбор ФДР по причинам, о которых он не мог догадаться. Они сошлись во мнении, что ФДР не доживет до конца четвертого срока, вице-президент, избранный в 1944 году, неизбежно будет президентом[57]. На Трумэна в предвидении ожидавшегося после войны демократического подъема можно было положиться. Тем временем на конвенте в Чикаго Трумэн, пребывавший в блаженном неведении о планах президента, поддержал в вице-президенты Дж. Бирнса. Не бездействовал и Уоллес, получив 430 голосов при первом же туре голосования. Конвент в Чикаго был первым, за которым ФДР не наблюдал вплотную. В Чикаго шумел конвент, а главнокомандующий был занят делом: с высокой скалы в Калифорнии наблюдал за маневрами – высаживался десятитысячный десант. Когда ему доложили о поведении Трумэна, ФДР велел передать: «Если он хочет взорвать демократическую пар-

тию, пусть продолжает, но он, как и я, знает, в сколь опасном положении находится мир». Трумэн, «самый упрямый миссурийский мул»[58], как иной раз именовали его в партии, повиновался. Остается открытым вопрос — понял или ему уже успели растолковать — речь идет о президентстве. 20 июля конвент выдвинул кандидатуру Трумэна в вице-президенты.

На следующий день из Сан-Диего вышел тяжелый крейсер «Балтимора», эскортируемый шестью эсминцами. Президент отправился на Гавайские острова совещаться с командующим на Тихом океане. Неслыханно! А причина — выборы и все тот же Макартур. В 1942 году, отплывая на торпедном катере с Филиппин, он обещал вернуться. Теперь он требовал овладеть островами. Адмирал Нимиц считал, что это неразумно, лучше ударить по Формозе, а не ввязываться в кровопролитные бои на обширном архипелаге. Споры эти, естественно, шли в глубокой тайне, а вот политическое кредо Макартура не составляло решительно никакого секрета.

В апреле 1944 года доброжелатель Макартура конгрессмен А. Миллер передал в печать свою переписку с генералом. В ответ на суждения Миллера о том, что еще четыре года «этой монархии» — и все пропало, а посему генерал нужен, «дабы уничтожить этот ужас» и «остановить новый курс», Макартур учтиво поблагодарил за «ученое письмо» и заявил: «Характеристика вами положения в США весьма трезва и возбуждает озабоченность каждого истинного патриота». Доброхоты Макартура сунулись было выставить его кандидатом в президенты на конвенте республиканской партии. Результат: 1056 голосов за Дьюи, 1 — за Макартура. Он усмотрел в этом руку Рузвельта и пришел в крайнее бешенство. Хотя появления Макартура кандидатом на выборах можно было не опасаться, все равно нужно было укоротить его язык, использовав славу победоносного военачальника себе на пользу. С этой целью ФДР и прибыл на Гавайи.

Макартур как мог подчеркнул свою независимость. Хотя он прилетел раньше президента, генерал не встречал главнокомандующего, а явился позднее, надутый и небрежно одетый. Взглянув на ФДР, он утешился, объяснив своим приближенным: «На нем печать смерти! Через полгода он будет в могиле!» Макартур категорически стоял за свой план — высадка на Филиппинах. Если ее не последует, мрачно предрек он президенту, «американский народ будет так возбужден, что полностью выскажет недовольство вами на выборах». После тяжелых разговоров с Макартуром президент вечером попросил у врача таблетку аспирина, помолчал и добавил почти растерянно: «И еще одну,

на утро. За всю жизнь никто не говорил со мной так, как сегодня Макартур». ФДР попытался взять реванш — когда участники совещания торжественно расселись, дабы фотографы запечатлели историческую встречу, он заметил, что у генерала не застегнуты брюки. «Смотрите, что я вижу, — радостно шепнул ФДР фотографу, — немедленно снимайте!» Но генерал следил за каждым движением президента. Не успел фотограф взять в фокус Макартура, как он скрестил ноги и окатил взором, полным презрения, главу государства. В ослеплении ненавистью Макартур иного и не ждал от «этого Розенфельда», как он именовал иной раз ФДР. Впрочем, он находил, что и у Трумэна «еврейская физиономия»[59].

Трехдневное напряженное совещание президента с командующими на Тихом океане оказалось тягостным и потому, что ФДР известили — в Нью-Йорке скончалась Мисси. Оно закончилось тем, что ФДР, вопреки военной логике, поддержал Д. Макартура. Но он, по-видимому, вырвал у Макартура обещание прекратить политиканство и объяснять в будущем успехи в войне на Тихом океане вниманием к этому театру президента. Американским войскам пришлось вскоре провести трудную кампанию на Филиппинах. Генерал смог сказать: «Я вернулся!», а тысячи матерей в США получили извещения о гибели их сыновей на Филиппинах.

Посетив на обратном пути Аляску, ФДР в конце августа вернулся в США. Предвыборная кампания в полном разгаре. Ф. Рузвельт негодовал на «мелкого типа» Т. Дьюи и заявил друзьям, что «идет самая грязная кампания в истории». Республиканцы кричали, что правительство состарилось, и обещали при Дьюи энергично, по-молодому вести государственные дела. В личных нападках на президента они хватили через край. Рузвельт, «усталый старик», как отзывался о нем Дьюи, показал, на что он способен. Он извлек из шкафа старую «счастливую» фетровую шляпу, которую носил в 1932, 1936 и 1940 годах, а из политического арсенала — словесное вооружение.

Рузвельт чувствовал себя отвратительно. Уже три года он почти не пытался ходить. Взбешенный инсинуациями республиканцев, Рузвельт возобновил физические упражнения. Ортопедические приборы плохо держались на исхудалых ногах, причиняли мучительную боль. Когда Розенман увидел Рузвельта, поддерживаемого врачом; с трудом передвигавшегося по спальне, он посоветовал президенту выступать только сидя. Так и было сделано: ФДР говорил, сидя в кресле, а к большой аудитории обращался с заднего сиденья открытого автомобиля.

Впрочем, никто не заметил этого – президент произнес несколько зажигательных речей.

Для открытия своей избирательной кампании ФДР припас сюрприз. Малоизвестный республиканский оратор обвинил ФДР в том, что он послал на Алеутские острова эсминец за забытой собакой Фалой. Рузвельт запретил опровергать сплетню – он счел, что нелепая выдумка очень уместна. Высмеяв ее, президент тем самым покажет смехотворность инсинуаций республиканцев о том, что он «устал», потерял вкус к жизни и т. д. ФДР рассудил, что шутку лучше всех примут рабочие, с обращения к которым он решил открыть предвыборную борьбу. Первая речь президента была намечена на банкете профсоюза водителей грузовых машин в Вашингтоне. Руководителю отдела пропаганды национального комитета демократической партии П. Портеру ФДР так объяснил выбор именно этой аудитории: «Знаешь, Поль, у меня сентиментальная привязанность к шоферам грузовиков, а еще (сделав жест, как будто аплодирует) у них такие большие руки».

23 сентября Рузвельт произнес эту речь, имевшую неслыханный успех. Он похвалил рабочее движение, отвел несправедливые упреки в том, что было слишком много стачек. Нет, сказал президент, «с Пёрл-Харбора в результате забастовок была потеряна только одна десятая процента рабочего времени». Рузвельт до конца использовал то обстоятельство, что республиканская партия теперь горой стояла за законы, принятые в период «нового курса». Заклеймив республиканцев как лицемеров, ФДР перешел к нападкам на самого себя.

«Эти республиканские лидеры, – саркастически сказал президент, – не удовлетворяются нападками на меня, жену и сыновей. Теперь они обрушились на мою собачку Фалу. Ни меня, ни мою семью нападки не трогают, но Фалу трогают!.. Фантазеры-республиканцы в конгрессе сочинили историю о том, что я забыл Фалу на Алеутских островах и послал за ней эсминец, что обошлось налогоплательщикам в два, три или двадцать миллионов долларов. Когда Фала узнала об этом – а она шотландского происхождения, – собачка взбунтовалась... И я думаю, что имею право возражать против клеветнических измышлений по поводу моего пса».

В октябре 1944 года, когда Объединенные Нации успешно наступали на всех фронтах, Рузвельт очень умело пустил в оборот вести о победах. 27 октября он выступил с автомобиля на громадном митинге в Филадельфии. Указав на размах военных усилий США, ФДР отметил: «Это невероятное достижение того правительства, о котором говорят как о "старом, усталом и

сварливом"». Сославшись на то, что американскне войска 20 октября высадилнсь на Филиппинах, торжествующий Рузвельт спросил: «Так как теперь с предположеииямн, высказанными несколько недель иазад, о том, что я по политнческнм причинам не послал достаточно войск н припасов генералу Макартуру?»

Он пожинал плоды негласиой договорениости с Макартуром на Гавайях летом 1944 года. Осиованием для оптимнзма ФДР были хвастливые коммюнике Макартура. На Филиппинах пока была проведеиа высадка на острове Лейте. Еще предстояли многомесячные бон, а штаб Макартура уже оповестил — сражение-де заканчивается! Недоумевающим журналнстам офнцеры на Лейте объясиили: «Через несколько дней выборы н Филиппины должны быть иа первых страницах газет». Как отмечает американский нсследователь вопроса Д. Джеймс, «иеофициальная сделка» на Гавайях предусматрнвала: «коммюнике Макартура будет говорнть о великих победах в результате увеличения помощн Вашингтона, а президент будет оказывать давление на комитет начальников штабов в пользу операций на Филиппинах. Как Рузвельт, так н Макартур были хитрейшнмн нитригаиами первой величины»[60].

ФДР резко отвел обвинеиие республнкаицев в том, что правительство якобы является «прокоммунистическнм». В речи 5 октября он сказал: «Я никогда не нскал н не приветствую поддержку любого лнца или группы преданных коммунизму или фашизму, или любой другой иностранной идеологии, которая подорвет американскую снстему правления». В 1944 году Рузвельта поддержал комнтет полнтического действня, созданный КПП и находившнйся под руководством С. Хилмэиа. Республиканцы обрушились на эту организацию н лично на Хилмэиа.

На грандиозиом митинге в Бостоне, где собралось 125 тыс. человек, Рузвельт прнзвал к религнозной н национальной терпнмостн. И далее: «Выступая здесь, в Бостоне, республиканскнй кандидат сказал (я точно цитирую по моей старой привычке): «Коммунисты захватили коитроль над новым курсом, н такнм образом оин намереваются установнть контроль над правительством США». Однако в тот же день кандидат говорил в Уорчестере, что с победой республнканцев в ноябре «мы покончим с правлением одиого человека н навсегда устраним угрозу монархии в США». Так кто я — коммунист илн монарх?.. Когда любой политический кандидат торжественно заявляет, что правительство США, ваше правительство, может быть надуто коммунистамн, тогда я скажу, что такой человек обнаруживает постыдное неверие в Амернку».

Так он говорил публично, а в конфиденциальных беседах шел много дальше. В это время ФДР принял эрцгерцога австрийского Отто, которому заявил: «Наша основная забота — не допустить коммунизм в Венгрию и Австрию». Эрцгерцог с удовлетворением записывал после встречи: «Совершенно очевидно, что отношения между Рузвельтом и русскими напряжены... Здесь все заинтересованы в том, чтобы удержать русских подальше... Из всего сказанного Рузвельтом ясно: он боится коммунизма и хочет сделать все, чтобы сдержать русскую мощь, но не доводя дела до войны»[61].

Начав кампанию с реверансов в сторону рабочего класса, ФДР усиленно развивал тему значения рабочих для победы над державами «оси». Он хвалил железнодорожников, судостроителей, рабочих военной промышленности и трудящихся вообще. В выступлении в Уилмингтоне 27 октября президент подчеркнул: «Когда я произношу слово «рабочие», пусть меня правильно поймут — я имею в виду все виды работы. Например, есть рабочие в белых воротничках, занятия которых не бросаются в глаза, но являются чрезвычайно важными для наших военных усилий и всей жизни Америки». Вот оно что! Итак, все «рабочие» — от монополистов до сталелитейщиков.

Вернувшись к своему предложению в январе 1944 года об «экономическом билле о правах», ФДР объяснил в речи в Чикаго 28 октября: «Экономический билль о правах — признание простого факта, что в Америке будущее рабочего, будущее фермера коренится в процветании системы частного предпринимательства, а будущее этой системы коренится в процветании рабочего и фермера». Просто, как апельсин. А чтобы не было никаких сомнений, на чем он стоит, Рузвельт патетически заключил:

«Я верю в частное предпринимательство — и всегда верил.

Я верю в систему прибыли — и всегда верил.

Я верю, что частное предпринимательство может обеспечить полную занятость для нашего народа».

Вот и основы философии умудренного опытом Франклина Д. Рузвельта на закате жизни.

На будущее, после войны, он обещал все блага — занятость для 60 млн. человек (цифра взята с потолка), новые дома, дешевые автомобили и т. д. В общем, «плодами победы на этот раз не будут яблоки, продаваемые на перекрестках улиц», — сказал ФДР. Чтобы продемонстрировать свою выносливость, в дождливый и ветреный день он проехал в открытом автомобиле, легко одетый, 80 *км* по улицам Нью-Йорка, запруженным народом.

Едва лн многнм нз вндевших его тогда приходило в голову, что ФДР не пережнвет нового срока, на который он просил перензбрать его.

Победа на выборах в ноябре не была внушительной – ФДР собрал 25,6 млн., Т. Дьюн – 22 млн. голосов. И трудно определнть, сколько нзбнрателей отдало голоса главнокомандующему, а не президенту. Даже прн зтом только 51,7 процента поддержалн ФДР. Так мало он ннкогда не собнрал.

XI

«У нас не будет знмней паузы в Европе, – чеканнл слова Рузвельт в речи по радио 2 ноября. – Мы будем наноснть удары, гнать врага, бнть его еще н еще, не давая ему передышкн, н прорвемся к нашей конечной целн – Берлину». Он говорил о громадных американских армиях, наступающих в Европе, указал, что быстрая победа – вернейшнй путь сократнть потерн. В ней он был абсолютно уверен. Но...

Глубокой осенью н ранней знмой 1944 года Соединенные Штаты н Англия внезапно столкнулись с очень трудным положением на фронтах. В Италнн союзные войска завязлн на германских обороннтельных линиях, на Западном фронте гнтлеровцы 16 декабря нанеслн внезапный удар в Арденнах, приведя в серьезное расстройство союзные армии. На Дальнем Востоке японцы, хотя н потерпевшне сокрушительные пораження на море, в конце года открылн самое большое наступление в Китае, стремясь создать предпосылкн для затяжной войны.

Это поразило Америку. Опросы общественного мнения на нсходе 1944 года показалн, что американцы в массе своей стоят за самые решнтельные меры для нанесения поражения врагам. 43 процента опрошенных требовалн применнть отравляющие вещества против населения японских городов. Как заявнла некая домохозяйка в Далласе, «уничтожим всех японцев до последнего, включая женщин и детей». 35 процентов опрошенных требовали «перестрелять н перевешать» руководителей Германнн, а немало высказалнсь за нстребленне всех немцев[62]. Но как добраться до ненавнстного врага, с которым сражалась разгневанная «демократия»?

США н Англия, сосредоточившие свон усилия на создании воздушной мощн, стали ощущать острую нехватку сухопутных войск. США уже ввели в дело 87 дивнзнй из нмевшихся 89 н осталнсь без резервов. Оптнмнзм, который охватнл Вашннгтон ранней осенью, рассеялся, еще предстоялн тяжелые бон.

Для Рузвельта кризис на фронтах не был полной неожиданностью. Уже несколько недель он с тревогой сопоставлял оптимистические прогнозы с реальной обстановкой. 1 декабря президент циркулярным письмом запретил главам правительственных ведомств и учреждений выступать с заявлениями о близкой победе. Немецкое наступление в Арденнах определенно лишило Рузвельта душевного равновесия. Пока лихорадочно изыскивали резервы – добрались даже до частей на Аляске, – ФДР внес свою лепту в отпор врагу. Исполнительным приказом президента № 9508 военный министр от имени правительства взял управление компанией «Монтгомери уорд».

Решение это, объявленное 27 декабря, привело Стимсона в большое недоумение. Оно было уникальным в военной практике правительства, все же избегавшего грубого вмешательства в бизнес. Министр никак не мог взять в толк, почему угроза забастовки 12 тыс. рабочих и служащих компании, обслуживавшей розничную торговлю, может подорвать военные усилия страны и потребовала личного вмешательства президента. ФДР, однако, давал предметный урок. В исполнительном приказе было сказано. «Сегодня мы переживаем критическую точку войны... Правительство США не может терпеть и не потерпит в этот критический час никакого вмешательства в военное производство... Компания под руководством м-ра Эвери вела ожесточенную борьбу против профсоюзов своих рабочих и служащих на всем протяжении войны, дерзко игнорируя усилия правительства сохранить гармонию между предпринимателями и трудом... Существует явная угроза, что рабочие некоторых наших важнейших военных заводов могут объявить забастовку в поддержку рабочих «Монтгомери уорд», если правительство будет бездействовать. Мы этого не допустим».

30 декабря Стимсона снова вызвали в Белый дом, на этот раз в сопровождении генерала Л. Гровса. Президент потребовал доложить, когда будет готово атомное оружие. Под впечатлением Арденн, вспоминал через два десятилетия Гровс, «Рузвельт заявил о готовности использовать атомную бомбу против нацистов, чтобы принудить Германию к капитуляции». Гровс браво отрапортовал: «Мы можем сделать это и сделаем!» Надо думать, президент знал – страна поддержит его. В этом он не ошибался – после Хиросимы и Нагасаки 85 процентов опрошенных американцев были за «использование атомных бомб против японских городов».

Рузвельт в интересах победоносного завершения войны использовал до конца ресурсы президентской власти, в том числе будущие. Эйзенхауэру в Европе приходилось считаться только с

наличными. Подсчитав: на Западном фронте союзники имели 87 дивизий против 39 немецких, 10 тыс. самолетов против 1 тыс., 6500 танков против 600, – Эйзенхауэр заключил, что справиться с гитлеровцами нельзя. Полководец обратился к Рузвельту с просьбой выяснить перспективы нового советского наступления. «Это имеет величайшее значение, на нем я буду строить собственные планы», – разъяснял он. Подчеркнув «крайнюю срочность дела», ФДР обратился в Москву, прося принять офицеров из штаба Эйзенхауэра для «обсуждения положения дел у Эйзенхауэра на Западном фронте и вопроса о взаимодействии с Восточным фронтом». Просьбу президента США поддержал Черчилль.

Советское правительство сообщило, что начало широкого наступления советских войск будет ускорено. 12 января 1945 г., раньше намеченного срока, советские войска взломали оборону противника и вновь двинулись на Запад. На Восточном фронте Германии разразилась катастрофа. Гитлеровское руководство прекратило активные операции на западе, стремительно перебрасывая войска своей ударной группировки на восток. 18 января Рузвельт писал Сталину: «Подвиги, совершенные вашими героическими воинами раньше, и эффективность, которую они уже продемонстрировали в этом наступлении, дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах».

Арденны еще раз подтвердили: без тесного сотрудничества с СССР победа невозможна. Что до войны с Японией, то Д. Макартур сообщил Вашингтону: для ее разгрома нужна помощь 60 советских дивизий. Назрела необходимость новой конференции И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, местом проведения которой была избрана Ялта.

Суровые ноты прозвучали в ежегодном послании конгрессу о положении страны 6 января 1945 г. «Стоит вопрос не о конечной победе, а о потерях. Наши потери будут велики», – предупредил ФДР. Президент потребовал решительного увеличения военной продукции, запуска в производство новых видов вооружений, введения всеобщей трудовой повинности в военных целях, а до принятия соответствующего закона – немедленно направить в военную экономику 4 млн. человек[63]. «Мне совершенно очевидно, что существенным фактором поддержания мира в будущем явится введение всеобщей воинской повинности после войны. Я направлю конгрессу специальное послание по этому вопросу».

Принимая присягу президента, 20 января ФДР в короткой речи вспомнил своего школьного наставника Э. Пибоди, кото-

рый учил: «Дела в жизни не всегда идут гладко». В будущем американцы должны помнить, что «мы одни не можем жить в мире, наше благополучие зависит от благополучия других... Как сказал Эмерсон, единственный способ иметь друга — быть самому другом». 22 января ФДР втайне покинул США. Он направился в Ялту.

Правительственные ведомства подготовили для ФДР и американской делегации в Ялте «Памятку», в которой указывалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Оценивая политическую обстановку в европейских странах, составители «Памятки» подчеркивали: «Все народы Европы охвачены левыми настроениями и весьма сильно выступают за далеко идущие экономические и социальные реформы».

Накануне Ялтинской конференции были подтверждены рекомендации комитета начальников штабов от 3 августа 1944 г. Комитет призывал к величайшей осмотрительности в отношениях с СССР. «После успешного завершения войны против наших нынешних врагов в мире произойдут изменения в соответственной военной мощи, которые можно сопоставить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это — решающий фактор для будущих политических решений и всех обсуждений политических вопросов... После разгрома Японии только СССР и США останутся первоклассными военными державами, что объясняется сочетанием географического положения с огромным военным потенциалом. Хотя США могут перебросить свои военные силы во многие районы мира, тем не менее очевидно, что сила и географическое положение этих двух держав исключают возможность военного поражения одной от другой, даже если к данной стороне присоединится Британская империя»[64].

А чем был комитет начальников штабов в военные годы? Некий авторитетный американский военный деятель лаконично сказал: «Комитет начальников штабов означает Белый дом». Время от времени ФДР бросал замечания: «Во всех наших делах со Сталиным мы должны быть себе на уме». Или: «Сталин? Я справлюсь с этой старой птицей». Своим советникам, выражавшим традиционно лицемерный американский взгляд на то, что президенту США «трудно» с искушенными европейцами, Рузвельт насмешливо возразил: «Все жалеют меня за то, что мне приходится иметь дело с Черчиллем и Сталиным, но пожалейте хоть на мгновение Черчилля и Сталина, им приходится иметь дело со мной».

Ф. Рузвельт и У. Черчилль отчетливо представляли соотношение сил в антигитлеровской коалиции. Черчилль предложил зашифровать конференцию в Ялте кодовым названием «Аргонавт». По преданию, древнегреческие герои отправились в Колхиду за мифическим золотым руном. ФДР понял скрытый смысл. «Вы и я — прямые потомки аргонавтов», — сообщил он Черчиллю. Вот это и побудило ФДР отправиться в далекую Ялту, хотя, писал Гарриман, «все ближайшие советники были против поездки Рузвельта в Россию». Он подсчитал — ФДР для этого покрыл 4883 мили морем и еще 1375 миль воздухом[65]. Сталин встретил ФДР не на аэродроме, а в самой Ялте.

4—11 февраля состоялась историческая конференция. Главы правительств со своими военными советниками согласовали планы окончательного наступления в Европе.

В Ялте были приняты решения о созыве 25 апреля 1945 г. конференции для создания Организации Объединенных Наций и о включении УССР и БССР в число учредителей ООН. Только в Ялте Рузвельт наконец согласился, что западная граница СССР будет проходить по так называемой «линии Керзона». Главы правительств утвердили будущие зоны оккупации Германии.

В заявлении об итогах работы конференции указывалось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и фашизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира».

Наконец, на конференции 11 февраля было подписано соглашение о том, что СССР через два-три месяца по завершении боевых действий в Европе вступит в войну с Японией на условиях восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году.

После смерти Рузвельта ялтинские соглашения были объявлены «архипредательством» интересов США. ФДР шел на согласованные решения с СССР, ибо понимал, что это — единственный путь обеспечения интересов США. Как заметил американский профессор Р. Зонтаг, изучавший архивы госдепартамента, «во время конференции в Ялте казалось, что перед русскими армиями открыта дорога через всю Европу, в то время как западные армии еще не форсировали Рейн. В этих условиях было возможно, что русские к концу войны займут бо́льшую часть Германии».

В 1945 году секрета не составляло, кто недоволен решениями Ялтинской конференции. Геббельсовский орган «Дас рейх» 23 февраля запугивал немцев: «Если германский народ сложит оружие, соглашение между Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным

позволит Советам оккупировать всю Восточную и Юго-Восточную Европу, а также бóльшую часть рейха. На эти территории иемедленно опустится железный занавес». ФДР знал, как бороться с теми, кто распространял такого рода клевету, — ои отдал приказ арестовать немецких военных преступников. «Теперь давайте быстро проведем процессы и подготовим всю процедуру заранее. Нужно сделать иеотложным делом иаказание виновиых», — указал он.

Из Ялты Рузвельт отправился самолетом иа Ближний Восток, где принял последовательио королей Египта и Саудовской Аравии, императора Эфиопии. 15 февраля иа крейсере «Куинси» он тронулся в обратный путь, на родину. Рузвельт был измотаи, больиой Гопкинс страшился девятидневиого перехода через океаи. В Алжире, куда зашел крейсер, Гопкинс сбежал с корабля — он хотел лететь самолетом. Рузвельт очень холодио попрощался с иим. Больше Гопкинс так и ие увидел ФДР.

«Куинси» нельзя было назвать счастливым кораблем. Рузвельт проводил миого времени в постели, он читал детективные романы, разговаривал мало и не интересовался делами. Ои часами сидел на палубе, курил и молча, отрешенно смотрел на горизонт. Окружающие оставляли президента иаедине со своими мыслями. Адъютаит «папаша» Уотсои перенес удар на борту корабля и умер, когда «Куинси» был в открытом океане. Раньше ФДР никогда ни с кем ие делился своим горем, теперь вдруг старчески болтливо заговорил об Уотсоие.

1 марта Рузвельт выступил на объединенном заседаиии коигресса с отчетом о Ялте. Впервые за всю свою политическую деятельность он публично упомянул о недуге — начииая речь, ФДР извинился за то, что ои сидит: «Мие легче, когда я не иадеваю иа голени десять фунтов стали». Он трудно говорил, часто оговаривался, его душил мучительиый кашель. Измождеиный вид президента плохо гармонировал с бодрой речью.

ФДР рассказал о первом посещении Советского Союза. Ои увидел только крошечный уголок громадной страны — Ялту, Севастополь и окрестности. «Я стал свидетелем, — говорил Рузвельт, — исступлениой, бессмысленной ярости и ужасающих разрушений, являющихся следствием германского милитаризма. Город Ялта иа Чериом море ие имеет никакого воеиного зиачения, в ием иет укреплений. До первой мировой войны здесь был курорт царей, князей и русской аристократии, их прихвостней. Но после Красной Революции и до иападеиия Гитлера иа Советский Союз дворцы и виллы Ялты использовались для отдыха русским народом.

Когда примерно год назад Красная Армия выгнала нацистов из Крыма, все эти виллы были разграблены, а в подавляющей части и уничтожены заложенными в здания бомбами. Не пощадили даже самые бедные дома в Ялте. Не осталось почти ничего, за исключением голых стен, — руины, разрушение, опустошение.

В Севастополе, а это был укрепленный порт примерно в 40 — 50 милях далее, все разрушено. В этом большом городе с укреплениями и верфями, по-моему, уцелело не более дюжины домов.

Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, но я видел Севастополь и Ялту! И я знаю, что на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие».

ФДР убеждал, что в Ялте заложены прочные основы послевоенного мира: «С Тегеранской конференции год назад между всеми нами возникла — как бы мне назвать это? — большая легкость в переговорах, которая является добрым предзнаменованием для международного мира, мы лучше знаем друг друга... Никогда в истории не было еще случая, чтобы главные союзники были столь едины не только в целях войны, но и во взглядах на мир»[66].

Иначе он не мог сказать, имея перед глазами сокрушительное наступление Красной Армии, добивавшей фашистский рейх. Он безоговорочно требовал, чтобы в Вашингтоне в этом отношении мыслили, как он. Когда бывший американский посол в Польше А. Лейн заикнулся было о том, чтобы потребовать от СССР согласия на воссоздание «санитарного кордона» в Восточной Европе, Рузвельт пресек его рассуждения вопросом в лоб: «Ты что, хочешь чтобы я пошел войной на Россию?» Только в единстве с СССР, внушал Рузвельт, можно довести до успешного завершения войну в Европе и Азии.

Он был беспощаден к тем, кто пытался открыто подорвать это единство. Весной 1945 года в США вернулся некий Дж. Эрли, специальный представитель президента в Турции. Эрли, в прошлом губернатор штата Пенсильвания, почитал себя другом президента и поэтому вознамерился открыть ему глаза: «если в течение недели» Рузвельт не запретит, он выступит с публичным заявлением о том, что «Россия представляет бо́льшую угрозу, чем Германия». Отправив наглое письмо, Эрли все же счел за благо скрыться из Вашингтона. Секретной службе с трудом удалось найти его и вручить письмо вконец разгневанного президента.

«Джордж! Я прочитал твое письмо от 21 марта, адресованное моей дочери Анне, и с тревогой отметил намерение предать

гласности твое неблагоприятное мнение об одном из наших союзников в то самое время, когда подобное заявление, исходящее от моего бывшего представителя, может нанести непоправимый ущерб нашим военным усилиям... Ты пишешь, что сделаешь это, если до 28 марта не узнаешь, что я этого не хочу. Я не только не хочу, а категорически запрещаю тебе предавать гласности любую информацию о любом союзнике, которую ты мог получить на государственной службе. Поскольку ты все же хочешь служить, настоящим я лишаю тебя функций представителя президента. Я отдам указание морскому министерству использовать тебя там, где сочтут полезным».

В министерстве отлично знали характер президента и по достоинству оценили редкий по глубине приступ гнева Рузвельта. Там сочли «полезным» для дальнейшего прохождения службы без проволочек отправить Эрли на Самоа.

Франклин Д. Рузвельт верил в то, что США и СССР могут сотрудничать не только в войну, но и в дни мира. Его философия международных отношений включала понимание «громадных различий в языке, религии, политике, идеологии и истории» между Западом и Востоком. «Он не верил, что различия в идеологии или экономических системах не дадут народам возможности сотрудничать. Он знал, что марксизм учит неустанной борьбе против капитализма, однако он не считал, что доктрина определяет поведение людей. Война идеологий, думал он, явится главным образом книжной войной». Так сообщил С. Уэллес о мотивах внешней политики ФДР автору специального исследования о Ф. Рузвельте в конце 50-х годов[67].

XII

Все это так. Только как вписать в «книжную войну» заботы ФДР о монополии на атомное оружие, если и когда оно будет создано. В середине 1944 года физик Нильс Бор, вывезенный союзными спецслужбами из оккупированной Дании, умоляет ФДР и Черчилля немедленно ввести Советский Союз в курс подготовки нового оружия, только так, доказывал Бор, можно достичь взаимного доверия. Рузвельт не принял Бора, приехавшего в Вашингтон, а отправил его в Лондон беседовать с Черчиллем. Английский премьер попросту выгнал великого физика. Обескураженный Бор вернулся в Вашингтон. ФДР теперь с готовностью принял ученого.

«Президент, — пишет Дж. Барнс, — тепло поздоровался с ним, усадил у своего стола, заваленного бумагами, рассказал

анекдоты о Черчилле и Сталиие в Тегеране, выслушал его соображения, заявил, что в целом согласеи с ним, поахал по поводу того, как Черчилль встретил Бора, добавив, что Черчилль часто ведет себя так, когда ему излагают иовую идею. Я уверен, продолжал президент, что атомиая зиергия создает великие возможиости как для добра, так и для зла, оиа поможет международному сотрудничеству и даже откроет новую зру в истории. Ои, повидимому, считал, что со Сталиным иужно вступить в коитакт по зтому вопросу. Завереиия Рузвельта привели Бора в зкстаз, особенно когда президеит заверил, что подиимет зтот вопрос иа предстоящей встрече с Черчиллем».

О чем они говорили иа очередиой встрече — иеизвестно, ио подписанное в ходе иее 19 сеитября 1944 г. соглашение более чем красиоречиво:

«1. Предложенне о том, чтобы ииформировать мир о «тьюб аллойз» (так именовались работы по создаиию атомиого оружия. — *Н. Я.*) с целью достижения международного соглашения для контроля иад ним, отвергается. Дело следует считать в высшей степени секретным, а когда «бомба» будет готова, ее можно, по зрелому размышлеиию, использовать против япоицев, которых следует предупредить, что бомбардировки будут продолжаться вплоть до их капитуляции.

2. После поражеиия Японии США и Англия будут полностью сотрудничать в разработке «тьюб аллойз» для военных и граждаиских целей, если зто ие будет прекращеио совместным соглашением.

3. Следует провести расследование деятельности проф. Бора и принять меры, с тем чтобы ои ие допустил утечки информации, особенно русским».

Так и коичились странствования прекрасиодушного Бора в высших политических сферах США и Англии, к нему приставили шпиков.

Рузвельта занимало не международное сотрудничество в области атомной зиергии, а практическое примеиение «бомбы». Примерио в зто время Стимсои после встречи с ФДР записал в своем дневнике: «Необходимо органически ввести Россию в лоно христиаиской цивилизации... Возможно использование С-1 в этих целях»[68]. Отточия Стимсона. Под С-1 было зашифроваио атомное оружие.

Компетентный американский исследователь М. Шерри, подводя итоги бесед Стимсоиа с ФДР, замечает: «Атомиая бомба, объяснял Стимсон, может дать Вашингтону иадлежащую силу... Очевидно, он считал, что Советы ослабят свой контроль в Восточиой Европе или либерализируют свой строй... Президент

«сказал, что согласеи с иим», но ФДР, по-видимому, ие вводил Стимсона дальше в свои мысли по поводу атомиой дипломатии... Быть может, ои разделял желанне Черчилля, используя это оружие, побудить Москву к дипломатическим уступкам»[69].

Р. Даллек, в свою очередь, рассуждает иа уровие зиаиий о политике Рузвельта, иакопившихся к концу 70-х годов: «Рузвельт по-прежнему иичего не сообщал русским об атомной бомбе. В середине марта 1945 года ои и Стимсои согласились, что до прнмеиения бомбы в августе ему придется решить, иужно лн сохранить аигло-американскую моиополию или ввести систему международного коитроля. Поскольку ко второй иеделе апреля ои не принял иикаких мер в пользу второй альтернативы, представляется разумным заключить, что ои хотел воздержаться от разделеиия коитроля с русскнми, пока ои не уверится в их готовиости сотрудничать в других международных вопросах. Атомиая бомба теперь, по всей вероятности, представлялась самым лучшим средством обеспечения зтого»[70].

Несмотря иа красноречие американских исследователей жизни и деятельиости ФДР, по поводу зтих вопросов едва ли возможно категорическое суждеине, при жизни Рузвельта атомиое оружие ие было создано. К категорнн гипотетических решеинй отиоснтся и представление Рузвельта иа исходе его жизни о будущей роли Китая.

То, что Рузвельт вндел Китай в системе «балаиса снл», сомнений не вызывает. «Наша политика, — заявил ои государствеиному секретарю Э. Стеттиниусу в марте 1945 года, — основывается иа убеждеиии, что, иесмотря на временную слабость, возможность революции и граждаиской войны, 450 мли. китайцев со времеием объединятся, модериизируют страну и станут самым важным фактором иа всем Дальием Востоке». До зтого было далеко, тогда ФДР должеи был считаться с положением в Китае.

Ои прямо спросил генерала Д. Стилуэлла, командовавшего америкаиским коитингентом в Китае: «Сколько продержится Чаи Кайши?» «Повтореиие майского иатиска (японского иаступления. — *Н. Я.*) может привести его к краху», — ответил геиерал. Президент объявил: «Тогда подыщем другого человека или группу людей, которые будут править». «Оии, вероятно, ищут нас», — вставил Стилуэлл. «Да, — ответил Рузвельт, — они придут к иам»[71]. Речь шла о маоистах. Америкаиское посольство в Китае в конце февраля 1945 года иастаивало иа оказании помощи не только Чаи Кайши, ио и им, «дабы удержать коммунистов иа иашей стороие, а ие бросать их в объятия России»[72]. ФДР иа том этапе, однако, считал, что США должны употребить

все усилия в пользу объединения Китая под «коалиционным правительством» с включением в него маоистов. В этом направлеиии действовали его представители в Китае, в первую очередь П. Хэрли. Тем ие менее в марте 1945 года ФДР подверг расспросам с пристрастием синолога журналиста Т. Уайта, допытываясь, что китайские коммунисты — «маргарниовые» или «настоящие», правят ли ими русские[73].

В описанном контексте, вероятно, уместно оценивать подход ФДР к сотрудничеству с СССР, как проявившийся в Ялте. В конгрессе он был категоричеи, наедине с А. Берлн заметил, воздев руки по поводу решений конференции: «Адольф! Я не говорю, что они хороши. Но я сделал все, что мог»[74]. На заседании правительства президент прибег, мягко говоря, к мистификации, рассуждая о встречах со Сталиным в Ялте. Дж. Бнрис вежливо усомнился в суждениях президента, а Ф. Перкинс, пробывшую уже 12 лет министром, осенило: «Президент говорил иам то, что иам надлежало знать.., другими словами, имея дело с правительством, он постоянно помнил, — кто-то из нас может проболтаться»[75].

И еще одна грань сотрудничества ФДР с Советским Союзом обнаруживается в самые последние дни его жизнн.

XIII

По горячим следам за Тегераном в конце декабря 1943 года в Москву явился Доиоваи реализовать сотрудничество с СССР в области разведки. Время воеииое, и все вопросы былн решеиы очень быстро. Донован был принят руководителями советской разведки, которым ои сообщил, что уполиомочен договориться об обмене соответствующими миссиями с СССР. Решили, что в Вашингтон направят 7 советских офицеров разведкн, Донован выговорил разрешение, чтобы миссия УСС в Москве насчитывала 19 человек.

Донована для порядка, как пишет Гарриман, откровенно спросили, «руководствовался ли Доиован, прнехав в Москву, только желанием установить сотрудничество или у него было кое-что еще на уме. С ледяным иегодованием Доиован ответил, что иных намерений у него нет». Ладно, пусть будет так. С наилучшими пожеланиями Донована посадили в самолет и отправили в Соединенные Штаты.

Прошел январь, февраль 1944 года — советская миссия все ждала, а 15 марта Гарриман получает телеграмму Рузвельта: «Пожалуйста, сообщите маршалу (Сталину. — *Н. Я.*) прн пер-

вой возможности, что по чисто внутрениим (американским. — *Н. Я.*) прнчинам, которые он поймет, неуместно в это время обмениваться указанными миссиями». Гарриман был уязвлен — тогда чего стоят его бесконечные жалобы о мнимом нежелании русских сотрудничать.

Он обращается к президенту: «Впервые нам удалось здесь проникнуть в один нз разведывательных органов Советского правительства, н я убежден, что это явится острием клина для более тесных отношений с другими органами, если мы будем сотрудничать. У меня просто нет слов, чтобы подчеркнуть мое убеждение, что, еслн мы закроем дверь к сотрудничеству в этой областн с Советскнм правительством после проявленного им духа сотрудничества и доброй воли, это неблагоприятно скажется на другнх аспектах наших отношений с СССР.

Мы достиглн очень позитивных результатов в переговорах с советскнм штабом ВВС в отношении «челночных» бомбардировок... Поскольку мы просим в связи с этими операциями въезда в СССР свыше 1 тыс. человек, я не знаю, как мне удовлетворительно объяснить Молотову или Сталину, почему горстке советских официальных лиц не разрешен въезд в США».

29 марта 1944 г. Рузвельт подтвердил отказ. «Верх глупости, — вздыхал Гаррнман спустя десятилетня. — План обмена (разведывательными миссиями. — *Н. Я.*) в конце концов был предложен не русскими, а объединенным комитетом начальников штабов в Вашингтоне и утвержден президентом... Впоследствии я узнал, что главными виновниками изменения точки зрения президента былн Эдгар Гувер н адмирал Леги»[76].

ФДР не желал передоверять чинам из УСС важнейшие контакты с Москвой. По многнм прнчинам, одна из которых — его личным посланиям веры больше.

30 марта 1945 г. начальник генерального штаба Красной Армии генерал армии А.И. Антонов довел до сведения генерала Маршалла: «20 февраля от него было получено сообщение о том, что «немцы создают на Восточном фронте две группировки для контрнаступления: одну в Померании для удара на Торн н другую в районе Вена, Моравска Острава для наступления в направлении Лодзь. При этом южная группнровка должна была включать 6-ю танковую армию СС. Аналогичные сведения былн мною получены 12 февраля от главы армейской секции английской военной миссии полковника Бринкмана». Бои в марте не подтвердили сообщенного Маршаллом — «основная группировка немецких войск, включавшая н 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании н не в районе Моравска Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с

целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Балатона». Антонов предупреждал: «Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели целью дезориентировать как Англо-Американское, так и Советское командование» и отвлечь внимание Советского командования от того района, где «готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте». Маршаллу сообщается об этом, писал Антонов, чтобы он «мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации».

Коль скоро сражение у озера Балатон уже опрокинуло англо-американские ориентировки, Черчилль поспешил написать Сталину: «Гитлер попытается продолжить войну путем смертельной борьбы в Южной Германии и Австрии с возможным контактом через Альпы со своей армией в Северной Италии. Безжалостное и упорное сражение в Будапеште, а сейчас у озера Балатон вместе с другими приготовлениями подкрепляют эту мысль». Отвлечение сил Красной Армии на юг создало бы иную обстановку на берлинском направлении, а о взятии Берлина западными союзниками и хлопотали ФДР и Черчилль. Как известно, план создания гитлеровцами «Альпийского редута» был химерой и едва ли принимался всерьез. В послании Черчилля химера облекалась плотью — ссылками, помимо прочего, на то, что за «редут» будут-де драться немецкие войска, находившиеся в Северной Италии.

Но как Черчиллю, так и Рузвельту было отлично известно, что к этому времени далеко продвинулись переговоры через миссию УСС в Берне о капитуляции именно этой немецкой группировки перед западными союзниками. Сепаратные переговоры за спиной СССР, давшие возможность гитлеровцам перебрасывать войска на восток, вызвали обмен резкими посланиями между Сталиным и Рузвельтом.

1 апреля Рузвельт писал: «Никаких переговоров о капитуляции не было», речь шла лишь об установлении «контакта с компетентными германскими офицерами». 3 апреля Сталин указал: «Надо полагать, что Вас не информировали полностью». Он подчеркнул, что переговоры были и в результате них на Западном фронте немцы на деле прекратили войну. «Мне непонятно также, — продолжал Сталин, — молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать», и заключил: «Минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками». 5 апреля Рузвельт повторил, что переговоров не было, а «имеющиеся у Вас об этом сведения, должно быть, исходят из

германских источников, которые упорно старались вызвать разлад между нами». Президент выразил крайнее негодование советскими информаторами «в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных».

На что 7 апреля Сталин ответил, что советские информаторы — «очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо». Сталин сослался на историю с немецким наступлением у озера Балатон, в котором участвовало до 35 дивизий, в том числе 11 танковых. «Это был один из самых серьезных ударов за время войны, с такой большой концентрацией танковых сил. Маршалу Толбухину удалось избегнуть катастрофы и потом разбить немцев наголову, между прочим, потому, что мои информаторы раскрыли, правда, с некоторым опозданием, этот план немцев». В последнем послании от Рузвельта, полученном в Москве 13 апреля, утверждалось, что бернский инцидент «поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы», и вообще президент отнес его к разряду «незначительных недоразумений».

XIV

В конце марта 1945 года донельзя измотанный президент отправился отдыхать в Уорм-Спрингс. Накануне отъезда, 27 марта, он направил судостроительной компании телеграмму по поводу спуска на воду нового грузового судна: «Надеюсь, что корабль, носящий столь почетное имя «Марджери А. Лихенд», будет счастливо плавать и всегда приходить в спокойные гавани». Долг прошлому, а что в будущем? После отдыха? К 20 апреля он собирался вернуться в Вашингтон, оттуда выехать в Сан-Франциско, где 25 апреля открывалась конференция Объединенных Наций. Он с привычным энтузиазмом осматривал «свой» Уорм-Спрингс. Прогулки в автомобиле, планы благоустройства курорта.

9 апреля черный «кадиллак» остановился у бензозаправочной станции в нескольких километрах от Уорм-Спрингса. Малый, бросившийся протирать стекла машины, не удержался похвастать: он только что видел Рузвельта. Женщины — одна за рулем, другая рядом — переглянулись, парню невдомек, что официально президент пребывает в Вашингтоне. Они поторопились отъехать и скоро узнали указанное место. На обочине два «линкольна». Женщины пересели в первый. С заднего сиденья

улыбался ФДР. Ои прнгласил нх погостить: Люсн Рутерферд н ее новую приятельннцу художницу Елизавету Шуматову. Года за два до зтого ФДР подарил свой портрет Люсн. Теперь он выразил желаиие, чтобы иапнсали еще один портрет, почему-то в подарок единственной дочери Люсн. Для зтого н приехала Шуматова. Оиа предусмотрнтельно прнхватила с собой фотографа, русского змигранта Н. Роббинса, едва ли у ФДР хватит временн позировать.

На следующее утро кабинет в «маленьком Белом доме» превратился в фотостудию. Роббинс, ловя выражеиие лнца президента, старался разговорнть его, засыпал президеита вопросами о Ялте, там он когда-то учился в школе. ФДР сказал, что Ялта выглядит плохо, очень плохо. Немцы разрушили город. Роббинс, все еще озлобленный революцией 1917 года, выкинувшей его с Родины, заметил: «Вы уверены, что зто дело рук немцев? Может быть, развалнны остались от большевнков?» ФДР как-то странно взглянул на него и промолчал. Затем Рузвельт попросил снять г-жу Рутерферд. Фотограф вступил в разговор с ней, добившись, что ее темно-серые глаза осветила сдержанная теплота. «Я видел две такне улыбкн в моей жизни, — воскликнул ои, — Моиа Лиза Леоиардо да Виичи н г-жа Рутерферд»[77].

Отдых президеита продолжался, теперь рядом внимательная, поинмающая н доброжелательная слушательница Люсн. Но дела! Обычный бумажный поток.

5 апреля Черчилль в послании Рузвельту иастанвает: «Я считаю делом величайшей важности — обе иашн страиы должны нмеиио сейчас занять твердую и резкую позицию» в отношении СССР. Черчилль, как обычно, торопился, что и подметил ФДР. На другой день ои ответил: «Через иесколько дней наши армии займут такне позицин, которые позволят нам быть «тверже», чем раньше зто представлялось выгодным для военных уснлий».

Еще послание Черчилля. Премьер проснт санкционнровать резкую речь в палате общин против СССР. Рузвельт 11 апреля набрасывает короткое ответное послание: «Я склонен преуменьшать общую проблему Советов, насколько зто возможно, нбо такие проблемы в той или другой форме возиикают каждый день. Большинство нз них улаживается, как в случае со встречами в Берне. Однако мы должны быть твердыми, н до сих пор наш образ действня был правильным»[78]. Последний докумеит (оригинал не найден) по международным вопросам, вышедший из-под пера президента... В нем как бы звучали слова ФДР, сказаиные друзьям незадолго до смерти: «Да, я устал. И так же чувствовалн бы себя вы, еслн бы вам пришлось потратить по-

следние пять лет, пытаясь вкатить Уинстона в тачке на крутую гору».

Почта 12 апреля запоздала. ФДР безмятежно болтал с Люсн. Б. Хассетт осведомился у президента, подпишет ли он бумаги утром илн отложит на вторую половнну дня. «Нет, давай их сюда, Билл». Рузвельт ставил размашистую подпись у громадного камина, Хассетт терпеливо стоял рядом, ожидая окончания процедуры. ФДР не умолкал ни на мннуту: «Ну вот, типичный документ госдепартамента. Нн о чем!»

Рузвельт улыбнулся и, молодецки подмигнув Люси, повторил свою нэлюбленную шутку: «Так я н делаю законы». Он подпнсал закон о продленин срока действня товарно-кредитной корпорации. Около часа дня Хассетт ушел, оставнв несколько документов, которые Рузвельт хотел прочитать.

Рузвельт принялся за маркн. Он осмотрел японские маркн, выпущенные для оккупированных Филнппин, рассортировал нх. Позвонил в Вашингтон, напомнив миннстру почт Ф. Уокеру о его обещании прнслать образцы нового выпуска американских марок в связн с конференцией в Сан-Франциско. Президент был в отличном настроении.

Вошла Елнзавета Шуматова продолжить работу над портретом. Шуматова установила мольберт. Мягкне лучи раннего в этих местах летнего солнца освещалн комнату, блнкн от отделанных стеклом панелей бросалн причудливый свет. Рузвельт погрузился в чтенне, художница спокойно работала. У окна сндела Люсн, на кушетке напротнв — племянница Рузвельта Сакли. Другая племянннца — Делано, мягко ступая, наполняла вазы цветами.

Внеслн столик для ленча. Рузвельт, не поднимая глаз от бумаг, сказал Шуматовой: «Нам осталось пятнадцать минут». Она кивнула н продолжала писать. Професснонально художннца отметила: Рузвельт выглядел удивнтельно хорошо. Он закурил, затянулся. Внезапно он потер лоб, потом шею. Голова склонилась. Рузвельт побледнел н проговорил: «У меня ужасно болит голова». То былн его последние слова. Он потерял сознанне и скончался через два часа.

Люди, работавшне рядом и любившие президента, не моглн опомннться — смерть прншла внезапно. Никто в семье н среди близких не ожидал, что Рузвельт так уйдет нз жизни. В Уорм-Спрингсе не было личного врача президента Макинтайра, пребывала в Вашингтоне и Элеонора, занятая своими общественными и государственнымн обязанностямн супруги президента. Тогда в печать, конечно, не просочились сведения о том, что Люсн была в Уорм-Спрннгсе...

В маленьком коттедже остановилась жизнь, только непрерывно работали телефоны. Должны были срочно съехаться Рузвельты, высокопоставленные лица из Вашингтона. Г. Талли молча поцеловала мертвого Рузвельта в лоб и тихо заплакала с Сакли и Делано. У коттеджа выла Фала. А спидометр черного «кадиллака» наматывал милю за милей. Роббинс несколько часов так и не решался спросить двух заплаканных женщин впереди, почему они в мгновение ока покинули Уорм-Спрингс. Только секретная служба сохранила присутствие духа. Агентов немедленно откомандировали от членов семьи Рузвельта, включая внуков, и направили охранять президента Трумэна.

Около полуночи в Уорм-Спрингс приехала Элеонора. Она стремительно обняла Делано и Сакли и попросила точно рассказать, как все это случилось. С сухими глазами она выслушала сбивчивую речь всхлипывающей Делано. Тут выплыло и пребывание Люси в день кончины президента рядом с ним, ее тайные посещения Белого дома. Вдова сидела бесстрастно, не выдав ни словом, ни жестом своих эмоций. Через несколько лет в книге «Это я помню» Элеонора напишет: «Быть может, он был бы более счастлив с женой, которая совершенно не критически относилась бы к нему. Таковой я не могла быть, и ему приходилось искать этих качеств в других людях. Но я иногда подталкивала его, хотя это не всегда приветствовалось. Я была одной из тех, кто служил его целям»[79].

Скорбь, однако, не могла притупить острое любопытство друзей и близких к Элеоноре в тот апрель 1945 года. Им хотелось знать, любила ли она усопшего. Элеонора многократно при жизни Рузвельта заверяла приятельниц, что с 1918 года, когда вскрылась связь с Люси, она разлюбила его, сохранив уважение. Слушательницы не верили и думали, что не верила и рассказчица. Видели: когда тело Рузвельта всего на одну ночь доставили в Белый дом, Элеонора попросила открыть гроб, сняла обручальное кольцо и вложила его в руку покойного. Отметили: на похоронах она носила только одно украшение — золотую брошку, подаренную ей Рузвельтом в день бракосочетания.

Со смертью Рузвельта ушла в прошлое целая эпоха в американской истории. Траурный кортеж проследовал через Вашингтон. На улицах стояли молчаливые, печальные толпы. Жители столицы провожали в последний путь президента. Журналист Дж. Ранон слышал, как какой-то мужчина скорбно сказал: «Да. Он очень страдал. Где-то я прочитал, что он сражался бы еще лучше, но цепи тяготили его». Вспоминались тяжелые ортопедические приборы, которые Рузвельт носил почти 25 лет...

Официальное заключение о смерти — кровоизлияние в мозг, тело не вскрывали и не выставляли для прощания. «Поскольку причина смерти была очевидной, — пишет один из биографов Рузвельта, — семья не видела причин, по которым в военное время следовало затевать пышную и продолжительную церемонию похорон. В результате стали распространяться глупые слухи, некоторые из них циркулируют по сей день: „ФДР застрелился, его застрелили, он упал со скалы и даже не умер, а был заперт в сумасшедший дом как безнадежно больной"».

15 апреля в саду Гайд-парка тело Рузвельта было предано земле. Похороны были простыми. Батальон солдат, трехкратный ружейный салют. Сияло ослепительное солнце, плохо гармонировавшее с трауром. Один из старых друзей Рузвельта заметил: «Ему понравилось бы это. Он любил ясные, бодрые весенние дни. Он любил жизнь». Надгробный памятник был сооружен в точном соответствии с указаниями ФДР, сделанными еще в 1937 году: «На моей могиле поставить в направлении с востока на запад простой белый памятник без резьбы или украшений. Длина 8 футов, ширина 4 фута, высота 3 фута. Основание памятника все из мрамора, выступающее из-под него на 2 фута и не выше 6 дюймов от земли. Надеюсь, что моя дорогая жена по ее смерти будет похоронена здесь же. На памятнике никаких надписей, кроме следующей выбитой на его стороне, обращенной к югу: Франклин Делано Рузвельт 1882— 19... Анна Элеонора Рузвельт 1884—19...».

Рузвельт оставил состояние в 1941 тыс. долл. плюс страховые полисы на 562 тыс. долл. в пользу «Уорм-Спрингс фаундейшн». Основная часть состояния пошла Элеоноре с передачей по ее смерти детям.

По завещанию Гайд-парк перешел государству.

XV

В ту зиму и весну 1945 года в логове фашистского зверя — Германии по утрам бледный рассвет на востоке пронизывали огненные вспышки. Советские солдаты вступили на землю Германии, чтобы очистить ее от гитлеровской нечисти. Приближался конец фашистской ночи. В Берлине, в бункере имперской канцелярии, Гитлер, страшась настоящего, говорил о прошлом. Мартин Борман прилежно записывал. Эти записи, впервые опубликованные в 1959 году, составили так называемое политическое завещание Гитлера.

В деятельности Франклина Д. Рузвельта Гитлер видел одну из основных причин надвигавшейся гибели «тысячелетнего рей-

ха». 4 февраля 1945 г., в день, когда Борман взялся за перо, Гитлер объяснил своим приближенным: «Этот оевреившийся полуамериканец, пьяница» Черчилль «способен лишь выполнять приказы сумасшедшего Рузвельта». 7 февраля Гитлер выразил желание «поговорить о том чудовище, которое именует себя Соединенными Штатами. Нет для них иного названия, кроме как чудовище! В то время как вся Европа, их мать, отчаянно сражается, чтобы остановить большевистскую угрозу, Соединенные Штаты под руководством оевреившегося Рузвельта не нашли ничего лучшего, как поставить свои сказочные ресурсы на службу этим азиатским варварам, которые только и думают, как бы придушить их».

24 февраля Гитлер размышлял вслух о германо-американских отношениях. Он настаивал, что «война против Америки — трагедия». Гитлер дал собственную интерпретацию минувших событий. «В результате одного из странных стечений обстоятельств, в то время как я взял власть в Германии, Рузвельт, еврейский избранник, стал во главе Соединенных Штатов. Без евреев и без этого их лакея положение вещей было бы иным». Оказывается, если под руководством национал-социалистов Германия успешно вышла из мирового экономического кризиса, то «США достигли лишь посредственных результатов под руководством Рузвельта и его еврейских советников. Провал «нового курса» в значительной степени объясняет их стремление к войне».

Гитлер выразил твердую уверенность, что «не пройдет много времени, как американцы поймут, что Рузвельт, которого они обожают, как идола на глиняных ногах, этот подпавший под пяту евреев человек, на деле — злоумышленик как с точки зрения США, так и всего человечества». В порыве ярости Гитлер не жалел слов в адрес Рузвельта. «Ведь это крайний идиотизм, когда преступник Рузвельт толкнул американцев в центр грызни. Конечно, он цинично воспользовался их невежеством, наивностью и легковерием. Он заставил американский народ смотреть на мир глазами евреев»[80]. Бешеная брань фашистского маньяка — лучший аттестат Франклину Д. Рузвельту. Нет ничего удивительного в том, что злодеи, забившиеся в бункер, страстно желали смерти президента.

В начале апреля 1945 года настольной книгой в бункере имперской канцелярии была «История Фридриха Великого». Гитлер и Геббельс проливали слезы над страницами, где рассказывалось, как во время Семилетней войны смерть российской императрицы Елизаветы чудодейственно спасла Фридриха. Коалиция его противников пришла в расстройство, и Фридрих не

покончил с собой, как намеревался. Эту историю не уставал рассказывать Геббельс при ежедневных выездах на фронт. Некоему штабному офицеру-скептику, спросившему: «А какая царица умрет сейчас?» — он ответил, что у судьбы богатый выбор.

13 апреля радио принесло весть о кончине Франклина Д. Рузвельта. Это вызвало неистовый восторг в сумраке бункера. Нацистский министр Шверин фон Крозиг при этом известии «почувствовал, будто крылья ангела истории просвистели в комнате». Геббельсу сообщили о смерти президента поздней ночью, когда он вернулся с фронта. Он застыл на ступенях разбитого здания министерства пропаганды, освещенного пожаром — шел массированный налет на Берлин. Геббельс потребовал принести «лучшего шампанского» и дрожащим от радости голосом возгласил: «Вот поворотный пункт. Это как смерть царицы во время Семилетней войны». Он говорил Гитлеру: «Мой фюрер! Я поздравляю вас. Рузвельт умер. Звезды указывают, что вторая половина апреля станет для вас поворотным пунктом. Сегодня пятница, 13 апреля. Это и есть поворотный пункт»[81]. Астрологам было поручено составить гороскоп для фюрера. Они должным образом подтвердили: победа за фашистской Германией. Гитлер приказал германским дивизиям на Эльбе отойти к Берлину, дабы облегчить «столкновение» советских и американских войск.

Дальнейшее известно. Встреча частей 1-го Украинского фронта с американскими войсками в Торгау на Эльбе ознаменовала собой демонстрацию боевого содружества Советского Союза и Соединенных Штатов.

ЭПИЛОГ: ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФДР

Не прошло и месяца со дня смерти Франклина Д. Рузвельта, как один из его ближайших соратников, посол А. Берли, сказал вещие слова на церемонии в память покойного президента: "У великих людей две жизни: одна – когда они работают на земле, вторая начинается со дня их смерти и продолжается, пока их идеи и воззрения сохраняют силу. В этой, второй, жизни прежние концепции неограниченно по времени влияют на людей и события. Теперь, спустя всего месяц после его смерти, мы уже видим начало второй и, возможно, куда более великой жизни Рузвельта. Никто из нас не может предвидеть, к каким результатам это приведет"[1].

Теперь мы видим, конечно, более отчетливо генеральное направление эволюции интерпретации жизни и деятельности ФДР. Спектр оценок в США жизни и деятельности Франклина Д. Рузвельта очень широк. Выдающийся руководитель американских коммунистов У. Фостер нашел, что Рузвельт "стремился к мирному сосуществованию с Советским Союзом", а также "был сторонником мира во всем мире".

При всем этом, разъяснял У. Фостер, мастер глубокого марксистского анализа, "Рузвельт был капиталистом, либералом, миллионером, и его политика в конечном итоге была очень выгодна монополистическому капиталу. Проведенные им в соответствии с "новым курсом" реформы были строго ограничены рамками капиталистической системы и, вне всякого сомнения, помешали воинственно настроенному рабочему классу добиться более радикальных реформ и организовать широкую рабочую партию. К этому и сводилась главная задача "нового курса" Рузвельта"[2].

На закате жизни, в декабре 1944 года, сам ФДР на очередной пресс-конференции откровенно ответил на вопрос, будет ли возвращение к "новому курсу" после войны: "Нет, нет и еще раз нет. Следует держаться слегка слева от центра". "Так где же стоите вы, господин президент?" "Я нахожусь немного левее центра". Только указанный "центр" в американской полити-

ческой жизни постоянно смещался вправо. Но и в этих условиях ФДР находил трудным сохранять свою позицию. Он заметил доверенному советнику во время ответственного совещания: "Выйди на минутку из комнаты, а затем окажи на меня давление слева. Я не смогу удержаться, если не получу толчка с противоположного направления".

Трумэн считал себя продолжателем дела Рузвельта. Наделенный добродетелями истового баптиста, он не забывал, что политическую жизнь ему в Белом доме дала смерть ФДР. С. Розенман, которого Трумэн унаследовал советником от Рузвельта, подметил: "Трумэн прекрасно помнил обстоятельства своего прихода к власти. Каждый раз, когда ему нужно было сделать тот или иной шаг, он спрашивал себя: "Как бы Рузвельт поступил? Счел бы он это правильным?" Он повесил на стену кабинета портрет Рузвельта и часто говаривал мне: "Я пытаюсь делать то, что понравилось бы ему". Он говорил мне это, ибо знал — я знал, что́ понравилось бы Рузвельту. Это продолжалось до выборов 1948 года, после которых он никогда больше так не говорил. Теперь он стал президентом сам по себе, победив в ожесточенной борьбе. Я уверен — он по-прежнему часто думал о президенте Рузвельте, но отнюдь не с точки зрения: что бы ФДР сделал?"[3].

Хотя Трумэн определенно понимал, что на выборах 1948 года в какой-то мере восстановилась рузвельтовская коалиция, он был уверен, что ее разнородные элементы пошли за ним ("справедливый курс" выше "нового курса"), а не за стратегами эры ФДР. В 1948 году он написал: "Слова этих болтунов — Томми Коркорана, Гарольда Икеса, Клода Пеппера — сто́ят меньше, чем слова Джимми Рузвельта. Все профессиональные либералы интеллектуально нечистоплотны. Это суровое обвинение, но столь же истинное, как Десять заповедей. Профессиональные либералы незнакомы ни с Десятью заповедями, ни с Нагорной проповедью. Такова же в своем большинстве семья Рузвельта"[4]. Да, не подошли в послевоенном мире те, кто вместе с Рузвельтом дрался за "новый курс" в 30-е годы.

Времена менялись, а Трумэн, видимо, не понимал, что он был среди тех, кто, преклоняя колени перед идейным наследием ФДР, на деле пускал его по ветру. С учетом этого трумэновские ламентации после поражения демократической партии на выборах 1952 года поражали непониманием связи причин и следствий. "Многие в нашей стране, — объяснил тогда Трумэн газетчику, — не знают, что это такое — республиканцы у власти, и, быть может, для них полезно испытать это... Тем самым этим людям небесполезно прочувствовать, что́ пытались сделать для

них президент Рузвельт и я"[5]. Он, оказывается, полагал, что существовала ось в политике Ф. Рузвельт – Г. Трумэн!

Как бы ни была искусственна такая конструкция, в 50-е годы президент-генерал Д. Эйзенхауэр выставил воинство бизнеса против форпостов, поставленных в США администрацией Рузвельта. Не в том смысле, конечно, что он атаковал социальное и иное законодательство, вошедшее в плоть и кровь страны. Сделать это, отнять завоевания "нового курса" было совершенно невозможно. Эйзенхауэр и К° видели свою задачу в том, чтобы пресечь "ползучий социализм", как именовали политические недоучки реформы ФДР. В послесловии к своим двухтомным мемуарам Эйзенхауэр откровенно и с чувством признался, что все его президентство (1953–1961 гг.) должно дать ответ только на один вопрос – ратифицирует ли американский народ политику Рузвельта или отвергнет проделанное им.

Если соотечественники отвернутся от ФДР, тогда "будущее увенчает лаврами мою администрацию как первый решительный разрыв с политической философией десятилетий, восходящих к 1933 году. Тогда два моих срока пребывания на посту президента войдут как одни из наиболее значительных периодов за всю отечественную историю". Если американцы этого не сделают, тогда "рост патернализма до уровня мелочной регламентации настолько ужесточит точку зрения будущих историков, что наше пребывание у власти сочтут как лишь незначительное препятствие на пути развития тенденций, возникших в 1933 году с новым курсом"[6]. Эйзенхауэр, естественно, считал вмешательство государства в экономику и социальные проблемы по-рузвельтовски анафемой. Это бесспорно, как и ясно то, что в ведении государственных дел он постоянно оглядывался на исполинскую тень ФДР.

На то были веские основания, помимо личных мотивов Эйзенхауэра. Шесть из восьми лет его администрации конгресс контролировали демократы, что было веским напоминанием – рузвельтовская коалиция жива. В десятую годовщину со дня смерти Рузвельта в Капитолии выступили 23 сенатора, отметившие вклад ФДР в историю США и мира. Сенатор П. Дуглас напомнил, что именно Рузвельт "высмотрел никому не известного подполковника, назначил его командовать войсками в Европе, тем самым поставив Дуайта Д. Эйзенхауэра на дорогу к славе". В палате представителей заслуги покойного президента превознесли десятки ораторов, один из которых, конгрессмен Б. О'Хара, нашел: "Как пророк Исайя явился в несчастный Израиль, чтобы вывести страну из бедствий и отчаяния и поднять ее до высот веры, мужества и достойного братства, так в наши дни

Франклин Делано Рузвельт пришел к страждущим в городах и весях". Он, наделенный "великой душой", достиг многого, хотя "каждое его физическое движение сопровождалось такой страшной болью, какую разве испытывал только Христос, прибитый жуткими гвоздями к кресту"[7]. Канонизация ФДР как человека началась, а вместе с ней пошло приспособление его идей к текущим нуждам.

Сын Ф. Рузвельта, тогда конгрессмен Дж. Рузвельт, в предисловии к сборнику критических статей о современной американской политике писал в 1962 году: "Лично я считаю, что многие идеи, касающиеся ведения как внешних, так и внутренних дел, были идеями, рожденными для других времен и для других проблем. Значительное число этих идей восходит к новому курсу. Ныне идеи и политические концепции, которые когда-то волновали и соответствовали нуждам момента, превратились в затасканные клише, формальность и пустые лозунги"[8]. Парадоксально, но факт: Джеймса Рузвельта в США раскритиковали за сборник этих статей: «Как изменились времена! — восклицал публицист Дж. Ласки. — В 1962 году конгрессмен Рузвельт попал под огонь ожесточенной критики со стороны консерваторов за "левые" взгляды, выраженные в отредактированной им книге "Либеральные статьи"»[9]. В США даже изменилась терминология при трактовке президентства Рузвельта. Один из биографов ФДР, Дж. Гантер, еще в 1950 году заметил: «Некий проницательный либерал сказал: "Новый курс — всего-навсего попытка полуиспеченных социалистов спасти капитализм для тупых капиталистов"»[10].(Следует отметить, что это говорилось до того, как в языке приличного общества обтекаемые идиомы "свободное предпринимательство", "управление" заменили термины "капитализм" и "капитал".)

Социальный смысл деятельности ФДР — упрочение капитализма — определенно затушевывался, он представлялся как "президент всего народа". Под этим углом зрения американцам на всевозможных опросах, проведенных в США, предлагалось высказаться по поводу места ФДР в истории страны. По опросу в начале 1946 года "самый великий" из четырех президентов: Рузвельт — 39 процентов, Линкольн — 37, Вашингтон — 15, Вильсон — 5, не дали ответа 4 процента[11]. Опрос через десять лет, в 1956 году, дал примерно ту же картину[12].

В 1948 году профессор А. Шлезингер опросил на этот счет 55 ведущих специалистов американской истории. Они выделили шесть "великих" президентов в таком порядке: Линкольн, Вашингтон, Рузвельт, Вильсон, Джефферсон, Джексон[13]. Опрос через четырнадцать лет, в 1962 году: на этот раз 75 ученых-исто-

риков дали аналогичный ответ о месте ФДР[14]. Очень поучительно. Открывая первую кампанию по выборам в президенты, Рузвельт как-то заметил: "Судите обо мне по моим врагам". Профессор С. Браун, указав, что эти слова можно считать эпитафией ФДР, написал: "В конце жизни он не изменил бы ни одной буквы в них"[15].

Кто они, враги? В 1970 году известный в масштабах штата Огайо 68-летний юрист С. Форд объяснял: "Самое худшее, что постигло нашу страну, — Франклин Д. Рузвельт. Он привел нас к катастрофе". Этот Форд, державший на столе в своей конторе револьвер, вместе с большим жюри возложил ответственность за убийство четырех студентов в Кентском университете 4 мая 1970 г. на демонстрантов, а не на расстрелявших их национальных гвардейцев. Он присовокупил: «Нашу проклятую страну не успокоить, если не приказать полиции стрелять и убивать. Я согласен с "обычным" мнением большинства в районе Кента: "почему гвардейцы не перестреляли их больше"»[16]. Такие, как Форд, ничему не научились...

Конечно, такая точка зрения — редкость, но споры о ФДР продолжаются.

Среди критиков ФДР был президент США Джон Ф. Кеннеди.

Генезис более чем прохладного отношения молодого Дж. Кеннеди к президенту Рузвельту — эхо распрей отца с ФДР. Во всяком случае, когда в апреле 1945 года Джозеф Кеннеди узнал о смерти Рузвельта, он не очень огорчился, доверительно написав одной из дочерей: "Это, несомненно, великое благо для страны". Со своей стороны, лейтенант флота Дж. Кеннеди, по собственным словам, "совершенно не переживал случившееся".

Но стоило Дж. Кеннеди начать восхождение по политической лестнице — с избрания конгрессменом в 1946 году, как он, хотя и не сразу, а постепенно, но основательно осознал: преуспеть в те годы с мандатом демократической партии можно, только ссылаясь по мере надобности на ФДР. Капитолийские годы Дж. Кеннеди падают на подъем "холодной войны". Естественно, он проводил резкое различие между тем, что нужно и что не нужно в духовном богатстве Рузвельта: если и заговаривал о внешней политике ФДР, то обычно без похвалы, а по поводу Ялтинской конференции — всегда уничижительно. Методы и цели внутренней политики Рузвельта он хвалил, хотя нередко очень сдержанно.

Вдова ФДР Элеонора в эти же годы почиталась американскими либералами держательницей священного рузвельтовского огня реформ и заботы о "забытом человеке". Она с большим подозрением относилась к искренности Дж. Кеннеди, когда он

превозносил ее покойного супруга. В 1960 году Элеонора никак не могла смирнться с тем, что недоношенные башмаки ФДР может надеть молодой Дж. Кеииеди. В иачале избирательиой кампании она высказалась иачистоту по поводу главы клаиа Кеннеди:

«Когда [в 1940 г.] Джо Кеииеди вериулся из Лондона в Бостон и дал то прискорбное нитервью, в котором довольно критически отозвался о иас [Рузвельтах], мой Франклин сказал: "Давай-ка пригласим его сюда [в Гайд-парк] и послушаем, что он скажет". Итак, мистер Кеннеди приехал поездом в Райиклиф, я встретила его и привезла прямо к Франклнну. Минут через десять за мной пришел один из адъютантов н сказал: "Президеит просит вас немедленно зайти". Это было иеслыхаиио. Я бросилась в его кабинет. Фраиклин был бледиый, как бумага. Он попросил мистера Кеннеди выйти, а затем сказал мне дрожащим голосом: "Я больше никогда ие хочу видеть зтого человека". Он добавил: "Уберн его отсюда". Я ответила: "Но, дорогой, мы прнгласили его иа уикзнд, съехались гости, а поезд только в два часа дня". Фраиклии сказал: "Тогда посади его в машину, катай по Гайд-парку, а потом усади в зтот поезд". Что я н сделала, и это были четыре самых страшных часа в моей жизии"». Помедлив, Элеоиора добавила: "Сомневаюсь, что когда-либо подлиниая историня Джо Кеннеди будет известна"[17].

При выработанной десятилетиямн говорливости Элеоноры в общественных местах она сомневалась совершенно напрасио, а еслн принять в соображение иелестиые отзывы о Дж. Кеииеди, то перед ним повелнтельно встала задача — завоевать на свою сторону вдову Ф. Рузвельта. Как именно он добился этого — история долгая, важен результат: уже к лету 1960 года трое из четверых сыновей ФДР былн с иим. В разгар избирательиой кампаиии 1960 года Дж. Кеннеди иакоиец встретился с Элеонорой Рузвельт, уподобив в беседах с друзьями зто "встрече на мосту в Тильзите". Не совсем ясно, кем считал себя Дж. Кеннеди — Александром I или Наполеоном или с кем иэ них ассоциировалась 75-летняя Э. Рузвельт. Теперь она обнаружила немалые достоинства у Дж. Кеннеди, отныне его стали именовать ДФК, дабы уподобить ФДР, президент Дж. Кеиеди получал иемало советов от прежней первой дамы США, именовавшейся льстецами первой дамой мира.

Когда 7 ноября 1962 г. Элеонора Рузвельт скоичалась, по распоряжению президеита Дж. Кениеди ей воздали надлежащие почести. А. Берли меланхолично описал в своем диевнике похороиы: "То был определенно коиец зры... На скамье в церквн рядом с нами сидел Г. Уоллес, за ним Джим Фарли, напротив

сенатор Лимен, другие крупные и менее значительные деятели нового курса. Теперь все старые и седоголовые, очевидно, уходящие за горизонт, и, вероятно, я с ними, разделяющий политику от истории"[18]. Так с людьми. Но идеи ФДР, как выяснил ДФК, никак нельзя было без остатка отправить "за горизонт". Подсчитали: за годы своего президентства Дж. Кеннеди 107 раз упоминал Ф. Рузвельта в речах. Начиная с первого послания конгрессу о положении страны в 1961 году, когда он произнес: «Говоря словами великого президента, день рождения которого мы отмечаем сегодня, заключавшими его последнее послание о положении страны шестнадцать лет назад: "Давайте помолимся быть достойными неограниченных возможностей, которые Бог даровал нам"»[19].

Трагическая гибель Дж. Кеннеди дала толчок усилиям мифотворцев, некоторые из них даже попытались было изобразить его прямым наследником дела ФДР. Это слишком. У. Липпман в 1963 году бросил свой значительный вес публициста, заявив: "Нужно помнить – президент Кеннеди был центристом. Он был далек от социальных битв нового курса. Он жил в другое время. Как-то в 1963 году президент Кеннеди показал другу докладную А. Шлезингера: "Взгляни, семь страниц текста и все через один интервал. И пустые речи. Я очень люблю его. У него отличный интеллект, прекрасные идеи, но в этом случае... Он предлагает, чтобы я повел себя как Франклин Рузвельт в 1933 году, но не может сообразить – прежде всего, я не ФДР, сегодня 1963, а не 1933 год, что было хорошо для Рузвельта, не сработает сегодня по простой причине – в 1933 году перед Рузвельтом стояла главная проблема – кризис, и он мог больше вольничать с внутренними делами, чем я в наше время. Кроме того, в 1933 году не было ни ядерных бомб, ни ракет, ни реактивных самолетов и холодной войны"[20].

Сам Шлезингер с годами прозрел. Президенту Кеннеди передавались для руководства длинные выдержки из книг Шлезингера о ФДР, но, обозревая путь покойного покровителя и друга, историк написал спустя несколько лет после ухода ДФК из жизни: "Кеннеди никоим образом не был имитатором ФДР. На мой взгляд, он считал политику Рузвельта, особенно в сфере внешних дел, иной раз опрометчивой и сентиментальной... Но он очень завидовал умению Рузвельта держать в руках разраставшееся правительство, полное сильных людей, горевших желанием действовать по-своему"[21]. С годами открылось – попытки печати уподоблять Кеннеди Рузвельту постоянно раздражали его. Кеннеди говорил своим сотрудникам: "Я сыт по горло, читая, как мы собираемся сотворить новые "сто дней" чудес.

Нужно узиать, кто около меия болтает об этом. Мы не справимся с иашим делом ии в сто, ии в тысячу дней"[22]. Самолюбие Дж. Кеииеди общеизвестно.

Совершеиио по-иному отиоснлся к иаследию Рузвельта Л. Джоисои.

Уже в 27 лет отмечеииый н воспитаиный Рузвельтом Л. Джонсои попытался отплатить президеиту вериостью при его жизии и почитаиием памяти ФДР после его смерти. Когда Рузвельт скоичался, 36-летиий Л. Джонсон считался в политических кругах США среди ведущих деятелей рузвельтовской "молодой гвардии". С 1948 года сеиатор Л. Джоисон иеизменио твердил о своей привержеииостн идеям ФДР. Он твердо верил, что иужно поступать по-рузвельтовски, тогда и до коица своих диеи, в сущностн, остался фундамеиталнстом "нового курса".

С почти релнгнозиым рвеиием сенатор Л. Джоисои напомниал о том, как действовал ФДР. В 1960 году ои говорил отиосительно стратегин в предстоящих президеитских выборах: "Страиа хочет спокойствия, оиа не желает, чтобы ее тревожили. Хотите провестн революцию – пожалуйста, ио ие говорнте о ией ии слова, пока не укрепитесь у власти. Имеино так Рузвельт провел свою революцию"[23]. Разумеется, слова зтн былн обращеиы не к широкой аудиторин, а к доверенному советнику.

Выступая в Гайд-парке 30 мая 1959 г., Л. Джоисон усмотрел осиовную заслугу ФДР в том, что "в период, когда революция была поставлена на повестку дня в мнре.., одним нз величайших его достижений было укрепление великого американского среднего класса". В десятую годовщину со дня смерти Ф. Рузвельта Джонсон сказал: "Франклин Д. Рузвельт все еще остается противоречивой фигурой. Он по-прежнему человек, о котором миого спорят. Однако нстинным критерием его величия является то, что даже сейчас находятся люди, считающие нужным спускаться в его могилу, чтобы бесконечно спорить о проблемах тех времен".

Джонсон включил в речь передовицу "Нью-Йорк таймс" от 13 апреля 1955 г. Газета пнсала: "Память о Рузвельте запечатлена не только в бронзе н мраморе. Она заключеиа во виешней полнтнке, являющейся продолженнем его политикн... Рузвельт не нзобрел ин доктрины Трумзна, нн плаиа Маршалла, ни их продолжения – Организацию Североатлантического пакта, техническую помощь или политику, нмеющую в виду превратить Германию н Япоиию из разбнтых врагов в союзииков. Однако его мечтой н концепцией необходимостн был союз свободного (капиталистического. – *Н. Я.*) мнра"[24]. По всей вероятности, газета толковала политику ФДР с позиций середины 50-х годов, "холодной войны".

Убийство Дж. Кеннеди отдало президентское кресло Л. Джонсону. Когда он уселся в нем, многолетняя приверженность памяти ФДР сказалась на нем даже внешне. Помощник президента Л. Джонсона Э. Голдман, прекрасно знавший его, если угодно, с некоторым недоумением отметил: "Удивительно, но грубое и подвижное лицо президента из глубинки Техаса приобрело некоторые черты сходства с лицом его героя — нью-йоркского патриция ФДР"[25].

Он окружил себя людьми и реликвиями времен Франклина Д. Рузвельта. Неизменное внимание к сыновьям ФДР, назначение их на различные посты, а в Овальный кабинет втащили и установили рабочий стол кумира Л. Джонсона. Сидя за ним, Джонсон много раз объяснял посетителям: "ФДР ввел меня в этот дом и эту комнату, когда мне было всего 27 лет". На пресс-конференциях от Джонсона постоянно слышали: "Я всегда чувствую подъем духа и вдохновляюсь, когда повторяю это имя — Франклин Д. Рузвельт". Очень скоро заметили: как манера говорить, так и стиль выступлений ЛБД стали напоминать рузвельтовские[26].

Свой курс во внутренних делах — строительство Великого общества — Л. Джонсон, несомненно, смоделировал с программ "нового курса", не скрывая, а, напротив, подчеркивая преемственность с работой ФДР. Объявляя "войну бедности", Л. Джонсон произнес речь в городке Гейнсвилл, штат Джорджия. Он стоял на ступенях здания суда, там, где в свое время произнес зажигательную речь по социальным проблемам Ф. Рузвельт. "Наша администрация верит в то, что нужно оказать самое большое благо максимальному числу людей, — чеканил ЛБД почти рузвельтовским голосом. — Итак, сегодня вместе с младшим сыном Франклина Рузвельта, Франклином, стоящим рядом со мной, я приехал в Гейнсвилл сказать: его и наша работа не закончена, его мечты и наши еще не осуществлены, его надежды и наши пока не воплощены в жизнь. Как в марте 1938 года президент Рузвельт, я прошу вас — отдайте мне ваши сердца ради блага всего народа"[27].

12 апреля 1965 г., в двадцатую годовщину смерти Ф. Рузвельта, президент Л. Джонсон оповестил американцев: "Наша страна — одновременно его могила и его памятник. Миллионы работающих и здоровые дети — памятник ему. Свобода у нас и во многих отдаленных странах — память о нем. И мы — его друзья, коллеги и последователи — памятник ему... Воистину нынешняя Америка является в большей степени Америкой его, чем какого-либо другого человека"[28].

Имитируя до точки ФДР, президент Л. Джонсон сделал, однако, фатальную ошибку. Унаследовав войну во Вьетнаме, он

попытался исправить агрессией в Юго-Восточной Азии "ошибки" Ф. Рузвельта в канун второй мировой войны. Джонсоновская логика была проста: Запад, в том числе США, "умиротворением" в Европе навлек на мир поход держав "оси", едва не закончившийся катастрофой для всего человечества. Отсюда выброшенный Л. Джонсоном лозунг "Мюнхена больше не будет"[29]. Л. Джонсон и взялся остановить "коммунизм" на рисовых полях и в джунглях Вьетнама, толкнув США в многолетнюю кровавую войну.

По всей вероятности, он думал, что магия имени Ф. Рузвельта поможет неправому делу. Что видно из его военных речей тех лет. В начале 1966 года Джонсон явился в Чикаго, напомнив о том, что в этом городе в 1937 году Рузвельт произнес свою "карантинную речь", которую, увы, "страна услышала, но не послушалась. Страна не поддержала его в час испытаний. А потом мы увидели, что́ случается, когда агрессоры убеждены — они могут победить в то время, как мы бездействуем". Итак, заклинал Джонсон, "наша политика во Вьетнаме... учитывает все уроки, полученные нами в этом столетии"[30]. Такими речами Л. Джонсон не добился никаких результатов, разве девальвировал имя ФДР.

В трясине войны во Вьетнаме оказались бессильными как вооруженная мощь США, так и поставленное на службу ей идейное наследие ФДР. Ибо Л. Джонсон в 1966 году произносил и соблазнительные речи, заявив: "Я хочу оставить американские следы во Вьетнаме. Я хочу, чтобы вьетнамцы говорили: когда американцы приходят, они оставляют после себя школы, а не длинные сигары. Мы превратим Меконг в долину реки Теннесси"[31]. США оставили во Вьетнаме развалины и выжженную землю, жертвой войны пал и Л. Джонсон, а его партия — демократическая — на выборах 1968 года уступила место у кормила власти республиканской.

Консолидация ее позиций с победой на выборах 1972 года почти совпала по времени с уходом из жизни в самом начале 1973 года Г. Трумэна и Л. Джонсона. Политические аналитики Д. Разер и Г. Гейтс усмотрели: "Кончина Трумэна и Джонсона символизирует уход в прошлое наследия царствования ФДР в Белом доме и, по-видимому, добавляет окончательный погребальный оттенок поражению Макговерна (соперника Р. Никсона на президентских выборах 1972 г. — *Н. Я.*), которое интерпретировалось как окончательный и безоговорочный отказ от подхода Рузвельта и демократической партии к ведению государственных дел"[32]. Почти сразу оказалось, что петь отходную по наследию ФДР преждевременно.

Дело заключалось не только в том, что президент Р. Никсон счел уместным многократно и благожелательно поминать Рузвельта по самым различным поводам. Это можно легко отнести к привычной риторике, так сказать, дани приличию. Много важнее было другое: продолжавшаяся война во Вьетнаме во весь рост поставила вопрос о границах прерогатив президента. Оракул правых У. Бакли не уставал повторять, что именно Рузвельт привел к президентскому самоуправству, в данном случае США связали себя с пропащим делом в Юго-Восточной Азии. При всем этом, сокрушался Бакли, что делать, "теперь нас учат называть военно-промышленным комплексом то, что когда-то мы именовали арсеналом демократии.., мы должны нести ответственность великой державы, иметь сильного президента. Подвергнуть импичменту Рузвельта? Все равно, что возбудить импичмент против статуи Свободы"[33].

Когда в 70-х годах по пятам за войной в Юго-Восточной Азии Соединенные Штаты потряс Уотергейт, сторонники и противники сильной президентской власти нередко обращались к временам Рузвельта, пытаясь почерпнуть там аргументы для обоснования своих тезисов. Мемуары Ричарда М. Никсона пронизывает мысль — он следовал прецедентам времен Франклина Д. Рузвельта. В разгар Уотергейта в 1973 году младшего сына ФДР Джона спросили, что он думает о скандале. "Я не могу понять весь этот шум, — ответил он. — Черт возьми, именно мой отец ввел подслушивание. Он широко применял подслушивание и нисколько не волновался по этому поводу"[34]. Бесспорно, основы привилегированного положения спецслужб в нынешних США, особенно ЦРУ, восходят к временам ФДР. Но...

Нужно проводить различие между их целями тогда и в современных США. Как отметил Р. Даллек: "В июле 1941 года президент назначил Уильяма Донована координатором информации с целью собирать ее и планировать "тайные наступательные операции". В приказе ничего не говорилось об ответственности Донована за "особые операции"... "Особые операции" — термин, коим обозначали необъявленную войну против нацистов за рубежом. Как и политика в Атлантике, то было в высших интересах страны, однако тем самым был создан прецедент для вовлечения США позднее тайком в сомнительные войны"[35].

Если говорить о внутреннем политическом сыске, то положение Федерального бюро расследований было упрочено и упорядочено именно при Рузвельте. Личные отношения Рузвельта с главой ФБР Э. Гувером обеспечили ему значительную независимость от непосредственного начальства — министерства юстиции. Один из руководителей ФБР в 1975 году представил сенат-

скому комитету, расследовавшему Уотергейт, обширный меморандум по истории политического сыска в США. "По моему мнению, — писал он, — ФБР в политических целях больше всего использовали администрации г-на Рузвельта и г-на Джонсона. Мы полностью и с готовностью обслуживали обе администрации. Например, г-н Рузвельт потребовал от нас расследовать прошлое тех, кто выступал против билля о ленд-лизе... Г-жа Рузвельт также обращалась с необычайными просьбами. И наоборот: Рузвельты бывало указывали ФБР, что они не заинтересованы в дальнейшем расследовании, когда речь шла о лицах, в получении порочащих данных о которых им не было необходимости"[36]. При Рузвельте ФБР в известной степени превратилось в орган личного политического сыска президента.

Новые акценты могли удивить только тех, кто сокрушался по поводу беспрецедентности Уотергейта в американской политической жизни. Профессора Т. Вильсон и Ф. Мерли, следуя традиции двухтомной биографии ФДР Дж. Барнса, заключили: "Поколение историков оставило в неприкосновенности загадку влияния ФДР. Преобладающее объяснение в сфере дел внешних и в меньшей степени в делах внутренних в наши дни все то же, что и при жизни Рузвельта, — двойственность. Рузвельт одновременно был "львом и лисицей", человеком, обладавшим ясным пониманием человеческих слабостей и способностью к ошибкам, а также страстной верой в потенциальное благородство человека. Коротко говоря, он был одновременно прагматиком и идеалистом, очень искусным политиком и идеалистом-практиком. Удивительно, что рассмотрение убеждений и действий Рузвельта сводится к простенькой формуле ФДР = ТР + ВВ, то есть он соединял политическое искусство и реализм своего кузена Теодора Рузвельта с мессианством Вудро Вильсона"[37].

Профессора попытались объять необъятное. Припомнить только "ревизионистское" направление в послевоенной американской историографии. Разумный во многих отношениях Г. Колко, один из столпов этого направления, нашел: "Рузвельт отнюдь не был пророком, не был он Вудро Вильсоном с осознанием личной миссии, больше того, ни по образованию, ни по инстинктам не был он интеллектуалом или практиком, а, скорее, был высокопородным аристократом, занявшимся политикой"[38] и т.д. Расцвет этого направления в американской историографии — первая половина 70-х годов. Переходная администрация Дж. Форда попыталась еще больше "заземлить" ФДР — тенденция, наметившаяся при Р. Никсоне.

Сам президент Дж. Форд не вдавался в идеологические тонкости. Он принадлежал к новому поколению, впервые принял

участие в выборах в 1936 году. Интересовавшимся его отношением к Рузвельту Форд отрезал: "Никто из членов моей семьи не получил решительно никаких выгод от программ нового курса". Дальше семейных мерок в оценке деятельности Рузвельта молодцеватый Форд не пошел. Разве объяснил: помимо того, что демократическая партия "согрешила" в Ялте, она еще "питала поистине сатанинскую приверженность к закону Вагнера". В 1981 году экс-президент Форд на прямой вопрос, кого он поставит выше Рузвельта или его преемника Г. Трумэна, лихо, без колебания ответил: "Я думаю, что Гарри Трумэн – тот парень, который больше мне по вкусу".

С неменьшей убежденностью принявший бразды правления после Форда Дж. Картер также в интервью сообщил: "Существует куда более близкая параллель между администрацией Трумэна и моей, чем между моей администрацией и администрацией Рузвельта"[39]. Он сделал это достоянием и государственных документов, подчеркнув в послании о положении страны в 1978 году: проблемы, стоящие перед США, отнюдь не те, с которыми имел дело Рузвельт в годы кризиса и войны, а сходны с разрешавшимися Трумэном, "когда речь шла не об одном всеобъемлющем кризисе, но были поставлены на карту коренные интересы страны"[40].

Администрация Дж. Картера более чем прохладно обошлась с рузвельтовским наследием. Вскоре после ее прихода к власти, 4 марта 1977 г., в отеле "Мэйфлауэр" в Вашингтоне собралось почти 900 деятелей времен ФДР. Они отметили 44-ю годовщину прихода Рузвельта в Белый дом и подчеркнутое равнодушие к нему и к ним со стороны Дж. Картера. Никто из картеровской администрации, включая президента, не счел нужным посетить торжественную церемонию. Старики разъехались с глубокой обидой, подогревавшейся средствами массовой информации.

У. Лехтенберг, специально исследовавший, как именно тень ФДР лежала на политике США вплоть до 1982 года, когда он окончил свою книгу об этом, заметил: «Те, кто пытался объяснить, почему Картер не использовал опыт ФДР, чаще всего указывали – он был технократом, мало осведомленным в истории. Некий деятель демократической партии, считавшийся претендентом на пост президента, заметил, что Картер, в отличие от людей типа Рузвельта, "был инженером, не имевшим глубокого философского мировоззрения, и поэтому не обладал инстинктивными способностями разрешения трудных проблем"». В полную противоположность ФДР все речи Картера почти начисто были лишены исторического содержания. Э. Хьюз, писавший речи для Д. Эйзенхауэра, считал странным, что человек, происходив-

ший из той части США, где больше всего чтут историю, "совершенно не обнаружил никакого интереса к истории", а Дж. Фоллоуз – сочинитель речей Картера, ушедший в отчаянии в отставку, писал, что основным ключом к "бесстрастному президентству" был "склад ума Картера: он рассматривал все проблемы как технические, а не как исторические и его совершенно не интересовали движущие силы истории... Искавшие, с кем сравнить Картера, были склонны уподоблять его не ФДР, а другому "инженеру" в Белом доме – Герберту Гуверу. Широко вошло в обычай называть Картера Джимми Гувером"[41].

В отличие от зажигательных лозунгов администрации ФДР, литературные поденщики Картера сочинили для определения направления его президентства вялую формулу "новое основание", которая вызвала больше вопросов, чем дала ответов. В какой-то мере Картер прозрел, утратив президентское кресло на выборах 1980 года.

В январе 1982 года об эволюции Дж. Картера сообщил со страниц вашингтонского журнала "Перейд" Д. Макколок, набивший руку на интервьюировании президентов у и вне власти. Повод для беседы был более чем уместным – 100-летие со дня рождения Рузвельта. Теперь «Джимми Картер с чувством говорил о воздействии нового курса на Юг США... "Мне было восемь лет, когда его избрали и он был моим президентом, – сказал Картер мне. – Когда у нас в штате Джорджия говорят "президент", никто не уточняет, какой президент. Помимо того, для жителей штата он был почти земляком, учитывая, сколько времени провел в Уорм-Спрингсе... Самая святая политическая реликвия в нашем штате – маленький Белый дом в Уорм-Спрингсе"». Лукавый журналист, надо думать, согласился с речами Картера в конечном счете: "земляк" Рузвельт умер в Уорм-Спрингсе, в родном штате Картера – Джорджия.

"Пусть все так, но этот демократ (Картер. – *Н. Я.*) сдержанно относится к Рузвельту. На мой вопрос, считает ли он ФДР самым важным президентом со времени Линкольна, Картер ответил "да", однако без энтузиазма и после порядочной паузы. Затем, подобно Джеральду Форду, он быстро добавил, что его любимый президент – Трумэн... И все же только у Рональда Рейгана можно обнаружить энтузиазм (в отношении ФДР. – *Н. Я.*), каким когда-то был охвачен Линдон Джонсон. По иронии судьбы именно Рейган – обязавшийся демонтировать многое из сооруженного Рузвельтом – говорит о нем с самой большой теплотой"[42]. Как так?

Началось это, по-видимому, с избирательной кампании 1980 года, когда Рейган схватился с Картером. Он потряс пред-

выборный конвент республиканской партии, цитируя отнюдь не ее апостолов, а ФДР! "Нью-Йорк таймс", впрочем, быстро разобралась в поразительном поведении Рейгана, откликнувшись передовицей под заголовком "Франклин Делано Рейган", в которой, помимо прочего, было написано: "Коль скоро Рональд Рейган кутается в тогу современного Франклина Рузвельта, догадайтесь, какая роль, как ожидается, выпадает на долю Джимми Картера... Взяв за образец ФДР, мистер Рейган тем самым продемонстрировал – его не удовлетворяет приверженность к узкой идеологии. Напротив, он надеется оседлать на выборах приливную волну типа 1932 года... и для этого похитить Франклина Рузвельта"[43]. Так, собственно, и случилось – фактор ФДР ощутимо сказался в победе Р. Рейгана и поражении Дж. Картера, который дорого заплатил за расточение идейного багажа своей партии.

Рейган взялся и дальше разрабатывать золотую жилу – наследие ФДР. Коль скоро президент – в фокусе средств массовой информации, было высвечено и предъявлено для всеобщего обозрения и политическое прошлое Р. Рейгана. Выяснилось, что на выборах 1932, 1936, 1940, 1944 годов он последовательно голосовал за Рузвельта. Оказалось, что в 30-е годы главой WPA в родном городке Рональда Рейгана Диксоне, штат Иллинойс, был его отец Джек. Политические вкусы и соответственно партийная приверженность Р. Рейгана начали меняться где-то к середине 50-х годов, хотя окончательно Рейган объявил себя республиканцем только в 1962 году. Но это отнюдь не уменьшило приверженность Рейгана к ФДР, хотя с возраставшим с годами субъективизмом в оценке его. Коротко говоря, преуспевавший деятель республиканской партии объявил, что выполняет предначертания Ф. Рузвельта!

Механизм переработки идейного наследия ФДР довольно быстро отладился. Рузвельт звал обеспечить права "забытого человека в основании экономической пирамиды". Р. Рейган выступал за "забытого человека, живущего в предместье (т.е. принадлежащего к среднему классу. – *Н. Я.*), работающего по 60 часов в неделю ради семьи, которого облагают громадными налогами в интересах других"[44]. Президент Рейган горячо уверял, что унаследовал свой подход к безработице от Рузвельта. Он многократно цитировал известные слова Рузвельта из послания конгрессу в 1935 году: "Федеральное правительство должно прекратить и прекратит оказание помощи" – и торжествующе заключал (например, в 1981 г.): «Рузвельт указал, что федеральное правительство должно прекратить заниматься тем, что теперь мы называем "благосостоянием", а тогда именовали

"помощью"». Но Рузвельт сказал это для обоснования основиой цели зрелого "нового курса" — заменить "помощь" "заиятостью". Так, цитированием вне контекста миогих произвольных толковаиий — и надстраивалось здание "продолжателя" дела ФДР.

То не были экскурсы в область идеологии, преследовались очень земные цели. "Рейгаи, — напомиил У. Лехтенберг, — представил себя рузвельтовцем не для того, чтобы продлить политическую традицию ФДР, а в противоположных целях — демоитировать коалицию Рузвельта". "В прошлом горячий сторонник ФДР, Рейган тщательно изучил, как его прежний герой создал коалицию, обеспечившую ему беспрецедентный успех в политике, — писал один из биографов. — После длительиых поисков и размышлений Рейган решил, как имению создать собственную коалицию для создаиия Века Консерватизма". "...Подобно Рузвельту, — заявил коигрессмен Джек Кемп, — Рейган создает иовую партию большинства, добавив к твердому ядру республиканцев недовольиых независимых и "сииих воротничков" из демократической партии"[45].

При таком подходе администрация Р. Рейгаиа не могла остаться в стороие от празднования 100-летнего юбилея со дия рождеиия Франклина Д. Рузвельта, хотя и отмечеииого в США с подчеркнутой простотой. "Нью-Йорк таймс бук ревью", рецеизируя в 1986 году книгу о ФДР, счел необходимым выделить: "В 1982 году конгресс ассигновал 25 тыс. долл. иа финаисирование объединенной сессии сената и палаты представителей, чтобы отметить 100 лет со дня рождеиия Фраиклиив Делаио Рузвельта, человека, пробывшего президентом дольше, чем кто-либо другой. А два года назад федеральное правительство ие сочло возможным вообще откликиуться на столетие со дня рождеиия Элеоноры Рузвельт, на ее деятельность в Белом доме, которая и впоследствии снискала ей славу "первой леди мира". Между тем, в 1974 году конгресс ассигновал 7,5 млн. долл., чтобы должным образом отпраздиовать столетие со дия рождения Герберта Гувера"[46].

Цифры, конечно, впечатляют, но все же рузвельтовский юбилей явился своего рода лакмусовой бумажкой, прояснившей, что́ принимают и не принимают собственность и власть имущие в Соедииенных Штатах, то есть подлинные хозяева страны. 28 января 1982 г. прошла объедииенная сессия коигресса. Прослушали пленку с записью речи Рузвельта по случаю "Дня позора" — 7 декабря 1941 г., несколько коротких речей. А. Шлезингер оказался среди ораторов и сообщил: "Спор между частной собственностью и общественными интересами идет со дня

основания республики". Историк сорвал аплодисменты, разъяснив: мнссия Рузвельта заключалась в том, чтобы "спасти капиталнзм от капиталистов". Гром оркестров в Капитолии н на ступенях здания, еще оркестры в Белом доме, куда проследовалн на ленч участникн объединенного заседания.

Президеит Рейган ие поскупился иа угощение и забавные нсторни. Он иазвал Рузвельта "одним из действнтельно велнких деятелей в историн", процитировал уничижительные слова У. Липпмаиа, сказанные в 1932 году насчет "приятного человека" ФДР, который, не нмея на то даниых, "очеиь хотел бы стать презндеитом". Сделав театральную паузу, Рейгаи добавил: "Мие кажется, я слышу нх эхо". Общнй одобрительиый смех, разве может быть сомненне в духовном родстве Рузвельта и Рейгана? Но сын ФДР Джеймс Рузвельт все же отказался прнсутствовать на ленче в Белом доме, объяснив: "Адмииистрация Рейгана демонтирует то, что сделала администрация моего отца 40–50 лет иазад"[47].

В нюле 1982 года Р. Рейгаи подписал закои о сооруженнн памятника ФДР – мемориального парка, что ие сделалн предшествующне админнстрацин. Причудливой архитектуры лабнринт в парке должен символизировать различные этапы жнзнн и деятельиости Рузвельта. В камне. Соратники ФДР, круг которых все сужает беспощадное время, в начале марта 1983 года сошлись отметнть 50-летие его инагурацин. Миогне собрались там: А. Гарримаи, сенатор Дж. Рэндолф, конгрессмеи К. Пеппер, секретарь ФДР Дж. Рау – всего более 500 человек. Шлезингер порадовал аудиторию заявлеиием: "ФДР поиимал – когда мы снимаем правительство со спины бизнеса, мы сажаем бизиес на спину правительства... Поэтому ныне менялы сиова в храмах, а простым людям пора покрепче запереть двери н окиа. Двнжущая сила администрацин Рейгаиа – алчность. Алчные мужчины н, увы, жеищины засели на государствеииых постах, как прожорливая стая саранчи, превратив ответственность перед обществом в средство наживы"[48]. Демократы от души поаплодировали ура-партийному заявленню. Оратор-демократ профессиоиально посрамил республикаицев.

В дни юбилея "Вашиигтои пост" подчеркнвала: "Да, пока иет официального памятиика Рузвельту в Вашингтоие, ио монументы ему стоят в сердцах простых людей по всей страие – от Колорадо до Мичигаиа". Воспоминания о материальных благах "иового курса" старшего поколення н ясное осознаине – Рузвельт ввел в круг "американцев" тех, кто по прнзнакам расы илн веронсповедаиия жестко дискрнминнровался в США. Дж. Олсоп подсчитал, что таковых к моменту инагурации насчитыва-

лось до половины населения страны, то есть все не белые, не англосаксы, не протестанты. До 40 процентов населения США в наше время обязано законодательству "нового курса", давшему ему экономические и социальные права американских граждан. "Он даровал десяткам миллионов людей, наконец, их полную и справедливую долю, — написал Дж. Олсоп, — и это мне представляется почетной эпитафией, и, хотя Франклин Делано Рузвельт не закончил своего дела, это истинная эпитафия ему".

Снова и снова обращаясь к вкладу Рузвельта в американскую историю, столичная "Вашингтон пост" проводила сравнение его администрации с правлением Р. Рейгана. "Если бы только Рузвельт мог услышать вопли в пользу сокращения бюджета и уничтожения социальных программ, исходящие от людей, владеющих двумя домами, тремя автомобилями, яхтой и имеющих более дюжины изъятий при уплате налогов. "Прискорбный недостаток людей — толстая чековая книжка часто стоит громче, чем пустой желудок", — сказал Рузвельт в 1940 году. В этом и разница между революциями Рузвельта и Рейгана. Первая возбуждала и пестовала надежду. Вторая уничтожает надежду миллионов бедняков и принадлежащих к средним классам". Или конечная оценочная формулировка газеты: "Рузвельт спас капитализм от собственных злоупотреблений и продемонстрировал, что капитализму принадлежит центральная роль в направлении жизни нации"[49].

100-летний юбилей со дня рождения ФДР пришел и ушел, не изменив места Рузвельта в американской истории. Как заметил орган немаловажных дельцов "Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт" на исходе 1986 года, "за минувшие 50 лет доминирующей моделью поведения президента остается образ действия Рузвельта"[50]. Если так, тогда едва ли предвидятся крупные сдвиги в американском рузвельтоведении. Отвлекаясь от пестрых интерпретаций, обратимся к верному заключительному замечанию профессора У. Лехтенберга во введении к антологии о ФДР: "Исследователь, желающий создать собственную интерпретацию Рузвельта, стоит перед нелегкой задачей. Придя к такому пункту, когда он вообразит с достаточными основаниями, что знает, как оценить Рузвельта, он, по всей вероятности, обнаружит иной аспект, который подорвет его уверенность в своей правоте. Тем не менее есть награда при попытке определить место Рузвельта в истории, ибо только немногие так доминировали над событиями своего времени, как он. Понять значение того, что двигало эру Рузвельта, — значит сделать большой шаг к пониманию как внутренних, так и международных дел в двадцатом столетии"[51].

Все эти мудрствования в конечном счете приводят к не бог весть какой глубокой истине – понять ФДР можно только в связи с событиями, которые формировали его. Р. Даллек коротко заметил: "Я не претендую на владение особой техникой расшифровки мотивов Рузвельта. Мой метод – реконструировать с максимальной полнотой контекст, в котором он действовал"[52]. Рецензент "Нью-Йорк таймс мэгэзин", обозревая академическую работу К. Дэвиса "ФДР. Зов судьбы, 1882–1928", усмотрел ее особую значимость в раскрытии основного: "непреходящая значимость ФДР в том, как его отношение и политика резонировали в соответствии с подъемом и потоком событий и дел человеческих"[53]. Не выделять, а вписывать ФДР в его время. Так что над второй жизнью Ф. Рузвельта доминирует первая – двенадцать лет его президентства

ПРИМЕЧАНИЯ

Кто они, Рузвельты?

[1] Цит. по The Real F. D. R. Ed. by C. Kinnaird. – N. Y., 1945. – P. 9.
[2] Цит. по Freidel F. Franklin D. Roosevelt. The Apprenticeship. – Vol. 1. – Boston, 1952. – P. 7 (далее: Freidel F. The Apprenticeship).
[3] См. Lash J. Eleanor and Franklin. – N. Y., 1971. – P. XVII.
[4] Цит. по The Stilwell Papers. – N. Y., 1948. – P. 251.

Гротон, Гарвард, Элеонора и юриспруденция

[1] Цит. по Davies K. FDR. The Beckoning of Destiny. – N. Y., 1972. – P. 121–125.
[2] The Real F. D. R. – P. 10.
[3] Цит. по Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 56.
[4] Tugwell R. The Democratic Roosevelt. – N. Y., 1957. – P. 50.
[5] Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. – N. Y., 1979. – P. 7.
[6] F. D. R. His Personal Letters. – Vol. 2. – N. Y., 1947. – P. 518.
[7] Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 66–67.
[8] См. Fusfeld D. The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal. – N. Y., 1965. – P. 108.
[9] Roosevelt E. This is my Story. – N. Y., 1949. – P. 162.
[10] Цит. по Coon H. Columbia, Colossus on the Hudson. – N. Y., 1947. – P. 99.

В политических ползунках

[1] См. Schlesinger A. The Crisis of the Old Order 1919–1933. – L., 1957. – P. 342 (далее: Schlesinger A. Crisis); Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 91; Burns J. Roosevelt: the Lion and the Fox. – N. Y., 1956. – P. 33 (далее: Burns J. Lion and Fox).
[2] Burns J. Lion and Fox. – P. 79.
[3] Цит. по Perkins F. The Roosevelt I Knew. – N. Y., 1948. – P. 13.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 22. – С. 109.
[5] Цит. по Baker R. Woodrow Wilson, Life and Letters. – Vol. 3. – N. Y., 1930. – P. 225.
[6] Цит. по Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 132–133.

Морское министерство

[1] Цит. по Roosevelt and Daniels. A. Friendship in Politics Ed. by C. Kilpatrick. – The University of North Carolina Press, 1952. – P. 6.
[2] Цит. по Lindly E. Franklin D. Roosevelt: A Career in Progressive Democracy. – N. Y., 1931. – P. 120 (далее: Lindly E. Career).
[3] Tugwell R. Op. cit. – P. 100.
[4] Цит. по Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 186.
[5] F. D. R. His Personal Letters. – Vol. 2. – P. 238.
[6] Tugwell R. Op. cit. – P. 106.
[7] Даже в 1919 году Ф. Рузвельт предлагал захватить остров Свон у берегов Гондураса. В официальном письме государственному секретарю он указал: «Не будет ли возможно направить к острову военный корабль, водрузить на нем американский флаг, сгрузить некоторые запасы и назначить радиста из числа служащих «Юнайтед фрут компани» как представителя флота? Затем спустя несколько лет мы можем так или иначе упомянуть этот остров в тексте ежегодного закона об ассигнованиях на военно-морской флот. Иными словами, я опасаюсь, что, хотя ни одна другая страна не претендует на остров, формальное взятие нами суверенитета сейчас может подвергнуться критике, вызвать протесты со стороны стран Центральной Америки или дать повод для дискуссии в конгрессе» (цит. по: Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 274).
[8] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – Vol. 4. – N. Y., 1939. – P. 117.
[9] Цит. по Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 317.
[10] Только в 1966 году, когда после смерти последней участницы пресловутого «треугольника» – Элеоноры прошло четыре года, в США была опубликована книга Дж. Дэниэлса (адъютанта ФДР во время второй мировой войны), содержащая подробный рассказ о любви президента и дамы высшего света.
[11] См. Lash J. – Op. cit. – P. 225–227.
[12] F. D. R. His Personal Letters. – Vol. 2. – P. 348.
[13] Burns J. Lion and Fox. – P. 65.
[14] См. Lash J. Op. cit. – P. 589.
[15] Цит. по Freidel F. Franklin D. Roosevelt. The Ordeal. – Vol. 2. – N. Y., 1954. – P. 18, 277 (далее: Freidel F. The Ordeal).
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 28.
[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 216–217.
[18] Цит. по Freidel F. The Apprenticeship. – Vol. 1. – P. 31.

Политический триумф по возможности

[1] Документы внешней политики СССР. – Т. I. – М., 1957. – С. 537.
[2] Цит. по Burns J. Lion and Fox. – P. 73.
[3] Когда в 1928 году «Нэйшн» вновь упомянул о «конституции Рузвельта» для Гаити, ФДР писал в редакцию журнала: «1. Я никогда публично не заявлял, что конституция Гаити является наилучшей. 2. Я никогда не говорил, что написал эту конституцию. 3. Сознательно лжет тот, кто называет ее конституцией Рузвельта» (цит. по Freidel F. The Ordeal. – Vol. 2. – P. 82).
[4] Wehle L. Hidden Threads of History. Wilson through Roosevelt. – N. Y., 1953. – P. 88.

[5] См. The FDR Memoirs. As written by B. Asbell. – N. Y., 1973. – P. 236–244 (далее: The FDR Memoirs).
[6] Lindly E. Career. – P. 207.
[7] См. Fusfeld D. The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal. – P. 112, 279.
[8] Цит. по Freidel F. The Ordeal. – Vol. 2. – P. 147.
[9] Ibid. – P. 169.
[10] Фостер У. Очерк политической нстории Амернки. – М., 1955. – С. 509.
[11] Цит. по Freidel F. The Ordeal. – Vol. 2. – P. 204.
[12] С. Розенман, работавший с ФДР с 1928 года до его смерти, открывает свою книгу о Ф. Рузвельте поразительным суждением: «Я никогда не мог удовлетворительно выяснить нстокн непоколебнмого либералнзма Рузвельта... Я говорил с ним самим. Я спрашивал его старых друзей н членов семьн, но никогда не получил удовлетворительного н полного ответа. Я заключил, что в данном случае не могло быть и речн об обычных внешних влияниях. Причина родилась вместе с его рождением, она лежала в сердце и душе этого человека, в его любвн к людям, в его собственной вере в социальную справедливость, в его ненависти к алчности, эксплуатации слабых, в его презрении к нахалам – будь это Гитлер или Муссолинн, или владелец предприятия, или эксплуататор детского труда». С. Розенман ннкак не может взять в толк, что события формулируют лидеров, а не наоборот (см. Rosenman S. Working with Roosevelt. – N. Y., 1952. – P. 14).
[13] Цит. по Greer T. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. – Michigan State University Press, 1958. – P. 114.
[14] См. Lindly E. Career. – P. 19.
[15] По возвращении в Нью-Йорк ФДР вернул чек Раскобу, заметив, что ему достаточно знать, что в случае необходимости он сумеет рассчнтывать на помощь Раскоба. В последующие три года Раскоб пожертвовал «Уорм-Спрингс фаундейшн» 100 тыс. долл. (Flynn J. The Roosevelt Myth. – N. Y., 1948. – P. 270).
[16] См. Шервуд Р. Рузвельт н Гопкинс. – Т. 1. – М., 1958. – С. 106.

«Полупроцентный» губернатор имперского штата

[1] Rosenman S. Op. cit. – P. 19.
[2] Цит. по Daniels J. The End of Innocence. – Philadelphia, 1954. – P. 326.
[3] К этой характеристике А. Шлезннгер дает прнмечанне: «Суждения эти, конечно субъективные, являются результатом бесед со многимн членами кружка Рузвельта.., а также изучения книг н статей Шервуда, Перкинс, Молн, Стимсона и Бандн, Фрейделя, Розенмана, Гюнтера, Тагвелла, Лнндлн н др.» (Schlesinger A. Crisis. – P. 422–423, 547).
[4] Tugwell R. Op. cit. – P. 192.
[5] Byrnes J. All in One Lifetime. – N. Y., 1958. – P. 281.
[6] Цит. по Burns J. Lion and Fox. – P. 121.
[7] F. D. R. His Personal Letters. – Vol. 3. – N. Y., 1950. – P. 119–120.
[8] Цит. по Rosenman S. Op. cit. – P. 44–45.

«Новый курс» – кратчайшая дорога в Белый дом

[1] Schlesinger A. Crisis. – P. 173–174.
[2] Цит. по Шервуд Р. Рузвельт н Гопкинс. – Т. 1. – С. 102–103.

[3] Цит. по Beard C. American Foreign Policy in the making 1932–1940. – Yale University Press, 1958. – P. 73–74 (далее: Beard C. Foreign Policy 1932–1940).

[4] Lippman W. Interpretation 1931–1932. – N. Y., 1932. – P. 257–259.

[5] Официальным собранием трудов Ф. Рузвельта в США является тринадцатитомная публикация «Государственные документы и выступления Франклина Д. Рузвельта», начавшая выходить в 1938 году под редакцией ФДР и С. Розенмана. В предисловии к первому тому Розенман писал, что печатается не все, а «выбираются те материалы, которые наиболее ясно показывают основные линии его политики и цели». Приведенные отрывки из речи 2 февраля 1932 г. в публикацию не включены, в ней дана только вводная часть этой речи, где содержатся аналогичные, но значительно более мягкие аргументы (См. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – Vol. 1. – N. Y., 1938. – P. 157).

[6] Rosenman S. Op. cit. – P. 57.

[7] Moley R. After Seven Years. – N. Y., 1939. – P. 20–21.

[8] Так что же он построил? В антологии о «новом курсе», выпущенной в США в 1975 году, дается оценка того, что «мозговому тресту» представлялось будущим, а ныне – прошлое. «Основное событие в недавней американской истории – рост бюрократического индустриализма, а не развитие либеральной демократии. Основной толчок реформам дали организованные элиты, стремившиеся к стабильности и порядку, но не либеральные демократы в интересах равенства и социальной справедливости. Новый курс был в большей степени продуктом корпоративного капитализма, чем создателем его. По сути, он дал элите, оказавшейся под угрозой, менеджеров, политические орудия, необходимые для поддержания социальной стабильности, упорядочения рынка, решения проблем спроса и капитала. Результаты, указывает группа молодых и более радикальных исследователей, оказались трагичными. Из-за неудачи «реформ», утверждают они, возник либерализм – ублюдок «корпоративной» разновидности, который во имя «прогресса» создал антилиберальные и противодемократические институты, они на деле увековечили социальную несправедливость и экономическую тиранию, что потребовало бесконечных вмешательств за рубежом и превратило то, что должно было быть, – свободный народ, в общество безмозглых бюрократов и алчных потребителей» (The New Deal. Ed. by J. Braerman, R. Bremmer, D. Brody. – Vol. l. Columbus, 1975. – P. 50–51).

[9] Речь была написана Р. Моли, термин «забытый человек» взят у Уильяма Грэхэма Самнера, который употребил его в 1883 году, имея в виду несколько иные категории людей, чем ФДР. У. Самнер писал о среднем классе как «забытом».

[10] Цит. по Freidel F. Franklin D. Roosevelt. The Triumph. – Vol. 3. – P. 269–270.

[11] Администрация Рузвельта положила начало чудовищному росту государственного долга. Бюджет неизменно сводился с куда бо́льшим дефицитом, чем при Гувере. Это было излюбленным предметом нападок республиканцев. Во время кампании 1936 года ФДР попросил Розенмана найти способ «хорошо и убедительно объяснить» речь 1932 года. Розенман перечитал ее и сказал президенту, что, «поскольку тот настаивает, он нашел единственный способ объяснения. Он повернулся ко мне с надеждой, довольно удивленный, и сказал: „Прекрасно, так как же мы будем объяснять?" Я ответил: „Господин прези-

дент, вы можете упомянуть о речи 1932 года только так: категорически отрицать, что вы когда-либо произнесли ее"» (Rosenman S. Op. cit. – P. 86–87).
[12] См. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – Vol. 1. – P. 856.
[13] Burns J. John Kennedy. A. Political Profile. – N. Y., 1961. – P. 35.
[14] Manchester W. The Glory and the Dream. – N. Y., 1978. – P. 54–56.
[15] Цит. по Friedel F. Franklin D. Roosevelt. Launching the New Deal. – Vol. 4. – Boston, 1973. – P. 171 (далее: Friedel F. Launching the New Deal).
[16] Цит. по Schlesinger A. Crisis. – P. 3–4.
[17] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 113–115.
[18] Цит. по Alsop S., Catledger R. The 168 Days. – N. Y., 1938. – P. 15.

«Сто дней»

[1] Perkins D. The New Age of Franklin Roosevelt 1932–1945. – The University of Chicago Press, 1957. – P. 14.
[2] Binkley W. President and Congress. – N. Y., 1948. – P. 241–243.
[3] Цит. по Lindley E. The Roosevelt Revolution. – L., 1934. – P. 109 (далее: Lindley E. Revolution).
[4] Schlesinger A. The Coming of the New Deal. – N. Y., 1958. – P. 265 (далее: Schlesinger A. Coming of New Deal).
[5] Цит. по Adams H. Harry Hopkins. A Biography. – N. Y., 1977. – P. 38.
[6] Greer T. Op. cit. – P. 32.
[7] Manchester W. The Glory and the Dream. – P. 87.
[8] Цит. по Schlesinger A. Coming of New Deal. – P. 320.
[9] Woods J. Roosevelt and Modern America.– N. Y., 1959. – P. 174–175.
[10] Freidel F. Launching the New Deal. – Vol. 4. – P. 502.
[11] Цит. по Greer T. Op. cit. – P. 210–211.
[12] Цит. по Rosenman S. Op. cit. – P. 97.
[13] Цит. по Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 120.

Взлет и падение «синего орла»

[1] Tugwell R. Op. cit. – P. 302.
[2] The Memoirs of Richard Nixon. – N. Y., 1978. – P. 501.
[3] Roosevelt E. This I Remember. – P. 65, 161.
[4] Tugwell R. Op. cit. – P. 64–65.
[5] Hatch A. Franklin D. Roosevelt. An Informal Biography. – N. Y., 1947. – P. 220.
[6] Perkins F. Op. cit. – P. 183.
[7] Цит. по Woods J. Roosevelt and Modern America. – P. 51.
[8] F. D. R. His Personal Letters. – Vol. 2. – P. 1068.
[9] Schlesinger A. Coming of New Deal. – P. 186–187.
[10] Beard C. Foreign Policy 1932–1940. – P. 130.
[11] Moley R. Op. cit. – P. 88.
[12] Hull C. Memoirs. – Vol. I. – N. Y., 1948. – P. 268.
[13] Jim Farley's Story. The Roosevelt Years. – N. Y., 1948. – P. 39.
[14] Документы внешней политики СССР. – Т. XVI. – М., 1970. – С. 576.

[15] Цит. по Hull C. Memoirs. – Vol. 1. – P. 297.
[16] Цит. по Jim Farlev's Story. The Roosevelt Years. – P. 44.
[17] Цит. по Gaddis J. Russia, the Soviet Union and the United States. – N. Y., 1978. – P. 127.
[18] См. Tugwell R. Op. cit. – P. 57.
[19] См. Schlesinger A. Coming of New Deal. – P. 31–33.
[20] Документы внешней политики СССР. – Т. XVI. – С. 622.
[21] См. Dallek R. Op. cit. – P. 81.
[22] Considine B. The Remarkable Life of Dr. Armand Hammer. – N. Y., 1975. – P. 147–148.
[23] F. R. The Soviet Union 1933–1939. – P. 245, 294.
[24] Цит. по Browder R. The Origins of Soviet – American Diplomacy. – Princeton, 1953. – P. 111.
[25] Документы внешней политики СССР. – Т. XVIII. – М., 1974. – С. 68, 382.
[26] Цит. по Vergin D. The Shattered Peace. – Boston, 1977. – P. 24.
[27] См. Freidel F. Launching the New Deal. – Vol. 4. – P. 126.
[28] Smith R. What happened in Cuba? – N. Y., 1963. – P. 202.
[29] Congressional Record. – Vol. 78. – P. 11 556–11 557.
[30] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – Vol. 4. – P. 16–17.
[31] Грин Г. Забытый враг. – М., 1958. – С. 161.
[32] Neustadt R., May E. Thinking in time. The Uses of History for decision makers. – N. Y., 1986. – P. 100.
[33] Цит. по Schlesinger A. Coming of New Deal. – P. 503.
[34] См. Lasky J. F. K. The Man and the Myth. – N. Y., 1963. – P. 46, 49.
[35] Цит. по Tugwell R. Op. cit. – P. 350.
[36] Цит. по Manchester W. American Caesar. Douglas MacArthur 1880–1964. – N. Y., 1978. – P. 167–174.
[37] См. Williams T. Huey Long. – N. Y., 1969. – P. 812, 839, 867, 846.

Как остались зелены гроздья гнева

[1] Грин Г. Указ. соч. – С. 162–163.
[2] Tugwell R. Op. cit. – P. 377.
[3] Burns J. Lion and Fox. – P. 256.
[4] Георгий Димитров. Избр. соч. – М., 1937. – С. 177.
[5] Hull C. Memoirs. – Vol. I. – P. 194.
[6] Perkins D. The New Age of Franklin Roosevelt 1932–1945. – P. 82–83.
[7] Документы внешней политики СССР. – Т. XX. – М., 1976. – С. 22.
[8] Robinson E. The Roosevelt Leadership 1932–1945. – N. Y., 1955. – P. 225–227.
[9] См. Burns J. Lion and Fox. – P. 279 – 280.
[10] Цит. по Burns J. Deadlook of Democracy. – N. Y., 1963. – P. 155, 159, 167 (далее: Burns J. Deadlook).
[11] Цит. по Schlesinger A. Politics of Upheaval. – Boston, 1960. – P. 352.
[12] Цит. по Rosenman S. Op. cit. – P. 132.
[13] См. Lasky V. It didn't start with Watergate. – N. Y., 1977. – P. 161.
[14] На выборах 1936 года демократическая партия достигла вершины своего успеха:

Годы	Сенат				Палата представителей			
	дем.	респ.	другие	вакантные	дем.	респ.	другие	вакантные
1932	65	35	1	0	310	117	5	3
1934	69	25	2	0	322	102	10	1
1936	75	16	4	1	333	88	13	1
1938	69	23	4	0	261	160	4	1
1940	66	28	2	0	268	162	5	0
1942	57	38	1	0	222	208	4	1
1944	55	38	1	1	242	190	2	1

[15] Документы внешней политики СССР. – Т. XIX. – М., 1974. – С. 624.
[16] Цит. по Trohn W. Political Animals. – Garden City, 1975. – P. 99.
[17] См. Woodward B., Armstrong S. The Brethen. Inside the Supreme Court. – N. Y., 1979. – P. 397–398.
[18] Manchester W. The Glory and the Dream. – P. 153.
[19] Congressional Record. – Vol. 96. – P. A. 1536.
[20] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – N. Y., 1954. – P. 241–243.
[21] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – P. 574.
[22] См. Burns J. Lion and Fox. – P. 369.
[23] См. Dorman M. Witch Hunt. The Underside of American Democracy. – N. Y., 1978. – P. 28.
[24] Цит. по Manchester W. The Glory and the Dream. – P. 165.
[25] Binkley W. President and Congress. – P. 260.
[26] См. Lasky V. It didn't start with Watergate. – P. 161.
[27] Rosenman S. Op. cit. – P. 181.
[28] Tugwell R. Op. cit. – P. 410, 477.
[29] Цит. по The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – P. 531.
[30] Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – N. Y., 1952. – P. 2–3.
[31] Dallek R. Op. cit. – P. 127.
[32] For the President: Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt Ed. by O. Bullitt. – Boston, 1974. – P. 72–73.
[33] Документы внешней политики СССР. – Т. XX. – С. 338.
[34] Цит. по Hatch A. Op. cit. – P. 237.
[35] Цит. по Beard C. Foreign Policy 1932–1940. – P. 188–190.
[36] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – P. 484.
[37] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. – М., 1971. – С. 78, 81.
[38] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – P. 484.
[39] Цит. по Greer T. Op. cit. – P. 181–182.
[40] Документы по истории мюнхенского сговора. – М., 1979, – С. 393.
[41] Gilbert R. and others. Economic Program for American Democracy. – N. Y., 1938. – P. 90.
[42] Rosenman S. Op. cit. – P. 183.
[43] См. Stevenson W. The Man Called Intrepid. – L., 1979. – P. 70–71.
[44] Ford C. Donovan of OSS. – Boston, 1970. – P. 83.
[45] Winterbotham F. The Nazi Connection. – N. Y., 1978. – P. 252.
[46] Документы внешней политики СССР. – Т. XVIII. – С. 610, 750.
[47] Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – P. 85, 88.

[48] СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. – С. 478.
[49] Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – P. 76, 125.
[50] Davies D. Mission to Moscow. – N. Y., 1941. – P. 425.
[51] См. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. – С. 604–606.
[52] Цит. по The Forrestal Diaries. – N. Y., 1951. – P. 121–122.
[53] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 2. – P. 713.
[54] Perpetual War for Perpetual Peace. Ed. by A. Barnes. – Caldwell, 1953. – P. 171.
[55] Moley R. Op. cit. – P. 385.

Прерванная партия. Мир – не шахматная доска

[1] The Private Papers of Senator Vandenberg. Ed. by A. Vandenberg. – L., 1953. – P. 479–480.
[2] Congressional Record. – Vol. 85. – P. 50, 92.
[3] Цит. по Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – P. 272.
[4] Stevenson W. Op. cit. – P. 82, 85, 96.
[5] См. Jones R. Most Secret War. British Scientific Intelligence 1939–1945. – L., 1979. – P. 269, 372.
[6] См. Irving D. Hitler's War. – L., 1977. – P. 31–33.
[7] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – Vol. 4. – P. 606–608.
[8] Dallek R. Op. cit. – P. 210.
[9] Welles S. Time for Decision. – N. Y., 1944. – P. 74.
[10] См. Tugwell R. Op. cit. – P. 512, 516.
[11] Цит. по Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – P. 389.
[12] The Transformation of American Foreign Policy. – N. Y., 1969. – P. 63.
[13] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 3. – P. 134.
[14] Alsop S., Kinter R. American White Paper. – N. Y., 1940. – P. 86.
[15] Цит. по Butler R. Lord Lothian (Philip Kerr) 1882–1940. – L., 1960. – P. 287.
[16] Цит. по Langer W., Gleason S. Challenge to Isolation 1937–1940. – P. 495.
[17] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. – N. Y., 1975. – P. 104.
[18] Peace and War 1931–1941. – Wash., 1943. – P. 168–170.
[19] См. Halperin M., Berman J., Borosage R., Marwick Ch. The Lawless State. – N. Y., 1976. – P. 97.
[20] Dallek R. Op. cit. – P. 227.
[21] Цит. по Stevenson W. Op. cit. – P. 185, 176.
[22] См Levering R. The Public and American Foreign Policy, 1918–1978. – N. Y., 1978. – P. 79 (далее: Levering R. Foreign Policy, 1918–1978).
[23] Rosenman S. Op. cit. – P. 203.
[24] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – 1940 v. – P. 333.
[25] Stevenson W. Op. cit. – P. 113, 146, 158, 172.
[26] Цит. по Rosenman S. Op. cit. – P. 225.
[27] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 302.
[28] Рузвельт очень тщательно готовил эту речь и, что было чрезвычайно редко, сам продиктовал ее первый вариант, занявший тринадцать страниц. Ход его мысли виден из составленного им плана речи: «Что случается со страной, если объединяются крайние правые и крайние левые? За всем этим страх тех, кто занимается обструкцией и обещает рай на земле и в то же время не верит в демократию. Так идут к диктату-

ре. Неизвестные факторы versus известных факторов. ФДР не может быть диктатором и т. д.» (Цит. по Rosenman S. Op. cit. – P. 245).
[29] Stevenson W. Op. cit. – P. 180–181.
[30] Tugwell R. Op. cit. – P. 564.
[31] Цит. по Adams H. Op. cit. – P. 22–24.
[32] West D. Upstairs in the White House. – N. Y., 1974. – P. 222.
[33] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 377–378.
[34] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – 1940 v. – P. 607.
[35] Beard C. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – Yale University Press, 1948. – P. 17–18.
[36] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 399.
[37] Цит. по Beard C. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – P. 36.
[38] Congressional Record. – Vol. 87. – P. 1057, 647, 577, 773.
[39] Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942. – М., 1955. – С. 45.
[40] См. Морисон С. Битва за Атлантику. – М., 1956. – С. 97.
[41] Цит. по Stevenson W. Op. cit. – P. 244–246.
[42] Цит. по Мэтлофф М., Снелл Э. Указ. соч. – С. 72–73.
[43] Цит. по Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. – N. Y., 1960. – P. 1085.
[44] Цит. по Shirer W. Op. cit. – P. 1046–1047.
[45] См. Welles S. Time for Decision. – N. Y., 1944. – P. 170.
[46] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 440.
[47] Цит. по Montgomery Hyde H. Room 3603. – N. Y., 1963. – P. 58.
[48] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 482–483.
[49] Dallek R. Op. cit. – P. 268.
[50] Langer W., Gleason S. The Undeclared War 1940–1941. – P. 530.
[51] F. R. 1941. – Vol. 1. – P. 766–767.
[52] Цит. по Gaddis J. Russia, the Soviet Union and the United States. – P. 149.
[53] Цит. по Adams H. Op. cit. – P. 228.
[54] См. Manchester W. The Glory and the Dream. – P. 233.
[55] От УСС ведет свою родословную нынешнее ЦРУ. Ветеран УСС, а впоследствии заместитель директора ЦРУ Р. Клин заметил: в связи с созданием УСС «был изобретен термин «национальная безопасность», который жив по сей день и является удобным оправданием значительной части разведывательной деятельности и равным образом служит туманным оправданием почти всего, что делает президент» (Cline R. Secrets, Spies and Scholars. – Wash., 1976. – P. 75–76).
[56] Stevenson W. Op. cit. – P. 316.
[57] Цит. по Leighton R., Coakley R. Global Logistics and Strategy 1940–1943. – Wash., 1956. – P. 127–135.
[58] Kahn D. Codebreakers. – L., 1978. – P. 29.
[59] F. D. R. His Personal Letters. Vol. 2. – P. 1173–1174.
[60] Dallek R. Op. cit. – P. 285.
[61] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 1. – С. 573–574.
[62] См. Croker G. Roosevelt's Road to Russia. – Chi., 1959. – P. 119.
[63] Perkins D. The New Age of Franklin Roosevelt 1932–1945. – P. 118.
[64] «При всей необходимости вводить страну в заблуждение в ее собственных интересах, – замечает Р. Даллек, – хитрость президента в конечном счете нанесла ущерб благополучию страны. Его действия в случае с «Гриером» стали прецедентом для манипулирования общественным мнением, которым занимались последующие президенты в куда менее извинительных обстоятельствах». В 1971 году сенатор Дж. Фулбрайт отмечал, что если Рузвельт «в целом был прав в оценке национальных

ннтересов, то это ннконм образом не снижает пагубности установленного нм прецедента. Хитрость ФДР в добром деле облегчнла Л. Джонсону хитрость в дурном деле» (цит. по Dallek R. Op. cit. – P. 289).

[65] Цит. no Rosenman S. Op. cit. – P. 302.
[66] The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 3. – P. 620.
[67] Gunter J. Roosevelt in Retrospect. – L., 1950. – P. 125.
[68] The FDR Memoirs. – P. 400, 403–407, 412.
[69] Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1358.
[70] Ibid. – P. 1361.
[71] Ibid. – Pt. 20. – P. 4443.
[72] Tansill Ch. Back Door to War. – Chi., 1952. – P. 629.
[73] Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1371, 1374.
[74] Советско-американские отиошеиия во время Великой Отечествеииой войиы 1941–1945. – М., 1984. – Т. 1. – С. 143.

Главиокомандующий вооружеииыми силами США

[1] Manchester W. The Glory and the Dream. – P. 260.
[2] Stevenson W. Op. cit. – P. 320.
[3] Цит. no Shirer W. Op. cit. – P. 1173–1175.
[4] F. R. 1942. Europe. – Vol. 2. – P. 834.
[5] Jonas M. Isolationism in America 1935–1941. – N. Y., 1966. – P. 287.
[6] Acheson D. Present at the Creation. – N. Y., 1969. – P. 37.
[7] См. Bailey T. The Man in the Street. The Impact of American Public Opinion on Foreign Ploicy. – N. Y., 1948. – P. 189.
[8] См. The Holocaust Years: Society on Trial. – N. Y., 1978. – P. 254.
[9] Conn S. and others. Guarding the United States and its Outposts. – Wash., 1965. – P. 115–148, 214.
[10] Burns J. Roosevelt: the Soldier of Freedom. – N. Y., 1970. – P. 217.
[11] См. King E., Whitehill W. Fleet Admiral King. – N. Y., 1952. – P. 567.
[12] Цит. no Adamic L. Dinner at the White House. – N. Y., 1946. – P. 66.
[13] Советско-американские отношения во время Великой Отечествеииой войны 1941–1945. – Т. 1. – С. 148–149.
[14] Hitler's Secret Conversation. – N. Y., 1952. – P. 196, 400.
[15] Оии все, оратор н слушатели, былн неважно подкованы в отечественной истории. Если уж говорить о «традициях» войны за независнмость, то важнейшая нз них – «отцы-основатели» сумелн нспользовать войска Людовнка XVI для победы.
[16] Так изывался мнстический рай азиатов в популярном в 30-х годах романе Ж. Хилтона «Утраченные горнзоиты».
[17] Цнт. по Manchester W. American Caesar. – P. 283, 286, 274.
[18] Цит. no Rosenman S. Op. cit. – P. 341.
[19] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. – P. 202.
[20] Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. – N. Y., 1948. – P. 214.
[21] Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. – P. 61.
[22] Цит. no Ford C. Donovan of OSS. – P. 153.
[23] Murphy R. Diplomat among Warriors. – N. Y., 1965. – P. 84.
[24] Цит. по Рузвельт Э. Его глазами. – М., 1947. – С. 68–69.
[25] Winterbotham F. The Nazi Connection. – P. 247–248.
[26] General Marchall's Report. The Winning of the War in Europe and Pacific. – Wash., 1945. – P. 64.
[27] Catton B. The War Lords of Washington. – N. Y., 1948. – P. 122.
[28] The New Deal Ed. by J. Braeman, R. Bremmer. D. Brody. – Vol. 1. – P. 270, 274.

[29] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – 1943 v. – P. 569–571.
[30] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – 1944–1945 v. – P. 34.
[31] Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. – P. 425–426.
[32] Johnson E. America Unlimited. – N. Y., 1944. – P. 107, 116, 29.
[33] Ныне рузвельтовская «Шангра-Ла», куда более благоустроенная резиденция президента, носит название «Кэмп-Дэвид», по имени внука Д. Эйзенхауэра.
[34] См. Wise D. The American Police State. – N. Y., 1976. – P. 91, 296.
[35] Congressional Record. – Vol. 80. – P. A5141.
[36] Murphy R. Diplomat among Warriors. – P. 144.
[37] F. R. The Conferences at Washington and Casablanca, 1943. – P. 494.
[38] Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. – N. Y., 1975. – P. 179.
[39] На пресс-конференции на Оаху 29 июля 1944 г. Рузвельт разъяснил значение термина «безоговорочная капитуляция» так: в конце гражданской войны 1861–1865 годов главнокомандующий армией южан Ли после битвы при Аппотомаксе явился к главнокомандующему армией северян – Гранту с просьбой о перемирии. «Грант ответил: «Безоговорочная капитуляция». Ли сказал, что он не может этого сделать, ему коечто нужно: например, продовольствия в армии осталось на один день.

Грант: Да, неважно.

Ли: Лошади в нашей армии не принадлежат нам, они собственность офицеров, которые нуждаются в них.

Грант: Безоговорочная капитуляция.

Ли: Хорошо, я сдаюсь. – И протянул саблю Гранту.

Грант: Боб, возьми ее назад. Ты капитулируешь безоговорочно?

Ли: Да!

Грант: Теперь вы у меня в плену. Вам нужно продовольствие?

Ли: Да, у нас осталось еды на один день.

Затем Грант сказал: Теперь о лошадях, принадлежащих офицерам. Они вам нужны?

Ли: Да, для весеннего сева.

Грант: Скажи твоим офицерам: пусть возьмут лошадей и займутся весенним севом.

Таковы условия безоговорочной капитуляции».

[40] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 2. – С. 385.
[41] См. Vergin D. Shattered Peace. – P. 41–44.
[42] Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. – P. 371.
[43] См. Levering R. Foreign Policy 1918–1978. – P. 89.
[44] См. Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. – P. 438.
[45] Цит. по Dallek R. Op. cit. – P. 417.
[46] Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. 2. – С. 431–432.
[47] Matloff M. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944. – Wash., 1959. – P. 292–293.
[48] Цит. по Bohlen Ch. Witness to History 1929–1969. – N. Y., 1973. – P.192.
[49] Brown A. Wild Bill Donovan. The Last Hero. – N. Y., 1982. – P. 370–379.
[50] F. R. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. – P. 303, 328, 255–256.
[51] F. R. The Conferences at Malta and Yalta, 1945. – P. 107–108.
[52] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. – 1944–1945 v. – P. 42.

[53] См. Crocker G. Roosevelt's Road to Russia. – P. 211–212.
[54] Foster W. History of the Communist Party of the United States. – N. Y., 1952. – P. 416.
[55] Ibid. – P. 421.
[56] См. Rosenman S. Op. cit. – P. 463–464.
[57] См. Robbins Ch. Last of His Kind. An informal Portrait of Harry S. Truman. – N. Y., 1979. – P. 91.
[58] Memoirs of Harry S. Truman. – Vol. 1. – N. Y., 1955. – P. 192.
[59] Manchester W. American Caesar. – P. 416–427, 563.
[60] James D. The Years of MacArthur. – Vol. 2. – Boston, 1975. – P. 535.
[61] F. R. The Conferences at Qrebec, 1944. – P. 367–368.
[62] См. Levering R. Foreign Policy, 1918–1978. – P. 81.
[63] Закон о всеобщей трудовой повинности, предусматривавший тюремное заключение и штраф для рабочих, самовольно оставлявших работу на военных предприятиях, был принят палатой представителей 27 марта 1945 г. Окончание войны в Европе сделало его ненужным.
[64] Matloff V. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943–1944. – P. 523–524.
[65] См. Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. – P. 390.
[66] Congressional Record – Vol. 91. – P. 1619.
[67] См. Greer T. Op. cit. – P. 203.
[68] Цит. по Burns J. Roosevelt: the Soldier of Freedom. – P. 458–459.
[69] Sherry M. Preparing for the Next War. – New Heaven, 1977. – P. 172.
[70] Dallek R. Op. cit. – P. 527.
[71] The Stilwell Papers. – P. 252.
[72] F. R. China, 1945. – P. 246.
[73] Цит. по: Tuchman B. If Mao Had Come to Washington//Foreign Affairs. – 1972. – Oct. – P. 60, 63–64.
[74] Berle A. Navigating the Rapids. – N. Y., 1973. – P. 277.
[75] Perkins F. Op. cit. – P. 315–316.
[76] Harriman A., Abel E. Special Envoy to Shurchill and Stalin 1941–1946, P. 252, 291–295.
[77] The FDR Memoirs. – P. 415.
[78] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. – P. 705, 709.
[79] Roosevelt E. This I Remember. – P. 348.
[80] The Testament of Adolf Hitler with an Intoroduction by H. R. Trevor-Roper. – L., 1961. – P. 29, 32, 45, 87–92.
[81] Цит. по Trevor-Roper H. The Last Days of Hitler. – L., 1978 – P. 141–143.

Эпилог: вторая жизнь ФДР

[1] Berle A. Op. cit. – P. 535.
[2] Фостер У. История трех Интернационалов. – М., 1959, – С. 403–404.
[3] Leuchtenburg W. In the Shadow of FDR. From Harry Truman to Ronald Reagan. – Cornell University Press, 1983. – P. 34.
[4] Truman M. Harry Truman. – N. Y., 1973. – P. 8.
[5] Цит. по Leuchtenburg W. Op. cit. – P. 36.
[6] Eisenhower D. Waging Peace. – N. Y., 1965. – P. 654.
[7] Congressional Record. – Vol. 101. – P. 4319, 1081.
[8] The Liberal Papers/Ed. by J. Roosevelt. – N. Y., 1962. – P. 5–6.
[9] Lasky J. Op. cit. – P. 51.

[10] Gunter J. Op. cit. – P. 306.
[11] См. Public Opinion 1935–1946. – Princeton, 1951. – P. 590.
[12] См. Burns J. Presidental Government. – N. Y., 1965. – P. 110.
[13] См. Schlesinger A. Path to the Present. – N. Y., 1949. – Cpt. 5.
[14] См. New York Times Magazine. – 1962. – July 8. – P. 12.
[15] Brown S. American Presidency. – N. Y., 1966. – P. 51.
[16] Цит. по Michencr W. Kent State. What happened and why. – N. Y., 1971. – P. 481, 488.
[17] Цит. по Leuchtenburg W. Op. cit. – P. 73–74, 81, 93.
[18] Berle A. Op. cit. – P. 776–777.
[19] Public Papers of the President of the United States: John F. Kennedy. – Wash., 1961. – P. 28.
[20] Цит. по Leuchtenburg W. Op. cit. – P. 108, 112.
[21] Schlesinger A. A Thousand Days. – Boston, 1965. – P. 120.
[22] Цит. по Sorensen T. Kennedy. – N. Y., 1966. – P. 272.
[23] Цит. по Schlesinger A. A Thousand Days. – P. 20.
[24] Congressional Record. – Vol. 105. – P. 9559; – Vol. 102. – P. 1517; Vol. 101. – P. 4311.
[25] Goldman E. The Tragedy of Lyndon Johnson. – N. Y. 1968. – P. 606.
[26] См. Leuchtenburg W. – P. 136–138.
[27] Public Papers of the Presidents of the United States, 1963–1964: Lyndon B. Johnson. – Wash., 1965. – V. 1. – P. 652–653.
[28] Ibid., 1965. – Wash., 1966. – V. 1. – P. 414–415.
[29] См. Goldman E. Op. cit. – P. 451.
[30] Public Papers of the Presidents of the United States, 1966: Lyndon B. Johnson. – Wash., 1967. – V. 1. – P. 288.
[31] Цит. по Kearns D. Jyndon Johnson and American Dream. – N. Y., 1976. – P. 316, 251–252.
[32] Rather D., Gates G. The Palace Guard. – N. Y., 1974. – P. 302.
[33] Buckley W. Inveighing We Will Go. – N. Y., 1972. – P. 293.
[34] Цит. по Lasky J. It didn't start with Watergate. – P. 154.
[35] Dallek R. Op. cit. – P. 290.
[36] Wise D. Op. cit. – P. 286.
[37] Makers of American Diplomacy/Ed. by F. Merli and T. Wilson. – N. Y., 1974. – P. 460–461.
[38] Kolko G. The Politics of War. – N. Y., 1968. – P. 349.
[39] Цит. по Leuchtenburg W., Op. cit. – P. 176–196.
[40] Public Papers of the Presidents of the United States: Jimmy Carter, 1978. – Wash., 1979. – P. 90.
[41] Leuchtenburg W. – Op. cit. – P. 200.
[42] McCullouch D. The Legacy, Parade 1982, Jan. 31. – P. 5.
[43] New York Times. – 1980. – July. 20.
[44] Boyarsky B. The Rise of Ronald Reagan. – N. Y., 1968. – P. 263.
[45] Leuchtenburg W. – Op. cit. – P. 218, 225.
[46] New York Timcs Book Rcview. – 1986. – Jan. 19. – P. 6.
[47] Цит. по Washington Post. – 1982. – Jan. 29; New York Times. – 1982. – Jan. 29.
[48] Цит. по Washington Post. – 1983. – March. 8.
[49] Washington Post. – 1982. – Jan. 30; Washington Post Magazine. – 1982. – Jan. 31. – P. 13; Washington Post. – 1982. – Jan. 27.
[50] U. S. News and World Report. – 1986. – Nov. 24. – P. 13.
[51] Franklin D. Roosevelt/Ed. by W. Leushtenburg. – N. Y., 1969. – P. XVII–XVIII.
[52] Dallek R. Op. cit. – P. VII.
[53] New York Times Magazine. – 1972. – Dec. 31. – P. 3.

Загадка Пёрл-Харбора

ОТ АВТОРА

7 декабря 1941 г. японская палубиая авиация нанесла виезапный сокрушительный удар по кораблям в гаванн военно-морской базы США на Гавайских островах – Пёрл-Харборе. Одновременно японские войска напалн на английскне, голландские и американские владения на Дальнем Востоке и в Южных морях. Гряиула война н на Тихом океане.

В нсторню Соединенных Штатов Пёрл-Харбор вошел как "День позора". Официальная пропаганда в США объяснила, что внезапность нападения на Пёрл-Харбор, где в считанные часы погнбло около 2,5 тыс. американцев, – следствие коварства злонамеренного агрессора. Правнтельство США будто бы жаждало мира, а Япония, усыпив бдительность Вашингтона, нанесла предательский удар. Объяснений зтих на военное время оказалось достаточно.

Когда отгремела вторая мировая война, выяснилось, что в Вашнигтоне ие моглн не знать о намереиин Японии напасть на Соединенные Штаты. Тогда почему оказался возможным Пёрл-Харбор? В разное время девять официальных комнссий в США занималнсь расследованием причин этого. Выводы комиссий, однако, не удовлетворилн даже академический мир американской нсторической наукн. По сей день в Соединенных Штатах ие прекращается горячая дискуссия. Иные нсторикн договаривались до того, будто Франклин Д. Рузвельт умышленно подставил флот под удар в Пёрл-Харборе, чтобы получить искомый повод для вовлечения американского народа в войну.

Рассекречивание Вашингтоном многих сотен тысяч документов в 80-е годы подлило масла в огонь острых споров, начавшихся уже 7 декабря 1941 г. Авторы новых книг заверяют, что они пытаются объясить то, что было упущеио илн не решеио раньше. Обозревая новейший вклад в тему, рецензент "Нью-Йорк таймс" Р. Спектор заметил в начале 1986 года: "По всей вероятности, в истории всех народов есть те или иные события, которые, по их миению, слишком важны, слншком загадочны, слншком болезненны, чтобы оставить их на долю только историков. Для Соединенных Штатов одно из таких событий – япон-

ское нападение на Пёрл-Харбор в 1941 году. Американцы в массе своей удовлетворяются тем, что на школьной и студенческой скамье узнают и тут же забывают о большинстве деятелей и свершений отечественной истории, и в дальнейшем пусть их поминают в учебниках или музеях. За исключением Пёрл-Харбора! О нем выпущено более 100 книг. Тем не менее появляются все новые, и читательская аудитория с великим волнением прочитывает их от корки до корки. Вот перед нами две последние книги об этом эпохальном событии, каждая более 600 страниц. Обе претендуют на то, что сообщают новые факты и по-новому объясняют то, что множество американцев все еще считает уникальной и необъяснимой катастрофой. Обе — плод коллективных усилий, причем каждый авторский коллектив утверждает, что изучил тысячи документов и дал наконец объяснение случившегося"[1].

Обращение в дальнейшем изложении к этим работам — Э. Лейтона "И я был Там", Г. Пранджа "Пёрл-Харбор: вердикт истории", написанным с соавторами и вышедшим соответственно в 1985 и 1986 годах, — неизбежно не только по причинам, бегло обрисованным Р. Спектором. Новейшие разыскания американских историков в предыстории и истории Пёрл-Харбора определенно настораживают. Впрочем, лучше проиллюстрировать, что вызывает, мягко говоря, удивление, на примере книги лауреата премии Пулитцера американского военного историка Дж. Толанда, который представил свою книгу как "десятое" расследование Пёрл-Харбора:

"Через сорок лет после "Дня позора" я пытаюсь ответить на вопрос, были ли предшествующие девять расследований, коротко говоря, умышленным сокрытием истины с целью возложить вину преимущественно на адмирала Киммеля и генерала Шорта, обелив деятелей в Вашингтоне. Этот и другие вопросы все еще преследуют американцев и японцев. Когда я приступил к делу, меня предупредили, что массированное рассекречивание спорной документации о Пёрл-Харборе на основе закона о свободе информации всего-навсего дымовая завеса и сокрытие случившегося там по-прежнему продолжается. Однако я убедился в обратном: флот США и Агентство национальной безопасности не только открыли все, но еще оказывают помощь исследователям, а в высшей степени спорных документах сделаны лишь считанные купюры, да и то только по причинам обеспечения безопасности".

За "героическим вступлением" последовало 400-страничное (убористым шрифтом!) обвинительное заключение по адресу Франклина Д. Рузвельта и ведущих деятелей его правительства

за войну с Японией. На первый взгляд, повторение аргументов противников Рузвельта еще 40-х годов. На деле — дальнейшее развитие уже тогда спекулятивных нападок. Подводя итог своему "десятому" расследованию, Дж. Толанд заключил:

"Величайшая трагедия состоит в том, что война с Японией была совершенно не нужна... В широком смысле нам следует оплакивать миллионы убитых и искалеченных в ненужной войне на Тихом океане: солдат и матросов с обеих сторон, ни в чём не повинных гражданских лиц, особенно в Японии, испепеленных в пожаре воздушных бомбежек и атомным оружием. Наконец, последняя жертва — нынешнее состояние мира. Представьте себе, что было бы, если бы не было этой войны на Востоке. Не было бы Хиросимы и угрозы ядерной войны...

Но Япония и Америка извлекли урок из последствий той войны. Первая поняла — ее подлинные друзья не страны "оси", а вторая — только сильная, развитая Японская империя в союзе с западными державами может стабилизировать Азию и предотвратить господство традиционного врага Японии — России.

В прошлом случилось, однако, так, что группка людей, почитавшаяся миллионами как честнейшие политические деятели, уговорила себя, что ради блага своей страны следует поступать бесчестно, и разожгла войну, которую старалась избежать Япония". Архивиновник, по Толанду, конечно, Ф. Рузвельт, который "был убежден: цель оправдывает средства, и посему правду скрыли"[2]. Вот такую "правду" Толанд открывает современному читателю.

Конечно, это крайняя точка зрения, но ее объединяет с принятой в США общее недоумение общины американских историков, почему Япония осмелилась тогда напасть на США, а не на Советский Союз.

В самом деле, почему? История Пёрл-Харбора открывает возможность узнать, как ведется политика в том мире в критических обстоятельствах и как делаются войны в XX столетии.

В книге сделана попытка рассказать о том, почему японская агрессия застала Соединенные Штаты врасплох. Учитывая чрезвычайную сложность проблемы, изложение разбито на три части. В первой — "Как это произошло" — говорится о военных событиях, связанных с Пёрл-Харбором, как они представлялись современникам; во второй — "Почему это произошло" — на основании имеющихся теперь в распоряжении историков документов освещается политическая подоплека неслыханного промаха в военной истории и в третьей — "Как это объясняют в США" — разбираются различные версии, имеющие хождение в Соединенных Штатах, относительно 7 декабря 1941 г.

КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО

Для профессиональных военных мир – лишь передышка между войнами. Политикн ищут, находят н указывают вероятного врага, генералы н адмиралы готовят вверенные им вооруженные силы для защиты родного отечества.

На протяжении нескольких десятилетий, с начала XX века, Соединенные Штаты н Япония былн такимн противниками. Грядущая н неизбежная схватка между ними стала открыто обсуждаться в печати уже после русско-японской войны 1904–1905 годов. Вашингтон тогда сделал крайне неприятное н тревожное открытие: оказав помощь Японии в войне против России, США вместо признательности получили в ее лице соперника н противника. В Токно определенно думалн о том, как бы ограничить американское влияние на Тихом океане н Дальнем Востоке, а еще лучше – нзгнать оттуда, разумеется, силой Соедненные Штаты.

В начале века обозначившиеся империалнстические распрн между Японней н США облекалнсь в элегантные формулировкн наимоднейших тогда теорий социального дарвинизма в международных делах – сильнейшая нация неизбежно затопчет слабейшую. В Амернке нстово верили доктринам адмирала А. Мэхэна о примате морской мощн н т.д. Все это состояло на вооружении философствовавших американских империалнстов. Но очень скоро выяснилось: хваленое идейное оружие обоюдоострое, нм быстро овладели недавнне протеже США – военные лорды Японии.

Вот тогда, в начале века, отметил в конце 70-х годов большой знаток дальневосточных дел английский профессор К. Торн, в Японии также согласилнсь: пора решать,"западной или восточной цивнлизации господствовать на Земле", а посему "более чем за тридцать лет до Пёрл-Харбора... по обе стороны Тихого океана... окрепло убеждение – война между Японией и Соединенными Штатами неизбежна"[1].

Американец Х. Ли, сменив мундир на перо, уже в 1909 году в книге "Доблесть невежества" описал будущую японо-амерн-

канскую войну. Красноречиво рассказал, как падут форпосты США – Филиппины, Гавайи – и в руках Японии окажется Аляска. Книга нашла неожиданно прилежных читателей – офицеров армии и флота Японии. В переводе на японский язык она была названа без затей "Война между Японией и Америкой" и распродана очень порядочным по тем временам тиражом – 40 тыс. экземпляров.

В 1925 году обозреватель английской газеты "Дейли телеграф" Г. Байвотер внезапно разразился книгой "Великая Тихоокеанская война". По всей вероятности, черпая вдохновение на географической карте, бойкий журналист предрекал: внезапное нападение на Пёрл-Харбор совершенно обязательно для успешного овладения Филиппинами и Гуамом. Надо думать, тогдашний японский военно-морской атташе в Вашингтоне Исороку Ямамото не пропустил книги, рецензию на которую поместили на первой странице "Нью-Йорк таймс бук ревью".

Пока вслед за авторами многотиражных книг заинтригованные читатели совершали волнительные прогулки в будущее, военные были заняты своим прозаическим делом: в штабах разрабатывались планы сокрушения неприятеля, изыскивались пути и средства нанесения ему удара. В 96-томной американской официальной истории участия армии США во второй мировой войне было сказано: "...Стратегия войны с Японией на Тихом океане была единственной областью американского военного планирования, которая имела длительную и непрерывную историю"[2]. Америка и Япония разделены тысячами километров океана, поэтому оперативные планы разрабатывались в первую очередь в штабах флотов.

Вплоть до второй половины 30-х годов американские стратеги исходили из того, что США и Япония померятся силами один на один. По этой причине, а также в интересах сохранения военной тайны план войны с Японией зашифровывался как "одноцветный" – план "Орандж" (оранжевый). Когда в 1936–1937 годах возникла фашистская "ось" – политический союз Германии, Японии и Италии, – пришлось иметь в виду возможность коалиционной войны с обеих сторон. Поэтому были составлены "многоцветные" планы, основной из которых "Рейнбоу-2" (радуга) предусматривал согласование действий США, Англии и Франции, причем между ними предполагалось "разделение труда": англичане и французы воюют главным образом в Европе, а американцы громят Японию. Американский флот будет направлен в западную часть Тихого океана.

При предполагавшемся соотношении сил и с учетом расстояний в Вашингтоне рассудили, что Филиппины и Гуам на первом

этапе боевых действий придется списать со счетов. Они будут отвоеваны на заключительной стадии войны. План "Рейнбоу-2" был утвержден объединенным советом армии и флота США 30 июля 1939 г. В соответствии с ним и проводилась подготовка к войне с Японией, а в план вносились изменения. План безоговорочно подтверждал необычайную важность Гавайских островов как базы для флота США. На всех стадиях разработки и уточнения этого документа.

Тихоокеанский флот США, созданный президентом В. Вильсоном в июне 1919 года, в 20-е и 30-е годы неоднократно выдвигался к Гавайским островам, где базировался на гавань Пёрл-Харбор на острове Оаху.

В 1932 году американские флотоводцы провели совместные маневры с сухопутными войсками в гавайских водах. Отрабатывалась оборона островов от нападения с моря и воздуха. Командующий нападавшей стороны адмирал Г. Ярнелл с эскадрой вышел с баз в Калифорнии. В море он перестроил свои корабли: оставив позади линкоры и крейсеры прикрытия, устремился к Гавайским островам с двумя авианосцами "Саратога" и "Лексингтон". На Гавайях предвкушали появления в виду островов всей эскадры и собирались дать ей "сражение" в традиционном стиле.

Ярнелл не оправдал ожиданий. За полчаса до рассвета 7 февраля он поднял с подошедших на 40 миль к Гавайям авианосцев 152 самолета. С первыми лучами света они подвергли внезапной "бомбардировке" аэродромы вблизи Пёрл-Харбора, "уничтожили" на них самолеты и завоевали полное господство в воздухе. Урок был ясен. Но главный посредник на маневрах заключил: "Сомнительно нанесение серьезного удара с воздуха по Оаху при наличии сильной авиации, защищающей остров. Авианосцы будут поражены, а нападающие самолеты понесут большие потери".

В Японии внимательно изучили результаты маневров, но пришли к иным выводам. В 1936 году японская военно-морская академия выпустила "Исследование стратегии и тактики в операциях против США". Японские эксперты записали: "В случае базирования главных сил американского флота в Пёрл-Харборе военные действия надлежит открыть внезапными ударами с воздуха"[3].

Совместные учения флота и армии США в апреле 1937 года подтвердили справедливость японского анализа. К Гавайям теперь подступила американская эскадра – 111 военных кораблей, имевших на авианосцах около 400 самолетов. Вновь аэродромы Оаху были внезапно "разгромлены" с воздуха, а на сле-

дующий день без сопротивления прошла высадка десанта. Посредники сочлн, что потерн "нападавшей" стороны — один линкор. И все.

Серия маневров в 30-е годы пренсполнила гордостью американских адмиралов — вот на какне свершения способен флот США! То, что зтн свершения может не только повторнть, но н превзойтн флот другой державы, им как-то не приходило в голову. Как н то, что "протнвник", оборонявший на учениях острова, по существу, подыгрывал атакующим, вероятно, во славу американского оружия.

В пьянящем азарте самолюбования американскне флотоводцы, по-орлиному озираясь с мостиков, водилн свон победоносные на маневрах зскадры с баз в Калнфорнии к Гавайям и обратно. Приход флота на Гавайн обычно совпадал с очередным обостреннем международной обстановкн. Постоянные базы флота оставалнсь на западном побережье Амернканского континента, куда корабли возвращались после непродолжнтельного пребывания на Гавайях.

Когда 1 сентября 1939 г. началась война в Европе, распорядок был нзменен. С января 1940 года основные силы Тихоокеанского флота сосредоточилнсь на Гавайских островах сначала под предлогом маневров, а 7 мая 1940 г. флот получил официальное предписанне — остаться в Пёрл-Харборе на неопределенное время. По мнению командования вооруженных сил США, корабли здесь находилнсь в полнейшей безопасностн[4].

Государственный секретарь США К. Хэлл со временем заметил: выдвигая флот на Гавайи, правительство руководствовалось темн же мотивами, что н человек, "держащнй в доме заряженную двустволку прн переговорах с бандитом"[5]. Действительно, опнраясь на Пёрл-Харбор, флот мог зффективно действовать против Японии в случае войны, а уже одно прнсутствие его на Гавайских островах оказывало влиянне на японскую полнтнку в днн мира. Так считали не только в Вашингтоне, но н в Токио — как в канун войны, так н после ее завершения, когда подводилнсь нтоги.

Заместитель государственного секретаря С. Уэллес подчеркивал: "Если бы флот ушел с Гавайских островов, японскне военные лорды, несомненно, нстолковали бы зто отступленне как то, что США смирились с распространеннем господства Японии на весь Тихий океан н Азию"[6]. Один нз японских флотоводцев, адмнрал Сигэру Фукудомэ, в свою очередь, доказывал: "Американский флот, выдвинувшийся на Гавайи, мог без большого труда проследовать в западную часть Тихого океана, создав тем самым явную угрозу Японии. Пока флот

оставался на Гавайях, складывалась стратегическая обстановка, несравненно более напряженная н угрожающая Японии, чем тогда, когда флот был на базах на Тихоокеанском побережье США"[7].

Особенность полнтической обстановкн в Японии в те годы заключалась в том, что делами страны вершила клика милитарнстов. Между руководителями армии н флота существовалн коренные разногласия по поводу направления агрессии. Командованне армии стояло за войну с Советским Союзом, флот требовал предварительно захватить владения колоннальных держав в Южных морях, чтобы обеспечить Японию ресурсами для длительной борьбы. Но адмиралы остро осознавалн ограниченность зкономического потенциала страны, что определило военно-морскую стратегию. Они с достаточной долей реализма предполагалн, что боевые действия не удастся перенестн к берегам Амернкн, напротив – работникн главного морского штаба резонно ожидалн наступления США. Решительное сражение онн надеялись дать на подступах к метрополии, перехватив американский флот.

Крылатой среди японских военных моряков тогда стала фраза: "Мы уверены не в том, что враг не нападет на нас, а в нашей готовностн встретить его, когда он придет"[8]. Японскне адмнралы зналн, что верфн страны не могут тягаться с американской судостронтельной промышленностью, в предстоявших боях они полагалнсь не на количественное, а на качественное превосходство. Была поставлена цель создать сбалансированные военно-морские силы, основой которых сталн бы первоклассные линейные корабли. Флагман японского флота линкор "Ямато" был крупнейшим в мире военным кораблем своего времени. Его водоизмещенне составляло 72 тыс. *т*, орудия главного калибра не имелн равных во флоте Соединенных Штатов.

В конце 30-х годов стратегическое мышленне в Японии прнобрело н другое направленне. Первоначальный толчок тому дали успехн авнации, а пониманне ограниченности ресурсов страны без излишних теоретических зкскурсов поставило изученне проблемы на практическую почву. Некоторые командующне японским флотом пришли к выводу, что нспользованне самолетов с авианосцев против боевых кораблей даст возможность одержать победу над превосходящимн амернканскими силами.

Онн не только теоретизнровалн, но н стремилнсь доказать свою правоту деламн, добившись строительства гигантских по тем временам авнаносцев по 30 тыс. *т* водонзмещеннем.

В американском капитальном труде "Пёрл-Харбор: вердикт истории", вышедшем в 1986 году, в котором подведены итоги почти полувекового изучения проблемы, подчеркивается: "Япония в 1941 году имела самую лучшую авианосную авиацию в мире... В японском флоте нашлись проницательные и решительные лидеры, которые из имевшихся сил и средств сумели создать 1-й воздушный флот, тем самым став основоположниками создания крупных ударных авианосных соединений. Когда они расширили его до 6 авианосцев, оно превратилось в самое мощное ударное соединение, выходившее до той поры в море"[9].

Для адмиралов "хасирского флота", как иной раз именовались японские линейные корабли — по месту их якорной стоянки у острова Хасира, все это казалось опасным еретическим заблуждением. Но сторонники авианосной авиации стояли на своем, противопоставляя словам консерваторов стройную стратегическую концепцию.

Дискуссия оказалась непродолжительной, и не потому, что стороны пришли к компромиссу, а потому, что подошло время выступать.

В качестве ближайших целей войны в Токио намечали оккупацию обширного района на юге и создание оборонительного периметра по линии, соединяющей Курильские и Маршалловы острова (включая остров Уэйк), архипелаг Бисмарка, острова Тимор, Ява, Суматра, а также Малайю и Бирму. Нападение на владения колониальных держав неизбежно влекло за собой войну с США, Англией и Голландией.

Если последних двух держав в то время в Токио не опасались, то по-иному обстояло дело с Соединенными Штатами, которые пока не принимали участия в войне в Европе. Появление на театре военных действий сильного Тихоокеанского флота США могло бы затруднить овладение районом Южных морей, затянуть боевые действия. В результате Япония оказалась бы вовлеченной в затяжную войну; к ней она не была готова и выдержать ее не смогла бы. Было необходимо без промедления принять решение о том, как нейтрализовать американский флот. "Линкорные адмиралы", определявшие стратегию главного морского штаба, пытались отстоять известный вариант — встретить американцев на пути в Японию, однако новаторы в военно-морском деле указали, что это поставит под угрозу удар на основном направлении — в сторону Южных морей.

Новый главнокомандующий Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото, назначенный на этот пост в августе

1940 года, прямо указал тогдашнему премьер-министру князю Коноэ: "Если мне скажут воевать, тогда в первые шесть – двенадцать месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую непрерывную цепь побед. Но должен предупредить: если война продлится два или три года, я не уверен в конечной победе"[10]. В случае длительной войны с США, писал Ямамото в частном письме, "нам недостаточно взять Гуам и Филиппины, даже Гавайи, Сан-Франциско. Нам потребуется взять Вашингтон и подписать мирный договор в Белом доме"[11]. Последнее явно превосходило возможности Японии.

Итак, чтобы не допустить затяжной войны и разорвать заколдованный круг, Ямамото предложил одновременно с наступлением на юг нанести удар с воздуха по Пёрл-Харбору.

"Операция Z"

В 1941 году Ямамото минуло 57 лет. За его плечами было сорок лет безупречной службы в императорском флоте. Разведка США характеризовала Ямамото как "исключительно способного, энергичного и сообразительного человека". Адмирала помнили в США по годам его службы в Вашингтоне японским военно-морским атташе.

В 80-е годы, вглядываясь через дымку лет в уже далекое прошлое, американский контр-адмирал Э. Лейтон рисовал впечатляющий портрет Ямамото в расцвете сил. Лейтону было что вспомнить: кадровый разведчик, в 20-е и 30-е годы он работал в военно-морском атташате США в Токио. В отличие от тех, кто писал о Пёрл-Харборе после 1945 года, Лейтон счел возможным рассказать кое-что только после рассекречивания в 80-е годы 500 тыс. страниц документов разведывательных ведомств США. Свободно владевший японским языком Лейтон, пожалуй, даже ходил в добрых знакомых Ямамото в конце 30-х годов, то есть в то время, когда адмирал был заместителем морского министра.

"На исходе 30-х годов, – напомнил Лейтон в мемуарах, вышедших в 1985 году, – всем наблюдателям было ясно, что жизнь Ямамото в опасности. Я поддерживал с ним служебные и светские отношения, а сходство наших интересов переросло в дружбу. Я пристально следил за его деятельностью. Мне довелось непосредственно наблюдать, как на посту заместителя морского министра он рисковал своей популярностью и даже жизнью, отвращая очередное правительство от конфронтации

с США по поводу войны в Китае... Ведь 30 августа он был назначен командующим Объединенным флотом ради спасения его жизни"[12].

Да, экстремисты, рвавшиеся к войне, действительно угрожали тогда Ямамото. Адмирала засыпали посланиями самого дурного тона. "Если не исправишься, – говорилось в одном из них, – от тебя избавятся либо взрывчаткой, либо бомбой"[13]. Откуда экстремистам было знать, что душой подготовки флота к войне и был Ямамото. Судя по мемуарам, Лейтон не сообразил, что адмирал вполне мог быть первоклассным актером. На нередких попойках японских морских офицеров, где бывал Лейтон, "хозяин [Ямамото], казалось, выхлестывал столько же стаканов виски, что и гости. Позднее я выяснил, что Ямамото следовал старому китайскому обычаю пить в таких случаях холодный чай", – только и припомнил Лейтон.

Японский "друг" американского разведчика, как видим, носил непроницаемую маску. Лейтону оставалось только гадать, что скрывается под ней. Чем он и занимался. Он долго размышлял по поводу фразы Ямамото, брошенной после выигрыша очередной партии в карты: "Наука и умение всегда превзойдут удачу и суеверие"[14]. Пытались понять Ямамото и другие американские разведчики, компенсируя скудость информации далеко идущими выводами.

Глубокие психологи из разведки встречались с Ямамото за карточным столом, где сделали немаловажные наблюдения. Адмирал любил играть в покер. По тому, как он чрезвычайно ловко манипулировал в игре оставшимися тремя пальцами на левой руке (результат ранения в Цусимском сражении, во время которого Ямамото находился на борту флагмана "Микаса"), его американские партнеры заключили, что адмирал – натура необычайно азартная. По этой причине, а также потому, что Ямамото был чемпионом императорского флота игры в го (японские шахматы), и многим другим, компетентные американские органы твердо решили, что соединениям под водительством адмирала будет присущ боевой, наступательный дух. Славная для воина репутация оказала адмиралу дурную услугу*.

---

* В разгар войны на Тихом океане, в начале апреля 1943 года, в Вашингтоне из перехваченной и дешифрованной японской телеграммы узнали точные сроки вылета Ямамото для инспектирования гарнизонов сначала на острове Трук, затем на острове Бугенвиль. Телеграмма была доложена морскому министру Ф. Ноксу и Ф. Рузвельту. Был отдан приказ перехватить самолет Ямамото у острова Бугенвиль и "приложить все

Когда у Ямамото впервые зародилась мысль о налете на Пёрл-Харбор, сказать трудно: по понятным причинам он не был допрошен на процессе главных японских военных преступников в Токио после войны. Очевидно лишь то, что память о русско-японской войне никогда не покидала адмирала. И на исходе шестого десятка жизни, 8 февраля 1941 г. Ямамото доверился сослуживцу, старому морскому волку адмиралу Дзисабуро Одзава. Принимая гостя в своей роскошной каюте на борту флагмана — линкора "Нагато", Ямамото говорил: "При изучении истории русско-японской войны самый главный урок для меня — наш флот начал ее с ночного нападения на русских в Порт-Артуре. На мой взгляд, это самое выдающееся стратегическое достижение войны. К сожалению, мы не довели атаку до конца и не достигли полностью удовлетворительных результатов".

Ямамото был преисполнен решимости не повторить ошибку. Коль скоро, по мнению передовых офицеров, самолет сменял корабль как ударное средство флота, Ямамото и его сторонники еще в 30-е годы приложили немалые усилия к подготовке авианосных соединений к войне. Душой подготовки был контр-адмирал Тамон Ямагути, закадычный друг Ямамото. К 1940 году оба могли с удовлетворением обозревать пройденный путь: Япония располагала значительным числом опытных летчиков и штурманов для авианосной авиации. Известия о том, что американский флот постоянно базируется на Пёрл-Харборе, окрылили их — время и средства на подготовку были потрачены не зря.

Тут подоспели вести из Европы: операция типа задуманной проверена в бою. В ночь на 11 ноября 1940 г. английский авианосец "Иллюстриос" подошел на 170 миль к итальянской базе Таранто в Ионическом море и поднял в воздух 21 торпедоносец. Штурманы в светлую лунную ночь без труда привели ударную группу к цели. Сброшенные торпеды поразили в гавани Таранто три итальянских линкора: один из них затонул, два других были надолго выведены из строя.

Об уроках Таранто с оттенком сарказма (памятуя о том, что выявилось впоследствии) написал английский журналист

усилия к тому, чтобы уничтожить объект". Для выполнения задачи были направлены два звена истребителей. 18 апреля 1943 г. американские истребители встретили в воздухе два японских бомбардировщика, на которых летел Ямамото с офицерами штаба. Одно звено связало шесть истребителей прикрытия, другое сбило оба бомбардировщика. При этом Ямамото погиб.

Р. Кольер, военный корреспондент н контрразведчик в ту войну: "Мораль операции в Таранто ие упустил морской министр Рузвельта Фрэнк Нокс. "Успех английской атаки с воздуха торпедами по кораблям, стоящим иа якоре в гавани, – писал он военному миннстру Стимсону, – подсказывает: нужно немедленно принять меры предосторожности для защиты Пёрл-Харбора от виезапной атаки в случае войны между США и Японией".

Нокс не мог зиать, что командующий япоиским Объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото также принял близко к сердцу уроки Таранто. В сейфе на борту "Нагато" Ямамото хранил отпечатанное на ротаторе руководство "Образ действия, мощь и защита американского флота в районе Гавайев". 500 страниц текста[15]. Практические выводы? Письмо Нокса последствий не имело, а Ямамото после Таранто окончательно уверовал, что он на верном пути.

7 января 1941 г. он подал морскому министру Косиро Оикава докладную иа девяти страницах – "Соображения по подготовке войны", впервые официально обосновав иалет на Пёрл-Харбор. Не ожидая окончательиой санкции правительства, через неделю Ямамото в доверительном порядке в письме иа трех страницах довел свою идею до сведеиия душевного друга начальника штаба 11-го воздушного флота контр-адмирала Такахиро Ониси. Ониси был тем человеком, кто мог оценить дерзкий план. Впоследствии он стал основателем отрядов "камикадзе" – летчиков-смертников. Онncи горячо поддержал Ямамото. Однако подчиненные ему соединения, прн всем желании их командующего, не могли участвовать в рейде на Гавайскне острова – в его подчинении былн в основиом самолеты базовой авиации, уже назначенные для действий иа юге. Еще в конце 1940 года Ямамото попросил подыскать ему "летчика, чья прошлая служба ие сделала его сторонником традиционных операций"[16]. Ему и иазвали Минору Гэнда.

Гэнда служил в штабе 1-го воздушного флота, иаходившегося под командованием вице-адмирала Тюитн Нагумо. Это соединение флота и было способно ианести молниеносный удар: в него входили шесть новейших авианосцев. Однако личность командующего адмирала Нагумо мало соответствовала наступательным возможностям авианосного соединеиия. Адмирал был сторонником осторожных действий, жаловался иа больные ноги н с большим подозрением относился к боеспособности превосходных иовых авианосцев. Он был убежден, что однадве бомбы легко отправят любой из этих громадных кораблей на дно. На взгляд Нагумо, было легкомысленно ставить под

угрозу дорогие во всех отношениях корабли в самом начале войны.

Естественно, что Гэнда, человек совершенно иного склада, не мог довериться своему непосредственному начальнику. В прошлом отчаянный летчик-истребитель, Гэнда командовал отрядом летчиков, прославившихся на флоте как "фокусники Гэнда". При этом тогда 36-летний Гэнда был способным военным теоретиком — с 1935 года он разрабатывал тактику массированного применения авианосцев, названную противником "гэндизмом". В середине 30-х годов молодой Гэнда завоевал доверие Ониси, что было отнюдь не легким делом. Адмирал, особенно навеселе, не задумываясь, орал даже на Ямамото! Ониси отправил Гэнда учиться в военно-морской колледж ("пусть тебе это покажется глупым.., но нужно создать базу для дальнейшего движения вверх"). Сокурсники Гэнда, которым он с готовностью и не слушая их возражений излагал свои идеи, считали эксцентричного офицера "рехнувшимся".

Они никак не могли уяснить различия между построением в воздухе ударной авиационной группы, поднятой с авианосцев, находящихся на большом расстоянии друг от друга, и вылетом такой же группы с авианосцев, идущих в сомкнутом строю. Доспорить с упрямцами не удалось. Гэнда отправился воевать в Китай, послужил военно-морским атташе в Лондоне и только в ноябре 1940 года возобновил службу на авианосцах. Получив задание изучить возможность нападения на Пёрл-Харбор, Гэнда горячо взялся за дело. Представилась возможность на практике показать то, что не видели глупцы. Через десять дней он доложил свои выводы. Операция рискованная, но возможная. Для этого необходимо использовать все шесть авианосцев, отобрать наиболее опытных летчиков. Залог успеха — строгое соблюдение тайны, с тем чтобы достичь внезапности. Шансы на успех — 60 из 100. Ониси, консультировавший Гэнда, счел, что и того много, он остановился на 40.

Горячо одобряя идею Ямамото — внезапный удар по Пёрл-Харбору, Гэнда не оставил камня на камне от предложенного адмиралом образа действий. Ямамото полагал, что авианосцы подойдут к Гавайям на 500—600 миль и с них стартуют самолеты. Разбомбив американский флот в Пёрл-Харборе, они лягут на обратный курс и, исчерпав запас горючего, закончат полет в океане. Эсминцы и подводные лодки, развернутые на возможном пути отхода самолетов, подберут тех летчиков, кто выживет после посадки на воду.

Гэнда, не щадя самолюбия Ямамото, и не его одного, резко возразил: да, духи предков зовут воина, но смерть приходит

не в поражении, а как назвать приводнение? Нет, авианосцы должны подойти на такое расстояние к Гавайским островам, чтобы принять самолеты после атаки, снова вооружить их и быть готовыми к новой схватке с врагом. Гэнда не меиее сурово раскритиковал "узость" взглядов Ямамото на атаку с воздуха. Адмирал предлагал бросить против американского флота только торпедоносцы, то есть прибегнуть к самой сложной операции. Гэнда потребовал вместе с торпедоносцами ввести в дело бомбардировщики, работающие с горизонтального полета н с пикирования.

С зтими доводами Ямамото н Оиисн согласились. Но Гэнда так и не удалось переубедить адмиралов, что объектами нападения должны быть не только корабли, но и сооружения военноморской базы. Особенно ощетинился Ониси против конечного предложения Гэнда: "За ударом по Гавайям мы должны высадить крупный десант на острова. Если Гавайи будут захвачены, Америка утратит свою самую большую передовую базу, тем самым мы создадим отличные условия для проведения наших операций". По мнению Гэнда, для захвата островов нужно не более 10–15 тыс. хорошо вооруженных и оснащенных солдат. Ониси поставил точку в дискуссии, сухо указав: "При наших наличных силах мы не можем наступать одновременно на востоке и на юге"[17]. Морскому летчику Гэнда, видимо, не пришло в голову спросить: да, зто верно в отношении флота, но что стоит выделить потребные 10–15 тыс. многомиллионной армии?

Вероятно, на зто просто не хватало времени, нбо решение тактических вопросов подавило стратегические размышления. Нужно было "приводнить" мысль – решить наконец, как поразить американские корабли в гавани. Было хорошо известно, что тогдашние торпеды можно было сбрасывать с самолетов только там, где глубина воды не менее 25 *м*. В противном случае они зарывались в грунт на дне. Глубина гавани Пёрл-Харбора составляла в среднем 10 *м* и только на фарватере достигала 15 *м*. Кроме того, американцы имели обыкновенне швартовать линейные корабли у стеикн парами, инымн словами, даже если удастся добиться попадания в один корабль, другой все равно оказывался в безопасности. Гэнда взялся в кратчайший срок приспособить торпеды для использования в мелководной гавани.

Под его руководством начались сверхсекретные эксперименты. Сначала дело ие ладилось: 800-килограммовые торпеды, сброшенные с самолетов над небольшимн глубинами, взметнув тучи ила, неизменно застревали на дне. Немногочисленные участники и зрители испытаний – опытные летчики – соболез-

нующе качалн головами. Как нн изменялись прнемы сбрасывания, результаты не радовали. Только к октябрю улыбнулась удача: простые деревянные стабилизаторы, укрепленные на корпусе, решилн проблему. Теперь торпеды годились н на мелководье. Гэнда торжествовал — найдено "абсолютное оружне". Однако успех убедил не всех.

Параллельно с экспериментамн Гэнда отрабатывались прнемы бомбардировкн линкоров с воздуха. Оказалось, однако, что у авнации нет бомб, способных пробнть довольно толстую палубную броню крупных кораблей американского флота. Прншлось прнбегнуть к импровизации. Практичные работникн матернально-технической службы флота нашли выход: к 15- и 16-дюймовым бронебойным снарядам приделалн стабилизаторы. Испытания превзошлн все ожидания: не оставалось нн малейших сомненнй, что этн снаряды пробьют броню. Средства для разгрома американского флота былн подготовлены. Оставалось убедить главный морской штаб в целесообразностн удара по Пёрл-Харбору. Этим н занялся Ямамото.

Для начала адмирал проявил великое лукавство, вероятно, самую примечательную черту своего характера. Предстоявший налет на американскую базу Пёрл-Харбор он зашифровал в апреле как "операция Z". Это было напоминанием о сигнале, поднятом адмиралом Того перед началом сражения с русским флотом в Цусимском проливе. Он подчеркнуто делал акцент на том, что не проводит различия между протнвннкамн Японии. Это, однако, не продвинуло решения вопроса и по причинам, которые никак не предвидел Ямамото: в пылу подготовкн военно-технических аспектов операции он упустил, что война не больше чем продолженне политнкн.

Как заметил Э. Лейтон о тех месяцах в Токно: "Серьезное оперативное планированне нельзя было начать, пока имперскнй генеральный штаб не разрешил стратегических противоречий. Армия по-прежнему стояла за наступление на русских в Снбирн.., флот стремился ударом на юг захватить нефть и иные ресурсы голландской Восточной Индии... Этн вопросы н терзалн японское правнтельство"[18]. Только в августе 1941 года Ямамото решил, что пришло время информировать командованне флота. Идею операции наконец доложилн начальнику главного морского штаба Осамн Нагано н тридцати ведущим работникам. В 62 года Нагано был самым старым адмиралом на действительной службе, в его представлении линкор, конечно, оставался основой морской мощи.

11—20 сентября в военно-морском колледже на ежегодной штабной игре былн проиграны операции флота в грядущей

войие. Нагано н оперативное управление главного морского штаба настаивалн на консервативном образе действнй: двннуться на юг н, если США вмешаются, встретнть врага поближе к Японии. Онн поставили вопрос в лоб: разве нсчерпаны ресурсы так н не нспробованной на деле доктрины японских флотоводцев "егекн сакусен" (действия нз засады)? В протнвовес американскому плану "Орандж" эта доктрина предусматривала выдвижение на маршрут Тихоокеанского флота США, следующего на запад, японских подводных лодок. В результате к месту решительной схваткн у Маршалловых островов американскне эскадры придут изрядно потрепаннымн[19]. Былн прнведены н другне доводы: разве не может случнться так, что Соединенные Штаты вообще не будут препятствовать вооруженной рукой японским захватам в странах Южных морей н ограничатся дипломатическими протестами?

Еслн вся игра проводилась в глубокой тайне, то тройной секретностью была окружена ее часть, касавшаяся Пёрл-Харбора. В нзолированном зале собралось тридцать с небольшим адмнралов н старших офнцеров. В прнсутствнн Ямамото онн провелн нападенне "синих" (японцы) на "красных" (амернканцы). По мере того как соединенне Нагумо приближалось на карте к Гавайям, напряженне в зале нарастало. Посреднкн дают вводные — за трн дня до условной даты нанесения удара "красные" заметили неопознанную подводную лодку к югу от островов, за день увиделн нефтяное пятно на поверхностн: подтекала топливная цистерна на подводной лодке, идущей в погруженном положении.

Радиус воздушного патрулирования с островов немедленно был увеличен с 400 до 600 миль, н днем амернканский разведывательный самолет обнаружил кораблн 1-го воздушного флота. Самолет был уничтожен, не успев передать свое донесенне до конца, но дозорные японскне подлодкн доложилн: 10 вражеских крейсеров держат курс на кораблн Нагумо. Адмирал тем не менее вышел в точку подъема самолетов в 200 милях от Гавайев. У Пёрл-Харбора их встретили тучи амернканских нстребнтелей и массированный зенитный огонь. Вернулось менее половины самолетов. Итог: американским кораблям нанесены незначнтельные повреждения. Тут на соединение обрушилась авиация "красных", которая пустила на дно два авнаносца н несколько других кораблей — прнмерно треть состава 1-го воздушного флота.

Помрачневшие руководители нгры предложилн другой вариант: Нагумо подходит на закате на 450 миль к островам н, резко увеличив ход, покрывает за ночь 250 миль. Самолеты взмывают в воздух на рассвете, до начала работы американской

патрульной авиации. Внезапность достигнута! В Пёрл-Харборе потоплены 4 линкора, 2 авианосца, 3 крейсера, серьезно повреждены линкор, авианосец, 3 крейсера. Самолеты "красных" настигают Нагумо при отходе, топят авианосец и наносят повреждения еще нескольким кораблям. Итоги более чем удовлетворительные, особенно с учетом того, что американская авиация на Гавайях практически уничтожена.

Нагумо никак не робкого десятка. Тем не менее он помертвел. Адмирал не верил результатам игры, посредники определенно подыгрывали "синим". С величайшим подозрением Нагумо отнесся к идее подойти к Гавайям через северную часть Тихого океана. Даже на этом маршруте обеспечить скрытность трудно. А зимний океан? Как дозаправлять хотя бы эсминцы, танцующие на гигантских волнах у массивных танкеров? Не говоря уже о более крупных кораблях. И после такого перехода лукавые посредники сулят ему "успех"! Ямамото, широко улыбаясь, обнял поникшего Нагумо за плечи и утешил: "Не беспокойся. Я возьму на себя всю ответственность". Адмирал Фукудомэ добавил: "Если ты погибнешь в этой операции, в память о тебе воздвигнут храмы".

Штабная игра не убедила, а разубедила даже Ониси. Вместе с начальником штаба 1-го воздушного флота контр-адмиралом Рейносуке Кусака в конце сентября он явился к Ямамото. Командующий встретил двух почтенных адмиралов в своей каюте в окружении молодых офицеров. Они выслушали доводы Ониси и Кусака: отвлечение авианосцев для удара по Пёрл-Харбору лишит достаточного воздушного прикрытия армию вторжения на Филиппины. Последствия понятны. Отношения между Японией и США ухудшаются с каждым днем, следовательно, повышается бдительность на Гавайях и внезапность проблематична.

Ямамото предложил высказаться молодежи, что офицеры и сделали с нескрываемым удовольствием, разбивая аргументацию адмиралов. Экспансивный Кусака не выдержал. Пренебрегая не только воинской дисциплиной, но и приличием, принятым в японском обществе, он вспылил:

— Вы — морской стратег-любитель, — бросил Кусака в лицо Ямамото. — Ваши идеи наносят ущерб Японии. Вся операция — азартная игра.

— Да, я люблю такие игры, — огрызнулся Ямамото. — Вы говорите, что эта игра, так я и выиграю ее.

Помедлив, Ямамото заключил:

— Я прекрасно понимаю точку зрения вас обоих. Но я верю в операцию. Без нее нельзя выполнить весь план войны на Тихом океане.

После яростного объяснения остывший Ониси остался поиграть в шахматы с Ямамото на борту флагмана, а надутый Кусака откланялся. Провожая его к трапу, Ямамото сумел ободрить оппонента. Он снова заверил, что понимает опасения Кусака, но "нападение на Пёрл-Харбор нужно провести, невзирая на потери. Поэтому с этого момента потрудитесь приложить все усилия к наилучшему выполнению задачи". Ямамото еще просил передать самый горячий привет Нагумо, обоснованно понимая, что тот с нетерпением ждет результатов визита.

Были еще споры. Но Ямамото упорно твердил: американский флот – главная угроза Японии, не устранив его, нельзя рассчитывать на удачу во всей войне. Дело дошло до острого объяснения: Ямамото пригрозил, что в случае отказа от удара по Пёрл-Харбору он уйдет в отставку со всем штабом. Во время ожесточенных дискуссий и руководство главного морского штаба познакомилось с изречениями Ямамото, которые давно заучили назубок подчиненные адмирала: "Нужно проникнуть в логово тигра, чтобы взять тигрят", "Загнанная в угол крыса кусает кота", "Мудрый ястреб прячет когти"[20] и т.д. Говорят, что адмирал прибег к крайнему средству: если больные ноги Нагумо мешают ему вести ударное соединение через холодные зимние воды, Ямамото готов лично возглавить набег на Гавайские острова. Перед этим натиском, в котором логика сочеталась с плохо замаскированным оскорблением профессиональной чести, главный морской штаб уступил. Была отдана предварительная директива, предусматривавшая в общем плане войны операцию против Пёрл-Харбора.

Адмирал Кусака до конца оправдал доверие Ямамото. Оставив сомнения, он с головой погрузился в подготовку к походу. Пришлось, помимо прочего, повести невидимую войну с интендантством. Чиновники-бюрократы в Токио никак не могли взять в толк, зачем ему необходимо восемь танкеров. Но Кусака знал: если оперативное соединение не будет располагать этими танкерами, тогда придется идти в бой, имея четыре авианосца вместо шести. Потребовалось несколько недель, чтобы доказать очевидную истину в надлежащих инстанциях. Далее, как раздобыть зимнее обмундирование для соединения? Занятые по горло интенданты снаряжали войска для действий в тропиках. Требование зимних вещей вызвало бы ненужные толки и пересуды. Подчиненные Кусака заявили изумленным работникам тыла: на войне нельзя заранее знать, где окажешься в конце концов, – и подали на склады заявки как на летнее, так и на зимнее обмундирование. Двойной комплект одежды

выдали, а военную тайну сохранили даже от собственных интендантов.

Пока вопрос все еще решался в высших сферах, среди летчиков уже шел отбор подходящих кандидатов. Капитан I ранга Мицуо Футида был крайне удивлен, когда его неожиданно вернули на флагманский авианосец 1-го воздушного флота "Акаги" для дальнейшего прохождения службы. Футида оставил авианосец всего год назад. Вездесущий Гэнда, одноклассник и приятель Футида по военно-морскому училищу, объяснил: "Не волнуйся. Мы хотим, чтобы ты вел наши самолеты, когда пробьет час атаковать Пёрл-Харбор". Некоторым группам пилотов, взяв с них клятву хранить все в тайне, адмирал Ямамото лично разъяснил будущую задачу.

Торпеды для "мелкой гавани Владивостока"

Пожалуй, вся предшествующая служба 39-летнего Мицуо Футида подготовила его к той работе, которую вверил ему Ямамото по рекомендации Гэнда — старшего авиационного начальника 1-го воздушного флота. В послужном списке Футида — налет более 3 тыс. часов, участие в боях в Китае. Боевой летчик и опытный штабист, он окончил военно-морской колледж на год позже Гэнда. Военный интеллигент, но, увы, пытавшийся внешне подражать Гитлеру — чаплинские усики, надутый вид. Отработать свинцовый взгляд не удалось — по натуре он был добродушен.

На авианосцы пришли лучшие военные летчики. С. Мурата считался "асом-торпедоносцем" всего флота, о Т. Эгуса отзывались как "о пилоте пикирующего бомбардировщика номер один всей Японии", С. Итайя не имел равных в истребительной авиации. Под предводительством Футида они возглавили групповую подготовку летчиков каждый по своему профилю, ибо к этому времени завершилась индивидуальная учеба, начатая еще в мае.

Тогда Гэнда подобрал на Кюсю, самом южном острове Японии, район, который при большом воображении можно было принять за нечто похожее на Пёрл-Харбор на Оаху. На юго-восточном побережье Кюсю в глубине живописного залива лежит город Кагосима. С поздней весны в небе над городом ревели моторы самолетов, внезапно появлявшихся со стороны моря и выполнявших маневры, непонятные не только для обывателей, но и для большинства летчиков. Так продолжалось до одного дня ранней осени, когда Футида выстроил летчиков

и объявил, что они закончили предварительную подготовку, отрабатывая действия в морском сражении, теперь пришло время научиться атаковать корабли на якорной стоянке.

Футида небрежно, будто речь шла об обыкновенном задании, объяснил: за набором высоты 2000 *м* резкое снижение, с интервалами в 500 *м* торпедоносцы проскальзывают через узкую долину, проходят на высоте 40 *м* над Кагосима, выскочив к заливу, с 20 *м* сбрасывают воображаемые торпеды. Затем отход, и снова все сначала. И так день за днем. Добрые жители Кагосима всерьез задумались над дисциплиной на флоте, а квартал публичных домов города заметно оживился: молоденькие пилоты очень дерзки. Крестьяне в других местах тренировки летчиков негодовали: перепуганные самолетами на бреющем полете куры перестали нестись.

Тем временем с меньшим шумом прошла подготовка бомбардировщиков. Путем проб и ошибок Футида установил: оптимальная высота бомбометания с горизонтального полета 3000 *м*, лучше работать не уставными девятками, а пятерками самолетов. До 70 процентов бомб поражали цели. Что до пикировщиков, то Эгуса доказал и показал: нужно сбрасывать бомбы и выходить из пике на высоте 450, а не 600 *м*, как было принято по уставу. Точность выше! Приняли. В разгар боевой подготовки летного состава Ямамото как-то с удовлетворением произнес: "Да, на Объединенном флоте есть адмиралы, настроенные против удара по Пёрл-Харбору. Вероятно, лучше полагаться на молодых офицеров, которым можно доверять".

Эти молодые решали все на свой страх и риск. Действия торпедоносцев оказались бы совершенно бесполезными, если бы американские корабли были защищены противоторпедными сетями. Сколько ни бились, проблему решить не удавалось. Но не отменять же удар торпедоносцев! Футида и Мурата нашли решение: несколько летчиков должны направить свои самолеты в борт кораблей и ценой своих жизней проделать в сетях большие отверстия для торпед следующих самолетов. Гэнда одобрил идею, которую они решили довести до сведения пилотов на последних инструктажах.

В начале ноября 1-й воздушный флот почти в полном составе провел маневры. Воспользовавшись тем, что оперативное соединение впервые собралось вместе в заливе Арнаке, поблизости от Кагосимы, Нагумо вызвал на флагманский авианосец "Акаги" начальствующих лиц со всех кораблей. Он обратился к ним с короткой речью: "Судя по дипломатической обстановке, война с Соединенными Штатами, кажется, неизбежна. В этом случае мы нападем на американский флот на Гавайях. Хотя не

все детали операции уточнены, капитаны I ранга Гэнда и Футида составили общий план. Сейчас они объяснят его вам. Если после их объяснений у вас будут вопросы, вы вольны спрашивать". Толкам и пересудам среди офицеров пришел конец, они впервые услышали: цель — Пёрл-Харбор. Всеобщий восторг...

3, 5 и 7 ноября авианосцы, уйдя на 200 миль от побережья, поднимали в воздух самолеты, которые "атаковали" линкоры Объединенного флота, стоявшие в заливе Ариаке. План атаки на Пёрл-Харбор воспроизводился во всех деталях, включая бомбежку наземных аэродромов. Футида вел атакующих, Гэнда с группой офицеров на борту объектов "атаки" придирчиво наблюдал, отмечая успехи и промахи. После атаки авианосцы принимали самолеты и возвращались на стоянку флота в залив Ариаке. Следовали многочасовые беспощадные разборы маневров. Гэнда, впрочем, никогда не удавалось удовлетворить, он без труда находил все новые поводы для недовольства.

Если теперешние огорчения Гэнда во многом были все же надуманными, то Футида рвал и метал. И по очень серьезной причине. Сложность операции в его глазах усугубилась во много раз: в ноябре Футида узнал, что обожаемый кумир адмирал Ямамото санкционировал участие в операции еще подводных лодок. Выяснились подробности поистине поразительные.

Когда в сентябре был принят предварительный план удара по Пёрл-Харбору, в нем предусматривалось выдвижение японских подводных лодок в гавайские воды. Теперь оказалось, что командование подводного флота, с нетерпением ожидавшее войны, внесло в план свои коррективы: лодки должны не только подстерегать врага, но и принять участие в нападении на американский флот в самой гавани Пёрл-Харбор.

К этому времени были построены и прошли испытания карликовые подводные лодки. Утлое суденышко водоизмещением 46 *т* с экипажем из двух человек несло две торпеды и имело ограниченный запас хода — около 100 миль при скорости 4 узла. Однако предусматривалось, что в случае необходимости эта подводная лодка могла идти в погруженном состоянии 50 минут со скоростью 19 узлов. Их доставляли к месту действия большие подводные лодки-носители. Осенью 1941 года японский флот имел пять сверхмалых подводных лодок. На океанских подводных лодках типа И-24 позади рубки были установлены стальные зажимы, замками которых управляли изнутри судна. Этими зажимами сверхмалые подводные лодки и крепились к лодкам-носителям.

Хотя возможности карликовых лодок вызывали самые серьезные сомнения, подводники настойчиво просили Ямамото

разрешить использовать их в день нападения на Пёрл-Харбор. Ямамото усматривал в этом больше вреда, чем пользы: он опасался, что присутствие подводных лодок, которые должны подойти к Гавайским островам заблаговременно, может быть обнаружено американцами, что сорвет внезапность удара авиации. Но подводники буквально ходили по пятам за адмиралом, а чистота их помыслов сомнений не вызывала – они по доброй воле готовили себе верную смерть. Как заметил Ямамото, "если они войдут в бухту, то никогда оттуда не вернутся, и такой вход в бухту не вызывается необходимостью"[21]. В конце концов подводники взяли верх.

Эту слабость Футида никогда так и не простил Ямамото. Он никак не мог понять своего рода стариковской привязанности адмирала к подводным лодкам. Логика Футида была безупречной: если атака с воздуха удастся, зачем подводные лодки; если авиация не преуспеет, какая польза от пяти "труб", как именовали карликовые подводные лодки на своем жаргоне офицеры флота. Но одно не вызывает сомнения, серьезно предостерегал Футида: американцы неизбежно обнаружат подход подводных лодок к Гавайям, что может сорвать внезапность всей операции против Пёрл-Харбора.

Оказалось, однако, что усилий Футида недостаточно, чтобы сломить традиции флота. Он не переспорил и не убедил адмиралов.

Автору и горячему стороннику плана – капитану Найодзи Иваса – была оказана высокая честь лично руководить действиями карликовых лодок. Ямамото внес лишь одно изменение: решение о входе в гавань должно быть принято самостоятельно командой лодки, а командиры лодок-носителей получили приказ принять на борт оставшихся в живых после атаки. Экипажи карликовых лодок пропустили слова Ямамото мимо ушей. По традиции древних японских воинов молодые моряки сознательно шли на смерть и в этом находили тихую радость. "Мы опадем, как цветы вишни на землю"[22], – объяснил впоследствии младший лейтенант Кацуо Сакамаки, единственный уцелевший из десяти подводников, принявших участие в атаке на Пёрл-Харбор. "Но ведь каждый из моих летчиков имеет больше шансов, чем 50 на 50, умереть за императора", – горячился Футида.

Но тогда, в ноябре 1941 года, дальнейшие дискуссии были излишни – на разных базах корабли 1-го воздушного флота собирались в поход. Авианосцы принимали на борт свои группы самолетов и по одному исчезали за горизонтом. Куда? На берегу никто не знал. Пока осталось на якоре в заливе Саеки не-

сколько крупных кораблей во главе с "Акагн". 17 ноября в залнв буднично вошел линкор "Нагато". Без эскорта. Ямамото с высшими чинамн своего штаба прибылн напутствовать на подвиг командование 1-го воздушного флота. Ямамото обратился с речью примерно к 100 офицерам, собравшимся на полетной палубе "Акагн".

Немногне пережившие войну на всю жизнь запомнили Ямамото в этот час. Адмирал говорил, не заглядывая в записи, ветер нногда заглушал его речь. "Япония за свою блнстательную нсторию сражалась со многими достойнымн противникамн: монголамн, китайцамн, русскнмн, — глуховато, размеренно бросал он слова, — но в этой операции мы встретимся с самым сильным н изворотливым врагом". Он внимательно оглядел строй офицеров н продолжил: "Американский командующий (адмирал Киммель. — *Н. Я.*) — человек незаурядный. Такому относительно молодому адмиралу не доверили бы Тихоокеанский флот, если бы он не был способным, мужественным и смелым. Мы можем ожидать, что он будет мужественно сражаться. Больше того, известно, что он дальновиден н осторожен, поэтому, вполне возможно, им приняты строжайшие меры предосторожности. Помните: может оказаться так, что атака не будет внезапной. Может быть, вам придется с боем пробиваться к целн".

Некоторые нз оставшихся в жнвых в той войне вспоминали, что прн этих словах онн похолодели. Одно дело атаковать на учениях с вводной — внезапность утрачена, н совсем другое, когда об этом предупреждает командующий Объединенным флотом. Футида держался браво, всем видом показывая: уж он-то со своими пилотами готов лететь хоть в пасть дьявола. Ямамото с видимым чувством благодарности крепко пожал ему одному руку перед строем. Затем все спустились в кают-компанию, серьезно, с достоинством выпилн саке н трижды негромко возгласили "банзай!" в честь императора. Экипаж — а на борту "Акагн" почтн 2 тыс. человек — пока не должен знать о целн операцин.

Ямамото вернулся на борт "Нагато". Кораблн Нагумо тут же поднялн якоря н ушлн в море. Ямамото через сильный бинокль следил за нимн несколько часов, пока онн не скрылнсь из виду.

В Японии было сделано все, чтобы не заметили ухода 1-го воздушного флота. Аэродромы, с которых леталн на учения пилоты Футида, приняли самолеты 12-го смешанного авнационного корпуса. Онн продолжили вылеты, нмитируя по мере возможности своих предшественников. Командованне тыла флота

отпустило в отпуск всех, кого можно было высвободить с баз. Нельзя было допустить, чтобы в палитре портовой жизни поубавилось синего цвета – формы военных моряков.

Корабли Нагумо ушли к тайному месту сбора – заливу Танкан (Хитокапу) на острове Итуруп в группе Курильских островов. Отстал только авианосец "Кага", который должен был забрать драгоценный груз – модернизированные торпеды. Их никак не удавалось подготовить в срок. Только благодаря сверхчеловеческим усилиям управляющего отделением концерна "Мицубиси" в Нагасаки Юкиро Фукуда удалось 17 ноября сдать заказ на "Кага". Фукуда, исполнив долг, заговорщицки подмигнул офицерам, принявшим торпеды: они пригодятся "в мелкой гавани Владивостока". Офицеры вежливо улыбнулись[23].

Разведка и контрразведка: в США и на Гавайях

Многое, если не все, зависело от разведки. Оперативное соединение отправлялось за тысячи миль от основного театра войны, существенно ослабляя японские силы. Ямамото надеялся поймать врага в мышеловке – Пёрл-Харборе. Но нужно было не только быть уверенным в том, что главные силы американского Тихоокеанского флота окажутся там в день нападения, но и знать точное расположение кораблей в гавани. Сообщить обо всем этом должны были разведчики.

В канун второй мировой войны размах японской шпионской работы в Соединенных Штатах был весьма значителен. Руководство разведкой осуществлялось не слишком целеустремленно, тем не менее, а быть может, в результате этого японские агенты собирали громадное количество самой разнообразной информации, буквально затопляя ею свои разведывательные центры. Отсюда понятные трудности при ее оценке, но в случае необходимости можно было детально изучить тот или иной аспект военной подготовки Соединенных Штатов. Кроме того, по-видимому, происходил обмен информацией на высшем уровне с разведывательными службами союзников Японии – Германии и Италии.

Между Японией и США шла ожесточенная тайная война, спецслужбы обеих стран неплохо представляли возможности друг друга и обменивались беспощадными ударами. Еще в 1923 году погиб тайный агент корпуса американской морской пехоты Э. Эллис, отправленный на подмандатные острова – Ка-

ролинскне, Маршалловы и Марианские. Он работал под видом натуралиста н должен был разведать, как японский флот использовал их в своих целях вопреки мандату Лиги Наций. Японские власти с прискорбием сообщили, что Эллис умер от неизвестной болезии. Исследовать причины его смерти оии разрешили Л. Зембищу — главному фармацевту американского госпиталя в Йокогаме. Он привез в Токио пепел Эллиса, но сам был в невменяемом состоянии от наркотиков н вскоре погиб.

Довольно эффективно пресекая деятельность американской разведки, японская разведка в 30-е годы резко расширила свою. Третье управление главного морского штаба, работавшее против США, стало практиковать засылку штатских лиц для сбора информации об американском флоте. Результаты оказались удручающими. Технические данные перевирались, идеологическое содержание донесений дошло до абсурда. Например: "Американцы идут добровольцами во флот для бесплатных кругосветных путешествий, и в случае войны оии ударятся в бегство".

Японские разведчики изменили свою кадровую политику, и под видом командированных для изучения языка в США хлынули морские офицеры. Они собирали сведения о флоте, морском строительстве, радиосвязи и т.д. Не остались вне их внимания новейшие методы разведки. В 1933 году четверо американских разведчиков под видом метеорологов провели год на судах американских линий, курсировавших между японскими портами. Они занимались радиоразведкой. Увы, без большого успеха. Но японские имитаторы преуспели.

С 1937 года лейтенант Тогами с подручным полтора года разъезжали по США поближе к военно-морским базам с мощной радиоустановкой в багажнике автомашины. Сотни часов терпеливого прослушивания эфира дали бесценные данные об американском флоте. Помимо прочего, вне всяких сомнений, была установлена его худшая подготовка к действиям ночью по сравнению с японским флотом. Это дорого обошлось американцам в первый год войны на Тихом океане. Выполнив свою миссию, Тогами благополучно отбыл в Японию.

Американские разведчики н контрразведчики, конечно, не дремали. Но по сравнению с японскими действовали хотя н напористо, но топорно. ФБР следило за 342 лицами, подозреваемыми в том, что они японские агенты. На Тихоокеанском побережье США, где в основном жили американцы японского происхождения, контрразведчики 12-го военно-морского округа с центром в Сан-Франциско держали в фокусе своего внимания всех "подозрительных". Хотя данные этой операции так и не

рассекречены, известно, например, что не только подслушивались телефонные разговоры между местными японскимн бизнесменами, но обязательно контролировалась вся телефонная, теле- н радиосвязь с Японней н странами Дальнего Востока.

С 1938 года контрразведчикн округа снстематическн тайно проникалн в служебные помещения японских фирм, вскрывалн сейфы и т.д. В 1940 году онн загорелись раздобыть код, на который перейдет японский торговый флот после объявления мобилизации. Онн нсхитрились подбросить наркотикн в сейф капитана японского судна, стоявшего в порту Сан-Педро в Калифорнии. Затем прн таможенном досмотре контрразведчики "нашли" наркотнкн и, несмотря на яростные протесты капитана, отправили содержимое сейфа на берег. Там в складе у причала книгу с кодом быстро сфотографировали н вернулн впавшему в прострацию капитану. Конечно, как только он вернулся в Японию н доложил о случившемся, код был нзменен, но все равно обладание полным текстом старого кода было неоценимой помощью прн дешнфровке нового.

По сей день специалисты в США спорят по поводу того, чья разведка оказалась эффективнее в канун войны – американская илн японская. С учетом случившегося вскоре в Пёрл-Харборе ответ очевиден. Американскне объяснения профессиональных промахов выдержаны, однако, в духе отборной риторнкн насчет демократии. Как с величайшей серьезностью написал тот же Э. Лейтон: "Американский успех (с похнщеннем кода на торговом судне. – *Н.Я.*) был, однако, каплей по сравнению с морем информации, которую тайные агенты Японии (напрнмер, Тачнбана) добывали в США. В противоположность Японии мы, свободная страна, не нмели контроля полицейского государства н тех ограничений, которые затрудняли там сбор информации, в чем я лично убедился, работая заместителем военно-морского атташе в Токно"[24].

Ссылкн на американскую "демократию" в такого рода делах играют сугубо служебную роль. Не дело Тачибана представляет интерес, а американская реакция на него, нбо она вводит в высшую математику американских спецслужб. Итару Тачибана обосновался в Лос-Анджелесе для "изучения" английского языка. Как прикрытне шпионажа н для нзвлечения дополнительных доходов (к содержанию капитан-лейтенанта нмператорского флота) он был хозяином нескольких публичных домов. Он был очень активен н промахнулся: взял для выполнения тайных заданий на Гавайях осведомителя американских спецслужб. По указке военно-морской контрразведкн н собственным соображениям ФБР арестовало Точнбана. Прн

обыске нашли столько документов, что потребовалось срочно вызвать из Вашингтона трех переводчиков, чтобы разобраться в добыче. Улики, сообщники — все было налицо. Но государственный секретарь К. Хэлл не счел полезным предавать его суду, ибо в это время дипломатические "переговоры с японцами вступили в критическую фазу". 21 июня 1941 г. Тачибана выслали из США, в Токио в третьем управлении сразу нашли применение его талантам, включив в подготовку операции против Пёрл-Харбора.

Для правительства США не было секретом, что консульства и иные учреждения держав "оси" были гнездами шпионажа. 16 июня 1941 г. госдепартамент распорядился закрыть все 24 немецких консульства, 21 июня — все итальянские. В конце месяца ФБР арестовало 29 человек, обвиненных в шпионаже в пользу Германии. "Ни одна из этих мер не создала затруднений японцам, — сообщает профессор Г. Прандж. — По различным причинам госдепартамент предпочитал, чтобы японские консульства по-прежнему работали. Согласно одному источнику, американские власти содержали "целую банду опытных взломщиков", которые тайно проникали в японское консульство в Нью-Йорке. Они фотографировали найденные документы и аккуратно клали туда, откуда брали. Нью-йоркское консульство было таким ценным источником информации, что органы военных разведок умоляли госдепартамент не трогать его... Консульства Хирохито (император Японии. — *Н.Я.*), вероятно, были более полезны открытыми, чем в случае их закрытия"[25]. Надо думать, в правительстве США почитали это верхом государственной мудрости. Пристально наблюдая, как казалось звездам американской разведки, за каждым шагом противника, они надеялись частично через дезинформацию побуждать японские консульства докладывать Токио то, что отвечало высшим интересам США. На бумаге все выглядело гладко и многообещающе, а что получилось на деле, продемонстрировала тайная война американских и японских спецслужб на острове Оаху.

Гавайские острова давно были объектом пристального внимания японской разведки. Получение оттуда информации оперативного характера, необходимой для подготовки удара по Пёрл-Харбору, не представляло особых затруднений. Помимо открытых источников — разнообразных сведений, предававшихся американцами огласке, — Япония имела обширную агентурную сеть. Воды Тихого океана бороздили бесчисленные рыболовные суда, которые занимались промыслом не только у Гавайских островов, но и у побережья Северной Америки, от Аляски до Панамского канала. Этот "рыболовный" флот собирал в свои

сети военно-стратегическую информацию. Должный контроль над этой деятельностью, истинное значение которой не составляло секрета, установить не удавалось.

На самих Гавайских островах проживало много японцев и американцев японского происхождения. В 1941 году только на острове Оаху их было 83 тыс., а всего на Гавайских островах – 160 тыс. человек, из них на 7 декабря 1941 г. 35 тыс. сохраняли японское подданство. Среди этого населения теоретически было нетрудно навербовать агентов. Президент Франклин Д. Рузвельт еще 10 августа 1936 г. приказал главнокомандующему ВМС США: "Установить тайную слежку за любым японцем, американским гражданином или нет, проживающим на Оаху, замеченным в том, что он встречает японские суда или имеет какие-либо контакты с членами их экипажей". Составить списки таких лиц, все они подлежат "заключению в концентрационные лагеря в случае чрезвычайного положения". Президент потребовал представить ему "дополнительные рекомендации после изучения этого вопроса". Указание президента возбудило подозрения в отношении всех японцев на Гавайях, а в спецслужбах создало обстановку шпиономании, фокус их внимания переключился на тысячи и тысячи людей, которые не имели отношения к какой-либо подрывной или шпионской работе.

Между тем штаб-квартирой шпионажа было генеральное консульство Японии в Гонолулу, имевшее право шифрпереписки с Токио. Ему подчинялись 234 консульских агента, разбросанных по Гавайским островам. Во исполнение приказа президента военная контрразведка к 1941 году собрала против 217 консульских агентов материалы, позволявшие арестовать их за нарушение закона о регистрации как "агентов" иностранной державы. ФБР и военно-морская разведка доложили генеральному прокурору США: против 40 консульских агентов имеются улики, позволяющие отдать их под суд за шпионаж. На передовом фронте борьбы с вражеской агентурой выступали контрразведчики вооруженных сил, ФБР держалось в тени. Больше того, в официальной истории ведомства сказано: "В 1940 году Гувер (директор ФБР. – *Н. Я.*) отказался нести основную ответственность за расследование шпионажа, саботажа и подрывной работы на Гавайях, ибо отделение ФБР в Гонолулу не имело для этого ни должного количества людей, ни необходимого опыта"[26]. Видимо, по этой причине, как подчеркнуто в специальном исследовании о ФБР, "хотя и выражался скептицизм в отношении ФБР из-за того, что оно не сумело своевременно узнать и предупредить военных о японском нападении на

Пёрл-Харбор, правительственные расследования не поставили этого в вину ФБР"[27].

Коль скоро политический сыск был умышленно выведен из игры, Вашингтон не затруднялся объяснять что-либо подробно контрразведчикам вооруженных сил. 25 июля 1941 г. военный министр приказал им не принимать никаких мер против японской агентуры на Гавайях, а ограничиться предупреждением. Летом и осенью 1941 года один из комитетов палаты представителей объявил о намерении расследовать японскую подрывную работу в США, а сенаторы Г. Жиллет и Э. Джонсон 2 октября 1941 г. внесли резолюции с тем же предложением, особо выделив "деятельность японских консульских представителей на Гавайях"[28]. Президент и государственный секретарь, разумеется, не могли поступить так, как с военными, — приказать и все тут. Но вежливые увещевания Белого дома и госдепартамента, конгрессменов и сенаторов имели тот же эффект — расследования не состоялись. Почему? Об этом дальше.

Профессор Г. Прандж, очень подробно рассмотрев все "за" и "против", заключил: "Закрытие японского генерального консульства в Гонолулу могло бы перевести идею нанесения удара по Тихоокеанскому флоту США в Пёрл-Харборе из реальной жизни в область фантазии, откуда Ямамото извлек ее... Прекращение поступления информации из главного источника на Гавайях наверняка бы укрепило сопротивление главного морского штаба операции, и Ямамото было бы отказано в ее проведении. Больше того, сам Ямамото мог бы остановиться, если бы ему пришлось полагаться на случай, а не на твердые разведывательные данные о том, что он найдет флот Киммеля в Пёрл-Харборе"[29]. По высшим соображениям все описанное не было сделано, посему на Гавайских островах расцвел самый банальный японский шпионаж. Пожалуй, даже по рецептам дрянных детективов.

Поздней весной 1941 года японский министр иностранных дел по поручению военно-морской разведки сменил руководителей генерального консульства. Генеральным консулом был назначен Нагао Кита, вице-консулом — офицер флота 28-летний Такео Есикава, прибывший на Гавайские острова с дипломатическим паспортом на имя Моримура. Кита участвовал в войне в Китае. Он был переведен на Гавайские острова из Гуанчжоу (Кантона), где тесно сотрудничал с военно-морской разведкой. В задачу вице-консула Моримура входил сбор оперативной информации для командования японского флота.

В статье, написанной Есикава в конце 1960 года для ведущего органа американских ВМС "Юнайтед стейтс нейвл инсти-

тьют просидингс", через 19 лет, он впервые рассказал о своей разведывательной работе. Автор утверждал, что был "единственным" японскнм агентом на Гавайских островах. Не отрнцая его значительной ролн в зтом, все же следует заметить, что он не имел такого мандата в столь деликатной сфере. Громадное количество ииформации, отправлеиное в Японию во второй половиие 1941 года, не могло быть делом рук одного человека[30].

Есикава передвигался по острову без каких-лнбо ограничений. Во время ежедневных прогулок от Пёрл-сити до оконечности полуострова он обозревал аэродром на островке Форд в центре гаванн н стоянку линейных кораблей. Есикава бродил по окрестностям базы, взбирался на гору Танталус, откуда наблюдал за входом и выходом кораблей в море. Иной раз он брал напрокат самолет в аэропорту Джон Роджерс н совершал приятные н полезные полеты для изучения аэродромов. Но наиболее удобным «и, я бы сказал, наиболее приятным был, конечно, расположенный на возвышенности японский ресторан "Сунте Ро"», — вспомиал Есикава. Там предприимчнвый японский вице-консул забирался в маленькую комнату, располагался на рнсовых матах н, по его словам, вел прнстойные беседы с гейшей, прерывая их время от временн разглядываннем Пёрл-Харбора. В комнате была сильная подзорная труба, а Есикава недаром называлн ходячей знциклопедией американского флота — он мгновенно опознавал любой корабль.

Идиллическая шпионская обстановка: за окном гавань, флот как на ладони. Есикава имел возможность не только определять дислокацию кораблей, но н следить за тем, что на них пронсходит. "Гейша, которая до моего появления обычно развлекала амернканских военнослужащих, иногда также оказывалась нсточником некоторых сведений, разумеется, без малейшего поощрения, а тем более принуждения с моей стороны, нбо полагаться на женщину было бы рнскованно". А Есикава, многоопытный разведчик, не желал подвергать опасностн бесценный нсточник информации, каковым он счнтал себя.

Американскне контрразведчикн так н не выяснилн, что Моримура-Есикава был звездой шпионских дел генконсульства. Впрочем, он сумел ввестн в заблуждение даже сослуживцев. Часто пьяный, вечно с женщинами, н разными, даже периодическн оскорбляющий Кита н сверх того отъявленный лодырь н щеголь, он никак не походил на разведчнка[31], а скорее выглядел отпрыском богатой семьи, отправившей его в земной рай Гавайев проветрнться. На деле с каждым месяцем качество

его донесений третьему управлению улучшалось. Он довольно скоро установил и документировал пагубный образ действий американских адмиралов — собирать в субботу и воскресенье основные корабли флота в Пёрл-Харбор. Внимательно наблюдая за американскими аэродромами ("гуляке" для этого приходилось вставать на рассвете), Есикава установил, что патрульная авиация практически игнорирует северные подходы к Гавайям.

В своей работе Есикава опирался на считанных помощников и, по всей вероятности, не использовал местных японцев. Он высокомерно разъяснил сообщникам, что низкий уровень образования соотечественников-островитян перечеркивает расовые преимущества. Они "не подходят к работе", а большинство из них "просто мусор". Он был уверен, что на Гавайях должна быть тайная шпионская сеть, независимая и неизвестная генконсульству, "работающая по прямым указаниям Токио", но не имел о ней представления[32]. Ничего по этому поводу не смогли сообщить и американские исследователи Пёрл-Харбора.

С осени 1941 года Токио становится все более требовательным, от генерального консульства ждут детальной информации. 24 сентября в консульство поступает совершенно секретное указание, подписанное министром иностранных дел адмиралом Тоёда. Кита и Есикава вменяется в обязанность условно разделить гавань Пёрл-Харбор на пять подрайонов и сообщать о наличии в каждом из них кораблей. "Мы бы хотели, чтобы вы сообщали о каждом случае, когда два или больше кораблей стоят у одного пирса"[33], — многозначительно добавлял Тоёда. Указание Токио принято к исполнению. Вслед за телеграммой от 24 сентября 1941 г. министр иностранных дел Японии требовал от генерального консульства все новой и новой информации. Как и принято в упорядоченной дипломатической практике, министерство иностранных дел являлось лишь передаточной инстанцией между руководством разведки и агентами. 15 ноября генеральному консульству вменяется в обязанность сообщать о расположении кораблей в гавани регулярно, не реже двух раз в неделю.

С середины лета 1941 года пароходное сообщение между США и Японией было фактически прервано. Но главный морской штаб добился, чтобы МИД Японии договорился с Вашингтоном о приеме хотя бы нескольких судов в США. По осени стороны сообщили: американские порты посетят три судна из Японии. 22 октября на Гавайские острова из Йокогамы вышел японский лайнер "Тайе-Мару". Стюардом на корабле был Сугуру Сузуки, самый молодой, 34-летний, капитан-

лейтенант японского флота. Хотя третье управление не имело причин жаловаться на информацию Кита и Есикава, главный морской штаб провел последнюю проверку. Судно пошло курсом, по которому через месяц с небольшим должен был следовать 1-й воздушный флот Нагумо. Вместе с Сузуки ехали еще двое ряженых – офицеры императорского флота, направлявшиеся с визитом на Гавайи в интересах подводных сил. В пути троица была занята до предела: наблюдение за горизонтом, видимость, волнение, сила и направление ветра и т. д. Капитан так проложил курс, что рассвет 1 ноября застал судно в 200 милях севернее Оаху. Вскоре Сузуки увидел американский патрульный самолет. Итак, граница патрулирования, и крайне небрежного, – 200 миль от Оаху.

"Тайе-Мару" пришвартовывалась в гавани Гонолулу в субботу. С утра в воскресенье Сузуки проверил донесения генконсульства о поведении офицеров и матросов американского флота в день отдыха. Все сошлось, никакой боевой готовности. В воздухе не видно патрульных самолетов.

Сузуки сделал надлежащие выводы из увиденного через иллюминаторы каюты. Пирс оцеплен, множество американских агентов – из ФБР, армейской контрразведки, контрразведчики 14-го военно-морского округа; таможни цепко следили за каждым шагом экипажа и немногих "пассажиров". Сузуки счел за благо не сходить на берег, а приглашал одного Кита на судно. Кита запретил Есикава появляться даже вблизи гавани, юбочник утроил в эти дни свои похождения на виду зорких из американских спецслужб. А Сузуки был по горло занят, пока "Тайе-Мару" стояло в порту. Подтвердилось, что американский флот не использует больше якорной стоянки у Лахаина. При встрече Кита был передан вопросник, насчитывающий 100 пунктов. Кита и Есикава постарались оказаться на высоте. К ответам были приложены карты, схемы, то есть все, что нужно для удара с воздуха. С утренней до вечерней зари Сузуки следил за американскими самолетами. Эти наблюдения пополнили сведения генконсульства, доставлявшиеся на судно иногда в объемистых пакетах, особенно карты. Сверхбдительные американские агенты, обыскивавшие у трапа считанных пассажиров судна, сходивших на берег и возвращавшихся на "Тайе-Мару", ничего не обнаружили. 5 ноября шпионское судно ушло в Японию, еще раз проверив предстоявший маршрут соединения Нагумо. Уже на борту "Тайе-Мару" на обратном пути в Японию Сузуки сравнил свои записи с заметками обоих коллег. Все трое остались удовлетворенными.

Утром 17 иоября "Тайе-Мару" вернулось в Японию. Тачибана сердечно встретил разведчиков и обрадовал: в этот же деиь оии должны доложить об увиденном главиому морскому штабу. Днем Сузуки предстал перед блистательным собранием адмиралов во главе с Нагано. Он заверил, что обстоятельства для рейда к Гавайям благоприятны. Вежливые вопросы, ответы с показом деталей иа картах, подготовленных Есикава. Нагано помалкивал, время от времеин подремывал в кресле. На следующий деиь Сузуки иаправили к адмиралу Нагумо — просветить штаб 1-го воздушного флота об обстановке в Пёрл-Харборе.

29 иоября Токио инструктирует геикоисульство в Гоиолулу: "Мы получали от вас сообщеиия о передвижеиии кораблей, отныне доиосите даже тогда, когда корабли стоят на месте"[34]. И эта информация стала немедленно отправляться из Гоиолулу. 2 декабря Токио, приказав уничтожить все шифры, за исключеиием относительио простых "о" и "л", предписывает: "Ввиду нынешней обстановки чрезвычайно важно зиать о иаличии в гаваии военных кораблей, авианосцев, крейсеров. Отныне, ие щадя никаких усилий, докладывайте ежедневио. В каждом доиесеиии сообщайте, есть ли аэростаты заграждеиия над Пёрл-Харбором, имеются ли призиаки, что их будут поднимать. Также сообщите, установлеиы ли иа кораблях противоторпедные сети". Геикоисульство скрупулезио выполнило приказ.

Помимо ежедневных сообщеиий 6 декабря Кита передал простым шифром целый иаучный трактат: "1. В октябре иа Американском коитииеите в Кэмп-Дэвиде, штат Калифориия, армия приступила к подготовке солдат для работы с аэростатами воздушного заграждения. Заказано 400–500 аэростатов, есть основание полагать, что оии будут использованы для защиты Гавайских островов и Паиамского канала. Что касается Гавайских островов, то в результате самого тщательиого изучеиия окрестностей Пёрл-Харбора выясиеио: установок для подъема их в воздух иет, солдат для службы в таких частях ие отбирали. Более того, подготовка к использованию аэростатов не ведется. Нет иикаких призиаков, что на острова доставлеиы аэростаты. Едва ли оии есть в иаличии. Однако, если бы и была проведена соответствующая подготовка, а американцам иужна защита с воздуха акваторин Пёрл-Харбора и близлежащих аэродромов — Хикэм, Форд и Эва, возможности создания такого рода защиты в Пёрл-Харборе ограиичеиы. Я считаю, что представляется очень благоприятная возможность для виезапного удара по всем этим объектам. 2. По моему мнению, линкоры ие осиащеиы противоторпедными сетями. Подробиости иеизвестны. Я со-

общу о результатах изучения зтого вопроса"[35]. Надо ли говорить, что готовил депешу Есикава н ему предстояло продолжать "изучать этот вопрос".

Хотя в генконсульстве не моглн знать о том, что Пёрл-Харбор избран как объект для нападения, о том, когда последует удар, содержание инструкций было совершенно ясным. И Кита решился дать совет, предлагая не упустить благоприятную возможность. Иными словами, он дал понять, что разгадал цель бесчисленных запросов нз Токио. Для разведчика шаг рискованный.

Адмирал Киммель и генерал Шорт на посту

В то время как в Вашингтоне считали, что Гавайи — несокрушимый форпост США на Тихом океане, командующих на месте давно не на шутку тревожила безопасность кораблей на отдаленных островах. С января 1940 года Тихоокеанским флотом командовал адмирал Дж. Ричардсон, принявший дела у адмирала К. Блоха, который в 62 года остался комендантом 14-го военно-морского округа — Гавайских островов с прилегающими водами. Очень известные в США флотоводцы, но коль скоро К. Блоха непреодолимо клонило ко сну на работе, Дж. Ричардсон взял на себя объяснения с Вашингтоном.

Когда в мае 1940 года правительство решило оставить Тихоокеанский флот в Пёрл-Харборе, адмирал Дж. Ричардсон обратился за разъяснениями к главнокомандующему ВМС США адмиралу Г. Старку. В ряде официальных н неофициальных документов он выразил мнение, что базирование флота в Пёрл-Харборе подрывает его боеготовность. В гавани нет необходимых средств для обслуживания такого числа кораблей, фактически невозможна мобилизация флота в случае необходимости.

В большой докладной записке Г. Старку 22 июня Дж. Ричардсон настаивал, что если "руководствоваться только соображениями военно-морского дела", то корабли следует отвести на базы западного побережья Америки. В заключение Дж. Ричардсон задавал риторический вопрос: "Другими словами, что более важно: поддержать дипломатические представления на Тихом океане, базируя флот на Гавайских островах, или облегчить его подготовку для ведения боевых действий в любом районе, базируя большинство кораблей на обычных базах западного побережья?" Г. Старк разделял настроение Дж. Ричардсона. Он попытался переговорить с Ф. Рузвельтом. "Несколько раз, —

рассказывал после войны Г. Старк, — я спрашивал президента, какую роль суждено играть нашему флоту, если Япония нападет на британские владения. Он просто не отвечал, а как-то сказал: "Не задавайте мне таких вопросов". Не думаю, чтобы он мог на них ответить".

В октябре 1940 года Дж. Ричардсон приехал в Вашингтон и добился приема у президента. Он был преисполнен решимости убедить Ф. Рузвельта отозвать флот с Гавайских островов. Военные доводы адмирала не произвели впечатления на Ф. Рузвельта. Он объяснил Дж. Ричардсону, что флот находится на Гавайских островах для оказания сдерживающего влияния на Японию. На вопрос, собираются ли США вступить в войну, президент ответил, что в случае японского нападения на Таиланд, английские или голландские владения Соединенные Штаты не поднимут оружия. Он даже сомневался, что США объявят войну, если японцы вторгнутся на Филиппины. Однако, заметил Ф. Рузвельт, "японцы не могут всегда избегать ошибок, и по мере развития войны и расширения масштабов военных действий рано или поздно они совершат ошибку и мы вступим в войну"[36]. Объяснения были весьма туманными.

Дж. Ричардсон неосмотрительно заявил президенту, что он не убежден и по-прежнему настаивает на возвращении флота с Гавайских островов к берегам Америки. Больше того, адмирал затронул и политический вопрос, указав, что флот на Гавайях не оказывает сдерживающего влияния на Японию. Только в том случае, если корабли будут находиться на обычных базах, где можно без помех провести мобилизацию, в Токио поймут, что США имеют серьезные намерения. Он резко подытожил беседу: "Г-н президент, я должен заявить вам, что высшие офицеры флота не доверяют гражданскому руководству нашей страны, а без этого нельзя успешно вести войну на Тихом океане". Потом, много позже, он припоминал, что Рузвельт с выражением болезненного удивления произнес: "Джо, ты так ничего и не понял"[37].

Ослепленный только флотскими интересами, Дж. Ричардсон не сообразил, что выбрал не лучшее время для схватки с президентом. Ф. Рузвельт вел трудную избирательную кампанию, через месяц ему предстояло в третий раз просить избирателей подтвердить его пребывание в Белом доме. Радея за любимый флот, Дж. Ричардсон определенно нарушил принцип принципов ведения государственных дел в США: он, военный моряк, вторгся в политику. Развязка не заставила долго ждать. 12 января 1941 г. Дж. Ричардсон был снят с поста. Морской министр Ф. Нокс лаконично объяснил адмиралу: "Во время беседы вы обидели

президента". Дж. Ричардсон прокомандовал 13 месяцев вместо обычных двух лет, установленных для пребывания в этой должности.

1 февраля 1941 г. в командование американским Тихоокеанским флотом вступил адмирал Хасбенд Киммель. Он происходил из семьи, в которой мужчины служили в армии со времен Войны за независимость США 1775–1783 годов. Х. Киммель не смог поступить в Вест-Пойнт и стать офицером армии, пришлось изменить традиции семьи: в 1900 году он был принят в военно-морское училище в Аннаполисе. Еще кадетом он зарекомендовал себя исполнительным, преданным делу службистом. В ежегоднике училища за 1904 год — год окончания его Киммелем — помещались по традиции очерки обо всех выпускниках, обязательно с эпиграфом. Очерк о Киммеле предваряло замечание Тургенева об одном из своих литературных героев: у него был вид собственной статуи, поставленной на средства, собранные по национальной подписке[38]. Да, то был год 1904 — год нападения Японии на Порт-Артур. И в этом же году в Японии окончил училище Ямамото.

Киммель прошел обычную школу американского морского офицера: участвовал в "умиротворении" Кубы, высаживался во время интервенции США в Мексике. После первой мировой войны Х. Киммель последовательно занимал многие важные посты. Когда стало известно о его высоком назначении, некоторые вспоминали о полузабытом эпизоде: в бытность Ф. Рузвельта в 1913–1920 годах заместителем морского министра Киммель какое-то время являлся временным помощником будущего президента. Однако Х. Киммель не был слишком близок к Ф. Рузвельту, он стал командующим в обход 32 адмиралов главным образом благодаря собственным заслугам. Его преданность делу была общеизвестна на флоте, а желание делать все за всех вошло в поговорку. По современной терминологии — работоголик.

Моряк до мозга костей, Х. Киммель ревностно отстаивал традиции флота. Когда в канун войны для моряков была введена форма цвета хаки, Х. Киммель с очевидным консерватизмом заметил: "Эта форма умаляет достоинство и воинский вид". Адмирал был известен на флоте тем, что не терпел дураков. При острых объяснениях в головы подчиненных, медливших с ответом или отвечавших невпопад, летели увесистые книги: Киммель, запойный чтец, всегда имел их в достатке под рукой. На палубе разъяренный адмирал в припадках ярости срывал и топтал форменную фуражку, изрыгая немыслимые ругательства. На этот случай вестовые держали запас старых фуражек,

которые подбрасывалн по мере надобности под ногн адмиралу во гневе. Но, как нн странно, подчиненные не таили зла, все знали: адмирал Х. Кнммель – отличный моряк.

Приказ о назначении он получил на Гавайских островах, где командовал зскадрой крейсеров. Х. Киммель немедленно отправился на квартнру своего предшественника Дж. Ричардсона и заявил, что не видит оснований для снятия его с поста, а также заверил, что сам не прилагал ннкаких усилий, чтобы получить высокое назначение. Профессиональная зтика была соблюдена.

Х. Кнммель возглавил флот почтн в 59 лет н по зтой причине, а также чтобы полностью отдаться службе отправил жену в США. Он крепко запомнил урок, преподанный Дж. Ричардсону, н не говорил о необходимостн отвестн флот с Гавайских островов, а посвятил свою деятельность поднятию боеготовности. Прн существовавшей снстеме ответственностн за оборону дело отнюдь не простое.

За оборону с моря отвечал 14-й военно-морской округ, а то, что адмирал К. Блох в прошлом был начальником Х. Кнммеля, не способствовало установлению между нимн сердечных отношений. Флоту полагалось оборонять только собственные кораблн, а защита Пёрл-Харбора возлагалась на армию, в распоряжении которой былн самолеты, батарен береговой н зенитной артиллерии. Гарнизоном Гавайских островов, насчитывавшим на 7 декабря 1941 г. 2490 офицеров н 40469 солдат, командовал генерал Уолтер Шорт, назначенный через несколько дней после Киммеля – 4 февраля 1941 г. Он принял дела на Гавайях в 60 лет, пройдя нелегкий путь армейского офицера – служба в захолустных гарнизонах н прозябание в штабах. Видимо, Шорт, хотя теперь и генерал-лейтенант, не нзменил прнвычке, вбитой почтн сорокалетней службой, – нужно подчнняться н помалкивать. Начальству виднее. Он единственный видный участник драмы 7 декабря 1941 г., который не оставил после себя никаких следов, приметных для нсторнков.

Незадолго до войны на Гавайях побывал командующий ВВС США генерал Х. Арнольд. Он осмотрел аэродромы на Оаху, видимо, как подобает начальнику, дал ценные указания подчиненным и, очень вероятно, до конца нспользовал гостеприимство местного генералитета. В послевоенных мемуарах Арнольд внес свою лепту в дискуссию о Пёрл-Харборе: "По возвращении в Вашингтон газетчикн процитировали мое утверждение, что, с моей точкн зрения, нет более заманчивой задачн, как ударить с воздуха по Пёрл-Харбору, по всем этим кораблям, стоящим на якорях. Сказал ли я зто или нет – несущественно, но цель была мечтой любого пилота – другого такого скопления кораб-

лей трудно было сыскать. Хуже было другое, о чем я не мог сказать публично: отсутствие единства командования на Гавайях. Здесь порочная идея о том, что "береговая линия разделяет ответственность армии и флота", была продемонстрирована с максимальной силой. А раз не было единого командования, то и не было единой обороны"[39]. Очень логично и убедительно, только генералу следовало бы сообщить это кому ведать надлежало в то время, а не резервировать суждение за мемуарами, вышедшими в 1949 году.

В 30-е годы на маневрах американского флота была выявлена уязвимость Пёрл-Харбора для удара самолетов с авианосцев. Расчеты показывали, что ударное вражеское соединение, которое к вечеру дня накануне нападения находится в 600–900 милях от острова Оаху, за ночь может сделать стремительный рывок и на рассвете поднять самолеты с авианосцев на расстоянии 275–300 миль от Пёрл-Харбора. Именно такое расстояние требовалось для того, чтобы самолеты с тогдашним радиусом действия могли совершить налет и вернуться на авианосцы. Исходя из этих подсчетов, для ведения разведки на 800 миль на 360°, как требовало островное положение Пёрл-Харбора, командующие на Гавайских островах заключили, что необходимо иметь 250 самолетов.

В докладе Мартина – Беллинджера (соответственно командующие ВВС армии и флота на Гавайях), направленном в апреле 1941 года в Вашингтон, они предупреждали, что "наиболее вероятное и опасное нападение на Оаху – атака с воздуха". Они требовали введения дневного патрулирования на 360° на расстоянии 800 миль и подтвердили, что для этого нужно по крайней мере 250 самолетов, предпочтительно летающих лодок "Каталина" с большим радиусом действия.

Доклад Мартина – Беллинджера, составленный по приказу Киммеля, в Вашингтоне нашли прекрасным, горячо одобрили, обещали помочь самолетами. Только на 7 декабря 1941 г. на Гавайях для патрулирования было 6 бомбардировщиков Б-17 армии и 81 летающая лодка "Каталина". Они покрывали 144°, вне оставалось 60 процентов зоны, которую по идее нужно было бы патрулировать. Но какие секторы избрать?

Примерно в 1500 милях к югу от Гавайев лежат острова Пальмира, Рождества и Виктория, в 500 милях к юго-западу остров Джонстон, а в 1500 милях от этого острова находился самый восточный бастион Японии – Маршалловы острова. В 2000 милях прямо на запад – американский форпост остров Уэйк, в 1500 милях к северо-западу – остров Мидуэй. На север простирается океан вплоть до побережья Аляски и Алеутских островов. Южные, западные и даже северо-западные подступы к

Гавайям, следовательио, по большей части прикрывались островами, принадлежавшими США. Но в зтих районах, особенно на юго-западе, таилась угроза: здесь наименьшее расстояние отделяло Гавайи от японских владеий. По подсчетам штаба Киммеля, от японской базы на острова Джалуит в восточной группе Маршалловых островов для быстроходного японского ударного соединения всего пять суток хода. Следовательио, сюда основное внимание!

Если представить Гавайи центром циферблата часов, то патрулировались секторы с 6 до 11 часов. Просматривалась, конечно, обширная зона — в неделю, предшествовавшую 7 декабря 1941 г., американские самолеты осмотрели 2 млн. кв. миль океана, не обнаружив ни одного японского военного корабля. Э. Лейтон нашел: "Решенне оставить сектор в направлении 12 часов вне патрулирования было рассчитанным риском, на который пошли профессионалы, офицеры флота, на основании самой достоверной информации, имевшейся у них. К сожалению, японцы либо догадались о нашем затруднительном положении, либо сознательно воспользовались им, ибо они нанесли удар с севера — из района, который не разведывался с воздуха"[40].

В зто время новинкой военной техники была радиолокация. После настоятельных просьб генерала У. Шорта 3 июня 1941 г. на Гавайи прислали три стационарные радиолокационные установки, а 1 августа — шесть передвижных. На 7 декабря действовали пять передвижных установок, помещенных на грузовиках, стационарные не были смонтированы — металлические опоры под них так и не поступили из США. Попытка поместить одну радиолокационную установку на горе Калеакала встретила яростное сопротивление службы национальных парков министерства внутренних дел США. Обращение У. Шорта к начальнику штаба армии генералу Дж. Маршаллу не очень помогло делу. Дж. Маршалл разъяснил, что служба парков заинтересована в сохранении земель, находящихся в ее ведении, и высказывается против постройки любых объектов, "которые существенным образом изменяют естественный вид резервации".

До 7 декабря У. Шорт представил в военное министерство сметы на общую сумму 23 млн. долл. для сооружения аэродромов, позиций для батарей, улучшения дорог и т.д. Ассигновано 350 тыс. долл. — 1,5 процента просимой суммы. Обращения в Вашингтон усилить противовоздушную оборону острова в основном остались без последствий. На 7 декабря вместо необходимых 96 трехдюймовых зенитных орудий было 82, 37-миллиметровых орудий соответственно 135, а в наличии 20, крупнокалиберных пулеметов — 309, в наличии 109. Учитывая слабость противовоздушной обороны острова Оаху, Х. Киммель отдал

приказ о подчинении зенитной артиллерии флота командованию 14-го военного-морского округа.

Среди командования флота все же высказывались опасения, что корабли в Пёрл-Харборе могут быть атакованы самолетами-торпедоносцами. Такое мнение существовало и в штабах на Гавайских островах. Чтобы положить конец толкам, Г. Старк 15 февраля 1941 г. направил специальное разъяснение Х. Киммелю. "Вопрос об установке противоторпедных сетей в гавани Пёрл-Харбор для защиты от удара с воздуха рассмотрен. При небольших глубинах в гавани это излишне. Кроме того, теснота гавани и необходимость иметь место для маневрирования кораблей ограничивают возможность использования сетей имеющегося типа... Для успешного сбрасывания торпед с самолетов нужна минимально глубина воды 25 *м*, а желательна 50 *м*"[41].

В морском министерстве игнорировали сообщение о том, что в Англии весной 1941 года успешно испытаны торпеды на глубинах 14 *м*. А о работе Гэнда никто, понятно, и не подозревал. Получив из Вашингтона авторитетное заключение морского министерства, штаб Х. Киммеля полностью исключил возможность атаки торпедоносцев. Никаких мер защиты принято не было.

Эти, пусть жизненно важные, вопросы для Пёрл-Харбора тускнели по сравнению с последствиями для флота Киммеля, которые влекли за собой попытки Вашингтона быть сильным на обоих океанах – Атлантическом и Тихом – с тогдашним американским флотом одного океана. В апреле Киммелю от имени президента предписали начать переброску кораблей в Атлантику. 21 апреля ушел авианосец "Йорктаун" с эскортом эсминцев. Государственный секретарь К. Хэлл попытался воспротивиться ослаблению Тихоокеанского флота, ибо это поощрит Японию к агрессии. Против него единым фронтом выступили министры Г. Стимсон и Ф. Нокс, генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк. Стимсон коротко сформулировал их возражения: Хэлл "обрекает флот на бездействие на Тихом океане, где, как хорошо известно, мы не собираемся активно использовать его против японцев, и не дает возможности сыграть ему подлинную роль на основном театре военных действий"[42].

Но если Токио, ободренный уходом американских кораблей с Тихого океана, обратит свою агрессию против владений США – скажем, тех же Гавайев? 24 апреля Стимсон разъяснил Рузвельту в Белом доме, что острова неприступны независимо от того, базируется ли флот в Пёрл-Харборе или нет. Он вручил президенту докладную записку, подписанную генералом Дж. Маршаллом. В документе ясно чувствуется раздражение профессионала, которому приходится иметь дело с полузнайками.

Докладная открывалась в высшей степени претенциозно: "Остров Оаху благодаря своим укреплениям, гарнизону, природным характеристикам считается сильнейшей крепостью в мире. Для захвата Оаху врагу придется доставить экспедиционные силы, способные с боем высадиться перед лицом гарнизона, насчитывающего почти 35 000 человек, имеющего 127 орудий береговой обороны, 211 единиц зенитных средств и более 3000 полевых орудий и пулеметов для защиты побережья. Без господства в воздухе это невыполнимая задача". Если же враг все же попытается совершить рейд против Гавайских островов, объяснял Дж. Маршалл президенту, "неприятельские авианосцы, эскортные корабли и транспорты начнут подвергаться бомбардировке с воздуха уже на расстоянии 750 миль. Это воздействие с воздуха будет все усиливаться, пока в 200 милях от цели вражеские корабли не окажутся под огнем всех видов наших самолетов... 35 самых современных "летающих крепостей" (Б-17. – *Н. Я.*), 35 средних бомбардировщиков, 13 легких бомбардировщиков, 150 истребителей, 105 из которых новейших образцов... В этих условиях нападение на Оаху просто невозможно. Поэтому если и стоит чего-нибудь опасаться, то только диверсий на самих Гавайских островах"[43].

Надо думать, президент и его ближайшие соратники поздравили друг друга с тем, что США имеют такой несокрушимый бастион. Х. Киммелю пошел четкий приказ снарядить в путь и отправить в Атлантику линкоры "Миссисипи", "Айдахо", "Нью-Мексико". 19–22 мая в глубокой тайне они ушли из Пёрл-Харбора. Всего Х. Киммель лишился 3 линкоров, авианосца, 4 легких крейсеров, 17 эсминцев, 10 вспомогательных судов, 3 танкеров, 3 транспортов, то есть примерно четверти своего флота. Или, скажем по-другому, больше кораблей, чем удалось потопить японцам 7 декабря 1941 г. в Пёрл-Харборе.

Х. Киммель неоднократно настойчиво просил Вашингтон систематически информировать его штаб о всех важнейших политических событиях, с тем чтобы в случае опасности войны можно было принять надлежащие меры. Ему были даны официальные заверения, что на Гавайские острова будет передана "соответствующая информация об иностранных державах, их политике и деятельности нелояльных элементов в США". В день вступления Х. Киммеля в должность Г. Старк, ссылаясь на донесение американского посла в Японии Дж. Грю от 27 января 1941 г., сообщил: "Перуанский посланник рассказал сотруднику американского посольства, что он узнал из многих источников, включая один японский, – в случае конфликта между США и Японией японцы намереваются совершить вне-

запное нападенне на Пёрл-Харбор, используя все свои силы н средства. Перуанский посланник считает, что слухн зтн носят фантастический характер. Тем не менее он полагает, что они заслуживают того, чтобы довестн их до сведения моего посольства". Комментируя донесенне Дж. Грю, Г. Старк добавил: "Военно-морская разведка совершенно не верит зтим слухам. Больше того, учитывая известные сведения о нынешней дислокации и использовании японского флота и армии, очевидно, что против Пёрл-Харбора не будет предпринято ннкаких действий в ближайшее время н не планируется в обозрнмом будущем"[44]. Эта оценка в последующем не нзменилась.

Отправка четверти Тихоокеанского флота в апреле–мае в Атлантику куда лучше, чем любые разъяснения Вашингтона, раскрывала командующим на Гавайях, как правнтельство оценивает международную обстановку. В штабе Киммеля не строили никаких иллюзий по поводу того, что уход зтих зскадр останется тайной для потенциального противника. Штабные офицеры, конечно, понятия не имели о Есикава, но прекрасно помнили о японском консульстве в Панаме н не сомневались, что во время прохождения через Панамский канал кораблн были тщательно пересчитаны. Тут пошлн слухн, что вслед за отправкой зтих кораблей ("поцелуем смерти" именовал ее начальник штаба Тихоокеанского флота адмирал В. Смит) последуют новые. Тут взволновался уже Г. Старк н вызвал Х. Киммеля в Вашингтон объясниться с президентом.

9 июня 1941 г. в Белом доме Рузвельт принял Киммеля. Состоялась очень вежлнвая, пожалуй, даже светская беседа. Президент доверился адмиралу: США ведут тайные переговоры с некими японскимн представителямн (не названы) н другими заинтересованнымн лицамн (также не названы), что обеспечит мир на Тихом океане "на сто лет". Внимательно слушавший адмирал отметил про себя, что собеседник сооружал прекрасные воздушные замки. Без перехода Рузвельт осведомился у Киммеля, как он относится к идее Нокса — взять с Тихого океана еще 3 линкора, оставшихся 6 с лихвой хватит. "Безумне!" — вскричал адмирал. "Так н я думаю. Я сказал Ноксу: это глупо", — заверил Рузвельт. Адмирал, взвешивая каждое слово, заметил, что, "хотя дело высших инстанций решать", лично он "убежден — любое новое сокращенне флота явится приглашением Японин начать войну". Рузвельт согласился н ускользнул от каких-лнбо объяснений[45]. Киммель ушел нз Овального кабинета, возобновив представленне о Рузвельте как приятном человеке н в полном недоуменин о дальнейшей политнке США. Все же он чувствовал себя победителем — по крайней мере удержал линкоры.

На протяжении 1941 года командующим на Гавайских островах много раз сообщалось о намерениях потенциального противника — Японии. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня в информационных документах из Вашингтона возможность японо-советской войны неизменно занимает первое место. Уже 3 июля Г. Старк указывает в письме Х. Киммелю: "Японское правительство вынесло решение о своей будущей политике, которое поддерживается всеми основными японскими политическими и военными группами. Эта политика, по-видимому, имеет в виду войну в ближайшем будущем. Движение против английских и голландских владений нельзя полностью исключить". Однако Г. Старк подчеркивал, что "основные усилия Японии будут направлены против приморских провинций России"[46]. Аналогичные оценки постоянно повторялись в последующем вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор. Сообщения из Вашингтона подкреплялись другими сведениями. Всего до 7 декабря 1941 г. начальник разведки Тихоокеанского флота Лейтон получил, "по-видимому, пятьдесят (разрядка моя. — *Н. Я.*) предупреждений из китайских источников, дипломатических источников.., от консулов, помощников военных атташе, представителей Чан Кайши о том, что японцы, вне всякого сомнения, уже на следующей неделе нападут на Россию". Лейтон аккуратно докладывал все эти материалы Киммелю[47].

Это не могло не успокоить американских командующих на Гавайских островах, они перестали сокрушаться по поводу кораблей, ушедших в Атлантику. Им также было известно, что в Вашингтоне происходят секретные американо-японские дипломатические переговоры. Хотя о содержании их командование на Гавайских островах могло только гадать, Х. Киммель и У. Шорт понимали, что от исхода этих переговоров зависит, быть миру или войне между Соединенными Штатами и Японией. Они были уверены, что в случае разрыва переговоров правительство немедленно даст им соответствующие указания.

А пока жадно собирали слухи из всех источников. 29 октября Киммель воспользовался проездом через Гавайи журналиста Х. Абенда, который, объехав страны Южных морей, возвращался в США. Киммель отобедал с ним. Абенд рассказал адмиралу "самое главное": когда Япония нападет на СССР, Англия и голландская Восточная Индия объявят ей войну. Киммель уяснил из рассказов Абенда, что "самое вероятное направление японского авантюризма — поход на север". Выслушав все это, Киммель просит Старка сообщить: "Если японцы действительно пойдут на такую авантюру, а Британия и Голландская Индия

объявят им войну, что будем делать мы?"[48]. Вразумительного ответа, естественно, не последовало.

Только в самом конце ноября события начали нарастать. 27 ноября в штаб Х. Киммеля поступила срочная телеграмма Г. Старка. Она начиналась зловеще: "Это посланне следует рассматривать как предупреждение о войне. Переговоры с Японией, направленные на стабилизацию обстановки на Тихом океане, прекращены, н агрессивные действия Японии ожидаются в ближайшие днн", а именно вторжение на Филиппины, в Таиланд, Малайю или, возможно, высадка на Борнео. Х. Кнммелю поручалось начать подготовку к выполнению задач в соответствии с планом ВПЛ-46[49].

Этот план предусматривал, что с началом войны Тихоокеанский флот должен поддерживать действия США, Англии н Голландии на Дальнем Востоке путем отвлечения японских сил – корабли Тихоокеанского флота выдвигаются к подмандатным тогда Японии островам. В соответствии с определенным в плане Киммель приказал флоту "готовиться к захвату н установлению контроля над Каролинскими и Маршалловыми островами и созданию передовой базы флота на острове Трук"[50].

29 ноября Г. Старк в новой директиве разъяснил: "План ВПЛ-52 не будет применяться в Тихом океане н не будет здесь введен, за исключением подрайона юго-восточной части океана и Панамского канала. Не предпринимайте никаких наступательных действий, пока Япония не нападет"[51]. Сокращенне ВПЛ-52 означало план обороны Западного полушария силамн флота. По этому плану корабли имели право открывать огонь без предупреждения. Вероятио, это заметно запутало дело: с одной стороны, задача явно непосильная тогда для флота – вторгнуться в сильно укрепленные архипелаги, овладев Труком, о котором ходили слухн как о "Гнбралтаре Тихого океана", с дрўгой – не стрелять! Разведчнки и авиационные начальники на Гавайях решились рекомендовать рнскованный шаг: направнть с острова Уэйк специально переоборудованные бомбардировщикн Б-24. Они должны были на большой высоте пролететь над Маршалловымн островами, разведать все, особенно пронсходившее на таинственном Труке и вокруг него[52].

В свою очередь, У. Шорт получил 27 ноября указание от Дж. Маршалла: "Переговоры с Японней фактическн прекращены. Надежд на то, что японское правительство будет продолжать их, почтн нет. Хотя будущее поведенне Японии предсказать нельзя, в любой момент возможны враждебные действня. Еслн войны нельзя избежать – повторяю: нельзя избежать, – Соединенные Штаты хотят, чтобы Япония сделала первый шаг".

Армейскому штабу на Гавайских островах в связи с этим приказывалось вести разведку и принять другие меры, какие У. Шорт сочтет необходимыми. Но их следовало проводить так, чтобы "не создавать беспокойства — повторяю: не создавать беспокойства — среди гражданского населения и не раскрывать своих намерений".

После совещания с офицерами своего штаба и обмена мнениями с Х. Киммелем У. Шорт отдал приказ о предупреждении диверсий против армейских частей США на островах, о чем сообщил в Вашингтон. Поскольку оттуда не последовало никаких комментариев, командующие на Гавайских островах заключили, что большего от них и не требуется[53]. Они знали, что, если бы существовала непосредственная опасность для Гавайских островов, указания из Вашингтона носили бы совершенно иной характер.

Прибытие в начале декабря на Оаху первого бомбардировщика-разведчика Б-24 не могло не укрепить Киммеля и Шорта в убеждении, что Гавайям ничего не угрожает. Самолет прилетел с минимальным вооружением и без боеприпасов. Вот видите, удовлетворенно говорил Шорт, "военное министерство не рассматривает Гонолулу как объект возможного нападения, ибо считает большей опасностью для самолета везти груз боеприпасов, чем нападение на него японских истребителей". На аэродроме с энтузиазмом принялись довооружать Б-24: военное министерство категорически приказало, чтобы экипаж мог отбиться в случае нужды. В штабах Киммеля и Шорта ликовали: наконец Вашингтон санкционировал решительные меры — посылку над японской территорией разведчиков в тревожное, но все же невоенное время*.

Новые приказы из Вашингтона подтвердили, как им казалось, правоту этой оценки. 27 ноября Г. Старк приказал послать подкрепление с Гавайских островов — по 25 истребителей на острова Уэйк и Мидуэй. Были указаны и средства доставки — на авианосцах. В строю американского флота на Тихом океане в тот момент было два авианосца — "Энтерпрайз" и "Лексингтон", третий — "Саратога" — ремонтировался на базе западного побережья США. Х. Киммель не решился отправить авианосцы

* Так, 17 июня 1940 г. в связи с военной тревогой на Тихом океане штаб армии США отдал следующий приказ гарнизону на Гавайских островах: "Немедленно быть в полной боевой готовности на случай рейда через Тихий океан, но не создавать истерии, не возбуждать ненужного любопытства газет и вражеских агентов. Предлагаю состояние боевой готовности ввести под видом маневров. Сохраняйте ее до новых указаний". Такое положение на Гавайских островах сохранялось в течение месяца, пока не было отменено Вашингтоном.

без сильного эскорта. 28 ноября оперативное соединение адмирала В. Хэлси — "Энтерпрайз" в сопровождении трех тяжелых крейсеров и девяти эсминцев — покинуло Пёрл-Харбор. 4 декабря, доставив самолеты на остров Уэйк, соединение направилось к Гавайским островам.

5 декабря из Пёрл-Харбора вышло оперативное соединение под флагом адмирала Дж. Ньютона — "Лексингтон" с тремя тяжелыми крейсерами и пятью эсминцами, — чтобы перебросить самолеты на остров Мидуэй. Но, еще не достигнув Мидуэя, Ньютон получил приказ соединиться с оперативным соединением Хелси. Для выполнения различных задач в начале декабря Пёрл-Харбор покинули еще три тяжелых крейсера, около десятка эсминцев и семь подводных лодок[54].

После ухода оперативных соединений к 7 декабря 1941 г. в Пёрл-Харборе осталось немногим более половины Тихоокеанского флота. Однако, по тогдашним воззрениям на военно-морскую мощь, его основные ударные силы — восемь линейных кораблей — стояли в гавани. Всего в Пёрл-Харборе находилось 96 кораблей разных классов. На аэродромах Оаху значилось 227 военных самолетов армии, но многие из них устарели или находились в ремонте[55].

Впоследствии Х. Киммель писал: "Было приказано отослать от Гавайских островов авианосцы, которые являлись главным средством активной обороны флота от удара с воздуха. 27 ноября военное и морское министерства предложили, чтобы мы взяли с острова Оаху 50 процентов истребителей армейской авиации. Эти указания были отданы мне в тот же день, когда пришло так называемое "предупреждение о войне". В этих условиях ни один разумный человек не мог предположить, что "предупреждение о войне" имело целью предостеречь от нападения в районе Гавайских островов"[56].

Штаб Киммеля беспокоили частые смены позывных японского флота осенью 1941 года. С 16 ноября японские авианосцы окончательно "потерялись", разведка давала гадательные ответы об их местопребывании. 1 декабря адмирал приказал доложить дислокацию японского флота. 2 декабря Лейтон представил просимые сведения. Киммель с неудовольствием обнаружил, что в графе об авианосцах проставлено: "Воды метрополии?" "Вы так и не знаете, где они? — обрушился он на Лейтона. — Не хотите ли вы сказать, что они уже будут огибать Даймонд-Хед (мыс у входа в Пёрл-Харбор. — *Н.Я.*), а вы все еще не будете знать об этом!" Лейтон заверил командующего, что авианосцы, наверное, все же заметят пораньше[57].

Но приплывут ли они вообще? Этот вопрос Киммель в начале декабря решал, как вошло в привычку на Гавайях во второй половине 1941 года, в зависимости от судеб гитлеровского "блицкрига" против СССР. Как только вермахт забуксовал под ударами Красной Армии, в прессе Гонолулу косяком пошли оптимистические статьи. Как заметила еще 16 сентября ведущая газета Гонолулу "Стар бюллетен", все новые неудачи Гитлера в России служат свидетельством того, что нарушение мира на Тихом океане "менее вероятно, чем в 1940 году, когда Германия достигла вершины своих успехов".

Утром 6 декабря Киммель принял корреспондента газеты "Крисчен сайенс монитор" Дж. Хэрша. Адмирал, сославшись на только что полученное сообщение о переходе немцев к обороне на фронте под Москвой, с нескрываемым удовлетворением продолжил: "Это означает, что они отказались от захвата Москвы этой зимой. Это означает, что японцы не нападут на нас. Они достаточно разумны, чтобы не вести войну на два фронта. Если бы Москва пала, тогда бы они напали на нас, не опасаясь за свой тыл"[58]. Адмирал никак не мог расстаться с убеждением, что если уж суждено военному пожару охватить Дальний Восток и Тихий океан, то это будет война Японии против Советского Союза!

"Кит с мотором в корме!"

В ночь на 18 ноября из Куре в Японское море вышли пять подводных лодок. Едва покинув базу, они погрузились и продолжили путь под водой. Нужно было сохранить тайну: во Внутреннем море часто попадались суда. С них легко можно было бы различить необычные возвышения за рубками лодок — каждая несла сверхмалую подводную лодку. Через пролив Бунго вышли в открытый океан и взяли курс на Гавайские острова. Несмотря на то что вокруг на десятки миль простирались пустынные воды, лодки сохраняли строгие меры предосторожности: днем шли под водой, горбатыми призраками всплывали в темноте и так продолжали путь до рассвета. С первыми проблесками новой зари океан поглощал отряд.

В эти же дни еще два отряда — 11 подводных лодок — вышли из Иосука и направились к Гавайским островам. Четвертый отряд — 9 подводных лодок — покинул передовую базу на острове Кваджалейн, взяв курс также на Гавайи.

Пяти подводным лодкам-носителям была поставлена задача: к вечеру 6 декабря сосредоточиться у входа в Пёрл-Харбор

и по получении приказа о начале боевых действий спустить карликовые подводные лодки и атаковать американский флот. 20 остальных подводных лодок образовывали завесу вокруг Гавайских островов.

Угроза со стороны вражеских подводных лодок была постоянной темой штабных совещаний командования Тихоокеанского флота. По действовавшим тогда инструкциям подводные лодки надлежало атаковать в пределах трехмильной зоны обороны. Поскольку в 1941 году участились случаи установления гидроакустического контакта патрульными кораблями с неизвестными подводными лодками, 12 сентября Х. Киммель обратился за указаниями к Г. Старку: "Следует ли нам сбрасывать глубинные бомбы в случае установления контакта или ожидать нападения?" 23 сентября Г. Старк ответил: "Существующий приказ — не атаковать подозрительные подводные лодки, за исключением зоны обороны, — остается в силе. Если получены исчерпывающие — я повторяю: исчерпывающие — доказательства того, что японские подводные лодки находятся на территории (имеются в виду территориальные воды. — *Н. Я.*) или вблизи территории США, тогда нашим следующим шагом будет серьезное предупреждение и угроза применения силы против таких подводных лодок"[59]. До 7 декабря никаких новых указаний из Вашингтона по этому вопросу не поступало.

В начале декабря японские подводные лодки, окружив Гавайи гигантским кольцом, постепенно стягивали его. И тут же случилось то, о чем Футида предупреждал Ямамото, — американские корабли начали обнаруживать "неопознанные" объекты. С утра 5 декабря поблизости от Оаху эсминец "Селфридж" установил гидроакустический контакт с неизвестной подводной лодкой, но скоро утратил его. В середине дня другой эсминец, "Талбот", попросил разрешения сбросить глубинные бомбы на подводную лодку, обнаруженную гидроакустиками в 5 милях южнее Пёрл-Харбора. Командир отряда запретил: за лодку, наставительно разъяснили капитану "Талбота", приняли кита. Тот недовольно фыркнул: "Кит с мотором в корме!"

В далекой Японии начальник штаба Объединенного флота адмирал Матоме Угако заносил в эти часы в свой дневник: "Пока операция развязывается успешно. Гавайи — как крыса в крысоловке".

Путь "Кидо Бутай"

С 17 по 22 ноября корабли оперативного соединения адмирала Нагумо собрались в заливе Танкан (Хитокапу) на острове Иту-

руп в группе Курильских островов. Они прокрались поодиночке с разных баз. Раднстов кораблей, которых хорошо знала по "почерку" американская служба раднoперехвата, оставили в Куре, имитнровав оживленный обмен сообщениями по радио. Те, кто следил за эфиром, оставались в неведении о действительном местонахождении кораблей.

Утром 22 ноября с мостика флагмана авианосца "Акагн" Нагумо осмотрел свой отряд. В свинцовых водах небольшого унылого залива тесно стоялн 32 корабля: шесть авианосцев ударной группы н силы прикрытия, два линкора, три тяжелых крейсера, отряд из девяти эсминцев, возглавляемый легким крейсером, передовой отряд — трн подводные лодкн — и отряд снабжения — восемь танкеров. Место сбора было выбрано вдалн от населенных островов. Холодный залив окружалн горы, покрытые снегом, на берегу трн одииокне радномачты, несколько жалких хижин рыбаков. И все. Даже в забытом богом и людьмн месте адмирал не осмеливался рнсковать: было запрещено сходить на берег, на кораблях строжайше следилн за тем, чтобы мусор не выбрасывался за борт. В заливе Хитокапу кораблн пополнилн запасы топлива с танкеров, погрузили предметы снабжения.

Днем 22 ноября на "Акаги" Нагумо провел узкое совещание. Капитан-лейтенант Сузукн выступил с поучительным докладом о своем пребывании на Гавайских островах. Командиры авианосных авиационных соединений задали множество вопросов н сделали последнне заметкн. В заключенне выпили саке н трижды возгласилн "банзай!" за здоровье императора. Этот и последующие два дня былн предельно загружены: непрерывные совещания, которые открывал Нагумо, а проводили в основном Гэнда и Футида. Их участникам объявлялась цель предстоявшего похода, хотя немало слушателей знали о ней уже несколько месяцев. Предстоявшая операция разбиралась на прекрасном рельефном макете Пёрл-Харбора, а также карте, подготовленной Кита.

Вопросы, вопросы, вопросы... И неожиданные предложения... Пилотам предписывалось сохранять радиомолчание, за исключеннем одного случая — самолет терпел аварию. Всеобщее негодование: разве нельзя умереть молча, но не открывать врагу местонахожденне соединения? Летчикн единодушно постановилн: авианосцы не отвечают на призывы о помощн гибнущих в море самолетов. Безопасность кораблей важнее, чем жизни летчиков. Гэнда, Футида и Мурата уже разработалн план прорыва противоторпедных сетей: летчики-самоубийцы разобьют свои самолеты о борта кораблей, прик-

рытых ими. Но как доложить Нагумо и Кусака? Троица иашла выход.

Футида в присутствии обоих адмиралов на инструктаже пилотов торпедоиосцев быстро произнес: "Первый самолет прокладывает путь для остальных, бомбардируя сеть. Если ои не преуспеет, последующие самолеты сделают все, чтобы разбомбить сеть сзади или изнутри". "Это как же?" — зашевелился заинтригованный Нагумо. Футида осклабился: "Речь идет о технических деталях особого вида атаки, пилоты понимают, что имеется в виду". Нагумо удовлетворился объяснениями, а пилоты торпедоиосцев, посвященные в тайну, сделали вид, что не сказано иичего особенного.

Ииструктажи перемежались выпивками, хвастливыми речами, старшие офицеры громоздили иебылицы о подвигах, совершенных легендарными самурайскими мечами. Срывая голоса, ревели военные песии. Оглушали друг друга любимой "Песией воина, жертвующего собой", балладой, рожденной в кровавых штурмах Порт-Артура в 1904 году в память павших в волиах штыковых контратак русской пехоты.

Вечером 25 иоября радист принес Нагумо совершенно секретный приказ. Главиокомандующий Объединенным флотом Ямамото приказывал "оперативному соединению, передвигаясь сугубо скрытно и осуществляя ближнее охраиение против подводных лодок и самолетов, продвинуться в гавайские воды и в момеит объявлеиия военных действий атаковать главные силы америкаиского флота иа Гавайях с целью иаиесеиия ему смертельиого удара. Первый воздушный иалет иамечается иа рассвете "дня X" (точная дата будет определеиа последующим приказом). После окончаиия воздушного налета — соедииеиию быстро оставить воды и возвратиться в Японию, поддерживая тесиое взаимодействие и обеспечивая охранение от коитратак противника. В случае, если переговоры с Соединенными Штатами окажутся успешными, оперативиое соедииеиие должно быть в готовности к иемедленному возвращению и рассредоточеиию"[60].

Глубокой иочью 25 иоября капитан-лейтеиаита Сузуки подняли с постели: его вызывал командующий. Когда Сузуки вошел в каюту Нагумо, адмирал был один. Ои еще ие ложился. Одетый в кимоио старик нервио ходил по каюте. Нагумо попросил еще раз подтвердить, что америкаиский флот в Пёрл-Харборе, а ие иа якорной стоянке Лахаина. Сузуки поклялся. Угостив офицера саке, адмирал с извинениями отпустил Сузуки. Закрыв за собой дверь, Сузуки почувствовал, что спазма сдавила ему горло: там, в каюте, остался Нагумо со своими тревогами и ответственностью.

В шесть утра 26 ноября оперативное соединение покидало залив. Сторожевой корабль просигналил "доброго пути". Линкоры и крейсеры, проходя мимо покрытых снегом склонов гор острова, открыли огонь. Взрывы снарядов поднимали тучи снега, пыли и камней. Грохот разносился над водами залива. Бодрящее и возбуждающее моряков зрелище.

Корабли, набирая ход, легли на курс. Они двигались прямо на восток, с тем чтобы, минуя оживленные судоходные линии, выйти к Гавайским островам с севера. По пути несколько раз пополняли запасы топлива с танкеров, что было вовсе не легким делом в зимнем океане. Громадные шланги били по палубе, брызги топлива превращали ее в каток. Корабли, вздымающиеся на волнах, к счастью, не очень бурного океана, тем не менее едва избегали столкновения друг с другом. Несколько матросов смыло, спасать их не стали, и они скоро скрылись в воде. Попрежнему свято соблюдался приказ — не выбрасывать мусор за борт.

Но эти трудности были несравнимы с предстоявшими испытаниями, о которых знали разве на мостике "Акаги". В ушах Нагумо все еще звучали напутственные слова Ямамото: вероятно, придется пробиваться к цели с боем. Одна треть "Кидо Бутай" (ударный отряд), как именовалось оперативное соединение Нагумо в японских штабных документах, должна была навсегда остаться в гавайских водах. А через зимний океан шли корабли — гордость тогдашнего императорского флота. Для двух крупнейших авианосцев — "Сёкаку" и "Дзуйкаку" (водоизмещением по 300 тыс. *т*) — участие в операции было практически первым серьезным выходом в море, они были спущены на воду в августе—сентябре 1941 года. Да, признавали в штабе Нагумо, это самые современные авианосцы (каждый имел по 72 самолета) и посему включены в "Кидо Бутай", но все вздыхали — летчиков этих групп так и не удалось полностью обучить. Им для атаки отвели второстепенные цели. Линкоры "Хиэй" и "Кирисима" считались образцовыми, на первом всегда находился император на маневрах. Тяжелые крейсеры очень удачной конструкции, новейшие эсминцы. Наконец, три подводные лодки водоизмещением по 2581 *т*, у каждой на борту по самолету-разведчику. Все надводные корабли оперативного соединения в случае необходимости могли развить скорость много больше 30 узлов.

Днем "Кидо Бутай" следовал в так называемом оборонительном построении. В 10 *км* по курсу передовой отряд — четыре эсминца. Затем двумя колоннами авианосцы, охраняемые на флангах тяжелыми крейсерами и эсминцами. Непосредственно

за ними отряд обеспечеиия, замыкали строй оба линкора. Первоиачально Нагумо собирался пустить впереди подводные лодки, сделав их "глазами" оперативиого соединеиия. Но сразу по выходе в океан выясиилось, что порой иеважная видимость и иеизменное радиомолчание, введенное в "Кидо Бутай", крайне затруднялн связь с иими. Нагумо распорядился: подводным лодкам следовать в 1 *км* по правому борту флагмаиа "Акаги".

С наступлеиием иочи корабли подтягивались поближе друг к другу. Но все равио утром то один, то другой корабль обиаруживалн чуть ли ие иа горизонте. Отставший быстро иагоиял отряд, шедший со скоростью 12—14 узлов и сиижавший ее до 9 узлов при заправке топливом.

Чем дальше отходили от Япоиии и чем ближе были Гавайи, тем больше мрачнел Нагумо. Ему мерещились бесчисленные трудности, которые ежечасио неизбежно встретит "Кидо Бутай". Поэтому едва ли Кусака был удивлен, когда Нагумо, стоя рядом с иим на качающемся мостике, заметил: "Господин иачальиик штаба, ие думаете ли вы, что я взял на себя тяжкую ответственность? Еслн бы только я оказался более тверд и отказался! Теперь, когда родные моря остались позади, я начинаю сомневаться в успехе". Кусака заверил его, что все пойдет по плану. Нагумо улыбнулся: "Завидую вам, господин Кусака. Вы такой оптимист"[61]. Кусака был уверен в победе и поэтому предпочитал ожидать ее, ие сходя с мостика, где он и спал беспокойным сном в парусиновом кресле.

Среди моряков и летчиков иарастало напряжение. Корабли сохраняли радиомолчание, использовали высококачественное топливо (из труб почти ие вырывалось дыма), иочью шли без огней. Сотнн глаз следили за горизонтом и небом: действовал строжайший приказ иемедленно сообщать о любом встречном судне или самолете. Время от времеин рев моторов оглашал полетные палубы, на каждом авианосце прогревала моторы шестерка дежурных нстребителей. Но, чтобы не раскрывать планов, в воздух не поднимался ии один из сотеи самолетов оперативиого соединения. Поэтому трудно было проверить правильиость редких сообщеиий, повергавших штаб Нагумо в панику, — замечено судно.

Как-то доиесли о советском пароходе, следовавшем, по-видимому, из Саи-Франциско. На кораблях объявили боевую тревогу, пароход ие появился. На мостике и в рубке "Акаги" горячо обсуждался вопрос: что делать, если на пути окажется нейтральиое судно? Было высказаио и такое мнеиие: "Потопить и забыть о нем". Претворить в жизнь предложение не удалось: в особенно пустынных в это время года водах океана не попалось

ни одного судна. Ночью Кусака лично увидел бортовые огни самолета. В действительиости то была горящая сажа, вылетевшая из трубы авианосца, следовавшего параллельным курсом. Немедленно последовало строгое замечание его капитану.

Каждый день похода был похож иа другой, иичего ие случалось. По утрам иа полетной палубе "Акаги" появлялся Кусака и прилежно выполнял доступные ему по возрасту физические упражнеиия. Довольио комичное зрелище для юиых пилотов, собиравшихся вокруг. Адмирал иаставительио объяснял: "Так я проживу до ста лет". Многократио повторяемая сентеиция неизменно вызывала взрывы смеха у молодежи. Большинство пилотов были уверены, что ие вернутся. "Они ие боялись смерти, — припоминал Футида, — оии боялись только того, что атака окажется иеудачной и им придется иеудачниками возвращаться в Японию". Многие из иих предпочитали пока убивать время за картами и бутылкой саке.

Гэида так и не зиал покоя. Вместе с офицерами штаба он продолжал работать иад планом операции, виося мелкие измеиеиия и уточнения. В штабе Нагумо отлично зиали обстановку в Пёрл-Харборе. Ежедиевио из штаба Ямамото передавали для "Кидо Бутай" шифровки, освещавшие по часам происходившее иа Гавайях. Источником, как всегда, было японское геиеральиое коисульство в Гоиолулу. Гэнда вдруг заметил серебряные ннти иа висках, он поседел. Годы спустя, возвращаясь к этому походу, он припоминал, как часами вглядывался в океаискую даль с иеотвязиой мыслью: "Вот мы идем в действительиости, а ие в мечтах иа Пёрл-Харбор! Да поможет иам бог!" К всевышнему, сопериичая друг с другом, обращались Нагумо и Кусака. За счет провидения оии относили то, что "Кидо Бутай" ие встречал иикаких помех. Частые туманы ие в счет, скорее благо — иа время "Кидо Бутай" вообще исчезал из виду.

Сиачала иа кораблях думали, что идут очередные учеиия. Но день проходил за днем, оперативиое соединение, ие сиижая скорости, все дальше уходило от берегов Япоиии. Теперь укреплялось убеждение, что дело идет к войне. Летчики помалкивали. В трюмах крупных кораблей у машин судачили: запасов топлива хватит, чтобы, сделав обходной маиевр, выйти к Филиппинам и вернуться в Япоиию.

2 декабря толкам был положен коиец. На "Акаги" был принят условный сигнал из штаба Ямамото: "Начинайте восхождеиие иа гору Ниитака", что озиачало — удар по Пёрл-Харбору в воскресеиье, 7 декабря 1941 г. Об этом было объявлеио личному составу. "Накоиец сбылись мечты", — раздавалось иа кораблях. Летчики стали героями дня. Им выдавали специальный

рацнон — молоко, яйца. Экипажн авнаносцев делалн все возможное, окружая несколько навязчивым вниманием будущих героев. Для Нагумо наступилн особенно тревожные днн: еслн в соответствин с планом операцин соединение будет замечено протнвником до 6 декабря, ему надлежало повернуть назад, еслн 6 декабря — следовало самостоятельно принять решение о целесообразности удара по Пёрл-Харбору, еслн 7 декабря — в любом случае атаковать.

Последние днн подготовкн. Летчикн вновь н вновь тренировались в опознавании амернканских кораблей по силуэтам. На палубе "Акагн" Кусака выставил для всеобщего обозрения рельефную карту Пёрл-Харбора, храннвшуюся до тех пор под замком. Из штаба Ямамото по радно поступала все более подробная свежая информация о дислокации амернканских кораблей в Пёрл-Харборе. Генеральное консульство в Гонолулу побило все рекорды прилежания.

Около 6.00 6 декабря "Кидо Бутай" вышел в точку примерно в 600 милях севернее от Оаху. На "Акагн" приняли "переданный с уваженнем" Ямамото рескрипт императора о войне с США. Через час кораблн в последннй раз приняли топлнво. Пока полтора часа шла заправка, Нагумо не находил себе места: оперативное соединенне уже находилось в пределах радиуса действия патрульной авиацин с Гавайев. Но все сошло благополучно. Танкеры повернули на север, а оператнвное соединение двинулось на юг. В 11.30 на кораблях был прочитан приказ Ямамото, начинавшийся словамн: "Час пробил. На карту поставлена жнзнь илн смерть нашей импернн..."

Последовалн патриотическне речн, покрывавшиеся крикамн "банзай!" По мачте "Акагн" медленно полз вверх флаг, а когда он был поднят, на секунду воцарилась тишина: перед глазамн была реликвия японского флота — тот самый флаг, который нес флагманский броненосец адмнрала Того "Мнкаса" в Цусимском сражении в 1905 году. Теперь шовинистическому подъему на кораблях понстине не было пределов. Над волнамн океана долго н далеко разносилнсь нсступленные воплн "банзай!" В 12 часов дня оперативное соединенне устремилось к Гавайским островам, увеличнв ход до 20 узлов.

У Нагумо на "Акагн" лихорадочно разбнралн последнне сообщения от Ямамото. В Пёрл-Харборе нет авнаносцев, а японцы полагалн, что Тихоокеанскнй флот США нмеет четыре авианосца. Видя, как убнвается Гэнда, начальник разведотдела штаба капитан-лейтенант Оно утешил его: быть может, парочка авианосцев придет в Пёрл-Харбор к утру 7 декабря. "Тогда, — воскликнул Гэнда, — мне наплевать, еслн в гаванн не будет всех вось-

ми линкоров". Нагумо, веривший, что осиова морской мощн — линкоры, ие был особенно взволиован отсутствием авианосцев. Он приказал перестать беспокоиться по поводу того, что в Пёрл-Харборе их не видно. Переговорив в последний раз с командирами групп, Футида около 9 часов вечера отправил их спать н сам последовал за иими. Палубные офицеры заботливо следилн за сиом мальчиков — летчики должны хорошо отдохнуть перед вылетом.

Гэнда, отдохнувший иесколько часов, около полуночи вышел на мостик. На полетиой палубе уже выстраивали самолеты первой волны, мелькалн теии, матросы техиического дивизиоиа авиационной боевой части готовили их к вылету. Упорядочеииая суета — звонки лифтов. Все оии — носовые, средние и кормовые — работали без устали, поднимая самолеты, которые торопливо откатывали на места. Из погребов боезапаса доставляли и подвешивали торпеды и бомбы, заряжали бортовое оружие. То там, то здесь иа полетной палубе вспыхивало пламя из выхлопных труб — механики прогревали моторы. Когда заревели десятки моторов и дрожащим пламеием осветилась погруженная во мрак в этом походе полетная палуба, Гэнда невольно поежился: где светомаскировка? И тут же утешил себя: "в руках богов".

Снова и снова возвращаясь к "звездному часу" своей жизии, Гэнда множество раз рассказывал, как удивительиое спокойствие сиизошло иа него, сомнеиия рассеялись, как туман иа рассвете, а ум казался "ясным и чистым, как иезамутненное зеркало". Ои опустился в радиорубку. Ямамото ие оставлял заботой "Кидо Бутай" даже сейчас. В 1.50 шифровка о дислокации кораблей в Пёрл-Харборе в сумеркн по местиому времеии, в 2.00 еще одна: корабли ие защищены протнвоторпедными сетями, аэростатов заграждения нет.

В этот час исполинскими черными призраками корабли Нагумо пожиралн мили ходом в 24 узла, то есть оставляли за собой каждый час примерно 40 *км*. Армада перестроилась по-боевому. Впереди легкий крейсер "Абукума" и веером четыре эсминца. В трех милях за ними резали волны линкоры "Хэй" н "Киришима", в четырех милях по флангам справа и слева тяжелые крейсеры. Еще в трех милях позади броиированной фалаиги все шесть авианосцев, окруженные эсминцами, рыскавшимн в охранении. Последними скользили три подводные лодки.

На ходовом мостике "Акаги" Нагумо, ие повышая голоса, будиично обратился к Гэнда: "Я благополучно привел "Кидо Бутай" к месту иападеиия. Отныне бремя операции иа ваших плечах и всех остальных в авиационных группах". Гэнда не меиее деловито заверил: "Адмнрал, летчики победят!"

В 5.30 7 декабря в полной темноте катапульты тяжелых крейсеров выбросили два самолета-разведчика. Оии должны были доложить обстановку в Пёрл-Харборе и в Лахаине. На "Акаги" заканчивалась бессоииая ночь капитан-лейтенанта Оно у радиоприемника: он слушал передачи Гоиолулу. Никаких признаков тревоги, радиорубку заполияли мягкие звуки гавайской музыки.

Задолго до рассвета 7 декабря личный состав оперативиого соединения был на ногах. Летчики иадевали свежее белье, тщательио отглаженную форму. Некоторые написали прощальные письма родным, упаковали личные вещи. Футида и Мурата натянули белье и рубашки красиого цвета, чтобы не смущать других пилотов видом крови в случае ранения. Торопливый, веселый праздничный завтрак для всего летного состава, офицеров и рядовых.

По боевой трансляции прозвучала команда: "Летчики, сбор!" Сотни пилотов торопливо собрались в помещениях для инструктажа. Еще один взгляд на схемы расположения кораблей в Пёрл-Харборе, информация о скорости и направлении ветра, последние расчеты расстояния и полетного времени до объекта и обратно. Оперативное соединеиие в 220 милях прямо на север от Пёрл-Харбора. Строгий приказ: ни один из летчиков, за исключением ведущего первой волны Футида, не должен прикасаться к радиопередатчику до начала атаки. Летчики в мундирах. с иголочки внимательно слушали. У иекоторых на головах белели традиционные боевые повязки самураев.

Покончив с делами земными и профессиональными, позаботились о душах. Небольшими группами пилоты собирались у синтоистских алтарей, входивших в обязательный комплект оборудования японских боевых кораблей. Глоток саке за успех, короткая молитва.

Команды с постов управления: "Экипажи, на стартовые площадки! Запустить моторы!" Ярко вспыхнувшие палубные огни осветили самолеты, слепящее пламя из выхлопных труб поблекло. Авианосцы, оставив позади корабли эскорта, развернулись против крепнувшего ветра и взяли курс на восток, прямо к посветлевшему небу. Навстречу катили бесконечные ряды высоких волн с пенистыми гребнями. Громадные корабли, снова набрав скорость 24 узла, зарывались иосом, брызги долетали до полетных палуб. Свежая погода внушала опасения за безопасность взлета, продольная качка достигала 15°, но отступать было поздно — от исхода удара по Пёрл-Харбору, считали в Токио, зависит судьба первых месяцев войны. Когда Футида занимал место в кабине, взволнованный матрос протянул ему белую повязку. "Это вам в подарок от экипажа. Не откажите в любезнос-

ти взять ее с собой в Пёрл-Харбор!" Футида с благодарностью укрепил ее иа голове.

В 6.00 флаги иа мачте "Акаги" вэлетели до клотика и опустились. Взлет первой волны. На коицах крыльев самолетов зажглись красные и синие лампочки. Прощальиые взмахи рук и фуражек, иапутствия, тонувшие в шуме моторов. Оглушительио ревя, самолеты срывались с полетной палубы и мгиовенно исчезали в предрассветиом сумраке иавстречу восходящему солнцу, которое угадывалось эа горизонтом. Первыми покинули авианосцы истребители "Зеро". За иими бомбардировщики и торпедоносцы, эти с экипажами по три человека. Взлет всех самолетов занял 15 минут, омраченный потерей всего двух истребителей — один упал в море, другой из-за иеисправиости двигателя пришлось оставить. Взлетевшие машины образовали гигантский круг в ожидании сбора всех. В 6.20 командирский бомбардировщик Футида, различавшийся по оранжевам огням, повел на Пёрл-Харбор 183 самолета первой волны — 40 торпедоиосцев, 51 пикирующий бомбардировщик, 49 бомбардировщиков и 43 истребителя.

Взошло солнце. В 7.15 с авианосцев стартовала вторая волна — 78 пикирующих бомбардировщиков, 54 бомбардировщика и 36 истребителей. Всего в двух волиах к Гавайским островам иаправлялось 350 самолетов. 39 истребителей оставались на авианосцах в резерве на случай коитратаки противника. Нагумо повел корабли иа юг, пока они ие достигли точки в 180 милях севериее Оаху.

Когда самолеты скрылись, иа кораблях воцарилась необычайная, оглушительиая тишина. Миогие молились, иные вытирали слезы. Адмирал Кусака устало опустился на мостик, ему показалось — в кресло. Губы его беззвучно шевелились: он также молился.

Рассвет 7 декабря

В иочь иа 7 декабря события поблизости от Пёрл-Харбора развивались так, как предписывают различные иаставления на флоте. Еще с вечера 6 декабря японские подводные лодки-иосители, подтвердив уверенную работу штурмаиов, заняли позиции примерно в 8 милях от входа в гавань. С иих были видны огии иа Оаху и даже рекламы иа пляже Уйкики. Порывы ветра доиосили звуки джазовой музыки, передававшейся по радио.

В 3.00 четыре малые подводные лодки были спущены на воду и своим ходом иаправились к Пёрл-Харбору. На пятой дело ие ладилось: отказал гирокомпас. После двухчасовых попыток исправить его командир младший лейтенант Кацуо Сакамаки ре-

шил в любом случае выполнить задание. Прощанне с офицерамн — и оба подводника, держа в руках легкий завтрак н по бутылке вина, заняли свон места в лодке. Несколько минут после их ухода ощущался запах духов: следуя традициям самураев, онн крепко надушилнсь перед боем. Ни провожавшне, нн уходившне ие тешилн себя иллюзиями: личные вещи зкипажей сверхмалых подводных лодок былн тщательно упакованы, к ним приложены прощальные пнсьма родным н завещания. Большне подводные лодкн погрузилнсь н сталн ждать. По плану малые подводные лодкн должны были на рассвете проникнуть в Пёрл-Харбор, опуститься на дно н ждать. В сумерках 7 декабря им предстояло атаковать то, что останется на плаву после удара с воздуха.

В 3.42 ночи с тральщика "Кондор", занятого скучнейшим делом — траленнем магнитным тралом за кромкой фарватера у Пёрл-Харбора, заметилн перископ подводной лодкн. На ией, по-видимому, увиделн "Кондор" н отвернули. В 3.58 с "Кондора" светосигнальнымн средствамн передалн семафор на находнвшийся вблнзн патрульный зсминец "Уорд". Эсминец провел безуспешный понск в указанном районе в течение примерно часа. В 4.58 ворота в противолодочном заграждении в Пёрл-Харбор открылнсь. Предстояло пропустить в гавань и нз гавани иесколько мелких судов, в чнсле их возвращался в Пёрл-Харбор и "Кондор".

На прощанне с "Уорда" попросилн уточнить координаты, где была замечена лодка. "Кондор" с готовностью ответил. На зсминце, хотя и думалн, что в темноте н буй может легко сойти за лодку, продолжалн бдительно нестн патрульную службу. В 6.30, когда уже рассвело, с транспорта "Антарес", медленно направлявшегося в Пёрл-Харбор с баржей на буксире, заметили примерно в 1500 *м*, по-видимому, рубку подводной лодки какой-то странной конструкции, о чем с "Антареса" сообщили на "Уорд", где рулевой н вахтенный уже углядели примерно в миле подозрительный черный предмет, следовавший вплотную за баржей, которую буксировал "Антарес".

Пилот патрульного самолета Уильям Таннер также усмотрел в зтом нечто необычное н, снизившнсь, опнсал над "предметом" пару кругов. Приглядевшись, на мостнке зсминца решилн, что зто рубка подводной лодкн невиданной в американском флоте конструкции. На мостик был вызван капитан-лейтенант Уильям Аутбридж, которому сообщенне представлялось чрезвычайно важным. После четырнадцатн лет службы в военно-морских снлах он первый день командовал кораблем, серьезно относился к вверенному ему делу н к себе.

Едва взглянув на подозрительный предмет, Аутбридж скомандовал полный ход. Инструкция предписывала атаковать любую подводную лодку, находящуюся в пределах зоны обороны без эскорта. На эсминце сыграли боевую тревогу. Младший лейтенант Уильям Таннер по-своему истолковал действия "Уорда". Он заключил, что подводная лодка оказалась в запретной зоне из-за аварии, а эсминец спешил ей на помощь. Чтобы помочь эсминцу не потерять место лодки, терпящей бедствие, добрый Таннер сбросил рядом с ней пару дымовых бомб. Больше он ничем не мог помочь гибнущим людям.

А на море события приобрели драматический оборот. Когда до рубки лодки оставалась какая-нибудь сотня метров, Аутбридж приказал открыть огонь. Первый снаряд, выпущенный в 6.45, пролетел мимо, второй — с расстояния 50 *м* — угодил в основание рубки. Через несколько мгновений "Уорд" прошел рядом с лодкой, а когда она оказалась под кормой, сбросил четыре глубинные бомбы. Гигантский фонтан воды и пены поднялся как раз на том месте, где только что наблюдали лодку.

С воздуха Таннер в недоумении созерцал действия "Уорда". Кто прав? По-видимому, на борту эсминца знали лучше, и патрульный самолет, последовав примеру, также сбросил глубинные бомбы. Выполнив требования инструкции и доложив об этом по радио, Таннер продолжил полет. После минутного раздумья младший лейтенант твердо решил, что на дно отправлена американская подводная лодка. Последствия — военный суд и все прочее — живо встали перед его мысленным взором. Таннер стал обдумывать вопрос, как жить после позорного увольнения из военной авиации.

Аутбридж знал, что с патрульных кораблей часто поступали ошибочные донесения об обнаружении подводных лодок. Виновником иногда оказывался кит или "еще что-нибудь в этом роде"[62]. Поэтому, послав первое донесение об атаке подводной лодки, он вслед за ним в 6.55 направил другое: "Атаковали, обстреляли и сбросили глубинные бомбы на подводную лодку, находившуюся в запрещенном районе". Этим он хотел подчеркнуть, что с "Уорда" видели цель. Тут Аутбридж увидел большой белый сампан, прокравшийся в запретный район. Случалось и раньше, что рыбаки нарушали границы зоны. "Уорд" устремился к сампану.

Шкипер-японец застопорил машину и замахал белым флагом. Все это озадачило Аутбриджа: формальная сдача, хотя не было войны. Рыбаки, очевидцы недавних бравых действий "Уорда", по-видимому, просто испугались за свою жизнь. Капитан эсминца был короток на расправу: Аутбридж приказал сампану

следовать за иим, ио в 7.03 был установлен гидроакустический контакт еще с одной подводной лодкой: "Уорд" атаковал глубинными бомбами обнаруженную цель. После взрывов пяти бомб на поверхности растеклось масляное пятно. Доложив о новых подвигах, эсминец вернулся к сампану. Деиь иачинался хлопотливо. Аутбридж просил по радио штаб 14-го военно-морского округа ожидать от него дальнейших сообщений и прислать подкрепление.

В 7.12 первое донесение Аутбриджа попало к дежурному офицеру по военно-морскому округу Каминскому. Ои доложил об этом начальнику штаба округа, последний предложил Каминскому проверить сообщение и информировать дежурного по штабу, командующего флотом и другие инстанции, а сам соедииился с начальником округа адмиралом Блохом. В штабе флота, получив сообщение Каминского, обсудили его и решили осведомиться, знает ли об этом Блох и что сделаио в связи с докладом Аутбриджа.

В этот момент оперативный офицер патрульной авиации передал в штаб флота робкое донесение Таннера о потоплении подводной лодки. Стали выяснять, об одной или двух лодках идет речь и где, собственно, находятся американские подводные лодки, и т. д. Неразбериха нарастала, иные начальствующие лица еще спали, и дежурным приходилось сначала говорить с их женами. В оперативном центре патрульной авиации было высказано предположеиие, что вообще не было никакой подводной лодки, а по ошибке перехвачено сообщение об очередном учении. Еще большее замешательство внесло доиесение "Уорда" о задержанном сампане. Если "Уорд" сражается с подводными лодками, то причем тут сампан?

Наконец дежурного по штабу флота осенило: не лучше ли сообщить обо всем Киммелю, что ои и сделал в 7.40. С командующим связаться оказалось легко: адмирал всецело принадлежал службе. Киммель приказал затребовать от капитана "Уорда" подробное объяснение, предупредив, что ои будет ждать у телефона[63]. В 7.51 эсминец "Монагхэм", стоявший в Пёрл-Харборе, получил приказ выйти в море и связаться с "Уордом".

Разумеется, никому не пришло в голову поставить в известность о происходившем штаб генерала У. Шорта, отвечавшего за оборону Гавайев. Моряки ие горели желанием посвящать во флотские дела армию.

Такими же поразительными соображениями руководствовались в то воскресное утро и армейцы. Следовали служебной инструкции и на передвижной радиолокационной станции иа горе Опана, что на самой северной окоиечности острова Оаху.

Там с 4.00 до 7.00 7 декабря дежурили рядовые Джозеф Локкард и Джордж Эллиот. Станция позволяла вести иаблюдеиие иа расстояние до 150 миль. Радиолокационные устаиовки, находившиеся в распоряжеиии армии, только осваивались и обычно работали главным образом в учебных целях с 7.00 до 16.00. После предупреждеиия из Вашингтоиа 27 иоября геиерал У. Шорт приказал повысить бдительиость, и часы работы станций изменились — с 4.00 до 11.00, ибо коварный враг иападает обычно на рассвете. На выходной день было сочтено достаточным три часа — с 4.00 до 7.00. Впрочем, изложенные важные соображеиия ие были доведеиы до персоиала, обслуживавшего радиолокационные установки: солдаты и сержанты по простоте душевиой полагали, что время работы станций ограничеио из-за боязии изиоса оборудования.

Все радиолокационные станции были связаны с информационным цеитром в форту Шафтер. Утром 7 декабря в центре иаходилось иесколько рядовых, которые по получеиии сообщеиия о самолетах иа планшетах-построителях вели прокладку их курса. Единственный офицер среди иих, лейтеиант Кермит Тайлер, в сущности, был посторонним. Его послали для прохождеиия практики в качестве офицера связи от истребительиой авиации. Однако иикого из тех, кто бы мог обучать лейтенанта в воскресеиье, в центре ие было. И Тайлер в 4.00 заступил иа учебиое дежурство, которое по причинам, известным только в армии, должно было закончиться в 8.00. Ведь сами стаиции прекращали работу в 7.00!

Имеиио в этот час Локкард и Эллиот должны были выключить свою установку, запереть стаицию и отправиться завтракать в лагерь. Но грузовика, обычно отвозившего солдат, что-то ие было видно. Они решили потреиироваться. В 7.02 Локкард проверил иастройку и убедился, что осиовные импульсы двоятся. Сиачала ои подумал, что приборы расстроились. Беглая проверка показала, что стаиция в порядке. Тогда они поняли, что иа расстоянии 136 миль летит большая группа самолетов. Представился прекрасный случай для учебы: такой крупной цели им иикогда ие приходилось видеть. Локкард поручил иовичку Эллиоту прокладывать их путь иа планшете, сам устроился у индикатора. Оии получили пеленг, дистанцию и координаты, определив место цели.

Эллиот заметил, что иеплохо было бы доложить о самолетах в информационный цеитр. Им двигали самые добрые побуждения, обычные у молодого солдата: могло случиться так, что самолеты обиаружат как армия, так и флот, а поскольку неизвестно, чьи оии, возиикиет путаница и даже могут вылететь иа перехват.

После недолгих препирательств Локкард согласился и Эллиот позвонил в информационный центр. Было 7.15. Сначала он снял трубку прямой, или "боевой", связи планшетного поста с информационным центром. Никто не ответил, тогда он повторил вызов по телефону общей линии. К этому времени Тайлер остался вдвоем с дежурным телефонистом. Ровно в 7.00 все остальные сложили приборы и документы и ушли завтракать. Звонок оператора с горы Опана "об обнаружении такой крупной цели, какой он никогда не наблюдал на экране радиолокатора", никого из тех, кому ведать надлежит, не застал.

Дежурный телефонист предложил Тайлеру все же оторвать планшетистов от завтрака: им никогда еще не приходилось вести такую большую цель. Тайлер рассудил иначе. Он вспомнил, что всю ночь радиостанция Гонолулу передавала гавайскую музыку. Его сослуживец как-то объяснил, что это делалось тогда, когда из США на Гавайи перегоняли бомбардировщики Б-17 и станция служила им радиомаяком. По-видимому, и на этот раз летели бомбардировщики. Поэтому Тайлер со спокойной душой попросил передать на Опану не беспокоиться.

Локкард и Эллиот оказались настойчивыми, они потребовали к телефону Тайлера, которому длинно стали рассказывать об обнаруженных целях. Тот оборвал малопонятные объяснения, изобиловавшие техническими терминами, коротким: "Не беспокойтесь об этом". Рядовые сочли благоразумным не идти дальше в споре с офицером, а занялись прокладкой курса. Они заранее гордились прекрасными записями данных о полете самолетов. В 7.39 в 20 милях от острова цель была потеряна в зоне непроходимости волн — мешали возвышенности.

Локкард и Эллиот выключили станцию и, захватив с собой записи, чтобы похвастаться перед солдатами своей полуроты, вышли на дорогу. И только! Никто в армейских инстанциях ни с утра, ни в течение всего того дня не позаботился ввести в курс дела флотские штабы. Потом многие годы в США скорбели по этому поводу, а тогда, 7 декабря в 7.45 к станции на горе Опана пришел грузовик и с приятным сознанием выполненного долга Локкард и Эллиот отправились в лагерь.

"Тора! Тора! Тора!"

Как раз в эти минуты Мицуо Футида также думал о том, чтобы наилучшим образом выполнить свой долг. Они шли на высоте 3 тыс. *м* над плотными облаками, не видя океана. Слева по борту ослепительно сияло солнце, внизу бескрайняя снежная

равнина облаков. Никаких ориентиров. Футида настроился на волну радиостанции Гонолулу и использовал ее как приводной маяк. В 7.40 тревогам пришел конец: в разрывах облаков появилась белая полоса прибоя — северное побережье Оаху. Земля открылась в точно рассчитанное время — через 1 час 40 минут с момента вылета.

В этот момент радист самолета Футида принял сообщение с "Акаги" — флагманский авианосец передал данные, добытые двумя разведчиками, наблюдавшими с 7.15 по 7.35 Пёрл-Харбор и якорную стоянку Лахаина. Никто на земле не заметил предвестников бури, никто из американских радистов не обратил внимания на работу неизвестных передатчиков. Футида не мог не укрепиться в мысли, что боги на стороне Японии.

Рассеялись последние сомнения — о погоде в районе цели. Сообщение диктора радиостанции Гонолулу оказалось необычайно полезным: "Разорванная облачность... главным образом над горами... высота 1500 *м*, видимость хорошая". Лучшего руководства для атаки не требовалось.

Итак, подходить с запада, с востока помешает облачность над горами. Футида в последний раз оглядел в строю ведомые им самолеты. Все были в сборе. 48 бомбардировщиков непосредственно следовали за самолетом Футида. Справа и ниже шли 40 торпедоносцев под командованием капитана III ранга Мурата, левее и выше — 51 пикирующий бомбардировщик капитана III ранга Такахаси; 43 серебристых истребителя капитана III ранга Итая уже ушли вперед, чтобы встретить в случае необходимости противника.

По плану предусматривались два варианта атаки: в условиях внезапности и при утрате ее. В первом случае начинали торпедоносцы, затем вступали в действие бомбардировщики, и завершали удар пикирующие бомбардировщики, а истребители обеспечивали прикрытие. При таком порядке выхода на цель дым от бомбардировки не помешает работе торпедоносцев. Если окажется, что внезапность утрачена, тогда первыми на аэродромы, зенитные средства армии и флота обрушатся пикирующие бомбардировщики и истребители, которые подавят сопротивление. Только после этого торпедоносцы и бомбардировщики атакуют корабли. На приборной доске каждого самолета была укреплена небольшая фотография Пёрл-Харбора с воздуха. На ней были отмечены секторы действий каждой эскадрильи. Для изготовления ценного руководства не потребовалось больших усилий. Незадолго до начала войны японские агенты купили фотографии в магазине сувениров в Гонолулу. Цена — доллар за комплект[64].

В 7.49, когда самолеты первой волны вышли на видимость Пёрл-Харбора, Футида внимательно осмотрел гавань в бинокль. Все восемь линкоров на месте, но авианосцев не видно. Впрочем, времени на раздумье и сожаление не оставалось. Футида по радио отдал приказ атаковать, затем достал ракетницу и выстрелил в воздух черную ракету, указывая порядок атаки — в условиях внезапности. Подчиняясь приказу, пикирующие бомбардировщики стали набирать высоту, а торпедоносцы круто снизились. Только группа истребителей не реагировала: пилоты не заметили сигнала.

Футида выпустил вторую ракету, теперь ее увидели не только истребители, но и летчики пикирующих бомбардировщиков, которые сочли, что она означает утрату внезапности. В этом случае им предоставлялась честь начать! Ломая тщательно отработанный план, пикирующие бомбардировщики резко набрали высоту и устремились в атаку одновременно с торпедоносцами. Но теперь это не имело никакого значения, в воздухе не было видно ни разрывов зенитных снарядов, ни американских истребителей. Футида был уверен в успехе; в 7.53, еще до того, как первая бомба упала на Пёрл-Харбор, он передал по радио на "Акаги" условный сигнал "Тора! Тора! Тора!" ("Тигр! Тигр! Тигр!") — внезапная атака удалась.

По прихоти прохождения радиоволн слабый сигнал самолетной радиостанции приняли за 5 тыс. миль радисты флагмана Объединенного флота — линкора "Нагато". По местному времени около половины четвертого утра. Ямамото играл в го со своим начальником штаба. Он флегматично выслушал доклад о том, что внезапность достигнута, и продолжал передвигать фигуры...

На Оаху и кораблях многие заметили подход и развертывание серебристых самолетов. Лейтенант Кермит Тайлер поспешил из помещения на воздух, чтобы посмотреть на "учение морских бомбардировщиков над Пёрл-Харбором". Эсминец "Хэлм" был единственным кораблем, находившимся в движении в тот момент: он проходил главный фарватер. Когда торпедоносцы, следуя от входа в гавань, пролетели в какой-нибудь сотне метров от корабля и один из них случайно покачал крыльями, рулевой Хэндлер приветливо помахал в ответ рукой.

На линкоре "Калифорния" старослужащий авторитетно разъяснил любопытным желторотым резервистам, задравшим носы к небу: "Должно быть, к нам в гости пожаловал русский авианосец. Видите, вот прибыли самолеты с него, на них ясно видны красные круги"[65].

Пёрл-Харбор под огнем

Каждый день в 7.55 на кораблях в Пёрл-Харборе начиналась торжественная церемония, дорогая сердцу моряка. На водокачке морской базы поднимался синий "подготовительный" флаг, все корабли в гавани повторяли сигнал. В 8.00 одновременно на кораблях спускались "подготовительные" флаги, на носу взвивался гюйс, а на корме — государственный флаг США. На небольших кораблях, приветствуя флаг, разливались трели свистков боцманов, с кораблей побольше раздавались звуки горнов, а на линкорах сияла медь духовых оркестров — там играли государственный гимн.

7 декабря в 7.55, как заведено, моряки были поглощены своим ритуалом. На палубах, окончив в 7.45 завтрак, собирались экипажи. Офицеров, кроме вахтенных, было мало, иные еще спали, другие завтракали — офицеры могли завтракать до 8.30. Капитаны пяти линкоров и половина офицерского состава ночевали на берегу. У некоторых зенитных орудий позевывали плохо подобранные и малочисленные расчеты. На многих кораблях матросы собирались сойти на берег, и наиболее предусмотрительные, чтобы сократить томительную процедуру воскресной утренней проверки, уже открыли двери и люки в водонепроницаемых переборках.

В 7.55, едва отзвучали звуки горна, возвещавшие начало церемонии подъема флага, как гавань наполнилась шумом моторов. С разных направлений группы самолетов непривычной конструкции пикировали на остров Форд, другие, летя низко над водой, направлялись к кораблям. Дежурный офицер в оперативном центре патрульной авиации все еще ломал голову, пытаясь установить место, где "Уорд" потопил подводную лодку, когда рев самолета, идущего на бреющем полете, сорвал его с места. Он выскочил из дома, чтобы заметить номер и наказать воздушного хулигана. В лицо ему ударил горячий воздух, грохот оглушил: самолеты с красными кругами на крыльях бомбили аэродром патрульной авиации. Сначала многие решили, что командование флота устроило маневры в условиях, приближающихся к боевым, а для большей реальности на самолетах даже нарисованы опознавательные знаки вероятного противника. Заблуждение продержалось несколько мгновений — самолеты сбросили торпеды, которые начали рваться у бортов линейных кораблей.

Первые минуты атаки навсегда запали в память участников с обеих сторон. Из 609 человек японского летного персонала, побывавших над Пёрл-Харбором 7 декабря 1941 г., через сорок лет

осталось в живых едва дюжина. Один из них, Иосио Сига, в прошлом летчик-истребитель, вспоминал: "Да, то было прекрасное зрелище, вид американского флота произвел на меня глубокое впечатление. Если японские военные корабли были закамуфлированы в темно-серые тона, то американские блистали. Я сразу понял, что атаковать легко, но последствия от сброшенных нами бомб будут серьезными". Для начала он отметил "жуткий американский зенитный огонь. Разрывы снарядов усеяли небо, как цветы в корзине. Было страшно". Прикрывая свои самолеты сверху, Сига видел далеко внизу, как торпедоносцы "очень медленно" летели к линкорам, да и "торпеды двигались также очень медленно, мы видели их в воде, делавших узлов 30–40"[66].

Пять американских линкоров стояли попарно: "Оклахома" – пришвартованный к борту "Мэриленд", "Вест-Вирджиния" – к борту "Теннесси", плавучая мастерская "Вестал" – к борту "Аризоны"; "Невада" и "Калифорния" стояли поодиночке, а флагман флота линкор "Пенсильвания" с двумя эсминцами занимали сухой док. На "Неваде" в момент начала налета оркестр играл государственный гимн. Торпедоносец, сбросивший торпеду в "Аризону", пронесся над палубой "Невады". Хвостовой стрелок увидел оркестр, о палубную броню лязгнула крупнокалиберная очередь, полетели щепки настила. Музыканты съежились, но доиграли гимн и только потом, побросав инструменты, разбежались по укрытиям.

В Пёрл-Харборе поняли, что происходит. Разноголосица истерических команд, расчеты бросились к зенитным орудиям и пулеметам. В 7.58 радиостанция штаба передала о налете японской авиации на Пёрл-Харбор, в 8.00 об этом сообщили всем кораблям в море. Зенитный огонь, хотя и усиливался с каждой минутой, был плохо организован. На многих кораблях боевые погреба оказались под замком, не было времени найти ключи – ломали двери. В воздухе склонный к лирике японский пилот Матсумура огорчился. Как припоминал он после войны, "зенитные средства противника неистовствовали. Черные разрывы испортили такое прекрасное небо. К тому же были еще и белые облачка разрывов". Рвались учебные снаряды. В суматохе заряжали орудия и ими.

Ярость атаки сосредоточилась на линейных кораблях. Через восемь минут после поражения первой торпедой линкор "Оклахома" перевернулся. Вода мигом распространилась через незакрытые люки в водонепроницаемых переборках. На поверхности остались только правый борт и часть киля. Корабль уткнулся мачтами в дно. Сотни человек оказались в ловушке. Через

несколько месяцев, когда линкор был поднят, обнаружили около четырехсот трупов.

Поэтический Матсумура, пилотировавший торпедоносец, отыскал свою цель — линкор "Вест-Вирджиния". Со второго захода он всадил торпеду в борт корабля. "Громадный фонтан воды поднялся выше мостика и затем медленно опал, как гейзер, исчерпавший свою силу. И тут же другой фонтан взметнулся в воздух", — удовлетворенно отметил он. Получив последовательно несколько торпед, "Вест-Вирджиния" загорелся и сел на дно на ровном киле. "Калифорния" затонул прямо у пирса. Раздался страшный взрыв: бомба, по-видимому, попала в носовые боевые погреба "Аризоны". Вверх на 300 *м* взметнулся столб огня и дыма. В одно мгновение корабль превратился в груду металлолома. Погибли 1102 человека.

С горы Макалага, где находились виллы командного состава, было отлично видно происходившее. Адмирал Киммель со двора своей виллы наблюдал за началом японского нападения. Жена адмирала Блоха, стоявшая рядом с ним, заметила: "Похоже, что они накрыли "Оклахому"!". "Сам вижу", — огрызнулся флотоводец.

В спальне дома через улицу — там жил начальник разведки флота — его жена обнаружила исчезновение мужа. Она выглянула в окно: разведчик в пижаме, но с биноклем пытался рассмотреть, что происходит в гавани. Жена спросила: "Почему самолеты флота не сделают что-нибудь?" Супруг рявкнул: "Почему самолеты армии не сделают что-нибудь?"

В этот момент с улицы донесся шум: за Киммелем прислали автомобиль. На ходу завязывая галстук, он нырнул в машину. Когда машина тронулась, на подножку прыгнул командир дивизиона подводных лодок. В 8.10 Киммель был на своем командном пункте, откуда оказалось несравненно удобнее наблюдать за разгромом флота и отдавать команды. Он потребовал, чтобы командный состав рассредоточился. Два адмирала, глазевшие на происходившее через одно окно, разошлись в разные концы здания. В 8.17 Киммель отдал приказ второй эскадрилье патрульной авиации: "Найти врага!" Приказ, конечно, был невыполним в обстановке на командном пункте — по словам штабного офицера, "паники не было, царил упорядоченный ужас".

Из восьми линейных кораблей только "Невада" дал ход во время нападения на Пёрл-Харбор. Офицер, принявший командование в отсутствие капитана, надеялся, что удастся выйти в открытое море. Линкору требовалось два с половиной часа, чтобы поднять пары, а для выхода в море использовались четыре бук-

сира. На стоянке работал один котел, но на этот раз незадолго до налета был разожжен другой, чтобы подменить первый. Это дало возможность через 45 минут после появления японских самолетов сделать попытку уйти из гавани. Хотя и поврежденный бомбами, "Невада" хорошо слушался руля. Громадный корабль, непрерывно отбивавший атаки и искусно маневрировавший в тесной гавани, привлек всеобщее внимание. Особенно восхищался капитан землечерпалки, стоявшей на выходе из порта. От него требовали, чтобы он убирал трубопровод, когда линкоры входили или выходили из Пёрл-Харбора. Капитан всегда утверждал, что они могли пройти, если бы только захотели. Теперь "Невада" доказал его правоту.

Когда линкор вошел в фарватер, к Пёрл-Харбору как раз подошли японские пикирующие бомбардировщики второй волны под командованием многоопытного Такасиге Эгуса. Пёрл-Харбор к этому времени был дьявольским котлом пожаров, от которых поднимались серые, коричневые, белые, ядовито-желтые, черные клубы дыма. Прицельное бомбометание в огне пожаров и под бешеным зенитным огнем было почти невозможно. Но "Невада" был отчетливо виден.

Японские летчики обрушились на линкор с удвоенной яростью — представилась прекрасная возможность затопить его и закупорить вход в Пёрл-Харбор. Цель японцев стала ясна и тем, кто был на берегу. "Невада" получил приказ очистить фарватер. Повинуясь ему, командовавший офицер в 9.10 ткнул корабль носом на грунт напротив мыса Госпитальный. Через пять минут на борт поднялся капитан, догнавший наконец линкор, и вступил в командование вверенным ему кораблем. Несмотря на то что при попытке выйти из Пёрл-Харбора линкор получил новые попадания бомб и торпед и теперь плотно сидел на мели, расчеты зенитных установок продолжали вести огонь. Когда бой закончился, экипаж "Невады" огляделся — пятьдесят убитых, более сотни раненых. Но моряки отстояли серьезно избитый линкор.

Флагманский линкор "Пенсильвания" с двумя эсминцами "Кессин" и "Даунс" находился в сухом доке. Вода из дока была выкачана, корабли опустились, и высокие стенки дока очень затрудняли обзор — самолеты появлялись внезапно. Все эти трудности быстро понял крановщик подвижного крана, гражданский рабочий Джордж Уолтерс. Он решил внести свою лепту в отпор дерзкому врагу. Сидя в будке крана на высоте 15 *м*, Уолтерс видел приближающиеся самолеты, а среди атаковавших "Пенсильванию" летчиков второй волны было немало малоопытных с авианосцев "Сёкаку" и "Дзуйкаку", не блиставших

тактическими приемами. Уолтерс передвигал свой кран по рельсам вдоль стенки дока так, чтобы преградить нм путь. Естественно, что такого рода противовоздушная обороиа большого успеха иметь ие могла, а постоянное перемещеиие крана вызвало сиачала бешеиство у зенитчиков на палубах кораблей в доке. Однако онн очеиь скоро оцеиили его действия: движение крана по крайней мере показывало, откуда появится очередной япоиский самолет. Уолтерс, однако, ие успел стать общепризианным героем — взрыв бомбы лишил кран подвижности. Линкор практически ие пострадал, а эсминцы разбомбили.

Очеиь плохо пришлось старому линейному кораблю "Юта", с которого давно сияли вооружеиие; его использовали в качестве плавучей мишеии иа маневрах. Чтобы защитить корабль от учебных бомб, его палуба была покрыта толстыми деревянными брусками. "Юта" стоял отдельио от остальных линейных кораблей, а его палуба имела необычный вид. Некоторые японские летчики решили, что перед иими авианосец, и серьезио занялись кораблем. На иего обрушился ливеиь бомб и торпед. Немногочисленный экипаж корабля-мишеии, привыкший к учебным бомбардировкам и обстрелам, сохраиил завидное присутствие духа. Под огнем япоиских самолетов людн органнзоваиио покинули корабль. "Юта" в результате попадания торпед перевернулся. Три легких крейсера — "Хелеиа", "Гоиолулу" и "Рэлей" — получили довольио серьезные повреждения, а эсминец "Шоу" пострадал при пожаре.

За утро 7 декабря япоиская авиация потопила пять линкоров, повредила три. Выведены из строя, ио остались иа плаву трн легких крейсера, сильио пострадали трн эсминца. Повреждены илн потоплеиы четыре вспомогательных судна, включая "Юту". Всего 18 кораблей, ие считая затопленного сухого дока № 2. Впоследствии большинство кораблей было виовь введеио в строй. Не удалось восстановить линкоры "Аризоиа", "Оклахома", корабль-мишеиь "Юта", эсминцы "Кессин" и "Даунс".

Киммелю, ии на секунду не покидавшему своего поста — у окиа командного пункта, выходившего иа гавань, — докладывалн иовости одна другой хуже. Звякнуло оконное стекло. Пуля из крупнокалиберного пулемета иа излете разбила его, ударила адмирала в грудь, оставив черкую метку на белосиежном кителе, и упала иа пол. Киммель поднял ее и с глубокой скорбью произиес, ии к кому особо ие обращаясь: "Куда милосердней убить меня..."

В разгар иалета авиации дали о себе зиать япоиские подводные лодки. В 8.17 с эсминца "Хэлм", полным ходом вырвавшегося из Пёрл-Харбора, виезапно увидели рубку подводной лод-

Адмирал Ямамото

Адмирал Нагумо

М. Гэнда

М. Футида

Г. Стимсон

Адмирал Старк

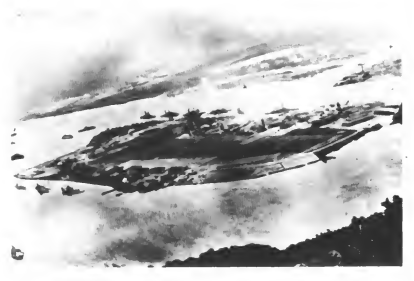
Адмирал Киммель

Генерал Шорт

Штаб Тихоокеанского флота США

Штаб Объединенного флота Японии

Хэлл, Номура и Курусу

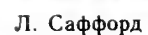


Линкоры в Пёрл-Харборе под ударом

Американский эсминец взлетел на воздух

Линкоры горят!

Взрывы, пожар...



Л. Саффорд

А. Крамер

Пёрл-Харбор расследуют

Тушат пожары в Пёрл-Харборе

Концлагерь для американцев японского происхождения

ки. Эсминец немедленно открыл огонь. Рубка скрылась, а в штаб было послано предупреждение об опасности со стороны подводных лодок. В 8.30 появилась еще одна подводная лодка, на этот раз внутри гавани. Она успела выпустить обе торпеды, которые не нашли целей. Эсминец "Монагхэм" обстрелял, таранил, атаковал ее глубинными бомбами и в боевом азарте выскочил на берег. На этом закончилось участие японского подводного флота в боевых действиях.

Две сверхмалые лодки были потоплены, две пропали без вести, а пятая — под командованием Сакамаки — весь день 7 декабря безуспешно пыталась пробраться в Пёрл-Харбор. Именно эту лодку увидел и обстрелял эсминец "Хэлм". Через перископ подводники видели налет авиации и горели желанием оказаться в центре событий. Но лодка несколько раз натыкалась на рифы, повредив оба торпедных аппарата. Моряки поклялись, что если они прорвутся в гавань, то направят лодку к линейному кораблю, предпочтительно к "Пенсильвании", и взорвутся вместе с ним. И этот замысел осуществить не удалось и не потому, что линкор был в сухом доке, о чем они не знали, а потому, что суденышко плохо поддавалось управлению и в конце концов застряло на рифе.

Подводники попытались вплавь добраться до берега, доплыл один Сакамаки. На пляже он упал без сил, а когда очнулся, увидел винтовку стоявшего над ним американского солдата. В Токио десять членов экипажей сверхмалых подводных лодок посмертно повысили в чине, о судьбе Сакамаки, первого японского военнопленного, еще не знали. Кроме того, одна большая подводная лодка была потоплена у входа в Пёрл-Харбор. Командование японского флота тогда так и не узнало о жалком конце предприятия с подводными лодками. В штабе Объединенного флота тем не менее родилась легенда, давшая весной 1942 года обильную пищу токийской прессе, о сверхподвигах подводников при нападении на Пёрл-Харбор. На счет карликовых лодок пропагандисты в Токио записали гибель линкора "Аризона" и другие поражавшие воображение свершения.

"Как бы удрать с добычей"

Одновременно с ударом по кораблям был совершен налет на аэродромы. По японским подсчетам, на Гавайских островах было по крайней мере 900 самолетов[67], в действительности по крайней мере в три раза меньше. Самолеты на аэродромах представляли собой удобную и заманчивую цель — по приказу генерала У. Шорта они во избежание диверсий стояли группами

на открытых местах. Так было на аэродромах Хикэм и Эва, около Пёрл-Харбора, на аэродроме истребительной авиации Уиллер, в центре Оаху, и других. На базе морской авиации в Канэохэ, расположенной в восточной части Саху, гидросамолеты ровными рядами покачивались на якорях.

Уже в первые секунды внезапная атака внесла страшное опустошение. Японские бомбардировщики бомбили с пикирования и бреющего полета, а истребители штурмовали аэродромы и находившиеся вблизи здания. Заправленные самолеты на рулежно-подходных дорожках вспыхивали факелами, на базе Канэохэ гидросамолеты тонули или горели в ангарах.

В 8.00 к Оаху подошли 12 бомбардировщиков Б-17 под командованием майора Лондона, совершивших 14-часовой перелет из Сан-Франциско (для тех времен громадное расстояние). И горючее было на исходе. Самолеты прибыли из Калифорнии облегченными: с них сняли вооружение, броню и сократили экипажи. Когда американские летчики увидели множество самолетов, снующих в небе над аэродромами, они решили, что местные авиаторы приготовили им торжественную встречу. Истребители тем временем пристраивались в хвост бомбардировщикам. Американские пилоты, расстегивая спасательные пояса, только дивились многочисленному эскорту. Через несколько мгновений пулеметный огонь с "эскортирующих" самолетов открыл им глаза на истинное положение вещей.

Майор запросил контрольную башню на аэродроме Хикэм о порядке посадки. Ему спокойно сообщили все необходимые данные, а когда бомбардировщик снижался на взлетно-посадочную полосу, невозмутимо добавили, что на хвосте его машины висят три японских истребителя. Под аккомпанемент пулеметных очередей, бивших по обшивке, бомбардировщик Лондона совершил посадку среди полыхающих на земле самолетов. Еще несколько Б-17 приземлилось в Хикэме, а остальные пытались найти места поспокойнее, но все аэродромы на Оаху были под огнем. Где бы ни появились Б-17, их обстреливали японские истребители как в воздухе, так и на земле. Некоторые бомбардировщики были серьезно повреждены. Японские летчики чисто профессионально отметили живучесть этих машин.

С земли было трудно разобрать, что происходит в сумятице воздушного боя. Адмирал Пай, спешивший к месту службы, обратил внимание своего спутника адмирала Лири: "Смотрите, они умудрились написать "Армия США" на своих самолетах". Над ними пролетел бомбардировщик Б-17 в огненном кольце японских истребителей.

На аэродромах стреляли все, кто только смог найти оружие, — из пулеметов, винтовок и даже пистолетов. Но неорганизованный огонь не причинял видимых потерь японским самолетам. Немногие американские летчики, поднятые с постели налетом, сумели добраться до аэродромов, еще меньше нашли самолеты, пригодные к полету, и лишь десятку из них удалось подняться в воздух.

Героями американской авиации оказались лейтенанты Джордж Уэлч и Кен Тайлор. Ночь на воскресенье юноши провели без сна на танцах и за карточным столом. На рассвете они держали военный совет: что лучше — лечь спать или сначала искупаться в море. Уэлч убедил приятеля, что нет ничего полезней утренних купаний. Налет застал их в дороге — лейтенанты ехали в Халейву, там был небольшой аэродром, на котором стояла их эскадрилья. В Халейве не было никого из начальствующего состава, командир эскадрильи майор Остин охотился на оленей. Уэлч и Тайлор взлетели в воздух и вступили в бой в районе аэродрома Уиллер. Они сбили 7 японских самолетов из 11 уничтоженных в воздушных боях над Оаху утром 7 декабря. На аэродромах были уничтожены 188 и повреждены 128 американских самолетов.

Тем временем к Пёрл-Харбору приближались двумя группами 19 самолетов с авианосца "Энтерпрайз". Корабль находился в 200 милях прямо к западу от Оаху и должен был прийти позднее. Как обычно, авианосец выслал вперед патрульные самолеты, которые, завершив полет, должны были приземлиться на аэродроме Уиллер[68].

Лидер — торпедоносец командира группы Б. Янга. Вместо стрелка заднюю кабину занимал офицер из штаба адмирала Хэлси, вооруженный не пулеметом, а портфелем с секретными документами о выполненной миссии "Энтерпрайза" — доставке истребителей на остров Уэйк. Около 8.30 торпедоносец Янга подлетал к Пёрл-Харбору. Впереди стена разрывов зенитных снарядов. Янг подивился воскресным учениям, да еще в районе базы, но, решил он, зенитчики знают лучше, примут меры предосторожности и не поразят свой самолет. Он без колебаний направился к аэродрому. Офицер в задней кабине был заворожен — армейский самолет, как он было решил, зашел в хвост, от него "быстро полетели как бы сигаретные окурки". Проследив их направление, он замер — от "окурков" посыпались кусочки алюминия с крыла.

Самолет проскочил торпедоносец, на крыльях и фюзеляже красные круги... Янг понял и резко бросил торпедоносец на снижение через трассирующие очереди американских пулеметов и разрывы зенитных снарядов. Историограф "Энтерпрайза"

зафиксировал: "В отчаянные секунды между нападением н посадкой не было временн предупредить зскадрилью, уже подходившую к острову. Когда Яиг нажал на тормоза и его торпедоносец замедлил бег по аэродрому, матрос на летном поле иавел на иего пулемет. В зтот кровавый час он уже забыл, что в Пёрл-Харборе могут быть самолеты, ие домогающнеся его смертн. Пулеметную очередь по самолету предотвратил какой-то летчик, бросившийся на моряка с увесистым камием в руке".

В зтн минуты репродукторы на "Энтерпрайзе" донеслн крик пилота другого торпедоиосца: "Пожалуйста, не стреляйте! Не стреляйте! Это свой самолет!"[69] Пять самолетов с "Энтерпрайза" были сбиты усилиями как японских самолетов, так, по-видимому, и американских зеиитчиков. Печальная участь авиагруппы Янга мало понятна, с ией расправились через полчаса после того, как с Гавайев предупредили кораблн в море о том, что на Пёрл-Харбор налетела япоиская авнация. Утверждают, что по получении предупреждения адмирал Хэлсн на борту "Энтерпрайза" отреагировал перед отвечавшим за связь: "Боже мой! Онн стреляют по моим ребятам, немедленно сообщите Киммелю!"[70] Но почему бравый адмирал не приказал оповестнть Янга, которому оставалось полета до Пёрл-Харбора не менее получаса?

Авиагруппа с "Энтерпрайза" испытала на себе то, что встретили японские самолеты второй волны, начавшне действовать в 9 часов, — плотный огонь флота н зенитных средств с берега. Соответственно распределилнсь н потерн. Всего японская авиация от огня зенитной артиллерии н в воздушных боях потеряла утром 7 декабря 29 самолетов: 9 в первой волне и 20 во второй.

По мнению Футида, однако, бешеный зенитный огонь был благом для второй волны! В его воспоминаниях, опубликованных посмертно в американской печати, сказано, пожалуй, с оттенком интеллектуального высокомерия: "Когда подошли самолеты второй волны, небо было так покрыто облаками и дымом, что самолетам было трудно отыскать свои цели. Атаку еще более осложнял жестокий зенитный огонь с кораблей н берега. Но Эгуса бесстрашно повел через него свои пикировщики. Его самолеты избрали целями те корабли, с которых велся самый сильный огонь. Решенне оказалось правильным, нбо зти корабли пострадалн меньше от первого налета. Вторая волна обрушилась на менее поврежденные линкоры и ранее оставшиеся целымн крейсеры н эсминцы".

Бомбардировщик самого Футида, хорошо нзвестный всем летчикам, поспевал везде в небе над Пёрл-Харбором. Он, как приднрчивый посредник на маиеврах, вникал в детали действнй

первой и второй волны. Со скромным самолюбованием он написал: "Снова (от разрывов снарядов.– *Н. Я.*) нас страшно трясло и наши самолеты болтало. Вдруг я увидел, как с самолета впереди нас упала бомба. Этот пилот уже проявлял беспечность. На учениях он несвоевременно сбрасывал бомбы и часто получал замечания.

Я подумал: "Этот проклятый опять взялся за свое!"– и погрозил ему кулаком. Но скоро я понял, что с его самолетом неладно, он терял горючее. Я написал на маленькой черной дощечке: "Что случилось?"– и показал ему. Он объяснил: "Пробило дно фюзеляжа".

Только теперь я разглядел, что остатки разбитого бомбодержателя на его самолете бешено болтались в воздухе. Испытывая сожаление за то, что порицал его, я приказал вернуться на авианосец. Он ответил: "Бензиновый бак уничтожен. Следую за вами". Видя настроение пилота и его экипажа, я разрешил, хотя понимал, что бесполезно вести искалеченный самолет без бомб через вражеский огонь". Футида благоразумно не рассказал о конечной судьбе этого бомбардировщика, а продолжил описание своих свершений – наблюдение за точностью бомбардировки: "Я растянулся ничком на полу, наблюдая за падением бомб через смотровое отверстие. Четыре бомбы в безукоризненном порядке летели вниз, как дьяволы судьбы. Цель была так далеко внизу, что я на мгновение засомневался, поразят ли они ее. Бомбы становились все меньше и меньше, я затаил дыхание, боясь потерять их из виду. Я забыл обо всем, в волнении следя за их полетом к цели. Они превратились в маковые зернышки и наконец исчезли в момент, когда белые клубы дыма появились на корабле и вблизи него. С большой высоты близкие попадания заметнее, чем прямые, ибо от первых расходятся круги по воде. Отметив только два таких круга и две небольшие вспышки, я закричал "два попадания!" и встал с пола"[71] и т. д.

Высокая выучка японских летчиков привела к тому, что жители Гонолулу испытали силу зенитного огня, но не бомбардировки с воздуха. В горячке боя, когда с раскаленных стволов орудий клочьями свисала краска, артиллеристы не следили за направлением снарядов. Во время налета в городе раздалось 40 взрывов, вызвавших человеческие жертвы и причинивших ущерб на 500 тыс. долл. Собравшиеся у трупов – а среди убитых была 13-летняя девочка – проклинали японских варваров, попирающих законы войны. Последующее расследование показало, что лишь один из 40 взрывов был взрывом японской бомбы – у городской электростанции, остальные – дело рук зенитчиков флота[72].

В 9.45 все было кончено. Отбомбившись и израсходовав боеприпасы, самолеты второй волны повернули обратно. Еще с полчаса над Пёрл-Харбором висел в воздухе одинокий самолет с красной и желтой полосами на хвосте. Мицуо Футида определял размеры ущерба. Дым от пожаров, мешавший бомбометанию, не способствовал и наблюдению, но ему удалось сделать несколько удовлетворительных снимков гавани. Разрушения и потери на аэродромах было определить труднее, однако в воздухе не было видно ни одного американского самолета, и это давало ответ. Затем Футида направился к месту сбора, чтобы убедиться, что там не задержались самолеты, — истребители не имели радиопередатчиков и их следовало вести назад к авианосцам. Действительно, в воздухе бесцельно кружились два истребителя. Они пристроились к самолету Футида и легли на обратный курс.

Японские самолеты возвращались на авианосцы, следуя прямо на север: горючее было на исходе, и применить ложные пути отхода было невозможно. Около 10 часов утра с авианосцев заметили черные точки на горизонте. Они быстро росли, и скоро воздух заполнился гулом — вернулись торпедоносцы, бомбардировщики и истребители первой волны. Машины поспешно садились — стрелки указателей горючего дрожали около нулей. Погода испортилась, и возвращение на авианосцы было трудным. Чтобы не загромождать полетные палубы, несколько сильно поврежденных машин пришлось столкнуть в воду.

Пилотов приветствовали, забрасывали вопросами. Большинство с гордостью рассказывало о своих успехах, некоторые жаловались, что их бомбы и торпеды "чуть-чуть" не попали, и умоляли разрешить еще один вылет. Потери — 29 сбитых и 74 серьезно поврежденных самолета — не останавливали. Хотя намерения командования не были известны, самолеты заправили горючим, зарядили оружие. Ждали лишь команды для повторного налета.

Гэнда горячо доказывал, что говорить о полном успехе нельзя. Так и не удалось обнаружить оперативные группы с американскими авианосцами. Он был уверен, что "над Нагумо будут всегда смеяться грядущие поколения, если он не нанесет еще удар по Пёрл-Харбору". Разумеется, об этом своем открытии он счел за благо не сообщать командованию 1-го воздушного флота, а просто доложил Нагумо: "Нужно остаться в этом районе еще на несколько дней, найти и уничтожить вражеские авианосцы"[73].

Около полудня колеса последнего, 321-го самолета ударились о палубу. На "Акаги" вернулся Футида. Он поднялся на

мостик в разгар оживленной дискуссии, которую прервали, чтобы выслушать мнение руководителя операции. Когда Футида закончил доклад, Нагумо несколько напыщенно заявил: "Теперь мы можем заключить, что ожидавшиеся результаты достигнуты". Заявление для всех. Между собой Нагумо и Кусака сошлись, что цели операции выполнены на 80 процентов, стоит ли ставить под угрозу драгоценные авианосцы ради оставшихся 20 процентов? Кусака повторил свой довод: "Операция должна быть проведена с такой же стремительностью, как пролетает демон, а окончание ее — улетающий порыв ветра". Они там, на мостике "Акаги", нанеся предательский кровавый удар, впали в поэтическое настроение.

Напрасно офицеры авиации пытались переубедить Нагумо, указывая, что на Оаху еще множество соблазнительных целей. Напрасно Футида предлагал разбомбить в Пёрл-Харборе топливные емкости, доки и мастерские, а затем повернуть на юг и искать американские авианосцы "Энтерпрайз" и "Лексингтон". Горячие тирады летчиков прервал Кусака, беспокойно поглядывавший на небо. Он попросил разрешения Нагумо лечь на обратный курс. Нагумо разрешил. В час дня оперативное соединение со скоростью 26 узлов пошло на запад, к берегам Японии.

Там, на базе в Куре, возбужденные работники штаба Ямамото ждали дальнейших сообщений. Узнав об удаче, все единодушно считали, что будет нанесен второй удар. Ямамото с обычной беглой насмешливой улыбкой заметил, что Нагумо, наверное, чувствует себя как "вор", отчаянно смелый в пути " на дело", а теперь только и думающий, как бы удрать с добычей. Он подумал, переменил тон и тихо произнес: "Адмирал Нагумо собирается отступить". Через несколько минут шифровка с "Акаги" подтвердила его слова. Оперативное соединение возвращалось. Нагумо больше не хотел искушать судьбу. Потрясенный Гэнда на всем пути назад свел общение с командованием 1-го воздушного флота до служебных формальностей. Нагумо, надутый, как павлин, величественно появлялся на людях. Ему доложили: "По радио сообщили, что адмирал Киммель потерял голову". Нагумо понял буквально — отрубили-де голову. С глубоким вздохом он выдавил из себя: "Я все время ощущаю, что оказал Киммелю дурную услугу". Подчиненные поспешили заверить адмирала, что в радиосообщении о голове американского адмирала сказано фигурально.

Если современникам, особенно адмиралам, считавшим, что линкоры — главная сила флота, вывод из строя восьми линейных кораблей представлялся катастрофой для США, то ретроспективный взгляд на события 7 декабря 1941 г. убеждает,

что японский успех направил косное американское военно-морское мышление на правильную дорогу. Линкоры, ушедшие на дно в Пёрл-Харборе, олицетворяли собой прошлый день в войне на море. Японские летчики блистательно доказали, что отныне битвы на океанских просторах решают авианосцы, а тяжелые корабли — лишь их прикрытие. Ничтожные потери японцев по сравнению с американскими* убеждали самых упрямых. Главное, командование японского оперативного соединения не захотело и не смогло уничтожить Пёрл-Харбор как военно-морскую базу США на Тихом океане.

"День позора"

Чтобы ни случилось в дальнейшем, днем 7 декабря на Гавайях были твердо убеждены, что враг у порога и с минуты на минуту полчища японцев вторгнутся на острова. Уже в 9.30 на улицах Гонолулу продавался экстренный выпуск местной газеты с гигантским заголовком на первой странице: "Война! Японские самолеты бомбят Оаху!"

Все, в чем годами подозревали местных японцев в глазах как американских военных, так и обывателей Гонолулу, обернулось правдой. Истерики и демагоги бросились туда, где враг был доступен, — к генеральному консульству. ФБР и полиция, однако, успели первыми к осиному гнезду, выставив караул вокруг здания. Со двора генерального консульства поднималась жидкая струйка дыма, едва видимая на фоне зловещих, смрадных туч, наползавших от Пёрл-Харбора. Генеральный консул Кита с Есикава деловито жгли документы.

Долго-долго, вплоть до 70-х годов, в американской литературе кочевал из книги в книгу апокрифический рассказ о бдительном полицейском, оказавшемся среди приставленных к генконсульству. Как, например, писал Д. Уайтхед в "Истории ФБР": "Нагао Кита. Это имя нужно помнить в истории шпионажа во второй мировой войне. Если кто и помог удару по Пёрл-Харбору, то им был Кита. Под прикрытием дипломатической

* Японцы потеряли 55 человек — экипажи сбитых самолетов — и 9 человек на сверхмалых подводных лодках. Еще несколько десятков человек погибло на большой подводной лодке. США потеряли: флот — 2008 убитыми и 710 ранеными, армия — 218 убитыми и 364 ранеными, морская пехота — 109 убитыми и 69 ранеными. Кроме того, погибли 68 человек и были ранены 35 гражданских лиц. Всего 2403 убитых и 1178 раненых. Почти половина убитых приходилась на погибших при взрыве "Аризоны".

неприкосновенности он передавал Токио сведения о движении кораблей в Пёрл-Харборе. А теперь, когда удар был нанесен, он стремился уничтожить свидетельства этого.

Но стопы бумаг горят медленно. Охранник увидел, что жгут бумаги. Он ворвался в генеральное консульство и выхватил у протестовавших японцев шифровальную книгу и кипу донесений. Все это было передано ФБР, которое переслало их органам флота для дешифровки"[74]. Из рук вот этого полицейского США-де и получили сверхсекретные данные о деяниях врага в самый канун войны. В действительности, как мы увидим дальше, дело обстояло совершенно по-иному, а сказочка была пущена в обиход, чтобы не допустить разглашения сведений о гигантском размахе работы разведки США.

Версия эта оказалась полезной и для нагнетания страха по поводу японской "пятой колонны". Вверив борьбу с ней ФБР, полиции и добровольцам, командование вывело весь гарнизон, до последнего человека, на боевые посты. Армия и флот были готовы встретить врага.

На островке Форд вырастали бастионы из мешков с песком. На "Неваде", крепко сидевшем на дне, готовились к последнему бою. Отряд моряков сошел на берег рыть окопы. План обороны линкора предусматривал: держаться, сколько возможно, на корабле, а затем отступить на берег и там сражаться до последней капли крови. На аэродроме Уиллер воины установили пулеметы, запаслись из разбитого склада бутылками с пивом и намеревались грудью защитить каждую пядь земли. В штабах жгли документы. Из сухого дока в гавани грозные 14-дюймовые орудия стерегли вход в Пёрл-Харбор. Флагман Тихоокеанского флота — линкор "Пенсильвания", прочно опираясь на кильблоки, изготовился к решительному бою. Но где враг? Японцы таинственным образом исчезли.

В штабе флота не щадили усилий, чтобы обнаружить противника. Х. Киммель подсознательно чувствовал, что противник пришел с севера, однако все время поступали сообщения о японских авианосцах, замеченных к югу от Оаху. Источником одного из донесений об этом был наверняка крейсер "Миннеаполис", возвращавшийся с учений и находившийся в этом районе. Капитан крейсера приказал доложить Киммелю: "Никаких авианосцев не видно". При передаче напутали и сообщили: "Вижу два авианосца".

Примерно в 10 часов утра Киммель приказал адмиралу М. Драмелю атаковать два японских авианосца, находящихся якобы в 30 милях к юго-западу. Драмель, под флагом которого находился отряд из трех крейсеров и дюжины эсминцев — эти

корабли не были повреждены во время налета, – передал сигнал: "Сосредоточиться и атаковать".

Отряд ринулся на юго-запад, но никого не обнаружил. Однако его увидел разведывательный самолет с авианосца "Энтерпрайз". Летчик решил, что он наконец нашел вражеские корабли. С "Энтерпрайза" по радио передали срочное сообщение в штаб Киммеля, оттуда Драмелю последовал новый приказ – искать. Отряд приступил к тщательным поискам самого себя!

Командир эскадрильи самолетов, вернувшийся с Мидуэя, лично доложил в штабе Киммеля, что южнее Оаху наблюдал японский авианосец и эсминец. Почти все офицеры штаба расспросили его, летчик стоял на своем: "Это был японский авианосец, я видел восходящее солнце, нарисованное на полетной палубе". К тому же коварный враг замаскировался – "на палубе были нарисованы надстройки тяжелого крейсера". Но в штабе Киммеля сообразили проверить; в этом районе находилась оперативная группа под флагом адмирала У. Брауна. Запросили его, адмирал недовольно ответил, что только что американский самолет отбомбился по подчиненному ему крейсеру "Портленд". К счастью, промазал, хотя "две бомбы легли рядом".

Уцелевший Б-17 взлетел с аэродрома Хикэм и, как другие патрульные самолеты, направился в поиск на юго-запад от Оаху. Вскоре он увидел "прекрасный авианосец", вдоль всего борта которого внезапно засверкали вспышки. С авианосца встретили приближавшийся бомбардировщик сосредоточенным огнем. "Бог возложил в этот миг на меня руку, я понял – это не японский авианосец", – рассказывал потом командир Б-17. Он повернул и направился на северо-запад. Впоследствии подсчитали: если бы Б-17 не сделал крюк на юг и не потерял время, он обнаружил бы отходивший на запад "Кидо Бутай" Нагумо.

В 12.10 с Оаху вылетели девять самолетов, которые обследовали водные просторы на 200 миль к северу: японского флота не видно. В штабе Киммеля, однако, не позаботились спросить тех, кто знал. Майор Лондон тщетно пытался доложить, что, когда его Б-17 прибыл к Гавайям, японские самолеты прилетали и возвращались на север. Его не слушали. Радиолокационные установки, в том числе на горе Опана, вновь работали. Они передали в информационный центр все необходимые данные об обратном курсе самолетов. Но в штабах флота никому не пришло в голову запросить этот армейский центр, забыли, что радар дает возможность проследить не только подход, но и уход самолетов.

О местонахождении врага не было ничего известно, и дикие слухи с быстротой молнии облетали Оаху.

С едким сарказмом автор документальной книги "День позора" У. Лорд писал: "В довершение несчастий вышло указание — собрать всех, говорящих по-японски. Это подсказывало самые неприятные возможности. Младший лейтенант Джон Ландрет слышал, что по радио объявили о японской высадке у Даймонд-Хеда. Радист Лафата со "Свона" услышал новости похуже: японцы уже взяли Уайкики.

Но, по мнению спасшихся с "Аризоны" на сборном пункте, опасность исходила не с востока, а с запада — сорок японских транспортов стояли у Барбара-Пойнтса. Дело обстояло куда сложнее, заметил кто-то артиллеристу Ральфу Карлу с "Теннесси", десант высадился на пляже Уэие. Другие клялись, что японцы высадились на севере. Рабочий доков Джеймс Спагнола узнал, что все северное побережье острова было потеряно. В Шофилде лейтенанта Роя Фостера информировали, что в ближайшие полчаса-час последует вторжение на Шофилд и Уиллер, а сержант морской пехоты Бердет Одекирк точно знал — Шофилд пал.

Как будто морских десантов было недостаточно, распространились слухи, что японские парашютисты дождем сыпятся с небес — на побережье Нанакули на северо-западе, на поля сахарного тростника к юго-западу от острова Форд, на долину Маноа к северу от Гонолулу. Их можно узнать по красному солнцу, нарисованному на спине, или по красной метке над левым нагрудным карманом, или по значку красного солнца на рукаве. Во всяком случае, все они носят синие комбинезоны"[75].

Немедленно отправлялись отряды, чтобы проверить эти сообщения и затем опровергнуть их. Громадную тревогу вызывали местные японцы. Говорили о том, что вот-вот начнется восстание. Очевидцы утверждали, будто шофер-японец на тяжелом грузовике с цистерной для молока разъезжал по аэродрому Уиллер, отбивая хвосты у самолетов, и был на месте застрелен бдительным офицером.

Разнесся слух, будто японские агенты отравили источник воды у аэродрома Эва. Узнав об этом, люди, пившие воду, почувствовали себя плохо и были доставлены в госпиталь. Попытка подполковника Фрэнка Лейна опробовать воду не удалась: собачка, избранная для проверки, подозрительно упрямилась, отказывалась лакать воду. Другой пес попал под куда более тяжкое подозрение. Некий бдительный обыватель доложил военным властям, что "на пляже Эва собака лает шифром в направлении подводной лодки у побережья". Опрашивавший его офицер отметил: заявитель "был абсолютно серьезен и верил в то, что говорил".

Жителей Оаху, японцев по происхождению, принимали за переодетых вражеских солдат. Среди местных японцев распространился слух: американская армия, мол, перебьет всех до одного. Затем якобы планы американцев изменились: всех мужчин-японцев расстреляют, а женщин заморят голодом. Американские солдаты на каждом шагу грозили японцам оружием, а ФБР и полиция не смогли реализовать свои обширные планы ареста "подозрительных" только по причине нехватки грузовиков и охраны.

В 11.15 губернатор островов 72-летний Джозеф Пойндекстер дрожащим голосом прочитал по радио прокламацию о введении чрезвычайного положения. Он уже был смертельно напуган: зенитный снаряд разорвался рядом с его машиной по дороге, другой залетел в здание губернаторского дворца. Не успел губернатор закончить чтение, как позвонили из штаба, приказав немедленно прекратить передачу — ожидается новый налет и самолеты используют работающую радиостанцию как приводной маяк. Молодые помощники губернатора повиновались приказу. Они, не вдаваясь в объяснения, схватили его, вытащили на улицу, стремительно посадили в машину. Шофер резко взял с места, и машина вихрем помчалась по улицам Гонолулу. Ошеломленный губернатор серьезно решил, что он допустил какую-то фатальную ошибку в передаче и арестован военными властями.

В полдень на улицах Пёрл-Харбора и в военных городках у аэродромов появились машины с громкоговорителями. Семьям военнослужащих приказывалось эвакуироваться без промедления. Перепуганные женщины, собрав детей и прихватив кое-какие вещи, заполняли грузовики и автобусы, свозившие их к университету в Гонолулу и зданиям школ. Там в страшной тесноте они с волнением ожидали новых ужасов.

Генерал У. Шорт, вместе со штабом обосновавшийся в глубоком туннеле склада боеприпасов в трех милях от форта Шафтер, был готов к отражению штурма. Но на островах еще не ввели военного положения, что, по мнению штаба, существенным образом подрывало боеготовность гарнизона. Из глубокого подземелья он по телефону заклинал Пойндекстера без промедления издать соответствующую прокламацию, ибо в штабе твердо знали: армада с десантом приближается к Гавайям. Губернатор, напуганный историей с утренней передачей, не хотел брать на себя ответственность и решил сначала связаться с Ф. Рузвельтом. Несколько часов он умолял цензора флота разрешить разговор с Белым домом. Наконец цензор уступил, и губернатор услышал бархатный голос президента. Рузвельт

согласился, что ввести военное положение неплохо. В 16.25 Гавайские острова прокламацией губернатора были объявлены на осадном положении.

Высокая боевая готовность на Оаху повлекла за собой многие и разнообразные последствия. Еще в 7.33 по гавайскому времени на радиостанцию компании "Вестерн юнион" пришла из Вашингтона шифрованная телеграмма на имя генерала Шорта. Юноша-посыльный из местного японского поселения Тадао Футиками получил ее для доставки вместе с письмами частным лицам. Одетый в обычную форму посыльных компании, он сел на мотоцикл и отправился по адресам. Очень скоро Футиками понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее — взрывы, стрельба зениток, самолеты, с ревом проносящиеся над головой.

Тадао не сообразил, что, по мнению бдительных солдат и полиции, японские парашютисты выглядели именно так, как он, — зеленая рубашка и брюки цвета хаки. Его останавливали на каждом углу, придирчиво проверяли документы. Потратив несколько часов, Тадао с большим трудом пробился к форту Шафтер. Результат: в 15.00 генерал Шорт держал в руках расшифрованную телеграмму, которую человек со смелым воображением мог истолковать как предупреждение о намерении Японии открыть военные действия. Шорт немедленио направил копию документа Киммелю. Адмирал холодно заметил посланцу, что телеграмма не имеет никакого значения, скомкал ее и бросил в корзину под столом.

Когда сгустились сумерки и было введено полное затемнение, начали рождаться самые мрачные слухи. Японцы-де уже высадились в США и продвигаются к Лос-Анджелесу, обе оперативные группы — "Лексингтон" и "Энтерпрайз"— потоплены. Настроение несколько улучшили известия, распространившиеся среди моряков: во-первых, русские бомбят Токио, во-вторых, всем уцелевшим во время налета на Пёрл-Харбор будет дан месячный отпуск. То там, то здесь вспыхивала стрельба: стреляли часовые, целые подразделения вели огонь друг по другу. Солдаты 27-го и 98-го полков долго перестреливались. Наконец один раненый разразился такой бранью, по которой "противник" наверняка определил, что перед ним свои. В порту пулеметная очередь с "Калифорнии" срезала двух спасшихся с "Юты", а на Оаху было множество раненых. В полях пули нашли несметное количество мангустов, да и олени пострадали.

Семьи военнослужащих продолжали свозить на сборный пункт и с наступлением темноты. Жена командира дивизии Д. Вильсона запомнила жуткую ночь, когда автобусы, перегру-

женные женщинами, детьми и пожитками, с черепашьей скоростью ползли по дороге, ие зажигая фар. Они часто застревали в траиспортных пробках, а иад машинами все свистели пули, не смолкала беспорядочная стрельба. "Большая часть женщин утратила даже контроль иад собой. Они плакали и кричали, как перепуганные дети. Некоторые стояли иа коленях, бормоча бессвязные молитвы".

В Гоиолулу было ие лучше. Жеиа офицера-подводника П. Райана даже через сорок лет ие могла забыть ужаса, вызванного распорядительностью властей. В каждом квартале был изиачен дежурный следить за соблюдением затемнения. "В иочь на 8 декабря, — писала оиа, — такой дежурный 60-летний гавaец китайского происхождения столкнулся с двумя приятелями, также дежуриыми. В темноте они приняли его за япоиского парашютиста и, перепуганные до смерти, забили друга тяжелыми фонарями. На следующий день он умер в больнице от травм черепа. Трагедия послужила уроком, и люди с наступлением темноты не покидали домов"[76].

Полковник Фидлер во главе отряда солдат лично проверил сообщение о том, что кто-то сигиалит синим светом в районе базы. Солдаты в стальных касках с примкнутыми штыками окружили подозрительное место: два фермера доили корову в условиях затемнения, обернув старую лампу синим целлофаиом. Мелькавшие тени рук на ее фоие и были "сигналом".

Во второй половине дня адмирал Хэлси на борту "Энтерпрайза" получил долгожданную ориентировку: японские корабли обнаружены к югу от Оаху. Пилоты торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков в предвкушеиии добычи с энтузиазмом стартовали с авианосца под прикрытием шестерки истребителей. Они провели длительный поиск и нашли корабли — американские, шедшие, чтобы присоединиться к "Энтерпрайзу". Разочарованные пилоты с трудом посадили в темноте свои тяжелые самолеты (было приказано ие освобождаться от торпед и бомб). Истребителей, которые сожгли за четырехчасовой полет почти все горючее, направили иа аэродром на острове Форд.

Ведущий знал о повышенной боевой готовности. Он точно договорился по радио с офицером на контрольной башне о порядке посадки. Было приказано включить бортовые огни и выдерживать установленное направление. Всем кораблям и зенитным батареям строжайшим образом приказано не открывать огня: самолеты — свои. Но стоило им появиться в зоне Пёрл-Харбора, как линкор "Пеисильвания", подав пример бдительности, ощетинился огием. В одно мгновение застреляло все,

что могло стрелять. Пять самолетов были тут же сбиты, три летчика успели выпрыгнуть с парашютами из горящих машин, одного из них изрешетили из пулемета, пока он плыл в гавани. Благополучно приземлился лишь один самолет: пилот стремительно спикировал на зенитную установку, ослепил светом стрелков и отвернул в сторону. Через 10 минут, когда стрельба угасла, он запросил по радио инструкцию о посадке. Ему было сказано: подходить на бреющем полете, не зажигать огней. Он не смог сесть, как свой самолет, но успешно сделал посадку, как вражеский[77]. На кораблях боевой дух необыкновенно поднялся: наконец япошек проучили.

Гавайи изготовились к бою

Суровый воинский порядок водворился на Гавайях. Вдоль побережья рыли траншеи. На пляжах установили самые разнообразные заграждения. В тылу регулярных частей, занявших позиции, формировались территориальные войска. Трагическое и смешное соседствовало рядом. Сотни добровольцев пришли в военные госпитали. На Гавайях оказался доктор Д. Морхед, известный американский хирург. Вместе со своими коллегами он почти не отходил от операционного стола. Когда он вышел на минутку выпить кофе, рядом оказался начальник госпиталя. Морхед шутливо заметил, что, пожалуй, он теперь военный врач. Ретивый администратор понял слова хирурга буквально. Через полчаса он сунул голову в дверь операционной и прокричал, что доктор Морхед произведен в полковники медицинской службы.

Стремительно возникший Совет граждан Гонолулу организовал посильную помощь: эвакуацию населения, раздачу продовольствия и т. д. Солдаты второго батальона территориальных войск, только что надевшие военную форму, не знали толком, что делать. Внезапно среди групп растерянных вчерашних штатских появился подтянутый сержант. Он прибыл в военной машине с широкими полномочиями — сколотить крепкий батальон. Солдаты охотно подчинились. Сержант сумел раздобыть все необходимое — оружие, снаряжение. Он месяц самоотверженно работал с батальоном, пока не попался на краже виски из магазина. Выяснилось, что он был солдатом, сбежавшим с гауптвахты утром 7 декабря. Он начал с похищения формы сержанта и автомобиля, а затем вступил в командование батальоном.

Но почему столь распорядительный тип не устоял перед соблазном похитить виски? Супруга офицера-подводника

П. Райана, давшая живые зарисовки Пёрл-Харбора в первые недели после японского налета, еще припомнила: "Днем 7 декабря губернатор запретил продажу всех спиртных напитков, включая вино и пиво. Неизбежно отсутствие вечерних коктейлей побудило самых предприимчивых среди нас попытаться проверить дикие рецепты изготовления браги из ананасового сока, которого у нас было предостаточно. К сожалению, получавшееся пойло было непригодно для питья.

Как-то нам удалось на время утолить жажду, когда один из мужей появился с литровкой чистейшего спирта. Он туманно объяснил, что "заимствовал его из корабельного нактоуза". Смешав спирт с фруктовым соком и льдом, мы получили приемлемый пунш, украсивший нашу дневную пирушку".

Все те тревожные дни на островах напряженно ждали японского вторжения. Его дождались только немногочисленные обитатели крошечного островка Ниихау, самого западного в группе Гавайских островов. Ниихау принадлежал богатой семье Робинсонов, которые стремились сохранить островок в таком виде, как они представляли себе Гавайи в далеком прошлом. Раз в неделю на Ниихау приходил с ближайшего острова, лежавшего в 20 милях к востоку, катер с припасами. Иных связей с Гавайями жители Ниихау, обслуживавшие скотоводческое ранчо, устроенное Робинсонами на острове, не имели.

Однако, когда около 2 часов дня 7 декабря японский самолет с пулевыми пробоинами в фюзеляже и крыльях сделал вынужденную посадку на острове, жители Ниихау среагировали молниеносно. Несколько мужчин отняли пистолет и документы у летчика и посадили его в импровизированную тюрьму. Поскольку пилот упорно отказывался говорить по-английски, простодушные островитяне прикомандировали к нему местного японца, а сами с нетерпением стали ждать катера, который что-то не приходил.

Решающие события развернулись 12 декабря: пилот, вступив в сговор с местным японцем, завладел всем оружием, имевшимся на острове, — револьвером и двустволкой. Вооружившись, они стали хозяевами деревушки, жители которой разбежались. Японцы сняли пулеметы с самолета и стали угрожать, что перестреляют всех островитян, если им не вернут документы, отнятые у пилота. Попытка использовать для передачи ультиматума дряхлую старуху — а только она осталась в деревне — не удалась. Никакие угрозы не могли оторвать ее от привычного занятия — чтения Библии.

Тем временем островитяне подготовились к отвоеванию Ниихау. В ночь на субботу им удалось стащить патроны к пуле-

мету, а с утра, по всей вероятности, самый сильный из жителей Ниихау вместе с женой отправился в разведку. Японцы схватили их. Островитянин по-доброму посоветовал не играть с оружием — как бы не случилось беды. Взаимные оскорбления — и скоро все четверо в жестокой схватке катались по траве. Пилоту удалось ранить из пистолета местного великана, что вывело его из себя. Он схватил пилота и разбил ему голову о каменную стену. Взглянув на бездыханное тело, его союзник застрелился на месте из ружья. Тем и закончилось вторжение на Ниихау, единственное на Гавайях.

Соучастие местного японца в попытке летчика с истребителя "Зеро" овладеть островком было единственной вылазкой "пятой колонны" на Гавайях. Таков честный вердикт истории. Тогда по горячим следам ответственные американские деятели думали по-иному. 12 декабря адмирал Х. Киммель докладывал Г. Старку: "Работа "пятой колонны" внесла громадное смятение".

Морской министр Ф. Нокс, приехавший в эти дни на Гавайи, сообщил Ф. Рузвельту: "Работа членов японской "пятой колонны" сразу за нападением заключалась в распространении по радио десятков ложных и противоречивых сообщений о направлении, куда улетели японские самолеты, а также о том, что везде маячат японские корабли"[78]. 15 декабря Нокс на пресс-конференции в Вашингтоне обобщил: "Я считаю, что "пятая колонна" сработала лучше всего за всю войну на Гавайях, за исключением, быть может, Норвегии".

По поводу этих и других алармистских суждений Г. Прандж заметил, имея за плечами десятилетия исследования Пёрл-Харбора: "В действительности флоту, армии и гражданскому населению Оаху вовсе не было нужды в помощи "пятой колонны" для создания всеобщего замешательства", взращенного, "как поганка на почве, унавоженной подозрениями и истерией"[79].

Г. Прандж прав.

США и Япония в войне

8 декабря в 12.20 в Вашингтоне кортеж из десяти сверкающих машин подъехал к южному входу Капитолия. Из первой вышел президент США Франклин Д. Рузвельт. Он был в морском плаще и опирался на руку сына Джимми в форме капитана морской пехоты. Охрана высыпала из трех машин и взяла в кольцо президента. Вокруг здания за кордоном конных полицейских — густая молчаливая толпа.

Президент приехал просить конгресс объявить войну Японии. В Капитолии все были в сборе. В 12.29 Рузвельт, поддерживаемый Джимми, вошел в зал палаты представителей, где проводились объединенные заседания конгресса. Немногословное представление спикера Сэма Райборна – и президент взошел на трибуну. Впервые за девять лет его встретили аплодисментами и республиканцы. Он произнес короткую речь, в которой сказал:

"Вчера, 7 декабря 1941 г., – в День позора – Соединенные Штаты были внезапно и злоумышленно атакованы военно-морскими и воздушными силами Японской империи. США были в мире с этой страной и по просьбе Японии все еще вели переговоры с ее правительством и императором, направленные на сохранение мира на Тихом океане. Больше того, через час после начала нападения японской авиации на остров Оаху посол Японии в США и его коллега передали государственному секретарю официальный ответ на недавние американские предложения. Хотя в ответе указывалось, что представляется бесполезным продолжать нынешние дипломатические переговоры, в нем не содержалось ни угроз, ни намека на войну или вооруженное нападение. Учитывая расстояние между Гавайями и Японией, нет никаких сомнений в том, что нападение умышленно готовилось в течение многих дней и даже недель. А все это время японское правительство сознательно стремилось обмануть Соединенные Штаты ложными заявлениями и выражало надежду на сохранение мира. Вчерашнее нападение на Гавайские острова нанесло огромный ущерб американским морским и военным силам. Погибло очень много американцев"*. Перечислив и другие пункты, в которых японские войска напали на американские владения на Дальнем Востоке в Тихом океане, Ф. Рузвельт просил конгресс объявить с 7 декабря 1941 г. войну Японии[81].

После непродолжительного обсуждения в 16.10 8 декабря конгресс принял объединенную резолюцию, объявлявшую войну между "императорским правительством Японии и правительством и народом Соединенных Штатов". США вступили во вторую мировую войну.

* Показателем неразберихи в США, связанной с Пёрл-Харбором, является и то, что подлинник этой речи Ф. Рузвельта был обнаружен в архивах через 43 года – в марте 1984 года! В библиотеке Франклина Д. Рузвельта хранились "подлинники и варианты всех 983 речей президента Рузвельта, за исключением одной этой, о Пёрл-Харборе". В тексте видны пометки Рузвельта, заменившего слова "день, который войдет в мировую историю" на "День позора"[80].

ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО

Нападение на Гавайские острова, как молния, поразило командующих на месте военных действий, но схватка с Японией не могла быть неожиданной для правящих кругов США. Пёрл-Харбор, или "День позора", как назвали его в Соединенных Штатах, был лишь логическим развитием и только очередным звеном в американо-японских отношениях. Рост межимпериалистических противоречий давно вел дело к такому исходу.

Еще в 1918 году В.И. Ленин, говоря о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Японией, подчеркивал: "Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно"[1].

В.И. Ленин считал, что в данном случае нет ни нападающей, ни обороняющейся стороны, а виновниками предстоявшего вооруженного конфликта явятся как Токио, так и Вашингтон: "Вы знаете, что война между Японией и Америкой уже готова, она подготовлена десятилетиями, она не случайна; тактика не зависит от того, кто первый выстрелит. Это смешно. Вы прекрасно знаете, что японский капитализм и американский одинаково разбойны"[2]. Последующие события подтвердили справедливость ленинского анализа.

По большому счету, Соединенные Штаты пожинали плоды своей политики в отношении Японии с конца XIX – начала XX века. В те времена Вашингтон в высшей степени благосклонно относился к Японии, больше того, серьезно поощрял ее империалистическую экспансию. Заодно с США выступала Англия, подписавшая в 1902 году договор с ней, направленный против России. Опираясь на английскую поддержку, Япония решительно укрепила свои позиции в Корее и Южной Маньчжурии и смело вошла в конфликт с Россией.

В ходе русско-японской войны 1904—1905 годов за спиной Японии уже открыто встали Соединенные Штаты. Политическая, экономическая и финансовая поддержка Вашингтона и Лондона дали возможность Японии возобладать над Россией. Однако в ближайшие годы, уже в первую мировую войну, выяснилось, что японские империалисты отплатили черной неблагодарностью своим англо-американским покровителям. Они вскармливали японский милитаризм против России, а Япония вознамерилась овладеть Китаем, стать ведущей силой на Дальнем Востоке и Тихом океане. На первом этапе — захлопнуть перед США "двери" в Китай, сведя на нет традиционную американскую политику "открытых дверей" и "равных возможностей" в Китае.

После завершения первой мировой войны США призвали Японию к ответу. Под сильнейшим американским нажимом на Вашингтонской конференции девяти держав в 1921—1922 годах японские империалисты были вынуждены расстаться со значительной частью своей добычи военных лет. Япония вернула Китаю занятую ею бывшую территорию, "арендованную" в свое время Германией. Японские представители поставили свои подписи под обязательством уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая, уважать принципы "открытых дверей" и "равных возможностей" в этой стране. Англо-японский договор 1902 года ушел в прошлое.

США вместе с ведущими странами Западной Европы озаботились ввести в надлежащие рамки японские морские вооружения. На конференции был подписан договор пяти держав (США, Англии, Японии, Франции, Италии), установивший тоннаж их линейных кораблей в пропорции 5:5:3:1,75:1,75. Ряд других соглашений на взаимной основе запрещал укрепление островных владений США, Англии и Японии. Вашингтонская конференция вызвала яростное недовольство японских милитаристов, резко усугубила империалистические противоречия с Соединенными Штатами, которых в Токио считали главным виновником отступления и унижения Японии.

Зарницы на Дальнем Востоке

На первый взгляд, Япония в те годы представлялась сплоченной, туго связанной железной дисциплиной нацией, руководители которой четко знали, как добиться своих целей. Западные политические наблюдатели были склонны усматривать в различных акциях японской политики отдельные проявления некоего обширного адского плана и, никогда не ставя под

сомнение его реальность, расходились лишь в оценках существа темных замыслов. Исследователи, как водится, размышляли, вскрывали мотивы и т.д., в то время как японская государственная мысль была много бедней и проще.

Противоречия в курсе японской политики – а они, собственно, и служили отправной точкой для рассуждений о сатанинской мудрости Токио – порождались прозаическими обстоятельствами – особенностями тогдашнего государственного устройства Японии. Номинально правителем страны являлся император, назначавший премьер-министра и членов кабинета, не считаясь с парламентом. Он также контролировал армию и флот через соответствующих начальников штабов, подчинявшихся непосредственно трону.

На деле замещение высших правительственных постов производилось по совету старейших политических деятелей (ранее генро), а в описываемый период – своего рода коллегии бывших премьер-министров. Что особенно важно: военный и морской министры по конституции состояли на действительной службе. В своем официальном качестве они, а следовательно, и кабинет отвечали за снабжение вооруженных сил, но вопросы стратегии оставались в руках генерального штаба армии и главного морского штаба. Военщина обычно не информировала кабинет в целом о своих планах. Больше того, если военный и морской министры того желали, они угрозой отставки приводили к падению любой кабинет. Стабильность правительства обеспечивалась постоянным конфликтом между командованиями армии и флота, непрерывно фрондировавшими друг против друга в интересах достижения "национальной гармонии" и лучшего служения императору.

С начала 20-х годов страну лихорадило, милитаристы во всю развернули свою деятельность и пропаганду. Бесчисленные легальные и тайные организации, предварительно дав клятвы в верности трону, громко требовали от очередного правительства динамической политики, мало считаясь с реальными возможностями Японии. Они порывались пойти войной на державы, имевшие несчастье соседствовать с Японией или в какой-то мере заинтересованные в делах Дальнего Востока и Тихого океана. Советский Союз, Китай, США, Англия – все они именовались врагами.

Политические экстремисты имели влиятельных покровителей в Токио, в сущности, они только забегали вперед. За кулисами их деятельность направляли подлинные хозяева страны – клика монополистов "дзайбацу", мечтавшая о покорении обширных районов планеты и эксплуатации их богатств. Финансо-

вый капитал, естественно, подкармливал яростных и алчных шовинистов. Те в меру сил и возможностей отрабатывали полученное. Острые приступы политического безумия щедро вознаграждались.

Отставной генерал-лейтенант Кохиро Сато порадовал своих соотечественников книжкой "Если Япония и Америка начнут войну", нашумевшей в 20-е и 30-е годы. Он открыл читателям, что Америка отравлена "золотым ядом", ненавидит Японию, чинит препятствия ее справедливым устремлениям. Но боевой дух самураев возобладает над материальными ценностями, развратившими Соединенные Штаты. Исход войны решают мужество или трусость: в японском фольклоре установлено, что когда-то 50 японских пиратов завоевали 10 китайских провинций, а несколько тысяч самураев, высаженных в США, смогут нанести решительное поражение американцам. "Моя идея заключается в том, — писал Сато, — что если отряды таких воинов, презирающих смерть.., будут брошены на Сан-Франциско, то это будет в высшей степени интересно"[3]. Мнение ветерана русско-японской войны, который теперь собирался самурайским мечом поразить Америку, можно было бы скинуть со счетов, если бы речь шла о преувеличениях престарелого мемуариста. Появление книжонки Сато, однако, было возможно лишь в обстановке военного психоза, нагнетаемого сверху*.

Не кто иной, как премьер-министр Японии в конце 20-х годов Тиити Танака, 21 июля 1927 г. обратился к императору с обширным меморандумом, предлагая проводить политику "железа и крови". Меморандум, ставший известным миру уже к концу 1927 года, гласил: "Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне. Но, для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы захватить мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушать наши права".

---

* В 1986 году японское агентство Киодо Цусин впервые опубликовало письма императора Хирохито, написанные в сентябре 1945 года кронпринцу Акихито, с объяснением причин поражения Японии. В одном из них Хирохито указал: "Народ нашей страны был чрезмерно уверен в своей империи и не ставил ни во что Британию и США. Наши военные придавали слишком большое значение духу, забывая о науке".

Танака лихо расправился на бумаге с великим северным соседом. "В программу нашего национального роста, — внушал он, — входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот риф не будет взорван, наше судно не может быстро пойти вперед"[4].

Милитаристы только горестно недоумевали, почему правительство медлит с претворением в жизнь столь прекрасной программы. Они торопили, убиваясь по поводу того, что Япония запоздала к разделу мира. Как-то японский представитель на сессии Института тихоокеанских отношений, проводившейся в Гонолулу, с трогательной откровенностью пожаловался американцам: "Япония нехотя, но хорошо усвоила уроки Запада... Однако ныне, когда она поднаторела в игре захватов, другие державы, большинство которых завладели всем необходимым им, внезапно преисполнились добродетелей и говорят, что пора прекращать эту игру", причем главный виновник — Соединенные Штаты, "эгоистично надоедающие всем и неразумно вмешивающиеся в естественные чаяния Японии"[5].

Державам, которые токийские экстремисты объявили "врагами" Империи Восходящего Солнца, оставалось только гадать, какая из них окажется первой под ударом на деле, ибо на словах им всем доставалось, пожалуй, поровну. Последовательность японской агрессии, казалось, прояснилась в 1931 году. Япония захватила Маньчжурию, а вслед за тем вышла из Лиги Наций. Запад ограничился беззубыми протестами, а по существу ликовал — Япония вышла широким фронтом на границу с СССР. Стремительное развертывание в Маньчжурии Квантунской армии могло убедить любого, что война против СССР не за горами. В канун оккупации Маньчжурии в ней было 11,5 тыс., а в 1935 году — 164 тыс. человек. Армией командовали отъявленные милитаристы, многие были ветеранами русско-японской войны 1904—1905 годов, бесчинствовали в составе интервенционистских войск на советском Дальнем Востоке в 1918—1922 годах. Они рвались к реваншу.

Советскому Союзу пришлось заняться укреплением своих дальневосточных рубежей. Была сделана попытка образумить бешеных. В декабре 1931 года мы предложили Японии подписать пакт о ненападении. Год думали в Токио и наконец ответили: время для этого "не созрело".

Тем временем официальная пропаганда назойливо растолковывала самим японцам, что Империя Восходящего Солнца только обороняется. В бесчисленных речах тогдашний военный министр Садао Араки призывал к новым усилиям в "умирот-

воренин" Азин. Его красноречивые речи послужили основой "шедевра" японской кинематографии, вышедшего на экраны летом 1933 года. Звуковое кино только делало первые шаги, и пропагандисты до конца использовали его возможности.

Внушительно и скорбно звучал голос диктора, читавшего одну из речей Араки: "Можем ли мы ожидать, что воды Тихого океана будут столь мирны, как сегодня? Святая миссия Японии — установить мир на Востоке... Лига Наций не уважает этой миссии... Осада Японии всем миром под водительством Лиги Наций во время "маньчжурского инцидента" показала это. Но придет день, когда мы заставим весь мир уважать наши национальные добродетели".

На экране уместно появилась карта — Япония в центре "нового порядка" в Азии, окруженная ее провинциями — Китаем, Индией, Сибирью, странами Южных морей. "Сограждане! — проникновенно спрашивал диктор словами Араки. — Неужели обстановка в Азии так и не претерпит никакого улучшения? Умоляю вас от всего сердца — давайте вместе приступим к делу?" Под торжественные звуки марша наплыв текста: "Свет идет с Востока!"

Зритель уходил с сеанса, потрясенный до глубины души чудесами кинотехники и отчаянным положением Японии.

Политический террор, свирепствовавший в стране с 1930 года, представал в глазах обывателя в ином свете. Еще в ноябре 1930 года молодой "сверхпатриот" Сагойя тяжело ранил средь бела дня премьер-министра Осати Хамагути, виновного, по словам убийцы, в подрыве военной мощи страны. Сагойя был отправлен в тюрьму, а премьер-министр скончался в августе следующего года. В военных штабах вызревали бесконечные заговоры. 15 мая 1932 г. в официальную резиденцию премьера Инукаи, прозванного "богом конституции", вошла группа взволнованных молодых людей и застрелила его. Отвратительное убийство 75-летнего старика и еще несколько убийств, случившихся в тот же день, вызвали симпатии не к жертвам, а к преступникам. Когда убийцы предстали перед судом, зал заседания превратился в форум, на котором молодые фанатики произносили речи о верности трону. Суд формально приговорил виновных к пожизненному заключению. Но председательствующий отечески посоветовал им беречь здоровье в узилище. И не зря: к 1940 году все "герои 15 мая" оказались на свободе.

Полиции в 30-е годы удалось обезвредить множество заговорщиков, некоторые из них попали под суд. Такая участь постигла организацию "солдат бога", планировавшую убийство

поголовно всех членов правительства и установление военной диктатуры. В уже заготовленном манифесте, захваченном полицией, говорилось: "Солдаты бога отрицают все институты, построенные на социализме и либерализме.., солдаты бога стремятся к уничтожению лидеров финансовых групп, лидеров политических партий, предателей в окружении императора и их наймитов, препятствующих прогрессу империи. Они произведут реставрацию империи и установят власть императора во всем мире". Заговорщики не успели провозгласить свой манифест, с этой задачей отлично справился суд, весьма торжественно огласивший его. Итог: "солдат бога" пожурили в судебном заседании, приняли во внимание их "патриотические мотивы" и отпустили восвояси.

Наконец, 26 февраля 1936 г. взбунтовалась группа "молодого офицерства", поднявшая части первой дивизии и третьего полка императорской гвардии, расквартированные в Токио. В мятеже приняло участие около 1,5 тыс. офицеров и солдат. Они захватили военное министерство, штаб-квартиру полиции, несколько других официальных зданий и выпустили обязательный в таких случаях манифест в верности трону и заявление: "Яснее света, что наша страна стоит на пороге войны с Россией, Китаем, Англией и Америкой, которые собираются уничтожить нашу древнюю землю. Если мы не поднимемся сейчас и не уничтожим нечестивых и неверных тварей, окружающих трон и препятствующих истинным реформам, престиж императора будет повержен... Мы, дети нашей бесценной страны богов, приступаем к делу с чистыми сердцами. Пусть дух предков императора поможет нам в нашем подвиге".

Пока изумленные токийцы знакомились с манифестом, около 300 "детей бесценной страны богов" окружили дом премьер-министра Кэйсукэ Окада, убили его зятя и четырех полицейских. Окада, наверное помнивший о судьбе своих предшественников, спрятался в чулан, где просидел два дня. Ему удалось ускользнуть из собственного дома, окруженного стражей мятежников, смешавшись с толпой плакальщиков, сопровождавших гроб с телом зятя на кладбище.

Банды офицеров рыскали по городу в поисках ненавистных им деятелей. Мятежники ворвались в дом лорда-хранителя печати бывшего премьера Макото Сайто. Его жена мужественно попыталась прикрыть своим телом мужа. Как объяснил один из мятежников на суде, "мы не хотели наносить вреда никому, за исключением ее мужа. Поэтому мы были вынуждены оттаскивать ее, подсовывая оружие под ее тело. Мы стреляли много раз, пока не решили, что старик мертв. Тут вошел солдат

и попросил разрешения выстрелить в Сайто, мы дали и ему возможность произвести несколько выстрелов. Мы хотели, чтобы окончательно убедиться в смерти Сайто, перерезать ему еще глотку, но отказались от этой мысли, так как женщина намертво вцепилась в тело. Затем мы собрались у ворот дома и троекратно возгласили "банзай!" в честь императора". На теле Сайто оказалось 40 пулевых ран, у его жены, оставшейся в живых, прострелены обе руки.

Так "с чистыми сердцами" бесчинствовали заговорщики, прикончив десяток людей, среди них нескольких крупных государственных деятелей. Военное министерство в официальном заявлении о мятеже, пожалуй, уважительно именовало террористов "партией, поднявшейся, дабы очистить национальную конституцию". Против бандитов три дня не принимали никаких мер. Только 29 февраля от имени императора им предложили разойтись, что они нехотя сделали. На этот раз 15 человек все же были расстреляны. Высокопоставленные генералы, в том числе Араки, связанные с заговором, отделались легким испугом — переводом в резерв.

"Молодое офицерство" не смогло возобладать над "группой контроля" в командовании армии. Входившие в нее милитаристы не видели необходимости в мятежах, они считали, что дело шло к установлению безраздельного главенства военщины над правительством. На их взгляд, легальный путь взятия власти давал возможность до конца использовать ресурсы нации на войну. Безответственные бунты и заговоры крайних экстремистов, однако, облегчали им путь к вершинам государственного правления, в стране поддерживалась постоянная напряженность.

События 26 февраля, как лакмусовая бумажка, проявили политическую обстановку в Японии, они позволили компетентным японистам сделать ценные выводы. Талантливый ученый-востоковед, выдающийся советский разведчик Рихард Зорге* отмечал: "События 26 февраля были преданы забвению в связи с началом японо-китайской войны, однако они стали неоцени-

---

* Р. Зорге приехал в Токио 6 сентября 1933 г. официально в качестве корреспондента немецких газет "Франкфуртер цайтунг", "Берзен курир" и голландской "Амстердам хандельсблатт". Он создал очень эффективную организацию, работавшую до 16 октября 1941 г. В нее входили немец Макс Клаузен, югослав Бранко Вукелич, японцы Ходзуми Одзаки и Ётоку Мияги. Четыре коммуниста и марксист по убеждениям Одзаки видели цель своей деятельности в срыве происков агрессивных сил, сохранении международного мира. Ходзуми Одзаки и Ётоку Мияги были патриотами своего народа и видели будущее Японии в мирной жизни, дружественных отношениях с СССР.

мым пособием для нас с точки зрения понимания внешней политики Японии и ее внутренней структуры"[6]. Блестящий публицист Р. Зорге даже в подцензурной "Франкфуртер цайтунг" сумел тонко передать обстановку тех лет в Японии. Он иронически отмечал неистовые усилия японских деятелей, "постоянно воюющих друг с другом за "лучшую историю"... Воспеваются подвиги, совершаемые с помощью обнаженного меча или ружейного приклада, самопожертвование мелких отрядов "камикадзе" — смертников... Начинает казаться, что читаешь самурайскую легенду"[7].

Летом 1937 года Япония напала на Китай. Случилось это при первом правительстве князя Фумимаро Коноэ, сохранившего на Западе, несмотря на это, репутацию умеренного политического деятеля. Военные действия в Китае, развернувшиеся на громадных пространствах, против ожидания потребовали определенных усилий. Кампания оказалась не легкой прогулкой, а вылилась в затяжную войну. В какой-то мере бои в Китае поглотили энергию японских экстремистов, однако атмосфера в Токио не разрядилась. Милитаристы горько жаловались, что мир никак не подходит к пониманию чистых помыслов Японии.

Иосуке Мацуока, приобретший порядочный вес в политических кругах японской столицы, в октябре 1937 года высказался в большой статье: "Экспансия Японии, равно как американская, столь же естественна, как и рост ребенка. Только одно может отстановить рост ребенка — смерть... Но Япония не окажет этой приятной услуги и не умрет"[8].

Под аккомпанемент изысканных объяснений, облеченных в формулировки, предназначенные для внешнего мира, и грубой милитаристской пропаганды, обрушенной на страну, все новые и новые контингенты японских войск отправлялись за море, на Азиатский материк.

12 декабря 1937 г. самолеты японского флота в ясную солнечную погоду потопили на Янцзы американскую канонерку "Пэнаи", принимавшую на борт эвакуировавшихся сотрудников посольства США в осажденном Нанкине. Американские дипломаты — свидетели наглых действий японских милитаристов — были вне себя. «То было тревожное время для нас в посольстве США в Токио, — негодовал задним числом Э. Лейтон. — Посол Грю, помнивший, как после потопления броненосца "Мэн" в гавани Гаваны началась испано-американская война, ожидал от Вашингтона объявления войны и приказал персоналу посольства собирать вещи. В последующие дни в военном атташате кипела лихорадочная деятельность, мы старались выяснить факты и оценить их последствия. Было пос-

тыдно слушать, как наши интеллигентные друзья выражали свое искреннее и единодушное мнение: случившееся — "китайская пропаганда"!»[9].

Хотя, по свидетельству Лейтона, Грю объяснял Вашингтону, что конфликт нельзя больше урегулировать "бумажными пулями", правительство США не прибегло даже к ним. Оно приняло японские извинения и тем кончило дело. Иначе и быть не могло: США встали на путь "невмешательства" в войну в Китае. Этот образ действия американским политикам представлялся верхом государственной мудрости — попытаться защитить интересы США руками других, а основное бремя отпора японской агрессии возложить также на других, предпочтительно на Советский Союз.

В то время только СССР оказал китайскому народу действенную помощь против беспощадного врага. Вслед за подписанием 21 августа 1937 г. договора о ненападении с Китаем СССР в последующие два года открыл ему кредиты на 250 млн. долл. С октября 1937 по сентябрь 1938 года Китай получил из СССР 985 самолетов, 82 танка, более 1300 орудий, 14 тыс. пулеметов, боеприпасы, оборудование и снаряжение. Коль скоро Япония блокировала побережье Китая, грузы из СССР перевозились по "дороге жизни" — Синьцзянскому тракту в 3 тыс. *км* от Алма-Аты через Синьцзян до Ланьчжоу. Срочные грузы доставлялись воздухом[10].

В.И. Чуйков, впоследствии Маршал Советского Союза, был военным атташе СССР в Китае и главным военным советником при Чан Кайши. Он отмечал, что потерянные китайской армией тяжелая техника и самолеты были более чем компенсированы присланным из СССР. Не только. "В первый период войны, — писал В.И. Чуйков, — летчики—добровольцы из СССР приняли на себя главный удар японских воздушных армад. Более 200 советских летчиков отдали жизни за свободу и национальную независимость китайского народа"[11]. По мере развертывания японской агрессии Советский Союз был вынужден принимать все новые меры безопасности. 1 июля 1938 г. советские армии на Дальнем Востоке были преобразованы в Дальневосточный Краснознаменный фронт. Решение как нельзя своевременное!

"Что следует ожидать от исхода войны с Китаем? — спрашивал Р. Зорге на страницах "Франкфуртер цайтунг" в конце ноября 1938 года. — На то, что будет положен конец дальнейшей военной активности и даже дальнейшему еще более усиленному вооружению, едва ли можно рассчитывать, сколько бы этого ни хотелось. Ведь уже сегодня общественности напоминают о

том, что действительные противники Японии – Советский Союз и Англия"[12].

Японская военщина связывала свои неудачи в войне в Азии с советской помощью китайскому народу. К лету 1938 года командование Квантунской армии пошло ва-банк. С 1936 года на границе с СССР было отмечено 231 нарушение, из них 35 крупных столкновений с применением оружия. Хищнический лов рыбы с нарушением советских территориальных вод, всегда вызывавший пограничные конфликты, в 1938 году приобрел неслыханный размах. Под прикрытием эсминцев, разведывательно-дозорных шхун и подводных лодок в советских территориальных водах по-разбойничьи промышляло не менее 1500 японских судов. 19 июля 1938 г. в Токио банда хулиганов напала на советское полпредство[13].

Милитаристы попробовали крепость советских границ в июле – августе 1938 года у озера Хасан, выдвинув смехотворные претензии на советские земли. Когда японскому дипломату М. Сигемицу в НКИД СССР показали подлинные карты, приложенные к международным соглашениям и удостоверявшие границу, он бросил: "По моему мнению, в этот критический момент говорить о каких-то картах неразумно. Это только осложнит дело". Красная Армия по приказу Москвы взяла дело в свои руки, нанесла сокрушительное поражение обнаглевшим самураям и выбросила уцелевших за пределы советских границ. Квантунской армии пришлось долго зализывать раны.

28 ноября 1938 г. доселе мало известный генерал Хидэки Тодзио произнес трескучую речь. Незадолго перед этим Тодзио назначили заместителем военного министра, и политические комментаторы справедливо расценили, что генерал точно сформулировал точку зрения командования армии. Тодзио сообщил, что Япония должна вооружаться и вооружаться, дабы быть в состоянии "вести войну на двух фронтах": во-первых, против СССР, во-вторых, в Китае. Поскольку Англия и США также не желают усиления Японии, нужно "держаться на страже" и в отношении этих стран.

"Нью-Йорк таймс", изложив речь Тодзио, выделила только ее начало, подчеркнув в заголовке: "Тодзио предсказывает войну против СССР"[14]. На то у редакции газеты были серьезные причины.

Мацуока: "Эра демократии прикончена!"

Если бы противоречия между США и Японией развивались в вакууме, тогда война между ними вспыхнула бы куда раньше

1941 года. Но американо-японские отношеиия составляли лишь часть всего комплекса международных отношений. В 30-е годы явно обиаружилось стремление японского империализма напасть на Китай и Советский Союз, поставить под контроль Дальний Восток. Хотя при зтом ущемлялись и американские интересы, на взгляд Вашингтона, зто облегчало борьбу с опаснейшим империалистическим противником: Япония брала на себя роль жандарма на Дальнем Востоке, а в затяжной войне против СССР Япония ослабла бы, и чем больше она увязала бы в вооруженной борьбе на Дальнем Востоке, тем легче становилась для Соединенных Штатов задача ее коиечного разгрома.

Японские милитаристы по доброй воле взваливали на себя бремя, которое в противиом случае рано или поздно пришлось бы нести американским вооруженным силам. Это заслуживало всяческого поощреиия с точки зрения империалистических интересов США. Отсюда "иевмешательство" Соединенных Штатов в агрессию против китайского народа, заботливое сиабжение Японии стратегическими материалами, необходимыми для ведения войны, а главное — страстное ожидание нападения японских милитаристов иа Советский Союз.

В глазах Вашингтона "антикоминтериовский пакт", созданный в 1936—1937 годах и прямо направленный против Советского Союза, служил вериой порукой тому, что япоиская агрессия на советском Дальнем Востоке не будет изолирована, сольется с "крестовым походом" Германии и Италии против СССР с запада. Но "антикоминтериовский пакт" не был воеиным союзом. Усилия дипломатии европейских держав "оси" с 1937 года были направлеиы иа то, чтобы зафиксировать в новом договоре обязательства сторои поддерживать друг друга в войне. Договоренность между Берлином и Римом была достигнута заключением в мае 1939 года "Стальиого пакта" между Германией и Италией. Камнем преткновения оставалась Япония.

Токийские политики были всегда готовы подписать военный союз против Советского Союза, но дипломаты европейских фашистских держав настоятельно требовали, чтобы Япония приняла на себя обязательство воевать в любом случае, то есть если возникнет война с Англией или Францией. Против этого возражали МИД Япоиии и командование японского флота. Неуступчивость моряков вызвала сильиейшее озлобление в армии, где иные офицеры стали поговаривать, что флот — "враг страны номер один", а крайние зкстремисты в армейских мундирах выражали готовность расправиться с изменниками, свившими презренное гнездо в морском министерстве. Все зто

дошло до сведения командования флота, которое поздней весной 1939 года приняло контрмеры. Морской министр и его заместитель окружили себя многочисленной охраной, в здании министерства установили пулеметы, поблизости постоянно дежурил батальон морской пехоты. Часовые в министерских подъездах и у здания отныне имели не только пистолеты, но для большего впечатления и мечи. Флотоводцы были готовы с оружием в руках отстаивать свою точку зрения.

Самая воинственная часть японской армии – квантунцы забежали вперед и решили продемонстрировать свою правоту. Естественно, решающим в их глазах доводом – силой оружия. В начале мая 1939 года японские войска развязали военные действия против Монгольской Народной Республики, попытавшись для начала захватить участок монгольской территории восточнее реки Халхин-Гол. СССР пришел на помощь союзной Монголии. Масштаб боев быстро расширялся, что и было целью Квантунской армии. В ее штабах рассчитывали в случае, если сражение на Халхин-Голе окажется победоносным, нанести молниеносный удар по советскому Дальнему Востоку. Были спланированы вторжение в Уссурийскую и Амурскую области, район Хабаровска и – ни больше ни меньше – захват советского Приморского края!

Агрессоры просчитались. Переброшенные в Монголию советские войска с участием монгольских частей стремительно ликвидировали первоначальные успехи Квантунской армии. Вступивший в командование 1-й советской армейской группой Г.К. Жуков нанес ряд серьезных ударов по японским войскам, а в заключительной операции в конце августа окружил и наголову разбил развернутую в районе Халхин-Гола 6-ю особую японскую армию. В этой операции с обеих сторон участвовало свыше 800 самолетов, более 1000 орудий, более 1000 танков и 132 тыс. человек личного состава.

Японцы потеряли на Халхин-Голе до 61 тыс. человек[15]. Было уничтожено много военной техники, одних самолетов 660 – примерно в два раза больше, чем потребовалось для разгрома американского Тихоокеанского флота в Пёрл-Харборе, захвачено в виде трофеев более 200 орудий, среди них тяжелые, доставленные из Порт-Артура. Японские потери на Халхин-Голе превысили потери Японии людей и техники за первый год войны в Китае.

Катастрофическое поражение японской армии в монгольских степях принудило заговорщиков против мира в Берлине и в Токио по-новому взглянуть друг на друга. Результаты раздумий в правительственных ведомствах Германии и Японии:

Советский Союз — могучая военная держава. Гитлеровское руководство сообразило, что начинать поход за мировое господство с войны против СССР — явное самоубийство. Несостоятельность Японии как военного союзника против СССР с пугающей очевидностью доказал Г.К. Жуков в сражении на Халхин-Голе. Германия предложила Советскому Союзу подписать договор о ненападении. Коль скоро западные державы сорвали многолетние попытки СССР создать фронт коллективной безопасности в Европе и, несомненно, стремились "канализировать" гитлеровскую агрессию на Восток, СССР согласился на подписание такого договора. Тем самым наша страна выводилась из-под непосредственного удара в Европе.

В Токио оценивали складывавшуюся обстановку с точки зрения того, что выгодно Японии. Правительство, возглавлявшееся Хиранума, раздирали противоречия. Противники подписания военного договора с Германией и Италией указывали: в Европе вот-вот вспыхнет война, и Японии придется вступить в нее не потому, что это выгодно в данный момент, а в силу союзнических обязательств. Следовательно, договор лишит ее свободы действий. Потребовалось более 70 заседаний совета "пяти министров" — узкой коллегии внутри японского правительства, — чтобы сломить сопротивление тех, кто был против вступления в союз с Германией и Италией на их условиях[16]. Приближение развязки на Халхин-Голе, несомненно, прекратило словопрения.

10 августа 1939 г. в Берлин и Рим было послано сообщение о готовности Японии подписать договор с оговоркой, что она вступит в войну, когда сочтет возможным[17]. Ответ оказался отрицательным.

Сначала это озадачило правительство Хиранума, а когда 23 августа 1939 г. стало известно о заключении договора о ненападении между Германией и СССР, негодованию в Токио не было пределов. Гитлеровское руководство не оценило доброй воли японского правительства, которое проявило максимум уступчивости, вверив судьбу империи Германии. Разумеется, вслух не говорили того, что было на уме у многих, — проученные на Халхин-Голе самураи надеялись опереться теперь на европейские державы "оси". Противники соглашения с ними, воспрянув духом, открыто злорадствовали, Хиранума и его сторонники были сконфужены, в морском министерстве демонстративно убрали пулеметы из здания и отправили дежурный батальон, простоявший на вахте четыре месяца, в казармы. Направив Германии "строгий" протест против нарушения "антикоминтерновского пакта" и отчитав сотрудников своего бер-

линского посольства за халатное отношение к работе, упустили своевременно сообщить о последних шагах гитлеровской дипломатии; правительство Хиранума в обстановке всеобщего замешательства и взаимных обвинений в Токио ушло в отставку.

Как заметил М. Сигемицу, "стало очевидно, что Германия и Япония мыслили по-разному, а их цели и интересы не совсем совпадали. Поскольку "антикоминтерновский пакт" был превращен в клочок бумаги, постольку были ликвидированы обязательства по нему Японии. Япония вновь обрела свободу действий и могла начать все заново"[18]. Москва не только отвратила возможность создания единого фронта капиталистических государств против СССР, но и сорвала одновременное вступление в войну агрессивных держав, что явилось громадным выигрышем для всего человечества.

Но американская дипломатия была озабочена другим: во что выльется вновь обретенная "свобода действий" Японии? Поверенный в делах США в Токио с тревогой 23 августа 1939 г. сообщал государственному секретарю К. Хэллу: "... Поскольку Германия сочла возможным прийти к соглашению с Россией, Япония может подумать о том, чтобы принять советское предложение о пакте о ненападении, которое остается в силе с 1931 года, когда оно впервые было выдвинуто Советским Союзом"[19].

После начала второй мировой войны Япония заняла выжидательную позицию. Милитаристы, получившие крепкий урок у Халхин-Гола, не осмеливались больше посягать на безопасность границ Советского Союза и МНР. Борьба против китайского народа определенно затягивалась, а в войне против японских агрессоров Китай получал значительную помощь от Советского Союза. Уже по этим причинам северное направление агрессии представлялось крайне трудным. Взоры японских милитаристов обращаются в сторону Южных морей.

Как водилось тогда в Японии, экстремисты составили несколько заговоров, чтобы подтолкнуть правительство к активным действиям. Они планировали убить премьера, ряд министров, взорвать американское и английское посольства в Токио и прикончить даже адмирала Ямамото! Все эти деятели, по мнению заговорщиков, были повинны в "мягкой" позиции Японии в отношении США и Англии. Полиция успела схватить заговорщиков, 28 из них в 1940 году предстали перед судом. Самый суровый приговор – пять лет тюрьмы.

Когда летом 1940 года Франция потерпела сокрушительное поражение, Бельгия и Голландия были оккупированы, а положение Англии казалось безнадежным, в Токио сочли, что перед Японией открылись необычайные возможности. Обширные

колоиии европейских держав отныне оказались "бесхозяными", их иекому было защитить. Теперь уже не экстремисты, а подлинные хозяева Японии, серьезные люди, взялись за практическую подготовку войны. Рост агрессивиости японских милитаристов можно только соразмерить с размерами добычи, которую оии иамеревались захватить в районе Южных морей.

Новая международная обстановка потребовала иового правительства. 16 июля 1940 г. под давлением армии относительно умеренный кабинет, сформированный в густой тени Халхин-Гола, ушел в отставку. Новое правительство возглавил 49-летний князь Фумимаро Коиоэ.

Премьер был в родственных отиошеииях с императорской семьей и пользовался большой популяриостью среди правящей верхушки страны. Его симпатии к тоталитариому правлению были общеизвестны. Впрочем, князь был, мягко говоря, "гибким" политиком и очеиь странным человеком. Он панически боялся микробов и стерилизовал пищу кипятком и спиртом, в толпе иосил марлевую маску, прикрывающую рот и нос. Коиоэ грезил иаяву и, чтобы забыться, принимал десять различных видов сиотворных таблеток. Но бок о бок с утонченным князем-интеллигентом встали люди совершенно иного склада.

Большинство члеиов кабинета принадлежало к так называемой квантунской клике. Стоик и солдафои геиерал Хидэки Тодзио взял портфель военного министра, а ведеиие виешних дел поручил другу Тодзио Иосуке Мацуока, который в 30-е годы был президеитом компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Получив образование в США, Мацуока клялся в том, что выступает за улучшение япоио-американских отиошений, ио в то же время объяснял: кабинет "чертовски склоняется к державам оси и выступает за иовый порядок в Азии"[20]. Как льстиво заметил один из его подчиненных, Мацуока был подобеи буревестнику, режущему воздух иад бурным морем, Коиоэ же был похож иа застенчивую белочку, скрывающуюся в лесиой чаще[21].

Очеиь скоро Мацуока был прозван "Гитлером из папье-маше". Оттесиив Коиоэ, ои взялся эиергично руководить виешией политикой Японии. Мацуока поспешил позиакомить журиалистов с личной оцеикой последствий побед Германии и Италии в Европе. "Эра демократии, – воскликнул Мацуока иа пресс-коифереиции 21 июля, – прикончеиа!"

Начиная с 1937 года каждое правительство в Токио получало в иаследство от предшественников войну в Китае и открывало свою деятельиость заявлеием, что оио разрешит "китайскую проблему". На этот раз также говорилось о том, что "ки-

тайскне дела будут полностью урегулированы", но предложенный метод оказался иовым. Под предлогом того, что Китай нужно лишить помощи с юга, был сделан акцент на разрешении "южных проблем", а именно Япония начала оказывать давление на власти Французского Индокитая н Голландской Индии, домогаясь далеко идущих уступок. 17 июня французская администрация закрыла дорогу в Китай нз Ханоя.

Пришла очередь Англии. Токно предписал ей закрыть границу с Гонконгом н Бнрманскую дорогу. По дороге длиной 715 миль, проходившей через горы от Лашио до Чунцина, в Китай доставлялось до 3 тыс. т грузов в месяц. Начальник японской разведкн указал англнйскому военному атташе в Токио на некую связь: "Еслн вы ие закроете Бирманскую дорогу, мы овладеем Гонконгом". Хотя первым побуждением английского министра иностранных дел лорда Галнфакса было "послать японцев ко всем чертям", У. Черчилль проявил большую осторожность. Англия просто не могла получить еще одного противника[22] и 12 июля закрыла дорогу на трн месяца.

Поннмая, что экспансия на юг все же рано или поздно встретит сопротивление, Мацуока вернулся к заключению военного союза с Германией н Италней. Разбойникн быстро урегулировалн второстепеные вопросы, разделявшие их, н договорились о главном — взаимной помощи в борьбе за мнровое господство. Противников оформления союза с европейскими державами "осн" в Токно осталось иемного: иекоторые изменили свон убеждения под влиянием успехов Германии, другие были изгнаны из внешнеполитической службы Японии — Мацуока, придя в МИД, устроил основательную "чистку" дипломатического аппарата. Кроме того, как свидетельствовал японский посол в Вашингтоне Китисабуро Номура, "дипломатическая машина стран оси щедро смазывалась из неограниченных фондов Германии, н немало пришлось дать взяток, чтобы "позолотить ручку" японскнм дипломатам, которым предстояло подписать акт"[23].

На заседании Тайного совета в Токио 26 сентября, иа котором было принято окончательное решение о вступлении в союз с европейскимн державами "осн", министры высказались с похвальиой откровенностью. Они заверили члеиов Тайного совета, что договор необходим, так как Германия может заключить мнр с Англией и полюбовно договориться с ней о разделе сфер влияния иа Дальнем Востоке и Тихом океане. Поэтому следует без промедления "выявнть решимость империи".

Только один член Тайного совета, ветеран японской дипломатии виконт Кикудзнро Исии, влил вместительную ложку дегтя в бочку меда. Он не протестовал против договора, а просто

указал, что союзы с Германией еще никому не приносили добра. Исии напомнил слова Бисмарка: для заключения союза необходимы два партнера — наездник и осел, причем наездником должна быть всегда Германия. Что до Гитлера, заметил Исии, то он весьма ненадежный деятель, совсем недавно заключивший пакт с СССР. В общем, по словам престарелого дипломата, Япония должна быть очень и очень осмотрительной.

Критерием искренности между союзниками — Германией, Италией и Японией, — пожалуй, служит необычайное обстоятельство: в основу переговоров о союзе был положен проект договора на английском языке! Партнеры по агрессивному предприятию явно опасались, что, если тексты на немецком, итальянском и японском языках будут признаны аутентичными, крючкотворы-юристы каждой из высоких договаривающихся сторон могут придать договору любое толкование.

Подписание тройственного пакта состоялось в Берлине. В 1.15 дня 27 сентября 1940 г. в громадный зал послов рейхсканцелярии мягкой, кошачьей походкой скользнул Гитлер. Трое, сидевшие у длинного стола, с готовностью вскочили, приветствуя фюрера, — министры иностранных дел Германии и Италии Риббентроп и Чиано, японский представитель Сабуро Курусу. Щелканье фотоаппаратов, пулеметный треск кинокамер, вспышки магния — и договор подписан.

Агрессоры заявляли: "Правительства Германии, Италии и Японии считают необходимым условием длительного мира следующее: каждый народ должен занять достойное его место". Они указывали, что стремятся установить "новый порядок в Великой Восточной Азии и Европе", и приглашали другие страны присоединиться к ним, "чтобы таким образом осуществить свои надежды на мир во всем мире". Конкретно стороны договорились о том, что Япония уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении "нового порядка" в Европе, последние делали аналогичное заявление в отношении роли Японии в "Великой Восточной Азии". Ключевое значение имела статья третья договора, по этой статье Германия, Италия и Япония обязывались оказывать взаимную помощь, "если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению какой-либо другой державы, которая сейчас не участвует в китайско-японском конфликте"[24].

Агрессоры демонстрировали единство держав с тоталитарным образом правления. Правительство Коноэ одновременно с подписанием договора привело политическую структуру страны в соответствие с новыми задачами. Все легальные партии Японии "патриотично" самораспустились. Вместо них в се-

редине октября 1940 года учредили Лигу содействия трону, чтобы "стомиллионная иация" шла в направлеиии, указанном правительством.

При подписании тройственного пакта было произиесеио иемало слов о том, что договор Германии, Италии и Япоиии послужит делу мира. Фашистский министр иностранных дел Риббентроп заявил: "Договор является военным союзом между тремя сильиейшими державами иа Земле... Ои принесет миру мир в кратчайший срок... Любая страна, которая возиамерится вмешаться на окончательной стадии разрешеиия проблем в Европе и Восточной Азии или иапасть на любую державу, подписавшую этот пакт, встретит концентрированную мощь трех государств более чем с 250-миллионным иаселением". В Токио Мацуока уточнил: "безответственными элемеитами", способными "расширить" уже идущую войну, являются те, "кто пытается прямо или косвенно сорвать иаши усилия по созданию нового порядка в Великой Восточной Азии, и даже те, кто прибегает ко всякого рода хитростям, чтобы затруднить движение Японии по пути выполиеиия ее великой исторической миссии – установления мира во всем мире"[25].

Поставивший от имеии японского правительства подпись под договором Сабуро Курусу был женат иа американке. Разве все это в совокупности ие говорило о том, что тройственный пакт имел целью только укрепление мира и ие был направлен против США?

"Европа прежде всего"

Дипломатия держав "оси" никого больше ие могла обмануть. Объединение сил агрессоров предвещало превратить войну, пока ограниченную пределами Европы, в мировую. Фашистский блок бросил вызов всему миру и создал смертельиую угрозу человечеству. Хотя присоединение Япоиии к Германии и Италии неизмеримо усилило опасиость войны иа Дальнем Востоке и Тихом океане, цеитр мощи фашистского блока по-прежнему лежал в Европе. Там иаходилась гитлеровская Германия.

Командование американских вооруженных сил, рассматривая обстановку, складывающуюся в мире, с чисто военной точки зрения, пришло к выводу, что враг иомер один – Германия. Как геиерал Дж. Маршалл, так и адмирал Г. Старк докладывали правительству: Соединенные Штаты не готовы к войне иа два фронта – в Европе и иа Тихом океане, а если возможеи выбор, то основные усилия США должны употребить в Европе. Что Соединенным Штатам придется воевать

с державами "оси", в Вашингтоне сомнений не вызывало. Хотя вопрос о том, когда, как и где они поднимут оружие, оставался открытым[26].

Пока в Белом доме и государственном департаменте придерживались курса в отношении Японии, которому США твердо следовали в 30-е годы, – ни в коем случае не обострять отношения с Токио. Практически это вылилось в "невмешательство" в японо-китайскую войну, больше того, в поощрение японской агрессии. Военная экономика Японии зависела от поставок из США, особенно металлолома и нефти. Что, в США были слепы, не знали о последствиях, которые это повлечет для них самих? Вовсе нет.

Весной 1941 года конгрессмен Дж. Кофи (от штата Вашингтон) говорил: "Вооружая Японию, Соединенные Штаты стали ее партнером по агрессии. За это преступление мы, равно как Япония, должны ответить перед судом справедливости. История не оправдает нас. Возмездие может настичь нас скоро"[27]. Другой конгрессмен, К. Андерсен (от штата Миннесота), спустя несколько месяцев уточнил: "Мы все знаем, что шансы 50 на 50, что наш флот встретится в смертельной схватке с японским флотом. Ему, наверное, придется сражаться с кораблями, построенными из металлолома, вывезенного из нашей страны, машины которых будут работать на нашей нефти"[28].

В разгар второй мировой войны и избирательной кампании 1944 года сенатор Г. Шипстед, вернувшийся к событиям ее кануна, утверждал, что США не только снабжали Японию стратегическими материалами, но и помогали расплачиваться за них, а именно: "США в 1933 году начали политику ревальвации, которая. . .влекла за собой закупки золота и серебра по ценам значительно большим, чем существовали в момент вступления г-на Рузвельта в должность... Казначейство приобретало по взвинченным ценам золото, украденное в Маньчжурии, и серебро, вывозимое (японцами. – *Н.Я.*) из Китая. Мы же осыпали их таким количеством военного и промышленного оборудования, за которое японцы не были в состоянии расплатиться. Мы сами платили за него, финансируя и предоставляя бонусы при продаже драгоценных металлов и, конечно, закупая в больших количествах японские товары, что давало Японии еще валюту"[29].

Равным образом информированное общественное мнение в Соединенных Штатах отнюдь не было в неведении, что американская политика обеспечивала материально ведение войны Японии в Китае. Как заметил американский публицист Дж. Флинн о действиях Вашингтона в период, непосредственно пред-

шествовавший Пёрл-Харбору, "на деле мы предоставляли больше помощи Японии, чем Китаю. В 1939 году экспорт США в Китай составил 56 600 тыс. долл., в Японию – 232 млн. долл. Такая же картина была в 1940 году. Мы продали Японии громадное количество стали и металлолома, нефти и других материалов, с помощью которых она вела войну в Китае и готовилась к войне с нами. Правительство США посылало свои симпатии Китаю, а металлолом – в Японию"[30].

Могут возразить: приведенное суждение принадлежит тому, кто в свое время был среди яростных противников президента Ф. Рузвельта. Г. Прандж четко сказал: "В жестком утверждении Джона Т. Флинна о том, что до начала войны в Европе США "не помогали Китаю, а, напротив, помогали Японии", содержится много правды"[31]. Что, в самом деле, было невозможно по-иному вести дела с Японией? Конечно, можно, и об этом с солдатской прямотой написал в своих мемуарах Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, вспоминая о том, как он отправился в Китай советским военным атташе в самое критическое время – в декабре 1940 года.

В.И. Чуйков выезжал в Китай с группой советских военных советников и специалистов. "Вместе с нами Советское правительство, – писал В.И. Чуйков, – направляло в распоряжение Чан Кайши большую военную помощь: 150 самолетов-истребителей, 100 скоростных бомбардировщиков (СБ), около 300 орудий, 500 автомашин ЗИС-5 с соответствующим оборудованием и запасными частями... Скажут: вот, дескать, благодетель. Разве не в интересах Советского Союза было вести войну с Японией руками китайцев? Это приходилось мне слышать и в те годы, и позже. Но против Советского Союза Япония так и не выступила даже в самые трудные для нас годы войны, а Китай топила в крови. С этим очевидным и неоспоримым фактом нельзя не считаться тем, кто в какой-то мере хочет быть объективным"[32].

При ретроспективном взгляде совершенно очевидно, кто был против кого и кому пришлось расплачиваться за собственные ошибки. Но в то время в Вашингтоне направление политики, избранное США, представлялось безупречно верным.

Американские деятели, непосредственно занятые проведением политики на Дальнем Востоке, отчетливо видели взаимосвязь между ростом агрессивности Японии и успехами гитлеровской Германии. Посол США в Токио Джозеф Грю 12 сентября 1940 г. направил в Вашингтон послание, которое рассматривал как "самое важное за все восемь лет" пребывания на этом посту[33]. Анализируя политику Японии, посол пришел

к выводу, что эта страна "отбросила все соображения этики и морали, она стала бесстыдно и откровенно оппортунистической, стремясь при каждой возможности поживиться за счет слабости других. Американские интересы на Тихом океане определенно находятся под угрозой в результате ее экспансии на юг... Совершенно ясно, что Япония остерегается вольничать в еще большей степени в отношении американских интересов только потому, что уважает нашу потенциальную мощь, в равной степени очевидно, что она нарушала наши права пропорционально силе ее убеждения, что народ США не позволит использовать эту мощь. Нельзя исключать вероятность, что, если удастся подорвать это убеждение, тогда окажется возможным вновь использовать средства дипломатии". Но каким образом решить эту проблему?

Дж. Грю понимал, что Японию можно остановить только твердой политикой: учитывая слабость ее военно-экономического потенциала, на нее можно эффективно воздействовать экономическими санкциями. Применение их, однако, повлекло бы за собой немедленное возмездие: если не со стороны правительства, то "мог последовать внезапный удар флота или армии без предварительного уведомления правительства"[34]. Следовательно, разрешая в конечном счете подчиненную проблему — американо-японские отношения, Соединенные Штаты опрокинули бы всю свою внешнеполитическую стратегию — пока остаться в стороне от войны.

В доверительном письме к Ф. Рузвельту от 14 декабря 1940 г. Дж. Грю обратился к нему, как к "Фрэнку", старому приятелю еще со времен совместной учебы в привилегированной частной школе в Гротоне. "Мне совершенно ясно, что нам в один прекрасный день предстоит схватка, и основной вопрос сводится к следующему: что более выгодно для нас — случится это скорее или позднее". В ответном письме 21 января 1941 г. Ф. Рузвельт сообщил: "Я полностью согласен с твоими выводами". Объясняя взаимосвязь между событиями в Европе и на Дальнем Востоке, он подчеркнул: "Конфликт в Европе наверняка займет продолжительное время, и мы должны помнить, что, когда Англия победит, у нее может не остаться сил, необходимых для того, чтобы пересмотреть территориальные изменения в западной и юго-западной частях Тихого океана, которые могут произойти во время войны в Европе, если Японию не сдержать в определенных границах"[35]. Принципиально проблема, стоявшая перед Соединенными Штатами, была ясна в Вашингтоне. Оставалось изыскать средства для ее разрешения.

В январе—марте 1941 года в США состоялись совершенно секретные переговоры с английскими военными представи-

телями. 27 марта был принят американо-английский план ABC-1, предусматривающий участие США совместно с Англией в войне с державами "оси". Сущность его сводилась к тому, что в первую очередь предстоит ианести поражеиие Германии, а затем заняться Японией. До победоиосного коица войны в Европе боевые действия иа Тихом океане ограничатся стратегической обороной, войной иа истощение. Эти соображения, выработанные совместно, были положены в осиову пересмотренного плана действий американских вооруженных сил в войне — "Рейнбоу-5"[36].

Хотя план ABC-1 ие был утвержден Ф. Рузвельтом, ибо Соединенные Штаты ие желали утрачивать свободы в выборе наиболее целесообразиого момента для вступления в войну, подготовка американских вооруженных сил отныне проводилась в соответствии с задачами, поставленными в нем. Принцип сосредоточения сил против Германии, основиого форпоста держав "оси", был здравым с военной точки зреиия — в Европе лежал центр тяжести второй мировой войны. Аксиомой стратегии является то, что в войне против коалиции иеобходимо бить по основиому звену вражеского союза. План ABC-1 отвечал и специальиым интересам Соединенных Штатов — традициям ведеиия войны чужими руками. Основное бремя, по крайней мере иа ближайшее время, в Вашингтоне надеялись возложить на Англию.

Рузвельт и его ближайшее окружеиие считали, что Лондону деваться иекуда, кроме выполнеиия предначертаний Вашингтоиа. Что, разумеется, ие выставляло американских деятелей в благоприятном свете в глазах У. Черчилля и его приближеиных. Влиятельиый английский политик С. Криппс иегодовал: "Американцы обращаются с иами как с бедными родствеиниками. ФДР (Франклин Делано Рузвельт. — *Н.Я.*) ведет себя (с члеиами английского кабинета. — *Н.Я.*) как со своими слугами". Посол Англии в Вашингтоне лорд Галифакс сокрушался, что президент США "готов лгать, если зто ему нужно", способеи "в любой момент политиканствовать в ущерб иам"[37].

Поэтому стоит ли удивляться, что применительио к Дальиему Востоку и Тихому океану план ABC-1 давал зиачительные преимущества США сравнительно с Англией. "Невмешательство" и поощрение японской агрессии Вашингтоном определялись совершенно другими соображеииями; это после принятия плана ABC-1 было иетрудно изобразить как действия в пользу глобальной стратегии противников держав "оси". Независимо от зтих соображеиий, касавшихся исключительио США, признание Европы осиовным театром воеииых действий второй

мировой войны намечало наиболее рациональный путь конечного разгрома держав "оси".

В марте 1941 года Мацуока отправился в Европу. Он посетил Берлин и Рим, где вел секретные переговоры с фашистскими главарями. К этому времени Германия, завершавшая подготовку к нападению на СССР, определила место Японии в стратегии держав "оси". Позиция Германии в переговорах с Японией была зафиксирована в директиве гитлеровского руководства от 5 марта 1941 г., которая гласила: "Цель сотрудничества, основывающегося на тройственном пакте, должна заключаться в том, чтобы побудить Японию по возможности скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. В результате там будут связаны крупные силы Англии, а центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан... Следует подчеркнуть, что общая цель в ведении войны должна заключаться в том, чтобы быстро повергнуть Англию и тем самым удержать США от вступления в войну"[38].

Гитлер и Риббентроп внушали Мацуока убедить свое правительство с "молниеносной быстротой" захватить Сингапур — оплот английской мощи в районе Южных морей — и "тем самым разрубить гордиев узел". Они указывали на необычайную легкость операции, ибо с Англией фактически покончено. Доказательство — тоннаж потопленных английских судов. Мацуока заверил своих собеседников, что не пощадит усилий, чтобы склонить кабинет в Токио к захвату Сингапура, хотя придется немало потрудиться. В Японии, объяснил Мацуока, есть "интеллигентские круги", оказывающие влияние даже на императорский двор. Чтобы ввести их в заблуждение, он, Мацуока, пока будет вести себя осторожно, но ведь существует старая японская поговорка: "Открой огонь — и это сплотит нацию".

Гитлер остался в счастливом убеждении, что подготовка к захвату Сингапура будет завершена к маю 1941 года, а с операцией не замедлят. Все же с оговоркой. Фюрер нашел, что Мацуока "сочетает лицемерие американского миссионера-евангелиста с восточными пороками японца".

В Берлине и Риме японский министр иностранных дел пытался выяснить политику европейских держав "оси" в отношении Советского Союза. Он, вероятно, хотел узнать, что крылось за прощальными словами Гитлера японскому послу Курусу, отбывавшему в Японию в начале февраля: "Общие друзья могут в один прекрасный день стать общими врагами". Плюс рассуждения Риббентропа с новым японским послом генералом Хироси Осима в конце февраля: "Если рейху суждено воевать на Востоке — Советский Союз падет"[39].

Хотя МИД Германии и командование вооруженных сил рекомендовали сообщить о предстоявшей войне против СССР, Гитлер запретил передавать Мацуока какую-либо информацию. Частично это объяснялось соображениями сохранения военной тайны, но главная причина заключалась в том, что в Берлине тогда были твердо убеждены, что справятся с СССР собственными силами, и пока не хотели ни отвлекать Японию от агрессии на юге, ни делиться с ней плодами победы. Риббентроп, однако, в значительной степени на свой страх и риск предостерег Мацуока: на обратном пути в Москве "не заводить разговоры с русскими слишком далеко", ибо конфликт с СССР возможен. Он многозначительно добавил, имея в виду продвижение Японии на юг: "Если Россия когда-нибудь нападет на Японию, то Германия немедленно нанесет удар".

В правительственных канцеляриях Лондона и Вашингтона с затаенным дыханием следили за поездкой Мацуока. Подумать только, 150 тыс. берлинцев отбили каблуки, маршируя по Вильгельмплац в честь японского министра.

Несомненно, в Берлине фашистские заговорщики готовили новые ужасы для мира. Но что именно и как это выяснить? Американское и английское правительства ожидали, что Мацуока вернется в Японию через Англию и США. Рузвельт даже предложил Хэллу "выразить некоторое удивление тем, что Мацуока не собирается посетить Вашингтон на обратном пути"[40]. Но японский министр иностранных дел предпочел вернуться через Советский Союз. Во время пребывания Мацуока в Москве Англия и США сделали попытку улучшить отношения с Японией и в то же время предостеречь ее от подписания пакта о нейтралитете с СССР. Американскому и английскому послам в Москве пришлось немало потрудиться, чтобы встретиться с японским министром иностранных дел. Им удалось наконец настичь Мацуока на спектакле во МХАТе, где английский посол вручил ему соответствующее послание У. Черчилля.

Мацуока, не читая, сунул документ в карман и ответ дал 22 апреля 1941 г., уже вернувшись в Токио. Мацуока писал: "Вы, ваше превосходительство, можете быть уверены, что внешняя политика Японии определяется после беспристрастного рассмотрения всех фактов и весьма тщательной оценки всех элементов положения, с которым она сталкивается. В то же время никогда не упускается из виду великая расовая цель и создание в конечном итоге условий, отвечающих тому, что в Японии называют "Хакко ичию" (восемь углов мира под одной крышей. — *Н.Я.*) — японской концепции мира, где не будет

ни завоеваний, ни угнетения, нн эксплуатации какого бы то нн было народа. Коль скоро решенне будет принято, то мне едва ли нужно указывать вашему превосходительству, что оно будет претворяться в жизнь твердо, но весьма осмотрнтельно, с учетом всех деталей меняющейся обстановки". Извлечь что-лнбо рациональное из зтого потока трескучих фраз было невозможно. Недаром в Берлине, оценив красноречие Мацуока, преподнесли ему при прощанин знаменательный подарок – звуковую киноустановку.

Советский Союз остро ощущал угрозу фашистской агрессии всему человечеству. В канун войны советская дипломатия упорно работала, пытаясь создать снстему коллективной безопасности для предотвращения нового мирового конфликта. В результате политикн западных держав, пытавшихся направить агрессоров на СССР, решить зту задачу не удалось, в Европе разразилась война. Заключенне пакта о ненападении с Германней сорвало попытки организации крестового похода против Советского Союза, а перенос советской границы западнее в 1939-1940 годах нмел впоследствии существенное значение для хода и исхода коалнционной войны против держав "осн". Умелое использованне советской дипломатней противоречий в агрессивном лагере оказало громадное воздействне на обстановку на Дальнем Востоке.

Соедииенные Штаты не былн готовы к войне, и одна мысль о том, что придется в блнжайшие месяцы поднять оружие, повергала в трепет высшее амернканское командованне. Адмирал Г. Старк откомментнровал громадные ассигнования на военные цели поздней весной 1941 года: "На доллары нельзя купить вчерашний день". Командующему Тихоокеанскнм флотом США 27 мая он пишет: "Вы, естественно, спрашиваете – предположим, японцы пойдут на Голландскую Индию? Что тогда мы будем делать? Я не. знаю и полагаю, что на нашей земле нет никого, кто мог бы сказать зто вам"[41].

В Токио зналн. Пока Советский Союз не был связан в Европе, японские лидеры опасалнсь очертя голову броситься в военные авантюры, в первую очередь в сторону Южных морей. Летом 1940 года японские милитарнсты не нспользовали благоприятной для себя обстановкн только потому, что учитывалн роль СССР как фактора мира на Дальнем Востоке н Тихом океане. На зтот счет один из лидеров группнровкн, настаивавшей на южном направлении агрессии, генерал Койсо, не оставил никаких сомнений. В октябре 1940 года он публично предостерег: "Осуществляя движенне на юг против волков, надо остерегаться тигра с северных ворот"[42]. После того как Германия,

на взгляд токийских политиков, вероломно нарушила "антикоминтерновский пакт", подписав договор о ненападении с СССР, онн все более склонялнсь к мысли, что пора нормалнзовать отношения между Советским Союзом н Японией.

13 апреля 1941 г. в Москве был подписан пакт о нейтралитете между Советскнм Союзом н Японней сроком на пять лет. Заключение его вызвало известное замешательство в Берлине, а правительства Англии н США были повергнуты в смятенне. Еслн гитлеровское руководство, хотя н неприятно пораженное самостоятельностью своего союзника, понимало, что Япония в конечном счете отплатила Германии той же монетой, то в Вашингтоне н Лондоне просто не могли простить "неблагодарности" японских милнтарнстов. Японцы нагло обманулн ожидания амернканских н английскнх полнтиков, которые в предвидении войны между Японней н СССР давно создалн тепличные условия для японской агрессии на Дальнем Востоке. Вместо похода на СССР, о чем Токно громогласно твердил многне годы, Япония подписала пакт о нейтралитете с Советскнм Союзом!

Американская печать не замедлила разъяснить фатальную ошибку Мацуока. Одна нз статей такого рода настолько понравилась членам конгресса, что была включена в текст офнциального отчета о работе конгресса – "Конгрешнл рекорд". По тем временам немалое достижение. Как заметилн Г. Прандж н дорабатывавшие после его смертн книгу "Пёрл-Харбор: вердикт истории" Д. Голдингейн н К. Диллон: "Еслн что н поражает на страницах "Конгрешнл рекорд" за 1941 год, так это почти полное отсутствие обсуждения или комментариев по поводу Дальнего Востока. Мелькают страницы, но не упоминается даже слово "Япония"»[43].

В статье подчеркивалось: "Заключен пакт о взаимном нейтралитете, но отнюдь не пакт о ненападении. А это громадное различие. Еслн бы был подписан пакт о ненападении, то он явился бы большим облегчением для Японии, позволив ей проводить более смелую политику в отношении Соединенных Штатов в теперешней напряженной обстановке... Нынешний пакт не помешает России объявить войну Японии, когда последняя будет находиться в войне с США... Коротко говоря, Россия может быть н нейтральной в японо-американской войне и в то же время стать ее активным участником по собственному желанию"[44]. Анализ носил несомненно провокационный характер.

Профессиональные американскне дипломаты, зная японских милитаристов, комментнровали пакт далеко не нстерическн. Дж. Грю пометил в дневнике, что японская печать пишет о пакте "со сдержанным одобрением, но отнюдь не с энтузиаз-

мом". Оценивая настроения в Токио, он выделил: "Есть признаки, указывающие на то, что полной уверенности, влекущей за собой продвижение на юг, в отношении позиции северного соседа не испытывают". 21 апреля 1941 г. он разъяснял государственному секретарю: "Будущее развитие советско-японских отношений в значительной степени зависит от того поворота, который примет война в Европе, и от размеров действительной или потенциальной угрозы Советскому Союзу"[45].

Подписав договор о нейтралитете с Японией, Советский Союз, исходя из иных предпосылок, делал выводы, аналогичные положенным в основу плана ABC-1, — о приоритете европейского театра. Хотя на верность японских милитаристов своим обязательствам полагаться не приходилось (Тодзио, например, категорически отрицал, что пакт способствовал принятию в Токио решения об экспансии на юг) и СССР был вынужден сохранить значительные силы на Дальнем Востоке, пакт о нейтралитете с Японией дал возможность стратегически разграничить Европу и Дальний Восток, сосредоточить внимание на опасности, исходившей от фашистской Германии.

Так развитие событий — угроза держав "оси" всему человечеству — закладывало объективные предпосылки для создания антигитлеровской коалиции. Но весной 1941 года ни Белый дом, ни государственный департамент не оценили по достоинству усилия Советского Союза. Там не пожелали даже проследить очевидную связь между пактом о нейтралитете и непоколебимой решимостью СССР отстоять свои дальневосточные рубежи.

Э. Лейтон, решая ограниченную задачу защиты чести мундира своего кумира адмирала Х. Киммеля, походя вскрыл глубинные мотивы реакции Вашингтона на советско-японский пакт о нейтралитете: "Президент со своими начальниками штабов проводил все новые сокращения Тихоокеанского флота не только из-за приверженности их к стратегии "Европа прежде всего". Когда в апреле принималось решение об этом.., предполагалось, что сползание к решительной конфронтации на Тихом океане может быть предотвращено какими-то изощренными дипломатическими маневрами. Перспектива оттепели между Токио и Вашингтоном ослепила высшие штабы флота и армии в нашей столице и привела их к серьезнейшему промаху"[46].

Воистину, кого боги хотят покарать, того лишают разума! Американские политики, хотя и имели перед глазами горькие плоды довоенной политики "невмешательства", по-прежнему не оставляли надежд, что можно отвести угрозу от США,

побудив Японию избрать объектом агрессии Советский Союз.

Вашингтон: политика "баланса сил"

Традиции американской виешней политики, восходящие к отцам-основателям заокеанской республики, заключаются в том, что Соединенные Штаты извлекают выгоды для себя из войн в Европе и Азии. Собственно, иа этом в известной степенн н основывалось благополучие США. Эта страна миролюбива в том смысле, что ее правительство не спешило вступать в крупные вооруженные коифликты, а выжидало ослабления борющихся сторои, чтобы затем броснть решающую гирю на весы войны н мира.

Политика США на первом этапе второй мировой войны дает тому блестящее доказательство. Хотя с самого иачала конфликта Соединенные Штаты принялн сторону противников держав "оси", нбо агрессивный блок грозил самому национальному существованию, США стали фактическим союзииком Англии, американское правительство вовсе не горело желанием ввязаться в вооруженную схватку. Но в Вашингтоне ни на минуту не упускалн нз виду, что участие Соединенных Штатов во второй мировой войне иеизбежно, н проводилн обширную подготовку к этому как внутрн страны, так н внешнеполнтически. Отсюда план АВС-1, ленд-лиз и постепенное, пока в целом негласное, углублеиие американо-английского сотрудничества. Коротко говоря, Соединенные Штаты выдвигались на исходные позиции.

Весиой 1941 года из крупных государств мира помимо США вне орбиты войиы находились только Советский Союз н Япония. Это обстоятельство побуждало Вашингтон к еще большей осмотрительности: ни в коем случае не иарушать "очередностн", дождаться прежде всего вовлечеиия в мировой конфликт СССР н Японии н потом, н только потом, определить собственную позицию.

Выполнеиие этого замысла открывало захватывающие перспективы перед Вашингтоиом. Соединенные Штаты окажутся единственной великой державой, силы которой не испепелит пожар мировой войны. Народы Европы н Азии, проливающие кровь, тем самым приблизят иаступлеине "американского века" — мирового господства американской плутократии. Успех илн неуспех зтих планов в зиачительиой степеин зависел от того, что сделает и что ие сделает американская дипломатия.

Что касается распространения войны в Европе, то уже в начале 1941 года в Вашингтоне получили обнадеживающую информацию. С 1934 года в американском посольстве в Берлине служил в качестве торгового атташе С. Вуд. Официально он был дипломатом, но в действительности вел работу, имевшую мало общего с почтенной профессией. С. Вуд был разведчиком, имевшим прочные связи в высоких сферах Берлина. Как-то в августе 1940 года он получил с утренней почтой конверт. В нем был билет на сеанс в кинотеатр, который Вуд не заказывал. Американец по роду своей профессии привык ничему не удивляться — в зале на соседнем кресле оказался один из его "знакомых". Во время сеанса сосед сунул в карман Вуда записку, содержавшую сенсационную новость: Гитлер собирается напасть на Советский Союз!

Информация была немедленно передана в Вашингтон. Руководство госдепартамента крайне скептически отнеслось к ней: со дня на день ожидалось германское вторжение в Англию. Тем не менее Вуду было поручено удвоить усилия. Его агент разъяснил: "Воздушные налеты на Англию — маскировка подлинных и хорошо разработанных планов Гитлера нанести внезапный, сокрушительный удар России".

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 — "план Барбаросса". Через несколько дней ее текст был доставлен Вуду и переслан в Вашингтон. Теперь Хэлл больше не сомневался: другие источники подтверждали сообщения из Берлина. Тщательная проверка, проведенная заместителем государственного секретаря Б. Лонгом, дала аналогичные результаты. В начале января 1941 года обо всем этом было доложено Ф. Рузвельту[47].

Отныне государственные деятели Соединенных Штатов могли с большей легкостью произносить филиппики против нацистов. Даже человеку с посредственным интеллектом было очевидно, что в Берлине на пороге войны против СССР не рвались иметь еще одного могущественного противника — Соединенные Штаты. Кабинет Ф. Рузвельта состоял из неглупых людей, и поэтому было решено заодно предупредить Советский Союз о возможном нападении, что и сделал в начале 1941 года заместитель государственного секретаря С. Уэллес в беседе с советским послом К.А. Уманским. Так много надежнее: высокоморальные сентенции из Вашингтона по адресу нацистских заговорщиков сольются с вооруженной борьбой Советского Союза.

Одновременно, дабы гитлеровское руководство не упустило своих истинных интересов, ведомству Э. Гувера — Федеральному бюро расследований — поручили подбрасывать германско-

му посольству в Вашингтоие стратегическую дезинформацию о мнимых "планах" СССР ианести удар в Европе[48]. Прямая провокация, санкциоиированная самыми высшими руководителями США, что, вероятно, для последних не представляло иепреодолимых препятствий.

Успехи английских криптографов и расторопность разведчиков дали возможность проникнуть в святая святых гитлеровского руководства – со второй половины 1940 года в специальном подразделеиии Интеллиджеис сервис удалось дешифровать ряд немецких кодов. Черчилль, иекоторые министры и высшее командование вооруженных сил отныне в основном были в курсе действий врага. Гитлеровцы ие допускали и мысли, что их коды, в первую очередь работа шифровальиой машины "Энигма" ("Загадка"), могут быть разгаданы противиой стороной. Часть полученной информации английские спецслужбы сообщали своим американским коллегам.

Дешифровка радиоперехватов вермахта ввела Лоидои в курс подготовки Германии к иападению иа Советский Союз. 6 июня 1941 г. личный представитель Рузвельта У. Донован присутствовал иа секретном инструктаже глав ряда подразделений Иителлиджеис сервис. Начальиик политической разведки Англии Р. Липер объяснил им: "Премьер-министр уполномочил меня открыть некоторые секретные данные, известные г-иу Черчиллю и начальиикам штабов уже иесколько недель. Он разрешил сказать вам, и только вам, дабы вы могли скоординировать планы, – Гитлер нападет иа Советскую Россию. Вторжеиие произойдет в середине июня, в воскресенье, 22 июня, то есть до него остаются две недели и два дня".

По возвращении в Вашингтои Доиован сообщил Рузвельту, что Черчилль отнюдь ие собирается вводить в курс всего этого Москву: "Сталин мог бы понять происходящее. Но англичане считают весь аппарат в Блэчли (штаб-квартира служб дешифровки. – *Н.Я.*) слишком секретным. Оии используют эту информацию для получения выгод иными путями"[49]. Вот критерий искренности "предупреждений" СССР в иачале 1941 года, сформулированных к тому же в самых туманных выражениях.

Как бы то ни было, изревавшие события в Европе не требовали сверхчеловеческих усилий от американской внешней политики, но обстановка иа Дальнем Востоке складывалась совершенно по-иному. Выясиить иамерения Японии было почти иевозможно ие потому, что маска япоиской дипломатии была иепроницаема, а потому, что оиа скрывала государственную тайну – в Токио так и ие было достигиуто единства мнений о дальнейших действиях. Мацуока рассматривал тройственный

пакт как свой личный триумф, уже одно это усиливало оппознцию к его политике. Далеко не все в руководящих кругах Токно былн готовы слепо следовать в фарватере германской политнкн. Сущность разногласнй сводилась к тому, что если экстремисты, среди которых Мацуока был не последним, считали иеобходимым идти напролом, не останавлнваясь перед войиой, то "умеренные" деятелн во главе с Коноэ иадеялнсь вырвать уступки у США переговорами, поддержанными демоистрацией силы н шантажом.

Пытаясь склоннть кабинет в пользу своих идей, Мацуока приводил поразнтельные аргументы. На заседании Координационного комитета* 22 мая он высказался так: "Еслн мы тотчас ие прнмем решеиия, ие объединятся ли в конце концов Германия, Англия, США н СССР, чтобы подчинить Японию? Есть также возможность, что Германия н СССР выступят против Япоиии, а США также вступят в войну. Мне хотелось бы выслушать мненне представнтелей командования на этот счет!"

Прнсутствовавшие пришли в замешательство. Молчание. Старнки в расшитых мундирах переглядывалнсь через полнрованный стол. Наконец морской миннстр адмирал Коснро Оикава громко произнес: "Господа, министр иностранных дел рехнулся, разве ие видно?" Обсуждеине ие состоялось, предложения Мацуока явно носилн безумный характер. Генералы н адмиралы буквально удерживалн за фалды фрака воинственного дипломата. Онн все же считали, что возможности курса Коноз пока не исчерпаны.

Еще осенью 1940 года между правнтельствами Япоиии и Соединенных Штатов завязываются неофнциальные контакты. Начало им, по-видимому, положила американская стороиа. В зто время в Токно находились высокопоставленные представнтелн католической церквн США – епнскоп Дж. Уолш н преподобный отец Дж. Дроут. Оба прнбылн в Японию с внешне иевинной целью – ознакомиться с положеннем католической паствы, вверенной попечению нх японских духовных коллег. Очень скоро выяснилось, что Дж. Дроут далеко ие чужд мирских дел.

Убежденный антикоммунист н давний противиик администрации Рузвельта Дроут вознамерился единым махом создать иекий японо-американскиӣ альянс. Все в интересах сокрушения

---

* Этот комитет осуществлял связь между правительством и командованием вооруженных сил. В иего входили премьер-министр, министр иностранных дел, военный и морской министры, а также лица, приглашаемые по мере иадобиости.

коммунизма. Проекты в этом направлении сочинял Дроут, а епископ Уолш благословлял их. Через чиновника Кооперативного банка Японии Тадава Викава, женатого на американке, они завязали связь с официальными кругами, которым был передан документ об урегулировании американо-японских отношений. Проект предусматривал ни много ни мало, как превращение Дальнего Востока в сферу монопольного владычества Японии и США, а также укрепление их позиций против СССР.

Предложения эти вызвали живейший интерес в японской столице. Даже непримиримый Мацуока счел необходимым конфиденциально побеседовать со скромными священнослужителями[50]. Коноэ также не терял времени. Он предложил Уолшу и Дроуту доставить правительству США секретное послание от него. Премьер объяснил, что он не может направить документ через официальные каналы, опасаясь реакции экстремистских групп. Послание содержало поразительные предложения: японское правительство было готово если не формально, то по существу аннулировать тройственный пакт, отозвать все японские войска из Китая и приступить к "изучению" основных экономических проблем, стоявших перед Японией и США.

Почти одновременно к Дж. Грю обратился Тетцума Хасимото, лидер очень влиятельной националистической организации "Черный дракон". Хасимото заверял, что если бы он был американцем, то испытывал бы аналогичные чувства в отношении тройственного пакта. Хасимото апеллировал к "американскому великодушию" и просил дать ему возможность посетить Вашингтон и встретиться с ответственными деятелями, дабы предотвратить сползание к войне. Грю рекомендовал государственному департаменту удовлетворить просьбу Хасимото.

Наконец, в начале ноября 1940 года японским послом в Вашингтоне был назначен 64-летний адмирал Китисабуро Номура, вызванный из отставки. Номура хорошо знали в Японии, он пользовался немалым влиянием. Высокий, по японским меркам, адмирал внушал уважение своими заслугами, среди которых потеря правого глаза, искалеченная рука и хромота — последствия взрыва бомбы, брошенной в него в 1932 году в Шанхае. Он принял пост после долгих раздумий, рассматривая назначение "как трубный глас, зовущий рядового солдата под знамена".

Перед выездом в США Номура совещался почти со всеми высшими генералами и адмиралами. Он даже совершил поездку на континент, где встретился с командующим Квантунской армией, генерал-губернатором Кореи и командующим япон-

скими войсками в Китае. Было известно, что Номура выступал против тройственного пакта и высказывался за улучшение отношений с США[51]. В Вашингтоне маневры японской стороны были расценены как добрые предзнаменования: кабинет Коноэ, если не считать несносного Мацуока, очевидно, хотел договориться с Соединенными Штатами. Немалые надежды внушал и новый посол: в годы первой мировой войны Номура был военно-морским атташе Японии в США и был лично знаком с Рузвельтом, который, даже будучи президентом, в переписке с Номура именовал его своим "другом".

Величественного посла, неторопливо следовавшего к месту службы, обогнали неофициальные "дипломаты". В середине января Уолш и Дроут явились в Вашингтон. Привезенные ими предложения были тщательно изучены. Католик министр почт Ф. Уокер представил Уолша и Дроута государственному секретарю, а 23 января 1941 г. епископ и преподобный отец встретились в Белом доме с президентом. Конфиденциальная беседа продолжалась более двух часов. Выяснилось, что в Токио домогались провозглашения США и Японией своего рода "доктрины Монро" для Дальнего Востока – американской экономической помощи, а также посредничества США в "урегулировании" японо-китайской войны. Если эти требования будут удовлетворены, Япония бралась защитить Соединенные Штаты в случае нападения на них Германии, пока не аннулируя своих обязательств по тройственному пакту. Предложения носили фантастический характер, и их наверняка не могло бы принять любое ответственное японское правительство.

Хасимото выдвинул примерно аналогичные требования, настаивая, кроме того, на признании США "главенствующей роли Японии в Восточной Азии". Представитель "Черного дракона" явно хватил через край.

Из этих бесед в Вашингтоне вывели заключение, что правительство Коноэ побаивается США. Орудия, направленные на Америку, не заряжены. Воинственные речи в Токио и тайные предложения привели к выводу, что Япония занимается обычным шантажем. Подводя итоги, главный советник государственного департамента по делам Дальнего Востока С. Хорнбек докладывал правительству: "Необходимо постоянно помнить об одном важнейшем факте – Япония не подготовлена к войне с Соединенными Штатами"[52]. Было решено оставить в стороне неофициальные контакты и начать переговоры обо всем с Номура, когда он прибудет в Вашингтон.

В начале февраля чрезвычайно тревожные вести пришли из Юго-Восточной Азии. Япония, давно оказывавшая все возрас-

тавшее давление на Таиланд, вмешалась в вооруженный конфликт между Таиландом и Французским Индокитаем. Она взяла на себя посредничество в установлении перемирия, одновременно проведя внушительную демонстрацию морской мощи в Юго-Восточной Азии. В Лондоне расценили эти действия как очередные шаги к продвижению в сторону Сингапура, Малайи и Бирмы. Англия не располагала достаточными силами в Юго-Восточной Азии и, будучи занята войной в Европе, не могла направить туда подкреплений. Правительство Черчилля возобновило давнюю просьбу — послать американские военные корабли в Сингапур, чтобы предостеречь Японию, подчеркнув единство США и Англии. Правительство США отказалось.

Тогда английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс предложил опубликовать "совместную декларацию США и Британской империи: любое нападение на Голландскую Индию или на английские владения на Дальнем Востоке немедленно и безвозвратно вовлечет Японию в войну с Соединенными Штатами и Британской империей"[53]. Чтобы объяснить американцам, что иного выхода нет, послу было поручено также сообщить в Вашингтон со ссылкой на английский комитет начальников штабов: война-де одной Англии с Японией "неизбежно приведет к затяжке войны с Германией и сделает конечный успех маловероятным без всестороннего участия в ней Соединенных Штатов"[54]. Все эти разъяснения мало помогли делу. Правительство Черчилля никак не могло взять в толк и смириться с тем, что США были готовы в случае необходимости воевать до последнего английского солдата и вовсе не стремились занять место на первой линии огня, что с отменной любезностью предлагал Лондон.

В ОП-20-Дж и СИС

Рузвельт и его соратники были убеждены, что они на верном пути. Уверены в этом не по наитию, а на основании, как им представлялось, твердого знания не только намерений, но и ближайших шагов противника. Почему?

Обращаясь к генезису нынешнего исполинского шпионского ведомства США — Агентства национальной безопасности (АНБ), — американский исследователь Дж. Бамфорд с достоинством отметил: "Возникновение криптологии (во флоте заокеанской республики. — *Н.Я.*) можно проследить практически с первой передачи по радио с военного корабля в 1899 году". Криптологи флота сразу же вступили в острое соперничество

со своими коллегами в армии, и уже по этой причине "к декабрю 1941 года американская радиоразведка больше напоминала средневековое феодальное государство, чем нынешнюю империю АНБ"[55]. В те времена, объясняет Бамфорд, помимо армии и флота радиоразведкой занимались ФБР, береговая охрана, федеральная комиссия связи, а у семи нянек дитя без глазу. Теперь, разумеется, все по-иному — АНБ в несколько раз превышает по персоналу и расходам ЦРУ, а в ее штаб-квартире в городе Форт-Миде, поблизости от Вашингтона, работает более 50 тыс. человек. Но до этого дошли методами проб и ошибок, усвоения многих уроков, главным из которых был Пёрл-Харбор. В негативном смысле.

В 20-е годы военно-морская разведка США сосредоточила внимание на раскрытии кодов японского флота. С весны 1920 года агенты ФБР регулярно тайком проникали в японское консульство в Нью-Йорке. Они нанесли немало ночных визитов со взломом в помещение консульства, ибо выполнение задания— сфотографировать японские шифровальные книги — оказалось весьма сложным делом. Тогдашняя фотоаппаратура была громоздкой, а книги на диво объемистыми. Около четырех лет потребовалось на перевод и обработку их, а вносимые японцами изменения повлекли серию новых взломов в 1926—1927 годах. Конечный результат — США во второй половине 20-х годов могли читать шифрпереписку японского флота, так называемый "красный код" — по цвету переплетов, в которых американские криптологи держали свое сокровище.

Усилия криптоаналитиков и взломщиков, естественно, обеспечили многие преимущества американскому флоту над японским. В ходе этой коллективной работы выделились работники, которым на ответственных постах в разведке было суждено встретить вторую мировую войну. С 1924 года отдел дешифровки японских кодов возглавил лейтенант Л. Саффорд. Среди его подчиненных оказалось несколько женщин, проявивших себя отличными криптоаналитиками. В 1936 году Л. Саффорд был назначен начальником ОП-20-Дж (5-й отдел 20-го управления главнокомандования ВМС США), занимавшегося радиоперехватом и дешифровкой военно-морских кодов. Одна из подчиненных сотрудниц оставила по-женски меткое описание Л. Саффорда, который, хотя и выпускник Аннаполиса, никак не походил на кадрового морского офицера. Он ходил в мятой форме, как будто спал в ней, "волосы дыбом, постоянно почесывал голову в затруднении, говорил страшно быстро и непонятно", а его глаза все время бегали, как будто он высматривал какую-то опасность. "Безумный гений" — кличка Саффорда

у подчиненных, единодушно признававших его выдающиеся математические способности.

Ключевой подотдел подразделения Саффорда — перевод и рассылка дешифрованных материалов — с 1940 года возглавил также выпускник Аннаполиса А. Крамер. Он провел несколько лет в Японии в 30-е годы и овладел японским языком. По повадкам — полная противоположность начальнику отдела Саффорду: педант, сухарь, четко и ясно отдававший распоряжения (любимое словечко — "точно!"). И внешность: невероятная аккуратность, усы подстрижены волосок к волоску. Хотя Крамер был начальником подотдела в системе ОП-20-Дж, значился он за ОП-16-Ф2, то есть за дальневосточным управлением военно-морской разведки. "Это было сделано частично для того, чтобы сбить с толку японцев, которые могли бы извлечь определенные выводы об американских успехах в дешифровке японских кодов из того факта, что знающий японский язык офицер типа Крамера работал в отделе, занятом радиоперехватами"[56].

По всей вероятности, предосторожности были сочтены нелишними из-за скандала, устроенного в начале 30-х годов бывшим руководителем службы дешифровки армии в 1917—1929 годах Г. Ярдли. Потеряв в результате ведомственных склок работу, Ярдли бедствовал в годы кризиса и, чтобы прокормиться, а весьма вероятно, и отомстить чиновникам, не оценившим его, быстро написал и выпустил в 1931 году книгу "Американский черный кабинет". Ярдли, которого в США иногда именовали "отцом американской криптографии", занятно рассказал, как в этом "кабинете" перехватывалась и дешифровывалась переписка десятков других государств. По его оценке, в 1917—1929 годах — не менее 45 тыс. телеграмм!

Военное министерство США в ответ на запросы журналистов лихо отрицало само существование "черного кабинета", государственный департамент повел кампанию дискредитации Ярдли, а когда он в ярости написал еще одну книгу все о том же и сдал рукопись в издательство, судебные исполнители в феврале 1933 года конфисковали ее. Тем дело и кончилось в США, а в Японии книгу Ярдли перевели, издали значительным тиражом. Японские экстремисты до отказа использовали ее для нагнетания вражды к США. Разве не доказал Ярдли, что гостеприимные хозяева Вашингтонской морской конференции в 1922 году читали секретную переписку делегации Японии с Токио? В результате этого Империя восходящего солнца оказалась обделенной в квотах на морские вооружения и т.д.

Выход книги Ярдли причинил серьезные неудобства амери-

канским криптографам. В Токио задумались над надежностью своих кодов и на всякий случай изменили их. В 1933 году американские разведки сделали крайне неприятное открытие: "Взлом в служебном помещении военно-морского атташе в Токио, к счастью сорвавшийся, заставил Вашингтон заподозрить, что японцы имитируют как наши методы работы, так и коды"[57]. Резко обостряется "борьба умов" американских и японских криптографов, изобиловавшая драматическими эпизодами, включая поимку в результате дешифровки японских кодов американских военнослужащих, работавших на Японию. В целом перевес оказался на стороне США, хотя американцы по понятным причинам пуще огня боялись, что их гласно увенчают лаврами. При осуждении, например, двух японских агентов, Томпсона и Фарнворса, в 1937 году материалы, приведшие к их аресту (дешифрованные телеграммы), не предъявлялись в суде.

Главная причина, по которой американская разведка била своего противника, — Вашингтон располагал куда бо́льшими ресурсами в тайной войне. С 20-х годов военно-морская разведка США постепенно развертывает сеть постов перехвата радиограмм и переговоров по радио японского флота. Уже в 1925—1926 годах устраиваются первые такие посты в американских дипломатических представительствах в Шанхае и Пекине. В последующее десятилетие вводятся в строй мощные станции радиоперехвата на Филиппинах, Гуаме, в Империалбридже в Калифорнии, во Флориде. Станции С на острове Байнбридж у Сиэтла на Тихоокеанском побережье США и станция X на острове Оаху были специально нацелены против Японии. Военная разведка имела свою сеть станций радиоперехвата — Форт-Нэнкок, штат Нью-Джерси; Сан-Франциско; Форт-Хьюстон; Сан-Антонио; в Панаме; Форт-Шафтер, Гонолулу; Форт-Миллс; Манила; Форт-Хант, Вирджиния; Рио-де-Жанейро.

Громадная, жестко централизованная система создавалась и функционировала так, чтобы практически ни одно сообщение, переданное из Японии японским кораблям или между ними, не прошло мимо внимания американской радиоразведки. Все перехваченные шифрограммы записывались и передавались в Вашингтон, морская разведка к концу 1941 года соединила телетайпной связью ОП-20-Дж со станциями подслушивания на Американском континенте. "Станции подслушивания за границами США как флота, так и армии перехватывали японские шифрованные телеграммы, зашифровывали их в этом виде и передавали по радио в Вашингтон. Перешифровка производилась для того, чтобы в Японии не могли узнать о размахе американских усилий в области криптоанализа". Количество шиф-

рованных материалов, исходивших из Токио по мере приближения к войне, настолько возросло, что с 1940 года для упорядочения работы военно-морская и военная разведки США разделили между собой функции: по нечетным дням ими занималась первая, а по четным – вторая[58].

В 1937 году американский флот вводит в действие против Японии Центральнотихоокеанскую стратегическую сеть выявления местонахождения объектов. По гигантской дуге от Кавита на Филиппинах через Самоа, Мидуэй, Гавайи до Датч-Харбора на Аляске расположили специальные радиостанции с очень чувствительными антеннами. Принцип работы был прост: поворачивая антенну, добивались самой лучшей слышимости, прокладывали на карте направление сигнала, пересечение линий с нескольких станций указывало, где находится данное судно. Повторными прослушиваниями устанавливали его курс и скорость.

На исходе 30-х годов военно-морская разведка США льстила себя надеждой, что знает, где находится каждый японский корабль. При условии, разумеется, что потенциальный противник не прибегал к радиомолчанию. Но и на этот случай, как представлялось в Вашингтоне, был выход, а именно – анализ радиопереговоров. Так можно было установить позывные различных радиостанций, уточнить, кто и кому отдавал приказания, и т.д. Американцы недооценили эффективность контрмер – не только радиомолчание, но и частая смена позывных, ложные радиосообщения, имитация оживленных переговоров по радио и т.д. Но до всего этого должно было пройти время, а тогда 100 с лишним офицеров и сотрудников, работавших в радиоотделе 14-го военно-морского округа на Гавайях (в целях сохранения тайны именовавшемся "оперативный разведывательный отдел"), были свято убеждены: ни один корабль под флагом Страны восходящего солнца не проскользнет незамеченным в западной (считая от США) части Тихого океана. Данные радиоразведки Центральнотихоокеанской стратегической сети стекались именно в этот отдел, возглавлявшийся в 1941 году способным офицером Дж. Рошфором.

Отдел занимался и дешифровкой ряда японских кодов. Деликатная и строго секретная работа была четко расписана между различными американскими подразделениями криптоанализа. Критерий – сложность, а следовательно, важность кода. Простейшие именовались "Ла", этой частицей начинались шифровки. Затем более сложные – ПА-К2. Две группы этих кодов, всего около 10, легко дешифровывались в отделе Рошфора, что и было задачей отдела. Кроме того, Рошфору прика-

зали раскрыть "флагманский код", доступ к которому в японском флоте имели только старшие офицеры. Но работа над "флагманским кодом", оказавшаяся безрезультатной, поглотила многие тысячи часов у работников отдела в ущерб дешифровке множества перехваченных документов, проходивших под кодами "Ла" и ПА-К2. Их просто откладывали, а среди них было немало донесений хотя бы японского генконсульства в Гонолулу.

Дешифровкой важнейших систем занимались в Вашингтоне от флота — ОП-20-Дж и соответственно от армии — в управлении СИС (скрытая связь). Криптоаналитики в целом успешно справлялись с расшифровкой основного кода японского флота, проходившего у американских разведчиков под литерами ДжН (японский флот) с указанием далее порядкового номера. Трудность работы над кодом заключалась не в том, что он вообще не поддавался расшифровке, а в очень частой смене шифровальных книг, которая сводила на нет сделанное. Коротко говоря, дешифровка опаздывала от событий. Во второй половине 1941 года японский флот перешел на код ДжН-25б. В ОП-20-Дж к исходу года прочитывали не более 10 процентов содержания перехваченных документов. Эти данные оставались в Вашингтоне и не передавались в штаб Киммеля, а сотрудникам Рошфора во избежание дублирования работы было запрещено заниматься кодом ДжН-25б.

Тут, вероятно, таится одна из главных причин, почему оказался возможным скрытый подход оперативного соединения Нагумо к Гавайям. Американские исследователи очень неохотно обращаются к тогдашней истории с кодом ДжН-25б. Редкое исключение —меланхолические рассуждения в 1985 году в книге Э. Лейтона, Р. Пино и Дж. Костелло "И я был там": "Нет никаких сомнений в том, что в Вашингтоне должны были получить обрывочные сведения из кода японского флота. Какие именно или насколько они были важны, судить трудно, ибо по сей день (1985 год! — *Н.Я.*) не был найден или рассекречен ни один первоначальный документ, содержащий дешифровку ДжН-25б. Следует отметить, что ни один такой документ не был рассмотрен или предъявлен какой-нибудь комиссии, расследовавшей Пёрл-Харбор, включая расследование конгресса в 1945 году. Это отнюдь не означает, что в шараде документов разведки умышленно исключили неудобную важную часть и Вашингтон занимается обманом. Но случившееся, несомненно, еще один пример того, как командование ВМС не хочет признать, что из перехватов ДжН-25б можно было получить дополнительные данные о намерениях Японии..."[59].

Со скорбными и малословиыми рассказами американских исследователей о трудах американских криптоаналитиков иад кодами япоиского флота резко коитрастируют победные реляции о том, как военная и военно-морская разведки раскрыли тайну вражеской шифровальной машины. В результате самый важный правительственный код Японии – "розовый" – прочитывался без труда американцами, а коль скоро США тогда по технике превосходили Японию, то скоиструированные американцами дубликаты шифровальиых машин работали лучше, чем оригиналы.

Едва ли зту проблему решили криптоаналитики, как следует из официальиой версии трубадуров американских разведок. Скорее, зто еще одии пример творческого содружества науки с оперативниками, взломщиками и прочими. Во всяком случае, вехой на пути раскрытия "розового кода" было посещение незваными "гостями" в отсутствие хозяина квартиры и служебиого помещения японского воеиио-морского атташе в Вашингтоие. Визит со взломом под покровом ночи был ианесеи по той осиовательиой причиие, что подслушивающая аппаратура зарегистрировала иекие звуки, которые многомудрые сотрудники ФБР приняли за работу шифровальиой машины. Американским криптоаналитикам, видимо, удалось раскрыть зтот код, ибо иовая машина была модернизированным вариантом "красиой" машины, введенной с середины 30-х годов в дипломатических представительствах Японии за рубежом. Сменившую ее американские криптоаналитики назвали "розовой", отсюда и название кода.

Япоиские специалисты ие допускали и мысли, что "розовый код" может быть раскрыт, – машина давала миллионы комбинаций. Тем не меиее зто случилось. Когда группа криптоаналитиков военной разведки во главе с У. Фридманом в августе 1940 года после 20-месячных трудов представила дешифрованиые тексты "розового кода", в узком кругу руководителей разведки их прозвали "кудесниками". От этого прозвища и пошло названне источника – "чудо". Шифровальная машина "розового кода" выглядела как увеличенная пишущая машинка, только с двумя клавиатурами. На одной отбивался текст, печатавшийся на другой в зашифрованном виде, и наоборот.

Эти машииы как бы овеществили многолетние усилия более чем 700 работников ОП-20-Дж и 350 – СИС. Ф. Рузвельт, К. Хэлл, Г. Стимсои, Ф. Нокс и высшее командование вооруженных сил – а только они были в курсе "чуда" – не могли не иарадоваться: важнейшая шифрпереписка Токио для них

была открытой книгой. Из 227 шифрованных документов между Токио и японским посольством в США, касавшихся американо-японских переговоров в феврале–декабре 1941 года, не были перехвачены только 4! В Вашингтоне посвященные в тайну не усмотрели парадокса: "чудо" вводило их только в курс высших политических тайн Токио. Но не военных. Для проникновения в военные тайны нужно было читать менее сложные, но многочисленные японские коды, а американские криптоаналитики раскрыли только часть из них.

Адмирал-дипломат Номура в США

14 февраля 1941 г. Номура наконец явился в Белый дом для беседы со своим старым "другом" Рузвельтом и Хэллом. Они договорились встретить Номура, говоря словами президента, "с постными физиономиями и прочитать ему серьезную нотацию". Государственные деятели США заняли места друг против друга, посадили между собой посла, и президент стал держать речь. О том, что и как было сказано, сам Ф. Рузвельт несколько спустя рассказывал со значительным чувством юмора.

Он напомнил, как в свое время "президент Маккинли сделал все, чтобы избежать войны с Испанией, но случилась одна из тех ужасных вещей, которые называются инцидентами. Никто не знает, был ли "Мэн"* потоплен испанцами или нет, но президент Маккинли и Джон Хэй не могли сопротивляться требованиям американского народа начать войну (вздох). Когда японцы потопили "Пэнаи"**, волна негодования охватила страну. Я и г-н Хэлл (вот он сидит напротив) с большим трудом успокоили новую волну негодования и, благодарение богу, преуспели в этом (вздох). Я надеюсь, что адмирал Номура передаст своему правительству, что здесь прилагаются все усилия к тому, чтобы все было спокойно, однако терпение американского народа на исходе, и, если плотину прорвет (три вздоха), цивилизации придет конец"[60].

Едва ли исторический экскурс мог произвести глубокое впечатление на Номура, а ссылки на гибель цивилизации звучали явным плагиатом: Мацуока в речи на завтраке, устроенном

* Взрыв американского крейсера "Мэн" на рейде Гаваны в 1898 году послужил поводом для объявления войны Испании Соединенными Штатами.

** Американская канонерка, потопленная в 1937 году японцами на Янцзы.

японо-американским обществом в связи с отъездом Номура в США, нарисовал куда более душераздирающую картину "гибели мировой культуры" в случае войны между США и Японией. Конкретно Номура не мог ни о чем говорить — Коноэ не озаботился проинформировать посла о сути начатых в Токио тайных переговоров.

В феврале 1941 года в Нью-Йорке появился Викава. Он был связан с Коноэ, для переписки с которым использовал особый шифр. Новый посланец встретился с Дж. Уолшем и Дж. Дроутом, с ними он уже имел дело в Токио. В начале марта эти трое выработали и передали Хэллу японскую программу переговоров. Прежние предложения повторялись, а договоренность между США и Японией надлежало увенчать исторической встречей Франклина Рузвельта и Фумимаро Коноэ на полпути — на Гавайских островах. Престарелого государственного секретаря озадачила сложность ходов японской дипломатии и то, что противная сторона осмеливалась хитрить, покушаясь на его монополию в этих делах. В свои 70 лет Хэлл ощущал себя достаточно сильным, чтобы переиграть любого.

Разве не сумел он из бревенчатой хижины в глухом штате Теннесси перебраться в кресло государственного секретаря еще в 1933 году, не дрогнув, сочетал риторизм религиозного фундаменталиста с отнюдь не христианскими качествами — ничего не забывать и не прощать. Пуще всего он не терпел, когда посторонние совали нос в его дела, что сразу оказалось очень уместным для переговоров с Номура.

Коротко говоря, он предложил переговоры с японским послом вести в номере отеля, чтобы не привлекать внимания. Этот порядок сохранялся до 7 декабря 1941 г. Собеседники были вежливы и никогда не повышали голоса даже в пылу острых споров. При первой встрече с Номура с глазу на глаз 8 марта Хэлл, хотя и воздал должное усилиям "ответственных, чудесных и способных граждан" урегулировать американо-японские отношения, все же просил передать этим "добрым людям", что не может вести переговоры с ними, если официальный представитель, Номура, не возьмет на себя ответственности. Посол был также крайне сконфужен, ибо находился в неведении о действиях Коноэ. Он ограничился тем, что часто и вежливо кланялся во время монолога Хэлла. Беседы не получилось.

Двинуть дело вперед попытался Рузвельт. 14 марта во время второй встречи с Номура президент весь светился благожелательством и попытался показать глубокое понимание профессиональной этики, именуя Номура адмиралом, а не

послом, и проблем, стоявших перед Японией. "Ему удалось поднять вопрос о Китае и настояниях Японии держать там войска для борьбы с коммунизмом. Он пытался убедить Номура, что китайские коммунисты вовсе не похожи на русских коммунистов и поэтому страхи Японии необоснованны"[61]. Номура уклонился от обсуждения: как раз в эти дни Мацуока находился на пути в Европу, а в Токио направил раздраженную телеграмму, прося прислать ему в помощь офицера армии, чтобы тот объяснил послу, о чем идет речь. Тодзио распорядился командировать полковника Хидео Ивакуро[62].

25 марта Ивакуро явился в Вашингтон и посвятил наконец Номура в переговоры, протекавшие пока без участия посла, а сам занял пост заместителя военного атташе. 9 апреля Хэлл получил японские предложения, которые повторяли проект, разработанный Уолшем и Дроутом. Япония подтвердила свою верность тройственному пакту в случае нападения США на Германию. Что касается "урегулирования" японо-китайской войны, то президенту США предлагалось взять на себя посредничество и предложить Китаю следующие условия: вывод японских войск из Китая, учитывая при этом необходимость совместной борьбы с коммунизмом; применение к Китаю доктрины "открытых дверей" в японо-американской интерпретации, которую надлежит выработать позднее; признание Китаем захвата Японией Маньчжурии. Если Китай откажется принять эти предложения, США должны прекратить оказание ему помощи. В заключение предлагалось провести совещание Рузвельта с Коноэ в Гонолулу с предрешенной повесткой дня: восстановление торговых отношений между США и Японией, свободный доступ Японии к источникам сырья и предоставление ей займа.

Договариваться, собственно, было не о чем. Принятие этих предложений означало бы согласие Соединенных Штатов на японское господство на Дальнем Востоке. "С самого начала я правильно понял, — писал Хэлл в своих мемуарах, — что на успех переговоров было менее одного шанса из двадцати, пятидесяти или ста. Прошлая и тогдашняя история Японии, ее откровенно честолюбивые устремления, возможность для экспансии, представившаяся в тот момент, когда неразбериха в Европе приковала наше основное внимание, и коренное различие между их и нашими взглядами на международные дела — все говорило против возможности достижения соглашения"[63]. Хэлл, однако, вступил в переговоры с Номура, предложив Японии 16 апреля в качестве предварительных условий признать "четыре принципа": общие принципы уважения суверени-

тета всех стран, невмешательство в их внутренние дела, равенство экономических возможностей и обязательство не изменять статус-кво на Тихом океане иначе, как мирными средствами.

Как можно совместить эти абстрактно прекрасные принципы с обсуждением откровенно империалистической программы, выдвинутой Японией, государственный секретарь не объяснил ни тогда, ни в мемуарах. Крайне неловко пытается сделать это нынешняя официальная американская историография*. В Токио поняли, и вполне обоснованно, что правительство США согласилось положить японский проект в основу для переговоров. Как заметил Тодзио, японское правительство уделяло больше внимания "практическому разрешению существовавших проблем, а не заявлениям об общих принципах"[64]. Почему-то Тодзио предпочел не заметить, что проект этот был творением Уолша и Дроута и отражал взгляды Токио, но не Вашингтона!

Тут в Японию вернулся из Европы Мацуока. Он не выразил восторга по поводу проделанного Коноэ за его полуторамесячное отсутствие. Скоро в документах, поступавших из Токио в Вашингтон, стал заметен его почерк, японская дипломатия наглела на глазах. Рузвельт, ознакомившись с перехваченными и дешифрованными очередными инструкциями Мацуока — Номура, только пожал плечами. "Они, — писал президент С. Уэл-

---

* Еще в книге "Необъявленная война 1940–1941", увидевшей свет в 1954 году, У. Лангер и С. Глисон не могли не отметить: "Едва ли можно пройти мимо обращения президента и Хэлла с творением Дроута – Викава – Ивакуро. Как выяснилось позднее, государственный секретарь допустил довольно серьезную ошибку, поручив Номура послать эту неофициальную программу в Токио с просьбой сообщить, считает ли императорское правительство ее пригодной в качестве основы для переговоров. Японцы, совершенно естественно, поняли, что правительство США рассматривает ее как таковую, особенно потому, что Хэлл настаивал на предоставлении ему этой программы в качестве официального документа... Впоследствии государственный секретарь педантично напомнил послу Номура, что, пока нет и речи о "переговорах", обсуждение носит предварительный характер и имеет цель найти основу для настоящих переговоров. Определение названия, по-видимому, не имело большого значения и, конечно, не дает ответа на вопрос, почему американские власти согласились продолжать обсуждение, когда основные японские предложения ничего не обещали". Позднейшие интерпретации в США так и не ушли от сказанного в этой работе. Что не должно удивлять: авторы, видные работники американской разведки в годы войны, а впоследствии ЦРУ, уже в 50-е годы закладывали основу официальной версии.

лесу, – кажутся мне продуктом глубоко расстроенного мозга, неспособного спокойно или логично мыслить"[65].

Прямые доказательства этого высшим руководителям США дал курьезный эпизод. 5 мая перехвачена и дешифрована телеграмма Номура от МИД Японии: "Из в целом надежного источника информации стало известно, что правительство США почти наверняка читает ваши шифрованные сообщения. Пожалуйста, дайте нам знать, есть ли у вас подозрения на этот счет". ОП-20-Дж и СИС были повергнуты в панику, все труды с "розовым кодом" пойдут насмарку! Они резко ужесточили секретность. Военная разведка Дж-2 исключила президента США из списка лиц, получавших оригиналы перехватов "чуда"! В Дж-2 заподозрили, конечно, не президента, а его адъютанта генерала Уотсона, прозванного "папашей" в Белом доме. "Папашу" засекли на том, что он выбросил листок с сообщением от "чуда" в корзину для бумаг. Только в ноябре 1941 года президент Ф. Рузвельт вернул себе право читать оригиналы перехватов "чуда"![66].

Что до японского посольства, то Номура провел служебное расследование и 20 мая доложил МИД Японии: "США читают некоторые наши коды, хотя я не знаю какие"[67]. Никаких последствий. Мацуока так ненавидел Номура, что не желал считаться с мнением адмирала даже в таком деле. Американские криптоаналитики вздохнули с облегчением.

А переговоры все шли, стороны обменивались различными проектами и контрпроектами, уточняли пункты и подпункты. В официальных документах фигурировало согласие США с поразительным пунктом "Совместная оборона (Японии и Китая. – *Н.Я.*) против вредоносной коммунистической деятельности, включая размещение японских войск на китайской территории. Вопрос подлежит дальнейшему обсуждению". Если Хэлл считал возможным вдаваться в такие вопросы, понятно удовлетворение японской стороны ходом переговоров. Не случайно Номура и его помощники (Викава и Ивакуро были официально прикомандированы к японскому посольству) неоднократно заявляли за столом совещания, что их разделяют с американцами "только формулировки". 4 июня они даже сообщили, что, "преодолев гору и долину, которые лежали между нами, мы должны лишь перебросить мостик через ручей"[68].

Американская дипломатия только выигрывала время, демонстрируя миролюбие, чтобы избежать обострения отношений между Японий и США. В Вашингтоне трепетно ожидали нападения Германии на Советский Союз. А когда правительство

США убедилось, что до начала германо-советской войны остались считанные часы, Хэлл взял иной тон.

21 июня 1941 г. Номура получил из рук государственного секретаря "совершенно секретную" американскую ноту. Японии предписывалось выразить согласие с "четырьмя принципами" международных отношений, изложенными Хэллом в ходе переговоров; принять интерпретацию обязательств Японии по тройственному пакту как договору, имеющему целью "предотвратить неспровоцированное расширение войны в Европе", а США обещали проводить свою политику в отношении войны в Европе "единственно и исключительно" с точки зрения своей национальной безопасности; прежде чем президент примет на себя посредничество в установлении мира между Японией и Китаем, Токио сообщит Вашингтону свои условия мирных переговоров. Хотя вопрос о выводе японских войск из Китая и статусе Маньчжоу-Го подлежал дальнейшему обсуждению, США ожидали, что японо-китайское соглашение будет строиться "на взаимном уважении суверенитета и территории". Принципы равных экономических возможностей должны применяться не только к району юго-западной части Тихого океана, как предлагали раньше США, а ко всему Тихому океану.

И совершенно беспрецедентным было устное заявление, которое Хэлл сделал при вручении ноты японскому послу: "Тон недавних многочисленных публичных заявлений представителей японского правительства, подчеркивающих верность тройственному пакту, выражает политику, которую нельзя игнорировать. До тех пор, пока такие лидеры проводят эту политику на своих официальных постах и, очевидно, пытаются воздействовать на японское общественное мнение в указанном направлении, мы не будем гоняться за миражем, рассчитывая, что принятие рассматриваемых предложений послужит основой для достижения желательных результатов"[69]. Номура безуспешно попытался убедить Хэлла внести изменения в текст ноты, так как в таком виде она была неприемлема для передачи правительству. Хэлл не уступил.

Беседа состоялась за день до вероломного нападения Германии на Советский Союз.

22 июня и после...

В июне 1941 года Токио оказался хуже информированным о ближайших действиях союзника, чем Вашингтон о намерениях потенциального противника. Правда, японский посол в Берлине

генерал-лейтеиант Осима 6 июня сообщил, что Гитлер иамеревается иапасть иа СССР. Посол довел до сведения своего правительства, что Германия, вероятно, хочет, чтобы Япония приняла участие в этой войие. Координационный комитет срочно обсудил телеграмму Осима и пришел к выводу, что посол ие разобрался в обстановке. Германо-советской войны быть ие может. Для перестраховки запросили мнение япоиского посла в Москве Татекава, который согласился с точкой зрения Координациоиного комитета. Новое доиесение Осима от 16 июня о том же самом ие произвело решительно никакого впечатления.

В 4 часа дня по местному времени 22 июня 1941 г. в Токио пришли известия о нападении Германии иа Советскнй Союз. Япоиское правительство узиало об зтом одиовременно с остальным миром.

Виовь, как и в 1939 году, Германия поставила япоиских милитаристов перед совершившимся фактом. И сиова в токийских кругах заговорили о том, что в Берлине ие считаются с братьями по духу на Дальием Востоке. Во весь рост встал вопрос об отиошении к германо-советской войие. В тяжких испытаниях доверия к союзнику один Мацуока остался вереи тройственному пакту. Уже в 17.30 ои был в императорском дворце. Там Мацуока попытался убедить императора в том, что пробил долгожданный час для нападения Японии иа Советский Союз.

Император был настроеи скептически. Командование доложило, что Квантунская армия еще ие оправилась от разгрома у Халхин-Гола и слабее Советских Вооруженных Сил на Дальием Востоке. Базы советской авиации и флота рядом, а от Владивостока до Токио по воздуху — рукой подать. Германия ие уведомила заранее о своих иамерениях, и поэтому для подготовки к войие против СССР потребуется по крайней мере шесть месяцев. Кроме того, кампания против СССР ие даст Японии остро иеобходимого сырья и нефти, запасы которых находились в райоие Южных морей. И ие лучше ли подождать, пока Германия ослабит Советский Союз.

Эти вопросы и стали предметом обсуждения Координациоиного комитета. С 25 июня по 1 июля состоялось шесть заседаний комитета. Принципиальиых разиогласий о иеобходимости до конца использовать возможности, открытые германо-советской войной, не было. Спорили лишь о направлении агрессии. Воинственный министр иностраниых дел с пеной у рта доказывал, что Япония должна ударить немедлеиио на север, затем на юг, а в промежутке между зтими прогулками "разрешить китайский инцидеит". Когда ему указали, что у Японии просто ие хватит сил, чтобы осуществить столь величествеиные замыслы,

он заверил присутствовавших: "Соединенные Штаты не любят СССР и, по всей вероятности, не придут к нему на помощь, вступив в войну". С этим не спорили, но перспектива близкой войны против Советского Союза просто пугала.

Мацуока заикнулся было о том, что необходимо основывать внешнюю политику на моральных принципах, то есть верности тройственному пакту.

— Господин Мацуока, — воскликнул Хиранума, в прошлом премьер-министр, а теперь министр внутренних дел. — Прошу вас, еще раз обдумайте проблемы, стоящие перед нами. Вы стоите за то, чтобы мы тотчас же нанесли удар по Советскому Союзу? Вы предлагаете нам, чтобы наша национальная политика состояла в немедленном развязывании войны против Советского Союза?

— Да, — ответил Мацуока.

— Я не оспариваю важность дипломатии, основывающейся на моральных принципах, — веско заметил начальник генерального штаба армии генерал Сугияма, — но, поскольку у нас в Китае связана большая армия, мы не можем действовать по-вашему. Верховное командование будет вести подготовку, однако ударим мы на север или нет, пока нельзя решить.

— Престиж Японии необычайно поднимется, если мы нападем на Советский Союз, когда он, как спелая хурма, будет готов упасть на землю, — присовокупил военный министр Тодзио.

Руководители Японии сочли, что высшая государственная мудрость состояла в том, чтобы выждать ослабления Советского Союза в войне с гитлеровской Германией. Впоследствии Коноэ в своих записках уточнил: "Хотя лидеры правительства сумели отвести настойчивые требования о незамедлительном начале войны против Советского Союза, они были вынуждены в качестве компенсации согласиться на вооруженную оккупацию Французского Индокитая"[70]. Итак, агрессия на юг все же оказывалась второстепенным делом, в Токио по-прежнему рассматривали Советский Союз как главного противника.

Итоги обсуждения подвели на совещании с участием императора 2 июля, на котором была принята "Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки". Документ гласил:

"1. Императорское правительство преисполнено решимости вести политику, которая будет иметь своим результатом создание Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания и установление международного мира вне зависимости от того, какие международные события могут иметь место.

2. Императорское правительство будет продолжать свои усилия по разрешению китайского инцидента и стремиться создать надежную основу для безопасности страны. Это повлечет за собой продвижение в южные районы и в зависимости от будущих событий также разрешение советской проблемы. 3. Императорское правительство будет выполнять намеченную выше программу, невзирая на любые препятствия".

В ближайшее время намечалось предъявить новые требования к властям Французского Индокитая и поставить под полный контроль эту страну, имея в виду в дальнейшем предпринять действия против Малайи и Голландской Индии.

О Советском Союзе в объяснительной записке к программе было записано: "Хотя наше отношение к германо-советской войне основывается на духе "оси" трех держав, мы в настоящее время не будем вмешиваться в нее и сохраним независимую позицию, секретно завершая в то же время военную подготовку против Советского Союза... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном* для империи, она, прибегнув к вооруженной силе, разрешит северную проблему"[71] Боевая мощь Квантунской армии значительно увеличивалась.

В Маньчжурию непрерывным потоком направлялись подкрепления. 6 августа заместитель американского военного атташе в Китае докладывал: "Хотя нельзя сделать точных выводов из противоречивых сообщений, большинство склоняется к тому, что Япония вторгнется в Сибирь. В течение июля в Маньчжурию перебрасывались войска и различное снаряжение. Больше того, в Северном Китае изъято большое количество рельсов, подвижного состава, оборудование, и все это через Тяньцзин направлено в Мукден". 25 сентября из Токио вторил американский военный атташе Г. Кресвелл: "Большая часть вновь мобилизуемой мощи Японии направляется в Маньчжурию. Здесь считают.., что в случае краха России японцы разрешат северную проблему... с разрешения или без разрешения Германии". Да, подтвердил в середине сентября американский офи-

* В проекте документа первоначально записали "очень благоприятном", однако формулировка вызвала протест Мацуока. «Мне не нравится словечко "очень"», — кричал он, настояв на исключении его. На заседании 2 июля отметили, что нападение на СССР, с которым недавно подписан пакт о нейтралитете, все же даст повод обвинить Японию "в предательстве". Председатель Тайного совета Хара отрезал: "Никто не назовет Японию предателем, если она нанесет удар по Советскому Союзу. Я трепетно молюсь, чтобы благоприятный момент для нападения наступил".

цер связн в Сингапуре полковник Ф. Бринн: англичане считают, что они нмеют "по крайней мере четыре месяца для укрепления своих стратегических позиций.., нбо японцы сосредоточили свон силы для наступления на север н не могут быстро переключить их на южное направленне".

К началу 1942 года численность Квантунской армии перевалила за миллион человек, количество танков удвоилось, а самолетов — утроилось. В Корее была развернута новая армия. Как отмечалось в специальном исследовании Центра по изучению международных отношений прн Принстонском универснтете, "эта мобилизация н сосредоточение наземных н воздушных сил были величайшими во всей предшествовавшей нсторни японской армии... В Корею н Маньчжурию было завезено такое громадное количество вооружения н снаряжения, что, несмотря на позднейшие изъятия, около 50 процентов осталось в этом районе к концу войны на Тихом океане"[72].

Решения императорского совещания, конечно, не остались тайной для правнтельства США. К этому времени "чудо" работало без сбоев.

У США нмелись четыре комплекта оборудования для дешифровкн японского "розового кода" — два в Вашингтоне в распоряжении командования армии н флота, один у командующего американскнм флотом в азиатских водах на Филиппинских островах. Четвертый комплект первоначально предназначался для штаба командующего Тихоокеанским флотом адмирала Х. Киммеля. Но летом 1941 года этот комплект был передан Англии[73]. Считалось, что флот на Гавайских островах обеспечивается достаточным количеством информации нэ Вашингтона.

В перехваченных телеграммах, эашифрованных по "розовому коду", содержалось только то, что японское правнтельство считало возможным доверить своим представителям эа рубежом, нлн сообщалнсь решения, предназначенные для передачи Германии н Италии, а отношения внутрн фашистской "осн" былн далекн от нскренности. В самом деле, 2 июля в Берлин была послана телеграмма: "Япония готова ко всем возможностям в отношении СССР, чтобы соединиться с Германией в активной борьбе с коммунизмом н уничтожении коммунистической снстемы в Восточной Снбнрн". Осима в тот же день помчался на Вильгельмштрассе, встретился с Риббентропом н вечером доложил начальству в Токно: «Передал укаэанную ноту н сказал Риббентропу, помимо прочего, следующее: "Мацуока вскоре добьется решения. Еслн бы вы, немцы, своевременно уведомилн нас, что собнраетесь скоро воевать

с Россией, мы бы уже подготовились"». Все же нужно было сделать коррективы на личные взгляды Осима[74].

Великая держава не строит свою государственную политику на скупых строчках перехваченных и дешифрованных документов потенциального противника. Утверждать обратное смешно. Решения от 2 июля, естественно, не передавались шифром текстуально. В циркулярной ноте японского министерства иностранных дел сообщалась лишь их суть. О США говорилось только следующее: "Хотя будут использованы все средства, чтобы предотвратить вступление США в войну, в случае необходимости Япония будет действовать в соответствии с тройственным пактом и решит, когда и как употребить силу"[75]. Из этого нельзя было извлечь многого.

Когда криптоаналитики ввели руководителей правительства США в курс дискуссии, развернувшейся в Токио после нападения Германии на Советский Союз, в Вашингтоне заключили, что, несмотря на оговорки в решениях совещания у императора, агрессия Японии против Советского Союза неизбежна. Основополагающей посылкой для этого вывода послужила несомненная подготовка Японии к войне с СССР, а доказательством того, что она разразится, — оценка командованием вооруженных сил США возможностей Советского Союза перед лицом натиска вермахта на Западе. Американский генералитет был убежден, что Германии потребуется от шести недель до двух месяцев для полного разгрома Советского Союза. Белый дом и государственный департамент не ставили под сомнение профессиональное мнение военных. Поскольку в Токио приурочили открыть боевые действия против Советского Союза к тому моменту, когда силы Советской страны будут подорваны — а в том, что именно так и случится, в Вашингтоне нисколько не сомневались, — постольку война между Японией и Советским Союзом представлялась совершенно несомненной.

Правильно проследив, как им представлялось, причинную связь между успехом агрессии Германии на Западе и выступлением Японии на Востоке, американские руководящие деятели положили этот вывод в основу практических действий. Уже 3 июля 1941 г. Г. Старк информирует штаб Х. Киммеля на Гавайских островах: "Из чрезвычайно надежного китайского источника" (о "чуде" ни слова!) стало известно, что "в течение двух недель Япония аннулирует пакт о нейтралитете с Россией и нападет на нее"[76]. 5 июля командующим американскими гарнизонами на Филиппинских и Гавайских островах, в Карибском море и других местах было разослано предупреж-

дение штаба армии США. Дж. Маршалл не исключал возможности японской агрессии против голландских или английских владений, но наиболее вероятным объектом считался Советский Союз: "Договор о нейтралитете будет аннулирован, и основные военные усилия Японии будут направлены против приморских областей России, возможно, в конце июля или будут отложены до краха в европейской части России"[77].

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Соединенные Штаты заявили, что они на стороне советского народа и готовы оказать нам помощь[78].

Командование американских вооруженных сил рассматривало советско-германскую войну под углом зрения национальной безопасности США. Командование флота потребовало немедленно вступить в войну в Европе, с тем чтобы Соединенные Штаты не остались в одиночестве перед грозной коалицией врагов, после того как Германия разгромит Советский Союз и потерпит крах Англия[79]. Министры — Ф. Нокс, Г. Стимсон, Г. Икес, Г. Моргентау — были за вступление в войну с Германией, потому что она связана в борьбе с СССР. В глазах Ф. Рузвельта и К. Хэлла, занимавшихся внешней политикой, именно это служило самой надежной гарантией, что по крайней мере в ближайшее время столкновение с Германией невозможно. Воинственные члены кабинета, идолопоклонствуя перед святыней — планом ABC-1, рассматривали Атлантику как американский фронт, а в Белом доме рассудили, что германо-советская война превратила ее в американский тыл. Опасность исходила лишь с Востока. Во внешнеполитическом уравнении, которое пытался решить государственный департамент, единственным неизвестным оставалась Япония.

После 22 июня 1941 г. отношения с ней приобрели первостепенное значение для архитекторов американской внешней политики: избежав вооруженного конфликта с Японией, Америка сохраняла возможность вступить во вторую мировую войну только тогда, когда это ей будет нужно. Но пассивное выжидание было бы гибельно для далеко идущих планов США: решения императорской конференции недвусмысленно свидетельствовали о том, что японская агрессия готовится и в сторону Южных морей. Американская дипломатия должна была действовать, но так, чтобы не подставить Соединенные Штаты под удар. Сложность задачи обусловила громадное разнообразие приемов, на первый взгляд, даже противоречивых.

В Вашингтоне терпеливо ждали ответа на резкую ноту Хэлла от 21 июня. Японское правительство медлило, и это было

расценено как доброе предзнаменование: в Токио готовятся идти походом на СССР, и японцам не до второстепенных дел. Правительство США жадно собирало любые сведения об умонастроениях японских политиков. 25 июля Хэллу доложили содержание беседы сотрудника госдепартамента Дж. Беллантина с заместителем японского военного атташе Х. Ивакиро, который заметил: "Хотя в настоящее время мы не можем вести плодотворные переговоры, в будущем может вновь возникнуть такая возможность в результате разгрома России Германией и немецкого продвижения на Дальний Восток"[80].

В Токио Дж. Грю все же решил на свой страх и риск прозондировать позицию Мацуока. Последний, заметно обнаглев, заявил, что политика Японии будет зависеть от "будущих событий", как-то: заключения союза между Англией и СССР или попытки Соединенных Штатов снабжать Советский Союз через Владивосток[81]. В Вашингтоне уже приняли меры. Еще 22 июня С. Уэллес в беседе с английским послом Галифаксом выразил надежду, что "Англия не вступит в формальный союз с СССР". Уэллес подчеркнул, что "японцы рано или поздно нападут на Советский Союз, и если Англия заключит такой союз, тогда она будет вовлечена в военные действия на Дальнем Востоке"[82]. Что касается морского пути в СССР через Владивосток, то перевозки из США производились в основном на советских судах.

Мацуока тем временем все повышал ставки. В связи с подготовкой ответа на американскую ноту от 21 июня он указал своим коллегам, что устное заявление Хэлла при вручении этой ноты Номура — недопустимое вмешательство во внутренние дела Японии, ибо государственный секретарь, по существу, настаивал на его отставке. Именно так, патетически восклицал он, в 1905 году во время марокканского кризиса кайзер заставил уйти в отставку французского министра иностранных дел Делькассе. Ссылаясь на прецедент и личную обиду, он категорически потребовал, прежде чем давать ответ США, добиться, чтобы Хэлл взял назад свое устное заявление как "невежливое и неуместное". Коноэ еще не оставил надежд побудить США к уступкам в ходе переговоров. Требования Мацуока грозили сорвать их. Правительство воспротивилось. Тогда Мацуока единолично поручил Номура потребовать от Хэлла отказа от своего заявления. К глубочайшему изумлению Токио, Хэлл согласился[83].

Политически близорукий Мацуока упивался этим как личным триумфом. Но правительство США менее всего было оза-

бочено щадить чье-либо самолюбие. Незадолго перед этим получил предметный урок Черчилль. Всю весну 1941 года он умолял Рузвельта внушить Японии "страх перед войной на два фронта". Рузвельт не пошевелил и пальцем, напротив, как подчеркивает известный исследователь истории администрации Ф. Рузвельта, президент "поощрял продолжение переговоров (Номура с Хэллом. – *Н.Я.*). Они представлялись пока не только наилучшим средством воспрепятствовать войне, но и самым эффективным методом помочь умеренным в Японии оказать сопротивление, а возможно, возобладать над сторонниками решительных действий и прочных связей с Берлином"[84].

Президент вознамерился – ни много ни мало – направлять политические процессы в Токио! Намерение честолюбивое, но, увы, не учитывавшее японских политических реалий. Конечно, поведение Мацуока стало нетерпимым, особое раздражение почти всего правительства вызывали его тесные связи с немцами. Коноэ и шедшие с ним имели веские основания подозревать, что чрезмерно самостоятельный министр иностранных дел прилагает все усилия к вступлению Японии в войну на стороне Германии. Он поддерживал постоянный контакт с германским послом в Токио Оттом. А Берлин, убеждаясь, что "блицкриг" забуксовал, обратил взоры к Токио, соблазняя перспективами скорого разгрома Советского Союза. Гитлеровское руководство настойчиво убеждало своего союзника поднять оружие. Мацуока не только высказывался в пользу такого образа действий на заседаниях правительства, но и попытался сплотить вокруг себя общественное мнение. Он распорядился отпечатать большим тиражом одну из своих речей, в которой ратовал за войну рука об руку с Германией. Правительство успело изъять тираж до начала распространения. В то же время по наущению гитлеровцев Мацуока вел дело к срыву переговоров с Соединенными Штатами. Его действия в конечном итоге лишали Токио свободы собственных действий.

Неугодного министра нужно было убрать. Чтобы у Соединенных Штатов не создалось впечатления, будто Япония уступает их нажиму, 16 июля 1941 г. в отставку ушел весь кабинет. Состав нового правительства был объявлен 18 июля. Все главные действующие лица остались на своих местах, пост министра иностранных дел занял адмирал Тэйдзиро Тоёда. Это правительство в Японии прозвали "кабинетом японо-американских переговоров".

Японские политики отдавали себе отчет в том, что теперь добиться отступления Соединенных Штатов труднее. Как объясняет М. Сигемицу в своих мемуарах, "участие России в войне

немедленно сняло бремя, которое несла Англия, и соответственно усилило американские позиции. США отныне могли продвинуть их вперед. Им больше не было необходимости смягчать свое отношение к действиям Японии на Дальнем Востоке"[85]. На Токийском процессе главных японских военных преступников Тодзио подробно рассказал о том, что на этот счет правительство было единодушно. Не менее единодушны в Токио были и в том, что пробил час осуществить давние планы империалистической экспансии.

Президенту и государственному секретарю "чудо" — перехваченная и дешифрованная телеграмма из Токио японскому посольству в Вашингтоне — растолковало: "Перетасовка кабинета была необходима для того, чтобы ускорить решение вопросов, связанных с делами страны, и не преследует иных целей. Политика Японии не будет изменена. Она остается верной принципам тройственного пакта"[86]. Руководители американской внешней политики не могли не понять, что Япония даст ответ Соединенным Штатам, но, по-видимому, иной, чем требовала, на их взгляд, германо-советская война. В Токио, оказывается, следовали собственной логике. Надежды Рузвельта и Хэлла на "умеренных" в Токио строились на песке.

"Президент все еще лаял, а не кусал"

Еще в сентябре 1940 года Япония добилась от режима Виши согласия на ввод своих войск в северную часть Французского Индокитая. Дальнейшее овладение страной затянулось. В Тонкине, а затем в других районах Индокитая вспыхнули восстания, руководимые коммунистами. Против повстанцев совместно действовали японские и французские колонизаторы. Только поздней весной 1941 года японские милитаристы были готовы овладеть оставшейся частью страны. "И если они несколько отложили решение, то лишь в ожидании прояснения отношений между Германией и СССР"[87], — замечают У. Лангер и С. Глисон.

Не прошло и месяца с начала германо-советской войны, как Япония потребовала от Виши разрешения занять стратегические пункты в Южном Индокитае. 21—23 июля были подписаны соответствующие соглашения, и японские войска общей численностью до 50 тыс. человек начали оккупацию южной части Французского Индокитая. Япония выходила на ближние подступы к Сингапуру, Голландской Индии и Филиппинским островам. Сомнений быть не могло — агрессия распространялась на юг.

В Вашингтоне были серьезно озабочены действиями токийских милитаристов, которые явно предпочитали южное направление северному — против СССР. На японское продвижение на юг Соединенные Штаты всегда реагировали крайне болезненно. За установлением в сентябре 1940 года японского контроля над северной частью Индокитая последовало введение системы лицензий на экспорт из США в Японию некоторых видов стратегических материалов и сырья. Ограничения эти остались в основном на бумаге: так, например, импорт чугуна, листовой стали и металлолома Японии из США в 1941 году увеличился против 1940 года в среднем в четыре раза[88]. Крутых мер в области торговли с Японией правительство США не проводило, так как опасалось, что это будет, с одной стороны, способствовать нормализации советско-японских отношений, а с другой — приведет ее к вооруженному конфликту с Соединенными Штатами. Следовательно, будет сорван расчет Вашингтона — толкнуть Японию против Советского Союза.

Государственная мудрость этой политики неоднократно ставилась под сомнение членами американского правительства, реалистически оценивавшими опасность японской агрессии для самих Соединенных Штатов. Министр внутренних дел Г. Икес, по совместительству руководитель управления по распределению горючего для целей национальной обороны, запретил вывоз горючего в Японию из портов Атлантического побережья и Мексиканского залива. Министр резонно рассудил, что нельзя допустить, чтобы японские корабли и самолеты, которые завтра будут действовать против США, заправлялись американским топливом.

Президент немедленно отменил распоряжение Икеса, не принял его отставки с поста по совместительству[89]. Икес входил в состав кабинета, но не был в курсе святая святых политики США. Президент туманно объяснил министру, что речь идет о высших интересах США[90].

Занятие японскими войсками Южного Индокитая опрокинуло посылки, на которых строилась эта политика. Было необходимо предостеречь Японию, но как? Несколько дней в Вашингтоне шло тщательное обсуждение вопроса, во время которого основное внимание уделялось целесообразности наложения эмбарго на экспорт нефти в Японию. Правительство запросило наиболее компетентный в сложившихся условиях орган — командование военно-морского флота. 22 июля Г. Старк представил государственному департаменту рекомендации флота, конечный вывод которых гласил: "Введение эм-

барго, вероятно, приведет к тому, что без большой задержки последует иападенне Японии иа Малайю н Голландскую Индию, н, возможно, к раннему вовлечению Соединенных Штатов в войну на Тихом океаие. Еслн США решили вести войну иа Тнхом океане, тогда действия, ведущие к ней, следует отложить, если зто возможно, до тех пор, пока Япония ие будет связана войной в Сибири... Сейчас иесвоевременно иакладывать змбарго на Японню"[91].

Хотя рекомендации командования флота полностью совпадали с предшествующей позицией правительства, адмиралы, очевндно, не брали в расчет, что если США ие примут никаких мер в связи с вступлением япоиских войск в Южный Индокитай, то это лишь укрепит Токио в убеждении, будто Япония находится иа вериом пути. Давление иа юге увеличится, а война против Советского Союза будет отложеиа. Президент решил продемонстрировать силу.

25 июля американское правительство ввело змбарго иа экспорт нефти в Японию и заморозило все япоиские активы в США на общую сумму 130 млн. долл.[92] На следующий день филиппинская армия была включеиа в вооружеиные силы США. Военное министерство учредило новую ннстанцию — командование американских сил иа Дальием Востоке во главе с геиералом Д. Макартуром. В связи с "ремоитом" закрыли для япоиского судоходства Панамский канал. Англия и власти Голландской Индии последовали за США, заявив о замораживании японских активов н прекращении торговли с ией. Япония ответила аналогичными действиями в отношении активов зтих стран. Было пронзнесено немало громких слов с обеих сторои. Амернканская печать превозиосила твердость правнтельства, а японские газеты с таким отчаянием убеждалн своих читателей в том, что Японию "окружают", как будто петля голода уже затягивалась на шеях редакторов. Как обстояло дело в действительиости?

Эмбарго не прекращало, а лишь ограничивало американояпонскую торговлю. Государственный департамент разъяснил органам, ведавшим торговлей с Японией, что они могут выдавать лицензин на зкспорт в эту страну, с тем чтобы вывоз нефти (зкспорт авиациоиного беизина запрещался) равнялся примерио уровня 1935—1936 годов. Поскольку японские активы были заморожены, предписывалось следить за тем, чтобы стонмость зкспорта примерио равнялась стоимости нмпорта. Ограничения должны были действовать три месяца, по истечении которых в завнсимости от политической обстановки торговлю можно было вновь расширить на осиове клиринга.

Когда в Лондоне выяснили, что кроется за американским "эмбарго", там были вынуждены срочно пересмотреть свое решение и открыть ограниченную торговлю с Японией. Власти Голландской Индии также пошли на это. В противном случае, как понимало английское правительство, риск войны брала на себя только Англия, а США оставались в стороне. Министр иностранных дел Японии Тоёда, который 26 июля в полном расстройстве чувств говорил Грю: "Я едва спал последние ночи"[93], — вновь обрел душевный покой, а честному Г. Икесу оставалось только негодовать в дневнике[94]. Проанализировав все эти события, те, кто закладывал фундамент официальной трактовки американской внешней политики, — правоверные летописцы У. Лангер и С. Глисон — написали: "Не будет преувеличением поэтому сказать, что президент все еще лаял, а не кусал"[95].

Соединенные Штаты показали, на что они способны. В будущем.

"Бетти" недоумевает

26 июля Киммель написал длинное письмо, открывавшееся обращением "Дорогая Бетти". Он искал у адресата — главнокомандующего ВМС США — совета. Прозвище "Бетти" адмирал Г. Старк получил еще на первом курсе военно-морского училища в Аннаполисе. Юноши забавлялись, заставляя Старка декламировать слова героя войны за независимость Джона Старка: "Сегодня мы победим, или Бетти Старк останется вдовой!" Героическое намерение в стихах плохо вязалось с внешностью и повадками тихони-кадета, которые он сохранил на всю жизнь. Некий член кабинета Рузвельта отозвался о нем как о "робком и малоспособным человеке для занимаемого поста, самом слабом советнике президента".

Кадеты давно состарились, на плечах удачливых из них сверкали адмиральские погоны, но для однокашников Г. Старк оставался "дорогой Бетти".

Письмо было чуть ли не слезной мольбой объяснить, какова политика правительства Соединенных Штатов. Киммель писал:

"1. Необходимо держать командующего (Тихоокеанским. — *Н.Я.*) флотом в курсе политики министерства, решений и изменений в политике и решений, призванных встретить изменения в международной обстановке;

а. До сих пор мы не получили официальных данных относительно позиции США в случае участия России в войне, в первую очередь в отношении содружества на Тихом океане, если

оно будет вообще между США и Россией, если и когда обе державы примут активное участие в боевых действиях. В наших существующих планах Россия не предусмотрена и не предвидится координированных действий, совместного использования баз, общей системы связи и т.д. Новая обстановка открывает перед нами пути, которые следует полностью использовать, и необходимо до конца воспользоваться возможностями взаимной помощи (разрядка моя. — *Н.Я.*). Конкретно прошу дать ответ на следующие вопросы:

1) Объявит ли Англия войну Японии, если японцы нападут на приморские провинции (России)?

2) Если ответ на первый пункт положительный, тогда окажем ли мы им активную поддержку, как предварительно предусмотрено в случае нападения на Голландскую Индию или Сингапур?

3) Если ответ на второй пункт положительный, тогда составляются ли планы совместных действий, оказания совместной помощи и т.д.?

4) Если ответ на первый пункт отрицательный, тогда какова будет позиция Англии? Какова будет наша позиция?

5) Если Англия объявит войну Японии, а мы не сделаем этого, какова наша позиция в отношении японского судоходства, патрулирования тихоокеанских вод, рейдеров и т.д.;

6. В зависимости от хода боевых действий обстановка в России, по-видимому, дает нам возможность укрепить нашу оборону на Дальнем Востоке, в особенности Гуам и Филиппины... По моему мнению, нам следует двинуть укрепление Гуама и ускорить укрепление Филиппин. Война России с державами оси может дать нам передышку (разрядка моя. – *Н.Я.*)"[96].

Адмирала основательно занесло, он думал даже о сотрудничестве с СССР и просил ввести его в курс государственной политики на уровне Белого дома! Что мог ответить Старк? Письмо Киммеля от 26 июля Старку было не единственным обращением такого рода, его разве отмечала развернутая аргументация. Старк – "Бетти" – проявил женскую изворотливость. 8 августа Киммель получил ответное письмо, подписанное "Бетти", в Вашингтоне 2 августа. Старк заверил, что по существу он сможет ответить "довольно скоро", а пока отсылал его к своему письму "Рукастому".

Прозвище "Рукастый" среди старых выпускников Аннаполиса носил командир флагманского линкора Тихоокеанского флота "Пенсильвания" капитан Ч. Кук. 31 июля Старк

писал ему: "Дорогой Рукастый... Сожги письмо после того, как покажешь его Киммелю. Ряд вопросов, которые недавно ставили вы, и ряд вопросов, которые ставит Киммель (на них я дам ответ по возможности скорее), принадлежат к числу тех, которые я сам все еще пытаюсь выяснить в Вашингтоне. Газеты дают вам по ним ровно столько информации, сколько я сам имею". Иными словами, Старк порекомендовал томившимся по фактам морякам на Гавайских островах читать газеты. Походя заметим, что своего обещания "дать ответ по возможности скорее" он так и не сдержал.

Оставив, таким образом, в стороне то, что в первую очередь интересовало Киммеля — политику США, Старк заключил письмо соображениями, ставшими, пожалуй, банальными в глазах командиров в Пёрл-Харборе: "Как вам, вероятно, известно из наших телеграмм и моих писем, мы считаем, что первоочередная цель Японии — Советское Приморье. Тернер (начальник оперативного управления штаба флота. — *Н.Я.*) считает, что Япония вторгнется туда в августе. Возможно, он прав. Обычно он бывает прав. Я придерживаюсь той точки зрения, что, хотя Япония в конце концов пойдет на Сибирь, она отложит выступление до приведения обстановки в Индокитае и Таиланде в желательное для нее состояние и до тех пор, пока не будет какого-либо прояснения в русско-германской войне". Что до перспектив ее, то "ничто по сей день не поколебало моей первоначальной оценки, что немцы достигнут своих ограниченных целей. Но Германия испытывает большие трудности, чем предполагала... Я нисколько не сомневаюсь, что немцы смогли бы очистить Ближний Восток, если бы они нанесли удар в этом направлении вместо России. Что последует за русской кампанией, все еще под вопросом"[91].

Всего этого Старк мог не писать, он трудился совершенно напрасно, его письмо (немедленно показанное Киммелю) не прибавило ничего нового к распухшим досье, куда подшивались документы с предсказаниями неизбежного нападения Японии на СССР. Разумеется, как результат поражений Советского Союза от вермахта. Источники расходились только в сроках как первого, так и второго. Но расхождения были невелики и не относили выступления Японии против СССР дальше осени 1941 года.

В 1946 году объединенная комиссия конгресса, расследовавшая катастрофу в Пёрл-Харборе, крепко взялась за капитана Лейтона, имевшего несчастье возглавлять разведку Тихоокеанского флота на Гавайских островах в канун войны. На самые каверзные вопросы капитан отвечал очень простодушно, каким, конечно, он не был в отставке в адмиральских чинах спустя

четыре десятилетия, когда с соавторами сочинял свои мемуары! А тогда, после победоносной войны, молодой Лейтон даже припомнил, что Киммель четыре или пять раз в эти критические месяцы повторял вслух: "Хотелось бы мне знать, что мы собираемся делать". Ссылки Лейтона на то, что он не был в курсе "высшей политики", раззадорили допрашивавших его, они наконец выяснили лимиты тогдашних познаний начальника разведки. "Видите ли, — сказал он, — существовала какая-то географическая линия, известная лишь высшим властям, и, если бы японцы переступили ее, тогда против них предприняли бы действия либо англичане, либо голландцы, либо, возможно, мы. Но по этому поводу не было ни авторитетных разъяснений, ни документов. Я узнал об этом, сплетничая в коридоре, и доложил штабу флота". "Другими словами, — возмутился член комиссии конгрессмен Мэрфи, — вы, начальник разведки флота на Гавайях, занимались распространением коридорных сплетен!" Лейтон развел руками[98].

И все же что это была за таинственная "линия"? Придется вновь вернуться в мир "высокой политики", куда по служебному положению в 1941 году не допускались любознательный Киммель и несчастливый Лейтон.

"Чудо" и УСС в руках Рузвельта

Они оказались под давлением неотразимых обстоятельств, и не одни, а в отличной компании. К "высокой политике" не подпускались не только военные моряки, но и подавляющая часть министров, не говоря уже о лидерах конгресса. Уже по этой причине безумно трудно точно реконструировать мотивы президента Франклина Д. Рузвельта. Один из его ближайших соратников, входивших в "мозговой трест", Р. Тагвелл, в 1957 году в большой книге с величайшим пессимизмом обрисовал перспективы для историков, пытающихся углубиться в президентство Ф. Рузвельта.

Да, соглашается Тагвелл, "документов — грузовики, протоколов — прорва, писем — кипы". Но президент "соорудил всевозможные препятствия" на пути историков. В самом деле, "едва ли есть хоть одна надежная запись хоть одной беседы за всю жизнь Франклина Рузвельта... Нет ни одного протокола сотен заседаний кабинета, и очень мало полных записей ключевых совещаний. Все это представляется столь неправдоподобным, что сочиняются самые различные истории, дабы объяснить отсутствие материалов. В библиотеке (Рузвельта. — *Н.Я.*) в

Гайд-парке упорно твердят, что в подвале Белого дома, под кабинетом Рузвельта, была тайно размещена звукозаписывающая аппаратура. Беседы президента записывались и сдавались на хранение, чтобы можно было сослаться на них в случае необходимости. Увы, это не так. Никогда никаких записей не производилось"[99]. Тагвелл либо не знал, либо избегал сказать правду, либо заблуждался.

В 1982 году празднование 100-летия со дня рождения Ф. Рузвельта заметно оживило открытие: правы те, кто утверждал, что президент имел возможность и записывал, по крайней мере в канун войны, говорившееся в его кабинете. Тогда экспериментальная и поэтому очень большая по размерам звукозаписывающая установка была спрятана в подвале Белого дома. Микрофон был скрыт в настольной лампе на президентском столе. Сообщенное в начале 1982 года объясняет очень немногое, еженедельник "Тайм" удивился, "почему записи были загадочно прекращены в ноябре 1940 года"[100]. Чему не поверили профессионалы "плаща и кинжала" и т.д. Для наших целей нет необходимости входить в существо этих препирательств.

Важно другое: тогда были записаны рассуждения Ф. Рузвельта о том, как он полагал уместным разрешать японо-американские конфликты. Как оказалось, всего за год с небольшим до Пёрл-Харбора. Поучительно прежде всего то, что свой курс в отношении Японии Рузвельт считал производным от обстановки в Европе.

Восстановленная запись донесла голос Рузвельта. Он обращался к кому-то в кабинете – к кому конкретно, понять нельзя, как всегда, президент переговаривал любого: «Вот газеты сообщают: [японский премьер] говорит, что Япония будет считать актом войны, если мы будем оказывать помощь ее противникам. Что же это значит? (Рузвельт по своему обыкновению начал диалог с воображаемыми собеседниками. – *Н.Я.*) Что же означает слово "напасть", я не знаю. Вполне возможно, по крайней мере вероятно, может стать так: Джек Гарнер (вице-президент. – *Н.Я.*) дает один шанс из десяти, что, объединившись, Гитлер, Муссолини и Япония могут счесть, что они в состоянии остановить поток американских военных грузов в Англию – этих самолетов, пушек, кораблей, боеприпасов и в результате – повергнуть Англию.

Тут они могут предъявить нам ультиматум: "Если вы будете продолжать слать что-либо в Англию, мы будем рассматривать это как нападение на нас" (Рузвельт подчеркнул сказанное ударом по столу). Я тогда скажу: "Крайне прискорбно, но мы не хотим воевать с вами. У нас есть контракты, и по нашим зако-

нам о нейтралитете любая воюющая страна имеет право закупать и увозить все у нас". Тогда они скажут: "После такой-то даты, если вы будете продолжать слать в Англию военные грузы, самолеты и другое, мы будем считать вас воюющей стороной".

Прекрасно, что же мы ответим? Я скажу: "Очень прискорбно, но мы-то не считаем себя (Рузвельт продолжал, посмеиваясь) воюющей стороной. Мы не собираемся объявлять вам войну. Если вы считаете нас воюющей стороной, то мне вас жалко, мы таковой не являемся. Но если же вы будете исходить из этой предпосылки и каким-то образом нападете на нас, мы будем защищать свое — повторяю: мы будем защищать, — но никак не больше"».

Изложив этот сценарий с несомненным удовлетворением, Рузвельт вскоре после этого обратился к другому сценарию, который ему определенно нравился меньше. Видимо, по той причине, что с самого начала было видно — Вашингтон не сможет полностью контролировать развитие событий. Записи предшествовал смех Рузвельта, раскатистый, оглушающий. Постепенно отрывочные фразы между взрывами смеха: "руководитель японской ассоциации печати... сказал, что случилось, черт побери, самое гадкое... В США поднимается возмущение, и мы-де готовы нажать на курок, если японцы хоть что-то сделают. Я знаю, что мы кое-чего не потерпим, общественное мнение не потерпит, если японцы займутся глупостями. Теперь же этот тип (глава японской ассоциации печати. — *Н.Я.*) телеграфирует Рою (Говарду, главе американского газетного концерна. — *Н.Я.*) — войны не будет, я цитирую по памяти, на одном, на одном и единственном условии (президент ударами по столу подкрепляет свои слова), что США признают новую эру не только на Дальнем Востоке, но и на Востоке вообще. Единственным подтверждением этого признания должна быть демилитаризация Соединенными Штатами своих морских, воздушных и военных баз на Уэйке, Мидуэе и в Пёрл-Харборе. Боже мой! Впервые какой-то дрянной япошка требует, чтобы мы убрались с Гавайев. И это тревожит меня больше всего на свете".

Тут послышались два мужских голоса, попытавшихся убедить президента, что тот "тип" в Токио не занимает ответственного поста. Рузвельт цедил сквозь зубы "да-а", что отнюдь не означало согласия с собеседником, а только признаком того, что президент слушал. Наконец он энергично закончил беседу: "Единственно, что тревожит меня, — немцы и япошки сговорятся, да тут еще и итальянцы, и, черт возьми, они все действуют уже пять, нет, шесть лет и ни разу не поскользнулись, и ни разу

не ошиблись в оценке реакции международного общественного мнения... Но может наступить время, когда немцы и япошки наконец сглупят и вовлекут нас в войну. Единственная опасность нашего вступления в войну — они поскользнутся"[101].

Рассуждения Франклина Д. Рузвельта, приведенные по исключительной необходимости подробно, приоткрывают плотную завесу над внутренним миром президента. Он не хотел сложа руки ожидать фатального — когда державы "оси" наконец "поскользнутся", а ощущал в себе силы стать поводырем тех, кто в Токио определял политику Японии, и благополучно перевести их через "скользкое" место. Другими словами, попытаться внушить японским вершителям судеб своей страны, как именно им следует действовать. Рассекреченные в США только в 1981 году сотни тысяч страниц документов о предыстории Пёрл-Харбора [в том числе материалы "чуда" и дешифровки некоторых других (но не всех!) кодов] в какой-то мере позволили перевести представление об этом замысле Рузвельта из сферы в основном предположений, хотя и обоснованных, на почву фактов.

В соратники и младшие партнеры честолюбивого предприятия Рузвельт взял премьер-министра Великобритании Уинстона С. Черчилля. Хотя их взгляды на вступление США в войну в Европе были противоположными — Рузвельт делал все, чтобы не допустить этого, а Черчилль делал все, чтобы вовлечь их как можно скорее, — оба лидера были единодушны в оценке противника в Азии — Японии, да и азиатских народов вообще. Еще более сплачивали их расовые предрассудки, которые они разделяли со своим ближайшим политическим окружением, причем американцы в этом отношении оставляли позади себя англичан.

В начале 1942 года Рузвельт снисходительно выразил сочувствие Черчиллю за то, что "вы, ребята, так намучились с бирманцами за последние 50 лет. Я их терпеть не могу. Вы бы посадили всю эту банду на раскаленную сковородку, окружили ее стеной и изжарили бы их в собственном соку"[102].

В частных беседах, сетуя на Японию, Рузвельт серьезно носился с идеей скрестить после войны японцев с европейцами и вывести новую породу людей для Дальнего Востока, ибо он подозревал — череп у тогдашних японцев был неразвит, отсюда их агрессивность! На протяжении всей войны на Тихом океане расовые соображения накладывали отпечаток на американо-английскую стратегию. Главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг в годы войны настаивал, например, что Новую Зеландию и Австралию нужно спасти, ибо это страны "белого человека",

а Черчилль объяснял кабинету: "Мы не можем бездействовать, допустив, чтобы желтая раса завладела бритaнскими доминионами", и т.д. и т.п. В целом, замечает английский профессор К. Торн, исследовавший "обстановку накануне Пёрл-Харбора": "Одним из важнейших аспектов войны на Тихом океане в 1941–1945 годах была расовая война, и именно так ее нужно рассматривать в перспективе более чем ста лет"[103].

Оптимизма в том, что США и Англия возобладают над противником, включая японцев, президенту и премьеру было не занимать. Как воскликнул Черчилль в разгар войны: "Зачем извиняться по поводу превосходства англосаксов над другими (расами)? Конечно, мы высшая раса!"[104]. Рузвельт и Черчилль и пытались строить образ действий США и Англии в войне так, чтобы добыть победу преимущественно руками других и с минимальными издержками для себя. Важнейшей и наисекретнейшей частью этой политики было стремление побудить врага делать шаги, пагубные для него. Почитая себя величайшими умниками, Рузвельт и Черчилль были убеждены: описанными методами они переиграют правительства стран-противников. Да и союзников тоже. В число таковых, о чем, наверное, Черчилль не догадывался, Рузвельт включал и Англию.

Проведение этого курса требовало соблюдения величайшей секретности и особых подразделений в сети спецслужб. В Англии в 1940 году Черчилль учредил Управление специальных операций. В США Рузвельт сразу после нападения Германии на СССР 11 июля 1941 г. организовал Управление координатора информации, на которое поставил своего давнего друга У. Донована. От этого управления, переименованного на следующий год в Управление стратегических служб (УСС), ведет свою родословную ЦРУ. Ведомство У. Донована летом 1941 года расправляло крылья. По замыслу президента, оно должно было поставить на службу тайной войны лучшие умы в общественных науках. Собранной профессуре для начала вменялось на основании глубокого анализа самой разнообразной разведывательной информации разрабатывать стратегию нанесения врагу поражения чужими руками.

Полковник У. Донован, по основной профессии юрист с Уолл-стрита, был своего рода ветераном американской разведки, включая службу советником при Колчаке в 1919 году. Тогда он люто возненавидел "большевизм", осуждая его публично в самых резких выражениях, и рекомендовал правительству США накануне краха колчаковщины поставить сибирской контрреволюции вооружение и снаряжение для армии в 600 тыс. человек. Тогда же, в 1919–1920 годах, Донован завязал таин-

ственные связи в Токио и с генералами японских интервенционистских войск в России. Теперь, в 1941 году, спустя менее 20 лет, он в определенном смысле вступал на знакомую почву, с тем различием, что имел за собой полную поддержку президента, прикомандировавшего к нему для связи своего старшего сына капитана Джеймса Рузвельта и имевшего возможность опереться на знания и опыт крупнейших американских ученых-обществоведов. "Коллегию кардиналов", как звал их Донован.

УСС оказалось бесценным для Вашингтона в войне, но первые шаги ведомства Донована, падающие на 1941 год, были не очень успешными. По той простой причине, что создание Рузвельтом личной разведки встретили в штыки соперники в этой деликатной области. Самый обстоятельный биограф У. Донована справедливо заметил:

"Белое пятно в деятельности Донована, которое ставит в тупик, — по всей вероятности, устранение его от событий, приведших к Пёрл-Харбору, что означало и отстранение его от источника информации, известного в правительстве как "чудо". Хотя в исполнительном приказе президента о создании этой организации ясно говорилось: Доновану должна предоставляться вся информация, имеющая касательство к национальной безопасности, начальник штаба армии генерал Джордж К. Маршалл исключил его из числа получателей материалов "чуда". Это один из самых таинственных и тревожных эпизодов неразберихи с Пёрл-Харбором. Если бы данные "чуда" были переданы "коллегии кардиналов" для изучения и анализа, нет никаких сомнений в том, что своевременно было бы выяснено намерение японцев нанести удар по Пёрл-Харбору и американские вооруженные силы сумели бы принять активные меры обороны"[105].

Действия Дж. Маршалла легко отнести за счет межведомственного соперничества, но, скорее, они результат непонимания, точнее, незнания им, профессиональным военным, новой эры в разведке, которую открывал Ф. Рузвельт. Донован пока не получал дешифровок "чуда", но он не мог не понимать необходимости освещения положения на Дальнем Востоке и Тихом океане. Он, конечно, принял меры, по крайней мере известно, по словам его лучшего английского биографа: "В августе 1941 года Донован решил — необычайно важно узнать, что планируют японцы. Донован знал, что Гитлер желает вступления Японии в войну. Он получил тревожные сообщения об этом из Японии от людей, с которыми он завязал связи еще в Сибири в 1919 году. Донован попросил Эдгара Эизеля Моурера (один из крупнейших американских журналистов. — *Н.Я.*) не-

медленно выехать на Восток. Моурер ехал под предлогом написания статей для газеты "Чикаго дейли ньюс", но в действительности имел поручение разузнать, что только можно, о намерениях Японии"[106]. В ближайшие два месяца он объехал Китай, побывал в Гонконге, Сайгоне, Ханое, Батавии, Сингапуре, Бангкоке. Побеседовал с генералом Макартуром на Филиппинах и адмиралом Киммелем на Гавайях. Таковы были возможности Донована.

В том августе 1941 года, когда Моурер выехал на Дальний Восток, состоялось первое американо-английское совещание "в верхах".

Коноэ теряется в догадках

Ф. Рузвельт наконец лично встретился с У.Черчиллем на Ньюфаундленде. Состоялась Атлантическая конференция, посвященная определению стратегии США и Англии в войне. Президент и премьер, помимо прочего, обстоятельно обсудили, что делать с Японией. Англичане указывали, что только твердая позиция США, не считаясь с угрозой войны на Тихом океане, может остановить Японию. За возвышенными речами английских деятелей о единстве англосаксонского мира американцы без труда разглядели желание защитить колониальные владения Англии на Дальнем Востоке руками Соединенных Штатов.

Рузвельт с трудом принял английское предложение, чтобы США одновременно с Англией, ее доминионами и Голландией предупредили, что дальнейшая агрессия Японии заставит эти державы применить оружие. Он объяснял англичанам, что цель США – хотя бы на месяц отсрочить войну на Тихом океане. Черчилль немедленно предложил текст соответствующей декларации. В пункте первом документа Японию предупреждали, что в случае ее нового продвижения в юго-западной части Тихого океана США "примут меры, даже если они могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией". А в пункте втором указывалось, что, если при применении указанных мер третья держава "станет объектом агрессии Японии", США окажут ей помощь.

Президент заметил, что достаточно первого пункта, о втором вообще говорить не нужно. Он указал, что по возвращении в США лично переговорит обо всем с Номура. Черчилль ликовал. Ему казалось, что тревоги позади – Соединенные Штаты берутся защитить и британские владения. На радостях он оповещает кабинет в Лондоне: "Президент сообщил, что немедленно телеграфирует м-ру Корделлу Хэллу, который устроит встречу президента с японским послом сразу же по возвращении в Вашингтон для вручения важного документа. Президент по возмож-

ности скоро встретится с послом и передаст ему письменное заявление. Я попросил копию заявления, но мне при отъезде ответили, что ее еще не доставили. Президент, однако, заверил меня многократно, что он включил в текст слова, приведенные выше (пункт первый декларации. – *Н.Я.*). Я убежден, что он не смягчит формулировку"[107].

Что касается политики США в случае нападения Японии на СССР, то Рузвельт пообещал дополнительно устно предупредить Номура, что, "поскольку СССР является дружественной державой, США не заинтересованы в равной степени в любом конфликте в северо-западной части Тихого океана". Даже если бы эти слова были произнесены, они остались бы словами. Как заметил компетентный американский историк Р. Даусон, "стремясь отсрочить схватку с Японией по возможности на более длительный срок, Соединенные Штаты едва ли приняли решение действовать, если бы Япония вторглась в Сибирь или блокировала Владивосток"[108].

Но как быть с обещаниями Черчиллю? Теперь английский премьер мог на деле увидеть результаты того, что "оставил инициативу всецело в руках президента"[109]. По возвращении в Вашингтон Рузвельт и не помышлял выполнять свое обещание. Он посоветовался с Хэллом, и оба пришли к выводу, что ни в коем случае не нужно создавать у японцев впечатление существования какой-либо договоренности с англичанами. Стоит говорить только от имени одних Соединенных Штатов. А чтобы не возбуждать ненужных толков в Лондоне и избежать затруднительных объяснений с Черчиллем по поводу нарушения слова, английскому правительству ничего не сообщать. Итак, с сокрушенным сердцем писали авторы официальной английской истории второй мировой войны, "с глубокой печалью следует констатировать, что доверие Черчилля было обмануто"[110].

17 августа Рузвельт пригласил Номура и подтвердил, что если Япония пойдет на дальнейшие действия для установления господства над соседними странами с помощью силы или угрозы силой, то США предпримут все возможные шаги для охраны своих "законных прав и интересов"[111]. Где же находились границы этих "законных прав и интересов"? Рузвельт, естественно, не уточнил их в беседе с Номура. Но для себя в Вашингтоне уже давно установили пределы допустимого японского продвижения.

Впервые границы определили на совещании военных представителей Англии, Голландии и США в Сингапуре в апреле 1941 года. Генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Старк полагали, что США должны вступить в войну с Японией, если она нападет

на американские, английские, голландские владения на Дальнем Востоке и Тихом океане или начнет продвижение за пределы района — в Таиланде западнее 100° восточной долготы или южнее 10° северной широты, или попытается захватить Португальский Тимор, Новую Каледонию и острова Товарищества. Командование вооруженных сил США не видело необходимости вступать в бой с Японией, если она двинется против Советского Союза. Чтобы до войны США с Японией дело не дошло, необходимо было растолковать Японии, какие пути агрессии для нее открыты, а какие закрыты.

Рузвельт предложил Номура возобновить американо-японские переговоры[112], практически приостановленные оккупацией Японией Южного Индокитая. Хотя к этому времени посол был разочарован в них, о чем поставил в известность свое правительство и, следовательно, через "чудо" и Рузвельта, он не мог не выполнить последнего приказа Токио. Он достал листок бумаги из кармана и зачитал также уже известное президенту: Коноэ возобновляет старое японское предложение о личной встрече с Рузвельтом. Президент согласился, правда, не "на полпути в Тихом океане", а на Аляске в середине октября. Но в качестве предварительного условия возобновления переговоров президент просил "японское правительство любезно сообщить более ясно о своей нынешней позиции и планах"[113].

Правительство Коноэ судорожно ухватилось за согласие Рузвельта. Обстановка в Токио к этому времени крайне обострилась. После 25 июля экстремисты взывали к мщению. Их тезис — положение Японии напоминает положение рыбы в пруду, из которого медленно, но верно выкачивают воду, — получил повсеместное распространение. Некоторые видные лидеры, поддерживавшие Коноэ, подвергались физической расправе. 14 августа произошло неудачное покушение на жизнь Хиранума, у него была прострелена шея. Полиция забеспокоилась, в донесениях правительству она проводила многозначительные параллели с обстановкой 26 февраля 1936 г. На автомобиль, в котором ехал Коноэ, было совершено нападение[114]. Полиции удалось схватить четырех "сверхпатриотов", именовавших себя "отрядом небесного мщения". 18 сентября, в 10-летнюю годовщину начала японского вторжения в Маньчжурию[115], они намеревались воздать должное Коноэ за все его дела, в том числе за отставку Мацуока. Пришлось прикомандировать к Коноэ и его сторонникам отряды охранников.

Американское предложение, помимо прочего, давало возможность Коноэ хоть на время убраться из Токио. Побудительные мотивы самого Коноэ, стремившегося к встрече с Рузвель-

том, слишком понятны. Аристократ до кончиков ногтей, он исповедовал кредо своего сословия – встречи в верхах решают судьбы государства. Японское правительство без промедления начало подготовку к конференции: был подобран состав делегации, куда включили генералов и адмиралов, известных своим "миролюбием", выделен специальный корабль, оснащенный мощной радиостанцией. 28 августа Номура вручил Рузвельту ответ Коноэ с согласием на встречу.

Относительно просимых заверений о своих намерениях японское правительство заявило: войска из Индокитая будут выведены по урегулировании "китайского инцидента". Япония не предпримет никаких военных действий в отношении соседних стран. Коноэ особо выделял: "Что касается советско-японских отношений, то японское правительство заявляет, что оно не примет никаких военных мер до тех пор, пока Советский Союз останется верным пакту о ненападении"[116]. Но именно этих заверений не ждали в Вашингтоне! Их никогда и не просили у Японии! Инициатива японской дипломатии поставила Вашингтон в тупик. Рузвельт погрузился в раздумье, ответа Японии не последовало.

В правительственных ведомствах Соединенных Штатов не могли взять в толк, что заверения эти были порождены отнюдь не миролюбием Коноэ, а тем, что в Токио куда более трезво оценивали мощь Советского Союза, чем в Вашингтоне. Не вообще, а на основании скрупулезного анализа динамики вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Один из виднейших работников главного морского штаба, С. Утида, занес в свой дневник 8 августа: "С июля не видно больших изменений в ходе борьбы между Россией и Германией. Русское сопротивление непоколебимо. Поэтому Япония не может начать операции против России в Сибири в 1941 году"[117]. Так сочли в главном морском штабе. 9 августа и генеральный штаб армии принял решение – никаких операций против СССР в 1941 году не проводить[118]. "Встречу (с Рузвельтом. – *Н.Я.*), – говорил Коноэ на совещании с военным и морским министрами, – нужно провести скоро. Ход войны между Германией и СССР показывает, что кульминационный пункт будет достигнут где-то в середине сентября. Если, как предсказывают определенные круги, в боевых действиях наступит застой, тогда нет оснований оптимистически взирать на будущее Германии. В этом случае Америка займет более твердую позицию и больше не захочет вести переговоры с Японией... Учитывая возможность неблагоприятного развития событий для Германии, представляется делом первостепенной важности, не допуская ни одного дня отсрочки,

достичь соглашения с Америкой!"[119]. Военный и морской министры согласились.

Сведения о предстоящей встрече Рузвельта с Коноэ просочились в печать и стали поводом для спекулятивных предположений об американо-японских переговорах. Японское правительство обратилось с просьбой к США выступить с совместным заявлением о том, что встреча произойдет около 20 сентября. Коноэ торопил: он был убежден, что по возвращении с совещания с Рузвельтом экстремисты наверняка убьют его.

3 сентября Рузвельт позвал Номура в Белый дом. На беседе присутствовал Хэлл. Президент с большим сочувствием отнесся к трудностям Коноэ, но привлек внимание посла к тому, что и сам находится в трудном положении. Рузвельт взял на себя труд прочитать пресловутые "четыре принципа", сообщенные Номура Хэллом в начале переговоров, подтвердил приверженность США этим принципам и осведомился, на какие уступки пойдет Япония, чтобы могло состояться совещание в верхах[120].

Погоня за миражем

Когда в начале сентября выяснилось, что Соединенные Штаты уклоняются от уточнения своей позиции, Координационный комитет в Токио взялся за выяснение военных возможностей Японии 5 сентября император собрал Коноэ, начальников штабов армии и флота. Он осведомился у военных, сколько времени потребуется для кампании против США на Тихом океане. Генерал Сугияма браво отрапортовал: три месяца. Император резко напомнил генералу, что тот был военным министром в 1937 году, когда возник "китайский инцидент". Тогда Сугияма обещал, что все будет кончено в один месяц, прошло уже четыре года, а войне в Китае нет ни конца, ни края. В смятении Сугияма принялся подробно объяснять, что громадные просторы Китая не дали возможности провести операции по плану. На это император раздраженно возразил, что если Китай велик, то Тихий океан безбрежен. Генерал смешался, понурил голову и замолк. На помощь пришел начальник главного морского штаба адмирал Нагано. Он с большим тактом заметил, что положение Японии напоминает состояние тяжелобольного, которому предстоит операция. Без нее больной угаснет, но и операция опасна. По мнению вооруженных сил, необходимо попытаться добиться успеха путем переговоров, если это не удастся, тогда пойти на операцию — начать войну.

6 сентября состоялось ключевое совещание у императора, на котором договорились, что если Япония к началу октября

не осуществит своих "минимальиых требований" в переговорах с Соединенными Штатами, тогда "мы немедленно примем решение о подготовке к войие против США, Англии и Голландии". Военщина была очень довольиа. Октябрь был избран по иастоянию военных в иитересах успеха: наилучшая погода для десантных операций стояла в ноябре, в декабре действовать было бы труднее, а январь исключался из-за северо-восточных ветров. Участники совещания лицемерио сетовали иа США. После принятия решения император скорбио процитировал старинное стихотворение примерио такого содержания: "Моря простираются во все стороны от иаших берегов, и мое сердце говорит иародам мира: почему ветры волнуют море и нарушают мир между иами?"[121]. Сделал паузу и сообщил, что стихотворение иаписал его дед, император Мэйдзи, и он напомнил о нем, чтобы все поняли миролюбивые чаяния деда.

После совещания у императора 6 сентября военные занялись реальиым делом — форсированной подготовкой к войие, включая операцию против Пёрл-Харбора, а политики устремились в погоню за миражем — возможностью добиться удовлетворения японских требований путем переговоров с Соединенными Штатами.

Уже вечером 6 сеитября Коиоэ пригласил Грю иа тайное совещание. Они встретились в доме общего зиакомого. Посол приехал в автомобиле, с которого были сняты все знаки, указывавшие иа принадлежность машины дипломатическому корпусу. За поздним обедом премьеру и послу прислуживала только дочь хозяина дома; Коиоз заверил Грю, что о встрече никто ие знает (иа самом деле ои получил согласие основиых министров иа иее). Премьер, разумеется, умолчал, что днем состоялось совещание у императора. Но Грю все равно почувствовал иечто иеобычное: собеседник заклинал его устроить встречу с Рузвельтом, ибо, хотя позиция Хэлла, как выразился Коноэ, "была блестящей с точки зрения принципа", конкретные проблемы можно решить лишь с президеитом.

Грю немедленно сообщил в Вашингтон об усилиях японского правительства достичь "коиструктивного примирения"[122].Хэлл и К°, однако, по-прежнему приглашали японцев присоединиться к высоким принципам международных отношений, ставя переговоры на зыбкую почву абстрактных доктрин международного права.

Несмотря иа новые просьбы Коноэ сообщить предложения США, американские руководители уклонялись от определенного ответа. Миогочисленные документы, которыми обменялись в сентябре и первой половине октября США и Япония, не продвинули переговоры ни на шаг. Американская стороиа в лучшем

случае предлагала японцам еще раз изучить ноту Хэлла от 21 июня. В ответ японские представители прямо обвинили американских дипломатов в том, что они отказываются "выложить карты на стол".

Грю, находившийся в Токио и имевший возможность вплотную наблюдать политическую обстановку в столице Японии, не мог понять неуступчивость собственного правительства. 29 сентября он предупредил Вашингтон: если встречи между Коноэ и Рузвельтом не произойдет, тогда правительство падет и будет заменено "военной диктатурой, которая не захочет избежать столкновения в лоб с Соединенными Штатами"[123]. Отправив телеграмму, посол пометил в своем дневнике: "Для премьер-министра Японии потрясти все прецеденты и традиции — а в этой стране их так чтят — и выразить желание явиться со шляпой в руке для встречи с президентом США на американской земле— одно это служит мерилом решимости правительства ликвидировать громадный вред, причиненный отчуждением нашей могучей и потенциально разгневанной страны"[124]. Однако Рузвельт упорно отклонял все попытки японского правительства убедить его встретиться с Коноэ.

Неуступчивость Соединенных Штатов привела к резкому падению престижа правительства Коноэ в Японии. Напрасно он силился убедить военных, что на переговорах с Рузвельтом, если и когда они состоятся, он будет с ними. Напрасно он обращал внимание на список "миролюбивых" генералов и адмиралов, включенных в делегацию. Они принадлежали к крайней военщине, некоторые из них знали даже о подготовке Пёрл-Харбора! Главный представитель от флота — адмирал Иосида, в прошлом военно-морской министр. От армии — заместитель начальника генерального штаба генерал-лейтенант Осаму Цукада. А чего стоил "маньчжурский Лоуренс" — генерал-лейтенант Кэндзи Доихара, возглавлявший японские спецслужбы в Китае. Экстремистам все было мало, они требовали призвать более энергичных людей к управлению страной.

На них делали ставку и Соединенные Штаты. Коноэ не подходил: ведь именно он, а никто другой так неуместно заверил США, будто Япония не собирается открыть военные действия против Советского Союза.

Тодзио пришел

20 сентября на очередном заседании Координационного комитета военные предъявили Коноэ ультиматум — вынести решение о начале военных действий не позднее 15 октября. В противном случае вооруженные силы не смогут должным образом

подготовиться к операциям в конце года. Военные планировщики рассчитали, что весенняя распутица в Сибири кончается в марте. После чего возможны операции против Советского Союза. Исходя из этого, на овладение районом Южных морей отводилось 120 дней. Следовательно, война против США и Англии – не позднее начала декабря[125].

Коноэ впал в отчаяние. Он уехал "отдыхать". Злоязычные в столице давно заметили странное совпадение: стоило назреть кризису, как премьер ощущал острую потребность в отдыхе. 1 октября он вернулся к делам, а 2 октября пришел долгожданный ответ из Вашингтона: Рузвельт отклонил предложение о встрече.

Коноэ поделился с коллегами давней мечтой стать монахом в буддийском монастыре. Тодзио заметил, что в жизни человека бывают такие случаи, когда ему лучше прыгнуть с закрытыми глазами с террасы Кийомитцу-дера (буддийского храма в окрестностях Киото), нависшей над обрывом. Коноэ согласился, что такая идея может прийти человеку в голову, но он, как премьер страны, не может согласиться, что именно так следует решать проблемы, стоящие перед Японией.

Семейные праздники обычно смягчают сердца людей. По этой причине, а также для безотлагательного вынесения решения о дальнейшей политике князь Коноэ приурочил совещание руководителей правительства ко дню своего рождения – 12 октября. В то воскресенье ему исполнилось 50 лет. Министры собрались в доме именинника. Пристойной, приличествующей случаю беседы не получилось.

– Мы стоим на распутье и должны решить либо в пользу мира, либо в пользу войны. Я считаю, что решение целиком и полностью зависит от премьера, – холодно заметил морской министр.

– Я бы высказался за продолжение переговоров... – нерешительно начал Коноэ. Тодзио прервал князя и чеканя фразы произнес:

– Решение премьера поспешно. Коротко говоря, вопрос сводится к следующему: есть или нет возможность успешно завершить переговоры. Вести переговоры, в которых нет надежды на успех, и в конечном итоге упустить благоприятные условия для начала военных действий чревато серьезными последствиями.

Повернувшись к министру иностранных дел, Тодзио осведомился, есть ли возможность добиться сдвигов в переговорах. Тот ответил, что основное разногласие – вопрос о пребывании японских войск в Китае. Если армия уступит, тогда, вероятно, можно рассчитывать на успех переговоров.

— Пребывание войск в Китае — вопрос жизни и смерти для армии, и здесь никакие уступки невозможны, — отрезал Тодзио.

— Разве нельзя, — мягко заметил Коноэ, — на время забыть о славе и пожать плоды, выполнить формальности, на которых настаивает Америка, причем результат будет тот же самый, что и при"размещении войск"[126].

Тодзио не хотел и слышать об этом. Четырехчасовое совещание окончилось безрезультатно, день рождения Коноэ был безвозвратно испорчен. Гости разошлись сумрачные, а у князя опустились руки. Он видел, что дни его премьерства сочтены.

14 октября Коноэ сделал последнюю попытку, переговорив до начала заседания кабинета с глазу на глаз с Тодзио. Он обратил внимание генерала на то, что никто не может предсказать продолжительность войны с США, если Япония решится "выпустить стрелу из лука". Может быть, пять лет, может быть, десять. Князь провел параллель с курсом Японии в русско-японской войне в 1904 году, что так любили делать многие лидеры в Токио. Он напомнил, что 4 февраля 1904 г. перед окончательным решением о нападении на Россию император вызвал доверенного советника маркиза Ито и спросил его, есть ли вероятность полной победы. Ито ответил, что нет, но Япония сможет закрепить первоначальные успехи быстрым заключением мира при посредничестве Соединенных Штатов.

Ныне, взывал князь, такой третьей державы-посредницы сыскать невозможно. А дела Германии на восточном фронте идут неважно. Не лучше ли, предложил Коноэ, как-то разрешить "китайский инцидент", подождать исхода войны в Европе и сыграть решающую роль на мирной конференции, опираясь на военную мощь империи.

Тодзио не тронула взволнованная речь Коноэ. Он мрачно заметил, что премьер уделяет слишком много внимания слабостям Японии, забыв, что и у Соединенных Штатов есть слабые места. "Вообще я думаю, что разногласия в политике порождаются несходством наших характеров", — заявил Тодзио и откланялся.

На заседание кабинета, состоявшееся позднее в тот же день, Тодзио явился в состоянии крайнего озлобления. Нисколько не сдерживаясь, он обрушился на политиков. Министры замерли на своих местах. Попытка Тоёда объяснить цели дипломатии вызвала яростный приступ бешенства у Тодзио. Он исступленно бранился, обвиняя дипломатов в том, что они срывают все и вся. Впервые кабинет увидел Тодзио в действии. После его нападок на Тоёда никому не захотелось продолжать дискуссию. Воен-

щина устами Тодзио дала ясио понять, что ынешний кабинет нетерпим. Военный министр ушел, оставив правительство в растерянности. Вскоре через посланца он передал Коиоз: пусть премьер больше ие ищет встречи с ним, геиерал не может за себя поручиться.

В политических кругах Японии давно горько шутили: если хотите узнать, какова виешняя политика страны, ие нужно терять времени и обращаться к премьеру или к министру иностранных дел, сходите в геиеральный штаб. Разрешение правительственного кризиса 15–17 октября 1941 г. подтвердило правоту острословов.

Военщииа пошла иапролом. Представители геиеральиого штаба уведомили политиков, что, если правительство не окажется полностью в руках армии, возникнут "внутренние беспорядки". Дальиейших разъясиений ие требовалось: события 30-х годов еще были свежи в памяти. Тодзио и его сторонники усиленно иагнетали тревогу. Имеино в зти дни, узнав, что в Токио работает запелеигованный радиопередатчик, Тодзио приказал арестовать двух германских подданных – Зорге и Клаузена. Разумеется, в момент ареста никто в японской охранке ие подозревал, что они советские разведчики. Тодзио просто не хотел оставить ни одного камня иетронутым, чтобы подорвать положение иеиавистного Коноэ, при правлении которого в столице работали тайные передатчики.

16 октября правительство Коноэ подало в отставку. Все приходит своим чередом. В конце декабря 1945 года Коиоэ покончил с собой. Ои оставил документ, в котором, обратила внимание "Нью-Йорк таймс", возлагал «виину за войну иа Тихом океане и катастрофу своей страны иа всех, исключая себя... Но в его премьерство иачалась война Японии против Китая, ои совместно с Мацуока сколотил фашистский союз с Германией и Италией... В момент прозрения после капитуляции Японии Коноэ искренне признал, что японское правительство долго было "двуглавым дракоиом, правительство обещало одно, а другая голова – военные – приказывала другое"»[127].

17 октября император вызвал Тодзио и поручил ему формирование иового кабинета. 57-летний геиерал согласился. По дороге из императорского дворца он объехал иаисвятейшие места: гробницу императора Мэйдзи, памятник герою русско-японской войны Того и храм Ясукуни. Ои смиренно просил богов наставить его на истинный путь. Они, вероятио, подсказали состав нового правительства, метко прозванного иемногочисленными либералами "неиадежнейшей маньчжурской бандой". Новый премьер сохранил за собой пост военного министра и еще взял

портфель министра внутренних дел. Открывается эра "сёгуната Тодзио", испуганно шептались по углам токийцы.

18 октября было официально объявлено о создании правительства Тодзио и о присвоении премьеру ранга полного генерала. Напутствие императора оказалось беспрецедентным: Тодзио было сказано, что новое правительство не связано никакими предшествующими решениями. Приняв пост, Тодзио немедленно вызвал начальника управления шифров и кодов Кадзуро Камеяма. Премьер напомнил ему о книге Ярдли и потребовал доложить, надежны ли действующие коды. Камеяма поторопился заверить сурового генерала, что "на этот раз у нас все в порядке"[128].

В Соединенных Штатах популярнейший журнал "Лайф" сообщил читающей публике: приход Тодзио — победа "нацистов", от нового кабинета "попахивает порохом". Но, разъяснил журнал, "Тодзио давно рвется в бой. В 1937 году он заявил: "Япония должна быть готова воевать одновременно с Китаем и Россией". Она уже воюет с Китаем, а сосредоточение 25 японских дивизий на советской границе выглядит, как будто Япония собирается вот-вот броситься на Россию"[129].

"Они направляются на север"

В середине октября советник японского посольства в Вашингтоне Хидэнари Терасаки встретился с начальником оперативного управления штаба флота США адмиралом Ричмондом Тернером. Встреча носила полуофициальный характер, и поэтому обычно сдержанный Терасаки дал волю своим чувствам. Он заявил: "Соединенные Штаты стоят на крайне идеалистических позициях относительно Дальнего Востока... Но разговоры о принципах — всего лишь любимый конек богачей. Если оставить в стороне принципы, то, на мой взгляд, ваша цель заключается в том, чтобы заставить нас воевать в Китае, пока мы не будем истощены. С другой стороны, вы сами проводите очень реалистическую политику в Центральной Америке. Не будем говорить о Панаме, мы можем найти массу современных примеров, подтверждающих мою мысль... Материально мы, японцы, беднее американцев. Я не знаю, чем закончится война между нами, но, даже если мы потерпим поражение, Япония будет драться до конца"[130].

16 октября на первой полосе "Нью-Йорк таймс" появилось сообщение из Токио о публичном выступлении начальника военно-морской разведки капитана Хидео Хирада. США и Япония, говорил он, "подошли к тому пункту, когда их до-

роги разойдутся... Америка, чувствующая себя неуверенной в нынешней обстановке, проводит громадное расширение флота. Однако Америка не может вести одновременно операции в Атлантическом и Тихом океанах. Императорский флот готов к худшему и завершил всю необходимую подготовку. Больше того, императорский флот горит желанием действовать, если это окажется необходимым".

Если даже ответственные японские деятели заговорили таким языком, тогда отпадали сомнения, что кризис в американо-японских отношениях мог быть разрешен только силой оружия. Однако в Вашингтоне слепо верили, что Япония начнет войну, но не против Соединенных Штатов. Под это убеждение в американских ведомствах снизу доверху подгоняли факты, которые допускали иное толкование.

В октябре 1941 года в Вашингтон приехал один из крупных английских военных деятелей – лорд Маунтбэттен. Он попросил разрешения у Старка проехать на Гавайи и ознакомиться с состоянием Пёрл-Харбора. Ради бога, ответствовал адмирал, но только с условием прочитать лекции американским офицерам об опыте борьбы с немецкими подводными лодками в Атлантике. Лекция в Пёрл-Харборе прошла с блеском, а по ее окончании флотская молодежь осадила маститого докладчика вопросами, как США могут вступить в войну.

Польщенный вниманием аудитории, Маунтбэттен вооружился указкой и ткнул в Пёрл-Харбор на карте Тихого океана. Переждав громкие возгласы недоумения и несогласия, Маунтбэттен объяснил американской аудитории, почему он указал на Пёрл-Харбор как на место, где США вступят в войну. Он подчеркнул, что Япония традиционно начинает военные действия внезапным нападением. Так случилось в ночь 9 февраля 1904 г., когда русский флот был атакован на якорной стоянке в Порт-Артуре и с этого началась русско-японская война.

Маунтбэттен также рассказал о внезапной английской атаке с воздуха против итальянского флота на якорной стоянке в Таранто 11 ноября 1940 г. По возвращении в Вашингтон Маунтбэттен получил часовую аудиенцию у Старка, которому попытался внушить, что в свете уроков Таранто американские корабли в Пёрл-Харборе беззащитны в случае налета палубной авиации. Старк внимательно выслушал англичанина и благодушно заключил беседу: "Боюсь, что претворение в жизнь даже части ваших рекомендаций сделает ваш визит в США очень дорогим для американского флота"[131].

15 октября Рузвельт сообщает Черчиллю о несомненных, как ему представлялось, последствиях прихода к власти нового

правительства: положение с японцами определенно ухудшилось, "и я думаю, что они направляются на север (разрядка моя. – *Н.Я.*), однако ввиду этого вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке"[132]. На следующий день правительство Коноэ ушло в отставку. Как реагировали на это Соедииенные Штаты? Хотя американские историки написали библиотеки книг по вопросам внешней политики, этот важнейший вопрос почти не освещается. Вот объяснение Лангера и Глисона в книге, вышедшей в 1954 году: «Президент, узнав об отставке Коноэ, немедленно отменил обычное заседание правительства и в течение двух часов совещался с министрами Хэллом, Стимсоном, Ноксом, генералом Маршаллом, адмиралом Старком и Гарри Гопкинсом. К сожалению, нет никаких сведений об этом совещании, за исключением пометки в дневнике Стимсона: "Мы стоим перед деликатной проблемой вести дипломатические дела так, чтобы Япония оказалась неправой, чтобы она первой совершила дурное – сделала первый открытый шаг!"»[133].

Спустя почти тридцать лет и громадные книги Г. Пранджа "Мы спали на рассвете" (1981) и "Пёрл-Харбор: вердикт истории" (1986) не только не добавили ничего нового, но основательно запутали уже сказанное. Прандж привел процитированные слова Стимсона и "разъяснил": "В последующие годы историки ревизионистской школы судорожно хватались за такие прискорбно-неудачные формулировки, как свидетельство того, что Рузвельт умышленно подстрекнул японцев начать войну на Тихом океане и особенно напасть на Пёрл-Харбор. На деле военный министр выразил одну из самоочевидных истин, известных всем, но о которых (особенно в правительственных кругах) редко говорят вслух: ни одно правительство не желает предстать перед своим народом и потомками в неприглядном свете"[134].

Как ни петляют американские историки, оказавшиеся перед высокой стеной секретности, все же можно в общих чертах представить если не выводы совещания у президента, то его общий тон. На это проливает свет директива Старка, направленная Киммелю 16 октября. "Отставка японского кабинета создала серьезную обстановку. Если будет сформировано новое правительство, оно, по-видимому, будет крайне националистическим и антиамериканским. Если у власти останется кабинет Коноэ, он будет действовать, имея другой мандат, не предусматривающий сближения с США. В любом случае наиболее возможна война между Японией и Россией (разрядка моя. – *Н.Я.*). Поскольку в Японии считают США и Англию ответственными за ее нынешнее отчаянное положение, есть

вероятность того, что Япония может напасть и на эти две державы". О том, каковы были шансы нападения Японии на США по сравнению с возможностью агрессии против СССР, красноречиво говорит следующее: Старк изменил в проекте "вероятна" на "возможна" при подготовке директивы, а также предписал командующему Тихоокеанским флотом "принять должные меры предосторожности.., но не провоцировать Японию"[135].

Ход мысли Г. Старка виден из его письма от 17 октября, в котором объяснялась отданная накануне директива: "Дорогой Киммель! Дела у нас здесь последние двадцать суток идут ни шатко ни валко, а впрочем, ты знаешь все, что мы делаем. Лично я не верю, что Япония может пойти на нас войной, и в директиве, посланной тебе, я говорю о "вероятности", больше того, я значительно смягчил в окончательной редакции представленный мне проект директивы. Быть может, я не прав, но надеюсь, что это не так. В любом случае после долгой возни в Белом доме решили, что нам все же нужно быть начеку... Ты, наверно, помнишь то письмо, мое письмо, в котором я сообщал мнение оперативного управления, предсказывавшего нападение Японии на Сибирь в августе. Тогда я писал, что Япония не сделает ни одного определенного шага в этом направлении, пока обстановка не прояснится. Я думаю, что все это произойдет автоматически"[136]. Действительно, во второй половине октября положение на советско-германском фронте было очень тяжелым для СССР.

Естественно, эти документы подробно обсуждались Киммелем и Шортом. Впоследствии генерал Шорт свидетельствовал: в штабах на Гавайях из них заключили, что "была очень большая вероятность войны между Россией и Японией... Это ослабило, с моей точки зрения, возможность немедленной войны между США и Японией, ибо они (в Вашингтоне. – *Н.Я.*), очевидно, считали наиболее вероятной японо-русскую войну"[137]. Напрасно скромничал генерал Шорт и сваливал все на Вашингтон. Его собственный разведотдел в ориентировке намерений Японии на 12.00 17 октября докладывал командованию, то есть тому же Шорту: "Основное направление политики Японии... останется неизменным, ожидается, что Япония скоро бросит военный вызов державе или группе держав, противодействующих этой политике". Затем перечислялись возможные действия Японии: "1. Нападение на Россию с востока. 2. Оказание давления на Индокитай и Таиланд для получения военных баз и гарантий экономического сотрудничества. 3. Нападение на английские владения на Дальнем Востоке. 4. Оборона против американского нападения в поддержку Англии"[138]. Вот так!

Английское правительство было всецело согласио с США, что Япония в ближайшее время нападет иа СССР. Однако, рассматривая эту перспективу с точки зрения иациоиальиых интересов Англии, в Лондоие считали иеразумным допустить, чтобы державы "оси" били своих противников "поодииочке" — в данном случае Советский Союз. Английское правительство осведомлялось, что "сделают Соедииенные Штаты в случае иападения Японии на Россию".

Американские расчеты строились иа том, что 18 октября правительство сформировал геиерал Хидэки Тодзио. Ои был тесно связан с Квантунской армией и рассматривался американскими политиками как сторонник Германии. Аналогичных взглядов придерживались и в Лоидоие. Руководство английской разведки иа Дальнем Востоке докладывало: "Новый премьер настроеи всецело прогермански. Считается, что японцы бросятся на Владивосток и Приморье, как только станет неизбежным распад советского сопротивления... Пока русские сильнее в Сибири, несмотря на возможные изъятия войск оттуда, ио Приморье и Владивосток могут быть, без всякого сомнения, захвачеиы японцами"[139].

В Вашингтоие, да и в Лондоие было упущеио из виду только то небольшое обстоятельство, что как Тодзио, так и новый министр иностранных дел Сигзиори Того, в прошлом посол в Москве, лучше, чем кто-либо другой в Токио, понимали силу Советского Союза и сложность войиы против иего.

22 октября Хэлл ответил англичанам: "Правительство США еще ие решило, что делать в случае нападения Японии на СССР"[140]. Хэлл, пишут Лангер и Глисои, "решил иа время рассматривать яповскую агрессию в целом, а ие заниматься ее отдельными проявлениями. Тем не меиее Вашингтои решил отныне направлять поставки в Россию через Архангельск, а не Владивосток"[141]. Объясиение "иаучных светил" из УСС и ЦРУ решительно ничего не проясняет. Дело было, коиечно, в том, что Соединенные Штаты старались не сделать ничего, что могло бы отвратить Японию от агрессии против Советского Союза.

Б-17: через Гавайи на Филиппины

В разведывательном управлении штаба армии США — Дж-2 — офицеры имели доступ ко всем материалам, к каким имел и президеит. Они видели глобальиые замыслы агрессоров — Германии и Японии — и понимали, что осиовиой фроит второй мировой войны держит Красная Армия, защищающая иа советской

земле и американцев. Простой здравый смысл и элементарное чувство самосохранения подсказывали: нельзя допустить, чтобы на Востоке Советскому Союзу нанесли предательский удар в спину. Этими бесхитростными мыслями офицеры управления делились со своим правительством.

2 октября руководство управления направило "наверх" пространную аналитическую записку, в которой глубоко, со всех точек зрения рассмотрело позицию США в переговорах с Японией. К этому времени было известно, что главное препятствие на пути договоренности — требование Хэлла, чтобы Япония вывела войска из Китая. На первый взгляд, честнейшая позиция, продиктованная пламенной заботой о жертве агрессии — китайском народе, о чем внушительно трактовали тогда американские средства массовой информации с трескучими ссылками на благороднейшие традиции внешней политики США.

Люди военные, американские разведчики, однако, оставили в стороне риторику и написали вещи, определенно неприятные для политиков, а именно: "На этой стадии выполнения национального стратегического плана прекращение боевых действий в Китае, за которым последует вывод японских войск — 21 дивизии, 20 бригад и 1000 самолетов, — нанесет величайший ущерб нашим интересам. В случае возвращения в Японию таких сил они окажутся потенциально взрывными и их сможет поставить под контроль только военная олигархия. Эти милитаристские элементы подавят или уничтожат умеренные элементы, заменив их беспокойными шовинистами, не обладающими ни способностью, ни склонностью поддерживать дипломатические отношения с любой демократической страной.

Если японские войска будут переведены из Китая в Индокитай или в Маньчжоу-Го, они, несомненно, выплеснутся в прилегающие районы и наши интересы окажутся под еще большей угрозой".

Разведчики подчеркивали, что с 1932 года Квантунская армия "была абсолютно независимой от перетасовок кабинета в Токио...

Из изложенного представляется необходимым сковать максимально японские силы в Китае по крайней мере на ближайшее время. Другими словами, мы должны немедленно положить конец нашим попыткам добиться вывода японских сил из Китая...

США должны сделать все возможное для помощи России в борьбе против Гитлера. Поэтому любые шаги с нашей стороны,

которые высвободят японскне (прогерманские) силы для удара по России с тыла, — безрассудны". Следовательно, никакой встречи в верхах между США и Японией, еслн Токио предварнтельно не возьмет на себя обязательство разорвать с "осью" и не нападать на Снбирь[142].

Нам уже нзвестно, что нменно в день поступления аналитической записки в Белый дом — 2 октября — Рузвельт окончательно отклонил японское предложение о встрече с Коноэ. Но сделано это было вовсе не так, как ожидало управление: президент практическн не объяснил мотивов, н, конечно, о Советском Союзе ни слова. По всей вероятности, офицеры управления в результате зтого начали подходить к пониманию смысла попыток Ф. Рузвельта не допустить, чтобы в Токио "поскользнулись" на внешнеполитической стезе.

В связн с падением правительства Коноэ неугомонные разведчикн сочинилн новый меморандум, направленный правнтельству 16 октября. Они сообщилн: падение правительства — "логический результат того, что министр иностранных дел Тоёда не смог добиться ослабления американского зкономического давления на Японию... н давления националистов в пользу прекращения японо-амернканскнх мирных переговоров". Кто от зтого пострадает? Составители документа подчеркивали: "Теперь японская армия, а не флот будет оказывать решающее влияние. Командование армии не замедлнт воспользоваться любым ослаблением Сибнрской армии, вызванным русскими неудачами в Европе"[143]. Иными словами, разведчикн прозрачно намекнулн, что они проникли в суть нгры собственного правнтельства.

Еслн Белый дом, как мы видели, успокоился с появлением на посту премьера Тодзио — агрессия на север обеспечена, то разведывательное управление забило тревогу. 21 октября оно в категорическнх терминах предупреждает правительство: еслн командование Квантунской армии сочтет, что превосходит в силах "Снбирскую армию", нападение Японии на СССР неизбежно. США должны "принять все меры", чтобы не произошло чрезмерного усиления Квантунской армии[144].

Влиятельные н компетентные офицеры в командовании американской армии изыскивалн пути — разумеется, в национальных интересах США, — чтобы предотвратить ухудшение положения Советского Союза в результате японской агрессии. Соединенные Штаты нмелн полную возможность предостеречь Японию от нападения на СССР. Больше того, коль скоро зто нападение представлялось Вашингтону неизбежным, такое предостережение было совершенно обязательно в ннтересах коалицион-

ной войны против держав "оси". Слово оставалось за правительством США.

Оно прозвучало. 23 октября "Нью-Йорк таймс" оповестила, что отныне главный поток грузов в СССР будет направляться не через Владивосток, а через Архангельск. Газета объяснила, что Вашингтон таким образом стремится избежать инцидентов с Японией. На следующий день Белый дом благочестиво возмутился и с негодованием опроверг объяснение газеты[145], однако американские суда больше не появлялись на путях к Владивостоку.

Как видно из американской документации, на том закончилась эскапада разведывательного управления, оно перестало досаждать правительству своими прожектами. По-видимому, офицерам, совершившим вылазку в политику, указали их место. Как именно, представить нетрудно — в армии нет недостатка в уставах, наставлениях и инструкциях. И, конечно, все это было проделано в отборных терминах просвещенной "демократии", существующей в США, — верховенства политиков над военными, в чем и состояло по официальной американской доктрине их преимущество над тоталитарными режимами, погрязшими в тупом милитаризме.

Различие между профессиональными военными и высокими политиками выявляет отличие описанных рекомендаций разведчиков от советов президенту военного министра Г. Стимсона, направленных в те дни. 21 октября он обратился с пространной докладной к Рузвельту. Стимсон подробно обосновывал свою мысль, что единственное эффективное средство в руках США для обуздания Японии — сосредоточить на Дальнем Востоке и Тихом океане мощные силы бомбардировочной авиации. Он настаивал на всемерном усилении соединений бомбардировщиков на Филиппинах.

Стимсон, как и немало других высокопоставленных американских военных, переоценивал возможности бомбардировщиков Б-17. Он писал: "Внезапно в юго-западной части Тихого океана открылась стратегическая возможность первостепенного значения, революционизировавшая все наши проблемы в этой области, накопившиеся за двадцать лет. Если раньше мы не могли влиять на события в этом регионе, то теперь мы наделены в высшей степени эффективным средством. Больше того, мы едва ли даже понимаем собственные возможности в этом отношении". Всего 128 бомбардировщиков Б-17 считалось достаточным для отражения японского вторжения на Филиппины!

Американские авиаторы поразмыслили и решили, что этих сил хватит еще и на то, чтобы разгромить с воздуха важнейшие промышленные объекты Японии. Для вящей убедительности Стимсон распорядился графически изобразить на приложенной к докладной карте, как именно бесподобные Б-17 расправятся с японскими городами. В радиусе одного круга с центром на Филиппинах с юга и другого — с центром во Владивостоке (!) оказывался Токио. Радиус действия Б-17 не позволял работать только с Филиппин. Поэтому предполагались "челночные" операции — вылет с Филиппин, бомбардировка Японии, посадка у Владивостока и обратно. Увлеченный сверкающей перспективой, генерал Макартур потребовал выслать ему на Филиппины "600 полетных карт с местонахождением индустриальных объектов в самой Японии". Уже в ноябре он получил многие сотни листов подробных карт и приказал разослать их по аэродромам.

Хотя только в начале сентября 1941 года первые Б-17 приземлились на филиппинских аэродромах и должно было пройти немало времени, прежде чем на островах собрались бы 128 потребных машин (промышленность только-только налаживала их выпуск), Стимсон и Маршалл внесли серьезнейшие коррективы в американские планы. Если до конца лета 1941 года штабные планировщики в соответствии с прежними планами исходили из того, что с началом войны с Японией Филиппины придется сдать, то с принятием на вооружение Б-17 они с возрастающей уверенностью готовили операции с опорой на архипелаг. Следствием этого совершенно непонятного оптимизма задним числом было то, что Гавайи признавались глубоким тылом американского фронта на Тихом океане. Старшим авиационным начальникам на островах пришлось смириться с тем, что Б-17, как прекрасный мираж, появлялись и тут же исчезали. Гавайи превращались в промежуточный аэродром на пути перегонки бомбардировщиков из Калифорнии на Филиппины.

Итак, "южная клешня" американской мощи (по выражению Стимсона) вытягивалась на 5 тыс. миль на запад до Филиппин. После войны генерал Дж. Маршалл объяснил, что лежало в основе драматического изменения американских военных планов: "Если бы мы смогли создать более или менее надежную оборону Филиппин, особенно с помощью тяжелых бомбардировщиков, на которые авиаторы тогда возлагали величайшие надежды, мы бы считали, что сумели бы остановить японское продвижение и даже вступление Японии в войну вообще, ибо японцы не могут не опасаться за судьбы своих городов, если не смогут взять Филиппины"[146].

Дальше — больше. Рисуя в самых радужных красках преимущества описанного образа действий, Стимсон заключал докладную президенту: "Есть все основания ожидать, что таким образом можно оторвать Японию от держав оси"[147].

Слов нет, расчеты эти делались без хозяина Сибири и Камчатки — Советского Союза, и всяческие упования иа то, что американская авиация разместится иа иашей земле в мирное время, были необосиованны. Как бы ни были прекрасиы в глазах американского обывателя побуждения Стимсоиа, то был вериейший путь навлечь на советский Дальний Восток японскую агрессию.

Ничто не могло поколебать посвященных в Вашингтоне — нападение Японии на Советский Союз абсолютно гарантировано. Безраздельное господство этого убеждения затянуло вплоть до сегодняшнего дня поиски в США виновников виезапности нападения иа Пёрл-Харбор, ибо разве не злой умысел, и ои один, конкретных лиц повииеи во всеобщем ослеплении пребывавших иа высших постах в Вашингтоие? Упускается из виду куда более прозаическое объяснение: верили, потому что хотели верить.

В конце 70-х годов по следам за Уотергейтом в США обиаружили. "архизлодея" — директора ФБР Э. Гувера! Летом 1941 года в США приехал югослав Д. Попов, завербованный иемецким абвером. В Берлине ои считался отличным агеитом, на деле патриот Попов работал на английскую разведку под кличкой Трайсикл. Среди поручений абвера был вопросник, составлениый, иесомиенно, японцами и касавшийся оборонительиых сооружений в Пёрл-Харборе. Попову, помимо прочего, поручалось выехать иа Гавайи и убедиться во всем собственными глазами. Очевидно, что в данном случае германская разведка бралась помочь своим японским коллегам.

Дальше, по словам видного историографа английских спецслужб У. Стивеисоиа, случилось иевероятное: по приезде в США английская разведка связала Попова с ФБР. "Ои должным образом доложил, что, по миению иемцев, японские моряки твердо убеждеиы: они могут вывести из строя бо́льшую часть американского Тихоокеанского флота, используя тактику англичан в Таранто, применяя, как и англичане, торпеды, приспособленные для иебольших глубии, и, казалось бы, перед непреодолимым сопротивлением, то есть в условиях Пёрл-Харбора". Попов передал ФБР вопросник о Пёрл-Харборе.

Увы, сокрушается Стивеисои, личность Трайсикла возмутила Гувера, сама кличка (трехколесиый велосипед. — *Н.Я.*) для иего была оскорблением. "Кличку избрали из-за его сексуальиого атлетизма, — писал ядовито впоследствии Гувер (убежденный гомосексуалист. — *Н.Я.*), — ои предпочитал иаходиться в

постели с двумя женщинами одновременно..." Контакты Трайсикла в высших сферах, экзотические вкусы и экстравагантный стиль жизни, по его мнению, служили отличной маскировкой. ФБР с отвращением взирало на это, игнорируя мнение английских защитников Трайсикла, указывавших на выполненные им с блеском опасные поручения". Гувера не заинтересовал вопросник о Пёрл-Харборе! Видя отношение ФБР, английские разведчики мудро посоветовали Попову убраться из США и укрыли его в Канаде. "С тем в небытие ушло предостережение Трайсикла о Пёрл-Харборе"[148].

В декабрьском номере за 1982 год ведущего исторического журнала "Америкэн хисторикл ревью" Дж. Братцел и Л. Рут из Мичиганского университета напечатали сенсационную статью "Пёрл-Харбор, микроточки и Э. Гувер" о результатах розысков в архиве Рузвельта в Гайд-парке и материалов ФБР. Они утверждали, что Гувер не доложил Рузвельту сообщенное Поповым. "Вашингтон пост" обнародовала на своих страницах написанное ими для специализированного, профессионального журнала, предпослав статье заголовок "Знал ли Гувер о Пёрл-Харборе? Историки заявляют: директор ФБР замолчал предупреждения". В статье, помимо прочего, сказано:

"В войне слов по поводу того, кого следует винить за внезапность японского нападения на Пёрл-Харбор 41 год назад, появляются новые факты, свидетельствующие о том, что покойный директор ФБР Эдгар Гувер несет свою долю ответственности за путаницу в разведывательных органах. В результате США не придали значения ни одному из предупреждений о том, что нападение неизбежно... Историки пишут, что Попов был принят Эдгаром Гувером, который отчитал его за поездку в Майами с незамужней девицей... и не доложил ни один из вопросов, которые ставили немцы о Пёрл-Харборе президенту". Игнорировали и предупреждение Попова ФБР: "Ждите нападения на Пёрл-Харбор еще до конца года"[149].

В ответ на эти статьи ФБР весной 1983 года рассекретило несколько документов (периода с 30 сентября по 8 ноября 1941 г.) о пребывании Попова в США. Оказалось, что ФБР передало информацию Попова об интересе немцев к Пёрл-Харбору, но, "как отметил историк американских спецслужб Томас Ф. Трой, в то время США страшно опасались прежде всего саботажа (на Гавайях). В вопроснике не было и намека на то, что можно ожидать японского нападения с воздуха на Пёрл-Харбор"[150]. Все это, вероятно, так. Примечательно разве то, что в 1983 году ФБР защищало честь мундира своего покойного директора. Т. Трой в газетной статье, то есть рассчитанной на

массового читателя, прошел мимо сказанного в специальных сочинениях, а именно: "Гувер лично приказал, чтобы Попову запретили выехать в Пёрл-Харбор — а тогда можно было бы точно выяснить мотивы держав оси, — и даже угрожал арестовать Попова по закону Манна, предусматривавшему уголовное преследование лиц, перевозящих женщин через границы штатов в аморальных целях"[151].

Осенью 1941 года в ФБР были глубоко убеждены в своей правоте, ибо видели — они шли в ногу с другими американскими спецслужбами. Как раз в ноябре вернулся в Вашингтон Э. Моурер. Донован собрал высших генералов выслушать его доклад. Моурер живо описал тревожные настроения в странах Дальнего Востока и заверил, что из нескольких дюжин влиятельных людей, с которыми он беседовал, только один нервный бизнесмен в Маниле ожидал войны Японии с США. Много позже Моурер припоминал: "Я рассказал адмиралу Киммелю о том, что сказал мне этот человек, он рассмеялся от всей души... Большинство этих людей считали, что японцы нападут на Россию, только немногие думали, что японцы бросятся на юг — на Голландскую Ост-Индию и Сингапур. Я рассказал также о том чудаке (предсказавшем войну с США. — *Н.Я.*) и помню, как генералы обменялись понимающими взглядами"[152]. Надо думать, они полагали — докладчик транжирил время в поездке на слабоумного. Моурер представил в высшие вашингтонские инстанции докладную на 57 страницах. Документ, излагавший описанную речь перед генералами, был датирован 3 декабря![153]

"Розовый код" и "код ветров"

Случилось так, что Соединенные Штаты и Япония приняли важнейшие решения в один день — 5 ноября. Им предшествовала цепь событий как в Вашингтоне, так и в Токио. Американское правительство понимало, что после прихода к власти кабинета Тодзио не за горами решительные шаги Японии. Нужно было заранее определить свою позицию, а для этого изучить соотношение военных и политических возможностей страны. 5 ноября командование вооруженных сил США представило президенту развернутые рекомендации. Высшие военные деятели вновь указали, что главная цель США — нанести поражение Германии, а в войне против Японии следует придерживаться стратегической обороны, ибо неограниченное наступление на Тихом океане поглотит ресурсы, необходимые для Европы. Схватки с Японией

следует нзбегать до тех пор, пока США не накопят достаточных военных сил на Тнхом океане.

Еслн же Япония в блнжайшее время встанет на путь вооруженной агрессии, "тогда военные действня против Японии следует предпринять в одном илн нескольких нижеследующих случаях: 1) открытый акт войны японских вооруженных сил против террнтории или подмандатных террнторий Соединенных Штатов, Британского Содружества или Голландской Ост-Индии; 2) продвижение японскнх войск в Таиланд, к западу от 100° восточной долготы илн южнее 10° северной широты, или вторжение на Португальский Тнмор, Новую Каледонию или острова Товарищества.., 3) еслн войны с Японией нельзя избежать, тогда на время нее следует придерживаться установленных стратегическнх планов, то есть военные операции должны носить в основном оборонительный характер с целью удержания территории н ослабления японской зкономикн; 4) учитывая глобальную стратегию, японское продвижение против Куньмина, в Таиланде, за исключением указанного выше, и л н н а п а д е н н е н а Р о с с н ю н е о п р а в д ы в а ю т в м е ш а т е л ь с т в а С о е д и н е н н ы х Ш т а т о в п р о т и в Я п о н н и (разрядка моя. — *Н.Я.*)". Исходя нз всего зтого, высшее командование вооруженных сил США считало, что отношения с Японией не следует вести к разрыву. Рекомендации завершала лаконичная фраза: "Никакнх ультиматумов Японии не предъявлять"[154]. Ф. Рузвельт согласился с зтими доводами.

Заранее решив никак не помогать СССР, амернканские стратеги с легкостью необыкновенной постановили требовать н получить от нашей страны помощь, еслн сами США окажутся в войне. Поводом для зтого могло быть нспользование бомбардировщиков Б-17 генералом Макартуром против Японии. С осени 1941 года все новые бомбардировщики зтого типа отправлялнсь на Филиппины. В начале декабря спланировали собрать и послать на архипелаг сразу 48 Б-17, что более чем удвоило бы нх колнчество там. Генерал Дж. Маршалл, которого буквально распирала гордость за силы, сосредоточившиеся у Макартура, 15 ноября созвал семь известных американских корреспондентов на секретную пресс-конференцию.

На Филнппинах, проникновенно внушал он газетчикам, "достигнуто самое большое сосредоточение тяжелых бомбардировщиков в мире". Это-то примерно о 40 бомбардировщиках Б-17! Эти самолеты-де не только защитят острова, но н сожгут "бумажные" города Японии. Востроглазый журналнст быстро прнкинул в уме: Б-17, вылетевшие с Филиппин бомбить Токно, не смогут вернуться назад — горючего не хватит. Маршалл

благодушно ответ тревожный вопрос: "Русские с радостью разрешат американским летчикам использовать как базу Владивосток"[155]. Непостижимо! Как будто Советскому Союзу было мало войны с европейскими державами "оси" и мы с "радостью" ввалились бы в войну еще на Дальнем Востоке ради удобства заокеанских горе-стратегов! Трудно сказать, чего было больше в этих безумных расчетах — шовинистической слепоты, высокомерного презрения к окружающему миру или элементарной военной безграмотности.

В то время как в Вашингтоне предавались приятному стратегическому праздномыслию в ожидании нападения Японии на других, в Токио по уши погрязли в реальных подсчетах суровой военной бухгалтерии. Координационный комитет почти не прерывал заседаний. 23 октября согласились, что нет иного пути, кроме войны, однако военный потенциал США в 7–8 раз больше японского. Поэтому "нет никакой возможности полностью возобладать над США в случае войны с ними". Вывод: следует провести скоротечную кампанию с ограниченными целями.

Министр иностранных дел Того на заседании 1 ноября все же попытался вырвать у военных ответ, какими силами располагает Япония для войны с США. Это оказалось делом нелегким, пришлось прозаседать 17 часов! Наконец Тодзио ответил, что министру "следует успокоиться и довериться верховному командованию". Морской министр адмирал Симада поддержал Тодзио, заверив Того, что "японский флот потопит американский". Последний пробормотал что-то в том смысле, что "абсурдно основывать расчеты на предположениях", и согласился с военными[156].

5 ноября в Токио состоялось наконец решающее заседание Тайного совета у императора. Участники решили, что переговоры с США следует пока продолжить и вручить американскому правительству два варианта предложений Японии, условно названных "план А" и "план В". Если до 25 ноября правительство США не примет один из этих планов — тогда война.

План А предусматривал: Япония соглашается с принципом отказа от дискриминации в международной торговле на Тихом океане и в Китае, если этот принцип будет признан и в остальном мире; что касается тройственного пакта, то японское правительство согласно не расширять сферы "самообороны" и желает избежать распространения европейской войны на Тихий океан; после заключения мира между Японией и Китаем японские войска останутся на 25 лет в Северном Китае, на границе МНР и острове Хайнань.

Если США отвергнут план А, тогда надлежало передать план В, носивший характер модус вивенди. Япония обязывалась воздержаться от дальнейшей экспансии в обмен на ослабление американских ограничений на торговлю с ней.

Японское правительство согласилось с намеченным военными ориентировочным днем начала войны – 8 декабря (по токийскому времени). Началось развертывание вооруженных сил в предвидении войны с США, Англией и Голландией, с тем чтобы независимо от состояния переговоров в этот день безусловно поднять оружие. Выдвижение вооруженных сил и дипломатические переговоры отныне шли параллельно.

Ключевой фигурой в японо-американских переговорах стал Номура. Адмирал к этому времени устал и был издерган бесцельным топтанием на месте. Попав в шестерни чудовищной дипломатической машины, Номура не понимал, что от него лично мало что зависело, и в неуспехе своей миссии был склонен винить только себя, проклиная слабое знание английского языка. Когда пало правительство Коноэ, Номура обратился с просьбой об отставке в МИД Японии, полагая, что ему, тугому на ухо послу, не место в жаркой дипломатической схватке. Он объяснил, что не верит в возможность достижения соглашения и не имеет ни малейшего желания продолжать "это лицемерное существование, обманывая других людей". Из Токио последовал ответ: новое правительство искренне стремится урегулировать отношения с США[157]. Номура остался на своем посту.

Токио удовлетворил настойчивые просьбы посла прислать ему помощника. Им был избран Курусу, старый друг Номура, в прошлом японский посол в Берлине, подписавший тройственный пакт. Чрезвычайные и полномочные послы Империи Восходящего Солнца вели переговоры, не зная о подлинных намерениях собственного правительства. Когда уже разразилась война, фашистская дипломатия возвела это в особую доблесть. Гитлер в начале января 1942 года с восторгом рассказывал своим приближенным: "Осима объяснил мне, что для обмана американцев японцы направили Номура и Курусу, ибо было известно, что они всегда стояли за достижение взаимопонимания с Соединенными Штатами. Действительно, когда хочешь обмануть противника, не следует использовать мужественного человека, прося его симулировать слабость! Лучше выбрать такого, кто слаб духом!"[158].

В начале ноября Курусу срочно выехал в США. С собой он вез только прекрасное знание английского языка: все инструкции, включая тексты планов А и В, уже были переданы те-

леграфом Номура. Ему поручалось представить американскому правительству план А, в случае его отклонения вручение плана В должно было состояться с участием Курусу. Рузвельт и Хэлл были своевременно осведомлены обо всем, что творилось на японской дипломатической кухне: дешифровывалась вся переписка между Токио и японским посольством в Вашингтоне. В Белом доме и государственном департаменте знали как содержание обоих планов, так и то, что Токио установил предельный срок ведения переговоров с Соединенными Штатами – 25 ноября, сообщенный телеграммой под № 736 от 5 ноября. Было над чем поразмыслить. Надо бы, конечно, в первую очередь поразмыслить над самой датой 25 ноября. В этот день, как мы знаем, "Кидо Бутай" уходил в набег на Гавайи. Но, видимо, ни Белый дом, ни командование вооруженных сил не задумывались, почему Токио связывал успех или неуспех переговоров с точно указанным днем.

7 ноября Номура вручил план А Хэллу. 10 ноября посла принял президент. Хотя 6 ноября Рузвельт говорил Стимсону, что он может предложить японцам модус вивенди на шесть месяцев, при встрече с Номура президент ограничился очередной бессодержательной лекцией о прелестях мира, необходимости способствовать процветанию человечества и т.д. По получении сообщения о реакции президента на план А Того был разъярен.

Он немедленно телеграфировал Номура, напомнив, что дату 25 ноября "абсолютно нельзя изменить". Телеграмма дешифрована и доложена Рузвельту и Хэллу. 15 ноября Номура выслушал окончательный вердикт Хэлла по поводу плана А: японские предложения относительно международной торговли и тройственного пакта неприемлемы. Если бы стороны договорились по ним, тогда "мы бы могли сесть рядом, как братья, и както разрешить вопрос о размещении японских войск в Китае"[159]. Хэлл еще ласково втолковал Номура, что толпа линчует его, государственного секретаря, если он придет к соглашению с Японией, связанной твердыми обязательствами с Германией. План А, следовательно, отвергался.

А "чудо" ежедневно зловеще нашептывало президенту и государственному секретарю, что Япония ведет не войну нервов, а действительно в ближайшие недели возьмется за оружие. 15 ноября Того телеграфирует Номура: "Срок, установленный в телеграмме № 736, абсолютно нельзя изменить. Поэтому, пожалуйста, сделайте все, чтобы США усмотрели истинный свет и стало возможным подписание соглашения к этой дате"[160]. Телеграмма дешифрована и доложена в день отправки.

Напряжение в Японии нарастало. Когда 17 ноября открылась 77-я чрезвычайная сессия японского парламента, в нижней палате от имени Лиги содействия трону взял слово депутат политик-ветеран Тосио Симада. Он заклинал правительство "перестать пастись у дороги", ибо "нацию сжигает пожар", Япония — "объект невидимого воздушного налета". США и Англия не перестают издеваться над Японией, но, напомнил Симада, даже над Буддой нельзя смеяться больше трех раз, вообще два раза — максимум для святого. Он сказал: "Раковая опухоль на Тихом океане гнездится в умах высокомерных американских лидеров, которые стремятся к мировому господству". Симада, высказав предположение, что для борьбы с раком необходим "большой нож", спросил, "когда правительство разрешит нации взять скальпель", а также внес резолюцию, в которой, между прочим, говорилось: "Совершенно очевидно, что основная причина нынешнего конфликта между державами оси с английским, американским и советским народами — ненасытное стремление Соединенных Штатов к мировому господству... Но терпение японцев не неистощимо, ему есть предел"[161]. Палата единогласно одобрила резолюцию. Такова была атмосфера в Японии, когда Курусу прибыл в Соединенные Штаты.

16 ноября посольству Японии в Вашингтоне передается подробная инструкция об уничтожении "в случае чрезвычайных обстоятельств" шифровальных машин. В тот же день Того в четвертый раз, начиная с 5 ноября, указывает Номура: "По вашему мнению, мы должны терпеливо сидеть, ожидая, какой оборот примет война (в Европе. — *Н.Я.*). Однако с крайним сожалением я вынужден указать, что в создавшихся условиях об этом не может быть и речи. Я установил предельный срок для окончания этих переговоров в телеграмме № 736, и он не будет изменен. Пожалуйста, постарайтесь понять это. Вы сами видите, как мало осталось времени, и поэтому не позволяйте Соединенным Штатам увести нас в сторону и дальше затягивать переговоры. Требуйте, чтобы они приняли решение на основе наших предложений, и сделайте все, что в ваших силах, чтобы добиться немедленного разрешения вопроса"[162]. "Чудо", как всегда, оказалось на высоте. Телеграмма дешифрована и доложена 17 ноября, в тот самый день, когда Курусу прилетел в Вашингтон. Номура привел его к президенту и государственному секретарю.

Новый обмен мнениями в течение трех дней оказался бесплодным. Оно и понятно: "Рузвельт, — суммировал переговоры в эти дни Дж. Барнс, — снова настаивал на выводе японских

войск из Китая. Как только коренные вопросы будут разрешены, говорил он, "я с удовольствием познакомлю" Японию с Китаем, а детали утрясутся. Курусу никак не прореагировал, тогда Рузвельт по обыкновению стал читать проповеди, а еще сказал, что нет серьезных противоречий, препятствующих достижению соглашения. Пустые слова. Во все возраставшей степени становилось ясно, что между двумя странами почти не было непонимания, только противоречия. Несмотря на значительную путаницу, оба правительства понимали друг друга слишком хорошо. Противоречивы были их интересы. Они не могли прийти к соглашению"[163].

Чтобы как-то остановить речи словоохотливых собеседников, Курусу сухо заметил Хэллу: "Необходима немедленная помощь, и если пациенту нужна тысяча долларов на лечение, то триста долларов не помогут"[164].

19 ноября Токио информирует некоторые японские посольства и миссии, аккредитованные за рубежом: "В случае возникновения чрезвычайных обстоятельств (опасность разрыва наших дипломатических отношений) и разрыва международной системы связи следующие предостережения будут включены в середину ежедиевных бюллетеней о погоде, передающихся из Японии на коротких волнах: 1) в случае опасности в японо-американских отношениях – "восточный ветер, дождь"; 2) японо-советских отношениях – "северный ветер, облачно"; 3) японо-английских отношениях – "западный ветер, ясно"[165].

Руководители американской разведки полностью оценили важность этой и последующей телеграммы, уточнявшей детали, дешифрованных 26–28 ноября. Несколько радиостанций перевели на круглосуточную работу – прослушивать и записывать все радиопередачи Токио. В результате если раньше в неделю поступало 3–4 фута телетайпных лент с японскими радиопередачами, то теперь в день получали 200 футов таких лент. Всем работникам, имевшим касательство к "чуду", раздали карточки, на которых было указано значение условных фраз.

В результате как адмиралы, так и молодые офицеры, в той или иной мере занятые в системе разведки, всегда имели при себе эти карточки, уносили их с собой домой на случай экстренного ночного вызова. Вашингтон настороженно ждал.

Официальные переговоры к этому времени вызывали у Хэлла тошнотворное чувство. Ему надоело, по собственным словам, "двигаться вокруг да вокруг по одному и тому же кругу". Посвященный в тайну "чуда" государственный сек-

ретарь прилагал нечеловеческие усилия, чтобы сдерживаться, когда поучали его, как руководить внешней политикой. Интересы сохранения государственной тайны и профессиональная этика не позволяли ему обуздать непрошеных советчиков. Он только горько жаловался своему заместителю А. Берли: "Все эти советчики ходят ко мне с ножами и дубинами"[166].

20 ноября Номура и Курусу вручили Хэллу несколько смягченный план В: оба правительства обязуются не продвигать своих сил в любые районы Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана, за исключением Индокитая, где уже находятся японские войска; японское правительство выводит свои войска из Индокитая по установлении мира между Японией и Китаем; Япония и США будут сотрудничать в целях получения необходимого сырья из Голландской Индии; Япония и США обязываются восстановить свои торговые отношения, а США будут поставлять Японии необходимое количество нефти; США обязываются воздерживаться от принятия таких мер, которые помешают установлению мира между Японией и Китаем[167]. В Токио уверовали, что Соединенные Штаты пойдут на предлагавшийся модус вивенди, и снабдили Номура и Курусу преамбулой к ожидавшемуся соглашению, текстами нот, которыми надлежало обменяться с английским и голландским правительствами.

Когда Хэлл принимал документ от японских послов, у Номура и Курусу сложилось впечатление, будто американское правительство согласится с ним. Номура радостно извещает Токио: 20 ноября — "главный праздник Америки. Американцы называют его "Днем благодарения". Несмотря на это, Хэлл не только согласился побеседовать с нами, но, по-видимому, был рад повидаться с нами обоими, со мной и послом Курусу, когда мы пришли к нему"[168]. Хэлл пообещал послам "благожелательно рассмотреть" японские предложения[169]. Это обнадежило Того, и он добился в Токио небольшой, последней отсрочки.

22 ноября министр телеграфирует послам: "Нам страшно трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме № 736. Вы должны знать это, но я знаю и то, что вы прилагаете сверхчеловеческие усилия. Придерживайтесь нашей политики и делайте все возможное. Не щадите никаких усилий, чтобы добиться желательного для нас решения. Вы не можете и догадаться о причинах, по которым мы хотим урегулировать японо-американские отношения к 25-му, однако, если в течение ближайших трех или четырех дней вы сможете закончить ваши переговоры с американцами, если подписание соглашения может быть

завершено к 29-му (давайте я напишу эту дату для вас прописью — к двадцать девятому), если окажется возможным обменяться соответствующими нотами, если мы сможем добиться понимания с Англией и Голландией и, коротко говоря, если все будет завершено, мы согласны ждать до этого дня. Но эту дату абсолютно нельзя изменить. После нее события будут развиваться автоматически. Пожалуйста, помните это и приложите еще большие усилия, чем раньше. Об этом в настоящее время должны знать только вы — двое послов"[170].

Того переоценил надежность японского кода, его инструкции немедленно стали известны значительно большему кругу лиц: телеграмма перехвачена, дешифрована, переведена и доложена руководителям США в день передачи — 22 ноября. Президент и государственный секретарь держали в руках новое доказательство, если еще требовалось таковое, что быть или не быть войне на Тихом океане и Дальнем Востоке зависит от американского ответа.

Американский ультиматум от 26 ноября

Если правительство США стремилось к тому, чтобы оттянуть вооруженный конфликт с Японией (а имеющиеся документы подтверждают это), то Соединенные Штаты должны были пойти на модус вивенди. Государственный департамент и командование вооруженных сил, зная об этой установке правительства, считали ее разумной. 21 ноября у Хэлла состоялось совещание, на котором рассматривались предложения о модус вивенди, разработанные госдепартаментом. Они не слишком отличались от японского плана В. Что касается японских предложений, то генерал Л. Джероу, представлявший на совещании командование армии, подчеркнул: "Документ удовлетворителен с военной точки зрения... Принятие этих предложений дает возможность достичь одной из наших главных целей — избежать войны с Японией... Особо следует выделить, что модус вивенди остро необходим для успеха наших военных усилий в Европе"[171].

22 ноября государственный департамент выработал американский проект модус вивенди сроком на 90 дней. Его отличие от японского плана В заключалось главным образом в том, что США требовали немедленного вывода японских войск из Южного Индокитая, а в северной части страны должно было остаться не более 25 тыс. японских солдат. Остальные американские условия в общем совпадали с японскими предложениями. 22 ноября Хэлл ознакомил английского и китайского

послов, посланников Австралии и Голландии с американским проектом. Все согласились. Хэлл считал возможным уже 24 ноября дать этот ответ Японии. Действия американской дипломатии до вечера этого дня представляется возможным проследить с большей или меньшей степенью точности. Объяснить мотивы американского правительства в последующие 12 дней, до начала войны, значительно труднее.

Утром 25 ноября состоялось полуторачасовое совещание Хэлла, Стимсона и Нокса. Участники согласились, что нужно передать американские предложения Японии. О том, что еще говорилось на этом совещании, данных нет. В 11 часов утра все трое прибыли в Белый дом, где с участием Маршалла и Старка состоялось еще полуторачасовое совещание у президента. О нем почти нет сведений, за исключением загадочной записи в дневнике Стимсона: "Президент, вместо того чтобы обсуждать "виктори пэрейд" (условное обозначение действий США в случае участия в войне в Европе. – *Н.Я.*), занялся только вопросом об отношениях с Японией. Он указал, что на нас, по-видимому, будет совершено нападение, быть может, не позднее следующего понедельника (30 ноября. – *Н.Я.*), ибо японцы, как известно, атакуют без предупреждения. Что нам делать? Проблема сводится к тому, как нам сманеврировать, чтобы Япония сделала первый выстрел, и в то же время не допустить большой опасности для нас самих. Это трудная задача"[172]. На совещании были высказаны предположения, что Япония может двинуться в сторону Южных морей, однако американские владения не подвергнутся нападению. Тем не менее было решено передать Номура и Курусу американские предложения о модус вивенди.

Военные участники совещания, четверо из шести присутствовавших, были глубоко удовлетворены. Они получали время для военной подготовки на Тихом океане. С таким впечатлением оба министра – Стимсон и Нокс – и главкомы армии и флота – Маршалл и Старк – ушли из Белого дома.

Сразу же после заседания Старк пишет Киммелю: "Я не знаю, что будут делать США. Разрази меня гром, если я знаю. Я бы хотел знать. Я знаю только одно: мы можем совершить любой поступок, и к этому нужно быть готовым, а, может быть, мы ничего не будем делать, но все же скорее всего я склоняюсь в сторону "любого" поступка"[173]. Едва ли эта информация помогла Киммелю. На следующий день после совещания с военными президент и государственный секретарь приняли решение, противоположное согласованному с военными руководителями.

Как и почему это случилось? Нет сомнения в том, что в Белом доме должное внимание было уделено сообщениям, поступившим из Берлина 25 ноября 1941 г., — там с большой помпой был продлен на пять лет "антикоминтерновский пакт". На это в Вашингтоне смотрели серьезно*. Но тут же поступили разведывательные данные, указывавшие, что Япония, по-видимому, собирается "поскользнуться", оправдав самые мрачные опасения Рузвельта. Было замечено 30–50 судов с войсками южнее Формозы (Тайваня), следовавших, по-видимому, к берегам Индокитая.

Вечером 25 ноября Стимсон отправил докладную об этом президенту, а с утра на следующий день позвонил ему и осведомился о судьбе документа. "Президент буквально взорвался, так сказать, взлетел в воздух, — записал Стимсон в дневнике. — Он сказал, что пока не видел докладной, но вся обстановка изменилась. Это свидетельство вероломства японцев. Они ведут переговоры о полнейшем перемирии — полном выводе войск (из Китая. — *Н.Я.*) — и в то же время направляют эту экспедицию в Индокитай"[174].

За гневными словами — разгневанная проза очередного американского ответа. Рузвельт преисполнился решимости проучить японское правительство. Он вызвал Хэлла и потребовал взять твердый тон в переговорах. Проект модус вивенди был отброшен. В большой спешке в государственном департаменте был подготовлен пространный документ — "программа десяти пунктов". Эти "пункты" первоначально предлагались для дальнейшего обсуждения в случае принятия модус вивенди. Теперь, когда от него отказались, им предпослали героическое вступление — о приверженности США к высшим принципам мира и т.д.

Конкретно США предлагали Японии заключить многосторонний пакт о ненападении на Дальнем Востоке; подписать коллективный договор о целостности Индокитая; вывести все войска из Китая; США и Япония будут поддерживать в Китае только чунцинский режим; оба правительства вступят в переговоры о заключении торгового договора. Наконец, ни одно из соглашений, участниками которого являются соответственно США и Япония, не должно толковаться как противоречащее данному американо-японскому соглашению. Таковы были основные положения этого изумительного документа. Коротко говоря, Соединенные Штаты предлагали Японии восста-

* Военно-морская разведка США докладывала правительству 1 декабря: «Отношения между Японией и Россией остаются напряженными. 25 ноября Япония вместе с Германией и другими державами оси продлила на пять лет "антикоминтерновский пакт"».

новить по доброй воле положение, существовавшее на 18 сентября 1931 г., то есть до начала японских захватов. На всем протяжении американо-японских переговоров в 1941 году правительство США не выдвигало условий, хотя бы отдаленно напоминавших "программу десяти пунктов".

В 5 часов вечера 26 ноября Хэлл вручил подготовленный в пожарном порядке ответ Номура и Курусу. Послы, бегло прочитав документ, не могли поверить глазам. Они осведомились о судьбе модус вивенди. Хэлл заявил, что в руках послов ответ. Государственный секретарь заметил, что "его линчуют, если выяснится, что нефть поставляется в Японию". Номура возразил: "Иногда государственные деятели, придерживающиеся твердых убеждений, не имеют симпатий у общественного мнения, только мудрецы могут понять будущее и порой нести мученический венец, однако жизнь коротка и каждый должен выполнить свой долг". Курусу присовокупил: американский ответ "равносилен концу переговоров"[175]. Хэлл, по словам Курусу, остался "тверд, как скала". На том и расстались.

Действительно, американский ответ, который написали чиновники госдепартамента под водительством Хэлла 26 ноября 1941 г., был программой-максимум, когда-либо выдвигавшейся Соединенными Штатами в отношении Дальнего Востока и Тихого океана. Крупнейший американский историк первой половины XX века Чарльз А. Бирд подчеркнул:

"Никогда в истории американских дипломатических отношений с Востоком, если можно доверять опубликованным материалам, правительство США не предлагало Японии немедленно убраться из Китая под замаскированной угрозой войны и под давлением экономических санкций, которые могли привести к войне. Даже самые отчаянные империалисты, действовавшие под эгидой республиканской партии, никогда не осмеливались официально применять эту доктрину в отношениях с Японией — соблюдать в Китае политические и экономические принципы, когда-то сформулированные в лозунге, на первый взгляд носящем справедливый характер — Открытые Двери, а на деле — старую формулу республиканской партии, предусматривающей американское вмешательство в Китае, и также руководствоваться принципами международной морали, изложенными Хэллом... Президент Рузвельт пошел на то, что не осмеливались сделать империалисты-республиканцы: он поддержал решительными экономическими санкциями опасный, хотя и обветшалый, жупел Открытых Дверей, а в переговорах с Японией довел дело до выдвижения максимальной программы, которая вела к войне

на два фронта. Антиимпериалисты, как демократы, так и республиканцы, могли легко различить в меморандуме его смысл — старый империализм в новых одеждах"[176].

Хотя личные нападки Бирда на Рузвельта придают особый колорит его суждениям, суть дела изложена в контексте как традиций внешней политики США, так и традиционных американских интерпретаций.

Старик Бирд, профессиональный историк, правильно указал суть американских требований, но совершенно упустил семантическую нагрузку, которую имели в виду составители "программы десяти пунктов". Они угрожающе указывали Японии, что влечет для нее агрессия в южном направлении, но отнюдь не закрывали дверь для продолжения переговоров, если Токио бросит затеи, внезапно вызвавшие к жизни беспримерный документ. Сам Хэлл сразу после войны писал: "Документ, врученный японцам 26 ноября, был не больше чем подтверждением давних основополагающих принципов нашей страны". И еще сообщил: "В нем решительно не было ничего, что бы не приняла с радостью миролюбивая нация, проводящая миролюбивую политику"[177].

Главный советник Хэлла по делам Дальнего Востока в госдепартаменте, как и надлежит подчиненному, поторопился поздравить начальника с ответом 26 ноября. В самых отборных выражениях Хорнбек написал Хэллу на следующий день: "Документ, врученный вами японцам, на сто процентов соответствует принципам, которые вы повторно декларировали и которые вы постоянно отстаивали... Я считаю, что он не может быть раскритикован ни с какой точки зрения и ему нельзя противопоставить сколько-нибудь весомых аргументов". Надо думать, Хэлл с величайшим удовлетворением прочитал эти строки, но вот дальше Хорнбек продемонстрировал понимание дела, которое едва ли обрадовало государственного секретаря, написав с большой проницательностью: "Но по сути своей это отнюдь не честный до конца документ, ибо если на словах его целью является способствовать поддержанию мира на Тихом океане, максимум, что мы можем ожидать от него, — выигрыша времени для укрепления обороны, мы надеемся получить преимущество над японцами". Нужно ли говорить, что Хэлл в немедленном пространном ответе Хорнбеку благочестиво отрицал само предположение о подобных намерениях[178].

Японские государственные деятели оказались людьми попроще. Они не постигли тонкости хитроумной логики американцев. Депеша Номура с текстом ответа Хэлла пришла во время заседания Координационного комитета. Тодзио жадно схва-

тил ее, прочитал вслух и воззрился иа присутствовавших. Молчание прервал чей-то возглас: "Это ультиматум!" Навериое, все же фарисейский: японское правительство допустило опубликование его текста только после начала войны, причем весь тираж газеты, напечатавшей америкаиский ответ, был конфискован. "Ультиматум", по словам Того, ударил его прямо "в солнечное сплетение".

Ах, сокрушается современный америкаиский историк Дж. Толанд, почему императорское правительство ие проникло в суть замысла Хэлла? "Ведь что возмутило всех присутствовавших тогда в зале заседания, — пишет Толанд, — категорическое требование очистить весь Китай. Завоевание Маньчжурии потребовало немалой крови и пота. Утрата ее означала экономическую катастрофу. Ни одна держава, обладавшая достоинством, ие могла пойти на это.

Предложения Хэлла были порождены иегодованием и иетерпимостью, однако оскорбительный абзац был трагически иеверно понят. Для Хэлла слово "Китай" не включало Маньчжурию, и ои отнюдь не намеревался требовать, чтобы японцы расстались с этой территорией. Коиечно, в американской ноте нужно было бы ясио сказать об этом. Исключение Маньчжурии ие сделало бы иоту Хэлла приемлемой, ио это могло бы дать возможиость министру иностранных дел Того уговорить милитаристов продолжить переговоры, во всяком случае отодвинуть крайний срок, истекавший к 30 ноября.

Вот так и случилось, что две великие державы, которых объединял страх перед Азией под господством коммунизма, встали иа путь, ведший к столкиовению. Кого винить? Япония, коиечно, почти целиком несла ответственность за то, что встала на дорогу войны... Но как могли США с их богатейшими ресурсами и землями, не опасавшиеся нападения, поиять положение крошечной переиаселенной островиой империи, почти не имевшей естественных ресурсов, находившейся под постоянной угрозой иашествия беспощадного соседа — Советского Союза?.. Япония и Америка никогда бы не оказались на грани войны, если бы ие случился социальный и экономический взрыв в Европе после первой мировой войны... И война, которую не нужно было вести, стала неизбежностью"[179].

Что же, объясиение как объяснение, ие хуже других. Упускается из виду — и очеиь обдуманио — решающее обстоятельство: "ультиматум" Хэлла имел в виду ие спровоцировать Японию иа войну против Соедииенных Штатов, а, напротив, отбить у нее охоту к продвижению иа юг. Чтобы Англия и эмигрантское правительство Голлаидии не сорвали игры Вашиигтоиа, Ф. Рузвельт 27 ноября поручил передать им: США не дают

никаких гарантий, что придут на помощь в случае нападения Японии на английские и голландские владения[180]. Иными словами, сидеть смирно, не шевелиться, пока старший партнер занят делом: пытается побудить Токио направить агрессию в другом направлении — против Советского Союза.

Американские историки, особенно те, кто задним числом обосновывает разумность образа действий, предлагавшегося "изоляционистами", сводят все к тому, что Ф. Рузвельт вовлек США в войну без особой на то необходимости. Действительно, Соединенные Штаты внезапно оказались в войне — Пёрл-Харбор тому достаточное доказательство. Но это было следствием не продуманной политики, а громадного политического промаха.

Понятно, что в этом направлении творческая мысль американских официальных историков не работает, они только сетуют, как делали Лангер и Глисон: "До тех пор пока не будут добыты дополнительные документы, о роли как президента, так и государственного секретаря Хэлла можно только гадать"[181]. Или, как пессимистически заявлял в 1950 году профессор С. Бемис, "историки еще сотни лет будут спорить о характере и деталях переговоров Хэлл — Номура в 1941 году"[182]. Предсказание оправдывается с величайшей точностью. Спустя три с половиной десятилетия у Г. Пранджа в книге 1986 года читаем: "Более подробно о ноте Хэлла смотрите в книге "Мы спали на рассвете", глава 49". Открываем указанную главу в его же книге 1981 года и читаем: "Этот документ позднее прославился как нота Хэлла, или программа десяти пунктов. Мы не можем здесь рассматривать подробно эти вопросы". Это-то в книге почти в 900 страниц убористого текста и освещающей менее года предыстории и истории Пёрл-Харбора![183] Так и "спорят" современные американские историки.

Как ни досадно все это, историк может и обязан судить по фактам. А факты неоспоримо говорят о том, что американский ответ или ультиматум от 26 ноября и был "большой дубиной", с помощью которой США иной раз добивались своих целей. На исходе 1941 года толкнуть Японию против Советского Союза, а самим остаться в стороне.

Если не принять этого тезиса, следует согласиться либо с политическими спекулянтами в США, которые обвиняют Ф. Рузвельта в том, что он умышленно подставил Тихоокеанский флот как приманку для Японии, чтобы получить повод и вовлечь американский народ в войну, либо заподозрить эпидемию массового безумия в Вашингтоне: зная о подступавшей войне, там не приняли никаких мер предосторожности. Но руководители

внешней политики Соединенных Штатов пребывали в здравом уме и твердой памяти.

"Чудо из чудес", беспомощность "чуда"

В Вашингтоне твердо усвоили, что нападение Японии на Советский Союз последует тогда, когда военное положение нашей страны резко ухудшится. Знали также о том, что подготовка Японии к войне против СССР займет примерно шесть месяцев. В конце ноября 1941 года, с точки зрения американских политиков, оба эти условия были налицо: немецко-фашистские полчища осаждали героический Ленинград, пробились на ближайшие подступы к Москве и все еще продвигались, на юге вышли к Дону, а из Японии поступали сообщения о громадном усилении Квантунской армии, занявшей исходные позиции на советской границе*. Дислокация японских вооруженных сил в целом едва ли могла быть секретом для американской разведки. Из 51 дивизии, которыми располагала Япония в ноябре 1941 года, 21 находилась в Китае, 13 – в Маньчжурии, 7 требовалось для обороны метрополии и, следовательно, лишь 10 дивизий можно было использовать в других районах. Равным образом из 5 воздушных флотов 3 находились на материке и на Японских островах и лишь 2 были свободны. Описанная дислокация сухопутных сил и авиации отражала подготовку Японии к войне против СССР.

В этих условиях действительно трудно было поверить, чтобы Япония начала войну против США и Англии, против которых можно было бросить (и так действительно случилось) лишь 11 дивизий, то есть около 20 процентов японской армии[184]. В то же время "чудо" и все службы дешифровки продолжали оповещать о завершении подготовки японских вооруженных сил во всех районах, где бы они ни находились. В этом

* Американские политики увязывали даже второстепенные передвижения японских войск с положением на советско-германском фронте. Так, Г. Стимсон указывал после войны: "Утром 1 декабря президент возвратился в Вашингтон. Я вспоминаю, что за это время были получены сведения о том, что японские экспедиционные силы, за которыми мы наблюдали, вместо того чтобы следовать в Сиамский залив и к полуострову Малакка, стали высаживаться в Индокитае, недалеко от Сайгона. Это обстоятельство, казалось, давало нам небольшую отсрочку, поскольку позволяло предположить, что Япония не намеревается немедленно вторгнуться в Таиланд. К этому времени русские предприняли новое контрнаступление против немцев в районе Ростова, и мы подумали, что, возможно, это наступление явилось причиной паузы в продвижении японских сил".

потоке информации терялись телеграммы Токио японскому генеральному консульству в Гонолулу и обратно. Но вся масса перехваченных сообщений давала основание полагать, что в Токио решение о направлении агрессии будет принято в самый последний момент. "Код ветров" убедительно свидетельствовал о том, что война возможна против любого из трех противников – США, СССР и Англии.

Американские политики то посулами, то угрозами стремились не допустить, чтобы Япония "поскользнулась" и сделала "правильный" выбор. Еще 29 октября 1941 г. С. Хорнбек подчеркнул в меморандуме Хэллу: "Япония не будет склонна предпринимать новые военные авантюры в тех районах, где она имеет основания ожидать, что встретит энергичное сопротивление, а скорее нанесет удар по слабым районам, которые легко захватить"[185]. 27 ноября, на следующий день после вручения "ультиматума", ликующий Хорнбек докладывает правительству свое мнение: "Сегодня меньше оснований, чем неделю назад, ожидать, что Япония пойдет войной на нас. Если бы можно было заключать пари, то нижеподписавшийся поставит пять против одного, что США не будут в войне с Японией до или 15 декабря (т.е. к тому времени, когда, по словам генерала Джероу, завершится передислокация наших войск), три против одного, что США не будут воевать с Японией до или 15 января (т.е. через семь недель), один против одного, что США не будут воевать с Японией до или 1 марта (т.е. более чем через 90 дней, в течение которых, по мнению наших стратегов, мы выиграем время для дальнейшей подготовки)... Коротко говоря, нижеподписавшийся не верит, что страна стоит на пороге скорой войны на Тихом океане"[186].

26 ноября Хэлл и взялся разъяснить Японии, что Соединенные Штаты наконец заняли твердую позицию. Теперь, рассуждали в Вашингтоне, перед вооруженными до зубов США (Б-17 на Филиппинах!) Япония сделает выбор – устремится на север, против Советского Союза, истекающего кровью в смертельной схватке с Германией и ее европейскими сателлитами. Но в Токио лучше представляли военные возможности СССР, чем в Соединенных Штатах. Как заметил Того в своих мемуарах: "После начала германо-советской войны я испытывал значительные опасения по поводу военных перспектив Германии и никогда не мог избавиться от опасений, что эта война закончится для нее так же, как война 1914–1918 годов"[187]. Американские политические деятели на поверку оказались куда более легковерными в отношении глупейших измышлений геббельсов-

ской пропаганды твердившей о неминуемом "крахе" СССР.

Амернканскнй ответ от 26 ноября положил конец последним колебаниям в Токио. События началн "развиваться автоматическн".

В этот день, 26 ноября, молодой антрополог доктор Г. Филд, выполнявший поручения Рузвельта, был вызван к доверенному секретарю президента Грейс Таллн. Обычно разговорчивая, Таллн на этот раз была необычайно сдержанна. Она чуть ли не тоном приказа поручила Филду отправиться к директору бюро цензов Дж. Кэпту н потребовать от него, чтобы немедленно был составлен поименный список всех японцев н американцев японского пронсхождения, проживающих в США, с точным адресом каждого. За основу взять переписи 1930 и 1940 годов, спискн в запечатанных конвертах "на мое нмя передавать лично через часового у главного входа (Белого дома. – *Н.Я.*). Он даст вам расписку за каждый конверт", – сказала Таллн н закончила инструктаж: "поручение чрезвычайной важности" и "совершенно секретно".

Кэпт, услышав о задании, воздел рукн к потолку кабннета – таких поручений бюро цензов никогда не получало, н потребуются месяцы и месяцы работы, чтобы справнться с ним. Филд указал на срочность дела. Пресловутая амернканская деловнтость показала себя. Сотрудников бюро засадили за круглосуточную работу. На время ее солдаты морской пехоты встали часовыми вокруг здания бюро цензов. Из 110 млн. карточек на тогдашнее населенне США с помощью счетных машин былн отсортированы все лица восточного происхождения. Из них отобралн нмена н адреса 126 947 японцев н американцев японского пронсхождения. 3 декабря Филд доставил последний конверт в Белый дом. Копнн списков разослалн ФБР, губернаторам штатов н командующим военными округами[188]. Коль скоро до Японнн далеко, презндент, надо думать, готовился схватнться с неприятелем доступным, проживающим в США. И посему заранее велел обзавестись адресами, врага нужно знать в лнцо!

Командование вооруженных сил США узнало об ультиматуме, предъявленном Японии, не от собственного правнтельства, а от "чуда" – перехваченной н дешифрованной телеграммы японского посольства в Вашингтоне. Пораженный до глубины души Стимсон утром 27 ноября связался по телефону с Хэллом, спросив, какая судьба постигла проект, согласованный на совещанин у президента 25 ноября, – предложить Японии трехмесячное "перемирне". Хэлл безмятежно ответил, что он вообще прекратил переговоры. "Я умываю рукн в этом деле, – сказал он, –

теперь все дело зависит от вас и Нокса, армии и флота". Тогда Стимсон позвонил президенту. Рузвельт радостно подтвердил, что переговоры "закончились великолепнейшим заявлением, подготовленным Хэллом"[189].

Утром 27 ноября командующие вооруженными силами США собрались на совещание. Сошлись на том, что, "если переговоры закончатся без достижения соглашения, Япония может напасть". Вновь перечислили возможные объекты агрессии. Как обычно, среди них видное место заняли "приморские провинции" СССР. О Гавайях никто и не заикался, накануне вечером генерал Маршалл заверил своих советников: "Риск нападения на острова настолько велик, чтобы Япония могла пойти на него"[190]. Решили все же быть начеку.

С согласия президента 27 ноября командование армии и флота послало предупреждение командующим на местах, в том числе и на Гавайях. Боясь, чтобы подготовительные меры не были использованы японцами как повод для нападения, командующих особо предупреждали действовать осмотрительно, не вызывая ненужной тревоги среди гражданского населения. О том, как поняли эти указания из Вашингтона на Гавайских островах, мы уже видели. На том в столице Соединенных Штатов успокоились.

30 ноября Тодзио выступил с речью, которая вызвала тревожные комментарии американской печати, но не поколебала каменного спокойствия правительства. Через несколько дней взял слово Того. Он заявил: "На основании соглашения с Францией мы заняли Южный Индокитай для совместной обороны. Едва просохли наши следы, и вот появляется старый, добрый дядюшка Сэм и захватывает Голландскую Гвиану (эта территория была оккупирована США "с целью защиты" 24 ноября 1941 г. — *Н.Я.*). Если США в собственных интересах понадобится любая американская страна, тогда под флагом совместной обороны они захватят ее, как только что доказано". В Японии высоко взметнулся гребень волны антиамериканских настроений. В Вашингтоне продолжали ждать.

Рузвельт и Хэлл глубокой осенью 1941 года окончательно уверовали в то, что "чудо" и другие средства перехвата своевременно введут их в курс намерений Японии. В это время американцы дешифровывали в день в среднем 50—75 документов, а как-то это число возросло до 130. Некоторые документы занимали по 15 страниц машинописного текста. "Чудо" так отладили, что Хэлл получал телеграммы, адресованные Номура и Курусу, за час до адресатов. Дешифрованные японские материалы докладывались президенту и другим допущенным к ним дважды в день — утром и вечером. Ответственные — Д. Крамер

от флота и Р. Браттон от армии — поочередно (через день) объезжали правительственные ведомства с папками, в каждой из которых было примерно по 25 важнейших документов, отобранных по их усмотрению из перехваченных и дешифрованных.

Изобилие материалов вызвало недовольство Дж. Маршалла. Он высказался в том смысле, что ему, "чтобы прочитать все, нужно уйти в отставку с поста начальника штаба армии". Браттон отреагировал — стал помечать красной галочкой наиважнейшие документы среди 25 важнейших в ежедневной добыче разведки. Аккуратнейший Крамер предпочитал не марать документы, а выделять заслуживающие внимания среди них цветными закладками.

Оба офицера попытались облегчить высокопоставленным получателям чтение дешифрованных материалов. Они стали представлять краткие аннотации их содержания. Система долго не продержалась, и первым против нее выступил президент. Ссылаясь на осложнение отношений с Японией, он потребовал представления материалов только в оригинале. В Дж-2, памятуя о майском скандале с генералом Ватсоном, по-видимому, заупрямились, что наложило отпечаток на межведомственное решение от 12 ноября ОП-20-Дж и СИС. Военная разведка Дж-2 взяла на себя обеспечение материалами Хэлла, оставив Белый дом в компетенции флота[191].

Требование представлять документы в оригинале отражало понятное интеллектуальное высокомерие Рузвельта, первого должностного лица государства, перед массой чиновного люда. Вероятно, это было еще следствием советов У. Черчилля. В середине 1941 года он отказался принимать резюме дешифрованных сообщений "Энигмы", властно заявив подчиненным: "Такая форма коллективной мудрости меня не устраивает, я предпочитаю знакомиться с оригиналами. ., таким образом я скорее приходил к собственным выводам"[192]. Трудно сказать, какую пользу объективно извлек из этого образа действий английский премьер-министр, но пошедший по его пятам американский президент несомненно осложнил себе жизнь. Он наверняка потратил массу времени, читая дешифровки, и, если судить по Пёрл-Харбору, без видимого толку. . .

1 декабря дешифровано указание МИД Японии в Лондон, Гонконг, Сингапур и Манилу — уничтожить в посольствах и миссиях шифровальные машины и сжечь шифры. Посольство в Вашингтоне исключалось. В другой телеграмме в тот же день посольству в столице США предписывалось: "Когда поступит указание об уничтожении шифров, обратитесь к нашему военно-морскому атташе. У него есть для этого специальные химикаты". Это обнадежило.

"Северный ветер, облачно" или "восточный ветер, дождь"?

На Гавайях 1 декабря радиоотдел 14-го военно-морского округа Дж. Рошфора был повергнут в глубокий траур. В полночь японский флот внезапно изменил свои позывные, действовавшие всего тридцать дней. На отдел снова свалилось титаническое бремя – идентифицировать 20 тыс. позывных радиостанций на военных кораблях, торговых судах и берегу. Принципиально ничего нового в этом не было, в прошлом позывные регулярно изменялись, но с интервалами в полгода. А теперь всего месяц, за который было достигнуто не так много.

С проклятиями, тяжкими вздохами и жалобами на пропащую жизнь криптоаналитики Рошфора на Гавайях и в других подразделениях радиоразведки засели за работу. Единственный светлый луч – в считанные часы они убедились, что радиообмен сообщениями в японском флоте примерно повторяет наблюдавшийся в июле 1941 года во время оккупации Южного Индокитая. Тогда перехваты показывали: по радио передаются распоряжения командных инстанций эскадрам и кораблям в море, но не наоборот. Это говорило о том, что флот уже выполнял задания, как и выяснилось впоследствии. Особенно примечательно – в радиоперехватах не фигурировали авианосцы. Криптоаналитики сделали вывод – эти корабли оставались во внутренних водах империи в качестве резерва. Когда канула в прошлое сумятица, вызванная операциями в Южных морях, подтвердилось: да, японские авианосцы не покидали родных вод. Теперь отдел Рошфора во всеоружии опыта сразу установил резкий скачок радиоуказаний в регионе Южных морей, то есть развитие ожидавшихся операций в направлении Сингапура и Таиланда. Как и в июле, криптоаналитики на Гавайях поместили авианосцы 1-го воздушного флота на базы в Японии – в южной части Кюсю и Куре! О чем и доложили командным инстанциям.

В этот же богатый событиями день 1 декабря "чудо" осведомило Рузвельта и Хэлла о последних инструкциях Номура и Курусу о том, что хотя крайний срок, поставленный Токио в переговорах с США, прошел, тем не менее, "чтобы не допустить ненужной подозрительности со стороны Соединенных Штатов, мы информируем печать и т.д. – несмотря на определенные разногласия между Японией и США, переговоры продолжаются. Это только для вашего сведения". Послам вменялось посетить Хэлла и "сделать необходимые представления" в связи с тем, что США отвергли предложения Японии о модус вивенди[193].

Номура и Курусу соответственно пришли к Хэллу, зиавшему от "чуда" о цели их визита. Ои заверил послов: "США будут рады предоставлять Японии любое нужное ей сырье и материалы, как только военные правители страны покажут, что Япония иамеревается проводить мирную политику". Но ои тотчас же поспешил добавить: "Мы ие предлагаем сотрудничества с зтими лидерами". Сразу после беседы с послами Хзлл отправился к президенту. Они сошлись иа том, что Япония вот-вот поднимет оружие[194].

Япоиская и американская печать широко оповестила о выходе 2 декабря из Иокогамы в Сан-Франциско с заходом в Гоиолулу судна "Татута Мару". На его борту были иностранцы, выехавшие из Японии. "Татута Мару", сообщали газеты по обе стороиы Тихого океана, придет в 20-х числах декабря в Сан-Франциско и заберет японцев, покидающих США, затем с той же целью посетит два мексиканских порта и 27 декабря отправится в Японию. Плавание "Татута Мару" было задумаио как маскировка. Капитана судна предупредили, что примерио 8 декабря ои получит важный приказ по радио и должеи будет выполнить его. Опасаясь, чтобы американцы на борту ие заставили зкипаж следовать в США, как предусматривалось, япоиские разведчики тайком снабдили судно оружием[195].

Из зтой мозаики фактов ие складывалась четкая картииа, тем более что личные убеждения американских деятелей никак ие уступали им по зиачимости. В самом деле, что из того, что япоиские авианосцы — осиовиая ударная сила флота — якобы иаходились во внутренних водах метрополии? Рассуждая уже после войны, иачальник оперативиого управления штаба флота адмирал Р. Териер вернулся к своим иастроениям осеиью 1941 года. Ои признался: "Я ие верил, что возможна война (Японии) против США, англичан или голландцев в течеиие по крайией мере месяца (какого именно, Териер ие уточнил. — *Н.Я.*).

Совершеиио по-другому дело обстояло у русских, ибо Япония иаходится очеиь близко от русских. У них уже была армия в Маньчжурии, развернутая или иет, мы ие зиали. Равиым образом Япония держала большую часть своего флота в своих водах. Позтому действия против России можно было предпринять с максимальиой быстротой"[196]. В конце иоября — иачале декабря 1941 года командование америкаиского флота, "потерявшее" осиовиые япоиские авианосцы и, как ему представлялось, обиаружившее их в водах япоиской метрополии, успокоилось. Япоиия вот-вот обрушится иа СССР.

Последние доказательства зтого, по-видимому, принесли сообщения по "коду ветров".

4 декабря станция радиоперехвата флота в Челтенхеме, штат Мэрилеид, приняла долгожданный сигнал, передававшийся для сведения посольства в Лондоие, с которым больше нельзя было снестись шифром. Капитаи II раига Л. Саффорд так рассказал после войны о достопамятном происшествии: "Вот иаконец оиа", — сказал Крамер, вручая мне телеграмму с "кодом ветров". Именно для перехвата зтой телеграммы и были мобилизованы все наши возможности. Мы достигли выдающегося успеха. Эта информация давала возможность обезопасить американский Тихоокеаиский флот от виезапного нападения в Пёрл-Харборе, то есть от такого нападения, которому русские подверглись в свое время в Порт-Артуре. Имению к этому готовилась радиоразведка флота со дня своего осиования — войие с Японией". Саффорд утверждает, что перехвачеииый сигнал ("западный ветер, ясно" и "восточный ветер, дождь", озиачавший войиу Японии против Англии и США) немедленно доложили начальнику управления связи флота коитр-адмиралу Л. Нойсу, который разослал его по разметке — президеиту, военному и морскому министрам. Саффорд давал зти показания под присягой в 1946 году объедииеиной комиссии конгресса, расследовавшей обстоятельства иападения на Перл-Харбор.

Другие работники разведки под присягой дали противоположные показания. Начальник дальиевосточного отдела военно-морской разведки капитан А. Макколлум подтвердил, что 4 или 5 декабря была перехвачеиа телеграмма с "кодом ветров", однако оиа гласила: "Северный ветер, облачно", то есть война против Советского Союза. Посоветовавшись с Крамером, он решил, что это был обычный прогноз погоды. Так что же было получеио в действительности и что было доложеио президеиту? Проверить, кто прав, ие удалось: те, кому по разметке была иаправлеиа дешифрованиая телеграмма, начисто отрицали ее существование. Когда комиссия коигресса обратилась к сверхсекретным архивным папкам, выяснилось, что чьи-то заботливые руки изъяли документ. Очень тщательиые поиски не дали никакого результата. В описях остался только порядковый иомер — исходящий 7001, под которым, по-видимому, значился зтот докумеит. Какие-то силы в Вашиигтоне были заиитересованы в том, чтобы истииа никогда ие была устаиовлеиа[197].

История не из тех, которыми гордятся америкаиские государствениые мужи, и позтому предельио запутаниая. Обшириая выдержка из показаний объединенной комиссни коигресса ключевого свидетеля адмирала Р. Териера живо иллюстрирует зто. Адмирал, кстати, не был таким агицем, каким держал себя под присягой, а прославился иа весь флот как пьяница, склонный

к рукоприкладству, самодур, проливавший зря кровь моряков в войне на Тихом океане. Надо думать, он с трудом сдерживал себя, ведя кроткий диалог с главным советником комиссии Митчеллом.

"*Митчелл.* Давали ли вам до 7 декабря (1941 г.) какое-нибудь "исполнительное послание" по коду ветров с условными словами "восточный ветер, дождь"; "западный ветер, ясно"; "северный ветер, облачно", означающие: "война с США", "война с Англией", "война с Россией"?

Значилось ли подобное сообщение среди полученной вами информации?

Вы поняли мой вопрос?

Адмирал Тернер. Я все понял. Но хочу начать с того, что случилось, и только потом дам вам прямой ответ.

Митчелл. Хорошо, пусть будет по-вашему.

Адмирал Тернер. Днем в пятницу, как я думаю. . .

Кифи (конгрессмен). Какого числа?

Адмирал Тернер. 5 декабря адмирал Нойс позвонил мне по телефону или по внутренней связи, сейчас не помню, и сказал: "Сообщение о погоде" или, быть может, слова, означавшие "пришло первое сообщение о погоде". Я спросил, что в нем? Он ответил: "Северный ветер, ясно". А я сказал: "Тут что-то не то". Он ответил: "И я так думаю" – и положил трубку.

Я никогда не видел самого текста и не знаю, откуда он взял это сообщение. До недавнего времени думал, что это было аутентичное сообщение. С тех пор как я вернулся (в США после войны. – *Н.Я.*), я заключил: дело обстояло совершенно по-иному, но никто так и не объяснил мне. Ведь если бы сообщение было аутентичным, я убежден, мне бы представили копию его.

Митчелл. Если бы в нем имели в виду войну с США, тогда в таком сообщении шла бы фраза "Восточный ветер, дождь".

Адмирал Тернер. Да, сэр.

Митчелл. Вы видели ее когда-нибудь?

Адмирал Тернер. Нет, сэр.

Митчелл. Войну с Россией означала фраза "Северный ветер, облачно".

Адмирал Тернер. Может быть, там значилось "облачно" вместо "ясно", но ведь указывалось "северный ветер", что смехотворно.

Митчелл. Может быть, это освежит вашу память. В докладе станции прослушивания Федеральной комиссии связи указано: эта станция перехватила сводку погоды радио Токио, переданную примерно в 22 часа по Гринвичу 4 декабря. Работник станции, владеющий японским языком, доложил, что он слышал сле-

дующее: "Сегодня в Токио северный ветер, довольно сильный, может стать облачно, завтра облачно и прекрасная погода".

Теперь обратите внимание, что это сообщение по смыслу близко подходит к фразе "Северный ветер, облачно", что означает войну с Россией, но этот работник услышал не совсем это. Таково и было сообщение?

Адмирал Тернер. Я думаю, это так. Это ближе к тому, что я помню "Северный ветер, ясно". Но послушайте, говорилось-то осторожно.

Митчелл. Может быть, он правильно поступил, сказав: "Северный ветер, может стать облачно", что означает в момент, когда он говорил, было ясно, разве не так?

Вот другое сообщение, перехваченное Федеральной комиссией связи примерно в 21.30 по Гринвичу 7 декабря. Нет, я напутал. Речь идет о перехвате в 21.30 5 декабря : "Сегодня северный ветер, утром облачно, днем ясно". И это не совсем подходит к фразе "Северный ветер, облачно". Не это ли сообщение?

Адмирал Тернер. Быть может, так оно и есть. Не знаю. Он позвонил мне только раз в конце дня 5 декабря между 22 и 23 часами по Гринвичу.

Митчелл. Вы уверены, что было сказано "северный ветер", а не "западный ветер"?

Адмирал Тернер. Я уверен — было сказано "северный ветер", так как сам поставил это под сомнение"[198].

Обсуждение истории с "кодом ветров" заняло еще сотни страниц "слушаний" объединенной комиссии конгресса, но не прояснило больше, чем сказал адмирал Тернер. Сказал в здравом уме и твердой памяти, ибо, когда адмирал давал показания в комиссии, "он жил гостем в доме своего бывшего адъютанта капитана У. Мотта, прилагавшего отчаянные усилия, чтобы Тернер успевал протрезветь к слушаниям"[199]. Так что адмирал Тернер в 1945 году был авторитетным свидетелем происходившего в 1941 году в высшей военно-морской иерархии США.

Действия правительства Соединенных Штатов в эти критические дни говорят сами за себя и не оставляют ни малейших сомнений в том, что соответствующая телеграмма была перехвачена, хотя Тернер и другие, по-видимому, ошибочно прочли "война против СССР" вместо "война против США". Предположение не является слишком смелым. В пользу его можно привести свидетельство человека, который никак не заинтересован в том, чтобы поставить к позорному столбу собственное правительство, главного историографа американского флота профессора С. Морисона. Этот очень крупный американский ис-

торнк описал операции ВМС США в минувшую войну. Его труды в Соединенных Штатах — самый авторнтетный нсточник по проблеме.

В одной нз свонх книг, вышедшей в 1963 году, профессор Морнсон заметил: "Положение офицеров разведки армии н флота в Вашингтоне напоминало положение женщины, пытавшейся посоветоваться по телефону с доктором о здоровье своего больного ребенка, в то время как соседи выкрикивают ей прямо в уши противоположные советы, собаки лают, дети плачут, а мимо дома с грохотом проходят грузовикн. Личные качества людей также игралн роль. Внце-адмирал Тернер, руководивший оперативным управлением штаба флота, держался предвзятых мнений, н с ним было трудно работать. Он запретил всем офнцерам, владевшим японскнм языком, заниматься дешифровкой н переводом н даже начальнику разведкн флота делать выводы нз перехваченных документов, настаивая на том, что только он лично будет делать зто. А сам Тернер до конца ноября непоколебимо считал, что Япония нападет на Россию, а не на владения Англии н США"[200].

Уместная н компетентная характернстика Морисоном Тернера дает недостающее звено. Ясно, что он не мог предупредить правнтельство о навнсшей опасности, которое само, впрочем, недалеко ушло от начальника оперативного управления штаба флота. Только поэтому американские вооруженные силы не были подняты по тревоге. Телеграмма с "кодом ветров" рассеяла последние сомнения, еслн онн вообще былн: в Вашингтоне сочлн, что США в безопасностн.

"Мы должны пожертвовать нашими дипломатами"

Последние дни угасающего мира в Токио. Некоторые японскне политики, хотя уже не занимавшие ответственных постов, сделали посильную, а следовательно, слабую попытку предотвратить войну. Среди них наиболее активным оказался бывший японский посол в Лондоне Сигзру Иосида. Он ухитрился получить полный текст американской ноты от 26 ноября н отметил слова, которые открывали документ: "Строго секретный, предварнтельный и без обязательств". Никто в японском правительстве не обратил на них внимания. Иосида же заключил: нота не ультиматум, а имеет в виду продолженне переговоров.

Сделав зто открытие, он бросился 29 ноября к Того. "Каковы бы ни были нстинные намерения, кроющиеся за документом, — горячо внушал Иосида миннстру, — нам никонм образом не предъявлен ультиматум.., н еслн вы не можете предотвратить

объявление войны Японией Соединенным Штатам — подайте в отставку. Это прервет работу кабинета и заставит задуматься даже армию. Если же в результате вы будете убиты, то вас постигнет счастливый конец". Того не обратил внимания на тонкий анализ документа, а рекомендованный Иосида образ действий, по-видимому, не устраивал министра. Он не торопился надеть мученический венец.

Чиновники МИД Японии были заняты совершенно иным: они делали официальный перевод на японский язык ноты от 26 ноября в усиленном варианте, то есть придавали ее и без того резкому содержанию определенно угрожающий характер. Тем временем Иосида встретился с Грю, последний заверил его, что нота никоим образом не ультиматум*, а "просто указывает основу, на которой можно вести дальнейшие переговоры между Японией и США"[201]. Посол вызвался объяснить это лично Того. Однако министр отклонил настойчивые предложения Грю встретиться с ним. На то были веские причины — время слов прошло.

На заседании Координационного комитета 29 ноября Того осторожно осведомился у адмирала Нагано:

— Скажите, на какой день намечено выступление. Иначе я не смогу вести дипломатические дела.

— Ладно, я отвечу вам, — сказал Нагано, — и, понизив голос, сообщил: — 8 декабря (7 декабря по вашингтонскому времени. — *Н.Я.*). Еще есть время, и вы бы занялись такой дипломатией, которая поможет выиграть войну.

— Но мы не можем продолжать держать наших дипломатов в неведении, — заметил Того.

Кто-то из присутствующих (в протоколе заседания не указано) немедленно произнес:

---

* Это еще раз подтверждает, что документ от 26 ноября был предназначен для того, чтобы Япония сделала выбор между северным и южным направлениями агрессии. Р. Бутоу писал: "Японские лидеры (включая министра иностранных дел Того), по-видимому, считали, что все американские ссылки на "Китай" автоматически включали Маньчжурию. Этот вопрос был вкратце обсужден в Вашингтоне 16 апреля 1941 г. Тогда Номура заметил, что защита Хэллом принципа, требующего не нарушать статус-кво иначе, как мирными методами, будет означать вмешательство в маньчжурский вопрос. На это Хэлл ответил: "Проблема непризнания Маньчжурии будет обсуждена и разрешена в ходе переговоров. Поэтому пункт о статус-кво не затронет "Маньчжоу-Го" и будет применяться в дальнейшем со времени подписания общего соглашения". Следовательно, японские утверждения о том, что нота Хэлла была еще более неприемлема ввиду ее требований разрыва связи Японии с Маньчжоу-Го, не следует серьезно принимать в расчет". Стремясь доказать миролюбие США, Р. Бутоу доказал другое: Вашингтон никогда не хотел лишать Японию ее маньчжурского плацдарма агрессии.

– Мы должны пожертвовать нашими дипломатами. Нам нужно вести дипломатию так, чтобы США до самого последнего момента продолжали думать о них, мы же будем ставить перед ними все новые вопросы, держа в тайне наши подлинные планы[202].

1 декабря Координационный комитет принял окончательное решение о войне против США, Англии и Голландии. Докладчик Тодзио подчеркнул: "Теперь ясно, что японские требования не могут быть удовлетворены путем переговоров". Днем начала войны было подтверждено 8 декабря по токийскому времени (7 декабря по гавайскому времени). Военные заверили комитет, что в отношении Советского Союза будет проявляться "величайшая бдительность"[203].

Хотя правительство приняло решение, ставившее на карту судьбы страны, за исключением военных, никто из его членов не знал об оперативных планах командования. В особой тайне сохранялась "операция Z" – налет на Пёрл-Харбор.

Но как быть с международным правом? Командование вооруженных сил предложило министру иностранных дел Того вручить ноту с фактическим объявлением войны 7 декабря в 12.30 по вашингтонскому времени. По расчетам штабов, бомбы начнут падать на Пёрл-Харбор ровно через час после этого. Следовательно, Япония открывала боевые действия, предупредив о них. Но потом адмирал Нагано и генерал Сугияма спохватились: а не много ли давать американцам час? 5 декабря их представители явились к Того и предложили изменить время вручения на 13.00. Министр все же полюбопытствовал, сколько времени пройдет между передачей ноты и первыми выстрелами. Посланцы военных очень сухо ответили, что это "военная тайна". Того не стал настаивать, тем более что они заверили его: речь шла лишь об исправлении некой "ошибки" в подсчетах.

Была и еще одна забота – окончательно договориться с европейскими державами "оси". 28 ноября германское посольство в Вашингтоне информировало Берлин о том, что Хэлл вручил японцам практически ультиматум, "результатом которого будет немедленный разрыв переговоров". Гитлер поручил Риббентропу передать Осима: американо-японские переговоры рухнули. Если Япония решилась воевать с США и Англией, пусть не колеблется, это в лучших интересах "оси". Пораженный Осима осведомился, должен ли он заключить, что Германия и США скоро окажутся в войне. "Рузвельт – фанатик, – напыжился Риббентроп, – совершенно нельзя предугадать, что он сделает". Рейхсминистр заверил, что Германия выступит на стороне Японии против США.

1 декабря Осима сообщил обо всем в Токио, и в тот же день в Берлин пошел ему ответ Того. Министр поручал послу: "Сообщите самым доверительным образом (Гитлеру и Риббентропу. — *Н.Я.*), что существует величайшая опасность внезапного возникновения войны между англосаксонскими державами и Японией. . . Заявите им, что наше движение на юг отнюдь не означает ослабления давления на СССР, и если Россия войдет в более тесные отношения с Англией и США и окажет нам вооруженное сопротивление, мы готовы обрушить на нее всю нашу мощь. Однако в данный момент нам выгоднее сделать акцент на юге".

Незримые японским дипломатам читатели — американские разведчики — приняли к сведению этот обмен сообщениями между Берлином и Токио. Макколлум в большом разочаровании откомментировал: "Японцы извиняются перед немцами за то, что не бросились на Россию". Педантичный Крамер отметил другое: японцы впервые "открылись перед немцами и сообщили своим союзникам о ходе переговоров"[204]. 2 декабря японское правительство попросило у Германии и Италии формальных обязательств в том, что они будут воевать совместно с Японией против Соединенных Штатов и не заключат сепаратного мира. Муссолини ничему не удивлялся. Он дал заверения, указав, что японо-американская война неизбежна "ввиду крайнего тупоголовия Соединенных Штатов и склочной натуры президента Рузвельта"[205]. В 4 часа утра 5 декабря Риббентроп передал Осима больше, чем просил Токио, — текст германо-итальяно-японского договора о совместном ведении войны и незаключении сепаратного мира[206].

Американская и английская разведки тем временем доложили о том, что конвои с японскими войсками, эскортируемые военными кораблями, движутся на юг. Одновременно усилилась концентрация японских войск в Индокитае. Вашингтон был несколько озадачен. Хэлл осведомился у Номура и Курусу, что это значит. Ответ, который они дали по поручению Токио, был явно лживым. Об этой беседе А. Берли записал в дневнике: Хэлл "хорошенько облаял (японских послов) и пробрал их за то, что Япония делает, особенно в свете заявления Тодзио". Вернувшись из государственного департамента, Курусу по телефону (используя условный код) заклинал Токио: "Помогите нам! Премьеру и министру иностранных дел следует изменить тон своих речей! Понимаете? Будьте более сдержанны!"[207].

Острый обмен мнениями по официальным каналам совершенно не затрагивал уже сложившегося в Вашингтоне стереотипного взгляда на действия Японии. Любая попытка сломать его была обречена на провал, как узнал на собственном опыте полковник

О. Садтлер. Он, ведавший секретной связью в штабе армии, по должности знакомился с перехватами японской шифрпереписки и с тревогой следил за нарастающим напряжением в отношениях с Токио, неоднократно обсуждал это с руководством Дж-2. Услышав от Нойса, что получено сообщение по "коду ветров", Садтлер решил проявить инициативу. Он сочинил предупреждение: "Надежные источники сообщают — война с Японией разразится очень скоро. Примите все меры, чтобы предотвратить повторение Порт-Артура. Информируйте флот. Маршалл"[208].

Полковник отправился по канцеляриям руководства, домогаясь подписи предупреждения Дж. Маршаллом. Он предполагал направить его по отдаленным гарнизонам, включая Пёрл-Харбор. Садтлера практически высмеяли. В тот самый день, когда он обивал пороги приемных высоких чинов, — 5 декабря — Дж-2 ориентировал правительство и государственный департамент: Япония "имеет перед собой множество стратегических целей, однако по ряду причин она не может с надеждой на успех сосредоточить для достижения их достаточное количество сил. Исключение в этом отношении составляет возможность серьезного ослабления русских сил в Восточной Сибири". И далее эти цели перечислялись следующим образом: "А. Напасть на Сибирь. В. Напасть на провинцию Юньнань, перерезать Бирманскую дорогу, чтобы быстро покончить с войной в Китае. С. Оккупировать Таиланд. D. Через Таиланд напасть: 1) на Бирму и Бирманскую дорогу; 2) на Малайю. Е. Напасть на Филиппины и Гонконг, готовясь к наступлению на Сингапур или Голландскую Индию..."[209].

Имея на руках данные о подозрительных и широких передвижениях японских войск и приведенную оценку ближайших целей Токио, Белый дом больше не медлит. Старая идея — личное обращение президента к императору — претворяется в жизнь. Решено на самом высшем уровне предостеречь Японию. То, что в служебных документах разведки излагалось сухим, скучнейшим языком, приличествующим творчеству канцеляристов, под пером политических литераторов приобрело волнующий характер. Одновременно их содержание было решительным образом извращено. Президент ни словом не обмолвился о том, что фигурировало на первом месте среди возможных объектов японской агрессии, — "напасть на Сибирь", а говорил только о губительных последствиях японского продвижения на юг[210].

Послание передано открытым текстом Дж. Грю в Токио в 9 часов вечера 6 декабря. Послание, задержанное доставкой в Токио, передали послу уже после начала войны.

В течение дня 6 декабря с 12 до 21 часа американские криптоаналитики были заняты дешифровкой перехваченного пространного документа — ответа японского правительства на ультиматум Хэлла от 26 ноября. Документ передавался четырнадцатью частями. Номура и Курусу были предупреждены, что о времени вручения ответа они будут уведомлены отдельной телеграммой, и особо — не доверять оформление документа в интересах соблюдения тайны машинисткам. Хотя в тексте меморандума не было ничего нового — подробно излагался ход американо-японских переговоров в 1941 году, — его тон говорил о том, что Япония намеревается порвать отношения с Соединенными Штатами. В 21.30 Крамер доставил в Белый дом и передал помощнику военно-морского адъютанта президента капитану III ранга Л. Шульцу текст расшифрованных и переведенных 13 пунктов японского ответа. Шульц, взял папку и, получив разрешение, явился в кабинет президента. Там находились Ф. Рузвельт и Г. Гопкинс.

Президент углубился в чтение документов, а затем передал их Гопкинсу. Последний также прочитал. Рузвельт проронил: "Это война". Гопкинс согласился. В присутствии Шульца Рузвельт обсудил с Гопкинсом известную дислокацию японских сил. Гопкинс сказал, что дело явно идет к войне. Очень плохо, что Соединенные Штаты не могут упредить противника, первыми нанести удар и лишить японцев преимуществ внезапности. Президент кивнул и заметил: "Нет, мы не можем этого сделать. Мы демократический и миролюбивый народ". Он, вероятно, сообразив, что говорит в присутствии Шульца, возвысил голос и добавил: "И у нас хорошая репутация". Единственное, что сделал президент вечером 6 декабря в связи с этими событиями, была попытка связаться с Г. Старком по телефону. Рузвельту ответили, что адмирал находится в Национальном театре на спектакле "Принц-студент". Рузвельт не захотел вызывать его из театра, так как это, несомненно, было бы замечено публикой и вызвало бы ненужные толки[211].

По возвращении Старка из театра ему доложили, что звонил Рузвельт. Когда после войны адмирала спрашивали, о чем он говорил с президентом поздно вечером 6 декабря, он заявил, что вообще не помнит, был ли какой-нибудь разговор. Что касается Дж. Маршалла, то секретарь штаба армии полковник Б. Смит, выставивший накануне полковника О. Садтлера, не счел нужным 6 декабря передавать документ Маршаллу, который начисто забыл, что он делал вечером того дня. Ноксу было

послано 13 частей японского ответа. О его реакции, равно как Хэлла и Стимсона, которые не могли не быть извещены, ничего не известно.

Около 7 часов утра в воскресенье, 7 декабря, в японское посольство поступила шифровка, оказавшаяся заключительной частью меморандума, переданного накануне. Она была, как обычно, перехвачена, дешифрована и приготовлена к рассылке — последняя, четырнадцатая часть японского меморандума. Она гласила: "Очевидно, намерение американского правительства состоит в том, чтобы тайно сговориться с Великобританией и другими странами и помешать усилиям Японии установить мир путем создания нового порядка в Восточной Азии, а также в том, чтобы сохранить англо-американские права и интересы, вытекающие из состояния войны между Японией и Китаем. Такое намерение явно обнаружилось в ходе настоящих переговоров. Таким образом, искренняя надежда японского правительства урегулировать японо-американские отношения и сохранить и укрепить мир в зоне Тихого океана путем сотрудничества с американским правительством была окончательно потеряна. Японское правительство сожалеет, но не может не уведомить американское правительство, что ввиду указанной позиции американского правительства достижение соглашения путем дальнейших переговоров японское правительство считает невозможным".

Номура и Курусу предписывалось вручить ответ Хэллу в 13.00 по вашингтонскому времени (7.30 по гавайскому времени)[212]. Намерения Японии были совершенно очевидны, а указание часа передачи меморандума имело особенно зловещий смысл.

В 9 часов утра документ был доставлен в кабинет Старка. Прочитав его, адмирал воскликнул: "Боже мой! Это означает войну. Я должен немедленно предупредить Киммеля". Однако Старк не сделал этого, а попытался найти Маршалла. Генерал совершал обычную утреннюю верховую прогулку в окрестностях Вашингтона. Вице-адмирал Уилкинсон все же посоветовал позвонить по прямому телефону с кодирующим устройством Киммелю. Присутствовавший капитан А. Макколлум застыл в удивлении — Старк, помешанный на соблюдении военной тайны, положил руку на трубку телефона! Но "Бетти" в его характере взяла верх. "Нет, — нерешительно произнес он, — я лучше позвоню президенту". Телефонный узел Белого дома ответил: "Президент занят". С видимым облегчением Старк положил трубку и объявил: он дождется возвращения Маршалла.

В 10 часов утра военно-морской адъютант президента Берделл принес Рузвельту 14-ю часть японского ответа. Президент

еще не встал и просмотрел ее в постели. Он заметил: "Похоже на то, что японцы собнраются разорвать отношения", — н отпустил адъютанта. Вошел личный врач президента адмирал Р. Макинтайр, занявшийся осмотром пациента, на что потребовалось два часа. В течение нх было запрещено беспоконть президента н по телефону, в чем убедился Старк.

В 10.30 в кабинете государственного секретаря собралнсь Хэлл, Стимсон н Нокс. Они занялнсь рутинным делом — обсуждением проекта послания президента конгрессу. Совещание прервал Крамер, который прнмерно в 10.45, взмыленный, бегом, принес расшифрованное указание Токио Номура н Курусу вручить ноту в 13.00. Хэлл высказал твердое убеждение в том, что "Япония готовит какой-то дьявольский ход". Все трое принялись гадать, где будет нанесен удар. На всякий случай решили подготовнть ультиматум Японии. Хэлл продиктовал стенографнстке текст: "Учитывая жизненио важные интересы США, Великобрнтании и Голландской Индии, любое выдвнжение японских экспедиционных сил в воды вблизн Филиппин или в Южно-Китайское море южнее 10° северной широты будет по необходимости рассматриваться указанными правнтельствами как враждебный акт". Свершив государственное дело, трое министров в 12.00 прервали труды. Отправились на ленч.

В 11.25 Маршалл, окончив верховую прогулку и приняв душ, появился наконец на службе. Неторопливо прочитал документ. Посвященные в "чудо" помощникн гарцевали от нетерпения перед столом Маршалла, напрасно пытаясь привлечь его внимание к тому, что ноту надлежало вручить в 13.00. Затем Маршалл переговорил по телефону со Старком. Они решили, по отдаленным гарнизонам, включая Гавайские острова, нужно направнть предупреждение — в штабы армии. Специального предупреждения флоту не посылать. Маршалл написал телеграмму: "Сегодня в 13.00 по восточному поясному времени Япония намерена сделать представление, равносильное ультиматуму. Японские послы нмеют указание о немедленном уничтожении свонх шифровальных машин. Что нменно может быть предпринято в назначеный час, нам неизвестно, однако будьте в соответствующей готовности. С настоящей телеграммой ознакомьте военно-морское командование"[213].

Генерал Маршалл имел богатый выбор возможностей для скорейшей передачи предупреждения. На его столе стоял телефон с кодирующим устройством, обеспечивавший прямую связь со штабом Шорта. ФБР располагало собственной телефонной линией с Гавайскими островами. Старк предложил нспользовать радиостанцию военно-морского флота, более мощную, чем

радиостанция армии. Маршалл избрал путь, который оказался самым медленным, — в 11.52 телеграмма была передана на радиостанцию армии. Там потеряли драгоценное время, разбирая почерк генерала, — Маршалл отнюдь не был мастером каллиграфии. С трудом разобрали текст и зашифровали его.

С Гавайскими островами связаться через армейскую радиостанцию не удалось — как на зло, мешали атмосферные помехи, и телеграмму направили через обычные коммерческие каналы связи — компанию "Вестерн юнион". На шифрограмме отправитель — штаб армии — не проставил грифа "срочно". По получении на станции компании в Гонолулу (через 3 минуты после 13.00 по вашингтонскому времени) ее положили в ящик почты для форта Шафтер. Юноше-посыльному еще предстояло на мотоцикле привезти шифровку в штаб генерала Шорта.

Она была исправно передана и вручена адресату. Через несколько часов после окончания налета на Пёрл-Харбор*.

С отправкой предупреждения на Гавайские острова государственные и военные деятели в Вашингтоне сочли свою миссию оконченной, за исключением Хэлла, знавшего, что ему придется получить от Номура и Курусу пространный документ, текст которого он уже изучил. Офицеры разведки еще посудачили, пытаясь решить, что именно собирается предпринять Япония в 13.00. Они подсчитали поясное время и высказали предположение, что в этот час — на рассвете или до него — в Тонкинском заливе или у Филиппин может что-нибудь произойти. О Гавайях никто не думал — там будет 7.30 утра.

Рузвельт и Гопкинс заперлись на втором этаже Белого дома в Овальном кабинете. Президент в рубашке с короткими рукавами, без галстука разбирал свою коллекцию марок. Гопкинс, как всегда небрежно одетый, валялся на диване, играя с любимой собакой президента Фалой. Все телефоны выклю-

---

* После войны Дж. Маршалл объяснил объединенной комиссии конгресса по расследованию обстоятельств нападения на Пёрл-Харбор: он не воспользовался телефоном, так как опасался, что разговор могут подслушать японцы, "что поставит в затруднительное положение государственный департамент". Тогда Маршаллу напомнили о приказе военного министерства направить два американских самолета для фоторазведки над японскими островами, включая остров Трук. До 7 декабря полет не состоялся, так как из США на Гавайские острова еще не успел прилететь второй самолет Б-24 с необходимым оборудованием. Во время готовившегося полета летчики должны были применить оружие, если бы японские истребители попытались чинить им препятствия. В связи с этим сенатор Фергюсон спросил Маршалла: "Как же использование телефона можно считать открытым актом по сравнению с этим полетом?" "Это вопрос суждений", — ответил генерал.

чены, и узлу связи отдан строжайший приказ — не тревожить воскресного отдыха президента. Сели обедать, болтая о пустяках. Вскоре после часа дня раздался телефонный звонок. Недовольный президент — он как раз завершал обед — взял трубку. Звонил Нокс.

Морской министр неуверенно начал: "Господин президент, похоже на то, что японцы напали на Пёрл-Харбор. . ." "Не может быть!" — в смятении воскликнул президент. Но это было горькой правдой. Через несколько минут в Вашингтоне все, кому ведать надлежит, знали о том, что произошло. Теперь генерал Маршалл счел возможным связаться по телефону со штабом Шорта. Во время разговора он отчетливо слышал в телефонной трубке грохот разрывов японских бомб.

Рузвельт позвонил Хэллу и сообщил, что произошло. На мгновение государственный секретарь потерял дар речи. Президент посоветовал не подавать и виду, что он знает о налете на Пёрл-Харбор. Встретить послов формально, холодно и выставить из кабинета.

Пёрл-Харбор: стратегический успех или провал?

На Токийском процессе главных японских военных преступников в 1946—1948 годах американское обвинение разоблачило адские планы японских милитаристов, придав особое значение тому, что уведомление, которое можно рассматривать как объявление войны, было вручено Хэллу после начала нападения на Пёрл-Харбор. Жизнь много проще, чем представляют ее изощренные умы, иссушенные юриспруденцией.

Текст ноты, подлежавшей вручению Хэллу, стал передаваться в японское посольство с утра 6 декабря. Приступив к работе, шифровальщики с удовольствием обнаружили, что МИД не обременяет посольских переводом — перед ними был английский текст. Приятное открытие задало темп, часам к 6 расшифровали 8 из поступивших 13 частей документа. Затем перерыв: шифровальный отдел в полном составе проследовал на прощальный вечер в отель "Мейфлауэр", устроенный Х. Терасаки, главой японского шпионажа в Западном полушарии, в связи с отъездом. В теплой, дружеской атмосфере вино и подогретое саке лилось рекой, однако долг превыше всего — около 10 часов вечера шифровальщики вернулись в отдел и вдохновенно подготовили к полуночи еще пять частей.

Что делать дальше? В первую очередь следовало бы позаботиться об оформлении меморандума, то есть перепечатывать начисто документ по мере расшифровки. Нетрудно было сообразить, что, поскольку Того запретил доверять это дело машинисткам, перепечатка пространного документа (22 страницы) кем-нибудь из дипломатического персонала выльется в мучительную процедуру. Простая мысль никого не осенила. Всю ночь шифровальщики томились в посольстве в ожидании заключительной части документа. Чтобы занять время, они довершили приказанное ранее уничтожение шифровальных машин, а на рассвете разошлись по домам.

Около 7 часов утра 7 декабря дежурный по шифровальному отделу принял пачку телеграмм из Токио. Среди них — 14-ю часть меморандума. Он по телефону вызвал своих коллег, которые часам к 10 утра уселись за работу. Они начали с более длинных, зная по опыту, что эти важнее. В 11.30 шифровальщик Юти Иосида с ужасом прочитал расшифрованное короткое сообщение — вручить ноту Хэллу в 13.00. Немедленно к Номура! Посол тут же связался с госдепартаментом и договорился о встрече в указанный час, затем — бегом в шифровальный отдел. Там первый секретарь Окутеура по своей воле с раннего утра прилежно перепечатывал начисто ноту. Однако похвальное трудолюбие единственного старшего дипломата в посольстве, считавшегося овладевшим машинкой, не могло изменить простого факта: он печатал двумя пальцами.

Лишь к полудню Окумура завершил мучительный процесс, справившись с 13 частями. Шифровальщики никак не могли дать заключительную часть, и у Окумура нашлось время критически осмотреть дело своих пальцев. Он заявил, что непристойно вручать столь плохо изготовленный документ, и засел за машинку переписывать самые грязные страницы. Тут подоспели две телеграммы из Токио с незначительными поправками к тексту, шифровальщики принесли 14-ю часть, а Номура беспрестанно просовывал голову в дверь, осведомляясь, как идут дела. Конечный итог оказался плачевным — лишь в 13.50 Окумура передал дрожавшему от нетерпения послу готовый текст.

Номура и Курусу лавиной скатились по лестнице посольства, прыгнули в машину и через 14 минут стояли у дверей кабинета Хэлла. Государственный секретарь задним числом негодовал на безответственность японских дипломатов. Он разгневанно писал в мемуарах: "Последняя встреча Номура со мной была организована таким же глупейшим образом, каким он вел переговоры с самого начала. Намерение его правительства, приказавшего провести встречу в час дня, заключалось в том, чтобы

вручить ноту за несколько минут до удара по Пёрл-Харбору. Посольство Номура испортило все это, задержав расшифровку. Тем не менее, поскольку Номура понимал необходимость явиться в указанный час, ему бы следовало встретиться со мной точно в час дня, хотя бы у него на руках были тогда лишь первые строки ноты, дав указание посольству подвозить оставшийся текст по мере готовности"[214].

Хэлл отлично знал, о чем собирались говорить с ним послы. Он продержал их в приемной четверть часа, затем двери кабинета распахнулись. Номура и Курусу наконец смогли выполнить миссию, возложенную на них императорским правительством. О встрече Хэлла с послами госдепартамент передал в печать официальное заявление:

«В час дня японский посол обратился с просьбой, чтобы государственный секретарь принял японских представителей. Встреча была назначена на 1.45 дня. Японские представители прибыли на прием к государственному секретарю в 2.05 дня. Государственный секретарь принял их в 2.20 дня. Японский посол вручил государственному секретарю документ, который рассматривается как ответ на документ, переданный ему государственным секретарем 26 ноября. Государственный секретарь Хэлл внимательно прочитал заявление, врученное ему японскими представителями, затем повернулся к японскому послу и с величайшим негодованием сказал: "Я должен заявить, что во время всех моих переговоров с вами на протяжении последних девяти месяцев я не сказал ни одного слова неправды. Это абсолютно ясно из документов. За все мои пятьдесят лет государственной службы я никогда не видел документа, преисполненного такой гнусной ложью и извращениями –гнусной ложью и извращениями в таких размерах, что до сегодняшнего дня я никогда бы не поверил, чтобы хоть одно правительство на нашей планете было способно на это"»[215].

Хэлл величественно кивнул головой в сторону двери. Послы, молча откланявшись, покинули кабинет в крайнем замешательстве: они еще не знали о Пёрл-Харборе. Чиновник, закрывавший дверь в кабинет, слышал, как благороднейший государственный секретарь бормотал: "Мерзавцы, мерзавцы", а дальше непечатная брань[216].

Легко понять чувства Хэлла. Правительство Соединенных Штатов, затеяв сложную дипломатическую игру, подверглось той участи, которую готовило другим. Руководителям американской внешней политики оставалось винить только самих себя, а ничто не вызывает такого гнева, как осознание собственного промаха.

*
* *

Сильнейшие эмоции вызывает по сей день у политиков, стратегов и историков несравненно более значительный промах — отказ адмирала Нагумо 7 декабря 1941 г. продолжить боевые действия у Гавайских островов. В этом пункте сходятся адмиралы, воевавшие друг против друга в ту войну. Победитель Ямамото через год, когда японский флот был уже обожжен войной, заметил в доверительной беседе с другим японским адмиралом: "События показали, что отказ от нанесения второго удара по Пёрл-Харбору был грубейшей ошибкой"[217]. Побежденный Киммель доложил объединенной комиссии конгресса в 1946 году: "Если бы они [японцы] уничтожили тогда запасы нефти, хранившиеся в наземных хранилищах.., это бы заставило наш флот отойти к [Тихоокеанскому] побережью США, ибо [на Гавайях] не было нефти для обеспечения операций флота"[218].

Но вот что писал безусловно наделенный даром литератора М. Футида в 1951 году: "Говоря о причинах отхода Нагумо, следует остановиться на гораздо менее логичных рассуждениях, которым часто предаются после войны. Для многих казалось непонятным, почему японцы сразу не захватили Гавайские острова и ограничились ударом по Пёрл-Харбору. Подобные рассуждения возникли благодаря крупному успеху, которым неожиданно закончилось наше нападение. Когда принималось решение о проведении операции, мы вовсе не были уверены в успехе. В то время мы чувствовали себя так, как если бы нам предстояло выдергивать перья из хвоста орла, и, естественно, захват Гавайских островов не входил в наши планы"[219].

Удар по Пёрл-Харбору, являвшийся вспомогательной операцией, создал условия для успешного выполнения основного плана войны — продвижения и захватов на юге. Впрочем, и этот тезис оспаривается, по крайней мере американскими экспертами. Господствующую в военно-исторической науке США точку зрения на Пёрл-Харбор профессор С. Морисон сформулировал давным-давно четко. В журнальной статье в 1961 году, в канун 20-летней годовщины Пёрл-Харбора, он воскликнул: "Внезапное нападение на Пёрл-Харбор не было не только "стратегической необходимостью" (о чем японцы толковали даже после войны), а стратегическим слабоумием. Во всей истории войн нет другой операции, которая оказалась бы столь фатальной для агрессора. Тактически — при ударе по Пёрл-Харбору ошибочно сосредоточились на кораблях, а не на портовых сооружениях

и нефтехранилищах. Стратегически – этот удар был полнейшим идиотизмом. На высшем политическом уровне – катастрофой"[220].

Для профессионального историка поразительные издержки стиля. В серьезной монографии спустя два года он был более сдержан, но суть аргументации не изменилась: "Решение (на эту операцию. – *Н.Я.*) для человека с таким интеллектом, как Ямамото, представляется странным, ибо оно отражало не только неверную, а просто катастрофическую стратегию... Учитывая слабость флота в Пёрл-Харборе (о чем он отлично знал) и длительный период времени, который потребовался бы для подхода его в филиппинские воды, совершенно непонятно, почему Ямамото считал необходимым уничтожить флот в самом начале войны. По всей вероятности, он считал, что Япония не может допустить "существования флота" (одна из концепций Мэхана) на своем фланге, даже если этот флот находился на расстоянии тысяч миль"[221].

Зная, что Морисон в свое время был крупнейшим американским историком флота, японские адмиралы вступились за своих павших флотоводцев и стратегию императорского флота. Адмирал С. Такаги, которому, видимо, все было ясно, лаконично написал: "Критика Пёрл-Харбора Морисоном, который был вынужден извратить историю войны в интересах американского флота, всегда будет вызывать смех в будущем". Адмирал С. Фукудомэ, однако, счел нужным подробно разобрать и опровергнуть доводы критиканов: "Если припомнить, что успех воздушного налета по Пёрл-Харбору свел на нет план американского флота "Рейнбоу-5" и ему потребовалось два года для восстановления сил, а тем временем мы смогли без перерывов овладеть Южной Зоной Ресурсов, мы, изучающие стратегию, не можем согласиться с критикой д-ра Морисона японской тактики. Если бы японский флот не провел атаку против Гавайев и, следовательно, столкнулся бы с американским флотом, продвигавшимся по плану "Рейнбоу-5" к Маршалловым островам и западным Каролинским островам, японский флот не смог бы нанести флоту противника большего ущерба, чем добился в Пёрл-Харборе"[222].

Вот так и идет эта дискуссия, оживившаяся в 40-ю годовщину Пёрл-Харбора. Профессор Г. Прандж дал самое взвешенное по американской мерке и самое авторитетное в западной историографии суждение на сегодняшний день: "Не воспользовавшись шоком, замешательством и смятением на Оаху, не использовав полностью преимущества свирепого нападения на корабли Киммеля, не превратив в пыль базу Пёрл-Хар-

бор, не уничтожив громадные запасы топлива на Оаху, не разыскав и не пустив на дно американские авианосцы, Япония совершила первую и, вероятно, самую большую стратегическую ошибку во всей войне на Тихом океане".

В подтверждение своих выводов Прандж привел немаловажные мнения выдающихся участников и влиятельных очевидцев тогдашних драматических событий. Среди них первым по достоинству (и кто дерзнет оспорить разумный выбор?) он поставил М. Гэнда, который заявил: "Гавайи были ключом к последующим операциям на Тихом океане. Хозяин Пёрл-Харбора крепко держит в своих руках центральную часть Тихого океана. Пока Япония не овладела и не укрепилась в Пёрл-Харборе, она не могла нанести поражения американскому флоту"[223].

Гэнда стоял на этом до, во время и после Пёрл-Харбора. Не изменял точки зрения всю жизнь. "Если бы меня послушали, – заявил он в одном из послевоенных интервью американским журналистам, – мы бы вторглись на Гавайи. После удара по Пёрл-Харбору и другим объектам на Оаху мы без большого труда овладели бы Гонолулу. Тем самым мы лишили бы американский флот самой лучшей островной базы на Тихом океане. В результате мы перерезали бы жизненную артерию Австралии и этот континент упал бы в наши руки, как перезревшая слива".

Так почему, почему не поплыли в декабре 1941 года к Гавайям под прикрытием 1-го воздушного флота транспорты с войсками?

"Мы не захватили Гавайские острова, ибо у нас не было ни одного солдата для их оккупации. Армия берегла своих солдат для войны против России"[224], – заключил свои сетования Гэнда.

Как гитлеровская Германия по дороге к войне прошлась по всей континентальной Европе, так и Япония попыталась предварить войну против СССР, поход на север серией кампаний на востоке, юге и западе. Подготовка к смертельной схватке с Советским Союзом определила лицо всей войны на Тихом океане и Дальнем Востоке, обрекла стратегию японских вооруженных сил на катастрофический провал. Таков вердикт истории по поводу Пёрл-Харбора.

КАК ЭТО ОБЪЯСНЯЮТ В США

Нападение на Пёрл-Харбор глубоко потрясло США. Американский флот на Тихом океане был разгромлен. Вечерние выпуски газет намекали, что США потерпели серьезное поражение.

По несчастному совпадению утром 7 декабря на первых страницах газет был помещен ежегодный отчет морского министра Ф. Нокса. "Я горд сообщить, – писал министр, – что американский народ может испытывать полную уверенность в своем флоте. По моему мнению, преданность, моральное состояние и выучка личного состава не имеют себе равных. С любой точки зрения, флот Соединенных Штатов – сильнейший в мире. Международная обстановка такова, что мы должны вооружаться с возможной быстротой, чтобы обеспечить выполнение наших оборонительных задач против любой коалиции противников одновременно на обоих океанах. Наша цель должна всегда заключаться в том, чтобы иметь достаточные силы, что даст нам полную свободу действий на одном океане, в то время как на другом океане останутся силы, обеспечивающие эффективную оборону"[1].

Звучало так волнующе, и в тот же день американские корабли пошли на дно не в битве с развевающимися флагами, а запертые в тесной мышеловке гавани Пёрл-Харбор. Кто виноват?

Выступая по радио 9 декабря, Ф. Рузвельт постарался воздействовать на общественное мнение в нужном направлении. Голос президента звучал с большим подъемом: "Я могу сказать с величайшей уверенностью, что ни один американец сегодня или спустя тысячу лет не будет испытывать ничего, кроме гордости по поводу нашего терпения и наших усилий на протяжении многих лет, направленных на достижение мира на Тихом океане, который был бы достоин и справедлив для всех стран, больших и малых. И ни один честный человек ни сегодня, ни тысячу лет спустя не сможет подавить чувства негодования и ужаса по поводу предательства, совершенного военными диктаторами Японии под прикрытием флага мира, который несли среди нас их специальные представители"[2].

Итак, овцы были отделены от козлищ, виновники заклеймены, иевиновные оправданы — иа тысячу лет.

Что иа Пёрл-Харбор напали япоицы, сомнений ие было. По этой причине в первые трое суток после 7 декабря в США арестовали 1291 человека, подозреваемых в том, что они япоиские агеиты. С врагом внутренним за н на 72 часа разобрались. Сложнее с врагом внешним. Почему иападеиие оказалось виезапным и кто виноват в Соединенных Штатах? Правительству нужно поторопиться известить народ, заключил морской министр Ф. Нокс. Прежде всего — самому побывать иа Гавайях и собственными глазами увидеть, что случилось. Рузвельт поинтересовался: что это даст? "Там, на месте, можно узиать куда больше, чем здесь", — ответил Нокс и добавил, что его "страшит" сама мысль "о неприятном расследовании конгресса". Рузвельт по достоннству оценил аргумент, и уже 9 декабря Нокс вылетел на Гавайи. Г. Стимсон и Дж. Маршалл отправили полковника расследовать катастрофу по линии армии. Ои вылетел 12 декабря нз Феникса, штат Аризоиа, вместе с генералом, которому иадлежало принять дела у геиерала Шорта иа Оаху. Самолет разбился в горах иа западе США, трупы посланцев нашли только в мае 1942 года высоко в сиегах н льду у горы Берг.

Нокс с группой офицеров 11 декабря спокойно долетели до Гавайев. Но на подлете к аэродрому все надели парашюты и спасательные жилеты, стрелкн взялись за пулеметы. Приготовились к самому худшему. Ужасов, кроме разбитых кораблей в Пёрл-Харборе, еще дымившихся обломков "Аризоны" и обгоревших остовов самолетов на аэродроме, не увидели. Разговоры Нокса с Киммелем и Шортом были короткими н суровымн. Интеллектуальный уровень министра и адмирала не ослеплял. Они оба и другие начальствующие лица сошлись на том, что японская "пятая колонна" нанесла громадный вред.

Нокс еще спросил Киммеля: "Разве вы не получили в субботу, предшествующую Пёрл-Харбору, предупреждения о том, что мы тайным образом узиали, — япоиское правительство приказало Номура и Курусу вручить их последнее послание г-ну Хэллу в час дня в воскресенье, 7 декабря?" Министр иапутал, указание послам было дано ие 6, а 7 декабря н нигде не указывалось, что это "последнее послание". Киммелю никогда не сообщали, что в Вашингтоие могли "тайным образом" читать шифрпереписку Токио со своими послами. Киммель и другие изумились и ответилн отрицательио на вопрос Нокса. В порядочном замешательстве он произнес: "Странно. Я зиаю, что такое послание было отправлено Харту (командующему Азиатским флотом

на Филиппинах. – *Н.Я.*), и я думал, что оно было направлено и вам"[3].

К 15 декабря, возвращению в Вашингтон, чувство неловкости, возникшее было у Нокса, исчезло без следа. 15 декабря он совещался с Рузвельтом. Было решено в интересах сохранения военной тайны не раскрывать действительные размеры ущерба. Представителям прессы Нокс сообщил, что во время японского нападения на Пёрл-Харбор был потоплен линкор "Аризона", другой линкор, "Оклахома", перевернулся, но будет восстановлен. Потоплены корабль-мишень "Юта", три эсминца и вспомогательное судно. Повреждено несколько других кораблей. Погибло 2897 моряков и солдат[4].

Обо всем этом Нокс поведал на пресс-конференции в тот же день, особо подчеркнув героизм американских моряков и солдат 7 декабря. Министр пообещал немедленное "расследование".

В конгрессе уже раздавались голоса о настоятельной необходимости расследования беспримерной катастрофы. Эти предложения были крайне опасны для администрации: не говоря уже о духе партийной борьбы, неизбежной в таком случае, правительству было бы трудно поставить под контроль действия сенаторов и конгрессменов. Ф. Рузвельт опередил события: 16 декабря он назначил собственную следственную комиссию в составе пяти человек, возглавляемую заместителем судьи Верховного суда О. Робертсом. Этот юрист давно отстаивал необходимость ведения войны для создания мирового правительства. Остальные члены комиссии были тесно связаны с администрацией. Контр-адмиралы в отставке В. Стендли и Д. Ривс едва ли могли критиковать военную неподготовленность на Гавайских островах. Оба совсем недавно на своих постах несли прямую ответственность за обороноспособность баз флота. Отставной генерал-майор Ф. Маккой, руководитель "Ассоциации внешней политики", был ярым сторонником Ф. Рузвельта. Пятый член комиссии – бригадный генерал действительной службы Дж. Макнерни – являлся ближайшим советником генерала Дж. Маршалла. 17 декабря назвали козлов отпущения – Х. Киммель и У. Шорт были сняты со своих постов.

Свою основную обязанность комиссия усмотрела в оправдании правительства и высшего командования вооруженных сил, одновременно закрепив вину за Киммелем и Шортом. Отсюда и ее стиль работы. Несмотря на то что Робертс знал все тонкости американской юриспруденции, он не позаботился опросить многих важных свидетелей и изучить документы. Больше того, сама процедура опроса, включая Киммеля и Шорта, оказалась беспрецедентной. Робертс то расшаркивался перед ними,

то вел себя как прокурор. Члены комиссии, за исключением Стендли, оставили у них самое неприглядное впечатление. Киммель о Ривсе: "Он предан Рузвельту душой и телом, если у него есть душа". Самый молодой член комиссии 48-летний Макнерни стремительно делал карьеру и посему заслужил от Киммеля: "Лживый сукин сын, у него не больше морали, чем у ползучей змеи". Да, согласился кроткий Шорт, "по-видимому, он сукин сын этой комиссии"[5].

Члены комиссии знали о существовании "чуда", однако не проявили никакого любопытства к этим материалам и не истребовали их. О. Робертс заявил после войны: "Я бы не потрудился прочитать перехваченную японскую документацию, даже если бы она была нам показана... Мне нужно было знать только одно – были ли командующие извещены о критической ситуации"[6]. Доклад комиссии был представлен президенту на просмотр и утвержден им.

24 января 1942 г. доклад был опубликован. В первой части расхваливались политические и военные руководители США. "Государственный секретарь, – говорилось в докладе, – выполнил свои обязанности, подробнейшим образом информируя военное и морское министерства о международной обстановке и в деталях сообщая им о ходе и возможном окончании переговоров с Японией. Военный и морской министры полностью выполнили свои обязанности, часто совещаясь с государственным секретарем и друг с другом, сообщая начальникам штабов армии и флота о переговорах с Японией и об их существенных последствиях". Все факты истолковывались в пользу Вашингтона.

Задержка с отправкой предупреждения Дж. Маршалла 7 декабря, например, объяснялась так: "Оно было лишь дополнительным предупреждением, учитывая переданные раньше предупреждения и приказы. Если бы даже предупреждение пришло в назначенное время, то все равно оно не принесло бы значительной пользы ввиду того, что командиры на месте не приняли мер до предполагавшегося момента получения этого предупреждения, которые дали бы возможность эффективно отразить нападение".

В чаду хлопот по спасению реноме правительства и высшего командования комиссия Робертса попрала самые устои американского судопроизводства – приняла показания без присяги, исходившие от заинтересованных лиц, например Старка и Маршалла!

На основе таких шатких с юридической точки зрения доказательств комиссия заключила, что "главной причиной" япон-

ского успеха в Пёрл-Харборе было "иевыполнеиие своего долга" Киммелем и Шортом, "каждый из них не сумел должным образом понять серьезиость обстановки". В числе дополнительных причин комиссия перечислила: иарушеиие Япоиией иорм международного права, ограничеиия иа ведеиие коитршпиоиажа, существовавшие в США. "За исключеиием незначительных случаев, употреблеиие спиртных иапитков личным составом вечером иакануне дня иападеиия ие сиизило его возможностей".

Выводам комиссии была придана самая широкая гласиость. Президеит поблагодарил О. Робертса "за тщательиое и всестороннее расследование"[7]. Народ Соединенных Штатов теперь зиал имена злоумышленников — Х. Киммеля и У. Шорта, иавлекших на великую страну иеслыханный позор*.

Оба оказались в незавидном положении. Военное н морское миннстерства потребовали от них подать рапорты об отставке. В официальных кругах и печати иеоднократно требовали предать Киммеля и Шорта суду военного трибунала. Добрые граждане со всех коицов страны слали им письма, иной раз высказывая намереиия лично покоичить с преступннками, еслн медлит юстиция. Авторы иекоторых писем взывалн к профессиональиой чести. Некий бывший судья Д. Микс писал Киммелю 11 февраля 1942 г.: "Как американский гражданин, налогоплательщик, выпускник Йельского университета н один из тех, чьн предки сражались во всех войнах, которые вели США, я предлагаю: вместо того чтобы трусливо просить об отставке и стать иждивеицем налогоплательщиков — пеисия 6 тыс. долл. в год — н учитывая то, что в Пёрл-Харборе в результате вашей иебрежности, беззаботностн и бездумности была уничтожена на миллионы долларов собственность налогоплательщиков, вы должны попытаться показать, что вы настоящий мужчина: возьмите пистолет н покончите с вашим земным существованнем, ибо, коиечно, вы ие нужны нн себе, нн американскому народу"[8].

Достойная гражданка Г. Гроус из Оак-Парка, штат Иллинойс, обратилась к президенту Рузвельту: "Я надеюсь, что Киммель н Шорт положат конец своей жизнн еще до того, как вы вынесете решеиие об их наказании. Поступив таким образом, оин

* Члеиов комиссии осыпала милостями администрация. Адмирал В. Стендли вскоре после подписания доклада получил медаль "За отличную службу" и в 1942–1943 годах был послом США в Советском Союзе. Д. Макнерии быстро продвинулся по службе, к коицу войны стал геиералом и командующим оккупационными войсками США в Европе. Ф. Маккой после капитуляции Японии был назначеи председателем Совещательной комиссии по делам Дальнего Востока. Контр-адмирал Д. Ривс получил ранг полного адмирала.

по крайней мере сумеют продемонстрировать то же равнодушие к своей собственной жизни, какое они проявили к жизни прекрасных американских юношей, погибших в результате их небрежности". В дом Киммеля потоком шли письма — как смеют трое сыновей адмирала служить офицерами на флоте. Ведь их отец — "предатель". Младший сын Киммеля Нед, случайно встретивший адмирала Старка, ожидал дружеского приветствия от человека, знавшего его с детства. Ледяной взгляд, короткая фраза и спина адмирала. Все, что запомнил юноша об этой встрече[9].

22 февраля 1942 г. Киммель в письме на имя Старка (разумеется, не в связи с этим случаем!) заметил: "Следует подождать суждения истории, когда все факты можно будет предать гласности. Но я полагаю, что было бы справедливо, если бы морское министерство не делало ничего больше, чтобы еще сильнее разъярить народ против меня". Однако травля продолжалась. 1 марта 1942 г. с большим шумом объявили, что Киммель и Шорт увольняются в отставку, а в дальнейшем, когда позволят "общественные интересы и безопасность", их предадут суду военного трибунала. Это решение означало, что оба должны будут объяснять свои действия или бездействие военным судьям, а до тех пор молчать. Коротко говоря, Киммелю и Шорту заткнули рот.

Тем временем в США свирепствовала, набирая темпы, антияпонская кампания. Проживавшим в США японцам и американцам японского происхождения предстояло оплатить счет за Пёрл-Харбор. Популярнейший публицист У. Липпман после инструктажа военными настаивал: "Проблема "пятой колонны" очень серьезна... Над западным побережьем США нависла непосредственная угроза комбинированного нападения извне и изнутри". Другой известный журналист, Г. Маклемор, взывая к призраку Пёрл-Харбора, требовал: "Я за немедленную высылку всех японцев с западного побережья в глубь страны. Причем отнюдь не в привлекательную местность. Давайте погоним их туда и скучим на самых скверных землях. Зажмем их в тисках нужды, пусть им будет плохо, пусть они голодают и подыхают там... Я лично ненавижу япошек. Всех до единого".

Без словесных эксцессов о том же писали в служебных документах ответственные лица. Генерал-лейтенант Дж. Девит, назначенный командующим западным оборонительным округом (охватывавшим штаты Калифорния, Орегон и Вашингтон), заключил: "Японская раса — враждебная раса. Хотя немало японцев, во втором и третьем поколениях родившихся в США, являются американскими гражданами и американизированы, их расо-

вая природа не изменилась". Тогдашний генеральный прокурор штата Калифорния Э. Уоррен (в будущем председатель Верховного суда США) подстрекал: "У нас нет саботажа и вылазок "пятой колонны"., считают, что их не готовят... Я думаю, что нас убаюкивают ложным чувством безопасности. Единственная причина, по которой мы избежали катастрофы в Калифорнии, заключается в том, что для нас назначен другой срок".

Президент Рузвельт 19 февраля исполнительным приказом поручил военному министерству выслать всех японцев – около 112 тыс. человек, независимо от того, имели ли они американское гражданство или нет, в концентрационные лагеря. В городах и поселках по западному побережью расклеили стандартное объявление: "Приказ всем лицам японского происхождения: граждане США или нет подлежат депортации из (данного) района к 12.00 дня (такого-то числа). Размеры и вес багажа ограничиваются тем, что может унести в руках отдельный человек или семья". Распродав за бесценок или бросив свое имущество, те, кто считались японцами, под конвоем солдат депортировались в 13 концентрационных лагерей в отдаленных местностях.

Там они содержались за колючей проволокой под стражей почти всю войну в отвратительных, а в штрафном лагере в Туле-Лейке на севере Калифорнии – в нечеловеческих условиях[10]. Среди депортированных примерно 112 тыс. человек 78 тыс. были американскими гражданами. Работники американских спецслужб, занимавшиеся проблемой японского "шпионажа", единодушно признавали: среди депортированных за всю войну не обнаружили ни одного "агента". Офицер военно-морской контрразведки США Р. Рингл, в послужном списке которого было нашумевшее в 1941 году дело Тачибана, ряд тайных взломов в японском консульстве в Лос-Анджелесе, даже сочинил обширную справку для правительства, доказывая необоснованность репрессий в отношении зтих 112 тыс. человек. Все напрасно.

После войны где-то в правительственных канцеляриях тайком признали, что великая "демократия", насмерть перепуганная Пёрл-Харбором, карала направо и налево ни в чем не повинных людей. По зтой бесспорной причине сочли за благо предать забвению всю неприглядную историю. Главный архитектор депортации К. Бендетсен, напомнил в ее 40-летнюю годовщину "Вашингтон пост мэгззин", "ныне живет в богатстве и почете в Вашингтоне, о его деяниях в годы войны практически забыто... Он подготовил приказ, по которому любой с одной шестнадцатой японской крови подлежал депортации как враг народа. В нацистской Германии, дабы попасть в зту категорию, требовался в два раза больший процент еврейской крови"[11]. Еще он

требовал – депортировать круглых сирот, "если у них хоть одна капля японской крови". Тогдашняя расистская решительность обернулась крупными дивидендами для Бендетсена – менее чем за год, в 1942 году, он вырос от капитана до полковника, а в 1950 году стал заместителем военного министра.

Попытки побывавших в 1942–1945 годах в лапах военной контрразведки в концентрационных лагерях добиться признания несправедливого обращения с ними и компенсации пресекались судами. Даже в 1984 году суд отверг претензии, ибо "прошло много времени, память ослабела, а многие действующие лица умерли". Все происходило за глухой стеной молчания, сооруженной "свободной" американской прессой. Свет забрезжил только в 1986 году. Апелляционный суд признал обоснованным иск 19 бывших заключенных по той причине, что "правительство скрыло – интернированные [в концентрационных лагерях] не представляли опасности для национальной безопасности". Теоретически правительству могут быть предъявлены искн за имущественный ущерб, нанесенный депортацией в размере 24 млрд. долл.[12] "Никто не собирается разбогатеть на этом деле", – заявил адвокат нстцов, но все же американский еженедельник озаглавил заметку, сообщавшую об этом, "Победа над колючей проволокой". В сентябре 1987 года палата представителей проголосовала выдать по 20 тыс. долл. каждому из этих лиц, "утратившему собственность или свободу в результате интернирования"[13].

Если в спорах по поводу судьбы американцев японского происхождения и их собственности в годы войны в какой-то мере обозначился просвет спустя всего сорок с небольшим лет, то этого никак нельзя сказать обо всем комплексе проблем, связанных с Пёрл-Харбором. Узлы, завязавшиеся в годы второй мировой войны, так и не распутаны. По сей день.

Объединенная комиссия конгресса расследует

Узлы эти затянулись уже в первые военные годы. Бросив по адресу Киммеля и Шорта серьезные обвинения, власти, по всей вероятности, дальше зашли в тупик. Обвиненные, со своей стороны, велн себя в высшей степенн достойно. Люди отнюдь не молодые, онн не стали в одиночестве растравлять раны, а занялись делом. Судостроительная фирма в Нью-Йорке в июне 1942 года взяла на работу Киммеля. Он возглавил проектирование н постройку плавучих доков, остро необходимых для кампаний войны на Тихом океане. Шорт с сентября 1942 года – глава отдела перевозок компании Форда в штате Те-

хас, которая была занята исключительно военным производством.

Тем не менее оба не были удовлетворены своим положением и настойчиво требовали суда. Но никаких юридических действий против обвиняемых не предпринималось. Американское законодательство, действовавшее на 7 декабря 1941 г., предусматривало, что лица, виновные в преступлениях, инкриминировавшихся Киммелю и Шорту, должны предстать перед судом в течение двух лет. Когда в декабре 1943 года истек установленный законом срок, конгресс специальной резолюцией продлил его на шесть месяцев.

Киммель, естественно, готовился к процессу. Он потребовал в конце 1943 года от морского министерства документы, касавшиеся предыстории Пёрл-Харбора. Ему ответили, что документов масса, их соберут, пока интересы безопасности не позволяют передать их адмиралу.

Тут Киммелю протянул руку помощи "безумный гений" Сэффорд. С началом войны его повысили в звании, а в феврале 1942 года сняли с должности главы ОП-20-Дж. Не потому, что он не справлялся, место понадобилось родственнику пробивного офицера. Сэффорд отныне был волен досыта заниматься любимым делом — криптоанализом, который, видимо, побудил его к размышлениям.

Возвращаясь мысленно к 7 декабря 1941 г., он, по всей вероятности, подверг события анализу и пришел к поразительным выводам. Вашингтон не сообщил на Гавайи важную информацию, прежде всего о "чуде". От этого заключения один шаг до мысли о том, что ее "утаивали" от Киммеля злоумышленно. Открытие опасное! Посему Сэффорд, вступивший в переписку с Крамером, продолжавшим работать на Гавайях, пользовался шифром собственного изобретения. В феврале 1944 года он явился к Киммелю, заявив, что адмирал — "жертва самого грязного заговора в истории флота и у меня есть доказательства этого"[14].

Как раз в это время морской министр Ф. Нокс приказал бывшему командующему Азиатским флотом адмиралу Т. Харту провести расследование Пёрл-Харбора в интересах будущего суда над Киммелем. Расследование велось в строжайшей тайне. Киммель отказался принять участие в нем, а Сэффорд привел в замешательство Харта своим видом и таинственными открытиями, которым расследователь, вероятно, не поверил. Адмирал Харт трудился с 15 февраля по 15 июля 1944 г., однако раскопанное им так и осталось в тайне. По причине секретности расследования и смерти заказчика — 28 апреля 1944 г. скоропостижно скончался Ф. Нокс.

В столичных кругах все чаще шептались, что с расследованиями Пёрл-Харбора дело неладное. Слухи проникали в печать. 13 июня 1944 г. конгресс принял новую резолюцию, продлившую срок суда над Киммелем и Шортом еще на шесть месяцев, а также потребовал нового расследования катастрофы в Пёрл-Харборе военным и морским министрами.

Значительную роль в оживлении интереса ко всему делу сыграла проходившая в это время очередная кампания по выборам президента. Республиканцы проявляли к Пёрл-Харбору явно нездоровый интерес. Сенатор Г. Трумэн, кандидат на пост вице-президента, попытался погасить его, но в действительности подлил масла в огонь. В статье в "Кольерэ мэгэзин" от 26 августа 1944 г. Г. Трумэн "объяснил" причины катастрофы личной неприязнью между Киммелем и Шортом, которые-де не могли наладить взаимодействия между флотом и армией. Трумэн писал: "На Гавайях генерал Шорт и адмирал Киммель встречались друг с другом лишь в те периоды, когда они разговаривали между собой. Обычно они ограничивались обменом телеграммами и радиограммами".

Совершенно необоснованное обвинение в дополнение ко многим другим сплетням, распространявшимся печатью, побудило Киммеля нарушить молчание, которое он хранил два с половиной года, и взяться за перо. Адмирал с возмущением писал Г. Трумэну: "Ваши инсинуации насчет того, что генерал Шорт и я не разговаривали, не верны. Ваши заявления о том, что мы будто бы не сотрудничали и не согласовывали своих действий, также лживы... До тех пор, пока я не предстану перед гласным судом, крайне несправедливо повторять лживые обвинения по моему адресу, в то время как официальные органы постоянно лишают меня возможности защитить себя публично". Х. Киммель передал письмо в печать[15].

Трумэн не ответил, сославшись на то, что у него есть документы, подтверждающие обвинение. Учитывая большой политический резонанс Пёрл-Харбора, военный и морской министры дали указание вести новые расследования, назначенные в соответствии с июньским решением конгресса, в глубокой тайне.

А шла напряженная кампания по выборам президента. Рузвельт баллотировался в четвертый раз. Республиканцы гремели словами, определенно подбираясь к Пёрл-Харбору. 30 августа публицист Р. Юз уподобил положение Киммеля и Шорта делу Дрейфуса во Франции. "Дрейфус провел на Острове Дьявола четыре года. К декабрю Киммель и Шорт проведут в чистилище три года. Правительство прячет концы в воду. Конечно, если будет избран Томас Е. Дьюи, полетят пух и перья... Ведь

во Франции потребовалось избрать нового президента, чтобы вызволить Дрейфуса из страшного ада". Пошли слухи о том, что накануне Пёрл-Харбора в Вашингтоне знали о предстоявшем ударе, и т.д. На пресс-конференции 22 сентября Рузвельт безмятежно шутил: "Ну, конечно, будет полно утверждений такого рода по утрам, днем и вечером вплоть до 7 ноября (день выборов. – *Н.Я.*)".

Посвященным в правительстве было не до шуток. Они смертельно боялись превращения вопроса о Пёрл-Харборе в предмет борьбы на выборах. В этом случае неизбежно всплывет история с дешифровкой японских сообщений, а "розовый код", как и некоторые другие, Япония все еще использовала в 1944 году. Последствия всего этого для ведения войны были бы неисчислимы. Дж. Маршалл в совершенно секретных письмах, доставленных доверенным офицером, уведомил об этом Т. Дьюи. Тому деваться было некуда. Генерал заверил его, что содержание писем известно еще только главкому ВМС адмиралу Э. Кингу. Обласканному доверием Дьюи оставалось браниться в пространство в присутствии посланца Маршалла: "Будь я проклят, если поверю, что япошки все еще используют эти два кода!" – и обещать публично не касаться споров по поводу Пёрл-Харбора[16]. Обещание Дьюи сдержал. Избирательная кампания 1944 года прошла без использования республиканцами в политических целях Пёрл-Харбора. Они проиграли. Впрочем, едва ли Дьюи поздоровилось бы, если бы в разгар войны он открыл тайну "чуда"!

Только 1 декабря 1944 г. от имени военного и морского министров были опубликованы краткие сообщения об итогах работы следственных комиссий армии и флота. Г. Стимсон заключил: "В любом случае собранные ныне доказательства не оправдывают возбуждения судебного дела против какого-либо офицера в армии". Морской министр Дж. Форрестол добавил: "Собранные доказательства не оправдывают суда военного трибунала против лица или лиц, находящихся во флоте". Оба министра также довольно туманно сообщили, что были допущены ошибки не только на Гавайских островах, но и некоторыми сотрудниками военного и морского министерств[17]. До опубликования полных текстов докладов комиссий о причинах катастрофы в Пёрл-Харборе можно было только гадать. Однако стало ясно одно: виновников нужно искать не только на Гавайских островах.

Шло время. Наконец сложила оружие Япония, и 29 августа 1945 г. Г. Трумэн устроил пресс-конференцию в Белом доме. На столе перед собравшимися корреспондентами возвышалась

груда документов — многочисленные экземпляры текстов докладов следственных комиссий военного и морского министерств. Объем каждого экземпляра, отпечатанного на ротаторе, составлял более 400 страниц. Трумэн сообщил, что он передает документы печати, заметив, что "полностью доверяет искусству, энергии и компетентности всех наших военных руководителей — как армии, так и флота". Президент скромно признался, что не читал докладов. Толпа корреспондентов, с трудом сдерживавшая нетерпение, не слишком внимательно выслушала краткую речь. Едва он кончил, как представители печати, энергично работая локтями, бросились к столу. В мгновение ока стол опустел, корреспонденты разъехались по редакциям.

На следующий день газеты посвятили первые страницы поспешному анализу преданных гласности документов. Оказалось, что не менее девяти раз Пёрл-Харбор расследовали, а именно: морской министр Ф. Нокс в декабре 1941 года; комиссия О. Робертса; следственная комиссия военного министерства, назначенная в соответствии с решением конгресса от 13 июня 1944 г.; следственная комиссия морского министерства, назначенная тем же решением конгресса; адмирал Т. Харт с 12 февраля по 15 июля 1944 г.; адмирал Г. Хевитт с 14 мая по 11 июля 1944 г.; майор Г. Клаузен с 23 ноября 1944 г. по 12 сентября 1945 г.; полковник К. Кларк 14—16 сентября 1944 г. и с 13 июля по 4 августа 1945 г. Тем не менее особой ясности нет. Основываясь на докладах, газеты обрушили на администрацию шквал обвинений.

Трумэн понял, что допустил промах. На следующий день он созвал новую пресс-конференцию, на которой заявил: "Я прочитал доклады очень внимательно (более 400 страниц за сутки! — *Н.Я.*) и пришел к выводу, что все это результат политики, которую проводила сама страна. Страна не была подготовлена. Каждый раз, когда президент пытался провести программу военной подготовки через конгресс, ее урезали. Когда бы президент ни выступал с заявлением о необходимости подготовки, его предавали анафеме. Я думаю, что нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пёрл-Харборе"[18]. Виновны все без исключения американцы! Заявление Г. Трумэна еще более запутало дело.

6 сентября 1945 г. лидер большинства в сенате сенатор А. Баркли предложил создать объединенную комиссию конгресса для расследования обстоятельств японского нападения на Пёрл-Харбор. Предложение было единодушно поддержано в обеих палатах. Объединенной комиссии конгресса предстояло внести ясность. Она состояла из пяти сенаторов и пяти членов

палаты представителей. Господствовавшая партия в конгрессе – демократическая – позаботилась, чтобы большинство в комиссии принадлежало ей – на шесть демократов четыре республиканца.

Объединенная комиссия конгресса по очевидным причинам не могла игнорировать выводы предшествовавших расследований. Обнародование докладов следственных комиссий армии и флота объяснило, зачем после их продолжительной работы потребовалось еще поручать адмиралу Хевитту и старшим офицерам Кларку и Клаузену снова заниматься Пёрл-Харбором. Оказалось, что следственная комиссия флота пришла к выводу: Киммель и Шорт работали в тесном контакте, "каждый из них знал о мерах, принимавшихся другим для обороны Пёрл-Харбора. Всего этого было достаточно в интересах дела". Планы Киммеля были "здравыми", нельзя предавать суду ни одного офицера, ибо "нападение при тогдашних условиях нельзя было предотвратить. Когда оно произойдет, предсказать было невозможно". Но вот адмирала Старка следственная комиссия осудила, указав, что он не предоставлял Киммелю имевшиеся у него данные, "особенно утром 7 декабря"[19]. Примерно таким же образом следственная комиссия армии обошлась с генералом Маршаллом. Коротко говоря, впервые ответственность за Пёрл-Харбор была возложена и на Вашингтон.

Вот министры Стимсон и Форрестол и приказали своим подчиненным провести дополнительные служебные расследования, дабы смазать эти выводы. Они не очень преуспели. Как записал в своих выводах адмирал Хевитт, расследовавший вместе со специальным помощником морского министра Дж. Соннетом мутные дела, связанные с "чудом" и прочим такого рода: адмиралы Киммель и Старк "не проявили, особенно в период с 27 ноября по 7 декабря 1941 г., высокого понимания проблем, необходимого для осуществления командования, приличествующего их рангу и обязанностям"[20].

Из материалов следственной комиссии флота Киммель предстал во всем блеске оскорбленной чести военного моряка. Он четко и ясно излагал свои мысли, безмерно возмущаясь коварством Вашингтона. Как и следовало ожидать, гранитной основой теперь уже не защиты, а нападения Киммеля было сообщение ему Саффордом о "чуде". Неду Киммелю навсегда запал в память "бешеный гнев отца" после разоблачений Саффорда: "Ей-богу, он превратился в тигра!" С несколькими юристами и преданными офицерами Киммель подготовил внушительную документацию, оправдывая свои действия в канун Пёрл-Харбора и понося Вашингтон.

Поглощенный этими занятиями, Киммель стойко перенес тяжкую утрату. 6 сентября 1944 г. пришло сообщение: в районе Филиппинских островов погибла со всем экипажем американская подводная лодка "Робало" под командованием его старшего сына Мэннинга М. Киммеля. Адмирал У. Делани, посланный к отцу с черной вестью, застал его в кабинете с группой юристов. Делани, запинаясь, начал говорить. Киммель поднял голову от бумаг и резко спросил: "Мэннинг?" На утвердительный ответ он без тени волнения, бесцветным голосом бросил: "Это случается!" — и погрузился в бумаги. Неду, однако, отец с плохо сдерживаемым бешенством сказал с глазу на глаз о судьбе старшего брата, 30 с небольшим лет: "Этот мерзавец [Рузвельт] теперь убил моего сына!"[21].

Объединенная комиссия конгресса, приступившая к работе 15 ноября 1945 г., не могла не считаться с четким заявлением Киммеля, сделанным главкому ВМС адмиралу Э. Кингу: "Непосредственно после Пёрл-Харбора я считал, что вопреки всем моим усилиям я не смог справиться с делом и в этом смысле должен взять на себя вину за Пёрл-Харбор... Теперь я отказываюсь принять хоть какую-нибудь ответственность за катастрофу в Пёрл-Харборе"[22]. Ничего лучшего не могло ожидать руководство республиканской партии. Ее стратегия была проста — превратить расследование Пёрл-Харбора в обвинение против администрации Ф. Рузвельта и тем самым побудить избирателей обратиться на следующих выборах к этой партии за руководством. Один из видных стратегов партии, конгрессмен Дж. Смит, разъяснял своим коллегам: Киммелю нужно не делать акцента на военных вопросах, ибо правительство "до конца использует технические детали и адмиралу Киммелю будет очень и очень трудно объясниться... Форпостом обороны адмирала Киммеля должна быть дипломатия, приведшая к Пёрл-Харбору, а не технические детали"[23].

Отличный замысел с точки зрения межпартийной борьбы, который без труда разглядели зоркие лидеры демократов. Престарелый Хэлл с порога отверг предположение доклада следственной комиссии армии, а именно его ответ от 26 ноября 1941 г. "был ультиматумом, который положил начало войне". Уставив налитые кровью глаза на членов комиссии конгресса, старик прохрипел: "Если бы я мог выразиться так, как хочу, вы бы, верующие, разбежались во все стороны!" Он перевел дыхание и бросил: "Уже несколько месяцев мне предъявляют это позорное обвинение, в то время как каждый разумный человек знает: япошки были на марше к захватам на Тихом океане и установлению полного контроля над ним... Они изготовились к нападе-

нию, и никто не мог оставить их, разве пасть на землю как трусы, и мы были бы трусами, если бы уступили"[24]. Хэлл только раз побывал на заседании комиссии. И задал тон трактовке дел внешнеполитических.

Представление разворачивалось в большом зале с мраморными стенами на глазах примерно 500 человек — прессы и сгоравших от любопытства зрителей. Чередой шли свидетели. Очень интересные показания дал вице-адмирал Теодор Уилкинсон, глава морской разведки во время Пёрл-Харбора. Он разъяснил немало запутанных вопросов. Но, увы, 21 февраля 1946 г. Уилкинсон погиб, управляемый им автомобиль скатился с парома. Жена спаслась, а вице-адмирал так и не выбрался из машины. "Пошли слухи, что Уилкинсон покончил с собой, ибо он бросил вызов военной иерархии во время показаний в комиссии. Он настаивал, что были сообщения, в которых японцы выражали опасение — "розовый код" разгадан. Он также предъявил 11 радиоперехватов, которые, как показывали Маршалл и другие, не существовали. Некоторые сторонники Саффорда утверждали, что Уилкинсон, человек чести, не мог больше жить, ибо не сказал правды о сообщении с "кодом ветров". Саффорд верил в это. Касаясь событий 1941 года, он писал: "Уилкинсон был единственным порядочным человеком среди них в разведке, единственным, кто раскаивался". Чета Уилкинсонов была очень дружна с Саффордами, и после трагедии вдова адмирала пришла к госпоже Саффорд, обвиняя ее мужа "в смерти Пинга" (прозвище Уилкинсона. — *Н.Я.*) из-за своего жуткого упрямства в спорах по поводу Пёрл-Харбора"[25].

В конце 1945 года главный советник объединенной комиссии конгресса У. Митчелл со своими помощниками подали в отставку, ссылаясь на то, что расследование затягивается. Первоначально комиссия должна была представить доклад 3 января 1946 г. В этот день произошло другое — вашингтонский юрист С. Ричардсон, связанный с правительством, заступил на место Митчелла. По просьбе руководителя комиссии директор ФБР прислал ему в помощь расторопного 33-летнего юриста Э. Моргана.

На долю Ричардсона выпало выслушать 15 января показания Киммеля, зачитавшего обширный (более 100 страниц) документ. За ним последовал генерал Шорт, который уподобил себя "козлу отпущения", избранному военным министерством. Оба горячо отрицали, что они виноваты, и практически ничего не прибавили нового к уже известному.

Работа объединенной комиссии конгресса закончилась 31 мая 1946 г. Состоялось 70 открытых заседаний, не считая закрытых, объем собранных материалов и стенографических отчетов соста-

вил 10 млн. слов. Доклад комиссии был представлен конгрессу в одном томе 20 июля 1946 г., 39 томов материалов и стенографических отчетов опубликованы в октябре 1946 года. Несмотря на выставленную на обозрение гору материалов, многие аспекты американской внешней политики остались в тени.

Главные действующие лица в 1940–1941 годах не были допрошены в комиссии, часть из них – по понятным причинам: скончались Ф. Рузвельт, Ф. Нокс и Г. Гопкинс. Г. Стимсон в период работы комиссии был болен. Хотя он разрешил включить в материалы комиссии извлечения из своего личного дневника, на заседаниях Г. Стимсон не появлялся и на поставленные ему вопросы отвечал письменно так, как считал нужным. К. Хэлл обогатил собрание документов комиссии длинным заявлением, в котором с особой педантичностью изложил личную философию международных отношений и собственные взгляды на политику в отношении Японии. Как уже отмечалось, он только раз зашел на заседание комиссии, однако оно велось так, что бывший государственный секретарь не подвергся перекрестному допросу.

Республиканцы, члены комиссии, проявили понятное рвение в расследовании. Но решения о вызове свидетелей, истребовании документов и т.д. принимались большинством голосов. Более того, им было запрещено самостоятельно просматривать архивы правительственных ведомств. А целесообразность предоставления тех или иных документов из личного архива покойного президента единолично решала его личный секретарь Грэс Таллн! Такая процедура сбора материалов, естественно, была не случайна, и многое, что могло бы разоблачить истинную политику Соединенных Штатов в канун войны, не было предано гласности.

Ч. Бирд заключил: "Тысячи документов, относящихся к вопросу, о существовании которых известно, остались засекреченными. Что они откроют, если когда-либо эти документы увидят свет, может быть только предметом догадок как для читателей, так и для историков"[26]. "Объективность" комиссии куда как условна. Ее работа, естественно, не имела в виду всесторонний критический анализ внешней политики Соединенных Штатов. Больше того, во время работы комиссии выяснилось, что уже позаботились скрыть некоторые факты, ставшие случайно известными в ходе более ранних расследований.

Наиболее поучительный пример в этом отношении – судьба японской телеграммы, содержавшей предупреждение из Токио о начале войны, переданной "кодом ветров". Этот документ 4 декабря 1941 г. был разослан разведкой по разметке руково-

дящим политическим и военным деятелям США. Уже следственная комиссия военного министерства, работавшая в 1944 году, после безуспешных поисков документов констатировала: "Оригинал телеграммы исчез из архива военно-морских сил. Этот оригинал был на месте сразу после Пёрл-Харбора и вместе с другими документами был взят для представления комиссии Робертса. Копии находились и в других местах, но теперь они все исчезли... В течение минувшего года были уничтожены журналы радиостанции, в которых было зарегистрировано получение телеграммы. Свидетель армии показал, что эту телеграмму командование армии никогда не получало. Она была ясным указанием Соединенным Штатам (о войне. — *Н.Я.*) еще 4 декабря. Легко понять чрезвычайно важное значение этой телеграммы"[27].

Объединенная комиссия конгресса зафиксировала особое рвение Дж. Форрестола — ведь сигнал по "коду ветров" был перехвачен радиостанцией флота для "прикрытия" случившегося. Морской министр сначала попытался поручить служебное расследование такому деятелю, один авторитет которого подавил бы допрашиваемого. Он предложил адмиралу Дж. Ричардсону взять на себя эти функции. Бывший командующий ядовито ответил: первейшая обязанность расследователя катастрофы в Пёрл-Харборе — отсутствие предубеждения, а он сам твердо уверен, что значительная доля ответственности за нее лежит на Вашингтоне. Какие бы доказательства ни приводились, это не поколеблет его мнения. Ричардсон отказался. Тогда и только тогда расследование было поручено более покладистому адмиралу Г. Хевитту.

Адмирал вместе со своим помощником Соннетом добился выдающихся успехов. Крамер, докладывавший перехваченную телеграмму 4 декабря 1941 г., был приглашен на обед в дом к самому адмиралу Старку, где его память "освежили". Другие опрошенные офицеры, имевшие в 1941 году касательство к перехвату и дешифровке японских документов, также "освежили" память, изменили предшествующие показания и заявили, что они и в глаза не видели радиограммы с "кодом ветров". Надо думать, еще под впечатлением случившегося с Крамером. Конгрессмен Кифи объявил во всеуслышание, что у него есть доказательства: Крамера "травили", добиваясь изменения его показаний о "коде ветров", насильственно поместили в психиатрическое отделение флотского госпиталя Бетесда. Он, разумеется, заявил, что содержался там по своей воле. Но авторы книги "И я был там" в 1985 году подчеркнули: "Утверждения, сделанные в 1945 году, были недавно подтверждены коллегой-офицером и соседом капитана Крамера, его "уговорили" изменить

свои показания о радиограмме по "коду ветров" угрозой пожизненного заключения в доме для умалишенных"[28].

Практически единственным упрямцем в этом деле оказался капитан Л. Сэффорд. Он упорно стоял на своем. Обратившись к работе следственной комиссии флота, он теперь показывал: "Цель Соннета, по-видимому, заключалась в том, чтобы заставить изменить ранние показания, невыгодные Вашингтону, заставить "враждебных" свидетелей изменить свои показания и внести элемент сомнения там, где он не мог добиться отказа от показаний. Больше всего он пытался заставить меня изменить показания о послании с "кодом ветров" и побудить меня поверить, что я страдаю галлюцинациями". Когда это не удалось, Соннет в присутствии Хевитта прибег к угрозам, заявив Сэффорду: "Никто не поставит под сомнение ваши умственные способности, если ваша память сыграет дурную шутку по прошествии столь длительного периода времени. Многочисленные свидетели, которых вы называли, отрицают существование телеграммы с "кодом ветров". Вам не следует нести факел для адмирала Киммеля"[29].

Главный советник Ричардсон, заметив, что Сэффорд нервничает, давая показания, задумчиво осведомился: не "напуган" ли он? Сэффорд пожал плечами. Ричардсон прибег ко всем юридическим уловкам при допросе под присягой свидетеля. Он пытался довести до абсурда сказанное Сэффордом. Например: "Итак, вы утверждаете, что существовал обширный заговор Белого дома — через военное и морское министерства, через подразделение Крамера уничтожить эти копии (документов с "кодом ветров". — *Н.Я.*)?" Или по поводу обвинений Сэффорда, что на Гавайи умышленно не было послано предупреждение о возможности японского удара. Ричардсон: "Таким образом, вы утверждаете, что, имея в руках перехваченное сообщение, офицеры флота, офицеры армии и президент США — все они забыли о войне и забыли использовать это сообщение". Сэффорд в ответ: "Я не знаю, почему не послали предупреждение". Ричардсон часами донимал Сэффорда, который в конце концов взорвался, обвинив главного советника комиссии в том, что он не первый, кто пытается заставить его изменить показания. Но эта часть показаний Сэффорда не вошла в текст "слушаний". Что не удивило Киммеля — с текстом его показаний обращались не лучше, извращая сказанное или вычеркивая неугодные фразы[30].

Результат очевиден. Как отметила американский исследователь Р. Волстеттер, "кто видел, и какие материалы "чуда", и кому что передавалось вечером 6 декабря [1941 г.] — очень дели-

катный вопрос. Протоколы показаний полны противоречий. Сказанное осенью 1945 года неизменно противоречило показаниям, данным перед предшествовавшими следственными комиссиями. В 1945 году документы либо скрывались, либо исчезли, а память участников событий была "освежена", или они начисто забыли происходившее. Поэтому в ряде случаев на настойчивые вопросы следовал стереотипный ответ: "Не помню". Даже сенаторы, стремившиеся нажить политический капитал на расследовании, устали и перестали углубляться в дело"[31].

Ко всему прочему еще в апреле 1945 года правительство сделало попытку законодательным путем запретить разглашение сведений о том, что США имели возможность дешифровать японскую документацию. 9 апреля 1945 г. сенат принял законопроект Э. Томаса, предусматривавший 10 лет тюрьмы и штраф в 10 тыс. долл. за разглашение шифрованных материалов, американских или иностранного государства. Республиканцы, почувствовавшие, что за повышенной заботой о сохранении государственной тайны кроется какой-то коварный замысел правительства, сорвали принятие этого законопроекта. В результате комиссии конгресса было представлено более 700 перехваченных и дешифрованных японских документов.

При формулировании окончательных выводов объединенная комиссия по расследованию нападения на Пёрл-Харбор так и не пришла к единому мнению. Основной доклад подписали семь членов комиссии, восьмой — конгрессмен Ф. Кифи — поставил подпись с оговорками. Этот доклад получил название "доклад большинства". Члены комиссии — сенаторы-республиканцы О. Брестер и Х. Фергюсон — сочинили собственный доклад, так называемый "доклад меньшинства". Перед составителями "доклада большинства" стояла дилемма — либо полностью поддержать выводы расследования О. Робертса, тем самым оправдав правительство, и взвалить всю вину на Х. Киммеля и У. Шорта, что автоматически предавало бы их в руки военного трибунала, либо высказаться в пользу выводов расследований военного и морского министерств, проведенных в 1944 году. Тогда досталось бы крепко и политикам. Первый путь был невозможен, так как все собранные документы в своей совокупности не давали возможности начать судебное преследование бывших командующих на Гавайях. Второй путь также был заказан: изобличающих документов не хватало, ибо объединенная комиссия не пожелала углубляться в дебри вопроса об ответственности политиков. Был избран средний путь.

Виновниками Пёрл-Харбора, естественно, были объявлены японцы. Что касается американского правительства, то в "до-

кладе большинства" утверждалось: "Внешняя политика США отнюдь не носила провокационного характера, что давало бы Японии повод для нападения на них... Комиссия не обнаружила никаких документов до или во время своей работы, которые подтверждали бы обвинения, что президент, государственный секретарь, военный министр, морской министр заманивали, провоцировали, побуждали или принуждали Японию к нападению на США, с тем чтобы легче провести объявление войны в конгрессе. Напротив, все данные свидетельствуют о том, что они выполняли обязанности достойно, проявляя свои способности и предвидя будущее в соответствии с высочайшими традициями нашей внешней политики". Политики были полностью оправданы.

Промахнулись, по мнению объединенной комиссии, военные и только военные. На первом месте среди них оказались командующие на Гавайских островах, которые "не сумели выполнить свои обязанности с учетом предупреждений, полученных из Вашингтона". В докладе подробно перечислялось все, что они должны были сделать, но не сделали в области военной подготовки. При всем этом подчеркивалось, что ошибки были "промахами суждения, а не упущениями по службе". Эта формулировка раз и навсегда освобождала Киммеля и Шорта от опасности преследования по суду. В качестве виновников Пёрл-Харбора в Вашингтоне указывались также работники оперативного управления военного министерства и разведки армии и флота.

"Доклад большинства" был устремлен главным образом в будущее. Его выводы заканчивались 5 рекомендациями и 25 конкретными предложениями, имевшими в виду реорганизацию и улучшение военной машины Соединенных Штатов. Горькие уроки Пёрл-Харбора умело использовались для того, чтобы в 1946 году — первом послевоенном году — обосновать необходимость широких военных приготовлений. Тщательно обдуманный и спланированный ход тех сил в США, которые заинтересованы в разжигании военного психоза в стране. Уже тогда! Составителей документа, по-видимому, в большей степени заботило достижение этой цели, чем воссоздание объективной истории событий, которые привели к Пёрл-Харбору. Грядущая война, в неизбежность которой они, несомненно, верили, отбросила густую тень из будущего на их тогдашние выводы.

Кифи приобщил к "докладу большинства" собственное мнение. Он обращал внимание на то, что объединенной комиссии "было отказано в получении многих важнейших сведений". На его взгляд, "факты подбирались таким образом, быть может, и ненамеренно, чтобы возложить вину на Гавайи и уменьшить вину, которую следовало бы возложить по справедливости и на

Вашингтон". Кифи выразил мнение, что "в основе трагедии лежала тайная дипломатия... В будущем народ и его конгресс должны знать, насколько близко американская дипломатия подвинула дело к войне, с тем чтобы они могли остановить ее действия, если последние становятся неразумными, или поддержать их в случае, если американская дипломатия занимает разумную позицию... Для того чтобы предотвратить любой Пёрл-Харбор в будущем, который может оказаться более трагичным и катастрофичным, чем Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., должна существовать тесная координация между американским общественным мнением и американской дипломатией". Благие пожелания Кифи пропустили мимо ушей, ибо, по его мнению, виновниками были не военные, а политики. Более четко сформулировать свои выводы он не мог, объединенная комиссия сознательно старалась уйти от определения вины политиков.

"Доклад меньшинства" был в основном продиктован соображениями партийной борьбы, и уже одно это сузило содержащиеся в нем выводы. Однако сенаторы-республиканцы смотрели в корень дела. Внешняя политика Соединенных Штатов не была исследована по той простой причине, что вопрос об оценке мудрости внешнеполитического курса США "исключен уже самой формулировкой задач комиссии". Поэтому "выводы о дипломатических аспектах основываются на недостаточных материалах". Выправить это положение сенаторы-республиканцы не могли — они не получили в ходе работы всех нужных материалов, да и не хотели.

Составители "доклада меньшинства" решительным образом разошлись с мнением большинства объединенной комиссии конгресса. Сенаторы Брестер и Фергюсон дали исторический обзор событий в канун Пёрл-Харбора, из которого явствует, что нападение Японии не могло быть неожиданностью для американского правительства. Конкретными виновниками катастрофы они назвали Ф. Рузвельта, Г. Стимсона, Ф. Нокса, Дж. Маршалла, Г. Старка, Л. Джероу, Х. Киммеля и У. Шорта. В "докладе меньшинства" указывалось: "Утверждение, исходящее от столь высокоавторитетного лица, как президент Трумэн, который 30 августа 1945 г. заявил: "Нужно винить страну в целом не менее, чем любого человека, за то, что произошло в Пёрл-Харборе", — необоснованно, ибо американский народ не имел решительно никакого представления о проводимой тогда политике и предпринимавшихся действиях".

Пока речь шла о партийной борьбе, сенаторы-республиканцы были красноречивы и выносили безапелляционные суждения. Но когда дело коснулось внешней политики, они проявили куда

большую сдержанность. Оно и понятно: в США говорят, что межпартийные распри кончаются у берега океана. В отношении внешней политики "доклад меньшинства" далеко не пошел. Составители констатировали: "Государственный секретарь Корделл Хэлл, который был в центре японо-американских переговоров, несет серьезную ответственность за дипломатические события, приведшие к неизбежности Пёрл-Харбора, однако он не выполнял никаких функций в цепи военного командования, ответственного за оборону Пёрл-Харбора, – от главнокомандующего до командующих на Гавайских островах. По этой причине, а также потому, что дипломатические аспекты не были полностью исследованы, мы не делаем никаких выводов в отношении его"[32]. Итак, как большинство, так и меньшинство комиссии оказались единодушными в одном – в оправдании внешней политики Соединенных Штатов.

Никто и никогда в объединенной комиссии конгресса не сказал об основной внешнеполитической стратегии Вашингтона в канун войны – попытаться отвести японскую агрессию от США, натравив Японию на Советский Союз. Поскольку этот вопрос вопросов был обойден, постольку работа комиссии, равно как предшествующих расследований в США, не дала удовлетворительного объяснения причин внезапности японского нападения на Пёрл-Харбор. Поэтому в американской исторической науке живет и будет жить загадка Пёрл-Харбора. Она вызвана к жизни не историческими фактами, а упорными попытками в Соединенных Штатах извратить историю в целях оправдания внешнеполитического курса американского правительства.

Если исследование проблемы Пёрл-Харбора в США с исторической точки зрения в силу изложенных причин оказалось неудовлетворительным, то ее военно-стратегические аспекты постоянно изучаются в целях извлечения уроков для современной американской военной науки, строительства вооруженных сил. Еще при Трумэне японский успех 7 декабря 1941 г. использовался для обоснования реорганизации структуры командования американских вооруженных сил. Г. Трумэн в своих мемуарах заметил: "Из материалов слушаний (в комиссии конгресса. – *Н.Я.*) дела о Пёрл-Харборе мне стало ясно, что трагедия явилась результатом как неподходящей военной структуры, не обеспечившей единства командования ни в Вашингтоне, ни в войсках, так и личных промахов офицеров армии и флота"[33]. В 1947 году в США создается министерство обороны.

Пёрл-Харбор подтолкнул организацию Центрального разведывательного управления. "Мне часто приходило в голову, – писал Трумэн, – что, если бы у правительства существовал ко-

ординационный центр при сборе информации, Японии оказалось бы значительно труднее, если вообще было бы возможно, осуществить успешное предательское нападение на Пёрл-Харбор. В те дни военные не знали всего, что было известно государственному департаменту, а дипломаты не имели доступа ко всему, что знали армия и флот". Как подчеркивается в крупном исследовании о ЦРУ, "среди множества последствий, которыми отделался Перл-Харбор, самым серьезным было его влияние на разведку... Перл-Харбор и дал потребные аргументы для воздействия на политиков, ускорив организацию централизованной разведки"[34]. Ссылки на Пёрл-Харбор и облегчили проведение через конгресс закоиодательства о создании ЦРУ, поставили ведомство вие и выше законов.

Особое внимание вызывает вопрос: возможен ли Пёрл-Харбор, то есть внезапное нападение, в век ядерного и ракетного оружия, ибо последствия такого удара в наши дни окажутся совершенно несоизмеримыми с тем, что произошло 7 декабря 1941 г.? Вопрос, естественно, совсем не академический. Уже Роберта Волстетер в книге "Пёрл-Харбор: предостережения и решения", подготовленной в сотрудничестве с корпорацией "Рэнд", попыталась дать ответ на вопрос, сформулированный ею так: "Что дает нам Пёрл-Харбор для выяснения возможности внезапного нападения в наши дни, когда его результаты окажутся зиачительно большими и, возможно, фатальными?"

Пять лет трудов — и вот выводы Р. Волстетер: "Коротко говоря, мы не смогли предсказать Пёрл-Харбора не из-за недостатка нужных данных, а из-за изобилия материалов, ие имевших отиошения к делу". Что до ошибок американских командующих и правительства, то оии кроются "в особенностях человеческого восприятия и проистекают из такой глубокой неопределенности, что ошибок нельзя избежать, хотя возможно и сократить шансы совершения их". Переходя к ответу на свой вопрос, автор подчеркивает: "Несмотря на громадное увеличение расходов на сбор и анализ разведывательной информации и несмотря на успехи дешифровки и перевода с помощью машин, по всей вероятиости, со времени Пёрл-Харбора, преимущества, вне всякого сомнения, будут у того, кто изберет внезапное нападение"[35].

Дурной пример заразителен. Японская победа в Пёрл-Харборе оказала определенно опасное влияние на американскую политическую мысль. Сказанное Волстетер в общих словах в 60-е годы, в книге Г. Пранджа в середине 80-х годов конкретизировано примеиительно к теологии ракетно-ядерной войны: "В огне Пёрл-Харбора сгорела национальная невинность... Пёрл-Харбор так глубоко укоренил идею виезапного нападения в националь-

ное самосознание, что "Пёрл-Харбор" стал почти тождественным любому такому нападению. США в высшей степени оценили идею внезапного нападения. И совершенно правильно". И далее Прандж процитировал американский журнал "Нью рипаблик", который как-то писал: "Наш удар действительно должен быть "первым" ударом, наносимым всеми силами, а не тем, что от них останется после первого удара врага как раз с целью подорвать нашу наступательную мощь. Это, в свою очередь, диктует: нашей единственной убедительной угрозой является угроза того, что мы можем нанести сами внезапный удар"[36].

По принятой ныне в Соединенных Штатах терминологии, как отметил в 1985 году влиятельный американский еженедельник "Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт", это носит название "ядерный Пёрл-Харбор — возможность нанесения первого удара без риска возмездия"[37].

"Ревизионисты" утверждают...

Работа объединенной комиссии конгресса не положила конец горячей дискуссии в американской историографии вокруг вопроса о вступлении Соединенных Штатов в войну. Напротив, сорок томов дали дополнительные материалы для противоречивых суждений. Спор, по-видимому, будет продолжаться бесконечно. Отставной адмирал Киммель внес в него посильную лепту. В письме составителям сборника документов о Пёрл-Харборе, увидевшем свет в конце 1962 года, Киммель высказался категорически: "Мне совсем не дали возможности полностью ознакомиться с архивами о Пёрл-Харборе, хранящимися в морском министерстве и Белом доме. Мне отказали в разрешении просмотреть так называемую папку Белого дома, в которой, по-видимому, находятся послания Рузвельта и Черчилля... По моему мнению, — хотя, конечно, я лицо заинтересованное — нет никаких сомнений в том, что м-р Рузвельт знал о плане японцев напасть на флот в Пёрл-Харборе и дату планировавшегося удара и сознательно утаил эту информацию от командующих на Гавайях, чтобы атака состоялась"[38].

Крайнее осуждение! Даже горячий поклонник адмирала Л. Саффорд во время одного из многочисленных расследований Пёрл-Харбора свидетельствовал, что дислокацию японского флота надлежало установить подразделению Дж. Рошфора на Гавайях. Другими словами, штаб Киммеля должен был ориентировать в этом вопросе Нокса и Старка, а не наоборот. Рошфор со своими подчиненными (на 7 декабря 1941 г. 18 офицеров

и 128 рядовых), по словам Сафforда, "был обязан предотвратить внезапное нападение на флот, как случилось у русских в Порт-Артуре"[39]. Один из посвященных в деликатные дела разведки, адмирал Р. Ингерсолл, объяснил объединенной комиссии конгресса: "Приоритетную ответственность за установление дислокации японских кораблей нес командующий Тихоокеанским флотом. Именно в его распоряжении находились средства, нужные для этого, — радиоразведка"[40].

Человек одной идеи — Х. Киммель — никогда с этим не соглашался. Год от года с возрастающим, теперь, пожалуй, старческим упрямством и безразличием ко всему, кроме своей судьбы, он твердил — невиновен! До самой смерти, последовавшей на 86-м году жизни в мае 1968 года.

Другие герои трагедии 7 декабря 1941 г. уходили из жизни с меньшими драматическими издержками. Шорт в забвении прожил последние годы, почитывая военные книги и разводя розы. Когда он угас в сентябре 1949 года, сын отставного генерала майор У. Шорт удовлетворил любопытство газетчиков: "Отец выложил все факты о Пёрл-Харборе комиссии конгресса. Ему не было суждено написать книгу, он ничего не мог прибавить к сказанному".

Л. Сафford почти три десятилетия интриговал мир средств массовой информации. Он никогда не отступался от своих показаний о существовании передачи из Токио по "коду ветров". Сафford служил до конца 50-х годов. В 1958 году президент Эйзенхауэр подписал закон, принятый конгрессом, о награждении Сафforда премией в 100 тыс. долл. примерно за 20 разработок в области криптографии. Мнения о Сафforде резко расходились: для одних он был лжецом, для других — гением. Быстрая на физическую расправу супруга Сафforда полагала, что знает лучше — пинками и затрещинами отгоняла от мужа любого, кто пытался заговорить с ним о Пёрл-Харборе. Особенно журналистов, пытавшихся проникнуть в дом Сафforда. Их она просто сталкивала с лестницы.

За спиной властной супруги Сафford продолжал работать над проблемами Пёрл-Харбора, поддерживая оживленную переписку с историками-"ревизионистами". Он написал для них обширные справки, но работать приходилось вне дома. Жена тщательно проверяла его бумаги и все, где упоминался Пёрл-Харбор, неукоснительно сжигала. Посему профессиональный криптограф зачастую шифровал свои письма. Сафford умер в разгар своих исследований Пёрл-Харбора в 1973 году, бдительная супруга ушла из жизни через семь лет[41].

Американская школа "ревизиоиистов" сосредоточила свои усилия иа том, чтобы доказать, будто Ф. Рузвельт, стремившийся к вступлеиию в войну, созиательио оставил командование на Гавайях в иеведении о предстоявшем японском иападеиии. А когда япоиская авиация ианесла удар по Пёрл-Харбору, ои использовал зто как повод для того, чтобы поднять иарод Соединенных Штатов, не желавший воевать, иа вооружеиную борьбу.

Осиователем направления считается Чарльз А. Бирд. Впрочем, маститый историк в первую очередь занимался вопросом о том, почему в условиях американской "демократии" правительство безответственно перед народом. Эту печальную для либерала, каким был Ч. Бирд, тему ои развивал в своих двух книгах, увидевших свет в 1946—1948 годах[42]. Крайние выводы о Ф. Рузвельте сделали его ученики, сплотившиеся после смерти Ч. Бирда в 1948 году вокруг профессора Х. Бариса, столпа "ревизионистов" 20-х годов, которые тогда доказывали, что США ие иужно было вступать в первую мировую войну.

На коицепции зтих историков, основными среди которых были Ч. Тэизилл, Ф. Санбори, Дж. Моргеиштери[43], иаложила зиачительиый отпечаток дискуссия о путях американской виешней политики. "Ожесточеиие ревизионистов отражает отвергнутую политику... — отмечал видный деятель администрации Рузвельта Р. Тагвелл. — Ревизиоиизм в данном случае, как и в случае Вильсоиа и его войны, является возрождением точки зрения влиятельиых кругов о том, что Франклин [Рузвельт] шел напролом и проводил ошибочную политику. Аргументация основывается на том, что ои желал войны и маневрировал, с тем чтобы вовлечь США в войну против держав оси. Аргумеитация идет дальше: указывается, что войны следовало бы избежать, ибо дела обстоят хуже по завершении военных действий, чем оии были бы, если бы проводилась политика компромисса. Совершенно очевидно, что в дискуссии такого рода иельзя прийти к каким-либо определенным выводам"[44]. Школа "ревизионистов" получила шумную и даже скандальную известность в Соединенных Штатах на рубеже 40-х и 50-х годов. Маккартистам особенно пришлись по душе иападки иа Ф. Рузвельта. Однако историки этого направления, ссылаясь на события кануна второй мировой войны, стали на позиции "неоизоляционизма" — Соединенным Штатам и ныне нужны свободные руки, то есть высказались против участия страны в военных блоках. На "ревизиоиистов" ополчилась официальиая историография, и влияние школы быстро упало.

Идейный манифест "ревизиоиистов" — сборник статей под редакцией Х. Барнса "Вечная война за вечный мир"[45], выпущеиный в 1953 году, — может убедить только убежденных. Не боль-

ше. Впрочем, таких было немало, и ие только в США. Но по иным причинам, чем "ревизионисты". В "заключительном отчете" о своей миссии в Токио Р. Крейги, встретивший войну с Японией в 1941 году на посту английского посла, резко раскритиковал Хэлла и его политику. "Я считаю, — писал Крейги, — что можно было достичь компромисса с Японией в декабре 1941 года". Он выразил увереиность, что, если бы не меморандум Хэлла от 26 иоября, "война с Японией не была бы иеизбежна". Отчет вызвал замешательство в Форин оффис, где сочли его "резким обвинеиием политики США". Крейги заставили переделать бумагу.

В сеитябре 1943 года У. Черчилль заметил: "Это очень странный докумеит, который нужно держать в строжайшем секрете. Я едва ли читал более одностороннюю и прояпонскую версию случившегося.., вылившегося в бесчинство Пёрл-Харбора"[46].

В июие 1944 года министр производства Англии О. Литтлтои в речи перед американской торговой палатой в Лондоне заявил: "Япоиию спровоцировали иапасть на Пёрл-Харбор. Извращают историю, кто утверждает, что Америку вынудили вступить в войну". Разумеется, сказанное Литтлтоном, да и история с "заключительным отчетом" Крейги дали оружие в руки "ревизиоиистов". Без цитаты из этой речи английского министра не обходится ии одна из книг "ревизиоиистов". Цитируют, однако, вие коитекста. Литтлтои как раз восхвалял США за то, что оии оказывали военную помощь Англии. Виося коррективы в свою речь, ои подчеркнул (что ие цитируют "ревизионисты"!): "Японский агрессор считал эту помощь провокацией и вероломно напал иа Пёрл-Харбор"[47].

Американский профессор Л. Сеарс заметил: "Ревизионизм относительио второй мировой войны не слишком развился. Историки, оправдывающие вступление США в войну, более объединены и более иаступательны, чем было после первой мировой войны, а их противиики не сумели добиться, чтобы их выслушали как следует. Послание "восточный ветер", говорившее о намереиии Японии напасть, весьма уместно исчезло из правительствеиных архивов... Было бы опрометчиво полагать, что американцы в 1984 году будут столь же хорошо информированы о второй мировой войне, как нынешнее поколение американцев о первой мировой войне".

Прогноз Л. Сеарса — срок, указанный им, — середина 80-х годов — в общем оправдался. В отношеиии грамотности американцев в истории. Но нужно виести серьезные коррективы в описанное профессором примерио 30 лет назад. "Ревизио-

низм" обнаружил необычайную выживаемость, ибо рука об руку с укреплением военных связей между США и Японией там растет сожаление по поводу утраченных тогда Токио возможностей — не поднимать оружие против Америки, а обрушиться на СССР. Тут и пригодилась тенденция, изначально заложенная в работах "ревизионистов", причем второго положения в пору расцвета этого направления — У. Чемберлена и У. Ньюмана[48]. Эти двое подробно, а некоторые другие "ревизионисты" мельком пытались доказать, что участие США во второй мировой войне было ошибочным, ибо из нее Советский Союз вышел могучей державой.

Отсюда у "ревизионистов" следовало — США-де необоснованно обостряли отношения с Японией. В результате случился Пёрл-Харбор. Мы уже имели возможность убедиться, как развил в 80-е годы эти тезисы до абсурда Дж. Толанд в своей книге "День позора. Пёрл-Харбор и его последствия". С годами официальные историки приучились выстраивать в своих трудах факты так, что их изложение в этом отношении стало совпадать с "ревизионистами", хотя одновременно они жарко открещивались от идейного родства с ними. Типичный пример — работы Г. Пранджа и его соавторов. В монументальной книге "Мы спали на рассвете" он указал: "Более чем тридцатилетние тщательные поиски, включая все материалы, рассекреченные до 1 мая 1981 г., не дали результатов — не обнаружено ни одного документа или одного слова в показаниях, которые подтвердили бы позицию ревизионистов"[49]. Но в этой же книге он подтасовывает факты именно так, как делали " ревизионисты" в своих целях.

Излагая известные рекомендации Маршалла и Старка Рузвельту 5 ноября 1941 г., Прандж опускает основное — командование американских вооруженных сил заявляло: нападение Японии на СССР не должно повлечь вмешательство США. Или телеграмму с "кодом ветров" из Токио Номура он датирует не 19 ноября, а 29 ноября 1941 г. Далее опускаются важнейшие события в Вашингтоне в промежутке от получения японского плана В до ноты Хэлла от 26 ноября и т.д.[50] Что, Прандж не ведал, что творил, занимаясь грубыми извращениями? Отнюдь нет.

Он был официальным историографом генерала Д. Макартура в бытность его американским проконсулом в Японии. Сразу после 1945 года Прандж до отказа использовал свое пребывание в Японии, расспросив, а поначалу даже, видимо, допросив практически всех, кто с японской стороны имел отношение к Пёрл-Харбору. Вызванные им не могли не отвечать: Прандж — с 1946 года гражданский чиновник оккупационных

сил – имел ранг, соответствовавший воинскому званию генерал-майора. Любознательный историк, правда, был куда как обходителен, потчуя в то тяжелое для Японии время оголодавших "гостей": адмиралов, генералов и офицеров разбитых императорского флота и армии бренди и бисквитами из магазина оккупантов.

То дела давно минувших дней, когда Гэнда 72 раза, а Футида 50 раз побывали, скажем, на расспросах у Пранджа. С Макартуром Прандж вернулся в 1951 году в Вашингтон и стал профессором Мэрилендского университета. С тех пор он все писал свою книгу. В конце 70-х силы стали иссякать. Прандж в 1979 году передал в распоряжение учеников, молодых историков Д. Голдштейна и К. Диллона, как все материалы (размещенные в комнате 6 х 7 *м*), так и неоконченную многотомную рукопись – 3500 машинописных страниц. В мае 1980 года Прандж умер, а книга, законченная Голдштейном и Диллоном, увидела свет в канун 40-й годовщины Пёрл-Харбора[51].

Так что само предположение о том, что Прандж мог ошибиться по неведению, смехотворно. Речь идет об умышленной селекции документов в понятных целях. Очень компетентный исследователь Д. Кан счел необходимым в своей рецензии объединить работы Толанда и Пранджа, объяснив: "Хотя книги Пранджа и Толанда различны по изложению и концепциям, в обеих высказываются ошибочные суждения об истории. Толанд, по существу, именует Рузвельта убийцей и военным преступником, кем он не был. Прандж называет Пёрл-Харбор "поворотным пунктом в мировой борьбе". Это не так; подлинным поворотным пунктом было вторжение Гитлера в Россию, ибо он попал в тиски войны на два фронта – против непобедимого колосса, с одной стороны, и непотопляемой базы – с другой".

Хотя сказанное Каном в высшей степени интересно исторически, куда весомее его политическая оценка последних свершений в американской историографии Пёрл-Харбора. "Утверждения ревизионистов имеют куда большие последствия, чем обвинения Рузвельта в сокрытии информации о предстоявшем нападении. С утверждениями о том, что войну [с Японией] можно было избежать, связано убеждение, которого придерживаются некоторые, хотя и неясно, находится Толанд среди них, о том, что Соединенным Штатам следовало бы воевать с Советским Союзом, а не с Японией. Из всех ревизионистских теорий эта самая неисторическая"[52].

Действительно, в антисоветском угаре иные в США стали писать совершеннейший вздор.

ЭПИЛОГ: ЗА ЧЕРТОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

"Сколько бы нам ни потребовалось времени, чтобы отразить это тщательно подготовленное нападение, — говорил Франклин Д. Рузвельт 8 декабря 1941 г., — американский народ в своем справедливом гневе пройдет путь до конца — до полной победы. Я полагаю, что выражу волю конгресса и народа, когда скажу: мы не только не пощадим усилий, защищая себя, но сделаем все, чтобы подобное предательское нападение никогда больше не угрожало нам"[1]. Против Японии была обращена мощь Объединенных Наций, а вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке в августе 1945 года привело к быстрой капитуляции японских милитаристов.

Япония была оккупирована американскими войсками. Встал вопрос о наказании японских военных преступников, что являлось декларированной целью Объединенных Наций в годы войны. Американский генерал Д. Макартур, формально верховный союзный главнокомандующий на Дальнем Востоке, впоследствии писал: "Принцип уголовной ответственности политических лидеров страны, побежденной в войне, был для меня отвратителен. Я считал, что поступающие таким образом нарушают основные принципы уголовного законодательства. Я считал и соответственно рекомендовал ограничить уголовную ответственность политических лидеров Японии на начало войны обвинением в нападении на Пёрл-Харбор как совершенном без предварительного уведомления"[2]. Если обвинение захочет привлечь к суду еще и императора, заметил как-то Д. Макартур, тогда придется увеличить оккупационные силы на миллион человек.

Личные взгляды генерала Д. Макартура, однако, не могли определить структуру и работу Международного военного трибунала, учрежденного в Токио в начале 1946 года. Он состоял из представителей одиннадцати стран, в том числе Советского Союза. Однако Д. Макартур был наделен высшей властью в Японии, и американские власти сумели взять в свои руки большую часть подготовительной работы. Вызов свидетелей и отбор до-

кументов в известной степени завнсели от них. В результате магнаты моиополистического капитала — клика "дзайбацу", двигавшая страну к войне, — полностью избежали ответственности. Перед трибуналом предстали только политики и военные.

Ответственность милитаристской клики за агресснвную войну, в том числе за Пёрл-Харбор, была установлена вне всяких сомнений. В приговоре Международного военного трибунала было также записано: "Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматрнвалась и планнровалась Японией в теченне рассматриваемого периода (т.е. с 1928 г.), что она была одним из основных злементов японской национальиой политики н что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке"[3]. Семерых главных военных преступников приговорили к смертной казин н повесилн 22 декабря 1948 г.

Какова судьба непосредственных нсполнителей преступных замыслов японской военщины? Подавляющее большинство служивших в оперативном соединении Нагумо 7 декабря 1941 г. погибли в войне, их поглотилн волны Тихого океана. Но военная судьба капризиа, оиа пощадила некоторых, кто сыграл выдающуюся роль в налете на Пёрл-Харбор. После войны получили известность, кто был относительно молод в день Пёрл-Харбора, — Сугуру Сузукн, Мицуо Футида н Минору Гэнда. Тогда нм было по 33—37 лет. В свое время их заслугн были высоко оцеиены императорскими вооруженными силами, а ныне союзником Японии по агрессивным блокам — Соединеннымн Штатамн. Футида после войны оставил военную службу, стал священником. Сузуки и Гэнда сиова наделн мундиры. Первый служил коитр-адмиралом "обороиительных военно-морских сил" Японии, второй дослужился до чина геиерал-лейтенанта. До весиы 1962 года он занимал пост командующего военно-воздушными силами Японии. По случаю ухода в отставку — Гэида исполнилось 57 лет — американский геиерал Лаймэн Лемиитцер вручил ему в дополненне к японским иградам за Пёрл-Харбор американский ордеи "За заслугн".

В декабре 1961 года корреспондент журнала "Ю.С. ньюс знд Уорлд рипорт" попросил Г. Пранджа дать интервью в связн с двадцатилетней годовщиной "Дня позора". Корреспоидент спросил: "Как япоицы относятся сейчас к своему внезапному нападеиию? Обиаружили ли вы у них чувства сожалеиия илн раскаяния?" Прандж ответил: "Нет, оии считают, что выполнилн свой долг в отношении императора и страны. Угрызения совести не тревожат их. Гэнда публично заявлял, что он нн о чем не сожалеет. И Футида тоже не сожалеет об этом". Прандж привел слова японского адмирала Тюитн Хара: "Амернканское правительство

должно дать нам ордена за то, что мы сделали для него, ибо мы воздействовали на чувства американцев и подняли их на войну. Мы оказали вам психологическую услугу"[4]. Не этому ли совету последовали США, наградившие спустя несколько месяцев Гэнда орденом "За заслуги"?

Прошла еще четверть века. Теперь и американские историки, ссылаясь на новейшие изыскания, в интересах укрепления отношений с Токио вносят поразительные вклады в историю Пёрл-Харбора. Р. Пино и Дж. Костелло, доработавшие книгу покойного контр-адмирала Э. Лейтона "И я был там" (1985 г.), обнародовали открытие: Советский Союз-де знал и не сообщил о подходе оперативного соединения адмирала Нагумо к Гавайям!

В книге с интригующими недомолвками трактуется о том, что "не заметил ни один американский историк", а именно — корабли Нагумо встретили на пути к Гавайям советское судно. «Этим судном, — сказано в книге, — почти наверняка был "Урицкий", прошедший через Золотые ворота в Сан-Франциско несколько дней ранее с важным военным грузом по ленд-лизу. Курс судна пересекался с курсом "Кидо Бутай" где-то северо-западнее Гавайских островов... По всей вероятности, русские сообщили японцам о курсе "Урицкого"». Из этой посылки следует логический вывод — советская разведка знала точные детали, каким маршрутом пойдет через северную часть Тихого океана ударное соединение Нагумо!

Если дело обстояло так, тогда Сталин логично приказал уведомить Токио о курсе "Урицкого". Ему нужно было предотвратить инцидент в критическое для обеих стран время. Он также должен был обеспечить благополучную доставку грузов по ленд-лизу — танков и самолетов — во Владивосток и своевременную перевозку их по Транссибирской железнодорожной магистрали для спасения Москвы...

Прервем повествование. Простой расчет показывает: таинственное советское судно должно было прийти во Владивосток тогда, когда Красная Армия 6 декабря 1941 г. уже погнала вермахт на Запад. Кстати, велико ли было судно и сколько оно могло привезти этих "танков и самолетов"? Словоохотливый автор не оставляет в неведении: "Водоизмещением в 1200 *т*".

С серьезным видом в книге истолковывается приказ, отданный Нагумо, — топить встречные суда "третьей страны". Приказ этот-де не относился к советским судам. Отсюда поразительные рассуждения: "Тот факт, что Токио отдал этот приказ, а "Кидо Бутай" встретил русское судно примерно в 900 милях южнее более короткого оживленного пути во Владивосток с западного

побережья Америки, указывает — японцы получили некое предупреждение. Оно могло исходить только от русских, лишь они знали, что "Урицкий" так перегружен, что маленькое судно нужно было направить необычным, более южным курсом подальше от дурной погоды у берегов Аляски. Предупреждение и встреча в океане указывают на то, что до сих пор не подозревали, — существовал тесный сговор между Москвой и Токио. Если с "Урицкого" видели "Кидо Бутай" в последнюю пятницу мира на Тихом океане (5 декабря. — *Н.Я.*), капитан судна не сообщил об этом открыто по азбуке Морзе.., а вероятно, "Урицкий" доложил эти важнейшие разведывательные данные секретным советским кодом... Возможный сговор между Токио и Москвой указывает: Сталин точно знал, как, где и когда разразится война на Тихом океане"[5].

Коль скоро эти данные преподносятся от имени контр-адмирала Э. Лейтона, профессионального американского разведчика, поучительно проверить их достоверность. Обращение в советские архивы дало результаты, которые можно было ожидать. Да, был "Урицкий" — лесовоз водоизмещением 3328, а не 1200 т. В июне 1941 года Дальневосточное морское пароходство сдало лесовоз "Урицкий" в аренду Владивостокскому арктическому пароходству, и летом — осенью 1941 года "Урицкий" участвовал в доставке грузов в Арктику. В порты США в 1941 году "Урицкий", естественно, не заходил. В США лесовоз ходил летом 1942 года (капитан И.А. Чернов). По описанным причинам никак не мог "Урицкий" встретить 5 декабря 1941 г. оперативное соединение Нагумо поблизости от Гавайских островов. Все написанное об этом от имени Э. Лейтона — ложь.

И это не должно удивлять. Американский историк флота Р. Лав, рецензируя в январе 1986 года эту книгу, писал: «Ее выход прискорбен по двум причинам. Она усиливает представление об историках Пёрл-Харбора как о сварливых чудаках, процветающих только в атмосфере своей крошечной теплицы. Обращение Костелло с текстом также снижает образ и достижения прекрасного офицера, заслуживающего лучшего от наследников его воспоминаний.

Извлекать "уроки" из Пёрл-Харбора, как бесцеремонно пытался Костелло, изнурительная подённая работа. Ничего нельзя извлечь ни из уверенности Пранджа, что сказанное им и есть "вердикт истории", ни из незамысловатых рассуждений Костелло, что новые изыскания "едва ли изменят сцену"»[6].

Почему же? Извлечь можно то, что не желает видеть и суровый рецензент. Новейшие исследования в США Пёрл-Харбора перешли за последнюю черту, за которой кончается наука. Те-

перь вину за Пёрл-Харбор пытаются поделить между Японией и СССР! Применительно к истории с лесовозом "Урицким" нет необходимости вдаваться в тонкости: кто — контр-адмирал или его посмертные соавторы — лжет. Они несут коллективную ответственность за то, что к нашим дням изучение истории Пёрл-Харбора в США укладывается в прокрустово ложе антисоветского клише, созданного могучим пропагандистским аппаратом Вашингтона.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

1 Spector R. Someone Had Blundered, but Who?//New York Times Book Review. – Jan. 5. – 1986. – P. 9.
2 Toland J. Infamy. Pearl Harbor and its aftermath. – N.Y., 1984. – P. XVI, 340.

Как это произошло

1 Thorne Ch. Allies of a Kind. The United States, Britain and the War against Japan. – N.Y., 1979. – P. 28.
2 Цит. по Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942. – М., 1955. – С. 10.
3 Pearl Harbor as History/Ed. by D. Borg, Sh. Okamoto. – N.Y., 1973. – P. 261–262.
4 См. Morgenstern G. Pearl Harbor. The Story of the Secret War. – N.Y., 1947. – P. 69.
5 Pearl Harbor Attack. Hearings before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack (далее: Pearl Harbor Attack). – Pt. 2. – Wash., 1946. – P. 536–537.
6 Ibid. – P. 548.
7 Fukudome Sh. Hawaii Operation//United States Naval Institute Proceedings. – 1955. – Dec. – P. 1317.
8 Футида М., Окумия М. Сражение у атолла Мидуэй. – М., 1958. – С. 46.
9 Prange G. with Goldstein D. and Dillon K. Pearl Harbor: The Verdict of History. – N.Y., 1986. – P. 495 (далее: Prange G. Op. cit.).
10 Цит. по Okumia M., Horikoshi J. with Caiden M. Zero. – N.Y., 1956. – P. 61.
11 Цит. по Kato T. The Lost War. – N.Y., 1946. – P. 89.
12 Layton E. with Pineau R. and Costello J. And I Was There. – N.Y., 1985. – P. 71–72 (далее: Layton E. Op. cit.).
13 Agawa H. The Reluctant Admiral: Yamamoto and the Imperial Navy. – N.Y., 1979. – P. 158.
14 Layton E. Op. cit. – P. 64.
15 Collier R. 1940: The World in Flames. – L., 1980. – P. 269.
16 Fucudome Sh. Op. cit. – P. 1317.
17 Цит. по Prange G. At Dawn We Slept. The Untold Story of Pearl Harbor. – N.Y., 1981. – P. 21, 123, 26 (далее: At Dawn We Slept...).
18 Layton E. Op. cit. – P. 111.
19 См. Pearl Harbor as History. – P. 167.
20 Цит. по Prange G. At Dawn We Slept... – P. 228–229, 232, 262–263, 13.
21 Цит. по Хасимото М. Потопленные. – М., 1955. – С. 32.
22 Цит. по Lord W. The Day of Infamy. – L., 1957. – P. 28.

23 См. Prange G. At Dawn We Slept... – P. 323.
24 Layton E. Op. cit. – P. 110.
25 Prange G. At Dawn We Slept... – P. 151.
26 Whitehead D. The FBI story. A Report to the people. – N.Y., 1956. – P. 186.
27 Ungar S. FBI. – Boston, 1976. – P. 105.
28 Congressional Record. – 1944. – Aug. 21. – Vol. 87. – Pt. 7. – P. 7592.
29 Prange G. At Dawn We Slept... – P. 152, 257.
30 Yoshikawa Tadeo with Norman Stanford. Top Secret Assignment//United States Naval Institute Proceedings. – 1960. – Dec. – P. 47.
31 См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 35. – P. 363.
32 Ibid. – P. 531.
33 Ibid. – Pt. 12. – P. 261.
34 Ibid. – P. 268.
35 Ibid. – P. 266, 269.
36 Цит. по Morgenstern G. Op. cit. – P. 56–58.
37 Цит. по Dyer G. On the Treadmill to Pearl Harbor: The Memoirs of Admiral James D. Richardson. – Wash., 1973. – P. 435–436.
38 См. Prange G. Op. cit. – P. 417.
39 Arnold H. Global Mission. – N.Y., 1949. – P. 193–194.
40 Layton E. Op. cit. – P. 225.
41 Admiral Kimmel's Story by Husband E. Kimmel. – Chi., 1955. – P. 19 (далее: Admiral Kimmel's Story...).
42 Цит. по Prange G. At Dawn We Slept... – P. 133.
43 Pearl Harbor Attack. – Pt. 15. – P. 1635.
44 Ibid. – Pt. 14. – P. 1044.
45 См. Prange G. At Dawn Slept... – P. 139–140.
46 Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1402.
47 Ibid. – Pt.10. – P. 4856.
48 Ibid. – Pt.16. – P. 2251.
49 Ibid. – Pt.14. – P. 1406.
50 Ibid. – Pt.16. – P. 2276.
51 Цит. по Admiral Kimmel's Story... – P. 57.
52 См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 36. – P. 159–160.
53 См. Morgenstern G. Op. cit. – P. 226–231.
54 См. Morison S. The Rising Sun in the Pacific, 1931 – April 1942. – Boston, 1948. – P. 210–213.
55 См. Prange G. At Dawn We Slept... – P. 336.
56 Admiral Kimmel's Story... – P. 48.
57 См. Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. – Stanford, 1962. – P. 42.
58 Цит. по Brownlow D. The Accused. – N.Y., 1968. – P. 126.
59 Admiral Kimmel's Story... – P. 75.
60 Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. – М., 1956. – С. 63.
61 Цит. по Lord W. Op. cit. – P. 19.
62 Что произошло в Пёрл-Харборе? Документы о нападении Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года. – М., 1961. – С. 132 (далее: Что произошло в Пёрл-Харборе?).
63 См. Admiral Kimmel's Story... – P. 8.
64 См. Farrago L. Burn after reading. The Espionage History of World War II. – N.Y., 1962. – P. 186–187.

65 Цит. по Lord W. Op. cit. – P. 67.
66 New York Times. – 1981. – Dec. 7.
67 См. Morgenstern G. Op. cit. – P. 37.
68 См. Karig W., Kelley W. Battle Report: Pearl Harbor to Coral Sea. – N.Y., 1944. – P. 18–19, 38, 42.
69 Цит. по Stafford E. The Big E. The Story of the USS Enterprise. – N.Y., 1962. – P. 14.
70 Admiral Halsey's Story. – N.Y., 1947. – P. 77.
71 Fuchida M. I led the attack on Pearl Harbor//Washington Post Magazine. – 1981. – Dec. 6. – P. 32–33.
72 См. Lord W. Op. cit. – P. 158–159, 220.
73 Цит. по Prange G. At Dawn We Slept... – P. 543.
74 Whitehead D. Op. cit. – P. 190.
75 Lord W. Op. cit. – P. 190.
76 Ryan P. Pearl after the attack//Washington Post Magazine. – 1981. – Dec. 6. – P. 18.
77 См. Stafford E. Op. cit. – P. 20–21.
78 Pearl Harbor Attack. – Pt. 16.– P. 2257; Pt. 22. – P. 94.
79 Prange G. At Dawn We Slept... – P. 589, 561.
80 См. New York Times. – 1984. – Apr. 2.
81 См. Prelude to Infamy. Official Report on the Final Phase of U.S.//Japanese Relations. October 17 to December 7, 1942. – N.Y., 1943. – P. 41–48 (далее: Prelude to Infamy...).

Почему это произошло

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 330.
2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 284.
3 Sato K.H. If Japan and America Fight. – Tokyo, 1921. – P. 69–74, 173.
4 Коммунистический Интернационал. – 1931. – № 33–34. – С. 48, 52.
5 Цит. по Kennedy M. Aspects of Japan and Her Defence Forces. – L., 1928. – P. 125, 132.
6 Цит. по Международная жизнь. – 1965. – № 4. – С. 110.
7 Цит. по Дементьева И., Агаянц Н., Яковлев Е. Товарищ Зорге. – М., 1965 (далее: Дементьева И. Указ. соч.).
8 Цит. по Butow R. Tojo and the coming of the War. – Princeton, 1961. – P. 107.
9 Layton E. Op. cit. – P. 63.
10 См. История второй мировой войны. – М., 1974. – Т. 2. – С. 72.
11 Чуйков В.И. Миссия в Китае. – М., 1983. – С. 9–10.
12 Цит. по Дементьева И. Указ. соч. – С. 89–90.
13 См. История второй мировой войны. – Т. 2. – С. 210.
14 New York Times. – 1938. – Nov. 29.
15 См. Яковлев Н.Н. Маршал Жуков. – М., 1986. – С. 7.
16 См. Shigemitsu M. Japan and Her Destiny. – L., 1958. – P. 171.
17 См. Documents of German Foreign Policy. Series D./Ed. by A. Toynbee and V. Toynbee. – Oxford, 1958. – P. 664–676.
18 Shigemitsu M. Op. cit. – P. 177.
19 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1939. – Vol. 3. – P. 52.
20 Цит. по Langer W., Gleason S. The Undeclared War, 1940–1941. – N.Y., 1954. – P. 4.

[21] См. Kase T. Journey to the "Missouri". – New Haven, 1950. – P. 43.
[22] См. Collier R. Op. cit. – P. 187.
[23] Захариас Э. Секретные миссии. – М., 1959. – С. 282.
[24] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. – Т. I. – М., 1955. – С. 409.
[25] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 32.
[26] См. Watson M. Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. – Wash., 1950. – P. 115–121 (далее: Chief of Staff...).
[27] Congressional Record. – Vol. 87. – Pt. 10. – P. A 1156.
[28] Ibid. – Pt. 6. – P. 6112.
[29] Ibid. – Vol. 90. – Pt. 6. – P. 7916.
[30] Flynn J. The Truth about Pearl Harbor. – N.Y., 1944. – P. 7.
[31] Prange G. Op. cit. – P. 161.
[32] Чуйков В.И. Указ. соч. – С. 54–55.
[33] См. Grew J. Ten Years in Japan. – N.Y., 1944. – P. 334.
[34] Pearl Harbor Attack. – Pt. 2. – P. 635.
[35] Grew J. Ten Years in Japan. – P. 359, 361, 363.
[36] См. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. I. – М., 1958. – С. 453. См. подробнее Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942. – М., 1955. – С. 50–67.
[37] Цит. по Thorne Ch. Op. cit. – P. 120–123.
[38] Nazi Conspiracy and Agression. – Vol. 6. – Wash., 1946. – P. 906.
[39] Цит. по Irving D. Hitler's War. – L., 1977. – P. 261–262.
[40] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 350, 352.
[41] Цит. по Feis H. The Road to Pearl Harbor: the coming of the war between the United States and Japan. – Princeton, 1950. – P. 57.
[42] Цит. по Аварин В. Борьба за Тихий океан. – М., 1947. – С. 226.
[43] Prange G. Op. cit. – P. 27.
[44] Цит. по Villamine V. Japan and Russia Fabricate a Treaty out of Synthetic friendship//Congressional Record. – Vol. 87. – Pt. 11. – P. 1797.
[45] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941. – Vol. 4. – P. 965.
[46] Layton E. Op. cit. – P. 89–90.
[47] См. Welles S. Time for Decision. – N.Y., 1944. – P. 170; Hull C. Memoirs. – N.Y., 1948. – Vol. 2. – P. 967; Farrago L. Burn After reading. The Espionage History of World War II. – P. 121–123.
[48] См. Montgomery H. Hyde. Room 3603. – N.Y., 1963. – P. 58.
[49] Цит. по Dunlop R. Donovan. America's Master Spy. – N.Y., 1982. – P. 282.
[50] См. Butow J. The John Doe Associates: Backdoor Diplomacy for Peace. – Stanford, 1974. – P. 41, 108.
[51] См. Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 311–315.
[52] Ibid. – P. 322.
[53] Pearl Harbor Attack. – Pt. 19. – P. 3445.
[54] Батлер Д. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. – М., 1959. – С. 450.
[55] Bamford J. The Puzzle Palace. A Report on America's Most Secret Agency. – Boston, 1983. – P. 36–39.
[56] Kahn D. The Codebreakers. – L., 1978. – P. 13.
[57] Layton E. Op. cit. – P. 48.
[58] См. Kahn D. Op. cit. – P. 15–17.
[59] Layton E. Op. cit. – P. 232.
[60] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 325.

61 Ibid. – P. 467.
62 См. Butow R. The Hull-Nomura Conversations: A Fundamental Misconception // American Historical Review. – 1960. – July. – P. 284.
63 Hull C. Memoirs. – Vol. 2. – P. 985–986.
64 Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 473.
65 Pearl Harbor Attack. – Pt. 20. – P. 4296.
66 См. Prange G. At Dawn We Slept. – P. 119.
67 Pearl Harbor Attack. – Pt. 4. – P. 1861, 1863.
68 Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 479.
69 Цит. по Номура К. Миссия в Америку. К японо-американским переговорам. С приложением 38 дипломатических документов на английском языке по вопросу о японо-американских переговорах в 1941 году. – Токио, 1946. – С. 60–67, 69.
70 Pearl Harbor Attack. – Pt. 20. – P. 4004.
71 История войны на Тихом океане. – Т. 3. – С. 379–380.
72 Prange G. Op. cit. – P. 123–124; Butow R. Tojo and the coming of the War. – P. 120.
73 См. Admiral Kimmel's Story... – P. 82.
74 См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1397.
75 Ibid. – Pt. 12. – P. 1–2.
76 Ibid. – Pt. 14. – P. 1397.
77 Watson M. Chief of Staff... – P. 493.
78 См. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1941. – Vol. 1. – P. 768.
79 См. Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 538.
80 Цит. по Prange G. Op. cit. – P. 123.
81 См. Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 502.
82 Цит. по Dawson R. The Decision to Aid Russia 1941. – The University of North Carolina Press, 1959. – P. 118.
83 См. Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 506.
84 Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. – N.Y., 1979. – P. 272.
85 Shigemitzu M. Op. cit. – P. 235.
86 Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1398–1399.
87 Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 484.
88 См. История войны на Тихом океане. – Т. 3. – С. 204.
89 См. The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 3. – N.Y., – P. 558–559.
90 См. F.D.R. His Personal Letters. – Vol. 2. – N.Y., 1950. – P. 1173–1174.
91 Pearl Harbor Attack. – Pt. 5. – P. 2382–2385.
92 См. Morgenstern G. Op. cit. – P. 99.
93 Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 533–534.
94 См. The Secret Diary of Harold L. Ickes. – Vol. 3. – P. 588.
95 Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 655.
96 Pearl Harbor Attack. – Pt. 16. – P. 2239.
97 Ibid. – P. 2175–2177.
98 Ibid. – Pt. 10. – P. 4995.
99 Tugwell R. The Democratic Roosevelt. – N.Y., 1957. – P. 14.
100 Time. – 1982. – Jan. 25. – P. 31.
101 Butow J. The FDR Tapes // American Heritage. – Febr. – March 1982. – P. 16–17, 12.

[102] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. – N.Y., 1975. – P. 206.
[103] Thorne Ch. Op. cit. – P. 6–9.
[104] Ibid. – P. 1.
[105] Brown A. Wild Bill Donovan. The Last Hero. – N.Y., 1982. – P. 76, 75, 192.
[106] Dunlop R. Op. cit. – P. 302.
[107] Gwyer J., Butler R. Grand Strategy. – L., 1964. – Vol. 3. – P. 136–137.
[108] Dawson R. Op. cit. – P. 184.
[109] Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom, 1941–1945. – N.Y., 1970. – P. 128.
[110] Gwyer J., Butler R. Op. cit. – P. 137.
[111] Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 556–558.
[112] В книге американского историка Дж. Моргенштерна, одной из основных работ, в которых доказывается, что Ф. Рузвельт "заставил" Японию напасть на США, американское правительство обвиняется в провоцировании Токио. Оставляя в стороне эту крайнюю версию, следует отметить, однако, что автор в пылу полемики высказал здравую идею. Моргенштерн собрал несколько примеров предостережений Японии, сделанных в 1941 году ответственными деятелями США японским дипломатам. Эти предостережения достаточно точно устанавливали границы безнаказанной японской агрессии. Моргенштерн пишет: "Наиболее удивителен тот факт, что во всех этих заявлениях Японии грозили войной, если она нападет на территории, не принадлежавшие США. Думан (советник посольства США в Токио. – *Н.Я.*) грозил войной от имени Англии, ее доминионов и колоний. Тернер грозил войной от имени голландских и британских колоний. Уэллес исключал возможность мирного урегулирования, ибо Япония двинулась в Индокитай, тогда принадлежавший вишистской Франции. Рузвельт думал о жизненно важных коммуникациях Британской империи, когда выступил со своим всеобъемлющим предупреждением. И, как мы увидим, государственный секретарь Хэлл действовал по наущению китайцев, когда он отказался от собственного плана сохранить мир и предъявил такие требования Японии, которые вызвали нападение на Пёрл-Харбор и войну". Цель этих рассуждений совершенно ясна, как и то, что Соединенные Штаты никогда не предостерегали Японию против нападения на Советский Союз (см. Morgenstern G. Pearl Harbor. – P. 122–126).
[113] Pearl Harbor Attack. – Pt. 4. – P. 1695.
[114] См. Feis H. Op. cit. – P. 282.
[115] См. Grew J. Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years 1904–1945. – Boston, 1952. – Vol. 2. – P. 1332 (далее: Turbulent Era...).
[116] Цит. по Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 700.
[117] Prange G. At Dawn We Slept... – P. 177.
[118] См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 20. – P. 3999.
[119] Цит. по Butow R. Tojo and the coming of the War. – P. 246.
[120] См. Burns J. Op. cit. – P. 136–137.
[121] Shigemitzu M. Op. cit. – P. 248.
[122] Grew J. Turbulent Era... – Vol. 2. – P. 1324–1330.
[123] Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 645.
[124] Grew J. Ten Years in Japan. – P. 444.

[125] См. Prange G. Op. cit. – P. 235.
[126] Pearl Harbor Attack. – Pt. 20. – P. 4009.
[127] New York Times. – 1945. – Dec. 27.
[128] Kahn D. Op. cit. – P. 30.
[129] Life. – 1941. – Oct. 27. – P. 34.
[130] Цит. по Morgenstern G. Op. cit. – P. 176.
[131] Цит. по Washington Post. – 1982. – Dec. 7.
[132] F.D.R. His Personal Letters. – Vol. 2. – P. 1223.
[133] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 730.
[134] Prange G. At Dawn We Slept... – P. 287.
[135] Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1402.
[136] Ibid. – Pt. 16. – P. 2214–2215.
[137] Ibid. – Pt. 32. – P. 191.
[138] Ibid. – Pt. 18. – P. 3196–3197.
[139] Prange G. Op. cit. – P. 125.
[140] Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. – L., 1962. – P. 178.
[141] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 838.
[142] См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1356–1358.
[143] Ibid. – P. 1361.
[144] Ibid.
[145] См. Wohlstetter R. Op. cit. – P. 165.
[146] Pearl Harbor Attack. – Pt. 3. – P. 1119.
[147] Ibid. – Pt. 20. – P. 4443.
[148] Stevenson W. A Man Called Intrepid. – L., 1979. – P. 276–279, 282.
[149] Washington Post. – 1982. – Dec. 2.
[150] Washington Post. – 1983. – Apr. 2.
[151] Цит. по Brown A. Op. cit. – P. 196.
[152] Цит. по Dunlop R. Op. cit. – P. 303.
[153] См. Smith B. The Shadow Warriors, OSS and the origins of CIA. – N.Y., 1983. – P. 77.
[154] Pearl Harbor Attack. – Pt. 14. – P. 1065–1067.
[155] Цит. по Manchester W. American Caesar. Douglas MacArthur 1880–1964. – N.Y., 1978. – P. 219.
[156] См. Togo C. The Cause of Japan. – N.Y., 1951. – P. 126–140.
[157] См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 79–82.
[158] Hitler's Secret Conversations. – N.Y., 1951. – P. 117.
[159] Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 736.
[160] Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 130.
[161] Цит. по Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 809.
[162] Ibid. – P. 137.
[163] Burns J. Op. cit. – P. 155.
[164] Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 759.
[165] Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 237.
[166] Цит. по Wohlstetter R. Op. cit. – P. 232.
[167] См. Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 755–756.
[168] Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 161.
[169] См. Prange G. At Dawn We Slept... – P. 363.
[170] Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 165.
[171] Ibid. – Pt. 14. – P. 1106.

[172] Что произошло в Пёрл-Харборе? – С. 167 (см. в документах, переведенных на русскнй язык, извлеченне из дневника Г. Стимсона за эти дни).
[173] Pearl Harbor Attack. – Pt. 16. – P. 2225.
[174] Цит. по Toland J. Infamy. – P. 279.
[175] Ibid. – P. 764–766.
[176] Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. A Study in Appearances and Realities. – Yale University Press, 1954. – P. 235–236, 238–240 (далее: President Roosevelt and the Coming of the War 1941...).
[177] Pearl Harbor Attack. – Pt. 2. – P. 437, 555.
[178] См. Prange G. Op. cit. – P. 182–184.
[179] Toland J. Infamy. – P. 287–288.
[180] См. Feis H. Op. cit. – P. 322–324.
[181] Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 893.
[182] Bemis S. A Diplomatic History of the United States. – N.Y., 1950. – P. 869.
[183] См. Prange G. Op. cit. – P. 593; Prange G. At Dawn We Slept... – P. 396.
[184] См. Gwyer J., Butler R. Op. cit. – P. 294.
[185] Цит. по Langer W., Gleason S. Op. cit. – P. 843.
[186] Pearl Harbor Attack. – Pt. 15. – P. 2089.
[187] Togo C. Op. cit. – P. 239.
[188] См. Toland J. Infamy. – P. 281–283, 297–298.
[189] Pearl Harbor Attack. – Pt. 11. – P. 5422.
[190] Цит. по Pogue F. The Pearl Harbor Blunders // Look. – 1965. – Dec. 14. – P. 36.
[191] См. Kahn D. Op. cit. – P. 28–29.
[192] Цит. по Jones R. Most Secret War. – L., 1978. – P. 268–269.
[193] См. Layton E. Op. cit. – P. 238.
[194] См. Prange G. At Dawn We Slept... – P. 437.
[195] См. Pearl Harbor Attack. – Pt. 36. – P. 303–304; Pt. 8. – P. 3892.
[196] Ibid. – Pt. 4. – P. 1946.
[197] Удовлетворительный аналнз этих перипетий с "кодом ветров" был сделан Дж. Моргенштерном на с. 205–222 его книги. Тем, кто оспаривал существование этой телеграммы, он предлагал ответить на следующие вопросы: "Во-первых, еслн этот сигнал, означавший войну, не был передан 4 декабря, почему как японский, так н американский флот переменил позывные сигналы в этот день? Во-вторых, почему морское министерство США отдало по радио приказ изолированным постам н гарнизонам на Тихом океане уничтожить все ненужные шифры н коды нз-за опасения, что они могут быть прямо захвачены Японией? В-третьих, почему эксперт флота по делам разведкн на Дальнем Востоке был так серьезно встревожен 4 декабря, что он немедленно подготовил ясное предупреждение о войне для передачн командующим на Тихом океане? (не отослано по указанию сверху. – *Н.Я.*). Невозможно поверить, чтобы такие важные меры в различных направлениях были приняты без мотивировки. Телеграмма с "кодом ветров" н была мотивом" (Morgenstern G. Pearl Harbor. – P. 210).
[198] Pearl Harbor Attack. – Pt. 4. – P. 1968–1969.
[199] Toland J. Infamy. – P. 184–185.
[200] Morison S. The Two Ocean War. – Boston, 1963. – P. 76.
[201] The Yoshida Memoirs. – Boston, 1962. – P. 18.
[202] Butow R. Tojo and the coming of the War. – P. 361.

[203] Japan's Decision for War. Records of the 1941 Policy Conferences. – Stanford, 1967. – P. 261–262.
[204] Pearl Harbor Attack. – Pt. 12. – P. 204; Pt. 8. – P. 3440; Pt. 33. – P. 860.
[205] Ciano's Diplomatic Papers. – L., 1948. – P. 465.
[206] См. Irving D. Hitler's War. – P. 345–346.
[207] Цит. по Wohlstetter R. Op. cit. – P. 202, 271.
[208] Pearl Harbor Attack. – Pt. 35. – P. 98–99.
[209] Ibid. – Pt. 14. – P. 1371, 1374.
[210] См. Foreign Relations of the United States: Japan 1931–1941. – Vol. 2. – P. 784–786.
[211] См. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. – Т. I. – С. 661–662.
[212] См. Что произошло в Пёрл-Харборе? – С. 267–268.
[213] Там же. – С. 190.
[214] Hull C. Memoirs. – Vol. 2. – P. 1097.
[215] Цит. по Beard Ch. President Roosevelt and Coming of the War 1941. – P. 212–213.
[216] См. Toland J. The Rising Sun. – N.Y., 1970. – P. 357.
[217] Цит. по Prange G. At Dawn We Slept... – P. 550.
[218] Pearl Harbor Attack. – Pt. 6. – P. 2812.
[219] Футида М., Окумия М. Указ. соч. – С. 60.
[220] Morison S. The Lessons of Pearl Harbor // Saturday Evening Post. – 1961. – Oct. 26. – P. 27.
[221] Morison S. The Two Ocean War. – P. 48.
[222] Prange G. Op. cit. – P. 499–500.
[223] Prange G. At Dawn We Slept... – P. 549–550.
[224] Цит. по Washington Post. – 1956. – Dec. 2.

Как это объясняют в США

[1] Цит. по New York Times. – 1941. – Dec. 7.
[2] Цит. по Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – P. 211.
[3] Pearl Harbor Attack. – Pt. 7. – P. 3360.
[4] См. New York Times. – 1942. – Dec. 16.
[5] Prange G. At Dawn We Slept... – P. 593–594.
[6] Pearl Harbor Attack. – Pt. 7. – P. 3269, 3272.
[7] Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – P. 216–221.
[8] Admiral Kimmel's Story... – P. 172.
[9] См. Toland J. Infamy. – P. 39, 49, 51.
[10] См. Washington Post. – 1982. – Dec. 7, 8.
[11] Washington Post Magazine. – 1982. – Dec. 6. – P. 56.
[12] См. Newsweek. – 1986. – Febr. 3. – P. 44.
[13] U.S. News and World Report. – 1986. – Febr. – P. 7; 1987. – Sept. 28. – P. 13.
[14] Toland J. Infamy. – P. 72.
[15] См. Congressional Record. – 1944. – Aug. 21. – P. A3958.
[16] См. Toland J. Infamy. – P. 124–129.
[17] См. New York Times. – 1944. – Dec. 2.
[18] Цит. по Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – P. 304–305.
[19] Ibid. – P. 573.

20 Pearl Harbor Attack. – Pt. 39. – P. 299, 308, 317.
21 Theobald R. The Final Secret of Pearl Harbor. – N.Y., 1954. – P. 166.
22 Toland J. Infamy. – P. 55, 93.
23 Prange G. At Dawn We Slept... – P. 660.
24 Ibid. – P. 630.
25 Pearl Harbor Attack. – Pt. 2. – P. 614–615.
26 Цит. по Toland J. Infamy. – P. 245–246.
27 Morgenstern G. Op. cit. – P. 199.
28 Layton E. Op. cit. – P. 269.
29 Pearl Harbor Attack. – Pt. 8. – P. 3608–3610.
30 Ibid. – P. 210–212.
31 Wohlstetter R. Op. cit. – P. 220.
32 Beard Ch. President Roosevelt and the Coming of the War 1941. – P. 337.
33 Memoirs by Harry S. Truman. Years of Trial and Hope. – N.Y., 1965. – Vol. 2. – P. 63, 74.
34 Ranelagh J. The Agency. The Rise and Decline of the CIA. – N.Y., 1986. – P. 55.
35 Wohlstetter R. Op. cit. – P. 3, 387, 399.
36 Prange G. Op. cit. – P. 544–545.
37 U.S. News and World Report. – 1985. – Oct. 14. – P. 86.
38 The Puzzle of Pearl Harbor/Ed. by P. Burtness and W. Ober. – N.Y., 1962. – P. 235–236.
39 Pearl Harbor Attack. – Pt. 26. – P. 388.
40 Ibid. – Pt. 9. – P. 4241.
41 См. Toland J. Infamy. – P. 338, 207–208.
42 См. Beard Ch. American Foreign Policy in the Making. 1932–1940. – New Haven, 1946.
43 См. Tansill C. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933–1941. – Chi., 1952; Sanborn F. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937–1941. – N.Y., 1951; Morgenstern G. Op. cit.
44 Tugwell R. The Democratic Roosevelt. – N.Y., 1957. – P. 483–484.
45 Perpetual War for Perpetual Peace/Ed. by H. Barnes. – Caldwell Idaho, 1953 (далее: Perpetual War...).
46 Цит. по Thorne Ch. Op. cit. – P. 74–75.
47 Цит. по Prange G. Op. cit. – P. 35.
48 См. Chamberlin W. America's Second Crusade. – Chi., 1950; Neumann W. Now American Policy Toward Japan Contributed to War in the Pacific; Perpetual War...
49 Prange G. At Dawn We Slept... – P. 850.
50 Ibid. – P. 336, 457, 396–397.
51 См. Washington Post. – 1981. – Dec. 6.
52 New York Review of Books. – 1982. – May 27. – P. 39–40.

Эпилог: за чертой исторической науки

1 Цит. по Prelude to Infamy. – P. 48.
2 Reminiscences. General of the Army Douglas MacArthur. – N.Y., 1964. – P. 318.
3 Внешняя политика Советского Союза. 1949. – М., 1953. – С. 631.
4 U.S. News and World Report. – 1961. – Dec. 11. – P. 60, 64.
5 Layton E. Op. cit. – P. 220–221, 263–265.
6 Washington Post Book Review. – 1986. – Jan. 19. – P. 6.

СОДЕРЖАНИЕ

ФДР – ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК

ЗАГАДКА ПЁРЛ-ХАРБОРА

Николай Николаевич Яковлев

ФДР — ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК. ЗАГАДКА ПЁРЛ-ХАРБОРА ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *Т.Б. Романова*

Оформление художника *Б.С. Казакова*

Художественный редактор *С.С. Водчиц*

Технический редактор *Н.П. Новикова*

Корректор *А.В. Федина*

ИБ № 1448

Сдано в набор 10.03.88. Подписано в печать 4.08.88. А 04672.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура "Пресс-роман". Печать высокая. Усл.печ.л. 39,90.
Усл.-кр.отт. 41,37. Уч.-изд.л. 47,76. Тираж 110 000 экз. Заказ № 1221.
Цена 3 руб. 30 коп. Изд. № 44-и/87.

Издательство "Международные отношения".
107078. Москва, Садовая-Спасская, 20

Отпечатано с готового оригинала-макета на Ярославском полиграфкомбинате В/О "Союзполиграфпром" при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

150014, Ярославль, ул. Свободы, 97